

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

АПРѢЛЬ.

1888 годъ.

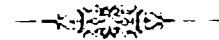
СОДЕРЖАНІЕ.

I. Разказы Прасковьи Егоровны Аменшовой, рожденной Гебл. Главы XI—XV	1	IX. Вильгельм I, императоръ германскій, въ бытность его принцемъ прусскимъ въ 1821—1833 гг. Сообщ. Н. К. Швальбергъ	187
II. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Сообщ. В. Н. Шенрокъ	31	X. Леонидъ Львовичъ Леонидовъ: Воспоминанія его за полсотню лѣтъ назадъ, 1835—1843. — 2 Къ юбилею его полувѣковой артистической дѣятельн., 1838—1858. Очерки П. П. Каратыгина и Рел.	217
III. Иванъ Терентьевичъ Осминин. Очеркъ его дѣятельности. (Оконч.).	73	XI. Историческіе документы, матеріалы и стихотворенія: По поводу 900-тъ-лѣтія крещенія Руси (203). — Прп. Марія Θεодорова (205). — Къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи (277). — Ф. Г. Солнцевъ, 24-го февр. 1888 г. (207). — 51-я годовщина основанія Дворянскаго полка (273). — Стихотв. П. А. Кускова (202).	
IV. Императоръ Александръ Николаевичъ на заграничныхъ охотахъ (съ 1849 по 1876 г.). Очерки охотника-очевидца. Сообщ. А. Н. Мухомоловъ	103	XII. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Къ полувѣковому юбилею его литературно-поэтической дѣятельности, 1838—1888 гг.	281
V. Дмитрій Ивановичъ Икшеничъ, основатель и первый президентъ «Одесскаго общества исторіи и археологіи»	125	XIII. Библиографическій листокъ.	
VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг.	143		
VII. Николай Ивановичъ Костомаровъ, къ третьей годовщинѣ дни его кончины, 1885 (6 апрѣля) 1888. Сообщ. А. Ф. Селивановъ	163		
VIII. Софья Шарковна Макарова, 1834—1887. Очеркъ ея жизни и литературно-педагогической дѣятельности. Очеркъ Д. Д. Семенова.	169		

ПРЕЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ артиста императорскихъ театровъ Леонидъ Львовича Леонидова, гравир. художн. В. В. Мате. — II. Портретъ писателя-педагога Софьи Шарковны Макаровой, гравир. художн. Н. П. Матушинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1888 г.

Василій Пвановичъ Водовозовъ.—
Біографическій очеркъ В. И. Со-
мевскаго, съ портретомъ В. И. Водо-
возова. Сиб., въ 8 д., стр. 169+X. Цѣна
50 копѣекъ.

Многочисленные ученики и ученицы
В. И. Водовозова и всѣ, кто интересуется
постановкою и развитіемъ какъ народной
школы, такъ и вообще вопросовъ, съ дѣ-
ломъ образованія въ нашей 'отечества'
оединенныхъ, за время его возрожденія—
съ 1856-го года, преимущественно въ пе-
риодъ реформъ Государя-Освободителя,—
конечно съ большимъ интересомъ и удо-
вольствіемъ прочтутъ монографію В. И.
Сомевскаго. — Это пересмотрѣнное имъ
отдѣльное изданіе такъ статей о В. И.
Водовозовѣ, которыя были напечатаны въ
„Вѣстникъ Европы“ 1887-го года. — Авторъ
воспользовался выскою бумагою, оставшихся
послѣ смерти знаменитаго педагога-пи-
сателя, и превосходно оживилъ своей очеркъ
личными воспоминаніями объ этомъ на-
доемтвѣйшемъ русскомъ дѣятелѣ, съ ко-
торымъ въ теченіе двадцати лѣтъ былъ
связанъ узамъ тѣсной дружбы. Прило-
женіемъ къ книгѣ портретъ превосходно
передаетъ высокосимпатичныя черты Ва-
силья Ивановича Водовозова, столь па-
мятнаго всѣмъ, кто только имѣлъ истинное
удовольствіе быть знакомымъ съ этимъ
замѣчательно умнымъ, многосторонне обра-
зованнымъ и необыкновенно добродушнымъ
человѣкомъ. Къ книгѣ приложенъ обстоя-
тельный списокъ печатныхъ сочиненій и
переводовъ Водовозова. Изъ этого списка
видно, что покойному трудолюбивому пи-
сателю-педагогу принадлежитъ сто двад-
цать шесть сочиненій, изъ которыхъ
нѣкоторыя оегалялись объеинистыя книги,
напр. превосходный трудъ: „Очерки изъ
Русской Исторіи XVIII в.“, Сиб., 1882 г.,
548 страницъ. Иныя его книги выдержали
много изданій и разошлись въ десяткахъ
тысячахъ экземпляровъ по всему лицу
земли Русской, таковы напр. „Разказы
изъ Русской Исторіи“, Сиб., 1861 г.,
семь изданій; — „Книга для первоначальнаго
чтенія въ народныхъ школахъ“, съ 1871-го
по 1887-й годъ выдержала всема двадцать
изданій (болѣе 700,000 экзмпл.).

М.

Переводы въ стихахъ и ориги-
нальныхъ стихотвореній В. И. Во-
дозова. Сиб., 1888 г., 512 стр.
Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ собрано все, если не
считать стихотвореній для дѣтей, поэти-
ческое наследство, оставленное В. И. Во-
дозовымъ, съ симпатическою личностію
котораго читатели „Русской Старинѣ“ зна-
комы изъ интересныхъ воспоминаній В. Р.
Щиглева и г-жи Титовой. Здѣсь мы нахо-
димъ полные, весьма точные и вѣстѣ съ
тѣмъ талантливые переводы такихъ круп-
ныхъ классическихъ произведеній все-
мірной литературы, какъ драмы Софокла
„Эдипъ въ Колонѣ“ и „Антигона“, Еври-
пида „Ионія въ Авлидѣ“, Гете „Венерія
въ Тавридѣ“, а также переводъ всей „Гер-
маніи“ Гейне. Брошя того здѣсь помѣщены
переводы трехъ стихотвореній Саеа (въ
томъ числѣ знаменитый, прееосходно пе-
реданный, „Гимнъ Аеродитѣ“), 43 пѣсень
Анакреона (почти всѣ они впервые по-
являются въ печати), трехъ одъ Пиндара,
11 стихотвореній Катулла (впервые на-
печатаны), четырехъ одъ Горация (изъ
нихъ двѣ прежде не были въ печати), на-
чала мистеріа Байрона „Камилъ“, одного
стихотворенія Беранже и 26 стихотвореній
Гейне (большинство граціозныхъ перево-
довъ этого послѣдняго были напечатаны
по смерти переводчика въ „Русской Ста-
ринѣ“ и читатели нашего журнала могли
оцѣнить ихъ достоинство). Книга заканчи-
вается 24-ми оригинальными посмертными
стихотвореніями, изъ которыхъ боль-
шинство положительно прекрасны. Нельзя
не пожалеть, что, при нашествіи другихъ
занятій, В. И. Водовозовъ могъ удалитъ
такъ мало времени поэтическому твор-
честву. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что
эта книга встрѣтитъ радушій пріемъ въ
публикѣ, — она необходима дома и въ би-
бліотекахъ среднихъ учебныхъ заведеній,
такъ какъ талантливый переводчикъ, при
всемъ своемъ восочувствіи къ классической
системѣ образованія, отдалаъ гораздо
болѣе для ознакомленія русскихъ читателей
съ литературамъ древнеклассическаго міра,
чѣмъ большинство усердныхъ защитниковъ
этой системы.

С.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1888 г.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ИЮНЬ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1888.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

РАЗСКАЗЫ ПРАСКОВЬИ ЕГОРОВНЫ АННЕНКОВОЙ

рожденной Гебль.

XI ¹⁾.

По мѣрѣ того какъ я удалялась отъ Москвы, мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе; въ эту минуту чувство матери заглушало всѣ другія, и слезы душили меня при мысли о ребенкѣ, котораго я повѣдала.

Меня провожали два человѣка, выбранные мною еще заранѣе изъ многочисленной дворни Анны Ивановны. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ Степанъ, который сопровождалъ меня всюду и котораго я очень любила, тѣмъ болѣе, что онъ служилъ мнѣ переводчикомъ; другой—Андрей, котораго мнѣ почти насильно навязали. Не смотря на то, что этотъ Андрей старался мнѣ угодить всѣмъ и прислуживалъ съ большою предупредительностію, я ему не довѣряла, но принуждена была, однако-жь, взять его съ собою, такъ какъ третій, Михайла, который сначала было согласился сопровождать меня, потомъ отказался, а Андрей самъ предлагалъ услуги свои и кормилица дѣвочки моей за него очень ходатайствовала.

Подорожную, за которую я заплатила 400 рублей 80 коп. (конечно ассигнаціи), выдали мнѣ въ Москвѣ только до Иркутска, такъ что мнѣ не было извѣстно—куда далѣе я должна буду ѣхать, и только въ Иркутскѣ узнала я, что именно—въ Читу.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 169—198; февраль, стр. 433—456; мартъ, стр. 567—604.

До Казани добралась я съ трудомъ, потому что, не имѣя понятія о зимнихъ дорогахъ, не умѣла выбрать экипажа, а купленный мною въ Москвѣ оказался слишкомъ тяжелъ.

Въ Казани на мое счастье были двѣ тетки Ивана Александровича, у которыхъ я и остановилась. Онѣ приняли во мнѣ большое участіе и помогли заготовиться теплымъ платьемъ на дорогу, а также вымѣнять мой тяжелый воевъ на двѣ вупеческихъ повозки, крытыя рогожами. Эти экипажи были такъ легки и такъ прочны, что нисколько насъ не задерживали, лошади точно летѣли. Правда, что и дороги были неподобныя; наконецъ, моею быстрой ѣздѣ много способствовалъ бланкъ, выданный Давыдовымъ, начальникомъ всѣхъ сибирскихъ почтъ, по просьбѣ одной изъ почтенныхъ тетюшекъ Анненкова въ Казани.

Изъ этого города выѣхала я 4 января 1828 г., въ 12 часовъ ночи, и была въ Перми 6-го. Вездѣ, гдѣ я ни появлялась, всѣ изумлялись—съ какою быстротою я ѣхала. Мнѣ самой непонятно теперь, какъ могла я выносить такую быструю ѣзду, при такомъ ужасномъ холодѣ, какой былъ въ ту зиму.

Изъ Москвы до Иркутска я доѣхала въ 18 дней и потомъ узнала, что такъ ѣздить только фельдъегеря. За то, однажды меня едва не убили лошади, а въ другой разъ я чуть-чуть не отморозила себѣ все лицо, и если бы на станціи не помогла мнѣ дочь смотрителя, то я навѣрное не была бы въ состояніи продолжать путь. Эта дѣвушка не дала мнѣ войти въ комнату, вытолкнула на улицу, потомъ побѣжала, принесла снѣгу въ тарелкѣ и заставила тереть лицо, тутъ я только догадалась—въ чемъ дѣло.

Въ этотъ день было 37° мороза, люди тоже оттирали себѣ лица и оконечности, и мы мчались снова.

Выѣжая изъ Перми, я замѣтила, что намъ положили какихъ-то необыкновенно маленькихъ лошадей (башкирскихъ), но такихъ бойкихъ, что онѣ не стояли на мѣстѣ. Между тѣмъ повозку мою тщательно закупирили отъ холода и крѣпко застегнули фартукъ. Степанъ сидѣлъ на возлахъ, Андрей ѣхалъ въ другой повозкѣ, ямщикъ былъ молодой мальчикъ; я стала наблюдать, что онъ все грѣетъ себѣ руки, заложивъ возжи подъ себя. Вдругъ лошади, почувя, что ямщикъ распустилъ возжи, помчались съ необыкновенною силою, мигомъ сбросивъ ямщика и

человѣка съ козель. Постромки у пристяжныхъ оборвались и осталась одна коренная, которая, спускаясь съ пригорка, упала, повозка полетѣла вмѣстѣ съ нею и опрокинулась; тогда всѣ чемоданы, уложенные въ повозкѣ, свалились на меня. Со мной была неизмѣнная моя собака (Комъ), она страшно выла, и я начинала буквально задыхаться, когда слышала шаги около повозки и увидала человѣка; тогда я стала просить помочь мнѣ поскорѣе; человѣкъ этотъ, вѣроятно, былъ очень силенъ, потому что не затруднился поднять повозку и поставилъ ее на полозья. Я увидѣла предъ собой башкирца, который ни слова не говорилъ по русски; мы смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ. Я второпяхъ, не подумавъ о томъ, что дѣлаю, движимаая чувствомъ признательности къ человѣку, спасшему мнѣ жизнь, вынула свой портфель, довольно туго набитый, и подала ему 25-рублевую ассигнацію; но, оглянувшись, спохватилась, что мы были съ нимъ одни съ глазу на глазъ въ дремучемъ лѣсу; воздухъ былъ такъ густъ, что кругомъ ничего не было видно; такъ мы простояли цѣлый часъ съ моимъ спасителемъ. Онъ ѣхалъ съ возомъ соломы, когда увидалъ меня въ опасности и подошлъ на помощь. Черезъ часъ я слышала какой-то непонятный для меня въ то время шумъ, но впоследствии слишкомъ знакомый. Шумъ этотъ происходилъ отъ оковъ, въ которыхъ подвигалась цѣлая партія закованныхъ людей,—иные были даже прикованы къ желѣзной палкѣ. Видъ этихъ несчастныхъ былъ ужасенъ. Чтобы сохранить лица отъ мороза, на нихъ висѣли какія-то грязныя тряпки, съ прорѣзанными дырочками для глазъ.

Наконецъ, я увидѣла и моихъ людей; другую повозку лошади тоже понесли, ямщикъ, какъ и мой, тоже свалился съ козель, а лошади примчались на слѣдующую станцію, съ которой уже люди возвращались, разыскивая меня. Станція находилась въ трехъ верстахъ; мы скоро добрались до нея, отдохнули и, оправившись отъ испуга, продолжали путь.

Совершивъ переѣздъ чрезъ Уральскій хребетъ, мы достигли Екатеринбургa. Здѣсь люди мои потребовали остановки, чтобы отдохнуть, въ чемъ по справедливости я не могла имъ отказать, и въ чемъ сама также очень нуждалась.

Недалеко отъ Екатеринбургa насъ чуть-чуть не остановили

какіе-то люди, вѣроятно, не съ добрымъ намѣреніемъ; изъ лѣсу выѣхало человѣкъ пять или шесть верхомъ и закричали на насъ „стой!“ Но ямщики наши не оробѣли, погнали лошадей съ крикомъ и свистомъ, отвѣчая, что ѣдутъ не купцы, и мы ускакали.

Въ Барабинской степи, чтобы какъ нибудь заставить меня выйти изъ экипажа, Степанъ на одной изъ станцій убѣждалъ меня зайти посмотрѣть на красавицу. А такъ какъ я часто высказывала, что въ Россіи мало красивыхъ женщинъ, то Степанъ дѣйствительно подстрекнулъ мое любопытство.

Я зашла въ комнату и была поражена, увидѣвъ дѣвушку лѣтъ 18-ти, которая сидѣла за занавѣскою и пряла. Это была раскольница, и замѣчательно красивая.

Въ Томскѣ пріѣхали мы въ воскресенье рано утромъ и остановились на день. Я воспользовалась остановкою, чтобы сходить къ обѣднѣ и встрѣтила въ церкви двухъ сенаторовъ: Безроднаго и кн. Куракина, которые производили тогда въ Сибири ревизію.

Между Томскомъ и Красноярскомъ на одной изъ станцій я встрѣтила молодого человѣка съ фельдъегеремъ. Это былъ Корниловичъ, отправленный сначала вмѣстѣ съ другими въ Читинскій острогъ. Теперь фельдъегерь, который годъ спустя послѣ того, какъ были отправлены всѣ декабристы въ Сибирь, привезъ Вадковскаго въ Читку, везъ обратно Корниловича въ Петропавловскую крѣпость, дакъ я узнала потомъ. Позднѣе изъ Петропавловской крѣпости Корниловичъ былъ отправленъ на службу на Кавказъ, гдѣ вскорѣ скончался ¹⁾. Фельдъегерь, везшій Корниловича, былъ гораздо человѣчнѣе, чѣмъ тотъ, который везъ Ивана Александровича Анненкова съ товарищами, такъ что при встрѣчѣ со мною Корниловичъ былъ безъ оковъ, о чемъ впрочемъ онъ очень просилъ меня не говорить коменданту Читы Лепарскому.

Въ Красноярскѣ Степанъ и Андрей доказывали мнѣ, что

---

¹⁾ А. О. Корниловичъ, офицеръ генеральнаго штаба, человѣкъ весьма образованный, писатель, былъ составителемъ перваго по времени историческаго сборника, подъ заглавіемъ: «Русская Старина», С.-Петербургъ, 1826 г., два изданія.

необходимо починить полозья у экипажей, но я болѣе не хотѣла останавливаться и, не смотря на ихъ увѣренія, что полозья не дойдутъ до Иркутска, доѣхала благополучно.

Вопреки увѣреніямъ Александра Дюма, который въ своемъ романѣ: „Mémoires d'un maître d'Arme“, говоритъ, что цѣлая стая волковъ сопровождала меня всю дорогу, я видѣла во все время моего пути въ Сибирь только одного волка, и тотъ удалился, поджавши хвостъ, когда ямщики начали кричать и хлопать влутами.

Проѣзжая чрезъ Сибирь, я была удивлена и поражена на каждомъ шагу тѣмъ радушіемъ и гостепріимствомъ, которыя встрѣчала вездѣ. Была я поражена и тѣмъ богатствомъ и обиліемъ, съ которыми живетъ народъ и понынѣ (1861 г.), но тогда еще болѣе было приволья всѣмъ. Особенно гостепріимство было сильно развито въ Сибири. Вездѣ насъ принимали, какъ будто бы мы проѣзжали чрезъ родственныя страны; вездѣ кормили людей моихъ отлично, и когда я спрашивала — сколько должна за нихъ заплатить, ничего не хотѣли брать, говоря:

— „Только Богу на свѣчку пожалуйста“.

Такое безкорыстіе изумляло меня, но оно происходило не отъ одного радушія, а также и отъ избытка во всемъ.

Сибирь чрезвычайно богатая страна, земля необыкновенно плодородна и немного надо приложить труда, чтобы получить обильную жатву.

Въ Каинскѣ мнѣ разсказалъ почтмейстеръ, какъ княгиня Трубедкая, рожденная графиня Лаваль, проѣзжая лѣтомъ, должна была бросить въ этомъ городѣ карету свою, которая сломалась дорогой и не кому было починить ее. Такимъ образомъ, эта женщина, воспитанная въ роскоши, выросшая въ высшемъ кругу, изнѣженная съ дѣтства, проскакала 1750 верстъ въ сквернѣйшей телѣжкѣ, потому что въ Каинскѣ, кромѣ перекладной, она ничего не могла достать; а кто не знаетъ что такое перекладная!

Около Красноярска я съѣхалась на одной изъ станцій съ губернаторомъ Енисейской губерніи.

Подстрекаемый любопытствомъ, прочитавъ мою иностранную фамилію, и предполагая, что я ѣду къ кому нибудь гувернанткою, онъ подошелъ ко мнѣ и, очень извиняясь, что обращается съ разспросами, сознался, что не можетъ устоять противъ желанія

узнать какимъ образомъ, не говоря по русски, я рѣшилась ѣхать такъ далеко; но когда я ему объяснила куда именно я ѣду, то онъ съ большимъ участіемъ отнесся ко мнѣ и просилъ поклониться всѣмъ осужденнымъ, особенно барону Владиміру Ивановичу Штейнгейлю и братьямъ Николаю и Михаилу Александровичамъ Бестужевымъ.

Немного далѣе я встрѣтила одного молодаго человѣка, который, узнавъ о цѣли моей поѣздки, прослезился, говоря, что у него много тамъ товарищей, что онъ тоже участвовалъ въ обществѣ, но сосланъ въ Сибирь на службу. Сожалѣю, что я забыла его фамилію.

Наконецъ, достигла я Иркутска, къ величайшей радости моихъ людей, которые очень утомились дорогой, а главное—страдали отъ морозовъ.

XII.

Когда губернаторъ иркутскій Цейдлеръ прочелъ мою подорожную, то не хотѣлъ вѣрить, чтобы я, женщина, могла проѣхать отъ Москвы до Иркутска въ восемнадцать дней, и когда я явилась къ нему на другой день моего пріѣзда въ 12 часовъ, онъ спросилъ меня—не ошиблись-ли въ Москвѣ числомъ на подорожной, такъ какъ я пріѣхала даже скорѣе, чѣмъ ѣздить обыкновенно фельдъегера.

Просмотрѣвъ всѣ мои бумаги, которыя я должна была ему показать, а также и письма, Цейдлеръ объявилъ мнѣ, что письма долженъ оставить у себя.

Мы сидѣли въ его кабинетѣ, гдѣ въ это время топился каминъ; между разными незначительными письмами были тѣ два, которыя я получила отъ великаго князя Михаила Павловича. Прежде чѣмъ Цейдлеръ успѣлъ ихъ прочитать, я поспѣшно взяла всѣ эти письма съ его стола, и со словами:

— „Si je ne puis les garder, alors permettez moi de les bruler“, также поспѣшно бросила ихъ въ каминъ.

Цейдлеръ такъ былъ озадаченъ моимъ поступкомъ, что только могъ выговорить:

— „Comme vous-êtes vive, madame“.

Такимъ образомъ, я должна была разстаться съ письмами великаго князя Михаила Павловича, которыя мнѣ, понятно, очень хотѣлось сохранить.

Въ Иркутскѣ остановилась я въ семействѣ купца Наквасина, въ которому имѣла изъ Москвы письмо. Едва-ли на всемъ земномъ шарѣ найдется другая страна, какъ Сибирь, по своему гостепріимству!

Наквасины приняли меня какъ самую близкую родственницу, съ полнѣйшимъ радушіемъ; овружили такимъ вниманіемъ, заботами, что я со слезами благодарности вспоминаю всегда то время, которое провела въ ихъ семьѣ и которое было для меня очень тягостно, такъ какъ губернаторъ, подъ разными предлогами, задерживалъ меня очень долго въ Иркутскѣ, не смотря на то, что всѣ бумаги изъ Петербурга были имъ получены. Сначала онъ отзывался тѣмъ, что генераль-губернаторъ Лавинскій былъ въ отсутствіи, но потомъ я убѣдилась, что это была одна придирка, такъ какъ онъ отпустилъ меня все-таки ранѣе, чѣмъ вернулся Лавинскій. Настоящей причины—почему меня задерживали—я понять никакъ не могла, но позднѣе узнала, что изъ Петербурга было слѣдано распоряженіе, чтобы насъ, всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за осужденными, старались бы задерживать и уговаривать не ѣздить далѣе Иркутска, и убѣждать вернуться назадъ. Но, однако-жъ, не смотря на всѣ старанія начальства, ни одна изъ насъ не отступила отъ исполненія своего долга. Одно осталось для меня загадкою, почему Александру Ивановну Давыдову, которая прибыла при мнѣ въ Иркутскъ, отпустили ранѣе меня, тогда какъ меня, не смотря на всѣ мои просьбы и мольбы, продержали очень долго.

Однажды вечеромъ, когда я сидѣла у губернатора, принесли при мнѣ письма; отъ меня не ускользнуло, что одинъ конвертъ, довольно толстый, былъ изъ Франціи. Прочитавъ издали на немъ свое имя, я взяла его, хотя это было довольно безцеремонно съ моей стороны. Губернаторъ замѣтилъ тогда, что обязанъ просматривать письма наши, прежде чѣмъ передать намъ ихъ, но все-таки взятый мною конвертъ оставилъ у меня въ рукахъ; распечатавъ его, я нашла нѣсколько писемъ моей матери. Одно изъ нихъ было отвѣтомъ на мою просьбу.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я писала ей и просила

сходить къ m-lle Le Nogmand, тогда извѣстной гадалщицѣ, и спросить ее о моей участи.

Мать писала, что исполнила мое желаніе и что m-lle Lepogmand удивила ее, во первыхъ, тѣмъ, что сказала прямо, что она спрашиваетъ ее о своей дочери, которая очень далеко и которой судьба очень странная; что много придется ей испытать, много пережить, что предстоитъ ей опасность, которая однако-жъ, минуеть.

Дѣйствительно, вскорѣ по приѣздѣ въ Читу, меня чуть не убили, и мнѣ кажется, что объ этомъ именно и говорила Lepogmand.

Но самое интересное въ предсказаніи Lepogmand было то, что она говорила матери, что послѣ долгихъ испытаній, когда мужу моему будетъ отъ 50 до 60 лѣтъ, онъ получитъ то, что потерялъ, хотя не все. Ивану Александровичу Анненкову было 55 лѣтъ, когда онъ вернулся въ Россію, и родственники возвратили ему довольно значительную часть изъ его состоянія.

Время между тѣмъ шло своимъ обычнымъ теченіемъ, а губернаторъ Цейдлеръ не трогался моими мольбами.

Наступила масляница; я все время жила у Нахвасиныхъ. Они, видя мое горе о томъ, что не пускаютъ меня ѣхать далѣе, всячески старались развлекать меня, катали каждый день по Иркутску въ великолѣпныхъ саняхъ, съ великолѣпною упряжью и такими же лошадьми; угощали всѣмъ, что только можно было найти въ Иркутскѣ. Вообще они жили очень богато, наряжались страшно, выписывая всѣ наряды изъ Москвы, и любили похвалиться своимъ богатствомъ; но роскошь ихъ была только наружная, и ограничивалась парадными комнатами, а вообще они жили очень грязно; что видалось мнѣ болѣе всего въ глаза, это столовое бѣлье, которое было очень грубое, очень рѣдко мѣнялось и совершенно не отвѣчало, какъ и вся вообще сервировка стола, очень вкуснымъ и великолѣпнымъ обѣдамъ.

Мнѣ весьма хотѣлось имъ высказать, что при ихъ богатствѣ слѣдовало бы прежде всего обратить вниманіе на бѣлье, но, почти не говоря еще ни слова по русски, я не знала какъ выразить то, что желала имъ сказать, а они часто повторяли, что они богаты и это слово я уже твердо знала.

Однажды, когда было человѣкъ до сорока гостей и обѣдъ былъ

дѣйствительно на славу, я не воздержалась отъ потребности высказаться, и на разспросы хозяйки нравится ли мнѣ ихъ обѣдъ, отвѣчала, взявъ скатерть въ руки:

— „Богатъ, богатъ, а это—свинья“.

Потомъ испугавшись, что я обидѣла людей, которые меня такъ ласкали, и совершенно не желая этого сдѣлать, я горько заплакала. Наквасины поняли мою мысль, но выходка моя ихъ насмѣшила, и они были такъ деликатны, что, нисколько не обижаясь на мои слова, старались меня-же утѣшить.

Девять лѣтъ спустя, когда изъ Петровскаго завода насъ перевели на поселеніе и мы остановились проѣздомъ въ Иркутскѣ, Наквасины пригласили меня со всей моей семьей обѣдать. Они были совсѣмъ уже другіе люди, говорили по французски, а я уже по русски могла выражаться, и они высказали, что обязаны ни кому другому, какъ мнѣ своей цивилизаціей, что со времени моего пребыванія въ ихъ домѣ имъ многое сдѣлалось понятнымъ, и съ гордостію показывали мнѣ свое бѣлье, которое, дѣйствительно, было превосходное: все изъ лучшаго батиста и полотна.

Наконецъ, Цейдлеръ рѣшился выпустить меня изъ Иркутска: 28-го февраля 1828 года я получила бумаги, безъ которыхъ выѣхать не могла.

Конечно, послѣ этого я стала немедленно собираться въ дорогу. Тогда только мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что я должна ѣхать въ Читу.

Наквасины предупредили меня, что тамъ ничего нельзя будетъ достать. Тогда я закупила въ Иркутскѣ всякой провизіи, посуды, однимъ словомъ, что только могла взять съ собою, особенно старалась захватить вина побольше, зная насколько пребываніе въ крѣпости до отсылки въ Сибирь изнурило всѣхъ и разстроило здоровье какъ Ивана Александровича Анненкова, такъ и другихъ.

Людей, которые провожали меня, я не имѣла права вести далѣе. Изъ Петербурга было распоряженіе оставлять ихъ въ Иркутскѣ или отправлять обратно. Но Андрей бросился къ моимъ ногамъ, со слезами просилъ взять его съ собою и увѣрялъ, что онъ желаетъ видѣть своего барина и служить ему. Я поддалась

его увѣреніемъ, хотя не любила его и знала нѣкоторыя его прѣдѣлки еще въ домѣ Анны Ивановны Анненковой, которыя мнѣ очень не нравились; но онъ такъ упрасивалъ меня, что я, наконецъ, уступила просьбамъ и рѣшилась оставить при себѣ, а Степана отправила обратно въ Москву.

XIII.

Выѣхала я изъ Иркутска 29-го февраля 1828 года, довольно поздно вечеромъ, чтобъ на разсвѣтѣ переѣхать чрезъ Байкаль. Наквасины выѣхали далеко за городъ проводить меня.

Губернаторъ заранѣе предупреждалъ, что передъ отъѣздомъ вещи мои будутъ всѣ осматривать, и когда узналъ, что со мною есть ружье, то совѣтовалъ его запрятать подальше, но главное, со мною было довольно много денегъ, о которыхъ я, понятно, молчала; тогда мнѣ пришло въ голову зашить деньги въ черную тафту и спрятать въ волосы, чему весьма способствовали тогдашнія прически; часы и цѣпочку я положила за образа, такъ что, когда явились три чиновника, всѣ въ крестахъ, осматривать мои вещи, то они ничего не нашли.

Къ Байкалу подъѣзжаютъ по берегу рѣки Ангара. Эта замѣчательная рѣка по своему необыкновенно быстрому теченію, вслѣдствіе чего она зимой не замерзаетъ, по крайней мѣрѣ до января мѣсяца. Около Иркутска Ангара очень широка, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ она вытекаетъ изъ Байкала, она течетъ очень узко, между двухъ крутыхъ береговъ. Все это было для меня такъ ново, такъ необыкновенно, что я забывала совершенно всѣ неудобства зимняго путешествія и съ нетерпѣніемъ ожидала увидать Байкаль, это святое море, которое, наконецъ, открылось передъ нами, представляя необыкновенно величественную картину, несмотря на то, что все было покрыто льдомъ и снѣгами. Признаюсь, что я съ не совсѣмъ покойнымъ чувствомъ ожидала переѣзда черезъ грозное озеро, такъ какъ мнѣ объяснили, что на льду образуются часто трещины очень широкія и хотя лошади приучены ихъ перескакивать и ямщики запасаются досками, изъ которыхъ устраиваютъ что-то въ родѣ мостика

черезъ трещину, но всетаки переѣзды эти сопряжены съ большою опасностію.

На мое счастье мы не встрѣтили ни одной трещины и переѣхали Байкаль съ невѣроятною быстротою и остановились отдохнуть въ Посольскѣ, гдѣ находится монастырь.

Въ Верхне - Удинскѣ меня задержали, не смотря на то, что я привезла письмо къ казачьему атаману отъ Цейдлера; но утромъ проѣхалъ генераль-губернаторъ иркутскій Лавинскій и забралъ всѣхъ лошадей, такъ что мнѣ пришлось прождать весь день, что меня очень огорчило.

Тутъ я провела нѣсколько очень пріятныхъ часовъ въ семействѣ Александра Николаевича Муравьева, который былъ сосланъ на службу въ Сибирь, а впоследствии, въ началѣ 1860 годовъ, былъ губернаторомъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Отъ Верхне-Удинска до Читы 700 верстъ. Я съ трудомъ подвигалась даже въ своихъ легкихъ повозкахъ, такъ какъ снѣгу было очень мало и мы ѣхали буквально по мерзлой землѣ.

Въ Восточной Сибири никогда не бываетъ глубокихъ снѣговъ, тогда какъ въ Западной, напротивъ, выпадаетъ очень много снѣгу.

На всемъ протяженіи отъ Верхне-Удинска до Читы, въ то время какъ я ѣхала, почти не было никакого населенія. Я встрѣтила только три деревни, остальные станціи состояли изъ бурятскихъ юртъ и станціоннаго дома. Буряты вообще я встрѣчала очень много по дорогѣ; они или перекочевывали съ ихъ многочисленными табунами, состоявшими изъ коровъ, лошадей и преимущественно барановъ, которыми они и питаются, или, раскинувъ свои юрты, отдыхали. Изъ этихъ юртъ постоянно показывались совершенно голые ребятишки, не смотря на сильнѣйшій морозъ; нерѣдко показывались съ кускомъ бараньяго сала въ рукахъ, который они съ наслажденіемъ сосали. Я съ любопытствомъ смотрѣла на этихъ дикарей самаго кроткаго, миролюбиваго нрава. Мѣстами, гдѣ по дорогѣ не было совершенно снѣгу и лошади не въ силахъ были стащить экипажи мои, нагруженные множествомъ разныхъ вещей, буряты являлись намъ на помощь съ ихъ лошадьми и ничего не хотѣли брать за оказанныя услуги.

Если ихъ ребятишки были совершенно голые, то женщины по костюму нисколько не отличались отъ мужчинъ; они всѣ

носили платье одного покроя, шитое изъ овчинъ, и только волосы у женщинъ были заплетены въ мелкія косички, украшенныя коралами, называемыми ими—моржанами.

Когда мы подъѣхали къ Яблонову хребту, была совершенная ночь и ямщики отказывались продолжать путь. Но вѣрное мое средство—на водку—помогло и здѣсь. Мы тронулись, но съ большимъ трудомъ стали подыматься въ гору, которая была страшной высоты. Далѣе мнѣ объявили, что на полозьяхъ ѣхать невозможно и я вынуждена была остановиться, чтобъ поставить экипажи мои на колеса.

Въ то время, какъ я взошла на станцію, въ комнатѣ было совершенно темно, такъ что трудно было различить что-нибудь, но мнѣ показалось, что тутъ кто-то былъ до меня, и при моемъ появленіи исчезъ за перегородку, затворивъ дверь и задвинувъ задвижку. Это меня такъ напугало, что я не могла заснуть, приказала Андрею достать свѣчи, которыя были съ нами, и просидѣла всю ночь на лавочкѣ, прислонившись къ стѣнѣ. Когда начало свѣтать, я позвала Андрея и велѣла подать чай. Тогда изъ-за перегородки вышелъ ко мнѣ молодой человекъ, наружность котораго и костюмъ поразили меня. Высокаго роста, стройный, очень красивый, онъ мнѣ вѣжливо и чрезвычайно ловко поклонился, хотя совсѣмъ не по европейски. Лицо его, хотя совершенно азіатское, выражало очень много кротости; одѣтъ онъ былъ очень изящно и чрезвычайно богато; на немъ былъ халатъ азіатскаго покроя изъ голубой камфы, затканной шелкомъ съ серебромъ и обшитый бобровымъ мѣхомъ. Голова была обрита кругомъ и коса, какъ носятъ китайцы. Въ рукахъ бурятская шапка, тоже обшитая великолѣпнымъ бобромъ. Это былъ тайша, бурятскій князь, начальникъ этихъ инородцевъ.

Я предложила ему выпить со мною чаю, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе; но едва dokonчилъ чашку, какъ вышелъ изъ комнаты поспѣшно, даже не поклонившись мнѣ. Въ окно я видѣла, какъ ему подали повозку съ тройкою самыхъ бойкихъ и необыкновенно красивыхъ лошадей. Онъ только успѣлъ сѣсть, какъ лошади помчались съ быстротою молніи. Не прошло и полъ-часа, какъ онъ уже вернулся съ толмачемъ своимъ (переводчикомъ), чрезъ котораго разспрашивалъ меня: кто я такая, куда ѣду, зачѣмъ, и когда чело-

вѣкъ мой удовлетворилъ его любопытство и сказалъ, что я ѣду къ Анненкову, который въ Читинскомъ острогѣ, онъ былъ крайне удивленъ, очень задумался, потомъ просилъ передать, что глубоко уважаетъ меня и желаетъ мнѣ всѣхъ благъ. Мы разстались. Я сѣла въ одну изъ повозокъ, а другую, такъ какъ она еще не была готова, оставила съ казакомъ и кухаркою, которую везла изъ Иркутска.

До Читы оставалась только одна станція, и сердце во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе билось по мѣрѣ того, какъ я приближалась къ цѣли моего путешествія.

XIV.

Чита стоитъ на горѣ, такъ что я увидѣла ее издалека, къ тому же бурятъ, который везъ меня, показалъ мнѣ пальцемъ, какъ только Чита открылась нашимъ глазамъ. Это смѣтливые люди: они уже успѣли приглядѣться къ нашимъ дамамъ, которые туда ѣхали, одна за другою.

Чита, нынѣ (1861 г.) уѣздный городъ; тогда это была маленькая деревня, состоявшая изъ 18-ти только домовъ. Тутъ былъ какой-то старый острогъ, куда первоначально и помѣстили декабристовъ.

Мы переѣхали маленькую рѣчку и вѣхали въ улицу, въ концѣ которой и стоялъ этотъ острогъ.

Недалеко отъ острога былъ домъ съ балкономъ, а на балконѣ стояла дама. Замѣтя повозку мою, она стала подавать знаки, чтобы я остановилась, и стала настаивать, чтобы я зашла къ ней, говоря, что квартира, которую для меня приготовили, еще далеко, и что тамъ можетъ быть холодно.

Я приняла приглашеніе и, такимъ образомъ, познакомилась съ Александрю Григорьевною Муравьевою; это была чрезвычайно милая женщина, молодая, красивая, симпатичная, но ужасно раздражительная. Пылкая отъ природы, воспріимчивая, она слишкомъ все принимала къ сердцу и съ трудомъ выносила и свое, и общее положеніе, и скоро сошла въ могилу, оставя по себѣ самую свѣтлую память.

Въ Читѣ я спѣшила прїѣхать къ 5-му марта, день рожденія Ивана Александровича, и мечтала, что тотчасъ же по прїѣздѣ увижу его; даже на послѣдней станціи я принарядилась; но Муравьева разочаровала меня, объяснивъ, что не такъ легко видѣть заключенныхъ, какъ я думала.

Въ началѣ ихъ пребыванія въ Читинскомъ острогѣ, потомъ въ Петровской тюрьмѣ, соблюдались большія строгости, всегда, правда, смягченныя справедливымъ, благороднымъ и великодушнымъ характеромъ коменданта Лепарскаго, который относился къ намъ, особенно къ дамамъ, съ полнѣйшимъ снисхожденіемъ; а мы часто употребляли во зло его деликатность и высказывали ему иногда очень непріятныя вещи, когда находили какою-нибудь распоряженіе несправедливымъ.

Добрый старикъ всегда съ величайшимъ терпѣніемъ выслушивалъ насъ и старался успокоить. А какъ много зависѣло отъ него наша жизнь, тихая и покойная, она могла сдѣлаться невыносимою при другихъ отношеніяхъ Лепарскаго къ заключеннымъ! Но онъ умѣлъ согласовать исполненіе своего долга, своихъ обязанностей съ такою деликатностію, что не давалъ никому чувствовать тяжелаго положенія, въ какомъ мы находились; щадилъ всегда самолюбіе, а съ дамами обходился какъ самый нѣжный отецъ. Но все это мы поняли позднѣе, и позднѣе оцѣнили старика, а въ ту пору, когда я прїѣхала, дамы относились къ нему съ сильнымъ еще предубѣжденіемъ и называли *gardien*.

Всѣ правила, которымъ мы должны были подчиняться тогда, я узнала отъ Александры Григорьевны Муравьевой и отъ Елисаветы Петровны Нарышкиной, которая тогда жила вмѣстѣ съ Муравьевой.

Нарышкина (рожденная Коновницына) была не такъ привлекательна, какъ Муравьева; Нарышкина казалась очень надменною и съ перваго раза производила непріятное впечатлѣніе, даже отталкивала отъ себя, но за то когда вы сближались съ этою женщиною, невозможно было оторваться отъ нея, она приковывала всѣхъ къ себѣ своею безпредѣльною добротою и необыкновеннымъ благородствомъ характера.

Комендантъ Лепарскій сейчасъ же выказалъ всю заботливость, которою неутомимо окружалъ насъ во все время своего начальства, приславъ сказать мнѣ, что квартира моя готова, и

на другой день пришелъ ко мнѣ и самъ прочелъ разныя бумаги, официальный смыслъ которыхъ я не могла усвоить, но поняла, что мы не должны ни съ вѣмъ сообщаться, никого не принимать къ себѣ и нигуда не ходить, а главное запрещалось передавать въ острогъ вино и что бы то ни было изъ спиртныхъ напитковъ. Тогда я сказала коменданту, что готова подчиняться всѣмъ правиламъ, но что на счетъ вина онъ подалъ мнѣ прекрасную мысль—употреблять его въ кушаньяхъ, какія я, какъ французженка, умѣю приготовить. Это очень насмѣшило старика, хотя онъ увѣрялъ меня, что и въ кушаньяхъ запрещено употреблять вино.

Наконецъ, я сказала ему, что желаю видѣть Ивана Александровича, что не напрасно же я пріѣхала за шесть тысячъ верстъ; онъ объяснилъ, что сдѣлаетъ распоряженіе, чтобъ привели мнѣ его. Въ то время безъ особеннаго распоряженія коменданта не приводили мужей къ женамъ, и то, чтобъ выпросить такое разрѣшеніе—надо было представить важную причину.

Вотъ подписки, которыя давали дамы по пріѣздѣ своемъ въ Читу:

«Я, нижеподписавшаяся, имѣя непреклонное желаніе раздѣлять участь моего мужа, государственнаго преступника NN, верховнымъ уголовнымъ судомъ сужденнаго, и жить въ томъ заводскомъ, рудничномъ или другомъ какомъ селеніи, гдѣ онъ содержаться будетъ, если то дозволится отъ коменданта Нерчинскихъ рудниковъ г. генераль-маіора и кавалера Лепарскаго, обязуюсь, по моей чистой совѣсти, наблюсти нижеписанныя предложенныя мнѣ имъ, г. комендантомъ, статьи; въ противномъ же случаѣ и за малѣйшее отступленіе отъ постановленныхъ на то правилъ подвергаю я себя законному осужденію. Статьи сіи моея обязанности суть слѣдующія:

1.

Желая раздѣлять (какъ выше изъяснено) участь моего мужа, государственнаго преступника N. N., и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими просками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволению и токмо въ назначенные для того дни, и не чаще какъ чрезъ два дня на третій.

2.

Не должна я доставлять ему (мужу) никакихъ вещей, денегъ, бумаги,

чернилъ, карандашей, безъ вѣдома г. коменданта или офицера, подъ присмотромъ моего будетъ находится мужъ мой.

3.

Равнымъ образомъ не должна я принимать и отъ него никакихъ вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки ихъ къ тѣмъ лицамъ, кому оныя будутъ адресованы или посылаемы.

4.

Не должна и я ни подъ какимъ видомъ ни къ кому писать и отправлять куда бы то ни было моихъ писемъ, записокъ и другихъ бумагъ иначе какъ только чрезъ г. коменданта. Равно есть-ли отъ кого мнѣ или мужу моему чрезъ родныхъ или постороннихъ людей будутъ присланы письма и прочее изъясненное въ семъ и 3-мъ пунктѣ, должна я ихъ ему же, г-ну коменданту, при полученіи объявлять, есть-ли оныя не чрезъ него будутъ мнѣ доставлены.

5.

То-же самое общаюсь наблюдать и касательно присылки мнѣ и мужу моему вещей, какія бы онѣ ни были, равно и деньги.

6.

Изъ числа вещей моихъ, при мнѣ находящихся и которыхъ регистръ ведется у г. коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ, оставленнымъ для нуждъ моихъ теперь, равно и впередъ отъ коменданта мнѣ доставленнымъ, я обязуюсь вести приходорасходную книгу и въ оную записывать всѣ свои издержки, сохраняя между тѣмъ сію книгу въ цѣлости; въ случаѣ жъ востребованія ея г-мъ комендантомъ оную ему немедленно представлять. Есть-ли же окажутся (вещи излишнія противъ находящагося) у г-на коменданта регистру, которыя были мною скрыты, въ такомъ случаѣ какъ за противъ (сею) учиненный поступокъ подвергаюсь я законному сужденію.

7.

Также не должна я никогда мужу моему присылать никакихъ хмѣльных напитковъ, какъ-то: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ; да и сіи доставлять ему чрезъ старшаго караульнаго унтеръ-офицера, а не чрезъ людей моихъ, комъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ.

8.

Обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ, въ назначенное для того время и въ при-

сутствіи дежурнаго офицера; не говорить съ нимъ ничего излишняго, и паче чего либо не принадлежащаго, вообще же имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одною русскою языкѣ.

9.

Не должна я нанимать себѣ никакихъ иныхъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только послугами приставленныхъ мнѣ одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моими мужемъ и вообще за ихъ поведеніе.

10.

Наконецъ, давши такое обязательство, не должна я сама никуда отлучаться отъ мѣста того, гдѣ пребываніе мое будетъ назначено, равно и посылать куда либо слугъ моихъ по произволу моему, безъ вѣдома г-на коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера.

Въ выполненіи всего вышесказаннаго въ точности подъ симъ подписуюсь. Читинской острогъ. 1828 года.

Копію свѣрялъ плацъ-адъютантъ штабсъ-ротмистръ Казимірскій ¹⁾.

Послѣ того какъ ушелъ отъ меня Лепарскій, часа черезъ два, провели мимо моихъ оконъ нѣсколько молодыхъ людей, окруженныхъ солдатами, но на этотъ разъ безъ оковъ, такъ какъ они шли въ баню. На возвратномъ пути одинъ изъ нихъ отсталъ отъ солдатъ и подойдя къ моему окну, въ которомъ я открыла форточку, проговорилъ торопливо, что скоро проведутъ Ивана Александровича Анненкова.

Тогда я поставила на крыльцо человекъ съ приказаніемъ предупредить меня, какъ только онъ увидитъ своего барина, а сама превратилась вся въ ожиданіе.

Четверть часа спустя человекъ вызвалъ меня, и я увидѣла Ивана Александровича между солдатами, въ старомъ тулупѣ, съ разорванной подкладкою, съ узелкомъ бѣлья, который онъ несъ подъ мышкою.

---

¹⁾ Въ концѣ 1850 годовъ мы имѣли удовольствіе познакомиться въ С.-Петербургѣ съ этимъ Яковомъ Дмитріевичемъ Казимірскимъ въ домѣ его племянницы, извѣстной пѣвицы Ад. Львовны Спаской. Казимірскій былъ добрыйшій, благороднѣйшей души человекъ. Надо было слышать, съ какою глубокимъ уваженіемъ и любовью вспоминалъ онъ о нравственныхъ качествахъ декабристахъ, обитателей остроговъ Читы и затѣмъ Петровска, вѣренныхъ его и Лепарскаго надзору.

Подходя къ крыльцу, на которомъ я стояла, онъ сказалъ мнѣ:
— „Pauline, descends plus vite et donne moi ta main“.

Я сошла поспѣшно, но одинъ изъ солдатъ не далъ намъ поздороваться—онъ схватилъ Ивана Александровича Анненкова за грудь и отбросилъ назадъ. У меня потемнѣло въ глазахъ отъ негодованія, я лишилась чувствъ и, конечно, упала бы, если бы человекъ не поддержалъ меня.

Вслѣдъ за Иваномъ Александровичемъ провели между другими Михаила Александровича фонъ - Визина, бывшаго до ссылки генерала. Я все стояла на крыльцѣ, какъ прикованная; фонъ-Визинъ приостановился и спросилъ о женѣ своей, я успѣла сказать ему, что видѣла ее и оставила здоровою.

Только на третій день моего приѣзда привели ко мнѣ Ивана Александровича. Онъ былъ чище одѣтъ, чѣмъ наканунѣ, потому что я успѣла уже передать въ острогъ нѣсколько платья и бѣлья, но былъ закованъ и съ трудомъ носилъ свои кандалы, поддерживая ихъ. Они были ему коротки и затрудняли каждое движеніе ногами. Сопровождали его офицеръ и часовой, послѣдній остался въ передней комнатѣ, а офицеръ ушелъ и возвратился черезъ два часа.

Невозможно описать нашего перваго свиданія, той безумной радости, которой мы предались, послѣ долгой разлуки, позабывъ все горе и то ужасное положеніе, въ какомъ мы оба находились въ эти минуты.

XV.

Наступилъ постъ и какъ Иванъ Александровичъ ни торопилъ коменданта Лепарскаго разрѣшить намъ обвѣнчаться скорѣе, но приходилось ждать.

Наконецъ, былъ назначенъ день нашей свадьбы, и именно 4-го апрѣля 1828 года. Самъ Лепарскій вызвался быть нашимъ посаженнымъ отцомъ, а посаженою матерью была Наталья Дмитриевна фонъ-Визина, вскорѣ послѣ меня прїѣхавшая въ Читѣ. Добрѣйшій старикъ позаботился приготовить образъ, которымъ благословилъ насъ по русскому обычаю, не смотря на то, что самъ былъ католикъ. Отвергнуть его предложеніе замѣнить намъ отца я не могла, но образъ не приняла. Теперь не могу простить себѣ такую необдуманную выходку, въ которой я много разъ потомъ раскаивалась и которая въ то время очень обидѣла старика. Но я уже сказала — съ какимъ предубѣжденіемъ всѣ мы смотрѣли тогда на Лепарскаго, котораго только потомъ оцѣнили. И мой легкомысленный поступокъ онъ также великодушно простилъ мнѣ, какъ прощалъ многое всѣмъ намъ, снисходя всегда нашей молодости и тому положенію, въ какомъ мы находились.

4-го апрѣля 1828 года, съ утра, начались приготовленія; всѣ дамы хлопотали принарядиться, какъ только это было возможно сдѣлать въ Читѣ, гдѣ, впрочемъ, ничего нельзя было достать, даже свѣчей не хватало, чтобы освѣтить церковь прилично торжеству. Тогда Елизавета Петровна Нарышкина употребила восковыя свѣчи, привезенныя ею съ собою, и освѣщеніе вышло очень удачное. Шафера непременно желали быть въ бѣлыхъ галстукахъ, которые я имъ и устроила изъ батистовыхъ платковъ и даже накрахмалила воротнички, какъ слѣдовало для такой церемоніи. Экипажей, конечно, ни у кого не было. Лепарскій, отъѣхавъ въ церковь, прислалъ за мной свою коляску, въ которой я и поѣхала съ Натальей Дмитриевной фонъ-Визиной. Старикъ встрѣтилъ насъ торжественно у церкви и подаль мнѣ руку. Но такъ какъ отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, какъ сказалъ Наполеонъ, такъ тутъ грустное и веселое смѣшалось вмѣстѣ. Произошла путаница, которая всѣхъ очень

забавляла и долго потомъ заставляла шутить надъ старикомъ. Мы съ нимъ оба, какъ католики, весьма рѣдко раньше бывали въ русской церкви и не знали какъ взойти въ нее, между тѣмъ народу толпилось пропасть у входа, когда мы подъѣхали, и пока Лепарскій высаживалъ меня изъ коляски, мы и не замѣтили съ нимъ, какъ Наталья Дмитриевна исчезла въ толпѣ и пробралась въ церковь, которая, на нашу бѣду, была двухъ-этажная. Не знаю почему старику показалось, что надо идти наверхъ, между тѣмъ лѣстница была ужасная, а Лепарскій былъ очень тученъ и мы съ большимъ трудомъ вошли наверхъ; тамъ только замѣтили свою ошибку и должны были спуститься снова внизъ. Между тѣмъ въ церкви всѣ уже собрались и недоумѣвали—куда я могла пропасть съ комендантомъ. Это происшествіе развлекло всѣхъ и когда мы появились—насъ весело встрѣтили, особенно шутили наши дамы, которыя уже находились въ церкви и были смущены тѣмъ, что невѣста исчезла.

Не было только одной изъ насъ, это Александры Григорьевны Муравьевой, которая наканунѣ только получила извѣстіе о смерти своей матери графини Чернышевой, остальные всѣ: Нарышкина, Давыдова, Янтальцева, княгиня Волконская и княгиня Трубецкая присутствовали при церемоніи.

Веселое настроеніе исчезло, шутки замолкли, когда привели въ оковахъ жениха и его двухъ товарищей, Петра Николаевича Свистунова и Александра Никитича Муравьева, которые были нашими шаферами. Оковы сняли имъ на паперти. Церемонія продолжалась недолго, священникъ торопился, пѣвчихъ не было.

По окончаніи церемоніи всѣмъ тремъ, т. е. жениху и шаферамъ, надѣли снова оковы и отвели въ острогъ.

Дамы всѣ проводили меня домой. Квартира у меня была очень маленькая, мебель вся состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ и сундука, на которыхъ мы кое-какъ всѣ размѣстились.

Спустя нѣсколько времени плацъ-адъютантъ Розенбергъ привелъ Ивана Александровича, но не болѣе какъ на полчаса.

Только на другой день нашей свадьбы удалось намъ съ Иваномъ Александровичемъ посидѣть подольше; его привели ко мнѣ на два часа, и это была большая милость, сдѣланная комендантомъ. Почти во все время нашего пребыванія въ Читѣ

заключенныхъ не выпускали изъ острога, и въ началѣ мужей приводили къ женамъ только въ случаѣ серьезной болѣзни послѣднихъ и то на это надо было испросить особенное разрѣшеніе коменданта. Мы же имѣли право ходить въ острогъ на свиданіе черезъ два дня въ третій. Тамъ была назначена маленькая комната, куда приводили къ намъ мужей въ сопровожденіи дежурнаго офицера.

На одномъ изъ такихъ свиданій былъ ужасный случай съ А. Г. Муравьевой, которая пришла больная, уставшая и, разговаривая съ мужемъ, опустилась на стулъ, который стоялъ тутъ. Офицеру это не понравилось, и особенно взбѣсило его то, что она говорила по французски; онъ былъ, кажется, въ нетрезвомъ видѣ и подъ вліяніемъ вина началъ говорить грубости, наконецъ, кривнуль, схвативъ А. Г. Муравьеву за руку:

— „Говори по русски, и какъ ты смѣешь садиться при мнѣ!“

Несчастная женщина такъ перепугалась, что выбѣжала изъ комнаты въ истерическомъ припадкѣ; на крыльцѣ въ это время стояло нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ братъ Муравьевой, гр. Чернышевъ, и Иванъ Александровичъ Анненковъ. Всѣ бросились на офицера, Иванъ Александровичъ схватилъ его за воротникъ и отбросилъ назадъ, чтобы дать возможность Муравьевой пройти. Послали за плацъ-адъютантомъ, который не замедлилъ явиться, смѣнилъ офицера съ дежурства, а молодыхъ людей успокоилъ. Коменданта въ это время не было въ Читѣ, но на другой день онъ вернулся и тотчасъ по возвращеніи своемъ пошелъ къ Александрѣ Григорьевнѣ, извинился за пьянаго офицера и обѣщаль, что впередъ дамы не будутъ подвергаться подобнымъ грубостямъ, а офицера, какъ виноватаго, отъ насъ перевелъ. Исторія эта могла кончиться очень печально для заключенныхъ, если-бы только Лепарскій былъ другой человѣкъ, но этотъ великодушный старикъ умѣлъ всегда всѣхъ успокоить.

Въ тѣ дни, когда нельзя было идти въ острогъ, мы ходили къ тыну, которымъ онъ былъ окруженъ; первое время насъ гоняли, но потомъ привыкли къ намъ и не обращали вниманія. Мы брали съ собою ножики и выскабливали въ тынѣ скважинки, сквозь которыя можно было говорить; иногда садились у тына, когда попадался подъ руку какой нибудь обрубокъ дерева. Объ

этихъ посѣщеніяхъ упоминаетъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи, посвященномъ княгинѣ Волконской:

И каждый день садилсь у ограды
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ пилъ точилъ медь ограды..

Когда привезли въ Читѣ Ивана Александровича съ его товарищами, острогъ, въ которомъ они были помѣщены поздне, тогда отдѣлывался и потому ихъ помѣстили въ старомъ полуразвалившемся зданіи, гдѣ останавливались ранѣе партіи арестантовъ. Не смотря на то, что зданіе это было полусгнившее, а зима была жестокая, они должны были, однако-жъ, провести тамъ всю вторую половину зимы, такъ какъ другаго помѣщенія не было. Спали они на нарахъ и первое время ни у кого не было ни постели, ни бѣлья. Тогда наплась въ Читѣ одна добрая душа, которая сколько могла прибѣгала на помощь заключеннымъ. Это была Филицата Осиповна Смольянинова, жена начальника рудниковъ, женщина, не получившая образованія, но отъ природы одаренная чрезвычайно благороднымъ сердцемъ и необыкновенно твердымъ характеромъ; она была способна понимать самыя возвышенныя мысли и принимала живѣйшее участіе во всѣхъ декабристахъ, но Иваномъ Александровичемъ она особенно интересовалась, потому что онъ былъ внукъ Якобія, намѣстника Сибири, котораго Смольянинова помнила и въ которомъ сохранила безпредѣльную преданность. Для меня она была самою нѣжною и заботливою матерью; мы просиживали вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ, не смотря на то, что не могли говорить ни на какомъ языкѣ, такъ какъ она не знала французскаго, а я не выучилась еще въ то время говорить по русски; не знаю какимъ образомъ, только мы отлично понимали другъ друга. Филицата Осиповна позаботилась прислать Ивану Александровичу тюфякъ и подушку, безъ которыхъ не совѣмъ было хорошо спать на нарахъ; потомъ прислала бѣлья, въ которомъ онъ нуждался до моего пріѣзда, и очень часто присылала въ острогъ разной провизіи, особенно пироговъ, которые въ Сибири дѣлаютъ въ совершенствѣ.

Между тѣмъ, осужденные все прибывали и помѣщеніе ста-

новилося невыносимо тѣснымъ. Наконецъ, къ осени 1827 года, былъ оконченъ временной острогъ, который былъ назначенъ для нихъ исключительно, но и тамъ было немного лучше. До 70-ти человекъ должны были размѣститься въ 4-хъ комнатахъ; спать приходилось также на нарахъ, гдѣ каждому было отведено очень немного мѣста, такъ что надо было очень осторожно двигаться, чтобы не задѣвать сосѣда; шумъ отъ оковъ былъ невыносимый. Но молодость, здоровье, а главное дружба, которая связывала всѣхъ, помогали переносить невзгоды.

Оковы очень стѣсняли узниковъ, казенныя были очень тяжелы и, главное, коротки, что особенно для Ивана Александровича было очень чувствительно, такъ какъ онъ былъ высокаго роста. Тогда я придумала заказать другія оковы, легче и цѣпи длиннѣе. Андрей мой угостилъ кузнеца и оковы были живо сдѣланы. Ихъ надѣли Ивану Александровичу, конечно, тайкомъ и тоже съ помощію угощенія, а казенныя я спрятала у себя и возвратила, когда оковы были сняты съ узниковъ, а свои сохранила на память. Изъ нихъ впоследствии было сдѣлано много колець на память и нѣсколько браслетовъ.

Стража въ Читѣ состояла изъ инвалидовъ и часто намъ приходилось сносить дерзости этихъ солдатъ, не смотря на то, что комендантъ очень строго взмскивалъ съ нихъ за малѣйшую грубость; сами заключенные имъ охотно прощали, сознавая, что они это дѣлали по глупости своей; гораздо было чувствительнѣе и обиднѣе, когда изъ офицеровъ попадались такіе, которые превратно понимали свои обязанности и позволяли себѣ грубыя выходки, желая вѣроятно выслужиться или думая, что исполняютъ свой долгъ, такъ какъ изъ Петербурга, кажется, если не ошибаюсь, было приказаніе говорить „ты“ заключеннымъ.

Такимъ образомъ Иванъ Александровичъ былъ, однажды, выведенъ изъ терпѣнія однимъ старымъ капитаномъ, который позволилъ себѣ сказать ему:

„Открой твой чемоданъ“.

На что Иванъ Александровичъ отвѣчалъ ему:

„Открой самъ“.

Потомъ этотъ капитанъ сознался мнѣ, что жестоко струсилъ, когда Иванъ Александровичъ отвѣчалъ ему,—такъ онъ былъ страшенъ въ эту минуту отъ негодованія. Я была въ милости у

этого капитана за то, что сравнила его однажды съ Наполеономъ I мѣ. За такой комплиментъ онъ приводилъ ко мнѣ Ивана Александровича раньше другихъ и приходилъ за нимъ на полчаса поздыѣ. Это, конечно, служить доказательствомъ того, что злобы на насъ эти люди никакой не питали.

По прїѣздѣ въ Читу всѣ дамы жили на квартирахъ, которыя нанимали у мѣстныхъ жителей, а потомъ мы вздумали строить себѣ дома, и рѣшительно не понимаю, почему комендантъ не воспротивился этому, такъ какъ ему было уже извѣстно, что въ Петровскомъ заводѣ было назначено выстроить тюремный замокъ для помѣщенія декабристовъ; хотя, конечно, дома наши, выстроенные въ родѣ крестьянскихъ избъ, не особенно дорого стоили, но все таки это была напрасная трата денегъ, такъ какъ мы оставались въ Читѣ только три съ половиною года, что не могло не быть извѣстно заранее коменданту.

Мѣстоположеніе въ Читѣ восхитительное, климатъ самый благодатный, земля чрезвычайно плодородная, между тѣмъ, когда мы туда прїѣхали, никто изъ жителей не думалъ пользоваться всѣми этими дарами природы, никто не сѣялъ, не садилъ и не имѣлъ даже малѣйшаго понятія о какихъ бы то ни было овощахъ; это заставило меня заняться огородомъ, который я завела около своего домика; тутъ неподалеку была рѣка и съ сѣверной стороны огородъ былъ защищенъ горой. При такихъ условіяхъ овощи мои достигли изумительныхъ размѣровъ. Растительность по всей Сибири поистинѣ удивительная, и особенно это насъ поражало въ Читѣ.

Когда настала осень и овощи созрѣли, я послала солдата, который служилъ у меня и находился при огородѣ, принести мнѣ кочанъ калусты; онъ срубилъ два и не могъ ихъ донести, такъ они были тяжелы, — пришлось привезти эти два кочана въ телѣгѣ. Я изъ любопытства приказала свѣсить ихъ и оказалось въ двухъ кочанахъ 2 пуда 1 фунтъ вѣсу. Мнѣ некуда было дѣвать все, что собрали въ огородѣ, и я завалила овощами цѣлую комнату въ моемъ новомъ домѣ. Трудно себѣ представить какихъ размѣровъ были эти овощи (monstres): свекла была по 20 ф., рѣпа по 18 ф., картофель по 9 ф., морковь по 8 ф. Конечно, мы выбирали самыя крупныя, но все таки я увѣрена, что нигдѣ никогда не росло ничего подобнаго. Овощи всѣмъ

намъ очень пригодились въ продолженіе зимы; потомъ и другіе занялись огородами.

Иванъ Александровичъ съ трудомъ переносилъ казенную пищу, на которую казна отпускала деньги, но довольно скудно, такъ что обѣдъ въ острогѣ состоялъ изъ щей и каши большую частью; я каждый день посылала ему обѣдъ, который готовляла сама; главное неудобство состояло въ томъ, что у меня не было плиты, о которой въ то время въ Читѣ никто, кажется, не имѣлъ и понятія; вухарки были очень плохія и я ухитрилась варить и жарить на трехъ жаровняхъ, которыя помѣщались въ сѣняхъ. Когда я переѣхала въ свой домъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, то тамъ была уже устроена плита и дамы наши часто приходили ко мнѣ посмотрѣть, какъ я готовлю обѣдъ, и просили научить ихъ то сварить супъ, то состряпать пирогъ, но когда дѣло доходило до того, что надо было взять въ руки сырую говядину или вычистить курицу, то не могли преодолѣть отвращенія къ такой работѣ, не смотря на всѣ усилія, какія дѣлали надъ собой. Тогда наши дамы со слезами сознавались, что завидуютъ моему умѣнью все сдѣлать, и горько жаловались на самихъ себя за то, что не умѣли ни за что взяться, но въ этомъ была не ихъ вина конечно: воспитаніемъ онѣ не были приготовлены къ такой жизни, какая выпала на ихъ долю, а меня съ раннихъ лѣтъ приучила ко всему нужда.

Мы каждый день почти были всѣ вмѣстѣ; иногда ѣздили верхомъ на бурятскихъ лошадяхъ въ сопровожденіи бурята, который ѣхалъ за нами съ волчаномъ и стрѣлами—какъ амурь.

Однажды вечеромъ собрались ко мнѣ всѣ дамы: это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда вечера становятся довольно длинные. Этотъ вечеръ былъ восхитительный, но страшная темнота покрывала все кругомъ, только ярко блестяшія звѣзды, которыми небо было усыпано. Домикъ, занимаемый мною, стоялъ совсѣмъ въ концѣ села, и на довольно большомъ разстояніи отъ домиковъ, занимаемыхъ другими дамами. За нимъ была поляна, а дальше густой лѣсъ, передъ окнами черезъ улицу былъ страшный обрывъ, внизу прекрасный лугъ, орошаемый рѣкою Янгодою. Видъ изъ оконъ былъ неподобный и я часто просиживала по цѣлымъ часамъ, любуясь имъ, а вечеромъ выходила посидѣть на

крылечко. Въ это время обыкновенно царствовала глубокая тишина и спокойствіе, природа безмолствовала, не слышно было человеческого голоса. Въ этотъ вечеръ, о которомъ я говорю, какъ всегда, сидѣла я на крылечкѣ и распѣвала французскіе романсы.

Вдругъ послышались громкіе веселые голоса и воздухъ огласился звонкимъ смѣхомъ. Я тотчасъ же узнала нашихъ дамъ; онѣ шли, вооруженныя огромными палками, а впереди ихъ шелъ ссмыльный еврей, который жилъ у А. Г. Муравьевой; шелъ онъ съ фонаремъ въ рукахъ и освѣщаль дорогу. Мы радостно поздоровались, гости объявили мнѣ, что они голодны, что у нихъ нѣтъ провизіи и что я должна ихъ накормить; они знали, что у меня всегда въ запасѣ что нибудь, потому что я все дѣлала сама; я была, конечно, рада видѣть ихъ и принялась хлопотать: нашолся поросенокъ заливной, жареная дичь, потомъ мы отправились въ огородъ за салатомъ съ Елизаветою Петровною Нарышкиною, которая съ фонаремъ свѣтила мнѣ. Ужинъ былъ готовъ, но пить было нечего. Отыскался, впрочемъ, малиновый сиропъ. Къ счастью, всѣ были не разборчивы, а главное желудки были молодые и здоровые и поросенокъ и салатъ прекрасно запивались малиновымъ сиропомъ. Все это веселило насъ и заставляло хохотать, какъ хохочутъ маленькія дѣвочки.

Надо сознаться, что много было поэзіи въ нашей жизни. Если много было лишеній, труда и всякаго горя, за то много было и отраднаго. Все было общее—печали и радости, все раздѣлялось, во всемъ другъ другу сочувствовали. Всѣхъ связывала тѣсная дружба, а дружба помогала переносить неприятности и заставляла забывать многое.

Долго мы сидѣли въ описываемый вечеръ. Поужинавъ и нахохотавшись досыта, дамы отправились домой.

Во все время нашего пребыванія въ Читѣ мы не имѣли права держать наши деньги у себя, и должны были отдавать ихъ коменданту, а потомъ просить всякій разъ, когда являлась нужда въ нихъ; въ расходахъ мы отдавали отчетъ коменданту и представляли счета. Такимъ образомъ мнѣ пришлось однажды просить Лепарскаго выдать мнѣ 500 рублей, что онъ и не замедлил исполнить. Но едва писарь передалъ мнѣ эти деньги,

какъ вслѣдъ за нимъ вошелъ ко мнѣ одинъ поселенецъ, который жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ я нанимала квартиру.

Этотъ человѣкъ былъ мною облагодѣтельствованъ. Незадолго предъ этимъ я устроила его свадьбу и все время помогала ему. Тутъ онъ явился, по всей вѣроятности, не съ добрымъ намѣреніемъ, потому что былъ очень взволнованъ и даже съ трудомъ могъ объяснить причину своего посѣщенія, едва выговаривая заикаясь, что просить дать ему утюгъ. Въ ту минуту мнѣ не пришло въ голову ни малѣйшаго подозрѣнія, и хотя мнѣ казалось страннымъ, что онъ такъ встревоженъ, но я готова была исполнить его просьбу и уже нагнулась, чтобы достать большой, тяжелый утюгъ, изъ подъ скамейки, на которой сидѣла, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ мясникъ за деньгами. Тогда мой поселенецъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты, не дожидаясь утюга. Мясникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ—зачѣмъ я пускаю такихъ людей къ себѣ; а когда я объяснила, что тотъ приходилъ за утюгомъ, тогда мясникъ объявилъ, что или утюгъ служилъ только предлогомъ, или этотъ человѣкъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться утюгомъ, чтобы, если не убить меня, то ошеломить, зная что я получила деньги, которыя въ ту минуту открыто лежали у меня на столѣ. Тогда только я поняла—какой подвергалась опасности.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого происшествія ко мнѣ пришелъ на свиданіе Иванъ Александровичъ. Все это происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда стояли нестерпимыя жары. Обыкновенно я готовила закусить, когда ждала его къ себѣ. Онъ поѣлъ немного и прилежъ на кровать отдохнуть, но вскорѣ попросилъ пить; тогда, пріотворивъ дверь, я попросила часоваго сказать Андрею подать стаканъ квасу; онъ довольно долго заставилъ ждать себя, а Ивану Александровичу очень хотѣлось пить, такъ что я взяла стаканъ изъ рукъ Андрея и второпяхъ подала его. Иванъ Александровичъ разомъ выпилъ весь стаканъ, но съ послѣднимъ глоткомъ остановился и сказалъ мнѣ, что проглотилъ что-то очень неприятное. Я испугалась, думая не пчела ли это, такъ какъ мухъ и пчелъ было очень много; но Иванъ Александровичъ объяснилъ, что это было что-то круглое и довольно твердое, какъ орѣхъ. Потомъ ему было немного

тошно и скоро настало время вернуться въ острогъ. Я осталась очень встревоженная.

На другой день, какъ только было возможно, я побѣжала къ тѣну. Ко мнѣ вышелъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ и сначала объяснилъ, что Иванъ Александровичъ захворалъ, что ему ночью было очень нехорошо, а потомъ спросилъ, что онъ ѣлъ у меня. Я отвѣчала, что кромѣ супа и жаркаго ничего, и что это никакъ не могло повредить ему, такъ какъ все, по обыкновенію, было приготовлено мною самой. Вскорѣ подошелъ и Иванъ Александровичъ; я изумилась, когда увидѣла его сквозь скважинку: онъ былъ страшно блѣденъ, лицо его осунулось и невѣроятно постарѣло. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что подозрѣваетъ, что Андрей далъ ему что-то въ квасѣ. И дѣйствительно, странно было и что онъ проглотилъ, и симптомы, которые заставили доктора подозрѣвать дѣйствіе мышьяка. Когда Ивану Александровичу сдѣлалось дурно, онъ упалъ на полъ, совершенно лишившись чувствъ; открылась сильнѣйшая рвота; тогда мальчикъ, который прислуживалъ въ тюрьмѣ, началъ кричать, что Анненкова отравили, и прежде чѣмъ успѣли позвать доктора, этотъ мальчикъ успѣлъ сбѣгать куда-то за молокомъ и заставилъ выпить Ивана Александровича почти всю кринку. Въ Сибири въ большомъ употребленіи мышьякъ, и тамъ нерѣдки случаи отравленія, если питаютъ злобу на кого, а молоко извѣстно какъ противоядіе, поэтому неудивительно, что мальчикъ такъ отнесся въ данномъ случаѣ.

Не успѣла я успокоиться послѣ этихъ двухъ непріятностей, какъ случилась третья. Тѣ двѣ тысячи, которыя я сберегла въ волосахъ, когда въ Иркутскѣ пришли осматривать мои вещи, хранились у меня на черный день и хранились съ большими предосторожностями, потому что, какъ я уже сказала, мы не имѣли права держать у себя денегъ. Про эти двѣ тысячи никто рѣшительно не могъ знать, кромѣ Андрея, которому, вѣроятно, было извѣстно, по крайней мѣрѣ приблизительно, сколько было со мной денегъ, когда я выѣхала изъ Москвы; въ тому-жѣ я потомъ спохватилась, что онъ однажды видѣлъ у меня въ рукахъ портфель, въ которомъ лежали эти деньги. Портфель я прятала съ разными вещами въ сундукъ, за неимѣніемъ мебели

въ Читѣ, а сундукъ запирался очень крѣпкимъ замкомъ. Однажды вечеромъ, пока я сидѣла у нягини Трубецкой, ко мнѣ прибѣжалъ впопыхахъ мальчикъ, сынъ моей хозяйки, и разсказалъ, что въ моей комнатѣ выломали окно, замокъ въ сундукѣ сломали и вещи разбросали по комнатѣ. Я тотчасъ же пошла домой и нашла, что вещи хотя и были разбросаны, но всѣ были цѣлы, не оказалось только одного портфеля съ деньгами. Мнѣ не такъ было досадно потерять 2,000, какъ неприятно объявлять объ этомъ коменданту; между тѣмъ скрыть отъ него подобный случай не было возможности и я вынуждена была во всемъ ему признаться. Человѣка моего и того поселенца, который приходилъ ко мнѣ за утюгомъ, посадили на гауптвахту, потому что всѣ имѣли на нихъ сильныя подозрѣнія. У Андрея, когда осмотрѣли сундукъ, нашли разныя вещи, пропадавшія у меня раньше. Въ честности его я тѣмъ болѣе имѣла причины сомнѣваться, что дорогой замѣчала, что онъ страшно обсчитывалъ меня на прогонахъ. Поселенца особенно подозрѣвала хозяйка дома, гдѣ я жила. Оба обвиняемые просидѣли на гауптвахтѣ 5 мѣсяцевъ, по простествіи которыхъ вынуждены были ихъ выпустить, такъ какъ не имѣлось противъ нихъ явныхъ уликъ. Но вскорѣ послѣ того, какъ выпустили ихъ, мальчикъ сосѣдняго дома нашелъ подъ окномъ у меня свертокъ въ грязной бумажкѣ и тотчасъ же принесъ его матери своей; та, развернувъ его, нашла 1.000 рублей и была такъ честна, что немедленно заявила объ этомъ коменданту. Предполагая, что эта 1,000 изъ моихъ денегъ, комендантъ сдѣлалъ распоряженіе возвратитъ ихъ мнѣ, но другая тысяча не отыскалась. Андрей въ пьяномъ видѣ хвасталъ, что остальные деньги перешли въ руки чиновниковъ, производившихъ слѣдствіе.

Вообще человѣкъ этотъ надѣлалъ мнѣ много неприятностей и я не разъ раскаявалась, что уступила его желанію ѣхать со мной. Онъ все болѣе и болѣе пьянствовалъ и съ этимъ вмѣстѣ буянилъ ужасно, волотилъ кухарокъ, такъ что ни одна не хотѣла жить у меня, и, наконецъ, сдѣлался невыносимо грубъ. Ивана Александровича онъ вовсе не любилъ и относился къ нему такъ, что мнѣ не разъ пришлось убѣдиться, что онъ не хотѣлъ вернуться изъ Иркутска въ Москву не столько изъ

привязанности къ своему барину, какъ увѣрялъ меня, сколько по какимъ нибудь другимъ причинамъ. Трудно рѣшить какія это были причины, и хотя происшествіе со стаканомъ кваса невольно вызывало во всѣхъ мысль объ отравѣ, но оно осталось тайною и изслѣдовать—насколько могли быть вѣрны подозрѣнія—въ этомъ случаѣ было чрезвычайно трудно. Знаю только, что человекъ этотъ сдѣлался для меня положительно невыносимъ, но мы такъ были стѣснены нашимъ положеніемъ, что надо было дѣйствовать очень осторожно, чтобъ отдѣлаться и развязаться съ Андреемъ.

П. Е. Анненковъ.

Примѣчаніе. Записано со словъ П. Е. Анненковой, по нашей просьбѣ, ея дочерью, Ольгой Ивановной Ивановой, рожденной Анненковой, въ 1861 году, въ Нижнемъ Новгородѣ. Ред.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. О. СМИРНОВА И Н. В. ГОГОЛЬ

въ 1829—1852 гг.

Въ нашей литературѣ можно указать почтенныя имена, пользующіяся заслуженною извѣстностью и имѣющія всѣ права на видное мѣсто въ ея лѣтописяхъ, не смотря на то, что они принадлежать людямъ, не принимавшимъ въ ней непосредственнаго участія собственными трудами: Шуваловъ, Львовъ, Оленинъ, Станкевичъ, по своимъ связямъ и вліянію на извѣстныхъ писателей, не должны быть забыты потомствомъ. Къ числу такихъ лицъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести и Александру Осиповну Смирнову, род. 6 марта 1810, † 7 юня 1882 г. ¹⁾. Близость ко двору, короткое знакомство и отчасти тѣсная дружба съ цѣлою фалангой корифеевъ литературы, блестящій природный умъ и рѣдкое образованіе являются достаточными причинами, чтобы сообщить живой интересъ какъ обстоятельствамъ ея личной жизни, такъ особенно ея перепискѣ съ однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей нашей литературы. Въ продолженіе болѣе полу-столѣтія Александру Осиповну зналъ каждый, кто умѣлъ перо держать въ рукахъ, и ей былъ хорошо извѣстенъ весь кругъ дѣятелей царствованій Александра I, Николая Павловича и Александра II, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Предлагая вниманію читателей письма ея къ Гоголю ²⁾, считаемъ необходимымъ передать главнѣйшія біографическія свѣдѣнія о ней и представить краткую характеристику ея отношеній къ великому писателю.

---

¹⁾ Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ, веда дневникъ (еще не издавннй) и оставила воспоминанія, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871, XI, и 1882, I („Изъ записокъ знатной дамы“).

²⁾ Они будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ „Русской Старинѣ“ В. III.

I.

Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ (род. 6 марта 1809 г. † 7-го июня 1882 г.), была во всѣхъ отношеніяхъ щедро надѣлена дарами природы. Она почти отъ рожденія имѣла уже всѣ данныя, чтобы выдвинуться изъ массы и занять въ жизни высокое, исключительное положеніе. Со стороны обоихъ родителей она была знатнаго происхожденія. Почти каждый изъ ближайшихъ ея предковъ могъ припомнить въ своей жизни что-нибудь особенное, выдающееся, а иные даже имѣли нѣкоторую историческую извѣстность. Какъ обширныя связи, такъ и богатыя личныя дарованія обѣщали ей свѣтлую будущность.

Фамилія Россетовъ французскаго происхожденія; она передѣлана изъ Rosset ¹⁾. Родъ ихъ распадался на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ младшая донинѣ существуетъ въ Лангедокѣ. Въ числѣ своихъ представителей вѣтвь эта считаетъ цѣлый рядъ sieurs de Лаваль (sieurs Laval de Mortillere), изъ которыхъ одинъ похороненъ въ древнѣйшей церкви Парижа ²⁾, другой, бывшій викарнымъ епископомъ гренобльскимъ,—въ склепѣ гренобльскаго кафедральнаго собора. Другія двѣ вѣтви обитали въ провинціяхъ Дофинэ и Франшконтэ. Изъ Дофинэ происходилъ и отецъ Александры Осиповны, le chevalier Joseph de Rosset. Званіе это онъ получалъ по наслѣдству, какъ младшій сынъ мальтійскаго рыцаря (en minorité). По женской линіи онъ состоялъ въ свойствѣ съ герцогами Ришельё и Рошешуаръ ³⁾. По ихъ примѣру и, можетъ быть, вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ впервые въ Россію. Сражаясь подъ знаменами Потемкина и Суворова, онъ заявилъ себя геройской доблестью, особенно подъ Измаиломъ и Очаковомъ, и получилъ георгіевскій крестъ. (Имя его начертано на стѣнѣ Георгіевской залы въ Кремлевскомъ дворцѣ). Когда же во время ужасовъ революціи всѣ его родственники погибли, онъ эмигрировалъ въ Россію, гдѣ сталъ называться Осипомъ Ивановичемъ Россетомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Одессѣ комендантомъ порта, карантинной гавани и

¹⁾ Въ средніе вѣка, въ старинныхъ генеалогическихъ книгахъ (livres généalogiques) эта фамилія читалась Rousset, съ XVI в.—Rosset. Въ Версалѣ, въ одной изъ залъ во дворцѣ находится, въ числѣ многихъ другихъ, гербъ Россетовъ, еще времени Людовика Святаго. О. Смирнова.

²⁾ St. Eustache.

В. III.

³⁾ О Ришельё и Рошешуарѣ см. „Русскія Вѣдомости“, 1888, №№ 31 и 33.—„Герцоги Ришельё въ Россіи и Франціи“. („Изъ статьи Альфреда Рамбо въ „Revue des deux Mondes“). В. III.

гребной черноморской флотилии. Онъ особенно подружился съ своимъ родственникомъ герцогомъ Ришелье, извѣстнымъ основателемъ Одессы, съ Ланжерономъ и др. Тамъ же онъ женился на красавицѣ Надеждѣ Ивановнѣ Лореръ, происходившей по мужской линіи отъ выходцевъ изъ Голштиніи, переселившихся въ XVI в. въ Пруссію, а оттуда, въ царствованіе Петра III, въ Россію ¹⁾. Мать ея, Екатерина Евсеевна Цицианова, была грузинская княжна и состояла въ родствѣ съ послѣднимъ владѣтельнымъ царемъ Грузіи, Георгіемъ XIII. Какъ урожденная княжна Цицианова, Екатерина Евсеевна, а также и дочь ея, Надежда Ивановна, пользовались особымъ благоволеніемъ императора Александра Павловича, заочно крестившаго Александру Осиповну и двухъ младшихъ ея братьевъ ²⁾ вмѣстѣ съ императрицей Маріей Федоровной. Дѣйствительнымъ же воспріемникомъ отъ купели дѣтей былъ другъ ихъ отца, герцогъ Ришелье.

Воспитанная въ Малороссіи, въ имѣніи своей матери (Громокля-Водино), Надежда Ивановна полюбила ее и старалась передать эту любовь къ поэтической Украинѣ всѣмъ своимъ дѣтямъ. Прекрасно владѣя малороссійскимъ языкомъ, она всегда предпочитала его французскому и нѣмецкому, которые также знала въ совершенствѣ. Благодаря ея разумному вліянію, Александра Осиповна, въ жилахъ которой текла смѣшанная кровь, сдѣлалась вполне русской женщиной по симпатіямъ, убѣжденіямъ и характеру.

Въ 1814 году Надежда Ивановна лишилась любимого мужа, когда онъ, во время чумы, страшно измучился наблюденіями въ карантинахъ и изнурился во время досмотровъ. Потеря эта была для нея тѣмъ чувствительнѣе, что она только-что перенесла другое горе: дядя ея Цициановъ, другъ извѣстнаго Ростовчина, выѣхавшій въ день самаго вступленія въ Москву Наполеона, видѣлъ, какъ домъ его былъ ограбленъ и сожженъ непріятелями; кромѣ того, единственный сынъ его, князь Георгій, двоюродный братъ главнокомандующаго на Кавказѣ, бывшій ординарцемъ при Багратіонѣ, погибъ вскорѣ послѣ Бородинской битвы. Оставшись вдовой двадцати лѣтъ, Надежда Ивановна вскорѣ вышла вторымъ бракомъ за остзейскаго уроженца, генерала Ивана Карловича Арнольди, потерявшаго ногу въ Лейпцигскомъ сраженіи и командовавшаго потомъ въ Таганрогѣ артиллерійской бригадой. Отношенія ея ко второму мужу не совсѣмъ походили на отношенія къ первому. Она горячо любила *chevalier de Rosset*, но только уважала

¹⁾ Лореры были нѣмцы, хотя французскаго происхожденія: въ Голштинію они прибыли изъ Веварна во время реформаціи. Ольга Смирнова.

²⁾ А. О. Россета и впоследствии А. И. Арнольди.

Арнольди, человека требовательнаго, строго относившагося къ дѣтямъ отъ перваго брака. Мать ея, Екатерина Евсеевна Лореръ, отзывалась о немъ такъ: «герой-то онъ герой, и красивъ, но съ деревяшкой и настоящій воинъ; это совѣмъ не то, что Осипъ Ивановичъ Россетъ или нашъ герцогъ Ришельё. Вотъ это настояще бояре и героя: и умны, и воспитаны, и добры, а Арнольди все-таки протестанты!.. Католикъ еще вѣрить всему, чему и мы вѣримъ, а тѣ и Богородицу отрицаютъ».

Недовольная строгостью Арнольди къ своимъ дѣтямъ, Надежда Ивановна послѣшила отвезти ихъ сначала къ матери, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ помѣстила дочь въ Екатерининскій институтъ, подъ высокое покровительство ея крестной матери, императрицы Маріи Феодоровны, а мальчиковъ отдала въ Пажескій корпусъ. Такому рѣшенію чрезвычайно способствовалъ, кромѣ неудобства воспитывать дѣтей въ провинціи вслѣдствіе постоянныхъ переездовъ мужа, принужденнаго кочевать съ бригадой, также постоянный страхъ близкой смерти отъ частыхъ родовъ. Опасенія ея скоро оправдались: ея давно уже не было въ живыхъ, когда государь Александръ Павловичъ скончался въ домѣ ея мужа, генерала Арнольди, (въ Таганрогѣ).

Семи лѣтъ разсталась Александра Осиповна съ Малороссіей, но страстно полюбила ее на всю жизнь. «Я родилась въ Малороссіи», говорила она, «воспиталась на галушкахъ и вареникахъ, и какъ мнѣ ни мила Россія, а все же я не могу забыть ни степей, ни тѣхъ звѣдныхъ ночей, ни крика перепеловъ, ни журавлей на крышахъ, ни пѣсенъ малороссійскихъ бурлаковъ... Все тамъ лучше, чѣмъ на сѣверѣ». Она считала себя малороссійской и въ ней, дѣйствительно, было много русскаго, благодаря воспитанію. Въ своей натурѣ она представляла счастливое соединеніе лучшихъ качествъ души и ума русскаго и французскаго. Отъ Россетовъ она унаслѣдовала французскую живость, воспримчивость ко всему и остроуміе; отъ Лореровъ—взыщныя привычки, любовь къ порядку и вкусъ къ музыкѣ; отъ матери—любовь къ Россіи и особенно къ Украинѣ; отъ грузинскихъ своихъ предковъ — лѣнь, пламенное воображеніе, глубокое религиозное чувство, восточную красоту и непринужденность въ обхожденіи. По причинѣ своего смѣшаннаго происхожденія, она, подобно матери, еще съ дѣтства одинаково хорошо владела русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками. Въ институтѣ же, благодаря материнскимъ попеченіямъ и надзору императрицы Маріи Феодоровны, какъ извѣстно, постоянно навѣщавшей подвѣдомственныя ей заведенія ¹⁾ и слѣдившей за ихъ жизнью и за ходомъ

¹⁾ Извѣстно, что съ такой же благородной заботливостью императрица посѣщала богадельни, больницы и пр.

занятій,—Александра Осиповна дѣлала большіе успѣхи и быстро развивалась. Особенно полюбила она русскую словесность, которую изучала подъ руководствомъ извѣстнаго профессора П. А. Плетнева. Благодаря ему, она научилась изящной декламаци и тонкому пониманію красотъ художественной литературы, достаточно засвидѣствованному и доказанному тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относился къ ея вкусу А. С. Пушкинъ. Впослѣдствіи она прекрасно читала стихи и прозу; государь Николай Павловичъ охотно слушалъ въ ея чтеніи повѣсти Гоголя, а въ 1850-хъ годахъ «Муму» и другіе рассказы И. С. Тургенева ¹⁾).

О Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ она въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ (въ 1870-хъ годахъ) отзывалась съ большимъ сочувствіемъ, какъ о человѣкѣ, такъ и о педагогѣ, и блестящіе успѣхи свои и подругъ приписывала его таланту и неусыпнымъ трудамъ. (См. «Р. А.» 1871, XI). Въ одномъ изъ писемъ къ Гоголю она говорила о немъ: «онъ меня воспиталъ въ нѣкоторомъ отношеніи; мы такъ связаны съ нимъ, что я души его потребность».

Днемъ торжества для институтокъ и ихъ добросовѣстнаго руководителя было выпускное испытаніе, состоявшееся въ присутствіи императрицы Маріи Федоровны и Александры Федоровны 20 февраля 1826 года. Экзамень былъ публичный; въ числѣ приглашенныхъ были митрополитъ, многіе академики и литераторы. Марія Федоровна пріѣхала въ сопровожденіи двухъ поэтовъ: В. А. Жуковскаго и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Институтки должны были говорить на память стихи, преимущественно изъ произведеній присутствующихъ поэтовъ; но воспитанницѣ Россетъ было предложено продекламировать стихотвореніе «Фонтану Бахчисарайскаго дворца» Пушкина ²⁾. Здѣсь она имѣла случай выказать во всемъ блескѣ свою мастерскую декламацию. Впослѣдствіи это обстоятельство не мало способствовало ея сближенію съ великимъ поэтомъ, нашедшимъ въ ней хорошую цѣнительницу своихъ произведеній. По окончаніи экзамена бывшія воспитанницы хоромъ пропѣли стихи, сочиненные Жуковскимъ по случаю ихъ выпуска, и торжество окончилось роскошно сервированнымъ завтракомъ

¹⁾ Кроме того, она обнаруживала любовь и большія способности къ языкамъ, исторіи и физикѣ, чрезвычайно любила музыку, была искусна и во всѣхъ женскихъ работахъ; но математика и рисованіе ей не давались.

Ольга Смирнова.

²⁾ Эти стихи послѣ рукой Александры Осиповны были написаны, въ джурнѣ Монплезирѣ, въ альбомѣ императрицы Александры Федоровны.

В. III.

съ русскими блинами, такъ какъ дѣло было на масляницѣ. Черезъ нѣсколько дней нашей даровитой институткѣ былъ присужденъ второй шифръ (перваго она не могла получить, потому что уступала одной изъ подругъ, Валугьянской, въ ариметикѣ).

II.

При первой же встрѣчѣ съ Жуковскимъ, отъ проникательныхъ глазъ юной Россетъ не ускользнула ни безграничная доброта, ни та дѣтская непринужденность, съ которою Жуковскій держался въ обществѣ; но особенно ее поразили добрые, задумчивые глаза поэта. Прошло немного времени и то, что казалось недавно необыкновеннымъ счастьемъ, сдѣлалось для нея осязательной дѣйствительностью: молодая, восторженная дѣвушка, оставаясь усердной почитательницей Жуковского, стала его другомъ. Она познакомилась съ нимъ и часто встрѣчалась у Карамзинныхъ, которые составляли центръ, объединявшій придворный и литературный кружки. Это было незадолго до кончины Маріи Ѳеодоровны ¹⁾, къ которой тотчасъ по окончаніи курса, семнадцати лѣтъ отъ рожденія, Александра Осиповна поступила фрейлиной. Потомъ она осталась фрейлиной уже при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ то время у Жуковского въ Шепелевскомъ дворцѣ (нынѣшнемъ Эрмитажѣ) бывали литературно-дружескіе вечера, и вообще преданія Арзамаса не забывались. Литературныя знакомства Александры Осиповны расширялись постоянно, что было тѣмъ легче и естественнѣе, что весь такъ называемый «ковчегъ Арзамаса» (такъ называетъ гостинную Карамзинныхъ А. О. Россетъ въ Дневникѣ) находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинными. Кромѣ бывшихъ арзамасцевъ (кн. П. А. Вяземскаго, А. И. Тургенева, Пушкина, Блудова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго), этотъ кружокъ посѣщали еще Крыловъ, Гябдичъ, оба Глинки, Хомяковъ, Вьельгорскіе, позднѣе Лермонтовъ (около 1833 года), Тютчевъ и многіе другіе. Изъ лицъ высокопоставленныхъ въ немъ слѣдуетъ особенно назвать великаго князя Михаила Павловича.

Пушкина Жуковскій поспѣшилъ представить Александрѣ Осиповнѣ, когда онъ, освобожденный изъ своего заточенія въ селѣ Михайловскомъ и уже побывавшій въ Москвѣ, только что пріѣхалъ въ Петербургъ. Во всемъ кружкѣ во многомъ царствовали еще традиціи

¹⁾ Императрица скончалась осенью 1828 г., а лѣтомъ того года А. О. Россетъ провела съ Карамзинными шесть недѣль на морскихъ купаньяхъ въ Ревелѣ.
Ольга Смирнова.

Арамаза: взаимныя отношенія отличались изящной дружеской простотой и искреннимъ расположеніемъ. Продолжались даже шутивыя прозвища и между прочимъ Жуковскій получалъ отъ Россетъ названіе быкъ или бычокъ, которымъ онъ любилъ впоследствии подписывать свои письма къ ней. Онъ-же съ своей стороны величалъ Александру Осиповну небеснымъ дьяволенкомъ (Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 233), также дѣвушкой-чернавушкой и «всегдашней принцессой» своего сердца (См. «Русск. Архивъ» 1833, 2, 334 и 339).

Съ первыхъ шаговъ выступленія въ свѣтъ, фрейлина Россетъ была окружена восторженнымъ поклоненіемъ и получила при дворѣ громкое прозваніе Donna Sol ¹⁾. Ее безпрестанно сравнивали съ южной ласочкой, солнцемъ, звѣздами, розой, что показываетъ, какое обаяніе она производила и умомъ, и своей плѣнительной, чисто южной, красотой ²⁾. Стихотвореніе кн. Вяземскаго «Черныя очи, чудныя очи» послужило какъ бы сигналомъ къ поэтическому изображенію ея со стороны пѣвцовъ большихъ и малыхъ. Отвѣчая кн. Вяземскому, Пушкинъ написалъ въ 1828 г. стихотвореніе «Ея глаза», гдѣ сравниваетъ ихъ съ южными звѣздами, намекая на грузинское происхожденіе Александры Осиповны, называетъ черкесскими, хотя и отдаетъ преимущество глазамъ Олениной. Въ этомъ же стихотвореніи онъ отозвался о ней, что она

„Придворныхъ витязей гроза“.

Зная, какой мѣткостью отличались сжатая характеристика Пушкина, мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія на этотъ стихъ. Современникамъ было, конечно, понятнѣе, почему былъ выбранъ такой эпитетъ, но и мы изъ него получаемъ самое определенное представленіе о нравственномъ достоинствѣ Александры Осиповны, что особенно важно въ виду того, что прочія поэтическія

¹⁾ Donna Sol—главное дѣйствующее лицо драмы В. Гюго „Эрнани“. Прозваніе это, по словамъ кн. Вяземскаго, было придумано однимъ изъ „военноплѣнныхъ красавицъ“. За остроумныя и ѣдкія насмѣшки Александрѣ Осиповнѣ было написано шутивное стихотвореніе:

„Вы Донна-Соль, подъ часъ и Донна-Перецъ!

Но всѣхъ счастливейъ будетъ тотъ,
Кто къ сердцу вашему надежный путь проложитъ
И радостно сказать вамъ можетъ:
О, Донна-Сахаръ! Донна-Медъ!“

²⁾ Въ ней было что-то севильской женственности, говоритъ князь П. А. Вяземскій. В. III.

характеристики обрисовывают преимущественно ее внешность. Хомяковъ, обвороженный красотой Россетъ, писалъ ей:

О, дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты?

Къ ней же относится его стихотвореніе «Иностранкѣ¹⁾». Извѣстный другъ Пушкина, С. А. Соболевскій, сочинилъ стихи:

„Не за пышныя плечи,
А за умныя рѣчи
Любимъ мы васъ“ и проч.

Графиня Ростопчина также посвятила Александрѣ Осиповнѣ нѣсколько стихотвореній.

Жуковскій же писалъ ей въ «забавномъ русскомъ слогѣ» (если мы въ правѣ примѣнить къ нему чужой стихъ):

„Мнѣ показалось, милостивая государыня, что васъ приличнѣе называть Юсифовной, нежели Осиповной. Вы, будучи весьма прекрасной дѣвицей, имѣете неотъемлемое право на то, чтобы родитель вашъ именовался Юсифомъ прекраснымъ...“

Лѣтомъ 1830 г. Александра Осиповна часто встрѣчала Жуковскаго въ Петергофѣ и въ Царскомъ Селѣ²⁾, куда прѣзжалъ дворъ до окончанія лагерей (въ Гатчину дворъ прѣзжалъ рѣдко, и то на короткое время, въ глубокую осень, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ не любилъ Гатчину). Въ этомъ и слѣдующихъ годахъ Пушкинъ снова посвятилъ нѣсколько стиховъ Александрѣ Осиповнѣ.

Въ VIII главѣ «Евгенія Онѣгина», въ строфѣ XXV, къ ней относится послѣдній изъ нижеприведенныхъ стиховъ:

„Тутъ былъ на эниграммы падкій,
На все сердитый господинъ³⁾:
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ дынный...“

Подъ одной изъ сестрицъ здѣсь разумѣется А. О. Россетъ, подъ другой—ея другъ, Стефанія Радзивиллъ, которая также была

¹⁾ Стихотворенія Хомякова, изд. 1881 г., стр. 42—44, и Записки Хомякова въ „Русскомъ Архивѣ“. В. III.

²⁾ Въ 1829 г. она постоянно видѣлась въ Царскомъ Селѣ также съ Каравзинными, которые жили обыкновенно въ китайскихъ домикахъ.

Ольга Смирнова.

³⁾ Въ другомъ вариантѣ онъ названъ графъ Туринъ:

„Тутъ былъ всѣмъ свѣтомъ недовольный,
На все сердитый графъ Туринъ...“

Туринъ—это эмигрантъ графъ Modene, завидовавшій всѣмъ и каждому.

В. III.

воспитанницей императрицы Марии Фёдоровны. Въ «Альбомѣ Олѣгина» Россетъ посвящены стихи:

Шестаго. Былъ у В. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ.
Р. С. ¹⁾ какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьѣ!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движенъѣ
Какая нѣга и душа!

* *
* *

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.:
— Давно желала я васъ видѣть.
„Зачѣмъ?“—Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
„За что?“—За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье
Ко всемъ. Однако-жъ, это вздоръ,
Вы надо мною смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны,
И знали-ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры.

Въ 1831 г. Смирнова ежедневно видалась лѣтомъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ въ Царскомъ Селѣ ²⁾.

По взятіи Варшавы Пушкинъ прислалъ Александрѣ Осиповѣ известный сборникъ, въ которомъ были помѣщены стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина»,—и кромѣ того письмо съ стихами:

„Отъ васъ узналъ я пѣвицъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня“ ³⁾.

О характерѣ его отношеній къ Россетъ и степени ихъ короткости въ это время можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма къ Щегневу:

«Россети черноокая котѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но

¹⁾ Т. е. Россетъ,—по французскому произношенію.

²⁾ Объ этомъ времени знакомства Александры Осиповны съ Пушкинымъ И. С. Аксаковъ писалъ: „Часто захаживалъ къ ней Пушкинъ во время своихъ прогулокъ подѣлиться впечатлѣніями дня и прочитанной книги: часто случалось и ей заходить къ Пушкину на дачу (Китаева, въ Царскомъ Селѣ) безъ церемоній, прямо къ нему на верхъ, заставать за работой и выслушивать изъ устъ самого поэта только что написанныя вдохновенныя произведенія, во всей ихъ свѣжести, съ пылу („Русь“, 1882, 37, некрологъ А. О. Смирновой).

³⁾ Подробности см. въ „Русскомъ Архивѣ“, 1872, XI (1869—1883 стр.).

Жуковский отсоветовалъ, говоря: «онъ живъ,—чего-же вамъ больше?». Въ томъ-же году въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» было напечатано стихотвореніе кн. Вяземскаго, въ которомъ поэтъ сравниваетъ ее съ ласточкой:

„Красою смуглаго румянца,
Смотрите, какъ она южна;
Она желтѣе померанца,
Живѣе ласточки она“¹⁾.

Съ тѣхъ поръ на нѣкоторое время это названіе сдѣлалось нарицательнымъ въ литературныхъ кругахъ, подобно тому, какъ другая фрейлина, высокая стройная блондинка, Софья Урусова, была окрещена сальфидой²⁾.

Подъ этими именами онѣ обѣ упоминаются въ письмѣ Гоголя къ его другу А. С. Данилевскому, написанномъ въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго о присылкѣ нотъ: «Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но сальфида Урусова и ласточка Россети требовали непремѣнно, чтобы я поименовалъ великодушную смертную, для которой хлопочу» (письмо отъ 2-го ноября 1831 года)³⁾. Съ Александрой Осиповной, какъ увидимъ, Гоголь познакомился немного ранѣе того времени, когда было написано письмо, а съ фрейлиной Урусовой у Александры Осиповны зимой 1831 г., когда онѣ обѣ принимали участіе при дворѣ въ живыхъ картинахъ. Въ

¹⁾ См. Сочиненія Вяземскаго, IV, 122. Это былъ экспромтъ, заключавшій въ себѣ шутивную пародію на французскіе стихи:

„Elle est jaune, comme une orange,
Elle est vive, comme un oiseau“ и проч.

²⁾ Къ ней также есть стихотвореніе Пушкина 1827 года (Соч. Пушкина. Изд. Лит. Фонда, 2, 14), не разъ упоминаетъ о ней въ своемъ дневникѣ и князь Вяземскій. Фрейлины Россетъ, Урусова и Эйлеръ (внучка знаменитаго математика) составляли одинъ тѣсный кружокъ. Онѣ и другія фрейлины собирались у Александры Осиповны, квартира которой была самая лучшая съ болѣе просторной гостиной. Въ этомъ салонѣ фрейлинъ Н. В. Гоголь познакомился какъ съ Урусовой, такъ и съ Эйлеръ, отличавшейся начитанностью и умомъ; г-жа Эйлеръ, вообще, была очень дѣльная, весьма образованная и набожная особа; она знала Гоголя до самой его смерти. Впослѣдствіи она была замужемъ за А. Н. Зубовымъ.

Ольга Смирнова.

³⁾ Замѣтимъ, что въ изданіи писемъ Гоголя у П. А. Кулиша вкралась ошибка: при приведенныхъ строкахъ въ подстрочномъ примѣчаніи невѣрно объяснено, будто это имена актрисъ. Почтенный издатель былъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе первымъ предложеніемъ (см. Соч. Гоголя изд. Кулиша, т. V, стр. 133). Кромѣ того, въ письмѣ Гоголя ошибочно стоятъ Розетти вмѣсто Россетъ.—Названіе ласточки было дано Александрѣ Осиповнѣ Вяземскимъ и Жуковскимъ еще ранѣе приведеннаго экспромта, иначе Гоголь и не называлъ бы такъ свою новую знакомую.

В. III.

дневникъ Александры Осиповны въ 1831 г. было уже отмѣчено, что однажды вечеромъ у нея при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ ¹⁾, въ присутствіи Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вьельгорскихъ и фрейлинь Урусовой и Эйлеръ ²⁾ происходило чтеніе «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки..» ³⁾.

Въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу Пушкинъ присоединилъ, говоря о Смирновой, къ прежнему названію ласточки еще новый эпитетъ, составленный, очевидно, на основаніи приведенныхъ стиховъ кн. Вяземскаго: «Домъ я нанялъ въ память своей Элизы: скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей». Впослѣдствіи Россетъ получила еще названіе: «Notre Dame de bon secours de la littérature russe en détresse». Названіе это также было дано кн. Вяземскимъ и объясняется ходатайствомъ Алекс. Осип. за нашихъ поэтовъ передъ цензурными властями и особенно передъ самимъ государемъ. Пушкинъ также нерѣдко отдавалъ съ 1828 и 1829 года свои стихи Александрѣ Осиповнѣ для передачи непосредственно самому государю, который надписывалъ цвѣтнымъ карандашемъ свои замѣтки на поляхъ и возвращалъ любимой фрейлинь ⁴⁾. Такимъ образомъ нѣкоторыя произведенія Пушкина, какъ «Графъ Нулинъ», послѣднія главы «Онѣгина», «Моя родословная» и «Мѣдный Всадникъ», не проходили черезъ руки Бенкендорфа. Графъ выходилъ изъ себя, но ничего не могъ поддѣлать

¹⁾ Впрочемъ, отмѣчаетъ одинъ изъ современниковъ А. О. Смирновой, «Великій Князь Михаилъ Павловичъ—бывалъ только на весьма не многочисленныхъ вечерахъ у А. О. Смирновой, княгини Вѣры Вяземской, жены кн. Петра Андреевича, и Маріи Трофимовны Пашковой. Ни у В. А. Жуковского, ни у кн. В. Ф. Одоевскаго Великаго Князя Михаила Павловича—я не видалъ»
гр. П. А. В.

²⁾ Гостиная Александры Осиповны, по словамъ Аксакова, была «долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся писателей, художниковъ, мыслящихъ дѣятелей. При ея необычайной памяти, при ея начитанности, при ея житейской опытности (послѣднее относится, конечно, къ позднѣйшему времени), ея разговоры, ея рассказы, даромъ котораго она владела мастерски, представляли неотразимую занимательность» («Русь», 1882, № 37).

³⁾ Гоголь обращался къ фрейлинамъ съ просьбой о нотахъ, потому что онѣ интересовались музыкой и прекрасно ее знали; между ними были тогда въ большомъ ходу и романы. Въ томъ же 1831 году Пушкинъ писалъ, напр., изъ Царскаго Села Павлу Воиновичу Нащокину, спрашивая, почему онъ не прислалъ Есауловскій романъ, и прибавлялъ: «Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами».

⁴⁾ У И. С. Аксакова сохранился конвертъ, подаренный ему Александрой Осиповной, въ которомъ была возвращена рукопись «Графа Нулина» съ собственноручной надписью государя («Русь», 1882, 37). Въ настоящее время онъ находится у вдовы его, Анны Федоровны Аксаковой. В. Ш.

лать, потому что государь самъ вызывалъ на это, говоря: «Александра Осиповна, а что вашъ поэтъ Пушкинъ? не написалъ ли что-нибудь?»¹⁾

Незадолго до замужества Россетъ, Пушкинъ принесъ ей свою послѣднюю поэтическую дань. Это было 16-го марта 1832 г.:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный.
И какъ дитя, была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло“.

Здѣсь Пушкинъ снова характеризуетъ ея душевныя качества. Особенно дорожила А. О. стихомъ: «И какъ дитя была добра...»²⁾

Но вскорѣ разнеслась молва объ ея обрученіи. 3-го августа Пушкинъ извѣщалъ Плетнева: «Россетъ вижу часто; она очень тебя любить и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ» (Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, VII, 287). Александра Осиповна была повѣнчана съ Николаемъ Михайловичемъ Смирновымъ, однимъ изъ друзей Пушкина³⁾, съ которымъ познакомилась у Карамзинныхъ. Онъ съ дѣтства зналъ Карамзинныхъ и хорошо помнилъ старика исторіографа. Съ этихъ поръ для нея началась новая жизнь. Но мы должны сказать нѣсколько словъ о ея мужѣ. Отецъ его, Михаилъ Петровичъ, служилъ въ кавалергардскомъ полку при Екатеринѣ II, вышелъ въ отставку тотчасъ по воцареніи Павла Петровича, женился на Θεодосіи Петровнѣ Бухвостовой, много путешествовалъ за границей, вернулся въ царствованіе Александра I и въ 1812 году служилъ въ ополченіи. Въ его

¹⁾ Императрица Александра Феодоровна въ своихъ письмахъ къ А. О. Смирновой также всегда называла Пушкина *voire poète*, а Жуковского—*mon poète*.

²⁾ Д. И. Хвостовъ тоже не хотѣлъ отстать отъ другихъ въ прославленіи придворнаго круга и написалъ стихи на Монплеэръ:

Всѣ Музы знаютъ, что на лирѣ
Жуковский пѣлъ о Монплеэръ... (Соч. V, 202). Ольга Смирнова.

³⁾ Пушкина близко знали всѣ родственники А. О. Смирновой. Мужъ ея, Н. М. Смирновъ, и братъ, Аркадій Осиповичъ, оставили о немъ воспоминанія, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“, 1882 года. Другой братъ, Климентій Осиповичъ, имѣлъ несчастіе получить для передачи Пушкину пакетъ съ извѣстными пасквилями, но былъ во-время предупрежденъ о сущности дѣла и не отослалъ его по назначенію.

домъ квартировалъ маршалъ Ней; одинъ домъ его разграбили, другой сожгли. Онъ умеръ на Кавказѣ, куда поѣхалъ на воды (въ Ново-георгиевскі). Въ это время его единственному сыну было только 15 лѣтъ. Черезъ три года Николай Михайловичъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оставался до 1844 г.; служилъ при посольствѣ въ Италиі и Лондонѣ до 1832 г. и въ Берлинѣ до 1836 г.; онъ былъ также церемоніймейстеромъ. Осенью 1845 г. онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ казужскимъ губернаторомъ до 1851 г., потомъ петербургскимъ и сенаторомъ въ Москвѣ; а умеръ въ мартѣ 1870 г. въ Петербургѣ ¹⁾). По выходѣ замужъ Александры Осиповны, пѣсни трубадуровъ замолкли: самый кругъ и обязанности ея измѣнились въ значительной степени и съ тѣхъ поръ лишь немногія стихотворенія были посвящены ей. Въ числѣ ихъ нельзя умолчать о значительно позднѣйшемъ восьмистишии М. Ю. Лермонтова ²⁾):

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
 При васъ я слушать васъ хочу;
 Но, молча, вы глядите строго —
 И я въ смущеніи молчу.
 Что-жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
 Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
 Все это было бы смѣшно,
 Когда бы не было такъ грустно ..

Что значили придворные витязи, если Лермонтовы смущались передъ нею!.. Хотя Александра Осиповна оставалась еще нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, но мы ничего не знаемъ за это время о ея литературныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ они, безъ сомнѣнія, продолжались ²⁾). Нельзя не пожелать поэтому, чтобы поскорѣ явился въ печати ея дневникъ, въ которомъ, безъ сомнѣнія, найдется много

---

¹⁾ О Н. М. Смирновѣ см. также въ „Русск. Арх.“, 1882, II. Тамъ-же отмѣчено, что Бухвостовы происходили отъ перваго преобращенца Леонтія Бухвостова. Намъ неясно только, какъ могъ быть Пушкинъ, уже женатый, шаферомъ на свадьбѣ Смирновой и какія причины заставили его отступить отъ общепринятаго обычая. Здѣсь очевидная неточность; согласно объясненію Ольги Ник. Смирновой, ее должно исправить слѣдующимъ образомъ: Пушкинъ не былъ шаферомъ, но былъ съ женой въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу во дворецъ.—Н. М. Смирновъ не могъ быть съ своей стороны шаферомъ у Пушкина, по случаю отъѣзда курьеромъ въ Лондонъ. В. Ш.

²⁾ Пушкинъ все такъ же часто видался съ Смирновыми, а Жуковский непремѣнно хоть разъ въ недѣлю обѣдалъ у нихъ. У Смирновыхъ часто бывали и вечера съ музыкой, на которыхъ бывали многіе поэты и литераторы.

Ольга Смирнова.

³⁾ Езъ подлинникъ хранящемся у меня, не 8, а 16 стиховъ. О. С.

литературныхъ и историческихъ данныхъ, полныхъ интереса. Обращаемся къ послѣдней характеристикѣ отношеній ея къ Гоголю ¹⁾.

III.

Трудно указать съ точностью, къ какому именно году относится начало знакомства Александры Осиповны съ Гоголемъ. Ольга Николаевна Смирнова, по многимъ соображеніямъ, склонна относить его къ 1830 или даже къ концу 1829 г. Въ дневникѣ Александры Осиповны разсказъ объ этомъ знакомствѣ записанъ вмѣстѣ съ замѣтками и разсказами о путешествіи Пушкина въ Арзерумъ, о войнѣ 1829 г., о смерти Грибоѣдова; далѣе слѣдуетъ о знакомствѣ съ Гоголемъ, о чтеніи у нея въ рукописи: «Вечера наканунѣ Ивана Купалы», затѣмъ о революціи, о письмѣ Люи-Филиппа къ императору Николаю, о бѣгствѣ въ Англію Карла X, снова о чтеніи Миргорода, повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ и проч. Такъ какъ Гоголь познакомился съ Смирновой черезъ Пушкина, то и было бы весьма важно опредѣлить начало знакомства обоихъ писателей; но и тутъ встрѣчаются затрудненія. 22-го февраля 1831 года Плетневъ рекомендовалъ Пушкину Гоголя и совѣтовалъ обратить вниманіе на его сочиненія ²⁾, прибавляя: «Я нетерпѣливо ожидаю подвести его къ тебѣ подь благословеніе». Но даже въ апрѣлѣ 1831 года Пушкинъ отвѣчалъ Плетневу, что онъ еще «не читалъ Гоголя за недосугомъ». Между тѣмъ въ іюлѣ 1831 г. Гоголь уже проситъ мать адресовать ему письма на имя

¹⁾ Пушкинъ не разъ упоминаетъ о Смирновой въ письмахъ къ женѣ, но въ нихъ преобладаетъ уже слишкомъ развязный, отчасти циническій тонъ, и здѣсь напрасно было бы искать поэтическихъ характеристикъ. Но сочувствіе его Смирновой видно изъ дневника за 1833 г. «Петербургъ полонъ вѣстями о минувшемъ торжествѣ» (по поводу совершеннолѣтія вел. кн. Александры Николаевны). «Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то-же. Одна Смирнова по прежнему мила и холодна въ окружающей средѣ».

²⁾ Съ Плетневымъ Гоголь познакомился въ 1830 г., и черезъ него получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ (въ началѣ 1831). Плетневымъ же, какъ извѣстно, былъ присовѣтованъ Гоголю всеобщимъ Рудаго Панька при изданіи «Вечеровъ на Хуторѣ». Но во время выхода въ свѣтъ «Ганца Кюхельгартена» въ 1829 г. Плетневу и Погодину было послано еще incognito по экземпляру этой поэмы («Зап. о жизни Гоголя», т. I, стр. 67).

Пушкина, въ Царское Село ¹⁾. Такимъ образомъ знакомство Гоголя съ Пушкиннымъ, а слѣдовательно и съ Смирновой, относится къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1831 года, а такъ какъ, какъ увидимъ ниже, оно состоялось до переѣзда на дачи, то можно почти навѣрное пріурочить его къ маю этого года (въ іюнѣ Пушкинъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ) ²⁾. Пушкинъ и Жуковскій приняли, какъ извѣстно, самое живое участіе въ Гоголѣ и, одѣливъ его дарованія, спѣшили ввести его въ литературные кружки и всюду, гдѣ онъ могъ найти мыслящее, образованное общество. Признавъ его своимъ, они, естественно, не замедлили представить въ тѣхъ домахъ, гдѣ сами находили интересъ и отраду.

Въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» г. Кулишъ рассказываетъ такъ о знакомствѣ его съ Смирновой: «оно началось такъ давно и такимъ необмолвленнымъ образомъ, что Александра Осиповна не могла даже припомнить времени, когда она увидѣла Гоголя въ первый разъ. Въ годъ его смерти она спрашивала его объ этомъ.

— Неужели вы не помните? отвѣчалъ Гоголь: Вотъ прекрасно, такъ я же вамъ и не скажу. Это, впрочемъ, тѣмъ лучше: значить, что мы всегда были съ вами знакомы.

Сколько разъ она ни повторяла потомъ свой вопросъ, онъ отвѣчалъ:

— Когда не знаете, такъ не скажу-жъ. Мы всегда были знакомы.

Очень можетъ быть, что блестящая фрейлина, звѣзда всего придворнаго міра, обворожительная красой первой молодости и уже стяжавшая столько лавровъ, Александра Осиповна, при обширнѣйшемъ кругѣ знакомыхъ, въ началѣ не придавала особаго значенія встрѣчамъ

¹⁾ Правда, въ изданіи г. Кулиша это письмо (т. V, стр. 117) отнесено къ 1830 г., но годъ поставленъ въ скобкахъ въ знакъ того, что онъ опредѣленъ по предположенію. Между тѣмъ рѣчь идетъ о холерѣ, которая была въ Петербургѣ въ 1831 г., какъ видно и изъ писемъ Пушкина. Кромѣ того ср. въ V т., стр. 132: «Примите радушно нашего Александра Семеновича (Данилевскаго). Это вѣстникъ о моемъ прибытіи на слѣдующій годъ» (письмо отъ 21-го апрѣля 1830 г.). 24-го же іюля Гоголь, соскучившись, что уѣхавшій Данилевскій не писалъ ему, говорить матери: „уведомьте о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого вѣстія о немъ, со времени отъѣзда его изъ Петербурга“.—Есть и другія соображенія.

²⁾ Мы не ручаемся, однако, окончательно за вѣрность этого соображенія, такъ какъ, по свидѣтельству Ольги Николаевны Смирновой, ея мать познакомилась съ Гоголемъ еще фрейлиной, не позже 1830 г. Напротивъ, Я. К. Гротъ въ своей книгѣ о Пушкинѣ относитъ начало знакомства Пушкина съ Гоголемъ къ августу 1831 года (см. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, хронологическая канва для біографіи Пушкина (стр. 245).

съ скромнымъ начинающимъ писателемъ, преимущественно обратившимъ на себя ея вниманіе своимъ малороссійскимъ происхожденіемъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи былъ Гоголь: новичокъ въ литературномъ и особенно свѣтскомъ кругу, недавній нѣжинскій школьникъ, крайне самолюбивый, онъ былъ, вѣроятно, очень польщенъ новымъ знакомствомъ¹⁾, и если сначала дичился и уклонялся отъ него, то это еще нисколько не противорѣчитъ сказанному. Во всякомъ случаѣ, онъ хорошо запомнилъ первую встрѣчу. Но и Александра Осиповна сохранила въ своей памяти этотъ эпизодъ. Если она затруднялась припомнить точно годъ встрѣчи, то еще возможно допустить, согласно съ рассказомъ П. А. Кулиша, что эта забывчивость не очень льстила въ высшей степени самолюбивому Гоголю, и что поэтому ей нелегко было выпытать у скрытнаго и уклончиваго малоросса даже то, о чемъ онъ умалчивалъ ради шутки. Но такъ какъ рассказъ г. Кулиша, вѣроятно, основанъ на устныхъ воспоминаніяхъ Александры Осиповны, то, безъ сомнѣнія, намъ всего лучше возстановить истину на основаніи болѣе точнаго письменнаго источника. Поэтому приводимъ здѣсь вполнѣ отрывокъ изъ дневника Ольги Николаевны Смирновой, о разговорѣ ея матери при Гоголѣ (въ Калугѣ въ 1850 г., а не въ 1851 г., какъ у г. Кулиша) съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, записанный тотчасъ же на память.

Иванъ Сергѣевичъ.—Александра Осиповна, расскажите, какъ вы познакомились съ Николаемъ Васильевичемъ?

Александра Осиповна.—Ахъ, какъ вы надоѣли, Иванъ Сергѣевичъ! отстаньте! Я не помню совсѣмъ,—и что вамъ за дѣло!

Николай Васильевичъ Гоголь.—Иванъ Сергѣевичъ, Александра Осиповна про это забыла, а знаете-ли вы—почему? Потому, что это было такъ давно, что мы были знакомы на томъ свѣтѣ, когда и васъ еще не было, да и васъ самихъ!... Александра Осиповна про это забыла.

Иванъ Сергѣевичъ.—Николай Васильевичъ, расскажите мнѣ всю правду, гдѣ и какъ вы познакомились?

Николай Васильевичъ.—Хорошо; Александра Осиповна, со знайтесь, что вы забыли, а я помню.

Александра Осиповна.—Именно забыла; расскажите Ивану

¹⁾ Говоря это, мы имѣли въ виду передачу рассказа въ печатномъ источникѣ (т. е. у г. Кулиша), но О. Н. Смирнова, не соглашаясь съ такимъ освященіемъ фактовъ, отрицаетъ въ Гоголѣ какъ чрезмѣрное самолюбіе вообще, такъ особенно въ данномъ случаѣ.

Сергѣевичу, а то онъ мнѣ будетъ надоѣдать каждый день вопросами¹⁾: у него страшное любопытство!

Иванъ Сергѣевичъ.—Это не любопытство, а любознательность. Какъ это вы, Александра Осиповна, «дама блистательнаго свѣта»²⁾, узнали Николая Васильевича въ нашемъ не русскомъ Петербургѣ?

Николай Васильевичъ.—Ну, слушайте же! Я давалъ урокъ одной барышнѣ³⁾, прескучный урокъ: я не педагогъ... Моя бѣдная ученица зѣвала. Александра Осиповна пришла къ намъ съ сестрой моей ученицы, замѣтила меня и тотчасъ узнала хохла. Мы близнецы великороссовъ, но видно, что на каждомъ хохлѣ, какъ и на москвичѣ, особый отпечатокъ. Александра Осиповна тутъ же замѣтила, что небосклонъ Сѣверной Пальмиры тяготить и гнететь хохла. Она знала уже, что П. А. Плетневъ меня принималъ дружелюбно и что В. А. Жуковский и А. С. Пушкинъ благоволили къ хохлу. На другой день она приказала Плетневу доставить къ ней хохла; это было имъ тотчасъ исполнено. Плетневъ при Василии Андреевичѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ передалъ мнѣ приказаніе Александры Осиповны явиться къ ней. Я закобенился, не захотѣлъ повиноваться; но тутъ Жуковский и Пушкинъ оба закричали на меня и сказали, что я и глупъ, и невѣжа, и грубиянъ, что всѣ должны слушаться Александры Осиповны и что никто не смѣетъ упираться, когда она приказываетъ. Побранивъ меня порядкомъ, А. С. Пушкинъ, которому нельзя было отказывать, и В. А. Жуковский схватили меня и повели во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Когда она увидала меня съ моимъ конвоемъ, она сказала: «Наконецъ-таки пришла! Вѣдь и я хохлячка, и я помню Малороссію. Мнѣ было всего семь лѣтъ, когда я уѣхала на сѣверъ, на скучный сѣверъ, а я все помню и хутора, и малороссійскіе лѣса, и малороссійское небо, и солнце. Поговоримъ о родномъ краѣ». Александра Осиповна прочитала мнѣ малороссійскіе стихи. Тутъ я узналъ, что мы уже давнымъ-давно знакомы и почти друзья, и что мы всегда будемъ друзья. А. С. Пушкинъ сказалъ: «Александра Осиповна, пріютите хохла, побраните его, когда захандрить», а Василий Андреевичъ даже промычалъ⁴⁾: «Вотъ видишь, братъ, что Плетневъ тебя бранить подѣломъ за твою глупость: вѣдь ты не хотѣлъ

¹⁾ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ служилъ въ Калугѣ подъ начальствомъ Н. М. Смирнова и часто бывалъ въ его домѣ.

²⁾ Намекъ на стихи И. С. Аксакова А. О. Смирновой, гдѣ онъ называетъ ее:

„И дама вы блистательнаго свѣта“.

³⁾ М. П. Балабиной, впоследствии Вагнеръ.

⁴⁾ Напоминаемъ читателю прозваніе Жуковского „бычекъ“. В. III.

идти, а теперь радъ, что пришелъ и будешь намъ благодаренъ во вѣки, что мы тебя, хохла, схватили и привели». Вотъ какъ мы познакомились съ Александрой Осиповной. Тогда всѣ мы было помоложе, Пушкинъ еще не былъ женатъ ¹⁾, Александра Осиповна была фрейлина, а я былъ учитель. Я у нея познакомился съ в. кн. Михаиломъ Павловичемъ и со многими добрыми друзьями. Пусть это будетъ вамъ примѣромъ, Иванъ Сергѣевичъ: добрыхъ совѣтовъ слушайте! Знакомство съ Александрой Осиповной мнѣ было въ пользу; вѣдь она пріятная дама, но очень строгая, престрогая дама: она меня побраниваетъ, а это мнѣ очень здорово и полезно; она никогда не увлекается, что очень разумно. Пушкинъ съ ней совѣтовался; она ему говорила правду; это полезно автору.

Иванъ Сергѣевичъ.—Неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли про это, Александра Осиповна? Это непростительно: къ вамъ пришли три личности, и какія же? гениальныя личности! и вы забыли этотъ день!

Николай Васильевичъ.—Не увлекайтесь, Иванъ Сергѣевичъ! тутъ были двѣ гениальныя личности—два поэта; третій былъ я. Про мою гениальность нечего говорить; когда я напишу все, что у меня на умѣ, и на сердцѣ, и въ душѣ, и что еще не высказано, тогда, пожалуй, позволю вамъ опредѣлять мое мѣсто въ русской литературѣ ²⁾. Я вовсе не гений, и это ужъ слишкомъ восторженное мнѣніе обо мнѣ, вовсе не нужное. Не восторгайтесь и не увлекайтесь!

Иванъ Сергѣевичъ.— Неужели вы это забыли, Александра Осиповна; даже не записали! Покайтесь!

Александра Осиповна.—Записать-то я записала; я все записывала: разговоры съ Пушкинымъ и Жуковскимъ и другими, и теперь помню этотъ первый визитъ Николая Васильевича; но вѣдь это было такъ давно! Николай Васильевичъ, это было въ Петербургѣ; мы уѣжали въ Царское; вы были потомъ у меня въ Царскомъ съ Пушкинымъ. Этотъ день я помню. Была гроза—я боюсь грозы—и вы мнѣ рассказали смѣшной анекдотъ малороссійскій, старались меня развлечь и Пушкинъ читалъ стихи шутовскіе... Это я очень хорошо помню... Но скажите мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, что васъ удивляетъ, что я, именно я, давно знакома съ Николаемъ Васильевичемъ, и къ чему вамъ это знать?

¹⁾ Гоголь, вѣроятно, смѣшалъ эту подробность.

²⁾ Ср. слова Гоголя въ письмѣ къ А. О. Россету (отъ 28 ноября 1847 г.): „Вы знаете, что я весь состою изъ будущаго, въ настоящемъ же есть нуль“ (курсивъ Гоголя; см. „Русская Старина“ 1884, 1, 172). В. III.

Иванъ Сергѣевичъ.—Простите великодушно, Александра Осиповна: вы не сердитесь за стихи, отдайте мнѣ эти стихи.

Александра Осиповна.—Я вовсе не сержусь, Иванъ Сергѣевичъ, а стиховъ не отдамъ. Они очень хороши, особенно одинъ стихъ:

„И закалясь въ борьбѣ суровой“.. ‘).

Весь этотъ разговоръ былъ шуточный, веселый. Иванъ Сергѣевичъ былъ очень молодъ, увлекался и восторгался. Александра Осиповна его очень любила, а иногда и дразнила за стихи.

Изъ этого любопытнаго разсказа очевидно, что Гоголь сразу почувствовалъ себя въ обществѣ Александры Осиповны легко и привольно, какъ въ своей родной сферѣ; но какъ затѣмъ продолжались ихъ отношенія до 1840-хъ годовъ, мы, къ сожалѣнью, не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній²⁾. Впрочемъ, на основаніи извѣстной книги г. Кулиша имѣемъ полное право заключать, что ихъ дружба и взаимное расположеніе постоянно росли.

Отсылая интересующихся къ «Запискамъ о жизни Гоголя» П. А. Кулиша (т. I, стр. 206—210), дополнимъ здѣсь кстати, на основаніи записаннаго Ольгой Николаевной Смирновой, разсказъ Гоголя о путешествіи его въ Испанію, тѣмъ болѣе, что этотъ эпизодъ его жизни остается почти неизвѣстнымъ въ нашей литературѣ. Гоголь былъ въ Испаніи и даже читалъ по испански, въ чемъ удостовѣряютъ по воспоминаніямъ лица, близко его знавшія (О. Н. Смирнова и другъ Гоголя—А. С. Данилевскій).

Изъ Марселя Гоголь отправился моремъ въ Барселону (вѣроятно, въ 1837 г., когда въ его перепискѣ замѣчается длинный перерывъ,—съ іюня по ноябрь) и разсказывалъ анекдотъ по этому поводу. Погода была отвратительная. Въ каютѣ былъ Гоголь, два француза

¹⁾ Этотъ намекъ относится къ стихамъ И. С. Аксакова:

„Вы примираетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру...“

И дама вы блистательнаго свѣта⁴. (Стих. И. С. Аксакова, стр. 45).

На третій день Иванъ Сергѣевичъ написалъ извиненіе въ стихахъ и просилъ назадъ свое поэтическое слово, но ему его не отдали. И Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, и Александра Осиповна послѣ много смѣлились по этому поводу.

²⁾ Только въ одномъ изъ писемъ Жуковского отъ 1836 г. мы читаемъ, что послѣдній предлагалъ А. О. Смирновой привезти Гоголя, чтобы онъ прочелъ ей „Ревизора“ („Русск. Архивъ“ 1883, 2, 336), въ другомъ Гоголь проситъ передать письмо Александрѣ Осиповнѣ („Русскій Арх.“ 1871, 5, 959); письмо относится къ 1837 г.

В. Ш.

и англичанинъ. Ихъ очень укачивало и всё сильно мучились морскою болѣзнью.

Къ утру англичанинъ раздѣлся, снялъ даже рубашку и при всѣхъ безцеремонно вымылся съ ногъ до головы. Одинъ изъ французовъ, возмущенный такой выходкой, обращаясь къ Гоголю, сказалъ:

— «*Avouez, monsieur le russe, que voilà un cochon bien propre!*»

Другой случай произошелъ въ гостинницѣ въ Мадридѣ. Все въ ней по испанскому обычаю было грязно; бѣлье было совсѣмъ засаленное. Гоголь пожаловался; но хозяинъ отвѣчалъ: «*señor, нашу незабвенную королеву (Изабеллу) причисляютъ къ лику святыхъ, а она во время осады нѣсколько недѣль не снимала съ себя рубашки, и эта рубашка, какъ святыня, хранится въ церкви, а вы жалуетесь, что ваша простыня нечиста, когда на ней спали только два француза, одинъ англичанинъ и одна дама очень хорошей фамилин: развѣ вы чище этихъ господъ?*»

Когда Гоголю подали котлетку, жаренную на прованскомъ маслѣ и совершенно холодную, Гоголь снова выразилъ неудовольствіе. Лакей (*mozzo*) преспокойно пощупалъ ее грязной рукой и сказалъ:

— Нѣтъ, она тепленькая: пощупайте ее!

Разсказывая это впоследствии, Гоголь обыкновенно прибавлялъ:

— Въ 1830-хъ годахъ испанскія локанды были гораздо грязнѣе русскихъ станцій; грязнѣе ихъ знаю только жидовскую корчму и одинъ монастырь въ Иерусалимѣ и также на Аевѣ, гдѣ легкая и тяжелая кавалерія, т. е. блохи, клопы, тараканы и вши, вочью поднимаютъ настоящій бунтъ и однажды сражались на моей спинѣ!» и проч. Онъ говаривалъ также: «Блохи при Твериадскомъ озерѣ настоящіе слоны!»

По шутивому тону этихъ разсказовъ, Александра Осиповна сначала сомнѣвалась въ ихъ справедливости и даже въ 1843 г., когда Гоголь разсказывалъ объ этомъ въ присутствіи ея брата, Аркадія Осиповича Россета, Якова Ханыкова и Василя Алексѣевича Перовскаго. (Такъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» П. А. Кулишъ, но О. Н. Смирнова энергически отрицаетъ его сообщеніе).

IV.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь переписывался съ Н. М. Смирновымъ. О письмѣ Смирнова онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Данилевскому отъ 13-го мая 1838 г. (V т., 323): Смирновъ сообщалъ Гоголю объ обѣдѣ, данномъ Крылову по поводу пятидесятилѣтняго юбилея ¹⁾.

Переписка Гоголя съ А. О. Смирновой началась съ конца 1842 г., когда Гоголь, обрадованный дошедшимъ до него извѣстiemъ о пріѣздѣ Смирновой во Флоренцію, писалъ ей изъ Рима, что хотѣлъ тотчасъ ѣхать къ ней, но не могъ исполнить намѣренiе, имѣя на рукахъ больного Ник. Мих. Языкова. Въ этомъ письмѣ Гоголь утверждаетъ, что видѣть Смирнову у него душевная потребность, и подписывается: «любящій безъ памяти вашу душу». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: «Упросите себя ускорить пріѣздъ свой. Увидите, какъ этимъ самихъ себя обяжете. А обо мнѣ не говорю, вы должны сами чувствовать, что это будетъ свѣтлый праздникъ для души моей».

Эти строки указываютъ уже на значительную короткость отношенiй, существовавшую между ними, очевидно, ранѣе сороковыхъ годовъ (послѣднiя свиданiя до этого времени, вѣроятно, были въ 1837 г. въ Парижѣ; см. «Записки о жизни Гоголя»), что наводитъ на предположенiе, что переписка существовала и прежде, но по незначительности содержанiя могла не сохраниться ²⁾. Гораздо

¹⁾ Впрочемъ, писемъ Гоголя къ Н. М. Смирнову было немного; притомъ оны не сохранялись обѣими сторонами: содержанiе ихъ составляли семейныя дѣла, а иногда и общественныя и даже политическiя. Въ перепискѣ родителей О. Н. Смирновой сохранились нѣкоторыя указанiя на существованiе этихъ писемъ. Одно изъ писемъ Гоголя къ Смирнову было напечатано въ нами составленномъ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, стр. 84. В. III.

²⁾ Братъ Александры Осиповны, Л. И. Арнольдъ, свидѣтельствовалъ, что Гоголь „находился съ ней въ постоянной дружеской перепискѣ въ теченiе болѣе четырнадцати лѣтъ“ („Русскiй Вѣстникъ“, 1862, 1, 58, первая строка сверху). Ольга Николаевна Смирнова начало переписки относитъ положительно къ 1837 г.

Къ сожалѣнiю, одно изъ самыхъ интереснѣйшихъ писемъ Гоголя къ Смирновой о его работѣ надъ „Мертвыми Душами“ не сохранилось. П. А. Куляшъ говоритъ о немъ слѣдующее: „Весною 1841 г. Смирнова получила отъ Гоголя изъ Москвы очень длинное письмо, съ горькими жалобами на неудачи въ Москвѣ по предмету изданiя „Мертвыхъ Душъ“. Къ письму была приложена просьба къ государю, которую А. О. должна была подать, въ случаѣ надобности“. („Зап. о жизни Гоголя“, 1, 302—303). Изъ письма къ Плетневу отъ 6 февраля 1842 г. ясно, что Смирнова принимала дѣятельное

болѣ тѣсныя отношенія устанавливаются во время жизни ихъ въ Римѣ и потомъ въ Ниццѣ. Разсказъ объ этомъ читатель найдетъ у Кулиша во 2-мъ томѣ «Записокъ о жизни Гоголя», стр. 1—6 ¹⁾; мы ограничимся съ своей стороны только указаніями на то, что дружба ихъ съ этихъ поръ получаетъ новое направленіе и особый характеръ. Какъ Гоголь, такъ и Смирнова стали смотрѣть на нее съ какой-то мистической точки зрѣнія, какъ на духовное родство въ высшемъ смыслѣ слова, вѣчное, нерасторжимое, необусловленное ни мѣстомъ, ни временемъ, и даже существовавшее раньше ихъ рожденія.

«Скажу вамъ», пишетъ однажды Смирновой Гоголь, «что всякое слово вашего письма мнѣ дорого, какъ слово роднаго брата (а родство это идетъ ²⁾ отъ самаго Христа), и всякая строчка вашего письма глядитъ тѣмъ родствомъ, какимъ не глядитъ земное родство, и всѣ тѣ мѣста вашихъ писемъ, гдѣ только изливается и высказывается ваша прекрасная душа, цѣлую душевнымъ поцѣлуемъ; цѣлую и самое страданіе, ее искупившее, моля внутренно Бога о превращеніи его въ небесное вамъ наслажденіе. Чего-жъ вамъ больше? Хотя я и не отвѣчаю вамъ иной разъ словами, но душа отвѣчаетъ, и ничто не пропадаетъ въ вашихъ письмахъ безответно. Итакъ знайте это и никогда не уставайте писать ко мнѣ: это обоюдно нужно намъ» (Соч. Гоголя, изд. г. Кулиша, VI, 169).

Въ свою очередь, Александра Осиповна говоритъ однажды, что ей нужно столько сказать Гоголю, что «ни перьевъ, ни бумаги на это не стало бы», называетъ его «прекраснымъ, единственнымъ другомъ; милымъ сердцевѣдцемъ». Она также придаетъ исключи-

---

участіе въ судьбѣ великаго произведенія. Въ концѣ письма упомянуто о запискѣ автора къ А. О. Смирновой по поводу „М. Д.“. Въ то же самое время Плетневъ ходатайствовалъ о томъ же дѣлѣ передъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ. В. Ш.

¹⁾ Имена, встрѣчающіяся въ этомъ отрывкѣ и раньше и обозначенныя инициалами, означаютъ слѣдующихъ лицъ: А. О. Р.—Аркадій Осиповичъ Россетъ. Впрочемъ А. О. Россетъ, по свидѣтельству О. Н. Смирновой, не былъ одновременно съ ея матерью въ Ниццѣ: въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ здѣсь снова встрѣчаемъ неточность; С—ва—Смирнова; П. А. В.—Петръ Андреевичъ Вяземскій; М. А. Г—нъ—Голицынъ; А. К. Т.—Алексѣй Константиновичъ Толстой; князь Д.—князь Дундуковъ (Борсаковъ); М. М. В.—Михаилъ Михайловичъ Вьельгорскій; Ш—ва—Шереметева; В—мъ и В—ми—Вьельгорскимъ, Вьельгорскими; С—Сологубъ.

²⁾ Ср. также въ VI т., стр. 397: „Прекрасна встрѣча съ родными и съ старыми товарищами нашего дѣтства, но встрѣча съ тѣми, съ которыми породнились душами во имя Христа, еще прекраснѣй“. В. Ш.

тельное значеніе ихъ дружбѣ: «Наши души выше обязательствъ свѣтскихъ. Знайте, что я это чувствую точно такъ, какъ чувствую, что мы не можемъ поссориться никогда и ничто не можетъ отдалить насъ другъ отъ друга». Очевидно, что нравственная связь, соединившая послѣ Рима и Ниццы Гоголя и Смирнову, была гораздо глубже, выше и вѣтвистѣ отношеній ея къ Жуковскому, Пушкину и Плетневу. Это чувствовалось и признавалось всѣми общими ихъ друзьями. Часто они раздѣляли съ нею заботы о Гоголѣ, о его здоровѣ, трудахъ и матерьяльномъ положеніи, но по всему видно, что самое горячее участіе принимала въ немъ Смирнова.

Плетневъ не безъ досады говоритъ о разныхъ хлопотахъ, «насылаемыхъ на него Гоголемъ въ письмахъ», и съ насмѣшливою недовѣрчивостью смотритъ на «упорство, съ какимъ онъ требуетъ присылки разныхъ бредней», т. е. критикъ на его сочиненія, а однажды (въ 1844 г.) между нимъ и авторомъ «Мертвыхъ Душъ» было даже довольно замѣтное охлажденіе.

Жуковскій относился болѣе ровно ко всѣмъ своимъ ближнимъ друзьямъ; но что его отношенія къ Смирновой, не смотря на дружескія названія жука, жучки и т. п., были для нея не на первомъ планѣ, ясно изъ недовольства, допущенной однажды Александрой Осиповной, позабывшей въ тревожное для нея время отвѣтить на его дружеское и притомъ нужное письмо ¹⁾). Гоголю она прямо пишетъ: «Не говорите о моихъ огорченіяхъ Жуковскому. Повторяю, что вамъ одному, брату и мужу, я могла повѣрить тайну своего страданія». — Всего нагляднѣе и ярче степень расположенія Смирновой къ Гоголю видна изъ словъ о ней графини А. М. Вельгорской. *Quelquefois quand je pense à lui, j'ai des angoisses véritables: je me fais des reproches d'être ici, tandis qu'il est tout seul. J'aurais dû aller le rejoindre, aller le soigner*» (письмо отъ 2 сентября 1845 г.; оно не появлялось въ печати).

Съ Гоголемъ Смирнова совѣтовалась въ затруднительныхъ случаяхъ, съ полною откровенностью говоря о себѣ и своемъ семействѣ, а нерѣдко даже принося какъ бы исповѣдь въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ. Ему она приписывала особое благотворное вліяніе на свой внутренній міръ и больше всего съ благодарностью цѣнила то, что, какъ она была убѣждена, Гоголь полюбилъ ее за душевныя качества, не плѣняясь вѣнчимъ блескомъ.

«Пусть вы, любезный и добрый другъ, узнаете о состояніи души, для васъ совершенно открытой. Вы одинъ мнѣ остались всегда вѣрными,

¹⁾ См. Соч. П. А. Плетнева, III т., стр. 693 и 716.

вы одни меня полюбили не за то вѣщнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы-же своей дружбой раздули и согрѣли! На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только расчетъ, обманъ или прекрасный призракъ любви и преданности. Къ вамъ стремится страдающая душа моя».

Смирнова замѣчала, однако, и природную скрытность натуры Гоголя и упрекала его въ недостатокъ простоты. Съ другой стороны Гоголь прямо отвѣчалъ ей: «Души моею никто не можетъ знать: она доступна еще меньше вашей, потому что я даже я не говорю». Онъ признается, что избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе «отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ» (VI, 103). Но какъ согласить со всѣмъ этимъ слова его въ письмѣ къ Аксакову: «Я былъ въ состояніи всегда любить всѣхъ вообще, но любить кого-либо особенно, предпочтительно, я могъ только изъ интереса» (VI, 437). Очевидно, что было бы крайне несправедливо, какъ это иногда дѣлается, выхватывая какое-либо одно предложеніе изъ письма или даже цѣлой переписки, основывать на немъ заключенія, оставляя часто въ сторонѣ сосѣднія строки того же письма. Гоголь, конечно, въ минуты раздраженія обнаруживалъ худшія стороны своей природы и выдавалъ свои недостатки, но, по нашему мнѣнію, едва-ли основательно, именно въ подобныхъ мѣстахъ писемъ, искать ключа къ пониманію его личности. Намъ кажется, что они должны быть принимаемы къ свѣдѣнію лишь въ условномъ смыслѣ. Иначе, примѣняя къ Гоголю сознаніе его, что «поэты лгутъ невиннымъ образомъ, обманывая сами себя», мы могли бы напомнить извѣстный софизмъ объ Эпименидѣ и критянахъ. Полагаемъ, что Гоголь хотя и не клеветалъ на себя безусловно въ приведенныхъ словахъ, но что если къ дружбѣ у него примѣшивался интересъ и, какъ сказано далѣе въ его письмѣ, благодарность за доставленную ему существенную пользу, то подъ интересомъ по смыслу всего письма онъ разумѣлъ вовсе не матеріальныя выгоды. Мы сочли необходимымъ сдѣлать эту оговорку въ виду существующихъ предубѣжденій по отношенію къ Гоголю и во избѣжаніе перетолкованій нижеслѣдующаго.

Въ виду указаннаго нами характера отношеній Смирновой къ Гоголю, совершенно особое значеніе получаетъ предложеніе ему Александрой Осиповной денегъ, испрошенныхъ съ этой цѣлью у государя ¹⁾. Нужно войти въ міросозерцаніе Гоголя, чтобы понять,

¹⁾ Сказанныя по этому поводу рѣзкія и ядовитыя слова Бѣлинскаго въ его извѣстномъ письмѣ къ Гоголю («Гимны властямъ предержавшимъ хорошо устраиваютъ земное положеніе набожнаго автора») могутъ быть объяснены

почему онъ, пожертвовавъ съ трудомъ собранныя годами деньги для недостаточныхъ студентовъ, остался почти въ нищетѣ, довольствуясь однимъ чемоданчикомъ. Александра Осиповна была противъ этого пожертвования и, какъ извѣстно, нашла его несправедливымъ по отношенію къ родственникамъ писателя. На это Гоголь, между прочимъ, отвѣчалъ ей:

«Не тяжело-ли будетъ для васъ, если бы я, увидя кого нибудь изъ вашихъ братьевъ, нуждающагося и сидящаго безъ денегъ, сталъ бы укорять васъ въ томъ, что вы помогаете постороннимъ бѣднымъ, даже изъявляете готовность помочь мнѣ?» (отвѣтъ на письмо отъ 18-го декабря 1844 г. Соч. Гоголя изд. г. Кулиша, VI, 129).

На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Знайте же вы, что эти деньги были не мои. Онѣ точно у меня лежали, но меня просили ихъ даже выдать за мои, но теперь позволили сказать (т. е. государь Николай Павловичъ), что онѣ были оставлены на мое распоряженіе», и прибавляетъ снова: «Итакъ, подумайте о моемъ предложеніи».

Отвѣты Гоголя читатель можетъ найти въ VI т. его сочиненій, стр. 169, 170 и 174.—«Отъ денегъ не откажусь», пишетъ Гоголь въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ, «единственно, чтобы не спорить съ вами бесполезно». На эту помощь Смирнова смотрѣла, какъ на предоставленіе Гоголю возможности окончить «Мертвыя Души» (въ новомъ направленіи) и совершить поѣздку въ Иерусалимъ. «Если точно душа ваша чувствуетъ потребность увидѣть Иерусалимъ, вѣрьте ея предчувствію, но ради насъ, не оставляйте вы своихъ занятій:

только крайнею занальчивостью и послѣднею степенью раздраженія. Не введенный во внутренній міръ Гоголя, гениальный критикъ поступилъ жестоко и несправедливо; мало того: надо полагать, что этими словами онъ вонзилъ ножъ въ самое сердце когда-то любимаго писателя и нанесъ ему оскорбленіе, тяжебѣ котораго едва ли пришлось перенести Гоголю во всю жизнь. Въ небольшой статьѣ „Бѣлинскій и Гоголь“ („Нива“, 1870, № 3) мы нашли нѣсколько справедливыхъ и безпристрастныхъ соображеній, высказанныхъ неизменнымъ авторомъ по поводу этой переписки.—Не можемъ не высказать здѣсь своего удивленія, почему у насъ такъ безпощадно сыпались упреки на Гоголя по поводу вышеупомянутыхъ субсидій, тогда какъ никому и на мысль не приходило поставить ихъ въ упрекъ хотя бы художнику Иванову. Мы, конечно, говоримъ это отнюдь не съ цѣлю повредить памяти послѣдняго, но желаемъ только указать на то, какъ жестоко повредило памяти Гоголя въ глазахъ многихъ слово укора, которымъ обмолвился не помнявшій себя отъ гнѣва критикъ: примѣръ великаго человѣка, однако, не долженъ намъ давать право необдуманно бросать камень осужденія въ такого идеалиста, каковымъ былъ Гоголь, перенесшій притомъ столько тяжелыхъ и неза- служенныхъ оскорбленій еще при жизни.

В. III.

легко и тут увлечься — оставить всякую полезную дѣятельность. Миѣ какъ-то дѣлается за васъ иногда страшно: смотрите, не скройте своего таланта, т. е. того, настоящаго, вамъ Богомъ даннаго не даромъ. Не оставьте намъ только первые плоды незрѣлые, или выходящи сатирическия огорченнаго ума» ¹⁾ и проч.

Это обстоятельство весьма важно: оно поможетъ намъ объяснить не только какое мѣсто принадлежало Смирновой въ ряду друзей Гоголя, но и какое она, въ свою очередь, имѣла на него вліяніе. Сколько бы мы ни вчитывались въ переписку Гоголя, мы нигдѣ не найдемъ въ послѣдній періодъ его жизни такой интимности и такого сходства во взглядахъ, притомъ не только на вопросы жизни и нравственности, но также и на значеніе литературной дѣятельности Гоголя. Зная, что Смирнова можетъ оказать Гоголю дѣятельную помощь и своимъ ходатайствомъ лично передъ государемъ доставить ему обезпеченіе, необходимое для продолженія «Мертвыхъ Душъ», Жуковский говоритъ: «Вамъ бы надо было о немъ позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надо имѣть что нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ: «вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ настоящей, лучшей стороны».

Извѣстно, что печатаніе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», составлявшее строжайшую тайну для самихъ этихъ друзей Гоголя, было поручено Плетневу подъ величайшимъ секретомъ и нарочно была выбрана для этого наименѣ посѣщаемая типографія. Одна только Смирнова узнала о печатаніи отъ самого Гоголя ²⁾. Правда, такое извѣщеніе было дѣломъ необходимости, такъ какъ на Александру Осиповну возлагалась надежда, что она будетъ въ силахъ устранить цензурныя затрудненія (VI т., стр. 272), но Гоголь придавалъ большое значеніе ея помощи и въ болѣе широкомъ смыслѣ ³⁾.

¹⁾ Подобный взглядъ не разъ высказывала Александра Осиповна, находясь въ этомъ отношеніи, вѣроятно, подъ вліяніемъ самого Гоголя, у котораго онъ замѣчается еще съ 1840 г. (V, 426). Она писала также:

„Ваши грѣхи уже тѣмъ наказаны, что васъ препорядочно ругаютъ и что вы сами чувствуете, сколько мерзости вы перомъ написали“. Сходнаго взгляда держался и Жуковский. (Соч. Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI, 524).

²⁾ И нѣсколько позднеѣ любимый братъ ея, Аркадій Осиповичъ Россетъ, который въ 1848 г. уже писалъ Гоголю о печатаніи писемъ („Русск. Ст.“ 1884 г. № 1).

³⁾ Александра Осиповна не могла, однако, на этотъ разъ исполнить просьбу своего друга: въ 1846 г. и въ 1847 г., до рожденія своего сына Михаила и вскорѣ послѣ родовъ, она болѣла почти въ продолженіи двухъ лѣтъ и даже была при смерти и два раза соборовалась. В. III.

Часть письма къ Плетневу, касающаяся этого предмета, пропущена въ изданіи г. Кулиша; возстановляемъ его по подлиннику. «Если Никитенко будетъ затрудняться или одолѣется робостью, то мое мнѣніе — печатать книгу и въ корректурныхъ листахъ поднести все на прочтеніе государя. Дѣло мое правда и польза, и я вѣрю, что моя книга вся будетъ пропущена. Въ послѣднемъ¹⁾ случаѣ переговоры объ этомъ хорошенько съ Александрой Осиповной, если только она уже въ Петербургѣ; она съумѣетъ это устроить». Смирновой же Гоголь писалъ по тому же поводу:

«Отъ Плетнева узнаете все и съ нимъ обдумаете, какъ и чѣмъ можно быть лучше мнѣ полезнымъ. Приходитъ время, когда должна объясниться, хотя отчасти, свѣту причина долгаго моего молчанія и моей внутренней жизни. Другъ мой, если Богъ милостивъ, то можно собрать прекрасную жатву во славу святаго имени Его». (VI, 269).

Никому Гоголь не говорилъ до выхода своей книги о ней съ такой самоувѣренностью и съ такой безусловной надеждой на сочувствіе.

Въ другихъ вопросахъ (относительно раздачи денегъ бѣднымъ студентамъ) Гоголь неохотно примирялся даже съ тѣмъ, что тайна противъ его воли была передана другими Смирновой.

Мы можемъ привести и другія доказательства того, что Смирнова была наиболѣе посвящена въ литературную жизнь Гоголя. Не останавливаясь на общезвѣстномъ фактѣ чтенія Гоголемъ у Смирновой втораго тома «Мертвыхъ Душъ», по поводу котораго въ ихъ перепискѣ являются шуточные поклоны и разспросы о Тентетниковѣ, Муравовѣ и Костанжогло, а также совѣты А. О. Смирновой свести Уленьку съ пьедестала, — укажемъ на слѣдующій фактъ.

Гоголь не пощадилъ однажды своего самолюбія, признаваясь ей, въ отвѣтъ на приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ: «съ вами хотѣлось бы подчасъ сильно увидѣться. Но пріѣздъ мой былъ бы мнѣ не въ радость: одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я на всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать» (VI, 176). Любопытно, что такого же рода подозрѣнія носились въ Россіи и дошли до ушей его матери, которая, какъ всегда, совершенно простодушно, безъ всякой мысли о томъ, какое дѣйствіе будутъ имѣть слова ея на сына, передала ихъ ему. Гоголя это задѣло за живое и онъ отрещивается отъ такого мнѣнія: «Слухи, которые до васъ дошли,

¹⁾ Т. е. въ крайнемъ случаѣ.

что я будто потому не ѣду въ Россію, что совѣстно съ пустыми руками показаться, не совѣмъ справедливы» (VI, 194).

Смирнова, въ свою очередь, не задумывалась сообщать Гоголю то, что не могло быть пріятно ея самолюбію; такъ, она не скрывала отъ него ударовъ ея свѣтскому реномѣ.

Гоголь ставилъ дружбу съ Смирновой особенно высоко уже потому, что, отличая въ числѣ своихъ друзей тѣхъ, которые знали его по однимъ сочиненіямъ, отъ болѣе близкихъ, посвященныхъ въ его интимную жизнь, онъ всегда причислялъ Смирнову, Данилевскаго и Вьельгорскихъ къ числу послѣднихъ ¹⁾). Напротивъ, дружбѣ перваго рода онъ не придавалъ большаго значенія и говорилъ о такихъ литературныхъ пріятеляхъ: «они меня не знаютъ вовсе, любятъ меня по моимъ сочиненіямъ, а не меня самого» (VI, 132). Особенное значеніе получило въ его глазахъ это различіе по выходѣ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Когда однажды С. Т. Аксаковъ сталъ упрекать Гоголя за то, что онъ любитъ угожденія знатныхъ Маниловыхъ, и къ числу послѣднихъ отнесъ и Александру Осиповну, то письмо это показалось Гоголю, уже прежде недовольному Аксаковымъ за осужденіе его книги, до того обиднымъ, что онъ рѣзко перемѣняетъ тонъ и не безъ колкостей отстаиваетъ своего друга. «Не сердитесь на Александру Осиповну; не называйте ее безразсудною женщиной. Женщина эта почтена была короткой дружбой Пушкина и Жуковскаго, которые любили ее именно за здравый разсудокъ и за добрую душу. Она знала меня еще прежде, чѣмъ вы меня знали, знала какъ человѣка, а не какъ писателя, видѣла меня въ тѣ душевныя состоянія мои, въ которыя вы меня не видѣли. Съ ней мы были издавна, какъ братъ и сестра» и проч. (VI, 419). Объ Аксаковѣ, напротивъ, онъ говоритъ, что всегда удивлялся излишеству его любви, на которую не имѣлъ никакого права: «Я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами; вы скорѣе могли узнать меня, какъ писателя, а не какъ человѣка».

Между тѣмъ такое знакомство казалось ему слишкомъ поверхностнымъ и недостаточнымъ: «На сочиненіяхъ моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости... Въ нихъ точно есть кое-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но

¹⁾ Полагаясь на тактъ и проникательность Александры Осиповны, Гоголь просилъ ее сообщать ему, какъ матеріалъ для своихъ сочиненій, ея наблюденія въ обществѣ, но по своей природной скрытности долго не объяснялъ прямо, зачѣмъ ему это было нужно. А. О. въ нѣкоторыхъ письмахъ отчасти исполняла его просьбу.

безъ моего собственнаго признанія ихъ никто не замѣтитъ и не увидитъ»¹⁾. Такой же взглядъ онъ высказываетъ, въ одномъ изъ писемъ, къ особенно уважаемому имъ отцу Матвѣю Константиновскому (ржевскому священнику): «Я бы не подумалъ о писательствѣ, если бы не было теперь такой повсемѣстной охоты къ чтенію всякаго рода романовъ и повѣстей, большею частью соблазнительныхъ и безнравственныхъ, но которые читаются потому только, что написаны не безъ таланта. А я, имѣя талантъ, умѣя изобразить живо людей и природу, развѣ я не обязанъ изобразить съ равной увлекательностью людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ Законѣ Божіемъ?» (VI, 425).

Необходимо обратить особенное вниманіе на то религиозное настроеніе, которое служило одной изъ главнѣйшихъ основъ дружбы Смирновой съ Гоголемъ, ясно обозначившееся уже въ началѣ 1840 годовъ. При томъ значительномъ пробѣлѣ, который отнимаетъ возможность изучить ихъ взаимныя отношенія въ продолженіе тридцатыхъ годовъ, нельзя умолчать о списываніи и заучиваніи Смирновой по указанію Гоголя псалмовъ, которому обѣ стороны придавали большое значеніе. Не зная, какъ постепенно развивались и созрѣвали религиозные взгляды Смирновой, явившіеся у нея подъ вліяніемъ болѣзни, несчастій и недовольства окружающей жизнью, мы видимъ ясно, что оно было весьма сильно еще до сближенія ихъ въ Ниццѣ. При томъ изъ приведеннаго примѣра очевидно вліяніе Гоголя на Смирнову въ указанномъ слыслѣ.

Въ 1846 г. Гоголь вспоминаетъ о заучиваніи псалмовъ²⁾ и «во имя Бога» требуетъ, чтобы Смирнова опять отдала себя во власть ему на нѣкоторое время, какъ онъ потребовалъ этого однажды въ Ниццѣ. «Также, какъ прежде, гоня отъ себя всякую мысль, вы занялись послушно ученіемъ наизусть псалмовъ, такимъ же точно образомъ займитесь буквальнымъ исполненіемъ того дѣла, о которомъ я васъ прошу». Смирнова признавала отчасти его вліяніе, говоря: «Вы, милый сердцевѣдецъ, угадали мою душу, и какъ бы предвидя ея будущее уныніе, приучали обращаться къ Тому, Который не оставляетъ никогда горюющихъ и погибающихъ». Но этого бѣлаго указанія, конечно, недостаточно; остается неясною рѣзка

¹⁾ Соч. Гоголя, VI, 147. Ниже о Плетневѣ также сказано: „онъ тоже далъ изряднаго маху, основавшись на моихъ сочиненіяхъ“; о Самаринѣ (VI, 107): „онъ можетъ судить обо мнѣ только предположительно, по моихъ сочиненіямъ“. См. также VI, 130 и 132.

²⁾ Объ этомъ заучиваніи наизусть, сопровождавшемся строгой провѣркой, Гоголь не разъ вспоминаетъ въ письмахъ. (Соч. Гоголя, изд. г. Куяша, VI, 206, 218, 251).

перемены, происшедшая въ Смирновой за десять лѣтъ, намъ неизвѣстныхъ, которую притомъ и сама она видѣла въ себѣ. «Молодость! о молодость, гдѣ то прозрачное покрывало, которое ты накидываешь на пустоту и наготу жизни?» Изъ писемъ видно, какъ въ эту вторую пору жизни счастье упорно ускользало отъ Александры Осиповны, и какъ чѣмъ дальше, тѣмъ грустиѣ ей было вспоминать о прошломъ. Въ сороковыхъ годахъ тридцатые были уже окружены какимъ-то ореоломъ въ ея глазахъ. «Что бы я дала теперь за безпечное убѣжденіе въ чемъ бы то ни было! Что бы вы сами дали, любезный другъ Николай Васильевичъ, чтобы воскресить въ своей душѣ тѣ убѣжденія, тѣ вѣрованія, которыя еще тому назадъ двадцать лѣтъ можно было искренно питать въ себѣ!» и даже прибавляетъ: «Что произошло съ тридцатыхъ годовъ съ человѣчествомъ! Оно не вѣритъ ничему, нѣтъ печати святости ни на чемъ!» Смирнова уже жалуется иногда на «рыбное состояніе» (оно характерно, какъ бы ни было исключительно), что она «утратила веселость и дѣятельность». «Душа болитъ физически», прибавляетъ она, «даже не плачется и не можется»¹⁾. Интересно, что подобную перемену замѣчаетъ она противъ прежнихъ лѣтъ и въ своемъ другѣ. Со времени пребыванія въ Ниццѣ, сходясь съ Смирновой не только во взглядахъ, но, что не менѣе важно, и въ настроеніи, и въ душевномъ возрастѣ, Гоголь вступаетъ, повидному, въ роль руководителя ея на пути къ нравственному совершенствованію. Въ сущности, Гоголь не былъ учителемъ по отношенію къ ней, но самое мировоззрѣніе обоихъ требовало взаимныхъ дружескихъ совѣтовъ и наставленій. Въ письмахъ они часто совѣтуютъ другъ другу чтеніе какихъ-либо книгъ духовно-нравственнаго содержания и проч., имѣя въ виду обоюдно помогать въ томъ-же нравственномъ совершенствованіи²⁾.

Въ одномъ письмѣ Гоголь въ этомъ смыслѣ объясняетъ самую причину ихъ сближенія: «Любовь, связавшая меня съ вами, высока и свята: она основалась на взаимной душевной помощи». Изучая внимательно переписку, можно вывести слѣдующее объясненіе того, какая именно душевная помощь и нужда были основой ихъ дружбы.

¹⁾ По словамъ О. Н. Смирновой, на такое тяжелое настроеніе ея матери имѣли вліяніе и политическая злоба дня, и естественный переходъ отъ молодости къ среднему возрасту.

²⁾ Заботы этого рода Гоголь и Смирнова распространяли и на всѣхъ близкихъ. Въ печатаемыхъ ниже письмахъ читатель найдетъ много подтвержденій; особенно касались они В. А. Перовскаго и С. М. Сологубъ, также отчасти Ю. О. Самарина. (См. также VI, 67—71, 95, 99, 153—155, 192).

Оба корреспондента вели тяжкую борьбу съ жизнью, причины которой хотя и были различны у обѣихъ сторонъ, но сходство положеній заключалось въ томъ, что язвы, мучившія обонхъ, были хроническими и при данныхъ условіяхъ неустранимыми. Какъ въ собственномъ внутреннемъ мірѣ, такъ и извнѣ, оба встрѣчали столько удручающаго, гнетущаго, противурѣчащаго идеаламъ и стремленіямъ, что это составляло ихъ крестъ, покорно нести который было необходимо по ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

V.

Со времени замужества обстоятельства жизни многое измѣнили въ судьбѣ Александры Осиповны: положеніе жены сановника и лица должностнаго налагало много такихъ обязанностей, исполненіе которыхъ составляетъ прозаическую сторону жизни, что имѣло мѣсто особенно, когда мужъ ея сдѣлался губернаторомъ въ Калугѣ. Домашнія заботы, многочисленныя семейныя обязанности, — вся эта будничная сторона дѣлала жизнь «дамы блистательнаго свѣта» не похожую на счастливыя времена придворной фрейлины¹⁾. Правда, бесѣды съ Гоголемъ, графомъ А. К. Толстымъ, И. С. Аксаковымъ и И. С. Тургеневымъ пріятно разнообразили ея время; но это были свѣтлыя минуты, за которыми тянулись безцвѣтные дни и недѣли, когда приходилось отдавать время иному обществу... Впрочемъ, отношенія ея къ свѣтскому кругу были двойственны. Намъ кажется, что въ эпоху сороковыхъ годовъ Александра Осиповна еще отчасти была склонна поддаваться соблазнамъ общества, уступая потребностямъ своего живаго, сангвиническаго характера. По своей нервной натурѣ, она держала себя очень неровно: въ одномъ кругу и съ одними людьми она была только весела и безпечна, въ другомъ—являлась остроумной и блестящей и въ то-же время мыслящей собесѣдницей первостепенныхъ геніевъ. По живости и способности увлекаться, она готова была часто раздѣлять настроеніе собесѣдниковъ, о чемъ послѣ

---

¹⁾ Еще за границей, когда мужъ ея служилъ при посольствѣ, она возненавидѣла всей душой политику и дипломатію; но ея нравственныя страданія сдѣлались совершенно невыносимыми, когда ей пришлось переживать въ Калугѣ дѣлныя адъ губернскаго нитрига, вызванныя борьбой ея мужа съ самымъ наглымъ взяточничествомъ. Много перенесла эта замѣчательная женщина, другъ Пушкина, Гоголя и Жуковскаго, отъ мелкаго провинціального ничтожества.

ей приходилось вспоминать съ раскаяніемъ и отвращеніемъ, что ясно видно изъ писемъ. Но это особенно подтверждается мѣткой характеристикой ея, сдѣланной Плетневымъ: «Смирнова, какъ видоизмѣненіе роскоши, приближаетъ въ свой уголъ образы нравственныхъ и умственныхъ совершенствъ, беззаботно отвращаясь отъ нихъ ко всѣмъ земнымъ утѣхамъ» (Соч. Плетнева, 3, 544 ¹). Въ глубинѣ души она все-же томилась въ свѣтѣ, съ ужасомъ представляя себѣ, что то-же иго будетъ тяготѣть и надъ ея дѣтьми... Но свѣтъ не только давилъ ее своей пустотой: въ немъ она часто встрѣчала злобу, зависть, недоброжелательство. Свѣтъ не могъ простить ей превосходства и особенно невольнаго пренебреженія; а что Александра Осиповна не находила въ немъ удовлетворенія, это, конечно, не могло оставаться секретомъ. Александру Осиповну нравственная пустота окружавшаго общества удручала еще больше, чѣмъ разница между нимъ и ею въ отношеніи развитія умственнаго, такъ какъ, поддаваясь волнѣ свѣтской жизни, она по временамъ чувствовала на себѣ неизбѣжную печать опутывающаго кругомъ ничтожества. Нерѣдко, оставаясь наединѣ съ собой послѣ свѣтскихъ увлеченій, она переживала горькія минуты презрѣнія къ самой себѣ. Не чувствуя подъ ногами твердой почвы, она въ отчаяніи искала нравственной опоры въ мыслящемъ другѣ. Однимъ словомъ, ея крупная личность не могла удовлетвориться успѣхами въ свѣтѣ, слишкомъ для нея легкими и утратившими скоро обаяніе, но и не могла замкнуться, подобно ея другу, С. М. Сологубу, исключительно въ семейной сферѣ. Несчастіе ея состояло въ томъ, что

---

¹) Ср. у кн. Вяземскаго: „Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ петербургскихъ салоновъ“. (VIII, 234).

„Она выходила иногда въ приемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла научиться восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустомъ, влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о петербургскихъ сплетняхъ, не безъ вѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго „злословія, съ пріятельницей“. О. Н. Смирнова напоминаетъ, что именно Гоголь далъ совѣтъ Александрѣ Осиповнѣ во время ея хандры учиться по гречески, что она и исполняла до конца жизни. У Ольги Николаевны сохранились ея греческія книги и тетради. Еще недѣли за четыре до кончины она нашла въ лексиконѣ греческое слово для внука, сына своей дочери Надежды Николаевны, которая также училась по гречески. Любовь къ занятіямъ языками была у Смирновыхъ фамільная: Ольга Николаевна уже въ 1870 годахъ выучилась по латыни и по испански.

передъ ней не было опредѣленной цѣли, достойной ея недюжинныхъ силъ, и хотя она и имѣла цѣли высшія, отвлеченныя, но этого было недостаточно.....

Во всякомъ случаѣ, интересно слѣдить, какъ она чего-то страстно искала, какъ душно и непріютно было ей въ той средѣ, въ которой она вращалась. Повторяемъ, она чувствовала потребность опоры въ искреннемъ другѣ, не чуждомъ нравственныхъ идеаловъ и бесѣда съ которымъ давала бы ей умственную пищу и удовлетвореніе, и такимъ другомъ явился для нея Гоголь ¹⁾.

Гоголь-же, въ свою очередь, также нуждался въ нравственной опорѣ, что несомнѣннымъ образомъ доказывается содержаніемъ его писемъ къ матери, ржевскому священнику Матвѣю и набожной старушкѣ Шереметевой ²⁾. Извѣстно, что для продолженія «Мертвыхъ Душъ» онъ считалъ необходимымъ перевоспитать себя ³⁾. Въ «Авторской Исповѣди» онъ смотритъ на литературную дѣятельность, какъ на долгъ, для котораго писатель призванъ на землю, исполняя который, онъ «служить также государству своему, какъ бы находился на государственной службѣ». Взглядъ его на свое призваніе постепенно становился возвышеннѣе. Сначала онъ «выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры» потому только, что «молодость подталкивала. Но», продолжаетъ онъ, «Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно». И вотъ въ произведеніяхъ Гоголя является высокая общественная цѣль: въ «Ревизорѣ» онъ рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, чтобы за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ». По своей натурѣ и по критическому свойству таланта Гоголь, конечно, и долженъ былъ идти въ этомъ направленіи; но послѣ огромнаго успѣха перваго тома «Мертвыхъ Душъ», онъ захотѣлъ

¹⁾ Въ прежніе годы источникомъ истиннаго наслажденія для Александры Осиповны служила особенно бесѣда съ Пушкиннымъ, о которомъ она едѣла замѣтку въ своемъ дневникѣ: «Я называю его искрой, потому что умъ его искрится». По смерти Гоголя та же потребность въ общеніи мыслей съ человекомъ сильнаго ума сблизила ее съ Ю. Ѡ. Самаринимъ и И. С. Аксаковымъ.
Ольга Смирнова.

²⁾ Но они не удовлетворяли умъ Гоголя, тогда какъ въ А. О. Смирновой онъ нашелъ соединеніе замѣчательнаго ума съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

³⁾ См. Соч. Гоголя, VI, 76 и 319. Въ сороковыхъ годахъ Гоголь смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность съ точки зрѣнія религіозно-аскетической: «Способность созданія,—говоритъ онъ,—есть способность великая, если только она оживотворена благословеніемъ вышнимъ Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло». (Соч. Гоголя, VI, 346).
В. III

большаго, ему представилась, по его взгляду, еще болѣе серьезная и глубокая цѣль, въ сущности-же фантастическая. Желая принести еще больше пользы обществу, онъ думаетъ создать нѣчто грандіозное и надѣется, что «настанетъ время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почувютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей»¹⁾. Но для этого онъ находитъ, что ему самому «нужно состроиться и создаться прежде, чѣмъ думать о томъ, чтобы состроились и создались другіе», такъ какъ «нельзя изглашать святини, не освятивъ прежде собственную душу». Какая страшная противоположность между великимъ замысломъ и духовной нищей, получаемой отъ Матвѣя и отъ умной и симпатичной, но простодушной старушки Шереметевой! Во всякомъ случаѣ, Гоголь искренно стремился къ усовершенствованію нравственному и искалъ въ себѣ недостатковъ. У всѣхъ близкихъ и наиболѣе любимыхъ людей онъ молилъ упрековъ, создавая изъ нихъ какой-то своеобразный культъ. Онъ жалуется Смирновой: «Вы было порадовали меня, что будете бранить и упрекать меня во многомъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Въ нынѣшнемъ письмѣ даже и намека нѣтъ на это». Самъ онъ расточаетъ упреки всѣмъ близкимъ и говоритъ однажды матери, что «хотѣлъ ей прислужиться упреками!» Но упрековъ легче просить, нежели слушать ихъ, и А. О. Смирнова была права, замѣчая довольно тонко: «Вы меня бранили—я слушала; вздумала васъ разбранить—вы меня вдвойнѣ разбранили, потому что мы уже не можемъ ни сердиться, ни считаться»²⁾. Въ этотъ періодъ Гоголь просилъ молиться за него, возвеличивалъ значеніе болѣзней и страданій и идеаломъ его были святые молчаливники (письмо къ Языкову, VI т., 33).

Александра Осиповна, воодушевленная самыми лучшими желаніями по отношенію къ Гоголю, едва ли не наиболѣе изъ всѣхъ друзей помогла вступленію его на этотъ скользкій путь... Невольно задаешь вопросъ: чего же недоставало Гоголю, чтобы достигнуть въ жизни и дѣятельности результатовъ, болѣе достойныхъ нравственнаго подвига, которымъ онъ задался, и почему ему и людямъ, съ любовью

¹⁾ „Мертвыя души“, VII глава. (Соч. Гоголя, 3-е изданіе наследниковъ, т. 3, стр. 141).

²⁾ Гоголь, желая быть послѣдовательнымъ, старался, однако, увѣрять себя и другихъ въ томъ, что упреки ему пріятны, что они составляютъ такъ сказать владѣ для него: получивъ ихъ въ изобиліи и со всѣхъ сторонъ по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, онъ писалъ Россету (Аркадію Осиповичу): „Обстоятельствами нужно пользоваться: Богъ высыпалъ вдругъ цѣлую груду сокровищъ, ихъ нужно подбирать обѣими руками“ („Русск. Старина“, 1884, I, стр. 169).

и надеждой ожидавшимъ величественнаго плода, досталась горькая чаша разочарованія и даже глумленія со стороны современниковъ и потомства. Но не всегда благія стремленія увѣнчиваются успѣхомъ и не всякая неудача можетъ быть объясняема виной другихъ людей или обстоятельствъ; въ данномъ случаѣ была роковая ошибка. Цѣль, которою задавался Гоголь, требовала трезваго отношенія къ дѣйствительности и строгаго упражненія критической мысли, тогда какъ средства, избранныя имъ для достиженія ея, вели его совершенно въ другую сторону и по другой дорогѣ. Если они и способствовали нравственному его совершенствованію, то, во всякомъ случаѣ, отвлекая его отъ дѣйствительной жизни, удаляли и отъ желаемаго результата, который, какъ миражъ, носился цѣлое десятилѣтіе передъ его глазами и часто казался близкимъ, но всегда упорно отъ него ускользаль...

VI.

Смерть Гоголя поразила и потрясла А. О. Смирнову. Незадолго передъ тѣмъ она перенесла тяжкую болѣзнь и только что стала оправляться. Она знала о его состояніи физическомъ и нравственномъ и была глубоко опечалена. Когда разнеслась вѣсть о смерти писателя, Плетневъ прежде всего подумалъ о Смирновой. «Ничѣмъ не приготовленный къ такой вѣсти», пишетъ онъ къ Жуковскому, «можете представить, въ какомъ я былъ положеніи. Первое движеніе у меня было ѣхать къ Смирновой, съ которой не видался я около двухъ недѣль. Тамъ встрѣтилась вторая дочь ея и тотчасъ попросила меня не говорить ея матери о смерти Гоголя... Но она сама, не дождавшись моего вопроса, начала говорить о худыхъ вѣстяхъ о Гоголѣ... Послѣ рассказовъ объ его самоизнуреніи, она, не зная роковаго конца, говорила мнѣ: «Я надѣюсь только, что его натура все переработаетъ».

Легко понять, какимъ ударомъ была смерть Гоголя и для всего ея дома, въ которомъ его любили давно и искренно, начиная съ главы его и кончая дѣтьми и гувернанткой m-lle Овербекъ. Никто не умѣлъ такъ ободрять Смирнову и разгонять ея хандру, какъ Гоголь. Недаромъ она съ отрадой вспоминала свою жизнь въ одно время съ нимъ въ Ниццѣ и, сравнивая съ нею свою жизнь въ Петербургѣ, говорила: «умъ и сердце мое ищутъ другой потребности и все еще переносятся съ радостію и успокоеніемъ къ Ниццѣ». Недаромъ и маленькая дочь ея, Надежда Николаевна, говорила о Калугѣ: «*Quelle ville, mon Dieu! maman est malade, parcequ'elle n'a personne pour*

causer avec elle; je sais, qu'a Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle était nerveuse». Съ своей стороны, приглашая Гоголя въ Петербургъ, Смирнова убѣждала его, что онъ могъ бы у нея отдохнуть душой, если бы пожилъ въ ея семействѣ также свободно и привольно, какъ въ Ниццѣ¹⁾.

Гоголь нерѣдко также дружески ободрялъ и успокоивалъ Н. М. Смирнова, когда онъ, утомленный борьбой со взяточничествомъ и другими злоупотребленіями, въ горькія минуты падалъ духомъ и поддавался отчаянію. Сознывая, что борьба непосильна, онъ пробовалъ отдавать большую часть жалованья и наконецъ все жалованье чиновникамъ своей канцеляріи, но и это немного помогало. Гоголь отвѣчивалъ ему не оставляя службу словами: «Николай Михайловичъ, вы уже тѣмъ дѣлаете полезное дѣло, что, пока вы не оставите мѣста, его не можетъ занять какой-нибудь взяточникъ».

Дѣти Смирновыхъ, видя въ Гоголѣ простоту и полное отсутствіе желанія имъ импонировать, боготворили его. Въ письмахъ матери они передаютъ ему поклоны, спрашиваютъ о немъ. Въ Бѣгичевѣ (калужской деревнѣ Смирновыхъ) Гоголь любилъ ихъ поразвлечь и позабавить: раскрашивалъ имъ афиши разноцвѣтными чернилами, ходилъ съ ними гулять, удить рыбу, собирать грибы; жарилъ часто грибы и караси въ сметанѣ, приготавливалъ въ совершенствѣ макароны. Онъ съ любовью наблюдалъ за развитіемъ дѣтей, а одну изъ нихъ (Ольгу Николаевну) даже училъ ботаникѣ²⁾.

¹⁾ И дѣйствительно, время, проведенное въ Ниццѣ, было свѣтлымъ лучемъ въ ихъ прошломъ, тѣмъ болѣе, что Гоголь, Смирновы и Вельгорскіе жили тамъ, что называется „душа въ душу“, какъ бы составляя одну тѣсную семью. Въ Римѣ у нихъ также были *devoirs de société*, причѣмъ они часто собирались у вел. кн. Маріи Николаевны. В. III.

²⁾ А. О. Смирнова однажды внесла въ свой дневникъ слѣдующее: „Гоголь замѣтилъ, что дѣти мои драматизируютъ все, что ихъ занимаетъ. Когда имъ прочитали о мексиканцахъ Купера, они три дня сряду играли въ мексиканцевъ, кутались въ охъяла и надѣвали перья на голову. Нада „представляетъ комедію“ съ куклами и передаетъ имъ все, что *m-lle Овербекъ* говорить въ классѣ Ольгѣ и Сонѣ; надняхъ передала даже урокъ физики, закончивъ словами: „физика — крыса въ молокѣ!“ Гоголь спросилъ, что это значитъ? Она отвѣчала: „Это значитъ, что физика дрянъ“. Отчего у васъ такое презрѣніе къ физикѣ? спрашивалъ Гоголь. „Отстаньте, Накавайка, — такъ она его называла, — много будете знать — скоро состаритесь“. Однажды Гоголь хорошо „выдумалъ“ для дѣтей луну: досталъ пустой круглый ящикъ, въ которомъ были привезенныя имъ изъ Константинополя лакомства (халву и рахат-лукумъ), вынулъ дно ящика, наклеилъ бумагу, намазалъ ее масломъ и приклеилъ огарокъ. Дѣти были вѣдъ себя отъ восторга: повѣсмя ящикъ на дерево и говорили, что это луна для склепа весталки. Въ разговорѣ съ дѣтьми

Память о Гоголѣ Смирнова хранила свято. Когда И. С. Тургеневъ задѣлъ ее и Гоголя въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» (въ словахъ Базарова: «Я преракостно себя чувствую, точно начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ»; см. Соч. Тург., т. IV, стр. 402), она отъ души смѣялась и сказала ему: «Однако-жъ, Иванъ Сергѣевичъ, все-таки вы сами вышли, по вашимъ же словамъ, изъ шинели Гоголя, а изъ-подъ каланчи (см. Соч. Тург., т. I, 80, воспоминаніе о томъ, какъ за некрологъ Гоголя онъ былъ посаженъ въ «сибирку») по ходатайству губернаторши. Вашъ романъ *chef d'oeuvre*; ваши же друзья Герцены и компанія его ругаютъ, а Гоголь и губернаторша одобряютъ, т. е. Гоголь его бы одобрилъ, а губернаторша еще жива и васъ поздравляетъ». (Изъ дневника Ольги Ник. Смирновой).

Изъ другихъ лицъ, въ дружбѣ которыхъ Смирнова находила истинную отраду въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, слѣдуетъ назвать особенно И. С. Аксакова, П. А. Вяземскаго и графа А. К. Толстаго ¹⁾).

Она страдала болѣзненной мнительностью и, опасаясь смерти и даже помѣшательства, хандрила и унывала. Эти припадки хандры на нее нападали особенно, когда она страдала коклюшемъ въ 1846 г.

Однажды къ П. А. Вяземскій по этому поводу написалъ ей стихи. Онъ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ: «Смирнушка ужасно кашляетъ и я надняхъ писалъ ей:

„Что дѣлаешь вашъ скучный кашель?
Его на сердцѣ я ношу,

Гоголь часто шутилъ, былъ веселъ; они, въ свою очередь, слѣдуя примѣру матери, обходились съ нимъ, какъ съ домашнимъ, повѣряли ему свои тайны, шалости, выпрашивали черезъ него льготы. Ему особенно нравились ихъ ваусъ къ театру и живымъ картинамъ (о любви дѣтей и всей семьи къ живымъ картинамъ, см. Соч. Гоголя, VI, 80), въ которыхъ сами принимали участіе. Однажды онъ очень интересовался, почему дѣти любятъ представлять Улисса, весталокъ, Бахуса и Ариадну. Наконецъ, онъ отгадалъ эту тайну. Для Улисса они выпрашивали изъ конюшни любимую собаку, а для весталокъ зажигали на блюдечкѣ о-де-колонъ и приносили изъ кухни черный хлѣбъ (для весталки, приговоренной къ смерти), для Бахуса и Ариадны имъ давали виноградъ, который, конечно, очень скоро исчезалъ. Дѣти также любили вспоминать и о жизни въ Ниццѣ и въ Римѣ, который любили до того, что, увидавъ его послѣ долгой отлучки, бросились цѣловать землю.

¹⁾ Она была также въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ слѣдующими представителями литературы и мысли: Тургеневымъ, Писемскимъ, Хомяковымъ, Тютчевымъ, кн. Черкасскимъ, Милютинимъ и проч. и была знакома съ гр. Л. Н. Толстымъ.

В. III.

5*

И какъ у сердца ни спрошу:
 „О чемъ грустишь ты? Не о Сашѣ-ль?“
 Оно въ отвѣтъ мнѣ: „точно такъ!“
 И зарыдаешь, какъ дуракъ“. (Соч. IV т., 273, и „Русск.
 Арх.“, 1884, 4, 433).

Эти строки ее ужасно растрогали, и она просила продолженія. Но я отказался за неспособность и обѣщала ей просить Омера Андреевича (т. е. Жуковского) докончить начатое мною. И. С. Аксакова, какъ мы видѣли, Смирнова чрезвычайно любила, хотя, какъ и Гоголь, не сочувствовала славянофильству, особенно въ крайнихъ его проявленіяхъ. См. мнѣніе Гоголя о славянофилахъ въ VI т., 267. «Воспитай прежде себя для общаго дѣла, чтобы умѣть точно говорить о немъ, какъ слѣдуетъ. А они, надѣвъ кафтанъ да запустилъ бороду, да и воображаетъ, что распространяетъ русскій духъ на русской землѣ!». Гоголь и Смирнова выразили также свое одобреніе, когда это увлеченіе кончилось.—Съ А. К. Толстымъ Гоголь познакомился еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ. (См. «Зап. о жизни Гоголя» I, 231—233). Впослѣдствіи они часто встрѣчались у Смирновой въ Калугѣ.

Александра Осиповна скончалась въ 1882 г. По поводу ея смерти въ «Руси» былъ напечатанъ прекрасный, прочувствованный некрологъ И. С. Аксаковымъ. Въ некрологѣ сказано, между прочимъ: «Имя ея было не только дорого каждому, кто имѣлъ случай лично знать А. О., но вѣдомо и памятно всѣмъ, кому непосредственно близка преданность той блистательной, литературно-общественной эпохѣ, которой Пушкинъ съ цѣлой плеядой поэтовъ былъ законодателемъ и представителемъ, а Смирнова однимъ изъ изящѣйшихъ украшеній. Цѣлый міръ прошлаго нисшелъ съ нею въ могилу» ¹⁾.

¹⁾ Эти прекрасныя слова И. С. Аксакова были повторены въ денешахъ императора Германскаго и королевы Виртембергской, присланныхъ Ольгѣ Николаевнѣ Смирновой по поводу кончины ея матери.

VII.

Въ дополненіе къ сообщенному считаемо необходимымъ прибавить нѣкоторыя поясненія, касающіяся разныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ.

Прежде всего необходимо замѣтить членовъ семейства Россетъ и Вьельгорскихъ.

Въ перепискѣ упоминается не разъ братъ Александры Осиповны, Аркадій Осиповичъ, впоследствии виленскій губернаторъ, товарищъ министра государственныхъ имуществъ и сенаторъ — его наиболѣе изъ братьевъ любила Александра Осиповна, а также любилъ его и Гоголь и ему поручилъ вмѣстѣ съ Вьельгорскимъ, Вяземскимъ и Плетневымъ 2-е изданіе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» ¹⁾. Клементій Осиповичъ былъ очень друженъ съ Пушкинымъ; Пушкинъ даже просилъ его быть своимъ секундантомъ. Александръ Осиповичъ былъ прозванъ Пушкинымъ *chégubin*; крестный сынъ Каролины, *Reine de Naples*, и Александра Павловича, его называли обыкновенно Карломъ или по гречески Скарлатомъ. Левъ Ивановичъ Арнольди, *demi-frère* Александры Осиповны, женившійся въ 1853 г. на Свербѣевой, познакомился съ Гоголемъ въ Вѣгичевѣ; см. его воспоминанія о Гоголѣ («Мое знакомство съ Гоголемъ») въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1862 г., 1.

Александръ Ивановичъ Арнольди служилъ гусаромъ на Кавказѣ; хорошо зналъ Лермонтова. Въ 1877 года онъ командовалъ дивизіей на Дунаѣ и былъ губернаторомъ въ Софіи; нынѣ живетъ въ С.-Петербургѣ. [См. о немъ «Русскую Старину», 1875, кн. 9, 67 и др.].

Вьельгорскіе, обрусѣвшіе поляки, происходили отъ французскаго рода *Grand-Mont* (или, согласно произношенію, *Grammont*, — по польски *wiel(ka) gora*, пришли въ Польшу при Янѣ Собѣскомъ. Послѣ перваго раздѣленія Польши отецъ Вьельгорскаго, женившійся на графинѣ Матюшкиной, служилъ въ Россіи и сыновья его были уже православыне. Старшій Вьельгорскій, Михаилъ Юрьевичъ ²⁾, (къ которому есть письмо въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» —

¹⁾ См. письма къ нему Гоголя въ „Русской Старинѣ“, 1884 г., кн. 1, 163—172, и Соч. Гоголя, 3 изд. наследниковъ, стр. 790—794.

²⁾ Интересныя свѣдѣнія о Мих. Юр. Вьельгорскомъ читатель найдетъ у Л. Н. Майкова въ его біографіи Батюшкова (стр. 66, 130—131), въ „Русской Библіотекѣ“ М. М. Стасюлевича (біографія Грибоѣдова, XLVII) и во многихъ книгахъ „Русскаго Архива“.

«Историческій живописецъ Ивановъ»), имѣлъ двухъ сыновей: Іосифа и Михаила, и трехъ дочерей: Аполлинію, Софію и Анну. Второю, Матвѣй Юрьевичъ, не былъ женатъ, жилъ у брата и оставилъ его дѣтямъ свое имѣніе. Михаилъ Юрьевичъ очень любилъ Пушкина и часто бывалъ въ литературныхъ кружкахъ, у Карамзинныхъ и при дворѣ. Съ нимъ и съ другими Вьельгорскими Александра Осиповна подружилась въ 1827 г. ¹⁾. Старшая дочь Вьельгорскаго, Аполлинія Михайловна, вышла за Веневитинова, брата извѣстнаго поэта; она была ровесница и другъ дѣтства великой княжны Маріи Николаевны (Лейхтенбергской) и почти на десять лѣтъ моложе Смирновой. Вторая, Софія Михайловна, была идеальная женщина, ангель кротости, очень начитанная, сдержанная и отчасти застѣнчивая ²⁾. Она съ дѣтства привязалась къ Смирновой, которая была для нея идеаломъ красоты, ума, сердца и всего высшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Она вышла по любви за графа Владиміра Александровича Сологуба ³⁾, но его невозможный характеръ и беспорядочная жизнь отравили ея счастье. Выйдя замужъ, она всецѣло отдалась семьѣ и была образцовой женою и матерью. Младшая Вьельгорская, Анна Михайловна, была ровесница великой княжны Александры Николаевны. Она вышла замужъ поздно за князя А. Леонтьевича Шаховскаго и вскорѣ умерла, оставивъ ему одну дочь (нынѣ графиня Келлеръ). Въ семействѣ ее называли сокращенно Нози (см. письма). Старшій сынъ Вьельгорскаго, Іосифъ, былъ ровесникъ покойнаго государя и вмѣстѣ съ нимъ учился. Вся царская фамилія и Жуковскій очень любили его; онъ былъ очень уменъ и добръ; умеръ двадцати лѣтъ отъ чахотки въ Римѣ, гдѣ Гоголь ходилъ за нимъ днемъ и ночью (онъ и умеръ на рукахъ Гоголя). Въ это время графиня-мать была на пути въ Римъ. Гоголь отправился по смерти Іосифа Вьельгорскаго на встрѣчу его

¹⁾ Вьельгорскій бывалъ въ масонскихъ ложахъ, занимался герметической литературой (объ этомъ упоминаетъ и Сологубъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“). Это было въ то время, когда масоны, иллюминаты, Сперанскій и Голицынъ ходили на хлѣбостовскія бдѣнія Татарниновой (въ Михайловскомъ дворцѣ) и секретаря святѣйшаго синода Попова. Ольга Смирнова.

²⁾ Въ сороковыхъ годахъ С. М. Сологубъ, подъ вліяніемъ англичанки няни, ея дочери и сына читала протестантскія книги, что выводило изъ себя ея мать и belle-mère, старуху Сологубъ.

³⁾ Сологубъ читалъ при И. С. Тургеневѣ свои записки Александрѣ Осиповнѣ и она ему сказала:

„На Кавказѣ былъ во время дѣно генералъ Фей, котораго звали Фе-враль; вы же генералъ Вральманъ (она вообще не стѣснялась ни ему, ни другимъ говорить въ лицо *sa façon de penser*).

Онъ засмѣялся и отвѣчалъ:

„Plus on ment dans les mémoires, plus on amuse“.

В. III.

матери, засталъ ее въ Марселѣ и объявилъ ей роковую вѣсть. Въ продолженіе шести недѣль ухаживалъ онъ за ней и утѣшалъ ее. Она страстно любила сына и со дня его смерти никуда не выѣзжала, рѣдко бывая даже при дворѣ. Она полюбила Гоголя, какъ сына; вся семья считала себя обязанною ему, помня, что онъ утѣшилъ графиню, которая собиралась покинуть міръ и уйти въ монастырь. Второй сынъ Вьельгорскаго, Михаилъ Михайловичъ, былъ гораздо моложе Іосифа. Онъ имѣлъ физическій недостатокъ (хромялъ съ дѣтства), но былъ чрезвычайно уменъ и начитанъ. Онъ служилъ при посольствѣ въ Лондонѣ и Берлинѣ, во время крымской кампаніи отправился въ Севастополь съ сестрами милосердія и умеръ отъ тифа. Въ это время Смирновы жили у Вьельгорскихъ, занимая временно квартиру Сологубовъ, бывшихъ на Кавказѣ. А. О. Смирнова взяла на себя объявить графинѣ-матери о постигшемъ ея несчастіи, вошла къ ней и, обнявъ ее, сказала: «Радуйтесь, графиня, Іосефъ увидалъ брата своего, они теперь вмѣстѣ; vous les reverrez bientôt. Плачьте, но утѣшите старика-отца; эта потеря для него такъ горька!» Графиня зарыдала. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея не стало; мужъ ея прожилъ еще нѣсколько лѣтъ.

Графиня Вьельгорская, Луиза Карловна, урожденная Биронъ, была ревностная католичка.

Кромѣ Россетовъ, Арнольди и Вьельгорскихъ, въ письмахъ Смирновой упоминаются еще слѣдующія лица:

Марья Яковлевна Овербекъ, гувернантка въ семействѣ Смирновыхъ, весьма любимая и уважаемая всѣмъ семействомъ. Она пользовалась такимъ уваженіемъ Гоголя, что онъ называлъ ее «восьмое чудо свѣта». Она жила послѣднее время и скончалась, 4-го декабря 1887 г., въ Дрезденѣ; до самой кончины живо интересовалась всѣмъ, что касалось семейства Смирновыхъ и воспоминаній о Гоголѣ. Она съ нетерпѣніемъ ожидала появленія въ «Русской Старинѣ» печатаемыхъ нынѣ, вслѣдъ за настоящей статьей, писемъ.

Елиътъ Мещерскій — поэтъ, хромой отъ рожденія.

Василій Алексѣевичъ Перовскій—бывшій оренбургскій губернаторъ; онъ былъ близокъ съ Гоголемъ, А. О. Смирновой и Жуковскимъ.

Софья Ивановна Сологубъ, рожденная Архарова, мать Владиміра и Льва Александровичей (послѣдній былъ женатъ на Марьѣ Фёдоровнѣ Самаринѣ), была въ многолѣтнемъ разладѣ съ мужемъ и много терпѣла отъ него...

Княжна Цицианова, Елизавета Дмитріевна, тетка А. О. Смирновой, жила въ Троицкомъ посадѣ. Она имѣла большую склонность къ монашеству, но не постриглась. Она была женщина умная, съ характеромъ и

твердой волей; была очень дружна съ Анной Георгіевной Толстой (вдовой оберъ-прокурора святѣйшаго синода, Александра Петровича, въ домѣ котораго скончался Гоголь) и ея невѣсткой Софьей Петровной Апраксиной (она упоминается въ письмахъ Гоголя).

Прочія необходимыя объясненія читатель найдетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ письмамъ А. О. Смирновой къ Н. В. Гоголю. Эти замѣчательныя, въ особенности по отношенію къ біографіи Гоголя, письма помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ «Русской Старины» съ примѣчаніями частью дочери А. О. Смирновой — Ольги Николаевны Смирновой, которой приносимъ глубочайшую благодарность, какъ за дозволеніе печатать письма, такъ и за многія фактическія сообщенія, послужившія матеріаломъ для настоящей статьи ¹⁾, частью съ нашими объяснительными замѣтками.

Еще одна замѣтка: Александра Осиповна Смирнова въ молодости читала католическія книги, но не терпѣла протестантизма за его сухость; въ католицизмъ же осуждала нетерпимость. Гоголь въ періодъ начала 1840-хъ годовъ также очень увлекался разными религіозными повѣтріями.

В. И. Шенрозь.

Примѣчанія Ольги Николаевны Смирновой.

Къ страницѣ 51: Въ 1841—1842 гг. Гоголь пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время и видѣлся съ Александромъ Осиповичемъ.

Къ стр. 52, выноска 1: А. О. Россетъ никогда не былъ въ Ниццѣ, въ 1844 г. ему Гоголь пишетъ въ Гrefенбергъ и Петербургъ („Русская Старина“ изд. 1884 г., книга 1).

Къ стр. 58: Гоголь говоритъ: „Она“ (А. О. Смирнова) „знала меня еще прежде, чѣмъ вы меня знали“... значитъ до знакомства съ Погодинымъ и Аксаковымъ, т. е. до 1830-го года,—біографы забываютъ, что Гоголь очень мало жилъ въ Москвѣ до 1840-хъ годовъ, а что Погодинъ и Аксаковъ не ѣздили въ Петербургъ именно.

Къ стр. 59, выноска 1: Гоголь познакомился съ Самаринимъ только въ 1846 г., ежели не позднеѣ.

Къ стр. 65: „Гоголю... досталась горькая чаша разочарованія и даже глумленія...“.—Глумленіе всегда выпадаетъ на долю тѣхъ, которые учили человѣчество; Гоголь не первый и не послѣдній; но все это—гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

О. С.

Парижъ. 1888 г.

¹⁾ Кромѣ того, считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу живѣйшую признательность лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ получеаію нами копій писемъ А. О. Смирновой къ Гоголю изъ Пражскаго Національнаго Музея, гдѣ они хранятся:—А. Н. Пыпишу, П. А. Кулишу, К. Я. Грогу и А. О. Патерѣ.

ИВАНЪ ТЕРЕНТЬЕВИЧЪ ОСИНИНЪ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Род. 1835 г., † 1887 г.

VIII ¹⁾.

Въ 1873 г. на особую комиссію изъ министра внутреннихъ дѣлъ, министра народнаго просвѣщенія, главнаго начальника III отдѣленія и товарища главноуправляющаго IV отдѣленіемъ с. е. и. в. канцеляріи высочайшею волею возложено обсужденіе вопроса о мѣрахъ, вызываемыхъ постоянно возрастающимъ приливомъ русскихъ женщинъ въ цюрихскій университетъ и политехникумъ и прискорбными явленіями, совершающимися въ ихъ средѣ.

Собранныя комиссіею свѣдѣнія показали, что правительство не оставалось совершенно безучастнымъ къ потребности женскаго высшаго образованія, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. Такъ, комиссіею въ докладѣ указано, что при нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію с. е. и. в. канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшаго учебнаго заведенія, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особые

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, стр. 457—476; 655—672.

курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушеровъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составлялись соображенія объ учрежденіи, если будутъ изысканы необходимыя средства, подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Усматривая, такимъ образомъ, что потребность высшаго и даже профессиональнаго образованія для женщинъ не остается безъ удовлетворенія, комиссія, тѣмъ не менѣе, признала, что, въ виду того преобладающаго значенія, которое, по естественному закону природы, принадлежитъ женщинамъ въ воспитаніи молодаго поколѣнія, правительство едва ли можетъ считать задачу свою выполненною въ этомъ отношеніи. Въ виду этого положенія и другихъ соображеній, комиссія признала чрезвычайно важнымъ и существенно необходимымъ учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основанномъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ, по образцу высшихъ женскихъ училищъ въ Берлинѣ и на основаніи подробныхъ соображеній по этому предмету со стороны главноуправляющаго IV отдѣленіемъ собственной е. и. в. канцеляріи и министерства народнаго просвѣщенія.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія образована была, какъ особенное временное учрежденіе, комиссія изъ девяти членовъ, опытныхъ педагоговъ, изъ обоихъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Въ числѣ членовъ отъ IV отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи былъ назначенъ начальникъ с.-петербургскихъ и царскосельской гимназій—И. Т. Осининъ.

Комиссія работала почти цѣлый годъ (до начала 1875 г.) и представила на усмотрѣніе высшей власти докладъ вмѣстѣ съ отдѣльнымъ коллективнымъ мнѣніемъ 5 членовъ комиссіи отъ IV отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи и, кромѣ того, съ особымъ мнѣніемъ начальника женскихъ гимназій д. с. с. Осинина. Означенный докладъ, вызвавшій, по самому содержанию и редакціи своей, протестъ половины членовъ комиссіи, при томъ людей, наиболѣе компетентныхъ въ дѣлѣ женскаго

образования, составленъ былъ, какъ это указываетъ съ полною откровенностію, въ интересахъ истины, И. Т. Осининъ, только со словъ одного изъ членовъ комиссіи. Въ этомъ докладѣ, по словамъ его-же, не только встрѣчаются, отъ имени комиссіи, такія мысли, которыя высказывались только однимъ членомъ и не были сдѣланы предметомъ серьезнаго обсужденія и голосованія, но поставлены отъ имени комиссіи и такія мысли, которыя вовсе не были высказаны въ засѣданіяхъ комиссіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ и смыслѣ, въ какомъ онѣ изложены въ докладѣ. Это обстоятельство, подтвержденное еще 4 членами комиссіи, и вызвало отдѣльное мнѣніе 5 членовъ и особое мнѣніе члена И. Т. Осинина, на которомъ мы, въ виду его особенной важности для характеристики заслугъ покойнаго въ дѣлѣ женскаго образования, остановимся съ должнымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ заключаются и всѣ основныя предложенія самаго доклада.

Прежде всего И. Т. Осининъ указываетъ на то, что онъ и другіе члены оппозиціи съ энергіей возставали въ засѣданіи и въ отдѣльныхъ заявленіяхъ противъ предложенія одного изъ членовъ свести все дѣло къ учрежденію новаго специально педагогическаго учрежденія для привлеченія женщинъ къ педагогической дѣятельности и образования знающихъ и добросовѣстныхъ воспитательницъ. Ставъ твердо на путь, указанный высочайшимъ повелѣніемъ, И. Т. Осининъ ближайшимъ и главнымъ поводомъ къ мысли правительства объ учрежденіи въ нашемъ отечествѣ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній признаетъ потребность въ мѣрахъ противъ постоянно возрастающаго прилива русскихъ женщинъ въ цюрихскіе университетъ и политехникумъ. „Что же касается, говоритъ Иванъ Терентьевичъ, до подготовки женщинъ къ педагогической дѣятельности, то хотя эта цѣль и указана въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, какъ наиболѣе нормальный и естественный исходъ для женскаго научнаго труда, и хотя эта цѣль, безъ сомнѣнія, не могла и не должна была быть упущена изъ виду комиссіею, тѣмъ не менѣе ее едва-ли справедливо назвать главнѣйшею и существеннѣйшею, тѣмъ болѣе, что къ удовлетворенію этой потребности и запроса на знающихъ и добросовѣстныхъ воспитательницъ—давно уже приняты были со стороны вѣдомства императрицы Маріи различныя мѣры“ Точно

также вопросъ о разсмотрѣннн всей системы нынѣ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не могъ быть предметомъ занятій комиссiи, какъ вовсе не подлежащій разбору и разсмотрѣнiю ея по смыслу данныхъ ей инструкцiй, и по многимъ другимъ, чисто практическимъ, причинамъ; тѣмъ не менѣе, не смотря на отрицательное разрѣшенiе постановки самаго вопроса въ принципѣ, — въ засѣданiи комиссiи „разсмотрѣнiе этого вопроса на дѣлѣ вышло крайне неполнымъ и поверхностнымъ, вслѣдствiе чего и самыя сужденiя, высказываемыя въ докладѣ о нѣкоторыхъ изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведенiй, ничѣмъ достаточно не мотивированы и даже просто не имѣютъ никакого серьезнаго значенiя“. Равнымъ образомъ и существующiе при Александровской женской гимназiи Педагогическiе курсы были „разсмотрѣны“ и сужденiе о нихъ произнесено однимъ изъ членовъ (сужденiе, вошедшее въ докладъ отъ имени комиссiи въ измѣненномъ и усиленномъ видѣ), исключительно на основанiи лишь двукратнаго посѣщенiя нѣкоторыхъ уроковъ въ этихъ курсахъ однимъ изъ членовъ министерства народнаго просвѣщенiя. Прочiе же члены комиссiи, какъ отъ того, такъ и отъ другаго вѣдомства, никакого участiя въ этомъ разсмотрѣнiи не принимали.

Далѣе, въ отрицанiе доклада комиссiи, какъ лицо, наиболѣе компетентное въ вопросѣ, И. Т. Осининъ указываетъ, на основанiи статистическихъ данныхъ, что въ ввѣренныхъ ему гимназiяхъ не весьма часты, а, напротивъ, весьма рѣдки случаи, когда, вслѣдствiе какихъ-либо особенныхъ и исключительныхъ семейныхъ обстоятельствъ, ученицы, по прохожденiи низшихъ и среднихъ классовъ, не могли бы оставаться въ гимназiи до окончанiя полнаго курса; точно также весьма рѣдки случаи поступленiя въ с.-петербургскiя гимназiи дочерей изъ низшаго класса городского населенiя.

Сужденiе доклада о томъ, что „хотя женскiя гимназiи вѣдомства императрицы Марiи составляютъ разрядъ среднихъ учебныхъ заведенiй, но, по характеру и объему получаемаго въ нихъ образованiя, скорѣе напоминаютъ элементарныя заведенiя“, — сужденiе, составленное со словъ одного члена и признанное Иваномъ Терентьевичемъ совершенно несправедливымъ, вызываетъ слѣдующее его замѣчанiе: „я рѣшительно недоумѣваю,

какимъ образомъ подобное сужденіе о женскихъ гимназіяхъ вѣдомства императрицы Маріи могло попасть въ докладъ. Ни о характерѣ, ни объ объемѣ получаемого въ этихъ заведеніяхъ образованія въ засѣданіяхъ комиссіи не было и не могло быть никакихъ разсужденій“.

Не находя удобнымъ въ своей краткой замѣткѣ входить въ разборъ признаваемой имъ крайне невѣрною и несостоятельною вошедшей въ докладъ мысли о томъ, что программа женскихъ гимназій ничѣмъ не должна отличаться отъ программъ мужскихъ гимназій, Иванъ Терентьевичъ ограничивается замѣчаніемъ: „высшее образованіе женщинъ, признанное правительствомъ хотя и не необходимымъ, но желательнымъ и полезнымъ въ виду современныхъ обстоятельствъ, во всякомъ случаѣ должно оставаться женскимъ, т. е. соответствующимъ природнымъ силамъ и потребностямъ женщины, равно какъ и ея семейному и общественному положенію. О тождествѣ программъ мужскихъ и женскихъ гимназій никогда въ образованномъ мірѣ рѣчи не было и, по моему мнѣнію, рѣчи быть не можетъ безъ совершеннаго искаженія всѣхъ основъ разумнаго воспитанія. Что же касается до высшаго образованія женщины, то оно, какъ неоднократно заявлено мною комиссіи, должно быть понимаемо въ смыслѣ относительномъ, въ смыслѣ образованія высшаго сравнительно съ тѣмъ, какое нынѣ доступно для женщины, но никакъ не въ смыслѣ несбыточнаго, по моему мнѣнію, и неестественнаго уничтоженія различія между умственнымъ строемъ мужчинъ и женщинъ“.

Достойно вниманія, что это мѣсто возраженія И. Т. Осина, гдѣ онъ указываетъ на принципиальную сторону высшаго образованія женщины, замѣчательно совпадаетъ съ мнѣніемъ лучшихъ московскихъ профессоровъ (въ томъ числѣ покойнаго профессора знаменитаго историка С. М. Соловьева) въ объяснительной запискѣ къ проекту устава общеобразовательнаго заведенія для женщинъ (профессорскіе курсы Герье, существующіе въ Москвѣ съ 1872 г., „съ большимъ успѣхомъ“, по отзыву министерства народнаго просвѣщенія).

Указывая на то, что въ нашихъ университетахъ односторонняя спеціализація взяла верхъ надъ общеобразовательнымъ характеромъ университетскихъ чтеній и занятій, составители

записки говорятъ: „историческій опытъ, а также и психологическія наблюденія надъ свойствами женскаго ума даютъ право предполагать, что женщины, по крайней мѣрѣ, въ среднемъ выводѣ, менѣе способны, чѣмъ мужчины, въ такимъ научнымъ занятіямъ, для которыхъ требуются отвлеченныя размышленія, строгій анализъ и широкій синтезъ. Но онѣ едва ли уступаютъ мужчинамъ въ таинхъ занятіяхъ, гдѣ теорія смѣшивается съ практикой, гдѣ отвлеченный законъ выражается въ осязательныхъ явленіяхъ, доступныхъ наблюденію, т. е. въ наукахъ медицинскіхъ и естественныхъ“. Продолжая эту мысль и указывая, что въ данномъ случаѣ интересы государства совпадаютъ съ потребностями женщинъ, ищущихъ спеціальныхъ знаній и пракческаго ихъ приложенія,—составители записки рекомендуютъ расширить акушерскіе курсы въ такомъ объемѣ, чтобы дать возможность учащимся держать экзаменъ на званіе лекаря. Но считая „ученыхъ женщинъ“ только рѣдкимъ исключеніемъ и признавая, что образованіе, исполненное одностороннихъ свѣдѣній, вызываетъ въ женскомъ мірѣ гораздо болѣе уродливыя явленія, чѣмъ между мужчинами, московскіе профессора съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ общему образованію, считая его наиболѣе соответствующимъ женской природѣ, свойствамъ женскаго ума и ихъ семейному и общественному положенію. Указывая, затѣмъ, что женщина, по преимуществу, воспитательница и что воспитаніе составляетъ ея главное призваніе, составители записки желаютъ, чтобы воспитаніе находилось не въ рукахъ спеціалистовъ, а въ рукахъ образованныхъ женщинъ. На основаніи всего этого московскіе профессора признавали, что какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ спеціальнымъ или, такъ сказать, факультетскимъ занятіямъ, — для большинства ихъ нужны общеобразовательныя учрежденія съ энциклопедическимъ, но строго научнымъ характеромъ.

Обращаясь вновь къ особому мнѣнію И. Т. Осинина и опуская нѣкоторыя другія его возраженія на докладъ, составленный со словъ одного члена комиссіи, переходимъ къ немногимъ замѣчаніямъ почтеннаго дѣятеля на изложенный въ докладѣ проектъ высшаго женскаго учебнаго заведенія. Иванъ Терентьевичъ находитъ, что докладъ несправедливо отожде-

ствляеть высшее образованіе съ университетскимъ и напоминаетъ, что въ засѣданіи комиссіи было рѣшено, что „высшее образованіе“ должно было бы быть приравнваемо къ природнымъ силамъ и потребностямъ женщины, а не мужчины. Далѣе онъ порицаетъ докладъ (или, точнѣе, мнѣніе того члена, со словъ котораго докладъ составленъ) за то, что, увлекшись мыслью о достиженіи женщинами внѣшней юридической равноправности съ мужчинами по званію учителя среднихъ учебныхъ заведеній, помянутый членъ задался мыслью ввести почти во всѣ проектируемыя учебныя отдѣленія новаго высшаго заведенія значительное количество уроковъ по латинскому языку. Признавая вполнѣ громадное, формально-образовательное значеніе древнихъ классическихъ языковъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы съ разумною постепенностью вести изученіе ихъ параллельно съ постепеннымъ же развитіемъ умственныхъ силъ мальчика, начиная, напримѣръ, съ 10—11-ти-лѣтняго возраста, И. Т. Осининъ говоритъ: „но я отказываюсь понимать значеніе латинскаго языка, когда предлагается взрослымъ, умственно уже сложившимся дѣвицамъ и дамамъ, пройти курсъ этого языка, такъ сказать, форсированнымъ маршемъ въ теченіе трехъ лѣтъ и притомъ начиная съ азовъ. Тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о какомъ либо формально-образовательномъ влияніи на умственные силы ученицъ и еще менѣе о примѣненіи классицизма къ самостоятельнымъ научнымъ трудамъ, а лишь о томъ, чтобы, какъ и говорится въ докладѣ, поставить для пріобрѣтенія женщинами права на званіе учительницы тѣ внѣшнія требованія, какія существуютъ для мужчинъ. Но спрашивается, стоитъ ли въ этомъ случаѣ дѣло того, чтобы казнѣ тратить на него ежегодно свыше 60,000 рублей?“

Затѣмъ вообще, что касается до педагогическихъ курсовъ при Александровской женской гимназіи, относительно которыхъ составитель доклада отъ имени комиссіи призналъ возможнымъ произнести голословно различныя, весьма нелестныя, сужденія и даже требовать, чтобы они низведены были на степень устроенныхъ при нѣкоторыхъ министерскихъ женскихъ гимназіяхъ педагогическихъ классовъ, то И. Т. Осининъ вообще воздержался и отъ возраженій на такія голословныя обвиненія. Признавая, что возможны болѣе или менѣе важные недостатки Педагогическихъ

курсовъ и что исправленіе замѣченныхъ недостатковъ составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ его, какъ ихъ начальника и руководителя, И. Т. рѣшительно недоумѣваетъ, откуда могла явиться мысль о ихъ закрытіи, и заключаетъ свое мнѣніе слѣдующею мыслью: „Если же, какъ можно заключить по нѣкоторымъ возраженіямъ доклада, рѣчь идетъ о томъ, чтобы освободить проектированное высшее женское училище отъ неудобной для него конкуренціи, то дѣло представляется въ еще болѣе странномъ видѣ; одно изъ двухъ: либо вновь проектированное заведеніе, при огромныхъ, потребныхъ на его содержаніе, суммахъ, дѣйствительно, согласно поставленной комиссіи задачѣ, соотвѣтствуетъ „законной потребности женщинъ въ высшемъ образованіи“, и тогда, конечно, не имѣетъ никакого повода опасаться конкуренціи со стороны педагогическихъ курсовъ съ ихъ весьма скромными силами, средствами (стоятъ казнѣ меньше 3,000 р. въ годъ) и задачами; либо новое заведеніе, по предположенной для него учебной организаціи, не соотвѣтствуетъ современнымъ нуждамъ общества и не можетъ рассчитывать на успѣхъ при свободной, общественной конкуренціи съ другимъ расадникомъ женскаго образованія, но тогда зачѣмъ же рекрутировать для него ученицъ черезъ закрытіе другихъ путей къ образованію, зачѣмъ тратить на него казенныя средства, зачѣмъ, наконецъ, учреждать его?!“

Таково было положеніе вопроса о высшемъ женскомъ образованіи въ Россіи и о тѣсно съ нимъ связанномъ среднемъ образованіи въ 1873—1874 гг., послѣ семилѣтней дѣятельности И. Т. Осинина на поприщѣ улучшенія ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній. Надо было имѣть его тактъ, энергію и гражданское мужество, чтобы не увлечься въ комиссіи отступленіями отъ высочайше назначенной ей работы, которая усердно проектировалъ и потомъ изложилъ въ докладѣ отъ имени комиссіи одинъ ея членъ, и чтобы яснымъ и трезвымъ, чисто русскимъ, словомъ и убѣжденіемъ разбить по пунктамъ весь докладъ.

Казалось бы, на томъ дѣло и должно было кончиться и, какова бы ни была дальнѣйшая судьба доклада, члену комиссіи И. Т. Осинину достаточно уже было вынести рядъ несправедливыхъ упрековъ и голословныхъ нареканій относительно

горячо имъ любимаго и оберегаемаго дѣла, но ему предстояло еще новое испытаніе, еще новая борьба на опасной аренѣ.

Одинъ членъ комиссіи, со словъ котораго и былъ составленъ докладъ, опротестованный пятью членами (половиною комиссіи) во всѣхъ пунктахъ, представилъ въ засѣданіе комиссіи объяснительную записку по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи въ виду вышеизложеннаго особаго мнѣнія начальника с.-петербургскихъ женскихъ гимназій. Онъ, впрочемъ, возражаетъ И. Т. Осинину только по поводу Педагогическихъ курсовъ при Александровской женской гимназій, относительно которыхъ всего менѣе говорится въ особомъ мнѣніи начальника ихъ.

Членъ-составитель записки, послѣ двухкратнаго посѣщенія курсовъ и по прочтеніи одного сочиненія одной изъ ученицъ, по собственному сознанію, только на основаніи этихъ данныхъ, нашелъ вопіющіе недостатки въ организаціи педагогическихъ курсовъ и дважды склонялъ почтеннаго ихъ организатора и руководителя къ тому, чтобы онъ принялъ на себя инициативу предложенія въ комиссіи о ихъ закрытіи и замѣнѣ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ съ чисто-педагогическимъ характеромъ, но устроеннымъ на совершенно противоположныхъ началахъ.

Объ этомъ эпизодѣ И. Т. Осининъ въ замѣчаніяхъ на означенную объяснительную записку говоритъ, что членъ-составитель записки, дѣйствительно, былъ у него по возникшимъ въ комиссіи вопросамъ два раза и высказывалъ свое мнѣніе о неудобствѣ академическихъ чтеній, о многочисленности преподаваемыхъ въ курсахъ предметовъ и указалъ ему на признанныя имъ предосудительными мѣста въ сочиненіи одной дѣвицы; что это заявленіе члена-составителя записки онъ, Иванъ Терентьевичъ, принялъ съ благодарностью, какъ дружескіе совѣты со стороны человѣка, съ которымъ давно находится въ добрыхъ и близкихъ отношеніяхъ, нисколько не подозрѣвая, что за этими совѣтами скрывается мысль объ упраздненіи курсовъ, о ихъ зловредности и пагубномъ вліяніи на молодое женское поволеніе. „Находящіяся подъ моимъ начальствомъ и руководствомъ учебныя заведенія, говоритъ Иванъ Терентьевичъ, вѣрены мнѣ, конечно, не для того, чтобы ихъ разрушать и упразднять, и

если бы членъ-составитель записки обратился ко мнѣ съ подобнаго рода предложеніемъ, это было бы болѣе, чѣмъ странно“.

Признавая съ особеннымъ удовольствіемъ значительныя улучшения въ нынѣшнихъ Педагогическихъ курсахъ противъ того, чѣмъ они были 10 лѣтъ назадъ, членъ-составитель записки утверждаетъ, что, по существу своему, они остались такими же, чѣмъ были и 10 лѣтъ назадъ; а именно, по его мнѣнію, эти курсы, будучи педагогическими только по имени, представляютъ, по существу своему, какое-то фальшивое подобіе университета; безхарактерность этого учебнаго заведенія еще увеличилась противъ прежняго. Главная черта, господствующая въ этомъ заведеніи, по замѣчанію составителя записки, есть многопредметность, извращающая извѣстное педагогическое правило: „*non multa, sed multum*“. Къ числу недостатковъ организаціи составитель записки относитъ также многочисленность сводныхъ курсовъ, побуждающую преподавателей читать спеціальныя, отрывочныя курсы научныхъ предметовъ. Признавъ очень оживленнымъ и занимательнымъ чтеніе одного профессора, прекраснымъ преподаваніе другого, составитель записки недоволенъ выборомъ матеріала у перваго и отвѣтами ученицъ у втораго. Слегка коснувшись преподаванія французскаго и нѣмецкаго языковъ, составитель записки подробнѣе останавливается на лекціяхъ географіи и русской словесности. Онъ доказываетъ, что профессоръ географіи не могъ не сбиться на ложный путь вслѣдствіе ложныхъ началъ, положенныхъ въ основу педагогическихъ курсовъ, и обвиняетъ лектора въ ложности и ненаучности его взглядовъ и въ усиленномъ навязываніи дѣвицамъ преувеличеннаго понятія о всемогущемъ вліяніи внѣшнихъ, матеріальныхъ условій, въ ихъ нравственному вреду. Что касается до лекціи преподавателя словесности (точнѣе—эстетики), то неудачныя его „выходки“ и „невозможныя сближенія“ при разборѣ Гамлета составитель записки опять приписываетъ только фальшивому положенію, въ которое поставлены курсы, тѣмъ болѣе, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, тотъ же преподаватель оказывается дѣльнымъ и основательнымъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Плоды порицаемой имъ системы высшаго женскаго образованія, усвоенной Педагогическими курсами, членъ-составитель записки усмотрѣлъ въ одномъ сочиненіи ученицы, заглавіе кото-

раго съ перваго же раза его изумило, а именно, въ сочиненіи „Наванъ Премудрый Лессинга — разборъ“, признанномъ г. преподавателемъ лучшимъ трудомъ въ Педагогическихъ курсахъ за послѣдніе три года. Сочиненіе это было прочитано составителемъ записки „съ истиннымъ сокрушеніемъ“.

Въ подробной рецензій этого сочиненія составитель записки, по словамъ И. Т. Осинина, „обвиняетъ одну изъ лучшихъ и во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшихъ дѣвицъ въ легкомысліи, фразерствѣ, вредномъ литературномъ направленіи и, наконецъ, во всему этому еще въ безбожій; такое обвиненіе, будучи признано справедливымъ, должно бы лишить бѣдную дѣвушку въ будущемъ возможности добывать честный кусокъ хлѣба педагогическою дѣятельностью. Сгруппировавъ съ большимъ искусствомъ дѣйствительно поразительные факты извращенія науки, легкомылія и заблужденій будто бы одной изъ ученицъ, членъ-составитель записки, толкуя въ этомъ смыслѣ содержаніе одной тетради недовонченнаго ученицею сочиненія, прямо заключаетъ отсюда о горькихъ плодахъ, приносимыхъ Педагогическими курсами, будто бы внушающими своимъ питомицамъ, что не только нѣтъ души, какъ отдѣльнаго существа, но нѣтъ и Бога, какъ существа личнаго, существующаго внѣ міра, нѣтъ Вседержителя и Творца міра и нѣтъ, не можетъ быть и не нужно никакого иного откровенія, кромѣ откровенія разума. Такимъ образомъ, основываясь на этомъ одномъ сочиненіи, членъ-составитель записки возводитъ на курсы обвиненіе въ антихристіанскомъ образѣ мыслей, т. е. такое, которое на ряду съ указаніемъ на политическую неблагонадежность всего болѣе можетъ выставять и лица, и учрежденіе въ ужасномъ свѣтѣ“. Составитель записки далека отъ мысли видѣть корень зла въ лицахъ, но онъ усматриваетъ его въ томъ ложномъ предположеніи, будто бы для дѣвицъ могутъ быть какіе-то иные пути къ наукѣ, чѣмъ для юношей. Далѣе, онъ признаетъ существованіе этихъ курсовъ истинно пагубнымъ, а упраздненіе ихъ въ возможно скорѣйшемъ времени рѣшительно необходимымъ. Онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ далѣе, что комиссія (точнѣе довлѣдь, составленный со словъ одного члена), руководствуясь только здравыми педагогическими началами, въ основу предположеннаго ею высшаго женскаго училища, положила начала, прямо противоположныя

тѣмъ, которыя приняты въ здѣшнихъ Педагогическихъ курсахъ. Проводя посильно параллель между проектомъ новаго училища (записаннымъ со словъ одного члена) и своею фивцією о Педагогическихъ курсахъ, членъ-составитель записки оканчиваетъ свой трудъ пожеланіемъ, чтобы предположенія комиссіи осуществились и чтобы Педагогическіе курсы, оказавшіеся вредными, были бы сколь можно скорѣе замѣнены новымъ высшимъ женскимъ училищемъ.

Изъ этого изложенія видно, какъ много искусства потрачено, какіе разнообразныя приемы пущены въ ходъ членомъ комиссіи для того, чтобы упразднить Педагогическіе курсы и тѣмъ окончательно уронить авторитетъ главнаго своего противника по дѣламъ комиссіи. Но тутъ выступаетъ самъ столь несправедливо обвиненный членъ комиссіи, начальникъ Педагогическихъ курсовъ И. Т. Осининъ, съ своимъ замѣчательнымъ трудомъ: „Замѣчанія по поводу объяснительной записки по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи“. Эта записка его, въ связи съ особымъ мнѣніемъ на докладъ комиссіи, очевидно, имѣла рѣшительное вліяніе на заключеніе высшей власти, не только не поддерживавшей фантастическаго проекта якобы комиссіи, но и сохранившей по настоящее время (1888 г.) Педагогическіе курсы при Александровской женской гимназій съ тѣми-же силами, до сихъ поръ служащими ихъ украшеніемъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ сказался весь И. Т. Осининъ, съ его громаднымъ образованіемъ и начитанностію, съ его ясностію и послѣдовательностію мысленія, съ его спокойствіемъ, благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства исполненнымъ,—при борьбѣ за правое дѣло и съ его горячимъ убѣжденіемъ въ истинной пользѣ горячо любимыхъ имъ учреждений.

Ознакомившись съ сущностію возраженій члена-составителя записки и съ его приемами и заключеніемъ, мы приведемъ здѣсь сущность возраженій руководителя педагогическихъ курсовъ съ развитіемъ мнѣній pro и contra, по мѣрѣ надобности и живаго интереса ¹⁾.

---

¹⁾ Не лишнимъ считаемъ сообщить, что матеріалы къ изложенію настоящей борьбы мы получили еще въ 1885 году, вмѣстѣ съ копіями другихъ документовъ, до общественной дѣятельности И. Т. Осинина касающихся, отъ него самого. Покойный Иванъ Терентьевичъ находился съ нами съ 1871 года въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; былъ частымъ нашимъ гостемъ и себе-

Указавъ прежде всего на то, что вопросъ о Педагогическихъ курсахъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ совершенно выходитъ изъ круга предметовъ, подлежащихъ обсужденію комиссіи, и всецѣло принадлежитъ IV отдѣленію собственной е. и. в. канцеляріи, И. Т. Осининъ, въ виду въ высшей степени важности дѣла воспитанія молодаго поволѣнія, допускаетъ право члена произнести оффиціально свое сужденіе о Педагогическихъ курсахъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, и принимаетъ возраженіе на себя, какъ лицо, несущее на себѣ ближайшую и полную отвѣтственность за все, что касается до характера направленія и до учебнаго строя этихъ курсовъ.

Изложивъ по пунктамъ сущность всѣхъ обвиненій составителя записки противъ Педагогическихъ курсовъ, И. Т. Осининъ говоритъ, что записка нападаетъ не на преподавателей, но на предметы преподаванія, и не на ученицъ, а на самые курсы, и замѣчаетъ, что если вполнѣ основать сужденіе о курсахъ только на этой запискѣ, то курсы должны быть закрыты. Но оказывается, что и основанія, и цѣль, и внутренняя организація курсовъ совершенно иныя, чѣмъ это представлено авторомъ записки.

Главнымъ основаніемъ для открытія Женскихъ Педагогическихъ курсовъ при здѣшнихъ гимназіяхъ служитъ § 28 высочайше утвержденнаго 9-го января 1862 г. устава женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи: „Сверхъ семи классовъ общаго курса при гимназіяхъ, по указанію обстоятельствъ, могутъ быть устраиваемы Педагогическіе курсы, въ которыхъ бы дѣвицы, окончившія общій курсъ и предназначающія себя къ наставнической дѣятельности, могли получать спеціально педагогическое образованіе“. Затѣмъ, указавъ на составъ курса и на условія приѣма (съ повѣрочнымъ испытаніемъ), Иванъ Терентьевичъ приводитъ имена всѣхъ педагоговъ, работающих на педагогическихъ курсахъ, какъ тѣхъ, лекціи которыхъ слышаны составителемъ записокъ и о которыхъ онъ отозвался прямо или косвенно съ похвалою, такъ и другихъ, пользующихся заслуженною репутаціею и извѣстностью и въ другихъ почтенныхъ

сѣдникомъ, и при всей своей сдержанности нерѣдко дѣлился съ нами и своимъ горемъ, и радостью. Въ немъ мы оплакиваемъ потерю не только высокочтимаго общественнаго дѣятеля, но и личнаго друга какъ пишущаго эти строки, такъ и его семья.

Ред.

учебныхъ заведеніяхъ. Указавъ на невѣрность точки зрѣнія составителя записки относительно самаго характера курсовъ, И. Т. заявляетъ, что Педагогическіе курсы ни по цѣли, ни по организаціи своей не имѣютъ ни малѣйшаго притязанія на значеніе высшаго учебнаго курса. Хотя для нѣкоторыхъ удобствъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніи педагогическій курсъ и составляетъ нынѣ отдѣльное отъ гимназій учебное заведеніе, но по своему внутреннему устройству и по самой цѣли своей онъ есть не что иное, какъ дополнительные классы гимназій, т. е. входитъ, по своей общей образовательной цѣли, въ число тѣхъ-же среднеучебныхъ заведеній, въ которыхъ принадлежатъ женскія гимназій. Стараясь, по мѣрѣ возможности, дополнить общее образованіе дѣвицъ чрезъ болѣе основательное и сознательное усвоеніе тѣхъ же предметовъ и того же учебнаго матеріала, которые проходятся въ гимназіяхъ и институтахъ, педагогическій курсъ не считаетъ себя въ правѣ исключить изъ числа преподаваемыхъ предметовъ ни одного изъ тѣхъ, которые, по общепринятымъ у насъ требованіямъ, входятъ въ составъ всѣхъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній. Поэтому въ педагогическомъ курсѣ преподаются тѣ-же 9 предметовъ, какъ и въ женскихъ гимназіяхъ, съ подраздѣленіемъ на обязательныя: Законъ Божій, педагогика, русскій яз., французскій или нѣмецкій языки и математика, и необязательныя двѣ группы: 1) Исторія всеобщая и русская и исторія литературы. 2) Естественновѣдѣніе, естественная исторія, физика и географія; одна изъ нихъ обязательна для каждой ученицы. Вслѣдствіе незнакомства своего съ организаціей курса, составитель записки перечисляетъ гораздо большее число преподаваемыхъ предметовъ (такъ, напр., изъ исторій—дѣлаетъ четыре отдѣльныхъ предмета). Такъ какъ въ педагогическомъ курсѣ дѣвицы занимаются не новыми научными предметами, а тѣми же, какими онѣ съ успѣхомъ обучались уже въ общихъ классахъ гимназій, — то назначеніе въ курсѣ числа уроковъ, приблизительно равнаго числу гимназическихъ—не влечетъ за собою никакихъ особенныхъ затрудненій по отношенію къ полнотѣ и основательности самихъ занятій. Указывая на то, что далеко не всѣ предметы на педагогическихъ курсахъ преподаются академическимъ способомъ (въ видѣ связныхъ чтеній), И. Т. Осининъ говоритъ, что отъ такого способа усвоенія ученицами нѣкоторыхъ предметовъ,

при существующемъ правильномъ контролѣ надъ ихъ занятіями (составленіе записокъ, репетицій, экзамены), нѣтъ ничего вреднаго и предосудительнаго.

Переходя отъ общихъ сужденій члена-составителя записки къ частнымъ его впечатлѣніямъ,—Иванъ Терентьевичъ останавливается, прежде всего, на противорѣчій между упрекомъ члена-составителя записки къ курсамъ, будто они хотятъ открыть предъ дѣвицами „всѣ глубины и высоты науки и изобрѣсти какіе-то новые, небывалые пути къ образованію женщины“, и на его же наблюденіи, что преподавателю математики приходится на курсахъ проходить съ ученицами элементарный курсъ геометріи, вслѣдствіе слабой ихъ подготовки по этому предмету, съ чѣмъ соглашается и самъ И. Т. Осининъ, а преподаватели французскаго и нѣмецкаго языковъ проходятъ „весьма скудный курсъ“. И. Т. Осининъ убѣжденъ, что если бы членъ-составитель записки ознакомился, какъ слѣдуетъ, съ уровнями массы преподавателей по обязательнымъ предметамъ, онъ увидѣлъ бы, что происходящая въ курсѣ учебная работа, будучи прямымъ дополненіемъ къ даваемому въ женскихъ гимназіяхъ общему образованію съ практическимъ примѣненіемъ къ потребностямъ будущихъ элементарныхъ учительницъ, имѣетъ полное право называться трудомъ трезвымъ, серьезнымъ и полезнымъ для ученицъ и отнюдь „не пагубнымъ“. Соглашаясь съ составителемъ записки въ томъ, что профессоръ русской словесности могъ бы найти въ исторіи русской литературы не мало предметовъ менѣе специальныхъ и болѣе пригодныхъ для ученицъ курса, чѣмъ избранный имъ отдѣлъ „отреченной русской литературы“, о чемъ и были неоднократныя у него объясненія съ преподавателемъ, Иванъ Терентьевичъ переходитъ къ замѣчанію и выводамъ составителя записки объ успѣхахъ географіи и эстетики. Разбивъ, на строго-научныхъ данныхъ, возраженіе составителя записки на прослушанные имъ уроки географіи по существу и признавъ лезціи этого преподавателя вполне разумными, И. Т. Осининъ замѣчаетъ, что установленною этимъ преподавателемъ методою преподаванія ни въ какомъ отношеніи не можетъ вноситься въ души ученицъ идея матеріализма, и говоритъ: „онъ раскрываетъ только могучее вліяніе природы на человѣка, въ особенности въ эпоху первоначальнаго его развитія, и безсиліе его ума противодѣйствовать тѣмъ законамъ, которые установлены Творцемъ вселенной

и которые остаются непреложными, подчиняя себѣ природу и человѣка. Напротивъ, мысль, что человѣкъ можетъ будто бы преодолѣть законы природы и заставить ее дѣйствовать вопреки Божескимъ законамъ, можетъ поселить лишь гордую самоуверенность и доводить до безбожія“.

По поводу ссылки члена-составителя записки на судьбу Палестины, Греціи и Италіи въ довазательство ничтожества силъ природы, сравнительно съ духовною дѣятельностью человѣка, И. Т. Осининъ говоритъ, что авторъ записки не принялъ во вниманіе, чѣмъ была Обѣтованная земля въ то время, когда ее осматривали еврейскіе соглядатаи и когда она, по выраженію священнаго писанія, текла медомъ и млекоу, и что теперь представляетъ Палестина, осушенная сухими вѣтрами, дующими изъ сосѣднихъ, безводныхъ азіатскихъ пустынь. Онъ упустилъ изъ виду что Греція, осушенная нынѣ вѣтромъ фень, дующимъ изъ Африки, въ цвѣтуція времена древнихъ Эллиновъ была не та, что теперь, и что нынѣшняя природа Аркадіи не развиваетъ того творчества, какое свойственно было грекамъ классической древности. Точно также природа южной части Италіи нынѣ совершенно не та, которая нѣкогда избаловала войско Аннибала: покатоу горъ и многія долины тамъ высохли, а историческая жизнь нашла себѣ новое средоточіе въ странахъ, во времена римскаго владычества малонаселенныхъ, покрытыхъ малодоступными лѣсами и болотами. „Вообще, заключаетъ эту часть своего возраженія И. Т. Осининъ, объясненіе причинъ, производящихъ извѣстныя явленія, нисколько не развиваетъ матеріализма, а напротивъ, содѣйствуетъ укрѣпленію молодаго ума и даетъ возможность ясно видѣть, какъ человѣкъ пользуется дарами природы, назначенными Богомъ на удовлетвореніе его потребностей“.

Затѣмъ И. Т. Осининъ считаетъ своимъ долгомъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на обвинительныхъ пунктахъ противъ лекціи эстетики и сочиненія одной ученицы на тему „Наоанъ Мудрый“, такъ какъ въ нихъ заключается вся сила записки, по мнѣнію ея составителя.

Оказывается, что на курсахъ вовсе не читался полный, настоящій курсъ эстетики, какъ отдѣлъ философскій (какъ это и заявилъ самъ преподаватель составителю записки), а проходилса болѣе развитый курсъ теоріи поэзіи, въ видѣ дополнительныхъ

уроковъ въ курсу русскаго языка въ гимназіяхъ. Между тѣмъ составитель записки утверждаетъ о неумѣстности философскаго курса эстетики, смѣшавъ извѣстный во всей Германіи методъ Эггардта, котораго держался преподаватель, съ научнымъ курсомъ эстетики. Разбирая и рѣшая очередные, по Эггардту, вопросы, относящіеся къ изученію трагедіи „Гамлетъ“, преподаватель руководствовался Гервинусомъ и Гете, при чемъ, по словамъ Ивана Терентьевича, ему никакъ не могло придти въ голову, чтобы таковой великій писатель и человѣкъ, какъ Гёте, жившій самъ при веймарскомъ дворѣ и самъ бывшій другомъ царственныхъ особъ и многихъ придворныхъ, могъ способствовать въ сообщенію нелѣпыхъ мыслей, якобы развращающихъ Педагогическіе курсы. Разобравъ еще нѣсколько „крайне-поверхностныхъ замѣчаній“ составителя записки и указавъ, что въ нихъ замѣтно только стремленіе винуть на курсы подозрѣніе въ какихъ-то зловредныхъ тенденціяхъ, И. Т. Осининъ дѣлаетъ лестную оцѣнку личности и педагогическимъ трудамъ преподавателя.

Но съ особенной силой и замѣчательнымъ искусствомъ разбилъ почтенный руководитель Педагогическихъ курсовъ всѣ инсинуации, которыя позволилъ себѣ составитель записки, по поводу единственнаго прочитаннаго имъ сочиненія одной изъ ученицъ курсовъ. Указавъ составителю записки на его узкій фанатизмъ, на то, что православная церковь именно стоитъ за вѣротерпимость, И. Т. Осининъ приводитъ авторитеты Любена, Эггардта и Дунтцера, а равно и примѣры гимназій и реальныхъ училищъ Германіи, въ доказательство педагогической пользы отъ разбора „Навана Мудраго“, для поселенія въ учащихся вѣротерпимости и христіанской любви. Признавая въ то-же время, что самостоятельный разборъ Навана, дѣйствительно, превышаетъ степень развитія ученицъ педагогическихъ курсовъ и вводитъ ихъ въ область малодоступныхъ для нихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, И. Т. Осининъ готовъ поставить въ упрекъ преподавателю заданіе этой темы, хотя-бы и одной ученицѣ, но только съ педагогической, а никакъ не съ религіозной стороны дѣла. Преподаватель похвалилъ ученицу за обиліе источниковъ, которыми она пользовалась, за ея начитанность и за постоянныя усердныя занятія въ курсѣ.

Оставляя въ сторонѣ рядъ опроверженій на легкомысленныя

замѣчанія составителя записки, остановимся на замѣчаніяхъ Осинина по поводу обвиненія ученицъ въ безбожіи. Иванъ Терентьевичъ указываетъ, что всѣ мѣста, заставившія составителя записки возвести на неповинную трудолюбивую дѣвушку странное обвиненіе, суть только переводъ изъ извѣстнаго сочиненія о Лессингѣ Штора (Lessing, sein Leben und Zeit) и выписки изъ Куно-Фишера, которыми она воспользовалась, не скрывая этого отъ преподавателя. Подобно тому, какъ раньше Иванъ Терентьевичъ сдѣлалъ лестную характеристику своему преподавателю и тѣмъ поддержалъ его репутацію, такъ и здѣсь онъ дѣлаетъ слѣдующую теплую оцѣнку трудолюбивой ученицы: „Считаю не лишнимъ присовокупить, что дѣвица N, по своему нравственно-религіозному направленію, по своимъ познаніямъ и своему трудолюбію, принадлежитъ къ лучшимъ ученицамъ Педагогическихъ курсовъ и дѣлаетъ честь воспитавшему ее заведенію, здѣшнему училищу ордена св. Екатерины, гдѣ она окончила курсъ въ числѣ лучшихъ воспитанницъ и удостоена при выпускѣ награжденія шифромъ. По выходѣ изъ института дѣвица N постоянно находилась и донинѣ находится подъ полнымъ вліяніемъ своей почтенной матери“.

„Самыя выраженія и выдержки изъ сочиненія этой дѣвицы, приводимыя составителемъ записки, посредствомъ вырванія ихъ изъ контекста и сопоставленій, не имѣютъ, по словамъ Ивана Терентьевича, того значенія, какое старается придать имъ авторъ записки. Взявъ изъ сочиненія фразу Лессинга о „небытіи внѣміроваго Бога“, составитель записки восклицаетъ: „небытіе внѣміроваго Бога—да вѣдь это отрицаніе самого Бога, какъ личнаго существа, какъ Творца міра и Вседержителя!“ Оказывается, что авторъ записки, вовсе незнакомый съ извѣстнымъ ученіемъ деистовъ XVIII вѣка, а равно и съ мировоззрѣніемъ Лессинга, смѣшалъ противниковъ деизма съ атеистами, чѣмъ и вызвалъ слѣдующее для него наставленіе своего почтеннаго противника: „На основаніи, конечно, не собственныхъ соображеній, а подѣ руководствомъ своихъ нѣмецкихъ авторитетовъ, дѣвица N справедливо говоритъ, что Лессингъ дошелъ до отрицанія внѣміроваго Бога, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе понималось и пропагандировалось у деистовъ XVIII вѣка и въ какомъ оно отчасти усвоено было тогдашнею ортодоксальною партіею протестантовъ. Какъ извѣстно, на языкѣ деистовъ „внѣміровой

Богъ“ означалъ существо, совершенно чуждое міру и его жизни, существо, не имѣющее никакого вліянія на дѣятельность и судьбу какъ нравственнаго, такъ и физическаго міра, исключительно зависящаго будто бы отъ своихъ собственныхъ имманентныхъ силъ и законовъ. Проповѣдуя такой рѣзкій и полный дуализмъ, деисты послѣдовательно дошли до отрицанія всего сверхъестественнаго въ области религіи и положили первое основаніе развитію германскаго раціонализма. Лессингъ отвергъ бытіе вѣмѣроваго, т. е. деистическаго, Бога и прекрасно сдѣлалъ. Этимъ онъ сталъ на христіанскую почву и утвердилъ ученіе о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ, ученіе, отвергаемое деистами“.

По поводу слѣдующаго восклицанія составителя записки объ одномъ мѣстѣ сочиненія ученицы: „единство души и тѣла—да вѣдь это отрицаніе души, ея самобытности и безсмертія!“—И. Т. Осининъ вынужденъ былъ дать еще наставленіе противнику курсовъ и при этомъ разъяснить ему, что взглядъ на душу и тѣло, какъ на два взаимно-противуположныя начала, есть заблужденіе, усвоенное нѣкоторыми сектами еще въ первые вѣка христіанства, но что христіанское ученіе, напротивъ, существенно отличается отъ этого рѣзкаго дуализма: оно учитъ, что душа и тѣло составляютъ двѣ другъ друга восполняющія части одного цѣлаго; что человѣкъ, какъ нравственно разумная единица, состоитъ изъ души и тѣла, столь тѣсно между собою связанныхъ, что полнота духовной жизни обуславливается этою тѣснѣйшею связью и постояннымъ взаимодействіемъ души и тѣла. Вслѣдствіе именно этого возрѣнія, христіанство признаетъ само тѣло человѣка благодатнымъ вмѣстилищемъ духовныхъ дарованій, или, какъ выражается Апостолъ, „храмомъ Св. Духа“; по той же причинѣ, въ наиболѣе возвышенномъ и таинственномъ пунктѣ христіанскаго ученія, въ ученіи о духовномъ единеніи вѣрующихъ со Спасителемъ чрезъ Св. Причащеніе, средствомъ единенія является, именно, Тѣло Христово; наконецъ, однимъ изъ наиболѣе отличительныхъ пунктовъ христіанства относительно безсмертія человѣка и будущей жизни служить ученіе о воскресеніи тѣлъ, безъ которыхъ душа не можетъ сдѣлаться участницею вѣчнаго блаженства, и т. д.

Далѣе И. Т. Осининъ указываетъ, что составителемъ записки невѣрно поняты и самый отрывокъ Лессингова произведенія о сопоставленіи христіанства, іудейства и масометанства, и дѣя

наставленія своего противника, кромѣ указанія на общезвѣстныя данныя науки, приводитъ отрывокъ даже изъ сочиненія ученицы, ясно указывающей, что Лессингъ вовсе не устанавливалъ вѣнъ христіанства какою - то отвлеченную религію любви, терпимости и гуманности, но что онъ дѣлаетъ простое разграниченіе между христіанствомъ въ его чистомъ, вѣчно - жизненномъ и плодотворномъ смыслѣ, какъ божественнымъ откровеніемъ Христовымъ, и христіанскою религіею въ тѣхъ болѣе или менѣе одностороннихъ и ошибочныхъ формахъ, въ какихъ, вообще, она проявляется среди людей и въ какихъ она со всѣми недостатками прошловѣковой протестантской ортодоксіи особенно отталкивала германскаго критика. По объясненію Ивана Терентьевича, Лессингъ со своимъ свѣтлымъ критическимъ умомъ проводитъ вполнѣ законное и справедливое разграниченіе между религіею Христа, какъ религіею истинною, религіею любви, терпимости и гуманности, и тою религіею, которая, подъ именемъ христіанства, проявляла себя у большинства его современниковъ, какъ религія вражды, нетерпимости и духовнаго рабства. Мы не приводимъ всѣхъ пунктовъ разногласія между составителемъ записки и И. Т. Осининымъ: вышеприведенные отрывки оставляютъ полное впечатлѣніе, и, помимо своего значенія для оправданія Педагогическихъ курсовъ въ тяжкихъ обвиненіяхъ, весьма важны для характеристики ясности и простоты пониманія И. Т. Осининымъ всѣхъ вопросовъ истинной нравственности. Свою вынужденную полемику съ авторомъ разсматриваемой записки Иванъ Терентьевичъ заключаетъ слѣдующей блестящей страницей:

— „Не могу, въ заключеніе сдѣланнаго разбора, не присовокупить, что если-бы составитель записки сознавалъ, что именно христіанство есть религія любви, гуманности и терпимости, то онъ, вѣроятно, отнесся бы съ болѣею любовью, терпимостью и гуманностью къ настоящему дѣлу и не сталъ-бы, на основаніи нѣсколькихъ отрывочно-взятыхъ фразъ неоконченнаго сочиненія одной изъ многочисленныхъ ученицъ Педагогическаго курса, выводить проникнутыя нетерпимостью, пристрастіемъ и враждебными тенденціями заключенія обо всемъ Педагогическомъ курсѣ и о сотняхъ учившихся и учащихъ въ курсѣ дѣвицъ. Допустимъ на минуту, что обвиненія составителя записки справедливы, что Лессингъ — зловредный атеистъ и что тѣмъ - же

пагубнымъ направлѣніемъ заражены и преподаватель и ученица... Что же изъ этого слѣдуетъ? Мнѣ кажется, лишь то, что такъ справедливо выражается русскою пословицею: „въ семьѣ не безъ уroda“, и подтвержденіемъ чего служатъ часто учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, не исключая и классическихъ гимназій. Секретными циркулярами г. министра народнаго просвѣщенія нерѣдко доводится до свѣдѣнія начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, что въ такомъ-то учебномъ заведеніи такіа-то лица изъ учебнаго персонала (или иной разъ изъ числа учащихся) оказались неблагонадежными въ религіозномъ или политическомъ отношеніи. Бываютъ, какъ извѣстно, и такіе случаи, когда въ стѣнахъ учебныхъ заведеній совершаются уголовныя преступленія (какъ, напримѣръ, въ 1874 году въ Екатеринбургской гимназій). Ужели кто-нибудь станетъ смотрѣть на подобныя явленія какъ на плодъ общей организаціи и направленія классическихъ гимназій или другихъ подвѣдомственныхъ министру народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеній и обобщать ихъ въ примѣненіи ко всѣмъ питомцамъ гимназій? Между тѣмъ, таковъ, именно, выводъ, дѣлаемый авторомъ записки, относительно Педагогическаго курса (далѣе Осининъ приводитъ доказательства). Тому, кто желаетъ составить сужденіе правильное и безпристрастное о Педагогическомъ курсѣ, нѣтъ надобности прибѣгать къ такому зыбкому основанію, на которомъ авторъ записки строитъ свои обвиненія.

„Результаты эти заключаются, прежде всего и главнымъ образомъ, въ томъ, что Педагогическимъ курсамъ обязаны своимъ окончателънымъ образованіемъ и подготовкою къ педагогической дѣятельности значительная часть учительницъ и надзирательницъ здѣшнихъ женскихъ гимназій, и, въ томъ числѣ, почти всѣ лучшія и наиболѣе достойныя. Заподозрить нравственно-религіозную благонадежность этихъ почтенныхъ труженицъ и оспаривать ихъ педагогическую подготовку едва ли рѣшился бы даже авторъ записки ¹⁾. Считаю, съ другой стороны, своимъ

¹⁾ Къ этому справедливому выводу незабвеннаго руководителя Педагогическихъ курсовъ И. Т. Осинина можно вновь отнѣстись и тотъ фактъ, на который было уже указано выше („Русская Старина“, изд. 1888 г., томъ LVII, мартъ, стр. 672), что въ двухъ стахъ сорока (240) начальныхъ городскихъ училищахъ, С.-Петербургскою городскою Думою учрежденныхъ и то-же городскою Думою въ теченіе десяти лѣтъ, а именно съ 1877 г., со-

долгомъ присовокупить, продолжаетъ И. Т. Осининъ, что въ Педагогическомъ курсѣ, конечно, существуютъ различные недостатки, которые, однако, отнюдь не такого рода, чтобы они могли подать поводъ къ какимъ-либо опасеніямъ относительно „умственного расслабленія нравственнаго растлѣнія и религиозныхъ отрицаній въ средѣ возрастающаго женскаго поколѣнія“. Постепенное исправленіе недостатковъ и, вообще, возможно-большее улучшеніе и развитіе педагогическихъ курсовъ составляло и составляетъ предметъ моихъ постоянныхъ заботъ“. Такъ блистательно опровергъ Иванъ Терентьевичъ Осининъ всѣ взведенныя на вѣранныя ему учебныя заведенія напраслины и въ то-же время доказалъ всю несостоятельность проекта новаго высшаго учебнаго заведенія, какъ онъ изображенъ въ докладѣ со словъ одного члена.

Означенный докладъ съ приложениями былъ представленъ на разсмотрѣніе покойнаго принца П. Г. Ольденбургскаго, который не призналъ удовлетворительнымъ проектъ новаго высшаго женскаго учебнаго заведенія и далъ свои указанія на этотъ предметъ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія, признавая, съ своей стороны, учрежденіе въ настоящее время проектированныхъ комиссією высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній дѣломъ весьма труднымъ, далъ заключеніе, что указанными его императорскимъ высочествомъ мѣрами можетъ быть, до нѣкоторой степени, удовлетворено стремленіе женскаго молодаго поколѣнія въ высшему образованію, при наличности существующихъ педагогическихъ, спеціальныхъ и профессорскихъ курсовъ и проектированныхъ таковыхъ же курсовъ въ недалекомъ будущемъ. На таковое заключеніе г. министра народнаго просвѣщенія послѣдовало Высочайшее утвержденіе (9-го апрѣля 1876 года), и для блага образованія и педагогической подготовки русской женщины остались и процвѣтаютъ понынѣ (1888 г.) Педагогическіе курсы вѣдомства учрежденій императрицы Маріи.

держимыхъ, изъ 240 лицъ учащихся—213 суть лица женскаго пола и изъ нихъ 119 выпущены Педагогическими курсами, при петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ состоящимъ. Дѣятельность этихъ учительницъ-педагогичекъ, по отзыву инспекціи городскихъ училищъ, а также извѣстныхъ педагоговъ, состоящихъ при училищной Комисіи, мало сказать безукоризненна, она во всѣхъ отношеніяхъ образцовая и школы, ими руководимыя, вызываютъ всеобщее довѣріе и сочувствіе.

Ред.

VIII.

Въ послѣдующее десятилѣтіе своей службы въ должности начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій (1875—1885 гг.) Иванъ Терентьевичъ Осининъ съ той-же энергіей и преданностью дѣлу трудился надъ улучшеніемъ дѣла средняго и высшаго женскаго образованія, въ томъ направленіи и характерѣ, которые прочно установились въ вѣдомствѣ и такъ блистательно были разъяснены покойнымъ педагогомъ въ періодъ его трудовъ и борьбы въ качествѣ члена комиссіи по высшему женскому образованію. Въ виду постепеннаго наплыва учащихся въ гимназіи, открытія новыхъ паралелей и усложненія самаго дѣла воспитанія и ученія въ переполненныхъ классахъ, его труды все болѣе и болѣе увеличивались и усложнялись, что и побудило высшее начальство ходатайствовать объ учрежденіи должности помощника начальника женскихъ гимназій, на каковую должность и были назначены сперва И. Ѳ. Рашевскій, а за перемѣщеніемъ его на должность начальника коммерческаго училища купческаго общества, помощникомъ И. Т. Осинина сталъ К. К. Арнгеймъ, съ 1885 г. и нынѣ достойный его преемникъ.

Среди заботъ и трудовъ Осинина на пользу женскаго образованія видное мѣсто занимаютъ его попеченія объ улучшеніи вѣншей и матеріальной обстановки гимназій и курсовъ.

До 1870-хъ годовъ существующія въ С.-Петербургѣ женскія гимназіи помѣщались въ частныхъ домахъ, въ наемныхъ квартирахъ, по большей части очень мало приспособленныхъ къ педагогическимъ и гигиеническимъ нуждамъ благоустроеннаго учебнаго заведенія, и въ виду сильнаго прилива учащихся, гимназіи не могли доставлять своимъ питомицамъ достаточно свѣта и чистаго воздуха; кромѣ того, отсутствіе просторныхъ рекреационныхъ залъ лишало дѣтей необходимаго движенія. И вотъ, благодаря заботамъ И. Т. Осинина, при просвѣщенномъ содѣйствіи августѣйшаго попечителя гимназій, въ теченіи 1870-хъ годовъ воздвигаются, расширяются и улучшаются помѣщенія для гимназій и курсовъ. Въ тѣсной связи съ этими улучшеніями въ жизни гимназій находятся и другія гигиеническія и санитарныя мѣры. Сообразуясь съ существенными потребностями, гимназіи

и по отношенію къ укрѣпленію тѣлесныхъ силъ и здоровья дѣтей принимали различныя мѣры. Къ числу этихъ мѣръ относится учрежденіе при гимназіяхъ постоянной медицинской помощи, а равно и учрежденіе школьныхъ дачъ.

Медико-санитарный надзоръ въ спб. женскихъ гимназіяхъ учрежденъ въ 1882 году въ видѣ временной мѣры, по ходатайству И. Т. Осинина, вслѣдствіе распространившихся въ то время среди дѣтей заразительныхъ болѣзней и въ виду состоявшихся по сему поводу обязательныхъ постановленій высочайше утвержденной исполнительнѣйшей санитарной комиссіи о врачебномъ осмотрѣ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ и санитарномъ осмотрѣ жилищъ.

За два года опыта всѣхъ заболѣвшихъ ученицъ было 11,186, а всѣхъ посѣщеній медиковъ 20,309. При этомъ оказалось, что не только обнаружено было много случаевъ заразительныхъ заболѣваній ученицъ, но и первоначальныя явленія другихъ болѣзней, которыя, будучи оставлены родственниками учащихся безъ надлежащаго вниманія, могли бы имѣть весьма тяжкія послѣдствія. Въ виду несомнѣнной пользы отъ этой мѣры, она была продолжена до 1885 года, когда, вслѣдствіе представленія Ивана Терентьевича и послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, установленъ вполнѣ организованный врачебно-санитарный надзоръ въ спб. женскихъ гимназіяхъ, въ видѣ временной мѣры, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 5,000 рублей въ годъ изъ суммъ вѣдомства.

Истиннымъ благодѣяніемъ для дѣтей явилось учрежденіе школьныхъ дачъ, въ которыхъ ежегодно помѣщаются ученицы гимназій, нуждающіяся, по состоянію своего здоровья, въ загородномъ чистомъ воздухѣ, но не могущія, по домашнимъ своимъ обстоятельствамъ, переселиться на дачу, для укрѣпленія здоровья и силъ. Школьныя дачи учреждены по инициативѣ Государыни Императрицы и при содѣйствіи нѣкоторыхъ высвѣдѣленныхъ лицъ, вполнѣ сочувствующихъ нуждамъ и интересамъ гимназій.

Сочувствіе и довѣріе общества къ дѣлу гимназическаго женскаго образованія выразилось, между прочимъ, въ многообразной помощи—для предоставленія дѣтямъ недостаточныхъ родителей, при условіи ихъ способностей и даровитости, возможности про-

должить и окончить полный курсъ. Большое число стипендій и учрежденіе нѣсколькихъ обществъ вспомошествованія бѣднымъ ученицамъ гимназій—объясняетъ и облегчаетъ положеніе недостаточныхъ и многосемейныхъ родителей, особенно въ виду постепенно увеличивавшейся платы за ученіе. Прежде всего на помощь бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ ученицамъ пришли августѣйшіе покровители и благодѣтели гимназій дарованіемъ царственныхъ стипендій, для учащихъся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Городскія общества и частныя лица учредили также много стипендій. Съ 1878 года, по почину Петровской гимназій, стали учреждаться, одно за другимъ, общества вспомошествованія бѣднымъ ученицамъ гимназій. Сверхъ того, въ Коломенской гимназій, а затѣмъ и въ другихъ женскихъ гимназіяхъ, предприняты были весьма важныя въ педагогическомъ отношеніи мѣры, а именно: устроены были при гимназій вечернія занятія для ученицъ, которымъ домашняя обстановка не даетъ даже возможности приготовить уроки въ слѣдующему дню. Бѣднѣйшимъ и дѣйствительно нуждающимся въ помощи ученицамъ предложено было приходиться по вечерамъ въ гимназій, гдѣ онѣ и готовятъ свои уроки подъ надзоромъ и съ помощью одной изъ преподавательницъ или классныхъ надзирательницъ, на помощь которымъ стали добровольно приходиться нѣкоторыя изъ кончившихъ курсъ гимназій ученицъ.

Къ числу полезныхъ мѣропріятій для улучшенія педагогическаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ слѣдуетъ отнести еще открытіе съ апрѣля 1882 года при Коломенской гимназій „педагогическихъ собраній“, главною цѣлью которыхъ было—взаимный обмѣнъ мыслей по общимъ вопросамъ учебно-воспитательнымъ, преимущественно по тѣмъ, которые относятся къ женскому воспитанію и образованію, а также, въ частности, по вопросамъ дидактики и педагогики. Въ виду особенной важности воспитанія вкуса и сердца женщины на изученіи лучшихъ образцовъ изящной литературы, а равно и пользы отъ признанія заслугъ лучшихъ ея дѣателей, И. Т. Осининъ поощрялъ устройство при гимназіяхъ литературныхъ вечеровъ, которые почтили своимъ посѣщеніемъ и участіемъ почтенные представители нашей литературы. Такъ, въ 1879 году, слушательницы Педагогическихъ курсовъ съ восторгомъ привѣтствовали въ стѣнахъ своей

almae matris маститаго писателя И. С. Тургенева. Восторженныя оваціи и горячія привѣтствія высочоталантливому писателю всего лучше свидѣтельствуютъ о томъ, что наука въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Имп. Маріи не является чѣмъ-то отрѣпленнымъ отъ жизни, но имѣетъ съ нею самую тѣсную связь, являясь и наилучшимъ средствомъ къ ея облагороженію. Рядъ подобныхъ литературныхъ праздниковъ происходилъ въ Коломенской женской гимназіи, гдѣ въ 1881 году читали свои произведенія: И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, Ф. М. Достоевскій, А. Н. Плещеевъ, А. А. Потѣхинъ, И. С. Тургеневъ, а въ 1882 году: А. Н. Островскій, Я. П. Полонскій и друг.

Въ 1882 году отпраздновано было 25-лѣтіе учено-педагогической дѣятельности И. Т. Осинина, причемъ высказано было много самыхъ горячихъ привѣтствій и разными лицами сдѣлана вѣрная оцѣнка его ученой и педагогической дѣятельности. Тогда же и С.-Петербургская Городская Дума привѣтствовала юбилера чрезъ особую депутацію въ лицѣ И. И. Глазунова, М. И. Семейскаго и друг. гласныхъ Думы. Въ слѣдующемъ 1883 году, Осининъ оставилъ профессуру въ духовной академіи, гдѣ прослужилъ 20 лѣтъ, и всѣ труды отдалъ дѣлу женскаго образованія.

IX.

Въ мартѣ 1885 года И. Т. Осининъ получилъ назначеніе быть предсѣдателемъ учебнаго комитета при собственной е. и. в. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи, съ оставленіемъ въ должности начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій. Въ этой новой должности Иванъ Терентьевичъ до послѣдняго дня жизни былъ достойнѣйшимъ руководителемъ этого важнаго учрежденія и полезнѣйшимъ посредникомъ между главнымъ управленіемъ и учебно-воспитательными учрежденіями вѣдомства. Къ числу мѣропріятій, выработанныхъ учебнымъ комитетомъ подъ его предсѣдательствомъ, весьма важное значеніе имѣетъ сокращеніе программъ свѣдѣній, требуемыхъ на выпускныхъ экзаменахъ въ женскихъ гимназіяхъ по всѣмъ предметамъ. Эта мѣра сразу осмыслила періодъ подготовки дѣвицъ

въ окончательному испытанію и стала значительно содѣйствовать сбереженію ихъ здоровья предохраненіемъ отъ безцѣльной траты ихъ молодыхъ силъ.

Изъ другихъ дѣлъ, возложенныхъ на И. Т. довѣріемъ монархини или главнаго управленія, болѣе важнымъ являются—посѣщеніе по высочайшему повелѣнію, экзаменовъ въ спеціальныхъ классахъ 4-хъ столичныхъ институтовъ, для обезпеченія возможности обстоятельнаго и согласнаго съ требованіями практики разрѣшенія опекунскимъ совѣтомъ вопроса объ организаціи спеціальныхъ педагогическихъ классовъ при институтахъ, и предсѣдательствованіе его въ двухъ комиссіяхъ: о преобразованіи императорскаго Гатчинскаго сиротскаго института и Александровскаго сиротскаго дома. Такая масса разнородныхъ и отвѣтственныхъ трудовъ, въ связи съ нѣкоторымъ разстройствомъ здоровья, побудили Ивана Терентьевича, въ концѣ 1885 года, войти съ прошеніемъ объ освобожденіи его отъ должности начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій. При этомъ, онъ заявилъ въ прошеніи, что: „онъ въ должности предсѣдателя учебнаго комитета надѣется принести нѣкоторую долю пользы дорогимъ и близкимъ ему женскимъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства Императрицы Мпріи“.

Государыня Императрица, при докладѣ таковаго прошенія тайнаго совѣтника Осинина, благоволила выразить желаніе, чтобы тайный совѣтникъ Осининъ, съ увольненіемъ отъ должности начальника женскихъ гимназій, былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта, съ сохраненіемъ званія предсѣдателя учебнаго комитета. Указомъ его императорскаго величества, 10-го декабря 1885 года, тайный совѣтникъ Осининъ, всемілостивѣйше назначенъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта, съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ должности начальника гимназій и съ оставленіемъ въ должности предсѣдателя учебнаго комитета ¹⁾).

¹⁾ Считаю не лишнимъ воспроизвести по этому поводу знаменательный, по силѣ языка и рельефности стариннаго слога, текстъ клятвеннаго обѣщанія, читаемаго и подписываемаго вновь назначеннымъ почетнымъ опекуномъ въ торжественномъ засѣданіи опекунскаго совѣта:

— „Я, нижеподписавшійся, приѣмля на себя произвольно и по одному бла-

Но этимъ не окончилось проявленіе къ нему высокаго довѣрія и монаршей милости ихъ императорскихъ величествъ.

По поводу назначенія Ивана Терентьевича почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта, Государыня Императрица изволила выразить желаніе, чтобы тайный совѣтникъ Осининъ былъ назначенъ попечителемъ гимназій.

До 1886 года с.-петербургскія женскія гимназіи находились въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго управленія собственной его императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи. 18-го января 1886 года послѣдовало высочайшее его императорскаго величества соизволеніе на назначеніе тайнаго совѣтника Осинина попечителемъ с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій съ тѣми-же правами, какія присвоены попечителю московскихъ женскихъ гимназій. Съ небольшимъ годъ пользовались столичныя гимназіи трудами и работою И. Т. по этой новой должности. Смерть внезапно похитила достойнаго дѣятеля на пользу образованія, заставъ съ книгою въ рукахъ того человѣка, котораго вся жизнь была исполненіемъ мысли, начертанной на поднесенномъ ему, въ день 25-ти лѣтняго юбилея, памятникѣ любви и уваженія, а именно — мысли:

„Ученье—свѣтъ“.....

Глубокая, искренняя скорбь поразила всѣхъ его питомцевъ, сослуживцевъ и всѣхъ, кому дорого женское воспитаніе и образованіе въ смыслѣ религіозно - нравственнаго, гуманнаго и просвѣщеннаго воздѣйствія на сердце, умъ и волю подрастающаго женскаго поколѣнія...

гонамѣренію, къ пользѣ всего общества, званіе, сопряженное съ самымъ дѣйствіемъ при императорскомъ воспитательномъ домѣ, клануса передъ истиннымъ и вѣдущимъ сердца и помышленія человѣческія Богомъ, что долгъ сего моего званія наблюдать буду по полной силѣ разума, учрежденнаго въ всемилютейшей монархинею Екатериною Второю подтвержденнаго въ трехъ частяхъ генеральнаго плана, яко непоколебимаго дому сего основанія; вѣдая по христіюбію, что оберегатели благословеннаго сего учрежденія, призирающіе по слову Божію на нища, сира и вдовцу, наслѣдятъ святяице Божіе. А ежели каковое либо учиню противу должности честнаго человѣка безсовѣстное пополезновеніе; то тѣмъ самымъ явлюся презритель сего моего обязательства, и нарицаю таковое мое преступленіе истиннымъ святотатствомъ; за что не токмо подвергаю себя суду Божію и законамъ гражданскимъ съ строгимъ на мнѣ взмсканіемъ; но и ямя мое явлено да

Но божественное Провидѣніе было-бы не милосердно, если-бы съ жизнью одного человѣка соединяло жизнь и процвѣтаніе благихъ насажденій. Необходимость гимназическаго образованія женщины такъ твердо вошла во всеобщее сознаніе; оставленное покойнымъ педагогомъ наслѣдство такъ богато, и высокое покровительство августѣйшихъ благодѣтелей образованія русской женщины такъ осязательно, что, проводивъ покойнаго въ предѣлы вѣчнаго успокоенія, русскіе люди остались съ твердою вѣрою въ живучесть высокихъ началъ его многополезной дѣятельности. Въ теплыхъ рѣчахъ нынѣшняго попечителя и начальника женскихъ гимназій дѣти и родители черпаютъ твердую надежду на то, что дѣло гимназическаго и высшаго образованія русской женщины, по крайней мѣрѣ, въ с.-петербургскихъ гимназіяхъ, не сойдетъ съ твердой почвы, установленной покойнымъ дѣятелемъ и, оставаясь вѣрнымъ его благороднымъ и возвышеннымъ традиціямъ, пойдетъ бодро по пути къ усовершенствованію.

„Прежде всего не забывайте, говорить новый начальникъ гимназій въ напутствіе окончившимъ курсъ ученицамъ, что истинно христіанское ученіе должно всю жизнь руководить вами. Въ нихъ вы должны почерпать и поученіе, и руководство, и утѣшеніе, и любовь, и снисходительность къ ближнимъ. Приучите себя довольствоваться малымъ и не завидовать тѣмъ людямъ, которымъ судьба поставила въ болѣе благопріятныя условія жизни“.

Совѣтуя имъ искать счастья при скромной дѣятельности въ тѣсномъ семейномъ кругу, почтенный начальникъ гимназій говорить:

„Не въ широтѣ дѣятельности слѣдуетъ вамъ искать удовлетвореніе, а въ добросовѣстномъ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя жизнью будутъ на васъ возложены. Много несчастій, неприятностей, недоразумѣній, затрудненій и безпорядковъ въ государствѣ и семьѣ происходятъ только вслѣдствіе того, что не всѣ люди относятся добросовѣстно къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ, даже не всѣ люди приучили себя довольствоваться

будетъ отъ собранія опекунскаго совѣта въ народѣ за едино съ церковнымъ татемъ. Въ запечатлѣніе сего моего клятвеннаго обѣщанія и обязательства, цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, подписавъ сію присягу собственною моею рукою съ приложеніемъ обмывенной моею печатью“.

малымъ. Помочь матери въ завѣдываніи хозяйствомъ, въ воспитаніи и обученіи маленькихъ братьевъ и сестеръ — это святой долгъ вашъ“.

И не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ, въ женскихъ гимназіяхъ, благодаря заботамъ ихъ ближайшаго и высшаго руководителя и подъ священною охраной ихъ августѣйшихъ покровителей, воспитаніе и ученіе направляются, по прежнему, къ водворенію въ дѣтяхъ указанныхъ въ той же прощальной рѣчи основъ:

„Вѣра, твердыя нравственныя опоры, умѣнье довольствоваться малымъ, любовь и снисхожденіе къ ближнему, скромность и чувство долга“.

Мы закончимъ нашъ трудъ словами покойнаго Ивана Терентьевича Осинина:

„Пусть женскія гимназіи, при благословеніи свыше, подъ сѣнію своихъ августѣйшихъ покровителей, всегда будутъ согрѣваемы любовью наставниковъ, наставницъ и самихъ учащихся, будутъ озаряемы свѣтомъ плодотворнаго и полезнаго ученія, напоены живительною влагою изъ чистаго источника нравственно-религіозныхъ основъ и стремленій, на почвѣ нашей родной, общественной и семейной жизни, и принесутъ все болѣе и болѣе обильные плоды, возвращая сторицею тѣ силы и жертвы, которыя донныѣ положены въ основу ихъ роста и крѣпости! Да будетъ благословенна память тѣхъ тружениковъ, которые уже отошли въ вѣчность, и да сохраняются еще надолго силы тѣхъ, которые продолжаютъ трудиться на этой плодотворной нивѣ воспитанія въ пользу возрастающаго женскаго поколѣнія!“

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

на звѣриныхъ охотахъ

(съ 1849-го по 1876 г.).

Замѣтки охотника очевидца.

I.

Въ Божѣ почившій Государь Александръ II съ молодыхъ лѣтъ любилъ охоту на звѣрей. Родители его были всегда противъ этого и только вслѣдствіе настоянія сына съ этимъ помирились. Хотя охота была стройная, правильная, всегда обдуманная, основанная на нѣкоторыхъ тактическихъ соображеніяхъ и опытѣ егерей и самаго начальства, слѣдовательно, почти всегда безопасная, но, не смотря на безопасность, все-таки принимались разныя мѣры предосторожности, одной изъ коихъ я долженъ коснуться, хотя для этого и придется вернуться къ концу 1840-хъ гг.

Государь Николай Павловичъ не любилъ такой охоты, которую дѣлалъ Наслѣдникъ, и никогда не охотился, но все-таки въ минуты досуга стрѣлялъ оленей въ Гатчинскомъ дворцовомъ паркѣ. При всякой такой, хотя и скромной, охотѣ всегда находился, разумѣется, управляющій звѣринцемъ. Разъ какъ-то за болѣзнью управляющаго обязанность его быть при Николаѣ Павловичѣ исполнялъ комиссаръ охоты, впоследствии унтеръ-егермейстеръ, Иванъ Васильевичъ Ивановъ. Стоя позади Николая Павловича и какъ хорошій стрѣлокъ и страстный охотникъ, онъ замѣтилъ, что Государь невѣрно цѣлится; сердце охотника не вытерпѣло: забывъ, что стрѣляетъ Государь, онъ сказалъ: «дер-

жите ниже». «Молчать», сказалъ Государь, не оборачиваясь. Выстрѣлъ послѣдовалъ, олень остался цѣлъ. Бѣжить другой олень, Государь стрѣляетъ и тоже мимо; въ третій разъ Ивановъ опять не вытерпѣлъ, опять замѣтилъ: «держите ниже и правѣй».

— «Молчать», повторилъ съ сердцемъ Государь.

Послѣ охоты Государь обращается къ Иванову и спрашиваетъ: «кто ты такой?»

«Коммисаръ охоты, Ваше Величество, за болѣзнью управляющаго имѣю счастье присутствовать при особѣ Вашего Величества».

— «Ты, значить, охотникъ и стрѣляешь хорошо. Такъ поди и застрѣли лебедя, который обижаетъ своихъ товарищей, на него мнѣ много было жалобъ отъ садовника, и затѣмъ мнѣ доложи».

Лебедь былъ застрѣленъ и когда Ивановъ доложилъ, то Государь сказалъ: «а чѣмъ ты мнѣ докажешь, что убилъ именно безпокойнаго?»

«Я его зналъ, Ваше Величество».

— «Хорошо, ступай!»

Управляющій по выздоровленіи вступилъ въ должность и Ивановъ продолжалъ быть коммисаромъ. Вдругъ въ Гатчинѣ получается приказъ отъ начальства Иванова, гдѣ сказано, чтобы онъ въ 8 часовъ вечера былъ въ Зимнемъ дворцѣ, что Государь его требуетъ. Дрогнуло сердце Иванова, хотя онъ и не чувствовалъ никакой за собой вины. Является, зовутъ въ кабинетъ. Государь былъ одинъ и стоялъ около стола. Увидѣвъ вошедшаго, онъ громко и раздѣльно сказалъ:

— «Ивановъ, завтра Наслѣдникъ ѣдетъ на охоту; смотри, головой отвѣчаешь, пошелъ!»

Съ тѣхъ поръ Ивановъ въ теченіе 26 лѣтъ состоялъ всегда при покойномъ Государѣ до самой смерти и пока былъ живъ императоръ Николай Павловичъ, когда ѣхалъ на охоту Наслѣдникъ, Ивановъ всякій разъ требовался въ кабинетъ и слышалъ изъ слова въ слово одно и то-же:

— «Завтра Наслѣдникъ ѣдетъ на охоту, смотри, головой отвѣчаешь, пошелъ».

Ивановъ былъ истинно-русскій человѣкъ, любилъ государей, но при этомъ необходимо помнить, что это говорилъ Николай Павловичъ, такъ что Ивановъ во всю свою жизнь не могъ забыть глазъ и жеста, съ которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гово-

рилъ Государь. Ивановъ мнѣ самъ разсказывалъ и я вѣрю, что и черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти Николая Павловича Ивановъ, стоя по правую руку Государя Александра Николаевича, видитъ всегда Николая Павловича и въ ухахъ у него раздаются голосъ и слова: «смотри»; и дѣйствительно, уже смотрѣлъ онъ зорко. Я приведу поразительный примѣръ его вниманія.

Съ начала и до конца всякой охоты онъ стоялъ по правую сторону Государя и держалъ свой карабинъ съ взведеннымъ куркомъ голыми руками, не смотря ни на какой морозъ (хотя Государь, щадя охотниковъ, по своему доброму сердцу, всегда отмѣнялъ охоту, если морозъ былъ болѣе 10°) и вѣтеръ, что иногда, если медвѣдь не скоро выходитъ, или не скоро отыскивается, приходилось около часу, а бывали примѣры, что и больше. Такъ какъ покойный Государь былъ прекрасный охотникъ, то услуги Иванова никогда не были нужны. Продержавъ такъ 20 лѣтъ (съ 1850 по 1870 гг.) безъ всякаго намека на надобность помощи, у каждаго, по моему мнѣнiю, должно было само собою ослабѣть вниманiе; да, у каждаго, но не у Иванова. Въ 1870 годахъ на одной изъ охотъ, по не большому, но несчастному недосмотру, не былъ вырубленъ кустъ, которымъ закрывало площадь отъ глазъ Государя, такъ что Государь увидѣлъ медвѣдя, когда онъ уже вывернулся изъ-за этого куста. Государь выстрѣлилъ, ранилъ, но не убилъ и медвѣдь стремительно бросился на Государя; другаго выстрѣла императоръ сдѣлать не успѣлъ, опасность была близка и неминуема, медвѣдь у ногъ. Ивановъ не потерялся, вскрикнувъ: «Государь палѣво, рогатчикъ впередъ», и въ тотъ же моментъ самъ стрѣляетъ, а рогатчикъ всаживаетъ рогатину въ грудь звѣря и звѣрь палъ мертвымъ у самага сапога Государя. Охота, разумѣется, кончилась, свита окружила Государя, онъ былъ веселъ, смѣялся, но позади себя услышалъ маленькiй диспутъ между Ивановымъ и рогатникомъ о томъ, кто убилъ медвѣдя, отъ чего послѣдовала смерть: отъ пули или отъ рогатины. Государь, узнавъ въ чемъ вопросъ, какъ истый самъ охотникъ, повялъ ихъ споръ и, не взявъ на себя рѣшить оный, приказалъ отправить убитаго медвѣдя въ анатомическiй театръ для вскрытiя. Доктора нашли, что медвѣдь умеръ моментально отъ пули, которая попала въ лѣвый глазъ и застѣла въ мозгу, а рогатина до сердца и легкихъ не дошла, и что медвѣдь могъ еще сопро-

тивляться. Когда доложили объ этомъ Государю, то онъ, чтобы не оскорбить гордости рогатчика, приказалъ вычеканить двѣ медали: одну золотую, а другую серебряную съ своимъ портретомъ на одной сторонѣ, а съ другой слово: «благодарю» и на слѣдующей же охотѣ самъ милостиво повѣсилъ золотую Иванову, а серебряную — рогатчику.

II.

Охоты производились каждую недѣлю по средамъ. Государь выѣзжалъ всегда вечеромъ по вторникамъ, ночлегъ имѣлъ гдѣ-нибудь по сосѣдству охоты, а въ среду утромъ послѣ чая отправлялся на охоту; завтракалъ большею частью въ лѣсу. Это была прекрасная картина, достойная кисти художника, да вѣроятно извѣстный художникъ Зичи и не пропускалъ этой возможности. Государь его любилъ и бралъ съ собой на охоту.

Утромъ рано кухня съ метрдотелемъ и камеръ-фурьеромъ отправлялась на мѣсто охоты, выбирали недалеко отъ звѣря, хотя и въ глуши лѣса, по возможности открытое мѣсто; поразчистятъ нѣсколько снѣгъ, приготовятъ столъ; здѣсь же въ сторонкѣ разведутъ плиту и завтракъ готовъ. Государь подходитъ къ столу, дѣлая рукою жестъ, приглашающій къ завтраку, всѣ подходятъ, окружаютъ столъ и завтракаютъ стоя, стульевъ не полагалось. Великолѣпная картина! Государь и вся свита одѣты одинаково, только посреди этой группы вы видите рослую и величественную фигуру Государя. Сдѣлавъ два, три глотка, обертывается вокругъ и своими добрыми голубыми глазами осматриваетъ окружающихъ. Государь всѣхъ зналъ въ лицо, и вотъ на одной изъ охотъ и именно въ тотъ моментъ, когда Его Величество обернулся назадъ, видитъ новую физиономію, которая съ любопытствомъ любитъ картиною; подзываетъ оберъ-егермейстера и, глазами указавъ на нее, спросилъ: кто такой?

Оберъ-егермейстеръ баронъ Ливенъ сказалъ. Тогда Государь сдѣлалъ жестъ рукою, показывая на столъ, и оберъ-егермейстеръ подбѣжалъ и объявилъ, что Государь удостоиваетъ

счастьемъ вмѣстѣ завтракать. Трудно высказать мою радость, (этотъ счастливецъ былъ я) мой восторгъ. Я подошелъ къ столу, но, кажется, ничего не ѣлъ отъ волненія.

Это была первая моя охота, первый мой дебютъ и онъ глубоко запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ.

Сюда же всегда собирались рядышкомъ изъ сосѣднихъ деревень отставные солдаты въ различныхъ костюмахъ съ знаками отличія и безъ оныхъ, и Государь всегда подходилъ къ нимъ и милостиво съ ними разговаривалъ: гдѣ, въ какомъ полку кто служилъ, при этомъ припоминалъ командировъ и самъ называлъ ихъ фамиліи; у Государя память вообще была прекрасная. Поговоривъ, онъ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ всегда чиновникъ съ деньгами, говорилъ: «выдать по рублю, а георгіевскимъ кавалерамъ по три». Разъ какъ-то явился солдатикъ пьяный; товарищи, желая скрыть его отъ Государя, старались оттащить его на задній планъ, и такъ какъ онъ сопротивлялся, то они, не выходя шума, тянутъ его за хвостъ одежды, онъ упирается, наклоняясь впередъ. Государь, замѣтивъ эту суматоху, приблизился; они быстро отпустили пьянаго и онъ упалъ ничкомъ къ ногамъ Государя съ крикомъ: «здравія желаю, Ваше Величество!» Государь, замѣтивъ его состояніе, сказалъ: «ты пьянъ?»

— «Точно такъ! съ радости, что вижу Ваше Величество!»

Государь, улыбувшись, пошелъ дальше и пьяный получилъ такую же долю, какъ и другіе.

Въ это время, т. е. во время завтрака, разъ одна простая крестьянка смѣло подошла къ Государю и, низко поклонившись, подала ему три сота меду съ своего пчельника, въ простой деревянной чашкѣ. Государь съ улыбкой поблагодарилъ ее и приказалъ медъ принять, а ей выдать 25 р. Помню тоже одна француженка, имѣвшая по сосѣдству сыроваренный заводъ, приоднесла нѣсколько круговъ своего сыра; многіе являлись и съ просьбами, хотя полиція и выпроваживала подобныхъ просителей, но за всѣмъ этимъ случалось просмотрѣть. Государь гдѣ-нибудь въ глухой чащѣ, тихо, съ осторожностью пробирается бывало къ назначенному мѣсту, вдругъ изъ-за куста или дерева вывертывается фигура и, падая на колѣни въ снѣгъ, иногда по шею, держитъ на головѣ просьбу. Государь никогда не оскорблялся такимъ неумѣстнымъ появленіемъ и всегда, милостиво выслушавъ,

приказывалъ просьбу принять. Да и вообще Государь всегда, на охотѣ-ли, въ городѣ, на прогулкахъ—никогда не запрещалъ подходить къ нему съ просьбами.

• Помню разъ онъ приказалъ дежурному жандармскому капитану А. отправиться на мѣсяцъ на гауптвахту за то, что онъ въ воротахъ Зимняго дворца хотѣлъ спрятать какую-то старушку съ просьбою, а Государь издали это замѣтилъ. Было это такъ:

Государь, какъ всѣмъ извѣстно, всегда въ 8 часовъ выходилъ гулять около Зимняго дворца. Разъ выходитъ онъ изъ подъѣзда и видитъ у среднихъ воротъ дворца городовые копошатся около какой-то женщины, которая, однако, упорно защищалась,—она знала, что сейчасъ выйдетъ Государь, что они не успѣютъ ее спрятать за ворота. Капитанъ А., замѣтивъ, что Государь видѣлъ эту сцену, мѣрнымъ шагомъ пошелъ вдоль дворца, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Государь, далеко не доходя до А., громко позвалъ: «А.»! Тотъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ; тогда Государь произноситъ громче: «А.»! Дѣлать нечего, А. останавливается. Государь, проходя мимо его и не оборачиваясь, говоритъ: «на гауптвахту» и, сдѣлавъ три, четыре шага, обернулся и сказалъ: «на мѣсяцъ». Слѣдовательно, всѣ эти предосторожности и недопущенія насъ простыхъ смертныхъ къ Государю было дѣломъ одной полиціи; я не говорю о послѣднихъ годахъ царствованія, гдѣ, къ стыду нашему, къ стыду всей Россіи, предосторожности были необходимы.

Охота производилась по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, а больше по Варшавской и Балтійской; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже приспособлены были дома специально для ночлега Государя и его свиты. Однажды, по Варшавской желѣзной дор., въ деревнѣ Ящеры ожидали пріѣзда Государя; наконецъ, часу въ 11 вечера завидѣли всѣ скачущаго впередъ такъ называемаго магазинъ-вахтера (должность такая) съ зажженнымъ факеломъ. Унтеръ-егермейстеръ Ивановъ ¹⁾ встрѣтилъ его у подъѣзда. Государь вышелъ изъ саней и, обращаясь къ Иванову, сказалъ: «здравствуй, а холодно сегодня, сколько же градусовъ?»

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Ивановъ умеръ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ жизни; она, къ сожалѣнію, какъ слышали мы, теперь бѣдствуетъ.

«12, Ваше Величество», отвѣчаетъ Ивановъ.

— «А холодно».

Войдя въ комнаты, начинаетъ ходить. Въ комнатахъ было тоже не тепло; видитъ въ передней капитана И. и, обращаясь къ нему, говоритъ тоже: «а холодно сегодня что-то!»

Капитанъ отвѣчаетъ: «да, холодно, Ваше Величество, 22 градуса».

— «Что? сколько?» говоритъ государь.

«22°, Ваше Величество».

— «Какъ 22°?» удивленно переспрашиваетъ Государь. «Ивановъ сказалъ 12°, а ты 22°».

Капитанъ недоумѣваетъ и не успѣлъ еще больше ничего сказать, какъ Государь произнесъ: «да что я спрашиваю, развѣ мнѣ говорить когда нибудь правду».

Оказалось, что они передъ приѣздомъ Государя смотрѣли каждый на свой градусникъ, но Ивановъ упустилъ изъ виду то, что его градусникъ висѣлъ у подъѣзда, гдѣ крестьяне мѣстные, охватывая всю свою деревню, подъ градусникомъ поставили жаровню съ зажженной смолой; воздухъ, разумѣется, подогрѣлся и показалъ 12°, тогда какъ въ дѣйствительности было 22°. Оба эти лица обязательно возили градусники съ собой и всегда должны были ожидать вопроса Государя, такъ какъ я выше замѣтилъ, что ежели было морозу болѣе 10°, то охота отменялась, хотя бы Государь и далеко забѣжалъ и охота представлялась-бы великолѣпная.

Въ этой деревнѣ Ящерахъ былъ замѣчательный кучеръ. Онъ мѣстный житель, крестьянинъ, впоследствии купецъ—Савелій Васильевичъ. Въ началѣ 1850-хъ годовъ Государь, бывши еще Наслѣдникомъ, въ первый разъ охотился около этой деревни. Савелій имѣлъ хорошую, но смирную лошадь и прочныя сани; когда управляющій охоты заготовлялъ лошадей для проѣзда въ лѣсъ къ мѣсту охоты, то Савелій попросилъ позволенія провезти Государя, тогда еще Наслѣдника. Осмотрѣвъ лошадь и сани, управляющій разрѣшилъ и Савелій такъ осторожно провезъ Наслѣдника, что онъ остался доволенъ и, выходя изъ саней, сказалъ: «спасибо, отлично ѣздишь, какъ тебя зовутъ?»—«Савельемъ, Ваше Императорское Высочество».—«Спасибо, повторилъ Государь, выдать ему 25 р.». Такъ эта цифра 25 р. и выдавалась ему болѣе 30 лѣтъ, тогда какъ другіе крестьяне другихъ деревень, на чью

долю выпадало счастье возить Государя, получали 10 р.; но ложимъ, что проѣхать (иногда верстъ 25) по сугробамъ снѣга, въ глухой чащѣ лѣса, умѣнье нужно, разъ 5 иногда вылетитъ изъ саней; при этомъ часто бывали и смѣшныя сцены, напримѣръ, ѣдетъ себѣ поѣздъ, вѣрнѣй тащится большою вереницею, иногда вѣдь саней 40—50, вдругъ поѣздъ останавливается, всѣ спѣшатъ узнать причину и вы видите, что кучера, положивъ сани на бокъ, вваливаютъ какую-то гору въ сани, — это одного изъ генераловъ, приглашенныхъ Государемъ на охоту. Иной генералъ былъ такъ толстъ, что самъ встать не могъ и поднять его трудно, и вотъ, положивъ сани на бокъ, его вкатываютъ въ нихъ и тогда ужъ поправятъ его, посадятъ, отряхнутъ отъ снѣга и поѣздъ трогается. Государь тоже останавливается и ждетъ, смѣясь иногда отъ души надъ этой возней. При этомъ я считаю нужнымъ замѣтить, что обожаемый всѣми нашъ покойный Государь на охотѣ былъ всегда веселъ, привѣтливъ, здоровъ. Всѣ доктора, особенно Карель (умершій) и самъ Государь, поѣздки на охоту считали лучшимъ лекарствомъ для него. Онъ за эти сутки запасался здоровьемъ на всю недѣлю труда; хотя портфель, набитый докладами министровъ, всегда ѣхалъ съ нами вмѣстѣ и Государь вечеромъ, удалясь въ свою комнату, нѣсколько часовъ посвящалъ занятіямъ.

Дежурный фельдъегерь утромъ везъ уже разсмотрѣнные доклады въ С.-Петербургъ.

Возвратимся къ Савелію. Онъ, отъ природы умный мужикъ, осласливленный царскимъ «спасибо», выѣздилъ нѣсколько лошадей, приучилъ своихъ сыновей, которые возили Великихъ Князей. Лѣтъ черезъ десять онъ получилъ шитый лейбъ-кучерской кафтанъ, а потомъ ужъ и медаль. Все это дало ему такой вѣсъ и такое значеніе въ глазахъ крестьянъ всего уѣзда, даже и въ сосѣднихъ, что они считали его закономъ, чѣмъ онъ иногда и злоупотреблялъ нѣсколько, напримѣръ: моя обязанность была нанять лошадей, заплатить за нихъ и за все, что только покупалось и приготовлялось къ охотѣ. Мимоходомъ здѣсь замѣчу, что никто, никогда, ничего даромъ не дѣлалъ. Государь и не допускалъ дароваго труда; труды и малѣйшее участіе всякаго оплачивались или по заведенному порядку, или по соглашенію со мной; а ужъ желѣзныя дороги такія представляли аптекарскіе

безконечные счета: не только сажени, вершки всѣ были измѣрены, да и цѣны какія! Ну имъ и книги въ руки! Счастье мое, что счета ихъ представлялись всегда послѣ и прямо въ контроль. Только министерство государственныхъ имуществъ не брало съ меня денегъ, а всѣ расходы (собственно по охотѣ въ лѣсу) оплачивало само, когда охота была, такъ сказать, въ его вѣдомствѣ.

Здѣсь я опять не могу не уклониться отъ послѣдовательности разсказа, не могу пройти молчаніемъ величія, мягкости, доброты души великаго Государя, всѣми нами, окружавшими его, искренно обожаемаго и теперь оплакиваемаго.

Охота была въ Лисинѣ; мѣсто это принадлежитъ министерству государственныхъ имуществъ. Я выѣхалъ во вторникъ среди дня по желѣзной дорогѣ, чтобы съ одной изъ станцій ѣхать на лошадахъ въ Лисино. Приѣзжаю; схожу съ платформы и вижу, что рядомъ со мной идетъ высокій, стройный, красивый, съ очень умными глазами баринъ, которому подали тройку ѣхать туда же. Я никогда раньше барина этого не видалъ. Внушительная его наружность произвела на меня настолько пріятное впечатлѣніе, что я приказалъ своему ямщику уступить ему дорогу, хотя моя тройка стояла впереди.

Приѣхали въ Лисино и тамъ я узналъ, что это новый министръ, новый въ этомъ министерствѣ, графъ П. А. Валуевъ. Онъ приѣхалъ тоже сдѣлать предварительныя распоряженія.

Вечеромъ прибылъ Государь, мы всѣ встрѣтили его въ передней, а министръ, одѣтый въ мундиръ, вышелъ на подъѣздъ. Государь, выходя изъ саней, подалъ ему руку и сказалъ:

— «А! и ты здѣсь? Здравствуй», и, взглянувъ на мундиръ, сказалъ:

— «А зачѣмъ ты себя стѣсняешь? вѣдь мы здѣсь у тебя простые гости!»

Что отвѣчалъ графъ, я ужъ не обратилъ вниманія, мнѣ только слова Государя были дороги.

Разскажу ужъ кстати и еще случай теплаго, чисто отческаго вниманія Государя къ маленькимъ людямъ, его сопровождавшимъ.

Обѣдъ былъ въ вагонѣ, поѣздъ для этого остановился. Послѣ обѣда Государь вышелъ изъ столовой въ кабинетъ и не успѣлъ

закурить папиросу, какъ поѣздъ тронулся. Государь сейчасъ же зоветъ капитана Ильина ¹⁾ и спрашиваетъ:

— «Вы обѣдали?»

«Обѣдаемъ, Ваше Величество».

— «Такъ кто же это распорядился ѣхать? Позови мнѣ N», назвавъ фамилію генерала, который вѣдалъ поѣздами. Является тотъ.

— «Ты обѣдалъ?» спросилъ его Государь. Тотъ въ недоумѣніи, такъ какъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Государемъ.

— «Я тебя спрашиваю, ты обѣдалъ?» повторяетъ Государь.

«Съ Вашимъ Величествомъ имѣлъ счастье пообѣдать», отвѣчаетъ генераль.

— «То-то, если ты самъ сытъ, надобно, чтобы и другіе были сыты. Чтобы никогда этого впередъ не было!» Генераль покраснѣлъ и извинялся тѣмъ, что они запоздали.

Много-ли у насъ баръ было и есть, которые бы такъ заботились о своихъ слугахъ?

Вернемся же къ продолженію разсказа объ охотѣ.

Я всегда старался дѣлать все экономнѣй, потому что вѣдавшій въ то время денежною частью баронъ Кистеръ былъ не изъ щедрыхъ, счета оплаченные представлялись ему, онъ все читалъ, все зналъ, и какъ самъ былъ честный и точный нѣмецъ, то всегда приходилось оглядываться, не переплатилъ бы гдѣ чего лишняго, а ужъ съ Савеліемъ и думать объ экономіи нечего; крестьяне бывало пріѣдутъ всегда раньше меня, выслушаютъ приказаніе Савелія и ужъ ихъ послѣ не урезонишь, отвѣтъ всегда одинъ: «Не можемъ знать, какъ Савелій Васильевичъ», и ничего не подѣлаешь, въ другихъ мѣстахъ заплатишь за лошадь 2 р. 50 к., а гдѣ Савелій, тамъ всегда 4 р.

Домъ Савелья былъ обыкновенный, крестьянскій, но просторный, вездѣ видна была зажиточность и когда я въ первый разъ пріѣхалъ по обязанности къ нему въ домъ, то въ первой комнатѣ увидѣлъ фортепіано, и на мой вопросъ, кто на нихъ играетъ, Савелій съ самодовольной улыбкой, поглаживая свою бороду, сказалъ: «а вотъ сейчасъ увидишь», и дѣйствительно вскорѣ появилась съ стаканомъ чая симпатичная дѣвушка.

¹⁾ Капитанъ Ильинъ всегда и вездѣ сопровождалъ Государя; человѣкъ онъ былъ въ высшей степени распорядительный, незамѣнимый въ вояжахъ; теперь онъ въ отставкѣ, живетъ пенсіею. М.

«Рекомендую, моя дочь, вотъ она-то у меня и играетъ на этой музыкѣ».

Я его поздравилъ съ такой дочкой.

— «Ахъ, не говорите, пожалуйста, съ чѣмъ тутъ поздравлять, что она у меня вышла ворона въ павлиныхъ перьяхъ».

«Гдѣ же она воспитывалась, и зачѣмъ ты давалъ ей нежеланное воспитаніе?» спрашиваю я.

— «Да развѣ это я сдѣлалъ? съ неудовольствіемъ отвѣтилъ онъ,—все вашъ же братъ: пріѣдутъ бывало ко мнѣ, когда ей было лѣтъ 9, 10, и начинаютъ толковать: неужели ты ее вырастишь по крестьянски, неужели не отдашь въ гимназію, ни въ пансіонъ, и вотъ все неужели, да неужели, ну и сбили меня, дочь она у меня одна, я и отдалъ ее въ лучшей пансіонъ. Правда, она радовала меня, училась всему хорошо, пріѣдешь, бывало, ее провѣдать, самъ не узнаешь, ну, а что-жъ теперь вышло?»

«Да на что же ты жалуешься?» спрашиваю я.

— «А на то, что къ вамъ-то она не пристала, а отъ насъ-то отстала, теперь-то я и вижу, что дѣвку-то свою самъ сгубилъ».

«Какъ, говорю, сгубилъ, деньги у тебя есть, она хорошеенькая, вотъ и выдай ее за какого нибудь барина».

— «Эхъ, ваше благородіе, вы все не то говорите, выдай за барина, вотъ одинъ офицеръ, дѣйствительно, сватался; человекъ ужъ въ чинахъ, только я такъ рассудилъ: человекъ хоть, положимъ, хорошій, но вѣдь какъ «общество» то ваше, а особенно барыни-то, примутъ ее? вѣдь, пожалуй, какъ милость ей будутъ оказывать, приглашая въ свои гостинныя, да и самъ-то мужъ, пожалуй, подъ сердитую руку скажетъ: я тебя, дуру мужичку, взялъ вѣдь за деньги только, ну и не смѣй рассуждать; а мы съ ней тоже вѣдь имѣемъ свою амбицію. Итакъ пораскинули мы съ ней своими мозгами и отказали».

Я замолчалъ, въ душѣ убѣжденный въ справедливости его доводовъ. Она свободно изъяснялась на французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ, и Государь съ свитой нерѣдко съ ней разговаривали на томъ или на другомъ языкѣ, и разъ вышелъ смѣшной случай съ нѣмецкимъ ея языкомъ.

Всякій разъ, когда Государь пріѣзжалъ въ деревню, всѣ жители сбѣгались его встрѣтить: и мужики, и бабы, и дѣвицы,

въ числѣ коихъ и она. Вотъ какъ-то разъ Государь поздоровался со всѣми и обратился къ ней,—она стояла впереди,—сказавъ:

— «Здравствуй, а что это ты похудѣла? ты здорова?»

«Здорова, Ваше Величество».

Государь былъ рядомъ съ нѣмецкимъ посломъ и потому говорилъ съ ней по нѣмецки.

— «Такъ если ты здорова, то отъ чего же ты похудѣла?» допытывался Государь.

Не зная, что сказать, она отвѣчаетъ, что, вѣроятно, отъ постной пищи. Это было великимъ постомъ.

— «А что же ты ѣшь?» любопытствуетъ Государь. Посолъ слушаетъ. Она и начинаетъ перебирать: квасъ, капусту, картофель и, дойдя до рѣдьки, на мгновение остановилась, и не зная, какъ сказать по нѣмецки рѣдька, назвала ее по русски. Государь удовольствовался; но посолъ, не зная по русски, спросилъ ее, что она еще такое сказала? Не помня этого слова, она вопросительно и испуганно глядитъ на Государя и на посла. Государь хотѣлъ отвѣчать, но и самъ забылъ, какъ по нѣмецки рѣдька; со смѣхомъ стали звать къ себѣ другихъ изъ свиты, кто владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и къ общей досадѣ никто не зналъ по нѣмецки рѣдька. Отыскали, наконецъ, оберъ-егермейстера барона Ливена, онъ къ счастью и разрѣшилъ вопросъ. Долго Государь смѣялся надъ этой рѣдькой.

Государь былъ настолько милостивъ къ Савелію, что разъ съ охоты самъ заѣхалъ прямо къ нему въ домъ. Послы и наши генералы, узнавъ объ этомъ, поспѣшили туда же. Савелій былъ въ восторгѣ. Онъ, а теперь наследники его могутъ гордиться этимъ, да и самый домъ, стулъ, на которомъ сидѣлъ Государь, могутъ считаться историческими.....

Назначена была разъ охота въ имѣннѣ одного графа. Около лѣса выстроены были охотничій домикъ и вотъ въ немъ назначенъ былъ завтракъ. Пока готовили столъ, Государь ходилъ по комнатѣ и подошелъ къ своему портрету, который висѣлъ на стѣнѣ. Посмотрѣлъ на него Государь и, обратившись къ окружавшимъ сказалъ, указывая рукою на бѣлый воротничекъ рубашки, выставившійся изъ-за воротника общаго генеральскаго сюртука: «никогда я не носилъ этого». Хозяина дома не было при этомъ, но, вѣроятно, ему дали знать и когда Государь пріѣхалъ

въ слѣдующій разъ, то ужъ бѣлаго вороничка не увидѣлъ, художникъ его уничтожилъ.

III.

Управляющій и всѣ почти егеря были въ душѣ страстные охотники и обожали Государя; слѣдовательно, легко понять съ какимъ искреннимъ стараніемъ и любовью дѣлались всѣ приготовления къ охотѣ, и надобно было лично видѣть ихъ, чтобы понять, какъ всѣ бывали огорчены и возмущены, если охота почему либо не удавалась. Они только ту охоту считали удавшеюся, если звѣрь убитъ самимъ Государемъ, а не кѣмъ-либо изъ свиты, но вѣдь не всегда «Мишкѣ» предпишешь путь. Медвѣдь, пробужденный отъ сна, съ испугу мечется, бывало, во всѣ стороны и въ концѣ концовъ попадетъ подъ чью-либо пулю и Государь уѣзжалъ безъ выстрѣла. Бывало, и крестьяне продѣлывали подлость. Прежде они получали съ егермейстерской конторы за простое указаніе медвѣдя. Мужикъ донесетъ, что есть медвѣдь, егеръ ѣдетъ на мѣсто, удостовѣряется въ самоличности медвѣдя, доноситъ своему начальству, самъ остается караулить и хранить его спокойствіе, а крестьянинъ, т. е. хозяинъ медвѣдя, получаетъ деньги. Егеръ-караульщикъ обыкновенно остается на жительство въ деревнѣ по сосѣдству съ звѣремъ и большею частью въ той же деревнѣ, гдѣ крестьянинъ. Крестьянинъ, подмѣтивъ, что егеръ подъ вечеръ вернулся съ осмотра, отправляется въ лѣсъ къ берлогѣ, выбирая для этого когда идетъ снѣгъ и завѣваетъ вѣтеръ выюги. Найдеть медвѣдя; стукомъ, шумомъ выгонять его изъ берлоги, прогнать куда нибудь въ сосѣдній лѣсъ, наблюдая, гдѣ онъ ляжетъ. Замѣтивъ новую квартиру, мужикъ уничтожить всѣ слѣды своего проступка, а ежели идетъ снѣгъ, то и безъ него слѣды пропадутъ. Спустя недѣльку и удостовѣрившись, что медвѣдь его лежитъ покойно, доносить въ контору, что онъ нашелъ другаго медвѣдя; назначается другой егеръ или поручается тому же, если близко; егеръ удостовѣряется и крестьянинъ получаетъ вторыя деньги за одного и того же звѣря. Ясно, что когда пріѣдетъ Государь, то перваго

медвѣдя не найдуть. Вотъ и неудача. Когда-то догадались въ чемъ дѣло, а невинные управляющіе и егеря получали выгоды, а иногда и наказаніе. Потомъ уже стали платить не за найденнаго, а за убитаго звѣря. А иногда и самъ «Мишка», помимо своей воли, устраивалъ неудачу; расскажу, на примѣръ, такой случай.

Приѣхали въ лѣсъ, помѣстились всѣ на своихъ мѣстахъ, данъ сигналъ, всѣ замерли въ надеждѣ и ожиданіи.

Проходятъ минуты, полчаса, часъ,—медвѣдя нѣтъ; у Государя появилось неудовольствіе на лицѣ; простоявъ еще съ четверть часа, онъ велѣлъ позвать къ себѣ управляющаго, дали ему сигналъ и бросились искать, но управляющаго не нашли; тогда Государь потребовалъ мужика-хозяина медвѣдя, но увы! и того нѣтъ.

Государь видимо недовольный молча пошелъ къ своимъ санямъ. Усаживаясь въ сани, Государь приказалъ оберъ-егермейстеру посадить управляющаго на гауптвахту.

Что же оказалось: медвѣдя, дѣйствительно, не нашли; управляющій, зная, что придется объясняться съ Государемъ, ушелъ въ чащу лѣса и притаился, надѣясь, что Государь уѣдетъ и, вернувшись домой, можетъ быть и смилуется надъ нимъ.

Мужикъ хотя и зналъ, что онъ не совершилъ подлога, но тѣмъ не менѣе медвѣдя нѣтъ, и боясь расчета съ управляющимъ, который навѣрно заподозритъ его, со страху тоже бѣжалъ и закопался гдѣ-то въ снѣгу.

Когда все въ лѣсу стихло, скрипъ послѣднихъ саней смолкъ и только собаки, высунувъ языки, тяжело дышали, управляющій объявился и приказалъ немедленно подать ему мужика, считая его воромъ. Сейчасъ же егеря на лыжахъ съ ищейками собаками напали на слѣдъ мужика и представили его предъ грозныя очи управляющаго.

«Куда ты к.... дѣвалъ медвѣдя?»

— «Не знаю».

«А, не знаешь! связать его и приготовить палокъ».

Мужикъ на колѣни, взмолился, крестится, божится, клянется дѣтьми, что онъ не виноватъ. Одинъ изъ старшихъ егерей, зная мужика съ отличной стороны, говоритъ управляющему:

«Ваше благородіе, я вѣдь знаю мужика и думаю, что онъ не виноватъ, а такъ какъ теперь вечеръ и мы всѣ устали, то оста-

вмѣ его связаннымъ на ночь, а завтра вмѣстѣ съ нимъ приѣдемъ опять искать». Управляющій согласился.

Утромъ начались самые тщательные поиски, извѣздили на лыжахъ весь лѣсъ самыми тѣсными линіями и одинъ изъ старыхъ егерей такъ усталъ, что сѣлъ на сугробъ снѣга, снялъ шапку и, положивъ ее около себя, закурилъ трубку въ размышленіи о несчастномъ случаѣ. Накурившись и не придя ни къ какому заключенію, онъ поднялся, чтобъ продолжалъ поиски, но обернувшись, не видитъ шапки; осматриваетъ кругомъ, всталъ, думая, что та подъ нимъ, но нѣтъ, шапка пропала. Не желая, чтобъ шапка вмѣстѣ съ Мишкой пропала, онъ продолжалъ ее искать, раскидывая рукою снѣгъ, какъ вдругъ рука его попадаетъ въ какое-то отверстіе, онъ наклоняется и увы! встрѣчается своими глазами съ заспанными глазами «Мишки».

Трудно представить восторгъ егеря!

«Ваше высокоблагородіе! здѣсь! здѣсь!» кричитъ онъ управляющему.

— «Кто?»

«Да Мишка».

Всѣ бѣгутъ, всѣ съ открытыми отъ улыбки ртами заглядываютъ къ нему въ окошечко: кто съ бранью, кто съ ласкательствомъ: «Мишенька, Мишенька, и не стыдно-ли тебѣ, голубчикъ, что ты съ нами вчера надѣлалъ?!»

А тотъ себѣ преспокойно, прищуривъ глаза, смотритъ на нихъ, какъ бы съ насмѣшкой думая про себя: что вы, дураки, волнуетесь, я и вчера также спокойно лежалъ, и слышалъ какъ вы метались, какъ угорѣлые, но никакой охоты не имѣлъ съ вами спорить».

За этимъ восторгомъ не скоро замѣтили, что мужикъ стоитъ на колѣняхъ и молится Богу, вознося горячую благодарность за спасеніе своей спины. Картина эта сильно подѣйствовала на всѣхъ и управляющій поднялъ мужика съ колѣней и извинился. Мужикъ забылъ и свою бессонную ночь, и всѣ страхи, отъ радости началъ благодарить его же, управляющаго. Когда все стихло, управляющій обращается съ рѣчью къ своей командѣ:

«Друзья мои, все это прекрасно, медвѣдь нашелся и мужика отъ всякаго нареканія освободилъ; но вѣдь мнѣ-то все-таки же наказанія не миновать, отъ гауптвахты-то меня онъ не спасетъ;

Государь поѣхалъ разсерженный и теперь не повѣритъ, если мы донесемъ о нашей находкѣ».

Составился, такъ сказать, военный совѣтъ. Управляющій сѣлъ на крышу квартиры медвѣдя. Медвѣдь легъ съ осени подъ упавшее съ корнемъ дерево; въ теченіи зимы снѣгъ и дождь образовали такую толстую и прочную кору надъ медвѣдемъ, что она могла выдержать любую тяжесть, и только оставалась одна нора, отдушина, которой медвѣдь не давалъ замерзать своимъ дыханіемъ; въ эту-то отдушину, по счастливой случайности, и провалилась шапка егеря. Около этой-то отдушины сѣлъ управляющій, чтобы «Мишка» слышалъ ихъ сѣтованія и приговоръ, который надъ нимъ будетъ произнесенъ. Большинство голосовъ приходило къ тому, что медвѣдь долженъ умереть заслуженною смертию—чрезъ разстрѣляніе, Государю донести и если онъ не смилуется, то ѣхать въ Гатчино на гауптвахту.

Но гауптвахта не представлялась управляющему привлекательною и онъ послѣ долгихъ раздумываній, наконецъ, произнесъ: «нѣтъ, друзья, не такъ; по моему его надобно живымъ доставить въ Зимній дворецъ, можетъ быть Государь тогда и смилуется надомной». Мысль эта новая всѣмъ понравилась—и всѣ единогласно согласились. Приступили къ приведенію въ исполненіе рѣшенія: наверху поставили двухъ сильныхъ егерей съ желѣзными ломами, окопали отдушину въ такомъ размѣрѣ, что медвѣдь могъ только съ трудомъ выйти. Начинаютъ его вызывать, шумѣть, стрѣлять изъ ружей (разумѣется, безъ пуль), а «Мишка» не шевелится; онъ слышалъ, что ему не угрожаетъ смерть, слѣдовательно, онъ спокоенъ и смотритъ съ той же насмѣшкой на всѣ ихъ усилія; поѣздка въ Петербургъ тоже, вѣроятно, не интересовала его. Охотники бранятся; собаки злятся, а онъ сосетъ свой кулакъ и думаетъ: «да ну, васъ, вотъ, думаетъ, потѣха, умрешь со смѣха!» Тогда охотники пустили надъ его фізіономію снарядъ (при фейерверкѣ называемый шугихой), который при прикосновеніи къ предмету съ трескомъ разрывается. Неожиданный взрывъ испугалъ медвѣдя, онъ вскочилъ и полѣзъ въ отверстіе. Егеря, стоявшіе наверху съ ломами, ударили его по головѣ и медвѣдь упалъ оглушенный; тогда ремнями связали его ноги и, крѣпко привязавъ къ санямъ, съ конвоемъ отправили въ Петербургъ на маленькій дворикъ Зимняго дворца.

Управляющій охоты съ замираніемъ сердца идетъ туда на верхъ и просить доложить.

Государь его принялъ; улыбаясь, выслушалъ всю исторію, пошелъ взглянуть на плѣнника, при видѣ котораго сердце Государя, какъ охотника, отошло, управляющаго помиловалъ, а медвѣдя приказалъ взять въ Гатчинскій звѣринецъ; вотъ «Мишка» поѣхалъ въ Гатчино, посматривая на управляющаго съ той-же насмѣшкой и какъ бы говоря: «ну, что взялъ, а вотъ и не смѣешь теперь ничего со мною сдѣлать, будешь еще за мною ухаживать и покорять». Долго онъ жилъ и какъ историческій въ лѣтописяхъ охоты долго былъ предметомъ любопытства; только управляющій и егеря никогда не могли простить ему сыгранной съ ними шутки и рѣдкій охотникъ проходилъ безъ того, чтобы не обругать его и не всыпать двухъ, трехъ нагаекъ, если таковая была въ рукахъ.

Управляющій этотъ былъ любопытный субъектъ, о немъ можно написать цѣлую книгу и ее съ любопытствомъ-бы прочли; когда-нибудь я къ нему вернусь.

IV.

На охоту приглашались, кромѣ русскихъ генераловъ (всегда почти одни и тѣ же), и иностранные послы, и вотъ мнѣ пришелъ на память случай съ англійскимъ посломъ, который отличался эксцентричностью и былъ какой-то меланхоликъ-философъ. Послѣ всякой охоты всегда былъ обѣдъ и затѣмъ Государь съ своими гостями возвращался въ Петербургъ. Охота на этотъ разъ была верстъ за 17 отъ желѣзной дороги. Пообѣдавъ, всѣ разошлись по своимъ квартирамъ, переодѣлись, сѣли въ приготовленные экипажи и пріѣхали на поѣздъ. Государь, какъ любезный хозяинъ, когда всѣ были въ вагонѣ, хотѣлъ, вѣроятно, спросить, доволенъ-ли англичанинъ охотою; ищетъ его глазами и, не видя, спрашиваетъ, гдѣ онъ помѣстился. Ищутъ по вагонамъ, посла нѣтъ. Государь подумалъ, что еще не пріѣхалъ, ждетъ, но капитанъ Ильинъ (о которомъ выше я говорилъ) сразу понялъ, что онъ остался на мѣстѣ, беретъ лошадей и скачетъ назадъ, надѣясь хоть встрѣтить его и поторопить; пріѣзжаетъ въ деревню, лошади стоятъ у

подъѣзда и ящикъ жалуется что замерзъ, ожидая «агличанина». Ильинъ вбѣгаетъ въ комнату посла, а тотъ преспокойно курить сигару, вложенную въ маленькую трубочку. Ильинъ объясняетъ ему, что его ждетъ Государь и цѣлый поѣздъ. Посолъ прехладнокровно выслушалъ и все-таки продолжаетъ сидѣть, но къ счастью Ильина явился камердинеръ посла, и узнавъ въ чемъ дѣло, отвѣтилъ за него «сейчасъ», уходитъ и возвращается съ калошами, беретъ посла за ногу, надѣваетъ одну калошу, затѣмъ другую, потомъ поднимаетъ его и при помощи Ильина всовываетъ одну и другую руки въ рукава шубы, выводитъ изъ комнаты, усаживаетъ въ сани и везутъ на желѣзную дорогу, гдѣ уже дожидался его экстренный поѣздъ, потому что Государь прождавъ полъ-часа и зная, что Ильинъ доставитъ посла въ цѣлости, уѣхалъ, приказавъ приготовить для него особый поѣздъ. Съ тѣхъ поръ Ильинъ всегда уже заботился, чтобы не потерять гдѣ либо агличанина. Камердинеръ говорилъ, что лордъ его всегда такой, его всегда надобно одѣть, посадить и повезти.

Впрочемъ, не одни агличане такъ флегматичны; былъ на той же охотѣ похожій на агличанина нашъ русскій генералъ. одинъ изъ начальствующихъ охотой. Про него, напримѣръ, рассказываютъ, что онъ разъ вернувшись вечеромъ изъ гостей домой въ своей каретѣ и не бывъ встрѣченъ лакеемъ, остался въ ней. Кучеръ, надѣясь, что онъ ушелъ въ подъѣздъ, поѣхалъ во дворъ, поставилъ карету въ сарай и отправился въ кухню. Лакей просидѣлъ всю ночь, а утромъ, увидѣвъ кучера, спросилъ: гдѣ же баринъ? «А я почему знаю, тебѣ лучше знать, куда онъ вышелъ, я его сегодня не видѣлъ». Послѣ долгихъ разъясненій отправились въ каретный сарай, глядятъ, а баринъ ихъ спокойно спитъ въ каретѣ. Когда его водворили въ мѣсто жительства, то онъ выразилъ большую претензію на лакея и кучера, отъ чего они не сдѣлали этого вчера. Послѣ этого урока, разумѣется, кучеръ, устанавливая карету на мѣсто, всегда ужъ бывало заглянетъ, нѣтъ-ли въ ней барина.

Кромѣ постоянныхъ сподвижниковъ охоты бывали всегда приглашаемы пріѣзжавшія царственныя особы, такъ, напримѣръ, я былъ на охотахъ съ наследниками: аглийскимъ, германскимъ, герцогомъ эдинбургскимъ, кобургъ-готскимъ, многими принцами мелкихъ германскихъ герцогствъ. Императоръ германскій и шахъ

персидскій не охотились, потому что прїѣзжали весной, но за то я имѣлъ честь быть на охотѣ съ императоромъ австрійскимъ Францомъ-Іосифомъ. Онъ произвелъ на всѣхъ насъ весьма благопрїятное впечатлѣніе, во 1-хъ, своею фигурою, походившею нѣсколько на обожаемаго нашего государя,—держался также прямо, величественно, а во 2-хъ, своею щедростью. Охота удалась, онъ убилъ медвѣдя. Въ австрійскихъ лѣсахъ медвѣдей нѣтъ, слѣдовательно, эта охота была для него прїятна. Послѣ охоты тамъ же на мѣстѣ онъ спросилъ сколько егерей и сколько чиновъ было съ нимъ на охотѣ. Егерямъ приказалъ выдать 500 талеровъ, а намъ ордена, такъ я, напримѣръ, получилъ кавалерскій орденъ его имени на шею.

Наслѣдникъ англійскій также довольно щедро награждалъ егерей, а нѣмецкіе принцы награждали по нѣмецки

Разскажу здѣсь припомнившійся мнѣ случай (небывалый, я думаю, въ лѣтописяхъ царскихъ обѣдовъ) съ нѣмецкимъ принцемъ за обѣдомъ.

Охота была за Ораніенбаумомъ, а обѣдъ послѣ въ ораніенбаумскомъ дворцѣ. Да надобно предупредить, что гдѣ-бы ни была охота и гдѣ бы ни предполагались завтраки и обѣды, но всѣ продукты, мясо, дичь, вина, словомъ все привозилось изъ Петербурга. Метрдотель, зная, сколько будетъ всѣхъ персонъ, беретъ съ собой такой и запасъ. Итакъ, за этимъ обѣдомъ, о которомъ я веду рѣчь, были блины съ прекрасною всегда зернистою икрою, которою, надобно сознаться, мы всегда объѣдались. Германскому принцу икра тоже очень понравилась и онъ вслухъ похвалилъ ее, обращаясь къ своему сосѣду, одному изъ нашихъ великихъ князей, который, какъ гостепрїимный русскій хозяинъ, естественно предложилъ ему скушать еще; тотъ не отказался; князь, обратившись къ официанту, приказалъ подать блины и икру. Ждутъ, проходитъ двѣ, три минуты, официанта нѣтъ; великій князь посылаетъ другаго и приказываетъ немедленно подать; является метрдотель, смущенный, и увя! объявляетъ, что икры нѣтъ. Надобно было видѣть затрудненіе великаго князя, который принужденъ былъ сказать сосѣду, съ большимъ аппетитомъ ждавшему икру, что ея больше нѣтъ; даже и нѣмецъ въ первый моментъ сконфузился и что-то пробормоталъ въ родѣ того, что онъ сытъ. Метрдотель былъ оштрафованъ,

безспорно онъ былъ виноватъ, хотя икры онъ бралъ всегда особенно большой запасъ. но на этотъ разъ не сдумалъ разсчитать аппетита гостей.

Государь сидѣлъ по лѣвую сторону принца и когда, замѣтивъ суматоху, узналъ въ чемъ дѣло, тоже остался недоволенъ и, обернувшись, такъ взглянулъ на метрдотеля, что у француза душа ушла въ пятки.

V.

Государь нашъ на охотѣ былъ, какъ я и выше говорилъ. всегда веселъ, любезенъ, находилъ для всѣхъ и каждого сказать что нибудь пріятное. Какъ-то разъ былъ на охотѣ нѣмецкій принцъ, кажется, братъ германскаго императора; понравились ему двѣ борзья собаки; собаки, дѣйствительно, были самыя лучшія и государь любилъ ихъ. Принцъ въ присутствіи государя долго любовался ими. Не успѣлъ онъ вернуться въ Берлинъ, какъ собаки эти доставлены были ему: Государь, значить, былъ истинно русскимъ человѣкомъ и держался старыхъ правилъ радушныхъ хозяевъ дарить гостю ту вещь, которая ему понравилась.

Я лѣтъ 7. 8 ѣздилъ на охоты съ покойнымъ государемъ; много, разумѣется, видѣлъ стрѣлковъ и охотниковъ, но болѣе великодушнаго и лучшаго стрѣлка, каковъ былъ государь Александръ Николаевичъ, не было. Случалось такъ, что государь сдѣлаетъ мѣткій выстрѣлъ, звѣрь смертельно раненъ, но жизненная энергія его поддерживаетъ, онъ тащится, но уже въ предсмертной агоніи, но въ этотъ моментъ кто-либо изъ сосѣдей государя стрѣляетъ; допустимъ, что пуля попала, но звѣрь ужъ былъ мертвъ и лежитъ противъ сосѣда. Понятно, что сосѣду, какъ охотнику, пріятно сознать себя героемъ этой охоты, и вотъ онъ позволяетъ себѣ доказывать, что звѣрь его. Во всѣхъ подобныхъ спорахъ государь, хотя и убѣжденный въ томъ, что звѣрь его, но всегда съ своей неподражаемой улыбкой, поднявъ свои прекрасные большіе глаза на спорившаго, скажетъ только: «такъ ты говоришь, что звѣрь твой?»

— «Да, государь».

«Согласенъ, не спору, можешь получить его».

А чтобы убѣдиться въ томъ, что государь былъ лучшій стрѣлокъ, для этого надо спросить егерей, какъ экспертовъ и специалистовъ этого дѣла, а я только расскажу случай, насколько егеря были увѣрены въ мѣткости выстрѣла государя.

Какъ-то въ глубокую осень, зимы еще не было, проѣздъ въ гѣсъ былъ невозможенъ и государь пожелалъ поохотиться въ гатчинскомъ паркѣ. Одинъ егерь долго преслѣдовалъ одного оленя, который, какъ на зло егерю, бѣжалъ все въ разныя стороны, но не шелъ подъ выстрѣлъ государя. Егерь, озлобленный, такъ сказать, непокорностью оленя, въ концѣ концовъ въ буяракѣ въ оврагѣ поймалъ его и, ухвативъ за заднія ноги, морду оленя направилъ къ верху оврага, а самъ прижался за оленемъ. Государь, сверху замѣтивъ оленя, выстрѣлилъ, но какъ олень вертѣлся въ рукахъ егеря, то пуля сдѣлала рикошетъ и, ранивъ оленя, зацѣпила и егеря въ руку около плеча. Рана неопасна, но тѣмъ не менѣе показала кровь, сосѣдніе егеря видѣли всю продѣлку своего товарища, но не находили въ этомъ ничего необычайнаго. Государь очень встревожился, когда ему доложилъ объ этомъ управляющій, приказалъ сію-же минуту отправить раненаго въ придворный гатчинскій лазаретъ и вызвать изъ Петербурга лучшихъ придворныхъ лейбъ-медиковъ; поѣхалъ самъ въ лазаретъ, разспросилъ, обласкалъ и въ теченіи дня нѣсколько разъ посылалъ въ лазаретъ великаго князя съ разспросами. Мѣстный врачъ промылъ царапину, забинтовалъ и присутствіе пріѣхавшихъ немедленно лейбъ-медиковъ оказалось совершенно ненужнымъ; но тѣмъ не менѣе, уѣзжая изъ Гатчины, государь приказалъ заботиться о больномъ и ежедневно доносить ему. Вниманіе врачей, столъ, вино, напирсы отъ двора, — егерь въ восторгѣ.

Государыня императрица узнавъ отъ государя о семъ неприятномъ случаѣ, тоже послала отъ себя приказаніе заботиться о немъ, послала егерю множество подарковъ, въ томъ числѣ прекрасные часы. Егерь дня черезъ два, чрезъ три былъ здоровъ, а черезъ недѣлю и царапина зажила; мѣстные врачи его выписываютъ изъ лазарета, но егерь упирается, нейдетъ, ему не житье, а масляница, живетъ на царскомъ продовольствіи мѣсяць, отлично сытъ, и долго, на всю бы жизнь остался въ лазаретѣ, да тотъ-же грозный управляющій водворилъ его

на мѣсто жительства—въ егерскую слободку. Благодаря рассказанному случаю, егерь и теперь смотрителемъ какого-то охотничьяго домика, счастливъ, доволенъ и благословляетъ свою судьбу.

Спустя много времени, я какъ-то встрѣтивъ его на охотѣ, полюбопытствовалъ спросить:

«Скажи, пожалуйста, говорю я, какъ могло тебѣ придти въ голову держать оленя и подставить его и себя подъ выстрѣлъ?»

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ онъ, значить, вы не знаете, какъ стрѣляетъ Государь. Риску съ моей стороны не было никакого, я не врагъ себѣ; я былъ безъ всякаго сомнѣнія, что Государь попадетъ въ лобъ или глазъ оленя и пуля останется тамъ, а если бы и прошла на вылетъ, то какъ ослабленная не могла уже причинить мнѣ никакого вреда».

Вотъ мнѣніе егерей о Государѣ Александрѣ Николаевичѣ, какъ о стрѣлкѣ, а ужъ они-то вполнѣ компетентны.

Покойный Государь охотился и на лосей; но эта охота такъ проста, что о ней не стоитъ и распространяться; сойдутся себѣ лоси иногда цѣлымъ табуномъ и жуютъ спокойно сѣно у чьихъ либо стоговъ. Нужно имѣть только небольшую охотничью смѣтливость, чтобы опредѣлить куда они побѣгутъ. Соображенія эти не глубоки: лось не мѣдвѣдь или волкъ. Послѣдній съумѣетъ чутьемъ разобратъ и глазами рассмотреть и отличить ружье стрѣлка отъ палки крестьянина-загонщика, и не побѣжитъ на стрѣлка съ ружьемъ, хотя бы онъ стоялъ одинъ, а бросается въ толпу сотни мужиковъ, которые его угостятъ палками, но волкъ не оскорбится этимъ, онъ находитъ, что лучше пройти сквозь строй палокъ и остаться живымъ, нежели идти на выстрѣлъ; лось же болѣе простъ, чѣмъ его большая фигура, бѣжитъ обыкновенно туда, откуда пришелъ къ корму, слѣдовательно, управляющій охотою, замѣтивъ слѣды, такъ и обозначить мѣсто для Государя и другихъ стрѣлковъ. При малѣйшемъ шумѣ лоси бѣгутъ и такъ какъ они велики, то и стрѣлять въ нихъ весьма удобно.

А. И. Михайловъ.

ДИМИТРІЙ МАКСИМОВИЧЪ КНЯЖЕВИЧЪ,

основатель и первый президент одесскаго общества исторіи и древностей.

род. 25-го апрѣля 1788 г., † 1-го октября 1844 г.

Дѣятельность Дмитрія Максимовича на служебномъ, литературномъ и, особенно, научномъ поприщѣ заслуживаетъ полного вниманія, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь доставленный намъ очеркъ его жизни, характеристику его нравственной личности и обзоръ его вполне достопамятныхъ трудовъ. Напечатаніе такого обзора мы находимъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что 25-го апрѣля 1888-го года исполнится столѣтняя годовщина со дня его рожденія и редакція «Русской Старины» долгомъ считаетъ почтить—въ лицѣ достойной памяти Д. М. Княжевича—въ особенности основателя новороссійскаго историческаго общества и его перваго президента.

Пишущій эти строки считаетъ за особую честь принадлежать къ числу членовъ этого общества, оказавшаго и продолжающаго оказывать большія заслуги на поприщѣ разработки археологій, нумизматикъ и въ особенности исторіи преимущественно южной Россіи ¹⁾.

Ред.

---

¹⁾ Въ „чрезвычайномъ прибавленіи“ къ первому тому записокъ Одесскаго историческаго общества помѣщенъ былъ, въ 1844 году, обширный и весьма горячо написанный некрологъ Д. М. Княжевича. Некрологъ этотъ подписали: С. Сафоновъ, Н. И. Надеждинъ и В. И. Григорьевъ въ Спб. 15 ноября 1844 г. Въ 4 д. XXIV стр. Нѣкоторыми свидѣніями изъ этой статьи воспользовался составитель помѣщаемаго здѣсь очерка.

Ред.

I.

Димитрій Максимовичъ Княжевичъ родился въ Петербургѣ 25-го апрѣля 1788 года. Отецъ его, Максимъ Димитріевичъ, служившій въ царствованіе императрицы Екатерины II въ кавалергардахъ, перешелъ позже въ статскую службу, прошелъ въ ней всѣ степени гражданской іерархіи, занималъ разныя мѣста въ Саратовѣ и въ Уфѣ и скончался въ 1809 году въ Казани, гдѣ занималъ должность совѣтника казенной палаты. Въ 1780 годахъ женился онъ на дѣвицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Рудневой, отъ которой имѣлъ четырехъ сыновей: Димитрія, Александра, Николая и Владислава.

Димитрій Максимовичъ воспитывался въ казанской гимназіи, по окончаніи курса которой прямо поступилъ на государственную службу. Въ 1802 г. онъ перешелъ изъ Казани въ Петербургъ, получилъ мѣсто въ бывшей экспедиціи государственныхъ доходовъ и въ 1805 году былъ награжденъ первымъ чиномъ. Его почти сорока-лѣтняя служба въ министерствѣ финансовъ можетъ служить замѣчательнымъ примѣромъ постоянства на однажды избранномъ пути, доказывающимъ, какъ онъ умѣлъ привязываться къ своему дѣлу, какъ, поставивъ себѣ цѣль, онъ прилѣплялся къ ней всемъ сердцемъ, всею душою, всею своею жизнью.

Не смотря на то, что Димитрій Максимовичъ занимался своею должностію прилежно и строго, она все же таки оставляла ему много досуга для занятій изящною словесностію, къ которой съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ влеченіе. Еще будучи въ гимназіи, онъ отличался особенными способностями и необыкновенными успѣхами по классу русской словесности, былъ душою и предводителемъ дѣтскаго литературнаго общества (устроеннаго съ соизволенія и подъ надзоромъ гимназическаго начальства), между воспитанниками, гдѣ читались и подвергались взаимному обсужденію ихъ первоначальные опыты въ прозѣ и въ стихахъ. Журналы этого общества сохранились отчасти у Димитрія Максимовича, который иногда, въ близкомъ дружескомъ кругу, любилъ ихъ развертывать, предаваясь сладкимъ воспоминаніямъ своего дѣтства. При поступленіи на службу онъ возобновилъ свои литературныя занятія. Изъ сослуживцевъ его и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей составился тѣсный, дружескій кругъ любителей наукъ и изящной словесности, въ которомъ, кромѣ Княжевича, участвовали: Александръ Ефимовичъ Измайловъ, Александръ Петровичъ Бенвѣдскій, Михайлъ Васильевичъ Милоновъ, Иванъ Васильевичъ Фовиц-

кій, Павелъ Александровичъ Никольскій, Николай Ильичъ Ѳедоровъ и нѣкоторые другіе того времени писатели.

Димитрій Максимовичъ занимался литературою не изъ какихъ-либо видовъ корысти или тщесавія: онъ находилъ услажденіе, отраду, удовлетвореніе душевной потребности въ благородномъ трудѣ, видѣлъ въ немъ средство къ дальнѣйшему образованію ума и сердца. Да и всѣ тогдашніе литераторы были безсребренными жрецами въ храмъ музъ. Современники свидѣтельствуютъ, что въ то время писатели не только не приобрѣтали ничего своими литературными трудами, но еще трагались на изданіе своихъ произведеній, безъ надежды когда-либо возвратить издержки. И въ тѣ времена возникали жаркіе споры, происходили жестокія брани, возгоралась непримиримая вражда между писателями, но отнюдь не изъ-за какихъ-либо расчетовъ или видовъ, а вслѣдствіе внутренняго убѣжденія, иногда ошибочнаго, но всегда искренняго и безкорыстнаго. Къ тому же почти всѣ тогдашніе литераторы были на службѣ гражданской или учебной, всѣ посвящали занятіямъ словесности немногіе часы отдыха и досуга, не составляя изъ этихъ занятій ремесла. Они вообще были люди хорошо воспитанные, со свѣтскимъ образованіемъ и благороднымъ вкусомъ, разумѣется, за исключеніями, но очень немногими.

Поприщемъ занятій этого круга былъ сначала ежемѣсячный журналъ «Цвѣтникъ», начатый Измаиловымъ и Беницкимъ, мѣсто котораго, по кончинѣ его, занялъ Никольскій. «Цвѣтникъ» выходилъ въ 1809 и въ 1810 годахъ. Въ 1810 году дѣятельность этого кружка перенеслась въ общество любителей наукъ, словесности и художествъ, предсѣдатель котораго былъ Димитрій Ивановичъ Языковъ, а постояннымъ и усерднымъ сотрудникомъ—Александръ Христофоровичъ Востоковъ, одинъ изъ его учредителей. Оно оживилось (въ 1810 году) преимущественно вступленіемъ въ него Димитрія Васильевича Дашкова, молодого человѣка съ большимъ умомъ, дарованіями и образованіемъ. Въ то время усиливалась и брала верхъ въ литературѣ школа послѣдователей Шишкова, объявившая войну слогу Карамзина и превозносившая литературный языкъ первой половины XVIII столѣтія, въ которомъ славянскія слова смѣшивались съ русскими въ фразахъ латинскаго и нѣмецкаго склада и даже въ галлицизмахъ. Партія эта, къ которой принадлежали многія знатныя лица по связямъ и дружбѣ съ Шишковымъ и его приверженцами, усиливалась видимо, но не могла устоять противъ напора здраваго смысла и чистаго вкуса. Она господствовала преимущественно въ извѣстной «Бесѣдѣ Русскаго Слова». Противники ея, приверженцы Карамзина, наши пріютъ въ скромномъ Обществѣ русской словесности, которое, усилившись новыми

достойными членами (въ числѣ ихъ были К. Батюшковъ, Д. Блудовъ, В. Пушкинъ, Н. Гнѣдичъ, Д. Сѣверинъ, С. Жихаревъ, Н. Грамматинъ и др.), вознамѣрилось дѣйствовать рѣшительно. Съ января 1812 года оно начало издавать въ своемъ направленіи журналъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ». Въ этомъ журналѣ отличались наблюдательностью и умнымъ изложеніемъ замѣтки Д. М. Княжевича, бывшаго въ числѣ самыхъ усердныхъ и ревностныхъ сотрудниковъ. Между тѣмъ возникли въ обществѣ ссоры, разногласія, раздоры. Нѣкоторые члены, не успѣвшіе поставить на своемъ, вышли. Не знаемъ, что стало-бы съ обществомъ и его журналомъ, если-бъ ужасная гроза, поднявшаяся на политическомъ горизонтѣ въ 1812 году, не заглушила тихаго говора словесности. Всѣ журналы пріостановились и въ томъ числѣ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» на десятой книжкѣ. Миръ Европы возстановился черезъ два года; ученые и литераторы готовились обратиться вновь къ тихимъ своимъ занятіямъ.

Тутъ выпалъ на долю Княжевичу новый жребій. По окончаніи войны надлежало разсчитаться въ военныхъ и другихъ издержкахъ, за продовольствіе нашихъ войскъ, съ двадцатью двумя государствами Германіи. Интендантство арміи просило министра финансовъ откомандировать къ нему нѣсколько чиновниковъ по счетной части, свѣдущихъ въ иностранныхъ языкахъ, и Дмитрія Максимовича, тогда еще только титулярнаго совѣтника, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками министерства финансовъ, отправили къ бывшей заграницею большой дѣйствующей арміи для службы въ учреждавшихся тамъ ликвидаціонныхъ комиссіяхъ. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1814 года прибылъ онъ во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ получилъ назначеніе быть бухгалтеромъ при комиссіи, которая сначала имѣла свое мѣстопробываніе въ Прагѣ, а потомъ перешла въ Вѣну. Въ этомъ званіи прожилъ онъ въ Вѣнѣ около шести лѣтъ, по іюль 1820 г. Все это время онъ находился подъ непосредственнымъ главнымъ начальствомъ тогдашняго генераль-интенданта арміи, генераль-лейтенанта (впослѣдствіи министра финансовъ и графа) Е. Ф. Канкринна, которому съ самаго появленія своего за границу сдѣлался лично извѣстнымъ. Это имѣло, если не тогда, то впослѣдствіи, особенное вліяніе на его судьбу по службѣ. Необыкновенный мужъ, въ которомъ скрывался будущій министръ финансовъ, отличилъ съ перваго взгляда замѣчательныя способности молодого человѣка и въ скромномъ бухгалтерѣ вѣнской ликвидаціонной комиссіи провидѣлъ своего будущаго сподвижника на высокомъ поприщѣ, которое ему готовили довѣріе и милость монарховъ. Съ тѣхъ поръ началась между Канкриннымъ и Княжевичемъ связь взаимнаго уваженія и довѣрія, продол-

жавшаяся въ теченіи многихъ лѣтъ. Усердно занимаясь исполненіемъ возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, Дмитрій Максимовичъ не выпускалъ изъ виду и любимой имъ литературы. Пребываніе за границею нисколько не прекратило его занятій словесностью, напротивъ, оно обращено было имъ въ средство къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію его счастливыхъ способностей. Изучивъ основательно нѣмецкую литературу, онъ нашелъ въ ней новыя сокровища для обогащенія своего ума и облагородствованія вкуса. Желая усовершенствоваться во французскомъ языкѣ, онъ переписывался по французски съ однимъ изъ своихъ товарищей, служившихъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Это смѣшеніе трудовъ сухихъ и строгихъ съ занятіями чувства и воображенія сохраняло и усиливало въ немъ счастливое сліяніе твердости съ мягкосердечіемъ, спокойствія строгаго разсудка съ пылкостью характера и добродушною довѣрчивостью. Отдаленіе отъ отечества не дозволяло ему принимать по прежнему непосредственное участіе въ тогдашнемъ движеніи отечественной литературы; за то онъ вознаграждалъ себя помѣщая плоды своихъ досуговъ, на нѣмецкомъ языкѣ, въ современныя, въ особенности вѣнскихіхъ, журналахъ и газетахъ. Впрочемъ, и тутъ, имѣя всегда въ виду отечество, онъ поставлялъ предметомъ и цѣлью своихъ статей ознакомленіе нѣмцевъ съ разными достопримѣчательностями Россіи, особенно съ духомъ русскаго языка, съ богатствами русской словесности.

Въ 1820 году кончились работы по ликвидаціи. Дмитрій Максимовичъ въ это время (въ 1819 году) женился на баронессѣ Антонинѣ Гора и тѣмъ упрочилъ себѣ единственное истинное счастье въ жизни—счастье домашнее. Вскорѣ потомъ, лѣтомъ 1820 года, онъ возвратился въ Петербургъ и въ чинѣ надворнаго совѣтника поступилъ въ прежнюю службу начальникомъ отдѣленія въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, которая въ слѣдующемъ году была преобразована въ департаментъ государственнаго казначейства, гдѣ Д. М. Княжевичъ занялъ ту же должность, по прежнему посвящая свободное время занятіямъ словесностью. Въ 1822 году онъ издалъ плодъ продолжительныхъ своихъ изысканій «Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, съ присоединеніемъ таблицы содержанія оныхъ для удобнѣйшаго присканія». Этою книжкою пополненъ былъ (по тому времени удовлетворительно) пробѣлъ въ народной русской литературѣ. Всѣ приведенныя въ ней пословицы истинно народныя, русскія. Кромѣ того, въ 1822 и 1823 годахъ издавалъ онъ, при помощи братьевъ своихъ, Александра Максимовича и Владислава Максимовича, литературныя прибавленія къ «Сыну Отечества» подъ заглавіемъ «Библиотека для чтенія, составленная изъ повѣстей

анекдотовъ и другихъ произведеній изящной словесности». Въ этомъ сборникѣ помѣщены переводы, большею частью съ нѣмецкаго языка, лучшихъ тогдашнихъ повѣстей Цюкке и Гофмана, повсѣ неизвѣстныхъ вашей публикѣ. И выборомъ, и переводомъ, правильнымъ и изящнымъ, эти повѣсти отличались отъ всѣхъ другихъ и обращали на себя благосклонное вниманіе публики ¹⁾.

Въ существовавшихъ тогда въ Петербургѣ обществахъ: любителей словесности наукъ и художествъ и любителей россійской словесности, Димитрій Максимовичъ принималъ также ревностное и дѣятельное участіе, въ качествѣ члена; въ послѣднемъ же неоднократно исполнялъ почетную должность цензора прозы и потомъ былъ помощникомъ предсѣдателя. Въ этомъ періодѣ своей жизни онъ съ особенною любовію занимался филологическими изслѣдованіями о синонимахъ русскаго языка, изъ которыхъ многіе любопытные отрывки помѣщены въ «Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности», называвшихся тоже «Журналомъ соревнователей просвѣщенія и благотворенія» и въ другихъ современныхъ изданіяхъ. Такое направленіе его занятій заслужило ему впоследствии (въ 1837 году) избраніе въ члены бывшей императорской россійской академіи, въ трудахъ которой по составленію новаго словаря русскаго языка досталась и ему доля участія, занимавшая его до преобразования академіи, при которой онъ сохранилъ званіе почетнаго члена новообразованнаго втораго отдѣленія императорской академіи наукъ.

Естественная связь между словесностью и вообще искусствами отпечатлѣвалась и въ душѣ Княжевича, равно отзывчивой ко всему прекрасному, равно любившей все ознаменованное печатью изящнаго творчества. Вслѣдствіе того онъ состоялъ членомъ императорскаго общества поощренія художниковъ, вполне заслужившимъ это имя.

Между тѣмъ, мужая въ лѣтахъ, онъ обнаружилъ въ себѣ сочувствіе и къ другому поприщу плодотворнаго дѣйствования мыслью и словомъ на пользу отечества, именно къ сельскому хозяйству: это заслужило ему еще въ Петербургѣ избраніе въ члены высочайше утвержденнаго общества поощренія лѣснаго хозяйства, вольнаго экономическаго общества и императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, а по прибытіи въ Одессу—приглашеніе въ члены императорскаго общества сельскаго хозяйства въ южной Россіи.

Въ 1824 году литературная дѣятельность Д. М. Княжевича была прекращена назначеніемъ его (въ мартѣ) въ должность С.-Петербург-

¹⁾ По словамъ современниковъ публика буквально осаждала книжный магазинъ Смидина въ первые дни выпуска новой части этой „Библіотеки“.

скаго вице-губернатора, поглотившую все его вниманіе, все время. Онъ пробылъ въ этой должности три года, исполняя ее съ неутомимымъ усердіемъ; не стѣсня частныхъ людей, доставилъ казнѣ значительныя выгоды (до девяти милліоновъ рублей) и вполнѣ оправдалъ ожиданія начальства, за что въ награду получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1827 году (4 февраля) онъ былъ назначенъ вице-директоромъ департамента государственныхъ имуществъ. Высшее начальство не ограничивало его дѣйствій службою по казенной палатѣ: оно возлагало на него порученія и по другимъ частямъ. Е. Ф. Канкринъ, при вступленіи въ должность министра финансовъ, обратилъ свое особенное вниманіе на часть таможенную, загрязшую въ старыхъ приемахъ, преданіяхъ и злоупотребленіяхъ. Надлежало принять строгія и рѣшительныя мѣры и исполнить ихъ посредствомъ лицъ постороннихъ, свѣжихъ, не погрязшихъ въ служебной рутинѣ. Для исправленія зла были приняты быстрыя и строгія мѣры; дѣятельнымъ исполнителемъ ихъ былъ новый директоръ департамента вѣшной торговли Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ. Часть эту совершенно преобразовали. Прекратилась вопіющая злоупотребленія; доходы казны возвысились значительно; частная торговля охранялась отъ козней тайнаго провоза; выгоды частныхъ лицъ были обезпечены изданіемъ справедливаго и нестѣснительнаго положенія о досмотрѣ пассажирскихъ вещей. Канкринъ не довольствовался возложеніемъ этихъ трудныхъ и щекотливыхъ дѣлъ исключительно на чиновниковъ таможеннаго вѣдомства; онъ поручалъ ихъ и постороннимъ лицамъ, къ которымъ имѣлъ полное довѣріе, о которыхъ зналъ, что они, соблюдая выгоды казны, не обидятъ и не стѣснятъ частныхъ людей, и преслѣдуя злоупотребленія и лихоимства, будутъ снисходительны къ необразованности и слабости людской. Многія такія порученія возлагалъ онъ на Дм. Макс. Княжевича, который исполнялъ ихъ по долгу и совѣсти къ удовольствію своего почтеннаго начальника ¹⁾. Въ 1830 г.

---

¹⁾ Расскажемъ одинъ любопытный случай. Консульскій агентъ изъ какого-то приморскаго города западной Европы донесъ министерству, что оттуда отправился въ Россію купеческій корабль N., шкиперъ NN., и на немъ находится большое количество контрабанды. Министръ предписалъ, по прибытіи корабля въ Кронштадтъ, строго досмотрѣть его. Досмотрѣли и донесли: „ничего не оказалось“. Повторяютъ приказаніе, отвѣтъ тотъ-же. Тогда Ег. Фр. Канкринъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора, поручая ему отправиться въ Кронштадтъ и непременно открыть истину. Д. М. Княжевичъ прибылъ на корабль, въ сопровожденіи петербургскихъ досмотрщиковъ, снабженныхъ необходимыми орудіями. Чиновники встрѣтили его съ работливостію. Шкиперъ злобно ухмылялся.—„Итакъ, нѣтъ контрабанды? Не оты-

Димитрій Максимовичъ, вмѣстѣ съ возведеніемъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, опредѣленъ былъ директоромъ канцеляріи министра финансовъ, и въ слѣдующемъ 1831 году, сначала, при сохраненіи званія директора канцеляріи, получилъ въ управленіе департаментъ государственнаго казначейства, потомъ окончательно перемѣщенъ въ этотъ департаментъ директоромъ, на каковомъ посту и оставался до 1837 года. Такимъ образомъ онъ достигъ прекраснѣйшей награды, какую можетъ доставить служба: сдѣлался главнымъ начальникомъ тамъ, гдѣ, за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, началъ служить простымъ канцеляристомъ.

Здѣсь оканчивается первый длинный періодъ службы Димитрія Максимовича по министерству финансовъ — службы, которую онъ началъ, можно сказать, съ дѣтства, въ которой выросъ, образовался и возмужалъ, которой посвятилъ больше тридцати лѣтъ лучшаго времени жизни.

II.

Второй, къ сожалѣнію, болѣе кратковременный, но не менѣе обильный трудами и заслугами, періодъ служебной дѣятельности Д. М. Княжевича принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія.

Высочайшимъ указомъ 28-го іюля 1837 г. Д. М. Княжевичу повелѣно быть попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Тутъ очутился онъ въ своей, настоящей сферѣ. Любовь къ наукамъ и просвѣщенію, къ литературѣ, страсть къ благодѣянію ближнимъ образованіемъ ихъ — все это соединялось въ доброй, любящей душѣ Княжевича и давало ему полное право на полученное имъ мѣсто. До поступленія своего въ званіе попечителя округа, Димитрій Максимовичъ не служилъ по учебной части, не имѣлъ ни случая, ни повода ею заниматься. Это обстоятельство съ одной стороны имѣло то неудобство, что онъ долженъ былъ знакомиться съ частью совершенно для него новой, учиться, часто ходить ошунью, иногда ошибаться; но, съ другой, было тѣмъ хорошо, что онъ вступалъ на это поприще со свѣжимъ умомъ, безъ предрассудковъ,

---

сказали? — „Нѣтъ, ваше высочордіе, мы досмотрѣли рачительно и подробно, ничего не олавалось. Напрасно беспокоится начальство“. Княжевичъ, взглянувъ на стѣнки каюты, скомандиввалъ досмотрщикамъ: „рубить!“ Топоры приударили, доски отвалились и изъ-за нихъ посыпались куски разныхъ матерій, кружевъ и т. п. При дальнѣйшемъ обыскѣ нашли несмѣтное количество запрещенныхъ товаровъ.

А. К.

безъ педантства, безъ привычекъ къ вѣковымъ злоупотребленіямъ, съ которыми, отъ дѣйствія времени, спокойно уживаются люди, нерѣдко истинно ученые и благонамѣренные. Княжевичъ принялся за новое свое дѣло съ жаромъ и усердіемъ; познакомился съ положеніемъ учебной части въ округѣ; увидѣлъ недостатки заведеній и лицъ, узналъ потребности края и времени, и старался, сколько возможно, исправить старое, вдохнуть новый духъ въ уставшую машину, а орудія слабыя и немощныя замѣнять сильными и бодрыми. Передъ самымъ его вступленіемъ въ управленіе Одесскимъ учебнымъ округомъ, Ришельевскій лицей ¹⁾ въ Одессѣ, главное учебное заведеніе края, получилъ новое устройство, приблизившее его къ устройству университетскому. Осуществить новый устава лицея, содержавшій въ себѣ сѣмя учебной и ученой жизни для округа, предстояло новому попечителю.

Какъ исполнилъ онъ это, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуешь то обстоятельство, что новый попечитель нашелъ въ лицей всего 20 воспитанниковъ, а въ теченіе семи лѣтъ число ихъ возрасло до 130 ²⁾. Чтобы привести это заведеніе въ возможную соотвѣтственность съ современнымъ состояніемъ наукъ, съ мѣстными потребностями края и вмѣстѣ съ общимъ направленіемъ образованія въ Россіи, Димитрій Максимовичъ не довольствовался точнымъ приведеніемъ въ исполненіе того, что было уже предположено, но съ неутомимою, можно сказать, съ безпокойною ревностью, непрерывно стремился отъ улучшеній къ улучшениямъ. Каждый годъ, каждый семестръ лицей дѣлалъ новые шаги на пути къ своему, во всѣхъ частяхъ, усовершенствованію: снабжался достойными наставниками, обогащался воспитанниками, распространялъ свои матеріальныя средства, учебныя пособія, кругъ и объемъ преподаваемыхъ предметовъ, дѣятельность, вліяніе и репутацію преподавателей, такъ что сдѣлался, можно сказать, въ маломъ видѣ мѣстнымъ университетомъ. Стараніями попечителя учреждена была въ немъ наеэдра сельскаго хозяйства и лѣсоводства, введено преподаваніе судебной медицины, политической экономіи, геодезіи, сравнительной географіи, русскихъ древностей, наконецъ, образовано дотогдѣ не существовавшее цѣлое особое отдѣленіе лицея подѣ

¹⁾ Нынѣ Новороссійскій университетъ.

²⁾ Высокая степень, на которую поставилъ Княжевичъ Ришельевскій лицей, доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые жители Кіева и Харькова стали, со времени Княжевича, присылать своихъ молодыхъ людей въ этотъ лицей, отдавая ему преимущество передъ мѣстными университетами.

именемъ камеральнаго, съ открытіемъ котораго послѣдовала новая организація преподаванія и въ двухъ прежнихъ отдѣленіяхъ, юридическомъ и математическомъ. Не меньшее вниманіе обращено было на лицейскую гимназію и на всѣ вообще учебныя заведенія округа, среднія и высшія. Долго было бы перечислять все, что сдѣлано было имъ для этихъ учебныхъ заведеній во всѣхъ отношеніяхъ: какъ въ матеріальномъ, такъ особенно въ учебномъ и въ нравственномъ. Упомянемъ только объ одномъ памятникѣ благотворныхъ видовъ и просвѣщенныхъ заботъ Д. М. Княжевича—о памятникѣ, который увѣковѣчить его имя въ признательномъ краѣ. Это начертанныя имъ «программы для преподаванія всѣхъ предметовъ въ гимназіяхъ и въ училищахъ, уѣздныхъ и приходскихъ». Онѣ составляютъ какъ бы ручную педагогическую книгу, въ которой низшее и среднее воспитаніе, съ постояннымъ вниманіемъ къ возрасту и состоянію, къ общимъ и мѣстнымъ потребностямъ воспитывающагося юношества, ведется отъ низшихъ степеней до высшихъ съ удивительно выдержанною послѣдовательностью и въ то же время съ глубоко обдуманною общностью, такъ что каждый предметъ, во всѣхъ своихъ малѣйшихъ подробностяхъ, идетъ съ другими параллельно, въ непрерывной симметріи и гармоніи. Главнѣйшее же достоинство этихъ программъ состоитъ въ томъ, что онѣ проникнуты любимую, задушевною мыслью, руководившею всѣми дѣйствіями попечителя: чтобы въ краѣ, недавно еще усыновленномъ Россією и до сихъ поръ еще пестрѣющимъ самымъ разнообразнымъ, разновѣрнымъ и разноязычнымъ населеніемъ, водворить воспитаніе и образованіе истинно русское. И должно признаться, что эта мысль, изливавшаяся отъ полноты пламеннаго и просвѣщеннаго патриотическаго энтузіазма, не осталась бесплодною. Провидѣніе благословило святую ревность еще при жизни его сладостными начатками успѣха, замѣтными всюду, начиная съ лицей. Для достиженія такого результата въ такое короткое время необходимы были усилія необыкновенныя, дѣятельность неутомимая, надзоръ неусыпный, постоянство, непреодолимое никакими препятствіями и затрудненіями. Таковъ былъ Д. М. Княжевичъ. Онъ не зналъ ни утомленія, ни успокоенія; онъ весь былъ въ исполненіи принятаго на себя долга, предначертанной себѣ цѣли. Лицей и учебный округъ—тутъ были его долгъ, его вѣжнѣйшія привязанности, его лучшія надежды и мечты; тутъ сосредоточена была вся его душа, положена вся его жизнь. Говоримъ это безъ всякаго преувеличенія, въ самомъ точномъ, буквальномъ смыслѣ. Когда вслѣдъ за прибытіемъ Дмитрія Максимовича въ Одессу, внезапно потрясла городъ и весь край страшная вѣсть о появленіи чумы, онъ немедленно, съ находившимся тогда при немъ сыномъ, воспитанникомъ

лицейской гимназіи, переселился самъ въ зданіе лицея для болѣе тщательнаго надзора, и здѣсь, запершись среди ввѣреннаго ему отъ Бога и государя многочисленнаго семейства дѣтей, прожилъ всю тяжкую годину бѣдствія, продолжавшуюся около четырехъ мѣсяцевъ. Оставлялъ онъ это добровольное заключеніе только на тѣ минуты, когда санъ и званіе призывали его на совѣщаніе съ мѣстными начальствомъ объ общихъ мѣрахъ къ спасенію и успокоенію города. Впослѣдствіи, уже окруженный собственною своею семьею, онъ не разъ отъ нея отрывался и среди ночи ѣздилъ въ лицей или переселялся туда на недѣлю или на двѣ, для того только, чтобы собственными глазами слѣдить за воспитанниками во всякую пору дня и ночи, въ классахъ и въ спальнѣ, на прогулкахъ и за работою; чтобы собственнымъ, личнымъ опытомъ удостовѣриться въ исполненіи и успѣшности вводимаго имъ порядка во всемъ образѣ ихъ жизни. Здѣсь онъ жилъ одинъ въ небольшой, тѣсной, лишенной всѣхъ удобствъ, комнатѣ, куда супруга и дѣти прѣзжали къ нему на короткое время, гостями. По округу путешествовалъ онъ ежегодно по нѣсколько разъ, подвергаясь — по тому времени почти неизбѣжнымъ — всѣмъ лишеніямъ и трудностямъ странствованія по необозримымъ пустыннымъ степямъ Новой Россіи, въ горахъ Крыма и Бессарабіи, принужденный нерѣдко ночевать въ землянкѣ, спать на голой доскѣ, трястись верхомъ на татарской лошади или тащиться въ скрипучей молдавской каруцѣ. Не было такого отдаленнаго угла въ краѣ, котораго бы онъ не посѣтилъ, въ которомъ не заглянулъ бы во всякій закоулокъ, носящій имя училища: въ еврейскую школу, въ мусульманское медресе, къ армянамъ, грекамъ, вѣмцамъ, болгарамъ, румынамъ. Тутъ надо было видѣть его иногда въ грязной лачугѣ, безъ оконъ и пола, выслушивающаго робкій лепетъ оборванныхъ, босоногихъ ребятишекъ, ободряющаго ихъ своею свѣтлою улыбкою, своими вѣжными ласками. Всегда добрый, привѣтливый и радушный, всегда другъ и отецъ подчиненныхъ, какъ скоро видѣлъ хотя малѣйшее себѣ сочувствіе—онъ, наоборотъ, огорчался до глубины души, выходилъ изъ себя, занемогалъ, когда замѣчалъ холодное равнодушіе, нерадивость, безпечность и бездѣтельность на поприщѣ, на которомъ самъ шелъ первый. Эта живая впечатлительность, эта горячность, принимавшая все къ сердцу, въ соединеніи съ непрерывными трудами и неограниченною преданностью долгу, по понятію, которое онъ самъ о немъ создалъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовали къ разстройству его здоровья, истощенію силъ и, наконецъ, къ самой смерти.

Много трудился Димитрій Максимовичъ Княжевичъ, многое сдѣлалъ, многое замышлялъ еще сдѣлать.

Уже больной, уже на порогѣ смерти, онъ пустился въ дальнюю дорогу изъ Одессы въ Петербургъ, не для себя, но по дѣламъ службы. Въ этой дорогѣ, за нѣсколько верстъ отъ мѣста, гдѣ ожидалъ его гробъ, онъ имѣлъ еще столько самоотверженія, столько, можно сказать, пренебреженія къ послѣднимъ остаткамъ угасавшей въ немъ жизни, чтобъ изъ дорожнаго экипажа, въ дорожномъ платьѣ, зайти въ Елисаветградское уѣздное училище и провести тамъ около четырехъ часовъ въ испытаніи учащихся, въ наставленіи учащихся. Съ собою везъ онъ въ Петербургъ на ближайшее усмотрѣніе высшаго начальства планъ преобразования Рижельевскаго лицея къ Новороссійскій университетъ ¹⁾, «и планы спеціальныхъ руководствъ по разнымъ предметамъ училищнаго преподаванія», изъ которыхъ нѣкоторые начали уже подготавливаться избранными отъ него лицами.

Можно вообразить сколько препятствій должно было преодолѣть ему, какъ трудно было образумить закоснѣлое упрямство. Убѣжденный въ вѣрности своихъ взглядовъ, въ пользѣ предложенныхъ имъ преобразованій, онъ часто выходилъ изъ терпѣнія и не могъ скрыть своей досады и негодованія на враговъ и противниковъ его предположеній и распоряженій, при которыхъ имѣлъ онъ въ виду достиженіе общей благой цѣли.

Вниманіе начальства и монаршія милости не оставляли и здѣсь доблестнаго труженика. При началѣ этого новаго періода службы, въ 1839 году высочайше пожалована была ему золотая медаль на Александровской лентѣ за содѣйствіе мѣстному начальству въ принятіи мѣръ къ прекращенію бывшей въ Одессѣ чумы. Затѣмъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, онъ удостоился всемилостивѣйшаго пожалованія въ 1840 году, за ревностные труды и постоянное усердіе по управленію округомъ, чиномъ тайнаго совѣтника, въ 1843 году за усердную дѣятельность и заботы, принятія для возведенія учебныхъ заведеній Одесскаго округа на высшую степень устройства, орденомъ св. Владиміра 2-й степени.

Казалось бы, что непрерывные тяжкіе труды по учебной части ограничатъ дѣятельность Княжевича, отнимутъ у него возможность завѣяться еще чѣмъ нибудь. Нѣтъ! Онъ доказалъ на дѣлѣ, что человекъ

---

¹⁾ Мы слышали, что ко дню вѣковой годовщины дня его рожденія учреждается стипендія имени Д. М. Княжевича въ Новороссійскомъ университетѣ, завѣтную мысль о созданіи котораго онъ такъ желалъ.

истинно благонамѣренный всегда найдетъ время и средства развитъ исполнѣ свои душевныя силы, когда идетъ дѣло о благомъ и полезномъ.

III.

Димитрій Максимовичъ Княжевичъ видѣлъ въ себѣ не управляющаго училищами Одесскаго округа, а попечителя южнаго края по министерству просвѣщенія, т. е. представителя наукъ, искусствъ и литературы во всемъ объемѣ этого званія.

Полуденная Россія обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя преимущественно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, благословенный Новороссійскій край изобилуетъ прекрасными и драгоценными дарами природы, возникающими въ исконной дикости, и только ждетъ пособія опыта и науки для умноженія произведеній своихъ сторицею; во вторыхъ, недавно прибрѣтенныя просвѣщеніемъ страны этого края, бывшія свидѣтелями древнѣйшихъ событій міра, представляютъ обильную пищу любителямъ и изыскателямъ исторіи и древностей. Варварство, стершее съ лица земли памятники бывшаго просвѣщенія, не успѣло истребить всего до основанія, не касалось сокровищъ, укрывшихся въ нѣдрахъ земли. Въ образованныхъ странахъ Европы останки грековъ и римлянъ извѣданы вполнѣ; затаявшіяся въ землѣ достопамятности древняго міра извлечены на свѣтъ и сдѣлались общимъ достояніемъ науки. На сѣверныхъ-же берегахъ Чернаго моря высятся нетронутыя наукою развалины древнихъ зданій во всемъ своемъ величій; въ нѣдрахъ земли укрываются драгоценныя памятники исчезнувшихъ вѣковъ—жатва обильная: были бы жнецы.

Димитрій Максимовичъ обратилъ свое вниманіе и дѣятельность и на эти два предмета.

При самомъ прибытіи въ Одессу, поступилъ онъ въ члены общества сельскаго хозяйства южной Россіи и принялъ дѣятельное участіе въ его трудахъ, взявшись за составленіе и редакцію «Листковъ» этого общества, выходившихъ съ 1831 года и оживившихся въ рукахъ новаго редактора, который одинъ занимался изданіемъ ихъ, читая даже корректуру.

Еще усерднѣе и знаменательнѣе были труды его по историческимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ южнаго края. При содѣйствіи любителя древности М. М. Кирьякова, Димитрій Максимовичъ, на другой годъ пребыванія своего въ Одессѣ, основалъ Общество Исторіи и Древностей Южной Россіи. 25-го марта 1839 года послѣдовало

утвержденіе устава общества министромъ народнаго просвѣщенія. Возникшее общество не имѣло никакихъ средствъ къ своему существованію. Первый денежный капиталъ составилъ изъ привошеній Д. М. Княжевича и М. М. Кирьякова. Открытіе засѣданій произошло 23-го апрѣля 1839 года въ залѣ Рихельевского лицея. Димитрій Максимовичъ объявилъ собранію объ утвержденіи общества министромъ и въ простой рѣчи изложилъ его цѣль и главныя основанія. При этомъ выбраны были дѣйствительные члены изъ нѣкоторыхъ присутствовавшихъ при семъ особъ, изъявившихъ предварительно свое на то согласіе. Въ президенты единогласно избранъ былъ самъ Димитрій Максимовичъ; онъ послалъ это званіе до кончины своей ¹⁾.

Президентъ обратилъ ревностное вниманіе на устройство общества и оно вскорѣ достигло предположенной имъ цѣли. Онъ входилъ въ сношеніе съ знатоками и любителями древностей, разсѣянными по всей Россіи, и привлекалъ ихъ къ участию въ благомъ дѣлѣ. Между тѣмъ почетный президентъ, князь М. С. Воронцовъ, исходатайствовалъ отъ щедротъ монаршихъ обществу постоянное денежное пособіе и, что всего драгоцѣннѣе и выше,—дозволеніе украситься именемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, какъ покровителя. Въ торжественномъ собраніи (4 февраля 1840 г.) Княжевичъ произнесъ къ сочленамъ своимъ превосходное слово, въ которомъ ясно и опредѣлительно указалъ—какъ должна проявляться его дѣятельность. Члены изъявили полное желаніе принять усердное участіе въ работахъ общества, и нѣкоторые исполнили свое обѣщаніе, но душою всего былъ президентъ. Большая часть предпріятій была первоначально задумана имъ; нѣкоторыя производились имъ самимъ лично; все поддерживалось его неутомимою ревностію и неистощимою дѣятельностію. Такъ, ему принадлежитъ открытіе забытаго архива крѣпости св. Димитрія Ростовскаго и мысль о его разборѣ, доставившемъ обществу около шести сотъ любопытныхъ для исторіи края документовъ. Онъ первый почувствовалъ и оцѣнилъ важность (оказавшихся потомъ безцѣнными) находокъ древнихъ памятниковъ въ Крыму, относящихся къ вѣкамъ, которыхъ туземная исторія до сихъ поръ считалась совершенно погибшею для воспоминаній. Имъ пріобрѣтены и подарены обществу куфическія монеты X вѣка, найденныя въ 1839 году въ Рязанской губерніи, описаніе которыхъ

¹⁾ Въ 1876 году присланъ былъ въ даръ обществу изъ Петербурга прекрасный портретъ Димитрія Максимовича Княжевича, работы академика Тюрина, съ подписью: „Димитрій Максимовичъ Княжевичъ, первый президентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“.

издано потомъ отъ общества особою книгою. По предложенію Княжевича и подъ его руководствомъ совершена въ 1843 году ученая поѣздка дѣйствительнаго члена Григорьева въ Крымъ и археологическія разрытія кургановъ въ Керчи членомъ соревнователемъ Кологривовымъ. Не исчисляемъ случаевъ, въ коиъ Д. М. оказалъ обществу разныя мелкія, но тѣмъ не менѣе полезныя, услуги: онъ вездѣ и всегда напрягалъ все свое вниманіе, устремлялъ всю свою дѣятельность, наблюдалъ, подмѣчалъ, развѣдывалъ, пріобрѣталъ, жертвовалъ, просилъ, хлопоталъ, предсѣдательствовалъ, подстрекалъ и ободрялъ всѣми зависящими отъ него средствами ревность другихъ, и, наконецъ, самъ лично, въ буквальномъ смыслѣ, работалъ для общества. Такъ, въ 1840 и 1841 годахъ, путешествуя по южной Европѣ, онъ постоянно имѣлъ въ виду ученые интересы общества. Оно, между прочимъ, обязано ему тѣмъ, что намѣренія и занятія его сдѣлались извѣстными ученой Европѣ, что къ трудамъ его возбуждилось сочувствіе въ современныхъ историческихъ и археологическихъ знаменитостяхъ, особенно въ славянахъ и славистахъ, что съ нимъ вошли въ близкія сношенія, принявъ званіе дѣйствительныхъ членовъ, такіе люди, какъ Копитаръ, Ганка, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, Гай, Каларъ и др. имъ подобныя, что, наконецъ, въ качествѣ почетныхъ членовъ сопрічислились къ обществу владѣтельные господаи Молдавіи и Валахіи и владыка черноморскій. Самъ-же Княжевичъ вслѣдствіе извѣстности, пріобрѣтенной въ ученой Европѣ, избранъ былъ въ члены Копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ. Сверхъ того Димитрій Максимовичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи «Записокъ Общества» и оно обязано ему начатиюмъ этого интереснаго и важнаго изданія.

По возвращеніи Княжевича изъ путешествія за границу (въ началѣ 1842 года) положено было приступить къ изданію перваго тома «Записокъ» изъ накопившихся до того времени матеріаловъ, и для этого составленъ былъ комитетъ изъ пяти членовъ: Д. М. Княжевича, А. С. Стурдзы, Н. И. Надеждина и В. В. Григорьева, и секретаря Н. Н. Мурзакевича. Начали выбирать матеріалы и изготовлять къ печатанію. Для этого надлежало выписывать шрифты изъ Петербурга, изъ Парижа и пр., заказывать снимки и рисунки въ обѣихъ столицахъ. Между тѣмъ три члена комитета выбыли изъ Одессы и вся тяжесть работъ по изданію легла на Димитрія Максимовича, который имѣлъ помощникомъ только секретаря. Онъ уже разстроился въ здоровьи и въ теченіе двухъ лѣтъ, трудясь безостановочно надъ изданіемъ «Записокъ», откладывалъ необходимую поѣздку въ Петербургъ. Въ день окончанія печатанія книги онъ рѣшился

выѣхать и наканунѣ выѣзда отпразднѣлъ нѣсколько экземпляровъ, но ему не было суждено найти ихъ въ Петербургѣ...

Исчислять ли прочіе литературные труды Дмитрія Максимовича, предпринимавшіеся имъ всегда съ самою благородною и безкорыстною цѣлью? Во все время пребыванія своего въ Одессѣ издавалъ онъ выпрошенный имъ у мѣстнаго начальства, въ пользу бѣдныхъ учениковъ лицея и округа, «Новороссійскій календарь», обязанный ему своимъ обновленіемъ, важный и необходимый въ край, интересный всѣмъ русскимъ читателямъ. Въ 1839 и 1840 годахъ издалъ онъ два прекрасные литературные сборника подъ заглавіемъ: «Одесскій Альманахъ», составленный изъ трудовъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ писателей, которые, зная и любя Дмитрія Максимовича, охотно дѣлились съ нимъ своими произведеніями. Еще упомянемъ о совершенномъ имъ путешествіи, дальнемъ и трудномъ, имѣвшемъ непосредственную цѣль, относившуюся къ учебнымъ и ученымъ пользамъ Новороссійскаго края. Это путешествіе, говоритъ спутникъ его, началъ онъ съ Придунайскихъ княжествъ, проѣхалъ потомъ Трансильванію и Венгрію, объѣхалъ Италію до Неаполя, затѣмъ посѣтилъ восточный берегъ Адриатическаго моря, взбирался на знаменитую Черную Гору, заѣзжалъ въ Сербію и, наконецъ, изъ Вѣны черезъ Блгемію, Саксонію и Пруссію, возвратился въ Петербургъ и потомъ въ Одессу, Не безплодно проѣздивъ онъ и большую часть Россіи, жадно наблюдая внимательно изслѣдуя все, относящееся къ жизни великаго нашего отечества, отрывая, собирая и частью описывая разныя достопримѣчательности народной, общественной и государственной жизни. У него накопились богатая сокровища разныхъ памятниковъ старины, разныхъ замѣтокъ и записокъ о настоящемъ. Въ послѣднее время, особенно съ послѣдняго путешествія за границу, онъ положилъ основаніе у себя замѣчательной коллекціи монетъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ, въ особенности славянскихъ.

Энергическая, непрерывная дѣятельность Дмитрія Максимовича, сопровождаемая неисчислимыми заботами и хлопотами, не могла (какъ было выше замѣчено) не имѣть вліянія на его здоровье. Духъ его не падалъ, не слабѣлъ, но физическія силы приходили въ изнеможеніе. Къ трудамъ по службѣ, къ занятіямъ литературнымъ присоединились превратности и огорченія, неизбѣжныя въ жизни каждаго изъ насъ, и еще сильнѣе самыхъ тяжелыхъ трудовъ дѣйствующія на человѣка пламеннаго и впечатлительнаго, на отца семейства, помышляющаго объ устройствѣ судьбы дѣтей своихъ. Дмитрій Максимовичъ, по добродушію своему и отсутствію всякой подозрительности, вѣрилъся человѣку, который представлялъ всѣ свидѣтельства благо-

надежности. И этотъ человекъ, обманувъ, вольно или невольно, ожиданія своего благодѣтеля, привелъ его въ опасность лишиться всего своего честно нажитаго достоянія. Этотъ случай довершилъ разстройство здоровья Дмитрія Максимовича.

По дѣламъ службы и по собственнымъ домашнимъ онъ отправился въ Петербургъ, везя съ собою проектъ устава новороссійскаго университета. Изъ Одессы выѣхалъ онъ 10 сентября 1844 года съ женою и дѣтьми; но ему не было суждено достигнуть цѣли своего путешествія; 20 сентября прибылъ онъ въ мѣстечко Великую Буромку (Полтавской губерніи), принадлежавшее Е. М. Фроловой-Багрѣевой, дочери графа М. М. Сперанскаго. Тамъ медики объявили ему, что онъ не можетъ ѣхать далѣе и долженъ отдохнуть. Онъ былъ еще на ногахъ, но уже самъ чувствовалъ опасность своего положенія, и покорился приговору.

Волѣнь шла быстрыми шагами. Умиравшій встрѣчалъ смерть спокойно, говорилъ о предстоявшей своей кончинѣ съ окружающими его, диктовалъ письма къ отсутствовавшимъ. Утромъ 29 сентября 1844 года причастился онъ Святыхъ Таинъ. Это ободрило и возвеселило духъ его, и въ глазахъ окружающихъ его блеснулъ мгновенный лучъ надежды, но онъ и исчезъ также быстро. 30 сентября вечеромъ Дмитрій Максимовичъ созвалъ свое семейство и началъ благословлять оставляемыхъ на землѣ, потомъ умолъ и погрузился въ тихое безмолвіе, сохранивъ при томъ полное сознаніе. На разсвѣтъ 1 октября совершенно было надъ нимъ елеосвященіе. Умирающій слѣдилъ внимательно за молитвами и съ жадностью простиралъ уста къ лобзавію святаго евангелія; въ три четверти одиннадцатаго часа (говорить очевидецъ) лицо его озарилось неземною улыбкою и эта улыбка застыла подъ рукою смерти...

Смертные останки Д. М. Княжевича погребены при мѣстной церкви св. Дмитрія.

Мы изложили образъ мыслей и дѣйствій Дмитрія Максимовича Княжевича на служебномъ и общественномъ поприщѣ. Во всѣхъ его дѣлахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ проявлялась свѣтлая душа, благородное сердце, строгость въ исполненіи своего долга въ качествѣ вѣроподданнаго, человека и христіанина, пламенное усердіе къ добру своихъ ближнихъ, подчиненныхъ, друзей, пожертвованіе самимъ собою общему благу и пользѣ другихъ.

Надо ли присовокуплять къ этому, что человекъ съ такими блестящими достоинствами и заслугами, принесшій столько пользы и чести отечеству, былъ въ то-же время въ частной жизни образцомъ

сѣмейныхъ добродѣтелей, а въ средѣ друзей и знакомыхъ оставилъ самое свѣтлое о себѣ воспоминаніе!

Къ портрету Д. М. Княжевича.

Мужъ чести, разума и слова!
И сердце дѣтское, и мужественный умъ
Слѣжу въ твоихъ чертахъ.... И сколько, сколько думъ
Мнѣ навѣваетъ изъ былаго!

Глядѣть на твой портретъ мнѣ весело и грустно:
Мнѣ вспоминается тѣхъ свѣтлыхъ дней пора,
Когда бесѣдовалъ съ друзьями ты изустно.....
И это, кажется, все дѣлалось вчера!.....

А между тѣмъ ужъ промелькнули годы,
И страсти, и умы, и цѣлыя народы
Перемѣнились—но поэтъ,
Не тронутый волненіемъ и новью,—
Все съ прежнею, теперь унылою, любовью
Какъ будто на тебя глядитъ на твой портретъ.

Федоръ Глинка.

Когда въ 1837 году Д. М. Княжевичъ оставлялъ министерство финансовъ, бывшіе его подчиненные поднесли ему литографированный портретъ его, работы Кригера. По смерти Княжевича одинъ экземпляръ этого портрета былъ посланъ извѣстному поэту Федору Николаевичу Глинкѣ, что и вызвало со стороны этого уважаемаго въ свое время писателя вышенапечатанное стихотвореніе.

А. К.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873 гг.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ умеръ одинъ изъ нашихъ самыхъ крупныхъ военныхъ дѣятелей, имя котораго неразрывно связано съ воспоминаніемъ о покореніи восточнаго и западнаго Кавказа — графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ. Съ тѣхъ поръ о немъ появлялись въ печати болѣе или менѣе обширныя замѣтки, различнаго характера: одни относились къ достоинствамъ Евдокимова нѣсколько скептически; другіе, напротивъ, безусловно восхваляли его, и какъ война, и какъ человѣка.

На замѣчательной личности графа Н. И. Евдокимова, не только исполненнаго доблести боеваго генерала, но и государственнаго человѣка, не могла не остановиться „Русская Старина“, вообще съ такимъ вниманіемъ и заботливостью представляющая возможно обстоятельные обзоры государственной, общественной, ученой и литературной дѣятельности достопамятныхъ людей земли русской. О графѣ Н. И. Евдокимовѣ, между другими записками въ воспоминаніяхъ кавказскихъ жителей, были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ и особые, превосходные очерки генерала И. С. Кравцева ¹⁾.

Получивъ отъ графини Александры Александровны Евдокимовой разрѣшеніе пользоваться довольно обширнымъ домашнимъ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 года, т. I, стр. 563—592; т. LI, стр. 109—150; т. LII, стр. 181—184. Портретъ графа Н. И. Евдокимова и рисунокъ памятника, воздвигнутаго этому генералу, см. при „Русской Старинѣ“ 1888 г., Томъ LII.

архивомъ, оставшимся послѣ покойнаго графа ¹⁾, мы приступили къ составленію возможно-полнаго его жизнеописанія. Оговариваемся напередъ, что восхваленій писать ему не намѣрены, а будемъ излагать, какъ то разъ навсегда и принято „Русской Стариной“, одни лишь вполне достовѣрные факты, подтверждаемые какъ печатными источниками, такъ и имѣющимися у насъ въ изобиліи подъ рукою рукописными документами,—предоставляя читателю дѣлать изъ нашего изложенія свои безпристрастные выводы.

---

¹⁾ Поступившій въ распоряженіе редакціи журнала „Русская Старина“ архивъ покойнаго графа Н. И. Евдокимова состоитъ изъ документовъ, имѣющихъ официальное значеніе, и изъ частной переписки. Къ числу первыхъ относятся: высочайшія грамоты и патенты на чины и ордена; бумаги о возведеніи въ графское достоинство; полные послужные списки, какъ самого графа, такъ и родителя его; затѣмъ разныя подлинныя официальныя бумаги, или копіи съ нихъ, равно какъ съ приказовъ по Отдѣльному Кавказскому корпусу, и т. п.

Къ частнымъ бумагамъ принадлежитъ весьма значительное количество писемъ, болѣею частію отъ самыхъ извѣстныхъ, современныхъ Евдокимову, на Кавказѣ лицъ, какъ то: кн. А. И. Барятинскаго, генераловъ: Клюки-фонъ-Клугенау, Козловскаго, Завадовскаго, барона Николая, Карцова, Граббе, Зотова, Геймана и многихъ друг.; также нѣкоторыя письма и записки самого графа Н. И. Евдокимова. Эти документы относятся, преимущественно, къ 1850 и 1860-мъ годамъ.

Кромѣ того, находятся въ архивѣ покойнаго графа нѣкоторыя, болѣе или менѣе обширныя, записки, относящіяся до Кавказской войны, имѣющія отношенія къ біографіи, въ томъ смыслѣ, что доказываютъ, какъ Евдокимовъ интересовался всѣмъ, что касалось Кавказа и происходившихъ тамъ военныхъ дѣйствій.

И. О.

Редакція „Русской Старины“ долгомъ считаетъ отъ лица всѣхъ многочисленныхъ читателей боевыхъ и государственныхъ заслугъ гр. Н. И. Евдокимова привести за сообщеніе его архива глубочайшую благодарность уважаемой его вдовѣ графинѣ А. А. Евдокимовой, а также генералу В. Ѳ. Лебединскому за его весьма обязательное при этомъ посредство.

Ред.

I.

Въ темной и мало общающей обстановкѣ началъ свою жизнь будущій графъ. Отецъ его, Иванъ Евдокимовъ, взятый, въ 1784 г., въ рекруты изъ крестьянъ Уфимской губерніи Бугурусланской округи, Руслановской слободы, тянулъ солдатскую ляжку до 1813 года, сначала въ Пермскомъ мушкетерскомъ полку, а потомъ въ полевой артиллеріи. Въ 1813 году его удостоили, наконецъ, производства въ прапорщики.

Послѣдніе годы своей службы въ нижнихъ чинахъ Иванъ Евдокимовъ проходилъ въ Ставропольской губерніи, въ станицѣ Наурской, а по производствѣ въ прапорщики назначенъ начальникомъ артиллерійскаго гарнизона въ укрѣпленіи Темнолѣсскомъ, находившемся въ той же губерніи; затѣмъ прослуживъ еще 20 лѣтъ, онъ, въ іюні 1833 года, уволенъ былъ въ отставку, съ награжденіемъ чиномъ подпоручика. Состоя еще въ унтер-офицерскомъ званіи, Иванъ Евдокимовъ женился на казачкѣ Дарьѣ Савельевой, съ которою прижилъ цѣлый десятокъ ребят¹⁾. Старшій сынъ, Николай, родился въ станицѣ Наурской, въ 1804 году, т. е. за девять лѣтъ до производства его отца въ офицеры.

Не трудно себѣ представить, чѣмъ было въ тѣ времена какое нибудь Темнолѣсское укрѣпленіе и каковы были условія жизни этого захолустнаго уголка. Хотя въ послужномъ спискѣ гр. Евдокимова и значится, что онъ „обучался въ частномъ учебномъ заведеніи“, но это сказано, вѣроятно, больше для красоты слога. Вѣрнѣе всего, что съ русской грамотой и началами счетоводства ознакомился онъ при помощи мѣстнаго священника, а то и дьячка, потому что о народныхъ школахъ, да еще на азіатской окраинѣ, въ тѣ времена не было и помину. Вообще, Николаю Евдокимову не много пришлось хвататься научныхъ знаній; но за то нѣтъ сомнѣнія, что простота и даже суровость обстановки, среди которой родился и

¹⁾ Сынѡвья: Николай, Александръ и Евграфъ (оба послѣдніе тоже служили въ Кавказскихъ войскахъ); дочери: Александра, Пелагея, Елена, Евдокія, Марія, Наталья, Дарья.

выросъ будущій полководецъ, много способствовали его физическому развитію и сообщали здоровью его закалъ, необходимый для перенесенія неимоверныхъ трудовъ кавказской походной и боевой жизни.

По достиженіи 17-ти-лѣтняго возраста, Н. И. Евдокимовъ поступилъ юнкеромъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, т. е. запрягся въ ту обычную лямку, которую, на ряду съ нимъ, тянули на Кавказѣ сотни другихъ подобныхъ ему бѣдняковъ—чиновничьихъ или оберъ-офицерскихъ сыновей. Многіе ли изъ нихъ дотягивали до сколько нибудь обезпеченнаго положенія? Многіе ли ставили идеаломъ своихъ стремленій что либо высшее, командованіе полкомъ или хоть баталіономъ? А ужъ о томъ, чего впоследствии достигъ Николай Евдокимовъ, конечно, ни ему самому, да и никому изъ его товарищей во снѣ не снилось. Такъ называемыя „блестящія карьеры“ были въ то время на Кавказѣ весьма рѣдкимъ явленіемъ; храбростію тамъ никого нельзя было удивить; множество отважнѣйшихъ героевъ оставались въ полной неизвѣстности; надобно было, значить, кромѣ храбрости, обладать еще разными другими качествами, чтобы, при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, выдвинуться изъ общаго уровня офицеровъ тогдашней вѣстину глухой арміи.

Въ 1824 году (19-ти лѣтъ отъ роду) Н. И. Евдокимовъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ (съ переводомъ въ Куринскій пѣхотный полкъ)¹⁾, а начавшаяся въ 1826 г.

---

¹⁾ О полученіи Н. И. Евдокимовымъ перваго офицерскаго чина будущій его соратникъ и одинъ изъ выдавшихся въ послѣдней Турецкой войнѣ генераловъ, Андрей Давыдовичъ Горшковъ, сообщилъ слѣдующій разсказъ, ходившій среди старыхъ кавказцевъ.

Будучи еще юнкеромъ, Николай Ивановичъ находился при своей ротѣ, въ составѣ отряда генер. Селифантьева (кажется), прикрывавшаго кавказскія минеральныя воды. Въ это время получено было извѣстіе, что огромныя скопища черкъ стягиваются въ горныхъ ущельяхъ,—съ дѣлю прозвести серьезное покушеніе на поселенія минеральныхъ водъ. Понятно, что извѣстіе это вызвало съ нашей стороны рядъ мѣръ для предупрежденія замысловъ непріятеля; однако, о мѣстѣ его нахождения, повидимому, не удавалось собрать точныхъ свѣдѣній. Какъ разъ около этого времени юнкеръ Евдокимовъ въ чемъ-то провинился и ему грозило строгое наказаніе. Тогда онъ рѣшился искупить свою вину отчаяннымъ подвигомъ; не говоря никому о своемъ намѣреніи, переодѣлся байгушемъ (татарское слово, означающее: бѣднякъ, оборванецъ) и ушелъ изъ отряда въ горы. Проблуждавъ тамъ, съ страшною для себя опасностію, въ теченіи двухъ дней,

война съ Персіею впервые вызвала его на боевое поприще. За отличіе, оказанное имъ во время усмиренія возставшихъ противъ насъ провинцій: Кубинской и Ширванской, онъ былъ награжденъ годовымъ окладомъ жалованья. Затѣмъ начинается его собственно-кавказская боевая дѣятельность, продолжавшаяся въ теченіи 35-ти лѣтъ (1830—1865), изъ которыхъ рѣдкій годъ не приходилось ему участвовать непосредственно въ борьбѣ съ горскими племенами, упорно отстаивавшими свою независимость. Мы, однако, не будемъ утомлять читателя перечисленіемъ множества крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, въ которыхъ Николаю Ивановичу пришлось участвовать, а отмѣтимъ лишь наиболѣе важныя или такія, въ которыхъ ему удалось особенно отличиться.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ нагорномъ Дагестанѣ стало распространяться фанатически-магометанское ученіе, извѣстное подъ названіемъ мюридизма, на успѣхи котораго и вредное для насъ значеніе тогдашняго кавказскія власти, отвлеченныя войнами съ Пруссіею и Турціею, не могли обратить должнаго вниманія. Пользуясь этимъ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ мюридизма, извѣстный Къази-Мулла успѣлъ подчинить своему вліянію многія горскія общества восточнаго Кавказа и сплотить ихъ для единодушнаго дѣйствія противъ гяуровъ-русскихъ. Дерзкая предприимчивость этого фанатика

онъ разузналъ, что ему было нужно, и на третій день вернулся съ повинною къ своему ротному командиру, при чемъ объяснилъ причину самовольной отлучки и рассказалъ о лично добытыхъ имъ свѣдѣніяхъ относительно силъ и мѣстоахожденія черкесскаго скопника. Ротный командиръ хотя и не смягчился въ своихъ воззрѣніяхъ на проступокъ юнкера, однако, счелъ долгомъ доложить о случившемся начальнику отряда. Послѣдній отнесся къ этому сообщенію очень серьезно и, лично выслушавъ Евдокимова, заявилъ ему, что выступить съ отрядомъ противъ черкесскаго скопника, будетъ дѣйствовать по указаніямъ и планамъ докладчика-юнкера, который долженъ былъ служить проводникомъ, и, въ случаѣ безошибочности свѣдѣній и правильности плана, обѣщалъ ему прощеніе проступковъ и ходатайство о награжденіи офицерскимъ чиномъ. Въ противномъ же случаѣ грозила суровая и неумолимая кара. Отрядъ выступилъ по пути, указанному Евдокимовымъ, непріятель былъ атакованъ врасплохъ, разбитъ и разсѣянъ, а Евдокимовъ украшенъ офицерскими эполетами. Такимъ-то образомъ, — добавилъ ветеранъ-рассказчикъ, — графъ Николай Ивановичъ получилъ первые эполеты въ бою; за подвигъ своей онъ заслужилъ, пожалуй, еще большую награду, но вѣдь тогда награждали я туго, и скупо и съ большимъ разборомъ. (Сообщилъ генералъ-маіоръ В. Ѳ. Лебединскій).

постепенно возрастала. Въ 1831 г. многочисленныя скопища его пытались овладѣть крѣпостями: Бурною и Дербентомъ, которыя выручены были лишь прибытіемъ нашихъ подкрѣпленій. Въ дѣлахъ, происходившихъ у поименованныхъ двухъ пунктовъ, равно какъ и при другихъ схваткахъ съ горцами, въ теченіи 1831 года (изъ которыхъ замѣчательнѣйшимъ былъ кровопролитный штурмъ укрѣпленнаго урочища Чумкесентъ), подпоручикъ Евдокимовъ принималъ непосредственное участіе и за отличную храбрость, имъ выказанную, награжденъ объявленіемъ высочайшаго благоволенія и орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Въ этомъ же году, подъ вр. Бурною, онъ получилъ перую рану, пулею въ лицо ¹⁾).

Въ 1834 г. Евдокимовъ, уже въ чинѣ поручика, переведенъ былъ въ Аншеронскій пѣхотный полкъ, съ которымъ и пришлось ему затѣмъ, до 1837-го года, участвовать въ многочисленныхъ дѣлахъ съ непріателемъ, важнѣйшими изъ коихъ были овладѣніе укрѣпленными аулами: Гимры и Гоцатль. За эти три года онъ награжденъ былъ новымъ высочайшимъ благоволеніемъ, орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и чиномъ штабсъ-капитана.

Къ этой же эпохѣ относится разсказъ объ одномъ интересномъ эпизодѣ изъ временъ Кавказской войны, — эпизодѣ, которому Николай Ивановичъ былъ ближайшимъ свидѣтелемъ и при которомъ его свобода, если не самая жизнь, подверглась величайшей опасности.

Новый глава мюридовъ, столь знаменитый потомъ Шамиль, принявшій званіе имама послѣ погибшаго въ 1834 г. Гамзатъ-Бека (преемника Кази-муллы), вынужденъ былъ, вслѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій нашихъ, изъявить покорность (конечно, притворную) русской власти, и даже принесъ клятвенное обѣщаніе: не дѣйствовать противъ насъ враждебно. Случилось это въ 1837 г., когда Кавказъ впервые удостоился посѣщенія императора Николая Павловича. Мѣстное начальство задумало подарить Государя пріятнымъ сюрпризомъ: пригласить Шамиля въ

¹⁾ Рана эта, оставившая по себѣ замѣтный слѣдъ подъ глазомъ, доставила ему впоследствии, между горцами, прозвище „Учь-гезъ“, т. е. трехъ-глазый, т. е. въ переносномъ смыслѣ „прозрѣвающій мысли и сердце“. Евдокимовъ, дѣйствительно, зналъ горца насквозь.

Тифлисъ, гдѣ бы онъ лично могъ заявить падишаху свои вѣрнопопудданническія чѣвства и молить его о прощеніи прежнихъ проступковъ. Прибытіе Шамиля въ Тифлисъ должно было быть поставлено ему сначала въ видѣ совѣта, а если бы онъ не соглашался, то въ формѣ требованія, какъ рудательство въ искренности недавно принесенной присяги. Вести объ этомъ переговоры съ хитрымъ и подозрительнымъ имамомъ выпало на долю извѣстнаго кавказскаго воина, генераль-маіора Клюкифонъ-Клугенау ¹⁾, начальствовавшего въ то время войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ. Личное свиданіе нашего генерала съ главою мюридовъ произошло 18-го сентября, въ окрестностяхъ аула Каранай, у Гимринскаго роднива. Клугенау, кромѣ 25 человекъ конвоя, былъ сопровождаемъ лишь штабсъ-капитаномъ Н. И. Евдокимовымъ, состоявшимъ при немъ въ качествѣ адъютанта, да унтеръ-офицеромъ Антоновичемъ (изъ польскихъ военно-плѣнныхъ); съ Шамилемъ же пришло около 200 мюридовъ, хотя и отодвинутыхъ на нѣкоторое разстояніе, но зорко за нами наблюдавшихъ. Переговоры, какъ и ожидать слѣдовало, не привели къ желаемому результату, такъ какъ хитрый горець, притворяясь убѣжденнымъ доводами нашего генерала, отъ рѣшительнаго отвѣта все таки уклонился. Но, при прощаніи собесѣдниковъ, дѣло чуть не кончилось катастрофой. Когда Шамиль хотѣлъ было позать протанутую ему генераломъ Клугенау руку, то стоявшій съ нимъ рядомъ, отчаянный фанатикъ Сурхай удержалъ его, заявивъ, что имаму неприлично сближаться съ гауромъ. Беззавѣтно храбрый, но и страшно вспыльчивый Клугенау вышелъ изъ себя, замахнулся на Сурхай востылемъ (на который всегда опирался вслѣдствіе раны въ ногѣ); тотъ схватился за винжалъ, а стоявшіе вблизи мюриды сейчасъ же очутились подлѣ своего предводителя. Мгновеніе было критическое. Къ счастью, Шамиль, въ порывѣ ли великодушія, или по какимъ другимъ причинамъ — далъ другой оборотъ дѣлу: задержавъ одною рукою занесенный востылъ генерала Клугенау, а другою схвативъ руку Сурхай, онъ предупредилъ кровавую развязку. Между тѣмъ нашъ генералъ не

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о немъ помѣщены въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874—1876 гг.

унижался и продолжалъ осыпать Сурхая ругательствами, пока не образумленъ былъ подошедшимъ къ нему Евдокимовымъ, напомнившимъ ему весьма встати и внушительно, что пора уходить. Отведя своего генерала, онъ успѣлъ, однако, при этомъ случаѣ познакомиться и съ Шамилемъ, борьба противъ котораго доставила ему впоследствии столько славы. Наши успѣли благополучно убраться ¹⁾).

Если не съ этого именно дня, то около этого времени началось сближеніе Евдокимова съ генераломъ Клюки-фонъ-Клугенау,—сближеніе, обратившееся потомъ въ самыя дружескія отношенія, не прекращавшіяся и тогда, когда послѣдній уже оставилъ Кавказъ, а его питомецъ сталъ быстро подниматься въ гору.

Въ 1838 г., при назначеніи Клугенау начальникомъ Ахалцыхской провинціи, и въ 1839 г.—начальникомъ войскъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, онъ не разлучался съ Евдокимовымъ и переводилъ его съ собою на новыя мѣста служенія. Трудно сомнѣваться въ томъ, что Николай Ивановичъ, благодаря исключительно его личнымъ качествамъ, практическому уму, близкому знакомству съ горцами и опытности, какъ въ строевой, такъ и въ военно-хозяйственной частяхъ ²⁾, былъ для Клугенау человекомъ драгоценнымъ и трудно-замѣнимымъ. Съ другой стороны, и для Евдокимова, тогда еще бѣднаго армейскаго офицера, не обладавшаго никакими связями съ сильными міра сего,—повровительство такого извѣстнаго на Кавказѣ генерала, какъ Клюки-фонъ-Клугенау, имѣло огромное значеніе.

Въ 1840 году Евдокимовъ, уже произведенный за отличіе по службѣ въ капитаны и назначенный адъютантомъ во 2 бригаду 20 пѣхотной дивизіи, принималъ участіе въ лѣтней экспедиціи генерала Галафѣева въ Чечню, ознаменованной кровопролитнымъ боемъ 11-го іюля, на рѣкѣ Валерикѣ (который воспѣтъ М. Ю. Лермонтовымъ), и въ томъ же году, подъ начальствомъ

¹⁾ Это знакомство возобновилось лишь 25 августа 1859 г., на Гунибѣ. Шамилъ вспомнилъ тамъ о первомъ свиданіи. Весь же вышеприведенный рассказъ взятъ изъ записки г. Зиссермана, представленной графу Евдокимову въ іюлѣ 1860 г. (Архивъ гр. Евдокимова, № 79 а).

²⁾ Въ 1835 г. онъ исполнялъ должность полковаго казначея, а въ 1836 г. адъютанта 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи.

Клюки-фонъ-Клугенау, былъ при вторичномъ взятіи укрѣпленнаго аула Гимры (14-го сентября). Въ началѣ слѣдующаго года онъ назначенъ койсубулинскимъ приставомъ, т. е. его вѣдѣнію поручены были обитавшіе по рѣкамъ Аварскому и Казикумыхскому Койсу горскія общества, частію прямо намъ враждебныя, а частію такія, покорность которыхъ русской власти была болѣе, чѣмъ сомнительною. Не смотря на крайнюю опасность своего новаго положенія, Николай Ивановичъ, конечно, лучше всякаго другаго могъ справиться съ нимъ. Съ малыхъ лѣтъ близкій къ горцамъ, онъ отлично умѣлъ пользоваться ихъ хорошими и дурными свойствами; долговременная служба въ Дагестанѣ доставила ему возможность ознакомиться съ различными мѣстными нарѣчіями и приглядѣться къ правамъ и обычаямъ населенія. Всѣ эти качества увѣнчивались безспорною храбростью, находчивостью и хладнокровіемъ въ опасностяхъ, такъ что Евдокимовъ, среди порученныхъ его надзору полудикихъ дагестанцевъ, скоро приобрѣлъ уваженіе и довѣріе, конечно, въ той мѣрѣ, въ какой они вообще способны были уважать гаура и довѣрять ему.

Административныя занятія шли въ то время, на Кавказѣ, рука объ руку съ войною. Иначе оно и быть не могло. Русская власть водворялась и поддерживалась только силою оружія; приходилось бросаться то въ ту, то въ другую сторону для усмиренія горцевъ, волнуемыхъ эмиссарами Шамиля, или прямо вынуждаемыхъ ими въ враждебныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ. Въ разныхъ экспедиціяхъ, предпринимавшихся за это время, часто приходилось участвовать и Евдокимову. Въ одной изъ нихъ, въ мартѣ 1842 г., онъ особенно отличился при овладѣніи аулами: Харачи и Унцукуль, но тутъ же едва не погибъ, получивъ двѣ опасныя раны кинжаломъ.

Какое важное значеніе придавалось этому подвигу и какииъ лестнымъ о себѣ мнѣніемъ успѣлъ уже въ то время заручиться Евдокимовъ, видно изъ документовъ его архива.

Въ письмѣ Евдокимову, отъ 7-го марта 1842 года, генералъ-лейтенантъ Фези пишетъ: „Я не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ за взятіе Унцукуля и Харачи“...

Въ приказѣ того же генерала по войскамъ дагестанскаго отряда, отъ 10-го марта за № 11, сказано: „За занятіе главнаго койсубулинскаго селенія Унцукуль и также д. Харачи, при

чемъ взяты въ плѣнъ 80 шамилевыхъ мюридовъ, считаю пріятнѣйшимъ долгомъ изъяснить мою полную и совершенную признательность койсубулинскому приставу, маіору Евдокимову, совершившему этотъ блистательный подвигъ съ рѣшительностью, отважностью и пламеннымъ усердіемъ, которымъ онъ всегда отличался“.

Въ рапортѣ Фези, корпусному командиру, 10-го марта, говорится: „Въ донесеніяхъ моихъ за №№ 4, 7, 8 и 11 я упоминалъ о дѣйствіяхъ летучей койсубулинской колонны; въ рапортѣ же отъ 10-го марта за № 10 я представилъ вашему высокопревосходительству о занятіи Унцукула и Харачей, блистательномъ подвигѣ, совершенномъ койсубулинскимъ приставомъ, маіоромъ Евдокимовымъ, штабъ-офицеромъ, всегда отличавшимся рѣдкими способностями, необыкновенною отважностью и пламеннымъ усердіемъ къ службѣ. Свидѣтельствуя о заслугахъ маіора Евдокимова, считаю долгомъ всепочтительнѣйше просить ходатайства вашего высокопревосходительства у его императорскаго величества о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ. Не смотря на сильное страданіе отъ полученныхъ двухъ винжалныхъ ранъ, есть надежда, что онъ будетъ жить“.

Благодаря своей крѣпкой натурѣ, Евдокимовъ относительно скоро поправился и, лѣтомъ того же года, отправился съ отрядомъ генерала Граббе въ знаменитую по своему печальному исходу Ичкеринскую экспедицію ¹⁾. Въ концѣ того же года онъ командовалъ отрядомъ на Нижне-Сулакской линіи, гдѣ строилъ наблюдательныя башни и исправлялъ укрѣпленія, а въ августѣ и сентябрѣ слѣдующаго, 1843 года, участвовалъ въ Аварской экспедиціи генерала Клюки-фонъ-Клугенау, послѣ чего ему снова былъ ввѣренъ отрядъ на Сулакской линіи.

1843 годъ останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны, какъ эпоха наибольшаго развитія успѣховъ Шамиля. Весь сѣверный и нагорный Дагестанъ былъ въ полномъ возстаніи; отряду генерала Клугенау (въ которомъ, какъ выше сказано, находился и Николай Ивановичъ) едва удалось выбраться изъ Аваріи; вслѣдствіе неудачныхъ распоряженій начальства, мало-

¹⁾ Ичкерія—часть Чечни, въ тѣ времена покрытая едва проходными хѣсами.

численныя войска наши, разбросанныя по Дагестану, очутились въ весьма критическомъ положеніи; мелкія укрѣпленія, разбросанныя между собою почти непреодолимыми мѣстными препятствіями, одно за другимъ попадали въ руки непріятеля, самоувѣренность котораго росла по мѣрѣ успѣховъ. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что генералы Гурко и Клюки-фонъ-Клугенау съ незначительнымъ отрядомъ принуждены были запереться въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной полчищами Шамиля, между тѣмъ какъ другое сильное скопище горцевъ употребляло всѣ усилія для овладѣнія приморскимъ укрѣпленіемъ Низовымъ (складочнымъ мѣстомъ нашихъ продовольственныхъ запасовъ), которое держалось лишь благодаря геройскому сопротивленію гарнизона и распорядительности его начальника. Въ то-же время отдѣльныя шайки хищниковъ дѣйствовали въ Чечнѣ и угрожали вторженіемъ въ Кумыкскую плоскость, жители которой тоже начали волноваться. Понятно, сколь затруднительнымъ было тогда положеніе Сулакскаго отряда, занимавшаго центральное положеніе между обоими театрами военныхъ дѣйствій. Имѣя подъ рукою, свободными, всего около 1000 человекъ пѣхоты и казаковъ, съ какимъ нибудь десяткомъ орудій, Евдокимову приходилось постоянно быть готовымъ, или къ предупрежденію хищническихъ набѣговъ или къ послѣдному движенію на выручку того или другаго пункта ввѣреннаго ему участка, угрожаемаго горцами. Конецъ ноября и начало декабря были наиболѣе тревожнымъ временемъ, такимъ временемъ, когда человекъ, не одаренный хладнокровнымъ мужествомъ и сообразительностію, легко теряетъ голову. Отовсюду доходили извѣстія самаго неутѣшительнаго свойства, а наряду съ ними являлись иногда и требованія совершенно неисполнимыя при наличныхъ средствахъ Сулакскаго отряда и при ненадежномъ настроеніи даже издавна намъ покорныхъ обывателей Кумыкской плоскости ¹⁾. Не оставалось у Евдокимова и денегъ, отпускаемыхъ

---

¹⁾ Въ примѣръ подобныхъ извѣстій и требованій приводимъ слѣдующіе бумаги изъ архива графа Евдокимова:

Предисаніе генерала Клюки-фонъ-Клугенау, 8-го ноября, № 7763.

„Сообщаю вашему высокоблагородію, что отрядъ нашъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Цудахаринцы, акушинцы, мехтулинцы и часть шамхальцевъ измѣнили. Кадій Акушинскій, по свѣдѣніямъ, сегодня прибудеть

на уплату лазутчикамъ, такъ что онъ вынужденъ былъ занимать таковыя у кого придется. Изворачиваясь, насколько обстоятельства позволяли; высылая, по мѣрѣ возможности, подрѣзчики въ угрожаемымъ пунктамъ, или снимая бесполезныя посты (при чемъ приходилось еще много хлопотать по спасенію боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ), Николай Ивановичъ выказалъ себя достойнымъ вѣрнѣйшаго ему важнаго назначенія. Въ концѣ

въ Дженгутай, а самъ Шамиль направился черезъ Гироканъ къ Зырянамъ, и оба они имѣютъ намѣреніе идти къ Темиръ-Ханъ-Шуръ; въ случаѣ же движенія ихъ въ шамхальскія владѣнія, нѣтъ сомнѣній, что и остальные шамхальскія деревни также возстанутъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ предлагаю вашему высокоблагородію собрать весь вашъ отрядъ и озаботиться усилить главные пункты, которые мы непремѣнно должны стараться удержать за собою, какъ-то: Міатлинскую переправу, Султанъ-Янгіюртъ и Казіюртъ. Съ этою цѣлью вы отправьте, по усмотрѣнію вашему, достаточное число пѣхоты на подрѣзчике міатлинскаго гарнизона и пошлите одну или двѣ роты въ Казіюртъ, для усиленія гарнизона и обороны форштадта; равномерно, если можете, то отправьте также одну роту въ Низовое укрѣпленіе. Между же тѣмъ, какъ главный отрядъ, которому предстоитъ теперь дѣйствовать на плоскости, не имѣетъ кавалеріи, то, съ полученія сего, отправьте черезъ Кумъ-Тархали въ Шуру одну сотню линейныхъ и одну сотню уральскихъ, самыхъ лучшихъ казаковъ, въ вѣдѣніи войсковаго старшины Попова... О распоряженіяхъ вашихъ по всѣмъ этимъ предметамъ донесите мнѣ поспѣшнѣе“.

Почти одновременно съ подобными распоряженіями начальства, по которымъ Евдокимову пришлось бы разбросать почти половину своего и безъ того незначительнаго отряда, онъ получалъ бумаги такого отчаяннаго содержанія, какъ нижеслѣдующія:

„Войскаго начальнику Казіюртовскаго укрѣпленія, Озенскаго поста войскаго начальника, поручика Усачева Рапортъ.“

„Покорнѣйше прошу съ полученія сего дать г. подполковнику Евдокимову знать, что постъ Озенскій находится въ облакатѣ (sic!); просить прислать на помощь секуръ, хотя баталіонъ, къ завтрему утру, а безъ того я съ малымъ гарнизономъ погибну, и съ тѣмъ вмѣстѣ и все казенное имущество. И Бурная въ облакатѣ другіе уже сутан; но еще держутся; слышимъ выстрѣлы изъ орудій. № 215, ноября 10-го“.

Черезъ два дня тотъ же поручикъ Усачевъ посылаетъ нарочнаго, уже прямо къ Евдокимову, съ слѣдующею запискою на ключѣхъ бумаги:

„Низовое укрѣпленіе взято и все уже сожжено, вмѣстѣ съ провіантомъ, и должно судить, что находящійся въ немъ народъ весь погибъ, сего числа пополудни въ 3 часу. Итакъ, той же участи и я съ народомъ ожидаю, можетъ быть и сей ночи—12-го ноября. Спаси, Николай Ивановичъ. Поручикъ Усачевъ“.

Извѣстіе о взятіи Низоваго, къ счастью, оказалось невѣрнымъ, но этого Евдокимовъ тогда еще не могъ знать.

ноября онъ, по требованію начальства, перешелъ въ укрѣпленіе Казіюртъ (на пижнемъ Сулакѣ), для прикрытія дороги на Кизляръ, и тутъ отрядъ его присоединенъ былъ къ войскамъ, наскоро собраннымъ начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи, генералъ-маіоромъ Фрейтагомъ. Соединенныя силы ихъ сначала двинулись къ Низовому, разбили и прогнали окружавшія его полчища Шамиля, а затѣмъ, освободивъ отъ блокады укрѣпленіе Міатлинское, 14-го декабря прибыли къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, которая уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль была отовсюду обложена толпами горцевъ. Съ прибытіемъ подкрѣпленія, обстоятельства круто перемѣнились: наши перешли въ наступленіе, и Шамиль, пораженный подъ Казанищами, бѣжалъ въ нагорный Дагестанъ.

Боевая и административная дѣятельность Евдокимова, въ періодъ времени съ 1840 по 1843 годъ, не могла остаться незамѣченною: за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ получилъ чины: маіора, подполковника и полковника, удостоился высочайшаго благоволенія и награжденъ орденами: св. Георгія 4-й степени (за штурмъ Унцукуля, въ 1842 году) и св. Станислава 2-й степени.

Злополучныя событія 1843 года сильно пошатнули, въ глазахъ горцевъ, нравственное обаяніе русскаго могущества; плоды долговременныхъ усилій и крупныхъ жертвъ были въ короткое время нами утрачены. Приходилось, во что бы то ни стало, поправить дѣло и принять мѣры чрезвычайныя.

Вслѣдствіе этого, двинуты были на подкрѣпленіе войскъ нашихъ, находившихся въ Дагестанѣ, цѣлыя двѣ дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Лидерса, и въ 1844 году начался рядъ дѣйствій для усмиренія взволнованнаго края и восстановленія въ немъ русскаго владычества. Въ экспедиціяхъ, для сего предпринимаемыхъ, Н. И. Евдокимову опять приходилось принимать участіе, иногда подъ командою старшихъ начальниковъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ при овладѣніи Ахатлинскою переправою, на Сулакѣ (11-го іюля), иногда же въ главѣ особаго, ввѣреннаго ему отряда, какъ при производствѣ рекогносцировки къ с. Кодору, гдѣ собралось до 3-хъ тысячъ горцевъ. Последнее порученіе исполнено было имъ вполне удачно, и упорныя атаки непріятеля, насѣвшаго на его отрядъ при

отступленіи, были всё съ успѣхомъ отбиты. Донося объ этой рекогносцировкѣ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ Лидерсъ, между прочимъ, говоритъ, что:

„Успѣхъ дѣла долженъ быть въ особенности отнесенъ къ распорядительности подполковника Евдокимова и къ искусству его при выборѣ позиціи и пути возвращенія“¹⁾.

Въ концѣ іюня того же года Николай Ивановичъ долженъ былъ на нѣкоторое время удалиться отъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, по случаю назначенія его командиромъ Волгскаго казачьяго полка. Помимо обычныхъ служебныхъ занятій, на него, за время командованія этимъ полкомъ, возлагались различныя постороннія порученія, какъ, на примѣръ, составленіе предположеній по устройству наблюдательной линіи по р. Сулаку и усовершенствованіе охраны кисловодской кордонной линіи. О томъ, насколько удовлетворительны были его распоряженія, можно судить по письму начальника центра кавказской линіи, князя Голицына, когда Евдокимовъ, въ началѣ 1846 г., назначенъ былъ командиромъ вновь сформированнаго Дагестанскаго полка²⁾.

„Я узналъ — пишетъ князь—что государь императоръ изволилъ утвердить предположеніе г. главнокомандующаго относительно назначенія васъ командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка; поздравляю съ симъ васъ, а не себя, потому что съ такимъ помощникомъ по службѣ, каковы вы, скажу это безъ лести, трудно и невыгодно разставаться“³⁾.

Тоже подтвердилъ князь Голицынъ въ приказѣ по центру Кавказской линіи, отъ 26-го января 1846 г., за № 70, гдѣ сказано слѣдующее:

„Въ пріятную обязанность вмѣняя себѣ принести искреннюю благодарность г. полковнику Евдокимову за примѣрно усердную и ревностную службу; ему кордонъ Кисловодской линіи обязанъ

¹⁾ № 81 архива гр. Евдокимова: рапортъ Лидерса, отъ 11 мая, № 20.

²⁾ Дагестанскій полкъ сформированъ былъ изъ двухъ баталіоновъ Волынскаго и двухъ баталіоновъ Минскаго полковъ (14-й пѣхотной дивизіи) и кавказскаго линейнаго № 11 баталіона, въ декабрѣ 1845 г.

³⁾ № 81 арх. гр. Евдокимова: письмо кн. Голицына отъ 21 янв. 1846 г.

нынѣ существующимъ отличнымъ устройствомъ, а край, ввѣренный его попеченію, спокойствіемъ, ничѣмъ не нарушаемымъ¹⁾.

Съ назначеніемъ Николая Ивановича командиромъ Дагестанскаго полка наступаетъ для него эпоха новой и выдающейся боевой дѣятельности. Въ концѣ 1846 года онъ уже имѣлъ схватки съ чеченскими хищниками, а въ 1847 году поступилъ, съ полкомъ своимъ, въ составъ сильнаго отряда, собраннаго намѣстникомъ кавказскимъ, княземъ Воронцовымъ въ Дагестанѣ, для овладѣнія двумя важными пунктами: аулами Гергебиль и Салты. Оба эти аула, по мѣстнымъ условіямъ, представляли всѣ удобства для сбора горскихъ своищъ, которыя вторгались отсюда въ сѣверный Дагестанъ и казикумухскій округъ, содержали ихъ въ постоянномъ страхѣ и тревогѣ и служили сильною препоною для упроченія тамъ русской власти. Отлично понимая значеніе двухъ названныхъ пунктовъ, Шамиль укрѣпилъ ихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, въ чемъ намъ скоро пришлось убѣдиться горькимъ опытомъ.

Первое столкновение Евдокимова съ горцами въ 1847-мъ году послѣдовало 10-го мая, когда, послѣ усиленной рекогносцировки Гергебиля, произведенной княземъ В. О. Бебутовымъ, войска наши начали отступать. Въ кавказскихъ войнахъ отступление всегда было дѣломъ самымъ труднымъ, потому что тутъ-то и начинались серьезныя, настойчивыя атаки со стороны горцевъ; поэтому начальство надъ аррьергардомъ поручалось обыкновенно старымъ, испытаннымъ вождямъ. Въ данномъ случаѣ порученіе это было возложено на Николая Ивановича, который и исполнилъ его съ совершеннымъ успѣхомъ, потерявъ только одного человѣка²⁾. Самый штурмъ Гергебиля послѣдовалъ 4-го июня. Согласно составленной для сего диспозиціи, Н. И. Евдокимову ввѣрена была особая колонна, направленная противъ западной части аула, съ цѣлью демонстративною — для отвлеченія въ ту сторону части непріятельскихъ силъ; другая же колонна, подъ начальствомъ полковника князя Орбеліани, должна была

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова. № 81.

²⁾ Во всѣхъ дѣйствіяхъ Евдокимова отличительною и достохвальною особенностію было то, что, достигая серьезныхъ результатовъ, онъ, въ столкновенияхъ съ врагомъ, имѣлъ всегда весьма небольшія потери. И. О.

ворваться въ аулъ съ стороны ротивуположной стороны, черезъ пробитую нами брешь въ его наружной оградѣ. Хотя демонстративная колонна и исполнила свое назначеніе, оттанувъ противъ себя значительное число непріятельскихъ бойцевъ (о чемъ можно было судить по силѣ ихъ огня), тѣмъ не менѣе штурмъ кончился полною неудачею, вслѣдствіе неожиданныхъ и страшныхъ препятствій, на которыя наткнулись войска князя Орбеліани¹⁾.

Большія потери, понесенныя нами, а также появившаяся въ отрядѣ холера, понудили кн. Воронцова снять осаду Гергебила; но отъ намѣренія своего, въ томъ же году взять Салты, онъ не отказался. Испытавъ на дѣлѣ, съ какими трудностями сопряжено овладѣніе укрѣпленными аулами нагорнаго Дагестана, расположенными обыкновенно на весьма мало доступныхъ мѣстахъ, главнокомандующій собралъ, для новаго предпріятія, еще невиданныя на Кавказѣ осадныя средства, и тѣмъ не менѣе осада продолжалась около семи недѣль. Кавказскія войска встрѣтились тутъ съ достойнымъ себѣ противникомъ.

Во время осадныхъ работъ, открывшихся 28-го іюля, Н. И. Евдокимовъ командовалъ войсками въ траншеяхъ, т. е. поставленъ былъ на такой постъ, который требовалъ самой усиленной бдительности, потому что противники наши отнюдь не дремали и готовы были воспользоваться малѣйшею съ нашей стороны оплошностію. 9-го сентября, послѣ того, что наши минеры взорвали часть наружной ограды, выслана была, для занятія этого участка, штурмовая колонна, общее начальство надъ которою ввѣрено опять таки Н. И. Евдокимову. Бой загорѣлся тутъ чрезвычайно упорный и кровопролитный; много пало храбрыхъ офицеровъ и солдатъ, но начальникъ ихъ, къ счастью, остался невредимымъ, и войска его, въ концѣ концовъ, успѣли утвердиться въ занятой ими части аула. 14-го числа горцы, убѣжденные въ невозможности долѣе защищаться, оставили свою твердыню, причемъ значительнѣйшая часть ихъ была настигнута и пала подъ штыками нашихъ солдатъ.

Молодой Дагестанскій полкъ, при осадѣ аула Салты, находился постоянно въ самыхъ жаркихъ дѣлахъ и выказалъ, каковой

---

¹⁾ Интересное и обстоятельное описаніе этого штурма, а также осады аула Салты, находится въ „Кавказскомъ сборникѣ“, т. VI.

духъ внушенъ ему его первымъ полковымъ командиромъ. Въ приказѣ князя Воронцова по кавказскому корпусу, отъ 10-го сентября 1847 года, отданному послѣ вышеуказаннаго дѣла 9-го числа, между прочимъ, сказано:

„Столь блистательный и полезный подвигъ вмѣняетъ мнѣ въ пріятный долгъ изъяснить истинную и душевную мою признательность всѣмъ участвовавшимъ въ ономъ. Имена особо отличившихся будутъ объявлены, какъ скоро я самъ получу подробное донесеніе; между тѣмъ спѣшу здѣсь же объявить, что болѣе всего мы должны, за успѣхъ въ сей день и крѣпкое водвореніе наше внутри осаждаемаго аула, полковнику Евдокимову, которому отъ генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго было поручено исполненіе атаки, баталіоннымъ командирамъ, майорамъ: 1-го Самурскаго пѣхотнаго полка Пригарѣ и 1-го Дагестанскаго Кунцевичу и вообще всѣмъ чинамъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ. Полки Самурскій и Дагестанскій, недавно еще сформированные, имѣли случай доказать, что они ни въ чемъ не уступаютъ старымъ кавказскимъ войскамъ; офицеры и солдаты, раненые пулями и камнями, неохотно шли на перевязку и большею частію немедленно возвращались во фронтъ, гдѣ и нѣкоторые вторично были ранены или ушиблены“.

Приказъ князя Воронцова, отданный 17-го сентября, въ числѣ отличившихся опять ставитъ Н. И. Евдокимова на первое мѣсто. Приведемъ здѣсь начало его:

„Въ приказѣ отъ 15-го сентября я упомянулъ, что вслѣдъ за симъ сдѣлаю извѣстнымъ еще и о другихъ лицахъ, кои трудами и самоотверженіемъ споспѣшествовали въ завладѣнію селеніемъ Салты. Исполняя нынѣ священный этотъ долгъ, объявляю искреннюю мою признательность: командиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка полковнику Евдокимову, во все время начальствовавшему колонною, производившею и прикрывавшею траншейныя работы, а 9-го и 14-го числа командовавшему войсками, занимавшими съ боя передовую стѣну укрѣпленнаго аула и внутренніе его ложементы, баррикады и пр.“¹⁾

Завершивъ столь труднымъ подвигомъ свои осеннія дѣйствія,

1) Арх. гр. Евдокимова, № 81.

войска Дагестанскаго отряда разошлись на зимнія стоянки, для отдохновенія, пополненія убыли въ рядахъ и исправленія разстроенной матеріальной части. Относительный отдыхъ этотъ продолжался до лѣта слѣдующаго 1848 года, когда рѣшено было взять и уничтожить Гергебиль, подъ которымъ въ минувшемъ году мы понесли неудачу; возвести на его мѣстѣ или вблизи его наше укрѣпленіе; усовершенствовать линію нашу на рѣкѣ Казикумухскомъ Койсу и, въ случаѣ какихъ либо покушеній со стороны непріятеля противъ нашихъ границъ, предпринять наступательныя дѣйствія, куда надобность укажетъ.

Собственно для овладѣнія Гергебилемъ назначены были весьма значительныя для тогдашней кавказской войны силы: 13 баталіоновъ, 24 орудія, дивизіонъ драгунъ, 4 сотни казаковъ и милиціи, подъ общимъ начальствомъ стараго кавказца, князя Аргутинскаго. Въ составъ его отряда вошелъ и Дагестанскій полкъ.

Во время осады Гергебиля, около котораго весь отрядъ нашъ сосредоточился 13-го іюня, Николаю Ивановичу пришлось вскорѣ играть самостоятельную и важную роль, доказывавшую то довѣріе, которое имѣлъ князь Аргутинскій въ его опытности, распорядительности и отвагѣ.

Для обложенія аула со всѣхъ сторонъ и воспрепятствованія прибытію туда подкрѣпленій, выслана была, въ ночь съ 22-го на 23-е іюня, особая колонна (2 баталіона, взводъ стрѣлковъ, 4 орудія, взводъ конгревовыхъ ракетъ), подъ начальствомъ Н. И. Евдокимова. Колонна эта должна была, обойдя Аймялинское ущелье, подняться на Кодухскія высоты (въ сѣверо-западу отъ Гергебиля), а оттуда спуститься надъ Гергебилемъ, чтобы появленіемъ своимъ угрожать тылу аула и вспомоствовать занятію лежащихъ на югъ отъ него садовъ, которые предполагалось атаковать со стороны главной позиціи отряда. Почти при самомъ началѣ движенія, милиціонеры наши, расположившіеся бивакомъ невдалекѣ отъ пути слѣдованія полковника Евдокимова, были врасплохъ атакованы горскою партіею Мусы-балаванскаго и спасены отъ окончательнаго истребленія лишь появленіемъ нашей обходной колонны, замѣтивъ которую, горцы отретировались. Та-же непріятельская партія могла, впрочемъ, оказаться значительною помѣхою при дальнѣйшемъ наступленіи,

но Н. И. Евдокимову удалось, искусно-сообразными движеніями, отвлечь ея вниманіе въ другую сторону и 23-го числа безпрепятственно занять Кодухскія высоты.

Здѣсь, на первое время, онъ очутился въ совершенно изолированномъ положеніи, подъ угрозой нападенія многочисленныхъ непріятельскихъ скопищъ, занимавшихъ окрестныя высоты. Первымъ его дѣломъ, поэтому, было укрѣпить свою позицію, насколько было возможно. 24-го іюня онъ вошелъ въ связь съ полковникомъ княземъ Барятинскимъ, вѣренныя которому войска вели между тѣмъ упорный бой съ гергебильскимъ гарнизономъ, за обладаніе садами; и въ тотъ же день, въ 10 часовъ вечера, импровизированное укрѣпленіе его подверглось нападенію горцевъ, которые однако были отбиты однимъ картечнымъ огнемъ. Послѣ этого, въ продолженіе двѣнадцати сутокъ, не проходило почти ни одной ночи безъ новыхъ попытокъ со стороны горцевъ противъ позиціи Н. И. Евдокимова, которая была имъ какъ бѣльмо на глазу, преграждая всякое сообщеніе Гергебиля съ Кодухомъ. Всѣ попытки ихъ отражались нашею картечью и предупреждались въ полномъ смыслѣ слова „неусыпную“ дѣятельностію Николая Ивановича, о которомъ прочно утвердился слухъ, что онъ приучилъ себя вовсе не спать, такъ какъ никто никогда его не видѣлъ на походной постелѣ ни днемъ, ни ночью. Этотъ человѣкъ обратился въ какого-то безсмѣннаго часоваго, который то и дѣло толкался среди солдатъ въ завазахъ, въ редутѣ и въ лагерѣ, находя всегда какой нибудь новый предлогъ для разнообразныхъ своихъ распоряженій ¹⁾).

6-го іюля, послѣ окончательнаго обложенія аула и усиленной бомбардировки, горцы убѣдились, что имъ не отстоять своего гнѣзда и, пользуясь темною ночью, стали потихоньку выходить оттуда, но, повсюду встрѣчаемые зорко слѣдившими за ними войсками нашими, почти всѣ погибли. Гергебиль былъ совершенно разрушенъ; но когда, на другой день, войска стали отступать, то стоявшія въ окрестностяхъ скопища съ ожесточеніемъ атаковали нашъ арьергардъ, которымъ и при этомъ случаѣ командовалъ Н. И. Евдокимовъ; благодаря искуснымъ распоряженіямъ послѣдняго, отступленіе совершилось благополучно.

¹⁾ „Кавказскій Сборникъ“, т. VII. стр. 520.

Вслѣдъ за тѣмъ на него же возложена была постройка укрѣпленія у с. Аймяки и разработка дороги въ с. Оглы. По окончаніи этихъ работъ, въ 1-му октября, отрядъ, ихъ производившій, распущенъ былъ на зимнія квартиры.

Таковы были послѣдніе подвиги Николая Ивановича въ Дагестанѣ. Вскорѣ пришлось ему оставить эту страну навсегда и перенести свою дѣятельность на противоположную часть Кавказа. За отличныя дѣйствія его при осадахъ Салты и Гергебиля онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и чиномъ генералъ-маіора (10-го августа 1848 года); въ 1850 году назначенъ былъ сначала командиромъ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ—2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, съ порученіемъ ему начальства надъ правымъ флангомъ кавказской линіи.

Съ этого времени дѣятельность Николая Ивановича расширяется и пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельности. Въ какой мѣрѣ онъ и тутъ удовлетворилъ возлагавшіяся на него ожиданія, покажутъ слѣдующіе отдѣлы его біографіи.

Примѣчаніе. Повзатін Харачей, Евдокимовъ, 6-го марта 1842 г., спустился въ Унцукуль и занялъ селеніе 4-мя ротами Апшеронскаго полка при одномъ горномъ единорогѣ. Одинъ унцукульскій мюридъ, подбѣжавъ къ Евдокимову сзади, въ то время, какъ онъ осматривалъ мѣсто для расположенія своего отряда, вознилъ ему княжалъ въ лѣвый бокъ, а потомъ въ правое плечо... Унцукульцы, окружавшіе маіора Евдокимова, изрубилъ изверга на мѣстѣ, умертвили мать и сестру его и раззорили его домъ. (См. Акты Кавк. Археограф. ком., т. IX, стр. 354, рапортъ Фези Головину, 8-го марта 1842 г., № 10).

И. О.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.

Къ третьей годовщинѣ дня его кончины

1885 $\frac{6-\text{го}}{\text{апрѣля}}$ 1888.

I.

Воспоминанія А. В. Семянова.

Три года какъ умеръ Николай Ивановичъ Костомаровъ.

За это время было много напечатано очерковъ и воспоминаній о немъ и притомъ весьма интересныхъ и подробныхъ (см., напримѣръ, таковыя: В. И. Семевского, Н. А. Бѣлозерской, Д. Л. Мордовцева въ «Русской Старинѣ» и друг.), но все же этого мало для составленія полной біографіи нашего историка и потому мы надѣемся, что «Русская Старина», а равно и другія изданія еще долго и долго будутъ сообщать различныя данныя и матеріалы, относящіяся къ жизнеописанію славнаго писателя и профессора и прекраснаго чловека, какимъ былъ Н. И. Костомаровъ.

Позволяю и съ своей стороны внести страницу въ будущую его біографію.

Мое знакомство съ Николаемъ Ивановичемъ было слишкомъ коротко и если я выступаю съ своими воспоминаніями, то только потому, что у меня есть два письма Николая Ивановича, въ которыхъ довольно ясно выражается его любовь къ Харькову, и они имѣютъ значеніе для характеристики личности замѣчательнаго историка. Мое знакомство съ Николаемъ Ивановичемъ произошло случайно. Въ декабрь 1882 г. я думалъ поѣхать изъ Харькова въ Петербургъ на рождественскія каникулы и зашелъ проститься къ профессору И. П. Сокольскому. Послѣдній далъ мнѣ нѣсколько писемъ къ петербургскимъ ученымъ и, между прочими, къ Николаю Ивановичу Костомарову. Послѣднему

онъ просилъ передать еще нѣсколько нумеровъ «Статистическаго листка», который онъ издавалъ въ Харьковѣ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ взялъ на себя это порученіе и по приѣздѣ въ Петербургъ тотчасъ отправился къ Николаю Ивановичу. Жилъ онъ тогда на 9-ой линіи Васильевскаго острова. Съ понятнымъ смущеніемъ я позвонилъ у квартиры Николая Ивановича; онъ былъ дома и сейчасъ меня принялъ въ своемъ кабинетѣ. Сначала я робѣлъ, но радушіе и сердечность, съ которой ко мнѣ отнеслись и Николай Ивановичъ, и уважаемая его супруга, заставили меня оставить всякую робость и чувствовать себя совершенно свободно. Сначала я сѣлъ у окошка, но Николай Ивановичъ заставилъ меня пересѣсть, говоря, что отъ окошка дуетъ. Заботливость обо мнѣ и радушный приемъ, оказанный мнѣ Николаемъ Ивановичемъ и его супругою, тронули меня до глубины души и визитъ свой къ Николаю Ивановичу я считаю однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній своей жизни. Николай Ивановичъ подробно разспрашивалъ о Харьковѣ, объ университетѣ, гдѣ у него среди профессоровъ были и товарищи, и друзья. Въ особенности его интересовало преподаваніе русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ и исторія выбора новаго профессора на эту кафедру. Особое вниманіе Николай Ивановичъ обратилъ въ своемъ разговорѣ на труды по изученію Слободскаго края въ историческомъ отношеніи и очень заинтересовался моими разказами о купянской вертепной драмѣ. Дѣло въ томъ, что въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за тотъ годъ было помѣщено изслѣдованіе профессора Н. П. Петрова «Южный русскій театръ и малороссійскій вертепъ, въ особенности», въ которомъ почтенный профессоръ высказываетъ мнѣніе, что теперь на югѣ полная вертепная драма не сохранилась, а есть только отрывки изъ нея. Указывая мнѣ на эту статью, Николай Ивановичъ совѣтовалъ мнѣ написать о Купянской вертепной драмѣ, что мною и было впоследствии исполнено. Говоря о важности изученія малороссійскаго архива при харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ, Николай Ивановичъ высказалъ, что для изученія вещественныхъ памятниковъ желательнo было-бы, чтобы слѣдующій археологическій съѣздъ собрался послѣ Одессы въ Харьковѣ. По мнѣнію его Харьковская губернія и въ особенности Донская область весьма интересны съ археологической стороны. Донская область при переселеніи народовъ служила ставціею для нихъ и въ ней, и въ слободской Украинѣ находили предметы каменнаго и другихъ вѣковъ; между тѣмъ этотъ край совершенно не изслѣдованъ въ археологическомъ отношеніи и съѣздъ подвинулъ бы изученіе этого края. Раскопки В. И. Сизова въ Донской области, а также находки другихъ лицъ доказали правильность его мнѣнія. Николай Ивановичъ

говорилъ, что онъ собирается на одесскій съѣздъ, гдѣ будетъ хлопотать о томъ, чтобы слѣдующій съѣздъ былъ въ Харьковѣ. Къ сожалѣнію, этого не удалось ему сдѣлать, такъ какъ по болѣзни онъ не могъ быть на съѣздѣ. Я считалъ себя нравственнымъ обязаннымъ провести этотъ взглядъ Николая Ивановича на съѣздѣ и потому передалъ его графу А. С. Уварову и многимъ другимъ ученымъ. Графъ А. С. Уваровъ внимательно выслушалъ мои доводы за Харьковъ и, благодаря его вліянію, Харьковъ выбранъ мѣстомъ будущаго съѣзда. Къ сожалѣнію, мечтамъ Николая Ивановича не удалось осуществиться: 6-го апрѣля 1885 года его не стало, а вскорѣ умеръ и знаменитый устроитель съѣздовъ, графъ А. С. Уваровъ. Послѣ ихъ смерти обстоятельства перемѣнились и московское археологическое общество перемѣнило Харьковъ на Ярославль. Изъ протоколовъ засѣданія московскаго археологическаго общества видно, что причиною такой перемѣны было будто равнодушіе харьковцевъ къ съѣзду. Конечно, много можно возразить на это, но лучшимъ опроверженіемъ того, что Николай Ивановичъ не ошибался, говоря, что для харьковцевъ и донцовъ дорога ихъ старина, служить слѣдующій интересный фактъ. Не смотря на то, что Ярославль далеко отъ Харькова, изъ одного только небольшого городка Кулянска Харьковской губерніи на выставку VII археологическаго съѣзда были доставлены А. В. Жуковымъ и О. Н. Педашенко коллекціи вещей каменнаго и дрѣвковъ, найденныхъ около города Кулянска и въ Донской области, а П. В. Ивановымъ имъ же составленный атласъ водяныхъ знаковъ XVII вѣка и нѣсколько рукописей. Кромѣ того онъ прислалъ на съѣздъ прекрасный рефератъ: «Краткій очеркъ возрѣнія крестьянскаго населенія Кулянскаго уѣзда на душу и загробную жизнь», и приложилъ къ нему матеріалы (т. е. записи, сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ уѣзда по этимъ вопросамъ). Профессоръ О. Э. Миллеръ, докладывая рефератъ П. В. Иванова на съѣздѣ, одобрилъ рефератъ и указалъ на умѣніе П. В. Иванова записывать народныя возрѣнія. Будь археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, можно съ увѣренностью сказать, что онъ былъ-бы богатъ интересными рефератами и его выставка была-бы богата археологическими вещами. Достаточно сказать, что на выставку ярославскаго съѣзда одной изъ лучшей коллекціей было собраніе древностей С. А. Мазаракіа, добытыя при раскопкѣ въ Полтавской губерніи.

Если я позволилъ себѣ остановиться подробнѣе на эпизодѣ о харьковскомъ съѣздѣ, то только для того, чтобы показать, какъ дороги были интересы Слободскаго края для Николая Ивановича.

25-го января 1884 года съ Николаемъ Ивановичемъ случилось

извѣстное несчастіе: онъ былъ сшибленъ, при переходѣ улицы въ С.-Петербургѣ проѣзжавшимъ экипажемъ и потерялъ чувство; несчастіе это крайне опечалило харьковцевъ. Всѣхъ интересовало здоровье дорогаго для Харькова историка. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія были слишкомъ кратки и доходили не скоро. Въ мартѣ того же, 1884 года, я получилъ нѣсколько оттисковъ своей замѣтки о «Купинскомъ вертепѣ» (напечатанной, по мысли Николая Ивановича, въ «Кіевской Старинѣ»), и послалъ оттискъ Николаю Ивановичу, я просилъ его написать о его здоровьѣ, которое такъ интересовало всѣхъ. Въ отвѣтъ Николай Ивановичъ написалъ мнѣ письмо, которое я получилъ 14-го марта. Вскорѣ я получилъ въ подарокъ его сочиненіе и написалъ ему благодарственное письмо, отвѣтомъ на которое и было второе письмо. печатаемое теперь. Надо замѣтить, что въ послѣдній годъ своей жизни Николай Ивановичъ обыкновенно не могъ писать письма самъ, а подъ его диктовку писали или его жена, или кто нибудь другой. Оба письма ко мнѣ написаны самимъ Николаемъ Ивановичемъ и только на второмъ письмѣ сдѣлана другою рукою приписка:

«Жена моя благодарить» и т. д.

По моему мнѣнію оба письма Николая Ивановича имѣютъ значеніе для Харькова, а потому я жертвую подлинники этихъ дорогихъ для меня писемъ харьковскому университету и пусть документы эти послужатъ основаніемъ «Костомаровскаго музея» при харьковскомъ университетѣ. Весьма желательно, чтобы университетъ устроилъ у себя Костомаровскій музей, вродѣ того какъ устроены Лермонтовскій и Пушкинскій музеи въ Петербургѣ. Этимъ пожеланіемъ я заканчиваю свое маленькое воспоминаніе.

А. Ф. Селивановъ.

II.

Письма Н. И. Костомарова къ А. Ф. Селиванову.

1.

Глубокоуважаемый Александръ Федоровичъ! У меня рѣшительно недостаетъ словъ сколько нибудь достойно выразить ту глубокую благодарность, какую я чувствую за вниманіе къ моей судьбѣ, которое я испыталъ обращеніями ко мнѣ изъ разныхъ городовъ Россіи и въ особенности изъ Харькова. Достаточно припомнить, что вскорѣ послѣ случившейся со мною катастрофы я получилъ коллективную телеграмму, подписанную студентами юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ. Это тронуло меня до глубины души, точно

также и полученное отъ васъ письмо. Стократъ благодарю и васъ, и почтеннѣйшихъ Ивана Петровича Сокольскаго и его супругу, и всѣхъ добрыхъ, и лично мнѣ знакомыхъ и, къ сожалѣнiю, лично не знакомыхъ, но оказывающихъ ко мнѣ вниманiе! О моемъ здоровьѣ я сообщу (потому что этого требуете), что послѣ приключенiя, постигнаго меня 25-го января (1884 г.), я чрезъ нѣсколько дней такъ оправился, что началъ посѣщать государственный архивъ и публичную библиотеку и заниматься, но вскорѣ оказалось, что это выздоровленiе призрачно! Дѣло въ томъ, что я не знаю собственно, что со мною произошло, такъ какъ я шелъ пѣшкомъ изъ архива и вдругъ уснулъ и слегъ; а очнулся уже на саяхъ рядомъ съ полицейскимъ чиновникомъ, поднявшимъ меня на улицѣ въ безчувственномъ состоянiи и даже, какъ я замѣтилъ, по своей простотѣ сначала принявшій меня за пьянаго. Но видно ударъ былъ ужасенъ, такъ какъ онъ перевернулъ всю нервную систему. Послѣ нѣсколькихъ дней возобновленныхъ трудовъ, я почувствовалъ болѣзнь во всемъ организмѣ съ разными болѣзненными явленiями: то были боли въ боку, отсутствiе правильного отравленiя желудка, ознобъ въ родѣ лихорадки и чрезвычайное ослабленiе и упадокъ всѣхъ силъ. И теперь не прошло такое состоянiе. Что для меня всего несноснѣе—это рѣшительная невозможность заниматься, мозгъ не работаетъ! Что будетъ со мною далѣе—воля Божья! Благодарю васъ за оттискъ. Я читалъ уже въ «Кіевской Старинѣ» вашу любопытную статью. Жена моя благодаритъ васъ за ваше вниманiе къ ней. Еще разъ благодарю и желаю вамъ всякаго благополучiя. Позвольте просить принять въ даръ посылаемый оттискъ моего сочиненiя, печатавшагося въ «Русской Мысли».

Всегда преданный Н. Костомаровъ.

2.

Александръ Ѳеодоровичъ! Отъ полноты сердца приношу вамъ благодарность и всѣмъ господамъ профессорамъ и студентамъ харьковскаго университета за доброе вниманiе ко мнѣ, которое воистину безмѣрно выше того, на что я могъ бы имѣть право, если-бы трудился въ пятьдесятъ разъ болѣе. Къ сожалѣнiю, мало представляетъ мнѣ надеждъ настоящее положенiе моего здоровья съ наступленiемъ праздниковъ, такъ какъ слабость увеличивается и я не въ силахъ входить на такіа лѣстницы, по которымъ ходилъ уже много лѣтъ. Прдаю себя въ волю Божию. Конечно, по лѣтамъ моимъ еще не хотѣлось-бы умирать, тѣмъ болѣе, что еще въ виду есть нѣсколько

несовершенныхъ умственныхъ трудовъ, но надобно быть готовымъ, хотя бы и не хотѣлось. Благодарю, сто разъ благодарю! Совѣстно мнѣ, если не удастся чѣмъ нибудь возблагодарить за такое отношеніе ко мнѣ края, мнѣ роднаго и дорогаго, гдѣ протекла моя юность. Пусть этотъ край цвѣтеть и цвѣтеть! Пусть возрождается, пусть воскресаетъ въ немъ то, что убито было неумолимымъ временемъ и непогодами! Пусть поколѣнія одно за другимъ высказываютъ болѣе и болѣе благородства, энергіи, любви къ общему добру, къ просвѣщенію и привязанности къ своей народности! Пусть не переводятся въ немъ такіе люди, какъ тѣ, которые меня удостоили настоящимъ вниманіемъ! Если ихъ что побудило къ такому знаку уваженія ко мнѣ, то разумѣется то, что я, начавши свое воспитаніе и первую дѣятельность въ Слободскомъ краѣ, пребылъ и, конечно, до могилы пребуду вѣренъ любви къ этой своей народности! Дай-же Богъ, чтобы тѣ, которые такъ поселили во мнѣ эту любовь, сами въ жизни проявили ее съ большимъ успѣхомъ и при болѣе благоприятной погодѣ! Воистину воскресе Христось и не умираетъ христіанская вѣчная правда, солнце человѣческаго достоинства, которое можетъ нѣсколько разъ закрываться набѣгающими облаками, но никогда не погаснетъ до скончанія вѣковъ! Что есть истина, то всплываетъ въ потокѣ времени и нѣтъ пучины, которая-бы могла поглотить ее!

Николай Костомаровъ.

Всѣмъ привѣтъ любви и благожелательства.

Апрѣля 9-го 1884 года.

Спб., В. О., 1-я линія, д. 6, кв. 3.

Другою рукою написано:

«Жена моя очень благодаритъ за вниманіе къ ней и кланяется».

Сообщ. А. Э. Седываковъ.

СОФІЯ МАРКОВНА МАКАРОВА

ПИСАТЕЛЬНИЦА-ПЕДАГОГЪ.

ГРАВЮРА ИСПОЛНЕНА СЪ ПОРТРЕТА 1865

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНЪ».

СОФЬЯ МАРКОВНА МАКАРОВА

род. 6-го января 1834 г., † 10-го августа 1887 г.

Очеркъ ея жизни и литературно-педагогической дѣятельности.

Редакція «Русской Старины» всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ и интересомъ слѣдила и слѣдитъ за упроченіемъ и развитіемъ дѣятельности начальныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ, именно съ 1877 г., когда эти разсадники народнаго образованія въ столицѣ переданы волею Государя-Освободителя въ вѣдѣніе Городской Думы.

Изъ нѣсколькихъ статей и довольно обширнаго историческаго очерка, еще недавно помѣщеннаго нами на страницахъ «Русской Старины»¹⁾, читатели этого изданія вполнѣ ознакомились съ превосходнымъ состояніемъ помянутыхъ училищъ и съ тѣми чувствами уваженія и полнѣйшаго довѣрія, какими пользуются они въ населеніи столицы, каковое въ настоящее время посылаетъ до 12,000 дѣтей обоего пола въ эти школы учиться.

Влестящимъ своимъ состояніемъ эти училища главнымъ образомъ обязаны личному составу учащихся въ нихъ²⁾.

---

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 765—782; изд. 1882 г., т. XXXIV, стр. 543—562; изд. 1884 г., т. XLII, стр. 667—670; изд. 1887 г., т. LV, стр. 667—703; т. LVI, стр. 163—193.

²⁾ Кстати, укажемъ здѣсь на превосходный трудъ: „Первое десятилѣтіе начальныхъ училищъ въ вѣдѣніи с.-петербургской городской думы, 1877—1887 г. Отчетъ городской комиссіи по завѣдыванію городскими начальными училищами и учебными мастерскими“. Сиб. 1888 г., въ 8 д., стр. XIII + 487 + 200. Цѣна три рубля.

Указываемъ на эту книгу въ особенности городскимъ и земскимъ общественнымъ управленіямъ, которыя въ заботахъ своихъ по народному образованію могутъ найти въ помянутомъ отчетѣ весьма много полезныхъ указаній и выводовъ. Книга, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, поступила въ продажу и ее можно найти въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, домъ императорской публичной бібліотеки.

Ред.

Отличная научно-педагогическая, какъ теоретическая, такъ и практическая, подготовка къ своему дѣлу, соединенная съ прекраснымъ образованіемъ, преданность и любовь къ своему дѣлу отличаютъ вообще весь составъ превосходно выбранныхъ Городскою Училищною комиссіею—учителей и учительницъ.

Но и въ этой обширной семьѣ—до 250 лицъ обоего пола—добросовѣстныхъ, умѣлыхъ и усердныхъ тружениковъ и труженицъ городскихъ школъ были и есть лица особенно выдающіяся по своимъ дарованіямъ или практическимъ—какъ преподавательницы и руководительницы дѣтей, или какъ педагоги-писательницы и писатели, и опять таки какъ превосходные руководительницы и руководители учащихся.

Къ числу именно выдающихся дарованій, какъ писательница-педагогъ, какъ писательница для дѣтей, какъ милая, добрая, высоко симпатичная наставница и руководительница,—принадлежитъ столь безвременно скончавшаяся Софья Марковна Макарова († 1887 г.).

Не въ первый разъ посвящаемъ мы страницы «Русской Старины» воспоминанію о наидостойнѣйшихъ подвижницахъ нашихъ народныхъ школъ ¹⁾. Память Софьи Марковны дорога намъ еще и потому, что въ ряду прочихъ трудовъ ея—какъ писательницы для дѣтей—она съ особенною любовью посвящала себя составленію очерковъ и статей именно изъ отечественной исторіи... Но предоставляемъ слово извѣстному нашему педагогу и писателю Дмитрію Дмитріевичу Семенову—хорошо знавшему какъ литературную, такъ и педагогическую дѣятельность С. М. Макаровой.

Пусть эта сердечно написанная статья уважаемаго дѣятеля на воприцѣ народнаго образованія, написанная по нашему приглашенію, будетъ тѣмъ вѣнкомъ, который мы кладемъ на могилу Софьи Марковны Макаровой—столь много потрудившейся на поприщѣ особенно намъ любезномъ и дорогомъ.

Ред.

---

¹⁾ См. нашъ очеркъ, посвященный памяти Прасковьи Николаевны Жолкевичъ, рожденной Бибиковой, „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLII, стр. 667—670.

I.

Прошло не болѣе четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ русская интеллигентная женщина впервые выступила бодро и смѣло на общественное поприще—литературное, педагогическое, медицинское, филантропическое, не смотря на всевозможные труды, невзгоды и матеріальныя лишенія,—а уже въ скорбный листъ преждевременно сошедшихъ въ могилу внесено не мало свѣтлыхъ именъ, достойныхъ занять почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго образованнаго общества, на страницахъ „Русской Старины“.

Къ такимъ именно женщинамъ, пробившимъ себѣ дорогу собственнымъ неустаннымъ и упорнымъ трудомъ, оставившимъ по себѣ яркій слѣдъ, принадлежитъ скончавшаяся 10-го августа 1887 г. Софья Марковна Макарова, рожденная Веприцкая.

Софья Марковна родилась 6-го января 1834 г., въ г. Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи. Отецъ ея, Маркъ Клементьевичъ Веприцкій, былъ истый малороссъ, мать—Вѣра Николаевна, по отцу Григорьева, уроженка Московской губерніи; оба вышли изъ небогатыхъ помѣщичьихъ семей. Въ первые годы своей жизни Софья Марковна была крайне болѣзненный, хилый ребенокъ. Къ счастью, родители ея владѣли хотя очень небольшимъ, но прелестнымъ помѣстьемъ Бажантарней ¹⁾, въ верстѣ отъ Бѣлостока, принадлежавшемъ прежде какой-то польской графинѣ, по мужу, кажется, Орсетти. Пребываніе въ теченіи ббльшей части года въ этомъ когда-то прекрасномъ сельскомъ убѣжищѣ, въ соединеніи съ нѣжнымъ и заботливымъ уходомъ матери, возстановили и укрѣпили физическія силы подроставшей дѣвочки. Постоянныя прогулки по густой липовой аллеѣ, которая тянулась отъ самой усадьбы до большой проѣзжей дороги, гдѣ проходитъ теперь желѣзная дорога, экскурсіи за грибами и цвѣтами въ хвойномъ лѣсу, ароматически благоухающемъ, не могли не отразиться благотѣльно на здоровьи дѣвочки. Не здѣсь ли зародились въ впечатлительной

---

¹⁾ Названіе это—исковерканное слово *Fazanerie* отъ водившихся тамъ когда-то фазановъ, любимыхъ птицъ прежней владѣльцы.

натурѣ ребенка первые проблески любви къ родной природѣ, къ сельской тишинѣ, къ людямъ вообще?

Первоначальное воспитаніе Софьи Марковна получила исключительно домашнее, семейное, выросла въ традиціяхъ русско-польскаго дворянства сороковыхъ годовъ. До 12-тилѣтняго возраста обученіемъ ея занималась только мать, получившая и сама свѣтское, по тогдашнему, образованіе въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ. Она научила свою дочь читать по русски, по французски и по нѣмецки; по польски выучилась сама Софья Марковна, шута. Должно замѣтить, что „отецъ Софьи Марковны, пишетъ одинъ изъ ея почитателей, былъ русскимъ чиновникомъ въ г. Бѣлостоѣ, вслѣдъ за усмиреніемъ перваго польскаго возстанія, когда политическая вражда не успѣла затихнуть; но домъ его былъ нейтральною почвою, на которой *sine ira et studio* сходились оба, недавно съ оружіемъ въ рукахъ стоявшіе другъ противъ друга, недавніе враги. Объяснить это можно не однимъ радушіемъ и гостепріимствомъ хозяевъ. Какъ отецъ, такъ и мать ея привлекали къ себѣ сердца своею нелицеприятною добротою, искренностью отношеній, задушевностью, передъ которыми умолкали политическія страсти людей двухъ лагерей, еще недавно такъ враждебно настроенныхъ. Всѣ знали, что Маркъ Клементьевичъ хохоль, а жена его москалька—два элемента, исторически несимпатичные мѣстному населенію, но въ ихъ обществѣ никому не приходило въ голову сводить счеты прошедшему. Въ Марѣ Клементьевичѣ поляки видѣли не представителя власти, не орудіе побѣдителя, а добраго человѣка, готоваго помочь всякому несчастію, отзывчиваго на каждое горе ближняго, безъ различія народности, вѣры, іерархическаго служебнаго положенія. Семья эта представляла собою умиротворяющую среду, гдѣ враги вчерашняго дня встрѣчались подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ, подавляли, въ присутствіи этихъ добрыхъ людей, свои страсти, не рѣшаясь оскорбить царствовавшую въ ихъ домѣ гармонію. Въ немъ завязывалось не мало дружескихъ отношеній между лицами обѣихъ народностей, которыя безъ этого успокаивающаго и примиряющаго вліянія, безъ этого достойнаго подражанія примѣра хозяевъ, такъ и остались бы при своихъ національныхъ предрасудкахъ“.

Отношенія родителей Софьи Марковны къ прислугѣ тоже

не были похожи на господствовавшія въ эпоху крѣпостнаго права. Они были вполнѣ патріархальны, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, выдѣляясь изъ обычнаго строя въ этой сферѣ.

Все видѣнное и слышанное въ раннемъ дѣтствѣ не могло не отразиться на нравственномъ обликѣ покойной, на ея міровоззрѣніи, на ея убѣжденіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зналъ ближе Софью Марковну, тотъ не могъ не удивляться ея незлобивому сердцу, ея всепрощающему взгляду на людей, ея вѣрѣ въ свѣтлое будущее, ея въ высшей степени гуманному отношенію ко всѣмъ окружающимъ.

Съ переселеніемъ отца на службу въ Вильно, съ 12-лѣтняго возраста къ Софьѣ Марковнѣ стали приглашать учителей мѣстной гимназіи. Въ своемъ дневникѣ, который вела съ 14 лѣтъ, она съ особенною гордостью и признательностью вспоминаетъ объ учителѣ исторіи и географіи, Павлѣ Васильевичѣ Кукольникѣ (братъ извѣстнаго въ свое время драматурга). Онъ не только далъ ей основательныя и обширныя свѣдѣнія по исторіи, но и развилъ въ ней охоту къ чтенію историческихъ и географическихъ книгъ. Она съ жадностью прочитывала всякую историческую книгу на русскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ. Эта страсть къ чтенію и изученію книгъ историческаго содержанія осталась у Софьи Марковны до самой смерти и обнаружилась впоследствии въ лучшихъ произведеніяхъ ея пера. Почти самоучкою выучившись рисовать, благодарная ученица долго сидѣла надъ портретомъ своего учителя и поразила окружающихъ вѣрно схваченными чертами любимаго человѣка.

По достиженіи 18 лѣтъ, Софья Марковна была уже невѣстою и вмѣстѣ съ мужемъ, нынѣ профессоромъ технологическаго института, навсегда поселилась въ Петербургъ съ 1854 года.

Наступили шестидесятые годы. И въ печати, и въ обществѣ громко заговорили объ эмансипаціи русской женщины, о недостаточности ея образованія, объ открытіи для нея новыхъ поприщъ для общественной дѣятельности, о самостоятельности ея въ семьѣ и т. д. Впечатлительная и на все доброе отзывчивая Софья Марковна жадно прислушивалась ко всему, что говорилось, писалось и дѣлалось на пользу женщины. Но получивъ строго-религіозное и семейное воспитаніе, научно-историческое

образование, Софья Марковна не поддавалась крайностямъ, увлеченіямъ, эксцентричностямъ. Она продолжала самостоятельно работать надъ своимъ образованіемъ: слушала публичныя лекціи Н. И. Костомарова, читала его историческія монографіи, зачитывалась „Вѣстникомъ Европы“ М. М. Стасюлевича, а впоследствии и народившеюся „Русскою Стариною“ М. И. Семевскаго, продолжая заниматься языками и переводами для себя; въ это время она изучила англійскій языкъ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей она выработала свой собственный взглядъ на назначеніе женщины. Не безъ сомнѣній и борьбы въ ней укоренилось глубокое убѣжденіе, что женщина прежде всего должна остаться женщиной, что главнѣйшее ея назначеніе быть матерью, воспитательницею дѣтей, а потому она должна быть искренне религіозна и не роптать на свою судьбу, въ какой бы обстановкѣ она ни жила, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и не должна быть рабою своего мужа, не должна находиться въ матеріальномъ его подчиненіи и имѣть свой собственный заработокъ, посылно служа обществу. Но какъ выполнить начертанный для себя идеаль, когда Софья Марковна не училась ни въ какомъ учебномъ заведеніи, не имѣла даже права быть учительницей. И вотъ Софья Марковна, будучи уже замужемъ и имѣя троихъ дѣтей — сына и двухъ дочерей, готовится къ экзамену въ петербургскомъ университетѣ, сдаетъ его блестяще въ 1866 году и получаетъ дипломъ на званіе домашней учительницы. Въ этомъ дипломѣ говорится, между прочимъ, что „Софья Марковна Макарова была допущена къ испытанію въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ и оказала въ русскомъ и французскомъ языкахъ, въ исторіи и географіи отличныя свѣдѣнія и съ успѣхомъ дала пробныя лекціи: Лермонтовъ, Bernardin de St. Pierre, Карлъ V и Вестъ-Индіа“.

Профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, экзаменовавшій Софью Марковну по исторіи, призналъ въ ней глубокія и основательныя знанія въ этомъ предметѣ, а прочитавъ ея сочиненія, одобрялъ ее выступить на поприще писательницы, подобно тому, какъ прежде П. В. Кукольникъ вызвалъ въ ней склонность къ чтенію историческихъ сочиненій.

С. М. Макаровой представился вскорѣ случай проявить свой талантъ начинающей писательницы.

Въ то время пишущій эти строки занимался составленіемъ 3-го тома „Отечествовѣдѣнія“ ¹⁾ и нуждался въ статьяхъ, въ которыхъ бы представлена была характеристика важнѣйшихъ городовъ Россіи въ историко-статистическомъ отношеніи. Софья Марковна съ удовольствіемъ и радостью приняла предложеніе и лѣтомъ 1866 года обработала три статьи: Петербургъ, Москва и Нижній Новгородъ, которыя и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Эти статьи, кажется, были первыми печатными трудами покойной.

Затѣмъ, съ 1870 г., Софья Марковна, по приглашенію г-жи Ростовской, стала пробовать свои силы въ дѣтскомъ журналѣ: „Семейные Вечера“, гдѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, помѣстила рядъ маленькихъ разсказовъ для дѣтей.

Въ то-же время Софья Марковна съ необыкновенною усидчивостью занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей. Сына она сама приготовила во 2-й классъ гимназіи, старшую дочь въ 6-й классъ (тоже 2-й)...

Въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ умершей писательницѣ и наставницѣ, мы читаемъ, что „покойная посвятила всю свою литературную дѣятельность дѣтямъ, и въ теченіи тридцати слѣдующихъ лѣтъ писала исключительно только разсказы, повѣсти, сказки, очерки дѣтской жизни или же изъ исторіи и народнаго быта, предназначенные для дѣтей. Книги ея: „Дѣлу время—отдыху часъ“, „Повѣсти изъ русскаго быта“, „Изъ русской жизни“, „Деревня“, „Бабушкины разсказы“, „Исторія Екатерины II“, „День Лизы“, „Отголоски старины“, „Почему?—потому!“, „Сказки удивленья — картинки заглядѣнья“, „Что картинка, то диковинка“ и другія пользовались и пользуются до сихъ поръ большимъ успѣхомъ среди дѣтей. Задача, которую поставила себѣ покойная Макарова въ своихъ трудахъ, была всегда поучать и сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія почти шутя, т. е. соединять пріятное съ полезнымъ, при чемъ всѣ ея разсказы проникнуты идеєю добра, правды и любви. Въ области разсказовъ для дѣтей крошечъ, т. е. двухъ-трехъ-лѣтнихъ, покойная прямо, можно сказать, не имѣла соперниковъ, и никто, какъ она, не умѣлъ писать такъ понятно для дѣтей этого возраста. Кромѣ ориги-

¹⁾ Отечественное. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдованіямъ; въ 6-ти томахъ. Сост. Д. Д. Семеновъ. Авт.

нальныхъ произведеній, С. М. Макарова переводила также романы Жюль-Верна, рассказы Біара, Шмидта и др. и сотрудничала въ большинствѣ нашихъ журналовъ для дѣтей. Статьи ея помѣщались въ „Семейныхъ Вечерахъ“, „Родникъ“, „Семьѣ и Школѣ“ и другихъ изданіяхъ.

Въ 1878 г. С. М. Макарова приняла на себя завѣдываніе редакціею основаннаго книгопродавцемъ М. О. Вольфомъ журнала „Задушевное Слово“ и продолжала завѣдывать этимъ изданіемъ по его возобновленіи въ 1882 году, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ. Многія сочиненія Макаровой выдержали по два, по три изданія.

Общее число отдѣльно изданныхъ сочиненій для дѣтей С. М. Макаровой доходитъ до 30, но, кромѣ того, въ журналахъ разбросано еще множество ея рассказовъ, очерковъ, сказокъ и пр. Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1877 г. (томъ XX, декабрь, стр. 579—632) принадлежитъ С. М. Макаровой обширный очеркъ „Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье, 1810—1825 гг.“ Въ послѣдніе годы почти каждый годъ то у г. Девріена, то у г. Вольфа, то у Ф. А. Битепажа или у г-жи Е. Н. Тихоміровой въ Москвѣ выходили сборники рассказовъ покойной и почти всѣ они расходились среди маленькой публики въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Съ Макаровой сошла въ могилу одна изъ самыхъ выдающихся „дѣтскихъ писательницъ“ старой школы.

Вотъ, напр., книги, составленныя С. М. Макаровой и изданныя книжнымъ магазиномъ Ф. А. Битепажа:

- „На досугѣ“, рассказы, заимствованныя съ нѣмецкаго.
- „Привѣтъ дѣтамъ“, рассказы, заимствованныя съ нѣмецкаго.
- „Миньона, дочь музыканта“, рассказы для дѣтей.
- „Леночка“, рассказъ для дѣтей.
- „Бабушкины сказки“, составлены по Гофману, Годену и Лаушу.
- „Дѣтскій Кружокъ“, рассказы для дѣтей.
- „Семьдесятъ пять рассказовъ“ для дѣтей младшаго возраста, составлены по Фр. Гофману.
- „Новинка“, рассказы для дѣтей младшаго возраста.
- „Зимніе вечера“, рассказы для маленькихъ дѣтей.
- „Новый сборникъ поздравительныхъ стихотвореній на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ“.
- „Борьба съ дикарями“. Техаскіе рассказы Купера, передѣланные для юношества, переводъ съ нѣмецкаго.
- „Черный Коршунъ“, рассказъ для юношества Франца Гофмана.

„Отважная Охотница“, рассказ Майнъ Рида для юношества. Переводъ. Все это труды С. М. Макаровой, изданные только однимъ книжнымъ магазиномъ Ф. А. Битенпажа; но кромѣ этой почтенной книгопродавческой фирмы, переводы и оригинальныя произведенія Софьи Марковны издавали, какъ сказано выше, и другіе книгопродавцы и издатели.

Въ 1877 году, когда училищная коммиссія, состоящая при с.-петербургской городской думѣ, приняла въ свое завѣдываніе начальныя училища столицы, потребовались, для вновь открываемыхъ школъ, хорошо подготовленныя и опытныя учительницы.

Между лицами, изъявившими желаніе взять на себя трудное дѣло учительницъ во вновь открываемыхъ городскихъ школахъ, явились двѣ дѣтскія писательницы, пользовавшіяся уже почетною извѣстностью и уваженіемъ къ ихъ дарованіямъ, то были: Софья Марковна Макарова и Ольга Ильинишна Москвитинова.

Не смотря на то, что Софья Марковна имѣла много литературной работы, но перспектива послужить дѣлу народнаго образованія, при томъ въ школахъ, состоящихъ на почвѣ общественнаго самоуправленія столицы, увлекла Софью Марковну на новое, чисто педагогическое, поприще ¹⁾.

Она служила этому дѣлу въ теченіи десяти лѣтъ, до самой своей смерти, сначала въ качествѣ учительницы 1-го Нарвскаго женскаго училища (въ Измайловскомъ полку), съ 1-го сентября 1877-го по 1-е августа 1884 г., и потомъ Кирилло-Меоодіевскаго женскаго училища (въ Адмиралтейской части), съ 1-го августа 1885 года до 10-го августа 1887 г.

---

¹⁾ Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ переговорахъ, какіе вступилъ эти строки имѣлъ, въ 1877г., какъ членъ училищной коммисіи и по ея порученію, съ С. М. Макаровой, относительно пріема ея въ училищницу; съ какимъ увлеченіемъ и любовью говорила Софья Марковна о дѣлѣ народнаго образованія и о тѣхъ трудахъ, какіе предстояли ей, матери уже взрослыхъ дѣтей, какъ учительницѣ, въ одномъ изъ открывавшихся городскихъ училищъ. Коммиссія отнеслась съ полнѣйшимъ уваженіемъ и признательностью къ С. М. Макаровой за выраженную ею готовность всецѣло посвятить себя трудному дѣлу наставницы и приняла ее учительницею, во вниманіе къ ея извѣстности какъ талантливой писательницы для дѣтей, не требуя отъ нея—обязательнаго для другихъ кандидатокъ—диплома въ оковчаніи образованія въ высшихъ женскихъ курсахъ или въ спеціальному педагогическомъ заведеніи, каковымъ учительская семинарія или педагогическіе курсы с.-петербургскихъ женскихъ гимназій.

II.

Переходя къ оцѣнкѣ литературныхъ трудовъ усопшей, мы должны признать, что педагогическая критика довольно сурово отнеслась къ литературной дѣятельности Софьи Марковны, въ особенности къ ея книгамъ и статьямъ для дѣтей беллетристическаго содержанія. Ее упрекали за слишкомъ большую плодовитость, за отсутствіе вдохновенія, за микроскопичность содержанія и въ особенности за то, что она служила представительницею уже отжившаго чисто правоучительнаго направленія въ дѣтской литературѣ ¹⁾. Но чѣмъ же виновата была Софья Марковна, что она сама получила строго семейное воспитаніе, что она жила идеалами и традиціями 1840-хъ годовъ, что она шла по стопамъ покойной Ишимовой, что она была глубоко убѣждена въ томъ, что дѣтямъ нашимъ, видящимъ столько грязи въ окружающей жизни, необходимо давать только свѣтлые идеалы, рисовать отрадные картины, чтобы въ домашнемъ чтеніи дѣти находили усладу послѣ нѣкоторой скуки за урокомъ. Во всякомъ случаѣ, однако, односторонность направленія беллетристивы покойной нельзя признать за достоинство. Но тѣ-же критики признавали заслуги С. М. Макаровой за историческими книгами для дѣтей, каковы: „Отголоски старины“, „Грозная туча“ и „Суета суетъ“.

„Отголоски старины“ заключаютъ въ себѣ легенды и преданія о первыхъ временахъ русской исторіи, начиная съ доисторической эпохи и оканчивая княженіемъ Ярослава Мудраго, XI вѣка. Вся эта темная эпоха, полная баснословныхъ связаній, передана въ живомъ разсказѣ, въ который включены пѣсни, обряды, черты быта тѣхъ временъ. Авторъ старается даже въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ сохранить простоту лѣтописнаго языка, хотя это и не всегда ему удается ²⁾. „Грозная туча“, появившаяся въ свѣтъ незадолго до смерти Софьи Марковны, представляетъ большую, прекрасно иллюстрированную, повѣсть, изъ которой дѣти

¹⁾ См. журналъ „Воспитаніе и Осучевіе“, 1887 г. февраль.

²⁾ См. журн. „Народная Школа“. 1884 г., февраль.

могутъ получить довольно ясное представленіе о ходѣ отечественной войны, благодаря весьма добросовѣстному и обстоятельному изученію авторомъ историческаго матеріала.

Софья Марковна не дождалась появленія въ отдѣльномъ изданіи своей новой и послѣдней исторической повѣсти «Суета суетъ», въ которой изображается, въ беллетристическомъ повѣствованіи, судьба князя А. Д. Меншикова. Изданная книгопродавческою фирмою Девриена съ замѣчательною роскошью (литографированная папка ничѣмъ не отличается отъ хорошей акварели), посмертное произведеніе Софьи Марковны признается наиболѣе удачнымъ изъ ея многочисленныхъ литературныхъ работъ¹⁾.

Не мало упрековъ отъ критики получила покойная, какъ редакторъ „Задушевнаго Слова“, хотя, благодаря ея имени, въ началѣ 1880 годовъ „Задушевное Слово“ имѣло столько подписчиковъ, какъ ни одинъ другой дѣтскій журналъ въ Россіи. Говорять, число подписчиковъ этого журнала доходило до 15,000.

Въ особенности много доставалось Софьѣ Марковнѣ за „картинки“ и „почтовый ящикъ“ „Задушевнаго Слова“. Но кому не извѣстно положеніе редактора при издателѣ, который преслѣдуетъ въ журналѣ преимущественно матеріальныя цѣли. Чѣмъ была виновата Софья Марковна въ томъ, что покойный издатель помѣщалъ не тѣ картинки, которыя назначались и рекомендовались редакторомъ, что онѣ размѣщались несоответственно тексту, а какъ выгодно въ типографскомъ отношеніи, что приходилось не картинки подгонять подъ текстъ статьи, а наоборотъ—къ готовымъ клише сочинять текстъ. Но что болѣе всего огорчало Софью Марковну, такъ это право, выговоренное покойнымъ издателемъ помѣщать въ „почтовомъ ящикѣ“ отзывы и письма самихъ дѣтей, дающихъ столько поводовъ для проявленія дѣтскихъ ссоръ, зависти и споровъ. Этотъ отдѣлъ журнала сама Софья Марковна называла вреднымъ для дѣтей. До глубины души возмущало С. М. Макарову и то, что заманчивыя рекламы о журналѣ составлялись безъ ея согласія, помимо ея воли и печатались отъ имени редакціи, а не отъ имени издателя (нынѣ покойнаго).

Послѣ сказаннаго читатель въ правѣ спросить—почему же при

¹⁾ См. журн. „Женское Образованіе“, изд. 1887 г., мартъ и декабрь.

такихъ условіяхъ Софья Марковна оставалась такъ долго редакторомъ?

Не забудьте, что Софья Марковна по складу своего ума, по своимъ убѣжденіямъ, вѣрила въ свѣтлое будущее, вѣрила въ людей. Каждый мѣсяцъ ей обѣщали, что все будетъ исполняться по ея желанію, и каждый мѣсяцъ приносилъ ей одни разочарованія... Сверхъ того, Софья Марковна мечтала, что по крайней мѣрѣ литературный отдѣлъ, составляющій основу журнала, искупить чисто издательскія выгоды и побужденія. И дѣйствительно, въ этомъ отдѣлѣ было не мало хорошихъ статей, въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя были проредактированы Софьей Марковной. Но, въ своему удивленію, и въ этомъ отдѣлѣ она не рѣдко встрѣчала по отпечатаніи журнала статьи, исковерканныя постороннею рукою, или же статьи, вовсе не бывшія въ портфель редактора.

„Во время своего редакторства въ „Задумевномъ Словѣ“, говоритъ одинъ изъ биографовъ Макаровой, она горячо отстаивала русскую національность и честное нравственное направленіе юношества“.

Вообще говоря, эпоха редакторства покойной была настоящею борьбою за отстаиваніе интересовъ русскихъ дѣтей, пока эта борьба не сломила ее окончательно. Въ 1885 — 1886 году она отказалась отъ отвѣтственнаго редакторства, взявъ на себя, по усиленной просьбѣ издателя, только негласное исправленіе рукописей, а въ 1887 году и совершенно отказалась отъ всякаго участія въ журналѣ, объявивъ объ этомъ въ газетахъ.

Но и въ послѣдній годъ жизни, въ тѣ рѣдкія минуты невольнаго отдыха, котораго требовали ея все болѣе и болѣе слабѣющія силы, она съ любовью обдумывала планъ повѣсти уже не для дѣтей, въ которой желала представить давно носившійся передъ нею и мало по малу сложившійся въ ея душѣ образъ женщины, который былъ ей въ высшей степени симпатиченъ. Это женщина не дюжиннаго ума и съ самыми высокими нравственными задатками: терпѣливая, любящая, глубоко-религіозная, самоотверженная, всепрощающая и до такой степени скромная, съ виду даже незначительная, что никто не понимаетъ ея высокихъ задатковъ. Все ея существованіе представляетъ одинъ высокій подвигъ; она сѣетъ всюду добро, распространяетъ свѣтъ и любовь, не гну-

шается ни чѣмъ, все переноситъ, все и всѣхъ устраиваетъ, а между тѣмъ никому въ голову не приходитъ приписать это ей; ее считаютъ заурядной и даже ничтожной и только ее жизнь, представляющая рядъ самыхъ высокихъ и самоотверженныхъ, хотя и скромныхъ подвиговъ, свидѣтельствуешь о ея глубокой, идеальной и симпатичной натурѣ. Повѣсть эта была уже ею начата.

Но гдѣ находила Софья Марковна истинную отраду и утѣшеніе, такъ это въ педагогическо - практической дѣятельности наставницы. Она смотрѣла на школу, какъ на свою собственную семью. Глубоко религіозная, безукоризненно-нравственная, она придавала воспитательнымъ задачамъ школы преимущество передъ учебными.

Цѣлое школьное утро съ 9-ти до 3-хъ часовъ она не оставляла дѣтей ни на минуту. Въ 8¹/₂ часовъ Софья Марковна выходила къ дѣтямъ, молилась вмѣстѣ съ ними, осматривала — всѣ ли они умыты, причесаны, чисто ли одѣты, всѣ ли принесли съ собою завтракъ; потомъ пила чай въ присутствіи ихъ, причемъ пила чаемъ тѣхъ изъ дѣтей, которыя были слишкомъ бѣдны и приходили зачастую въ школу въ проголодь. Съ 9 до 11¹/₂ шли уроки. Завтракала Софья Марковна тоже съ дѣтьми и тоже надѣляла дѣтей то молокомъ, то кускомъ булки; для заболѣвающихъ у Софьи Марковны была всегда подъ руками небольшая аптечка и несомнѣнно, благодаря ея истинно материнскимъ заботамъ, въ школѣ всегда было мало заболѣвавшихъ и отсутствовавшихъ дѣтей. Послѣ завтрака дѣти пѣли молитву, а потомъ играли въ присутствіи своей воспитательницы, которая и сама принимала непосредственное участіе въ ихъ играхъ.

Глубоко изучивъ дѣтскую природу, Софья Марковна была большая мастерица придумывать для дѣтей различныя новыя игры.

Послѣ 12-ти часовъ снова шли уроки.

Преподавала она тихо, спокойно, ровно, симпатично. Педагогъ нашелъ бы въ ея преподаваніи отсутствіе современныхъ методовъ, неумѣнье заниматься съ цѣлымъ классомъ, осудилъ бы и за то, что она слишкомъ много обращала вниманія на отдѣльную дѣвочку, забывая, повидимому, о другихъ. Но Софья Марковна была такого убѣжденія, что ни одинъ ребенокъ, попавшій

въ ея школу, не долженъ выйти изъ нея не воспитаннымъ или ничего не знающимъ.

Само собою разумѣется, что никакихъ наказаній Софья Марковна не употребляла въ своей школѣ. Ласковое слово, укоризненный взглядъ, добрый совѣтъ, холодное замѣчаніе — вотъ чѣмъ побуждала Софья Марковна открытыя дѣтскія сердца; только безграничною любовью къ нимъ она достигала того, что дѣти ея слушались, любили, какъ мать, и по выходѣ изъ школы никогда не забывали ея.

Пишущій эти строки никогда не забудетъ слѣдующаго случая. За годъ до смерти ему пришлось поздравить Софью Марковну съ именинами (17-го сентября 1886 года). Вдругъ входитъ цѣлая группа молодыхъ дѣвушекъ 15—17 лѣтъ, которыя возвращались съ молебна и поднесли Софьѣ Марковнѣ просфору. Все это были бывшія ученицы Софьи Марковны; какъ оказалось потомъ, между дѣвушками были и няни, и бонны, и модистки, и ученицы земской учительской школы и даже гимназистки. Всѣ онѣ сговорились и списались собраться вмѣстѣ отслужить молебенъ о здравіи своей воспитательницы и поздравить ее съ днемъ ангела.

Растроганная до слезъ, Софья Марковна съ сердечною привѣтливостью приняла ихъ и всѣхъ одинаково обласкала, всѣхъ усадила за именинный пирогъ, вмѣстѣ съ прочими гостями. Вотъ гдѣ можно было видѣть результаты воспитательной дѣятельности Софьи Марковны! Не забудьте, что всѣ эти дѣвочки происходили изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества; а теперь, не смотря на разность положенія и образованія, соединились въ одну общую семью. Вотъ что творитъ истинная любовь педагога по призванію, а не по профессіи только!

Пока дѣвочки (числомъ отъ 40 до 50) учились у Софьи Марковны въ школѣ, — а учились онѣ у ней три, четыре года, съ 8-ми до 12-ти лѣтъ, — она постоянно стремилась вліять на отношенія ученицъ къ семьѣ, внушала имъ любовь и благодарность къ родителямъ, уваженіе къ самымъ скромнымъ обязанностямъ, дѣятельную помощь роднымъ во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, стремленіе честно заработать свой хлѣбъ, любовь къ труду; постоянно и горячо говорила о томъ, что не слѣдуетъ роптать на Бога, каково бы ни было семейное и матеріальное положеніе учащагося. Въ

то же время Софья Марковна умѣла сочувствовать радостямъ дѣтей и была счастлива, когда ей удавалось доставить удовольствіе дѣтямъ. Она раздавала дѣтямъ книги для домашняго чтенія съ большимъ выборомъ и всегда переспрашивала о прочитанномъ. Но при этомъ авторская скромность и щепетильность ея доходили до того, что она никогда не рекомендовала дѣтямъ своихъ книгъ для чтенія, никогда не выписывала ихъ для бібліотеки своей школы, хотя и имѣла на то несомнѣнное право. Только однажды, въ день своихъ именинъ, уступая просьбамъ своихъ ученицъ, Софья Марковна роздала имъ для прочтенія по экземпляру своихъ сочиненій. Во время рождественскихъ праздниковъ ежегодно устраивала она для дѣтей елку; при раздачѣ подарковъ всегда соображалась со вкусами, желаніями, нуждами и семейнымъ положеніемъ дѣтей.

Заботливость Софьи Марковны о чужихъ дѣтяхъ не ограничивалась предѣлами школы. Не смотря на энергическую дѣятельность по школѣ и на литературномъ поприщѣ, Софья Марковна находила время для хлопотъ объ опредѣленіи выпускныхъ дѣтей въ другія заведенія, профессиональныя школы, мастерскія и т. д., принимая при этомъ въ расчетъ индивидуальныя наклонности и способности дѣтей и ихъ семейное положеніе. Неудивительно послѣ этого, что бывшія ученицы никогда не забывали Софью Марковну.....

Обремененная непосильнымъ трудомъ, Софья Марковна не скупилась на время и всегда съ величайшимъ радушіемъ принимала своихъ бывшихъ ученицъ, съ участіемъ выслушивала ихъ рассказы, входила въ ихъ нужды: кого журила и направляла на добрый путь, кого поддерживала и наставляла, кому помогала чѣмъ и какъ могла... Такимъ образомъ, бывшія ученицы потеряли въ Софьѣ Марковнѣ не только свою постоянную наставницу, но нѣжно любящую мать и свою негласную благодѣтельницу.

III.

Для полноты характеристики недавно скончавшейся скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Софьи Марковны къ матери, къ знакомымъ, къ сослуживцамъ по школѣ и о послѣднихъ дняхъ ея недолгой жизни.

„Самая теплая, искренняя любовь, самое полное довѣріе соединяли мать и дочь, читаемъ мы въ одномъ рукописномъ воспоминаніи о покойной.

„Трогательно было смотрѣть, какъ нѣжно относились онѣ другъ къ другу, какъ заботились другъ о другѣ, какъ дѣлались всѣмъ. Тайна между ними существовала только тогда, когда одна изъ нихъ получала тяжелое извѣстіе, тогда другая молча несла горе, тщательно скрывая и оберегая отъ него другую. Къ материнской любви примѣшивалось уваженіе, сочувствіе къ талантамъ и начинаніямъ дочери, справедливая гордость ею. Дочь платила тѣмъ-же. Она не только выказывала дорогой матери непритворную горячую любовь, но и съ величайшимъ удовольствіемъ и нѣжною предупредительностью оказывала ей всѣ, даже мелочные, знаки наружнаго почтенія, которые сохранила съ дѣтства, которыми дорожила до конца жизни. Не смотря на свои сѣдые волосы (Софья Марковна совершенно посѣдѣла уже въ 25 лѣтъ), не смотря на то, что мать жила у нея, Софья Марковна, напримѣръ, съ особенной лаской благодарила ее за все, даже за обѣдъ, завтракъ и всегда подходила подъ благословеніе, отходя ко сну. Такъ жили эти двѣ старушки“.

Принимала Софья Марковна своихъ друзей и знакомыхъ съ удивительною задушевностью и чисто славянскимъ радушіемъ. Кроткая, ласковая, тихо веселая, она распространяла вокругъ себя миръ и доброе настроеніе. Никакія нравственныя потрясенія, никакія физическія страданія не могли нарушить ея, по крайней мѣрѣ, наружнаго спокойствія среди знакомыхъ.

Получая за свой личный трудъ, по званію редактора, писательницы и учительницы, довольно значительныя денежныя средства, покойная жила скромно, почти нигдѣ не бывала и не оставила послѣ себя никакого состоянія. Это тѣмъ болѣе знамена-

тельно, что задолго до ея кончины всё ея дѣти хорошо были пристроены и не нуждались въ помощи матери. Имена лицъ, которымъ она несомнѣнно, и въ тайнѣ отъ матери и родныхъ, помогала, Софья Марковна унесла съ собою въ могилу.

Среди своихъ сослуживцевъ по профессіи Софья Марковна пользовалась безотчетнымъ уваженіемъ. Она любила выслушивать самыя противоположныя мнѣнія, спорила не горячась, спокойно относилась къ самымъ противоположнымъ взглядамъ, какъ бы ища вездѣ истину, или находя оправданіе завѣтнымъ убѣжденіямъ. Обладая высокимъ нравственнымъ мужествомъ, никогда не падая духомъ, не отчаяваясь, дѣятельная и энергичная, она не признавала въ другихъ малодушнаго ропота на судьбу, на существующіе порядки, а старалась доказать, что вина неудачъ въ насъ самихъ, что мы должны постоянно работать надъ собою, тогда въ каждомъ положеніи можемъ и должны быть полезны. Искренно религіозная, она въ дѣлѣ вѣры умѣла согласовать требованія развитаго и глубоко просвѣщеннаго ума съ поворностью воли Провидѣнія. Вслѣдствіе этого у ней выработалось глубокое и не поколебимое убѣжденіе, что человѣкъ не долженъ стремиться вонъ изъ своей обстановки, а долженъ хорошенько оглядѣться, изучить ее и стремиться исполнить во всей широтѣ и глубинѣ, налагаемая на него этой обстановкой, обязанности, влить въ данную сферу все добро и свѣтъ, которые ему доступны. Такова была Софья Марковна Макарова, какъ человѣкъ, какъ женщина, по мнѣнію людей, близко ее знавшихъ!

Страдая издавна порокомъ сердца, Софья Марковна въ послѣдній годъ своей жизни предчувствовала приближеніе смерти и нѣсколько разъ принималась писать свои мемуары, но мать удерживала ее отъ этого, думая тѣмъ отвлечь отъ грустныхъ мыслей.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1887-го года симптомы опасной болѣзни обострились и Софья Марковна черезъ силу занималась въ школѣ. Даже въ то время, когда вмѣсто нея учила дѣтей запасная учительница, Софья Марковна поминутно входила въ классъ, чтобы посмотреть и послушать своихъ ученицъ. Много усилій со стороны начальствующихъ лицъ, друзей и врачей потребовалось для того, чтобы убѣдить больную оставить на весну и лѣто школу и переѣхать въ деревню. Но и въ этомъ случаѣ Софья Марковна оставалась вѣрна самой себѣ. Не смотря на

убѣдительныя просьбы старшей дочери переселиться въ имѣніе ея мужа, Софья Марковна, хотя горячо любила дочь и глубоко уважала зятя, но всегда щепетильная, когда дѣло шло о ней, не желая стѣснять семейство дочери уходомъ за трудно больной, наняла дачу въ Финляндіи (въ 18 верстахъ отъ станціи Новая-Кирка), куда и послѣдовала съ женой сына (невѣсткой). Тамъ она и скончалась въ страшныхъ страданіяхъ отъ болѣзни сердца и почекъ, сопровождавшихся водянкой — 10-го августа 1887 года, на 54-мъ году своей жизни, терпѣливо перенося предсмертныя мученія, съ молитвой на устахъ.

14-го августа 1887 г. схоронили талантливую дѣтскую писательницу и одну изъ достойнѣйшихъ учительницъ городскихъ школъ; схоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, въ могильномъ склепѣ ея отца. Надъ ея могилой не говорилось рѣчей, но было пролито много искреннихъ слезъ: въ ней потеряли очень многіе; смерть ея осиротила многихъ, даже не связанныхъ съ нею узами родства. Надъ нею плакали дѣти, которыхъ она съ любовью учила, надъ ней плакали и взрослые дѣвушки, ея прежнія ученицы; съ глубокою грустью смотрѣли въ ея могилу и матери и отцы, почитатели ея таланта!

Оканчивая эти строки мы посѣтили могилу Софьи Марковны Макаровой.

Не смотря на жестокіе морозы, и крестъ, и ея могила тонуть въ вѣнкахъ, среди бѣлаго снѣжнаго покрова.

Миръ праху твоему, честная и даровитая труженица, честная русская женщина, отдавшая все дѣтямъ русской земли.

Д. Д. Семеновъ.

19-го февраля 1888 г.

С.-Петербургъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ I ИМПЕРАТОРЪ ГЕРМАНСКІЙ

въ бытность его принцемъ прусскимъ.

1821—1835.

Незадолго до кончины императора Вильгельма (26-го февраля 1888 года) въ Германіи появилась въ печати переписка генерала Натцмера ¹⁾, про котораго король отозвался въ 1870 году:

— «Всѣмъ, что я знаю въ военномъ дѣлѣ, я обязанъ ему».

До сихъ поръ сочиненіе: «*Unter den Hohenzollern*», представляющее несомнѣнный историческій интересъ также для русскихъ читателей, ускользнуло полностью отъ вниманія нашей журналистики. Французы оказались внимательнѣе: они не замедлили своевременно обратить вниманіе общества на нѣкоторыя любопытныя мѣста переписки Натцмера.

Изъ этой переписки можно отчасти ознакомиться съ политическими взглядами, которыми руководствовался императоръ Вильгельмъ, въ дни юности, когда онъ въ отечествѣ своемъ занималъ скромное мѣсто прусскаго принца и не могъ еще разсчитывать сдѣлаться преемникомъ престола Фридриха Великаго.

Въ предлагаемомъ ниже извлеченіи мы ограничимся только нѣкоторыми выдержками изъ той части переписки генерала Натцмера, которая имѣетъ отношеніе къ Россіи.

Н. К. Шильдеръ.

---

¹⁾ *Unter den Hohenzollern. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Generals Oldwig v. Natzmer 1820—1840.* 2 Т.—Gotha 1888. Генералъ Натцмеръ скончался въ 1861 году (20-го ноября н. с.).

Н. Ш.

Принцъ Вильгельмъ—генералу Натцмеру.

«Потсдамъ, 25-го декабря 1821 г. На востокѣ опять все становится сильно похожимъ на войну, хотя слухъ объ умерщвленіи султана и не подтвердился, но, конечно, событіе это само по себѣ имѣло бы неисчислимыя послѣдствія.

Слыхали-ль вы что-либо о томъ, что Австрія и Англія заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ, чтобы воспрепятствовать какому бы то ни было земельному расширенію Россіи? Мнѣ это кажется невѣроятнымъ¹⁾. Желаютъ ли эти державы предотвратить войну Россіи съ Турціей? Если война эта произойдетъ, то Россія, по всей вѣроятности, будетъ вести ее одна, и, въ случаѣ благопріятнаго для нея исхода, будетъ совершенно справедливо и естественно, если она сохранитъ за собою часть сдѣланныхъ ею завоеваній. Спѣшу прибавить при этомъ, что, въ случаѣ полного паденія Турецкой имперіи, имѣлись бы еп^{ше} другіе планы касательно бѣльшей части этой страны. Если такимъ образомъ Россія присоединитъ къ себѣ всѣ завоеванія, которыя она, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ, станутъ ли Австрія и Англія противиться этому? Подобная попытка, по моему мнѣнію, была бы опасной и, наконецъ, присоединеніе Россіей части Турціи, какъ бы велика она ни была, не имѣетъ и половины того значенія, которое имѣло въ 1813 г. присоединеніе Польши: вотъ когда слѣдовало бы принять побольше мѣръ предосторожности! Какой же смыслъ имѣетъ этотъ союзъ? Я нахожу его недостойнымъ.

Впрочемъ, я согласенъ съ вами въ одномъ, что участіе Пруссіи въ этой борьбѣ было-бъ крайне выгоднымъ для насъ и нашей системы, потому что, очевидно, ничто такъ не опасно для насъ, какъ продолжительный миръ. Взгляните на наше политическое положеніе: наша физическая слабость поражающа, когда сравниваешь Пруссію съ сосѣдними государствами. Эту слабость намъ должно замѣнить духовными силами, а пробудить и поддержать эти силы необходимо прежде всего въ арміи. Достиженіе подобнаго результата становится крайне труднымъ, при продолжительномъ мирѣ, вотъ почему данная война явилась бы желаннымъ и удобнымъ средствомъ для нашего оживленія. Всякая же другая война, въ нашемъ положеніи, могла бы слишкомъ легко угрожать нашему существованію».

---

¹⁾ Съ заключеніемъ подобнаго союза связывали поѣздку Меттерниха въ Ганноверъ. Тогда во главѣ англійскаго кабинета стоялъ еще Кастльри.

Весною принцъ Вильгельмъ просилъ короля Фридриха Вильгельма III позволенія принять участіе въ войнѣ, которая готовилась на Востокѣ; съ собою онъ хотѣлъ взять Натцмера. Король отвѣтилъ лаконическимъ: «войны не будетъ вовсе!» Дѣйствительно, императоръ Александръ воздержался отъ вмѣшательства въ дѣла Востока, и напрасно баронъ Строгоновъ выжидалъ въ Константинополѣ: «les foudres du chef révééré de l'église orthodoxe»¹⁾; они послѣдовали уже въ послѣдующее царствованіе.

Изъ письма принца Вильгельма мы видимъ какъ уже тогда будущій воинъ-императоръ придерживался политики выгодъ и какое значеніе онъ придавалъ прусской арміи.

Принцъ Вильгельмъ—генералу Натцмеру.

«Берлинъ, 31-го марта 1824 г. Примите, мой дорогой Натцмеръ мою сердечную признательность за оба ваши милыя письма.

Что касается внѣшняго положенія нашего государства, я могу лишь присоединиться къ вашему взгляду. Если бы народъ въ 1813 году зналъ что въ дѣйствительности, 11 лѣтъ спустя, останется одно лишь воспоминаніе отъ того блеска, славы и вліянія, которыхъ онъ достигъ тогда, кто изъ среды его жертвовалъ бы всѣмъ для достиженія подобнаго результата? Это серьезный вопросъ, отвѣтить на который можно лишь съ глубокою грустью. Изъ нашихъ разговоровъ вы знаете, кому я ставлю въ вину, что во всѣхъ государственныхъ вопросахъ мы идемъ назадъ. Многіе старались помочь дѣлу, но если-бъ они обладали выдающимися качествами ума и воли, мы не очутились бы въ настоящемъ положеніи.

Одно возбужденіе этого вопроса налагаетъ на насъ священную обязанность сохранить и обезпечить за 11-ти милліоннымъ народомъ то положеніе, которое онъ завоевалъ себѣ путемъ жертвъ, подобныхъ которымъ еще никогда не видѣли и не увидятъ. Но объ этомъ не желаютъ больше думать, а наоборотъ, приходится выслушивать, что смѣшно желать 11-ти милліонамъ играть роль среди государствъ съ 40 милліоннымъ народонаселеніемъ. При этомъ забываютъ, что то положеніе, которымъ мы пользуемся, создано всего лишь тремя милліонами, и что именно эти три милліона, поддерживаемые союзною, крайне ослабленною, арміею, осмѣлились противостоятъ колоссу, столь долго устрашавшему всѣхъ. И что тогда сдѣлали три милліона,

¹⁾ Письмо барона Строгонова—графу Нессельроде отъ 15-го апрѣля 1821 г.

проникнутые энтузіазмомъ, теперь могутъ сдѣлать одиннадцать милліоновъ съ пробужденною и развитою интеллигенціей.

Если это найдутъ смѣлнѣе, то и самые храбрые и безстрашные потеряютъ бодрость духа. Наконецъ, нація, добровольно отказывающаяся отъ занятаго ею положенія и тѣмъ перестающая быть соперникомъ для иностранныхъ державъ, никогда болѣе не найдетъ себѣ союзника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, потому что съ воскрешеніемъ ея не связаны интересы ни одной партіи.

И если желаете быть ничѣмъ, зачѣмъ же хотѣтъ казаться чѣмъ-то и потому производить громадныя издержки на содержаніе арміи?»

«2-го апрѣля 1824 г. Сегодня прежде всего я перечелъ эти строки и вижу, что пришлось бы исписать фоліанты, если-бъ захотѣлось изложить всѣ слѣдствія нашего теперешняго положенія и тѣ размышленія, на которыя вынуждаютъ они. Они не радостны и портятъ лишь кровь, поэтому на этотъ разъ кончаю».

Издатель переписки Натцмеръ прибавляетъ отъ себя, что этимъ высокимъ воззрѣніемъ принца Вильгельма обязаны воскрешеніемъ германскаго отечества.

19-го ноября (1-го декабря) 1825 года въ Таганрогѣ совершенно неожиданно скончался императоръ Александръ.

Мы передадимъ словами самого принца Вильгельма впечатлѣніе, произведенное на него смертью Александра Павловича. Юный принцъ былъ тогда посланъ въ Петербургъ для принесенія поздравленій своего семейства новой императорской четѣ.

Принцъ писалъ Натцмеру передъ отъѣздомъ въ Россію: «Берлинъ, 16-го декабря 1825 г. Что сказать объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ Европу? Можно-ль было представить себѣ что-либо болѣе неожиданное, болѣе тяжелую утрату! Признаюсь, сердце мое какъ будто перевернулось; я до сихъ поръ все еще не могу себѣ ясно представить, что этотъ прекраснѣйшій человѣкъ, великая душа, этотъ государь, въ лучшемъ значеніи слова, — болѣе уже не существуетъ! И сколько теряю я лично въ покойномъ императорѣ!

Вы сами были свидѣтелемъ, какими милостями и любовью осыпалъ онъ меня¹⁾; при каждомъ новомъ свиданіи проявленіе его благосклон-

¹⁾ Принцъ Вильгельмъ сопровождалъ въ 1817 году въ Россію августѣйшую сестру свою (впослѣдствіи императрицу Александру Феодоровну), невѣсту великаго князя Николая Павловича.

ности возрастало, равно и мое глубокое уваженіе къ нему достигло наконецъ до такой степени, что я могъ свободно читать въ его благородномъ сердцѣ.

Король приказалъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, какъ только будетъ получено здѣсь извѣстіе о восшествіи на престолъ одного изъ великихъ князей.

Каково будетъ мое свиданіе съ сестрой и вообще со всѣми членами царской семьи! Я даже не могу представить себѣ Петербурга при этихъ страшно измѣнившихся обстоятельствахъ! Мое пребываніе тамъ будетъ дѣйствительно грустнымъ!

Еслибъ вы были здѣсь, съ какою охотою избралъ бы я васъ своимъ спутникомъ. Теперь же сопровождать меня будетъ маленькій Тиле; ввиду своего незнакомства съ французскимъ языкомъ, онъ упорно отказывался, но король всетаки остановился на немъ, потому что онъ можетъ быть мнѣ полезенъ своимъ умомъ. Король предлагалъ мнѣ также Браузе, но послѣднему мѣшаетъ недоровье. Кромѣ того, со мною ѣдетъ майоръ Герлахъ.

Сколько вопросовъ должно будетъ рѣшиться теперь въ Европѣ! Впервыхъ, кто вступить на престолъ? По всѣмъ даннымъ, Константинъ, повидимому, отказывается, и на престолъ вступить Николай. Какой оборотъ приметъ греческій вопросъ, при покойномъ государѣ почти дошедшій до разрыва? Какъ легко изъ всего этого можетъ произойти европейская война!

Послѣдствія этого неисчислимы, и, какъ мнѣ кажется, прежде всего совершатся значительныя перемѣны въ прусской политикѣ. Съ теченіемъ времени это будетъ все болѣе выясняться, какъ бы новый императоръ ни былъ расположенъ къ намъ.

Что же касается воинственныхъ плановъ, то говоря, какъ солдатъ, сознаюсь, что осуществленіе ихъ было бы для меня въ высшей степени желательно. Я уже сообщалъ вамъ черезъ Шенинга о повншеніи, которое я желалъ бы дать вамъ въ случаѣ войны.

Пока до свиданья, и сопутствуйте мнѣ мыслями въ моемъ путешествіи на дальній Сѣверъ. Вашей милой супругѣ мой самый сердечный привѣтъ.... Вашъ другъ Вильгельмъ».

«Берлинъ 19-го мая 1826 г. Дважды виноватъ передъ вами, потому что еще съ декабря оставилъ безъ отвѣта ваше письмо, а теперь нѣсколько дней тому назадъ опять получилъ отъ васъ столь же любезное посланіе: за оба приношу мою глубокую благодарность. На

*) Принцъ Вильгельмъ предполагалъ назначить генерала Натцмера начальникомъ резервнаго кавалерійскаго корпуса. Н. III.

первое я хотѣлъ отвѣчать вамъ изъ Петербурга, такъ хорошо знакомаго вамъ, но вы не повѣрите, если скажу, что, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ моего пребыванія тамъ, я никакъ не могъ найти свободного времени.

Нынѣшній императоръ Николай, обладая всѣми благородными качествами своего столь преждевременно усопшаго брата, наследовалъ и его хорошо извѣстную вамъ неакуратность (inexactitude), съ чѣмъ связана громадная потеря времени. Затѣмъ всѣ мои свободныя минуты, какъ вы легко можете предположить, были посвящены моей сестрѣ, (Александрѣ Феодоровнѣ), и наконецъ мнѣ препятствовала отчасти ужъ слишкомъ обширная и объемистая переписка съ королемъ, потому что было много о чемъ писать изъ этой своеобразной страны и при томъ въ столь достопамятную минуту; король получилъ отъ меня, по крайней мѣрѣ, писемъ 30, и каждое изъ нихъ не менѣе, чѣмъ на 8, а многія на 16 и 20 страницахъ; такъ что даже родные недовольны мной, что я такъ мало вспоминалъ о нихъ письмами. А вотъ чтобы получить и ваше прощеніе, я предпослалъ это введеніе.

Дѣйствительно, это была замѣчательная поѣздка! Но какъ вы справедливо замѣчаете, я, въ самомъ дѣлѣ, могъ вынести убѣжденіе, что тамъ все упрочилось, и я покинулъ Россію съ увѣренностью, что, въ предѣлахъ человѣческаго ума, все сдѣлано для восстановленія и обезпеченія спокойствія. Конечно, если царю суждено перенести еще болѣе тяжелыя событія ¹⁾, то они навѣрно будутъ такого рода, что съ ними ничего не подѣляетъ никакая земная полиція. Всѣ классы русскаго общества чувствуютъ тяжелый стыдъ за все происшедшее и обнаруженное. Но часто приходится выслушивать одно крайне любопытное замѣчаніе, обнаруживающее, или малое знакомство съ исторіей, или своеобразную наивность, или же просто самообманъ, именно, что какъ печально это событіе для дворянства, «*pour notre noblesse qui jusqu'à présent a été si pure*». Возражать на это нельзя, потому что обнаружились бы истины, хотя и вѣрныя, но которыхъ лучше не затрогивать.

Удивительныя качества, проявленныя императоромъ въ теченіи пяти затруднительныхъ часовъ 26 (14) декабря, рѣшили судьбы его, Россіи и Европы. Ничто въ мірѣ не могло-бъ въ первые же моменты его царствованія завоевать ему въ такой степени довѣріе народа и Европы, а пріобрѣсти его для преемника Александра было въ высшей степени важно.

Весь образъ его дѣйствій въ административномъ и политическомъ отношеніяхъ обнаруживаетъ необыкновенныя его качества; твердость,

¹⁾ Подразумѣвается смута 14-го декабря.

рѣшительность и проницательность сказываются во всемъ, и народъ смотритъ на своего юнаго повелителя съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, такъ какъ императоръ знакомъ съ внутренними дѣлами страны изъ жалобъ, слышанныхъ имъ еще въ бытность великимъ княземъ, и вотъ почему онъ очень много думаетъ объ улучшеніи администраціи, говоря при этомъ: «но на это я могу дѣйствительно разсчитывать лишь при условіи исправленія самихъ людей»; поэтому его теперешняя дѣятельность есть лишь основаніе того, что придется пережить послѣдующимъ поколѣніямъ. Смотрѣть на его дѣятельность—просто облагораживаетъ душу.

Послѣдствія моего паденія, о которыхъ вы освѣдомляетесь, уже нѣсколько дней какъ прошли, и теперь я могу опять ѣздить верхомъ, не испытывая никакой боли; это былъ ушибъ позвоночнаго столба.

Не встрѣтимся ли мы съ вами при вашей поѣздкѣ на воды? Почему не выберете вы Теплица, куда и я, вопреки моему желанію, долженъ буду вновь отправиться, потому что въ Россіи страшно страдалъ ревматическими болями.

Шарлоттѣ (императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ) будетъ крайне пріятно, что подарокъ ея порадовалъ вашу жену; припадаю къ стопамъ вашей супруги...

Пока прощайте. Вашъ другъ Вильгельмъ».

Въ 1827 году принцъ Вильгельмъ снова посѣтилъ Петербургъ и оставался въ немъ всю зиму, будучи свидѣтелемъ военныхъ приготовленій, дѣлавшихся въ виду предстоявшей войны съ Оттоманской Портой; онъ присутствовалъ при выступленіи гвардіи въ походъ.

Къ сожалѣнію, въ разбираемой книгѣ нѣтъ писемъ принца Вильгельма, относящихся къ этому времени. Приведемъ однако нѣсколько отрывковъ изъ писемъ разныхъ лицъ къ Натцмеру, не лишенныхъ интереса, какъ сужденія пруссаковъ о нашей восточной политикѣ 1829 года.

Изъ письма Тиле къ Натцмеру.

«Берлинъ, 6-го октября 1829 года. На этихъ дняхъ ожидается съ Востока извѣстіе о ратификаціи договора, долженствующаго обезнечить Европѣ миръ; на долго ли? Это все еще остается крайне неопредѣленнымъ вопросомъ; какъ мнѣ кажется, по нынѣшнимъ временамъ и пять лѣтъ—очень большой промежутокъ времени.

Императоръ Николай оставилъ поле борьбы, какъ человѣкъ, которому болѣе важно завоеваніе довѣрія кабинетовъ своему слову, чѣмъ покореніе Константинополя. Дай Богъ, чтобы въ будущемъ изъ

перваго онъ извлекъ столько же выгодъ, сколько онъ могъ бы извлечь ихъ изъ послѣдняго! Мирные договоры, какъ и брачныя, заключаются самимъ небомъ; ему поэтому будетъ также извѣстно, почему оно поступило такъ, а не иначе».

Вальцогенъ къ Натцмеру.

«Франкфуртъ, 21-го октября 1829 года. Хотя, судя по сегодняшнимъ извѣстіямъ, въ Петербургъ должны сильно радоваться миру, я однако того мнѣнія, что многіе русскіе ворчатъ, говоря:

«Подобнымъ миромъ мы обязаны только этимъ проклятымъ пруссакамъ».

Мюффлингъ ¹⁾ впрочемъ сидитъ въ Специ въ карантинѣ, гдѣ онъ первоначально пользовался морскими купаньями, что, какъ говорятъ, приноситъ ему большую пользу. Онъ написалъ своему брату, что все то, что, по его мнѣнію, могло бы принести ему несчастье и неудачи, послужило лишь къ его величайшему счастью. Для Турціи, можетъ быть, отсрочка ея распада не будетъ очень продолжительной и, пожалуй, для цивилизаціи лучше, что оно будетъ причинено не русскими, потому что, право, все равно—будетъ ли красть турецкій или московскій паша, да и культура отъ этого не много выиграетъ.

Невольно поражаетъ, что въ манифестѣ прежде всего объявляютъ народу о выгодности мира; странна также статья о томъ, чтобы по Дунаю, на протяженіи отъ Прута до его впаденія въ море, никто не смѣлъ бы селиться ближе двухъ часовъ разстоянія отъ берега. Какъ трудно было бы выполнить подобное обязательство въ цивилизованной странѣ, гдѣ народонаселеніе главнымъ образомъ и сосредоточивается у рѣкъ».

Приведемъ здѣсь еще одну любопытную страницу, относящуюся къ 1833 году, т. е. къ той эпохѣ, когда событія въ Бельгіи продолжали вызывать опасенія относительно общеевропейской войны. Она не лишена значенія для характеристики политическихъ взглядовъ принца Вильгельма, которыхъ онъ повидимому продолжалъ держаться будучи уже императоромъ германскимъ.

---

¹⁾ Мюффлингъ — генералъ прусской службы — посланъ былъ королемъ, по просьбѣ императора Николая, въ Константинополь для склоненія Оттоманской Порты къ заключенію мира, но генералъ прибылъ въ Стамбулъ когда успѣхъ русскаго оружія уже рѣшилъ исходъ кампаніи. Н. III.

Принцъ Вильгельмъ—генералу Натцмеру.

«1-го апрѣля 1833 года. Я теперь не охотно высказываюсь о политическихъ вопросахъ, потому что они для меня своего рода подводный камень, и мнѣ невозможно одобрить то направленіе, которому политики слѣдуютъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ. Пока всякая надежда на войну исчезла—и какъ мнѣ кажется—не ко благу человѣчества! Это можетъ казаться парадоксальнымъ, но это вовсе не парадоксъ, потому что ложныя ученія, освящаемыя въ глазахъ толпы сохраненіемъ мира, скорѣе могутъ быть пагубны для народа, чѣмъ сама война для искорененія ихъ. Однако, все таки не обойдется безъ войны, но чѣмъ болѣе будетъ отдаляться она, тѣмъ сильнѣе возрастутъ силы противника, такъ что даже прямая его выгода, чтобы ему дали время на это. И такимъ образомъ Европа какъ разъ сдѣлаетъ то самое, чего болѣе всего желаетъ общезвѣстный ея противникъ. Согласитесь, что это новый способъ подготовки къ войнѣ. Конечно, было бы безразсудно начать наступательную войну теперь, когда 1833 годъ не даетъ никакого предлога къ ней, и когда былъ упущенъ удобный случай въ іюлѣ 1830 года, поэтому и Франція пока останется спокойной, и, съ своей стороны прищепитъ предлогъ для войны лишь въ то время, когда боевыя силы ея будутъ совершенно готовы. Борьба будетъ тѣмъ кровопролитнѣе, чѣмъ болѣе распространятся къ тому времени ложныя теоріи. И если мы, т. е. Европа, опять побѣдимъ революцію, къ чему приведетъ этотъ успѣхъ въ ближайшіе мирные годы? Онъ не принесетъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ успѣхъ, достигнутый нами послѣ двукратнаго занятія Парижа, потому что, не смотря на это двукратное обладаніе Парижемъ, на борьбу съ революціею въ 1790-хъ годахъ и на побѣды 1814 и 1815 годовъ, именно промежуточныя мирныя 15 лѣтъ, съ 1815 по 1830 годъ, какъ разъ содѣйствовали распространенію въ Германіи революціонныхъ идей. Чего же ожидать намъ даже послѣ третьяго вступленія въ Парижъ, когда по примѣру 1790-хъ годовъ не пытались прежде всего подавить революцію, а напротивъ того ее признали? Этотъ безпримѣрный фактъ наглядно доказывается исторіей, и нынѣшніе государи недостаточно задумывались надъ тѣмъ, какое будущее готовятъ они своимъ преемникамъ этимъ ярею бросающимся въ глаза примѣромъ! Для революціонной партіи онъ послужитъ знаменемъ, которымъ народныя массы безъ особаго затрудненія будутъ приводиться въ движеніе. Вотъ мои опасенія за будущее; они далеко не радостны».

2-го марта 1835 года скончался императоръ Францъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III былъ крайне потрясенъ смертію своего долготѣннаго союзника и, желая дать Европѣ доказательство своего расположенія къ новому императору, послалъ съ этою цѣлью въ Вѣну своего сына Вильгельма.

По этому случаю принцъ Вильгельмъ писалъ Натцмеру 1-го апрѣля 1835 года изъ Берлина:

«Письмомъ вашимъ по случаю дня моего рожденія вы причинили мнѣ, мой дорогой Натцмеръ, величайшее удовольствіе. Примите мою горячую благодарность за этотъ знакъ вашихъ прежнихъ неизмѣнныхъ чувствъ».

Вы справедливо замѣтили, что моя командировка въ Вѣну была въ высшей степени интересна и, конечно, рѣдко какая-либо мѣра вызвала столь полное одобреніе, какъ это быстрое рѣшеніе короля относительно этой миссии. Благодаря этому, во всей Австріи проявилось восторженное отношеніе къ королю, и для насъ, пруссаковъ, было большимъ удовлетвореніемъ быть свидѣтелями выраженія благодарности и признательности за доброжелательныя намѣренія нашего короля.

Смерть достойнаго императора была опаснымъ кризисомъ, слава Богу, прошедшимъ счастливо. Тяготаящая надъ всѣми австрійцами личность теперешняго императора угрожала вызвать опасность для всей Европы, такъ какъ боялись, что интриги и тайныя козни имѣли цѣлью при перемѣнѣ правленія добиться, или отреченія, или признанія несостоятельности и утвержденія регентства.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ быть благодарнымъ покойному императору и проникательности Меттерниха, что они, не смотря на ограниченность умственныхъ способностей законнаго наслѣдника, допустили его къ престолу. Рѣшеніе это было принято безповоротно, конечно, уже года четыре тому назадъ, и оно совпадаетъ съ коронаціей теперешняго императора венгерскимъ королемъ и съ разрѣшеніемъ ему жениться. Этимъ разрывались всѣ сотканныя интриги, а неоднократныя упоминанія покойнаго императора, торжественно повторенныя имъ на смертномъ одрѣ, что члены его семейства должны быть тѣсно связаны между собою, оставаться вѣрными ихъ новому законному государю и также безусловно служить тому, какъ они служили ему, окончательно уничтожили въ семьѣ послѣдніе слѣды какихъ бы то ни было интригъ; въ святомъ рѣшеніи ихъ не нарушать согласія, какъ среди семейства, такъ и среди настоящихъ дѣльцовъ, я убѣдился самымъ несомнѣннымъ образомъ; каждый сознаетъ, что только тѣсная связь всѣхъ ихъ между собою одна можетъ спасти монархію въ настоящее время.

Меттернихъ по дѣламъ внѣшней политики (но также и по многимъ другимъ), графъ Коловратъ въ области внутреннего управленія, графъ Клямъ въ дѣлахъ арміи, составляютъ триумвиратъ, который, *tranchons du mot*, образуетъ совѣтъ регентства, сплоченный положеніемъ, занимаемымъ у императора эрцъ-герцогомъ Людвигомъ, являющимся связующимъ звеномъ между ними и монархомъ, которому все будетъ добросовѣстно докладываться, хотя и въ очень сжатомъ видѣ, чтобы не слишкомъ утомлять его, и императору, конечно, не придется въ голову высказывать мнѣніе, несогласное съ предложеннымъ.

Пока нынѣшніе прекрасные дѣльцы останутся во главѣ управленія и будутъ согласно во всемъ дѣйствовать, при данныхъ обстоятельствахъ, все пойдетъ наилучшимъ образомъ. Но тамъ, гдѣ всѣмъ управляетъ не одинъ, постоянно есть опасность разногласій, и потому вся гарантія безопасности и спокойствія Австрійской монархіи заключается въ единомысліи этихъ лицъ. Какъ видите, положеніе тяжелое, но въ то-же время лучшее изъ всѣхъ возможныхъ теперь положеній.

Если подобное состояніе дѣлъ лежитъ тяжелымъ бременемъ на австрійцахъ, то какъ оно должно отзываться въ Европѣ.

Какой толчекъ получаютъ и нравственная сила и положеніе Австріи, и въ то-же время какъ оживится пропаганда для возбужденія раздора среди разнообразныхъ частей Австрійской монархіи.

Поэтому-то столь быстрое появленіе прусскаго принца было событіемъ, радостию котораго въ настоящее время ничего и не могло быть для Австріи, Пруссіи и всей Европы, конечно, для ея здравомыслящей части. Нельзя было высказать болѣе открыто и блестяще, что даже и при подобномъ государѣ всѣ отношенія къ нему останутся неизмѣнными.

Что Пруссія высказала это первую имѣть неисчислимыя послѣдствія для Германіи въ частности и для всей Европы вообще, такъ какъ теперь всѣ смотрятъ на нашего короля, какъ на послѣдняго изъ трехъ славныхъ мужей, спасшихъ Европу.

Когда проникнешься какой-либо задачей, невольно охотно болтаешь о ней; это произошло со мною, и вотъ у васъ есть теперь коротенькая аргументація того, что дѣлается въ Австріи: оно хорошо по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, но шатко».

Меттернихъ свое впечатлѣніе о присылкѣ въ Вѣну молодого принца высказалъ въ двухъ депешахъ. Онъ писалъ въ Петербургъ Фикельмону:

«Пока будетъ существовать союзъ трехъ монарховъ, миръ не утратитъ шансовъ на спасеніе, и такъ какъ я не могу назвать ни одной дьявольской силы, могущей подкопаться подъ него, то и врата адовы не одолѣютъ его».

Къ Аннони въ Парижъ онъ писалъ: «старайтесь всевозможными способами, которые найдете удобными при постигнутой императорскую чету потерѣ, чтобы Луи-Филиппъ не прислалъ сюда кого-либо изъ принцевъ своей фамилии, чтобы онъ далъ новому императору возможность хоть нѣсколько вздохнуть свободно. Мысль о подобной миссиіи возникла, благодаря пріѣзду сюда принца Вильгельма, сына короля прусскаго. Онъ былъ принятъ здѣсь съ распростертыми объятіями, но за то какая разница положеній (*quelle différence de position*)».

Въ дополненіе къ характеристикѣ политическихъ взглядовъ принца Вильгельма, приведемъ еще разговоръ его съ Меттернихомъ, который имѣлъ мѣсто нѣсколько ранѣе, а именно въ 1828 году, во время нашей войны съ Турціею.

14-го сентабря 1828 года Меттернихъ писалъ Эстергази въ Лондонъ ¹⁾:

«Въ числѣ иностранцевъ, явившихся въ Баденскій лагерь (*Traiskirchen*) находятся принцы прусскіе—Вильгельмъ и Августъ.

Первый изъ нихъ выдѣляется во всѣхъ отношеніяхъ. Вамъ извѣстно, что онъ особенно близокъ съ императоромъ Николаемъ, и оставилъ Петербургъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія, лишь тогда, когда самъ императоръ отправлялся къ арміи. Принцъ Вильгельмъ употреблялъ величайшія усилія, чтобы получить отъ короля, своего отца, позволеніе участвовать въ войнѣ, предпринятой русской арміею. Король отказалъ ему въ этомъ.

Зная способности и связи его королевскаго высочества, конечно, я долженъ былъ придавать большое значеніе возможности ознакомиться съ его мыслями о современномъ положеніи дѣлъ на театрѣ войны.

Вотъ, князь, результаты, которыхъ мнѣ удалось достигнуть.

Прежде всего я ставлю неопровержимымъ положеніемъ, что принцъ Вильгельмъ совершенно знакомъ со взглядами его велич. императора Россіи. Онъ провелъ съ нимъ мѣсяцы, предшествовавшіе открытію враждебныхъ дѣйствій, и мнѣ прекрасно извѣстно, что не только императоръ имѣетъ къ нему большое личное довѣріе, но что между ними ведется дѣятельная переписка. Исходя отъ этихъ положеній,

¹⁾ Metternich, Mémoires, t. 4.

я долженъ допустить, что слова принца Вильгельма имѣютъ такое-же значеніе, какъ слова самого императора Николая.

Что я узналъ такимъ образомъ—вовсе не противорѣчитъ взглядамъ, которые я имѣлъ постоянно объ истинномъ положеніи дѣлъ въ прошедшіе годы, и доказывается слѣдующими фактами:

Современная угрожающая путаница имѣетъ свое начало въ легкомыслии, и я даже позволяю себѣ сказать—въ настоящемъ ребячествѣ (*véritable enfantillage*) юнаго монарха и молодыхъ окружающихъ его лицъ, подстрекаемыхъ и возбужденныхъ чрезмѣрною слабостью кабинета и злымъ умысломъ нѣсколькихъ взбалмошныхъ умовъ.

Серьезная война почиталась невозможностью. Какимъ образомъ эти турки, столь жалкіе, на каждомъ шагу обнаруживающіе свою слабость и страхъ постоянною готовностью сносить обиды, осмѣлятся вступить въ войну съ Россіей? Турецкіе уполномоченные должны были бы въ такомъ случаѣ явиться послѣ первыхъ же переходовъ русской арміи.

Императоръ былъ чистосердеченъ въ своемъ нежеланіи матеріальныхъ завоеваній. Будущее своего царствованія онъ хотѣлъ основать лишь на блистательномъ ударѣ, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободные исходы торговлѣ своей имперіи.

На мой вопросъ о затрудненіяхъ, которыя должны были препятствовать возможности осуществленія этой цѣли, принцъ Вильгельмъ увѣрилъ меня, что ему неизвѣстны въ точности средства, на которыя рассчитывалъ императоръ, но что онъ, какъ полагаетъ, не ошибется, сказавши, что они заключаются въ двухъ слѣдующихъ условіяхъ: уничтоженіе всѣхъ турецкихъ крѣпостей какъ по Дунаю, такъ и въ Босфорѣ и Дарданеллахъ.

На мое замѣчаніе, что существованіе Оттоманской имперіи, какъ и всякаго другаго государства, связанное со средствами защиты своей самостоятельности, легко могло бы подвергнуться опасности при исполненіи подобнаго плана, способнаго, по одной этой причинѣ, вызвать сильное противодѣйствіе со стороны Порты, что и державы, имѣющія торговые интересы на Востокъ, тоже нашли бы большія препятствія для содѣйствія его осуществленію, принцъ безъ колебаній отвѣтилъ мнѣ: «что онъ вовсе не такъ смотритъ на это; что Порта заслужила кару и нечего обращать на нее вниманія; что-же касается до морскихъ державъ, то и онѣ не могутъ сказать что-либо основательное противъ этого плана, такъ какъ въ намѣренія императора вовсе и не входитъ желаніе стѣснять торговлю, но что, совершенно напротивъ, онъ желалъ бы освободить ее отъ всевозможныхъ тормазовъ».

Принцъ сознался, что событія до сихъ поръ еще не отвѣтили подобнымъ ожиданіямъ, но что они увѣнчаются бѣльшимъ успѣхомъ въ ближайшую кампанію. Съ другой стороны, онъ допускаетъ, что это положеніе вещей заключаетъ въ себѣ серьезную опасность для сохраненія европейскаго мира, и что вслѣдствіе этого державы должны были-бъ стремиться предотвратить необходимость возобновленія войны.

Въ заключеніе считаемъ еще полезнымъ остановиться на одной запискѣ генерала Натцмера, относящейся до отношеній Пруссіи къ Россіи начиная съ 1805 года. Для насъ особенно любопытно заключеніе этой записки:

«Когда въ 1817 году, пишетъ Натцмеръ, я былъ въ Россіи съ прусскимъ принцемъ на бракосочетаніи императора Николая, мнѣ приходилось слышать отъ самыхъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ слѣдующее въ высшей степени беззащѣчивое мнѣніе: во всякомъ случаѣ рано-ли, поздно-ли Россія должна владѣть всею страню до впаденія Вислы въ море, потому что она владѣетъ землею, прилежащею къ судоходнымъ рѣкамъ Нѣману, Прегелю и Вислѣ въ ихъ верхнемъ теченіи и проч. *Avis au lecteur.*

«Причину, почему Россія такъ герметически замыкаетъ свою пограничную съ Пруссіею линію, нельзя объяснить, и во всякомъ случаѣ эта мѣра, столь вредная и подающая поводъ къ безконечнымъ столкновеніямъ, не можетъ служить доказательствомъ предупредительной дружбы къ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что сама Россія ничего отъ этого не выигрываетъ. Въ провинціи Пруссіи убѣждены, что эта мѣра имѣла политическую цѣль. Россія намѣрена притѣснять пограничныя области и совершенно убить въ нихъ торговлю, чтобы вызвать въ этихъ провинціяхъ желаніе, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, быть уступленными Россіи.

«Императоръ Александръ Павловичъ никогда не забывалъ воздавать должное другу-ли, монарху-ли, или же другому государству. Русскіе же послы при нынѣшнемъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ интересы и намѣренія Россіи расходятся съ прусскими) часто позволяютъ себѣ выражаться неслыханнымъ прежде образомъ, заставляя предполагать, что они уполномочены, или вызвать разрывъ съ Пруссіею, или же приучить ее къ подобному обращенію.

«Когда я присутствовалъ на большомъ смотрѣ въ Вознесенскѣ ¹⁾, императоръ Николай поручилъ мнѣ настоятельно посовѣтовать королю произвести измѣненіе въ устройствѣ ландвера. Императоръ находилъ

¹⁾ Осенью 1837 года.

теперешнюю организацію ландiera слишкомъ демократической, способной оказать поддержку каждой революціи, и проч.

«По приѣздѣ въ Берлинъ я поспѣшилъ доложить королю какъ объ этомъ, такъ и о многихъ другихъ вопросахъ. Едва я началъ излагать предложенія императора, король поспѣшно и въ волненіи сказалъ:

— «Я не хочу и слышать объ этихъ предложеніяхъ; я совершенно доволенъ и лавдверомъ и его воинскимъ духомъ; онъ оправдалъ мои ожиданія среди мира и на войнѣ, и я не требую ничего лучшаго. Это застрашиваніе революціею продолжается съ русской стороны уже нѣсколько лѣтъ; но въ основѣ здѣсь совсѣмъ другое. Я самъ съумѣю поддержать законы и порядокъ въ моей странѣ безъ помощи и совѣта Россіи. Лишь бы самому императору удалось принять въ собственномъ домѣ необходимыя мѣры, чтобы предотвратить повтореніе событій 1825 года въ Россіи и 1830—1831 годовъ въ Польшѣ. Я никогда не стану предписывать императору что ему нужно дѣлать у себя и какимъ лицамъ онъ долженъ оказывать довѣріе; но также никогда не позволю ему дѣлать подобнаго захвата власти у меня».

Перев. и сообщ. Н. Б. Шильдеръ.

Л ѣ с ъ.

Хлещетъ дождь, и на деревья
Налетая, вѣтеръ ярий
Нагибаетъ ихъ и треплетъ,
Полонъ къ нимъ враждою старой;

Съ шумнымъ ропотомъ дерева,
Уступивши силѣ дикой,
Бурно вѣтви поднимаютъ
Къ небу съ жалобой великой;

Но достигнуть не успѣютъ
Неба шумные призывы,
Какъ опять ихъ гнетъ и треплетъ
Вѣтеръ, съ злобой прихотливой.

И въ отчаяннѣ, воспрянувъ
Для борьбы, теперь, какъ братья,
Всѣ они одно къ другому
Шумно мечутся въ объятъя,

И стоитъ, за дождевою
Зыбкой сѣтью безконечной,
Вширь и вдаль, въ лѣсу зеленомъ
Шумъ обиды вѣковѣчный.

1880 г.

Пл. Кусковъ.

По поводу девятисотлѣтія крещенія Руси.

Письмо къ ред. „Русской Старинѣ“ М. И. Семевскому.

Охотно исполняю выраженное вами желаніе, чтобы я съ своей стороны отозвался въ „Русской Старинѣ“ чѣмъ либо по поводу предстоящаго празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

Позволю себѣ предложить слѣдующую замѣтку собственно относительно вопроса о самомъ времени празднованія.

Признаюсь, отъ меня ускользнули своевременныя свѣдѣнія о томъ, какъ развивалась мысль о празднованіи; кто взялъ на себя рѣшеніе вопроса о его времени и на какихъ основаніяхъ оно приурочено къ настоящему 1888 году. Только недавно изъ газетъ узналъ я о семъ рѣшеніи нѣкоего кievскаго комитета. Если бы этотъ комитетъ захотѣлъ дѣйствовать основательно и систематически, то казалось бы прежде всего ему слѣдовало отобрать мнѣнія специалистовъ о годѣ такъ называемаго крещенія Руси, такъ какъ годъ этотъ представляетъ спорный вопросъ въ русской исторіи. Что касается до меня лично, то я предложилъ бы для празднованія не настоящій, а слѣдующій 1889 годъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Обыкновенно у насъ приурочиваютъ Корсунскій походъ Владиміра, его собственное крещеніе и окончательное крещеніе кievлянъ къ одному и тому же лѣтописному 988 году, тогда какъ подобное совмѣщеніе событій не представляетъ никакого вѣроятія. Отдаленный походъ въ Тавриду, довольно продолжительная осада Корсуна и взятіе этого города, положимъ, совершились въ томъ же 988 году. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ пересылкахъ и переговорахъ съ византійскимъ дворомъ по

поводу сватовства Владиміра и вопроса о его крещеніи. Пока царевна Анна прибыла въ Корсунь, пока затѣмъ князь получилъ наставленіе въ вѣрѣ и принялъ, наконецъ, крещеніе, также протекло не мало времени. Поэтому уже самое крещеніе его и бракъ съ царевною едва-ли могутъ быть приурочены къ 988 году, а скорѣе къ слѣдующему 989 году, если держаться того порядка событій, который находится въ нашей лѣтописной повѣсти. Сравненіе ея съ иноземными извѣстіями о тѣхъ же событіяхъ подтверждаетъ нашъ выводъ. Любопытствующихъ на этотъ счетъ отсылаю къ изслѣдованіямъ петербургскихъ профессоровъ В. Г. Васильевскаго „Русско-Византійскіе отрывки“ (Журн. м. н. пр. 1876 г., мартъ) и барона В. Р. Розена: „Императоръ Василій Болгаробойца“ (Извлеченія изъ лѣтописи Яхъ и Антиохійскаго. Спб. 1883). Послѣдній даже склоняется къ тому извѣстію, по которому крещеніе Владиміра „происходило не раньше поздняго лѣта или осени 989 года“ (стр. 217). А такъ какъ по разсказу нашей лѣтописи, Владиміръ послѣ своего крещенія и брака оставался еще нѣкоторое время въ Корсунѣ и между прочимъ соорудилъ тамъ новую церковь, то возвращеніе его въ Кіевъ и окончательное крещеніе кіевлянъ совершились еще позднѣе, и во всякомъ случаѣ никакъ не въ 988 году. Я говорю объ окончательномъ крещеніи, ибо и прежде того значительная часть кіевскаго населенія уже исповѣдывала христіанство.

Итакъ, кіевское празднованіе девятистолѣтія, по моему крайнему разумѣнію, должно быть отнесено къ 1889 году. Кстати, и храмъ Св. Владиміра, сооруженный въ память сихъ событій, въ настоящемъ году еще не будетъ вполне готовъ.

Д. И. Иловайскій.

Москва, 9-го марта 1888 года.

Императрица Марія Θεодоровна

† 1828 г.

О доставленіи матеріаловъ къ исторіи ея жизни и дѣятельности.

Письмо къ М. И. Семеновскому.

I.

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ. Принося вамъ глубокую признательность за сочувственное отношеніе, которое я привыкъ встрѣчать съ вашей стороны къ моему труду: «Связноеописание императрицы Маріи Θεодоровны», я позволяю себѣ покорнѣйше просить васъ напечатать въ вашемъ уважаемомъ и распространенномъ изданіи «Русская Старина» прилагаемое при семъ заявленіе.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ вамъ почтеніи и искренней признательности Н. А. Важенова.

II.

Нѣтъ надобности доказывать высоко благотворное значеніе императрицы Маріи Θεодоровны († 1828 г.) въ исторіи русскаго просвѣщенія; слѣдуетъ только удивляться, что до сихъ поръ ея свѣтлая личность и ея плодотворная дѣятельность остаются совсѣмъ не освѣщенными исторіей. Въ самомъ дѣлѣ, ничтожность брошюръ, посвященныхъ имени императрицы Маріи Θεодоровны и большею частью наполненныхъ общими мѣстами, скорѣе служатъ во вредъ ея памяти, низводя ее въ рядъ лицъ, о которыхъ нельзя сказать ничего болѣе, кромѣ голословныхъ похвалъ. При усиленной разработкѣ прошлаго, замѣчающейся въ послѣднее время въ нашей литературѣ, и при значительномъ интересѣ общества къ историческимъ сочиненіямъ, отсутствіе біографіи императрицы Маріи Θεодоровны является пробѣломъ, рѣзко бросающимся въ глаза. Впрочемъ, необходимость болѣе или менѣе обстоятельной разработки біографіи Маріи Θεодоровны признана и правительствомъ, и обществомъ. Вѣдомство императрицы Маріи время отъ времени издаетъ матеріалы для исторіи подвѣдомственныхъ ему учреждений, въ большинствѣ случаевъ, тѣсно связанныхъ

въ своемъ прошломъ съ именемъ основательницы этого вѣдомства. Заботою о сохраненіи памяти императрицы Маріи Феодоровны, со стороны частныхъ лицъ, вызвано появленіе въ печати важныхъ для ея біографіи матеріаловъ (особенно въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ»); то-же побужденіе руководило одну изъ почитательницъ императрицы Маріи Феодоровны, фрейлину М. С. Муханову, при назначеніи премии за лучшее о ней сочиненіе.

Приступивъ восемь лѣтъ тому назадъ къ разработкѣ біографіи императрицы Маріи Феодоровны, я нашелъ сочувствіе и поддержку своему начинанію во всѣхъ учрежденіяхъ и лицахъ, къ которымъ мнѣ приходилось обращаться за содѣйствіемъ. Такъ, истинно просвѣщенное и авторитетное ходатайство императорской академіи наукъ открыло мнѣ доступъ въ такія сокровищницы историческихъ матеріаловъ, каковы: Архивъ вѣд. императрицы Маріи, Государства. Архивъ, Архивъ Зимняго дворца и др. Уваженіе къ памяти достойной бабушки со стороны Августѣйшаго Владѣтеля г. Павловска Государя Великаго Князя Константина Николаевича обезпечило мнѣ возможность воспользоваться дворцовымъ и городскимъ архивами этой лѣтней резиденціи покойной императрицы.

Не смотря на обиліе матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ разныхъ государственныхъ учрежденій, нѣкоторыя стороны жизни императрицы Маріи Феодоровны, особенно же отношенія ея къ отдѣльнымъ лицамъ и событіямъ, остаются недостаточно ясными; въ этомъ случаѣ должна имѣть важное значеніе ея переписка съ разными лицами, хранящаяся въ частныхъ, семейныхъ архивахъ.

Сочувственное отношеніе къ моей задачѣ—представить возможно полную біографію императрицы Маріи Феодоровны, встрѣчаемое повсюду, позволяетъ мнѣ разсчитывать, что и тѣ лица, которыя имѣютъ какіе либо матеріалы для біографіи достопамятной русской императрицы, не откажутъ мнѣ въ сообщеніи этихъ матеріаловъ, чѣмъ всего лучше они могутъ почтить ея вѣчной памяти достойное имя.

Матеріалы въ подлинникахъ или копіяхъ желающіе благоволятъ высылать или на мое имя (Кронштадтъ, Реальное училище), или на имя Непремѣннаго секретаря Академіи наукъ К. С. Веселовскаго, или въ редакцію «Русской Старины». Доставленіе даже малозначительныхъ матеріаловъ будетъ принято съ живѣйшею признательностію.

Преподаватель Кронштадтскаго реальнаго училища Николай Александровичъ Баженовъ.

Кронштадтъ.
4-го марта 1888 г.

ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СОЛНЦЕВЪ

24-го февраля 1888 года.

Профессоръ исторической живописи, старѣйшій членъ императорской Академіи Художествъ, археологическаго и другихъ ученыхъ обществъ.
Почетный членъ археологическаго института.

I.

«Русская Старина» (изд. 1888 г., томъ LVII, февраль, стр. 555—559) привѣтствовала маститаго, старѣйшаго въ нашемъ отечествѣ академика и профессора Ф. Г. Солнцева съ предстоявшею, 24-го февраля 1888 г., тридцатилѣтнею годовщиною одной изъ отраслей его художественной дѣятельности, именно—его руководства художниками изъ крестьянъ, учениками Императорской Академіи художествъ.

Оказалось, что ученики Федора Григорьевича, какъ мы, впрочемъ, и были въ томъ увѣрены, прекрасно помнили этотъ наступившій для нихъ праздникъ, и исполненные глубокой, самой искренней любви, послѣдили 24-го февраля, утромъ, къ своему наставнику, руководителю и заступнику во всѣхъ ихъ житейскихъ и учебныхъ нуждахъ. Цѣлая гурьба молодыхъ людей,—крестьянъ-художниковъ,—явилась къ Федору Григорьевичу...

— «Надо было видѣть,—разсказывалъ намъ уважаемый директоръ Археологическаго института, профессоръ И. Е. Андреевскій, одновременно прибывшій къ юбиляру съ привѣтомъ отъ института,— надо было видѣть, какъ молодые люди бросились къ своему наставнику, когда маститый старецъ вышелъ къ нимъ! Сколько искренности, сколько чувства любви и уваженія было въ объятіяхъ и горячихъ поцѣлуяхъ, которыми осыпали Федора Григорьевича его признательные ученики...»

Прочитанъ былъ адресъ крестьянъ-художниковъ. Мы его приводимъ вслѣдъ за нимъ. Трогательно видѣть ту заботливость, то вниманіе, съ какими изложенъ этотъ адресъ, обращенный къ знаменитѣйшему въ Россіи знатоку старины, столь много на воспроизведеніе ея потрудившемуся: привѣтъ весь написанъ на бумагѣ, имѣющей видъ пергамента XIII-го или даже XII-го вѣка, и написанъ притомъ уставцомъ, съ замѣчательно искуснымъ подражаніемъ письму того времени. Адресъ вложенъ въ альбомъ съ фотографическими портретами крестьянъ-художниковъ, питомцевъ Федора Григорьевича. Переплетенъ альбомъ въ зеленый бархатъ и украшенъ серебрянымъ орнаментомъ, весьма изящнымъ и вполне въ русскомъ вкусѣ—точная и превосходная копія съ одного изъ орнаментовъ изъ знаменитаго собранія рисунковъ профессора Ф. Г. Солнцева: «Древности Россійскаго Государства»; на верхней доскѣ альбома, среди помянутаго орнамента, щить съ слѣдующею надписью:

Я

ПРОФЕССОРУ

ФЕДОРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

СОЛНЦЕВУ

своему учителю и руководителю благодарные художники, стипендіаты министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ государственныхъ крестьянъ

ЯШНИ—ЯШНИ.

Вотъ привѣтъ учениковъ Федора Григорьевича:

«Глубокочтимый Федоръ Григорьевичъ! Сегодня тридцать лѣтъ назадъ совѣтъ императорской Академіи Художествъ съ августѣйшимъ ея президентомъ во главѣ, въ знакъ особеннаго довѣрія къ вашимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и уваженія къ трудамъ вашимъ на художественномъ поприщѣ, возложилъ на васъ особаго рода обязанности: предоставивъ вамъ лично нравственное и руководительственное воздѣйствіе на учениковъ Академіи изъ крестьянскаго сословія, воспитывающихся на правительственныя средства.

«Такое довѣріе къ вамъ Ея Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента и совѣта Академіи указываетъ на то, что вы въ это время за неустанный, настойчивый и честный трудъ вашъ на художественномъ поприщѣ были уже увѣнчаны именемъ высоко-даровитаго и полезнаго для церкви и отечества художника, и своими высокими и нравственными качествами приобрѣли право на глубокое уваженіе товарищей вашихъ по искусству и рѣдкую честь служить образцомъ учащимся, которые готовились пробивать себѣ дорогу, такъ достойно вами проходимую.

Не намъ, конечно, еще мало опытнымъ въ дѣлѣ искусства, принадлежитъ оцѣнка вашей художественной дѣятельности, но что заслуги ваши на этомъ поприщѣ несомнѣнно велики, тому лучшимъ доказательствомъ служить чествованіе Академіею Художествъ, въ 1836 году, полувѣковой художественной дѣятельности вашей въ званіи академика.

Сегодня же, здѣсь, вокругъ васъ, собрались ваши ученики и воспитанники, чтобы радостно привѣтствовать васъ по случаю совершившагося тридцатилѣтія столь полезнаго и выдающагося служенія вашего религиозно-нравственному просвѣщенію и художественному развитію крестьянскаго сословія въ лицѣ отдѣльныхъ его членовъ.

Позвольте же намъ, дорогой нашъ Федоръ Григорьевичъ, какъ лицамъ находившимся, такъ и нынѣ состоящимъ подъ непосредственнымъ вашимъ нравственнымъ вліяніемъ и руководствомъ, въ настоящій знаменательный для васъ и радостный для насъ день выразить вамъ чувства нашей искренней признательности и сердечной благодарности за ваши постоянно отечески добрыя отношенія лично къ намъ и къ дѣлу нашего образованія и воспитанія.

Вы, обладая такими неопцѣненными нравственными сокровищами, каковы: любовь къ ближнимъ, кротость, справедливость, добросердечіе, простота и привѣтливость въ обращеніи, служите для насъ живымъ образцомъ чловѣка, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.

Ваша постоянная готовность быть полезнымъ для насъ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ дѣлѣ нравственнаго и художественнаго нашего развитія, заставила насъ смотрѣть на васъ, какъ на своего воспитателя и учителя, притомъ учителя-отца, всегда сердечно и глубоко преданнаго своимъ ученикамъ и дѣлу нравственнаго ихъ просвѣщенія.

Говоря о вашихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ, которыя составляютъ какъ бы органическую потребность вашей природы, мы не можемъ, однако, умолчать и о вашихъ официальныхъ дѣйствіяхъ какъ нашего надзирателя.

«Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, какъ вы отечески радуетесь, когда выслушиваете хорошія вѣсти о нашихъ успѣхахъ въ искусствѣ или въ общественной нашей дѣятельности, и какъ вы всегда печалитесь вмѣстѣ съ нами, когда слышите другое.

Каждый изъ насъ на себѣ испыталъ, какъ благотворно дѣйствуютъ ваши нелицепріятные и добрые совѣты, ободряя и поддерживая въ насъ энергію въ минуты нашихъ душевныхъ невзгодъ, и какъ во-время поспѣваютъ и сильно дѣйствуютъ вызываемыя иногда нами ваши отечески мягкія вразумленія, основанныя на началахъ истины, добра и справедливости.

Были также многочисленныя случаи, когда вамъ приходилось брать на себя трудную роль заступника и ходатая предъ высшимъ начальствомъ за вѣранныхъ вашему попеченію питомцевъ.

Ваше неподкупное нелицепріятіе мы видимъ во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ вообще и особенно при распредѣленіяхъ свободныхъ стипендій и одновременныхъ пособій.

Обязанные своимъ образованіемъ и положеніемъ вашему истинно отеческому попеченію, мы, нынѣ, въ столь знаменательный для васъ день—тридцатилѣтняго благотворнаго для насъ служенія вашего въ званіи нашего руководителя и духовнаго отца и воспитателя на жизненномъ и художественномъ поприщѣ, считаемъ своимъ священнымъ долгомъ, поздравляя васъ съ настоящимъ днемъ, принести вамъ нашу искреннюю и сердечную благодарность за ваши отечески добрыя и полезныя совѣты и за всѣ ваши заботы о нашемъ благосостояніи, — а Господу Богу и благодареніе за дарованную намъ возможность привѣтствовать васъ въ настоящій день, и усердное моленіе, да продлитъ Онъ, Всемогущій, еще на многія лѣта драгоцѣнную жизнь вашу для блага, Его промысломъ вѣранныхъ вашему руководительству, нашихъ собратьевъ по происхожденію и на пользу и славу нашего дорогаго отечества».

Т. Котырло, — М. Л. Щербатовъ, — П. Брусниковъ, — И. Творожниковъ, — С. Лучшевъ, — П. Крюковъ, — В. Бочинъ, — К. Косцевъ, — А. Масаловъ, — П. Озуловъ, — А. Швайкевичъ, — А. Рябушкинъ, — И. Явнишко, — В. Ликинъ, — А. Архиповичъ, — А. Кузнецовскій, — П. Сяларовъ. ¹⁾

Городъ С.-Петербургъ,
1888 г. февраля 24-го дня.

¹⁾ Многіе изъ учениковъ Федора Григорьевича не могли еще подписать этотъ адресъ за отсутствіемъ ихъ изъ С.-Петербурга. Ред.

II.

Вслѣдъ за прочтеніемъ вышепомѣщеннаго, отъ сердца написаннаго, привѣта, составляющаго, дѣйствительно, высшую награду, о которой наставникъ и руководитель юношества можетъ лишь мечтать, директоръ Археологическаго института И. Е. Андреевскій обратился съ устнымъ, съ обычнымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ сказаннымъ, привѣтомъ отъ сего института, этого высшаго въ Россіи, въ области археологіи и архивовѣдѣнія, ученнымъ учрежденіемъ.

Рѣчь сопровождалась прочтеніемъ нижеслѣдующаго акта:

«М. Н. П. Состояній подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ, 24-го февраля 1888 года, № 57.

«Господину профессору исторической живописи Федору Григорьевичу Солнцеву.

«Советъ археологическаго института, въ уваженіе плодотворныхъ трудовъ вашихъ по изданію памятниковъ художественной старины и распространенію свѣдѣній объ этихъ памятникахъ среди академическаго юношества, въ интересахъ національной школы русскаго искусства, избралъ васъ, милостивый государь, въ свои почетные члены.

Директоръ института И. Андреевскій.—Дѣйствительный членъ института А. Благовѣщенскій.—Секретарь совета Николай Покровский.—
Правитель дѣлъ А. Ясенскій».

III.

Вслѣдъ за адресомъ археологическаго института Ф. Г. Солнцеву прочитаны были слѣдующіе привѣты, письма и телеграммы, въ то-же утро полученные:

«Ваше пр—ство, высокопочитаемый Федоръ Григорьевичъ! Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь быть подъ вашимъ начальствомъ и чисто отеческимъ высокимъ покровительствомъ, но память о васъ и глубокое уваженіе къ вашимъ гуманнымъ отношеніямъ ко мнѣ не изгладились до настоящаго времени. Въ продолженіе моей четырнадцатилѣтней педагогической дѣятельности я состоялъ подъ начальствомъ многихъ лицъ ученыхъ, популярныхъ и вполне достойныхъ тѣхъ постовъ, которые они занимали, но эти лица были только строгими исполнителями возложенныхъ на нихъ обязанностей, и я не испытывалъ ни того участія, ни тѣхъ сердечныхъ и просвѣщенныхъ указаній и совѣтовъ, какими имѣлъ счастье пользоваться подъ вашимъ начальствомъ; вслѣдствіе этихъ сопоставленій, я рѣшаюсь высказать вамъ мое личное убѣжденіе, которое, надѣюсь, раздѣлять и всѣ находившіяся и находящіяся подъ вашимъ начальствомъ лица, что такихъ начальниковъ, какъ вы, высокоуважаемый Федоръ Григорьевичъ, нѣтъ, а если и есть, то весьма не много. Поэтому, будучи проникнуть къ вамъ высокимъ уваженіемъ, я считаю своею обязанностью сегодня, въ день тридцатилѣтней годовщины полезной вашей дѣятельности, выразить вамъ мою глубокую и вѣчную благодарность, а также засвидѣтельствовать предъ вами, что все мною самимъ сдѣланное хорошаго и полезнаго для моихъ учениковъ явилось прямымъ слѣдствіемъ вашихъ просвѣщенныхъ указаній и совѣтовъ.

Затѣмъ позвольте, высокоуважаемый юбиляръ, пожелать вамъ, отъ чистаго сердца, счастья и добраго здоровья для пользы и чести нашего дорогаго отечества — на многія лѣта.

Бывшій вашъ ученикъ, классный художникъ, коллежскій совѣтникъ, преподаватель реального училища св. Павла, Александръ Харитоновичъ Швайкевичъ».

Г. Одесса.

Февраля 24-го дня 1888 г.

«Ваше пр—ство, милостивый государь, Федоръ Григорьевичъ! Движимый истинною признательностью, за ваше великодушнѣйшее расположеніе и отеческое участіе, принимаемое во мнѣ, какъ стипендіатѣ, вѣренномъ вашему превосходительству лично, министромъ государственныхъ имуществъ, графомъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, я въ теченіи восьми-лѣтняго воспитанія моего въ Спб. Императорской академіи художествъ пользовался самыми благотворными вашими совѣтами и наставленіями, какъ по части изящныхъ искусствъ, такъ равно и въ общемъ образованіи; теперь считаю себя счастливымъ поздравить васъ съ тридцатилѣтнею дѣятельностію вашею на поприщѣ наставника молодыхъ людей, имѣющихъ призваніе къ художеству.

Дай Богъ, чтобы ваша жизнь продлилась еще на многіе годы на пользу и славу отечеству.

При пожеланіи всего наилучшаго, остаюсь и проч. В. Вочинъ».

Г. Динабургъ.

1888 г. февраля 24-го дня.

Телеграмма члена государственнаго совѣта, бывшаго директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутрен. дѣлъ, Николая Николаевича Мансурова.

24-го февраля 1888 г.

«Прошу принять тѣ стараго сослуживца почтительнѣйшее и душевное поздравленіе съ празднованіемъ сего числа тридцатилѣтней годовщины; очень сожалѣю, что лишенъ возможности лично привѣтствовать — Мансуровъ».

«Общество взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ привѣтствуетъ васъ какъ великаго христіанина-художника, создавшаго образцы изображеній въ церковной живописи, проникнутой глубокимъ христіанскимъ чувствомъ, какъ высшій образецъ религіознаго стиля, который останется высшимъ памятникомъ вашего христіанскаго творчества и великимъ примѣромъ для всякаго христіанина-художника. Посылая вамъ настоящее привѣтствіе, комитетъ поручилъ секретарю общества, Сергѣю Яковлевичу Лучшеву, привѣтствовать васъ лично отъ имени общества.

Предсѣдатель Годунъ».

Присутствовавшіе были приглашены юбиляромъ къ завтраку и за хлѣбомъ-солью «дѣдушка-художникъ» увлекся доброю старинною

и разсказалъ жадно внимавшимъ его слушателямъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни своей, какъ художника, усердно и талантливо трудящагося для Россіи въ области искусства, ни болѣе ни менѣе, какъ уже болѣе 65-ти лѣтъ! Бесѣда была въ высшей степени интересна и каждая черта разсказа 88-ми-лѣтняго академика и профессора, конечно, на всегда врѣзалась въ памяти его слушателей ¹⁾).

Чѣмъ менѣе было въ этотъ день, вполне достопамятный въ жизни Федора Григорьевича, официальнаго, тѣмъ болѣе было это торжество въ скромномъ, древностями обставленномъ кабинетѣ археолога-живописца и профессора, пріятнѣе, прямо сказать, — задушевнѣе.

Въ тотъ-же день юбиляръ получилъ слѣдующее привѣтствіе отъ издателя-редактора журнала «Русская Старина»:

— «Привѣтствуя васъ, высокоуважаемый Федоръ Григорьевичъ, съ тридцатилѣтнею годовщиною, исполненнаго столь присущаго вамъ благодушія и просвѣщенной любви къ искусству, — руководства вашего молодыми художниками, изъ самой среды русскаго народа ишедшими, редакция «Русской Старины» долгомъ считаетъ вспомнить, что кромѣ высоко плодотворнаго нравственнаго воздѣйствія на вѣранныхъ попеченійамъ вашимъ молодыхъ людей, самыя художественныя произведенія ваши служили и служатъ имъ высокими образцами искусства.

«Произведенія превосходной кисти вашей особенно дороги «Русской Старинѣ», — изданію, всецѣло посвященному сохраненію всего того, что приводитъ къ самосознанію русскаго народа его историческаго прошлаго, въ самомъ широкомъ смыслѣ сего слова.

«Рисунки ваши, Федоръ Григорьевичъ, въ научномъ и художественномъ отношеніи, какъ это было уже мною сказано на страницахъ «Русской Старины», составляютъ живописную лѣтопись древней Руси; это источникъ возрожденія отечественнаго стиля, который съ каждымъ годомъ ярче и ярче проявляется у насъ въ произведеніяхъ зодчества, ваянія и въ орнаментальныхъ ремеслахъ. И если Карамзинъ въ лѣтописяхъ и другихъ археографическихъ памятникахъ нашего отечества обрѣлъ живыя краски для слога своей исторіи; если Пушкинъ въ народныхъ нашихъ сказкахъ нашелъ живую, свѣжую струю, которою обновилъ языкъ отечественной поэзіи, то вы, Федоръ Григорьевичъ путемъ вашихъ археологическо-художественныхъ изысканій, попали на неисто-

¹⁾ Ф. Г. Солнцевъ родился 14-го апрѣля 1801 года или 1800 года, таковы двѣ записки его въ нашемъ „Альбомѣ: Знакомѣ“, томы II и III. Р е д.

щный родникъ русскаго искусства и произведеніями вашей неподражаемой кисти, всегда водимой глубокимъ знаніемъ памятниковъ отечественной старины, пробудили и пробуждаете въ русскихъ художникахъ вообще и въ питомцахъ, вамъ ввѣренныхъ, въ особенности, чувство народнаго самосознанія и уваженія къ образцамъ, завѣщаннымъ намъ предками.

«Привѣтъ вамъ, старѣйшій и всею душою любимый и уважаемый сотрудникъ «Русской Старины»! Примите глубокую признательность ея редактора-издателя за то сочувствіе, за то ободряющее, дружеское къ трудамъ моимъ вниманіе, какими я издавна имѣю счастье отъ васъ пользоваться.

Михаилъ Семевскій.

24-го февраля 1888 г.
С.-Петербургъ.

IV.

Приводимъ въ заключеніе письмо, въ которомъ Ѳ. Г. Солнцевъ выразилъ Археологическому институту глубокую признательность за избраніе его въ почетные члены сего учрежденія. Письмо обращено къ директору института, профессору И. Е. Андреевскому.

2-го марта 1883 г. Спб. *

«М. г. Иванъ Ефимовичъ! Безпредѣльно тронутый высокимъ вниманіемъ, оказаннымъ мнѣ Археологическимъ институтомъ — избраніемъ меня въ почетные его члены, поспѣшаю принести въ лицѣ вашемъ, глубоко уважаемый Иванъ Ефимовичъ, какъ директора сего института, сердечную признательность за честь, мнѣ оказанную.

«Мнѣ дорого видѣть, что скромные труды мои въ области археологій и археологической живописи, посвященные воспроизведенію памятниковъ старины дорогаго нашего отечества, цѣнятся Археологическимъ институтомъ, успѣвшимъ въ первое же десятилѣтіе своей дѣятельности оказать значительныя услуги отечественной наукѣ и, что особенно важно, успѣвшимъ вызвать во многихъ городахъ Россіи основаніе ученыхъ архивныхъ комиссій, имѣющихъ содѣлаться, подъ сѣнью и руководствомъ Археологическаго института, разсадниками знаній въ области археологій и исторіи нашего отечества.

«Считаю себя счастливымъ, что на закатѣ дней моихъ, — имѣя 87 лѣтъ жизни, — вижу упроченіе Археологическаго института, объединяющаго труды всѣхъ — нынѣ многочисленныхъ уже — ревнителей дорогаго старины!

«Да почтеть благословеніе Господне на многіе вѣка надъ этимъ въ высокой степени полезнымъ и необходимымъ для славы Россіи учрежденіемъ!

«Примите увѣреніе въ чувствовать глубокаго и давняго къ вамъ уваженія. Федоръ Солнцева, почетный членъ Археологическаго института».

17-го марта 1888 года въ вечернемъ собраніи членовъ археологическаго института и любителей археологіи и исторіи—И. Е. Андреевскій, доложивъ собранію объ исполненіи имъ порученія института о поздравленіи 24-го февраля Ф. Г. Солнцева, прочелъ приведенное выше письмо маститаго археолога-профессора.

Взрывъ рукоплесканій всего многочисленнаго собранія привѣтствовалъ добрыя пожеланія патріарха современныхъ русскихъ археологовъ и самого Федора Григорьевича Солнцева, почтившаго своимъ присутствіемъ настоящее собраніе археологическаго института.

Ред.

Л.

ЛЕОНИДЪ ЛЬВОВИЧЪ ЛЕОНИДОВЪ

АРТИСТЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПОЛУВѢКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ЕГО АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

1838 ^{апрѣля}₂₅ 1888.

Родился 18-го апрѣля 1821 г.
въ С.-Петербургѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія Л. Л. Леонидова. — II. Очеркъ жизни и артистической его дѣятельности, сообщ. П. П. Каратыгинъ. — III. День золотой свадьбы Л. Л. Леонидова съ русской сценой: торжественный спектакль въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ, 2-го марта 1888 года.

1838 — 1888.

Воспоминанія Леонида Львовича Леонидова

ЗА ПОЛСОТНЮ ЛѢТЪ НАЗАДЪ

1835 — 1843.

[Шлѣсно къ изд.-ред. „Русской Старины“ М. И. Семевскому].

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ. Подвизаясь нѣкогда подъ вашимъ предсѣдательствомъ въ собраніи художниковъ, я имѣлъ честь убѣдиться въ вашемъ просвѣщенномъ взглядѣ на всѣ отрасли искусства.

А при совѣстномъ нашемъ участіи въ составѣ юбилейныхъ празднованій моихъ почетныхъ товарищей-ветерановъ: И. И. Сосницкаго, П. А. Каратыгина и В. В. Самойлова, я еще болѣе проникся вашимъ теплымъ сочувствіемъ къ сценичнымъ дѣятелямъ русской старины.

Въ память моей почтительнѣйшей вамъ признательности, прошу оказать ваше снисходительное вниманіе къ моимъ театральнымъ воспоминаніямъ о быломъ.

Искренно преданный и уважающій васъ актеръ Л. Леонидовъ.

1887 г. декабря 31-го.

I.

„Очень радъ, что вы занялись ревностно писаніемъ вашихъ Записокъ. Начать въ ваши годы писать записки, это значитъ жить вновь. Вы непременно помолодѣете и силами, и духомъ, а черезъ то приведете себя въ возможность прожить лишній десятокъ лѣтъ“.

Такъ писалъ незабвенный Н. В. Гоголь въ концѣ сороковыхъ годовъ къ многоуважаемому М. С. Щепкину и поощрялъ его къ составленію своихъ мемуаровъ, которые появились впоследствии въ печати.

Слѣдуя указанію великаго учителя и просмотрѣвъ съ большимъ любопытствомъ „Записки и Воспоминанія“ моего московскаго собрата и петербургскаго П. А. Каратыгина, рѣшился и я взяться за перо для обновленія моихъ старческихъ дней воспоминаніемъ пройденнаго пути въ театральнѣй карьерѣ.

Я, какъ сценичный представитель трагизма, велъ постоянную борьбу съ театральною судьбою и, не отличаясь богатствомъ современнаго репертуара—скорбѣлъ и терпѣлъ гнѣтъ разрушающагося традиціоннаго элемента русской сцены.

Но это не охлаждало во мнѣ ревности къ избранному труду и не уменьшило влеченія къ классическимъ произведеніямъ. Такъ прослѣдимъ мои артистическія тревоженія въ сжатой служебной нормѣ въ Петербургѣ и Москвѣ съ возвратнымъ эпилогомъ на родинѣ.

II.

«Волшебный край! Тамъ, въ старыя годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блесталъ оунъ-Виванъ, другъ свободы,
И перенчивый Вилжвинъ;
Тамъ Озеровъ невольныя даны
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновою дѣлалъ.
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнея гений величавый;
Тамъ вывелъ колѣній Шаховской
Своихъ комедій шумный рой,
Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
Тамъ, тамъ подъ сѣнью кулисъ
Младые дни мои неслись!»

А. С. Пушкинъ.

«Старость есть возвращеніе къ дѣтству».
Шекспиръ.

Большая чиновная Коломна въ союзѣ съ Офицерскими и Подъяческими улицами, окружая Каменный театръ съ театральнымъ училищемъ, были, можно сказать, колыбелью артистическаго міра.

Все съ давняго времени селилось, росло, служило и старилось невдалекѣ отъ своего храма музъ, и только съ открытіемъ Александрійскаго театра и перевода въ новое зданіе театраль-

наго училища, артисты начали исподоволь дѣлиться на двѣ половины, на старыхъ и новыхъ.

Одни оставались на своихъ прежнихъ пепелищахъ, а другіе поразѣхались въ разныя стороны вплоть до Невскаго проспекта.

Въ благословенныхъ коломенскихъ краяхъ, въ 1821 году 18-го апрѣля, появился я на свѣтъ Божій въ чиновничьей семьѣ, и силою таинственнаго влеченія къ сценическому искусству забрался на театральные подмостки и не попалъ, по роду рожденія, въ департаментскую канцелярію.

Съ самаго дѣтства театръ былъ моею необходимостью. Его афиши въ моихъ глазахъ считались лучшею грамотою; имена Каратыгина, Брянскаго, Сосницкаго, Дюра—тѣмъ-то загадочно привлекательнымъ.

При встрѣчѣ съ театральною каретою неволью билось мое сердце и я трепетно заглядывалъ въ нее, надѣясь увидать въ ней кого нибудь изъ чарующихъ меня идеаловъ, отъ представленийъ которыхъ въ драмѣ я заливался иногда горячими слезами, а въ комедіи и водевилѣ хохоталъ до слезъ.

Устраивать домашніе спектакли съ пансіонными товарищами было моимъ любимѣйшимъ занятіемъ; при этомъ я считался въ ихъ кругу первымъ авторомъ и чтецомъ модныхъ куплетовъ Д. Т. Ленскаго изъ водевилей: „Хороша и дурна“, или „Страпчій подъ столомъ“, съ его остроумнымъ началомъ, врѣзавшимся въ моей памяти:

Свѣтъ—комедія, гдѣ случай
 Людямъ роли раздаетъ
 И толкаетъ цѣлой тучей
 Тѣхъ назадъ, а тѣхъ впередъ.

Рано возродилось во мнѣ желаніе быть дѣйствующимъ лицомъ, а не чиновническою особою.

Комедіи Хмельницкаго, Шаховскаго, Загосвина и все, что только можно было представить въ небольшой комнатѣ съ акомпанементомъ фортепьяно, все было мною переиграно.

Не могу не отмѣтить еще одного очень памятнаго для меня явленія, которому я предавался съ какимъ-то непонятнымъ нервнымъ потрясеніемъ, когда слушалъ декламацію нѣкоего коломенскаго чиновника Г. Дѣвкина, славившагося въ нашихъ

сборищахъ копированіемъ монологовъ В. А. Каратыгина; онъ и фигурой походилъ на него, и завѣрялъ всѣхъ, что онъ давно бы поступилъ на сцену, но что его честолюбивый противникъ будто бы мѣшаетъ этому, подставляя ему свою длинную ножку.

Бывало, когда онъ приходилъ къ намъ, я весь задрожу и съ нетерпѣніемъ ожидаю, чтобы поскорѣ предложили ему выпить винца или пивца, къ чему онъ былъ страстный охотникъ и безъ чего не начиналъ своей декламациі, разжигавшей во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе страсть къ театру и заставлявшей меня забывать свои уроки, а мечтать только о различныхъ представленіяхъ...

Съ этого времени началось подумываніе о моемъ поступленіи въ театральное училище и завелись съ прикосновенными къ дѣлу лицами переговоры съ необходимою при этомъ благодарностью.

Во всѣхъ визитаціяхъ къ тогдашнимъ управляющимъ являлся я самъ на лицо съ кѣмъ нибудь изъ моихъ наставниковъ, потому что отецъ мой, сомнѣваясь въ моей будущей удачѣ, не противорѣчилъ моему стремленію, но не хотѣлъ самъ вмѣшиваться въ ходъ дѣла.

На мое счастье П. А. Каратыгинъ, бывшій въ то время репетиторомъ спектаклей театральнаго училища, жительствовавъ почти въ сосѣдствѣ съ нами.

Пользуясь случаемъ, я съ разрѣшенія моихъ родителей и отправился къ нему на сюрпризный поклонъ, съ цѣлью упростить его наградить меня ролькой въ школьномъ спектаклѣ.

Открытая просьба моя очень ему понравилась и онъ назначилъ мнѣ въ комедіи князя Шаховскаго: „Полубарскія затѣи“ роль графа, которую я и исполнилъ по гусарски, побрякивая шпорами, покручивая усыки и помахивая султаномъ, въ присутствіи полной залы зрителей.

Первый дебютъ мой, состоявшійся въ великомъ посту 1835 г., прошелъ удовлетворительно...

Директоръ А. М. Гедеоновъ утвердилъ предложеніе управляющаго Д. Я. Федорова принять меня въ число воспитанниковъ при первой ваканціи, а до того времени мнѣ разрѣшалось посѣщать танцевальный классъ г-на Лашука вольно-приходящимъ.

Въ немъ-то я и вытанцовалъ себѣ вскорѣ и второй дебютъ, и мнѣ представилась возможность отличиться уже въ Михайловскомъ театрѣ, да еще съ французскими артистами, въ кругу тогдашнихъ знаменитостей: г-жъ Бурбье, Лорре, Сюзанъ Бра и г-дъ Женъезъ, Дюфуръ, Верне и другихъ.

Не помню для какой пьесы потребовался изъ училища пажъ, читающій по французски, и я былъ выбранъ начальствомъ для иностранной роли.

Вотъ ужъ тутъ-то, вполне торжествующимъ, прокатывался я на репетиціи съ гувернеромъ или старшимъ воспитанникомъ въ волшебной для меня театральной каретѣ.

Во французской моей роли мнѣ приходилось трижды доложить съ поклономъ и снятіемъ шляпы о выходѣ короля, произнеся слово: „Le roi“. Училъ меня ясному выговору тогдашній трагикъ Женъезъ и по окончаніи пьесы я получилъ черезъ режисера Пейсара коробку конфетъ отъ актрисъ.

Развѣ это не достославное событіе для начинавшаго пожинать лавры въ средѣ кулисъ!...

Наконецъ, волею судебъ свершилось и неожиданное мое поступленіе въ комплектъ воспитанниковъ, по случаю выпущеннаго ранѣе срока на службу П. А. Смирнова за его амурныя походы...

Слѣпая и злая любовь разыграла съ нимъ пренепріятную шепольную интрижку. Онъ какъ новый красавецъ-Парисъ въ хорѣ Граціи послужилъ, для начала своей карьеры, яблокомъ раздора, соперничая съ начальниками въ закулисныхъ потемкахъ, за что и пострадалъ выпускомъ безъ жалованья до дебютовъ.

Рѣшеніе было строгое, но справедливое: что разрѣшалось старшимъ, за то зрѣлыхъ юношей полагалось наказывать дисциплинарнымъ жестокимъ примѣромъ.

Въ 1835 году театральное училище въ полномъ смыслѣ процвѣтало писанными красавицами во всѣхъ отрасляхъ искусства и потому шалости влюбленныхъ переходили иногда границы.

Этотъ рассадникъ всего прекраснаго находился въ каменномъ трех-этажномъ зданіи по Офицерской улицѣ и Еватерининскому каналу.

Церковь, сооруженная въ немъ въ 1806 году, находилась вверху этого зданья, по Офицерской улицѣ.

Театръ, класныя, столовыя со всѣми служащими по училищному составу помѣщались справа и слѣва въ надворномъ флигелѣ. А лицевой верхній покой на Еватерининскій каналъ съ очаровательными феями не давалъ многимъ сердечнаго покоя.

Гвардійскіе балетоманы со студентами старались наперерывъ отличиться какими нибудь затѣйливыми выходками на репетиціяхъ и спектакляхъ. Забирались передѣтками въ училище и за кулисы, и залѣзали въ трюмъ, иногда просто для комичнаго переполоха.

Воспитанники, какъ истые рыцари, защищали своихъ Дульциней и нерѣдко, во время проводовъ изъ театра домой, составлялись разнохарактерныя баталіи съ доморощеннымъ оружіемъ.

Начальствующія лица, тоже неравнодушныя къ своимъ питомцамъ, смотрѣли на это сквозь пальцы и стычки имѣть съ посторонними ухаживателями намъ не воспрещали.

Затѣйливыя любовныя похиженія велись очень послѣдовательно и курьезно...

Въ положенные до-обѣденные часы, на Еватерининскомъ каналѣ, противъ оконъ воспитанницъ, составлялась цѣлая карусель щегольскихъ катальщиковъ—четверками, тройками, парами, верхами и для потѣхи кто нибудь на самомъ дрянномъ извозницѣ, съ передѣтыми кучеромъ и сѣдоками.

Прогуливались и скромныя пѣхотинцы по набережной, съ платоническимъ вздыханіемъ и мимичнымъ объясненіемъ, и продолжалась эта церемонія иногда вплоть до отправленія танцовщицъ въ театръ въ новомодныхъ линіяхъ...

Конечно, гдѣ любовь, тамъ и порывы страсти, которые и ознаменовывались въ оно-время несрочнымъ выпускомъ опернаго пѣвца любви и исчезнувшей изъ училища балетной феи.

Вотъ что распѣвали тогда на всевозможные лады петербургскіе театралы:

„Мнѣ рассказывалъ квартальный
 Какъ изъ школы театральной
 Убѣжала Кохъ.
 Въ это время безъ Кохицы
 Всѣ за ужиномъ дѣвяды
 Кушали горохъ.
 Вдругъ сердитой Ковалевой
 Мысль пришла—зачѣмъ въ столовой
 Кохи не видать.

И манить она Наташу,
 Чтобъ сейчасъ Кохицу нашу
 Къ ужину позвать.
 Но Наташа не исказши
 Прибѣжала заимхавши
 Съ страхомъ на лицѣ.
 Говорить, что Кохъ пропала,
 Что она ее искала
 Даже на крыльцѣ.
 Вотъ зоветъ она Фревиля,
 А Фревилъ нашъ дивный филъ
 Одуманевъ былъ.
 Дмитрій Яковличъ инспекторъ
 Въ новый домъ, гдѣ жилъ директоръ,
 Съ рапортомъ отбылъ.
 Надзирательница Гельвингъ
 Обѣщаетъ много денегъ,
 Кто найдетъ, радвать.
 Маробетти, докторъ школьный,
 Экономъ—Безсоновъ—вольный,
 Бросились искать.
 Гувернеръ болгаринъ Кнапичъ
 Въ страхѣ затесался на печь,
 Чтобъ не отвѣчать.
 Грекъ, его товарищъ Солить,
 Разкусивши службы горечь,
 Завалился спать.
 Дьякъ, подлекаръ входить въ споры,
 Дамы влассныя въ укоры,
 Чуть-ли не до слезъ.
 Но всѣ сколько ни гадали,
 Отъ прислугъ одно узнали
 Подъ конецъ угрозы,—
 То же, что сказалъ квартальный:
 „Кохъ изъ школы театральной
 Вяземскій увезъ!!!“
 Всѣмъ директоръ Гедеоновъ
 Наказывалъ такихъ трезвоновъ,
 Что не рассказать.
 Рафаилъ Михайличъ Зотовъ,
 Не нѣтъ быть расчетовъ,
 Возвратился вспять.
 Унгебауреръ нѣмецъ ловкій
 Ухитрился со сноровкой
 Замятсти Фревиля!
 Попъ Успенскій, тожь въ печали.
 У него настой украли
 Цѣлую бутылъ.

Эти сборные куплеты я записалъ на память вслѣдствіе того, что въ нихъ упоминаются почти всѣ лица тогдашняго управленія театральными дѣлами, и потому еще, что они приписывались сотрудничеству переводчиковъ и водевилистовъ, находившихся также въ группѣ обожателей дѣвъ Талии и Мельпомены, и которые такъ и прозывались нами: „коломенскіе обыватели, театральные писатели, чиновные вздыхатели“.

П. С. Федоровъ, женившійся на актрисѣ комедіи П. С. Мироновой; П. И. Валберхъ—на трагической актрисѣ Е. Л. Капыловой; П. А. Смирновъ—на водевильной актрисѣ С. А. Рамазановой.

А Венеринны типы—Монготье и Кальбрехтъ, могущія служить образцомъ красоты великому художнику, попали въ супружескія лапы управляющихъ училищемъ и конторою съ покорною любовью къ власти имущимъ.

Изъ этого перечня воспитанницъ и ихъ преподавателей видно, что всѣ роды искусства въ старые годы шли вполне успешно съ благонравнымъ семейственнымъ направлениемъ.

Въ 1836 году училище было переведено въ Александринскому театру.

Новое помѣщеніе, не утративъ стараго начала, осталось съ тѣмъ же прежнимъ распорядкомъ—старшіе впереди, младшіе сзади, влюбленные между ними.

Главное отдѣленіе занималъ директоръ и значительные чиновники, съ красавицами женами. Воспитанники вверху, а въ бель-этажной срединѣ съ огромными окнами, но увы!—уже съ закрашенными стеклами—неугомонныя вольницы балета.

Нравственная краска заставляла ихъ дуть губки и сокращать часы амурныхъ стрѣлъ съ уменьшеніемъ числа преслѣдователей.

Что касается научныхъ предметовъ, то они подвигались впередъ очень медленно, не выходя изъ прежней программы.

Изучая бессмертное Грибоѣдовское произведеніе, мы вполне проникались истиною его словъ, примѣняя ихъ къ нашему воспитанію:

Что нынче также, какъ издревле,
Хлопочуть набирать учителей полки
Числомъ побогѣ, дѣною подешевле,
Не то, чтобы въ науку далеки.

и заключали его же премудрымъ стихомъ:

Какъ наши робкіе тревожили умъ....
 Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрять мы,
 Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья.

Количество нашихъ преподавателей было весьма достаточное, но пользы выходило мало, потому что у насъ бывали такіе безцѣнные учителя, которые служили совсѣмъ безъ жалованья, съ однимъ правомъ на свободныя мѣста въ театрѣ, которыя они и занимали постоянно; но насъ они не затрудняли классными занятіями.

Также и иностранные солисты оркестра по контракту обязывались давать уроки способнѣйшимъ ученикамъ,—только эти избранники не часто ихъ къ себѣ привлекали, потому что нѣмцы, не получая особой платы за классы, бравовали дарованія скромныхъ руссачковъ и отговаривались излишествомъ занятій и немѣніемъ времени.

Наконецъ, въ новомъ помѣщеніи, въ помощь нашимъ престарѣлымъ болгарскимъ пѣстунамъ, прибавили для водворенія порядка еще двоихъ нѣмецкихъ гувернеровъ. Но только новая метла въ ихъ рукахъ, какъ угрожающее орудіе, нисколько не подвигала впередъ образовательнаго ценза, а лишь разжигала страсти въ юныхъ сердцахъ угнетенной невинности.

III.

Постановка въ 1836 году Гоголевскаго „Ревизора“ было событіемъ на русской сценѣ и реализмомъ въ драматическомъ классѣ. А во мнѣ она пробуждаетъ особыя школьныя воспоминанія, вслѣдствіе того, что въ этой комедіи участвовали мои одноклассники—Брамелей, Петровъ, Марковецкій, Ахалинъ и Горшенковъ, готовившіеся къ выпуску.

Избраны они были самимъ авторомъ, какъ вполне подходившіе къ назначеннымъ ролямъ: Добчинскаго, Бобчинскаго, Держиморды, Люлюкова и Миши какъ по фигурамъ, такъ и по сценичнымъ способностямъ.

Извѣстно, что „Ревизоръ“ былъ пропущенъ съ высочайшаго разрѣшенія; въ театрѣ имѣлъ усиленный интересъ и мы, воспитанники, слѣдили, по возможности, за всѣми репетиціями, и за-

писывая чрезъ участвующихъ въ комедіи нашихъ товарищей,— заучивали остроумный юморъ Гоголя во всѣхъ его дѣйствующихъ лицахъ.

Зачастую слышались у насъ встать и не встать фразы городничаго:

„Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать. Отъ этого убытокъ казнѣ!“ или:

„Таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ, что умный человекъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси“.

Но вотъ, что намъ школьникамъ не нравилось и казалось даже обиднымъ, а публика, напротивъ, очень сочувственно принимала, такъ это слѣдующія выраженія:

Осипъ. „Эхъ, если-бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ-бы, что ты чиновникъ, а поднявши рубашенку твоихъ-бы засыпалъ, что дня четыре почесывался-бы“.

Почтмейстеръ. „Скверный мальчишка, котораго нужно посячь и больше ничего!“

Неблагозвучность и рѣзкость этихъ фразъ задѣвали насъ за живое и мы какъ-бы съ озлобленіемъ затверживали посланіе Хлестакова къ Тряпичкину:

„Къ батюшкѣ не писалъ: не доволенъ тономъ, все одно: розги, да розги, этимъ при нынѣшнемъ образованіи онъ ничего не возьметъ“.

Такое заключеніе намъ было по сердцу. Этими словами мы утѣшались за публичный смѣхъ надъ строгостью нашего воспитанія.

Государь, выходя изъ театра, послѣ перваго представленія „Ревизора“, какъ извѣстно, сказалъ:

— „Всѣмъ досталось, а мнѣ болѣе всѣхъ!“

Но исполненіемъ былъ вполнѣ доволенъ и велѣлъ благодарить артистовъ.

Всѣ отличившіеся получили отъ двора подарки; иные отъ дирекціи прибавку къ жалованью, а мой однокашникъ, игравшій Бобчинскаго и пользовавшійся за эту роль особою высокою милостью, получилъ совершенно неожиданный сюрпризъ.

Въ антрактѣ одного изъ балетовъ Государь пожаловалъ на сцену, и замѣтивъ Петрова, вышедшаго пофигурить впередъ, сказалъ:

— „А! Бобчинскій Такъ, такъ и сказать, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій?“

„Точно такъ, ваше величество. ..“—отвѣтилъ тотъ бойко.

— „Ну, хорошо, будемъ знать“,—заклучилъ Государь, обратившись къ другимъ присутствующимъ на сценѣ.

Училищное начальство, имѣющее тонкіе виды, даромъ, что далеко, намотало себѣ на усъ,—почему Петровъ, получивъ отпущекъ домой по своимъ надобностямъ, очутился въ балетѣ, гдѣ онъ не занятъ; пригласило его къ допросу и нашло, что отъ него разило виннымъ запахомъ, который, вѣроятно, и соблазнилъ его повертѣться на аванъ-сценѣ, съ цѣлью обратить на себя высочайшее вниманіе и доказать, что онъ хоть малъ да удалъ!

И сколько мы ни старались спасти его отъ предстоящаго наказанія, увѣряя строгихъ карателей, словами судьи Ляпкина-Тяпкина:

„Что это мамка его въ дѣтствѣ ушибла и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкой“.

Ничто не помогло, — его отпотчивали на закуску березовой кашей.

По окончаніи несносной церемоніи, на которой должны были присутствовать всѣ воспитанники для нравственнаго умозрѣнія,—я, недовольный ея обыденностью, заявилъ окружающимъ:

„Все одно, розги, да розги, этимъ при нынѣшнемъ образованіи ничего не возьмешь“.

— „Какъ ты смѣешь это говорить“,—закричалъ на меня помощникъ управляющаго.

— „Эго не мои слова, а Гоголя“,—отвѣчалъ я.

— „А вотъ я тебѣ задамъ гоголю-моголю“,—сострилъ нѣмецъ, и я попалъ какъ куръ въ щя для товарищескаго угощенія.

И съ этого времени Гоголь сдѣлался для меня еще болѣе незабвеннымъ.

IV.

Въ 1837 году съ возрастающимъ интересомъ драматическихъ произведеній гениальнаго А. С. Пушкина и театральныхъ представлений Н. В. Кувольника и Н. А. Полеваго исчезаетъ со сцены псевдо-классицизмъ и современное романтическое направление уничтожаетъ окончательно тагучее чтеніе параспѣвъ и такъ называемую драматическую пьоту александрійскаго стиха.

Декламационный классъ Я. Г. Брянскаго перешелъ въ вѣдѣніе А. И. Алимпѣева, преподавателя археологій и мифологій; съ нимъ мы практиковались для выработки дивціи изученіемъ стихотвореній нашего любимаго поэта:

„Мѣдный всадникъ“, „Клеветникамъ Россіи“, „Русалка“, „Цыгане“, „Борись Годуновъ“; всего этого мы были страстные поклонники и восторженные декламаторы, а потому январь 1837 года сильно поразилъ насъ горестнымъ извѣстіемъ о смерти всеобщаго кумира. Много было различныхъ толковъ о неожиданномъ событіи. Передавали о какой-то цыганкѣ, которая гадала Ив. Ив. Сосницкому вмѣстѣ съ Пушкинымъ и предсказала послѣднему смерть отъ бѣлокураго челоуѣка. Всѣ печальныя вѣсти получались нами по секрету, такъ какъ о дуэли Пушкина разглагольствовать много было воспрещено, и на желаніе наше проститься съ нимъ намъ отвѣчали отказомъ, потому что домъ его окруженъ солдатами и никого не допускають, но что хоронить его въ Петербургѣ не дозволяютъ, такъ какъ онъ дрался на дуэли, и гдѣ выроють ему могилу—никто не знаетъ.... Тяжко было многимъ....

Находясь въ грустномъ настроеніи отъ невѣдѣнія и тайны,—мы съ неподдѣльнымъ чувствомъ заучивали доставленные намъ, конечно въ рукописныхъ спискахъ, стихи Лермонтова:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Паль, оклеветанный молвой,
Съ винцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордою главою.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣвій свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убить.

Нѣмецкіе гувернеры за это декламированіе грозили намъ метлою, и чтеніе далѣе прекращалось.

Въ этомъ же году Шекспировскій Гамлетъ, въ переводѣ Н. А. Полеваго, засталъ насъ въ самомъ грустномъ настроеніи, и мы, какъ печальные рыцари, относили горести юнаго принца къ потерѣ роднаго поэта.

Меланхолія и вѣкъ кулись дѣлалась какою-то модною болѣзнію и многіе прониклись современнымъ гамлетизмомъ.

Въ драматическомъ нашемъ классѣ появились новыя полезнѣйшія указанія, которыя давалъ Шекспиръ актерамъ:

„Говори все это просто, свободно, руками не руби воздуха, и въ самой страсти соблюдай мѣру и умѣренность, да и не переслащивай. Дѣлай такъ, чтобы слова соотвѣтствовали дѣйствию, а дѣйствіе словамъ. Будь вѣрнымъ зеркаломъ природы“.

„Представь порокъ въ его безобразіи, а добродѣтель въ ея истинныхъ чертахъ“.

Вотъ наставленія, предписываемыя всемірнымъ учителемъ всѣмъ посвятившимъ себя сценическому искусству и готовымъ потрудиться надъ изученіемъ его.

Счастливъ, кто это все по чувству разумѣетъ
И болѣе счастливъ, кто выполнять сумѣетъ.

Съ этого періода времени Шекспиръ возрастаетъ на нашей сценѣ.... „Гамлетъ“, „Отелло“ и, въ особенности, „Король Лиръ“ дѣлаются любимыми представленіями.

Современный романтизмъ пополняется мелодраматичными переводными пьесами и, по примѣру французскаго театра, вводится обстановка (*mise en scène*) въ средѣ русскихъ актеровъ.

Даже и мы на школьномъ театрѣ, мы старались ставить небольшія комедіи, уже заботясь объ искусственной натурѣ въ ансамблѣ, и вели сценаріумъ, подражая иностраннымъ артистамъ.

V.

Въ 1838 году начинается мечтаніе о дебютахъ и приготовленіяхъ къ выпуску... на волю! какъ мы величали свой выходъ изъ гнетущаго насъ училища. Жаль только, что у меня очень мало подъ рукой матерьяльныхъ указаній о моей начальной сценической дѣятельности. Не сохранилось ни афишъ, ни репертуара, ни распредѣленія бенефисныхъ дней тогдашнихъ актеровъ и актрисъ.

Г. Вольфъ, въ хроникѣ петербургскихъ театровъ съ 1838-го года, отмѣчаетъ только выдающіяся лица, а о начинающей молодежи, особенно въ трагическомъ старомъ репертуарѣ, ведетъ записки несочувственно и безо всякой послѣдовательности.

Онъ заявляетъ, что въ 1838 году 30 октября г. Леонидовъ вышелъ на сцену въ роли Адольфа въ „Женщинѣ 30 лѣтъ“ и критики замѣтили въ немъ проблески чувства. Потому онъ исполнялъ самыя незначительныя роли: въ „Смерть или Честь“ и водевили „г. Дюрозо“

Въ дополненіе къ этой краткой отмѣтѣ хроникера я долженъ прибавить, что выходъ мой на сцену былъ гораздо ранѣе въ лѣтнихъ спектакляхъ, когда въ старыя годы шла жаркая работа съ бенефисами, и позволю себѣ присоединить небольшое теплое словечко въ мои прошлымъ успѣхамъ, припоминая наше научное правило: что нѣтъ дурныхъ ролей, а есть плохіе актеры.

„Смерть или Честь“, драма Н. А. Полеваго, шла въ бенефисъ В. А. Каратыгина, премьера, обставляемаго всегда, что называется, съ подобающею честью.

Я удостоился быть избраннымъ изъ числа молодыхъ актеровъ для роли Генриха, въ которой сильная драматическая сцена, когда онъ отказывается отъ своей невѣсты, сестры Гюга Бидермана, исполняемой незабвенной В. Н. Асеневой...

Стало быть роль моя была значительная, но не большая. И если она исполнялась удовлетворительно, по отзывамъ автора и бенефицианта и рецензій, то могла сохранить лестное воспоминаніе въ юношѣ, выступающемъ на сценичныхъ подмосткахъ, въ кругу истинныхъ художниковъ-артистовъ.

Что-же касается до роли Адольфа въ пьесѣ „Женщина въ 30 лѣтъ“, данной въ бенефисъ уважаемой М. И. Валберховой, то это было для меня вполне знаменательное представленіе, такъ какъ это происходило въ присутствіи двора, и я удостоился, по окончаніи спектакля, получить, чрезъ директора А. М. Геденова, похвальное слово отъ императрицы Александры Θεодоровны.

Но чтобы попасть въ число участвующихъ въ этихъ двухъ почетныхъ и незабвенныхъ для меня бенефисахъ, слѣдовало заявить себя ранѣ чѣмъ нибудь выдающимся отъ другихъ моихъ собратій, уже выпедшихъ на службу и ожидавшихъ ролей, какъ манны небесной.

А ихъ была группа не малая: Самойловъ, Милославскій, Смирновъ, Годуновъ, Куликовъ, Васильевъ, Ахалинъ, Горшенковъ, Толченновъ, Максимовъ 2-й и другіе.

И вотъ на мою долю выпала возможность перещеголять ихъ, исполнивъ, за болѣзнью трагика Калинина, роль графа Сунтгамптона въ переводной трагедіи „Елизавета и графъ Эссексъ“.

Проведя твердо и пылко всѣ сцены съ В. А. Каратыгинимъ, я получилъ какъ отъ него, такъ и отъ инспектора А. И. Храповицкаго полное одобреніе за костюмную роль и вскорѣ приобрьлъ фрачного Юлія въ драммѣ „Фанни“ или „Мать и дочь соперницы“.

Вотъ эти-то двѣ роли и указали мнѣ путь къ трагическому репертуару; допустили меня участвовать въ вышесказанныхъ бенефисахъ и съ лестнымъ вниманіемъ печати подготовили мой выпускъ въ 1839-мъ году 2-го апрѣля. Но дѣятельность сценичная моя, по афишамъ Александринскаго театра, ведетъ свое начало съ 1838 года, 25-го апрѣля.

VI.

Разставаясь съ моими однокашниками, я нахожу не лишнимъ сказать въ общую нашу защиту маленькое оправдательное слово.

Намъ зачастую доставалось, а въ старыя годы и довольно чувствительно, за то, что мы, практикуясь играть на сценѣ, прежде всего заводили игру въ любовь за кулисами. И что при своихъ пламенныхъ занятіяхъ очень холодно относились къ строгости воспитанія, разжигающаго только страсть къ избраннымъ красавицамъ, отъ которыхъ въ отвѣтъ нѣжнаго сочувствія всегда получались любовные трофеи, въ видѣ вязаннаго шарфа, для сбереженія горла — отъ пѣвицы, бисерной закладки для роли — отъ актрисы, и танцевальнаго башмачка, штопаннаго будущею солисткою...

И всѣ эти побѣдныя атрибуты, добытыя героическимъ терпѣніемъ, хранились у каждаго въ сердечномъ карманѣ до самаго выпуска, а иногда и до ликующаго супружескаго вѣнчанія. Ну, возможно ли обвинять за рыцарскіе пассажи готовящагося въ первые любовники (jeune premier) въ драмѣ, оперѣ и балетѣ.

Да и могло ли быть иначе, когда юноши воспитываются въ одномъ кругу съ пляшущими и поющими кудрявыми сюжетами.

Могло ли быть иначе, когда насъ учили любить въ стихахъ, въ прозѣ, въ мимикѣ и пѣніи сами профессора.

Могло ли быть иначе, когда надъ нами издѣвались, называя насъ дубьемъ, ледушкой, безчувственнымъ идиотомъ, если мы не умѣли нѣжничать съ прекраснымъ поломъ и спокойно относились къ нему въ репетиціонномъ классѣ.

Вслѣдствіе такого общелюбвнаго указанія, мы до того были воспримчивы въ амурныхъ занятіяхъ, что частенько залѣзали на Парнасъ и въ средѣ нашихъ Грацій вольничали въ стихотворной формѣ.

По словамъ нашего остроумнаго репетитора П. А. Каратыгина:

Тутъ не ученость нужна, а призваніе,
Сила и воля души;
Коль лишь призналъ въ себѣ дарованіе,
Тотчасъ садись и пиши.

Мы съ такимъ девизомъ, предупреждая своего учителя, попадали на отчаянномъ Пегасѣ съ эротическимъ посланіемъ въ его „Натуральную Школу“—и по тогдашней модѣ в одевильныхъ куплетовъ, записывали свои дѣйствія вольными стихами на добрую память.

Театральное побоище Марсовъ съ Донъ-Кихотами.

На Катерининскомъ каналѣ,
По Офицерской домъ стоялъ.
Въ мужскомъ и женскомъ персоналѣ
Въ немъ театральнй духъ пылалъ.
Амуры, Флоры, Клеопатры,
Ихъ жрицы съ хорами жрецовъ,
Все, чѣмъ красуются театры,
Имѣлъ онъ лучшихъ образцовъ.

* *

Игривыхъ дѣвъ очарованьемъ
Онъ Марса война крушилъ,
Не зналъ преградъ передъ свиданьемъ,
Слѣшивъ къ тому, кто сердцу милъ.
Гвардейцы удаью смущали,
Танцовщицъ нашихъ и актрисъ,
И къ нимъ набѣги совершали
Повсюду, въ грюмъ и средѣ кулисъ.

* *

Днемъ передъ окнами съ дѣвицей,
Не претендуя на талантъ,
Завелъ катанье вереницей
Ея балетный адъютантъ.
На всевозможныя шлы мѣры
Съ переодѣваніемъ въ костюмъ...
Мы, наконецъ, взялись за умъ
Отвадить Марса отъ Венеры.

* *

Они намъ душу возмущали;
Мы въ пику имъ собрали рать...
Со знаменъ рыцарей печали
Приказъ былъ отданъ всѣмъ возстать!
Среди воинственной заботы,
Устроивъ вольной стачки прыть,
Мы все подѣзали въ Донъ-Кихоты,—
Чтобъ Дульцинею сохранить.

* *

А злое любить Мефистофель
И чтобъ враговъ налетъ пресѣчь,

Онъ насъ училъ швырять картофель,
 Какъ театральную картечь;
 Въ кавалерійскую же схватку
 На верховыхъ, усилъ мечь,—
 Пятнали япцами въ сматку,—
 Клеймили имъ мундира честь.

* *

Лишь только экипажъ линейской
 Въ обратный путь свернетъ домой.
 Какъ авангардъ его гвардейской
 Въ любовный окружаетъ строй;
 А мы въ тылу,—и безъ утайки,
 Что рукопашные бойцы,—
 Шли отъ картофля до нагайки,
 Припрятавъ лодъ полу концы.

* *

И до того довоевали,
 Что всѣ попалися въ полонъ;
 И что жандармы охраняли
 Амуровъ нашихъ съ двухъ сторонъ.
 Кордебалетъ нашъ чародѣйской,
 На чудныхъ ножкахъ, въ лапахъ былъ,
 Ужъ не гвардейскихъ,—полицейскихъ.
 И духъ геройскій прекратилъ.

* *

Съ такимъ бравурствомъ дни были
 Отъ старой школы ведены,
 Ихъ приняла Александрія
 И въ ней они измѣнены...
 И какъ не дать измѣны фронтомъ ¹⁾
 Съ такимъ чувствительнымъ афронтомъ.

Л. Леонидовъ.

¹⁾ Съ Овцарской улицы Театральное училище переведено къ Александрийскому театру. Л. Л.

VII.

Исполняя просьбу многоуважаемаго редактора „Русской Старины“ М. И. Семеваго, приведу вслѣдъ за моими бѣглыми замѣтками изъ прошлаго — начальный репертуаръ моей сценической дѣятельности:

Репертуаръ въ сезонъ 1838 — 1839 гг.

25-го апрѣля. Бенефисъ Каратыгина 2-го:

	«Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Тальони»	37 разъ.
1-го июня.	«Гамлетъ» (Марцелло).	9 »
12-го	«Чинovníкъ по особымъ порученіямъ» .	7 »
24-го	«Деревенская простота»	2 »

4-го июля. Бенефисъ Дюра:

	«Поездка въ Царское село по желѣзной дорогѣ».	7
	«Цыгане А. С. Пушкина» (молодаго цыгана) .	1
8-го июля.	«Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ»	5
5-го сентября.	«Замокъ Нейгаузенъ» .	2
6 го	» «Купеческая дочка и чиновникъ 14-го класса» .	1
18-го	» «Ябеда» .	1
29-го	» «Король Лиръ» (Король французскій).	2
16-го октября.	«Мягкая г-жа Медасъ»	1
27-го	» «Елизавета и гр. Эссексъ». (Суптгантона).	2

16-го ноября. Бенефисъ Валберховой:

	«Женщина въ 30 лѣтъ» (Адольфа)	2
20-го ноября.	«Женихъ-мертвецъ»	3
2-го декабря.	«Фанни» (Юлія).	2

14-го декабря. Бенефисъ Каратыгиной 1-ой:

	«Иголкинъ»	12
26-го декабря.	«Рука Всевышняго отечество спасла».	1
6-го января.	«Горе отъ тещи» . . .	1 »
11-го	» «Юаннъ герцогъ финляндскій» (Даля)	1 »

18-го января. Бенефисъ Каратыгина 1-го:

	«Смерть или честь» (Генрика)	7 разъ.
	«Семейный судъ»	2 »
24-го января.	«Сватъ въ новомъ родѣ»	1
3-го февраля.	«Живая покойница».	1
	«Дѣдушка русскаго флота» (капитана)	1 »
	Былъ занятъ въ театрѣ.	111 »
	Сыграно ролей .	25 разъ.

VIII.

Съ 1839 года до окончанія сезона 1843 года.

Выходъ на волю,—магическое слово. Вырвавшись изъ несносной гувернерской неволюшки на служебную карьеру, намъ никому не приходило въ голову, что мы съ ничтожнымъ жалованьемъ вступаемъ на тяжкій путь съ житейскими нуждами, закулисными дрызгами и со штрафными указаніями на: „не такъ живи какъ хочется, а какъ начальство приказываетъ“.

Бывшему казенному воспитаннику, обязанному отбыть десятилѣтіе за полученное воспитаніе, приходилось долго маяться въ ожиданіи милостей, не попадая въ фавориты протекціонныхъ управляющихъ загадочнаго театральнаго міра.

По выпускѣ моемъ, 2-го апрѣля 1839 года, въ комплектъ труппы Александринскаго театра, инспекторомъ репертуара, на мѣсто А. И. Храповицкаго, былъ назначенъ А. Л. Неваховичъ, а режисеромъ Н. И. Куликовъ, актеръ, переселившійся къ намъ изъ Москвы.

Не придерживаясь строгой послѣдовательности моей частной жизни и служебной карьеры, сопряженной съ новыми начальствующими, къ которымъ почти всѣ подчиненные питаютъ постоянное недовольство — даже ихъ искательные протезе, взбравшись на ступень своего возвышенія, и тѣ не выражаютъ имъ по тщеславію особаго расположенія.

Такъ чтобъ не входить въ излишній тонъ служебнаго негодованія, я буду ограничивать мои воспоминанія пройденнымъ

репертуаромъ выдающихся ролей, послужившихъ въ мою артистическую пользу.

„Велизарій“, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ, съ нѣмецкаго, П. Г. Ободовскаго.

Для роли Аламира, молодого плѣнника, изъ всей труппы тогдашнихъ актеровъ, а ихъ было, какъ я уже сказалъ, не малое число,—я былъ избранъ самимъ авторомъ; онъ же и проходилъ ее со мною весьма внушительно и съ большимъ энтузіазмомъ.

Онъ постоянно напоминалъ мнѣ, чтобъ я не увлекался красотой пластики В. А. Каратыгина, въ представленіи знатнаго римлянина, и не забывалъ въ моей роли вандалскаго происхожденія, стараясь выражать его въ болѣе рѣзкихъ жестахъ и суровой мимикѣ, лишь въ тонѣ рѣчи сохраняя бы симпатіи къ Велизарію и окружающимъ его роднымъ.

Мнѣ вполнѣ удалось угодить автору и заслужить лестное одобреніе публики и отъ театральнаго рецензента В. Г. Бѣлинскаго въ „Литературныхъ прибавленіяхъ“, въ которыхъ онъ, отзываясь восторженно о представленіи героическаго величія Велизарія—В. А. Каратыгина, говорилъ о моемъ пыломъ исполненіи роли Аламира, совершенно согласно съ даннымъ мнѣ авторскимъ наставленіемъ. По хроникѣ Вольфа заявлено слѣдующее:

„Вандава — Аламира игралъ Леонидовъ, и игралъ какъ настоящий вандалъ — такъ сердито смотрѣлъ и такъ свирѣпо размахивалъ руками“.

Каратыгину І-ю, Брянскаго, Асенкову также расхвалилъ знаменитый критикъ.

Для меня, 18-ти лѣтнаго юноши, похвала московскаго зоида была полнымъ торжествомъ и въ союзѣ съ другими одобрительными рецензіями усиливала во мнѣ расположеніе публики.

Трагедія, обставленная премьерами, по словамъ того-же хроникера, имѣла успѣхъ колоссальный и сдѣлалась одною изъ капитальныхъ пьесъ русскаго репертуара, и по моимъ воспоминаніемъ ее давали иногда для усиленія сбора дирекціи на Большомъ театрѣ.

„Каспаръ Гаузеръ“, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ французскаго, П. И. Валберха.

Предполагалась въ представленіи съ Максимовымъ І-мъ, но онъ по слабости здоровья отказался отъ сильной роли; тогда

бенефициантка М. И. Валберхова избрала меня, но тутъ появился тормазъ въ лицѣ премьеровъ, не соглашавшихся участвовать въ пьесѣ, въ которой заглавная роль доставалась актеру, только что выпущенному изъ училища.

Дѣло дошло до директора. Онъ меня потребовалъ къ себѣ, вручилъ мнѣ роль, объяснилъ ходъ пьесы и характеръ моего лица и, узнавъ мое сомнѣніе въ успѣхѣхъ по случаю закулисныхъ толковъ, объявилъ мнѣ, чтобъ я не обращалъ ни на кого вниманія, а, выучивъ хорошенько роль, прошелъ ея мимичныя сцены съ Н. О. Гольцемъ и явился-бы готовымъ на репетицію, на которой онъ самъ будетъ присутствовать.

Такъ оно все и разыгралось.

Пьеса прошла при шумныхъ аплодисментахъ и вызовахъ.

Но только торжество мое недолго продолжалось отъ излишней пылкости моего темперамента и непрактичнаго увлеченія.

Въ одномъ изъ представленій, въ 4-мъ актѣ, по ходу пьесы, услыхавъ выстрѣлъ и увидя въ убитомъ моего отца, я такъ первою воспринялъ эту сцену, что въ безпамятствѣ упавъ на мнимый трупъ Каратыгина, былъ снятъ съ него и отнесенъ въ уборную и приведенъ въ чувство медицинскимъ пособіемъ.

По выздоровленіи моемъ драма эта уже не возобновилась.

И могъ-ли я тогда вообразить, что черезъ 20 лѣтъ впередъ, для бенефиснаго курьеза, въ моей роли Каспара вздумаетъ помолодиться В. В. Самойловъ, въ той-же пьесѣ подъ названіемъ „Идіотъ“, а я въ роли его воспитателя Полинаріуса перейду на ампула В. А. Каратыгина, по возвращеніи моемъ изъ Москвы.

„Филиппъ II“, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Альфіери, переводъ Воронова.

Готовилась къ бенефису Я. Г. Брянскаго, и роль Инфанта донъ - Карлоса, по молодости его лѣтъ и по случаю возобновляемаго контракта съ В. А. Каратыгинымъ, была дирекціей назначена мнѣ.

Проходилъ со мною эту трагедію самъ бенефициантъ и томилъ меня жестокими репетиціями.

Я. Г. Брянскій, какъ бывшій ученикъ князя Шаховскаго, имѣлъ навыкъ тянуть роль со свойственнымъ ему хладнокровіемъ, а я, напротивъ, изучавшій новую школу чтенія классическаго

стиха, допускалъ горячность и скороговорку въ увлеченіи страсти.

Пренія наши доводили иногда меня до слезъ, которыя осушала А. М. Брянская, уговаривая мужа дозволить мнѣ идти по стопамъ Каратыгина съ новѣйшей методой чтенія по системѣ Катенина.

Эту эффектную декламацію, вводимую у насъ нашимъ знаменитымъ драматургомъ, мы услышали и увидали потомъ въ полномъ совершенствѣ въ незабвенныхъ представленіяхъ Рашель:

То тихой рѣчью занимая
Въ сердечности замретъ;
То грозной страстью порывая
Захлещетъ и забьетъ!

„Солдатское сердце“, военный этюдъ, соч. Н. А. Полеваго, рассчитывался быть поставленъ въ бенефисъ Е. Я. Сосницкой съ В. А. Каратыгинымъ въ роли полковника Болгарова; но она, по директорскому назначенію, въ виду сокращенія проспективной платы, получила мною и шла въ моемъ репертуарѣ, уже вторую рольъ взамѣнъ нашего премьера, что обожаемому моему кумиру было не совсѣмъ по вкусу, а во мнѣ возвышало героическій духъ и приподнимало меня на лучшую театральную ступень.

За симъ слѣдуетъ перечень ролей, игранныхъ за Максимова и Григорьева въ репертуарныхъ пьесахъ.

Въ „Уголино“—Гонзаго; въ „Жизни игрока“—Адольфа сына, въ „Заколдованномъ домѣ“—Жоржа и много другихъ.

Въ драмѣ Скобелева „Кремневъ“, русскій солдатъ, въ роли Владиміра, я уже былъ выставленъ на афишѣ въ красной строкѣ, какъ артистъ самостоятельный.

Игранныя мною роли изъ Шекспира: Кассіо—въ „Отелло“, Гаэрта—въ „Гамлетѣ“, Эдгара—въ „Королѣ Лирѣ“, принимались публикою вполне одобрительно, отмѣчались цѣнителями драматическаго искусства и дали дирекціи возможность командировать меня въ Москву на трагическія представленія вмѣстѣ съ П. С. Мочаловымъ.

Въ хроникѣ г. Вольфа говорится о странномъ умалчиваніи въ печати о молодыхъ сценичныхъ дѣятеляхъ слѣдующею отмѣткою:

„О Леонидовѣ, Марковецкомъ и Алексѣевѣ, игравшихъ

довольно часто, но что ни попаало, не упоминалось почти никогда въ театральныхъ рецензіяхъ“.

Причиной тому было то, что въ доброе старое время всѣ рецензіи проходили черезъ пресловутое начальство, которое не допускало рекламъ въ пользу молодежи, чтобы имѣть большую возможность дѣлать надлежащую распеканцію при прошеніи о прибавкѣ жалованья:

Директоръ былъ нашъ судія,
Рѣшалъ кто мнѣ и кто бездаренъ...
Онъ озадачивалъ меня,
А вовсе не Фадей Вулгаринъ.
И много грустныхъ нуждъ и бѣдъ
Пережить мнѣ было надо,
Чтобъ, отслуживши десять лѣтъ,
Добиться лучшаго оклада.
Бывало жалованье намъ
Съ большой задержкой выдавали.
Жилось всеиъ съ горемъ пополамъ,
А смѣльихъ подъ арестъ сажали.
Ходила денежка ребромъ,
Но духомъ съ курсомъ мы упали,
Какъ ассигнаціи серебромъ
Безъ лажа выдаваться стали...
Вотъ тутъ-то мы, повѣса носъ,
Надули пламенные губы...
И мнѣ въ Москву катить пришлось
Въ дрянной шинелишкѣ, безъ шубы.

Куда я и отправился въ 1843 году, великимъ постомъ, вмѣстѣ съ директоромъ, его письмоводителемъ Беккеромъ и выпущеннымъ изъ училища въ московскую труппу актеромъ Колосовымъ, ввѣреннымъ моему попеченію. Это былъ мой первый, можно сказать, воспитанный дружбы и службы.

Впослѣдствіи составилъ около меня цѣлый интимный кружокъ и о многихъ изъ нихъ я сохранялъ самое теплое воспоминаніе.

Л. Л. Леонидовъ

ЛЕОНИДЪ ЛЬВОВИЧЪ ЛЕОНИДОВЪ.

Къ юбилею его полувѣковой артистической дѣятельности

1833—1888.

I.

Въ теченіе первыхъ девятнадцати лѣтъ изданія «Русской Старины», съ января 1870 года по апрѣль 1888 года, на страницахъ ея двухъ-сотъ двадцати книгъ было напечатано, между прочимъ, множество автобіографій, записокъ, документовъ и разсказовъ, относящихся до исторіи отечественнаго театра, служащихъ драгоценнымъ матеріаломъ для будущаго историка русской сцены, а съ нею и нашей культуры. Запасы матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, и по отношенію къ этому предмету далеко не исчерпаны; но о значеніи и важности тѣхъ, которые уже были напечатаны, читатель можетъ судить по нижеслѣдующему списку:

— Основаніе театра въ Харьковѣ, 1780 года. Сообщ. Ф. А. Каменный. 1882 г., томъ XXXV, стр. 433—441. Къ этой-же статьѣ замѣтка, т. XXXVI, стр. 439.

— Русскій театръ въ царствованіе Александра I, 1801—1825 гг. Изъ журнала Андрея Васильевича Каратыгина (род. 4 іюля 1774, † 26 декабря 1831). Сообщ. П. П. Каратыгинъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 235—275.

— Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ (1773, † 1817). Очеркъ его артистической дѣятельности, письмо и стихотвореніе. Сообщ. П. П. Каратыгинъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 276—285.

— Артистки: Еваторія и Нимфодора Семеновы († 1849, † 1876). Воспоминанія Н. П. Стародубскаго. 1873 г., т. VII, стр. 265—269.

— Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (род. 6 ноября 1788, † 11 августа 1863). Очеркъ его артистической дѣятельности и отношенія его къ артистамъ. Сообщ. П. П. Каратыгинъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 335—337.

— Выкупъ артиста М. С. Щепкина изъ крѣпостной зависимости 1818 г. Сообщ. М. А. Ильберхъ. 1875 г., т. XIII, стр. 152—154.

— Разсказъ изъ жизни М. С. Щепкина. Сообщ. I. В. Лохвицкій. 1880 г., т. XXIX, стр. 338.

— Первое знакомство Гоголя съ М. С. Щепкинымъ. Сообщ. В. И. Веселовскій. 1872 г., т. V, стр. 282—283.

— Письма М. С. Щепкина къ И. И. Сосницкому 1830—1833, 1846. Сообщ. И. О. Горбуновъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 296—298, 346—350.

— Иванъ Ивановичъ Сосницкій (род. 18 февраля 1794, † 24 декабря 1871 года). Набросокъ автобиографіи.—Письма къ нему его друзей и сослуживцевъ 1829—1871. Сообщ. И. О. Горбуновъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 339—350.

— И. И. Сосницкій, М. С. Щепкинъ, В. И. Рязанцевъ, В. Н. Асенкова 1800—1841. Очеркъ ихъ артистической дѣятельности, письма, замѣтки и воспоминанія. Сообщ. П. П. Каратыгинъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 290—308.

— Письма къ нему Д. В. Давыдова 1823 и Н. О. Дюра 1839. 1873 г., т. VIII, стр. 419.

— Письмо Н. В. Гоголя къ И. И. Сосницкому о постановкѣ „Ревизора“ 1846 г. Сообщ. И. О. Горбуновъ. 1872 г., т. VI, стр. 441—444.

— Письмо Александра I графу Аракчееву о проществе въ театрѣ, 1818 г. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ. 1873 г., т. VII, стр. 269.

— Эпизодъ изъ исторіи русскаго театра 1818 г. (По поводу предъидущей статьи). Сообщ. Д. П. Сушковъ. 1873 г., т. VII, стр. 576—577.

— Яковъ Григорьевичъ Брянскій (род. 6 октября 1791, † 20 февраля 1863 г.). Письмо его къ И. И. Сосницкому. Сообщ. И. О. Горбуновъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 343.

— Воспоминанія Александры Михайловны Каратыгиной, рожденной Колосовой (род. 4 марта 1802, † 7 марта 1880) о знакомствѣ ея съ А. С. Пушкинымъ 1820—1837. 1880 г., т. XXVIII, стр. 565—574.

— Василій Андреевичъ Каратыгинъ (род. 26 февраля 1801, † 13 марта 1863). Письма его къ П. А. Катенину 1825 и 1837. Изъ бумагъ П. А. Каратыгина. 1880 г., т. XXIX, стр. 286—289.

— Петръ Андреевичъ Каратыгинъ (род. 29 іюня 1805, † 24 сентября 1879 г.). Воспоминанія: Мое дѣтство, мои родители; поступленіе и пребываніе въ театральнѣй школѣ; праздники въ Павловскѣ въ 1814 г. 1877 г., т. XIX, стр. 589—616¹⁾.

— Русскій театръ при Александрѣ I. 1872 г., т. VI, стр. 297—308.

— Театръ и общество въ Петербургѣ въ царствованіе Александра I, 1818—1825, и день 14 декабря 1825. 1875 г., т. XII, стр. 719—738.

— Русскій театръ, писатели и артисты 1822—1824. Наводненіе въ 1824 г. 1874 г., т. IX, стр. 732—753.

— Русскій театръ въ 1820—1832 гг. 1873 г., т. VII, стр. 146—179.

— Русская труппа въ 1826—1836 гг. 1876 г., т. XV, стр. 88—108.

— Театръ и драматическая труппа въ 1830—1841 гг. 1873 г., т. VIII, стр. 306—333.

— Русскій театръ подъ управленіемъ А. М. Гедеонова въ 1833—1858 гг. 1879 г., т. XXIV, стр. 429—478.

¹⁾ Расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ „Записки П. А. Каратыгина“ были изданы отдѣльною книгою, сыномъ покойнаго, П. П. Каратыгинымъ. (Спб. 1880 г. VI+336 стр., въ 8 д. л.).

— Извѣстіе о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ артистической и литературной дѣятельности П. А. Каратыгина. Ред. 1873 г., т. VII, 179—170 ¹⁾.

— П. А. Каратыгинъ. Биографическая о немъ замѣтка. Стихотворенія его 1849—1878. 1880 г., т. XXVII, стр. 151—172 и 651—670.

— Письма къ нему Д. Т. Ленскаго 1839 и 1840. Сообщ. П. П. Каратыгинъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 329—333.

— Вечеръ у Александра Андреевича Катенина 1853. Изъ воспоминаній П. А. Каратыгина. 1880 г., т. XXIX, стр. 753—757.

— Посланіе къ галламъ (1852) по случаю восшествія на тронъ Наполеона III. 1871 г., т. IV, стр. 304.

— Хроника петербургскихъ театровъ А. Н. Вольфа. Замѣтки по поводу этой книги „Старога театрал“ и Д. П. Шукова. 1877 г., т. XX, стр. 347—349.

— Замѣтка по поводу этой статьи А. Н. Вольфа. 1877 г., т. XX, стр. 543—544.

— Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій († 9 декабря 1860). Очеркъ его артистической и литературной дѣятельности. Письма, стихотворенія, замѣтки. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ и П. П. Каратыгинъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 309—335.

— Эпиграммы, шутки, посланія Д. Т. Ленскаго. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ и П. А. Р. 1880 г., т. XXIX, стр. 446—452.

— Павелъ Степановичъ Мочаловъ († 16 марта 1847). Письмо его къ И. И. Сосницкому. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ. 1880 г., т. XXXIX, стр. 340—341.

— Стихотвореніе, посвященное его памяти. Д. Т. Ленскаго. 1880 г., т. XXIX, стр. 325—326.

— Василій Ивановичъ Рязанцевъ (род. 13 февраля 1800, † 26 іюня 1831 г.). Отношенія къ нему И. И. Сосницкаго. Сообщ. П. П. Каратыгинъ, 1880 г., т. XXIX, стр. 301—302.

— Письма къ И. И. Сосницкому 1825—1828. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 344—346.

— Дневникъ инспектора драматической труппы Александра Ивановича Храповицкаго 1829—1839. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ. 1879 г., т. XXIV, стр. 341—356.

— Осипъ Афанасьевичъ Петровъ, пѣвецъ-артистъ (род. 3 ноября 1806, † 27 февраля 1878 г.). Годы его дѣтства и юности, 1805—1838 гг. Сообщ. В. Н. Ястребовъ. 1882 г., т. XXXVI, стр. 365—378.

— Сорокапятилѣтіе артистической дѣятельности О. А. Петрова на петербургской сценѣ 1830—1875. Отзывъ о первомъ его дебютѣ 1 октября 1830 года. Сообщ. В. Н. Никольскій. 1875 г., т. XIV, стр. 593.

— Воспоминанія Анны Яковлены Петровой, рожденной Воробьевой, по поводу 500 представленія оперы М. И. Глинки „Жизнь за Царя“, 27 ноября 1879 г. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1880 г., т. XXVI, стр. 611—617.

¹⁾ Уваженіе къ памяти отца и долгъ признательности къ уважаемому редактору „Русской Старины“ требуютъ, съ моей стороны, заявить, что чествованіе пятидесятилѣтія службы покойнаго артиста, 1 марта 1873 года отпразднованное въ клубѣ художниковъ, происходило по почину М. И. Семевскаго, при дѣятельномъ содѣйствіи гг. членовъ В. И. Аристова и покойнаго П. П. Мижужева († 1865 г.).
П. П. Каратыгинъ.

— Записки Любови Павловны Никудиной-Косицкой (род. 1829, † 5 сентября 1868 г.) артистки императорскихъ московскихъ театровъ 1829—1868. Сообщ. А. Н. Матвѣевъ. 1878 г., т. XXI, стр. 65—80, 281—304, 609—629.

— Варвара Николаевна Асенкова (род. 1 апрѣля 1819, † 19 апрѣля 1841). Очеркъ ея артистической дѣятельности. Сообщ. П. П. Каратыгинъ 1880 г., т. XXIX, стр. 302—306.

— Стихотвореніе Д. Т. Ленскаго, посвященное ея памяти, 1880 г. Томъ XXIX, стр. 317.

— Письмо В. Н. Асенковой къ И. П. Сосницкому. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ, изъ бумагъ И. П. Сосницкаго. 1880 г., т. XXIX, стр. 306—307.

— Замятка къ очерку артистической дѣятельности В. Н. Асенковой. Сообщ. Д. П. Сушковъ. 1880 г., т. XXIX, стр. 795—796.

— Василій Васильевичъ Самойловъ († 27 марта 1887 г.). Сорокалѣтіе артистической его дѣятельности 1835—1875. 1875 г., т. XII, стр. 197—207.

— Воспоминанія В. В. Самойлова. Первые годы его артистической дѣятельности, 1834—1845. 1875 г., т. XII, стр. 208—219.

— Воспоминанія В. В. Самойлова въ болѣе полной редакціи. 1884 г., т. XLIV, стр. 123—142.

— Воспоминанія В. А. Инсарскаго. Тревога въ театральномъ управленіи 1853 г. 1874 г., т. XI, стр. 303—314.

— Ѳедоръ Николаевичъ Оберъ. Изъ петербургскихъ воспоминаній. Сообщ. М. Н. Лонгиновъ. 1874 г., т. XI, стр. 550—557.

— Петербургское театральное училище. Изъ воспоминаній Н. И. Куликова. Изд. 1886 г., т. LII, стр. 621—636.

— Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Шутки-поддѣлки: челобитныя XVII—XVIII столѣтій и художественные рассказы этого артиста. 1880 г., т. XXIX, стр. 796; 1881 г., т. XXX, стр. 204; 1883 г., т. XL, стр. 725—730; 1884 г., т. XLI, стр. 667—668.

— Французская революція 1848 года, рассказъ Прова Михайловича Садовскаго. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ. 1873 г., т. VII, стр. 421—422.

— Записки Леонида Львовича Леонидова. Представленіе трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“ 1867 г. 1886 г., т. L, стр. 655—674.

— Василій Васильевичъ Самойловъ. Очеркъ П. Свободина. „Русская Старина“, изд. 1887 г., томъ LIV, июль, стр. 785—792.

Къ этому длинному перечню помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» — мемуаровъ, статей и замѣтокъ, до отечественнаго театра и его талантливыхъ артистовъ относящихся, присоединяемъ нынѣ, и притомъ вполнѣ своевременно, біографическій очеркъ и обзоръ полу-вѣковой артистической дѣятельности маститаго представителя современной русской сцены—достоуважаемаго Леонида Львовича Леонидова.

II.

Единственный въ настоящее время представитель блестящей, незабвенной эпохи нашего театра, въ которую драматическая труппа состояла изъ талантовъ первоклассныхъ, а репертуаръ былъ составленъ изъ произведеній Шекспира, Шиллера, трагедій и драмъ русскихъ даровитыхъ драматурговъ—Леонидъ Львовичъ Леонидовъ родился въ Петербургѣ 18 апрѣля 1821 года, въ годъ кончины знаменитаго И. А. Дмитревскаго и на второй годъ поступления на сцену В. А. Каратыгина. Четырнадцать лѣтъ (1835 г.) поступилъ въ театральное училище, въ которомъ преподавателемъ драматическаго училища былъ тогда П. А. Каратыгинъ, а учениками его, кромѣ Леонидова, были: Мартыновъ, Максимовъ, Марковецкій, Петръ Смирновъ, В. Годуновъ и другіе, впоследствии болѣе или менѣе талантливые артисты, любимцы публики. Выгодная наружность Леонидова, его пылкая страсть къ театру и признаки таланта обратили на него вниманіе учителя и П. А. Каратыгинъ занялся имъ съ не меньшимъ прилежаніемъ, какъ Мартыновымъ и Максимовымъ.

Первою ролю, сыгранною Л. Л. Леонидовымъ, на школьномъ театрѣ, была въ комедіи кн. Шаховскаго: «Полубарскія затѣи», а 25 апрѣля 1838 года, въ бенефисъ Каратыгина, онъ впервые игралъ на большой сценѣ маленькую роль балетмана «Ольгина» въ водевилѣ «Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Тальони», а по выпускѣ на службу (2 апрѣля 1839 года) поступилъ на благодарнѣйшее амплуа молодыхъ людей и любовниковъ, въ которомъ, по образу ролей, мудро выказать и талантъ, и способности. Тѣмъ не менѣе, въ сезонъ 1838—1839 годовъ, Л. Л. Леонидовъ появился въ двадцати пяти роляхъ, которыя сыгралъ 111 разъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заслужилъ благосклонное вниманіе публики и отзывы (не всегда благосклонные) рецензентовъ. Но самолюбію молодого артиста было особенно лестно, а для развитія его таланта особенно важно—играть въ пьесахъ классическаго репертуара съ Брянскимъ, Сосницкимъ, четю Каратыгиныхъ и другими опытными и талантливыми артистами. Это была прекраснѣйшая школа для начинающаго артиста. Страстный поклонникъ В. А. Каратыгина, онъ невольно усвоивалъ его манеру, дикцію, избѣгая рабскаго подражанія.

Участіе въ спектакляхъ въ сотовариществѣ съ первоклассными талантами имѣло громадное вліяніе на развитіе таланта Л. Л. Леонидова,

даже при выполненіи имъ ролей второстепенныхъ въ произведеніяхъ писателей классическихъ, переводныхъ и оригинальныхъ... А репертуаръ 1839—1843 годовъ отличался богатствомъ и разнообразіемъ; В. А. Каратыгинъ былъ въ апогеѣ своей славы; для него и по его мѣркѣ писали тогда для сцены: Н. А. Полевой, Н. В. Кукольникъ, Ободовскій. По отзывамъ современной критики, всѣ ихъ произведенія ходульныя, переслащенные риторикою, герои—куклы, а не живые люди. Пусть будетъ такъ, но строгій эстетикъ, В. Г. Бѣлинскій—восхищался В. А. Каратыгинымъ, видя его въ роляхъ Велизарія, Людовика XI, Иголкина, Игрока, Нино (Уголио), Неизвѣстнаго (Параша-Сибирячка); весь Петербургъ плакалъ, осыпая трагика восторженными рукоплесканіями, видя его въ Гамлетѣ, Королѣ Лирѣ, Отелло. Даже въ роляхъ репертуара тогдашней «новой» романтической или «растрепанной» школы (*école échevelée*), созданной въ началѣ 1830-хъ годовъ, В. Гюго и А. Дюма,—даже въ бульварныхъ мелодрамахъ, Каратыгинъ умѣлъ воспроизводить живые, человѣчные типы. И этотъ артистъ былъ образцомъ молодому Леонидову и репертуаръ Каратыгинскихъ ролей служилъ ему школою.

Въ 1848 году Леонидовъ, по волѣ начальства, былъ откомандированъ въ Москву, кумиромъ которой былъ Мочаловъ. Молодой артистъ изъ Петербурга, осмѣливающійся быть претендентомъ на занятіе ролей, еще такъ недавно прославленныхъ Мочаловымъ: явленіе для Москвы, казалось бы, возмутительное! Будущіе зрители и сослуживцы Леонидова отнеслись къ нему, сначала, далеко не дружелюбно. Однако-же, благодаря прямымъ и благородству своего характера, гнушаясь интригъ, а всегда идучи честно и прямо по своему артистическому поприщу, Л. Л. Леонидовъ, съ которымъ Мочаловъ дѣлился своимъ репертуаромъ, сзумѣлъ, оставаясь самостоятельнымъ, заслужить расположеніе публики, любовь и уваженіе товарищей. Самою лестною отъ нихъ похвалою Леонидову было данное ему прозвище: нашъ, своего рода дипломъ на почетное гражданство въ московскомъ закулисномъ мірѣ. Послѣ смерти Мочалова весь его репертуаръ наследовалъ Леонидовъ и никто изъ сотоварищей не тягался съ нимъ изъ-за этого наследія; рецензенты съ похвалою отзывались объ игрѣ молодого артиста безъ всякихъ неумѣстныхъ и невыгодныхъ сравненій ея съ игрою покойнаго Мочалова. Въ 1848 году фанатикъ-москвичъ, критикъ-эстетикъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ напечаталъ весьма лестный отзывъ о Леонидовѣ въ роли «Гамлета». Игра его въ роляхъ шекспировскаго репертуара всегда отличалась глубокою обдуманностью, чистотою отдѣлки, разумною распорядительностью силъ, чувства и энергій. Это была игра истиннаго артиста...

Въ десятилѣтній періодъ пребыванія Леонидова премьеромъ на Московской сценѣ (1843—1853) въ драматической литературѣ и въ составѣ труппы петербургской произошли важныя перемены. Старинный классицизмъ отошелъ на задній планъ, уступивъ свое мѣсто романтизму; высокая комедія посторонилась предъ водевилемъ, или «провербами» и великосвѣтскими діалогами, переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Въ сезонъ 1843—1844 годовъ поставленъ былъ на сцену «Ломоносовъ», драма-хроника Н. А. Полеваго; поступила на сцену Вѣра Васильевна Самойлова; успѣшно попробовалъ свои силы Мартыновъ въ комедіяхъ Мольера: «Мѣщанинъ въ дворянствѣ» и «Скапиновы плутни». Оставили сцену А. М. Каратыгина и Я. Г. Брянскій ¹⁾; Ю. Н. Линская, отказавшись отъ ролей драматическихъ, перешла на комическія. Гастролировалъ М. С. Щепкинъ.

Въ 1845 году, до ноября мѣсяца, петербургскій театръ былъ пустынею; лѣтомъ, въ отсутствіе Каратыгина, дебютировалъ Славинъ, въ которомъ пророчили великаго трагика, ему на смѣну: соперникъ оказался весьма блѣдною копіею Мочалова. Публикою онъ былъ принятъ «ласково»; переигралъ нѣсколько лучшихъ ролей Каратыгинскаго репертуара, одну другой слабѣе, и затѣмъ ступевался, перейдя на амплу «полезностей»...

По возвращеніи В. А. Каратыгина изъ Парижа, онъ появился въ роли «Кяна» и принятъ былъ восторженно. Знатоки и любители драматическаго искусства нашли, что талантъ артиста еще усовершенствовался, игра отличалась отъ прежней простотою и естественностью; артистъ отрѣшился отъ многихъ традиціонныхъ недостатковъ старинной классической школы не въ раболѣпную угоду реальному направленію и требованіямъ современнаго вкуса, но съ полнымъ сознаніемъ ихъ справедливости. Такъ онъ выполнилъ роли въ новой трагедіи С. А. Геденова: «Смерть Ляпунова» и въ переводной драмѣ: «Клара д'Обервиль». Сезонъ закончился пошлѣйшею драмою: «Вѣчный Жидъ», передѣланною изъ романа Евгенія Сю: въ ней В. А. Каратыгинъ игралъ «Агасфера»—жида-скитальца. Что могли сдѣлать, онъ въ Петербургѣ, а Л. Л. Леонидовъ, его двойникъ, въ Москвѣ, изъ этой глупой роли?

Начало 1846 года было ознаменовано тяжелою утратою для нашей сцены: въ февралѣ скончался Н. А. Полевой, обогатившій ее множествомъ эффектныхъ пьесъ съ благодарными для В. А. Каратыгина ролями. Остались Н. В. Кукольникъ и Ободовскій, писавшіе драмы лишь для него, какъ многіе водевилисты—для Мартынова.

¹⁾ Онъ снова поступилъ на нее въ 1847 году.

Лѣтомъ поставлена была драма Яфимовича «Владиміръ Заревскій», съ прекрасною главною ролью для нашего трагика. Одновременно съ нею, Самойловъ и Мартыновъ обнаружили несомнѣнный драматическій талантъ въ пьесахъ «Отставной театральнѣй музыкантъ и княгиня» и «Кашей». Гастролировалъ почти цѣлый годъ московскій артистъ Самаринъ. Принять былъ прекрасно. Л. Л. Леонидовъ не послѣдовалъ его примѣру и при Каратыгинѣ не появлялся въ его роляхъ на петербургской сценѣ: черта, дѣлающая честь деликатности и такту заслуженнаго артиста. Благоевѣя предъ талантомъ В. А. Каратыгина, онъ не допускалъ и мысли о совмѣстничествѣ съ нимъ, всегда признавая въ немъ старшаго брата и учителя. Каратыгинъ, весною 1847 года, гастролировалъ въ Москвѣ, гдѣ публика оказала ему радушный приемъ, не выказывая, однако-же, предпочтенія предъ своимъ любимцемъ—Леонидовымъ. Затѣмъ, въ сезонъ 1847—1848 гг., за исключеніемъ отрывка изъ драмы графа Соллогуба—«Мѣстничество», ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не было поставлено ни одной пьесы, въ которой Каратыгинъ или Леонидовъ могли бы проявить ихъ дарованіе въ полномъ блескѣ. Оба они, скрѣпя сердце, играли въ плохихъ мелодрамахъ, какъ, напр.: «Гибель фрегата Медуза», «Кораблекрушители» и т. п. Репертуаръ видимо оскудѣвалъ; обомъ трагикамъ—московскому и петербургскому, приходилось освѣжать вкусъ публики, играя въ пьесахъ стараго репертуара, но таковыхъ было наперечеть.

Въ 1849—1850 гг. соперникомъ Александринскаго театра явился театръ-циркъ, съ военными эволюціями, пальбою, взрывами, съ молодю труппою, разыгрывавшею возобновленныя пьесы «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма». Раза три или четыре въ театрѣ-циркѣ игралъ и Каратыгинъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ (1849—1852 гг.) изъ новыхъ драмъ, которыя можно было назвать щедрою милостынею, поданною обнищавшему репертуару, замѣчательны были лишь слѣдующія: «Царская невѣста» (Л. А. Мея), «Семейная драма» (*Drame de famille*), «Замокъ Плесси ле Туръ» (*Louis XI*), «Нашла коса на камень» (*L'Aventuretière*) (переводы В. А. Каратыгина) и «Деньщикъ» (Нестора Кукольника). Всѣ эти пьесы играны были и въ Москвѣ, съ участіемъ въ главныхъ роляхъ Леонидова.

Въ 1852 году театръ лишился Н. В. Гоголя и М. Н. Загоскина. Новинками этого года были на сценѣ: «Бенвенутто Челлини», «Русская свадьба» (П. П. Сухонина) и «Ермилъ Ивановичъ Костровъ» (Н. В. Кукольника); «Пиръ у поэта Катудла» (Г. П. Данилевскаго) былъ послѣднею драмою въ стихахъ старинной

классической школы, въ которой участвовалъ Каратыгинъ... Хитоны, хламиды, тоги, вмѣстѣ съ классическими пьесами, могли быть сданы въ архивъ.

Наступилъ роковой для нашей сцены 1853 годъ, о которомъ у двухъ историковъ театра—П. А. Каратыгина и А. И. Вольфа, находимъ крайне разнорѣчивыя сказанія: «роковой», по мнѣнію одного, оказывается чуть не «благодатнымъ»—для другаго.

— Съ грустью я вспоминаю 1853 годъ,—говоритъ П. А. Каратыгинъ въ своихъ Запискахъ ¹⁾. Тяжелыя и невознагражденныя утраты понесла наша драматическая сцена, при самомъ его началѣ; съ его тяжелой руки началъ постепенно рѣдѣть тотъ блестящій талантливый кружокъ артистовъ, которыми, по справедливости, могъ гордиться тогда петербургскій театръ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 г. былъ прощальный бенефисъ Вѣры Васильевны Самойловой; 20-го числа умеръ Брянскій; черезъ недѣлю, скоропостижно, за кулисами, въ утренній спектакль, при представленіи «Русской Свадьбы», умерла талантливая Гусева. Смерть обонхъ, въ особенности послѣдней, поразила В. А. Каратыгина, тогда уже больного простудой, но бравировавшаго болѣзнію и въ тотъ же вечеръ, 27-го февраля, игравшаго въ «Деньщикѣ». Въ этой роли онъ въ послѣдній разъ явился передъ публикою. На другой день онъ серьезно занялся лѣченіемъ—и, черезъ двѣ недѣли, 13-го марта, скончался отъ тифозной горячки, послѣ тридцати-трехъ-лѣтняго честнаго служенія искусству:

— Вся драма русская въ лицѣ его жила:

„Онъ умеръ—съ нимъ у насъ и драма умерла!“

сказалъ экспромтомъ одинъ изъ его сослуживцевъ, П. И. Григорьевъ († 1871 г.). Эта эпитафія была отчасти справедлива; драма, если не умерла, то просуществовала еще лѣтъ десять и то единственно благодаря Л. Л. Леонидову, достойному преемнику великаго трагика, не смотря на болѣе или менѣе успѣшныя усилія Максимова и Самойлова играть нѣкоторыя роли Каратыгинскаго репертуара.

По какому-то странному, таинственному стеченію обстоятельствъ, за два дня до кончины петербургскаго трагика, именно 11-го марта 1853 года, выгорѣлъ до тла Большой театръ въ Москвѣ. Приводимъ кстати прочувствованный разсказъ очевидца объ этой катастрофѣ ²⁾:

¹⁾ „Русская Старина“, изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 459. „Записки“ (изд. 1860 г.), стр. 307.

²⁾ Изъ воспоминаній С. П. Соловьева, режиссера Московскаго театра. „Русскій Архивъ“, 1878 г., № 10, стр. 2062—2068.

„День 11 марта 1853 года записанъ въ лѣтописи московскаго театра тяжелымъ чернымъ днемъ; артисты-современники никогда не забудутъ этого дня; для нѣкоторыхъ изъ нихъ началась съ него новая жизнь, полная горя и многихъ лишеній, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ день былъ началомъ пути къ скорой преждевременной могилѣ.“

„Утро 11 марта было сѣренькое, безсолнечное. Былъ девятый часъ. Я готовился отправиться въ театръ. Въ это время вошелъ ко мнѣ театральнй медикъ Д*, съ которымъ я вмѣстѣ жгъ, и спросилъ у меня: „Ты ничего не слышалъ?“—Ничего, а что?,—„Да говорить, не знаю, насколько это справедливо, что будто Большой театръ горитъ“. У меня болѣзненно сжалось сердце, и я едва имѣлъ силы добѣти до окна, изъ котораго была видна крыша Большаго театра; но теперь тамъ видѣлась какал-то темная движущаяся масса. Я сейчасъ-же отправился. Чѣмъ ближе подѣзжалъ, тѣмъ несчастіе становилось очевиднѣе и сомнѣніе невозможнѣе; но я, по какому-то странному, ребяческому упрямству, все еще продолжалъ не вѣрить и говорилъ самъ себѣ: это точно горитъ, но не театръ, а что нибудь другое. Но вотъ и театръ! Какое странное потрясающее зрѣлище: изъ каждаго окна верхняго этажа высовывались длинныя огненные языки, свивались между собою и исчезали въ большихъ клубахъ чернаго дыма; огонь съ особенной силой свирѣпствовалъ на сценѣ и въ зрительной залѣ: тамъ былъ настоящій адъ! Въ „покойномъ“ театрѣ ложи въ бель-этажѣ поддерживались чугунными колоннами, которыя опирались на барьеръ бенуаровъ; послѣ пожара нашли одну изъ этихъ колоннъ: одинъ ея конецъ былъ расплавленъ и превращенъ въ безобразный комъ, а другой сохранилъ прежнюю форму. Каковъ-же былъ огонь, отъ котораго плавился чугунъ!

„Многіе артисты, совершенно потерянные и со слезами на глазахъ, ходили безъ всякой цѣли около своего горѣвшаго роднаго гнѣзда... огонь съ возрастающею силою продолжалъ дѣлать свои страшныя опустошенія; онъ, съ неумолимою жестокостію, сожигалъ цѣлыя милліоны. Вмѣстѣ съ прекраснымъ зданіемъ сгорѣлъ и драгоцѣнный гардеробъ, скопленный въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ; въ немъ, между прочимъ, была богатая коллекція французскихъ кафтановъ изъ дорогихъ матерій, изящно вышитыхъ шелками, серебромъ и золотомъ; ихъ, какъ мнѣ говорили, дирекція приобрѣла послѣ одного вельможи екатерининскаго вѣка. Сгорѣло также много музыкальныхъ инструментовъ и небольшая часть театральнй библіотеки. Къ счастью, вся библіотека находилась въ Маломъ театрѣ. Сильный огонь продолжался около двухъ сутокъ, а весь пожаръ окончился не ближе, какъ ведѣли черезъ полторы. Въ первое время жаръ былъ такъ силенъ, что на театральнй площади и на всѣхъ близкихъ къ театру улицахъ растаялъ снѣгъ. Послѣ пожара я входилъ во внутренность театра посмотрѣть на зрительную залу. Какая печальная и, вмѣстѣ, величественная картина! Это былъ скелетъ, но скелетъ великана, внушавшій невольное уваженіе, эти останки громко говорили о минувшей славѣ, о быломъ величій. Говорятъ, что зрительная зала послѣ пожара очень была похожа на развалины римскаго Колизея. Цифра убытка, причиненнаго пожаромъ, была огромная и дирекція находилась въ большемъ финансовомъ затрудненіи. Теперь она принуждена была на долгое время ограничиться спектаклями на одномъ только Маломъ театрѣ и почти для каждой старой пьесы дѣлать костюмы, и, сверхъ того, она должна была выдавать ежемѣсячное жалованье многочисленной труппѣ. Все

это вмѣстѣ заставило ее прибѣгнуть къ увольненію нѣкоторыхъ артистовъ: мѣра крутая, но она была вызвана крайнею необходимою; только, къ сожалѣнію, это увольненіе было сдѣлано не совсѣмъ справедливо. Можетъ быть дирекція, въ этомъ случаѣ, руководилась какими нибудь особенными соображеніями, вполне оправдывающими ея образъ дѣйствія; но я здѣсь высказываю мнѣніе большинства, не посвященнаго въ тайны театральнаго административнаго; въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ мало полезныхъ артистовъ были уволены и очень полезные дѣятели, для которыхъ это увольненіе было тѣмъ ужаснѣе, что они его вовсе не ожидали. Это было для нихъ какъ въ ударомъ изъ-за угла и для нѣкоторыхъ ударомъ смертельнымъ. Вскорѣ послѣ этого умерли: драматической режиссеръ Акимовъ, оперный режиссеръ Щепинъ и актеръ Соколовъ, такъ хорошо игравшій роли русскихъ купцовъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ театромъ сторуло у многихъ артистовъ счастье ихъ жизни, а у нѣкоторыхъ и самая жизнь.

Послѣ пожара театра, на фронтонѣ главнаго его подъѣзда долгое время красовалась удѣлѣвшая отъ огня надпись: Возобновленъ въ 1843 году. Такая надпись на полуразрушенномъ обгорѣвшемъ зданіи была какой-то злой насмѣшкой.

Извѣстіе о смерти В. А. Каратыгина было получено въ Москвѣ въ то самое время, когда огонь еще неистово клокоталъ внутри зданія Большаго театра. Подобно всѣмъ артистамъ, — своимъ сослуживцамъ, Л. Ф. Д. Леонидовъ былъ до глубины души пораженъ этимъ бѣдствіемъ, но ни на кого изъ нихъ, кромѣ него, смерть В. А. Каратыгина не произвела такого сильнаго потрясающаго впечатлѣнія: услыхавъ о ней, артистъ лишился чувствъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней недомогалъ. Онъ былъ искреннимъ и страстнымъ поклонникомъ Каратыгина съ самыхъ юныхъ лѣтъ и восхищался его игрой, какъ даровитый художникъ живописецъ восхищается произведеніями Рафаэля, Тиціана и Гвидо Рени.

Директоръ театровъ, А. М. Геденовъ, находился тогда въ Москвѣ. Относясь къ артистамъ и занимаемымъ ими амплу съ бюрократической точки зрѣнія, онъ въ смерти Каратыгина видѣлъ открытіе вакансіи для другаго, менѣе требовательнаго и болѣе уступчиваго артиста, и предложилъ Леонидову замѣнить покойнаго въ Петербургѣ. Сверхъ всякаго ожиданія Геденова, Леонидъ Львовичъ отклонился отъ этого предложенія. Онъ, въ теченіи одиннадцати лѣтъ, сроднился съ Москвою и, послѣ Мочалова, былъ ея любимцемъ, подружился съ сослуживцами, приобрѣлъ обширный кругъ знакомства, снискалъ привязанности сердечныя, порвать которыя было бы для него слишкомъ тяжелымъ самопожертвованіемъ. Самое же главное — благоговѣніе къ памяти Каратыгина не допускало въ скромномъ артистѣ мысли занять его роли на петербургской сценѣ, предъ тамошнею публикою, еще не успѣвшею позабыть покойнаго.

Гедесонъ терпѣть не могъ возраженій и противорѣчій и тѣмъ упорнѣе настаивалъ, чѣмъ они были логичнѣе и правдивѣе. Однако же доводы Леонидова были настолько убѣдительны, что директоръ ихъ уважилъ—и, до времени, оставилъ артиста по прежнему, при московской труппѣ. Тяжелый для театра 1853 годъ заключился началомъ кровавой драмы восточной войны, театромъ которой были сначала Дунайскія княжества, а затѣмъ—Севастополь.

«Въ исторіи русскаго театра (говорить А. Н. Вольфъ) ¹⁾ 19-ое февраля 1853 года составляетъ новую эру, также, какъ 19-ое февраля 1861 г., въ исторіи русскаго народа. Въ этотъ памятный день давали въ первый разъ: «Не въ свои сани не садись», А. Н. Островскаго, и съ этого дня—риторика, фальшь, галломанія начали понемногу исчезать изъ русской драмы. Дѣйствующія лица заговорили на сценѣ тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ они, дѣйствительно, говорятъ въ жизни. Цѣлый новый міръ началъ открываться для зрителей; міръ, съ особыми понятіями, съ особыми ветхозавѣтными обычаями. Явились вдругъ и артисты, способные изображать просто и естественно простаго русскаго человѣка. Оказалось, что можно проявить истинное чувство и тронуть массу не становясь на ходули и оставаясь вѣрнымъ простонародному типу ²⁾. Какъ же не сказать послѣ того, что 19-е февраля было новою эрою русскаго театра».

Слѣдуя этому лѣтосчисленію, т. е. принимая 19-е февраля 1853 года за эру, должно признать, что реализмъ владычествуетъ на нашей сценѣ уже 35 лѣтъ. Потомство съумѣетъ подвести итоги пріобрѣтеній театральной литературы новой реальной школы болѣе или менѣе даровитыхъ драматурговъ-натуралистовъ, и укажетъ какъ на громаднѣйшія достоинства ихъ произведеній, такъ и на недостатки.

Простота и естественность въ игрѣ Каратыгина, съ 1845 года, какъ мы уже говорили, была замѣчена публикою и оцѣнена по достоинству безпристрастною критикою. При своемъ исполненскомъ ростѣ онъ не имѣлъ надобности «становиться на ходули», но воспитанный на роляхъ классическаго репертуара, изображая героевъ трагедій Озерова, чуть не Сумарокова, обязанъ былъ слѣдовать тра-

¹⁾ Хроника Петербургскихъ театровъ, часть I. Спб. 1877, стр. 166—157.

²⁾ Лѣтописцу вмѣняетъ память: не говоря о многихъ тинахъ Шекспира—истиннаго творца реальной школы, можно указать на Шиллера (музыкантъ Миллеръ), на всѣ пьесы Коцебу и на нѣкоторыя изъ русскихъ стариннаго репертуара (Полеваго), въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ просто. безъ всякой риторики. П. К.

дѣянiямъ старой школы. Та-же переиѣна характера игры и стремленiе къ естественности проявились и въ Леонидовѣ, ученикѣ той-же старой школы. Ихъ замѣтилъ еще въ 1848 году А. А. Григорьевъ, при исполненiи Леонидомъ Львовичемъ «Гамлета», а въ 1862 году судья компетентный, другъ и сослуживецъ артиста, И. В. Самаринъ († 1886 г.) писалъ ему, по поводу представленiя какой-то псевдо-классической драмы;

— «Лена! Вчера я смотрѣлъ тебя въ нелѣпо патристической пьесѣ. Много бы можно было приобрести себѣ аплодисментовъ, кучу вызововъ: устрой только побольше эффектовъ, ярче раскрась фразы, драпируйся въ героинѣ... Ты не пошелъ на это... спасибо! Просто, естественно, прекрасно!

«Ты замазалъ недостатки автора, который явно рассчитывалъ на слова и на положенiе; ты только взялъ дѣло. Еще разъ—спасибо!

«Я давно не видалъ тебя на сценѣ и, признаюсь, вѣрь слову артиста, я былъ порадованъ... Я вынесъ прiятное чувство! Во славу искусства—съ Богомъ впередъ. Твоя идея игры принесетъ плоды. Еще разъ спасибо. Твой И. Самаринъ».

Осенью 1863 года императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Москву и видѣлъ на сценѣ Малаго театра «Русскую Свадьбу». Игра Леонидова въ этой пьесѣ понравилась императору и, выразивъ артисту свое удовольствiе, онъ приказалъ перевести его на петербургскую сцену на роли Каратыгина.

III.

Послѣ смерти этого трагика петербургская сцена не долго сиротѣла, а публика не долго вдовствовала. Она, какъ молодая вдова. утѣшилась новыми любимцами, подѣлившимися между собою Каратыгинскiй репертуаръ. Первыми явившимися претендентами на его роли были актеры провинциальные: Яковлевъ, Днѣпровскiй, Брянцевъ (на петербургской сценѣ, до отъѣзда въ провинцию, Леоновъ); за ними, талантливѣйшiй изъ нихъ, московскiй — Полтавцевъ (игравшiй въ Петербургѣ и въ исходѣ 1850-хъ годовъ). Изъ петербургскихъ П. А. Степановъ и Славинъ. Публикѣ они не особенно понравились: роли Каратыгина точно также были имъ не по силамъ, какъ не въ пору его костюмы. Прежнiе восторги въ публикѣ и въ журнальномъ мiрѣ пробудилъ А. М. Максимовъ, явившiйся въ роли «Гамлета». Рецензенты вѣняли ему въ досто-

инство даже его страшную худобу и, сравнительно съ Каратыгинымъ—малый ростъ. Особенно восторженно восхвалялъ А. М. Максимова за исполненіе роли «Гамлета» знатокъ нашей сцены—водевильистъ 1830—1840-хъ годовъ Ѳ. А. Кони († 1879 г.), редакторъ журнала «Пантеонъ».

И вотъ явился отзывъ о преемникѣ В. А. Каратыгина—Л. Л. Леонидовѣ, Лѣтописца петербургскихъ театровъ (Часть I, стр. 174), по поводу его появленія на сценѣ Александринскаго театра 18-го апрѣля 1854 года, въ роли «Бенвенуто Челлини».

...(Леонидовъ) «дебютировалъ въ «Бенвенуто Челлини» и затѣмъ постепенно вступилъ во владѣніе почти всеѣмъ репертуаромъ Каратыгина. Артисту этому, весьма даровитому и добросовѣстному, выпала неприятная обязанность подвергаться безпрестанному сравненію съ покойнымъ трагикомъ, по образцу котораго онъ сформировался. Копія, послѣ оригинала, не могла произвести надлежащаго эффекта. Самостоятельнаго же амплуа, сообразнаго съ новѣйшими требованіями, Леонидовъ себѣ не выработалъ и такъ на вѣки и остался трагикомъ».

Приговоръ, въ одинаковой степени скорый и несправедливый. Истинный артистъ, каковымъ всегда былъ и есть Леонидовъ, прогрессируетъ и развивается сообразно требованіямъ современнаго вкуса. Перейти на амплуа комиковъ или героевъ каскадныхъ и канканныхъ оперетокъ онъ, конечно, не могъ; придать игрѣ простоту и естественность онъ придалъ, еще за годъ до прибытія въ Петербургъ. Ему не давали ролей того амплуа, которому онъ себя посвятилъ—это вѣрнѣе.....

Въ Петербургъ Л. Л. Леонидовъ прибылъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи таланта, и выборъ дебютной роли могъ только служить доказательствомъ ума и такта артиста. Бенвенуто Челлини былъ одною изъ послѣднихъ ролей покойнаго Каратыгина. Онъ не игралъ ее и десяти разъ, такъ какъ ее отодвинули съ репертуара новыя пьесы Кукольника и Сухонина. Публика никогда не сравнивала новаго трагика съ покойнымъ: въ Леонидовѣ она видѣла Леонидова, не узурпатора, не выскочку, но законнаго преемника Каратыгина. Въ роли Бенвенуто онъ былъ превосходенъ и принятъ публикою какъ нельзя лучше. Закулисный міръ, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣлился на два лагеря: друзей и недруговъ и зложелателей, хотя и послѣдніе, подобно первымъ, относились къ Леонидову ласково, привѣтливо и почтительно. Начальство, не желая обижать артистовъ, до пріѣзда Леонидова игравшихъ Каратыгинскія роли, оставило нѣкоторыя изъ нихъ за нимъ, хотя между этими ролями было не мало эффектныхъ и благодарныхъ, которыя могли бы быть

триумфальными для бывшего московского артиста въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ по его переходѣ на петербургскую сцену; Леонидовъ игралъ главныя роли въ трагедіяхъ и драмахъ: Велизарій, Смерть Ляпунова, Морозовъ, Яковлевъ, Смерть или честь (слесарь Гюгъ), Бояринъ Васенокъ, Вахчисарайскій фонтанъ (Керимъ-Гирей), Иголкинъ, Царская невѣста, Курбскій, Князь, Людовикъ XI, Жизнь игрока, Демонъ, Ермакъ, Деньщикъ. Изъ ролей шекспировскаго репертуара онъ являлся въ роляхъ: Отелло и Макбета, не измѣняя завѣтнымъ традиціямъ драматическаго искусства.

Въ періодъ 1859—1859 гг. Петербургъ посѣтили три европейскія знаменитости: Рашель, Ристори и Айра Ольдридждъ, пробудившія въ публикѣ вкусъ къ трагедіямъ классическаго репертуара. Африканскій трагикъ Айра Ольдридждъ въ роляхъ репертуара шекспировскаго былъ для публики и для самыхъ артистовъ истолкователемъ исполнителскихъ типовъ гениальнаго британскаго поэта. Съ нимъ состязался, но уже гораздо позже, нашъ покойный Самойловъ ¹⁾. Ему впоследствии Леонидовъ уступилъ роль короля Лира, довольствуясь въ этой трагедіи второстепенною ролью «Глостера». Знаменитый Иффландъ говорилъ, что для талантливыхъ артистовъ нѣтъ малыхъ ролей—и Леонидъ Львовичъ оправдалъ этотъ афоризмъ. Айра Ольдридждъ, придя къ нему въ уборную, осмызалъ его самыми искренними похвалами. Если онъ въ устахъ иностраннаго артиста могли-бы казаться любезностями, то приводимъ отзывъ просвѣщеннаго знатока сцены А. М. М.—на изъ его письма въ Парижъ о представленіяхъ Короля Лира съ Самойловымъ и Айра Ольдриджемъ въ главной роли:

— «Видѣлъ я, наконецъ, того и другаго и невольно вспомнилъ третьяго, уже умершаго «Лира»—Каратыгина. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой трагедіи африканскій артистъ былъ великолѣпенъ, а именно въ первомъ актѣ и въ послѣднемъ; въ остальныхъ же удовлетворителенъ только. Самойловъ, кромѣ одной сцены (вечной) втораго дѣйствія и перваго явленія четвертаго, въ прочихъ частяхъ трагедіи оказался несостоятельнымъ, а въ иныхъ мѣстахъ былъ даже сильно швахъ, какъ, напримѣръ, въ первомъ актѣ, гдѣ онъ походилъ на какого-то переодѣтаго буржуа-старичка, хватившаго лишній стаканчикъ водки и дѣлающаго вслѣдствіе этого разныя глупости въ своемъ семействѣ. Сцены въ лѣсу и сшумашествіе прошли у Ольдриджда довольно безцвѣтно; у нашего же Гарриика послѣдняя сцена, т. е. безумія, вышла хотя и гораздо удачнѣе, но это проис-

¹⁾ См. Воспоминанія В. В. Самойлова въ „Русская Старина“, изд. 1875 г., томъ XII, стр. 197—207.

ходило отъ сильнаго и вѣрнаго подражанія покойному Каратыгину. Наша «Корделія»—Снѣткова была недурна, но, къ сожалѣнью, органъ ея голоса не совершенно еще выработанъ. Но кто удивилъ меня въ «Лирѣ» и кто болѣе всѣхъ удовлетворилъ моимъ строгимъ требованіямъ, это—Леонидовъ, игравшій старика «Глостера»: онъ былъ превосходенъ и, скажу рѣшительно, что не только превзошелъ мои ожиданія, но превзошелъ самого Самойлова, выполненіемъ небольшой роли, отдѣланной имъ съ любовью и мастерски. Громъ рукоплесканій былъ наградою артисту за его стараніе».

Впослѣдствіи, въ интимномъ кругу друзей и искреннихъ соотаврищей, Леонидъ Львовичъ сознался въ источникѣ своего вдохновенія: это сознаніе дѣлало честь благородству и нѣжности чувствъ почтеннаго артиста:

— «Играя «Глостера», я мысленно переносился ко временамъ другаго Лира, уже умершаго, но живаго въ моей памяти, когда-то героя нашей сцены, во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи мощнаго своего таланта, такъ и старикъ Глостеръ, сподвижникъ Лира, защищалъ его отъ оскорбленій неблагодарными дочерьми... Такъ, душою, я слился съ личностью Глостера»¹⁾.

Другою его ролью, за которую нашъ артистъ удостоился похвалы Айра Ольдриджа, былъ Ляпуновъ. Африканскій трагикъ собственно-ручно написалъ на роли, по англійски:

— «Нынѣ вечеромъ видѣлъ я самое артистическое исполненіе главной роли въ «Ляпуновѣ» г. Леонидовымъ, и прошу позволенія выразить ему за то мое скромное, но искреннее восхищеніе. Айра Ольдридждъ, африканскій трагикъ. Спб. 1858 г. 3-го декабря».

Весною 1859 года Леонидовъ поступилъ на пенсію за двадцатилѣтнюю службу при императорскихъ театрахъ. Не смотря на разлуку съ нѣсколькими сослуживцами, Леонидъ Львовичъ по прежнему былъ ими любимъ и уважаемъ. Выразителемъ ихъ чувствъ былъ Д. Т. Ленскій, именно въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12-го апрѣля 1859 года):

— «Благодарю за память о насъ, москвичахъ. Тебѣ нечего удивляться той радости, съ которою прежніе твои друзья-сослуживцы тебя здѣсь встрѣтили и дѣлили съ тобою самыя пріятныя минуты: это былъ отголосокъ сердець благородному и открытому сердцу; это

¹⁾ Упомянувъ о представленіи „Короля Лира“, не можемъ умолчать о знакомствѣ съ литературою тогдашняго директора театровъ А. И. Сабурова. Увидя за кулисами П. А. Каратыгина, онъ добродушно сказалъ ему: „А хорошенькая пьеса эта Лира; давай бы ее почаще!“ П. К.

былъ благодѣтельный урокъ и примѣръ моему юношѣ-сыну, какъ даже и между нашими мелочными закулисными дрязгами честный и достойный артистъ можетъ приобрести себѣ любовь и уваженіе.

«Желаю тебѣ, съ твоимъ семействомъ, весело и въ цвѣтущемъ здоровьи провести какъ дни праздника, такъ и всѣ дни твоей жизни. Прощай, мой другъ, душою тебѣ преданный Дмитрій Ленскій».

Годъ двадцатилѣтія служебной карьеры Леонида Львовича былъ его триумфальнымъ годомъ. Осенью овъ игралъ «Отелло» и самостоятельно, не подражая никому, не копируя ни Каратыгина, ни Айра Ольдриджа, выполнилъ ее превосходно. Взыскательный А. А. Григорьевъ напечаталъ весьма лестный для самолюбія артиста отзывъ въ газетѣ «Русскій Міръ». Еще того цѣннѣе былъ отзывъ покойнаго А. В. Дружинина († 1864) въ слѣдующемъ его письмѣ:

— «Позвольте отъ души поздравить васъ со вчерашнимъ успѣхомъ и выразить вамъ то истинное сочувствіе, съ которымъ смотрѣлъ я на ваше честное и глубоко прочувствованное исполненіе одной изъ труднѣйшихъ ролей во всемъ Шекспирѣ. Одна только близорукая рутинна рѣшится назвать вашу попытку смѣлою. Артистъ, знающій свое дѣло и проникнутый любовью къ великому поэту, и можетъ, и долженъ воплощать его созданія. Тутъ и тысячи Ольдриджей ему не помѣшаютъ.

«Позвольте же еще разъ поблагодарить васъ и попросить васъ принять въ знакъ искренняго моего сочувствія прилагаемый у сего билетъ на мой журналъ 1860 года. Этотъ годъ, смѣю надѣяться, не будетъ лишенъ для васъ занимательности, такъ какъ въ немъ я рассчитываю напечатать «Грозу» А. Н. Островскаго ¹⁾ и два перевода изъ Шекспира, изъ которыхъ одинъ, «Ричардъ III», конечно мною за нынѣшнее лѣто.

«При свиданіи надѣюсь поговорить съ вами объ исполненіи «Отелло», теперь же прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, готовый къ услугамъ А. Дружининъ. 16 ноября 1859 года».

Тотъ же Дружининъ именно для Леонида Львовича перевелъ «Коріолана», но ни въ этой роли, ни въ «Ричардѣ III» артисту не довелось явиться предъ публикою. Театральному начальству того времени не угодно было поставить «Коріолана»; что же касается до «Ричарда III», трагедія эта, переведенная Я. Г. Брянскимъ въ 1830 годахъ и представленная съ самимъ переводчикомъ

¹⁾ † 2 іюля 1886 года.

въ главной роли, была сдана въ архивъ. Въ исходѣ 1840 годовъ она была вновь переведена Г. П. Данилевскимъ для В. А. Каратыгина, но ее запретила цензура, издревле не благоволившая либералу Шекспиру. Той же участи во времена Каратыгина подвергся и «Макбетъ»,—этотъ дивный бриллиантъ въ коронѣ царя трагическихъ поэтовъ; «Макбетъ», за котораго покойный трагикъ готовъ былъ отдать двадцать ролей въ драмахъ Полеваго, Кукольника, Ободовскаго! Завидный жребій ознакомить русскую публику съ «Макбетомъ» достался Леонидову въ 1863 г. и въ этой роли онъ былъ превосходенъ. Если бы даже она до него играна была Каратыгинымъ, то и тогда Леонидъ Львовичъ смѣло могъ бы выдержать и сравненіе, и строжайшую критику. Мы особенно помнимъ сцены: убіеніе Дункана, явленіе тѣни Банко, совѣщаніе съ вѣдьмами и весь послѣдній актъ.. Невѣдомо по какимъ причинамъ трагедія была сыграна не болѣе трехъ разъ.

Это было именно въ шумную эпоху борьбы новаго поколѣнія со старымъ, когда реализмъ въ изящныхъ искусствахъ дошелъ до нѣкоторыхъ крайностей. Старая школа сценическаго искусства подверглась остракизму и замѣнена новою—натуральною. По этому поводу учитель старой школы П. А. Каратыгинъ, подъ руководствомъ котораго развились первоклассные таланты: Мартыновъ, Максимовъ, совѣтами котораго пользовался и Леонидовъ въ самомъ началѣ своего поприща,—отмѣтилъ въ своихъ «Запискахъ»¹⁾:

— «Нѣкоторые современные театральные критики имѣютъ довольно странный взглядъ на драматическое искусство и не допускаютъ въ немъ никакой подготовки или теоретическихъ правилъ. Они говорятъ, что талантъ не нуждается въ руководителяхъ, что единственнымъ его учителемъ должна быть одна природа.

«Бездарность, прибавляютъ они, какъ бы ни старалась, ни училась, вѣчно останется бездарностью, а школьныя правила только вредятъ таланту.

«Если человѣкъ грамотенъ, образованъ, одаренъ пріятною наружностію, звучнымъ голосомъ — этого достаточно. Тутъ всё данна, чтобы быть хорошимъ актеромъ.

«Очевидно, что подобный взглядъ на драматическое искусство весьма ошибоченъ. Развѣ шлифовка отнимаетъ достоинства у драгоценныхъ камней? Природа можетъ быть учителемъ человѣка только въ его животныхъ наклонностяхъ; къ искусствамъ же и художествамъ

¹⁾ Записки, изд. 1880 г., стр. 238—239.

едва-ли это примѣнимо,—бываютъ исключенія, но они весьма рѣдки. Если усовершенствованіе таланта можно сравнить со шлифовкой алмаза, то недаровитаго, но прилежнаго актера почему же не сравнить съ хрусталемъ, хорошо ограненнымъ: и въ немъ есть своя игра, и у него есть свои радужные, красивые переделы. Не всѣмъ же быть первоклассными талантами. Внѣшнія и даже внутреннія данныя не дѣлаютъ еще актера: красивая наружность, звучный голосъ, даже душевный жаръ—все это только сырые матеріалы, требующіе обработки. Если ими одаренъ человекъ, не изучающій искусства, всѣ эти качества только краски и кисти въ рукахъ не имѣющаго понятія объ основныхъ правилахъ живописи. Возьмемъ, для примѣра, спектакли любителей-самоучекъ: участвующіе въ нихъ, болѣею частью, люди воспитанные и образованные, не обижены природными достоинствами; есть между ними, можетъ быть, и даровитыя личности. Но для человека опытнаго въ дѣлѣ театральнаго искусства подобныя спектакли зачастую далеко не удовлетворительны. Положимъ, что масса зрителей часто бываетъ довольна; но судъ публики не есть еще судъ свѣдущей критики; а критика-то и замѣтитъ, что въ этихъ спектакляхъ многіе грѣшатъ противъ правильности дикціи, нерѣдко слышится фальшь въ интонаціи, ошибочныя ударенія на словахъ, произвольные жесты, вовсе не подходящіе къ смыслу произносимой фразы. Стало быть, драматическое искусство дается не такъ легко, или, вѣрнѣе сказать, оно, какъ и всякое искусство, не приобретается безъ науки. Какъ нельзя быть хорошимъ ремесленникомъ, не изучивъ первыхъ правилъ мастерства, также точно нельзя быть и артистомъ, не изучивъ техники этого искусства, т. е. его теоріи.

«Послѣ всего сказаннаго мною, кажется, мудрено будетъ согласиться съ тѣмъ актеромъ, который возьметъ себя за правило руководствоваться одной только натурой. Вѣдь бормотать себя подъ носъ или шептать—тоже дѣло натуральное; но каково-же тогда будетъ бѣднымъ слушателямъ? Въ недавнее еще время рыльные поклонники такъ называемой «натуральной школы» требовали отъ актера только одной безъискусственной природы ¹⁾; желали, чтобы онъ игралъ по вдохновенію, игралъ душою.

---

¹⁾ Дѣтъ шестьдесятъ тому назадъ А. А. Бестужевъ (Марлинскій) по поводу природы въ изящныхъ искусствахъ писалъ: «Послѣ этого, шарманщикъ, умѣющій посредствомъ перышка щелкать соловьемъ, или свистать жаворонкомъ—первый виртуозъ; а формовщикъ, снимающій маски съ покойниковъ или слѣпки съ человѣческаго тѣла—выше Кановы и Торвальдсена!»

«Такъ называемый «паеосъ», «экстазъ», восторженность суть уже ненормальное состояніе человѣка; актеръ, дошедшій до самозабвенія, естественнымъ образомъ долженъ забыть свою роль, а забывъ свою роль, онъ разрушаетъ очарованіе, произведенное имъ на зрителя. Если высокоталантливый актеръ можетъ владѣть сердцемъ зрителя, то, въ свою очередь, онъ долженъ умѣть владѣть своими чувствами, не увлекаться ими и держать ихъ въ извѣстныхъ границахъ.

«Женщина, по природѣ своей, впечатлительнѣе мужчины: если нервная актриса дастъ полную волю своимъ чувствамъ, зальется слезами, съ нею можетъ сдѣлаться истерика; того гляди, наконецъ, упадетъ въ обморокъ—и тогда, разумѣется, она не въ состояніи будетъ кончить свою роль; тогда придется спустить завѣсу, послать за докторомъ. Конечно, все это очень естественно, но едва-ли такой результатъ можетъ быть приятенъ зрителямъ».

Партія натуралистовъ вяла, однако-же, верхъ надъ классиками, именно въ 1860-хъ годахъ, и вотъ что говоритъ о томъ другой маститый артистъ, почтенный Леонидъ Львовичъ Леонидовъ ¹⁾, по поводу постановки знаменитой трагедіи графа А. К. Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго»:

— «Въ тѣ годы, при уничтоженіи театральной цензуры при дирекціи, у гг. рецензентовъ и фельетонистовъ поднялся самый яростный бой, въ обличительномъ тонѣ—о казенщинѣ, чиновничествѣ и въ особенности—о бесполезности драматической школы, какъ рутинѣ.

«Традиція—шаблонная игра, рутинѣ; ампула, выборъ ролей актерами—рутина. Вѣщность и пластика—старая, избитая школа—рутина.

«Въ основаніи русскаго (?) искусства должно играть вдохновительно—нервами, нутромъ, имѣя въ себѣ артистическую жилку и литературное образованіе. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что кружокъ писателей и обличительной литературы, при подобномъ сумбурѣ во взглядахъ на театральное дѣло, затѣялъ устраивать любительскіе спектакли, съ цѣлью уничтоженія рутинѣ и классицизма школы...

«Но кто изъ истинныхъ почитателей искусства видѣлъ эти представленія, тотъ помнить, какое впечатлѣніе уносилось изъ зрительной залы. Помнить, что одного образованія для сценическаго представленія недостаточно; необходимъ—навыкъ и талантъ. Мало только понять, необходимо умѣть и выразить. Быть похожимъ на то лицо, какое изображаетъ авторъ, а не на свое собственное, по личному убѣж-

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1886 г., т. L, стр. 659—660.

деню. Что при уважаемомъ стремленіи любителей къ театральному искусству имъ нужна школа и школа.

«Конечно, не разумѣя при этомъ непремѣнно театральное училище, но вообще выработку дикціи, пластики и своего послышнаго амплуа, т. е. жанра подходящихъ ролей.

«У каждаго знаменитаго актера есть школа, или послѣдовательная, или своя, прирожденная, которую онъ, совершенствуя, вводитъ въ театральное искусство. Все обдуманно, затвержено, ловко приспособлено, изящно исполнено и вдохновеніемъ оживлено. Все это дается школою, безъ которой и талантливые подражатели остаются плохими актерами.

«Сценичное увлеченіе минутною страстью, при выдерживаніи характера только эффектными мѣстами, поражающими публику,—такие актеры и актрисы дѣлаются иногда мѣстными любимцами, но въ число знаменитостей не попадаютъ никогда, если у нихъ нѣтъ строгой заученой школы и выработаннаго амплуа европейскаго репертуара.

«И тою-же самою школою должно вразумлять вышедшее на театральныя подмостки нутро и успокаивать его нервы, не дозволяя ему житься надъ непосильною ролью».

2-го марта 1864 года, за мѣсяць до исполнившагося двадцатипятилѣтія честнаго служенія искусству Леонида Львовича, артисты-сослуживцы чествовали его въ отелѣ Демуть. Гостями его были: И. И. Сосницкій, О. А. Петровъ, В. В. Самойловъ, Н. О. Гольцъ, П. А. Каратыгинъ и другіе старшіе актеры, поднесли ему золоченый кубокъ, серебряный дежене; артистки поднесли адресъ и букетъ; младшіе изъ артистовъ труппы — адресъ и хлѣбъ-соль.

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ!...

можетъ сказать нашъ почтенный полувѣковой юбиляръ при взглядѣ на адресы и припоминая свое первое торжество. За обѣдомъ Ѡ. А. Бурдинъ и преподаватель драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ В. И. Василько-Петровъ привѣтствовали юбиляра рѣчами. П. И. Григорьевъ читалъ стихи въ его честь. Приводимъ ихъ и рѣчь Бурдина какъ отголоски тогдашнихъ чувствъ товарищей Леонидова и какъ яповнѣ справедливую оцѣнку его неотъемлемыхъ достоинствъ, какъ артиста и человѣка:

Всегда тебя какъ человѣка
И какъ артиста я любилъ!
Ты съ пользой, честно, четверть вѣка
На русской сценѣ прослужилъ.

Привѣтъ тебѣ! Привѣтъ заслугѣ!
 Привѣтъ мой искренній, простой!
 Пусть псевдо-критикъ, на досугѣ,
 Въ своемъ болѣзненномъ недугѣ,
 Позоритъ нашъ театръ родной;
 Пусть онъ топорщится и рвется
 Заслугу громко отрицать;
 Въ средѣ артистовъ не найдется.
 Кто-бъ сталъ врать такъ такимъ внимать,
 Или ложь за истину считать!
 Пусть драматическая сцена
 Въ забросѣ, въ бѣдности живетъ;
 Но, вѣдь, наступитъ перемѣна,
 Придетъ-же тотъ отрадный годъ,
 Годъ улучшенья, обновленья;
 Я жду и вѣрю, что дадутъ
 Просторъ искусству — безъ стѣсненья,
 Въ почетъ артистовъ возведутъ!
 До той поры снося обиду,
 И зло, и пошлости людей,
 Желаю другу Леониду,
 Въ кругу товарищей друзей,
 Жить и трудиться много дней!

Ш. И. Григорьевъ.

«Вратскій кружокъ вашихъ товарищей и знакомыхъ, помня вашу всегдашнюю хлѣбъ-соль, собрался здѣсь отпраздновать ваше двадцатипятилѣтнее пребываніе въ своей средѣ хлѣбомъ-солью.

Чтобы воплію оцѣнить тѣ чувства любви и уваженія, которыми вы отъ всѣхъ пользуетесь, достаточно было видѣть то живое сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено старыми и молодыми заявленіе о праздникѣ въ честь нашего сердечно любимаго Леонида!

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не любить васъ? Никогда не унижавшійся предъ старшими, не зазнававшійся предъ младшими, чуждый всякихъ интригъ, исполненный всѣмъ доброжелательства; какъ артистъ, сочувствующій всему прекрасному, какъ человѣкъ всегда впереди на всякое доброе дѣло!

Словомъ, художникъ на сценѣ и рыцарь въ жизни!

Какъ-же послѣ этого не поднять въ честь вашу бокала съ самыми искренними пожеланіями вамъ всего прекраснаго, что достается въ удѣлъ человѣку на землѣ!»

Ө. Бурдинъ.

IV

Проходили года; въ 1869 г. Леонидъ Львовичъ, въ семейномъ и интимномъ кругу, праздновалъ тридцать, въ 1878 г.—сорокъ лѣтъ своей артистической дѣятельности. Рѣдѣла художественная семья дѣятелей сценическихъ; старыхъ смѣняли новыя дарованія изъ молодаго поколѣнія.

Между тѣмъ переворотъ въ общественномъ строѣ отразился и въ закулисномъ мірѣ. Новѣйшіе и, къ сожалѣнію, талантливѣйшіе писатели для сцены какъ-бы игнорировали артистовъ старой школы. Въ ихъ числѣ былъ и сильный талантъ—графъ А. К. Толстой. При постановкѣ своей трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» въ 1867 году онъ, главною ролью, обошелъ Леонидова и ввѣрилъ ее Васильеву 2. «Труппа раздѣлилась на двѣ половины», говоритъ Леонидъ Львовичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾, трагизмъ отошелъ въ сторону, комизмъ выдвинулся впередъ». Когда-же ни одинъ изъ исполнителей роли Грознаго не угодилъ автору, графъ предложилъ ее Л. Л. Леонидову. Почтенный артистъ, разумѣется, отказался отъ этой чести, а дирекція не старалась уговорить его пожертвовать своимъ самолюбіемъ поддержкѣ нашей сцены. Вообще эпизодъ постановки трагедіи графа Толстаго, рассказанный самимъ Леонидомъ Львовичемъ—интересный матеріалъ для будущаго историка литературы и нашего театра.

Такъ измѣнялось многое и за кулисами, и въ театральной администраціи; не измѣняли одному только благородному Леонидову его физическія и нравственныя силы, ни самъ онъ не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. И правъ былъ товарищъ его артистъ П. И. Григорьевъ въ своихъ стихахъ на его тридцатилѣтіе:

Хоть ты на видъ уже и сѣдъ,
Но все-же насъ позадачишь!..
Какъ! ужъ и ты, братъ, 30 лѣтъ
На русской сценѣ отмалчивъ?
Похвально! Дѣйствуй въ добрый часъ,
Такъ, какъ артистъ и добрый-малый!
Вѣдь 30 лѣтъ пробыть межъ насъ
Есть тоже подвигъ,—и не малый!
Мы помнимъ, въ эти 30 лѣтъ
Трудился честно ты и смѣло:
Ты Ляпуновъ былъ и Гамлетъ.

¹⁾ „Русская Старина“, изд. 1886 г., томъ L, стр. 661.

Былъ Велизарій и Отелло!
 Репертуаръ твой былъ великъ
 И многимъ памятенъ до нынѣ:
 Ты былъ Пожарскій и Челлини,
 Ермакъ и Грозный, и Деньщикъ...
 Не перечесть твоей работы,
 Твоихъ сценическихъ трудовъ;
 Любя искусство, всѣ расчеты
 Забыть ты часто былъ готовъ!
 Цѣнить твой трудъ не намъ бы нужно,
 Но тѣмъ, кто въ силѣ и въ чинахъ...
 А мы лишь въ силахъ выпить дружно,
 Чтобъ пожелать тебѣ всѣхъ благъ!

Ролями, достойными Леонидова въ 1870 — 1880 годахъ, въ оригинальныхъ русскихъ трагедіяхъ и драмахъ были: Борисъ Годуновъ (А. С. Пушкина), Захарьинъ, Грозный, Посадникъ (гр. А. К. Толстаго), Малюта, — Грозный (А. Н. Островскаго), «Дядька въ затруднительномъ положеніи» (Н. В. Гоголя), «Сватъ Фаддѣичъ» (Чаева), «Каширская старина» (Аверкіева), «Чужое добро въ прокъ нейдетъ» (Потѣхина), «Польскій Еврей» (Вейнберга), «Общее благо» (Мана), «Забубенная головушка» (Карѣева), «Однодворецъ» (Боборыкина), «Арахнея», Крушининъ (Н. Дьякова)¹⁾, «Дѣдушка» (Баженова). Изъ пьесъ переводныхъ: «Много шуму изъ ничего» (Шекспира), «Донъ-Луи», «Донъ-Жуанъ» (Мольера), Де-Сантосъ, «Уриэль Акоста» (Гуцкова) и мног. другія.

У.

2-го марта 1888 года на сценѣ императорскаго Александринскаго театра данъ былъ прощальный спектакль Леонида Львовича Леонидова, отпразднована была «золотая свадьба» старѣйшаго артиста съ русскою сценою.

Надо отдать полную справедливость дирекціи императорскихъ театровъ въ томъ, что она весьма внимательно отнеслась къ этому торжеству. Юбилюру предоставленъ былъ праздничный день для этого спектакля и вся его обстановка была превосходна.

Для прощанія съ публикой и сценой маститый артистъ выбралъ «Русскую Свадьбу», покойнаго П. П. Сухонина. Эта пьеса второстепеннаго, но трудолюбиваго русскаго писателя дана было въ первый

¹⁾ Бенѣфисъ Л. Л. Леонидова (23-го октября 1881 г.).

разъ въ 1852 году, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и затѣмъ выдержала множество представлений. Сюжетъ пьесы крайне не замысловатъ, мѣстами даже дѣтски наивенъ по замыслу, но за то пьеса даетъ превосходный случай обставить ее всеми обрядовыми подробностями русской свадьбы эпохи до-петровской Россіи, что и было превосходно сдѣлано въ настоящемъ спектаклѣ. Декораціи хотя и не новы, но были изрядны, костюмы же и бутафорскія вещи блистали новизной, свѣжестью и возможной вѣрностью, въ археологическомъ отношеніи, предметамъ, одеждѣ и вообще всей обстановкѣ конца XVI и преимущественно XVII вѣковъ.

Всѣ наличныя силы русскаго театра участвовали въ спектаклѣ 2-го марта 1888 года и этимъ, конечно, выражено было чувство любви и уваженія артистовъ-товарищей къ г. Леонидову, каковыя чувства издавно стяжалъ себѣ почтенный Леонидъ Львовичъ.

Какъ ни мало является благодарныхъ данныхъ въ роли боярина Гвоздева, многіе годы играемой въ этой пьесѣ г. Леонидовымъ, данныхъ для проявленія таланта артиста, но и этими не многими моментами опытный артистъ нашъ воспользовался превосходно; каждый шагъ его былъ зрѣло обдуманъ, малѣйшая интонація въ голосѣ взвѣшена и всѣ проявленія чувствъ: гнѣва, мщенія къ своему сопернику, изъ-за мѣстничества, любовь къ сыну, всѣ эти проявленія были имъ переданы съ большою выразительностью и чувствомъ. Вообще манера держать себя, манера владѣть своимъ голосомъ, вся вообще игра г. Леонидова живо напомнила намъ доброе старое время пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ (мы знаемъ петербургскій театръ съ 1852 года), когда русское общество истинно наслаждалось цѣлою группою сценическихъ дарованій: И. И. Сосницкій, В. В. Самойловъ, П. А. Каратыгинъ, А. М. Максимовъ, А. Е. Мартыновъ, П. И. Григорьевъ, Вѣра и Надежда Васильевны Самойловы, Ляская и нѣкоторые другіе. Какая семья даровитыхъ артистовъ! Объ этихъ временахъ русской сцены въ Петербургѣ вспоминаетъ каждый, кому довелось бывать тогда въ театрѣ, вспоминаетъ о томъ высокомъ, неизяснимомъ наслажденіи, которое выносилъ онъ изъ него.

Но если труппа русскіихъ артистовъ на императорской С.-Петербургской сценѣ въ настоящее время не выдвигаетъ изъ своихъ рядовъ высокіе таланты, то должно отдать полную имъ справедливость въ томъ, что они отличаются замѣчательною добросовѣстностью какъ въ изученіи, такъ и въ исполненіи ролей; рѣшительно каждый изъ нихъ самымъ рачительнымъ образомъ относится къ своему дѣлу, относится къ нему съ видимою любовью. Такъ и въ спектаклѣ 2-го марта—не было ни малѣйшей черты небрежнаго исполненія, напротивъ, каждый

какъ бы сроднился съ своею ролью и самая ничтожная изъ нихъ была выполнена хорошо, толково и съ умомъ.

Выходъ юбиляра сопровождался громомъ рукоплесканій публики, которую зало театра было рѣшительно переполнено. Оглушительные аплодисменты не прекращались минутъ десять.... Какое ободряющее дѣйствіе для молодыхъ артистовъ производить таковой приемъ публики, такое чествованіе заслугъ старѣйшихъ артистовъ!

Говорить ли о подношеніяхъ со стороны публики Л. Л. Леонидову? Ихъ былъ цѣлый рядъ:

Громадный лавровый вѣнокъ, перевязанный полотенцемъ, съ большою, во весь вѣнокъ, бронзовою литерою «Л» съ выгравированною на ней надписью: «Леониду Львовичу Леонидову въ день его золотой съ русской сценой свадьбы». Вѣнокъ этотъ былъ отъ драматической школы литературнаго драматическаго общества.—Большой ящикъ чайнаго серебра.—Большой серебряный кубокъ.—Еще лавровый вѣнокъ, перевитый роскошно вышитымъ полотенцемъ....

По окончаніи «Русской Свадьбы» было настоящее торжество юбиляру.

Поднялась занавѣсь и среди громаднаго собранія всѣхъ артистовъ русской драматической труппы явился нашъ маститый юбиляръ, съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Станислава и ведомый старшими артистками Жулевой и Сабуровой. Какъ эти артистки, такъ и нѣкоторые другія оставались въ роскошныхъ старинныхъ русскихъ костюмахъ, что было весьма эффектно. Всемилюстивѣйшее пожалованіе русскаго артиста-юбиляра орденомъ составляетъ высокознаменательное явленіе. До сихъ поръ, если русскому артисту, находящемуся на дѣйствительной службѣ жаловались ордена—какъ напр. И. В. Самарину, то лишь въ виду службы его въ качествѣ наставника въ консерваторіи и въ театральномъ училищѣ и вообще за службу не на сценѣ. За служеніе искусству на сценѣ не было пожалованій. По этому поводу многие въ Спб. хорошо помнятъ, какъ огорчился покойный В. В. Самойловъ—когда за сорокалѣтнюю службу на сценѣ онъ получилъ въ 1874-мъ году обычную медаль, а не крестъ. Извѣстно также, какое пріятное впечатлѣніе произвело во Франціи—пожалованіе, немного лѣтъ тому назадъ, президентомъ республики креста почетнаго легіона одному изъ артистовъ театра; такимъ образомъ и во Франціи воздаваніе заслугъ уважаемыхъ артистовъ наградою орденомъ является весьма не давно.... Въ лѣтописяхъ-же русскаго театра пожалованіе Л. Л. Леонидова, артиста, находящагося на сценѣ, орденомъ составляетъ первую ¹⁾, по времени, этого рода Монаршую милость.

¹⁾ В. В. Самойловъ получилъ орденъ въ 1834 году, находясь уже десять лѣтъ въ отставкѣ.

Эта милость, окончательно возвышая служеніе искусству на сценѣ театра, ставитъ отнынѣ его въ уровень съ прочими отраслями служенія отечеству на другихъ поприщахъ, что и было замѣчено всѣми и принято съ глубочайшимъ сочувствіемъ и благодарностью... Но вернемся на сцену Александринскаго театра.

Началось чтеніе адресовъ и привѣтовъ юбиляру.

Режиссеръ театра г. Федоровъ-Юрковскій прочелъ адресъ отъ русской драматической труппы, послѣ чего г-жи Савина и Натарова поднесли юбиляру золотой вѣнокъ на красной бархатной подушкѣ.

Слѣдовалъ адресъ отъ артистовъ Московскаго Малаго театра.

Г-жа Мичурнина подала юбиляру лавровый вѣнокъ отъ знаменитой вѣкогда артистки—Надежды Васильевны Самойловой.

Большой лавровый вѣнокъ отъ оперной труппы поднесенъ гг. Мельниковымъ, Черновымъ и Корякинымъ.

Золотой вѣнокъ отъ балета поднесли гг. Петипа, Кшесинскій, Гердъ и Стуколкинъ.

Лавровый вѣнокъ—отъ нѣмецкой труппы.

Серебряный вѣнокъ отъ артистовъ театра г. Корша въ Москвѣ; артистъ г. Далматовъ, поднося этотъ вѣнокъ, сказалъ слѣдующій привѣтъ юбиляру, стихотвореніе г. Иванова-Классика, одного изъ даровитыхъ и остроумныхъ современныхъ русскихъ поэтовъ:

Въ былые дни поры далекой
Ты начиналъ любимый путь,
И вдохновенностью глубокой
Дышала пламенная грудь.
Высоко ты цѣнилъ искусство,
Ревнивъ ты былъ къ его судьбѣ,
Влагалъ ты въ роли—жизнь и чувство,
Знакомъ и близокъ былъ тебѣ
Блестящій кругъ семьи московской
Съ ея любимой стариной:
Мочаловъ, Щенкинъ и Садовскій
И Каратыгинъ нашъ родной;
Средь звѣздъ семьи той знаменитой,
Благословившихъ твой удѣлъ,
Полвѣка ты, артистъ маститый,
Достойнымъ „спутникомъ“ блестялъ.
Съ трудомъ любимымъ, не безплоднымъ,
Съ призваньемъ истиннымъ, въ нашъ вѣкъ,
Шелъ честнымъ, добрымъ, благороднымъ,—
Ты, какъ артистъ и человекъ,
Хранилъ въ душѣ святое пламя
И сохранился средь друзей,
Какъ „незавятавное знамя“

Давно минувшихъ, свѣтлыхъ дней!
 Успѣхамъ русской Мельпоменъ
 Умѣлъ съ достоинствомъ служить,
 И въ славныхъ лѣтописяхъ сценъ
 Ты долго, долго будешь жить.
 Ты съ неизмѣнной силой вѣры
 Искусству былъ не лживый другъ.
 Должны другіе брать примѣры
 Съ твоихъ сценическихъ заслугъ.
 Тебя не даромъ величаютъ,
 Сливаясь всѣ въ привѣтъ одинъ,
 И лавры свѣжіе вѣнчаютъ
 Сребристый блескъ твоихъ сѣдинъ!

Артистъ г. П. Свободинъ сказалъ свое стихотвореніе:

Прекрасному служу въ теченіи полулѣтца,
 Достойно дожилъ ты до славнаго вѣнца,
 Мяситый храма жрецъ! твой путь, какъ челоуѣка,
 Пусть озаряютъ свѣтъ и радость до конца!

Старѣйшій изъ семьи когда-то славной сцены,
 Какъ памятникъ живой великихъ образцовъ,
 Ты вновь среди сыновъ родной тебѣ арены.
 Сподвижникъ славныхъ дѣлъ художниковъ творцовъ.

Ты отдалъ дань свою столѣтъя половинѣ,
 Какъ русской сцены сынъ, достойный ветеранъ,
 Безъ горя и скорбей живи съ семьей отнынѣ.
 Украшенъ сѣдиной и лаврами вѣнчанъ!

Выслушавъ всѣ эти сердечные привѣты и принявъ адреса и подношенія депутацій, Л. Л. Леонидовъ звучнымъ, исполненнымъ глубокаго чувства, голосомъ сказалъ, обращаясь къ окружавшимъ его артистамъ и артисткамъ:

— «Гг. артисты-товарищи и депутаты! Съ полнымъ сочувствіемъ принимаю я задушевность вашихъ привѣтствій, потому что они прощальныя. Какъ ни дорогъ для меня театръ, но отслуживъ полсотни лѣтъ, должно съ нимъ разставаться для его обновленія въ новыхъ снагахъ, въ лучшихъ надеждахъ на процвѣтаніе искусства. Большое спасибо вамъ за ласку и почетъ!

«Иностранные артисты всегда привѣтливо относились къ нашей родной сценѣ и чествовали всѣхъ нашихъ юбиляровъ; отъ души благодарю ихъ за память обо мнѣ, а московскому театру и частнымъ сценамъ—глубокій мой привѣтъ».

Поблагодаривъ товарищей и депутатовъ, мяситый артистъ при-

близился къ рампѣ и совершенно неожиданно сказалъ слѣдующее обращеніе въ стихахъ къ публикѣ:

Прощаясь съ публикой и сценою родною,
 Мнѣ память дорога излюбленныхъ ролей...
 Не сѣтуйте на то, что съ русской старинюю
 Я къ вамъ являюсь вновь—въ прощальный юбилей.
 Я съ доброй стариной судьбу полвѣковую
 Въ театрѣ раздѣлилъ съ любовью и трудомъ...
 И нынѣ праздную въ немъ свадьбу золотую,
 И всѣмъ почтившимъ пирь—бью неизменно челомъ!

Каждое приношеніе юбиляру, чтеніе cadaго адреса, привѣта, стихотворенія—все это встрѣчалось публикою самыми восторженными кликами и аплодисментами. Прощальныя слова юбиляра вызвали громъ рукоплесканій и вызовамъ не было конца. Кстати отмѣтимъ, что и рѣчь артиста-юбиляра, и стихи, имъ сказанные, были не совсѣмъ обычнымъ явленіемъ на сценѣ. До него, при подобныхъ торжествахъ на сценѣ, юбиляры ограничивались пожатіями рукъ, объятіями, поцѣлуями, поклонами, слезами . Между тѣмъ—когда и говорить, какъ ни въ эти минуты, когда отъ избытка сердца уста именно должны глаголить. Л. Л. Леонидовъ положилъ, въ этомъ отношеніи, начало своимъ душевнымъ обращеніемъ къ артистамъ-товарищамъ и публикѣ, и теперь, вѣроятно, съ его почина, русское общество будетъ слышать отъ чествующихъ имъ юбиляровъ-артистовъ сердечное, доброе слово, а не любоваться лишь ихъ пантомимю ¹⁾.

Вечеръ закончился, какъ ужъ подлинно и бывало на старинныхъ свадьбахъ, танцами: дивертисментъ-балетъ былъ очень разнообразенъ и веселъ.

Отмѣтимъ еще подробность: афиша юбилейнаго спектакля была художественно отпечатана на большомъ листѣ отличной бумаги и украшена удовлетворительно исполненнымъ портретомъ юбиляра.

---

¹⁾ Кстати, отмѣтимъ, что нашъ уважаемый артистъ вообще весьма находчивъ: вотъ экспромтъ, внесенный имъ не такъ еще давно въ нашъ „Альбомъ: Знакомые“ (томъ III, стр. 23):

Я русской сцены ветеранъ
 Классическимъ удѣломъ,
 Последний я изъ могиканъ
 Съ трагическимъ отдѣломъ.

29-го мая 1886 г.

Л. Леонидовъ.

Въ слѣдующіе дни 3-го и 4-го марта во всѣхъ газетахъ С. Петербурга появились подробныя и весьма сочувственныя къ юбиляру описанія его золотой свадьбы съ русской сценой ¹⁾).

Нѣсколько дней спустя, 18-го марта, новыя оваціи въ честь маститаго юбиляра. Въ одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ ресторановъ С.-Петербурга собралось многочисленное общество друзей, почитателей и почитательницъ Леонида Львовича и на данномъ въ честь его вечерѣ чествовали его и какъ артиста, и какъ человѣка. Новыя рѣчи, новыя привѣты, тосты, стихи. Все это было горячо, сердечно и, что всего дороже, искренно ²⁾).

22-го марта депутація московскихъ артистовъ поднесла Леониду Львовичу золотой жетонъ съ его шифромъ, осыпаннымъ брилліантами. На обратной сторонѣ жетона, въ вѣнкѣ изъ голубой эмали, надпись: «Отъ товарищей-артистовъ Московскаго Малаго Театра: Леониду Львовичу Леонидову». Жетонъ поднесенъ юбиляру особой депутаціей (арт. Н. И. Музель и артистка Р. А. Потѣхина) при самомъ сердечномъ адресѣ, подписанномъ всею группою императорскаго Московскаго Малаго театра.

Вообще весь этотъ рядъ овацій въ честь русскаго артиста, полъ вѣка съ честью и съ доброй славой прослужившаго отечественной сценѣ—составляетъ весьма пріятное явленіе. Оно несомнѣнно свидѣтельствуеетъ о возрастающемъ сочувствіи въ современномъ нашемъ обществѣ къ искусству и къ дѣятелямъ, честно и съ талантомъ для него подвизающимся. Въ добрый часъ!

Ред.

---

¹⁾ Мы прочли таковыя статьи: въ газетѣ „Новости“ № 64, въ „Гражданинѣ“ № 64, „Новомъ Времени“ № 4315 (3-го марта), „Петербургской Газетѣ“ № 62, „Петербургскомъ Листкѣ“ №№ 61 и 62, „Русской Газетѣ“ № 64 и проч.

За нѣсколько дней до юбилея г. Леонидова, появились о немъ и его артистической полувѣковой дѣятельности статьи: въ „Живописномъ Обзорѣніи“ № 8 (21-го февраля 1888 г.), съ портретомъ артиста, въ „Новомъ Времени“ 23-го и 28-го февраля №№ 4316 и 4311, въ „Петербургской Газетѣ“ 3-го и 10-го февраля №№ 33 и 40.

²⁾ См. „Новости“ 1888 г. марта 20-го дня: „Вечеръ въ честь Л. Л. Леонидова“.

ДЕНЬ 81-Ѣ ГОДОВЩИНЫ ОСНОВАНІЯ ДВОРЯНСКАГО ПОЛКА

1807 $\frac{14\text{-го}}{\text{марта}}$ 1888 г. ¹⁾.

14-го марта 1888 г. нѣкоторые питомцы бывшаго Дворянскаго полка и Константиновскихъ кадетскаго корпуса и военнаго училища собрались на товарищескій обѣдъ въ день восемьдесятъ первой годовщины основанія полка (1807).

Кружокъ собрался довольно многочисленный и обѣдъ прошель весьма оживленно и весело. Предсѣдателемъ, или какъ его наименовали,—фельдфебелемъ товарищеской роты, былъ генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ. Обычныя тосты за здравіе Государя Императора и благоденствіе Россіи сопровождались восторженными кликами «ура» и гимномъ «Боже Царя храни». Башеваръ, онъ же капитанармусъ этой роты, генераль М. Г. Гольмдорфъ, съ обычнымъ рвеніемъ и искусствомъ обставилъ весь обѣдъ такъ, что и шѣпи, и барабанныя повѣстки къ подачѣ блюдъ, и пѣніе хоромъ предъобѣденной и послѣобѣденной молитвъ, затѣмъ нѣкоторыя пьесы, какія были выполнены хоромъ музыки,—словомъ, все и вся напоминало собравшимся дорогіе юношескіе годы, проведенныя въ стѣнахъ краснаго зданія на Петербургской сторонѣ, помѣщеніе бывшаго Дворянскаго полка.

Веселое настроеніе быстро смѣнилось для каждаго грустною думою, когда сдѣланъ былъ призывъ къ чествованію памяти павшихъ товарищей на поляхъ брани. Въ полувѣковое бытіе Дворянскаго полка пало въ битвахъ въ Европѣ и въ Азій свѣше 500 офицеровъ—питомцевъ этого полка и преемственныхъ ему учреждений.

Все собраніе почтило павшихъ товарищей пѣніемъ гимна, который «дворяне» ежегодно пѣли съ 1840 г.:

Братья, всѣ въ одно моленье
Души русскія сольемъ,
Нынѣ день помнновенья
Павшихъ въ полѣ боевомъ и проч.

Этому призыву и хору отставной генераль-маюръ М. Г. Гольмдорфъ предпослалъ слѣдующее, прекрасно имъ сказанное, стихотвореніе:

¹⁾ См. газету „Новости“ 1888 г. марта 16-го дня.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ

14 МАРТА

1807—1888 г.

Кадетъ годовъ пятидесятихъ,
„Закваски“ старой, полковой,
Хоть безъ погонь, отставкой снятыхъ,
Но помнить праздникъ годовой.

Онъ здѣсь какъ будто молодѣеть,
Давноминувшимъ вновь живетъ
И сердце старое пригрѣть,
Друзей, товарищей найдетъ.

Нашъ полкъ училищемъ назвали,
Кадета—юнкеръ замѣстилъ,
Знамена-жъ ихъ на вѣкъ сковали:
Традицій юнкеръ не смѣнилъ.

Давай-же Богъ, чтобъ, процвѣтая,
Полка преемникъ молодой
Вялъ гордостью родного края,
Храня духъ старшій, полковой.

Чтобъ молодое поколѣнье
Съ прогрессомъ вѣчно въ дружбѣ шло,
И посвящая жизнь служенью,
Отчизнѣ пользу принесло....

Ура, товарищи! Налейте
Бокалы полные виномъ
И, чокнувшись, всѣ пропойте
„О павшихъ въ полѣ боевомъ...“

Обѣдъ сопровождался нѣкоторыми весьма полезными предложеніями. М. И. Семевскій (выпуска 11-го іюня 1855 г.) напомнилъ, что Дворянскій полкъ и его преемники, исполнивъ святой долгъ, на нихъ возложенный, выпустивъ изъ своихъ рядовъ въ славное русское воинство свыше пятнадцати тысячъ офицеровъ, въ тѣ же годы своего бытія (съ 1807 г.), даровали русскому обществу нѣсколько поколѣній подвижниковъ на поприщахъ науки, военной техники, литературы, художествъ и изящныхъ искусствъ. Нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей, какъ, напр., М. И. Драгомировъ и другіе, успѣли сочетать славу воина на поляхъ битвъ съ славой дѣятеля въ области наукъ. М. И. Семевскій предложилъ мысль собрать, по возможности, при Константиновскомъ военномъ училищѣ, этомъ доблестномъ внукѣ Дворянскаго полка, бібліотеку изъ произведеній бывшихъ воспитанниковъ полка и Константиновскихъ корпуса и училища. При самомъ обзломѣ просмотрѣ списка выпущенныхъ изъ этихъ заведеній, какъ заявилъ М. И. Семевскій,

болѣе ста лицъ потрудились и продолжаютъ трудиться въ обширной области военныхъ наукъ, исторіи, литературы, художествъ и искусствъ ¹⁾). Печатные труды ихъ, съ присовокупленіемъ печатныхъ же трудовъ въ области государственной, административной, педагогической и вообще службы какъ военной, такъ и гражданской, бывшихъ воспитанниковъ тѣхъ же заведеній, составили бы несомнѣнно обширный и весьма поучительный отдѣлъ въ библиотекѣ Константиновскаго военнаго училища, что и явилось бы прекраснымъ памятникомъ о Дворянскомъ полку въ стѣнахъ преемственнаго ему учрежденія въ Константиновскомъ военномъ училищѣ.

Мысль эта была принята съ общимъ сочувствіемъ всѣмъ собраніемъ и предсѣдатель онаго М. И. Драгомировъ выразилъ готовность обратиться къ начальнику Константиновскаго училища съ предложеніемъ организовать таковой отдѣлъ въ библиотекѣ училища, подобно тому, какъ уже существуютъ въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы отдѣлы изъ трудовъ питомцевъ этихъ заведеній. М. И. Драгомировъ высказалъ увѣренность, что помянутый отдѣлъ по его возникновеніи быстро наполнится вкладами трудовъ товарищей и однокашниковъ Дворянскаго полка и Константиновскаго училища. Н. О. Дубровинъ весьма обязательно принялъ на себя трудъ составленія возможно полнаго списка помянутыхъ трудовъ, что значительно облегчитъ организацію таковой библиотеки ²⁾).

Генераль Н. Н. Гавриловъ доложилъ затѣмъ собранію, что учрежденію стипендіи имени Дворянскаго полка, къ каковому дѣлу приступлено на предъидущихъ обѣдахъ, препятствуетъ неполнота собранной для сего суммы.

Офицерская фуражка тотчасъ обошла обѣденный столъ и необходимая сумма была собрана съ избыткомъ. Она равняется теперь 2,000 рублей и отнынѣ одинъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка или Константиновскаго училища на проценты съ этой суммы въ состояніи будетъ посылать учиться въ одну изъ гимназій одного или двухъ своихъ дѣтей.

Итакъ, гдѣ веселье, тамъ и доброе дѣло—явленіе обычное въ русскомъ обществѣ.

Обѣдъ заключился товарищескими здравицами за генерала Г. Д. Соханскаго (выпуска 1845 года), М. И. Драгомирова, Н. О. Дубровина—этого первого изъ питомцевъ Дворянскаго полка избран-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LIII., кн. мартъ, статья М. С.: „Дворянскій полкъ со времени его основанія съ 1807 г.“, стр. 794—801.

²⁾ Книги, статьи, вообще всё такого рода труды просить пока, до устройства библиотеки, направлять къ ген.-м. Н. О. Дубровину (Знаменская, № 35).

наго въ члены императорской академіи наукъ,—М. И. Семевскаго, Н. Н. Гаврилова, М. Г. Гольмдорфа и В. И. Ляпунова (выпуска 1838 года).

Товарищи (дворяне и константиновцы) прислали привѣтственные телеграммы изъ Вильны, Кіева, Тифлиса и Омска. Особенно тронула присутствующихъ телеграмма протоіеря А. Соколова, бывшаго духовнаго пастыря въ Дворянскомъ полку.

Къ отвѣтамъ, посланнымъ отъ всего собранія въ помянутые города, присоединенъ былъ привѣтъ «отъ товарищей-однокашниковъ» — генераль-адъютанту Г. Г. Даниловичу, вышедшему изъ Дворянскаго полка въ 1843 году.

На настоящемъ обѣдѣ, прошедшемъ особенно оживленно и весело, собрались бывшіе воспитанники Дворянскаго полка и двухъ преемственныхъ ему заведеній, — въ чинахъ отъ подпоручика до тайнаго совѣтника, генераль-лейтенанта и генераль-адъютанта включительно: выпуски съ 1838-го по 1885-й годъ.

На этомъ же обѣдѣ собраніемъ произведенъ выборъ должностныхъ лицъ «товарищеской роты» или «дворянскаго регимента» а именно: генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ, какъ выше сказано, избранъ въ фельдфебеля и пожизненнымъ предсѣдателемъ ежегодныхъ обѣдовъ «Дворянскаго полка»; тайный совѣтникъ М. И. Семевскій — избранъ въ полковые писаря; генераль Н. Н. Гавриловъ — въ ротные писаря, а генераль М. Г. Гольмдорфъ — утвержденъ въ званіи кашевара и каптенармуса роты, въ виду того усердія и той рачительности, съ каковыми выполняетъ эту хлопотливую обязанность съ 1882-го года, т. е. со времени начала ежегодныхъ обѣдовъ «Дворянскаго полка и Константиновцевъ».

Собраніе закончилось задумшевною дружескою бесѣдою. Присутствовавшіе разошлись поздно, съ обѣщаніемъ вновь сойтись черезъ годъ—14-го марта.

22-го марта 1888 г. начальникъ 2-го военнаго Константиновскаго училища въ Спб. (Забалканскій проспектъ, у Обухова моста), увѣдомилъ М. И. Драгомирова, что онъ, генераль А. Вокаръ, «охотно окажетъ посильное содѣйствіе къ осуществленію предположенія объ устройствѣ при ввѣренномъ ему училищѣ отдѣла военно-литературныхъ трудовъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и 2-го военнаго Константиновскаго училища».

Итакъ, положено основаніе памятника двумъ учрежденіямъ,—сослужившимъ добрую службу Россіи и послѣдовательно тремъ ея Верховнымъ Вождямъ.

М. В.

Къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи

1856—1858 гг.

Замѣтки по поводу біографіи И. Т. Осинина.

Suum cuique.

I.

Возникновеніе женскихъ гимназій составляетъ важную эпоху въ исторіи женскаго образованія въ Россіи, такъ какъ тотъ авторитетъ, которымъ до этой поры пользовались закрытыя заведенія (интернаты, институты), значительно съ того времени пошатнулся и центръ тяжести женскаго воспитанія передвинуть былъ на сторону открытыхъ заведеній (экстернатовъ). Въ виду этого не лишне будетъ болѣе точнымъ образомъ изслѣдовать самый генезисъ заведеній, названныхъ женскими гимназіями, и констатировать кому собственно принадлежала первоначальная счастливая мысль совершить радикальный переворотъ въ воззрѣніяхъ общества на задачи и средства женскаго образованія.

Въ весьма интересной и вполне правдивой біографіи бывшаго начальника женскихъ гимназій Ивана Терентьевича Осинина, напечатанной въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., книги II и III, авторъ ея, какъ я постараюсь доказать, противорѣча нѣкоторымъ обстоятельствамъ, утверждаетъ, что «первая мысль объ открытіи у насъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ и первоначальный проектъ ихъ учрежденія принадлежитъ бывшему инспектору Павловскаго института, покойному профессору Вышнеградскому.... который въ исходѣ 1857 г. ходатайствовалъ» и т. д. Нисколько не желая умалять заслугъ на педагогическомъ поприщѣ покойнаго Н. А. Вышнеградскаго, я никакъ не могу согласиться съ первою частью выписанной цитаты. Нѣкоторыя данныя, почерпнутыя изъ непосредственнаго

источника, свидѣтельствуютъ, что мысль о женскихъ гимназіяхъ возникла равнѣ 1857 г. и возникла въ тѣхъ высшихъ сферахъ, откуда въ нашѣмъ отечествѣ исходитъ всякая полезная и настоящая реформа.

Съ той самой минуты, какъ патронатъ надъ женскими институтами императрицей Александрой Федоровной былъ переданъ въ Бозѣ почившей императрицѣ Маріи Александровнѣ, сталъ распространяться маловѣроятный слухъ, что новая августѣйшая Покровительница, не сочувствуя воспитанію дѣвицъ въ интернатахъ, имѣетъ намѣреніе преобразовать институты въ заведенія для приходящихъ. Слухъ этотъ не оправдался. Вся переѣмна въ институтскомъ воспитаніи ограничилась отступленіемъ отъ системы полнѣйшаго затворничества институтокъ и отчужденія ихъ отъ семьи, — разрѣшеніемъ отпускать воспитанницъ на вакаціонное время къ родственникамъ. По всей вѣроятности, не найдено было благовременнымъ затронуть болѣе радикальной реформой учрежденія, просуществовавшія почти столѣтіе (съ 1764 г.), къ общему удовольствію тѣхъ родителей, у которыхъ вошло въ обычай воспитывать своихъ дѣтей на казенный счетъ и подалѣе отъ заботъ семейнаго воспитанія. Такъ какъ около того же времени стали появляться, первоначально въ «Морскомъ Сборникѣ», въ этомъ превосходномъ для того времени журналѣ, — а потомъ и въ другихъ педагогическихъ статьяхъ (Пирогова, Бѣма и др.), указывавшія на недостатки нашего воспитанія вообще, то очень естественно, что обращено было общее вниманіе и на женское воспитаніе, и на то обстоятельство, что для образованія дѣвочекъ многочисленнаго класса общества, которому недоступны были институты, не доставало среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Однимъ изъ педагоговъ, служившимъ въ закрытыхъ женскихъ заведеніяхъ учреждений императрицы Маріи, была составлена въ концѣ 1856 г. довольно объемистая «Записка», въ которой критически разобраны были болѣе или менѣе извѣстные недостатки воспитанія въ институтахъ и указаны всѣ преимущества экстерната ¹⁾. Записка

¹⁾ Не нарушалъ скромности автора, позволяемъ себѣ замѣтить, что педагогомъ этимъ былъ высокоуважаемый Александръ Александровичъ Чумиковъ. Род. онъ въ 1819 г., въ Ревелѣ; по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1841-мъ году, слушалъ два года лекціи въ Парижскомъ и Берлинскомъ университетахъ; поступилъ въ 1848 г. на службу въ Спб. Николаевскій Сиротскій институтъ помощникомъ инспектора классовъ (А. Г. Ободовскаго); издавалъ журналъ: „Воспитаніе“ съ 1857-го по 1863-й годъ („Знакомые“, альбомъ ред. „Русской Старины“, томъ II, стр. 100). Нынѣ А. А. Чумиковъ, въ родномъ ему Колывань-городѣ (Ревель), принимаетъ дѣятельное и энергичное участіе въ общественномъ управленіи, въ качествѣ гласнаго думы и вожака въ ней русской партіи. Ред.

эта черезъ посредство одной особы, стоявшей близко къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, была доставлена императрицѣ Маріи Александровнѣ. Другой экземпляръ «Записки», почти одновременно, былъ поднесенъ авторомъ ея министру народнаго просвѣщенія, А. С. Норову.

Таковы были прецеденты проекта проф. Н. А. Вышнеградскаго.

Мысль о новомъ родѣ женскихъ учебныхъ заведеній какъ-бы висѣла въ воздухѣ; о немъ всё толковали, много писали¹⁾; неудивительно, что она была быстро уловлена, усвоена, обращена въ плоть смѣтливымъ и талантливымъ педагогомъ, инспекторомъ Павловскаго института, покойнымъ Вышнеградскимъ. Но утверждать, что она первоначально возникла въ его головѣ и имъ пропагандирована, было-бы извращеніемъ фактовъ исторіи женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

Наконецъ, къ числу доказательствъ, опровергающихъ показаніе автора біографіи Осинина, должно отнести также фактъ появленія въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Журнала для Воспитанія» за 1857 г. статьи, озаглавленной: «Мысли объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній въ губернскихъ городахъ», слѣд. за нѣсколькими мѣсяцевъ ранѣе заявленной («въ исходѣ 1857 г.») мысли проф. Вышнеградскаго. Указаніе на названную статью въ «Журналѣ для Воспитанія» внушено мнѣ не редакторскимъ и не авторскимъ самолюбіемъ, а желаніемъ обратить вниманіе еще на одного полузабытаго фактора въ дѣлѣ устройства у насъ женскаго образованія на новыхъ началахъ. Въ то самое время, какъ вопросъ о новыхъ женскихъ училищахъ обсуждался въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, возникъ онъ, по инициативѣ попечителя Спб. учебнаго округа князя Г. А. Щербатова (1856—1858), также въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Пишущему эти строки, исполнявшему при попечителѣ должность чиновника особыхъ порученій, поручено было составить проектъ устройства городскихъ женскихъ училищъ по образцу существующихъ въ Германіи höhere Töchterschulen. Этотъ проектъ, можетъ стать въ нѣсколько измѣненномъ кн. Щербатовымъ видѣ, пущенъ былъ по мнтарствамъ министерства, въ архивахъ котораго онъ, какъ и многіе другіе проекты (наприм., объ университетскомъ

¹⁾ Укажемъ, между прочимъ, на «Письма къ русскимъ женщинамъ» А. Х—ой, помѣщенныя въ первомъ по времени педагогическомъ изданіи «Журналъ для Воспитанія» за 1857—1858 гг. А. Ч.

Этотъ превосходный, для своего времени, журналъ издавался, какъ мы уже выше напомнили, А. А. Чумиковымъ.

судѣ), опочилъ вѣчнымъ сномъ; но основныя его мысли были мною изложены—не берусь судить насколько удачно—въ упомянутой статьѣ «Журнала для Воспитанія». Кстати укажу здѣсь и на то, что вн. Щербатовъ не одобрялъ названія женскихъ училищъ «гимназіями», а предлагалъ именовать ихъ «городскими училищами». «Гимназистки, говорилъ онъ, будутъ стараться копировать гимназистовъ, пожелаютъ сдѣлаться студентками, а затѣмъ отъ студентокъ до нигилистокъ переходъ недалекъ».

Повторяю—воздавъ всякому свое (*sumi siique*), я не имѣлъ намѣренія набросить тѣнь на дѣятельность заслуженнаго и даровитаго, давно уже умершаго, Н. А. Вышнеградскаго. Одному принадлежитъ мысль, другому—осуществленіе этой мысли и, конечно, никто не подумаетъ оспаривать важныя услуги, оказанныя женскому образованію устроителемъ и первымъ начальникомъ женскихъ гимназій.

А. Чумиковъ.

Ревель. 1888 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

L

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

МАЙКОВЪ

КЪ ПОЛУВѢКОВОМУ ЮБИЛЕЮ

ЕГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

1838 $\frac{\text{апрѣля}}{30}$ 1888.

РОДИЛСЯ ВЪ МОСКВѢ
23-ГО МАЯ 1821 Г.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампы,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было-бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

А. Н. Майковъ. [„Пустынникъ“].

Въ нынѣшнемъ 1888 году исполнится полъ-вѣка литературно-поэтической дѣятельности Аполлона Николаевича Майкова.

„Литературно-драматическое общество“, совмѣстно съ представителями періодической печати въ С.-Петербургѣ, въ виду общественнаго значенія предстоящаго юбилея, возложили его устройство на избранный изъ среды своей, въ общемъ собраніи 7-го февраля 1888 г., комитетъ.

„Приступая къ исполненію даннаго ему порученія, комитетъ считаетъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности А. Н. Майкова назначено на субботу 30-го апрѣля текущаго года.

„Всѣ общества, учрежденія и лица, которыя пожелали бы принять какое-либо участіе въ этомъ торжествѣ, благоволятъ поставить о семъ въ извѣстность предсѣдателя комитета (Знаменская, д. № 22, Рая) не позже 23-го апрѣля. Подробная программа юбилейнаго празднованія будетъ своевременно напечатана въ газетахъ.

Предсѣдатель комитета Я. П. Полонскій.

Члены: П. А. Гайдебуровъ, — гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — П. Н. Исаковъ, — М. И. Семеvскій, — К. К. Случевскій“.

Итакъ, 30-го сего апрѣля предстоитъ новый, впрочемъ довольно рѣдкій вообще, праздникъ въ обширной семьѣ современныхъ русскихъ писателей и для всѣхъ лицъ, интересующихся отечественной словесностью. Предстоитъ чествованіе полувѣковой дѣятельности одного изъ старѣйшихъ и талантливѣйшихъ изъ современныхъ русскихъ поетовъ.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, весной 1838 г., почти одновременно въ двухъ университетахъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, два тогдашнихъ представителя русской слогесности въ столичныхъ университетахъ, А. В. Никитенко и С. П. Шевыревъ, обратили вниманіе своихъ слушателей-студентовъ на появившіяся еще въ рукописныхъ спискахъ стихотворенія студента 2-го курса Петер-

бургскаго университета Аполлона Майкова; то были прелестныя поэтическія произведенія юнаго поэта: „Венера Медецейская“, читанное А. В. Никитенко въ Петербургѣ, и антологическое стихотвореніе „Сонъ“, читанное С. П. Шевыревымъ въ Москвѣ.

Съ этого времени, съ „объявленія“ въ стѣнахъ университетовъ поэтическаго дарованія вновь явившагося поэта, читатели и почитатели таланта Аполлона Николаевича Майкова вправѣ считать начало его литературной дѣятельности, для которой нынѣ наступилъ полувѣковой юбилей.

Необходимо сказать, что въ то же время старшимъ профессоромъ русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ былъ П. А. Плетневъ, столь же, какъ и его товарищъ по кафедрѣ А. В. Никитенко, горячо и искренно оцѣнившій талантъ юнаго поэта. Многознаменательна эта встрѣча таланта Майкова, на мѣстѣ его высшаго образованія, Плетневымъ! Кто не знаетъ покойнаго профессора и ректора Петербургскаго университета, если не лично, то изъ свидѣтельствъ о немъ печати, кто не помнитъ П. А. Плетнева! Трудодлюбивый, просвѣщенный дѣятель на нивѣ русской словесности, Плетневъ былъ, какъ извѣстно, связанъ узами сердечной дружбы съ безсмертнымъ Пушкинымъ; ему—Плетневу—поэтъ посвятилъ своего „Евгенія Онѣгина“; Плетневъ отличался не только необыкновеннымъ благодушіемъ, но и высовпросвѣщенною любовью ко всему изящному и обширнымъ знаніемъ какъ отечественной, такъ и европейскихъ литературъ. Не напрасно Пушкинъ и другіе современные ему писатели обращались за совѣтами и оцѣнкой ихъ произведеній въ Плетневу.... И вотъ этотъ самый П. А. Плетневъ съ чуткостью и любовью замѣтилъ въ произведеніяхъ студента Майкова новое и сильное поэтическое дарованіе, восходящее на горизонтъ русской словесности. Плетневъ воспринялъ, такъ сказать, талантъ А. Н. Майкова въ лоно русской словесности....

Невольно приходитъ намъ на память прелестное стихотвореніе А. Н. Майкова, которымъ онъ какъ бы выразилъ свою признательность П. А. Плетневу:

За стаю орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невзданныхъ гостей

Доселъ памятенъ у русскаго народа.
 Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
 И грустный между насъ, задумчивый, ты бродишь;
 И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
 Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

Предвѣдѣніе Плетневымъ сильнаго дарованія въ А. Н. Майковъ не обмануло ни знаменитаго друга и совѣтника Пушкина, ни вслѣдъ за Плетневымъ его современниковъ.

Поэтическое дарованіе Майкова стало необыкновенно быстро рости и крѣпнуть и именно по мѣрѣ того, какъ умственный горизонтъ поэта расширялся, обогащаемый высокимъ научнымъ образованіемъ и внимательнымъ изученіемъ древнихъ и новыхъ литературъ, къ которымъ поэтъ обладалъ съ юныхъ еще лѣтъ, прекрасно владѣя этими языками.

Напомнимъ главнѣйшіе факты жизни поэта, разсѣянные въ многочисленныхъ его біографіяхъ ¹⁾.

Аполлонъ Николаевичъ принадлежитъ къ одному изъ талантливейшихъ русскихъ семействъ: въ трехъ поколѣніяхъ семья эта являетъ лицъ, потрудившихся въ области служенія русскимъ искусству и словесности. Его прадѣдъ, Василій Ивановичъ, былъ остроумный стихотворецъ Екатерининскаго вѣка; его отецъ, Николай Аполлоновичъ, былъ славный живописецъ. Второй братъ поэта, Валеріанъ Николаевичъ (нынѣ покойный), былъ талантливый критикъ и философъ....

---

¹⁾ Наиболѣе точныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія находятся: въ „Художественномъ Листкѣ“ Тимма, 1868 г., въ статьѣ объ А. Н. Майковѣ, Ив. Сокр. Ремезова (съ портретомъ поэта); въ сборникѣ „Русскіе поэты“ Н. В. Гербеля, Спб. 1888 г., стр. 539—542; въ изд. А. О. Баумана „Русскіе современные дѣятели“, Спб., 1876 г., т. I (съ портретомъ А. Н. Майкова).

I.

Нашъ поэтъ родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ, даровавшей Россіи А. С. Пушкина. Дѣтство проведено Майковымъ въ деревнѣ, близъ Троицко-Сергіевской лавры, прямо, такъ сказать, въ сердцѣ Россіи, на служеніе которой онъ съ такою честью посвятилъ данное ему дарованіе.

Въ 1834 г. А. Н. переѣхалъ въ С.-Петербургъ и съ тѣхъ поръ не покидалъ уже этого города. Въ немъ онъ получилъ свое образованіе подъ руководствомъ отца и его ближайшаго друга В. А. Солоницына, питомца Московскаго университета, писателя, соредактора Сенковского по изданію „Библіотеки для Чтенія“. Солоницынъ († 1844 г.) былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, любилъ отечественную словесность и горячо привязанъ былъ къ доброй, милой семьѣ Майковыхъ. Изъ его учениковъ Валеріанъ Майковъ (столь преждевременно кончившій жизнь: онъ утонулъ въ 1847 году) вышелъ талантливымъ критикомъ, Аполлонъ Майковъ—прославился какъ поэтъ.

Первое стихотвореніе было имъ написано на 15-мъ году отъ рожденія; въ 1839 году впервые является въ печати его произведеніе: то было стихотвореніе „Сонъ“, за годъ предъ тѣмъ читанное С. П. Шевыревымъ въ Московскомъ университетѣ; оно напечатано въ „Одесскомъ альманахѣ на 1840 годъ“ и тотчасъ же было замѣчено В. Г. Бѣлинскимъ. Въ 1841 г. стихотворенія Аполлона Майкова помѣщены съ его именемъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, а въ 1842 году они печатаются уже въ наилучшемъ тогда журналѣ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ томъ же году вышла въ свѣтъ отдѣльная книжка „Стихотворенія Аполлона Майкова“.

Горячо привѣтствовалъ ихъ Бѣлинскій, посвятившій разбору этой книги обширную статью. „Многія изъ стихотвореній г. Майкова“, писалъ, между прочимъ, знаменитый критикъ, „обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и общающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не общать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произ-

веденіяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія. Явленіе подобнаго таланта, особенно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ—теперь, когда лишь изрѣдка слышится голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы. Майковъ вполне владѣеть орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи, и это великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ“.

Этотъ отзывъ Бѣлинскаго, великаго знатока и цѣнителя отечественныхъ талантовъ его времени, особенно важенъ по отношенію къ г. Майкову, такъ какъ, по замѣчанію одного изъ его біографовъ, бѣольшая часть антологическихъ стихотвореній, вошедшихъ въ это первое собраніе его стихотвореній, были написаны имъ въ періодъ ранней молодости, между 16 и 20 годами!

Продолжительное пребываніе (полтора года) за границей, преимущественно въ Италіи, было превосходнѣйшимъ восполненіемъ того высшаго образованія, которое получилъ нашъ поэтъ въ С.-Петербургѣ, и послужило къ умственному развитію его поэтическаго дарованія; тогда же, въ 1840-хъ годахъ, Аполлонъ Николаевичъ сталъ изучать мало еще вѣдомый его современникамъ западно-славянскій міръ и это изученіе настолько было серьезно, что его кандидатская диссертация была написана на тѣму: „О первоначальномъ характерѣ законовъ, по источникамъ славянскаго права“. Серьезныя занятія наукой обратили Майкова, между прочимъ, къ русской исторіи, которой онъ посвятилъ много труда, и вложилъ въ это дѣло много увлеченія.

Между тѣмъ поэтическое его творчество все болѣе и болѣе развивалось. По возвращеніи въ Россію, стихотворенія Аполлона Николаевича появляются въ различныхъ нашихъ журналахъ, преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а затѣмъ, съ 1847-го года, въ „Современникѣ“. Еще въ 1845 году вышла отдѣльнымъ изданіемъ его прекрасная поэма: „Двѣ судьбы“; въ 1847 году — новый сборникъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Очерки Рима“, этотъ сплошной рядъ очаровательныхъ поэтическихъ сказаній о вѣчномъ городѣ міра и жизни Италіи. Въ 1855 г. вышло въ свѣтъ собраніе стихотвореній Майкова, подъ заглавіемъ „1854 годъ“; книга была встрѣчена горячими похвалами въ „Современникѣ“ (1855 г., № 8).

...„Майковъ созналъ, писалъ, между прочимъ, критикъ этого лучшаго въ тѣ годы, по отношенію къ изящной русской словесности, журнала, созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едвали имѣеть Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства патріотизма“.

Въ слѣдующіе годы—скажемъ словами одного изъ биографовъ Майкова—талантъ его опредѣлился и развился окончательно. Поэтъ обогатилъ русскую литературу длиннымъ рядомъ превосходныхъ произведеній во всѣхъ родахъ, начиная съ поэтическихъ описаній природы русской и итальянской и оканчивая грандіозными картинами событій изъ древней и новой всеобщей и русской исторіи.

Собранія его стихотвореній въ новыхъ изданіяхъ вышли въ 1858 г. въ двухъ томахъ; въ 1864 г. вышелъ сборникъ: „Новыя стихотворенія А. Н. Майкова“; въ 1872 г. явилось собраніе произведеній Майкова въ трехъ частяхъ и, наконецъ, „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“, въ трехъ томахъ, изящно издано г. Марксомъ въ 1884 г., съ отличнымъ портретомъ поэта, гравированнымъ на стали, и со снимкомъ съ автографа автора. Это лучшее изданіе произведеній нашего поэта. Отмѣтимъ здѣсь интересную черту: при выпускѣ каждаго новаго изданія своихъ стихотвореній, авторъ весьма тщательно ихъ пересматриваетъ, исправляетъ и не мало произведеній его пера исключено имъ изъ позднѣйшихъ собраній его поэтическихъ трудовъ, какъ признанные строгимъ судомъ поэта не заслуживающими перепечатанія.

Велика популярность произведеній музы А. Н. Майкова; его поэтическія произведенія составляютъ не только предметъ чтенія, но и изученія, едвали уже ни третьяго поколѣнія всей грамотной Россіи, если отводить на каждое новое поколѣніе учащихся лѣтъ по 17-ти. Нѣтъ хрестоматій, нѣтъ учебной по русской словесности книги, рѣдко встрѣтить можно и первоначальную книжку для русскаго ребенка, въ которой не были бы помѣщены тѣ или другіе перлы изъ поэзіи нашего славнаго поэта. Отсюда понятно, что чествованіе 50-й годовщины его литературной дѣятельности является праздникомъ не только для семьи отечественныхъ писателей, но и для всѣхъ русскихъ читателей.

II.

Въ чемъ состоятъ отличительныя силы дарованія нашего поэта, въ чемъ достоинство его произведеній? Плѣнительность, живость и яркость образовъ, имъ создаваемыхъ; обширная научная подготовка, дающая поэту полную возможность легко переноситься въ міръ древне-языческой, древне-христіанскій, въ эпоху среднихъ вѣковъ, и воплѣть не только образно, но и необыкновенно вѣрно рисовать какъ характеры, такъ и бытовыя подробности тѣхъ народовъ, изъ среды которыхъ А. Н. Майковъ выводитъ героевъ и героинь своихъ произведеній. Высокое значеніе и художественная прелесть тѣхъ мотивовъ, которые развиваетъ поэтъ въ своихъ произведеніяхъ, также заслужили ему всеобщее уваженіе.

Строй поэтическихъ думъ его возвышенный, и поэтъ не опускается въ житейскія дразги; но когда среди обыденной жизни нашего отечества совершаются великія событія, имѣющія рѣшительное значеніе для дорогой ему Россіи, тогда и онъ вдохновеннымъ словомъ своимъ черпаетъ изъ нихъ предметы для своихъ прекрасныхъ произведеній. Такъ, въ эпоху крымской войны, 1854—1855 гг., когда потребовался величайшій подъемъ духовныхъ силъ русскаго народа противъ ополчившейся противу насъ почти всей Европы, поэтъ откликнулся цѣлымъ рядомъ глубоко прочувственныхъ, истинно патріотическихъ стихотвореній. Великій актъ освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года встрѣченъ нашимъ поэтомъ дивными поэтическими строками: его стихотвореніе „Картинка“ (чтеніе манифеста 19-го февраля въ крестьянской избѣ) знаютъ миллионы русскихъ дѣтей... Въ стихотвореніи „Князю Друцкому-Любецкому“ поэтъ нашъ въ 1863 году, въ годину послѣдней польской смуты, поэтическими строфами взывалъ:

Да минетъ рознь въ семьѣ единой...

Вообще въ цѣлой серіи поэтическихъ произведеній, озаглавленной „Отзвымы исторіи“, поэтъ нашъ отзывался на многія наиболѣе крупныя событія современной Россіи, событія — многознаменательныя въ жизни русскаго народа...

Совершались-ли дорогіе праздники для отечественной словесности, каковы юбилеи и торжественныя тризны, въ память Ломоносова, Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина, Тютчева, М. И. Глинки, поэтъ нашъ отъликался на нихъ, обращая умственные взоры русскаго общества къ славнымъ тѣнямъ великихъ людей земли русскою. Прелестными, истинно поэтическими посланіями обращался онъ и къ современнымъ даровитымъ русскимъ людямъ, каковы: И. А. Гончаровъ, Я. П. Полонскій, И. К. Айвазовскій.

Не напрасно лучшіе поэты и писатели, современные Майкову, питали къ нему чувства самой искренней пріязни. Мы уже сказали объ отношеніяхъ къ нему Плетнева; престарѣлый Жуковскій также привѣтствовалъ поэта ознакомившись съ его дарованіемъ еще по рукописнымъ спискамъ нѣкоторыхъ произведеній Майкова. Нашъ славный романистъ И. А. Гончаровъ еще въ бытность молодымъ кандидатомъ московскаго университета, былъ однимъ изъ наставниковъ нашего поэта и остался его другомъ на всю жизнь.

Мы уже говорили объ отношеніяхъ къ А. Н. Майкову Бѣлинскаго; Ѳ. И. Тютчевъ, А. Н. Островскій, А. Ѳ. Писемскій, Ѳ. М. Достоевскій, М. П. Погодинъ и И. И. Срезневскій оставались всю жизнь близкими друзьями нашего поэта; справедливо говорятъ, что по друзьямъ узнаютъ и человѣка! Я. К. Гротъ, Я. П. Полонскій, А. А. Шеншинъ (Фетъ), К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Н. Страховъ,—вотъ тѣ близкіе поэту люди, которые всеконечно раздѣляютъ съ русскимъ обществомъ удовольствіе предстоящаго праздника.

„Русская Старина“ издавна дорожить и всегда радуется чествованію представителей русской науки, литературы, художества и искусства.

Въ самомъ дѣлѣ, эти праздники служатъ къ подъему духовныхъ силъ русскаго общества, всецѣло обращая его, по крайней мѣрѣ во дни этихъ торжествъ, къ возвышеннымъ идеаламъ, къ которымъ стремились даровитѣйшіе представители русской интеллигенціи; но, кромѣ того, эти же праздники вызываютъ почтенныхъ собратій нашихъ по литературѣ и журналистикѣ къ работѣ жизнеописаній и къ обзорамъ-ислѣдованіямъ дѣятельности

чествуемыхъ лицъ; при этомъ печать сообщаетъ обыкновенно много интересныхъ и новыхъ матеріаловъ; появляются мало-извѣстныя, но нерѣдко замѣчательныя произведенія юбиляра; наконецъ, чествуемыя лица дарятъ иногда въ эти же дни читателей или зрителей, если дѣло идетъ о живописи и скульптурѣ, совершенно новыми произведеніями.

Съ удовольствіемъ ждемъ мы 30-е апрѣля 1888 г. и твердо увѣрены, что честваніе нашего маститаго поэта А. Н. Майкова свершится съ тою сердечностью, съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ и признательностью въ его плодотворному служенію отечеству на нивѣ русской словесности, каковое честваніе вполне заслужено повтомъ, самая жизнь котораго проходитъ столь безупречно.

Млх. Семеновскій.

25-го марта 1888 г.
С.-Петербургъ.

Поправки.

„Русская Старина“ 1888 г., томъ LVI, мартъ.

На стр. 716, на 3 строкѣ снизу, вмѣсто „Высокопреосвященнѣйшему Исидору“ слѣдуетъ читать: Высокопреосвященнѣйшему Иоаникію.

Къ стр. 715 авторъ, кн. П. А. Путаевъ проситъ добавить слѣдующія строки, со слова оружія (см. стр. 84 отдѣльныхъ оттисковъ до конца):

Эти дивари съ ихъ борьбой для существованія, съ ихъ работой ума для усовершенствованія лица, одежды, техники орудій и оружія вполнѣ достойны не одной безучастной научной оцѣнки, но и болѣе сердечной, болѣе задушевной.

Изъ нашихъ первобытниковъ нельзя смотрѣть какъ на какихъ-то идиотовъ, напротивъ, то были разумные, энергичные бойцы, разработавшіе начала геспершняго жизненнаго строя.

Эмбрионы вѣрованій, развитія языка и письменности, архитектуры и орнаментики, музыки и поэзіи, живописи и скульптуры, хлѣбопашества, огородничества и плодоводства, гончарства и производства тканей, металлургіи, прирученія животныхъ и пчелъ, а также охоты, рыболовства и военныхъ усовершенствованій, развитія гражданскаго и семейнаго бытовъ, медицины и многого другаго, совершенствовались ими.

Хвала и честь этимъ борцамъ культуры, этимъ стихійнымъ героямъ, этимъ первобытникамъ нашей планеты, которымъ мы столькимъ обязаны.

Къ величайшему сожалѣнію, палеоэтнологія еще не могла опредѣлительно установить соотношенія первичныхъ расъ; ископаемый остеологическій матеріалъ вмѣстѣ въ очень ограниченномъ числѣ; но туманъ по времени проясняется, и слѣдуетъ вѣрить, что усилія людей науки подходятъ близко къ положительнымъ выводамъ. Будетъ время, когда большинство основъ неизвѣстныхъ въ этихъ вопросахъ сдѣлается аксіомами даже не по теоріи вѣроятностей, а просто изъ прямыхъ умозаключеній, утвержденныхъ опытами, изслѣдованіями на почвѣ и сравнительнымъ анализомъ.

Итакъ, трудитесь и не унывайте, изслѣдователи первобытной жизни русской земли; трудитесь, зная, что ваша нелучная работа можетъ уяснить многое темное въ области человѣческихъ знаній, многое основное нашего существованія.

Кн. П. П.

Къ стр. 802 „Русской Старины“, мартъ, изд. 1888 г.:

Ховенъ едва ли правнтьчо „показывается сенаторомъ послѣ кончины Павла“, такъ какъ указомъ отъ 23 апрѣля 1801 г. онъ былъ уволенъ, по болѣзни (Сенатск. Архивъ I, 611).

Ламсдорфъ произведенъ въ тайные совѣтники 5 апрѣля 797 г. (id., 144), уволенъ 4 ноября 798 г. (id., 458).

Гурко уволенъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ 14 декабря 1799 г. (id., 570).

Г. К. Р.

Catalogue d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,

en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,
A FRANCFORT S. MEIN.

Prière d'adresser les commandes directement à Francfort ou par l'entremise d'une librairie.

174 ¹⁾ Kauffass, R. S., Die Slaven in den Altesten Zeiten bis Samo (623). Berl. 1842.—Schloezer, K. de, Les premiers habitants de la Russie. Paris 1846.—Fraehn, Ch. M., Ein neuer Beleg, dass die Gründer des Russ. Staates Normannen waren. St Petersburg. 1838.—Hagemeister, J. v., Russlands Territorial Vergrößerung geschichtlich dargestellt. Riga 1834.—Blum, K. L., Franz Lefort. Heidelb. 1867.—Walcker, C., Ueber die gegenwärt. Lage Russlands. Lpz. 1873. gr. 8°. Pbd. M. 9.—

175. Kern-Histori, Europäische od. summar. u. begreiflicher Auszug der vornehmsten u. curiosisten Geschichten Europae. Zürich 1701. kl. 8°. (1159. Seit. u. Reg.) Ldr. M. 8. —

* Enthält u. a.: Von dem Teutschen, Türkischen u. Moscovitischen Keyserthumb.—Von denen Nordischen Königreichen in Dennemarck u. Norwegea, Schweden, Polen.

176. Kiel, L., Costüme des Russischen Heeres. 73. Kpfrtfn. O. O. 1816. gr. 4°. In Carton. M. 48. —

177. Klinglake, A. W., The invasion of the Crimea. 10 vols. Leipz. 1863—75. 8°. (M. 16.) br. M. 10. —

178. Kleinschmidt, A., Russland's Geschichte u. Politik dargest. in d. Geschichte des russischen hohen Adels. Cassel 1877. gr. 8°. (M. 9) br. M. 7.—

179. Koch, K., Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. 2 Bde. Stuttg. 1842—1843, gr. 8°. (M. 15¹/₂). br. M. 4. —

180. Kehl, J. G., Petersbourg in Bildern und Skizzen. 2 Thele. in 1 Bd. mit 1 Plan. Dresd. 1841. 8°. (M. 13¹/₂). Hfrz. M. 6. —

181. — Russia. St.-Petersbourg, Moscow, Odessa, the Germ. provinces of the Baltic &c. &c. With a map. Lond. 1842. gr. 8°. (12 sh.). Sars. M. 6.—

182. Kolalowitz, Historia Lituan. 2 voll. Dantisci et Antverpiae 1650—69. 4°. Prgt. Prächtiges Ex. dieses complet sehr selten vorkommenden Werkes. M. 85. —

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1837 г., т. LV, сентябрь, т. LVI, октябрь, ноябрь и декабрь; изд. 1838 г., т. LVII, январь, февраль, мартъ: объявленія въ концѣ книгъ.

183. Körber, B., Biostatik der im Dörpt'schen Kreise gelegenen Kirchspiele Ringen, Randen, Nüggen u. Kewelecht i. d. J. 1834—1859. Dorpat 1864. 4°. br. M. 4. —
184. Kerff, M. v., Die Thronbesteigung des Kaisers Nicolaus. Officielle deutsche Ausgabe. 3. Aufl. Frankf. a. M. 1857. 8°. br. M. 2. 50. —
185. Kotzebue, O. v., Neue Reise um die Welt, 1823—1826. 2 Bde. mit 2 Kpfrn. u. 3 Karten. Weimar 1830. imp.-8. (M. 10. 50) Lwd. M. 5. —
186. Krantz, Vandalia. Coloniae 1519.—Ejusdem Saxoniam. Mit Titelbordüre. Ib. 1520. Folio. Ldr. M. 18. —
- * Beide Werke in den ersten seltenen Ausgaben.
187. — Wandalia. De Wandalarum vera origine, variis gentibus &c. Adj. Polonici regni et Prussiae descriptio. Francof. 1580. Folio. br. M. 8. —
188. Krauss, F. S., Sagen u. Märchen der Südslawen. 2 Bde. Leipz. 1883—1884. 8°. (M. 12) br. M. 6. —
189. Krieg (der) gegen Russland in d. J. 1854 u. 1855. Fliegende Blätter vom Kriegsschauplatz. 1 (einz.) Bl. mit 1 Karte. 3. Aufl. Cassel 1835. — Abeken, H., Der Eintritt der Türkei in die europ. Politik des 18. Jahrhunderts. Mit Actenstücken. Berl. 1856. gr. 8°. Pbd. M. 7. 50.
190. Kriegsbibliothek, enth. die Geschichte der Befreiungskriege in Spanien, Portugal, Russland, Deutschland etc. vom Jahre 1808—1815. 5 Bde. mit Schlachtplänen. Lpz. 1817. gr. 8°. (M. 30) br. M. 12. —
191. Kursehat, Beiträge zur Kunde der litauischen Sprache. 2 Hefte. Königsb. 1843—1849. 8°. br. Fehlt im Buchh. M. 4. 50.—
192. Labaume, E., Relation circonstanciée de la campagne de Russie. Avec plans. 2 éd. Paris 1814. gr. 8°. Hfrz. M. 3. —
193. Laboulaye, E., Etudes contemporaines sur l'Allemagne et les pays Slaves. Paris. 1856. 8°. Pbd. M. 2. —
194. La-Cecilla, La Russia et l'Europa Occidentale nella quistione d'Oriente etc. Con illustraz. 2 vol. Genova 1854—1855. gr. 8°. Mit vielen colorirten Tafeln. br. M. 14. —
195. La Combe, Geschichte der Staatsveränderungen des Russischen Reichs. Mit Verbesserungen, Zusätzen und Anmerk. von Joachim. 3 Bde. mit 2 Portraits, Halle 1761—1764. 8°. Pbd. M. 4. —
196. Lacy Evans, Lieut.-Col. de, On the designs of Russia. Lond. 1828. gr. 8°. (8 sh. 6 d.). Cart. M. 4. —
197. Ladimir, J., La guerre. Histoire complète des opérations militaires en Orient et dans la Baltique pendant les années 1853—1856. 2 vols. avec portraits, vues, cartes, etc. Paris 1857. gr. 8°. br. M. 8. —
198. La Ferriere, Deux années de mission à St. Pétersbourg, manuscrits, lettres et documents historiques, sortis de France en 1879. Paris 1867. gr. 8°. Hfrz. Fehlt im Buchh. M. 12. —
199. Lansdell, K., Through Siberia. 2 vols. with illustr. and maps. Lond. 1882. gr. 8°. (£ 1. 10 sh.) Sars. M. 9. —

(Продолжение слѣдуетъ).

Въ первыхъ числахъ апрѣля сего 1888 г. поступятъ въ продажу

С Л Ъ Д У Ю Щ І Я И З Д А Н І Я

Н. П. ФЕДОТОВА:

1) Путеводитель на Иматру:

а) съ приложеніемъ: краткаго словаря наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, напечатанныхъ русскими буквами, съ русскимъ переводомъ, подробныхъ плановъ Иматры, Валлиноски (такъ наз. Малая Иматра), парка Монрепо, г. Вильманстранда, чертежей тройного шлюза (перспективный видъ и разрѣзъ) и карты Сейменскаго канала, съ указаніемъ на ней всѣхъ 28 шлюзовъ. Цѣна 1 руб.

б) съ приложеніемъ только словаря и карты Сейменскаго канала. Цѣна 40 коп.

2) Дачныя мѣстности по Финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ, отъ С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно, съ подробными планами гг. Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса, съ ихъ дачными окрестностями, съ указаніемъ цѣнъ и размѣровъ дачныхъ помѣщеній: словаремъ, упомянутымъ въ п. 1-мъ, извлеченіями изъ законовъ Финляндіи, таможеннаго устава о торговлѣ съ Финляндіею и проч. Цѣна 1 руб.

3) Описаніе и подробные планы дачныхъ мѣстностей, съ указаніемъ цѣнъ и размѣровъ дачныхъ помѣщеній: Лѣснаго—15 к., Удѣльной—15 к., Шувалова—15 к., Парголова (2-го и 3-го) съ Шуваловскимъ паркомъ—15 к., Бѣлоострова и Сестрорѣцка—15 к., Тереюкъ, Ваммельсуу и Мерекюль—25 к., Райвола—20 к., Вильманстранда—25 к.

4) Описаніе и общій планъ, съ указаніемъ цѣнъ и размѣровъ дачныхъ помѣщеній: Лѣснаго, Коломягъ, Удѣльной, Шувалова, Парголова и Левашева. Цѣна 20 к.

5) Описаніе и подробный планъ парка Монрепо (въ окрестн. Выборга). 30 к.

5) Планы дачныхъ мѣстностей: Лѣснаго, Коломягъ, Удѣльной, Шувалова, Парголова, Левашева, Бѣлоострова, Тереюкъ, Ваммельсуу и Мерекюль, Райвола, Перкярви, всего 11-ть плановъ. Цѣна 50 к

7) Планы дачныхъ мѣстностей по Финляндской жел. дорогѣ: Удѣльной, Шувалова, Парголова и Левашева съ общимъ планомъ. Цѣна 25 к.

Планы: Иматры—25 к., Валлиноски—10 к., г. Выборга—30 к., г. Гельсингфорса—40 к. Карта Сейменскаго канала—30 к. Чертежи Тройнаго шлюза: перспективный видъ—25 к., разрѣзъ—10 к.

8) Краткій словарь наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, напечатанныхъ русскими буквами, съ русскимъ переводомъ. Цѣна 10 к.

Складъ у издателя — Николая Петровича Федотова :С.-Петербургъ,
Сергіевская ул., д. 28, кв. 2.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛЫШЕВЪ.

(Слобода Мстера, Владимірской губерніи).

продаются у него слѣдующія, оставшіяся въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, его изданія:

А Л Ь Б О М Ы :

I. Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ XVII вѣка, съ 20 листами рисунковъ, 1870 г.	2 р. 50 к.
То-же изданіе на простой бумагѣ	1 » — »
II. Памятники старинной русской рѣзбы по дереву, съ 20 листами рисунковъ, 1877 г.	2 » 50 »
III. Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженийъ, съ 21 листами рисунковъ, 1879 г.	2 » 60 »
IV. Альбомъ русскихъ древностей, съ 40 листами рисунками, 1881 г.	4 » 50 »
V. Памятники русской старины, съ 17 листами рисунками и 3 оттисками большихъ лубочныхъ картинъ 1882 г.	2 » 50 »
VI. Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг., съ 30 лист. рисунковъ, 1885 г.	7 » 50 »

Книги и брошюры:

1. Богоявленская слобода Мстера, 1865 г.	1 р. — к.
2. Лубочныя народныя картинки, 1870 г., съ оттискомъ.	1 » — »
3. Образцы старинной рѣзбы по дереву, 1877 г., съ 3 оттисками.	— » 50
4. Лубочная народная картинка «Мыши kota погребаютъ», 1878 г., съ оттискомъ	1 » — »
5. Распятіе Христово и Христосъ въ багрянцѣ, 1879 г., съ 2 оттисками	— » 50
6. Мѣсто земнаго упокоенія князя Д. М. Пожарскаго, 1885 г., съ 5 лист. рисунковъ	1 » — »
7. «К. Н. Тихонравовъ», 1887 г., съ портретомъ	— » 50 »

Съ требованіями обращаться къ **ИВАНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ГОЛЫШЕВУ**, Мстерское почтовое отдѣленіе, Владимірской губерніи.

Цѣны назначены съ пересылкой.

Поступила въ продажу въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга напечатанная безъ предварительной цензуры новая книга:

ВЪ СВѢТѢ.

(Москва — Мюнхенъ — Кёльнъ — Альпы — Біаррицъ).

Впечатлѣнія и мысли туриста.

ГРИГОРІЯ АВЕТОВИЧА ДЖАНШИЕВА.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія у издательницы Е. К. Гербекъ (Петровка, домъ Рудакова) и въ конторѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1888 г.:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи
за годъ 10 р., за полгода 5 р.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:

за годъ 8 р. за полгода 4 р. 25 к.

Отдѣльныя книжки продаются при редакціи по 1 руб.,—первый томъ 3 руб.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ: въ редакціи журнала на Театральной ул., № 4, и на Кре-
шатикѣ въ магазинахъ: писчебумажномъ Корчака-Новицкаго и въ книжныхъ
Оглоблина, Розова, Гинтера и Малецкаго, Дантера, Корейво и др.

Редакторъ-издатель *А. Лашиневичъ.*

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:
 Первое прибавленіе
 къ
СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
 изд. 1885—1886 1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравированныхъ на мѣди и на деревѣ, выбранные изъ тѣхъ портретовъ, которые были приложены въ разныхъ годахъ «Русской Старины» и исполнены лучшими художниками. Цѣна ДВА рубля, а для подписчиковъ «Русской Старины» **ОДИНЪ** рубль съ пересылкою.

Эта Роспись напечатана всего лишь въ 500 экз.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ
 СОДЕРЖАНІЯ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
 изд. 1870—1884 гг.

Записки и воспоминанія.—Исслѣдованія и очерки.—Акты и матеріалы.—Церковь.—Словесность.—Искусства и художества.

Съ приложеніемъ портретовъ русскихъ дѣятелей.

Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой.

Эта книга составлена Вѣрой Васильевной Тимошукъ и издана ред. «Русской Старины» въ 1885-мъ году, Спб., 8 д., стр. X + 282.

Осталось этой книги къ 10 марту 1888 г. всего—399 экз.,

а такъ какъ—въ виду значительности издержекъ на ея изданіе—новое тисненіе ея не предвидится и будутъ выходить каждые три года лишь прибавленія къ Росписи, то мы и позволяемъ себѣ напомнить всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ или цѣликомъ все изданіе «Русской Старины» съ 1870 года или большую часть годовъ этого изданія—своевременно озаботиться приобрѣтеніемъ помянутой «Росписи», безъ которой весьма затруднительны справки въ этомъ громадѣйшемъ собраніи матеріаловъ къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ.—2610 + 697 изслѣдованій, записокъ, мемуаровъ, воспоминаній и прочихъ статей, словомъ всего того, что составляетъ содержаніе «Русской Старины» за девятнадцать лѣтъ ея изданія (1870—1888).

☞ Все изданіе „Росписи содержанія „Русской Старины“ изд. 1870—1884 гг., Спб., 8 д., принадлежитъ магазину г. Цинзерлинга (Спб., Невскій проспектъ, д. № 46).

Среднее образование двѣицъ во Франціи. Историческій очеркъ Октавьяна Греара, члена института и вице-ректора Парижской Академіи. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 120+12.

Это отдѣльный оттискъ изъ журнала „Высшее Образование“. Трудъ Греара весьма интересенъ, отличный переводъ со съ некоторыми дополненіями и разясненіями принадлежитъ кн. В. Д. Давыду, котораго нельзя не поблагодарить за этотъ трудъ; въ историческомъ очеркѣ французскаго писателя, по справедливому замѣчанію кн. В. Д., „почини вопросовъ общаго значенія, замѣчается не мало дѣланныхъ, не безъ интересныхъ и для нашихъ русскихъ учебныхъ заведеній, въ особенности въ виду возможности въ жизни ихъ вопроса объ улучшеніи“.

Въ Европѣ. — (Москва — Мюнхенъ — Кельнъ — Альпы — Вѣррицъ). Впечатленія и мысли туриста. Гр. Джаншѣва. М., 1888 г., въ м. 8 д., стр. XIV+419+IV. Ц. 3 р.

Съ тѣхъ поръ, какъ по маню Государя Александра II-го, то есть съ конца 1850-хъ годовъ, для русскихъ людей распахнулись двери въ Европу, десятки, сотни тысячъ нашихъ соотечественниковъ не только высшего, но въ особенности среднего елокъ общества перебивали за рубежомъ родной земли. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы являлось у насъ въ печати величнейшее количество путешествій очерковъ, впечатлѣній, отчетовъ о видѣнномъ и слышанномъ. Напротивъ, можно сказать, что дѣлалось и является очень мало; русскій путешественникъ нашего времени не беретъ за перо изъ убѣжденія, что де сказать ему не доведется ничего новаго, все де это извѣстно! А между тѣмъ и многочисленная масса грамотнаго люда русскаго остается во мрачѣ невѣдѣнія о многомъ, что является бытъ народовъ Западной Европы, у которыхъ именно весьма многому слѣдуетъ учиться и только невѣжество можетъ замигаться отъ свѣта знанія и въковой цивилизаціи. Въ виду сказаннаго, названнаго выше очерки Гр. Ав. Джаншѣва, юриста, автора нѣсколькихъ талантливыхъ монографій, написанные живо и занима-

тельно, весьма полезны и читаются съ удовольствіемъ.

Учебникъ педагогикѣ. Основанія психологій и логики въ связи съ педагогическими примѣненіями. — Для средно-учебныхъ заведеній. Составилъ Т. В. Докучаевъ. Москва, 1887 г., въ 8 д., стр. X+378. Цѣна 1 р. 25 к.

Настоящее руководство, какъ замечено въ предисловіи, принадлежитъ къ типу педагогикъ съ теоретическимъ направленіемъ; но въ немъ теорія возможно блико связана съ практикою; педагогическія правила указываются въ этой книгѣ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ теоретическихъ положеній. — Кто основательно изучилъ педагогическую теорію, удовлетворяющую строгимъ научнымъ требованіямъ, — совершенно справедливо замечаетъ почтенный авторъ, — тотъ имѣетъ въ своихъ рукахъ надежное средство противъ ошибокъ и увлеченій въ педагогической практикѣ. Изъ педагогической теоріи, какъ видно даже при самомъ близкомъ просмотрѣ книги, авторомъ разсмотрѣны такіе вопросы, которые имѣютъ ближайшее примѣненіе къ умственному или нравственному воспитанію... Авторъ принадлежитъ къ числу известныхъ и опытныхъ педагоговъ въ С.-Петербургѣ; будучи въ теченіи многихъ лѣтъ однимъ изъ наиболее уважаемыхъ преподавателей во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (бывшая 2-я военная гимназія), онъ состоитъ однимъ изъ экспертовъ при Училищѣ Горюдси. Комиссіи, которая вѣдаетъ дѣлами сорокъ училищъ. Отличный ходъ дѣла обученія и воспитанія въ этихъ школахъ несомненно много обязанъ почтеннымъ экспертамъ Комиссіи.

Названіи Московскихъ улицъ и переулковъ съ историческими объясненіями, составленными А. А. Мартыновымъ. Изд. третье, значительно дополненное. М. 1888 г., въ м. 8 д.

Книжечка изданіи изданъ и весьма интересна для нашего, кого интересуетъ Москва. За обстоятельность и точность входящихъ въ нее историческихъ разясненій ручается имя ея составителя, отличнаго знатока исторіи Москвы и составителя весьма полезнаго изданія: „Русской старинѣ изъ памятниковъ гражданскаго зодчества“.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изгородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (22 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портрет., 9 руб.

Издатель-редакторъ Мнх. Ив. Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

МАЙ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX в. Очеркъ магистра русской исторіи В. Н. Семеновскаго. 292	VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Пятигорскъ, какъ мѣсто его жизни и думъ. Сообщ. Е. С. Некрасова. 459
II. Василий Трофимовичъ Мартыновъ. Историко-біографическое изслѣдованіе. Очеркъ первый. Состав. П. А. Бѣловерская 341	VII. Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Защѣтки кн. В. Д. Давыда. Гл. VIII—X. 481
III. Разказы Прасковьи Егоровны Амленковой, рожденной Гебаль. (Окончаніе) 365	VIII. Россія и Англія на дальнемъ Востоцѣ. Историческая справка ко дню открытія Каспійско-Самаркандской жел. дор. 15 мая 1888 г. Сообщ. Л. Н. Соболевъ. 505
IV. Въ странахъ средней Азіи. Путешествія печатальнѣ Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извл. и перев. В. В. Тимошукъ. (Оконч.). 383	IX. Изъ вопросу менскихъ гимназій. (Оконч.). Сообщ. А. А. Чумиковъ. 523
V. Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина: Иванъ Школ. Крамной 405	X. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ: 1. Пятидесятилѣтіе литературно-общественной его дѣятельн. 2. Сборникъ «Луныи ночи», 1839 г. 529
	XI. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Прасковьи Егоровны Амленковой, гравир. худож. Н. И. Матюшинъ. — II. Рисунки изъ соч. Генриха Мозера: 1. Курдская крѣпость. — 2. Возвращеніе съ набѣга. — 3. Аулъ Сакисъ-Атлукъ. — 4. Бой барановъ. Всѣ четыре гравюры исполнены въ Парижѣ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

1-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1888 г.

Письма графини Е. М. Румяновой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румяннову-Задунайскому, 1762—1779 гг., съ портретомъ и факсимиле. Издавъ графъ Д. А. Толстой. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. хvi+280. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Къ числу достопамятѣйшихъ сподвижниковъ великой Екатерины—принадлежитъ графъ П. А. Румянцовъ. Это одинъ изъ тѣхъ, которые снискали славу Екатеринувскаго вѣка; дарованія его какъ полководца и какъ государственнаго дѣятеля несныя значительны, заслуги Россіи громады и потому понятно, что дѣятельность его издавна занимала многихъ историческихъ писателей. Нынѣ издаваемая предвѣтомъ императорской академіи наукъ книга вноситъ въ нашу историческую литературу прентересный матеріалъ не только по отношенію къ столь крупной личности, каковъ Румянцовъ, но и вообще для характеристика быта высшаго русскаго общества XVIII вѣка. Бытовыхъ чертъ здѣсь весьма много и прелюбопытныхъ и ужь конечно книга эта послужитъ матеріаломъ какъ историкъ и біографу, такъ и историческому романисту для сюжета изъ быта русскаго общества Екатерининскаго вѣка. Румянцовъ оказывается плохимъ семьяниномъ, невѣрнымъ мужемъ и довольно равнодушнымъ къ заботамъ о своихъ сыновьяхъ отцомъ, изъ которыхъ однако двое вышли весьма замѣчательными государственными дѣятелями въ эпоху Александра I, а одинъ, графъ Николай Петровичъ, обезсмертилъ себя рядомъ множества заслугъ на почвѣ служенія наукъ вообще и русской археологіи, археографіи и исторіи въ особенности. Выдающеюся личностью является жена Задунайскаго. Дочь кн. Мих. Мих. Голицына, одного изъ славнѣйшихъ „птенцовъ гнѣзда Петрова“, почти безграмотная, до того она плохо пишетъ, на 11 лѣтъ старше своего мужа, она равно полюбута имъ какъ жена, но остается на высотѣ своего положенія какъ мать. Ей обязана Россія, что получила въ сыновьяхъ этой достойной русской женщины (род. 1714, умерла 1779 г.), славныхъ гражданскихъ дѣятелей и ревнителей насамѣденія наукъ и просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Образуемъ ея двухъ еоть

двадцати двухъ писемъ (1782—1779 гг.) къ мужу, нынѣ издаваемыхъ, гр. Д. А. Толстой предпослала обстоятельное предисловіе, обставивъ изъ, гдѣ нужно, подлежащими примѣчаніями и приложила къ этому изданію изданному сборнику элементарныхъ указатель личнымъ именемъ. М. С.

В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до нач. XVIII вѣка. Спб. 1887. XXXV+772. Ц. 4 р. 50 к.

Русская историческая наука давно мучдалась въ подобномъ трудѣ, который при томъ долженъ былъ быть совершенно ориенталистомъ. Этому условію вполне удовлетворяетъ появленіе настоящаго изслѣдованія. Въ началѣ своего предисловія авторъ подвергаетъ оцѣнку предшествовавшимъ труды, имѣющимъ отношеніе къ настоящему предмету, и дѣлаетъ обзоръ источниковъ, изъ которыхъ видно, насколько необходимо были пересмотръ и переработка многихъ данныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Кроме того авторъ воспользовался некоторыми рукописями Высшей бібліотеки, ханскихъ архивами и др. документами (изъ турец. яз.), имѣющимися въ имп. публ. библ.; коллекціей копій-евангиліе съ ханскихъ ярлыковъ и др. документовъ на турецкомъ яз. и въ русскомъ переводѣ, принадлежатъ покойному В. В. Григорьеву, приобретенной для бібліотеки обл. университета; рукописными копіями съ некоторыхъ переводовъ ханскихъ ярлыковъ и султанскихъ фирмановъ, хранящихся въ архивѣ таврическаго дворянства; документами на татарскомъ языкѣ, принадлежащими музею Одесскаго общ. исторіи и древностей и нѣк. частнымъ лицамъ; рук. соч. тур. историка Хусейна Гезаръ-Фенна въ библ. учебн. отдѣл. при имп. импер. дворцѣ; документами Симеоропольскаго губернскаго архива на татарскомъ языкѣ, которые содержатъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ для иллюстраціи бытовой исторіи Крымскаго ханства—это ослатокъ ханскаго архива, заключающій въ себѣ до сотни деверей, начавшая съ XVI вѣка. Само собою понятно, что и русскіе источники (дипломатическіе и др.) приняты авторомъ во вниманіе.

Обиліе иновъ собранныхъ авторомъ деп-

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
лицъ.—Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.

Спб., въ 8 д., ххх + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою.

1867 — 1888.

✍️ Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ».

Приводимъ здѣсь предисловіе къ книгѣ «Альбомъ редактора
журнала «Русская Старина»:

«Въ добрую старину существовалъ обычай, сослужившій
хорошую службу отечественной словесности.

«Мы говоримъ о существовавшемъ нѣкогда обыкновеніи вести
и хранить рукописные альбомы и собирать въ нихъ прозаическія
и стихотворныя замѣтки, записи мыслей, афоризмовъ и проч.

«Бто не помнить этихъ альбомовъ, различныхъ форматовъ, въ
сафьянныхъ или заботливо вышитыхъ переплетахъ; альбомовъ, со-
стоявшихся изъ зеленыхъ, желтыхъ, сѣрыхъ, розовыхъ, синихъ и др.
листочковъ бумаги. Въ эти драгоценныя для владѣльцевъ книжки

заносились карандашемъ, акварелью, сепією, тушью рисунки, исполненные нерѣдко весьма искусными художниками, а также вписывались нашими и иноземными писателями, гостями въ Россіи, всякаго рода стихотворенія и прозаическіе отрывки.

«Много такихъ альбомовъ погибло отъ невѣжества и равнодушія потомковъ ихъ владѣтелей и владѣлицъ, отъ пожаровъ, многіе перешли къ старьевщикамъ и букинистамъ и, наконецъ, просто уничтожились отъ времени. Но не мало этихъ сборниковъ дало болѣе или менѣе цѣнный матеріалъ для литературныхъ очерковъ, воспоминаній и для различныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ историко-литературныхъ статей.

«Пишущій эти строки, какъ редакторъ «Русской Старины», бывалъ также обязанъ помянутымъ альбомамъ и не разъ черпалъ изъ нихъ кое что для своего новременнаго изданія.

«Памятуя интересъ старинныхъ альбомовъ и видя, что въ послѣднюю четверть вѣка почти совершенно уничтожился добрый обычай, уничтожился потому-ли, что была временная, хотя и довольно продолжительная, острота въ русскомъ обществѣ къ поэзіи, или же потому, что со второй половины 1850-хъ годовъ все, что выходило изъ-подъ пера нашихъ писателей, гораздо легче, нежели при ихъ предшественникахъ, стало являться на страницахъ книгъ и газетъ, а потому и не было надобности сберегать произведенія русскихъ людей въ завѣтныхъ альбомахъ, — такъ или иначе, но видя, что альбомы уже почти не существуютъ, мы рѣшились воскресить старый и хорошій обычай.

«Мы завели у себя альбомъ автобіографическихъ замѣтокъ и автографовъ нашихъ многочисленныхъ знакомыхъ, завели его, такъ сказать, шутя, никакъ не предполагая какой интересный, и по содержанію, и по своему значенію, составитъ изъ нашего альбома сборникъ.

«Въ теченіе двадцати одного года, именно съ 1867-го по 25-е марта 1888-го года, составилось у насъ три тома въ большую четверть листа и каждый томъ въ нѣсколько сотъ страницъ, вполнѣ исписанныхъ автобіографическими замѣтками,

большихъ или меньшихъ размѣровъ, — прозаическими отрывками, шутками, стихотвореніями, посланіями, эпиграмами, замѣтками рисунками и проч., и проч.

«Печатать означенный альбомъ мы никакъ не предполагали; между тѣмъ нынѣ всѣ его три части являются въ свѣтъ, въ одномъ, довольно убористо напечатанномъ, сборникѣ.

«Что побудило насъ къ этому?

«Во-первыхъ, желаніе сохранить альбомъ, многія страницы котораго имѣютъ общій интересъ, отъ всякой случайности его утраты; во-вторыхъ то, что, увы, значительное число лицъ, почтившихъ нашъ сборникъ внесеніемъ о себѣ замѣтокъ, уже сошло въ могилу, и въ-третьихъ, въ послѣднее время стали появляться, и это дѣло весьма хорошее, различные словари съ біографическими свѣдѣніями о русскихъ дѣятеляхъ, намъ современныхъ или лишь въ недавнее время скончавшихся. Таковыя словари и сборники біографій издавна существуютъ за границей, конечно, по отношенію къ иноземнымъ дѣятелямъ. Вотъ для таковыхъ-то словарей и сборниковъ — русскихъ подвижниковъ науки, литературы и искусствъ, а также дѣятелей государственныхъ и общественныхъ, нашъ Альбомъ можетъ послужить однимъ изъ полезныхъ источниковъ необходимыхъ данныхъ, тѣмъ болѣе драгоценныхъ, что эти данныя положительно всѣ внесены на страницы нашего Альбома рукою тѣхъ самыхъ лицъ, свѣдѣнія о которыхъ въ немъ сообщаются.

«Изданіе настоящей книги мы соединяемъ съ добрымъ дѣломъ: весь доходъ отъ продажи книги, за покрытіемъ издержекъ, обращается въ пособіе бѣднымъ. А такъ какъ весьма значительное большинство изъ восьмисотъ пятидесяти лицъ, являющихся, въ ихъ собственноручныхъ записяхъ, въ нашемъ Альбомѣ, принадлежитъ къ числу жителей С.-Петербурга, то мы и положили: помянутый доходъ отъ этой книги, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, съ ея изданіемъ соединенныхъ, обратить въ фондъ «Общества пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ», каковыя училища, — эти

превосходнѣйшіе разсадники народнаго образованія въ столицѣ, — учреждены и состоятъ въ вѣдѣніи Городской Думы.

«Напечатали мы нашъ альбомъ совершенно въ томъ самомъ порядкѣ или, правильнѣе сказать, въ томъ безпорядкѣ, какъ занесены на страницы альбома подписи, автобіографическія и нынѣ записи и замѣтки.

«Но чтобы каждый могъ легко отыскать въ этомъ многочисленномъ обществѣ лицо, которымъ почему либо читатель интересуется, то въ облегченіе таковой справки мы предпослали нашему Альбому — азбучный указатель личныхъ именъ, въ которомъ противъ каждаго имени читатель найдетъ страницу, на которой является или только имя-подпись, или болѣе или менѣе значительная замѣтка и иная запись помянутыхъ лицъ, а нерѣдко — стихотвореніе, отрывокъ въ прозѣ, воспоминаніе, замѣтка, рассказъ, эпиграмма, шутка....

«О степени интереса и значеніи этихъ записей и автобіографическихъ замѣтокъ достаточно говорятъ фамиліи лицъ, собственноручно ихъ вписавшихъ въ нашъ Альбомъ: среди 850 являющихся въ этой книгѣ лицъ, если читатель встрѣтитъ имена совершенно частныхъ особъ, мало или вовсе не извѣстныхъ обществу, — такъ какъ мы напечатали весь текстъ нашего альбома безъ пропусковъ, — то на ряду съ ихъ именами встрѣчается множество такихъ русскихъ людей, которые пользуются обширною извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія дорогому нашему отечеству».

Примѣчаніе. Книга „Знакомые“ — альбомъ ред. „Русской Старинѣ“ отпечатана въ количествѣ 1,500 экземпляровъ. Цѣна ея два рубля съ пересылкою. По распродажѣ всего изданія — отчетъ о доходахъ и расходахъ съ изданіемъ сопряженныхъ, будетъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“, и затѣмъ весь избытокъ дохода надъ расходами будетъ переданъ въ состоящее при Училищной Городской Комиссіи — „Общество пособія бѣднымъ учащимся въ С.-Петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищахъ“.

Михаилъ Семевскій.

25-го марта 1888 г.
С.-Петербургъ.

Рисовъ Н. А. Бестужевъ

ПРАСКОВЬЯ ЕГОРОВНА АННЕНКОВА,

РОЖДЕННАЯ ГЕБЛЬ.

1800 — 1876.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣка.

Въ «Русской Старинѣ» уже печатались статьи магистра русской исторіи Василя Ивановича Семевского по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, а именно, въ 1882 г., т. XXXV: «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II въ письмахъ князей Д. А. и А. М. Голицыныхъ»; 1887 г., т. LIII, «Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью въ царствованіе императора Николая» и въ 1887 г., томъ LVI, «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка: Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ и литературѣ въ царствованіе императора Александра I.—Отношеніе декабристовъ къ крестьянскому вопросу.—Путешествіе бар. Гакстгаузена и его книга о Россіи.—Свободное русское слово по крестьянскому вопросу въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ». Кроме того монографіи В. И. Семевского по исторіи крестьянскаго вопроса печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1879 г. и «Русской Мысли» 1883—1886 гг.

Въ настоящее время авторъ, переработавъ всё эти статьи, собралъ ихъ въ два большихъ тома, подъ заглавіемъ: «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», которые и появятся въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Очеркъ, нынѣ нами печатаемый, составляетъ введеніе къ этому обширному и многолѣтнему труду; въ настоящемъ очеркѣ сгруппированы всё основныя, существенныя положенія названнаго изслѣдованія. Съ согласія автора, мы предлагаемъ этотъ очеркъ вниманію читателей «Русской Старины».

Ред.

Настоящій очеркъ посвященъ общему обзору исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка и представляетъ собою сжатую характеристику отношенія законодательства, литературы, общества и народа къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. По терминологіи Свода Законовъ „къ крѣпостному состоянію принадлежатъ: 1) крестьяне помѣщичьи; 2) дворовые люди“¹⁾. Въ пору наивысшаго развитія этого „крѣпостнаго состоянія“ во второй половинѣ XVIII-го вѣка, въ царствованіе императрицы Екатерины II, оно характеризуется слѣдующими чертами: крѣпостные люди обязаны были безпрекословнымъ повиновеніемъ своему владѣльцу во всемъ, что не противно общимъ государственнымъ законамъ; они не имѣли права самовольно переходить отъ одного владѣльца къ другому или поступать въ другое состояніе, а также и переселяться на другія земли безъ воли помѣщика; они не могли вступать въ бракъ съ кѣмъ-бы то ни было безъ дозволенія владѣльца (но послѣдній по закону не могъ принуждать ихъ къ браку). Владѣлецъ могъ налагать на крѣпостныхъ людей всякія работы, взимать оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ это разоренія; помѣщикъ могъ переводить крестьянъ своихъ во дворъ или дворовыхъ людей на пашню. Помѣщикъ имѣлъ право переселять своихъ крестьянъ, а также продавать ихъ съ землею и безъ земли, цѣлыми деревнями и по одиночкѣ. Взаимные споры и искн крѣпостныхъ людей между собою разбирались и судились владѣльцемъ окончательно. Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи помѣщикъ могъ наказывать ихъ по своему усмотрѣнію, но безъ увѣчья и безъ опасности для ихъ жизни; однако, въ уголовныхъ преступленіяхъ крѣпостные были подсудны общимъ государственнымъ учрежденіямъ. Помѣщику предоставлялось право отдавать крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію въ рекруты, ссылатъ на поселеніе въ Сибирь и отдавать въ ваторжную работу, а со времени изданія учрежденія о губерніяхъ—и въ смирительные дома. Подавать жалобу на помѣщика крѣпостнымъ воспрещалось, но въ случаѣ разоренія крестьянъ или непомерно жестокаго

¹⁾ Сводъ Законовъ, т. IX, изд. 1833 г., ст. 543; изд. 1842 г., ст. 914; изд. 1857 г., ст. 995.

обращенія съ крѣпостными имѣніе могло быть взято въ опеку. Крѣпостные не имѣли права приобрѣтать въ собственность недвижимаго имущества; ихъ движимое имущество не было обезпечено отъ посягательствъ помѣщика. Крѣпостные передавали свое состояніе и дѣтямъ. Крѣпостные должны были платить подушную подать, отбывать рекрутскую и инныя повинности. Что касается обязанностей владѣльцевъ, то они должны были заботиться о продовольствіи своихъ крѣпостныхъ и отвѣчать за исправное отбываніе ими государственныхъ податей и повинностей ¹⁾).

По терминологіи Свода Законовъ „люди, приписанные по прежнимъ узаконеніямъ къ посессионнымъ фабрикамъ и заводамъ“, отнесены къ „особенному разряду ограниченнаго крѣпостнаго состоянія“ ²⁾). Въ другомъ изслѣдованіи мы показали, что посессионные крестьяне и мастеровые во второй половинѣ XVIII вѣка рѣзко отличались отъ крѣпостныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова: 1) посессионныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить ихъ съ одной фабрики на другую; 2) опредѣленъ былъ максимумъ того, сколько можно покупать крестьянъ къ различнымъ фабрикамъ и заводамъ; 3) установлено было, какую часть изъ посессионныхъ крестьянъ можно употреблять на работу; 4) посессионные крестьяне могли жаловаться на притѣсненія со стороны фабрикантовъ, и 5) дѣвушки и вдовы могли выходить замужъ за постороннихъ безъ разрѣшенія владѣльца ³⁾). Вслѣдствіе этого вопросъ о посессионномъ правѣ можетъ быть выдѣленъ изъ исторіи вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права; къ тому же количество посессионныхъ крестьянъ было сравнительно незначительно и вопросъ объ измѣненіи ихъ быта почти вовсе не разсматривался ни въ печати, ни въ запискахъ по крестьянскому дѣлу въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

Итакъ, мы посвящаемъ настоящей очеркъ исключительно исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи „крѣпостнаго

¹⁾ О крѣпостныхъ крестьянахъ въ Россіи въ эту эпоху см. мою книгу: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. I. Слб. 1881 г.

²⁾ Сводъ Законовъ, т. IX, изд. 1833 г., ст. 544; изд. 1842 г., ст. 915 и изд. 1857 г., ст. 996.

³⁾ См. мою книгу: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. I.

состоянія“ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. будемъ говорить лишь объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Притомъ мы ограничимся собственно Россією и исключаемъ изъ рамокъ нашего очерка Остзейскій край. Напротивъ, мы считаемъ необходимымъ коснуться вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Первое предположеніе объ освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ относится въ концу XVII вѣка. Хотя оно и было высказано такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ князь В. В. Голицынъ, но не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій. Въ царствованіе Петра Великаго крѣпостное право усилилось въ томъ отношеніи, что кабальные холопы, дѣлавшіеся прежде свободными со смертію господина, теперь утратили это право. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій принялъ нѣсколько мѣръ для ограниченія помѣщичьей власти: онъ дозволилъ дворовымъ людямъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина; крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ непосильными поборами, велѣно было отдавать въ опеку; наконецъ, государь обратилъ вниманіе сената на необходимость мѣръ для ограниченія торговли людьми безъ земли. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что тогдашнее законодательство далеко отстало отъ того, что считалъ необходимымъ для блага крѣпостныхъ одинъ изъ выдающихся современниковъ великаго государя, крестьянинъ Посошковъ: онъ желалъ, чтобы былъ точно опредѣленъ размѣръ поборовъ и повинностей въ пользу помѣщика и чтобы совершенно и навсегда крестьянская земля была отдѣлена отъ помѣщичьей. Въ правленіе преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II крѣпостное право и распространяется, и усиливается, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ. Численность крѣпостныхъ увеличивается посредствомъ приписки по ревизіямъ и посредствомъ пожалованія населенныхъ имѣній. Что касается усиленія его по закону, то въ этомъ отношеніи всего важнѣе дозволеніе помѣщикамъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы, отправлять своихъ крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь. Дворянство до царствованія Петра III заботилось всего болѣе о томъ, чтобы

добиться прекращенія обязательности для себя службы, собственнаго освобожденія отъ закрѣпощенія за государствомъ, и потому понятно, что, напримѣръ, въ заявленіяхъ шляхетства при восшествіи на престолъ Анны Ивановны мы не находимъ вовсе предложеній объ ограниченіи помѣщичьей власти.

Только достигнувъ при Петрѣ III свободы отъ обязательной службы, представители дворянства начинаютъ высказываться въ пользу облегченія участи крѣпостныхъ. Такъ, въ 1763 г., П. И. Панинъ предлагалъ запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу людей только цѣлыми семьями и, наконецъ, составить примѣрное положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ. Нашъ посланникъ въ Парижѣ князь Дм. Ал. Голицынъ предлагалъ даровать крѣпостнымъ право собственности на движимое имущество и дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ, для чего онъ совѣтовалъ учредить странствующихъ судей или трибуналы въ городахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружался противъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны государства для освобожденія крѣпостныхъ, желая предоставить это дѣло частной инициативѣ дворянъ, и совѣтовалъ только императрицѣ въ дворцовыхъ вотчинахъ подать примѣръ личнаго освобожденія крестьянъ. И. П. Елагинъ, указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ денежныхъ взносовъ и работъ, также предлагалъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендовалъ такія противныя нашему народному духу мѣры, какъ насильственное разрушеніе общиннаго землевладѣнія и искусственное устройство дворовъ одинаковой величины, по 4 работника въ каждомъ. Григорій Орловъ готовъ былъ приступить даже на дѣлѣ, при помощи пастора Эйзена, въ раздачѣ крестьянамъ въ своемъ имѣніи Ропшѣ земель въ наследственную аренду съ опредѣленіемъ размѣра оброка, но его предположенія не осуществились. Взгляды императрицы Екатерины II на крестьянскій вопросъ извѣстны намъ изъ Наказа: въ печатной редакціи этого труда она указывала на необходимость опредѣлить повинности крестьянъ особымъ закономъ, оградить ихъ права на имущество и предоставить имъ свободу вступать въ бракъ по своему желанію; въ неизданныхъ мѣстахъ Наказа императрица предлагала учрежденіе сельскаго суда изъ крестьянъ, освобожденіе семейства

изнасилованной женщины и опредѣленіе размѣра выкупа на свободу. Дѣло, очевидно, шло не о прекращеніи крѣпостнаго права, а объ его ограниченіи, и эта программа была неизмѣримо удачнѣе позднѣйшей мысли императрицы о личномъ освобожденіи всѣхъ дѣтей, рожденныхъ послѣ извѣстнаго года. Наряду съ этими стремленіями къ ограниченію крѣпостнаго права высказывались и крѣпостническія тенденціи: такъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, чтобы дворянамъ дана была безпредѣльная власть надъ ихъ крестьянами; Сумароковъ въ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины также высказывался не только противъ освобожденія крѣпостныхъ, но и противъ ограниченія крѣпостнаго права.

Не довольствуясь совѣтами по крестьянскому вопросу ближайшихъ къ ней лицъ, Екатерина, при посредствѣ вольнаго экономическаго общества, предложила вопросъ о правѣ собственности крестьянъ на землю рѣшенію не только всѣхъ русскихъ людей, но и всей западной Европы. Изъ 162 присланныхъ отвѣтовъ на русскомъ языкѣ было написано только 7. Всѣ одобренные сочиненія были болѣе или менѣе либеральнаго направленія, но большинство общества высказалось противъ напечатанія труда Беарде-де-Лабея, получившаго первую награду, и это сочиненіе увидѣло свѣтъ только благодаря вліянію членовъ общества, приближенныхъ къ императрицѣ (братьевъ Орловыхъ, гр. Р. Воронцова, гр. Чернышева, Сиверса и Теплова). Писатели-французы признавали въ теоріи важность предоставленія крестьянину права собственности на землю, но обыкновенно совѣтовали при этомъ соблюдать постепенность, на основаніи убѣжденія, что достиженіе извѣстной степени образованія должно предшествовать ихъ освобожденію, а иные были не прочь удовольствоваться и однимъ личнымъ освобожденіемъ. Такъ Беарде-де-Лабей, послѣ подготовительныхъ мѣръ для развитія крестьянъ, совѣтовалъ даровать крестьянамъ личное освобожденіе и право на движимое имущество, завершеніемъ же этого дѣла считалъ надѣленіе крестьянина маленькимъ клочкомъ земли, не обезпечивающимъ его существованія и при которомъ онъ долженъ былъ бы брать въ аренду землю помѣщика. Вольтеръ предлагалъ предоставить уничтоженіе крѣпостнаго права инициативѣ самихъ дворянъ и ничего не имѣлъ противъ безземельнаго освобожденія. Мармонтель

желалъ освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ земли въ безсрочное пользованіе за опредѣленный взносъ деньгами или натурою, но совѣтовалъ не слѣдить съ освобожденіемъ крестьянъ посредствомъ правительственныхъ мѣръ и пока удовольствоваться опредѣленіемъ повинностей, за которыя крестьянинъ будетъ имѣть право пользоваться участкомъ помѣщичьей земли. Всего болѣе замѣчательно сочиненіе француза Граслена, напечатанное вольнымъ экономическимъ обществомъ въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Беарде-де-Лабея: Грасленъ считалъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкою. Авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ, обратившихъ на себя вниманіе общества, обыкновенно рекомендуютъ, по крайней мѣрѣ для даннаго времени, не освобожденіе крестьянъ, а предоставленіе имъ земли въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленные повинности; но нѣкоторые предлагаютъ наиболѣе исправныхъ крестьянъ вскорѣ награждать и дарованіемъ свободы. Мнѣніе русскаго писателя Полѣнова, увѣнчанное наградой второй степени, осталось вовсе ненапечатаннымъ, потому что авторъ подвергъ строгой критикѣ существующія отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Что касается положительныхъ требованій Полѣнова, то онъ настаивалъ на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе, прекращеніи продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точномъ опредѣленіи его повинностей и предоставленіи права выкупаться за опредѣленную сумму, но ставилъ исполненіе этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія самихъ помѣщиковъ, на которыхъ совѣтовалъ дѣйствовать примѣромъ, введеніемъ подобныхъ реформъ въ дворцовыхъ вотчинахъ.

Нѣсколько позднѣе окончательно выяснились и взгляды кн. Д. А. Голицына. Его мечты ограничивались тѣмъ, чтобы крестьянамъ была дана только личная свобода; онъ считалъ весьма выгоднымъ для помѣщиковъ такое безземельное освобожденіе крѣпостныхъ. Вся земля должна остаться въ рукахъ помѣщика; крестьянинъ дѣлается безземельнымъ арендаторомъ. Мысль о надѣленіи крестьянина землею изъ владѣній помѣщика кажется этому либеральному барину просто нецѣлостію; государство

должно только уничтожить законъ, запрещавшій крестьянамъ покупать землю. За то съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся онъ къ предложенію кн. Гагарина дозволить крестьянамъ выкупаться на свободу за слишкомъ большой для того времени выкупъ въ 250 р. съ души.

Любопытно появленіе въ это время такихъ предположеній по крестьянскому вопросу, которыя связывались съ политическими реформами. Такъ кн. Е. Р. Дашкова была противъ освобожденія крестьянъ, до того времени, когда они достигнутъ извѣстной степени просвѣщенія, но допускала ограниченіе крѣпостнаго права одновременно съ ограниченіемъ самодержавной власти; такимъ образомъ, она прикрывала свое крѣпостничество въ крестьянскомъ дѣлѣ либерализмомъ въ вопросахъ политическихъ. Проектъ политическихъ реформъ гр. Н. И. Панина, составленный имъ подъ вліяніемъ изученія шведскаго государственнаго устройства, отдавалъ законодательную власть въ руки дворянства, а такъ какъ большинство этого сословія было пронизано крѣпостническими тенденціями, то, слѣдовательно, упоминаемое его авторомъ постепенное освобожденіе крѣпостныхъ или осталось бы при новомъ государственномъ строѣ неисполненнымъ, или осуществилось бы на началахъ, для народа вредныхъ. Но какъ бы ни были ошибочны или несимпатичны взгляды на крестьянскій вопросъ нѣкоторыхъ лицъ, увлекавшихся примѣрами запада (Англіи или Швеціи) относительно политическихъ реформъ, западнымъ вліяніемъ мы обязаны и появленіемъ такихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, какъ Полѣновъ и Радищевъ.

Еще прежде, чѣмъ вольное экономическое общество рѣшило печатать или нѣтъ русской переводъ сочиненія, заслужившаго премію, въ комиссіи для составленія новаго уложенія начались оживленныя пренія относительно крѣпостнаго права. Нужно замѣтить, что здѣсь представителями разныхъ сословій были заявлены просьбы о дозволеніи владѣть крѣпостными и не дворянамъ, а именно купцамъ, приказнымъ служителямъ, сибирскимъ служилымъ людямъ, носившимъ названіе сибирскихъ дворянъ, сибирскимъ, донскимъ и другимъ казакамъ; однодворцы также желали получить право покупать крестьянъ у помѣщиковъ. Но эти притязанія встрѣтили энергической отпоръ со стороны дворянства. Раздались и вообще протесты противъ злоупотребленій

крѣпостнымъ правомъ, но депутаты отъ дворянства довольно сочувственно отнеслись лишь къ одному предложенію относительно ограниченія помѣщичьей власти, а именно къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Продолжительныя пренія возбудило мнѣніе депутата отъ козловскаго дворянства, Коробина, который предлагалъ: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе; изъ 20-ти депутатовъ, говорившихъ по этому поводу, 8 было за улучшение быта крѣпостныхъ и 12 противъ (въ числѣ этихъ 12-ти былъ только одинъ однодворецъ, а всѣ остальные—депутаты отъ дворянъ) ¹⁾. Противники мнѣнія Коробина указывали на невозможность опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; были сдѣланы также вѣскія указанія на тотъ вредъ, который можетъ произойти для крестьянъ отъ предоставленія имъ полной собственности на землю, съ правомъ ея отчужденія, при чемъ, въ подтвержденіе этого мнѣнія, ссылались на положеніе однодворцевъ, а также и черносошныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, если депутаты, проникнутые либеральными взглядами въ крестьянскомъ вопросѣ, содѣйствовали своими рѣчами распространенію мысли о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, то консерваторы были полезны тѣмъ, что въ своихъ возраженіяхъ указывали на слабыя стороны освободительныхъ проектовъ, на пагубность для крестьянъ безземельнаго освобожденія, а также на вредныя стороны личнаго землевладѣнія и разрушенія общины, которую игнорировали наши либералы.

Въ проектъ правъ благородныхъ, выработанномъ въ частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, состоявшей при большой законодательной комиссіи, была статья, предоставлявшая помѣщикамъ право обращать деревни, которыми они владѣютъ на крѣпостномъ правѣ, въ деревни свободныя, т. е. даровать крестьянамъ личную свободу безъ земли. При

---

¹⁾ Во время этихъ преній однодворецъ Масловъ предложилъ поручить вниманіе поборовъ съ крестьянъ въ пользу помѣщика особымъ правительственнымъ учрежденіямъ, а депутатъ отъ шляхетства Екатерининской провинціи, Козельскій, совѣтовалъ установить въ пользу помѣщика двухдневную барщину и отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ. В. С.

первоначальномъ обсужденіи проекта правъ благородныхъ, всѣ ораторы изъ дворянства высказались противъ этого предложенія, и оно не нашло защитниковъ. При вторичномъ обсужденіи проекта, въ пользу этого предложенія говорили Коробинъ и Татищевъ, при чемъ послѣдній ссылаясь на примѣръ англичанъ. Но во всякомъ случаѣ эти пренія показали, что огромное большинство дворянъ не раздѣляло въ то время мысли о полезности для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которую уже вполне усвоилъ себѣ, подъ влияніемъ западнаго примѣра, кн. Д. А. Голицынъ.

Въ другой частной комиссіи—комиссіи для разбора родовъ государственныхъ жителей—вырабатывался и проектъ крестьянскихъ правъ. Члены ея Вольфъ и Унгеръ-Штерибергъ въ своихъ проектахъ сдѣлали нѣкоторые предложенія относительно ограниченія вѣрстнаго права, но въ проектѣ, выработанномъ этою частною комиссіею, все улучшеніе быта вѣрстныхъ сводилось на запрещеніе разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ малолѣтними дѣтьми моложе 7 лѣтъ; оно допущено, очевидно, потому, что противъ запрещенія продажи людей въ розницу высказались почти всѣ ораторы въ большой законодательной комиссіи. Требованіе императрицы (въ начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія) относительно того, что нужно ограничить злоупотребленія помѣщиковъ, осталось невыполненнымъ; не были предложены и тѣ мѣры, полезность которыхъ признавала Екатерина въ печатной редакціи Наказа. Проектъ крестьянскихъ правъ вовсе не обсуждался въ большой законодательной комиссіи.

Въ то время, какъ стали все чаще раздаваться голоса о необходимости ограниченія вѣрстнаго права въ Великороссіи, въ Малороссіи совершался обратный процессъ: юридически свободные крестьяне, имѣвшіе право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, постепенно все болѣе и болѣе подвергались закрѣпощенію. Еще въ 1830-хъ годахъ прошлаго столѣтія малороссійская старшина начинаетъ ходатайствовать о воспрещеніи переходовъ, и въ 1739 году генеральная войсковая канцелярія исполняетъ эту просьбу; но императрица Елизавета при вступленіи на престолъ восстанавливаетъ свободу перехода крестьянъ въ Малороссіи. Правленіе гетмана К. Г. Разумовскаго тяжело

отозвалось на малороссійскомъ посольствѣ, такъ какъ онъ сталъ раздавать въ Малороссіи имѣнія „въ вѣчное потомственное владѣніе“, вопреки закону, требовавшему для этого утвержденія со стороны верховной власти. Въ прошеніи шляхетства и старшинъ, составленномъ на собраніи малороссійскихъ чиновъ въ Глуховѣ въ исходѣ 1763 года, встрѣчаемъ вновь прошеніе о прекращеніи свободнаго перехода крестьянъ, и вслѣдъ за тѣмъ правительство, хотя и не исполняетъ еще этого желанія, но издаетъ указъ, которымъ воспрещается принимать посполитыхъ безъ письменнаго отпуска отъ прежнихъ владѣльцевъ, хотя отпуска эти должны были выдаваться безпрепятственно. Противъ вольнаго перехода крестьянъ въ Малороссіи высказывается Теплоу въ своей запискѣ, составленной около этого времени, а затѣмъ желаніе прекратить его заявляетъ и императрица Екатерина въ секретномъ наставленіи Румянцову при назначеніи его малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, но при этомъ она имѣла въ виду не закрѣпощеніе крестьянъ, а лишь прикрѣпленіе къ землѣ. Понятно, что вслѣдъ за тѣмъ противъ вольнаго перехода высказывались и Румянцевъ, и малороссійская коллегія (во главѣ которой онъ стоялъ) въ наказѣ своему депутату въ комиссію новаго уложенія; просьбу о прекращеніи переходовъ находимъ и въ малороссійскихъ шляхетскихъ наказахъ ¹⁾. Частная комиссія о разборѣ государственныхъ родовъ при составленіи проекта крестьянскихъ правъ также имѣла въ виду прекращеніе вольнаго перехода. Все это заставляло ожидать въ близкомъ будущемъ правительственныхъ мѣръ въ этомъ направленіи.

Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ вольномъ экономическомъ обществѣ и законодательной комиссіи не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ, но и то, и другое имѣло несомнѣнно плодотворное воспитательное значеніе для современниковъ: крестьянскій вопросъ былъ поставленъ, и поставленъ очень громко. Есть указаніе, что въ столичномъ обществѣ онъ сдѣлался весьма нерѣдкимъ предметомъ разговора, а депутаты, возвратившіеся изъ законодательной комиссіи, должны были

---

¹⁾ Наказъ малороссійской коллегіи вызвалъ, однако, въ законодательной комиссіи возраженіе со стороны одного изъ депутатовъ отъ малороссійскаго шляхетства Григорія Полетяна.

занести и въ провинціалныя захолустья толпы объ этомъ важномъ дѣлѣ. Но до поры до времени отъ всѣхъ этихъ разсужденій крѣпостнымъ крестьянамъ было не легче, и тяжесть крѣпостнаго права мѣстами вызывала съ ихъ стороны болѣе или менѣе серьезныя волненія. Впрочемъ, нельзя не признать, что волненія въ помѣщичьихъ вотчинахъ были въ то время не особенно частымъ явленіемъ, гораздо болѣе рѣдкимъ, чѣмъ въ первую четверть XIX вѣка, въ эпоху, предшествующую паденію крѣпостнаго права. Но во время Пугачевщины крѣпостные приняли весьма дѣятельное участіе въ волненіи и при посредствѣ пугачевскихъ манифестовъ заявили на всю Россію, что имъ нужна свобода отъ помѣщичьей власти и при томъ не иначе, какъ съ землею. Въ ученіи нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, напримѣръ, молоканъ, также сказывается отрицательное отношеніе народа къ крѣпостному праву. Къ сожалѣнію, Пугачевщина не надумила ни правительству, ни дворянству, что необходимо принять дѣйствительныя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Это поняли, однако, нѣкоторые наиболѣе образованные люди, какъ, напримѣръ, новгородскій генераль-губернаторъ Сиверсъ, совѣтовавшій императрицѣ ограничить право помѣщиковъ наказывать крестьянъ и лишить ихъ права ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь, установить размѣръ выкупа на свободу, предоставить крѣпостнымъ полную свободу въ дѣлѣ женитьбы; онъ предлагалъ также дозволить купцамъ 1 и 2 гильдіи покупать людей въ ограниченномъ количествѣ къ фабрикѣ или ремеслу съ тѣмъ, чтобы дѣти такихъ людей были свободны. Въ 1780 году 16 ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ по взаимному соглашенію составили правила, опредѣлявшія размѣръ повинностей ихъ крестьянъ, но при этомъ они, повидимому, руководствовались болѣе собственною выгодною, чѣмъ интересами крестьянъ,—мы не знаемъ, впрочемъ, примѣнялись ли эти правила на дѣлѣ. Къ 1785 году относится составленіе одного изъ самыхъ умныхъ консервативныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу. Авторъ прежде всего разсматриваетъ вопросъ о личномъ, безземельномъ освобожденіи крестьянъ, при которомъ имъ было бы только дозволено переходить съ мѣста на мѣсто, и довазываетъ, что свобода перехода была бы для нихъ вредна. Затѣмъ онъ возражаетъ противъ предоставленія крестьянамъ земли въ собственность съ правомъ для

каждаго отчуждать свой участокъ, такъ какъ результатомъ этого будетъ современемъ обезземеленіе многихъ въ пользу болѣе богатыхъ членовъ крестьянскаго общества, сильное развитіе имущественнаго неравенства. Однако вся аргументація автора могла бы быть разбита предложеніемъ освободить крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія.

Литература и журналистика, въ царствованіе императрицы Екатерины, по мѣрѣ возможности, содѣйствовали распространенію въ обществѣ освободительныхъ стремленій обличеніями мерзостей крѣпостнаго права. Тутъ слѣдуетъ назвать сатирическіе журналы, комедіи императрицы Екатерины II, Фонъ-Визина и Княжнина, стихотворенія и прозаическія статьи Сумарокова, статьи въ различныхъ журналахъ второй половины екатерининскаго царствованія и особенно въ „Почтѣ духовъ“ и „Зритель“ Крылова. Къ сожалѣнію, при этомъ приходилось бороться съ серьезными препятствіями, и, напримѣръ, замѣчательная ода Капниста „На рабство“ въ свое время не была напечатана. Кромѣ того, общественная реакція сказала въ томъ, что нѣкоторые писатели стали идеализировать положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ серьезныхъ сочиненій того времени наиболѣе замѣчательны произведенія Болтина и Радищева. Болтинъ, въ сожалѣнію, держится мнѣнія Руссо, что просвѣщеніе должно предшествовать освобожденію, что „прежде должно освободить души рабовъ, а потомъ уже тѣла“, но въ то-же время онъ считаетъ необходимымъ ограничить крѣпостное право, а своими указами на дурныя стороны жизни крестьянъ въ западной Европѣ онъ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. За нимъ остается и та заслуга, что онъ первый весьма ясно описалъ наши общинные порядки пользованія землею. Но выше всѣхъ трудовъ, касавшихся крестьянскаго вопроса въ эпоху императрицы Екатерины II, несомнѣнно стоитъ сочиненіе Радищева, погубившее его при жизни и обезсмертившее въ потомствѣ. Обличая злоупотребленія помѣщицкой власти, онъ въ то-же время представляетъ цѣлую программу улучшенія быта, а въ концѣ концовъ и освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. „Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, говоритъ Радищевъ, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать“.

Такимъ образомъ въ царствованіе императрицы Екатерины II мы встрѣчаемъ не мало указаній на то, что слѣдуетъ сдѣлать для ограниченія крѣпостнаго права. Однако, съ этою цѣлью было принято правительствомъ лишь нѣсколько ничтожныхъ частныхъ мѣръ (продажа людей безъ земли запрещена была только при продажѣ имѣній съ аукціона; запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя; запрещено считать незаконнорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей, если эти воспитатели не имѣли права владѣть крѣпостными, прекращено закрѣпощеніе безмѣстныхъ церковниковъ и военноплѣнныхъ и нѣк. друг.), но рядомъ съ этимъ шли указы, еще болѣе ухудшавшіе положеніе крѣпостныхъ, какъ, напримѣръ, дозволеніе помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію. Въ то-же царствованіе крѣпостное право было распространено на Малороссію и Слободскую Украину. Наконецъ, нельзя помянуть добрымъ словомъ неумѣренную раздачу населенныхъ имѣній въ полную собственность. Но если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія, то нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Императоръ Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, къ несчастію, задался мыслью, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ казенныхъ, и потому уже тогда выражалъ желаніе всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Онъ не успѣлъ исполнѣ осуществить свою злополучную идею, однако, въ его четырехлѣтнее царствованіе было роздано 600,000 душъ крестьянъ обоого пола, половину которыхъ составляли дворцовыя вотчины въ Великороссіи. Такимъ образомъ императоръ Павелъ далеко превзошелъ свою мать въ неумѣренной раздачѣ населенныхъ имѣній, такъ какъ она хотя и раздала крестьянъ на 200,000 душъ болѣе, чѣмъ императоръ Павелъ, но, во-первыхъ, сдѣлала это не въ 4 года, а въ 35 лѣтъ, а во вторыхъ, въ числѣ пожалованныхъ ею имѣній было не мало конфискованныхъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, при чемъ крестьянамъ приходилось только смѣнить одного владѣльца на другаго, между тѣмъ какъ ея преемникъ закрѣпостилъ 300,000

душъ дворцовыхъ крестьянъ, положеніе которыхъ въ это время было одинаково съ казенными. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Ни литература, ни общество не имѣли въ то время возможности высказываться по крестьянскому вопросу; сами же крѣпостные крестьяне взволновались одновременно во многихъ губерніяхъ, но были энергично усмирены. Однако, это тяжелое время можно помянуть нѣкоторыми мѣрами правительства въ пользу крѣпостныхъ: въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли, а затѣмъ вообще опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Но послѣдній указъ былъ, во первыхъ, написанъ такимъ образомъ, что, по вѣрному замѣчанію Радищева, походилъ скорѣе на увѣщаніе соблюдать установившійся обычай, чѣмъ на положительный законъ; во вторыхъ, онъ былъ слишкомъ кратокъ и не разрѣшалъ многихъ вопросовъ, вызываемыхъ барщиннымъ трудомъ; въ третьихъ, наконецъ, правительство, само того не зная, для всей Малороссіи повышало такимъ образомъ размѣръ повинностей, такъ какъ тамъ въ теченіе XVIII вѣка была въ обычаѣ двухдневная барщина.

Извѣстно, съ какимъ восторгомъ привѣтствовало общество восшествіе на престолъ императора Александра I; отъ новаго царствованія можно было ожидать всего лучшаго и для крѣпостныхъ крестьянъ. Въ неофициальномъ комитетѣ, окружавшемъ государя, раздавались горячія рѣчи противъ крѣпостнаго права. Государь далъ себѣ слово прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность помѣщиковъ и сдержалъ его. Въ комитетѣ шла рѣчь о прекращеніи продажи крестьянъ безъ земли, императоръ даже отдалъ приказаніе приготовить объ этомъ указъ, но дѣло осталось нерѣшеннымъ. Точно также не имѣло практическихъ послѣдствій обсужденіе въ государственномъ совѣтѣ вопроса о непродажѣ людей безъ земли (въ 1801 и 1802 гг.).

Тогда на помощь правительству явилась частная инициатива въ лицѣ гр. С. П. Румянцова. Онъ предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею, и такъ какъ государь весьма сочувственно отнесся къ его

мысли, то въ 1803 г. появился указъ о такъ называемыхъ „свободныхъ хлѣбопашцахъ“, по которому помѣщикамъ дозволено было заключать съ крестьянами троякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) когда при увольненіи плата расчрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами. Стѣснительнымъ условіемъ было то, что помѣщикъ, при переходѣ крестьянъ въ новое положеніе, обязывался раздѣлить всю дачу на участки, и каждый крестьянинъ долженъ былъ получить опредѣленный земельный надѣлъ съ планомъ на него,—другими словами, общинное землевладѣніе обязательно превращалось въ подворное. Впрочемъ, условіе это обыкновенно не соблюдалось, и въ царствованіе импер. Николая производить раздѣлъ предоставлено было самимъ крестьянамъ и не одновременно съ освобожденіемъ, а въ опредѣленный по условію срокъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ большинствѣ такихъ имѣній крестьяне не пожелали отказаться отъ общиннаго землевладѣнія. Число крестьянъ, получившихъ свободу на основаніи закона 1803 г., было не велико (въ царствованіе имп. Александра I—47,153 д. м. п.), но въ высшей степени важное значеніе этого закона заключалось въ томъ, что онъ преграждалъ помѣщикамъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. Нужно замѣтить, что 17 помѣщиковъ отпустили на волю крестьянъ своихъ вотчинъ безъ всякой платы. Въ четырехъ случаяхъ казна помогла крестьянамъ выкупиться на свободу (этимъ содѣйствіемъ воспользовались 14,607 д. м. п.).

Дѣятельность представителей литературы, науки и журналистики въ царствованіе Александра I имѣла также весьма плодотворное значеніе для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса; но въ сожалѣнію ихъ полезное вліяніе уменьшалось постоянными препятствіями со стороны цензуры. Такъ книга Пнина, въ которой авторъ требовалъ ограниченія помѣщичьей власти и доказывалъ, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать распространенію среди нихъ просвѣщенія, была не дозволена ко

второму изданію и оставшіеся экземпляры перваго были отобраны изъ лавокъ, не смотря на то, что къ этому труду благосклонно относился самъ государь. Вышедшая въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ въ Гёттингенѣ диссертація Кайсара въ защиту необходимости освобожденія крестьянъ—по русски не была напечатана. Переводъ сочиненія гр. Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ лишь чрезъ два года по его напечатаніи сдѣлался доступнымъ публикѣ и даже, въ виду кривовъ крѣпостниковъ противъ этой книги, Сперанскій предложилъ было служившему подъ его начальствомъ переводчику подать прошеніе объ отставкѣ. А между тѣмъ подобнаго негодованія консерваторовъ, казалось бы, вовсе не должно было возбуждать сочиненіе гр. Стройновскаго, который, хотя и рекомендуетъ личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, но предоставляетъ заключеніе арендныхъ договоровъ на землю добровольному согласію обѣихъ сторонъ: онъ думаетъ, будто собственный расчетъ побудитъ помѣщиковъ предложить крестьянамъ справедливыя требованія. Такимъ образомъ, уже въ самомъ своемъ основаніи, проектъ Стройновскаго не былъ бы правильнымъ и полезнымъ для нашихъ крѣпостныхъ рѣшеніемъ вопроса, а затѣмъ неблагоприятно для крестьянъ и то предпочтеніе, какое онъ оказываетъ арендѣ на условіяхъ барщины. Нужно замѣтить, впрочемъ, что гр. Стройновскій высказывается противъ краткосрочной аренды и всего болѣе сочувствуетъ превращенію крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Нѣкоторые крѣпостники, въ негодованіи на книгу Стройновскаго, не отступали и предъ инсинуаціями на нее самому государю, но встрѣтили энергическій отпоръ съ его стороны.

Большое значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Александра I имѣетъ то, что вольное экономическое общество обнародовало на 1812 г. задачу о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда; задача эта, которою въ нашемъ обществѣ была возбуждена новая для огромнаго большинства мысль, не будетъ ли выгодно для самихъ помѣщиковъ уничтоженіе крѣпостнаго права, была, очевидно, навѣяна классическимъ сочиненіемъ Адама Смита, появившимся въ русскомъ переводѣ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Въ отвѣтъ на эту задачу было прислано 14 сочиненій, изъ нихъ 11

на русскомъ языкѣ. Первую награду получилъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Якобъ, еще ранѣе, въ своемъ сочиненіи на нѣмецкомъ языкѣ по полицейскому праву, предложившій цѣлую программу мѣръ, необходимыхъ для ограниченія крѣпостнаго права. Въ своемъ премированномъ отвѣтѣ на задачу экономическаго общества Якобъ доказываетъ невыгодность крѣпостнаго труда для самихъ владѣльцевъ и такимъ образомъ подрываетъ сознание необходимости для помѣщиковъ крѣпостнаго права, но его освободительные планы связаны съ обезземеленіемъ крестьянъ, и эта пропаганда мысли объ обезземеленіи крѣпостныхъ при освобожденіи могла быть тѣмъ опаснѣе, что сочиненіе Якоба было увѣнчано медалью въ сто червонцевъ, изготовленною на средства государя. Но нужно замѣтить, что награда второй степени была назначена за сочиненіе автора, русскаго по происхожденію, который предпочиталъ крѣпостной трудъ и котораго вовсе не соблазняетъ обезземеленіе крестьянъ (онъ считаетъ экономическое положеніе нашихъ крѣпостныхъ болѣе благоприятнымъ, чѣмъ безземельныхъ работниковъ въ западной Европѣ); такимъ образомъ вольное экономическое общество, наградивъ медалью и напечатавъ это сочиненіе, какъ бы внесло нѣкоторую поправку въ одностороннему мнѣнію проф. Якоба ¹⁾).

Крѣпостное право затрогивалось и въ другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ изданномъ по французски обширномъ курсѣ политической экономіи академика Шторха, представлявшемъ обработку его лекцій великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ (русскій переводъ этого сочиненія не была дозволенъ цензурой). Авторъ этого труда допускаетъ безземельное освобожденіе крестьянъ, но въ то же время онъ, какъ извѣстно и изъ другаго его сочиненія, ничего не имѣетъ противъ освобожденія крестьянъ со всею землею или частью ея на

¹⁾ Въствѣ съ задачей о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ была обнародована задача объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ, за удачное рѣшеніе которой была также назначена награда въ сто червонцевъ на средства государя; но всѣ присланные на нее отвѣты не заслужили одобренія, въ счастію для крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ по смыслу задачи предлагалось образованіе особаго класса людей, исключительно занимающихся фабричнымъ трудомъ, а съ этимъ было бы, разумѣется, связано ихъ обезземеленіе.

различныхъ условіяхъ; онъ выражаетъ, впрочемъ, сочувствіе и ограниченію крѣпостнаго права въ Лифляндіи закономъ 1804 г. Такіе извѣстные ученые и профессора, какъ статистики Арсеньевъ и Германъ, задѣвали крѣпостное право и въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, что содѣйствовало ихъ удаленію изъ университета; нѣсколько сильныхъ вылазокъ противъ рабства проскользнуло также въ одномъ посмертномъ трудѣ Радищева и въ книгѣ Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ“.

Въ произведеніяхъ изящной словесности было еще труднѣе бичевать крѣпостное право, чѣмъ въ научныхъ сочиненіяхъ. Прекрасное стихотвореніе Пушкина „Уединеніе“, несмотря на то, что государь благодарилъ за него автора, въ царствованіе имп. Александра вовсе не было напечатано; не были тогда напечатаны и стихотворенія вн. Вяземскаго, гдѣ онъ задѣвалъ крѣпостное право, и „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ цензурныя строгости, въ печатныхъ произведеніяхъ изящной словесности удавалось обличать нѣкоторыя безобразія крѣпостнаго права, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Нарѣжнаго и въ комедіи кн. Шаховскаго „Пустодомы“. Гораздо рѣже, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Державина, звучала консервативная струнка относительно крестьянскаго вопроса.

Цензурными препятствіями объясняется и то, что въ журналистикѣ Александровской эпохи мы находимъ гораздо менѣе статей по этому предмету, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду того вниманія, которое возбуждала участь крѣпостныхъ въ правительствѣ и обществѣ. Статьи по этому вопросу, проникшія въ печать, были написаны однѣ съ либеральной, другія съ консервативной точки зрѣнія, и слѣдуетъ замѣтить, что отнюдь нельзя считать вредными всѣ статьи консервативнаго направленія: въ нихъ очень часто мы встрѣчаемъ совершенно справедливую мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а частое повтореніе этой мысли было весьма необходимо во второй половинѣ 1810-хъ годовъ, въ эпоху безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Такія статьи должны были предостерегать русское общество отъ сочувствія принципамъ крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ и до нѣкоторой степени препятствовать произведенію подобныхъ опасныхъ опытовъ и въ самой Россіи. Однако, и консервативныя статьи

по крестьянскому вопросу были не избавлены отъ цензурныхъ гоненій, и министръ народнаго просвѣщенія въ 1818 г. предписалъ обратить вниманіе цензуры на то, чтобы въ журналахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ ничего не печаталось ни въ защиту, ни въ опроверженіе „вольности или рабства крестьянъ“, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ 1820 г. малороссійскій военный губернаторъ приписалъ даже одно волненіе крѣпостныхъ крестьянъ возбуждающему дѣйствию самой невинной статьи, авторъ которой къ тому же съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ мѣрамъ правительства по крестьянскому вопросу. Въ слѣдующемъ году, по повелѣнію государя, „печатаніе отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся“, было запрещено. Общій цензурный терроръ относительно книгъ и статей по крестьянскому вопросу отразился и на тавихъ учрежденіяхъ, которыя имѣли возможность печатать свои изданія подъ собственною цензурою: примѣромъ можетъ служить весьма постыдная для вольнаго экономическаго общества исторія, вызванная одною, напечатанною въ его „Трудахъ“, замѣткою о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ земли въ „собственность“ или, лучше сказать, въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей.

Цензурныя препятствія мѣшали гласному и подробному обсужденію крестьянскаго вопроса въ печати; за то онъ былъ предметомъ многихъ записокъ и проектовъ, распространяемыхъ въ обществѣ или представляемыхъ государю въ рукописи. При этомъ нерѣдко разсмотрѣніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, такъ или иначе, связывалось съ вопросомъ о свободѣ политической. Отдѣльные случаи такой постановки дѣла мы видѣли еще въ царствованіе имп. Екатерины (гр. Н. И. Панинъ, кн. Е. Р. Дашкова). Съ тѣхъ поръ Россія пережила четырехлѣтнее суровое правленіе Павла, и слѣдствіемъ его было то, что и наше общество, и самъ императоръ Александръ стали, прежде всего, мечтать о созданіи прочныхъ гарантій отъ подобнаго безпримѣрнаго произвола; для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса въ этомъ направленіи умовъ была та вредная сторона, что такимъ образомъ мысль лучшихъ людей въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ направилась на обсужденіе политическихъ реформъ въ то время, когда Россія настоятельно нуждалась въ социальныхъ пре-

образованіяхъ. Среди лицъ, окружавшихъ имп. Александра въ первую половину его царствованія, самымъ виднымъ и талантливымъ представителемъ идеи о необходимости политическихъ реформъ былъ, несомнѣнно, Сперанскій; по его мнѣнію, эти реформы должны были предшествовать освобожденію крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сперанскій хорошо понималъ, что ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ рабство существовать не можетъ, и признавалъ необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Ограниченіе помѣщичьей власти, по его мнѣнію, должно было состоять въ лишеніи права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и сдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, въ учрежденіи крестьянскихъ судовъ и въ опредѣленіи повинностей крестьянъ особымъ закономъ. Очень важно было также то, что Сперанскій протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ безъ длиннаго ряда переходныхъ мѣръ въ смыслѣ ограниченія крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, по мысли Сперанскаго, крестьянская реформа должна представлять два періода: въ первый—крестьяне, посредствомъ опредѣленія ихъ повинностей и учрежденія судебной власти для разбора споровъ между крестьянами и помѣщиками, превращаются изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, и только во второй періодъ крестьянамъ возвращается ихъ древнее право свободнаго перехода. Нельзя не пожалѣть, однако, о томъ, что и ограниченіе крѣпостнаго права было для Сперанскаго дѣломъ не столь настоятельнымъ, какъ реформы политическія, и что желаніе отодвинуть часть освобожденія крестьянъ основывалось у него не только на соображеніяхъ государственныхъ, но и на чисто эгоистическихъ разчетахъ землевладѣльца. Гораздо несимпатичнѣе были взгляды по крестьянскому вопросу другаго представителя политическаго либерализма, адмирала Мордвинова: онъ желалъ раздачи всѣхъ казенныхъ земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи, которая должна была, по его мнѣнію, положить предѣлы самодержавной власти; онъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостнаго права, допуская лишь назначеніе размѣра выкупа за освобожденіе крестьянъ по одиночѣ, но и то на крайне тяжелыхъ условіяхъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ концѣ втораго десятилѣтія XIX вѣка было

довольно распространено мнѣніе, обусловливавшее освобожденіе крестьянъ дарованіемъ конституціи.

Однако, рядомъ съ подобными мнѣніями, мы наблюдаемъ консервативное теченіе и въ политическомъ, и въ социальномъ отношеніи. Еще въ самые первые годы царствованія имп. Александра, Лагарпъ указывалъ своему прежнему ученику на разумное самодержавіе, какъ на величайшее благо, и вмѣстѣ съ тѣмъ отговаривалъ государя дѣйствовать слишкомъ рѣшительно въ крестьянскомъ дѣлѣ, совѣтовалъ избѣгать даже слова „освобожденіе“, замѣняя его выраженіемъ „улучшеніе въ экономическомъ бытѣ“. Карамзинъ, противникъ взглядовъ Сперанскаго, въ запискѣ „О древней и новой Россіи“ обнаружилъ самые крѣпостническіе взгляды и протестовалъ даже противъ запрещенія торговли рекрутами, соглашаясь лишь на то, чтобы „подъ рукою“ были приняты мѣры для обузданія жестокихъ помѣщиковъ. Масоны явились также консерваторами и въ вопросѣ о политическихъ реформахъ, и въ крестьянскомъ дѣлѣ: Поздѣевъ высказывается и противъ „конституціевъ“, и противъ малѣйшаго ослабленія помѣщичьей власти; Лопухинъ считалъ крѣпостное право необходимымъ при данномъ нравственномъ состояніи народа, который „требуетъ обузданія для собственной его пользы“, и находилъ вреднымъ и опаснымъ даже указъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ. Но были и такія лица, которыя, высказываясь противъ политической свободы, желали не освобожденія крестьянъ, но ограниченія крѣпостнаго права: къ ихъ числу принадлежалъ Карамзинъ. Указывая на выгоды наследственной монархіи, онъ въ то же время выражаетъ желаніе, чтобы общественное мнѣніе получило возможность свободно выражаться въ печати и въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ. Помѣщикъ, по его мнѣнію, такъ же необходимъ для крестьянъ, какъ монархъ для всего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ уничтоженія барщины, точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и неотъемлемаго владѣнія землею, подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей, уничтоженія наказаній безъ суда и продажи людей безъ земли. Бѣда только въ томъ, что всѣ эти мѣры онъ предоставляетъ усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ и вооружается противъ ограниченія закономъ крѣпостнаго права. Но люди, высказывавшіе консервативные взгляды въ политическомъ

отношеніи, были не всегда такъ мало требовательными въ крестьянскомъ дѣлѣ. Такъ одинъ украинскій помѣщикъ, считая „репрезентацію народа“ дѣломъ бессмысленнымъ, желая, какъ и Каразинъ, чтобы помѣщики были для крестьянъ своего рода „государственными чиновниками“, въ то же время требуетъ общихъ правительственныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, а именно назначенія размѣра выкупа на свободу, прекращенія продажи людей, дозволенія крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ украинскій помѣщикъ, энергически протестуя противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, утверждалъ, что „земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками“, что „помѣщики были всегда только распорядителями земли“.

Въ разсматриваемую эпоху мы встрѣчаемъ, наконецъ, и такихъ лицъ, которые желали и политическихъ преобразованій, и освобожденія крестьянъ, но отводили первое мѣсто крестьянской реформѣ, полагая, что самодержавная власть можетъ сослужить полезную службу народу въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права и что „недозволительно думать о политической свободѣ“ тамъ, гдѣ несчастные крестьяне „не знаютъ простой человѣческой свободы“. Самымъ виднымъ и талантливымъ представителемъ этого направленія былъ Н. И. Тургеневъ. Въ своей запискѣ, представленной государю Милорадовичемъ въ 1819 году, онъ предложилъ рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права; но онъ желалъ и совершеннаго его упраздненія, допуская, къ сожалѣнію, и безземельное освобожденіе крестьянъ. Онъ выдвинулъ на первый планъ крестьянскій вопросъ и въ обществѣ декабристовъ. Пушкинъ также ожидалъ отъ самодержавной власти уничтоженія крѣпостнаго права и высказывался противъ ограниченія самодержавія до освобожденія крестьянъ.

Однако до поры до времени правительство мало пользовалось въ крестьянскомъ дѣлѣ своими прерогативами и не только отступало предъ рѣшительными мѣрами въ этомъ отношеніи, не только не допускало свободнаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати, но даже препятствовало членамъ дворянскаго сословія коллективно содѣйствовать улучшенію быта и освобожденію крѣпостныхъ. Желаніе 65 помѣщиковъ петербургской губерніи обратить въ 1816 году своихъ крестьянъ въ

„обязанныхъ поселенъ“ встрѣтило рѣзкое неодобреніе со стороны государя; попытка нѣсколькихъ высшихъ представителей дворянства устроить въ 1820 году общество съ цѣлю постепеннаго освобожденія ихъ крестьянъ также была отвергнута императоромъ Александромъ I, который допускалъ въ собственной Россіи лишь единоличное представленіе проектовъ, а не коллективную работу надъ крестьянскимъ дѣламъ, точно также какъ и въ началѣ царствованія, на предложеніе Державина созвать предводителей дворянства для болѣе точнаго опредѣленія отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, государь отвѣчалъ, что „многолюдный вызовъ“ считаетъ не безопаснымъ. Впрочемъ, въ 1819 году, дворянству динабургскаго уѣзда дозволено было выработать планъ освобожденія крестьянъ по примѣру Остзейскаго края, но изъ этого ничего не вышло.

Крестьяне въ царствованіе императора Александра I-го лишь отдѣльными, разрозненными волненіями заявляли свой протестъ противъ крѣпостнаго права. Любопытно, что въ 1812 г. крестьяне сильно волновались, ожидая освобожденія за ихъ борьбу съ неприятелемъ и за всѣ перенесенныя лишенія; въ концѣ этого года произошелъ даже бунтъ ополченія въ Пензенской губерніи: ратники хотѣли, истребивъ офицеровъ-дворянъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ въ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на неприятеля и разбить его, а потомъ принести государю повинную и, въ награду за службу, выпросить себѣ вѣчную свободу отъ помѣщиковъ.

Въ цѣломъ рядѣ записокъ и проектовъ по крестьянскому вопросу дѣло обыкновенно шло или объ ограниченіи крѣпостнаго права, или о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; вообще послѣдніе годы царствованія императора Александра I-го представляютъ весьма опасный моментъ для русскаго крѣпостнаго крестьянства: ему сталъ грозить призракъ обезземеленія. Впрочемъ, изъ ряда этихъ проектовъ, кромѣ сказаннаго выше, слѣдуетъ выдѣлить проектъ Канкринна, который явился горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія и представилъ планъ постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права, завершающійся представленіемъ земли въ наслѣдственное владѣніе крестьянъ подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей и, наконѣцъ, дарованіемъ права перехода, а также и выкупа личныхъ повинностей. Несмотря на нѣкоторыя вредныя для крестьянъ мѣры въ

проектъ Канкрина, въ немъ было и много полезныхъ предложений. Необходимо упомянуть также о запискѣ декабриста Якушина, въ которой онъ самъ выражаетъ готовность и совѣтуетъ другимъ безвозмездно освободить крестьянъ и уступить имъ усадьбы съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Остальная земля должна остаться собственностью помѣщика и отпускаемые на волю крестьяне могли обрабатывать ее по добровольнымъ условіямъ. Однако крестьяне Якушина не пожелали увольненія съ одною усадебною землею.

Несмотря на то, что императоръ Александръ I-й самъ желалъ освобожденія крестьянъ, въ его царствованіе, если не считать неудачной крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для ослабленія крѣпостнаго права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба“, запрещеніи запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніи торга крѣпостными на ярмаркахъ (обсужденіе въ 1820 году въ государственномъ совѣтѣ вопроса о совершенномъ прекращеніи продажи людей безъ земли опять не имѣло никакихъ результатовъ) и объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу.

Крайняя медлительность правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ была одною изъ главныхъ причинъ того недовольства молодого, интеллигентнаго поколѣнія, которое выразилось въ составленіи тайнаго общества. Уставъ Союза Благоденствія ставилъ членамъ общества въ обязанность борьбу съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ; въ конституціи, найденной въ бумагахъ кн. Трубецкаго, упоминалось объ уничтоженіи крѣпостнаго права, а въ „Русской Правдѣ“ Пестеля мы встрѣчаемъ уже мысль и объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ; Рылѣевъ также стоялъ за надѣленіе крестьянъ въ собственность не только огородною, но и полевою землею. Предполагалось, что временное правительство, состоящее изъ Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, выработаетъ основныя начала освобожденія крестьянъ ¹⁾.

¹⁾ До народа дошли слухи о намѣреніяхъ членовъ тайнаго общества: въ 1827 г. одинъ старикъ, крестьянинъ Московской губерніи, сказалъ невѣстѣ

Новый императоръ унаслѣдовалъ послѣ своего брата въ высшей степени трудную задачу. Въ царствованіе Александра I мы видимъ два преобладающихъ теченія: съ одной стороны стремленіе къ политическимъ реформамъ, съ другой желаніе освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Представители перваго направленія потерпѣли рѣшительное пораженіе 14-го декабря 1825 г.; самодержавіе побѣдило, но вмѣстѣ съ тѣмъ самодержецъ долженъ былъ не только взять на себя рѣшеніе той задачи, которую декабристы собирались возложить на временное правительство, т. е. выработать основныя начала освобожденія крестьянъ, но и примѣнить эти начала къ дѣлу. Каковы же были взгляды императора Николая на крестьянскій вопросъ?

Онъ полагалъ, что не настало еще время для освобожденія крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что долженъ передать это дѣло сыну „съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи“, т. е. серьезно подготовить его окончательное рѣшеніе; однако же, несмотря на постоянное вниманіе къ крестьянскому вопросу, онъ обнаружилъ очень мало энергіи въ этомъ направленіи. Такъ онъ считалъ невозможнымъ опредѣлить повинности крестьянъ во всей Россіи положительнымъ закономъ и желалъ, чтобы такому закону предшествовалъ рядъ добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами; онъ считалъ необходимымъ „избѣгать до послѣдней крайности прямаго воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые“; онъ полагалъ, что никоимъ образомъ нельзя прикоснуться къ праву собственности помѣщиковъ на землю. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность девяти „секретныхъ“, „велейныхъ“ и „особыхъ“ комитетовъ не привела ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Но очень благоприятнымъ для крестьянъ во взглядахъ императора Николая было рѣшительное осужденіе имъ остзейской системы освобожденія крестьянъ безъ земли. Нѣкоторую энергію государь проявилъ лишь въ вопросѣ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ западной Россіи: онъ настоятельно потребовалъ введенія обязательныхъ инвентарей въ тамошнихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Этимъ объясняется, что дѣятельность

декабриста Анненкова: „вѣдь я знаю, чего они хотѣли: господа-то хотѣли свободы нашей, свободы крестьянъ“. „Русская Старина“ 1888 г., № 3, стр. 596.

десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергическаго генераль-губернатора юго-западнаго края Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ.

Рѣшительность императора Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ въ значительной степени объясняется консервативнымъ настроеніемъ въ этомъ отношеніи весьма многихъ окружавшихъ его лицъ. Въ 1834 г. государь жаловался Киселеву, что онъ говорил со многими изъ своихъ сотрудниковъ о „преобразованіи крѣпостнаго права“ и ни въ одномъ не нашель прямаго сочувствія; великіе князья Константинъ и Михайлъ Павловичи были совершенно противъ измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Заявленіе это слѣдуетъ, впрочемъ, принимать лишь съ извѣстными ограниченіями, такъ какъ самый выдающійся изъ членовъ перваго секретнаго комитета, учрежденнаго государемъ 6-го декабря 1826 г., М. М. Сперанскій вовсе не былъ противникомъ освобожденія крестьянъ, а проектъ, выработанный этимъ и „особымъ“ комитетами, прошелъ въ 1830 г. и въ государственномъ совѣтѣ. Въ запискѣ, написанной имъ для комитета 1826 г., Сперанскій предложилъ раздѣлить мѣры для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ на первоначальныя, или основныя, и на постепенныя. Въ качествѣ первоначальныхъ мѣръ онъ предложилъ совершенно воспретить продажу крестьянъ безъ земли и нѣкоторыя другія узаконенія, направленные къ тому, чтобы крестьяне не были лишены достаточнаго земельного обезпеченія. Въ видѣ переходной мѣры онъ рекомендуетъ измѣненіе порядка увольненія крестьянъ, при чемъ, къ сожалѣнію, предлагаетъ дозволить освобожденіе крестьянъ цѣлыми деревнями безъ земли. Рѣшительнымъ средствомъ улучшить положеніе крестьянъ онъ считалъ опредѣленіе ихъ повинностей на помѣщика свободнымъ договоромъ, при чемъ не предлагалъ никакихъ гарантій, чтобы эти договоры заключались на условіяхъ, дѣйствительно благопріятныхъ для крестьянъ, не указывалъ на необходимость регулированія такихъ договоровъ извѣстными обязательными постановленіями. Въ проектахъ, составленныхъ подъ вліяніемъ записки Сперанскаго, мы встрѣчаемъ предложеніе запретить: 1) отчужденіе крестьянъ безъ земли и продажу ихъ на съозъ, 2) обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, 3) продажу и закладываніе дворовыхъ отдѣльно отъ

деревень, въ которыхъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежать владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень; но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ мнѣніемъ Сперанскаго, въ проектъ комитета было включено крайне неблагопріятное для будущности крестьянъ разрѣшеніе освобождать ихъ цѣлыми деревнями безъ земли, но, впрочемъ, не иначе, какъ съ ихъ согласія. Проекты эти были приняты государственнымъ совѣтомъ съ нѣкоторыми частными измѣненіями единогласно, за исключеніемъ запрещенія продавать крестьянъ на съюзъ, но, какъ извѣстно, они осуществлены не были.

Во взглядахъ Сперанскаго былъ одинъ весьма важный, существенный недостатокъ: допущеніе безземельнаго освобожденія крестьянъ; Киселевъ, самый выдающійся дѣятель по крестьянскому дѣлу въ эпоху императора Николая, былъ, напротивъ, самымъ энергическимъ противникомъ такого освобожденія. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права, а только къ обращенію его въ регулированное точными постановленіями закона прикрѣпленіе въ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ императору Николаю слѣдующую программу мѣръ для улучшенія положенія крѣпостныхъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очереди для всѣхъ прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными крестьянами сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста, наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь нашелъ, что эти „начала... справедливы и основательны“, однако, большинство этихъ предположеній въ его царствованіе исполнены не были, а постановленія уголовного уложенія 1845 г. относительно права помѣщиковъ наказывать крестьянъ были болѣе, чѣмъ неудовлетворительны. Нужно замѣтить, впрочемъ, что проектъ, представленный Киселевымъ въ комитетъ объ обязанныхъ крестьянахъ, не заключалъ въ себѣ разработки всѣхъ указанныхъ мѣръ; въ немъ Киселевъ стремился лишь къ тому, чтобы помѣщики, сохраняя

право вотчинной собственности на земли, предоставили крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользовались за то соразмѣрными повинностями или оброкомъ, „положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ“. Онъ желалъ достигнуть этого путемъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами, съ тѣмъ однако, чтобы размѣры надѣловъ были не ниже указанныхъ въ его проектѣ, а повинности, возлагаемыя на крестьянъ, не выше имъ опредѣленныхъ. Киселевъ, однако, долженъ былъ уступить, въ виду возраженій остальныхъ членовъ комитета, и согласился не опредѣлять неизмѣнной нормы для надѣленія обязанныхъ крестьянъ землею, а слѣдовательно и соответственныхъ имъ повинностей. Понятно, что законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, въ которомъ все дѣло свелось на предоставленіе помѣщикамъ права заключать добровольные договоры съ крестьянами объ опредѣленіи повинностей, не имѣлъ никакого вліянія на улучшение быта крестьянъ. Въ вопросѣ о дворовыхъ Киселевъ полагалъ, что послѣ различныхъ подготовительныхъ мѣръ должно быть издано рѣшительное запрещеніе брать крестьянъ во дворъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что Киселевъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія. Продолжительная и малоуспѣшная борьба съ крайними крѣпостниками до такой степени ослабила энергію Киселева въ крестьянскомъ дѣлѣ, что въ первой половинѣ 1850-хъ годовъ онъ находилъ невозможнымъ даже принятіе такой мѣры для ограниченія крѣпостнаго права, какъ уничтоженіе права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь по своему усмотрѣнію.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій былъ человекомъ весьма консервативнаго образа мыслей, но въ виду стремленія государя къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ нашелъ необходимымъ предложить программу мѣръ по крестьянскому вопросу. Онъ энергически высказался противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, но находилъ необходимымъ ограниченіе крѣпостнаго права. Основною мѣрою въ этомъ направленіи онъ считалъ опредѣленіе повинностей крестьянъ инвентарями, а затѣмъ предложилъ постепенно издать слѣдующія узаконенія: 1) признать право крестьянъ на движимую и недвижимую собственность; 2) постановить, чтобы всѣ крѣпостные были припи-

саны къ населенной землѣ; 3) запретить всякое отчужденіе людей безъ земли; 4) ограничить обращеніе людей съ пашни во дворъ, а впослѣдствіи вовсе запретить это; 5) запретить отдачу людей въ работу и услуженіе и нѣк. друг. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ мѣръ, онъ соглашался допустить свободный переходъ крестьянъ. Однако, предложенія Перовскаго встрѣтили мало сочувствія въ комитетѣ, на разсмотрѣніе котораго была отдана его записка.

Остальные лица, приближенные къ государю, или мало высказывались по крестьянскому вопросу, предлагая лишь ту или другую единичную мѣру, или высказывались въ самомъ консервативномъ смыслѣ. Кн. Васильчиковъ находилъ, что Россія еще „не созрѣла“ для освобожденія крестьянъ и что „власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной“, и предлагалъ только признать за крестьянами право собственности и въ вопросѣ о дворовыхъ соглашался запретить въ концѣ концовъ брать крестьянъ во дворъ. Гр. Блудовъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ готовъ былъ допустить установленіе наследственной аренды земли и желалъ предоставленія крѣпостнымъ права собственности на движимое и недвижимое имущество; но въ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ высказался противъ точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ. Баронъ Корфъ былъ инициаторомъ закона относительно распространенія на всю имперію права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга. Гр. Левашевъ имѣлъ случай высказаться въ благопріятномъ для крѣпостныхъ крестьянъ смыслѣ. Самымъ вліятельнымъ и самымъ вреднымъ изъ противниковъ ограниченія крѣпостнаго права былъ князь Меншиковъ, который считалъ возможнымъ только остзейскій способъ освобожденія крестьянъ и настоятельно требовалъ при этомъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Графъ Чернышевъ былъ вообще противъ ограниченія крѣпостнаго права и допускалъ только одну мѣру въ пользу крѣпостныхъ: онъ совѣтовалъ секретно скупать въ казну мелкопомѣстныхъ имѣнія, гдѣ особенно дурно положеніе крестьянъ. Гр. Панинъ былъ противъ дарованія крѣпостнымъ крестьянамъ права собственности. Упомянемъ, наконецъ, что наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ высказывался въ это время по крестьянскому вопросу въ консер-

вативномъ смыслѣ. Онъ былъ вмѣстѣ съ кн. Васильчиковымъ, гр. Орловымъ и Перовскимъ членомъ комитета 1846 г., назначеннаго для разсмотрѣнія записки Перовскаго, и комитетъ этотъ изъ всѣхъ мѣръ, предложенныхъ Перовскимъ, остановился только на дарованіи крѣпостнымъ крестьянамъ права собственности на движимое имущество; въ комитетѣ 1848 г. наслѣдникъ высказался за отміну закона, дарующаго крѣпостнымъ крестьянамъ право выкупаться на свободу при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга; онъ былъ также недоволенъ энергическою дѣятельностію Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ; въ концѣ 1847 г. онъ заявилъ чрезъ своего гофмаршала, что, какъ ему извѣстно, государь не имѣетъ намѣренія измѣнять отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что многія лица, окружавшія императора Николая, соглашались на ограниченіе крѣпостнаго права въ томъ или другомъ отношеніи, но были, во-первыхъ, и противники какихъ бы то ни было мѣръ въ этомъ направленіи, а во-вторыхъ, при разногласіи ихъ въ томъ, что считать наиболѣе полезнымъ и своевременнымъ въ данное время, мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Въ концѣ концовъ, искреннимъ и энергическимъ сторонникомъ ограниченія крѣпостнаго права въ рядахъ высшей администраціи былъ только Киселевъ, но и тотъ, съ началомъ реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ въ 1848 году, потерялъ надежду сдѣлать что либо серьезное въ этомъ направленіи.

Важную услугу для правильнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса и подготовки къ тому общества могла бы сослужить печать, но она была стѣснена въ этомъ отношеніи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ при Александрѣ I. Цензурный гнетъ отзывался и на произведеніяхъ изящной словесности, и на научныхъ статьяхъ. Въ произведеніяхъ Пушкина, появившихся въ печати въ царствованіе императора Николая, были вытравлены почти всѣ мѣста, гдѣ онъ серьезно затрогивалъ крѣпостное право. Въ напечатанныхъ при жизни Лермонтова произведеніяхъ онъ рѣзкими чертами обрисовываетъ тяжелую долю крѣпостныхъ, и если мы не видимъ того же въ его тогдашнихъ печатныхъ произведеніяхъ, то причина того вполне понятна. Отрывки изъ трагедіи Грибоедова „Грузинская ночь“ также въ свое время не были

опубликованы. Въ одной запискѣ по крестьянскому дѣлу, составленной въ 1841 году, находимъ указаніе, что въ „последніе годы“ передъ тѣмъ было запрещено разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ. Изданіе закона 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ вызвало нѣсколько статей по крестьянскому вопросу, но затѣмъ было предписано, чтобы всѣ статьи „о сельскихъ условіяхъ“ между крестьянами и помѣщиками, прежде пропуска ихъ къ печати, представлялись на разрѣшеніе главнаго управленія цензуры, а это равнялось полному ихъ запрещенію. Въ рѣчи, произнесенной государемъ въ мартѣ 1848 года, при приѣмѣ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ Николай сказалъ: „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впредь этого не будетъ“. Это вызвало полный цензурный терроръ относительно всѣхъ произведеній, затрогивающихъ крѣпостное право. Въ 1850 году было постановлено, чтобы „сочиненія, въ которыхъ изъясняется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказываются, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простаго народа“. Цензоръ, пропустившій въ 1852 г. отдѣльное изданіе „Записокъ охотника“ Тургенева, былъ временно устраненъ отъ должности, а послѣдовавшій вскорѣ послѣ того арестъ автора книги и ссылку въ деревню самъ Тургеневъ приписывалъ не столько письму о Гоголѣ, сколько именно изданію „Записокъ охотника“. Написанный имъ въ это время рассказъ „Муму“ появился въ печати лишь чрезъ два года, а написанный въ томъ же 1852 г. „Постоялый дворъ“ могъ быть напечатанъ уже только въ царствованіе Александра II. Стихотворенія Некрасова, гдѣ задѣвалось крѣпостное право, или вовсе не появлялись, въ печати или по крайней мѣрѣ въ нихъ были исключены всѣ самыя сильныя мѣста, бичующія крѣпостное право. Не было напечатано также ни одно изъ произведеній Шевченка подобнаго же содержанія. Въ 1849 г. было запрещено профессорамъ изъяслять на лекціяхъ „въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ“ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ

крестьянъ въ помѣщикамъ была бы полезна для государства; впрочемъ, администрація пошла еще далѣе: въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году, въ защиту крѣпостнаго права приведены были даже тексты изъ священнаго писанія. Тутъ можно вспомнить слова ученаго министра народнаго просвѣщенія Уварова, что „политическая религія имѣетъ свои догматы, неприкосновенные подобно христіанской религіи“; наряду съ самодержавіемъ такимъ догматомъ графъ Уваровъ признавалъ и крѣпостное право.

Что же при такихъ условіяхъ могло увидѣть свѣтъ изъ произведеній, касающихся крестьянскаго вопроса? Упомянемъ прежде о произведеніяхъ изящной словесности. Въ сочиненіяхъ Пушкина и Некрасова уцѣлѣли лишь немногія мѣста, гдѣ наши знаменитые поэты задѣвали крѣпостное право. Сравнительно болѣе почастливилось Григоровичу и особенно Тургеневу; послѣдній въ цѣломъ рядѣ очерковъ изъ „Записокъ охотника“ затронулъ главнѣйшія стороны быта крѣпостныхъ; тяжесть повинностей, иногда при недостаточномъ количествѣ земли, зависимость отъ барской воли даже въ дѣлѣ женитьбы и лишеніе права на нее иной разъ въ теченіе всей жизни, тѣлесныя наказанія, горемычная доля двороваго, злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и управителей, барскія чудачества и самодурства, все это живо встаетъ подъ перомъ талантливаго молодого писателя. Но проникновеніе въ печать „Записокъ охотника“ Тургенева, хотя иногда и съ нѣкоторыми цензурными поправками, было лишь счастливымъ исключеніемъ въ ряду либеральныхъ произведеній по крестьянскому вопросу. За то охотно пропускались такія произведенія, какъ „Переписка съ друзьями“ Гоголя, гдѣ авторъ придаетъ власти помѣщика особенно возвышенное значеніе, смотря на него не какъ на владѣльца только того или другаго числа душъ, а какъ на блюстителя, по велѣнію свихе, за трудолюбіемъ и нравственностью своихъ подданныхъ. Понятно, что во второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ Гоголь проводилъ такой взглядъ, что русскому народу не нужна свобода, что она можетъ только развратить его; нужны только энергическіе помѣщики вроде Костанжогло, которые заставляли бы своихъ крестьянъ нести нелегкую работу, и сами не впадали бы въ праздность.

Проникали въ печать и произведенія Дала, идеаломъ котораго былъ также строгій, но справедливый помѣщикъ, подъ фѣрулою котораго процвѣтають мужики. Печатались, наконецъ, и такія вещи, какъ „Тарантасъ“ графа Соллогуба, которому также казалось, что не нужно освобожденія крестьянъ, а нужны только добрыя, патріархальныя отношенія помѣщика въ его крѣпостнымъ.

Перехода отъ произведеній изящной словесности къ изслѣдованіямъ и разсужденіямъ о крестьянскомъ вопросѣ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о двухъ статьяхъ Хомякова въ „Москвитиниѣ“ 1842 г., вызванныхъ закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ. По вопросу о размѣрѣ повинностей, не обременительныхъ для крестьянъ, авторъ частію просто констатируетъ существующія отношенія (трехдневная барщина), частію произвольно переименовываетъ оброчную систему въ половничество трудомъ, а не то предлагаетъ вознаграждать земледѣльца половиною произведеній земли, что было вовсе не въ обычаѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; опредѣленія же повинностей крестьянъ закономъ авторъ вовсе не желалъ. Положительная сторона статей Хомякова заключается въ горячей защитѣ общиннаго землевладѣнія. Статьи Хомякова вызвали строгую критику въ „Отечественныхъ Запискахъ“, авторъ которой доказывается, что барщинный трудъ не выгоденъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ, и особенно вредно отражается на благосостояніи послѣднихъ. Въ напечатанномъ въ 1846 году переводѣ сочиненія по политической экономіи министра финансовъ Канкринна (безъ имени автора) мы встрѣчаемъ, между прочимъ, указаніе на вредность безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ 1847 году появилась известная статья Заблоцкаго-Десятовскаго „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“, гдѣ разъяснена была зависимость этихъ колебаній отъ возможности для землевладѣльцевъ пользоваться даровымъ крѣпостнымъ трудомъ (по соображеніямъ цензурнымъ авторъ употребляетъ выраженіе: „обязательная рента“). Вотъ почти и все, что заслуживаетъ упоминенія. Но наряду со статьями, болѣе или менѣе благоприятными для интересовъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ труды и крайне вреднаго направленія, таковы, напримѣръ, статьи Вилькинса, напечатанныя въ одномъ изъ специальныхъ агрономическихъ журналовъ въ 1843

году, гдѣ авторъ доказываетъ, какъ полезно для благосостоянія крестьянъ составленіе такъ называемыхъ „сводныхъ семействъ“, въ которыхъ соединялось бы по нѣскольку работниковъ подъ вѣдѣніемъ одного старшаго и отвѣтственнаго хозяина, при чемъ приводились даже примѣры будто бы удачныхъ опытовъ подобной системы, идущей совершенно въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ нашей народной жизни. Печатать подобныя статьи дозволялось, но предлагать дѣйствительныя улучшенія въ бытѣ крѣпостныхъ или тѣмъ паче подвергать критикѣ существующія отношенія между крестьянами и помѣщиками—это было признано опаснымъ; это, по мнѣнію администраціи, могло возбудить волненіе въ народѣ, какъ будто онъ и безъ того не чувствовалъ всей тягости своего положенія.

Понятно, что при такомъ отношеніи администраціи къ печатному слову, при недостаткѣ серьезнаго желанія улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ въ большинствѣ лицъ, призываемыхъ государемъ къ совѣщаніямъ по крестьянскому дѣлу и, наконецъ, при нежеланіи самого императора Николая приступить къ серьезнымъ понудительнымъ мѣрамъ—крестьянскій вопросъ не двигался съ мѣста. А чѣмъ же завляло себя въ это время общества? Его мнѣнія не спрашивали; государь обратился однажды къ содѣйствію смоленскаго дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ, правительство сдѣлало запросъ по этому предмету и кружку тульскихъ помѣщиковъ, но просьбы дворянъ объ учрежденіи губернскихъ или уѣздныхъ комитетовъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ рѣшительно отклонялись правительствомъ. Бюрократическій авторитетъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы порѣшить всякое дѣло собственной властью, а въ сущности обнаруживалъ по крестьянскому вопросу полное безсиліе. Между тѣмъ въ обществѣ уже въ значительной степени укрѣпился интересъ къ судьбѣ помѣщичьихъ крестьянъ, и потому естественно, что вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, изгнанный съ общественной арены, тѣмъ усерднѣе продолжалъ обсуждаться въ частныхъ кружкахъ и собраніяхъ.

Въ царствованіе имп. Александра I наибольшій интересъ въ обществѣ возбуждалъ вопросъ о необходимости политическихъ реформъ. Мы видѣли, что были люди, умѣвшіе, какъ напр. Мордвиновъ, соединять политическій либерализмъ съ крѣпостничествомъ

въ крестьянскомъ дѣлѣ; но многіе и желавшіе освобожденія крестьянъ ставили это освобожденіе не на первомъ, а на второмъ мѣстѣ, выдвигая на первый планъ реформы политическія. Представители политическаго либерализма были разбиты на голову 14 декабря 1825 года и совершенно теряютъ вліяніе на все время царствованія имп. Николая; единственный вліятельный членъ тайнаго общества, уцѣлѣвшій отъ грозы, которая погубила его товарищей, Н. И. Тургеневъ, могъ только за границею высказать свои идеи о политическихъ реформахъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для Россіи, при чемъ, впрочемъ, онъ посвятилъ много мѣста въ своей извѣстной книгѣ „La Russie et les Russes“ и крестьянскому вопросу. Въ самой Россіи интересъ къ политическимъ реформамъ естественно долженъ былъ, въ силу обстоятельствъ, уступить мѣсто требованію социальнымъ преобразованій и прежде всего освобожденія крестьянъ; при такихъ условіяхъ въ нѣкорытохъ представителей интеллигенціи естественно возникаетъ интересъ къ западнымъ социалистическимъ ученіемъ. Уже въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ вліяніе сенъ-симонизма обнаруживалось въ юномъ кружкѣ, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ; но взгляды его членовъ не могли еще отличатся полною опредѣленностью, и, по свидѣтельству самого Герцена, они колебались между социализмомъ и политическимъ радикализмомъ: они являли въ себѣ взгляды декабристовъ, и французскую революцію, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику; но проповѣдуя „ненависть ко всякому насилію“, они должны были, разумѣется, не иначе, какъ съ ненавистію относиться къ крѣпостному праву. Къ началу 1840-хъ годовъ взгляды Герцена получаютъ окончательно социалистическую окраску; съ нимъ сближается и Бѣлинскій. Сочиненія Фурье, Кабе и другихъ усердно изучаются какъ членами кружка, такъ и вообще петербургскою молодежью. Пребываніе Герцена въ Москвѣ и ея окрестностяхъ приводитъ его къ горячимъ спорамъ съ Грановскимъ, относившимся отрицательно къ социалистическимъ ученіямъ и считавшимъ, по свидѣтельству П. В. Анненкова, социализмъ вреднымъ потому, что онъ пріучаетъ отыскивать разрѣшенія задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ, по мнѣнію Грановскаго, онъ и себя, и ее подрываетъ. Нѣкоторые члены

западническаго кружка считали и теоретически - односторонними, и практически-вредными, несвоевременными горячія филиппики Герцена противъ буржуазнаго политическаго и общественнаго строя въ его „Письмахъ изъ Avenue Marigny“, напечатанныхъ въ „Современникѣ“ въ концѣ 1847 г. Но какъ бы то ни было, западныя социалистическія ученія нашли сочувствіе въ двухъ столь вліятельныхъ дѣятеляхъ русской литературы, какъ Герценъ и Бѣлинскій. Въ ряду социальныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію въ Россіи, первое мѣсто для нихъ, разумѣется, занимало крѣпостное право: Герценъ не только часто говорить о немъ въ своихъ дневникахъ, но пытается бороться съ нимъ и во время служебной дѣятельности въ Новгородѣ, и въ печатныхъ своихъ произведеніяхъ („Кто виноватъ“, „Сорока-воровка“), а затѣмъ, переселившись за границу, онъ дѣлается полнымъ выразителемъ взглядовъ лучшихъ русскихъ людей на крестьянскій вопросъ. Бѣлинскій, не имѣя возможности откровенно высказывать свои мнѣнія по этому предмету въ печати, отводитъ душу въ перепискѣ съ друзьями, въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю и энергически поддерживаетъ своимъ вѣскимъ словомъ молодыхъ писателей, Григоровича, Тургенева, Некрасова, а также и Герцена, въ ихъ попыткахъ бороться съ главнымъ зломъ русской жизни. Бѣлинскій долго ожидалъ серьезныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу отъ имп. Николая и вліянія на него Киселева, но такъ и не дождался ихъ; нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него передъ смертію могло служить лишь то, что литература взяла въ свои руки народное дѣло, и молодые писатели усердно служили ему насколько это было возможно. Западные социалистическія вліянія сказались также въ кружкѣ Петрашевскаго: отрицательное отношеніе кружка къ политическимъ реформамъ выразилось и въ печати (въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“), и въ откровенныхъ бесѣдахъ между юными пріятелями, весь социализмъ которыхъ въ примѣненіи къ русской дѣйствительности сводился, впрочемъ, къ требованію гласнаго судопроизводства, уничтоженія крѣпостнаго права и свободы печати; освобожденія народа одни изъ нихъ ждали отъ верховной власти, другіе отъ народнаго возстанія, но во всякомъ случаѣ съ одной стороны труды социалистовъ, а съ другой книга Гаустгаузена помогли имъ оцѣнить громадную роль въ прошлой

жизни русскаго народа, а также и при грядущемъ его освобожденіи—общины, артели и круговой поруки. Нѣкоторые изъ петрашевцевъ имѣли въ виду пропаганду своихъ идей и среди народа и составили статейки, направленные противъ крѣпостнаго права, для распространенія среди крестьянъ и солдатъ ¹⁾. Почти въ то же время за уничтоженіе не только крѣпостнаго права, но также дворянскихъ и всякихъ иныхъ привилегій высказались члены такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ которомъ принимали участіе Н. И. Костомаровъ, Шевченко и другіе. Въ политическомъ отношеніи члены этого кружка стояли за федеративный строй какъ Россіи, такъ и иныхъ славянскихъ народовъ; совершенно иной политической символъ вѣры былъ у московскихъ славянофиловъ, но и они желали освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, при томъ не иначе, какъ съ землею и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. П. В. Кирѣевскій, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, въ письмѣ къ Кошелеву въ 1847 г. доказываетъ недостаточность сдѣловъ съ крѣпостными отдѣльными владѣльцами и выражаетъ желаніе „полнаго раздѣла помѣщиковъ съ крестьянами“, которымъ, по его мнѣнію, „справедливо было бы отдать половину земли“. К. Аксаковъ въ своей статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ (1852 г.) называлъ справедливымъ убѣжденіе крестьянъ не только казенныхъ, но и крѣпостныхъ, что земля, которою они владѣютъ, составляетъ собственность общины.

Но кружки Герцена и Бѣлинскаго, М. В. Буташевича-Петрашевскаго и славянофиловъ, а также Кирилло-Меѳодіевское братство представляли высшій цвѣтъ интеллигенціи, исторію же крестьянскаго вопроса долженъ считаться въ этомъ случаѣ и съ мнѣніями дворянской массы. Послѣдняя въ большинствѣ случаевъ относилась къ дѣлу пассивно, но мѣстами обнаружилась нѣкоторая дѣятельность или вліятельнаго дворянскаго кружка,

---

¹⁾ Знакомство съ социалистическими ученіями и обсужденіе нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній въ примѣненіи къ крестьянскому вопросу мы находимъ иногда въ запискахъ по этому предмету и письмахъ нѣкоторыхъ декабристовъ, находившихся тогда въ Сибири, напр., Н. А. Бестужева и М. А. Фонъ-Визина.

или даже дворянства цѣлыхъ уѣздовъ. Когда въ 1847 г. императоръ Николай обратился за содѣйствіемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ къ смоленскимъ дворянамъ и въ рѣчи къ его депутатамъ выразилъ желаніе, чтобы дворянство помогло осуществленію его намѣреній переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, то смоленскіе дворяне, которыхъ государь просилъ „велейно“ потолковать объ этомъ, оказались не на высотѣ данной имъ задачи. Несмотря на то, что, какъ говорятъ, ихъ депутатъ ѣздилъ въ Финляндію, Эстляндію и Курляндію для собранія свѣдѣній о тамошнихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, несмотря на то, что нѣкоторые смоленскіе дворяне и уѣздные предводители собирались для обсужденія вопроса о переводѣ помѣщичьихъ крестьянъ на положеніе обязанныхъ, изъ всего этого ничего не вышло ¹⁾. Дѣло и не могло идти успѣшно потому, что, во первыхъ, смоленскому дворянству было дано знать оффиціально о желаніи государя, чтобы не производилось „частныхъ подписокъ“, но чтобы каждый руководился указомъ 2 апрѣля 1842 г. „отдѣльно“, а во вторыхъ, сдѣлалось извѣстнымъ письмо гофмаршала наслѣдника цесаревича (въ декабрѣ 1847 г.), гдѣ говорилось, что государь „отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ“. Понятно, что при такихъ условіяхъ обращеніе имп. Николая къ смоленскому дворянству закончилось лишь представленіемъ государю двухъ крѣпостническихъ записокъ мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкаго-Соколинскаго, съ объясненіемъ, почему никто изъ смоленскихъ помѣщиковъ не воспользовался закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ, и съ весьма ясными намеками, что осво-

¹⁾ Впрочемъ, нужно замѣтить, что 13 смоленскихъ дворянъ предлагали, переименовавъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, уничтожить право продавать, завѣщать и дарить людей и отдавать ихъ въ служеніе, не допускать, при продажѣ имѣній, завѣщаніи или раздѣлѣ ихъ между наслѣдниками, раздробленія не только семействъ, но даже селеній; предоставить крѣпостнымъ вдовамъ и дѣвушкамъ право выходить замужъ по ихъ желанію, даже и въ иные помѣстья; дѣтей дворовыхъ, начиная съ семи лѣтъ и впредь рождаемыхъ, объявить совершенно свободными, оставляя прочихъ при имѣніи обязанными, съ запрещеніемъ помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовые; предоставить крѣпостнымъ право приобрѣтати недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній и проч. Однако этотъ проектъ былъ признанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ неудовлетворительнымъ. В. С.

божденіе крестьянъ можетъ повлечь за собою политическія реформы. Изъ проектовъ же отдѣльныхъ смоленскихъ дворянъ всего замѣчательнѣе записка Волларларскаго, авторъ которой доказываетъ, что нужно не ограниченіе крѣпостнаго права, а совершенное его уничтоженіе, и предлагаетъ освобожденіе крестьянъ при помощи выкупной операціи.

Но если помѣщики сравнительно мало населенной смоленской губерніи крѣпко держались за крѣпостное право, то нѣкоторые дворяне малоземельной Тульской губерніи поняли всю выгодность для нихъ освобожденія крестьянъ безъ земли или съ возможно малымъ ея количествомъ, тѣмъ болѣе, что сильнымъ побужденіемъ въ тому, чтобы развязать обязательныя отношенія съ крестьянами, служила сильная задолженность помѣщичьихъ имѣній. Еще въ концѣ 1830-хъ годовъ нѣкоторые тульскіе дворяне вздумали составить проектъ освобожденія крестьянъ, но ихъ, по свидѣтельству современника, „въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѣемѣ“. Указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ далъ новый толчекъ этому дѣлу, и черезъ два года кружокъ тульскихъ дворянъ подалъ мѣстному губернатору заявленіе, что они готовы освободить своихъ крестьянъ съ надѣломъ по одной десятинѣ на ревизскую душу съ тѣмъ, чтобы крестьяне за это освобожденіе платили въ казну, сверхъ подушной подати, по три рубля сер. съ каждой десятины земли, а за то долги помѣщиковъ кредитнымъ установленіемъ были бы сложены съ ихъ имѣній. Правительство совершенно основательно потребовало, чтобы составители проекта исполнили одно условіе — заручились бы согласіемъ крестьянъ, но добиться исполненія этого условія было, разумѣется, мудрено при проектируемомъ ничтожномъ земельномъ надѣлѣ и тяжелыхъ платежахъ. Въ 1847 году губернаторъ обратился по высочайшему повелѣнію къ мѣстнымъ дворянамъ съ запросомъ, отказались ли они отъ своего намѣренія освободить крестьянъ или же готовятъ новые проекты. Тульскіе дворяне ходатайствовали объ учрежденіи въ губерніи оффіціального комитета по крестьянскому дѣлу, но ихъ просьба была отвергнута и просившимъ о томъ лицамъ была объявлена воля государя, чтобы они ограничились составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ. Тогда они составили новый проектъ выкупа крестьянъ или дворовыхъ на волю по одиночкѣ по 100

рублей за каждую душу; за землю же полагалась особая плата по 45 рублей съ десятины (авторы проекта, между прочимъ, рѣзко высказались противъ общиннаго землевладѣнія). Прежде чѣмъ этотъ весьма неблагопріятный для интересовъ крестьянъ проектъ былъ представленъ правительству, самый дѣятельный членъ кружка тульскихъ дворянъ, Мясновъ, отправился въ Петербургъ и бесѣдовалъ о крестьянскомъ вопросѣ и съ великой княгиней Еленой Павловной, и съ Киселевымъ, и съ Перовскимъ, причемъ онъ между прочимъ называлъ софизмомъ мысль, что освобожденіе крестьянъ поведетъ къ ограниченію самодержавной власти. Такъ какъ здѣсь Мясновъ узналъ объ извѣстномъ письмѣ гофмаршала наслѣдника цесаревича, Олсуфьева, то тульскіе дворяне уже не посылали своего втораго проекта, а составили новый отвѣтъ на запросъ правительства, въ которомъ заявляли, что желали бы надѣлать своихъ крестьянъ по одной десятинѣ земли въ личную собственность и получить за то денежное вознагражденіе (во время пребыванія въ Петербургѣ Мясновъ предлагалъ, чтобы правительство уплатило имъ по 100 рублей серебромъ за каждую ревизскую душу и затѣмъ возложило бы на крестьянъ обязанность въ извѣстное число лѣтъ возвратить эти деньги въ казну). Но вмѣстѣ съ тѣмъ тульскіе дворяне предлагали еще болѣе вредныя вещи, а именно надѣлать также по одной десятинѣ земли и государственныхъ, и удѣльныхъ крестьянъ, и даже казаковъ (кромѣ той части послѣднихъ, которую необходимо будетъ обратить по общей жеребьевой системѣ въ регулярныя войска); оставшіяся же отъ надѣла земли продать какъ крестьянамъ, такъ и прочимъ сословіямъ. Къ счастью, министерство внутреннихъ дѣлъ отвергло проектъ тульскихъ дворянъ.

Динабургское дворянство еще въ 1819 году получило разрѣшеніе обсудить вопросъ о дарованіи свободы своимъ крестьянамъ и занималось этимъ дѣломъ до 1830 года; въ 1846 году ему было дозволено открыть комитетъ для выработки правилъ объ обращеніи ихъ крестьянъ въ обязанные, но проектъ ихъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ, вѣроятно не безъ основанія... Въ концѣ 1847 года А. И. Кошелевъ ходатайствовалъ о дозволѣніи открыть въ Рязани комитетъ для выработки проекта мѣръ къ „узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ“, но государь нашелъ это неудобнымъ. Наконецъ, въ 1848 году дворяне

царскосельскаго, ябургскаго и петербургскаго уѣздовъ задумали составить положеніе, точно опредѣляющее повинности крестьянъ, и для выработки его выбрали особые комитеты, но министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ избраніе комитетовъ противозаконнымъ, и дѣйствія дворянства въ указанномъ направленіи были прекращены.

Такимъ образомъ попытки дворянъ отдѣльныхъ мѣстностей содѣйствовать разрѣшенію вопроса объ освобожденіи или измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ не привели ни къ какому результату, то по винѣ самихъ дворянъ, составлявшихъ проекты, слишкомъ неблагоприятные для интересовъ крестьянъ, то вслѣдствіе нежеланія правительства допускать коллективную инициативу дворянъ.

Для отдѣльныхъ владѣльцевъ была возможность освобождать крестьянъ на основаніи или закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, или указа 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Первымъ закономъ воспользовалось, въ царствованіе императора Николая, около 250 помѣщиковъ, освободившихъ 67,149 душъ крестьянъ мужскаго пола, въ томъ числѣ 9 помѣщиковъ дали свободу своимъ крестьянамъ безъ всякой платы (216 душъ мужскаго пола); было также 8 случаевъ освобожденія безъ вознагражденія помѣщику, но съ нѣкоторыми обязательствами взносовъ съ благотворительною и иною цѣлью. На основаніи указа 1842 года перешло въ обязанные крестьяне всего 24,708 душъ мужскаго пола трехъ аристократическихъ фамилій: графа Воронцова, князя Витгенштейна и графовъ Потоцкихъ. Нужно замѣтить, что графъ Мечиславъ Потоцкій желалъ освободить своихъ крѣпостныхъ въ Подольской губерніи (15,056 душъ мужскаго пола) съ предоставленіемъ имъ въ собственность безъ всякаго вознагражденія $\frac{2}{3}$ помѣщичьей земли; но правительство не разрѣшило этого, какъ потому, что имѣніе было родовое, такъ и потому, что считало такой примѣръ опаснымъ и способнымъ взволновать другихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и Потоцкому было дозволено дать крестьянамъ въ собственность лишь небольшое количество земли (менѣе $\frac{1}{2}$ десятины на душу), а остальная земля (вмѣстѣ съ данною въ собственность—около 5 десятинъ на душу) была предоставлена имъ въ пользованіе съ платою оброка (около 1 рубля съ десятины); но нельзя было помѣшать помѣ-

щику жертвовать въ пользу крестьянъ ежегодно изъ своихъ доходовъ по 15,000 рублей, изъ которыхъ составлялась общественная крестьянская касса.

Такимъ образомъ дворянство очень мало воспользовалось закономъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и указомъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ значительно развился интересъ къ крестьянскому вопросу. По свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сдѣлался „однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ“. Заблоцкий-Десятовскій, при изученіи нѣсколькихъ центральныхъ губерній Россіи, нашелъ, что необразованные или мало образованные помѣщики видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія и думаютъ, что уничтоженіе его будетъ гибелью для государства и для самихъ крѣпостныхъ, которые безъ помѣщичьей власти всѣ „сопьются и пропадутъ“. Но дворяне болѣе развитые начинали сознавать небезвыгодность для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ; по словамъ Перовскаго, „помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготать ихъ“; желаніе покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ значительной степени вызывалось тяжелою обязанностію заботиться о продовольствіи крестьянъ въ неурожайные годы. Въ виду склонности значительной части дворянства къ безземельному освобожденію крестьянъ, которое находило энергическаго защитника и въ такомъ вліятельномъ сановникѣ, какъ князь Меншиковъ, большою заслугою Киселева было утвержденіе въ сознаніи правительства опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ устраненіи этой идеи и состоитъ главнымъ образомъ прогрессивное значеніе второй четверти XIX вѣка въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ 1830-хъ годахъ еще чувствуется сильное вліяніе мысли, столь распространенной въ царствованіе императора Александра I-го, о возможности личнаго, безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ проектѣ закона о состояніяхъ 1830 года допускается возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями. Для секретнаго комитета 1835 года, наиболѣе вліятельными членами котораго были князь Васильчиковъ, Сперанскій и Канеринъ, идеаломъ, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ

вопросъ являлось безземельное освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно совершилось въ Остзейскомъ краѣ. А въ комитетѣ 1839 года, Киселевъ уже рѣзко высказывается противъ обезземеленія крестьянъ, находя его опаснымъ для общественнаго спокойствія, и предлагаетъ, при переводѣ крестьянъ въ обязанные, предоставлять имъ земли въ вѣчную аренду съ вознагражденіемъ собственника земли барщиною или оброкомъ, опредѣленными по каждому имѣнію инвентаремъ. Вслѣдъ за тѣмъ декабристъ Фонъ - Визинъ предлагалъ обратить большую часть капиталовъ воспитательнаго дома, губернскихъ приказовъ общественнаго призрѣнія и разныхъ богоугодныхъ, человеколюбивыхъ и учебныхъ заведеній на покупку дворянскихъ вотчинъ, съ переводомъ ихъ населенія на положеніе обязанныхъ. Затѣмъ въ 1840-хъ годахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ проектовъ уменьшенія численности крѣпостныхъ крестьянъ или и совершеннаго упраздненія крѣпостнаго права, съ надѣленіемъ крестьянъ землею, иногда впрочемъ въ количествѣ слишкомъ недостаточномъ. Такъ баронъ Боде предлагалъ приобрѣтать имѣнія въ казну, руководствуясь при оцѣнкѣ размѣромъ оброка, причемъ эта операція значительно облегчается тѣмъ, что большая часть ихъ заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ; за имѣнія же не заложенные онъ предлагалъ выдавать облигаціи съ уплатою въ 34 года. Кривцовъ въ 1842 году также предлагалъ постепенный выкупъ имѣній при посредствѣ кредитныхъ учрежденій, съ усиленіемъ ихъ средствъ чрезвычайными займами или выпускомъ ассигнацій; князь Н. Б. Голицынъ предложилъ въ 1848 году, для „уменьшенія числа людей крѣпостнаго состоянія“, введеніе системы кредитныхъ билетовъ, размѣнъ которыхъ обеспечивается соразмѣрнымъ запасомъ золота и серебра, при чемъ всѣ доходы съ приобрѣтаемыхъ такимъ образомъ имѣній должны были обращаться немедленно на погашеніе созданнаго на этотъ случай капитала. Декабристъ фонъ - Визинъ полагалъ, что можно и совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа помѣщичьихъ имѣній въ казну, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милл. рублей серебромъ наличными деньгами, кромѣ того, выпуская въ это время ежегодно на 30 милл. облигацій и переведа на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранный казнѣ воспитательнаго дома, въ заемныхъ

банкахъ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. Желтухинъ, въ 1847 г., предлагалъ совершенное освобожденіе крестьянъ посредствомъ выкупа, основаннаго на кредитной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ ничтожныхъ надѣловъ, обезпечивающихъ лишь уплату процентовъ въ кредитное учрежденіе.

Въ этомъ же году, кн. Л. Голицынъ предлагалъ выкупную операцію съ надѣломъ крестьянъ по 2 десятины пашни на душу, а по его же проекту 1852 г. такая операція, давая крестьянамъ личную свободу, должна была устанавливать лишь вѣчно-арендные отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи); въ полную же собственность крестьяне могли выкупать землю лишь по добровольному соглашенію. Наконецъ, смоленскій помѣщикъ Вонлярлярскій предлагалъ произвести выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи, съ предоставленіемъ имъ всей земли, которою они пользовались, въ потомственное владѣніе, съ уплатою вѣчнаго поземельнаго оброка въ казну по 2 р. 50 к. съ десятины.

Но правительство не хотѣло и думать объ уничтоженіи крѣпостнаго права: имп. Николай, въ своей рѣчи въ государственномъ совѣтѣ, въ 1842 г., категорически заявилъ, что „въ настоящую эпоху всякій помыселъ о севѣ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства“. Но и для ограниченія крѣпостнаго права было сдѣлано до такой степени мало, что далеко не были выполнены требованія, высказанныя въ этомъ отношеніи лучшими представителями общества еще во вторую половину XVIII вѣка. Не смотря на весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, полнаго ея запрещенія не послѣдовало и только не позволено было разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены лишь въ юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ существенныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 г. о дозволеніи имъ заключать съ помѣщиками договоры относительно своего увольненія не имѣютъ значенія. Относительно предоставленія крестьянамъ

права собственности также ничего не было сдѣлано, такъ какъ указъ 3-го марта 1848 года требовалъ для пріобрѣтенія недвижимой собственности согласія помѣщика и при томъ не допускалъ исковъ относительно прежнихъ пріобрѣтеній на имя господина. Размѣра выкупа, за который можно было бы пріобрѣтать свободу, опредѣлено не было. Распространеніе, въ 1847 г., на всю Россію права выкупаться на свободу при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга было уничтожено менѣе чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, не имѣлъ почти никакихъ результатовъ. Такимъ образомъ, кромѣ частныхъ, неполныхъ мѣръ относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но, повторяемъ еще разъ, очень важно то, что въ николаевскую эпоху выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостнаго права.

При такой инертности правительства въ дѣлѣ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, они, естественно, должны были протестовать противъ помѣщичьей власти и пассивно—самоубійствами и побѣгами, преимущественно въ Новороссію, Бессарабію и на Кавказъ, и активно—поджогами господскихъ усадебъ, нанесеніемъ помѣщикамъ ранъ и побоевъ и даже сѣченіемъ ихъ, покушеніями на убійство и убійствами помѣщиковъ и управляющихъ (убійствъ помѣщиковъ за послѣднія 20 лѣтъ николаевскаго царствованія было, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 144) и, наконецъ, волненіями, которыхъ, въ теченіе 29 лѣтъ, съ 1826 по 1854 г., было 556. Наибольшее количество волненій (54, въ 27 губерніяхъ) приходится на 1848 г., при чемъ двѣ трети ихъ были усмирены лишь при помощи военныхъ отрядовъ. Особенно серьезно было обширное волненіе въ Витебской губерніи въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Въ нашей печати, какъ мы видѣли, было совершенно невозможно развить полную программу, на основаніи которой должно было совершиться освобожденіе крестьянъ; поэтому особенное значеніе должны были имѣть труды по крестьянскому вопросу тѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, которымъ пришлось жить за границей и которые могли здѣсь свободно, безъ всякихъ

ствсненій, высказать свои мысли по этому предмету. Наибльшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ извѣстное сочиненіе Н. И. Тургенева („La Russie et les Russes“, 1847 г.) и труды А. И. Герцена. Тургеневъ предъявилъ болѣе чѣмъ умѣренныя требованія въ дѣлѣ освобожденія вѣрнопостныхъ крестьянъ. Онъ готовъ былъ примириться даже съ дарованіемъ имъ одной личной свободы или, точнѣе сказать, съ надѣленіемъ ихъ однѣми усадебными землями. Правда, авторъ допускаетъ и освобожденіе съ землею, но предоставляетъ крестьянину лишь одну десятину на душу, т. е. тотъ нищенскій надѣлъ, который, включенный въ „Положеніе 19-го февраля“ при обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ, привелъ къ такнмъ печальнымъ послѣдствіямъ. Только въ случаѣ появленія особыхъ обстоятельствъ, „настоятельно требующихъ“ быстро и окончательнаго освобожденія крестьянъ, авторъ готовъ допустить предоставленіе крестьянамъ трети или четверти помѣщичьихъ пахотныхъ земель и луговъ. Заслугу Тургенева, для своего времени, составляетъ то, что онъ доказываетъ невозможность вознагражденія помѣщиковъ ни за усадебныя земли крестьянъ, ни за отводимыя имъ небольшіе надѣлы въ случаѣ освобожденія съ землею; но нельзя не пожалѣть о совершенномъ непониманіи имъ полезнаго значенія нашего общиннаго землевладѣнія.

Программа Тургенева не удовлетворяла уже передовыхъ русскихъ людей того времени и, между прочимъ, вызвала суровую критику одного изъ товарищей автора по тайному обществу, Н. А. Бестужева. Послѣднимъ словомъ русской интеллигенціи по крестьянскому вопросу въ рассматриваемую эпоху была программа, развитая А. И. Герценомъ въ его сочиненіяхъ, изданныхъ за границей до 1855 года. Герценъ утверждалъ, что не только освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землею, но что необходимо предоставить имъ всю ту землю, которою они теперь пользуются, и при томъ сохранить общинное землевладѣніе. По его мнѣнію, если инициативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то вѣрнопостное право будетъ уничтожено верховною властью. Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ вре-

дитныхъ учрежденіяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ. Эта программа, черезъ нѣсколько лѣтъ, если не исполнѣ, то въ значительной степени, сдѣлалась и правительственною программою, разумѣется, уже въ новое царствованіе.

Событія 1848 г. въ Западной Европѣ послужили поводомъ къ полной реакціи у насъ въ крестьянскомъ дѣлѣ; напротивъ, тамъ они дали толчекъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ Германіи и Австріи, для окончательнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Послѣ этихъ мѣръ явилось болѣе основанія считать крѣпостное право явленіемъ исключительно нашимъ, исполнѣ самобытнымъ (слова гр. Уварова показываютъ, что такъ и смотрѣла на него высшая администрація) и тѣмъ ревностиѣ его охранять. Высшіе сановники, какъ видно изъ многихъ мнѣній по крестьянскому вопросу, понимали, что крестьянская реформа нераздѣльна съ общемою реорганизаціею государства. Для этого нужны были новыя силы, и онѣ нашлись, какъ только на нихъ предъявленъ былъ запросъ. Но партизаны стараго порядка не сдались безъ боя, не смотря на энергическую поддержку дѣлу освобожденія со стороны императора Александра II, и сумѣли оставить по себѣ память кое въ чемъ существенномъ и въ самой великой реформѣ.

В. Семевскій.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ,

род. въ 1780 г., † въ июнѣ 1825 г.

Историко-биографическое изслѣдованіе.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

«Русскихъ романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ Нарѣжный.. Подвиги Булгарина въ качествѣ романиста было упреждено появленіемъ на томъ же поприщѣ Нарѣжнаго, человека съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ».... В. Г. Бѣлинскій. (Соч., т. VI, стр. 68—69, и т. XII, стр. 508) (1).

Съ легкой руки Бѣлинскаго названіе «перваго русскаго романиста» осталось за В. Т. Нарѣжнымъ въ нашей литературѣ. Равнымъ образомъ, большинство рецензентовъ сочиненій В. Нарѣжнаго признаютъ въ немъ: сильный самобытный талантъ, наблюдательность, оригинальный умъ, творческую силу воображенія, а также «познаніе сердца человѣческаго, искусство ловить комическія черты, рассказывать просто, занимательно» и пр. (2). Но, въ настоящее время, русской читающей публикѣ приходится вѣрить всему этому на-слово, потому что Бѣлинскій, занятый текущей литературой, не упускавшій изъ виду даже самыхъ ничтожныхъ ея произведеній, долженъ былъ ограничиться общими обзорами старой русскаго литературы. Послѣдующіе критики стали еще менѣе обращать вниманіе на прошлое нашей литературы, такъ что къ нимъ едва ли не въ бѣльшей степени примѣнимъ упрекъ Гоголя, нѣкогда обращенный имъ къ русской критикѣ въ его статьѣ «О движеніи журнальной литературы»: «Нигдѣ не

встрѣтишь, говорить онъ, чтобы упоминали имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ... о вліяніи ихъ еще замѣтномъ. Наша эпоха, кажется, какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ».... (3).

Не подлежитъ сомнѣнію, что знакомство съ прошлой русской литературой значительно подвинулось впередъ, благодаря капитальнымъ монографіямъ и изслѣдованіямъ, вышедшимъ въ новѣйшее время, но пока разработаны только извѣстные отдѣлы и періоды. Многое осталось почти нетронутымъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о постепенномъ развитіи романтической литературы въ Россіи или, другими словами, о времени возникновенія переводнаго романа, перехода его въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или менѣе самобытный. Естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ остался незатронутымъ и Нарѣжный. Историкъ общей литературы отвелъ сравнительно невидное мѣсто нашей первоначальной романистикѣ и всѣ, кромѣ А. Д. Галахова (4), по той или другой причинѣ не сочли нужнымъ заняться разборомъ и оцѣнкой сочиненій Нарѣжнаго. Въ біографическихъ и энциклопедическихъ словаряхъ, даже наиболѣе пространныхъ, или вовсе не упоминается о немъ, или же мы встрѣчаемъ самый краткій отзывъ о «первомъ русскомъ романистѣ», почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ; при этомъ обыкновенно упомянуты два-три его романа.

Между тѣмъ до сихъ поръ почти во всѣхъ петербургскихъ бібліотекахъ для чтенія можно встрѣтить десять томовъ романовъ и повѣстей В. Нарѣжнаго изд. 1835—1836 гг. Кромѣ того, въ 1814 г., былъ напечатанъ его замѣчательный, по тому времени, романъ «Россійскій Жильблазъ или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», приостановленный цензурой послѣ появленія третьей части, вслѣдствіе чего это сочиненіе уже въ 1820 году составляло рѣдкость (5). Затѣмъ В. Нарѣжный написалъ пять трагедій, не считая одъ, стихотвореній, басенъ, драматическихъ сценъ, историческихъ повѣстей и рассказовъ, помѣщенныхъ въ поврежденныхъ изданіяхъ, конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Понятно, что, при такомъ отношеніи литературы къ нашему первому по времени, романисту стала мало по малу забываться о Нарѣжномъ и русская читающая публика. Въ настоящее время не мало найдется образованныхъ людей, которые едва знаютъ о существованіи Нарѣжнаго, хотя помнятъ имена многихъ современныхъ ему, болѣе мелкихъ и даже бездарныхъ, писателей. Его случайные читатели могутъ теперь судить о немъ только съ эстетической, а не исторической точки зрѣнія, не менѣе важной въ данномъ случаѣ, и

не смотря на безусловную талантливость его произведений должны неизбежно находить их устарѣлыми, мѣстами скучными, и быть можетъ, иногда, даже лишеными смысла. Они вправѣ упрекать его въ тяжеломъ слоgѣ и даже подчасъ въ недостатокъ художественнаго вкуса, въ чемъ, впрочемъ, упрекали его и современники, хотя эта слабая сторона таланта Нарѣжнаго была менѣе ощутительна для нихъ, нежели для насъ.

Причины такого незаслуженнаго забвенія со стороны литературы и публики довольно сложныя, и настолько же зависѣли отъ общаго состоянія литературы и положенія прозаическихъ писателей въ первую четверть настоящаго столѣтія, какъ и отъ характера произведеній Нарѣжнаго и условій его личной жизни.

Разбору этихъ причинъ и уясненію вопроса, насколько Нарѣжный заслуживаетъ названіе «родоначальника нашихъ романистовъ» и что новаго представляютъ его произведенія, сравнительно съ предшествовавшей романтической литературой—будетъ посвящена первая общая часть нашего историко-біографическаго очерка.

I.

В. Т. Нарѣжный, писатель послѣднихъ годовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, началъ свою литературную дѣятельность при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для развитія его таланта. Русскій романъ и повѣсть находились въ зачаточномъ видѣ и тогдашняя русская беллетристическая проза не представляла, въ этомъ отношеніи, готовыхъ образцовъ какъ по формѣ, такъ и содержанію. Приходилось прокладывать новый путь и естественно, что, согласно общему ходу нашей культуры и подчасъ чрезмѣрному поклоненію всему западному, наша романтическая литература началась съ рабскаго подражанія западнымъ образцамъ. Русская публика зачитывалась переводными иностранными романами и наши первые романисты должны были неизбежно слѣдовать въ своихъ произведеніяхъ господствующему вкусу и требованіямъ. Хотя во многихъ изъ нихъ проглядываетъ очевидное стремленіе къ сближенію съ русской дѣйствительностью, но это стремленіе выражалось пока въ видѣ единичныхъ и болѣею частью крайне слабыхъ проблесковъ. Въ одномъ только «Россійскомъ Жильбазѣ», первомъ значительномъ произведеніи Нарѣжнаго, изданномъ въ 1814 году, мы видимъ положительный поворотъ къ созданію вполне русскаго романа. Но здѣсь, какъ и въ

двухъ позднѣйшихъ лучшихъ своихъ романахъ: «Бурсакъ» и «Два Ивана», Нарѣжный, въ силу естественнаго закона постепеннаго развитія, заплатилъ извѣстную дань подражанію, хотя въ неизмѣримо меньшей степени, нежели кто либо изъ его предшественниковъ.

Малоразвитая русская читающая публика конца XVIII и начала нынѣшняго вѣка, встрѣчая въ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ, выдаваемыхъ за «оригинальныя россійскія сочиненія», или рабское копированіе иностранныхъ произведеній, или много общаго съ ними по формѣ, характерамъ героевъ и героинь, равно и содержанію, могла легко смѣшивать ихъ съ послѣдними и не замѣчать случайныхъ самобытныхъ чертъ. Этимъ только можно объяснить, до извѣстной степени, безразличное отношеніе тогдашней публики къ нашей первоначальной романтической литературѣ, кромѣ подражательныхъ повѣстей, Карамзина; значительный успѣхъ ихъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ, объясняется авторитетомъ, который пріобрѣлъ Карамзинъ среди русской публики изданіемъ «Писемъ русскаго путешественника» въ 1791—1792 гг., судя по тому, что его первая сентиментально-любовная повѣсть «Евгеній и Юлія», напечатанная года за два передъ тѣмъ, прошла безслѣдно (6). Затѣмъ изъ четырехъ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Журналѣ» 1792 года (7), всего больше посчастливилось «Бѣдной Лизѣ», которая настолько пришлась по вкусу большинства тогдашнихъ читателей, что обратила на себя общее вниманіе. Объ успѣхѣ ея можно судить изъ того, что семь лѣтъ спустя она не была забыта, хотя взгляды на самого Карамзина значительно измѣнились, по крайней мѣрѣ въ людяхъ извѣстнаго направленія, какъ видно изъ письма И. А. Иванова, соученика А. Х. Востокова по академіи художествъ и его близкаго пріятели ¹⁾.

---

¹⁾ И. А. Ивановъ писалъ Востокову изъ Москвы отъ 15-го (24-го) августа 1799 года: „Съ 1792 г. повѣсть о Бѣдной Лизѣ продолжаетъ занимать всѣхъ. По пріѣздѣ отправился осматривать мѣсто, очарованное перомъ Карамзина... Нашелъ я прудъ, стоящій среди поля и окруженный деревьями и валами; опять сѣвши я продолжалъ читать. Тетрадь чуть не вырвалась у меня изъ рукъ и не скатилась въ самый прудъ къ великой чести Карамзина, что копія его во всемъ сходствуетъ съ оригиналомъ. Нынѣ прудъ здѣсь въ великой славѣ, часто гуляетъ около него народъ станицами и читаетъ надписи, вырѣзанныя на деревьяхъ вокругъ пруда, и я читалъ ихъ и не нашелъ ни одной путной; вездѣ Карамзина ругаютъ, вездѣ говорятъ, что онъ навралъ, будто Лиза утонула, никогда не существовавшая на свѣтѣ. Есть, правда, изъ нихъ и такія, кои написаны чувствительными, тронутыми сею жалкою исторіею, но онѣ жалки и писаны, кажется, петиметрашками...“ Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ апрѣля 1800 года, Ивановъ опять пишетъ о

II.

Продолжительное, почти исключительное господство различных видов поэзии, драматической литературы, сатиры и басни, приучило русскую публику считать писателями только тех, которые подвизались на этомъ поприщѣ, хотя она вообще не отличалась разборчивостью и подчасъ одинаково восхищалась первоклассными и мелкими поэтами, талантами и бездарностями. Такие писатели пользовались особеннымъ уваженіемъ и всякій грамотный человекъ пытался быть поэтомъ, драматургомъ или баснописцемъ, тѣмъ болѣе, что на занятіе литературой смотрѣли, какъ на пріятное препровожденіе времени, свободнаго отъ службы и другихъ серьезныхъ дѣлъ. Особенно распространены были стихотворенія и оды, которыя появлялись по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ и едва-ли не въ большемъ количествѣ, нежели гдѣ-либо. Большинство нашихъ извѣстныхъ тогдашнихъ литераторовъ, какъ, напримѣръ, Карамзинъ, Капнистъ, Крыловъ, Востоковъ и другіе, писали, между прочимъ, и стихи, а у нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Мералякова, стихи значительно преобладаютъ надъ прозой (8). Равнымъ образомъ и Нарѣжный, быть можетъ подъ давленіемъ господствующаго вкуса въ литературѣ, началъ съ писанія одъ, стихотвореній, драматическихъ сценъ и трагедій, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его первые литературные опыты, помѣщенные въ московскихъ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 года (9) и «Иппокрена или Утѣхи Любословія» 1799 и 1800 гг. (10). Стихи Нарѣжнаго, повидимому, въ свое время имѣли

Карамзинъ: „Здѣсь такъ о немъ худо говорятъ, что я потерялъ въ немъ половину прежняго почтенія и любвиства его видѣть, отъ того по сѣ пору не выдаю его... Мнѣ кажется, что онъ былъ нѣкогда такимъ, какимъ онъ по сочиненіямъ своимъ казался, жилъ такъ, какъ въ книжкахъ пишутъ, пока не вступилъ въ большой свѣтъ. Ему въ доказательство можно поставить посланіе его въ Дмитріеву... Ты, можетъ быть, сію пьесу назвусъ знаешь. Она, мнѣ кажется, положила предѣлъ Карамзинской невинной жизни. Съ сихъ поръ, онъ, видя, что она между людьми неумѣста и находя себя вмѣющимъ право пользоваться мірскими благами, такъ какъ всѣ пользуются, вырывая другъ у дружки, сталъ жить какъ умной человекъ и пр... Ты хвалишь Нарѣжнаго, а я похваляю тебѣ князя Долгорукаго, коего я читаю недавно двѣ или три пьесы въ стихахъ, весьма прекрасныя, по моему мнѣнію...“ (См. „Сборникъ 2-го отдѣленія Имп. Акад. Наукъ“, т. V, вып. 2, стр. VIII—IX).
Н. В.

почитателей и въ томъ числѣ Востокова, какъ показываетъ одна фраза въ концѣ приведеннаго нами письма И. А. Иванова, отъ апрѣля 1800 года.

Между тѣмъ писатели-прозаики были далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи и не пользовались большимъ почетомъ, что, между прочимъ, подтверждается отзывомъ одного изъ нихъ, который еще въ 1810 году жалуется на равнодушіе и отсутствіе поддержки со стороны читателей: «Публика причиной, говоритъ онъ, что многіе съ талантомъ и познаніями начали скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ... одобреніе и награда слабы, а досада и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго; я говорю о прозаическихъ писателяхъ» (11). Справедливость этого отзыва подтверждается современными извѣстіями, изъ которыхъ видно, что переводчики, особенно классическихъ произведеній, ставились на одну доску съ оригинальными прозаическими писателями, а нѣкоторые изъ нихъ даже въ послѣдствіи приобрѣли извѣстность, какъ, напри- мѣръ: Мартыновъ, А. Алексѣевъ, П. Голенищевъ-Кутузовъ, Ѳ. Пospѣловъ, М. Невзоровъ, М. Глѣбовъ и др. (12). Какое значеніе придавали тогда переводамъ вообще, сравнительно съ оригинальными произведеніями, можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва издателя «Новостей русской литературы» Сохацкаго въ 1804 году: «Признавая чистосердечно наши словесныя произведенія (выключая весьма немногихъ привилегированныхъ на безсмертіе писателей), это, большею частью, только опыты. Но и птенцы перепархиваютъ сперва съ вѣтви на вѣтвь, пока укрѣпятся столько, чтобы смѣло пуститься въ пространства воздушныя»... Затѣмъ Сохацкій задаетъ вопросъ: «Переводы принадлежатъ ли къ новостямъ русской литературы?» и даетъ такой отвѣтъ: «По всему праву, есть ли только они выработаны старательно, точно, чисто, съ сохраненіемъ оригиналовъ» (13).

Почти всѣ тогдашніе писатели, не исключая и Нарѣжнаго, на ряду съ оригинальными произведеніями, занимались въ значительной степени переводами, которые были даже выгоднѣе съ матеріальной стороны. Такъ, напри- мѣръ, московскіе журналы, издававшіеся въ большомъ количествѣ до 1812 года, отдавали въ этомъ отношеніи преимущество переводчикамъ, которые одни получали плату «хотя и скудную», что объясняется положеніемъ журналовъ, издаваемыхъ, повидимому, изъ любви къ искусству, судя по незначительному числу подписчиковъ (иногда меньше 100 и не свыше 300), а также крат-

современному существованію многихъ изъ нихъ. Издатели тратились преимущественно на печать, бумагу и переводы, тѣмъ болѣе, что оригинальнныя произведенія и стихи доставлялись даромъ, «изъ чести быть напечатанными». Что же касается книгопродавцевъ, о невѣжествѣ и корыстолюбіи которыхъ говоритъ И. И. Дмитріевъ (другъ Карамзина) въ своей автобіографіи, то «они покупали и печатали переводы, платя за нихъ по произвольной оцѣнкѣ и согласію съ переводчиками, книгами изъ своей книжной лавки» (14). Но даже не принимая въ расчетъ нравственныя качества и степень образованія тогдашнихъ книгопродавцевъ, можно предположить, что они болѣе дорожили переводами, нежели подражательными романами и повѣстями. Извѣстнымъ ручательствомъ успѣшнаго сбыта того или другаго перевода служило для нихъ имя иностраннаго автора, болѣе или менѣе популярное среди русской публики, благодаря множеству издававшихся тогда переводныхъ романовъ и повѣстей, не говоря о рукописной литературѣ.

III.

Помимо неблагопріятныхъ литературныхъ условій, равнодушія или непониманія со стороны публики, не менѣе должно было тормозить развитіе начинающихъ доморощенныхъ романистовъ и, въ томъ числѣ Нарѣжнаго, отсутствіе надлежащей критики, которая была въ такомъ же зачаточномъ видѣ, какъ и наша романическая проза. Тогдашняя критика разсматривала сочиненія, преимущественно, со стороны языка, строго преслѣдовала всякое отступленіе отъ принятыхъ правилъ пѣтики и риторики и, въ большинствѣ случаевъ, ограничивалась возгласами или отрывочными указаніями на неудачныя слова и выраженія. Рельефнымъ образчикомъ такой критики служить рецензія 1804 года, за подписью «Неизвѣстный», представляющая разборъ трагедіи В. Нарѣжнаго «Димитрій Самозванецъ», напечатанной въ Москвѣ отдѣльной книгой въ 1804 году (15):

«Правосудія, милостивые государи, правосудія! восклицаетъ «Неизвѣстный» рецензентъ, обращаясь къ редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ». Вы добровольно взялись быть судьями нелицемѣрными и показали на самомъ дѣлѣ свое правосудіе, я доставлю вамъ новый случай показать его».... Послѣ такого оригинальнаго воззванія рецензентъ считаетъ долгомъ сдѣлать оговорку, что если его замѣчанія покажутся ошибочными, то онъ проситъ «указать ему ошибки»,

а затѣмъ уже приступаетъ къ разбору трагедіи «Димитрій Самозванецъ». Онъ особенно нападаетъ на автора за отступленіе отъ правилъ, изложенныхъ въ книгѣ L'Abbé Batteux «Principes de Litterature», и указываетъ на главы о драмѣ и трагедіи:

«Всякое театральное сочиненіе, говоритъ онъ, раздѣляется на дѣйствія. Первое дѣйствіе должно показать ясно, въ чемъ состоитъ главное содержаніе, дать понятіе о дѣйствующихъ лицахъ и кончиться, заставивъ зрителей внимательно ждать послѣдствій. Мѣсто дѣйствія должно быть единственное.... Мѣста видовъ своихъ не перемѣняютъ. Но если сочинитель найдетъ себя принужденнымъ перемѣнять мѣста, то, по крайней мѣрѣ, долженъ онъ это сдѣлать при началѣ дѣйствія, а не въ срединѣ, что совсѣмъ недозволительно».... При этомъ для большей наглядности слѣдуютъ указанія въ какихъ собственно сценахъ Нарѣжный отступилъ отъ принятыхъ правилъ:

«Я читалъ двѣ Шиллеровы трагедіи въ этомъ же родѣ, замѣчаетъ далѣе рецензентъ, но «Самозванецъ» не можетъ равняться ни съ трагедіей «Разбойники», ни съ трагедіей «Заговоръ Фіеска въ Генуѣ».... Есть, однако-жъ, въ Самозванцѣ прекрасныя мѣста!» восклицаетъ затѣмъ рецензентъ и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ довольно пространныя выдержки изъ трагедіи Нарѣжнаго, хотя безъ всякихъ объясненій, такъ что при чтеніи ихъ невольно является вопросъ: почему указанныя сцены могли показаться «прекраснѣе» другихъ.

Не менѣе своеобразный отзывъ Неизвѣстнаго о слогѣ «Димитрія Самозванца», равно и его наставленіе сочинителю, которое служитъ заключеніемъ рецензіи:

«Надобно много бумаги, говоритъ онъ, чтобы вписать всѣ мои замѣчанія на слогъ, которымъ писана сія трагедія. Скажу только, что я нашелъ множество непонятныхъ выраженій, какъ-то: смотреть во всѣ глаза, адомъ бьется сердце, сегодня ночью.... вездѣ га! и г-мъ! и множество другихъ съ непростительными ошибками противъ правилъ грамматики»....

«Вообще видно, что если г. Нарѣжный забудетъ расположеніе нѣмецкихъ трагедій, если прочтетъ «Principes» Batteux, согласится передѣлать свою трагедію, выброситъ лишніе разговоры и оставитъ необходимыя для главнаго содержанія, поправитъ слогъ и рѣже будетъ говорить о діаволахъ и сатанахъ, то напишетъ прекрасную трагедію». Подписано: «Неизвѣстный».

Однако, и въ тѣ времена, когда писались рецензіи, подобныя вышеприведенной, и печатались въ журналахъ, такъ и позже встрѣчаются единичныя попытки болѣе дѣльной и осмысленной критики,

какъ, напримѣръ, Макарова, Каченовскаго, Л. Неваховича, Е. Станевича, Д. Дашкова, Писарева, Мерзлякова, Строева и другихъ, между которыми видное мѣсто занимаетъ разборъ книги Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», написанный Макаровымъ (16). Но, разумѣется, такіа единичныя случайныя явленія не могли имѣть прочнаго вліянія на нашу литературу, какъ это сознавали и тогдашніе критики, судя, по словамъ Макарова, приведеннымъ Н. Гречемъ (17): «Критика наша не для авторовъ и переводчиковъ, а единственно въ пользу тѣхъ любителей чтенія, которые для выбора книгъ не имѣютъ другаго руководства, кромѣ газетныхъ объявленій».

IV.

Съ другой стороны не малымъ препятствіемъ для развитія критики могло быть и то условіе, что тогда по принципу не допускались какія-либо нападки на признанныхъ писателей и господствовалъ такой взглядъ, что «чтобы судить объ авторѣ отличномъ, надобно быть такимъ-же». Еще въ 1815 г. А. Ѳ. Мерзляковъ, профессоръ поэзіи и краснорѣчія при московскомъ университетѣ (съ 1804 по 1830 г.), приступая къ своему извѣстному разбору «Россіады», поэмы Хераскова (18), долженъ былъ сдѣлать въ этомъ отношеніи рядъ оговорокъ и доказывать необходимость критики: «Хотите ли, говорить онъ, чтобы число авторовъ умножилось. Будьте къ нимъ внимательнѣе. Еще скажу, разбирайте ихъ и не осуждайте разборовъ. Писатель никогда не достигнетъ совершенства, когда публика не въ силахъ будетъ судить о нихъ. Критика благоразумная раздражаетъ его честолюбіе и понуждаетъ къ великимъ усиліямъ: равнодушіе наше убійство словесности. Публика и писатель взаимно другъ друга совершенствуютъ» и пр. Но на ряду съ такимъ прогрессивнымъ взглядомъ Мерзляковъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Разборъ посредственныхъ писателей, не возмoгшихъ дѣйствовать на умы и сердца, есть разборъ безъ цѣли. Они не приносятъ ни малѣйшей пользы, не представляя ни красотъ высокихъ, достойныхъ подражанія, ни недостатковъ, увлекающихъ еще неутвержденный вкусъ молодыхъ людей» ...

Вообще должно замѣтить, что разборъ «Россіады» крайне характеренъ, какъ для обрисовки состоянія критики одиннадцать лѣтъ спустя послѣ приведенной нами рецензіи «Неизвѣстнаго» 1804 года,

такъ и для самого Мерзлякова, не разъ называемаго въ литературѣ нашимъ первымъ (по времени) критикомъ». Любопытны его постоянныя колебанія между тѣмъ, что предписывала «теорія» (теорія) и чего ей недоставало; старая привычка къ классицизму слишкомъ часто пересиливала въ немъ чувство изящнаго; онъ опасался всякихъ нововведеній и литература опередила его; еще при жизни его явились новые критики, болѣе соответствующіе духу времени, какъ кн. П. А. Вяземскій и Марлинскій (А. А. Бестужевъ).

Мерзляковъ, изложивъ въ своемъ разборѣ содержаніе «Россіады», разсуждаетъ о томъ, насколько предметъ, избранный Херасковымъ, «есть совершенно предметъ эпической или достойной безсмертной эпопеи», и ссылаясь на примѣры Гомера и другихъ классическихъ писателей, говоритъ о необходимости «единства дѣйствія», находитъ недостатки «въ изобрѣтеніи, содержаніи и въ расположеніи», равно и въ описаніи «чудеснаго». Въ то-же время, дѣлая попытку разбора характеровъ лицъ, изображенныхъ въ поэмѣ, онъ трактуетъ о правилахъ Аристотеля и правилахъ эстетики вообще, а затѣмъ, переходя къ слогу, распространяется о соблюденіи «постепенности», напоминаетъ, что для оживленія повѣствованія необходимы противоположенія, сравненія и уподобленія» и пр.

Въ этомъ же разборѣ, по поводу «Россіады», Мерзляковъ высказываетъ свой взглядъ на романы вообще и на ихъ главную задачу: «Сладкія чувствованія родства, дружбы, любви, великія пожертвованія, добродѣтели или пороки, прелестныя виды природы, картины, доставляемыя прошедшимъ и настоящимъ: все это вмѣстѣ составляетъ запасный магазинъ романиста! Хорошо, когда бы романы всегда устремлены были къ доброй цѣли, когда бы писали ихъ Ричардсоны и Филдингъ!—Хорошо, когда бы романы могли служить къ величайшей цѣли жизни, пріобрѣтаемой наукой, къ познанію насъ самихъ, способствовали бы къ образованію нашей нравственности»....

Въ виду такого взгляда, всего вышесказаннаго, а также основываясь на аналогіи, мы рѣшаемся высказать предположеніе, что если бы Мерзлякову пришлось разбирать которое либо изъ романическихъ произведеній, хотя бы «Жильблэза» В. Нарѣжнаго, вышедшаго за годъ передъ тѣмъ, то онъ пріобрѣнулъ бы къ тѣмъ же критическимъ приемамъ, какъ и въ рецензій поэмъ Хераскова. Правила принятой тогда теоріи изящнаго, вѣроятно, играли бы немалую роль въ его разборѣ, равно и слогъ, который еще въ 1815 году, судя по его собственному отзыву, продолжалъ быть спорнымъ вопросомъ въ русской литературѣ: «Одни, говоритъ онъ, укоряютъ другихъ въ излишнемъ

употреблені словъ славянскихъ, а другіе въ излишнемъ отступленіи отъ славянскаго и въ ослабленіи языка»..... (19).

Не подлежитъ сомнѣнію, что тогдашнее неудовлетворительное состояніе критики уже не могло имѣть такого большого значенія въ области нашей сатиры, поэзіи, драматической литературы и басни изъ которыхъ каждая достигла извѣстной, довольно значительной стадіи развитія, имѣла, такъ сказать, свою исторію, сложившуюся постепенно, въ теченіи многихъ лѣтъ. Молодой писатель, выступающій въ этомъ направленіи, чувствовалъ подъ собою почву, находилъ опору въ готовыхъ традиціяхъ и, внося новое въ своихъ произведеніяхъ, въ силу неизбежнаго прогресса, пользовался результатами опыта своихъ предшественниковъ. Молодые таланты встрѣчали непосредственную поддержку, со стороны живущихъ и отживающихъ знаменитостей, которыя, въ большинствѣ случаевъ, относились съ патриархальнымъ добродушіемъ къ своимъ преемникамъ и становились ихъ добровольными руководителями.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи были наши первые прозаическіе писатели романовъ и повѣстей. Здѣсь не было прошлаго, не было ни исторіи, ни готовыхъ традицій; существовавшія правила творчества, преподаваемая теоріей словесности, могли только стѣснять авторовъ и задерживать ихъ развитіе, приходилось имъ создавать самую манеру писанія, находить новые сюжеты для содержанія, вырабатывать форму, даже слогъ.

V.

Тяжеловѣсный, въ значительной мѣрѣ искусственный языкъ Ломоносова, съ его полуславянскими, полулатинскими оборотами рѣчи, продолжалъ господствовать въ нашей литературѣ конца XVIII вѣка, хотя сильно видоизмѣненный послѣдующими писателями, то въ лучшую, то въ худшую сторону. Этимъ языкомъ (за исключеніемъ Н. М. Карамзина и подражателей его слога) писали всѣ русскіе беллетристы того времени, не исключая Нарѣжнаго, какъ видно изъ его первыхъ произведеній, помѣщенныхъ въ упомянутыхъ московскихъ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г. и «Иппокрена или утѣхи любословія» 1799 и 1800 гг. Въ этихъ журналахъ принимали также участіе нѣкоторые изъ университетскихъ товарищей В. Нарѣжнаго и, между прочимъ, воспитанники московскаго благороднаго пансіона, имѣвшіе съ 1800 года свой печатный органъ, въ которомъ исключительно помѣщались ихъ труды (20).

Слогъ Нарѣжнаго, какъ въ переводахъ, такъ и оригинальныхъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ двухъ названныхъ журналахъ, не представляетъ никакихъ рѣзкихъ отличій или особенностей, сравнительно съ другими сотрудниками. Направленіе его также пока не опредѣлилось; онъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ классиковъ, изучаемыхъ въ университетѣ, замѣтно подражаетъ Державину въ своихъ стихотворныхъ опытахъ. Но и въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ видны проблески сильнаго таланта, полная ясность мысли и отсутствіе сентиментальности.

Въ то же время, относительно значительное количество его литературныхъ опытовъ, помѣщенныхъ въ томъ и другомъ журналѣ, служить доказательствомъ, что на него смотрѣли, какъ на молодого писателя, подающаго большія надежды. Но литературное занятіе въ тѣ времена, при вышеописанныхъ условіяхъ, не представляя никакого матерьяльнаго обезпеченія для писателя, не могло сдѣлаться профессіей для такого бѣдняка, какимъ по всѣмъ даннымъ былъ Нарѣжный. Едва окончивъ университетское образованіе въ 1801 г., онъ поступилъ на службу «при письменныхъ дѣлахъ» въ новооткрывшееся «Грузинское правительство» и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ оставался до половины мая 1803 года.

Такимъ образомъ В. Нарѣжный на двадцать первомъ году своей жизни, прямо съ университетской скамьи, былъ перенесенъ въ полудикую страну, въ чуждый для него канцелярскій міръ и долженъ былъ приняться, въ качествѣ мелкаго чиновника, за обязательную механическую работу, не имѣвшую ничего общаго съ свободными литературными занятіями. Подобный внезапный переходъ и въ особенности удаленіе изъ Москвы, представлявшей до 1812 г. средоточіе умственного и литературнаго движенія тогдашней Россіи, было крайне неблагоприятно для нормальнаго развитія его молодого, неокрѣпшаго, хотя и несомнѣннаго таланта. Онъ былъ слишкомъ рано оторванъ отъ образованной интеллигентной среды, окружавшей его во все время, проведенное имъ въ московской гимназій и въ университетѣ, лишенъ книгъ и общенія съ людьми, которые могли поддержать его въ первую пору литературной дѣятельности и быть до известной степени его руководителями и критиками (21). Въ Москвѣ жили Карамзинъ и Дмитріевъ, около нихъ вращалось все лучшее въ литературѣ и группировались молодые таланты, для которыхъ ихъ приговоръ имѣлъ рѣшающее значеніе. Не мало было и другихъ домовъ, гдѣ при патриархальномъ гостепримствѣ «допожарной» Москвы сходились литераторы разныхъ поколѣній, какъ, напримѣръ, дома: князя А. И. Вяземскаго (отца писателя), Нелединскаго-Мелецкаго, Иванова, мало замѣча-

тельнаго писателя, но радушнаго хозяина, имѣвшаго много пріятелей среди литераторовъ и др. Вообще оживленію общественной жизни тогдашней Москвы въ значительной мѣрѣ содѣйствовало вліяніе старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, чтеніе публичныхъ лекцій, на которыхъ собиралась многочисленная публика, а также значительное число издававшихся журналовъ.

Съ отъѣздомъ В. Нарѣжнаго изъ Москвы, насколько намъ удалось прослѣдить, прекращается его участіе въ московскихъ временныхъ изданіяхъ. Мы не встрѣтили его имени даже въ «Новостяхъ Русской Литературы», изд. отъ 1802 до 1805 г., хотя этотъ журналъ составлялъ собственно продолженіе «Иппокрены», гдѣ Нарѣжный былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ во время своего студенчества. Между тѣмъ участіе въ журналахъ имѣло тогда немаловажное значеніе для начинающихъ писателей, особенно прозаическихъ, если они не находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ котораго либо изъ литературныхъ корифеевъ. Это былъ для нихъ едва ли не единственный путь для пріобрѣтенія извѣстности, судя по тому, что этимъ способомъ выдвинулись многіе изъ товарищей Нарѣжнаго по гимназій и университету, а также нѣкоторые изъ его сверстниковъ. Въ числѣ подобныхъ примѣровъ мы можемъ указать на талантливаго, но рано умершаго А. Беницкаго, автора такъ называемыхъ «восточныхъ повѣстей», нигдѣ не писавшаго, кромѣ журналовъ, и на П. Львова, бездарнаго, но плодовитаго сочинителя подражательныхъ романовъ и повѣстей, начавшаго свою литературную дѣятельность въ разныхъ журналахъ.

Такимъ образомъ, время, проведенное В. Нарѣжнымъ на Кавказѣ, затѣмъ водвореніе въ Петербургѣ, совершенно чуждомъ для него городѣ, и почти непрерывная служба въ качествѣ мелкаго чиновника разныхъ вѣдомствъ, были для него невознаградивой потерей со стороны пріобрѣтенія извѣстности и окончательно укрѣпили его литературную отчужденность. Предоставленный самому себѣ и собственнымъ силамъ, онъ очутился внѣ какого бы то ни было литературнаго вліянія вообще или въ частности того или другаго писателя. Если при этихъ условіяхъ талантъ его могъ выиграть въ смыслѣ самобытности и оригинальности, то съ другой стороны, какъ литературный самоучка, онъ впалъ въ крайности, свойственныя въ большей или меньшей степени всѣмъ самоучкамъ, даже наиболѣе скромнымъ изъ нихъ. У него явилась слишкомъ большая увѣренность въ собственныхъ силахъ и связанная съ нею упорство и неподатливость, бликая къ застою. Нарѣжный не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ господствующимъ литературнымъ взглядамъ, неизбежному прогрессу

времени, даже тамъ, гдѣ онѣ были необходимы до очевидности. Отсюда происходитъ, какъ намъ кажется, 'недостаточная выработка въ немъ художественнаго вкуса, отсутствіе мѣры, тяжелый, подчасъ невозможный, слогъ, особенно въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, сравнительно со слогомъ другихъ современныхъ писателей, даже самыхъ посредственныхъ.

VI.

В. Нарѣжный прѣѣхалъ въ Петербургъ въ 1803 году, въ пору раздвоенія, впервые вызваннаго въ нашей литературѣ появленіемъ «Писемъ русскаго путешественника» (22) и повѣстей Карамзина, написанныхъ новымъ языкомъ. Весьма возможно, что это раздвоеніе прошло бы незамѣтно и съ теченіемъ времени кончилось бы образованіемъ единаго литературнаго языка, видоизмѣняемаго субъективными особенностями слога различныхъ писателей. Но такому естественному ходу развитія языка помѣшала несвоевременная и слишкомъ усердная защита старины, въ лицѣ вице-адмирала А. С. Шишкова, выступившаго въ 1803 г. съ своимъ извѣстнымъ «Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ русскаго языка». Шишковъ, въ качествѣ ветерана между литераторами и академиками и восторженнаго поклонника Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина, считалъ себя призваннымъ бороться противъ ложнаго вкуса, начинавшаго проникать въ нашу литературу. Онъ горячо напалъ на послѣдователей новаго карамзинскаго слога и впалъ въ другую крайность, вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго пристрастія къ старинѣ и къ славянскому языку, чѣмъ вызвалъ не менѣе жестокія нападенія со стороны своихъ противниковъ.

Образовались два враждебныхъ лагеря, одинаково безпощадныхъ и нетерпимыхъ другъ къ другу, но В. Нарѣжный не примкнулъ ни къ одному изъ нихъ и продолжалъ идти своимъ путемъ. Чуждый ходульности, фразы, сентиментальности, искренній и реальный до простодушія, даже подчасъ наивнаго цинизма, хорошо знакомый съ темными сторонами русской дѣйствительности, Нарѣжный не могъ сочувствовать бѣдности содержанія Карамзинскихъ подражательныхъ повѣстей, ихъ салонной искусственности, напускной слезливости и театральному изображенію лицъ, особенно крестьянъ. Не могъ нравиться ему и самый слогъ повѣстей и писемъ Карамзина, легкій, удобочитаемый, но безцвѣтный, переполненный галлицизмами, при

отсутствіи коренныхъ русскихъ оборотовъ рѣчи, составлявшій полную противоположность его собственному выразительному, хотя и гробому языку.

Но какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Нарѣжный, увлекаемый недостатками моднаго литературнаго направленія, не хотѣлъ видѣть хорошихъ сторонъ Карамзинскаго слога, который, при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ, заключалъ задатки самобытнаго развитія, какъ это мы видимъ въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ молодыхъ послѣдователей слога Карамзина. Такъ, напримѣръ, Беницкій, Макаровъ, Подшиваловъ, М. Н. Муравьевъ, по справедливости, считались въ свое время хорошими стилистами; ихъ произведенія вообще легко читаются до сихъ поръ и не представляютъ никакихъ рѣзкихъ шероховатостей языка.

На ряду съ этимъ, по многимъ даннымъ, Нарѣжный совершенно не раздѣлялъ литературнаго вкуса петербургскаго шишковскаго кружка и его пристрастія къ славянской рѣчи, какъ это мы видимъ изъ его словъ въ предисловіи къ первой части «Россійскаго Жильблаза: «Славянскій языкъ, говоритъ Нарѣжный, безспорно высокъ, точенъ, обилень; однако-жь, тотъ изъ насъ, который, стоя предъ красавицею, будетъ нѣжить слухъ ея названіями: лѣпообразная дѣво! голубице, краснѣйшая рая,—едва-ли не долженъ быть почтенъ за сумасброда, а такіе витязи и до сихъ поръ у насъ находятся и не безъ послѣдователей!..» Наконецъ, Нарѣжный и въ самомъ текстѣ Жильблаза выставилъ въ уродливо комическомъ видѣ одного изъ любителей славянщины, подъ именемъ Трисмегалова (ч. II, стр. 101—124), нелѣпыя типы которыхъ онъ могъ наблюдать тогда въ Петербургѣ, гдѣ шишковское направленіе должно было неизбѣжно породить ихъ. Что-же касается главныхъ сознательныхъ представителей этого направленія, то Нарѣжный едва ли могъ имѣть съ ними какія-либо непосредственныя сношенія, въ виду своего болѣе чѣмъ скромнаго общественнаго положенія и потому могъ остаться внѣ ихъ вліянія.

В. Нарѣжный не участвовалъ также въ шишковской «Бесѣдѣ любителей русскаго слова», возникшей лѣтъ за пять до официального открытія общества въ 1811 г. «Нѣкоторые любители отечественной словесности, какъ сказано въ краткой исторіи общества, большей частью члены россійской академіи, положили между собой въ осеннее и зимнее время одинъ вечеръ въ недѣлю собираться вмѣстѣ, проводить часы въ чтеніи, разговорахъ и бесѣдахъ о русскомъ языкѣ. Всякій изъ молодыхъ людей, изъявившихъ охоту быть въ сихъ собраніяхъ, имѣлъ доступъ»... Но такъ какъ кругъ участвующихъ въ обществѣ былъ «ограниченный», то можно предполо-

жить, что допускались только лица, знакомыя учредителямъ, и весьма сомнительно, чтобы между ними находился В. Нарѣжный, мало извѣстный въ то время писатель и незначительный чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Не могъ онъ также участвовать въ обществѣ и послѣ утверждения его устава 11 февраля 1811 года (23) и официального открытія засѣданій въ домѣ Державина у Измайловскаго моста, гдѣ мало по малу сгруппировались представители литературы извѣстнаго направленія, петербургская знать и высшіе государственные сановники. Имени В. Нарѣжнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ членовъ общества, въ чемъ легко убѣдиться, такъ какъ въ изданіяхъ тогдашнихъ литературныхъ и ученыхъ обществъ помѣщались свѣдѣнія о времени возникновенія того или другаго общества и первоначальномъ его составѣ, а также протоколы общихъ собраній съ подробными перечнями членовъ. Послѣдніе, кромѣ того, печатались въ нѣкоторыхъ журналахъ, издаваемыхъ членами обществъ, и въ академическомъ адресъ-календарѣ (24).

Равнымъ образомъ В. Нарѣжный не былъ въ числѣ сотрудниковъ изданія Державино-Шишковскаго общества, выходившаго подъ названіемъ «Чтенія въ бесѣдѣ любителей русскаго слова» въ 1811—1815 годахъ (въ двадцати книгахъ).

VII.

Не подлежитъ сомнѣнію, что шишковское направленіе, господствовавшее въ тогдашней петербургской литературѣ придавало ей общій безцвѣтный мертвенный колоритъ застоя и слѣпаго пристрастія къ старымъ традиціямъ. Но и здѣсь еще до упомянутаго раздвоенія, вызваннаго спорами о слогѣ, мы видимъ несомнѣнные признаки умственнаго движенія среди интеллигентной петербургской молодежи. Такъ въ 1801 году, 15 іюля, нѣсколько молодыхъ людей положили основаніе «Дружескому обществу любителей изящнаго», прогрессивному по самой идеѣ, такъ какъ «оно имѣло цѣлью своею взаимное усовершенствованіе и споспѣшествованіе участвующихъ въ ономъ». Въ 1803 году съ утвержденіемъ устава «по волѣ Его Имп. В-ва общество получило позволеніе открыть свои засѣданія» подъ новымъ названіемъ: «Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художества» (25).

Согласно широкой задачѣ общества, доступъ въ него былъ открытъ

не только литераторамъ и ученымъ, живущимъ въ Петербургѣ и иногороднымъ, но также людямъ разныхъ профессій и художникамъ. Такъ въ числѣ первыхъ членовъ мы встрѣчаемъ: И. И. Дмитріева, Остолопова, Брусилова, А. Е. Измайлова, художника-археолога А. Н. Оленина, «дорпатскаго» профессора Н. С. Глинку, скульптора Терebeneва, доктора медицины Тимковскаго, архитектора Гальберга и нѣсколькихъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени Общество приняло болѣе исключительный литературно-научный характеръ и значительно расширилось по количеству членовъ, какъ видно изъ отчетовъ 1807—1810 гг. и отчета за 1823 г. Последній помѣщенъ въ журналѣ «Благонамѣренный» 1824 года, издаваемомъ А. Е. Измайловымъ, который былъ тогда предсѣдателемъ Общества.

Однако, не смотря на общедоступность и разнообразный составъ членовъ, мы не встрѣтили въ числѣ ихъ имени Нарѣжнаго, ни въ числѣ сотрудниковъ двухъ изданій «Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ», а именно: «Періодическомъ изданіи» 1804 г. и «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1812 г., который прекратился по выходѣ десятой книги, въ виду военныхъ событій. Равнымъ образомъ онъ не принималъ никакого участія въ журналахъ, издаваемыхъ членами общества (26), кромѣ «Цвѣтника» 1810 года.

Въ настоящее время, при отсутствіи какихъ либо точныхъ свѣдѣній, мы можемъ только приблизительно объяснить причины неучастія Нарѣжнаго въ «Обществѣ Любителей Наукъ, Словесности Художествъ», а также въ упомянутыхъ изданіяхъ. Причины эти, какъ намъ кажется, повидимому, зависѣли отъ болѣе или менѣе случайныхъ условій, слишкомъ ограниченнаго числа знакомыхъ, быть можетъ даже неумѣнія заводить ихъ ¹⁾, какихъ нибудь личныхъ соображеній В. Нарѣжнаго и пр., а не отъ характера его произведеній, которыя въ то время еще вполне удовлетворяли тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ.

---

¹⁾ Нарѣжный не принадлежалъ къ обычнымъ посѣтителямъ гостепріимнаго дома А. Н. Оленина, а также ни къ одному изъ видныхъ петербургскихъ литературныхъ кружковъ того времени, составъ которыхъ достаточно извѣстенъ, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Н. В.

VIII.

Въ 1809 году вышла первая часть «Славенскихъ вечеровъ» В. Нарѣжнаго, представляющая рядъ историческихъ поэмъ, писанныхъ прозой, которые встрѣтили самый лестный отзывъ въ «Цвѣтникѣ» того же года, антишишковскомъ журналѣ, издаваемомъ сторонниками новаго литературнаго направленія (27). Безыменный рецензентъ, въ числѣ другихъ похвалъ, распространяется о слогахъ Нарѣжнаго, находить его «величественнымъ, чистымъ, плавнымъ», въ заключеніе говорить, что «Славенскіе вечера» могутъ служить образчикомъ чистоты языка и хорошаго слога».

Въ слѣдующемъ, 1810 году, быть можетъ, въ виду этого одобрительнаго отзыва, В. Нарѣжный представилъ издателямъ «Цвѣтника» двѣ новыя повѣсти: «Георгій и Елена» и «Анастасія», тогда же напечатанныя въ журналѣ (№№ 2 и 7), которыя составляютъ какъ бы продолженіе повѣстей, изданныхъ подъ общимъ именемъ «Славенскихъ вечеровъ». Насколько послѣдніе вообще цѣнились въ данное время, можно видѣть изъ того, что Н. И. Гречъ въ своей книгѣ «Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ» и пр. 1812 года приводитъ, въ числѣ лучшихъ образцовъ русской прозы, выдержки изъ повѣсти В. Нарѣжнаго «Кій и Дулебъ», вошедшей въ составъ первой части «Славенскихъ вечеровъ», напечатанной въ 1809 году.

Между тѣмъ «Славенскіе вечера» Нарѣжнаго, повидимому, написанные имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ «Слова о Полку Игоревѣ», впервые переложенаго на современное нарѣчіе Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 году и обратившимъ на себя особенное вниманіе нашей тогдашней литературы (28), едва ли могутъ быть названы удачными. Самая мысль возстановить древне-русскій языкъ въ рядѣ эпическихъ поэмъ, написанныхъ прозой, кажется намъ невѣрной. Нарѣжный, старательно подражая древнему отжившему памятнику, становится натянутымъ и искусственнымъ, извращаетъ свой собственный языкъ и портитъ общее впечатлѣніе, которое могли бы произвести прекрасныя изображаемыя имъ картины, художественныя и поэтическія выраженія.

Съ другой стороны сравнительный успѣхъ «Славенскихъ вечеровъ» и похвалы, возданныя слогу, которому въ тѣ времена придавалось такое важное значеніе, не замедлили отразиться на слогахъ его дальнѣйшихъ произведеній и въ дурную сторону, особенно въ слабыхъ и

подражательных мѣстахъ, потому что въ лучшихъ, увлекаемый силой своего таланта, онъ давалъ волю перу и писалъ такъ, какъ думалъ и говорилъ.

IX.

Послѣ напечатанія двухъ упомянутыхъ повѣстей въ «Цвѣтникѣ» 1810 года, имя В. Нарѣзнаго на нѣкоторое время опять исчезаетъ въ современной литературѣ, хотя дѣятельность его, повидимому, не прекращалась, такъ какъ, по свидѣтельству Н. Греча, до 1812 года имъ уже были написаны, но не напечатаны, три трагедіи: «Елена», «Свѣтлосанъ» и «Святополкъ», а также его романъ: «Россійскій Жильблазъ» (29). Что касается трагедій, то помѣщеніе ихъ въ которомъ либо изъ журналовъ могло быть затруднительно въ виду такого опаснаго соперника, какимъ былъ его современникъ В. Озеровъ. По той же причинѣ едва ли кто изъ тогдашнихъ книгопродавцовъ рѣшился бы издать трагедіи Нарѣзнаго отдѣльными книгами, а самъ онъ не могъ позволить себѣ такой роскоши при своихъ скудныхъ средствахъ, а тѣмъ менѣе мечтать о постановкѣ ихъ на сцену въ виду отсутствія какихъ либо связей и вѣроятнаго неумѣнія находить окольные пути.

«Россійскій Жильблазъ», о которомъ мы скажемъ подробнѣе, при общемъ разборѣ сочиненій Нарѣзнаго, появился только въ 1814 г., но былъ запрещенъ цензурой по выходѣ третьей части, чѣмъ объясняется умалчиваніе о немъ современныхъ газетъ и журналовъ ¹⁾.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что приостановка «Россійскаго Жильблаза», безусловно перваго русскаго романа, была тяжелымъ ударомъ для автора, предпринявшаго совсѣмъ новую работу, о трудности которой мы едва-ли можемъ себѣ составить даже приближительное понятіе.

Ударъ этотъ былъ особенно чувствителенъ для Нарѣзнаго, такъ какъ за годъ передъ тѣмъ онъ оставилъ канцелярскую службу въ горной экспедиціи Кабинета и въ случаѣ успѣха «Россійскаго Жильблаза» могъ бы хотя на время посвятить себя исключительно литературному труду и «досуги свои проводить съ единственнымъ для него удовольствіемъ» ²⁾.

¹⁾ Остальныя три части, разрѣшенныя цензурой въ 1863 году, будутъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“. Ред.

²⁾ См. посвященіе В. Нарѣзнаго Петру Александровичу Вуцкому въ первой части „Славенскихъ вечеровъ“, изд. въ Слб., 1809 года. Ч. В.

Какъ бы то ни было, весной 1815 года онъ опять поступаетъ на службу, а именно въ инспекторскій департаментъ, преобразованный въ слѣдующемъ году и вошедшій въ составъ главнаго штаба. Хотя здѣсь, въ качествѣ столоначальника, онъ получалъ большее жалованье, нежели гдѣ либо (1200 р. ассиг.), но, повидимому, все еще находился въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. По крайней мѣрѣ, въ 1818 году, быть можетъ въ связи съ какими либо семейными обстоятельствами, онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ общественной благотворительности, хотя «пособіе» было выдано ему «за представленное имъ сочиненіе».

Въ 1816 году кружокъ молодыхъ литераторовъ при участіи гр. Д. И. Хвостова, И. А. Крылова и Ф. Н. Глинки положилъ основаніе «Вольному Обществу Любителей российской словесности» (30), которое съ 1818 года начало издавать журналъ подъ названіемъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», въ которомъ приняли, между прочимъ, дѣятельное участіе: Жуковский, Крыловъ, Ф. Глинка, кн. И. Долгорукій, Гнѣдичъ, К. Батюшковъ. Цѣль изданія журнала была благотворительная, какъ видно изъ слѣдующаго объявленія, напечатаннаго на оберткѣ: «Вся выгода, приобретенная отъ изданія, опредѣляется на вспоможеніе тѣмъ, которые, занимаясь науками и художествами, требуютъ подпоры и призрѣнія. Вдовы ихъ и сироты обоюго пола имѣютъ равное право на пособіе общества, которое для этой цѣли будетъ издавать полезныя сочиненія и переводы классическихкихъ писателей».... Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ великодушію соотечественниковъ, которые, повидимому, не замедлили своими пожертвованіями, судя по тому, что въ томъ же 1818 году общество, на основаніи второй части устава, приступило къ выдачѣ пособій.

Въ числѣ первыхъ «пособій» этого года было выдано коллежскому ассесору В. Т. Нарѣжному, за представленное имъ сочиненіе, 300 руб. ¹⁾ Неизвѣстно, относилось ли это къ повѣсти «Игорь» (изъ второй, еще неизданной тогда, части «Славенскихъ вечеровъ»), прочитанной имъ въ публичномъ засѣданіи общества 20 мая 1818 г., или за славенскія повѣсти, напечатанныя въ «Соревнователѣ», а именно: Любославъ (XI и XII №, 1818 г.) и Александръ (VII, 1819 г.). Замѣчательно, что при этомъ Нарѣжный, какъ видно изъ протоколовъ общества, не былъ записанъ въ число членовъ, хотя въ

¹⁾ Остальныя пособія, выданныя какъ въ этомъ, такъ и слѣдующихъ годахъ, безыменныя; такъ, напримѣръ, сказано: „выдано пособіе несчастному чиновнику“ (вѣроятно литераторствующему) или „выдано вдовѣ художника“, столько-то „бѣдаѣшимъ семействамъ ученаго званія“, „на воспитаніе дѣтей“ и проч.

1819 году приняты были въ члены-сотрудники за представленныя ими сочиненія и переводы: баронъ А. И. Дельвицъ и сербъ Вукъ Степановичъ (Караджичъ) ¹⁾.

Участіе В. Нарѣжнаго въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» (изд. 1818—1820 гг.) ограничилось двумя упомянутыми повѣстями: «Любославъ» и «Александръ». Что же касается другаго изданія общества, а именно «Трудовъ вольнаго общества любителей російской словесности» (прод. съ 1820 по ноябрь 1825 г.), въ которомъ на ряду съ Жуковскимъ, Крыловымъ, Ф. Глинка и друг. встрѣчаются имена многихъ извѣстныхъ въ то время литераторовъ и молодыхъ входившихъ въ славу писателей ²⁾, то здѣсь мы не встрѣтили ни одного произведенія В. Нарѣжнаго.

Этотъ фактъ самъ по себѣ, не говоря уже о полномъ умалчиваніи со стороны критики, можетъ, какъ намъ кажется, служить доказательствомъ, что повѣсти В. Нарѣжнаго, составлявшія продолженіе прежнихъ «Славенскихъ вечеровъ» и ни въ чемъ не уступавшія имъ, далеко не встрѣтили такого лестнаго пріема, какъ въ 1810 г. Причина этого достаточно понятна: главный недостатокъ новыхъ повѣстей В. Нарѣжнаго заключался въ томъ, что онѣ ничѣмъ не отличались отъ старыхъ и должны были показаться «отсталыми» сравнительно съ другими произведеніями тогдашней литературы, вступившей въ новый фазисъ развитія. Иначе едва ли могло быть. Время какъ будто не коснулось Нарѣжнаго, не внесло никакихъ измѣненій въ его сочиненія, ни по формѣ, ни по способу изложенія. Живя внѣ общества и литературы, старыми традиціями, онъ продолжалъ писать такъ, какъ писалъ прежде. Рядъ неудачъ, тѣмъ болѣе ощутительныхъ для него, при вѣроятномъ сознаніи присущаго ему сильнаго таланта, однообразная чиновничья жизнь, связанная съ матеріальными лишеніями, въ тѣсномъ кругу пріятелей, единственныхъ цѣнителей его произведеній, не могла располагать его къ уступкамъ вѣянію новаго времени.

¹⁾ За годъ предъ тѣмъ, въ 1818 году, баронъ А. И. Дельвицъ удостоился той же чести отъ „Вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ“, которое vybrало его въ свои члены.

²⁾ А. Е. Измайловъ, А. Х. Востоковъ, А. Воейковъ, кн. Шаховской, В. К. Бюхельбекеръ, кн. П. А. Вяземскій, И. И. Лажечниковъ, М. Н. Загоскинъ, еще не писавшіе романовъ въ то время: Булгаринъ (переводы), Н. Гречъ, баронъ Дельвицъ, Е. А. Баратынскій, П. А. Шлегель, К. Ф. Рылѣевъ, Н. М. Языковъ и, наконецъ, въ 1825 году, А. С. Пушкинъ (см. 2 №).
Н. В.

X.

Между тѣмъ русское общество въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ пережило цѣлую эпоху, благодаря своему непосредственному участію въ политическихъ событіяхъ Европы. Напряженное патріотическое воодушевленіе 1812 года, охватившее всю Россію, доведенная до обскурантизма ненависть ко всему французскому, дико выразившаяся даже въ нѣкоторыхъ представителяхъ интеллигенціи, уступили мѣсто не менѣе дикому самохвальству, послѣ изгнанія непріятели изъ Москвы, какъ это мы видимъ на литературѣ и народномъ эпосѣ того времени. Но все измѣнилось въ концѣ борьбы съ Наполеономъ. Русское общество, вмѣстѣ съ пробужденіемъ національнаго самосознанія, обратило вниманіе на задачи внутренняго развитія, чему не мало способствовало вліяніе русской военной молодежи, вернувшейся изъ-за границы съ богатымъ запасомъ новыхъ идей и понятій. Подняты были небывалые вопросы о народности, требованіяхъ вѣка; газеты и журналы получили общеевропейскій характеръ и болѣе чѣмъ когда либо занимались тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ, особенно во Франціи; самое число читателей значительно увеличилось.

Литература переселилась въ Петербургъ и вступила въ новый фазисъ развитія. Новыя силы и знаменитости заняли мѣсто старыхъ авторитетовъ, которые считались непогрѣшимыми. А. Пушкинъ, Баратынскій, Дельвигъ, Козловъ, Рылѣевъ и другіе поглотили общее вниманіе; стихи ихъ выучивались наизусть, распространялись въ рукописяхъ, вмѣстѣ съ Грибоѣдовскимъ «Горе отъ ума», не пропущеннымъ тогдашней цензурой. Поэзія опять вытѣснила только что нарождавшійся романъ. Блестящая, наящная по формѣ, богатая талантами и матеріальными средствами, она водворяется въ аристократическомъ салонѣ, который въ тѣ времена представлялъ, по словамъ П. Плетнева, средоточіе высшей образованности, знакомства съ европейской литературой и развитаго вкуса.

Литература, а за нею и общество заговорили другимъ языкомъ; художественный языкъ, благозвучность стиховъ Пушкина и его сверстниковъ должны были до крайней степени развить въ этомъ отношеніи требовательность русской публики. Хотя и въ это время еще не вымерли послѣдніе могикане Шишковскаго направленія и еще въ 1825 году заявили о своемъ существованіи ¹⁾, но во всякомъ случаѣ

¹⁾ Такъ, кружокъ „любителей отечественной словесности“ при изданіи своего „Собранія новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ“ (Сиб.,

число ихъ не было значительно и они не могли имѣть никакого вліянія на господствовавшее тогда направленіе литературы.

При этихъ, крайне невыгодныхъ, условіяхъ, для всякаго писателя, хотя бы до извѣстной степени не удовлетворявшаго упомянутымъ требованіямъ тогдашней публики, пришлось опять выступить Нарѣжному, еще не вполне признанному, но уже забытому писателю. Какимъ рѣзкимъ диссоансомъ, какъ бы отголоскомъ другаго отжившаго міра, среди общаго поклоненія формѣ и художественности, въ эту самую блестящую пору славы Пушкина,—должны были показаться «Новыя повѣсти» В. Нарѣжнаго, появившіяся въ 1824 году и написанныя тяжелымъ, неудобочитаемымъ слогомъ «Славенскихъ вечеровъ». Не смотря на ихъ несомнѣнныя достоинства, на богатство и новостъ содержанія, вѣрность изображенія дѣйствующихъ лицъ и русской жизни, публика холодно встрѣтила ихъ и даже, быть можетъ, весьма немногіе прочли ихъ. Та-же судьба постигла и другія, вышедшія затѣмъ болѣе значительныя произведенія В. Нарѣжнаго, какъ «Аристіонъ» и два лучшихъ его романа: «Бурсакъ» и «Два Ивана»; а сатирическій посмертный романъ его «Черный годъ или Горекіе князья» остался непонятнымъ и вызвалъ рѣзкій отзывъ въ «Атенѣѣ» (31). Остальные весьма немногіе рецензенты, удостоившіе отзывами произведенія В. Нарѣжнаго, отдавая полную справедливость его дарованію, напали на «грубый необработанный вкусъ», «грязный колоритъ картинъ», «непріятный дикій языкъ» и проч. А. А. Бестужевъ (32) замѣчаетъ, что повѣсти г. Нарѣжнаго «имѣли бы въ себѣ много характеристическаго и забавнаго, если бы въ ихъ разсказѣ было поболѣе приличія и отдѣлки, а въ происшествіяхъ поменѣе запутанности и чудесъ». А. Е. Измайловъ, извѣщая въ своемъ журналѣ «Благонамѣренный» о выходѣ «Бурсака» (33), называетъ его «самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, вышедшихъ до сего времени на русскомъ языкѣ оригинальныхъ романовъ, не смотря на многія небрежности въ слогѣ, погрѣшности противъ языка». Наконецъ, рецензентъ «Сѣверной Пчелы» (34) въ своемъ разборѣ романа «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» говоритъ, что «Нарѣжный по оригинальности новѣйшихъ своихъ произведеній, по дару вымысловъ и немаловажному

1825 г., 2 части), сочло полезнымъ напечатать въ „Собраніи“ нѣсколько старыхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій съ слѣдующей оговоркой въ предисловіи: „Стихи Каятемира и Петрова и теперь имѣютъ цѣну; проза Ломоносова, Хераскова, Козницкаго, Гамалея и Подшивалова и теперь еще обворожаетъ слухъ, плѣняетъ воображеніе и убѣждаетъ разумъ“....
Н. В.

искусству тонко и умно связывать происшествія, сталъ бы на ряду съ почетными русскими литераторами. Теперь же извѣстность его ограничена, и если бы кто сказалъ, что онъ имѣлъ больше дарованій, нежели сколько имѣютъ многіе, по мнѣнію пріятелей, знаменитые литераторы, то сказалъ бы тотъ совершенную правду и, однако-жь, ему не повѣрили бы. Отчего же? вмѣсто отвѣта предлагаю сравненіе: всякій замѣтитъ отступленіе отъ приличій; но всякій ли въ силахъ разгадать нравственный характеръ?>....

Примѣчанія.

1) Сочиненія В. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова и Щепкина 1859—1862.—Собственно о Нарѣжномъ: т. III, стр. 446; т. IV, стр. 418; т. VI, стр. 68—69, 134, 288—289; т. VII, стр. 372; т. VIII, стр. 18; т. XI, стр. 334, 436; т. XII, стр. 508—509.

2) См. рецензіи о произведеніяхъ Нарѣжнаго: а) „Цвѣтникъ“, июль, 1809, стр. 263—274.—б) „Благонамѣренный“, литер. и крит. журналъ, изд. Изм., ч. XXVII, Спб., 1824, № VI, стр. 215—216.—с) „Смыслъ Отечества“, изд. Н. Гречемъ и Ф. Булгаринимъ, ч. 99, Спб., 1826. „Письма на Кавказъ“ 20 декабря 1824, стр. 56.—д) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, изд. гр. Шереметева, т. I, стр. 203—204. „Письмо въ Парижъ“ 1825.—е) „Сѣверная Пчела“ 1825, № 94.—ф) „L'азателъ“ журналъ, изд. Ранчемъ, ч. XVII, Москва, 1830, стр. 191—196.—г) „Чтенія о русскомъ языкѣ“ Н. Греча, ч. I, Спб., 1840, стр. 333.—h) Сочиненія В. А. Вонярярскаго, ч. I, Спб., 1853, стр. XVII—XVIII въ „Предисловіи“.

3) См. „Современникъ“, изд. А. С. Пушкинымъ. Спб., 1836, т. I, „О движеніи журнальной литературы“ ст. Н. В. Гоголя, стр. 221.

4) См. „Исторія русской словесности“ А. Д. Галахова, т. II, стр. 177—184.

5) В. С. Сопиковъ „Опытъ русской бібліографіи“, напечат. въ Спб., 1812—1821.

6) Повѣсть „Евгеній и Юлія“, напеч. въ журн. „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“, ч. XVII, Москва, 1789, стр. 177—192.

7) Въ „Московскомъ Журналѣ“, 1792, ч. 5—8, напечатаны повѣсти Н. Карамзина: 1) Лідоръ (неокон.); 2) Бѣдная Лиза, въ іюн. кн.; 3) Валерія; 4) Наталья, боярская дочь. Слѣдующая затѣмъ повѣсть Юлія появилась въ 1796 году; она была переведена на франц. языкъ (въ росписи Смирдина № 9596 ошибочно сказано, что Юлія переводъ съ французскаго). См. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. XXXII, № 8, Спб., 1888. „Матеріалы для бібліографіи о Н. М. Карамзинѣ“, собралъ С. Пономаревъ.

8) Стихотворенія А. Ф. Мерзлякова. Изд. Общества любителей россійской словесности при Моск. унив., нап. подъ редакціей М. П. Полу-

денскаго, 2 части. Москва, 1867 (676 стр.). Въ трудахъ общества помѣщены также 23 произведенія Мерзлякова въ стихахъ и 16 въ прозѣ.

9) „Пріятное и полезное препровожденіе времени“. Москва, 1798, ч. XVIII, стр. 104—110, 281—288, 319, 333—335.—Ч. XIX, стр. 33—45.—Ч. XX, стр. 353—364, 369—375, 378—388.

10) „Иппокрена или Утѣхи Любословія“, на 1799 г. Москва, ч. I, стр. 401—415, 417—426, 427.—Ч. II, стр. 17—27, 33—43, 49—56, 58.—Ibid. 1800, ч. VII, стр. 161—272.

11) „Цвѣтникъ“, февраль, 1810, ч. V, стр. 351, см. прим. В. Ефимова къ статьѣ „Мнѣнія и заключенія Пустынника“.

12) Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія съ 1801—1806, соч. Андреа Шторха и Аделунга, Спб., 1810—1811.

13) Новости Русской Литературы, 1802, т. I, см. Предисловіе, стр. 129—149.

14) Взглядъ на мою жизнь И. И. Дмитріева съ прим. М. Н. Лонгинова, 3 ч., 1866 года, см. кн. вторая, стр. 40 и 46.

15) „Сѣверный Вѣстникъ“, изд. И. И. Мартыновымъ, 1804 г., ч. IV, „Письмо отъ Неизвѣстнаго“.

16) „Московский Меркурій“, 1803, № 12.

17) Учебная книга російской словесности или избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ, изд. Н. И. Гречемъ въ 1819 г. Спб., ч. I, стр. 178.

18) „Амфіонъ“, ежемѣс. изд. на 1815, изд. А. Мерзляковымъ и Смирновымъ, см. книги журн. съ января по октябрь.

19) Тамъ же, январь, стр. 45.

20) „Утренняя Заря“. Труды воспитанниковъ Благороднаго Университетскаго Пансіона. Москва, 1800—1808. Первая книга была проценирована Прокоповичемъ-Антоновскимъ.

21) О состояніи литературы и общества въ первый періодъ царствованія Александра I и послѣ, см. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, А. Н. Пшпина, Спб. 1885.—Сочиненія К. Н. Батюшкова, со статью о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, нап. Л. Н. Майковымъ, и прим., сост. имъ же и В. И. Сантовымъ, т. I, Спб. 1887.—Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротъ, 3 части. Спб. 1885.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, изд. гр. Шереметевымъ, Спб. 1879 года, XI томовъ.

22) Письма русскаго путешественника, напеч. въ 1791—1792 гг. въ „Московскомъ Журналѣ“, который Карамзинъ издавалъ эти два года.

23) См. краткую исторію основанія Общества въ чтеніяхъ „Бесѣдъ любителей русскаго слова“, кн. первая. Спб. 1811.

24) См. „Мѣсяцесловъ (адресъ календарь) съ росписью чиновныхъ особъ или общій штатъ Россійской имперіи на лѣто отъ Р. X“... 1804—1823 года. Спб. При Имп. Акад. Наукъ.

25) См. Уставъ С.-Петербургскаго „Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ“, напеч. въ 1805 г. По росписи Смирдина № 1906.

26) „Сѣверный Вѣстникъ“, изд. И. И. Мартыновъ на 1804—1805 гг. Спб.—„Журналъ Россійской Словесности“ на 1805, изд. Н. Брусиловъ, 3 части, 1805 г. Спб.

27) „Цвѣтникъ“, на 1809, изд. А. Е. Измайловъ и А. Бенюцкій, а на 1810 г. изд. А. Измайловъ и П. Никольскій, Сиб.

28) См. библи. сочиненій въ прозѣ и стихахъ съ 1800 по 1809, вызванныхъ изданіемъ „Слова“ въ изслѣдованіи Е. В. Барсова „Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси“. Т. I, Москва, 1887 г., стр. 1—2.

29) „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семь сборникѣ“. Сиб. 1812, изд. Н. Гречемъ, стр. 447.

30) Уставъ С.-Петербургскаго „Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности“, ч. I, вавеч. 1819 г. Къ росп. Смврдина: Первое Прибавл. № 10055.

31) „Атений“, 4 ч. Москва, 1829, стр. 318—320.

32) Марлинскій. Полное собраніе сочиненій, т. XI, стр. 176. „Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825-хъ годовъ“.

33) „Благонамѣренный“, журн. А. Е. Измайлова, ч. XXVII, Сиб 1824 г.

34) „Сѣверная Пчела“, 1825 года, № 94, августа 6-го.

Н. А. Вязовская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ ПРАСКОВЬИ ЕГОРОВНЫ АННЕНКОВОЙ

рожденной Гебль.

XVI ¹⁾.

Въ концѣ декабря мѣсяца 1828 года я была обрадована новою милостью, дарованною мнѣ государемъ императоромъ. Николай Павловичъ еще разъ снизошелъ къ моей просьбѣ и доказалъ, что если онъ былъ строгъ и неумолимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, за то умѣлъ быть великодушнымъ и справедливымъ.

Можетъ быть то, что онъ сдѣлалъ, было внѣ закона, но онъ властію своею обезпечилъ существованіе всей моей семьи, иначе намъ не чѣмъ было бы жить въ Сибири.

Надо объяснить, что когда я пріѣхала въ Читу и сказала Ивану Александровичу, что мать его поручила мнѣ передать ему, что помѣстить въ ломбардъ на мое имя капиталъ въ 300 тысячъ, какъ только продасть одно изъ своихъ симбирскихъ имѣній, онъ отвѣчалъ мнѣ, что лучше меня знаетъ мать свою и увѣренъ, что она никогда ничего не сдѣлаетъ ни для него, ни для меня; потомъ очень упрекалъ меня за то, что я не заявила правъ своихъ на 60 тысячъ, которые были отобраны у него при арестѣ и которые онъ дѣйствительно предназначилъ мнѣ; наконецъ, заставилъ написать Дибичу и просить его

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 169—198; февраль, стр. 433—456; мартъ, стр. 567—604; т. LVIII, апрѣль, стр. 1—30.

представить государю просьбу мою о возвращеніи мнѣ этихъ денегъ и о дарованіи дочери нашей фамиліи Анненковой.

Дибичъ представилъ просьбу мою и государь даровалъ все, о чемъ я просила.

Комендантъ Лепарскій пріѣхалъ ко мнѣ въ мундирѣ объявить милость государя и привезъ слѣдующую бумагу, а также и деньги всѣ 60 тысячъ, съ которыми была страшная возня такъ какъ въ Читѣ невозможно было ихъ держать и пришлось хлопотать, во первыхъ, перевести на мое имя, а потомъ отослать въ Москву, гдѣ они и были помѣщены. Лепарскій, прочитавъ мнѣ самъ указъ сената, передалъ мнѣ копію съ онаго, за № 78846:

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ правительствующаго сената господину тайному совѣтнику Иркутскому и енисейскому генералъ-губернатору и кавалеру Александру Степановичу Лавинскому. Правительствующій сенатъ слушалъ предложеніе господина тайнаго совѣтника, сенатора, управляющаго министерствомъ юстиціи и кавалера, князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукова, что господинъ товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 16-го сего ноября, сообщилъ ему, господину управляющему, что государственный преступникъ Анненковъ, бывшій поручикъ Кавалергардскаго полка, до осужденія его верховнымъ уголовнымъ судомъ, прижилъ незаконную дочь съ иностранкою Полиною Гебль, съ которою впоследствии, съ высочайшаго разрѣшенія, вступилъ въ законный бракъ, находясь уже по осужденіи его въ Сибири, въ каторжной работѣ. При арестованіи Анненкова оказались въ числѣ имущества его на 60 тысячъ рублей ломбардныхъ билетовъ, которые по осужденіи его отданы были матери его, статской совѣтницѣ Анненковой. За симъ жена означеннаго преступника Полина Анненкова утрудяла государя императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, что мужъ ея еще до осужденія его опредѣлилъ ей вышеупомянутыя 60 тысячъ рублей и сіе назначеніе извѣстно было жительствующей въ Москвѣ матери его, статской совѣтницѣ Анненковой, съ согласія коей оно и послѣдовало, но наследники его оспариваютъ сіи деньги, почему всеподданнѣйше просила повелѣть возвратить ей оныя; прижитой же ея съ Анненковымъ дочери дозволить носить фамилію Анненкова.

По высочайшей государя императора волѣ, вслѣдствіе сего прошенія воспослѣдовавшей, спрашивана была статская совѣтница Анненкова, согласна ли она возвратить женѣ ея сына вышеупомянутыя 60 тысячъ рублей и желаетъ ли, чтобы дочь ихъ, прижитая до осужденія, носила имя Анненкова?

На сіе статская совѣтница Анненкова сдѣлала отзывъ, что ей дѣйствительно извѣстно было, что 60 тысячъ рублей, у сына ея при арестованіи его оказавшіяся, назначены были въ пользу жены его Полины, на что она, Анненкова, какъ прежде была, такъ и теперь, согласна, но впоследствии

наслѣдники сына ея, оспаривая деньги сія, взяли онныя отъ нея посредствомъ присутственнаго мѣста; что же касается до предоставленія дочери сына ея носить фамилію Анненкова, то она сочтетъ сіе за особую монаршую милость.

Государь императоръ, пріемля во всемілостивѣйшее вниманіе, что преступникъ Анненковъ назначилъ нынѣшней женѣ его 60 тысячъ рублей съ согласія его матери, и что дочь сего преступника прижита имъ до осужденія его, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы найденныя въ имуществѣ преступника Анненкова 60 тысячъ рублей истребованы были обратно отъ наслѣдниковъ его и отданы женѣ его Полиѣ Анненковой; прижитой же съ нею преступникомъ Анненковымъ дочери дозволить носить фамилію Анненковой, не предоставляя ей впрочемъ никакихъ другихъ правъ по роду и наслѣдію, законами опредѣленныхъ.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи онъ, господинъ управляющій министерствомъ юстиціи, предложилъ правительствующему сенату для зависающаго къ исполненію оного распоряженія. Приказали. Во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія учинить слѣдующее: 1) объ истребованіи отъ наслѣдниковъ Анненкова обратно 60 тысячъ рублей и немедленномъ доставленіи ихъ женѣ его, Полиѣ Анненковой, и о объявленіи о семъ высочайшемъ повелѣніи матери Анненкова—статской совѣтницѣ Анненковой, предписать московскому губерцкому правленію; 2) о объявленіи сего высочайшаго повелѣнія ей, Полиѣ Анненковой, для учиненія о томъ распоряженія по Сибири, гдѣ нынѣ сія Анненкова находится, предписать вамъ, господину генералъ-губернатору и кавалеру и господину генералъ-губернатору Вельяминнову, о томъ послать указы. Ноября 30-го дня 1828 года. Подлинный подписанъ: въ должности оберъ-секретаремъ А. Куцъ, скрѣпленъ секретаремъ Соловьевымъ, справленъ сенатскимъ регистраторомъ Торсковымъ“.

XVII.

16-го марта 1829 года у меня родилась дочь, которую называли въ честь бабушки Анною, у Александры Григорьевны Муравьевой родилась Нонушка, у Давыдовой сынъ Вака. Намъ очень забавляло какъ старикъ нашъ комендантъ былъ смущенъ, когда узналъ, что мы беременны, а узналъ онъ это изъ нашихъ писемъ, такъ какъ былъ обязанъ читать ихъ. Мы писали своимъ роднымъ, что просимъ прислать бѣлья для ожидаемыхъ нами дѣтей; старикъ возвратилъ намъ письма и потомъ пришелъ съ объясненіями:

— „Mais, mesdames, permettez moi de vous dire“, говорилъ онъ запинаясь и въ большомъ смущеніи: „vous n'avez pas le droit d'être enceintes“, потомъ прибавлялъ, желая успокоить насъ: „Quand vous serez accouchées, c'est autre chose“.

Не знаю—почему ему казалось послѣднее болѣе возможнымъ, чѣмъ первое.

Когда родились у насъ дѣти, мы занялись ими, хозяйствомъ, завели довольно много скота, который въ Читѣ былъ баснословно дешевъ, и весь 1829-й годъ прошелъ довольно тихо; только одно приключеніе со мною взволновало и встревожило меня.

Однажды Смольянинова, съ которой я продолжала быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, пришла ко мнѣ съ извѣстіемъ, что отправляется изъ Нерчинска караванъ съ серебромъ и что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, назначенныхъ сопровождать его, ея крестникъ. Она говорила, что увѣрена въ скромности этого человѣка, и что можно безъ опасенія довѣрить ему письма къ роднымъ. А такъ какъ мы были стѣснены въ нашей перепискѣ, то я съ радостію ухватилась за этотъ случай, чтобы написать Аннѣ Ивановнѣ Анненковой въ Москву болѣе откровенное и подробное письмо, а главное имѣла неосторожность вложить записку, написанную самимъ Иваномъ Александровичемъ къ матери его, правда очень коротенькую и совершенно невинную, но всѣмъ заключеннымъ строго было воспрещено писать роднымъ. Въ этомъ случаѣ дамы наши замѣняли секретарей и поддерживали переписку. Каждая изъ насъ имѣла на своемъ попеченіи по нѣскольку человѣкъ, отъ имени которыхъ я писала родственникамъ. Болѣе всѣхъ выпадало на долю княгини Волконской и княгини Трубецкой, такъ какъ онѣ лично были знакомы со многими изъ родственниковъ заключенныхъ. Имъ приходилось отправлять иногда отъ 20 до 30 писемъ заразъ. Заключенные же были совершенно лишены права писать во все время, пока находились въ ваторжной работѣ.

Унтеръ-офицеръ охотно согласился передать письмо мое, не подовѣрвая, вѣроятно, насколько это было важно. Я же ни какъ не могла предвидѣть того, что случилось по неосторожности самого молодого человѣка.

Приѣхавъ въ Москву, онъ поспѣшилъ передать письмо Аннѣ Ивановнѣ, та приказала ему выдать 100 рублей. А онъ не нашелъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ спать себѣ мундиръ на эти деньги изъ тонкаго сукна для представленія государю. Обыкновенно офицеры и унтеръ-офицеры, сопровождавшіе караваны, должны были представляться, и за исправное доставленіе

серебра производились въ слѣдующіе чины. Конечно, въ такихъ случаяхъ выбирались самыя надежныя, но именно благопривіе то и погубило нашего крестника. Лучше было бы, если бы онъ прокутилъ злополучныя 100 рублей, которые имѣли для него такія печальныя послѣдствія; но онъ, довольный своимъ мундиромъ изъ тонкаго сукна, на распросы офицера, съ которымъ явился во дворецъ на представленіе, сознался въ простотѣ души своей, что привезъ въ Москву письмо отъ меня и получилъ за это щедрое вознагражденіе, что и дало ему возможность принарядиться.

Офицеръ тотчасъ же донесъ объ этомъ, такъ что это сдѣлалось извѣстнымъ государю.

Несчастнаго крестника посадили въ крѣпость, а за письмомъ моимъ былъ посланъ фельдъегерь къ Аннѣ Ивановнѣ, къ счастію та догадалась не отдать записку Ивана Александровича, а мое письмо было доставлено самому государю Николаю Павловичу.

Только четыре мѣсяца спустя мы узнали объ этомъ печальномъ происшествіи: комендантъ прислалъ за мною и когда я къ нему явилась, принялъ меня съ необыкновенно важнымъ видомъ и даже заперъ дверь на ключъ. На это я расхохоталась и спросила къ чему такія предосторожности; но потомъ уже не смѣялась я, когда узнала въ чемъ дѣло.

Лепарскій началъ съ того, что спросилъ:

— „Vous avez écrit des lettres, madame“?

— „Je n'en ai écrit qu'une seule“, отвѣчала я, съ намѣреніемъ отпереться отъ записки Ивана Александровича.

Лепарскій все допытывался, что именно писала я въ письмѣ, которое попало такъ неожиданно въ руки государя, и когда я сказала ему:

— „Mais j'ai écrit, général, que vous êtes un honnête homme“, и объяснила, что просила присылать посылки чрезъ него, а не чрезъ Иркутскъ, гдѣ много пропадаетъ вещей; тогда старикъ схватился обѣими руками за голову и началъ ходить по комнатѣ, говоря:

— „Je suis perdu!“

Иногда онъ былъ очень забавенъ, по что за дивный это былъ человѣкъ!

Потомъ я спросила какой отвѣтственности всё мы подвергаемся за такой проступокъ. Онъ отвѣчалъ, что я никакъ: „*Vous c'est différent, madame, vous êtes protégées par l'Empereur*“, но что Смольянинова должна будетъ просидѣть 4 мѣсяца подъ арестомъ, и самое печальное, что крестникъ ея никогда уже не будетъ произведенъ въ офицеры.

Я пришла въ отчаяніе. Мнѣ ужасно было жаль молодаго человѣка, который такъ жестоко долженъ былъ поплатиться за свою наивность, и очень было совѣстно предъ Смольяниновой, которой я была очень многимъ обязана. Комендантъ утѣшалъ меня, что Смольянинова будетъ подвергнута только домашнему аресту, но прибавилъ, что мнѣ запрещено съ нею видѣться, и показалъ при этомъ цѣлую кипу бумагъ, исписанную по случаю всей этой исторіи.

Выйдя отъ него, я побѣжала къ Филанцетъ Осиповнѣ, извинялась передъ нею, какъ только умѣла по русски, потомъ подошла къ ея мужу, который ходилъ въ это время по комнатамъ, сильно нахмурившись. Онъ безъ церемоніи и довольно грубо оттолкнулъ меня.

Тогда надо было видѣть Смольянинову, съ какимъ негодованіемъ и достоинствомъ подошла она къ своему мужу и начала упрекать за его грубую выходку, а меня успокаивать, прося не огорчаться.

— „Онъ не въ состояніи понять васъ“, говорила великодушная женщина, потомъ, разгорячившись, обратилась къ мужу:

— „Вы думаете, можетъ быть, что государь на васъ смотритъ, чего вы боитесь, не стыдно ли вамъ!“

Въ эту минуту Филанцета Осиповна была прекрасна. Высокаго роста, хотя съ рѣзкими, но выразительными чертами лица, она походила на древнюю римлянку. Не смотря на то, что намъ было строго запрещено видѣться, она находила возможность приходить ко мнѣ по ночамъ, качать Аннушку, которая тогда была очень больна.

XVIII.

Въ концѣ 1829 года привезли въ Читѣ Лунина, который оставался въ крѣпости, не знаю только въ какой и почему долѣе другихъ.

Это былъ человекъ замѣчательный, непреклоннаго нрава и чрезвычайно независимый. Своимъ острымъ, бойкимъ умомъ онъ ставилъ въ затруднительное положеніе всѣхъ, кому былъ подчиненъ. Съ нимъ положительно не знали, что дѣлать.

Не смотря на всю строгость относительно нашей переписки, онъ позволялъ себѣ постоянно писать такія вещи, что однажды получилъ отъ сестры своей чрезъ Лепарскаго письмо, которое начиналось такъ: „Je viens de recevoir votre lettre, froissée par une main, qui commande . . .“. Письмо, дѣйствительно, дошло до нея все измятое.

Всѣ наши письма проходили не только чрезъ коменданта Лепарскаго, которому мы были обязаны отдавать ихъ не запечатанными, но они шли еще чрезъ III отдѣленіе, и, вѣроятно, болѣе интересныя изъ нихъ читалъ самъ государь Николай Павловичъ.

Лунинъ окончилъ дни свои на вторичной ссылкѣ въ Акутуѣ, куда былъ отвезенъ изъ мѣста своего поселенія, деревни Урикы, близъ Иркутска. Сначала предполагали всѣхъ декабристовъ помѣстить именно въ Акутуѣ, и даже выстроили тамъ для нихъ помѣщеніе, но Лепарскій донесъ насколько это мѣсто могло быть гибельно для здоровья, и тогда было рѣшено строить тюремный замокъ въ Петровскомъ заводѣ. Въ Акутуѣ находятся главные серебряные рудники и воздухъ такъ тяжелъ, что на 300 верстѣ въ окрестности нельзя держать никакой птицы,—всѣдохнуть.

На Лунина былъ сдѣланъ исправникомъ доносъ, пока онъ находился въ Урикѣ, вслѣдствіе чего онъ и былъ вторично сосланъ въ какоржную работу.

Послѣ полугодового пребыванія въ Читѣ, съ заключенныхъ были сняты оковы. Сдѣлано это было съ большою торжественностію. Комендантъ пріѣхалъ въ острогъ въ мундирѣ

объявить монаршую милость, и цѣпи снимались въ присутствіи его и всей его свиты. Послѣ того какъ мужья наши были освобождены отъ цѣпей—и съ нами сдѣлались милостивѣе, солдаты перестали насъ гонять отъ ограды, и мужей стали пускать къ намъ каждый день, но на ночь они должны были возвращаться въ острогъ.

Въ Читѣ, и даже первое время въ Петровскомъ заводѣ, заключенные обязаны были выходить на разные работы, для чего были назначены дни и часы, но работы эти не были тягостны, потому что дѣлались безъ особеннаго принужденія; это время служило даже отдыхомъ для заключенныхъ, потому что въ острогѣ, вслѣдствіе тѣсноты, ощущался недостатокъ воздуха. Сначала ихъ выводили на рѣку колоть ледъ, а лѣтомъ заставляли также мести улицы, потомъ они ходили засыпать какой-то ровъ, который, не знаю почему, называли „Чертовой могилой“. Позднѣе устроили мельницу съ ручными жерновами, куда ихъ посылали молоть.

Мы, конечно, искали возможности поговорить съ нашими мужьями во время работъ, но это было запрещено и солдаты довольно грубо гоняли насъ.

Княгиня Трубецкая рассказывала мнѣ, когда я пріѣхала въ Читу, какъ она была поражена, когда увидала на работѣ Ивана Александровича; онъ въ это время мелъ улицу и складывалъ соръ въ телѣгу. На немъ былъ старенькій тулупъ, подвязанный веревкою, и онъ весь обросъ бородой. Княгиня Трубецкая не узнала его и очень удивилась, когда ей мужъ сказалъ, что это былъ тотъ самый Анненковъ, блестящій молодой человѣкъ, съ которымъ она танцевала на балахъ ея матери, графини Лаваль.

Княгиня Трубецкая и княгиня Волконская были первыя изъ женъ, пріѣхавшія въ Сибирь, за то онѣ и натерпѣлись болѣе другихъ нужды и горя; онѣ проложили намъ дорогу и столько выказали мужества, что можно только удивляться имъ. Мужей своихъ онѣ застали въ Нерчинскомъ заводѣ, куда они были сосланы съ семьёю ихъ товарищами еще до коронаціи императора Николая. Подчинены они были Бурнашеву, начальнику Нерчинскихъ заводовъ; Бурнашевъ былъ человѣкъ грубый и даже жестокой, онъ всячески притѣснялъ заключенныхъ, доводилъ строгость до несправедливости, а женамъ положительно не давалъ воз-

возможности видѣться съ мужьями. Въ Нерчинскѣ точно также, какъ и въ Читѣ, выходили на работы, но въ Нерчинскѣ все дѣлалось иначе подъ вліаніемъ Бурнашева; заключенныхъ всегда окружали со всѣхъ сторонъ солдаты, такъ что жены могли ихъ видѣть только издали.

Князь Трубевкой срывалъ цвѣты на пути своемъ, дѣлалъ букетъ и оставлялъ его на землѣ, а несчастная жена подходила поднять букетъ только тогда, когда солдаты не могли этого видѣть.

Кромѣ того, эти двѣ прелестныя женщины, избалованныя раньше жизнею, изнѣженныя воспитаніемъ, терпѣли всякія лишенія и геройски переносили все. Одно время княгиня Трубевкая положительно питалась только чернымъ хлѣбомъ и квасомъ. Такимъ образомъ онѣ провели почти годъ въ Нерчинскѣ, а потомъ были переведены въ Читѣ. Конечно, въ письмахъ своихъ къ роднымъ онѣ не могли умолчать ни о Бурнашевѣ, ни о тѣхъ лишеніяхъ, какимы подвергались, и вѣроятно неистовства Бурнашева были приняты не такъ, какъ онъ ожидалъ, потому что онъ потерялъ свое мѣсто, и только черезъ длинный промежутокъ времени получилъ другое въ Барнаулѣ, гдѣ и умеръ.

Въ Читѣ насъ очень полюбили всѣ и многіе даже плакали, когда мы уѣзжали, провожали насъ до самаго перевоза, который былъ въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ селенія.

У меня было нѣсколько друзей между бурятами. Они приходили къ намъ съ разными товаромъ и я часто у одного изъ нихъ брала чай.

Я уже говорила, что намъ приходилось иногда переносить грубости солдатъ. Однажды, пока сидѣлъ у меня Иванъ Александровичъ, пришелъ мой пріятель бурята и разложилъ весь свой товаръ на полъ, и мы тихо и мирно всѣ сидѣли, какъ вдругъ не понимаю, что сдѣлалось съ солдатомъ, который сопровождалъ Ивана Александровича,—онъ вбѣжалъ въ комнату, схватилъ бурята за воротъ и вытолкалъ его на улицу. Я бросилась, желая защитить несчастнаго бурята, но въ это время какъ подбѣжала я къ двери, у меня на рукахъ былъ ребенокъ, часовой хлопнулъ дверью такъ внезапно и такъ сильно, что не понимаю, какъ успѣла я отскочить, голова ребенка оказалась только на полъ-вершка отъ удара!

Сколько раз всё мы спрашивали себя, что-бы съ нами было если-бы нашъ справедливый сердечный старикъ, нашъ уважаемый Лепарскій, былъ другой человѣкъ! Если при всѣхъ его заботахъ и попеченіяхъ о насъ мы не могли избѣжать неприятностей, то трудно предвидѣть, что могло-бы быть въ противномъ случаѣ!

Наступилъ 1830 годъ, когда мы узнали, что уже рѣшено перевести насъ въ Петровскій заводъ. Это извѣстіе всѣхъ насъ очень взволновало и озаботило. Мы не знали, что насъ ожидаетъ тамъ; мѣсто было новое, незнакомое. Въ то время какъ мы собирались въ дорогу, пришло ужасное извѣстіе изъ Нерчинскаго завода.

Туда былъ сосланъ раньше всѣхъ другихъ, тотчасъ по открытіи южнаго общества—Сухановъ, который участвовалъ въ обществѣ и служилъ во 2-й арміи. Сухановъ былъ отправленъ въ цѣпяхъ съ партіей арестантовъ и прошелъ пѣшкомъ до самаго Нерчинска. Тутъ онъ содержался съ прочими арестантами вмѣстѣ, между которыми было много поляковъ, что дало ему возможность сблизиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Онъ задумалъ съ пятью сообщниками бѣжать изъ острога и все уже было приготовлено, чтобы привести планъ въ исполненіе, когда заговоръ былъ открытъ. Суханова приговорили къ наказанію вѣнцомъ, а остальныхъ пяти человѣкъ къ разстрѣлянью, но Суханову дали возможность избавиться отъ такого позорнаго наказанія и онъ лишилъ себя жизни своими цѣпями. Нашъ добрѣйшій Лепарскій былъ жестоко разстроенымъ этимъ печальнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось присутствовать при самомъ исполненіи приговора. Мнѣ пришлось видѣть его тотчасъ по возвращеніи изъ Нерчинска, онъ весь еще находился подъ впечатлѣніемъ казни, и, право, жаль было смотрѣть на бѣднаго старика.

Между тѣмъ наступило время нашего отправленія въ Петровскій заводъ.

Нашихъ путешественниковъ раздѣлили на 2 партіи: одна должна была идти въ сопровожденіи плацъ-маіора и выступила 5 августа 1830 г. Въ ней находился Иванъ Александровичъ. Другая, подъ наблюденіемъ коменданта, выступила 7 августа.

Въ день отправленія Ивана Александровича я не могла проводить его, потому что сильно захворала. Онъ написалъ мнѣ

отчаянную записку; тогда ничто не могло удержать меня. Я побѣжала догонять его, думая застать еще на перевозѣ. Въ верстахъ трехъ отъ Читы надо было переѣзжать чрезъ Янгоду. Каково-же было мое отчаяніе, когда, подходя къ перевозу, я увидѣла, что всѣ уже переѣхали на ту сторону рѣки. На этой сторонѣ я застала только коменданта и моего стараго знакомаго бурятскаго тайшу, съ которымъ я встрѣтилась на станціи, когда ѣхала въ Читу. Но тайша отвернулся отъ меня. Имъ было строго запрещено сообщаться съ нами, и онъ не хотѣлъ выдавать себя при начальствѣ. Комендантъ, видя въ какомъ я горѣ, предложилъ мнѣ переѣхать на ту сторону и приказалъ подать паромъ. Между тѣмъ надвигались тучи, начиналась гроза, и дождь уже наврапывалъ. Добрѣйшій старикъ надѣлъ на меня свой плащъ. Поѣздка моя увѣнчалась успѣхомъ; я застала еще на той сторонѣ Ивана Александровича, успокоила его совершенно и простилась съ нимъ. Но вернуться назадъ было нелегко, разразилась такая гроза, какія бываютъ только въ Сибири; удары грома слѣдовали одинъ за другимъ безъ промежутка и дождь лилъ проливной, я промокла до послѣдней нитки, не смотря на плащъ коменданта, даже ботинки были полны воды, такъ что я должна была снять ихъ и съ большимъ трудомъ добралась до дому.

У меня давно уже было все готово къ отъѣзду, и на другой день я выѣхала, держа на рукахъ двухъ дѣтей, одну дѣвочку полуторагодовую, другую трехъ-мѣсячную. Послѣднюю не знаю какъ я довезла, она дорогою сильно захворала.

Пока я садилась въ экипажъ, ко мнѣ пришелъ проститься одинъ французъ, который жилъ въ Читѣ. Звали его m-г Régeis. Онъ былъ очень порядочный человѣкъ и служилъ когда-то въ арміи Condé, потомъ эмигрировалъ въ Россію, гдѣ ухитрился драться на дуэли, за это былъ арестованъ, но вздумалъ бѣжать и убилъ часоваго. Происходило это въ царствованіе Екатерины II. Régeis судили, наказали внудомъ и сослали въ Сибирь; мало того, ему вырвали ноздри. Видъ его производилъ на насъ ужасное впечатлѣніе.

Переѣхавъ Янгоду, я остановилась, чтобы проститься съ Филанцетой Осиповною, которая провожала меня. Мы обѣ заливались слезами: она очень грустила, что мы всѣ уѣзжали.

Въ эту минуту передъ нами открылась прекрасная картина, показалась вторая партія декабристовъ. Лепарскій ѣхалъ верхомъ на бѣлой лошади; впереди всѣхъ шелъ Пановъ въ круглой шляпѣ и какомъ-то фантастичномъ костюмѣ, впрочемъ, довольно красивомъ. Другіе также были одѣты очень оригинально, а иные даже очень комично, но издали нельзя было различить всѣхъ деталей ихъ разнообразныхъ костюмовъ, а шестіе было очень красиво.

Дорога отъ Янгоды шла степью, такъ что глазу не на чѣмъ было остановиться; на 8-й верстѣ я замѣтила вдали трехъ чело-вѣкъ верхомъ, которые неслись прямо на насъ какъ птицы; доскакавъ до моего экипажа, они остановились какъ вкопанные, пересѣвая намъ дорогу и разомъ останавливая нашихъ лошадей. Сначала я немного струсила, но потомъ узнала моего тайшу; онъ былъ со своими адъютантами, и какъ мнѣ говорили потомъ, поджидалъ меня, желая заглядеть, вѣроятно, свою нелюбезность въ присутствіи начальства. Тутъ онъ освѣдомлялся о моемъ здоровьѣ, спросилъ есть-ли у меня дѣти, и когда узналъ, что двѣ дѣвочки, очень поздравлялъ. По ихъ понятіямъ дѣвочки—капиталь, потому что за нихъ платятъ калымъ, и иногда очень большой.

Тайша вскорѣ послѣ нашей встрѣчи умеръ. Мнѣ говорили, что съ тоски по матери, которую рано потерялъ. Этотъ сынъ природы и степей, вѣроятно, умѣлъ также горячо любить и чувствовать, какъ и цивилизованные люди. Что поражало въ немъ, это необыкновенная элегантность его манеръ.

На второй станціи я переѣхала Яблоновый хребетъ. Проѣзжая въ первый разъ зимой и ночью чрезъ него, я не могла судить о той необыкновенной, поразительной картинѣ, которая представилась теперь глазамъ моимъ. Ничего нельзя себѣ вообразить великолѣпнѣе и роскошнѣе сибирской природы.

Всѣ наши дамы ѣхали не спѣша, поджидая, конечно, случая, когда можно будетъ видѣться съ мужьями, но комендантъ, замѣтя такой маневръ съ нашей стороны, приказалъ намъ отправляться впередъ, и даже воспретилъ сталкиваться на станціяхъ, и отправилъ казака съ приказаніемъ заготовлять для насъ лошадей, чтобы не могло происходить умышленныхъ остановокъ или неумышленныхъ задержекъ. Тогда нечего было дѣлать и мы грустно потянулись одна за другою.

На одной изъ станцій я встрѣтила этого казака, посланнаго комендантомъ; онъ назывался Гантамуровъ и происходилъ отъ китайскихъ князей. Сестра его была кормилицею Нонушки Муравьевой. Гантамуровъ былъ молодецъ, высокаго роста. Я видѣла, какъ онъ выѣхалъ со станціи на бѣшенныхъ лошадяхъ. Тамъ станціи такъ устроены, что во дворѣ ворота при въѣздѣ и при выѣздѣ одни противъ другихъ; пока закладываютъ лошадей, ихъ держатъ человѣка 2 или 3, двое стоятъ у воротъ, которые заперты. Когда лошади готовы и всѣ уже сидятъ въ экипажѣ, тогда ворота разомъ открываются, люди отскакиваютъ, а лошади мчатъ такъ, что духъ захватываетъ. Такимъ образомъ выѣхалъ и Гантамуровъ. Не прошло и полчаса, какъ его принесли безъ чувствъ и онъ былъ весь въ крови, но, благодаря своему здоровью, скоро очнулся, впрочемъ, долго потомъ хворалъ.

Признаюсь, у меня замирало сердце садиться въ экипажъ съ такими лошадьми, имѣя на рукахъ двухъ маленькихъ дѣтей. Между тѣмъ дѣлать было нечего и приходилось покоряться необходимости. Тамъ иначе не умѣютъ ѣздить!

На другой станціи я застала семейство смотрителя въ страшномъ горѣ; сынъ смотрителя, молодой мальчикъ, лѣтъ 15, былъ посланъ проводить бѣглаго, котораго поймали, до Верхне-Удинска, но дорогой бѣглый убилъ мальчика и скрылся. Подобные случаи въ Сибири очень часто повторяются. Тамъ бѣглыхъ ловятъ какъ дикихъ звѣрей, за известное вознагражденіе, за то и они, въ свою очередь, не щадятъ никого и имъ убить человѣка ничего не стоитъ.....

П. Ш. Анненкова.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваются рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, записанныя въ 1861-мъ году, по нашей просьбѣ, ея дочерью Ольгой Ивановной, нынѣ вдовой генераль-лейтенанта К. И. Иванова. Рукопись была передана намъ покойной П. Е. Анненковой, и если не была столь многіе годы нами издана, то только потому, что К. И. Ивановъ почему-то не желалъ ее печатать; теперь эти интересныя записки напечатаны нами съ согласія и подъ ближайшею редакціею многоуважаемой Ольги Ивановны Ивановой.

Ред.

6-го іюля 1867 года пишущій эти строки имѣлъ удовольствіе принимать, въ С.-Петербургѣ, у себя покойнаго Ивана Александровича Анненкова, который и обѣдалъ у меня. Тогда же въ бесѣдѣ со мной онъ сообщилъ мнѣ, между многими другими разказами, указанія на главнѣйшіе годы въ его жизни. Мы и занесли ихъ противъ его имени въ печатный списокъ 1826 года, опубликованный въ то время, подъ заглавіемъ: „Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовного суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ“, въ листъ.

Вотъ эти данныя въ біографіи И. А. Анненкова, не безпольныя вслѣдъ за воспоминаніями его супруги П. Е. Анненковой.

И. А. Анненковъ родился въ 1802 году; воспитаніе получилъ домашнее и потомъ былъ въ московскомъ университетѣ, оттуда (не кончивъ курса?) поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1827 году сосланъ въ Сибирь: Чита, Петровскъ. Въ 1836 году освобожденъ отъ каторги и водворенъ на поселеніе въ Иркутскомъ уѣздѣ, въ селеніи Бѣльскъ, отличающемся весьма живописною мѣстностью. Въ 1837 году переведенъ въ городъ Туринскъ, Тобольской губерніи, „съ употребленіемъ“ на службу въ земскомъ судѣ, на правахъ лица изъ податнаго сословія. Въ 1841 году переведенъ въ Тобольскъ и состоялъ при губернаторѣ для особыхъ порученій; затѣмъ—сдѣланъ начальникомъ отдѣленія въ приказѣ о ссыльныхъ; переведенъ потомъ въ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ 1845 году назначенъ засѣдателемъ. Воспользовался манифестомъ объ амнистіи въ августѣ 1856 года; прибылъ въ Нижній-Новгородъ и въ 1857 г. состоялъ по особымъ порученіямъ при нижегородскомъ губернаторѣ Александрѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, бывшемъ декабристѣ. До 1857 года Анненковъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи съ воспрещеніемъ жить въ столицахъ; въ 1858 году исправлялъ должность нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства. Въ 1863 году полная амнистія: освобожденъ изъ-подъ надзора полиціи и дозволено жить въ столицѣ. Вмѣстѣ съ депутаціей отъ дворянства нижегородскаго подносилъ всеподданнѣйшій адресъ императору Александру II (послѣ событія 4-го апрѣля 1866 г.).

Ред.

П р и л о ж е н і я.

Въ „Разсказахъ П. Е. Анненковой“ („Русская Старина“ изд. 1888 года, томъ LVII, мартъ, стр. 599—601) приведено нѣсколько документовъ на французскомъ языкѣ, относящихся до дѣла объ отъѣздѣ ея въ Сибирь, къ И. А. Анненкову въ 1827 году; помѣщаемъ переводъ этихъ документовъ.

Р е д.

I.

[Переводъ съ французскаго]. Приказъ московскаго военнаго губернатора г. московскому оберъ-полиціймейстеру, отъ 6-го ноября 1827 года, № 221. Прилагая при семъ рапортъ дежурнаго генерала штаба е. и. в. (№ 1,332), объ иностранкѣ Паулинѣ Гебль, убѣдительно просившей дать ей разрѣшеніе слѣдовать на мѣсто ссылки за государственнымъ преступникомъ Анненковымъ, съ тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ въ бракъ, и кошію съ прилагаемыхъ при семъ правилъ касательно женъ преступниковъ, сосланныхъ на каторжныя работы,—предлагаю в. пр.—ву объявить содержаніе этихъ бумагъ вышеупомянутой Гебль и отобрать у нея показаніе: желаетъ-ли она, сообразуясь съ вышеупомянутыми правилами, отправиться въ Нерчинскъ, съ цѣлью вступить въ законный бракъ съ государственнымъ преступникомъ Анненковымъ и, въ случаѣ ея согласія, спросить ее—сколько денегъ потребуется ей на это путешествіе. Объявляя Гебль содержаніе этихъ бумагъ, вы не преминете разъяснить ей, чему именно она подвергаетъ себя, вступая въ бракъ съ преступникомъ Анненковымъ. исполнивъ это предписаніе, вы донесете мнѣ объ этомъ, представивъ предлагаемыя при семъ бумаги.

II.

Московскому военному генералъ-губернатору дежурнаго генерала штаба е. и. в. рапортъ, отъ 30-го октября 1827 г., № 1,332.

Иностранка Паулина Гебль 14-го мая сего года умоляла е. в. государя императора, въ Вязьмѣ, дозволить ей отправиться на мѣсто ссылки государственнаго преступника, Анненкова, бывшаго поручика Конногвардейскаго полка,

съ цѣлью вступить съ бракъ. Такъ какъ вышеозначенный Анненковъ, на сдѣланный ему, по этому поводу, вопросъ, отвѣчалъ: что онъ охотно женится на дѣвницѣ Гебль, если правительство разрѣшитъ ему вступить въ бракъ, то объ этомъ было донесено государю императору и е. в. повелѣтъ соизволилъ: дозволить иностранкѣ Паулинѣ Гебль отправиться въ Нерчинскъ и выйти замужъ за государственнаго преступника Анненкова, и если она нуждается въ какомъ нибудь пособіи для этого путешествія, даровать ей таковое.

Покорнѣйше прошу в. пр—во приказать объявить иностранкѣ Паулинѣ Гебль, проживающей въ настоящее время въ Москвѣ, близъ Кузнечнаго моста, въ домѣ г-жи Анненковой, таковую волю е. в. и прилагаемыя при семъ правила, соблюдаемыя по отношенію къ женамъ преступниковъ, ссылаемыхъ въ каторжныя работы, спросивъ ее въ то-же время, желаетъ-ли она, ознакомившись съ этими правилами, отправиться въ Нерчинскъ, съ тѣмъ, чтобы вступить тамъ въ бракъ съ преступникомъ Анненковымъ и, въ случаѣ таковаго желанія съ ея стороны, въ какомъ именно пособіи она будетъ нуждаться для своего путешествія — о результатѣ прошу в. пр—во почтить меня отвѣтомъ.

III.

Правила, касающіяся женъ преступниковъ, ссылаемыхъ на каторжныя работы.

1. Жены этихъ преступниковъ, слѣдуя за своими мужьями и оставаясь съ ними въ брачномъ союзѣ, естественно должны раздѣлять ихъ участь и лишиться своихъ прежнихъ правъ, т. е. онѣ будутъ считаться впредь лишь женами ссыльно каторжныхъ и дѣти ихъ, рожденныя въ Сибиря, будутъ причислены къ числу государственныхъ крестьянъ.

2. Съ момента отправленія ихъ въ Нерчинскъ, имъ будетъ воспрещено имѣть при себѣ значительныя суммы денегъ и особенно цѣнныя вещи, ибо это не только воспрещается имѣющимися на этотъ счетъ правилами, но необходимо даже для ихъ собственной безопасности, такъ какъ онѣ ѣдутъ въ мѣстности, населенныя людьми, готовыми на всякое преступленіе, и слѣдовательно, имѣя при себѣ деньги и драгоценныя вещи, могутъ подвергаться случайнымъ опасностямъ.

3. Каждой женщинѣ дозволяется оставить при себѣ лишь одну изъ крѣпостныхъ, прибывшихъ съ нею, притомъ изъ числа тѣхъ, кои согласятся на это добровольно и дадутъ обязательство, подписанное ими собственноручно, или за безграмотностью объявлять свое согласіе лично, въ присутственномъ мѣстѣ; прочимъ будетъ дано право вернуться въ Россію.

4. Если жены этихъ преступниковъ придутъ къ нимъ изъ Россіи съ намѣреніемъ раздѣлить участь своихъ мужей и пожелаютъ жить вмѣстѣ съ

ними въ острогѣ, то это не возбраняется имъ; но въ такомъ случаѣ жены не должны имѣть при себѣ никого для своихъ личныхъ услугъ. Если же онѣ будутъ жить отдѣльно отъ мужей, внѣ острога, то онѣ могутъ имѣть при себѣ для услугъ отнюдь не болѣе одного мужчины или одной женщины.

5. Женамъ, которыя пожелаютъ жить внѣ острога, разрѣшается видѣться съ ихъ мужьями въ острогѣ, однажды черезъ каждые два дня; но всякое сообщеніе женъ съ ихъ мужьями черезъ слугъ строго воспрещается.

6. Если крѣпостные, прибывшіе съ женами преступниковъ, не захотятъ остаться при нихъ, то имъ разрѣшается вернуться въ Россію, но безъ дѣтей ихъ, родившихся въ Сибири.

7. Преступникамъ и ихъ женамъ строго воспрещается привозить съ собою, или получать впоследствии, отъ кого бы то ни было, большія суммы денегъ, или особенно цѣнныя вещи, кромѣ денежной суммы, необходимой для ихъ содержанія, и то не иначе, какъ черезъ посредство коменданта, который будетъ выдавать имъ эту сумму частями и смотря по ихъ надобностямъ.

8. Жены преступниковъ, живущія въ острогѣ или внѣ его стѣнъ, не могутъ посылать писемъ иначе, какъ вручая ихъ открытыми коменданту; точно также самимъ преступникамъ и ихъ женамъ дозволяется получать письма не иначе, какъ черезъ посредство коменданта; всякое письменное сообщеніе инымъ способомъ строго воспрещается.

Провѣрзалъ оберъ-полиціймейстеръ, генераль-маіоръ Шульгинъ.

IV.

Подписка Полины Гель.

В. пр—во, получивъ отъ в. пр—ва въ коин: 1) приказъ г. московскаго военнаго генераль-губернатора, отъ 3-го ноября 1827 г., за № 221, отданный на ваше имя, 2) рапортъ, представленный его пр—ву дежурнымъ генераломъ штаба е. и. в., отъ 30-го октября за № 1,332, и 3) правила, касающіяся женъ преступниковъ, сосланныхъ въ каторжную работу, и прочитавъ всѣ эти бумаги, честь имѣю отвѣтить, что я согласна на все въ нихъ изложенное и отправляюсь въ Нерчинскъ, чтобы вступить въ бракъ съ преступникомъ Анненковымъ и поселиться тамъ навсегда. Что касается денежной суммы, необходимой для моего путешествія, то я не смѣю опредѣлить ея размѣръ, но буду довольна всѣмъ тѣмъ, что его величеству благоугодно будетъ повелѣть выдать мнѣ.

Честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства покорная слуга Полина Гель.

Перев. В. В. Тимошукъ.

V.

Иванъ Александровичъ и Прасковья Егоровна Анненковы.

Замѣтка къ ихъ портретамъ.

Иванъ Александровичъ Анненковъ родился въ 1800 г. (въ 1802 г.?), 5 марта, скончался 78 лѣтъ, въ 1878 году 27 января.

Портретъ его написанъ знаменитымъ Кипренскимъ въ 1823 году, когда Анненковъ произведенъ былъ въ офицеры. Мундиръ, въ которомъ онъ изображенъ, алаго цвѣта Кавалергардскаго полка, гдѣ онъ служилъ. Портретъ писанъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ графа Шереметева, что на Фонтанкѣ, одновременно съ портретомъ самого графа, бывшаго въ то время также офицеромъ Кавалергардскаго полка и въ дружескихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Александровичемъ. Литографія съ этого портрета сдѣлана въ началѣ 1860-хъ годовъ.

Съ этой литографіи воспроизведена гравюра при мартовской книгѣ „Русской Старинѣ“ надъ 1888 г.

Портретъ Прасковьи Егоровны Анненковой сдѣланъ Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ (декабристомъ), въ Петровскомъ заводѣ, въ 1835 или 1836 году; съ этого портрета приложена гравюра при майской книгѣ „Русской Старинѣ“.

Есть еще портретъ П. Е. Анненковой у старшаго брата моего, Владимира Ивановича Анненкова (предсѣдателя окружнаго суда въ Самарѣ),— миниатюръ работы Мартени, извѣстнаго миниатюриста, который работалъ въ Москвѣ въ 1820 годахъ; тогда сдѣланъ и миниатюръ матери моей.

У того же моего брата находится также портретъ отца, сдѣланный Н. А. Бестужевымъ въ Петровской тюрьмѣ. Кромѣ того, у меня есть нѣсколько фотографическихъ портретовъ ихъ обоихъ, сдѣланныхъ по возвращеніи отца и матери изъ Сибири въ Россію.

Ольга Иванова.

8-го февраля 1888 года
С.-Петербургъ.

ВЪ СТРАНАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера

1882—1883 гг.

VII ¹⁾.

«29-го ноября, въ 4 часа пополудни, показались на горизонтѣ минареты и обширныя зданія Хивы, видимыя уже на разстояніи 4-хъ верстъ; чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ городу, тѣмъ величественнѣе и роскошнѣе кажутся всѣ эти многочисленныя постройки; не доѣзжая одной версты отъ города, по правую сторону дороги тянется роскошный паркъ, обнесенный высокою стѣною; посреди него возвышается дворецъ, любимое мѣстопробываніе хана; рядомъ находится садъ Ата-Джанъ-Тіуры, брата хивинскаго хана, служившаго нѣкогда въ русской арміи на Кавказѣ. Его дворецъ, представляющій собою собраніе кіосковъ и верандъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ дворцовъ Средней Азіи тѣмъ, что онъ двухъ-этажный и съ его крыши открывается роскошный видъ.

«Для меня, говоритъ Мозеръ, было отведено помѣщеніе въ домѣ всемогущаго Мать-Мурата, правой руки и совѣтника хана, который велѣлъ передать мнѣ, что это жилище наиболѣе комфортабельное въ его столицѣ и наиболѣе соответствующее привычкамъ европейца. Дѣйствительно, владѣлецъ этого дома, Мать-Муратъ, прожившій въ Россіи семь лѣтъ, построилъ его по своему собственному плану, хотя надъ нимъ трудились рабочіе туземцы. Съ перваго же взгляда на

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 137—167; мартъ, стр. 605—626.

это жилище, меня поразила мебель, обитая трипомъ, диваны, столы, настоящія створчатыя окна, и, о чудо! тутъ былъ даже рояль. Рояль этотъ имѣетъ свою исторію: онъ былъ подаренъ хивинскому хану русскимъ императоромъ, а ханъ, въ свою очередь, подарилъ его своему любимцу, въ знакъ своего высочайшаго благоволенія.

«Въ то время, когда русскіе овладѣли среднимъ теченіемъ Зеравшана и тѣмъ, волей-неволей, вынудили бухарскаго эмира сдѣлаться союзникомъ Россіи, его надменный сосѣдъ, хивинскій ханъ Сеидъ-Мохамедъ-Рахимъ-Багадуръ, считалъ себя совершенно въ безопасности отъ нападенія русскихъ войскъ, полагая, что его оазисъ достаточно уединенъ окружающими степями, которыя ни одна русская армія не проходила до тѣхъ поръ безнаказанно.

«Между тѣмъ, поддержка, оказанная въ 1869 г. хивинцами разбойничьимъ шайкамъ киргизъ, совершившимъ набѣги на русскую территорию, и увѣренность русскихъ властей въ томъ, что подданные російскаго императора содержались въ плѣну въ Хивѣ, вынудила с.-петербургскій кабинетъ повелѣть походъ противъ этой страны, бывшей центромъ невольничества и очагомъ вѣчныхъ волненій.

«Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1872 г. было окончательно рѣшено предпринять экспедицію въ Хиву: планъ кампаніи заключался въ томъ, чтобы напасть на оазисъ одновременно съ трехъ сторонъ, двинувъ отряды изъ Оренбурга, Ташкента и съ Кавказа.

«Чтобы легче преодолѣть препятствія, съ коими былъ сопряженъ переходъ черезъ степи, эти три отряда были подраздѣлены на нѣсколько колоннъ. Оренбургскій отрядъ, подъ командою ген.-лейтенанта Веревкина, долженъ былъ сосредоточиться у крѣпости Емба, къ сѣверу отъ Усть-Уртскаго плоскогорія; Туркестанскій отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны: Казалинскую, подъ командою одного полковника и Джизакскую, подъ начальствомъ генерала Головачева, которыя должны были сойтись у подошвы Буканъ-Тау, въ центрѣ степи Кизиль-Кумъ; наконецъ, Кавказскій отрядъ долженъ былъ выступить тремя отдѣльными колоннами изъ Чикишляра, Красноводска и Киндерлинска, лежащихъ на берегу Каспійскаго моря. Послѣдняя колонна, состоявшая подъ командою полковника Ломакина, получила приказаніе идти черезъ Усть-Уртскую степь и соединиться въ Кунградѣ съ Оренбургскимъ отрядомъ, между тѣмъ какъ двѣ первыя колонны, образовавшія отрядъ Маркозова, должны были соединиться къ востоку отъ Большаго Балкана.

«Генералъ Кауфманъ, которому было ввѣрено главное начальство надъ этой экспедиціей, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 60 ротъ пѣхоты, 26 сотенъ кавалеріи и 56 орудій.

«Узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, хивинскій ханъ тщетно искалъ себѣ союзниковъ; предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, ему оставалась одна надежда, что русскимъ не удастся пройти черезъ степь, которая, по словамъ его совѣтниковъ, должна была послужить могилою его врагамъ.

«Джижакская и Казалинская колонны выступили въ походъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г.; съ первыхъ же дней имъ пришлось много пострадать отъ холода и урагановъ. Когда ген. Кауфманъ, находившійся при этой колоннѣ, прибылъ къ подошвѣ Букавъ-Тау, то къ нему явилось посольство отъ бухарскаго эмира съ изъявленіемъ полной готовности съ его стороны оказать содѣйствіе движенію русскихъ войскъ въ этихъ негостепримныхъ странахъ.

«24-го марта Казалинская колонна соединилась съ Джижакской; между тѣмъ температура внезапно измѣнилась, жара и песчаные ураганы причиняли солдатамъ невыразимыя страданія, къ тому-же они стали подвергаться съ этихъ поръ нападеніямъ со стороны туркменъ. Изъ 10 тысячъ верблюдовъ, которыхъ отрядъ имѣлъ при своемъ выступленіи, ихъ удѣлѣло вскорѣ не болѣе 3-хъ тысячъ, такъ что солдатамъ пришлось бросить часть своего багажа въ этихъ ужасныхъ степяхъ, гдѣ вѣтеръ подымалъ постоянно цѣлыя облака мелкаго песка, а въ колодцахъ не хватало воды, чтобы напоить этотъ огромный караванъ.

«Наконецъ, авангардъ отряда, имѣя всего 1240 верблюдовъ, достигъ 10-го мая подошвы Учъ-Утака, гдѣ онъ наткнулся на значительныя массы туркменъ; на слѣдующій день небольшая русская армія подверглась съ трехъ сторонъ стремительному натиску со стороны непріятеля; сраженіе было жаркое, хотя и непродолжительное, туркмены обратились въ бѣгство, оставивъ побѣдителямъ дорогу въ Хиву открытою. Четыре дня спустя ген. Кауфманъ вступилъ въ Акъ-Камышъ, близъ Шурахана, переправился съ войскомъ черезъ Оксусъ на понтонахъ, привезенныхъ изъ Казалинска, и расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Питняка, на берегахъ Оксуса, гдѣ солдаты, имѣя въ изобиліи всякаго рода продовольствіе, позабыли всѣ бѣдствія, испытанныя ими въ степи.

«Оренбургскій отрядъ, со своей стороны, выступилъ въ мартѣ мѣсяцѣ; для перевозки его понадобились сани и болѣе 10 тысячъ верблюдовъ; солдатамъ этого отряда также пришлось испытать много невзгодъ, такъ какъ температура понижалась нерѣдко до 20° ниже нуля; не смотря на это, они достигли благополучно Кунграда, лежащаго къ югу отъ Аральскаго моря, гдѣ къ нимъ вскорѣ присое-

двинулся отрядъ Ломакина, составлявшій одну изъ колоннъ кавказскаго отряда, выступившаго изъ Казалинска.

«Двумъ колоннамъ Маркозова пришлось съ самаго выступленія претерпѣть величайшія затрудненія, такъ какъ хивинскій ханъ обязалъ туркменъ не доставлять русскимъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни верблюдовъ. Маркозовъ, безпрестанно тревожимый туркменами, жившими по теченію Атрека, пустился ихъ преслѣдовать, разсѣялъ ихъ и отнялъ у нихъ 2,000 верблюдовъ, что дало ему возможность продолжать свой путь черезъ степь Кара-Кумъ. Однако, войско терпѣло на этомъ пути отъ жары и жажды; наконецъ, ему удалось съ немовѣрными трудностями достигнуть колодца Бала-Ихемъ, лежащаго на полупути къ Хивѣ; но къ этому времени почти всѣ верблюды околѣли или были до того истощены, что не могли двинуться далѣе, такъ что пришлось бросить всѣ вещи въ степи; сознавая совершенную невозможность идти далѣе, при подобныхъ условіяхъ, Маркозовъ далъ сигналъ къ отступленію.

«Въ то время какъ этотъ отрядъ вступилъ совершенно измученный въ Красноводскъ, Оренбургскій отрядъ, соединившійся съ отрядомъ Ломакина, двинулся на Хиву, плывя вверхъ по Аму-Дарьѣ и гоня передъ собою непріятеля, оказывавшаго весьма слабое сопротивленіе. Ген. Веревкинъ, не имѣя никакихъ извѣстій отъ главнокомандующаго, подступилъ съ Оренбургской и Киндерлинской колоннами подъ самыя стѣны Хивы и, когда бомбардировка была уже начата, тогда только онъ узналъ о присутствіи ген. Кауфмана и его войска въ 16 верстахъ къ востоку отъ города.

«Устрашенный бомбардировкою и полагая, что настала его послѣдняя часть, ханъ поручилъ инаку Иртасаму вступить въ переговоры съ побѣдителемъ, а самъ, не дождавшись возвращенія своего уполномоченнаго, бѣжалъ съ диванъ-беги, Мать-Муратомъ, стоявшимъ во главѣ партіи, требовавшей войны.

«Когда городъ былъ такимъ образомъ покинутъ его владѣтелемъ, то партія, жаждавшая мира, провозгласила ханомъ Ата-Джавъ-Тіура, младшаго брата исчезнувшаго хана, который содержался до тѣхъ поръ въ неволѣ, такъ какъ ханъ обвинялъ его въ сочувствіи къ Россіи. На слѣдующее утро вновь провозглашенный ханъ, въ сопровожденіи своего дяди и нѣсколькихъ сановниковъ, вышелъ на встрѣчу ген. Кауфману. Между тѣмъ, къ сѣверу отъ города продолжали гремѣть орудія и Скобелевъ, во главѣ осадной колонны, первый проникъ въ Хиву черезъ брешь, произведенную въ ея стѣнахъ. Городъ сдался.

«Бывшій ханъ, бѣжавшій къ Іомудамъ, получилъ приказаніе

явиться въ главную квартиру; согласившись на всё условія, предписанныя побѣдителемъ, онъ былъ возстановленъ на престолѣ и по заключеніи мира долженъ былъ уплатить два милліона двѣсти тысячъ рублей военной контрибуціи и уступить весь правый берегъ Аму-Дарьи, образовавшій новую русскую область Аму-Дарьи.

«Результатомъ этой побѣды русскихъ войскъ надъ хивинскимъ ханомъ было повсемѣстное уничтоженіе въ его владѣніяхъ рабства. Вотъ текстъ прокламаціи, которую его вынудили обнародовать:

«Я, Сендъ-Мохаммедъ-Рахимъ-Бахадуръ-ханъ, повелѣваю всемъ моимъ подданнымъ, изъ уваженія къ русскому царю, отпустить немедленно на волю всехъ невольниковъ моего ханства. Съ этой минуты рабство на вѣки уничтожается въ моихъ владѣніяхъ. Да послужить этотъ актъ челоуѣколюбія залогомъ вѣчной дружбы и уваженія между моимъ славнымъ народомъ и народомъ великой Россіи».

Эта прокламація навсегда положила предѣлъ торговлѣ невольниками и даровала свободу 21 русскимъ и 25 тысячамъ персовъ, томившимся въ то время въ неволѣ въ Хивѣ. Число русскихъ подданныхъ, попадавшихъ въ рабство въ Хиву, было довольно значительно во всё время; войны съ Россіей и неудавшіеся набѣги казаковъ доставляли большую часть этихъ невольниковъ; уже во времена Петра Великаго, Флоріо Веневи, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Бухарѣ, сообщилъ царю, что въ Бухарѣ, Самаркандѣ и ихъ окрестностяхъ находится болѣе трехъ тысячъ русскихъ невольниковъ. Набѣги, произведенные на восточныя границы Россіи киргизами, въ началѣ XVIII вѣка, въ особенности во время Пугачевского бунта, были истиннѣ ужасны и стоили свободы многимъ русскимъ, даже земледѣльцы западнаго склона Уральскихъ горъ не считали себя въ безопасности и, бросивъ свои работы, искали убѣжища въ крѣпостяхъ.

«Ханы брали въ видѣ дани десятаго невольника въ свою гвардію или артиллерію, считая казаковъ весьма искусными во владѣніи оружіемъ; этимъ людямъ жилось, безъ сомнѣнія, лучше другихъ невольниковъ; тѣ изъ нихъ, которые были взяты въ плѣнъ въ дѣтствѣ, воспитывались въ правилахъ магометанской вѣры и впоследствии зачислялись въ войско. Что же касается женщинъ, то онѣ рѣдко пользовались такимъ успѣхомъ, какой имѣли уроженки Кавказа въ турецкихъ или персидскихъ гаремахъ, такъ какъ жители Средней Азіи женятся на своихъ рабыняхъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ отличаются особенною красотою.

«Вообще говоря, положеніе невольниковъ было крайне тяжелое; плохо одѣтые и полуголодные, они составляли буквально собственность своего господина, который могъ казнить ихъ, не давая

въ томъ никому отчета, хотя это случалось весьма рѣдко, но за то ихъ жестоко наказывали за малѣйшую провинность плетьми, отрѣзали имъ уши, носъ, выкалывали глаза и т. п.

«Однако, плѣнные не были обречены на вѣчное рабство; они могли получить свободу, принявъ магометанскую вѣру или давъ за себя богатый выкупъ; изъ числа русскихъ, которымъ не удалось откупиться, многіе измѣнили своей вѣрѣ, женились на магометанкахъ и повидимому примирились съ этимъ новымъ образомъ жизни; что же касается до побѣга черезъ степь, то объ этомъ нечего было и думать: бѣжавшій неминуемо попадалъ въ руки кочевниковъ, которые продавали его вновь въ ту же Хиву, и если онъ попадалъ случайно къ своему прежнему владѣльцу, то его безъ милосердія садили на колъ, въ назиданіе прочимъ.

«Россія съ 1720 года старалась, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, добиться освобожденія невольниковъ; каждое посольство, отправлявшееся въ ханство, приводило съ собою нѣсколько членовъ этихъ несчастныхъ, выкупленныхъ съ большими затрудненіями и за неизвѣстныя деньги. Но что значили эти жалкіе результаты въ сравненіи съ громаднымъ числомъ христіанъ, томившихся подъ игомъ мусульманъ. Число русскихъ невольниковъ значительно уменьшилось лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда киргизы признали русское владычество; такъ, напримѣръ, въ 1840 г. ихъ было всего 474 членовъ, которыхъ Аллахъ-Куль успѣшилъ освободить, напуганный угрозами русскихъ, построившихъ въ то время на берегу Каспійскаго моря фортъ Ново-Александровскъ».

VIII.

Вотъ что разсказываетъ Генрихъ Мозеръ о своемъ пребываніи въ столицѣ Хивинскаго ханства:

«1-го декабря я отправился во дворецъ для представленія хану; здѣсь аудіенція происходила гораздо проще, нежели въ Бухарѣ: меня не сопровождалъ во дворецъ конвой; я вручилъ подарки, привезенные мною для хана: большой сундукъ съ полнымъ чайнымъ и кофейнымъ серебрянымъ сервизомъ, превосходной работы, съ эмалированными видами Москвы. Во время проѣзда моего по улицамъ и базарамъ Хивы меня всѣ привѣтствовали, принимая за русскаго, и я могъ убѣдиться въ томъ, что народъ относился тутъ ко мнѣ гораздо дружелюбнѣе, нежели жители той мѣстности, по которой я проѣзжалъ по пути въ Хиву.

«Дворецъ хивинскаго хана не можетъ похвастать особеннымъ великолѣпиемъ; это просто глиняное зданіе, съ большими дворами, окруженное невзрачными лачугами; тутъ нигдѣ незамѣтно и слѣда той роскошной архитектуры, какою отличаются резиденціи эмира бухарскаго.

«Въ теченіи 10 дней, проведенныхъ мною въ Хивѣ, я былъ пять разъ на аудіенціи у хана и каждая изъ этихъ аудіенцій продолжалась часа два—три, оставивъ во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Въ ханѣ я встрѣтилъ человѣка умнаго, понимающаго съ полу-слова такія вещи, которыя обыкновенно бываютъ недоступны для пониманія азіата. Аудіенція, начавшись церемонно, оканчивалась всякій разъ интимною бесѣдою; ханъ приказывалъ подать чаю и курить мои сигары, къ которымъ онъ привыкъ въ Россіи. Разумѣется, предметомъ всѣхъ нашихъ бесѣдъ былъ западъ: ханъ чрезвычайно желалъ познакомиться съ европейской цивилизаціей, которую онъ научился цѣнить во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Его особенно интересовало политическое состояніе Европы, взаимное отношеніе государствъ, ихъ военныя силы, образъ правленія и проч.

«Заговоривъ о моей родинѣ, Швейцаріи, онъ спросилъ меня, какъ зовутъ моего падишаха и находился-ли его представитель въ Москвѣ, во время коронаціи?

«Я ожидалъ этого вопроса и заранее подготовилъ моего переводчика къ соотвѣтствующему отвѣту; каково же было мое удивленіе, когда ханъ, выслушавъ его объясненіе, замѣтилъ, что онъ думалъ до сихъ поръ, что Америка единственная страна, управляемая самимъ народомъ.

«Выслушавъ съ особеннымъ интересомъ все то, что я сообщилъ ему о нашей маленькой швейцарской арміи, ханъ неоднократно воскликнулъ: «я самъ взгляну на это, если будетъ возможно»; онъ желалъ предпринять путешествіе по Европѣ и надѣялся получить на это соизволеніе русскаго императора.

«Услыхавъ отъ меня о томъ, что князю Витгенштейну удалось добиться согласія бухарскаго эмира на проведеніе телеграфа между Бухарою и Ташкентомъ, Сейдъ-Мохамедъ-Рахимъ былъ весьма озабоченъ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ онъ не любитъ своего сосѣда, Мозаффаръ-Эддипа, и съ этой же минуты онъ возымѣлъ честолюбивую мысль соединить свою столицу телеграфной проволокой съ Казалинскомъ.

«Десятидневное пребываніе мое въ Хивѣ было интересно для меня во многихъ отношеніяхъ: я осматрѣлъ всѣ достопримѣчательности Хивы, свободно гулялъ по городу, осматривалъ окрестности, а вечера проводилъ у главныхъ сановниковъ хана; между прочимъ мнѣ пришлось присутствовать при крайне оригинальномъ зрѣлищѣ, устроенномъ въ честь моего прѣзда, это національное увеселеніе—бой барановъ; во всякомъ зажиточномъ домѣ ханства вы увидите привязаннаго къ цѣпи, болѣе или менѣе рослаго, барана, изъ породы курдючныхъ; эти животныя обладаютъ немовѣрною силою и за нихъ платять, сравнительно, весьма большія деньги.

«Какъ разъ во время моего пребыванія въ Хивѣ, въ этотъ городъ былъ привезенъ изъ Ургенча баранъ, пользовавшійся у себя, на родинѣ, репутаціей искуснаго бойца; онъ долженъ былъ сразиться съ бараномъ Мать-Мурата, который до тѣхъ поръ ни разу не былъ еще побѣжденъ; это сулило весьма интересное зрѣлище, поэтому во дворъ, предназначенный для ристалища, собралась огромная толпа любопытныхъ; на возвышенной террасѣ были разосланы ковры и разставлено нѣсколько стульевъ; внизу, подъ террасой, помѣщались зрители, люди почти все сановные, а передъ нами, за загородкой, штукъ съ двадцать барановъ было привязано цѣпями къ столбамъ, врытымъ въ землю ¹⁾).

«Зрѣлище было живописное. Бараны, горя нетерпѣніемъ вступить въ бой, рыли землю копытами и старались оборвать свои цѣпи. Лишь только мы прибыли, два огромныхъ барана были отвязаны и выведены на арену; три или четыре человѣка держали животнымъ за рога и по давнему сигналу отпустили ихъ.

«Низко опустивъ голову, бараны кинулись другъ другу на встрѣчу;

¹⁾ Прилагается рисунокъ: бой барановъ.

ДОБРОТН. ЦРПЗРЮН С-ВЕТЕРБУРГЪ 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г

БОЙ БАРАНОВЪ.

ПРИЛОЖЕНОЕ
-РУССКОЙ СТАРШЦЪ, изд. 1898 г.

ВЫСТАВЛЕННЫМЪ ЗАГОТОВЛЕННЫМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ БИМЪ.

стукъ, произведенный ихъ рогами при столкновеніи, походилъ на ударъ молота по наковальнѣ и просто невѣроятно какимъ образомъ ихъ черепъ не разлетѣлся отъ этого удара въ дребезги; за первымъ ударомъ слѣдовалъ второй, третій, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ сражающихся не отступилъ; тогда побѣдителя привѣтствовали громкими криками одобренія. Передъ началомъ состязанія, владѣльцы животныхъ и остальные присутствующіе держатъ между собою пари зачастую на довольно большія суммы.

«Самые интересные борцы, баранъ Мать-Мурата и баранъ того богатаго кушца, который былъ вызванъ ханомъ нарочно для этой цѣли изъ Ургенча, должны были выступить на арену послѣдніе. Одинаковой величины, прекрасно содержимые и выхолощенные, эти два барана могли назваться красавцами. Баранъ Мать-Мурата, едва завидѣвъ своего противника, вырвался изъ рукъ людей, державшихъ его за рога, и напалъ на своего противника; всѣ присутствовавшие, какъ одинъ человѣкъ, вскочили на ноги и впались глазами въ борцовъ; ослабленные кровью, текшею у нихъ изъ лба, бараны не сдавались; бой кончился ничѣмъ, такъ какъ при двадцать седьмомъ столкновеніи у ургенческаго барана сломился рогъ и его увели съ арены, ибо дальнѣйшая борьба при подобныхъ условіяхъ немислима; оставшійся кусочекъ рога неминуемо пронзилъ бы соперника на смерть.

«Это оригинальное ристалище сопровождалось поистинѣ чудовищнымъ угощеніемъ, на которое были приглашены всѣ присутствовавшіе».

8-го декабря г. Мозеръ оставилъ Хиву, на слѣдующій день онъ остановился на ночлегъ въ Ташаусѣ, крѣпости, построенной весьма недавно, гдѣ его ожидалъ пріятный сюрпризъ: ему доложили, что двое людей, говорящихъ по русски, желаютъ его видѣть; произношеніе тотчасъ обличило въ нихъ нѣмцевъ; можно себѣ представить радость этихъ людей, когда путешественникъ заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ; «это были менониты, переселившіеся сюда, въ числѣ 400 человѣкъ, изъ Самары; во время переѣзда черезъ степь они испытали неимовѣрныя страданія и, наконецъ, послѣ многихъ невзгодъ поселились въ Кипчакѣ, на берегахъ Аму-Дарьи; хивинскій ханъ отвелъ имъ небольшое пространство земли, на которомъ они построили себѣ жалкія лачушки, но такъ какъ они не были знакомы съ употребленіемъ ирригаціонныхъ каналовъ, то ихъ первая жатва дала весьма плачевные результаты; едва имѣя чѣмъ существовать, они не теряли, однако, бодрости духа; узнавъ о пріѣздѣ европейца, они отправили къ нему депутацію, прося его замолвить слово въ ихъ пользу; сами по себѣ въ высшей степени миролюбивые,

они подвергаются безпрестанно нападеніямъ со стороны туркменъ, которые угоняютъ ихъ скотъ. И такъ какъ они не рѣшаются преслѣдовать грабителей, а обращаются за защитою къ властямъ, то остаются вѣчно въ убыткѣ, ибо разбойники успѣваютъ скрыться прежде, нежели дѣло ихъ дойдетъ до разбирательства.

«Теллали—последній фортъ на границѣ обработанныхъ земель и въ то же время последній кишлакъ, населенный узбеками; за нимъ начинается степь, владѣніе туркменъ. Трудно опредѣлить съ точностью число этихъ туркменъ, игравшихъ столь видную роль въ исторіи Хивы; генераль Кауфманъ опредѣлялъ число ихъ кибитокъ въ 50,000; полагая въ каждой кибиткѣ по 6 особъ, мы получимъ цифру 300,000. Туркмены раздѣляются на двѣ категоріи: на осѣдлыхъ и кочующихъ. Туркменъ, подобно киргизу, предпочитаетъ кочевой образъ жизни и весьма неохотно предается занятію земледѣліемъ; однако, съ 1873 г., число осѣдлыхъ жителей этого племени, а слѣдовательно и количество пахатной земли на границѣ степи значительно увеличилось; не имѣя болѣе возможности предпринимать набѣговъ, туркмены утратили вмѣстѣ съ этимъ источникъ своего богатства, въ тому же налоги, взимаемые ханомъ, отъ которыхъ прежде имъ удавалось нерѣдко отдѣлываться, взимаются нынѣ весьма правильно.

«Хотя нѣкоторыя племена совершенно отказались отъ кочевого образа жизни, но большинство туркменъ находится еще въ переходномъ состояніи; владѣя на границѣ степи клочками пахотной земли, на которой они построили первобытные навѣсы для защиты своихъ запасовъ и скота, они помѣщаются съ своими семьями въ кибиткахъ, рядомъ съ этими навѣсами.

«Всѣ эти туркмены, ставшіе послѣ кампаніи 1873 г. данниками хивинскаго хана, играли нѣкогда въ этомъ ханствѣ совсѣмъ иную роль; изъ ихъ среды ханы набирали лучшее войско, но за то эти доблестные воины въ свою очередь имѣли значеніе во всѣхъ событіяхъ и составляли такимъ образомъ при дворѣ вліятельную партію, съ которой ханамъ приходилось считаться. Хотя они были плохими плательщиками податей, за то всегда были готовы доставить войско для любой экспедиціи.

«Такъ шли дѣла до взятія Хивы русскими. Сейдъ-Мохамедъ самъ объявилъ генералу Кауфману, что онъ не будетъ въ состояніи выполнить мирный договоръ, заключенный съ Россіей до тѣхъ поръ, пока туркмены не будутъ усмирены и не признаютъ его власти.

«Туркменамъ было повелѣно уплатить 300 тысячъ руб. военной контрибуціи и когда они отказались исполнить это требованіе, то генераль Кауфманъ рѣшилъ однимъ энергичнымъ ударомъ сломить этихъ

кочевниковъ, не признававшихъ надъ собою никакой власти. Выполненіе этого проекта было возложено на генерала Головачева, который двинулся на Хазавать. 25-го іюля 1873 г., въ окрестностяхъ Чандира (Tchandir), на него напали значительныя массы кавалеріи, которыя, не страшась орудіянаго и ружейнаго огня, врубались неоднократно въ самыя ряды русскихъ, между тѣмъ какъ ихъ товарищи, обойдя позицію русскихъ съ тыла, успѣли овладѣть верблюдами аррьергарда. Однако, огонь, открытый русскими, вынудилъ ихъ обратиться въ бѣгство и бросить захваченныхъ было верблюдовъ; но они снова выстроились въ боевой порядокъ, и послѣ неудачнаго для нихъ вторичнаго боя, наконецъ, удалились, преслѣдуемые казаками до поздней ночи.

«Два дня спустя послѣ этого пораженія, туркмены напали на зарѣ на укрѣпленный лагерь русскихъ между Телали и Кизиль-Такиромъ.

«Это сраженіе было особенно кровопролитно; на маленькій отрядъ Головачева напало около 10 тысячъ непріятеля, которые сражались съ отвагой и энергіей, незнакомой дотолѣ мусульманамъ Средней Азіи. У каждаго всадника былъ за спиною другой воинъ, босой, одѣтый въ одну рубашку, съ засученными рукавами. Подъѣхавъ къ фронту русскихъ войскъ, всадники останавливали коней, челоуѣкъ, сидѣвшій позади ихъ, прыгивалъ на землю и, прикрывъ глаза лѣвою рукою, а въ правой держа саблю, кидался съ дикимъ воплемъ на штыки. Разумѣется, тотчасъ завязывалась рукопашная схватка и первые лучи восходящаго солнца освѣтили ужасную картину кровавой рѣзни. Туркмены, со свойственнымъ имъ фанатизмомъ и равнодушіемъ къ смерти, вѣзались въ самыя каре русскаго войска. Артиллерія должна была смолкнуть, пришлось дѣйствовать однимъ холоднымъ оружіемъ, но дисциплина и хладнокровіе, присущія несравненному туркестанскому русскому солдату, одержали, наконецъ, побѣду надъ непріятелемъ, который былъ въ десять разъ сильнѣе ихъ. Восемьсотъ туркменовъ оросили поле битвы своею кровью. Съ этой битвой, въ лѣтописяхъ исторіи, будетъ связано воспоминаніе одного изъ славнѣйшихъ подвиговъ русскаго оружія.

«Въ послѣдующіе затѣмъ дни, герцогъ Евгенийъ Максимиліановичъ Лейхтенбергскій преслѣдовалъ туркменъ и уничтожилъ ихъ три укрѣпленныхъ лагеря; при этомъ погибло туркменъ еще до 500 чел.; пять тысячъ головъ скота, множество верблюдовъ, большіе запасы продовольствія и оружія достались въ руки побѣдителя. Послѣ цѣлаго ряда пораженій, туркмены, наконецъ, совершенно упали духомъ и, чувствуя себя не въ силахъ долѣе сопротивляться, изъявили свою покорность».

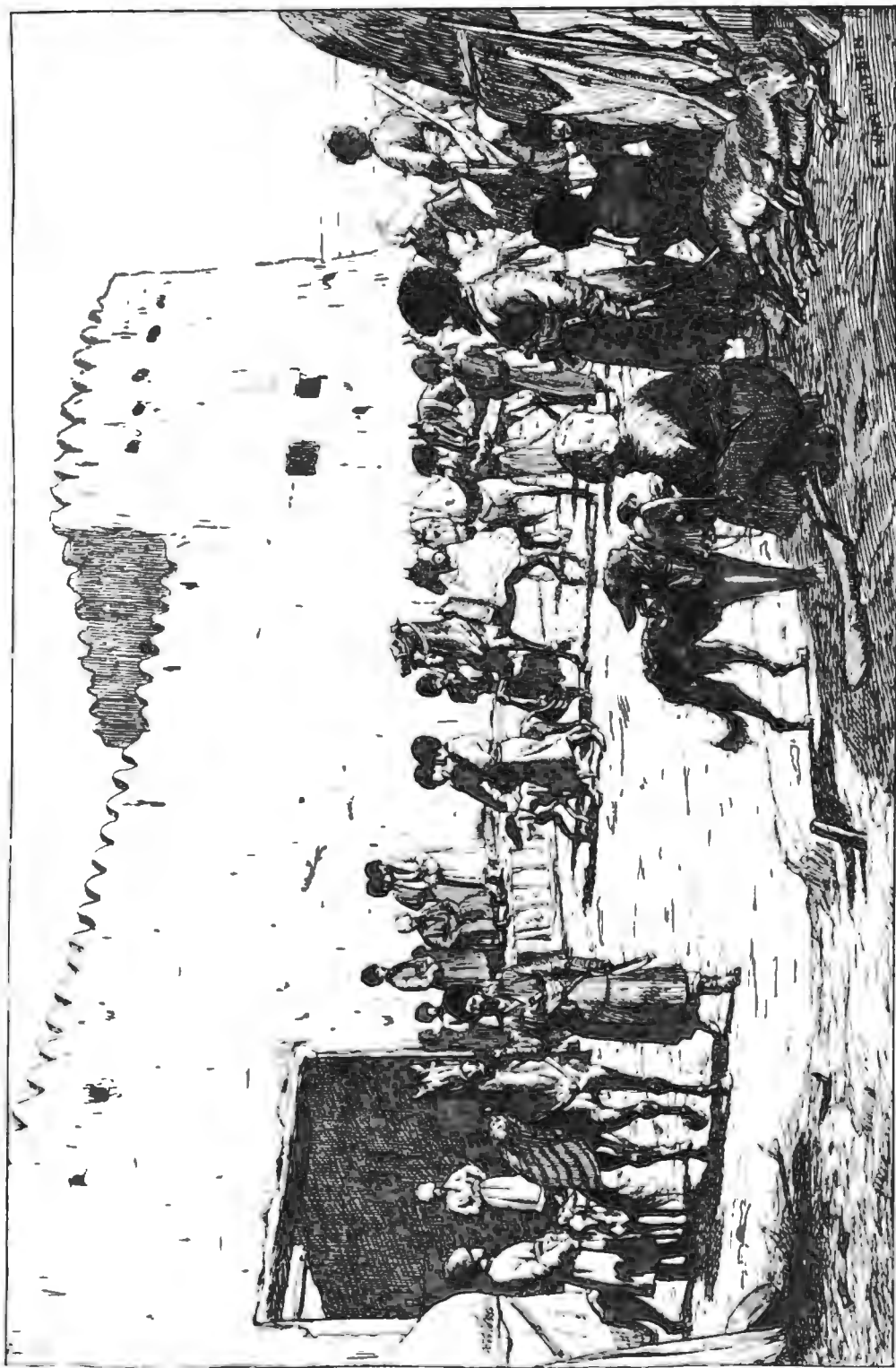
IX.

11-го декабря, подъ вечеръ, г. Мозеръ добрался до форта Сакисъ-Атлукъ, построеннаго въ пескахъ и который бываетъ занятъ войскомъ лишь во время сбора податей. Крѣпость эта представляетъ собою квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ въ длину около 100 шаговъ; въ нее ведутъ всего одни большія ворота, вокругъ самаго форта тянется наружная стѣна, вышиною около 5 футъ, и теперь въ этой оградѣ находился цѣлый лагерь туземной кавалеріи¹⁾. На первомъ планѣ около 60 нукеровъ (хивинскіе солдаты), только что возвратившихся изъ экспедиціи, да еще шелковыя бухарскія палатки, захваченныя вѣроятно во время набѣга, масса ковровъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, забранныхъ изъ какого нибудь туркменскаго аула и служащихъ теперь постелью солдатамъ; возлѣ самой крѣпости былъ разложенъ костеръ, возлѣ коего суетились повара, приготовляя пилавъ. Этотъ оригинальный фортъ, окруженный безграничною степью, составляетъ временное мѣстопробываніе диванъ-беги, Мать-Мурата, который объѣзжаетъ ежегодно обрабатываемыя земли для взиманія податей; выѣхавъ изъ Кунграда, этотъ сановникъ доѣзжаетъ до окрестностей Хивы, останавливаясь по пути въ подобныхъ маленькихъ крѣпостцахъ, выстроенныхъ на границѣ пустыни, куда и вызываютъ всѣхъ окрестныхъ жителей, обязанныхъ платить подать; если они не являются, то за ними посылаютъ отрядъ нукеровъ; если же они укрываются отъ преслѣдованія въ степь, то нукеры угоняютъ ихъ скоть, забираютъ ихъ кибитки и даже уводятъ ихъ женъ; само собою разумѣется, что подобный способъ взиманія податей зачастую подаетъ поводъ къ вооруженному столкновенію.

Во время пребыванія въ крѣпости Сакисъ-Атлукъ, г. Мозеръ много охотился въ окрестности, изобилующей кабанамъ, сайгамъ, антилопамъ и другою дичью, а вечера проводились въ бесѣдѣ съ Мать-Муратомъ, который живо интересовался его разсказами о современномъ состояніи европейскихъ государствъ.

Приготовленія къ переѣзду по степи доставили нашему путешественнику массу хлопотъ. «Я взялъ съ собою изъ Хивы войлочныя палатки, говоритъ онъ, а въ Сакисъ-Атлукъ надобно было запастись продовольствіемъ; генералъ Гротенгельмъ снабдилъ меня для моего личнаго употребленія юламейкой, небольшою войлочной палаткой, болѣе легкой и удобной при перевозкѣ, нежели юрта, и которую упо-

¹⁾ Рисунки: фортъ Сакисъ-Атлукъ.

КОЛОДЕЦО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г.

САКИСЬ-АТЛУКЪ.

ВРЕЛОЖЕНІЕ ВЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЮН. 1888 Г.

ЭССЕИЩІИ ЗАГОТОВЛЕНІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВУМАГЪ.

требляютъ обыкновенно въ экспедиціяхъ русскіе офицеры. Кромѣ того, благодаря любезности этого генерала, меня снабдили двумя боченками прѣсной воды, для моего личнаго употребленія, такъ какъ вода, которая набирается караваномъ въ мѣха, приобретаетъ крайне непріятный вкусъ отъ бараньей кожи.

«Послѣдній аулъ, встрѣченный мною на границѣ пустыни, былъ Уась-ауль, въ которомъ жилъ Медримъ-Сердаръ, сынъ бывшего диванъ-беги хивинскаго хана и начальника Юмудовъ. Онъ описывалъ мнѣ живыми красками печальное положеніе своего народа, страдающаго подъ игомъ хивинцевъ и которому приходится завидовать текинцамъ, платящимъ дань русскимъ, такъ какъ текинцамъ приходится платить гораздо менѣе податей. Болѣе всего туркменъ огорчаетъ то обстоятельство, что помимо огромныхъ податей, уплачиваемыхъ хану, ихъ жестоко грабятъ чиновники-узбеки, которыхъ приходится подкупать, иначе они раззорятъ плательщика до тла.

«Не могли ли бы вы выхлопотать для насъ, какъ милость, говорилъ мнѣ Медримъ-Сердаръ, чтобы мы уплачивали подати прямо русскому коменданту Петро-Александровска; такъ какъ эти деньги поступаютъ въ концѣ концовъ въ руки русской администраціи, то мы сберегли бы этимъ путемъ тѣ рубли, которые остаются въ карманахъ хана и его сбировъ.

«Въ концѣ концовъ, Медримъ-Сердаръ далъ мнѣ добрый совѣтъ измѣнить мой первоначальный маршрутъ и направиться вмѣсто Асхабада на Кизиль-Арватъ: «отъ Хивы до Кунграда все ханство знаетъ о проѣздѣ богатаго иностраннаго боярина, сказалъ онъ, твои люди рассказали всѣмъ, что ты ѣдешь въ Асхабадъ; хотя они и преданы тебѣ, но что вы сдѣлаете въ случаѣ нападенія со стороны туркменъ; если бы ты носилъ русскій мундиръ и если бы тебя сопровождало нѣсколько казаковъ, то, быть можетъ, они не посмѣли бы напасть на тебя; жители Мерва хорошо знаютъ какія могутъ быть послѣдствія аламана, предпринятаго противъ русскихъ, въ нынѣшнемъ году многіе изъ нихъ заплатились жизнью за двухъ убитыхъ казаковъ, но ты иностранецъ, поэтому поѣзжай лучше двѣсти верстъ лишннихъ и не подвергай себя неминуемой опасности.

«Разумѣется, я съ благодарностью принялъ этотъ совѣтъ и, измѣнивъ сообразно съ нимъ мой маршрутъ, вступилъ на слѣдующій день въ туркменскую степь, известную подъ названіемъ Кара-Кумъ (черный песокъ), которая ограничена Персіей и Афганистаномъ съ юга, Аму-Дарьей и Хивинскимъ оазисомъ съ сѣвера и Каспійскимъ моремъ съ запада. Внутренность этой степи совершенно необитаема, только по краямъ ея живутъ туркмены.

«Мы подвигались медленно; меня охватывала, мало по малу, неопредѣленная грусть, царившая въ степи; моя маленькая колонна извивалась змѣйкой на желтоватомъ фонѣ необъятной пустыни, однообразіе которой дѣйствуетъ на человѣка самымъ удручающимъ образомъ. Нашъ первый привалъ былъ у развалинъ стариннаго форта Кизиль-джа-Кала, близъ колодца того-же названія». Затѣмъ потянулись однообразные переѣзды отъ одного колодца до другаго—все тѣ-же картины, тѣ-же однообразныя впечатлѣнія, не прерываемыя никакимъ событіемъ, которыя столько разъ были описаны путешественниками, что на нихъ не стоитъ останавливаться; во время 12 дней, проведенныхъ Генрихомъ Мозеромъ въ степи, онъ повстрѣчалъ всего два раза текинцевъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Хиву, все остальное время въ пустыни не было видно ни одного живаго существа; 6-го января, на разсвѣтѣ, караванъ покинулъ Демирджень, послѣдній колодезь, и къ полудню показались на горизонтѣ горы Кизиль-Арвата.

«Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое производитъ обитаемая земля послѣ столькихъ дней, проведенныхъ среди безмолвной степи, говоритъ авторъ, — и невозможно описать въ какомъ жалкомъ видѣ мы совершили въѣздъ въ Кизиль-Арватъ: въ теченіи двѣнадцати дней мнѣ удалось вымыться всего лишь одинъ разъ; лица наши загорѣли, потрескались отъ вѣтра, были грязны до невѣроятія. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ въ этотъ городъ ни къ кому рекомендательныхъ писемъ и поэтому съ трудомъ нашелъ себѣ пріютъ.

«Изъ Кизиль-Арвата я хотѣлъ направиться черезъ горы прямо въ Асхабадъ, но отъ этого плана пришлось отказаться, ибо по ту сторону Атрека, между Чикишляромъ и Астрабадомъ, происходило волненіе между туркменами, юмудами и другими племенами и сообщеніе было окончательно прервано. Поэтому я рѣшилъ направиться на Асхабадъ и, если удастся, на Мервь, а оттуда пробраться въ Персію.

«Русскіе упрочили свое владычество на восточномъ берегу Каспійскаго моря впервые въ 1869 году, когда ген. Столѣтовъ основалъ военную станцію Красноводскъ, на мѣстѣ бывшей казачьей деревни. Въ 1871 г. русскіе овладѣли Чикишляромъ, лежащимъ при устьѣ Атрека, но этотъ пунктъ былъ вскорѣ оставленъ, по причинѣ окружающей его нездоровой и бесплодной мѣстности. Къ тому же чикишлярскій рейдъ не представлялъ собою удобнаго якорнаго мѣста; тѣмъ не менѣе онъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для отряда ген. Лазарева, которому было поручено въ 1878 г. предпринять экспедицію противъ текинцевъ, производившихъ разбойничьи набѣги до самыхъ стѣнъ Красноводска.

«Русскіе, игнорировавшіе численность и храбрость непріятеля,

укрѣпившагося за стѣнами Геокъ-Тене, были разбиты. Чтобы не посягнуть славу русскаго оружія, надобно было во что-бы то ни стало овладѣть этою крѣпостью; эта трудная задача была возложена на М. Д. Скобелева». Всѣ подробности и отдѣльные эпизоды этого похода хорошо извѣстны публикѣ, во вотъ нѣкоторыя не безынтересныя подробности, относящіяся до этого похода, сообщаемыя г. Мозеромъ изъ письма одного изъ его соотечественниковъ, швейцарца, служившаго офицеромъ въ русской арміи.

«Предвидя трудности, сопряженныя съ походомъ по степи, Скобелевъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны, изъ коихъ одна должна была выступить изъ Чикишляра, а другая изъ Михайловской бухты, съ тѣмъ чтобы соединиться около Бами, текинской крѣпости, стоявшей на границѣ Ахальскаго оазиса; хотя движеніе по желѣзной дорогѣ, строившейся отъ Михайловской бухты до Кизиль-Арвата, открылось лишь въ сентябрѣ 1881 г., но Михайлъ Дмитріевичъ воспользовался нѣкоторыми уже оконченными ея участками, для перевозки снарядовъ и войска. 10-го іюня, авангардъ, подъ командою самого Скобелева, овладѣлъ Бами; укрѣпивъ этотъ пунктъ и снабдивъ продовольствіемъ, генералъ съ 400 войска и 16 орудіями произвелъ въ іюлѣ мѣсяцѣ рекогносцировку подъ самыя стѣны Геокъ-Тене, но ему удалось обложить эту крѣпость лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ (1880 г.) Геокъ-Тене представляла собою четырехугольникъ, имѣвшій въ окружности 8 верстъ. Довольно толстыя глиняныя стѣны этой крѣпости имѣвшія въ вышину до 7 метровъ, были окружены ровомъ, въ значительной мѣрѣ наполненнымъ водою. Подступъ къ нему былъ защищенъ тремя выдвинутыми фортами, въ которыхъ засѣли превосходные стрѣлки, между тѣмъ какъ съ сѣверо-востока надъ всею мѣстностью господствовалъ холмъ, въ видѣ кавальера. Внутри этой крѣпости, которою командовалъ знаменитый Токма-Сердаръ, текинцы разбили до 9 тысячъ палатокъ, куда укрылось населеніе оазиса, такъ что, въ моментъ осады, въ Геокъ-Тене находилось отъ 30—40 тыс. человѣкъ; кромѣ того, ее защищала отрядъ въ 7 тысячъ всадниковъ. Скобелевъ съ перваго же взгляда понялъ, какъ трудно будетъ овладѣть этой крѣпостью штурмомъ и рѣшился вести правильную осаду. Въ это время русскіе захватили въ плѣнъ двухъ текинцевъ, которымъ генералъ позволилъ вернуться въ крѣпость, поручивъ имъ склонить гарнизонъ къ сдачѣ или, въ случаѣ отказа, убѣдить его вывести стариковъ, женщинъ и дѣтей. Отвѣтъ не замедлилъ: Токма-Сердаръ отослалъ генералу въ мѣшкѣ головы обихъ посланцевъ, приложивъ къ нимъ письмо, полное ругательствами.

«Однажды, осматривая вблизи непріятельскія укрѣпленія, Скобе-

левъ былъ османъ градомъ пуль: нѣсколько конвойныхъ солдатъ были ранены. Въ отвѣтъ на замѣчаніе нѣкоторыхъ офицеровъ, совѣтовавшихъ ему не подвергать столь неосмотрительно свою жизнь опасности, Скобелевъ приказалъ подать себѣ стулъ и стаканъ чаю, и усѣвшись на разстояніи 300 метровъ отъ непріятеля, продолжалъ внимательно изучать мѣстность, куря и отпивая чай, въ то время, какъ вокругъ него свистали пули; но когда текинцы начали стрѣлять изъ толстаго единорога, стоявшаго на кавальерѣ, и одно ядро врѣзалось въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его стула, то Скобелевъ отвѣсилъ поклонъ артиллеристамъ и медленно возвратился въ свою палатку.

«Вскорѣ началась бомбардировка; траншеи подвигались быстро, не смотря на частыя вылазки со стороны осажденныхъ; когда русскими было сбито, наконецъ, орудіе, то текинцы съ ожесточеніемъ винулись на пѣхоту, перепрыгивая черезъ группы, одною рукою хватали ружья русскихъ, а другою рубили ихъ съ такою яростью, что земля была усѣяна головами, руками и ногами. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этой рукопашной схватки, въ которой слышится только лязгъ холоднаго оружія, глухіе стоны, проклятія и раздрающіе душу крики и время отъ времени громкіе: «Аллахъ» и «Ура!» Говоря объ этой достопамятной осадѣ, Скобелевъ разсказывалъ слѣдующій фактъ:

— «Текинцы, во время своихъ ночныхъ нападений, собирались на брустверы моихъ траншей и, находясь такимъ образомъ надъ головами моихъ стрѣлковъ, стоявшихъ во рвахъ, рубили ихъ сверху, при чемъ не было никакой возможности защитить ихъ; однажды вечеромъ, обходя аванпосты, я услышалъ какъ одинъ солдатъ говорилъ своему товарищу: «Генералъ напрасно ставитъ насъ ночью во рвы, такъ какъ текинцы собираются на брустверы и рубятъ насъ въ то время, какъ мы не можемъ защищаться; если бы онъ ставилъ насъ шаговъ на десять позади, такъ текиндамъ пришлось бы спускаться въ траншеи, гдѣ мы могли бы безъ опасности истребить ихъ». Это было откровеніемъ для меня, говорилъ Скобелевъ, и на слѣдующее утро, сотни непріятелей лежали во рвахъ. Солдатъ, подавшій Михаилу Дмитриевичу эту блестящую мысль, былъ награжденъ георгиевскимъ крестомъ.

«Когда траншеи достаточно подвинулись, было рѣшено штурмовать крѣпость. 12-го января 1881 г., по утру, артиллерія начала свое разрушительное дѣйствіе. Стѣны обваливались во рвы, между тѣмъ какъ защитники крѣпости затыкали бреши мѣшками, наполненными землею; когда бреши были уже достаточно велики, то артиллерія превратила внутренность крѣпости въ настоящій адъ. Послѣ отчаянной защиты и кровопролитной рукопашной схватки, текинцы оставили позицію,

преслѣдуемые казаками, рубившими ихъ безъ милосердія. Вечеромъ, внутри крѣпости было подобрано 6 тысячъ труповъ: 1500 раненыхъ женщинъ и дѣтей, оставшихся въ живыхъ, бродили, объятые ужасомъ, по этимъ развалинамъ. Взятіе этой крѣпости произвело во всемъ оазисѣ такое впечатлѣніе, что самое дикое и непокорное племя туркменъ изъявило свою покорность побѣдителю и самъ защитникъ Геокъ-Тепе, Токма-Сердаръ, присягнулъ на вѣрнопопданство въ главной квартирѣ».

Во вновь присоединенномъ къ Россіи Ахальскомъ округѣ, съ главнымъ городомъ Асхабадомъ, насчитываютъ до 60 тысячъ кибитокъ, въ которыхъ живутъ текинцы (козы), получившіе это прозвище, вѣроятно, вслѣдствіе той быстроты, съ какою они взбираются на своихъ коняхъ по крутымъ склонамъ горъ, граничащихъ оазисъ съ юга. Подобно туркменамъ, текинцы раздѣляются также на осѣдлыхъ, чомрисъ, и кочующихъ, чарвасовъ; все богатство этихъ послѣднихъ составляютъ стада; они разводятъ большихъ, сильныхъ верблюдовъ и прекрасную породу овецъ, но особенной славой пользуются, даже за предѣлами Средней Азіи, ихъ кони, отличающіеся замѣчательною смышленностью и необыкновенною кротостью; впрочемъ, они отличаются не столько породой, сколько работой, которую отъ нихъ требуютъ. Аламанъ (вооруженный набѣгъ) создалъ текинскую лошадь и развилъ ея чудесныя качества; когда эти набѣги перейдутъ въ область преданій, и когда текинцамъ не придется болѣе приучать своихъ коней къ этимъ продолжительнымъ экспедиціямъ, то порода ихъ навѣрно измельчаетъ.

Будучи нрава дикаго и неукротимаго и имѣя могучаго союзника въ своемъ конѣ, туркменъ сталъ грознымъ разбойникомъ, наводящимъ ужасъ на своихъ трусливыхъ сосѣдей персіянъ. Аламанъ составлялъ цѣль его жизни, единственное средство приобрести богатство и извѣстность: аламанщикъ, котораго въ иномъ мѣстѣ просто окрестили бы названіемъ разбойника, не только не пользовался общимъ презрѣніемъ, но воспѣвался даже поэтами, какъ храбрый рыцарь. Эта охота на людей доставляла побѣдителю скоть и плѣнныхъ, за которыхъ они получали нерѣдко весьма значительный выкупъ. Изъ своихъ набѣговъ на сосѣднія страны, какъ, напр., на Персію, аламанщики возвращались, ведя съ собою цѣлыя толпы кизильбаховъ (презрительное прозвище, даваемое ими персамъ), которые наполняли невольничьи рынки Средней Азіи.

Число всадниковъ, принимавшихъ участіе въ аламанѣ, колебалось обыкновенно отъ одной до трехъ тысячъ человекъ, Туркменъ, не признающій въ своемъ аулѣ надъ собою господина, во время набѣга

слѣпо повинуется избранному имъ вождю; знаніе дорогъ, колодцевъ умѣніе повелѣвать и личная храбрость—вотъ качества, которыя были необходимы для того, чтобы сдѣлаться сердаремъ (начальникомъ экспедиціи). Всякій туркмень, принимавшій участіе въ этихъ экспедиціяхъ, долженъ былъ имѣть хорошаго коня, оружіе, быть храбрымъ и не бояться смерти.

«Жаркое время года прекращало на время набѣги туркмень, но текинцы не знали отдыха круглый годъ и своею жестокостью и звѣрствомъ наводили на всю окрестность такой страхъ, что ихъ нападенія почти всегда вѣнчались успѣхомъ; населеніе того мѣстечка, на которое они нападали, по большей части ночью, объятые ужасомъ, не имѣло обыкновенно мужества защищаться и текинцы, разоривъ и разграбивъ ихъ жилища, уводили ихъ въ плѣнъ безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія. Подробности этихъ разбоевъ, передаваемые курдами, превосходятъ всякое воображеніе. До взятія Геокъ-Тепе, большая дорога, шедшая изъ Мешада въ Тегеранъ, была до такой степени наводнена текинцами, что караваны отправлялись изъ Шах-руда подъ конвоемъ пѣхоты, кавалеріи и даже артиллеріи.

«Совершивъ болѣе или менѣе удачный набѣгъ, аламанщики спѣшили домой, чтобы воспользоваться добычей, и тутъ-то благополучное возвращеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ быстроты ихъ коней ¹⁾. Дѣти и молодыя и красивыя женщины привязывались къ сѣдлу позади всадника и лошадь съ этой двойной ношею должна была пробѣжать иногда безъ остановки нѣсколько сотъ верстъ до аула ея хозяина. Здоровые мужчины, которымъ надѣвали на шею желѣзный ошейникъ, съ длинной, тяжелой цѣпью, привязанной къ сѣдлу аламанщика, бѣжали за нимъ до изнеможенія, подгоняемые ударами его хлыста. Если разбойникамъ надобно было скрыться очень быстро и плѣнный не имѣлъ силъ бѣжать довольно скоро, то ударъ сабли прекращалъ его страданія.

«Чувство состраданія, повидимому, совершенно незнакомо туркмену: невольникъ, въ его глазахъ, не что иное, какъ товаръ; его грубость и жестокость не имѣютъ границъ. Возвращеніе аламанщиковъ домой, возвѣщаемое особымъ гонцомъ, всегда сопровождалось празднествами; всѣ жители аула выходили имъ на встрѣчу, чтобы полюбоваться скорѣе этими храбрыми воинами и ихъ богатой добычей.

«17 января я покинулъ скучный Кизиль-Арватъ, пишу г. Мозеръ, и направился къ Асхабаду, черезъ степь Ахаль, совершивъ этотъ путь въ 5 дней, дѣлая по 50—60 верстъ въ день; каждый вечеръ я

¹⁾ Рисунокъ: возвращеніе съ набѣга.

АЛЕКСАНДР ВЕНЕДИКТОВИЧ ПЕТЕРБУРГ, 4 ОКТЯБРЯ 1887 Г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЪ НАБЪГА.

РИСОВАНИЕ ИЗ «РУССКОЙ СТАРШИНЪ» МАЯ 1888 Г.

ВЫПАДКИ ЗАГОВОРОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВУЛГА.

останавливался на ночлегѣ въ какой нибудь крѣпости или въ текинскомъ аулѣ, гдѣ туркмены всегда встрѣчали насъ радушно.

«Асхабадъ, со своей небольшою крѣпостцою, съ церковью и съ бѣлыми домами, выстроенными въ русскомъ стилѣ, имѣетъ чистенькій и веселенькій видъ.

«Не безъ волненія направился я, на слѣдующій день по прїѣздѣ, къ дому губернатора Закаспійской области, задавая себѣ вопросъ, какъ я буду принять этимъ всемогущимъ человѣкомъ, къ которому я не имѣлъ официальныхъ рекомендацій, и который, насколько мнѣ было извѣстно, находился не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ покровителемъ, М. Г. Черняевымъ. Одно слово съ его стороны и мнѣ пришлось бы вернуться назадъ, такъ какъ безъ его разрѣшенія весьма трудно переѣхать границу, черезъ которую, по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ, насколько мнѣ извѣстно, не переступалъ еще ни одинъ туристъ. Но къ счастью, я встрѣтилъ въ лицѣ генерала А. В. Комарова человѣка весьма ученаго, замѣчательнаго археолога и энтомолога и въ то же время истинно русскаго боярина, гостепрїимнаго и радужнаго. Въ его домѣ собиралось все образованное общество Асхабада и въ его семействѣ я провелъ лучшія минуты моего пребыванія въ этомъ городѣ. Археологическія коллекціи, которыя ген. Комаровъ началъ собирать на Кавказѣ, содержатъ настоящія сокровища. Не смотря на многочисленныя занятія, такъ какъ во время моего пребыванія въ Асхабадѣ совершалось весьма серьезное дѣло: мирное присоединеніе Мерва, онъ нашелъ, однако, время показать мнѣ свои сокровища и заняться со мною фотографированіемъ разныхъ предметовъ. Я былъ свидѣтелемъ первыхъ успѣховъ, вызванныхъ движеніемъ отряда Муратова, перешедшаго границу Баба-Дурмы, что вызвало присылку большой депутаціи изъ Мерва въ Асхабадъ; но мнѣ было суждено присутствовать при зрѣлищѣ, еще болѣе интересномъ.

«Я преспокойно обѣдалъ, однажды, у начальника мѣстнаго эскадрона, поручика Лопатинскаго, и мы успѣли уже опорожнить нѣсколько бутылокъ прекраснаго Кахетинскаго вина, когда его ординарецъ, черкесь, доложилъ о прибытіи 40 туземцевъ, служившихъ въ его эскадронѣ, которые привели съ собою кулъ (невольниковъ) изъ Мерва. Насъ ожидало любопытное зрѣлище: передъ домомъ поручика выстроился взводъ, только что прибывшій изъ оазиса; это были все отважные наѣзники, — верхомъ на своихъ коняхъ, въ живописномъ туземномъ одѣяннѣ, вооруженные съ головы до ногъ и покрытые, отъ дальней дороги, пылью, они представляли весьма красивую картину. У семнадцати изъ нихъ сидѣли за спиною живыя существа, измученныя, истощенныя, съ блуждающимъ отъ страха взоромъ; въ числѣ

нихъ были женщины и дѣти. Передъ нами были послѣдніе персидскіе невольники, захваченные во время набѣговъ мервцами осенью 1883 года, на границѣ персидскаго Хорасана, и возвращенные русскому правительству по требованію генерала Комарова. Эти несчастные не отдавали себѣ отчета въ томъ, что съ ними происходитъ; взятые въ плѣнъ туркменами, затѣмъ отобранные у нихъ и привезенные въ Асхабадъ другими туркменами, они лишь тогда поняли, что ихъ бѣдствія кончатся, когда имъ принесли пищу и роздали имъ одежду.

«Я оставилъ Асхабадъ въ самый интересный моментъ, когда туда ожидалось прибытіе вышеупомянутой депутаціи; А. В. Комаровъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ русскому агенту въ Буджнуръ и къ персидскимъ властямъ. Такъ какъ еще въ Асхабадѣ я далъ себѣ слово не оставлять этой страны, не познакомившись съ кап. Стеценко, имя котораго было тутъ у всѣхъ на языкѣ и о которомъ ходили самыя невѣроятныя разсказы, то я направился прежде всего въ Геокъ-Тепе, гдѣ жилъ капитанъ.

«Стеценко было въ то время 26 лѣтъ; родомъ малороссъ, онъ считалъ себя прямымъ потомкомъ гетмана Мазепы; красивой наружности бѣлокурый, росту выше средняго, съ изящными манерами и прекрасной осанкой, вся фигура его, въ блестящемъ мундирѣ кубанскихъ казаковъ, дышала силой и отвагой; онъ представлялъ собою замѣчательный типъ запорожца, коихъ храбрость и удалство вошли въ пословицу; будучи всего 26 лѣтъ отъ роду, онъ успѣлъ уже получить семь ранъ, и его грудь была украшена всѣми русскими орденами съ мечами и Георгіевскимъ крестомъ. Но при томъ это человѣкъ въ высшей степени горячій: будучи поручикомъ, онъ застрѣлилъ передъ фронтомъ полковника кн. О..., назвавшаго его дуракомъ, стрѣлялъ въ другаго своего начальника и убилъ ударомъ кинжала одного изъ своихъ друзей. Такъ какъ вслѣдствіе его горячности, Стеценко неудобно держать въ большомъ гарнизонѣ, то его послали съ сотней въ горы, на границу Персіи; какъ истый казакъ, онъ страстный и смѣлый охотникъ, отваживающійся, между прочимъ, на охоту на страшнаго дикаго кабана, водящагося въ Копеть-Дагѣ, что сопряжено съ большими опасностями».

Проведя нѣкоторое время въ Геокъ-Тепе и поохотившись тамъ вдоволь Генрихъ Мозеръ отправился далѣе, въ Персію, черезъ земли курдовъ поселенія коихъ составляютъ военный кордонъ между персидскимъ Хорассаномъ и землями, населенными туркменами. У нихъ вездѣ построены крѣпосцы и вся ихъ жизнь проходитъ въ борьбѣ съ этими беспокойными сосѣдями да въ обработкѣ своихъ жалкихъ полей. Населеніе этихъ крѣпостей принимаетъ русскихъ съ распростертыми

КУРДСКАЯ КРѢПОСТЬ.
1883 г.

ВРЪЗКЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» изд. 1908 г.

объятіями, какъ своихъ избавителей, и оно, по свидѣтельству г. Мозера, было бы весьма радо, если бы ихъ земли были включены въ черту русской границы, которая въ этомъ пунктѣ опредѣлена еще не вполне точно. За то ихъ ханы много потеряли отъ сосѣдства съ русскими; съ тѣхъ поръ какъ текинцы покорены силою русскаго оружія и аламаны ихъ прекратились, курдскій военный кордонъ значительно утратилъ свое значеніе. Въ прежнія времена, курдскіе ханы, отлично понимая какъ великіе услуги, оказываемыя ими Персіи, не обращали особеннаго вниманія на приказанія, получаемыя изъ Тегерана, и дѣйствовали самостоятельно, не платили никакой подати, говоря, что содержаніе курдскихъ кавалерійскихъ полковъ поглощаетъ всѣ ихъ доходы, но со времени занятія русскими Ахала персидскій шахъ снова захватилъ надъ курдами власть, и ханы, бывшіе до той поры независимыми владѣтелями, обратились въ простыхъ управителей, подчиненныхъ персидскимъ властямъ.

29 января Мозеръ достигъ Буджиура, резиденціи хана, владѣтеля провинціи того же названія, гдѣ онъ встрѣтилъ гостепріимный пріемъ у Іагіа-Бегъ-Таирова, русскаго дипломатическаго агента, который былъ извѣщенъ генераломъ А. В. Комаровымъ о проѣздѣ г. Мозера черезъ Буджиуръ. Отдохнувъ въ этой крѣпости и подкрѣпивъ свои силы, онъ двинулся въ Персію, перебравшись съ неимоверными трудностями черезъ цѣль Ала-Дагъ, гдѣ его застигъ страшный свѣжій ураганъ, едва не стоившій ему жизни.

«Среди этихъ дикихъ, почти неприступныхъ горъ, лежитъ курдская крѣпостца Гассоръ, построенная на южномъ склонѣ скалистаго хребта; ея четырехугольныя стѣны, построенныя изъ глины, возвышающіяся амфитеатромъ одна надъ другою, походятъ на исполненную лѣстницу; надъ ними возвышается самая цитадель, увѣнчанная коническими башнями. По другую сторону оврага тянется громада скалъ, называемыхъ курдами Кугу-Саликъ, конкъ главная вершина имѣетъ не менѣе 10 тысячъ футовъ вышины и покрыта вѣчнымъ снѣгомъ ¹⁾).

«Все населеніе деревни вышло путешественнику на встрѣчу и всѣ говорили ему единогласно, что до него ни одинъ европеецъ не бывалъ въ этой мало доступной горной мѣстности».

Послѣ утомительнаго, 25-ти дневнаго путешествія, Генр. Мозеръ достигъ, наконецъ, Тегерана, совсѣмъ разбитый и больной, и тутъ окончательно слегъ въ постель и прохворалъ нѣсколько недѣль; у него сдѣлалась жаба и страшный упадокъ силъ; однако, медицинская

¹⁾ Рисунки: Курдская крѣпость.

помощь и молодость взяли верхъ надъ недугомъ; больной оправился, могъ, наконецъ, осмотрѣть городъ и явиться на ауденцію къ шаху.

Тѣ страницы разсматриваемой нами книги, которыя посвящены описанію столицы Персіи, мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, хотя написаны столь же правдиво и интересно, какъ и все сочиненіе талантливаго и энергическаго швейцарца, тѣмъ не менѣе разсказъ его о Персіи не заключаетъ никакихъ новыхъ историческихъ данныхъ или любопытныхъ личныхъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что авторъ оставался въ Тегеранѣ не особенно долго; такъ какъ все то, что авторъ говоритъ здѣсь объ обычаяхъ персовъ, о положеніи женщины, и пр., хорошо извѣстно читающей публикѣ, то было бы излишне останавливаться на этихъ подробностяхъ. Скажемъ только, что авторъ вспоминаетъ въ этихъ строкахъ съ живѣйшею благодарностью объ участіи, оказанномъ ему во время его болѣзни всею мѣстною европейскою колоніею, которая распадается на два кружка: на кружокъ русскихъ и англичанъ. Во главѣ русскаго общества, во время пребыванія Мозера въ Тегеранѣ, стоялъ русскій посланникъ, г. Мельниковъ, съ супругою, «люди въ высшей степени гостепріимные и любезные, соединявшіе въ своемъ домѣ нѣсколько разъ въ недѣлю всю русскую колонію, жившую въ столь добромъ согласіи, что она, по свидѣтельству нашего путешественника, производила впечатлѣніе какъ бы одной семьи».

Изъ Тегерана Мозеръ отправился черезъ Баку, Тифлисъ и Батумъ въ Константинополь, при чемъ посѣтилъ проѣздомъ южный берегъ Крыма; этимъ путевымъ впечатлѣніямъ посвящена послѣдняя глава его объемистаго сочиненія; не вдаваясь тутъ ни въ какія этнографическія и бытовныя подробности, онъ даетъ лишь бѣглый очеркъ этихъ, всѣмъ знакомыхъ и много разъ описанныхъ, мѣстностей и городовъ и заканчиваетъ описаніе своего путешествія пріѣздомъ въ Константинополь.

Голубыя воды Босфора и роскошная прелесть Золотаго Рога съ его дивными красотоми произвели на путешественника чарующее впечатлѣніе; онъ вспоминаетъ съ восторгомъ о немногихъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ Стамбулѣ, и этому городу посвящены послѣднія страницы его интереснаго и замѣчательно добросовѣстнаго сочиненія.

Извл. и перев. В. В. Тимощукъ.

к о н е ц ъ .

ВОСПОМИНАНІЯ ИЛІИ ЕФИМОВИЧА РѢПИНА.

Иванъ Николаевичъ Крамской.

Памяти учителя.

I.

Знакомство.

Имя Ивана Николаевича Крамскаго я услышалъ въ первый разъ, въ 1863 г., въ селѣ Сиротинѣ, Воронежской губерніи. Тамъ я, въ качествѣ живописца, съ прочими мастеровыми, работалъ надъ возобновленіемъ стараго иконостаса, въ большой каменной церкви. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ и я мечталъ, по окончаніи этой работы, ѣхать учиться въ Петербургъ. Мое намѣреніе знали мои товарищи по работѣ и не разъ рассказывали мнѣ, что изъ ихъ роднаго города Острогорска есть уже въ Петербургѣ одинъ художникъ, Крамской. Нѣсколько лѣтъ назадъ уѣхалъ онъ туда, поступилъ въ академію и теперь чуть-ли онъ уже не профессоромъ тамъ.

Разъ Крамской пріѣзжалъ на родину, рассказывали они, одѣтъ былъ по столичному, въ черномъ бархатномъ пиджакѣ; носилъ длинные волосы. И вся фигура, и какая-то возвышенная рѣчь его базали въ немъ что-то совсѣмъ новое, непознанное и чуждое прежнимъ его знакомымъ и товарищамъ. Они почувствовали, что онъ ушелъ отъ нихъ далеко... Сестра одного изъ живописцевъ, сильно равнодушная къ Крамскому еще до отъѣзда его въ Петербургъ и такъ мечтавшая о немъ, теперь

почувствовала большую робость передъ этимъ совсѣмъ новымъ столичнымъ человѣкомъ и не смѣла болѣе думать о немъ.

— „А вѣдь какъ странно бывало начинать“, вспоминали они. „Въ мальчикахъ онъ не былъ, ни у кого не учился и иконъ совсѣмъ не писалъ. Забѣжить бывало къ живописцу, попросить красокъ; что-то писалъ, что-то рисовалъ. Говорилъ, кто видѣлъ, какъ-то особенно, по своему, странно“...

Пріѣхавши въ Петербургъ поздней осенью 1863 года, я только къ зимѣ поступилъ въ рисовальную школу. Къ концу зимы меня перевели въ классъ гипсовыхъ головъ и здѣсь я узналъ, что по воскресеньямъ въ этомъ классѣ преподаетъ учитель Крамской.

Не тотъ-ли самый? думалъ я и ждалъ воскресенья.

Ученики головного класса часто и много говорили о Крамскомъ, повторяли, что онъ кому когда говорилъ, и ждали его съ нетерпѣніемъ.

Вотъ и воскресенье, 12 часовъ дня. Въ классѣ оживленное волненіе, Крамскаго еще нѣтъ. Мы рисуемъ съ головы Милона Кротонскаго. Голова поставлена на одинъ классъ. Въ классѣ шумно... Вдругъ сдѣлалась полнѣйшая тишина, умолкъ даже ораторъ Ланганць.. И я увидѣлъ худоцаваго человѣка въ черномъ сюртугѣ, входившаго твердой походкой въ классъ. Я подумалъ, что это кто нибудь другой: Крамскаго я представлялъ себѣ иначе. вмѣсто прекраснаго блѣднаго профиля у этого было худое скуластое лицо и черные гладкіе волосы вмѣсто каштановыхъ кудрей до плечъ; а такая трепаная жидкая борода бываетъ только у студентовъ и учителей.

— „Это кто?“ шепчу я товарищу.

— „Крамской! развѣ не знаете?“ удивляется онъ.

„Такъ вотъ онъ какой!..“ Сейчасъ посмотрѣлъ и на меня; кажется, замѣтилъ. Какіе глаза! Не спрячешься, даромъ-что маленькіе и сидятъ глубоко во впалыхъ орбитахъ; сѣрые, свѣтятся. Вотъ онъ остановился передъ работой одного ученика. Какое серьезное лицо! Но голосъ пріятный, задушевный; говорить съ волненіемъ... Ну, и слушаютъ же его! Даже работу побросали, стоятъ около, разинувъ рты; видно, что стараются запомнить каждое слово. Какія смѣшныя и глухія лица есть, особенно по сравненію съ нимъ... Однако, какъ онъ долго остается все еще у одного! Самъ не поправляетъ, а все только объясняетъ. Этакъ

онъ всѣхъ не обойдетъ пожалуй. А вотъ, наконецъ, перешолъ къ другому, и всѣ за нимъ. Мнѣ не нравится эта привычка учениковъ глазѣть на чужія работы и слушать, что кому говорить учитель; да и времени мало для работы въ классѣ, вѣдь классъ-то одинъ разъ въ недѣлю.

Я думалъ: напомнить ли ему, когда онъ дойдетъ до меня, объ его острогорскихъ знаемыхъ, и не рѣшался; я сталъ сильно волноваться, по мѣрѣ приближенія его ко мнѣ, но работать продолжалъ. До меня ясно уже долетали отдѣльные слова и выраженія его и мнѣ все болѣе и болѣе нравился тѣмбръ его голоса и какая-то особенная манера говорить, какъ-то торжественно, для всѣхъ. Вотъ такъ учитель! Это не чета Церму да Жуковскому (преподаватели въ классѣ масокъ и орнаментовъ). Его приговоры и похвалы были очень вѣски и производили не-отразимое дѣйствіе на учениковъ. Что-то онъ мнѣ скажетъ?!.. А сегодня у меня идетъ какъ-то пестро и грубо... Но его прервали. Вошелъ въ классъ какой-то пожилой господинъ въ очкахъ, непріятной наружности. Должно быть важное лицо. Даже Крамской какъ-то вдругъ измѣнился, кланяется ему и выслушиваетъ съ притворною внимательностью, какъ какойнибудь чиновникъ. Я отвернулся, мнѣ не понравилась эта сцена. Наконецъ, это важное лицо, растягивая что-то въ носъ, повернулось къ дверямъ изъ класса. Крамской и другіе учителя, присоединившіеся незамѣтно, отскакивая и давая почтительно дорогу лицу, вышли за нимъ... Скоро Крамской вернулся къ ученикамъ и сталъ продолжать.

Вотъ онъ и за моей спиной; я остановился отъ волненія...

— „А, какъ хорошо! Прекрасно! Вы въ первый разъ здѣсь?“

У меня какъ-то оборвался голосъ и я почувствовалъ, что не могу отвѣчать.

Онъ перешолъ къ подробностямъ моего рисунка, очень вѣрно замѣтилъ ошибки, и мнѣ показалось, что онъ меня какъ-то отличилъ. Это меня ободрило; мало по малу, я, подъ конецъ, осмѣлился сказать ему, что я зналъ его острогорскихъ знаемыхъ.

— „Не Турбиныхъ-ли?“

— Нѣтъ. Я назвалъ своихъ сиротинскихъ товарищей по работѣ, но замѣтилъ, что они его нисколько не занимали. Онъ далъ мнѣ свой адресъ и пригласилъ побывать у него. Меня и

въ краску и въ потъ ударило. Я былъ въ восхищеніи отъ Крамскаго.

— „Развѣ вы его знаете?“ удивились ученики. „Что онъ вамъ говорилъ? Онъ васъ звалъ къ себѣ?“

— Да, отвѣтилъ я, не видя никого отъ счастья.

Ну, что ты скажешь о Крамскомъ?!... говорю я восторженно, уже на улицѣ, своему товарищу. Вотъ человѣкъ! Вотъ учитель! Какіе у него глаза! и какой пріятный задушевный голосъ! Какъ онъ говоритъ!..

— „Ну, пошелъ теперь...“ отвѣчаетъ недовольнымъ тономъ товарищъ. А по моему, у него злоба въ глазахъ. А какъ онъ передъ начальствомъ-то извивался, замѣтилъ ты? Ну, да гдѣ тебѣ замѣтить. Онъ тебя похвалилъ, вотъ ты и пришелъ въ телячій восторгъ; и теперь будешь трубить—знаю“.

Товарищъ мой былъ лѣнивъ, искусства не любилъ и занимался имъ только, чтобы поступить въ академію, по архитектурѣ. Да, его навѣрно не похвалилъ Крамской, думалъ я, вотъ онъ и золь теперь. А какъ его похвалить,—вѣдь слабъ въ рисованіи.

Черезъ нѣсколько дней вечеромъ я тихонько позвонилъ въ квартиру Крамскаго (Васильевскій островъ, 6-я линія). Мнѣ сказали, что его нѣтъ дома, но что черезъ часъ онъ, вѣроятно, будетъ. Мнѣ захотѣлось его видѣть и я пошелъ бродить по бульвару 7-й линіи, въ надеждѣ встрѣтить его идущаго домой.

Какъ долго тянется время ожиданія, не знаешь чѣмъ заняться, въ головѣ пустота и безповойство.... Наконецъ-то 10 часовъ. Теперь онъ навѣрно дома уже. Звоню опять.

— „Еще не вернулся“.

Что дѣлать? Неужели идти на квартиру! Нѣтъ; поброжу еще и добьюсь сегодня; а то пришлось бы отложить на нѣсколько дней.

Черезъ полчаса звоню еще, рѣшившись уйти, наконецъ, домой, если его и теперь нѣтъ.

— „Дома“.

— „А, знаю, знаю, вы приходили уже два раза“, прозвучалъ его надтреснувшій, усталый голосъ на мое бормотанье.

— „Это доказываетъ, что у васъ есть характеръ, добиться своего“.

Я замѣтилъ, что лицо его было устало и блѣдно, утомлен-

ные глаза вернулись. Мнѣ стало не ловко и совѣстно, я почувствовалъ, что утруждаю усталого человѣка. И главное, я не зналъ съ чего начать. Прямого предлога къ посѣщенію, въ столь поздній часъ, у меня не было. Сконфуженный вдругъ здравымъ размышленіемъ, я сталъ просить позволенія придти въ другой разъ.

— „Нѣтъ, что-же вы такъ, даромъ хлопотали. Ужъ мы напьемся чаю вмѣстѣ, раздѣвайтесь“.

Это было сказано такъ радушно, просто, какъ давно знакомому, равному человѣку. Я вдругъ успокоился, вошелъ въ небольшую комнатку и началъ смотрѣть по стѣнамъ. Голова Христа! Какъ интересно! Такъ представленной я не видалъ ее никогда. Какъ выдѣляется лобъ, какіе впалые утомленные глаза! И сколько въ нихъ кротости и скорби. Но какъ странно волосы расходятся ровными прядями внизъ и не ступованы; широкіе мазки недоконченны. Вотъ она академическая манера, подумалъ я про себя. Я только слыхалъ про нее... А это зачѣмъ здѣсь?! Какой-то самый иконописный образъ Спасителя.

— „А что, какъ находите? Что вы такъ иронически на него смотрите? Это вотъ, видите-ли, я взялъ завазъ написать образъ Христа: писалъ, писалъ, даже вотъ выгѣпилъ его“. Онъ снялъ на станкѣ мокрая покрывала и я увидѣлъ ту-же удрученную голову Христа, выгѣпленную изъ сѣрой глины. Ахъ, какъ хорошо! Я не видѣлъ еще только что выгѣпленной скульптуры и не воображалъ, чтобы изъ сѣрой глины можно было выгѣпить такъ чудесно.

— „Чтобы добиться легче рельефу и свѣто-тѣни, продолжалъ онъ, я взялся даже за скульптуру... да работалъ, работалъ и вижу, что оказываюсь несостоятельнымъ; не послѣю къ сроку. Обратился къ живописцу и онъ очень скоро написалъ вотъ эту икону. Что-жъ, заказчики довольны. А мой Христосъ, пожалуй, и черезъ годъ не будетъ готовъ; какъ-же быть и кто-же станетъ ждать“.

За чаемъ онъ оживился совсѣмъ. Начавъ понемногу о Христѣ, по поводу образа, онъ уже не оставялъ говорить о немъ весь этотъ вечеръ. Сначала я плохо понималъ его, мнѣ очень страннымъ казался тонъ, которымъ онъ началъ говорить о Христѣ; онъ говорилъ о немъ, какъ о близкомъ человѣкѣ. Но потомъ мнѣ вдругъ стала ясно и живо представляться эта глу-

бокая драма на землѣ, эта дѣйствительная жизнь для другихъ. Да, да, конечно, думалъ я, вѣдь это было полное воплощеніе Бога на землѣ. И далѣе я былъ совершенно пораженъ этимъ живымъ воспроизведеніемъ душевной жизни Христа. И казалось въ жизнь свою я ничего интереснѣе этого не слыхалъ. Особенно искушеніе въ пустынѣ, онъ представилъ борьбу Христа съ темными сторонами человѣческой природы.

— „Искушеніе сидѣло въ немъ самомъ, говорилъ Крамской, возвышая голосъ: все, что Ты видишь тамъ вдали, всѣ эти великолѣпные города, говорилъ ему голосъ человѣческихъ страстей, все можешь Ты завоевать, покорить и все это будетъ Твое и станеть трепетать при Твоемъ имени. У Тебя есть всѣ данныя овладѣть всѣмъ и быть здѣсь всемогущимъ владыкой,... произнесъ онъ таинственно. А Ты, сынъ Божій, Ты вѣришь этому? Испытай. Ты голоденъ теперь; скажи камнямъ этимъ и они превратятся въ хлѣбы; всемогущій Отецъ сдѣлаетъ это для Тебя. Если Онъ послалъ Тебя для великаго подвига на землѣ, то, конечно, за Тобой невидимо слѣдятъ ангелы и ты смѣло можешь броситься съ воловьей, они Тебя подхватятъ на рукахъ. Испытай-ка“.

Крамской странно взглянулъ на меня.

— „Это искушеніе жизни, продолжалъ онъ, очень часто повторяется, то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, и съ обыкновенными людьми, на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Почти каждому изъ насъ приходится разрѣшать роковой вопросъ, служить Богу, или мамонѣ. Христосъ до такой степени отревся отъ личныхъ привязанностей и отъ всѣхъ земныхъ благъ, что, вы знаете, когда родная мать пришла однажды искать его, Онъ сказалъ: „у Меня нѣтъ матери, у Меня нѣтъ братьевъ“.

Все это было для меня такою новостью, это было сказано съ такимъ чувствомъ и такъ краснорѣчиво, что я едва вѣрилъ ушамъ своимъ. Конечно, все это я читалъ, даже училъ когда-то со свуккой, и безъ всякаго интереса слушалъ иногда въ церкви... Но теперь? Неужели же это та самая книга? Какъ это все ново и глубоко, интересно и поучительно!

Онъ самъ былъ возбужденъ своими идеями, сопоставленіями и все болѣе и болѣе увлекался живой передачей вѣчныхъ истинъ нравственности и добра.

Утомленія его давно не было и помину; голосъ его звучалъ

какъ серебро и мысли новыя яркія, казалось, такъ и вспыхивали въ его мозгу и краснорѣчиво звучали. Я былъ глубоко потрясенъ. И внутренне давалъ уже себѣ обѣщаніе начать совсѣмъ новую жизнь...

Далеко за полночь. Онъ удивился, взглянувъ на часы, очень позднему времени.

— „А мнѣ завтра надобно рано вставать!“ прибавилъ онъ.

Я тоже засуетился и опять вспомнилъ объ его усталости.

Онъ посвѣтилъ мнѣ самъ по черной лѣстницѣ. Съ непривычкой провинціала, я едва спустился до двора и былъ въ какомъ-то особенномъ возбужденномъ настроеніи. Я не могъ заснуть въ эту ночь. Цѣлую недѣлю былъ я подъ впечатлѣніемъ этого вечера; онъ меня совсѣмъ перевернулъ.

Успокоившись понемногу, я началъ компоковать „Искушеніе Христа въ пустынь“, подъ впечатлѣніемъ его разказа. Я поставилъ Христа на вершинѣ скалы, передъ необозримой далью, съ морями и городами. Онъ отвернулся съ трагическимъ выраженіемъ отъ искушающаго вида и зажмурилъ глаза. Одной рукой онъ судорожно сжималъ свой огромный лобъ, а другой отстранялъ отъ себя неотвязчивую мысль земной славы и власти. Одѣлъ его въ короткій хитонъ, а босыя ноги были въ царапинахъ.

Съ этого времени я часто сталъ ходить къ Крамскому и боялся только, чтобы ему не надоѣсть. Онъ бывалъ всегда такъ разнообразенъ и интересенъ въ своихъ разговорахъ, что я часто уходилъ отъ него съ головой, трещавшей отъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. По вечерамъ онъ обыкновенно что нибудь рисовалъ горнымъ соусомъ, большею частью это были заказные портреты съ фотографій.

II.

Академія.

Черезъ нѣкоторое время я поступилъ въ академію художествъ, но рисунки свои, послѣ академическихъ экзаменовъ, приносилъ Крамскому; меня очень интересовали его мнѣнія и замѣчанія. Мнѣткостью своихъ замѣчаній онъ меня всегда поражалъ. Особенно удивляло меня какъ это, не сравнивая съ оригиналомъ, онъ указывалъ мнѣ, совершенно вѣрно, малѣйшіе пропуски и недостатки. Именно этотъ полутонъ былъ сильнѣе, это я уже замѣтилъ на экзаменѣ, и глазныя орбиты снизу и нижняя плоскость носа, съ плафона, дѣйствительно были шире. А вотъ вѣдь академическіе профессора-то наши старички, вѣдь сколько разъ подходили, подолгу смотрѣли, даже карандашемъ что-то проводили по моимъ контурамъ, а этихъ ошибокъ не замѣтили; а вѣдь какъ это важно; совсѣмъ другой строй головы получается. Мало по малу я потерялъ къ нимъ довѣріе и интересовался только замѣчаніями Крамскаго и слушалъ только его.

— „Ну, а что вы дѣлаете дома, сами, свободно?“ спросилъ онъ меня однажды.

— Я написалъ головку старушки и маленькой дѣвочки, отвѣчалъ я робко.

— „Принесите-ка, покажите, это меня интересуеетъ, признаюсь, даже болѣе, чѣмъ ваши академическія работы; потому что въ свободныхъ работахъ болѣе проявляется личность художника и его, собственно, легче судить по его самостоятельнымъ работамъ. Работа вмѣстѣ съ сотнею другихъ учениковъ и съ одной натуры, вы невольно впадаете въ общій шаблонъ. Тутъ трудно даже узнать, что вы за птица и какія вы будете пѣть пѣсни. А вотъ подайте что нибудь ваше—и тутъ вы будете видны со всѣми вашими задатками и особенностями, а это-то и важно, это-то и интересно въ искусствѣ. Да, продолжалъ онъ, задумавшись, къ несчастію наша академія не хочетъ признавать этого способа распознаванія своихъ учениковъ и до такой степени, что не удостоила испытаніемъ даже совсѣмъ уже окон-

чившихъ художественное развитіе программистовъ: тринадцать человѣкъ, получившихъ уже золотыя медали, были уволены изъ академіи. Я думаю, вы слышали эту исторію?*

Исторія выхода изъ академіи 13 программистовъ, изъ-за свободныхъ темъ, надѣлала тогда много шуму; о ней говорилось много, на всѣ лады; я слышалъ уже кое-что отрывками и, конечно, радъ былъ случаю узнать все изъ первыхъ устъ объ этомъ событіи, такъ какъ Крамской былъ, можно теперь связать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой академической драмы.

Теперь, спустя уже 25 лѣтъ, событіе это представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ жизнь русская проснулась отъ долгой нравственной и умственной спячки, прозрѣла, и первое, что она хотѣла сдѣлать, умыться, очиститься отъ негодныхъ отбросовъ, отъ рутинныхъ элементовъ, отжившихъ свое время. Во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ поприщахъ искали новые здоровые пути. Молодость и сила свѣжей русской мысли царила вездѣ, весело, бодро шла впередъ и ломала безъ сожалѣнія все, что находила устарѣлымъ, не нужнымъ! Не могла же эта могучая волна интеллигенціи не захватить и русскаго искусства и не захлеснуть въ академію художествъ. Хотя академія стояла всегда особнякомъ, своей русской жизни не видала и не признавала, а питалась все еще только римскими художественными консервами; но почва въ академіи, однако-же, въ это время, была уже достаточно подготовлена для этой, освѣжавшей все, волны. Въмѣсто прежняго замкнутаго пансіона, куда поступали, часто безъ всякаго художественнаго призванія, дѣти ближайшихъ чиновниковъ, мастеровъ и т. п., съ 10 лѣтъ, и воспитывались тамъ по всѣмъ правиламъ псевдо-классическаго искусства, оторванные совершенно отъ реальной русской жизни,—теперь же, съ тѣхъ поръ какъ въ академіи были уже приходящіе вольнослушатели, въ нее потянулись со всѣхъ концовъ Россіи юноши разныхъ сословій и возрастовъ. Тутъ были и полубразованные мѣщане и совсѣмъ невѣжественные крестьяне, и люди съ университетскимъ образованіемъ; но всѣ они шли сюда уже по собственному влеченію и несли свои идеи. Они были подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ своихъ мѣстныхъ образовъ, чисто

русскихъ. Понятно, имъ сухой и не интересной казалась высокая академическая премудрость, они плохо понимали ее. Чужды были имъ и вѣчные римскіе идеалы. Они были искренни и, какъ русскіе люди, не могли притворяться мѣющимися отъ восторга передъ папскимъ искусствомъ запада; оно казалось имъ фальшивымъ, вычурнымъ и напыщеннымъ. Они любили родную жизнь, близкіе сердцу образы и инстинктивно вѣрили въ свое, русское искусство. Мѣстная жизнь и природа стояли еще свѣжо передъ ихъ глазами и тянули къ себѣ—кого въ Малороссію, кого въ Сибирь, кого на сѣверъ Великороссіи.

Но сколько надо силъ и непоколебимости натуры, чтобы въ теченіи 8—9, а иногда 12 лѣтъ академическаго дрессированія на старыхъ образцахъ классики, сохранить природное влеченіе!.. Надо взять еще во вниманіе, что многіе юноши, по трудности сообщенія тогда и по недостатку средствъ, не имѣли возможности во все это время побывать на родинѣ. Разумѣется, многіе забывали свои дѣтскія впечатлѣнія и втягивались совсѣмъ въ академическую рутину. Но были и такіе вѣрныши, что выдерживали и, хотя искалѣченные порядкомъ, все еще стремились къ своему тлѣющему внутри огоньку.

Талантливая плеяда русскихъ художниковъ 1860-хъ годовъ, о которой идетъ рѣчь и къ которой принадлежалъ И. Н. Крамской, была именно такая. Они прекрасно выучились рисовать и писать, имѣли уже малыя золотыя медали за картины на заданную тему, готовились къ конкурсу на большія золотыя медали, но подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній времени стали дорожить своею личностью художника, рвались къ самостоятельной дѣятельности въ искусствѣ и мечтали, о дерзкіе! „о созданіи національной русской школы живописи!..“ Это были уже вполне взрослые и правоспособные люди, почти каждый изъ нихъ имѣлъ уже около 30 лѣтъ отъ роду, и совершенно развитое, опредѣленное сознаніе своихъ правъ и обязанностей, какъ художника и какъ человѣка.

Время 1860-хъ годовъ особенно развивало самосознаніе.

Въ теченіи своего долгаго академическаго курса, при своей любознательности провинціаловъ, помянутые художники много читали, искали, учились и въ концу курса академіи стояли уже очень твердо и самостоятельно въ своей сферѣ. У каждаго была уже на готовѣ излюбленная имъ тема картины, которую онъ,

какъ дорогой завѣтъ, носилъ въ своей душѣ долгое время и страстно мечталъ о возможности перенести ея на холстъ.

Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ своемъ правѣ на самостоятельную уже работу, получивъ за 12 лѣтъ сильное отвращеніе къ намозолившей имъ глаза академической схоластики и побуждаемые страстнымъ внутреннимъ желаніемъ творчества, они задумали, наконецъ, просить совѣтъ академіи разрѣшить имъ программы на большую золотую медаль выполнить по собственнымъ сюжетамъ. Въ официальныхъ прошеніяхъ, поданныхъ, каждымъ въ отдѣльности, въ совѣтъ академіи, они очень почтительно, толково и серьезно доказывали особенность каждой личности художника, его міросозерцанія, темперамента и личныхъ симпатій. Одна тема для 14 человѣкъ художниковъ была бы большою несправедливостью и представляла бы почти лотерейную удачу тѣмъ счастливымъ, чьи симпатіи совпали бы съ задачей. На тему, напримѣръ, фантастическую провалились бы всѣ реалисты; на драмѣ оказались бы слабыми таланты чистой пластики и красоты внѣшней формы; на темѣ исторической провалились бы всѣ жанристы и т. д.; а между тѣмъ, предоставляя каждому выражаться свободно, на собственную тему, совѣтъ имѣлъ возможность судить о цѣлой личности художника и человѣка и могъ бы полнѣе опредѣлить его достоинства. Убѣжденные совершенно въ своей правотѣ и невозможности продолжать противъ своего убѣжденія, конкуренты въ заключеніе просили совѣтъ, въ случаѣ отказа ихъ просьбъ, уволить ихъ изъ академіи.

Совѣтъ академіи счелъ эти просьбы несмысленною дерзостью и единогласно отказалъ. Профессора академіи давно уже стали замѣчать въ лучшихъ выдающихся ученикахъ какую-то апатію къ высокому стилю въ искусствѣ и уклоненіе ихъ къ низшему роду, жанру. Профессора знали, что это были большею частью пришлые изъ дальнихъ мѣстъ Россіи, полуобразованные мѣщане. Лѣтомъ, побывавъ на родинѣ, эти самобытники привозили иногда этюды мужиковъ, въ лаптяхъ и полушубкахъ, у немазанныхъ телѣгъ; это очень претило возвышенному взгляду профессоровъ и казалось имъ мове жанромъ. Чего добраго, эти чудаки-жанристы и на большую золотую медаль стали бы писать эти свои скинскія прелести, съ пропорціями эскимосовъ! вмѣсто прекрасно развитыхъ формъ обнаженнаго тѣла—полушубки, хороша ана-

томія; вмѣсто стройныхъ колоннъ греко-римскихъ—повривившіяся избы, плетни, заборы и сараи—хорошъ фонъ! Этого еще не достовало! Профессора-классики добродушно хохотали между собою, какъ боги на Олимпѣ. Вооруженные классическими авторитетами многихъ вѣковъ, они, конечно, были похожи на боговъ, въ сравненіи съ этими жалкими начинателями чего-то новаго—рабами. Языческіе боги были еще во всей силѣ и вѣрили въ свое высокое назначеніе.

Прежніе воспитанники академіи, поступавшіе въ нее съ малолѣтнаго возраста и получавшіе „правильное“ художественное развитіе, смотрѣли на своихъ профессоровъ какъ на боговъ; они почти не знали реальной жизни, шумящей тамъ, гдѣ-то, за стѣнами академіи. Изящное воспитаніе тщательно оберегало ихъ отъ „вредныхъ“ соприкосновеній съ низшимъ народомъ. Академическій садъ, съ живописными глыбами камней, убранныхъ оттуда лѣтъ 17 назадъ, замѣнялъ имъ всю природу.

Природа настоящая, прекрасная природа, признавалась только въ Италіи и преподносилась имъ въ пейзажахъ Н. Пуссена. Въ Италіи же были и вѣчно-недосыгаемые образцы высочайшаго искусства. Профессора все это видѣли, изучали, знали и учениковъ своихъ вели въ той же вѣчной цѣли художника, къ тѣмъ же неувыдаемымъ идеаламъ. Понятно, съ какимъ святымъ восторгомъ и замираніемъ сердца ученики стремились туда... „гдѣ лимонныя рощи шумать...“ Въ искусствѣ все было рѣшено, сомнѣній не было, путь ровный, ясный, усаженный розами. Бывали иногда преступники, сбившіеся съ пути, но они строго наказывались, исключались или увѣщевались и снова обращались на путь истины. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ фактовъ, записанный Н. А. Рамазановымъ („Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи“). Я не помню именъ и подробностей, но суть въ слѣдующемъ: молодой талантливый ученикъ скульптуры вылѣпилъ комическую фигуру пьянаго нѣмца. Фигурка эта произвела всеобщій фуроръ, на нее нельзя было смотрѣть безъ смѣха. Юноша получилъ вдругъ нѣсколько заказовъ; формовщикъ приготавливался уже отливать заказные экземпляры. Молодой художникъ наслаждался славой перваго успѣха и замышлялъ уже нѣчто новое въ томъ же родѣ, такъ какъ комизмъ, вѣроятно, былъ

въ его натурѣ... Но вотъ отворяется дверь его студіи и входитъ его профессоръ, мрачный, разстроенный...

— „И все знаю, говорить онъ угрюмо, гдѣ эта фигурка?“

Ученикъ, озадаченный, робко показываетъ на маленькаго, веселаго нѣмца. Профессоръ безнадежно покачалъ головой, задумался...

— „Разбей! сейчасъ-же разбей!“ грозно сказалъ онъ.

Авторъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, но вдругъ онъ исполняется экстазомъ покаянія, схватываетъ статуетку—и трахъ объ полъ.

— „А формы гдѣ?“ спросилъ профессоръ, уже смягченный благороднымъ подвигомъ.

— „У формовщика, отливаются, много заказовъ...“ бормоталъ художникъ.

— „Пойдемъ туда! надо уничтожить зло съ корнемъ...“

И зло было уничтожено.

Ученикъ далъ вѣтву профессору никогда не профанировать классическаго назначенія скульптуры. Академическая традиція торжествовала, проглотивъ такую самобытную жертву.

Вотъ каковы были настоящія отношенія профессоръ къ ученикамъ, „правильно“ воспитаннымъ съ малолѣтства. И вдругъ теперь эти самоучки, мѣщане, такъ дерзко осмѣливаются развивать предъ цѣлымъ совѣтомъ свою новую теорію, учить профессоръ и ставить ультиматумъ академіи! Въ своемъ нелѣпномъ заблужденіи они ставили себя уже наравнѣ съ ними, заслуженными профессорами! Этого никогда еще не случалось въ лѣтописяхъ академій всего образованнаго міра.

Позволить имъ свободные сюжеты! Одни напишутъ лапти полусубки, другіе парчу, золото, третьи благородныя человѣческія формы — извольте ихъ разбирать! Люди они талантливые, конечно, но испорченные въ конецъ неправильнымъ воспитаніемъ. Это невѣжественное самомнѣніе достойно примѣрнаго наказанія. Чтобы эта дерзкая нелѣпность не посмѣла повториться!

Профессора расхохотались бы, если бы ктонибудь сказалъ имъ въ то время, что этотъ протестъ молодыхъ людей имѣлъ глубокое, національное основаніе, что художники истинно чувствовали въ себѣ уже представителей земли русской отъ искусства. Да даже и практически это было такъ. Ихъ

выдѣлялъ изъ своей среды русскій народъ, какъ художниковъ, и ждалъ отъ нихъ понятнаго ему роднаго искусства. Западное — ему всегда было чуждо. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нужна особая подготовка, особое воспитаніе, чтобы понимать искусство другой народности.

III.

Национальность.

Итакъ, вполне развитые художники, самые сильные русскіе таланты безъ всякаго сожалѣнія были уволены академіей художествъ. Они были бѣдны, неизвѣстны обществу, но у нихъ было много энергіи и много злобы противъ устарѣлыхъ академическихъ авторитетовъ, противъ отжившей псевдо-классики. Корифеи академіи добродушно торжествовали свою олимпійскую побѣду надъ возмущившимися рабами. Въ то время имъ и въ голову не приходило, что они-то, стоящіе на недосыгаемой высотѣ академическаго авторитета — они-то собственно и были побѣждены, свержены съ пьедестала и значеніе ихъ съ этого роковаго выхода изъ академіи молодыхъ художественныхъ силъ было подорвано и уничтожено навсегда.

Профессора попрежнему посѣщали классы академіи, внѣшность ихъ казалась еще внушительнѣй; знамя классики, казалось, приподнято было еще выше, академія благоденствовала. Но выдающаяся, даровитая русская молодежь перестала совсѣмъ вѣрять имъ и съ презрѣніемъ отворачивалась уже отъ истрепаннаго классическаго знамени.

Это событіе выхода изъ академіи лучшихъ, даровитыхъ силъ выхода изъ-за справедливаго ихъ требованія — въ преувеличенномъ тенденціозномъ видѣ циркулировало тогда въ либеральной части общества, заинтересованнаго искусствомъ: приплетались сюда и зависть, и нѣмцы, и профессорскія дѣти, и кумовство.

Но изъ-за всѣхъ этихъ неправдоподобныхъ уже сплетенъ все значительнѣе и выше выростали пострадавшіе молодые русскіе художники, все ниже и ниже падали академическіе боги.

Но жутко и горько было молодымъ художникамъ, въ особенности въ первое время выхода.

Они вдругъ должны были очистить свои академическія мастерскія, въ которыхъ они работали и жили, совсѣмъ свободно, не только сами, но давали часто мѣсто бѣдняку-пріятелю, художнику, писать свою картинку и тутъ же спать въ уголку. За нѣсколько лѣтъ житья здѣсь, поддерживаемые стипендіями, они сильно привыкли къ своимъ мастерскимъ, гдѣ проходила ихъ самая горячая молодость. Не смотря на то, что то были части казеннаго зданія, мастерскія представляли очень теплыя жилища, съ полной свободой нравовъ и поведенія. Нѣкоторыхъ конкурентовъ окружала здѣсь цѣлая семья родственниковъ или другихъ приживаловъ. Нѣкоторыя славились темной славой оргій, распущенности и грязи, всего бывало. Но въ описываемое мною время большинство мастерскихъ приняло характеръ положительно интеллигентный. Вся плеяда, о которой я пишу, была очень серьезно настроена, работала надъ собой и жила высшими идеалами. Въ мастерскихъ у нихъ было множество книгъ серьезнаго характера, ваялись въ разныхъ мѣстахъ совсѣмъ новые журналы того горячаго времени и газеты. По вечерамъ, до поздней ночи, здѣсь происходили общія чтенія, толки, споры. Выработывалось сознание правъ и обязанностей художника. Здѣсь много агитаторствовалъ Крамской за идею національности въ искусствѣ. Здѣсь же сочинялось Крамскимъ роковое прошеніе, которое потомъ, переписанное въ четырнадцать экземплярахъ, подано было въ Совѣтъ академіи ¹⁾. Здѣсь они давали честное слово не измѣнять товарищамъ, и, въ случаѣ отказа совѣта, выходить всѣмъ. И всѣ они сдержали свое слово, исключая одного Заблоцкаго; онъ отдѣлился отъ нихъ въ роковую минуту въ совѣтѣ академіи и принялъ заданную тему, но провалился на ней. Маленькій, черненькій, худенькій—онъ производилъ очень жалкое впечатлѣніе.

Изъ этихъ же академическихъ мастерскихъ вышла цѣлая серія прекрасныхъ, свѣжихъ русскихъ картинъ.

Надобно сказать, что какимъ-то чудомъ, благодаря, кажется, настоянію *Θ. Θ. Львова*, въ академіи, въ видѣ опыта, учредили отдѣлъ жанристовъ и позволили имъ въ мастерскихъ писать сцены изъ народнаго быта (этотъ отдѣлъ вскорѣ былъ закрытъ

¹⁾ Черновое прошеніе найдено теперь въ его бумагахъ, оно сочинялось и перечеркивалось его рукой.

почему-то). Итакъ, въ это же время изъ той же классической академіи вышло на свѣтъ нѣсколько русскихъ картинокъ, на собственныхъ, конечно, темы ¹⁾.

На академическихъ выставкахъ 1860-хъ годовъ эти картины производили какою-то прелесть. Русская публика совсѣмъ непосредственно радовалась на нихъ какъ дитя. Это было свѣжо, ново, интересно и забавно; это производило необыкновенное оживленіе. Кто не помнитъ, напримѣръ, картинъ: „Предложеніе дочери портнаго“ Петрова, „Партія арестантовъ“ Якоби, „Пьянаго отца семьи“ Корзухина, „Отгадай кто пришелъ“ Журавлева, „Отправленіе въ школу“ Карнѣева, „Опись имѣнія“ Журавлева, „1-е число“ Петрова, „Чаепитіе въ трактирѣ“ и „Складъ чая на нижегородской ярмаркѣ“ Попова, „Больное дитя“ Максимова, „Офеня съ образами“ Кошелева, „Славильщики“ Саломаткина и много другихъ. Изъ московской школы: „Первый чинъ“ Перова и опять таки много другихъ.

Отъ этихъ небольшихъ картинокъ вѣяло такою свѣжестью, новизной и, главное, поразительной реальной правдой и поэзіей настоящей русской жизни. Да, это былъ истинный разцвѣтъ русскаго искусства! Это былъ прекрасный коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ на затхлому петербургскомъ болотѣ. Это былъ первый разцвѣтъ національнаго русскаго искусства.

Однако-же успѣхъ новой русской школы былъ далеко не полный; ему радовалась только непосредственная, чистая сердцемъ публика, не заѣденная классическими теоріями эстетики. Публика малоавторитетная, не богатая, она не могла поддержать роднаго искусства матеріально. Люди же „хорошаго тона“, меценаты, съ развитымъ вкусомъ, воспитаннымъ, главнымъ образомъ, на итальянскомъ искусствѣ—эти авторитетные цѣнители изящнаго, вопіали и отворачивались съ негодованіемъ отъ этихъ непривычныхъ имъ картинокъ. Въ своихъ отзывкахъ объ этихъ новыхъ картинахъ они, вопреки даже своему тону, доходили до несправедливости, до преувеличеній, говорили, напримѣръ, что

¹⁾ См. интересныя „Воспоминанія Федора Федоровича Львова“, бывшаго конференцъ-секретаря императорской академіи художествъ, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“, изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 633—654; изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 385—416: „Академія художествъ въ годы ея возрожденія, 1859—1864 гг.“.

кромѣ пьяныхъ мужиковъ, полуштофовъ и лаптей, да еще гробовъ въ придачу—нынѣшніе молодые художники ничего не видятъ и не способны подняться надъ окружающею ихъ грязью. Гдѣ-же красота? Гдѣ пластика? Они не только не покупали этихъ картинъ, но даже совсѣмъ перестали бывать на выставкахъ. Приходилось бѣднымъ художникамъ за безцѣнокъ отдавать свои скромные и дорогостоящіе себѣ труды: то портному за платье, то сапожнику за сапоги, то оставлять за долгъ квартирной хозяйкѣ. Охваченный такимъ холодомъ съ главныхъ сторонъ существованія, этотъ юный разцвѣтъ русскаго искусства долженъ былъ совсѣмъ замерзнуть и погибнуть. Но нашлись богатые и истинно русскіе люди, которые пригрѣли и приютили эти молодые ростки и тѣмъ положили очень прочное основаніе русской школы—то были К. Т. Солдатенковъ и П. М. Третьяковъ, особенно П. М. Третьяковъ,—онъ довелъ свое дѣло до грандіозныхъ, безпримѣрныхъ размѣровъ и вынесъ одинъ, на своихъ плечахъ, вопросъ существованія цѣлой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвигъ! Но любовь, пониманіе и собираніе роднаго искусства въ гг. Третьяковѣ и Солдатенковѣ совершились гораздо позже. Въ это же время молодые художники имѣли поддержку только отъ академіи.

Искусство любить время и средства, а главное—любовь къ себѣ; молодой художникъ страстно жертвуетъ всѣмъ для осуществленія своей идеи; онъ не щадитъ своихъ силъ и терпитъ всевозможныя лишенія, отдаваясь картинѣ. Это напряженіе, это самозабвеніе производитъ иногда чудеса; но оно не можетъ продолжаться долго и пройти безнаказанно для авторовъ. Мало по малу, энергія ослабѣваетъ, послѣдняя возможность ресурсовъ прекращается и художникъ бываетъ вынужденъ работать по заказу, безъ порыва, безъ вѣры въ дѣло, работать для денегъ. Молодому художнику мало вѣрять; новыхъ формъ искусства почти никто не понимаетъ и отъ него требуютъ выполненія на вкусъ заказчика. Хорошо еще, если имѣются заказы! Художникъ торопится сдѣлать ихъ поскорѣй, чтобы приступить къ завѣтной идеѣ, но ему возвращаютъ заказъ; онъ не угодилъ, долженъ передѣлать; а тамъ другой... а время уходитъ; порывы остываютъ и творческая способность покрывается плѣсенью ремесла. Растутъ потребности жизни, онъ постигаетъ вкусы заказчиковъ; приобретаетъ репутацію хорошаго

исполнителя, и ему валяют заказы. Многие художники удовлетворяются этою дѣятельностью и називаютъ даже состояніе. Но есть люди съ крѣпкимъ характеромъ. Они и во время исполненія заказовъ непрестанно думаютъ о своемъ внутреннемъ совершенствѣ и каждую свободную минуту несутъ своему истинному призванію.

Въ такомъ именно положеніи былъ Крамской, когда я познакомился съ нимъ. Онъ давалъ уроки, рисовалъ портреты съ фотографій, ретушировалъ большой величины фотографическіе портреты; работалъ за гроши; но, въ то-же время, постоянно думалъ о саморазвитіи въ широкомъ смыслѣ. Онъ много читалъ по ночамъ и сочинялъ эскизы излюбленныхъ темъ своихъ въ свободныя минуты. Онъ обрабатывалъ въ то время нѣсколько эпизодовъ изъ „Майской ночи“ Гоголя.

Своимъ живымъ, дѣятельнымъ характеромъ, общительностію и энергіей Крамской имѣлъ большое вліяніе на всѣхъ товарищей, очутившихся теперь, вдругъ, въ очень трудныхъ обстоятельствахъ. При несомнѣнной и большой талантливости, многие изъ нихъ были люди робкіе, безхарактерные; они никого кромѣ академіи не знали и ихъ никто еще не знаетъ, за исключеніемъ пріятелей, да натурщиковъ. Изъ теплыхъ стѣнъ академіи они въ продолженіе многихъ лѣтъ ученія почти не выходили. Теперь, поселившись по разнымъ дешевымъ кануркамъ въ раздробь, они все чаще и чаще собирались у Крамскаго и сообща обдумывали свою дальнѣйшую судьбу. Послѣ долгихъ измышленій они пришли къ заключенію устроить, съ разрѣшенія правительства, артель художниковъ, — нѣчто вродѣ художественной фирмы, мастерской и конторы, принимающей заказы съ улицы, съ выѣской и утвержденнымъ уставомъ. Они наняли большую квартиру въ 17-й линіи Васильевскаго острова и переѣхали (большая часть) туда жить вмѣстѣ. И тутъ они сразу ожили, повеселѣли. Общій большой свѣтлый залъ, удобные кабинеты каждому; свое хозяйство, которое вела жена Крамскаго; все это ихъ ободрило. Жить стало веселѣе, появились и кое-какіе заказы. Общество — это сила. Теперь у нихъ уже не скучныя канурки, гдѣ не съ кѣмъ слова сказать и отъ скуки, неудобства и холода не знаешь куда уйти. Теперь они чувствовали себя еще свободнѣй, чѣмъ въ академическихъ мастерскихъ, и связь свою чувствовали ближе и безкорыстно

вліяли другъ на друга. Но не успѣли они оправиться и вздохнуть свободно, какъ ихъ постигло одно горе: заболѣлъ, и очень серьезно, чахоткой, одинъ изъ нихъ, Песковъ; товарищи считали его самымъ талантливымъ между собою. Докторъ нашелъ необходимымъ для Пескова ѣхать въ Крымъ. Что было дѣлать? (Чтобы онъ дѣлалъ въ одиночку!). Но артель—сила; они собрали наскоро необходимую сумму и отправили его туда. А для поддержанія его тамъ, сейчасъ-же устроили художественную лотерею. Каждый артельщикъ - товарищъ обязался сдѣлать что нибудь въ пользу Пескова, и вскорѣ залъ ихъ,—общая мастерская, — украсился прекрасной выставкой изъ 15 вещицъ. Тутъ были акварели, рисунки сепіею, маслянные картинки и головки. Съ великими хлопотами, по своимъ знакомымъ, они роздали билеты и выручили за всю коллекцію 300 руб.! Въ то время и это были деньги, искусство не было у насъ избаловано цѣнами. Одна картинка Крамскаго стоила больше. Она представляла сценку изъ малороссійскаго быта. На баштанѣ, передъ куренемъ, бакшевникъ дѣлаетъ мальчику коня изъ лозины, мальчишка, впившись, ждетъ съ нетерпѣніемъ, а братишка его, поменьше, уже скачетъ вдаль, по межѣ, на такомъ-же вноходцѣ. Картинка была исполнена очень строго, съ натуры.

Вырученныя деньги были посланы Пескову. Но онъ, къ общему ихъ горю, не вернулся изъ Крыма и не выздоровѣлъ тамъ. По смерти его присланы были въ артель его эскизы, очень талантливые жанры. Особенно памятенъ мнѣ: „Вагонъ 3-го класса ночью“: мужики, рабочіе, завалили его весь своими неуклюжими тѣлами и неизящными востюмами; но вышло необыкновенно живописно при тускломъ свѣтѣ фонарей. Другой представлялъ „Пирушку офицеровъ, на квартирѣ“, гдѣ-то въ западномъ краѣ, о чемъ легко было догадаться по жиду у порога, докладывавшаго что-то подобострастно лихому гусару, съ гитарой, въ одной рубашкѣ. Картинка живописно компаковалась и имѣла много жизни и типовъ. Въ Крыму Песковъ написалъ собственный портретъ. Это былъ меланхолическій блондинъ, напоминавшій нѣсколько К. П. Брюллова.

Крамской и его товарищи, кромѣ множества заботъ, имѣли непріятности съ разныхъ сторонъ. Особенно раздражало Крамскаго непониманіе нѣкоторыхъ господъ ихъ поступка съ академіей.

„Ну что взяли,—говорили имъ многіе откровенно.—Вѣдь вы теперь были бы въ Италіи, на казенный счетъ; совершенствовались-бы тамъ на образцахъ“...

Что было отвѣчать этимъ добрымъ людямъ?... Злые находили поступокъ этихъ сомобытниковъ художниковъ хитрой уверткой.

„Они знали,—говорили эти практики,—что медаль-то вѣдь одна, большая золотая. Вотъ Крамской и замутилъ, чтобы она никому не досталась; а ему-то ее какъ своихъ ушей не увидеть бы. Вѣдь ихъ было 14 человекъ, да все какіе силачи! Шустовъ или Песковъ,—вотъ кто получилъ-бы“...

Не смотря и на другія многія невзгоды, Крамской былъ всегда привѣтливъ, веселъ и дѣятеленъ. Съ сигаркой во рту, онъ работалъ не повладея рукъ. Часто увлекался въ горячіе споры съ товарищами, „все о матеріяхъ важныхъ“, и въ то-же время находилъ досугъ къ молодымъ ученикамъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, относиться всегда очень серьезно и внимательно. Надо сказать, что вѣдь эта практика была вся—gratis. Ученики, испытавъ разницу его преподаванія отъ академическаго, пробили къ нему торную дорожку.

IV.

У ч и т е л ь .

— „А, ну что, принесли?“ сказалъ привѣтливо и весело Иванъ Николаевичъ, увидѣвъ меня вошедшаго съ небольшою папкой подъ мышкой. У него въ это время сидѣлъ кто-то изъ постороннихъ и мнѣ совѣстно стало развертывать и показывать свою домашнюю вольную работу.

„Покажите-ка“. Я вынулъ голову старушки, написанную на маленькомъ картончикѣ.

— „Какъ! это вы сами?“ сказалъ онъ серьезно. „Да это превосходно! Это лучше всѣхъ вашихъ академическихъ работъ. Посмотрите-ка“, обратился онъ къ гостю.

„Да, это практикъ, проямилъ подошедшій, взглянувъ апатично на мой картончикъ. Вы, должно быть, уже много писали?“ обратился онъ ко мнѣ, глядя на мой сѣренькій, занопенный скруточокъ.

— Да, я писалъ много образовъ, и портреты съ натуры иногда писалъ, отвѣтилъ я.

„То-то, это сейчасъ видно; вы хорошо подготовлены, въ академіи вы скоро пойдете. Правда, Иванъ Николаевичъ, это ужъ я замѣтилъ; практики, иконописцы изъ провинціи живо въ академіи медальки хватаютъ“.

— Отчего-же, скажите, Иванъ Николаевичъ, вы находите, что это лучше моихъ академическихъ рисунковъ? обратился я къ Крамскому.

— „Оттого, что это болѣе тонко обработано, тутъ больше любви къ дѣлу; вы старались отъ души передать что видѣли, увлекались бессознательно многими тонкостями натуры и вышло удивительно вѣрно и интересно. Дѣлали какъ видѣли, и вышло оригинально. Тутъ нѣтъ ни сочныхъ планчиковъ, ни академической условной прокладки, избитыхъ волеровъ; а какъ вѣрно уходить эта свѣтовая щечка, сколько тѣла чувствуется на вискѣ, на лбу, въ мелкихъ складкахъ! А потомъ глаза,—въ академіи такъ не рисуютъ ихъ и не считаютъ нужнымъ такъ ихъ заканчивать,—очень серьезно и строго обработаны глаза. Краски тоже, все это просто у васъ, а близко, очень близко къ натурѣ. Въ академическихъ вашихъ работахъ вы впадаете уже въ общій шаблонный приѣмъ условныхъ бликовъ и ловкихъ штриховъ, которыхъ, я увѣренъ, вы въ натурѣ, на гипсѣ, не видите. Вотъ вамъ и школы, и академіи“, продолжалъ онъ, какъ-бы размышляя. „А искусство живетъ и развивается какъ-то само, въ сторонѣ. Дай Богъ вамъ не испортиться въ академіи. За академическія премудрости почти всегда платятся своею личностью, индивидуальностью художника. Сколько уже людей и какихъ даровитыхъ сдѣлалось пошлыми рутинерами. Извольте-ка протянуть десять, двѣнадцать лѣтъ и все подъ одними тѣми-же фальшивыми взглядами на дѣло! Что отъ васъ останется!... Вѣдь что обиднѣе всего, что художника-то и убиваетъ въ ученикѣ академія и дѣлаетъ его ремесленникомъ!... сказалъ онъ со злобной горечью. Нѣтъ, работайте-ка вы почаще сами, дома, у себя, да приносите показатъ, право, интересно даже посмотрѣть; что-то есть живое, новое“.

Хотя я былъ очень поднятъ и польщенъ такой похвалою Крамского, но я не совсѣмъ понималъ тѣ достоинства, о которыхъ онъ

такъ горячо говорилъ; я ихъ совсѣмъ не цѣнилъ и не обращалъ на нихъ вниманія. Напротивъ, меня тогда сводили съ ума нѣкоторыя работы даровитыхъ учениковъ. Ихъ ловкіе удары тѣней, ихъ сильные красивые блики. Господи, какая прелесть! говорилъ я про себя съ завистью. Какъ у нихъ все блеститъ, серебрится, живетъ!.. Я такъ не могу, не вижу этого въ натурѣ. У меня все выходитъ какъ-то просто, скучно, хотя, кажется, и вѣрно. Ученики говорятъ: сухо. Я только недавно сталъ понимать слово: „сушь“. Пробовалъ я подражать ихъ манерѣ — не могу, не выдержу,—все тянетъ кончать больше; а кончишь,—засушить опять. Должно быть, я — бездарность, думалъ я иногда и глабоко страдалъ.

— А что нынче въ академіи задано? спросилъ опять Крамской.
„Потопъ“.

— Батюшки, какъ это ново! Ну, что же, вы подаете эскизъ?
„Да, я надъ нимъ теперь работаю“.

— Принесите послѣ экзамена. Посмотримъ, что вы изъ этого сдѣлаете.

Эскизъ „Потопъ“ я сочинялъ уже двѣ недѣли, на небольшой папкѣ, масляными красками. Безсознательно для себя, я былъ тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ „Помпей“ Брюллова. Мой эскизъ выходилъ явнымъ подражаніемъ этой картинѣ, но я этого не замѣчалъ. На первомъ планѣ люди, звѣри и гады громоздились у меня на небольшомъ остаткѣ земли, въ трагико-классическихъ позахъ. Свѣтлый языкъ молніи шелъ черезъ все небо, до убитой и корчащейся женщины въ серединѣ картины. Старики, дѣти, женщины группировались и блестѣли отъ молніи. Я уже, съ тайнымъ волненіемъ, думалъ, что произвелъ нѣчто небывалое. Что-то онъ скажетъ теперь?! Онъ меня уже порядочно избаловалъ похвалами.

На экзаменѣ мнѣ поставили № 19. „Что они понимаютъ!“ подумалъ я съ презрѣніемъ. Но я былъ неприятно удивленъ равнодушіемъ товарищей къ моему *chef d'oeuvre*'у. Ужъ не изъ зависти ли? мелькало у меня въ душѣ. Ну, это ничего; главное, что онъ скажетъ?!..

Приношу.

— Какъ, и это вы? сказалъ онъ, понизивъ голосъ, и съ лица его въ мигъ сошло веселое выраженіе, онъ нахмурилъ брови.— Вотъ,

признаюсь, не ожидалъ.. Да, вѣдь, это послѣдній день Помпея... Странно!.. Вотъ какъ оно... Да-съ.. Тутъ я ничего не могу сказать. Нѣтъ, это не то. Не такъ...

Я тутъ только впервые, казалось, увидѣлъ свой эскизъ. Боже мой, какая мерзость! И какъ это я думалъ, что это эффектно, сильно! Особенно этотъ языкъ молніи и эта женщина въ центрѣ; вотъ гадость-то!..

А онъ продолжалъ:

— „Вѣдь это не производитъ никакого впечатлѣнія, не смотря на всѣ эти громы, молніи и прочіе ужасы. Все это составлено изъ видѣнныхъ вами картинъ, изъ общихъ избитыхъ мѣстъ. Эта пирамидальная группировка, эти движенія рукъ и ногъ для линий, чтобы компоновалось, и, наконецъ, эти искусныя пятна свѣта и тѣней,—все это рассчитано и весьма плохо рассчитано. Какъ это все избито! Какъ намозолила глаза эта рутинная пошлость!.. Нѣтъ, ужъ вы этотъ приѣмъ бросьте“

Лицо его приняло глубоко серьезное выраженіе и онъ продолжалъ почти таинственнымъ голосомъ:—„Пробовали ли вы вообразить себѣ, дѣйствительно, какуюнибудь историческую сцену? Закрыть глаза, углубиться въ нее совсѣмъ и представить ее въ воображеніи, совсѣмъ какъ живую, передъ вашими глазами?.. Вотъ, собственно, что слѣдуетъ дѣлать художнику, чтобы произвести чтонибудь историческое. Попробуйте, войдите, погрузитесь весь въ вашъ сюжетъ и тогда ловите, что вамъ представляется, и переносите на бумагу, холстъ, все равно. Вы схватите сначала общій тонъ, настроеніе сцены, потомъ начнете различать главныя дѣйствующія лица, можетъ быть не ясно сначала; но, наконецъ, мало-по-малу, вы начнете себѣ представлять все яснѣе и яснѣе и всю картину вашу. Ужъ, разумѣется, вы не подумаете тогда искусственно группировать сцену вашу непременно въ пирамиду, располагать пятна свѣта эффектно, по-вашему, т. е. пошло и избито до тошноты. Свѣтъ и тѣни явятся у васъ сами, совсѣмъ новые, неожиданные, оригинальные. Главные герои картины не будутъ театрално рисоваться на самомъ первомъ планѣ и подъ самымъ сильнымъ лучомъ свѣта, а можетъ быть, какъ бываетъ въ натурѣ, покажутся на второмъ планѣ, въ полутонѣ... Можетъ быть, впечатлѣніе картины оттого только усилится“.

Сначала я былъ убитъ, уничтоженъ, но, мало-по-малу, этотъ новый взглядъ на композицію и совсѣмъ другой способъ воспроизведенія очень меня поразилъ, и мнѣ захотѣлось поскорѣй попробовать что нибудь начать по новому, изъ воображенія. Должно быть очень интересно, думалъ я; — вотъ оно, настоящее-то отношеніе къ дѣлу.

— „Знаете ли, на эту самую тему „Потопъ“ есть картонъ Бруни, продолжалъ Крамской.— У него взято всего три фигуры: старикъ съ дѣтьми, должно быть; они спокойно, молча сидятъ на остаткѣ скалы; видно, что голодные, отупѣлые—ждутъ своей участи. Кругомъ вода. Совсѣмъ ровная, простая, но страшная даль. Вотъ и все. Это былъ картонъ углемъ, безъ красокъ, и производилъ ужасное впечатлѣніе. Оттого, что была душа положена; это былъ, я думаю, плодъ воображенія... Для эскизовъ очень полезно смотрѣть композиціи Дорé. Видѣли вы, напр., иллюстраціи къ поэмѣ Данта—„Адъ?“

Нѣтъ, не знаю.

— „А-а, посмотрите; спросите въ академической библіотекѣ Божественную комедію Данта, иллюстрированную Дорé. Вотъ гдѣ фантазія! Вотъ воображеніе-то! Его долго разсматривать нельзя—ни рисунка, ни формъ; но какіе страшные, впечатлительные фоны, ситуаціи! Какія неожиданныя чудовищныя формы?“... Онъ задумался.—„Читали вы эту комедію Данте?—Нѣтъ?“

— Нѣтъ, не читалъ. А что это за комедія? спросилъ я робко.

— „Да, странное названіе... Это скорѣе трагедія, собственно. Книга эта написана еще въ тринадцатомъ вѣкѣ, въ Италіи, во время борьбы двухъ партій во Флорентинской республикѣ—гибеллиновъ и гвельфовъ. Данте, съ своей партией гибеллиновъ, выгнали изъ роднаго города Флоренціи. Долго скитался онъ по Италіи и, накупивши мести, онъ написалъ поэму въ стихахъ. Онъ описываетъ, какъ попалъ въ адъ, какъ тамъ его провожалъ Вергилій, римскій поэтъ, и объяснялъ ему разныя отдѣленія—круги—грѣшниковъ. Больше онъ описываетъ своихъ флорентинцевъ, какъ они мучаются тамъ за разныя свои темныя дѣла“. Крамской странно, загадочно улыбнулся, углубляясь мысленно.—„Но какой иногда бываетъ неожиданный взглядъ у генія на житейскія дѣла! сказалъ онъ, оживившись.— Вотъ мы, напримѣръ, живемъ и привыкаемъ къ разнымъ жи-

тейскимъ обычаемъ, характерамъ, миримся съ ними и считаемъ ихъ порожденіемъ самой простой житейской мудрости, а геніальный человѣкъ, вдругъ какъ будто факеломъ, освѣтитъ все, покажетъ вамъ, что это такое, и съ тѣхъ поръ вы уже иначе и не смотрите на тѣ явленія. Я, напримѣръ, забыть не могу перваго круга дантовскихъ грѣшниковъ. Онъ описываетъ, что они увидѣли темную пустоту; да, виноваты, это было еще собственно преддверіе ада, изъ этого мрака слышались безнадежные стоны. И какъ бы вы думали, что это были за грѣшники? Я увѣренъ, вы ихъ и за грѣшниковъ не считали. Въ жизни это были благоразумные люди; они не дѣлали ни добра, ни зла, не принимали участія ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ. Кромѣ своихъ собственныхъ житейскихъ интересовъ они не интересовались ничѣмъ. Пусть, напримѣръ, грабятъ на улицѣ слабого человѣка разбойники; они покрѣпче запираютъ окно. Моя хата съ краю, никого не знаю, говорить про нихъ пословица. Они благоразумно уклоняются отъ участія во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ и даже не интересуются, что изъ этого выйдетъ. Словомъ, это были индифферентные ко всему эгоисты; и вотъ ихъ не принялъ ни рай, ни адъ; они наказаны пустотой, презрѣніемъ и скукой въ темнотѣ“.

Такъ часто, увлекаясь какою нибудь случайностью, Крамской рассказывалъ мнѣ много интереснаго и важнаго. Однажды онъ такъ живо, увлекательно и образно рассказалъ мнѣ цѣлую теорію Дарвина: „О происхожденіи видовъ“, что потомъ, впоследствии, когда я читалъ оригиналъ, онъ мнѣ показался менѣ увлекательнѣе, чѣмъ его живой рассказъ.

Не всегда, конечно, онъ былъ свободенъ для рассказовъ; обыкновенно вечерами онъ рисовалъ, горнымъ соусомъ, портреты съ кого нибудь. Въ это время Софія Николаевна, жена его, читала часто что нибудь вслухъ. Въ скоромъ времени большой щитъ, перегораживавшій всю его комнату, наполнился портретами его товарищей-художниковъ и другихъ знакомыхъ. Впоследствии онъ раздарилъ ихъ оригиналамъ. Они были удивительно похожи, живо схвачены и очень серьезно нарисованы.

Съ этихъ поръ я уже каждый свой эскизъ, рисунокъ носилъ къ Крамскому и выносилъ отъ его разъясненій громадную пользу, по поводу каждой вещи.

Какъ онъ много читалъ, какъ много знаетъ! думалъ я, и мнѣ все осязательнѣе становилось мое собственное невѣжество, и я впадалъ въ жалкое настроеніе. Это настроеніе особенно усилилось, когда я познакомился съ однимъ молодымъ студентомъ университета. Узнавъ меня нѣсколько, онъ объявилъ, что мнѣ необходимо серьезно заняться собственнымъ образованіемъ, безъ чего я останусь жалкимъ маляромъ, ничтожнымъ, бесполезнымъ существомъ.

— „Хорошо было-бы, если-бы вы совсѣмъ бросили этотъ вздоръ, ваше искусство. Теперь не то время, чтобы заниматься этими пустяками“ говоритъ онъ.

Онъ далъ мнѣ нѣсколько книжекъ, которыя я хотя и плохо понималъ, но онѣ мнѣ понравились и заставили меня задумываться и вдумываться. Многихъ словъ, особенно, я совсѣмъ не понималъ и обращался къ нему за разъясненіями.

— „Э, батенька, плохи же вы. Да и гдѣ вамъ! Если хотите хоть немножко быть похожимъ на человѣка, сказалъ мнѣ студентъ, бросьте вы совсѣмъ ваше поганое искусство года на четыре, займитесь кое-чѣмъ болѣе серьезнымъ, тогда вы увидите по крайней мѣрѣ себя: можетъ быть вы совсѣмъ и не художникъ и бросите искусство. Вѣдь это обыкновенное явленіе, что интеллектуальныя силы нашего народа, не имѣя возможности проявляться въ наукѣ, за недостаткомъ образовательныхъ учреждений, бросаются на искусство, какъ болѣе доступное; такъ начинали: Шевченко и другіе наши дѣятели изъ народа“.

Я чувствовалъ, что онъ во многомъ правъ, но мнѣ жаль было расставаться съ искусствомъ. Я много думалъ и рѣшилъ пойти посоветываться съ Крамскимъ. Его, на этотъ разъ, я не засталъ дома. Въ ожиданіи, я зашелъ въ комнату другаго артельщика Ж., они меня всѣ знали и относились добродушно, и разговорился съ нимъ о роковомъ для меня вопросѣ, необходимости хорошаго общаго образованія для художника.

— А какъ вы объ этомъ думаете? спросилъ я его.

— „Это пустяки, сказалъ онъ; серьезнаго значенія я этому не придаю. Конечно, хорошо, если кому удалось раньше пройти гимназію; а не удалось, тужить особенно не о чемъ. Читайте въ свободное время; сходитесь съ знающими людьми; исподволь и наверстааете. Всего знать нельзя; и ученые-то пынче, по

иному вопросу они васъ отошлютъ къ спеціалисту. По исторіи, если что понадобится, можно разспросить знающихъ, прочесть сколько есть полныхъ сочиненій. А то, что-жъ вы теперь, горячее-то время самое, когда формируется художникъ, будете тратить на науки. Легко сказать! Съ чего вы теперь начнете?.. Да и есть-ли у васъ средства выдержать цѣлый курсъ что-ли? А главное, я рѣшительно не понимаю зачѣмъ это вамъ? Развѣ въ картинѣ такъ сейчасъ и видно какимъ предметамъ учился художникъ и что онъ знаетъ? Если не умѣетъ нарисовать головы или торса, такъ никакая тригонометрія ему не поможетъ. Тутъ своя наука... Да вѣдь вы же, кажется, по новому уставу? Вѣдь васъ тамъ и такъ теперь всему учатъ. Ученики все жалуются: за лекціями, да за репетиціями, говорятъ, этюдовъ писать некогда. Рисовать совсѣмъ разучились... А въ искусствѣ все-таки прежде всего техника. Какъ пишетъ плохо, такъ будь онъ хоть семи пядей во лбу—никому не нуженъ... Эхъ-ма, вотъ у насъ у русскихъ всегда такъ: далъ ему Богъ талантъ къ живописи, а онъ въ астрономы наровитъ, и нигдѣ ни до чего не дойдетъ. Знаете пословицу: за двумя зайцами гнаться... Нѣтъ, надо что нибудь одно преслѣдовать. Я ничего не говорю противъ того, чтобы знать анатомію, перспективу, теорію тѣней; а прочее... а вотъ, кажется, и Крамской пришелъ, поговорите, поговорите, да и онъ вамъ то-же скажетъ. Вѣдь всѣ мы сами кое до чего добирались, собственнымъ умомъ доходили“.

Я пошелъ къ Крамскому, въ его кабинетъ, и тамъ очень серьезно, какъ умѣлъ, изложилъ предъ нимъ свое намѣреніе, года на три, на четыре, совсѣмъ почти оставить искусство и заняться исключительно научнымъ образованіемъ.

Онъ серьезно удивился, серьезно обрадовался и сказалъ очень серьезно: „Если вы это сдѣлаете и выдержите ваше намѣреніе, какъ слѣдуетъ, вы поступите очень умно и совершенно правильно. Образованіе—великое дѣло! Знаніе—страшная сила. Оно только и освѣщаетъ всю нашу жизнь и всему даетъ значеніе. Конечно, только науки и двигаютъ людей. Для меня такъ ничего нѣтъ выше науки; ничто такъ, кто-жъ этого не знаетъ, не возвышаетъ человѣка, какъ образованіе. Если вы хотите служить обществу, вы должны знать и понимать его, во всѣхъ его интересахъ, во всѣхъ проявленіяхъ; а для этого вы должны быть

самымъ образованнымъ человѣкомъ. Вѣдь художникъ есть критикъ общественныхъ явленій: какую бы картину онъ ни представилъ, въ ней ясно отразится его міросозерцаніе, его симпатіи, антипатіи, и, главное, та неуловимая идея, которая будетъ освѣщать его картину. Безъ этого свѣта художникъ ничтоженъ, онъ будетъ писать, пожалуй даже прекрасныя картины, въ родѣ тѣхъ, какія присылаетъ намъ Худяковъ изъ Рима: Игра въ кегли, напр., — которая теперь выставлена — написана она хорошо, нарисована тоже недурно; но вѣдь это скука; это художественный идиотизмъ! Художественный хламъ, который забывается на другой день и проходитъ безслѣдно для общества. А сколько труда! Сколько стоилъ обществу этотъ художникъ! Его послали за границу, въ него вѣрили, отъ него ждали же чего нибудь, дѣлая затраты. И сколько такихъ непроизводительныхъ затратъ!.. А все оттого, что не даютъ должнаго развитія художникамъ и не обращаютъ вниманія на ихъ духовную сторону... Не въ томъ еще дѣло, чтобы написать ту или другую сцену изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни. Она будетъ простой фотографіей съ натуры, этюдомъ, если не будетъ освѣщена философскимъ міровоззрѣніемъ автора и не будетъ носить глубокаго смысла жизни, въ какой бы формѣ это ни появилось. Почитайте-ка Гете, Шиллера, Шекспира, Сервантеса, Гоголя... Ихъ искусство неразрывно связано съ глубочайшими идеями человѣчества... Надѣюсь, вы понимаете меня?" спросилъ онъ.

— О, совершенно понимаю, отвѣтилъ я.

— „И въ живописи тоже, продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, — Рафаэль, напр., вовсе не тѣмъ великъ, что писалъ лучше всѣхъ; кто былъ за границей говорятъ, что многія вещи Караваджіо выше неизмѣримо, по формѣ, Рафаэля; но Рафаэля картины освѣщаются высшимъ проявленіемъ духовной жизни человѣка, божественными идеями. Въ сикстинской Мадоннѣ онъ выразилъ, наконецъ, идеалъ всего католическаго міра. Оттого-то и слава его разошлась на весь міръ. Да, міръ вѣренъ себѣ; онъ благоговѣетъ только передъ вѣчными идеями человѣчества, не забываетъ ихъ и интересуется глубоко только ими. И Рафаэль не чудомъ взялся: онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со всѣмъ тогдашнимъ ученымъ міромъ Италіи. А надобно знать, что была тогда Италія въ интеллектуальномъ отношеніи!.. Да, вы совер-

шенно правы, что задумались серьезно надъ этимъ вопросомъ. Настоящему художнику необходимо колоссальное развитіе, если онъ сознаетъ свой долгъ—быть достойнымъ своего призванія. Я не скажу, быть руководителемъ общества—это слишкомъ; а быть хотя бы выразителемъ его важныхъ сторонъ жизни. И для этого нужна гигантская работа надъ собою, необходимъ титанической трудъ изученія; безъ этого ничего не будетъ. Вѣдь теперь даже, ученые новые, Бокль, напр.,—и генія уже считаютъ результатомъ труда и терпѣнія долготѣнаго; во вдохновеніе свыше они ужъ не вѣрятъ.—Ахъ, какъ я жалѣю о своей юности! вотъ вы-то еще молоды, а я, продолжалъ онъ, съ глубокой жалостью, помолчавъ немного,—вы не можете представить, съ какой завистью я смотрю на всѣхъ студентовъ и всѣхъ ученыхъ!.. не воротись! Поздно теперь начинать и наверстывать въ 30 почти лѣтъ.. Я иногда думаю: можетъ быть я и не художникъ совсѣмъ; можетъ быть я и не остался бы въ сферѣ искусства при другихъ обстоятельствахъ... Да, образованіе! образованіе! Особенно теперь нужно художнику образованіе. Русскому пора, наконецъ, становиться на собственныя ноги въ искусствѣ, пора сбросить эти иностранныя пеленки; слава Богу, у насъ ужъ борода отросла, а мы все еще на итальянскихъ помочахъ ходимъ. Пора подумать о созданіи своей русской школы, національнаго искусства!.. Что, вы согласны съ этимъ?"

„Еще бы, конечно“, сказалъ я,—хотя долженъ признаться, что въ то время я еще любилъ все искусство, безъ разбору, и національной потребности въ себѣ еще не ощущалъ.

— „Да, науки только и освобождаютъ отъ рабства, продолжалъ онъ,—не даромъ и въ Евангеліи сказано: „и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“. Я считаю, что теперь наше искусство пребываетъ въ рабствѣ у академіи; а она есть сама раба западнаго искусства. Наша задача настоящаго времени—задача русскихъ художниковъ, освободиться отъ этого рабства; для этого мы должны вооружиться всестороннимъ развитіемъ самихъ себя. Да академія-то и состоитъ теперь (дѣло было въ 1865 году) изъ инвалидовъ больше. Пименовъ умеръ, Марковъ устарѣлъ, Басинъ почти слѣпой. Самый интеллигентный человѣкъ теперь тамъ Бруни. Но и по тѣлу, и по духу, это итальянецъ до мозга костей..

Я былъ уже заинтересованъ Бруни черезъ свой презрѣнный „Потопъ“. Но Бруни былъ ректоръ академіи, очень важный генералъ. Въ классахъ появлялся рѣдко, въ ученикамъ не подходилъ и только проходилъ величественно надъ амфитеатромъ натурнаго класса. Однако, случай мнѣ представился. Былъ заданъ эскизъ: „Товія мажетъ глаза ослѣпшему отцу своему“. Какъ особую милость, и мнѣ, въ числѣ немногихъ учениковъ, объявили, что я могу въ такіе-то часы побывать у ректора Э. А. Бруни и выслушать отъ него указанія по поводу эскиза.

Со страхомъ и трепетомъ поднялся я по великолѣпной, свѣтлой лѣстницѣ, къ его ректорской квартирѣ. Принялъ онъ меня милостиво, ласково; эскизъ осмотрѣлъ внимательно, не торопясь.

— Что касается этого,—онъ указалъ многозначительно на свой лобъ,—у васъ есть; но вы некрасиво и слабо компануете. Я вамъ совѣтую: вырѣжьте изъ бумаги фигурки вашего эскиза и пробуйте передвигать ихъ на бумагѣ одна къ другой, дальше ближе, выше, ниже и когда группировка станетъ красива, обведите карандашемъ и вырисовывайте потомъ. Вамъ необходимо заняться такимъ образомъ композиціей.

Это былъ хорошій практическій совѣтъ старой школы, но мнѣ онъ не понравился; я даже смѣялся въ душѣ надъ этой механикой. Какое сравненіе съ теоріей того, подумалъ я, вздохнувъ свободно на улицѣ. Развѣ живая сцена въ жизни такъ подтасовывается? Тутъ всякая случайность красива. Нѣтъ, жизнь, жизнь ловить! Воображеніе развивать. Вотъ что надо... А это—что-то вырѣзывать, да передвигать... Воображаю, какъ онъ расхохочется!..

Впослѣдствіи мнѣ еще разъ довелось выслушать совѣтъ Бруни, когда я уже конкурировалъ на малую золотую медаль. Въ академической мастерской конкурента я долженъ былъ писать картину: Диогенъ разбиваетъ свою чашу, когда увидѣлъ мальчика, пьющаго изъ ручья воду руками.

— У васъ много жанру, сказалъ Бруни недовольно, рассматривая мой эскизъ,—это совсѣмъ живые, обыкновенные кусты, что на Петровскомъ растутъ. Камни тоже—это все лишнее и мѣшаетъ фигурамъ. Для картинки жанра это недурно, но для исторической сцены это никуда не годится. Вы сходите въ Эрмитажъ, выберите тамъ какой-нибудь пейзажъ Н. Пуссена и

скопируйте себѣ изъ него часть, подходящую къ вашей картинѣ. Въ исторической картинѣ и пейзажъ долженъ быть историческимъ.

Его красивое лицо, обѣненное прекрасными сѣрыми волосами, приняло глубокомысленное выраженіе.

— Художникъ долженъ быть поэтомъ и поэтомъ классическимъ, произнесъ онъ, почти декламируя.

Но въ почеркѣвшихъ холстахъ Пуссена я ничего для себя не нашелъ; пейзажи тѣ показались мнѣ такими выдуманными, вычурными, невѣроятными...

V.

К л у б ъ.

Съ основанія артели художниковъ, Крамской былъ старшиною артели и велъ всѣ ея дѣла. Заказныя работы артельщиковъ, по своей добросовѣстности и художественности, возымѣли большой успѣхъ у заказчиковъ и въ артель поступало много заказовъ. Всѣ дѣла велись добросовѣстно, аккуратно, безъ всякой художественной распушенности или небрежности. Заказы исполнялись такъ, что на академическихъ выставкахъ того времени группа работъ артельщиковъ—заказные образа и портреты—занимали самое почтенное мѣсто. Справедливость требуетъ сказать, что Крамской былъ центромъ артели и имѣлъ на нее громадное вліяніе, просто даже личнымъ примѣромъ. Его безукоризненная добросовѣстность къ заказнымъ работамъ удивляла всѣхъ. На каждый заказъ, взятый на свою долю изъ артели, Крамской смотрѣлъ какъ на свое личное, художественное созданіе и отдавался ему весь. На моихъ глазахъ дѣлался имъ за престольный образъ Бога Отца для Петровской церкви. Онъ работалъ надъ этой картиной очень серьезно и долго. Много дѣлалъ въ ней этюдовъ: Зевсъ Отриколи, Юпитеръ Олимпійскій, Видѣніе Іезекіиля—Рафаэля, все это было имъ штудировано и висѣло въ рисункахъ по стѣнамъ мастерской кругомъ него. На улицѣ онъ не пропускалъ ни одного интереснаго старика, чтобы не завлечь его въ мастерскую для этюда какой-нибудь части

лица для своего образа. Руки, ноги благородныхъ формъ не ускользали отъ его вниманія и владѣлецъ ихъ волей неволей позировалъ ему въ данной позѣ.

Ну, кто это оцѣнить тамъ, въ Петрозаводскѣ? удивлялись товарищи. И дѣйствительно, оцѣнили ли его тамъ?! Цѣль ли этотъ образъ Бога Саваооа?.. Можетъ быть, какой-нибудь богатый жертвователь, увидѣвъ его потемнѣвшимъ отъ сырости, велѣлъ уже подновить его на свой счетъ или переписать по своему вкусу?! И какъ это непростительно, что этотъ необыкновенный художественный трудъ не былъ воспроизведенъ въ свое время ни въ какомъ изданіи. Онъ долженъ былъ сдѣлаться образцомъ церковной живописи въ нашемъ отечествѣ и повторяться нашими живописцами въ православныхъ церквахъ, вмѣсто нелѣпыхъ и бессмысленныхъ копій съ какихъ-то развратныхъ Тьеноло и др. гравюръ, которыми они пользуются для нашей церковной живописи. Какъ тоже нельзя не пожалѣть о нѣкоторыхъ великолѣпныхъ образахъ Исаіевскаго собора, особенно Брюлова и Бруни, которые погибли безвозвратно, такъ какъ не были воспроизведены въ свое время. А какія это были капитальныя вещи! Будь они собственностью французовъ, нѣмцевъ—они сдѣлались бы достояніемъ всего образованнаго міра. Есть ли гдѣ болѣе варварское отношеніе къ перламъ своего искусства! Кстати, теперь много рассказываютъ о работахъ Васнецова, во Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ; я видѣлъ эскизы этихъ работъ; мнѣ казалось, что это будетъ ренесансъ православнаго церковнаго искусства. Такъ много характеровъ и настроенія въ этой дѣйствительно религіозной живописи. Неужели и этой грозить такая же беспощадная участь скорой гибели?!.. И ее не воспроизведутъ въ свое время съ помощью автора и не сдѣлаютъ доступной тѣмъ, кому она дѣйствительно дорога!?

Итакъ, даже на посмертной выставкѣ работъ Крамскаго—„Бога-Отца“ не было ни въ какого рода снимкѣ, точно его на свѣтѣ нѣтъ. А какихъ усилій, лишеній стоилъ онъ художнику и какъ строгъ и серьезенъ былъ этотъ Богъ, съ распростертыми впередъ руками!...

Однако-жъ, работая такъ серьезно надъ заказами, Крамской не забывалъ и всѣхъ своихъ текущихъ дѣлъ. Давалъ уроки, рисовалъ портреты, не отказывалъ въ совѣтахъ ученикамъ и уче-

нищамъ, которые не мало отвлекали его отъ работъ. И при такой кипучей дѣятельности онъ былъ бодръ, веселъ, всегда находилъ досугъ и искалъ, казалось, еще болѣе видной, болѣе широкой дѣятельности. Онъ перечитывалъ почти всѣ журналы, газеты, не пропускалъ ни одного выдающагося факта общественной жизни и на все горячо отзывался.

Всего болѣе отзывалась въ его сердцѣ заухалость, забитость роднаго искусства, безпомощнаго, слабаго какъ грудной ребенокъ. Видѣлъ онъ, какъ много молодыхъ даровитыхъ силъ гибло на его глазахъ; какъ за бездѣньемъ сбывались лучшіе перлы новой нараждающейся школы. Видѣлъ, какъ мало по малу забывается ихъ законный академическій протестъ и отходить въ область преданій, въ разныхъ нелѣпныхъ вариантахъ, академія же попрежнему процвѣтаетъ, уничтоживъ совсѣмъ отдѣлъ жанристовъ, изгнавши тѣмъ окончательно современное народное искусство изъ стѣнъ академіи... Онъ мучился, страдалъ, боялся быть забытымъ, искалъ новыхъ путей подъема русскаго искусства, новаго выхода своимъ заветнымъ идеямъ, и нашель.

Онъ додумался до необходимости создать клубъ художниковъ.

Клубъ этотъ, по его мысли, долженъ былъ взять подъ свое попеченіе всю русскую художественную жизнь и направить ее на настоящую, національную дорогу, помочь ей въ развитіи самобытности, очистить отъ рутины и отъ иностранныхъ поверхностныхъ вліаній, устарѣлыхъ традицій.

Ядро клуба должны были составить работающіе художники—дѣйствительные члены. Члены соревнователи-гости могли быть меценаты наши и всѣ, кому дорого русское искусство. Художники устраивали бы здѣсь свои выставки, посылали бы ихъ въ провинціальныя центры. Производили бы здѣсь продажи, лотерей, приѣмъ заказовъ и всѣ художественныя операціи. Кромѣ своихъ дѣлъ, они должны были заботиться о молодыхъ начинающихъ художникахъ, ученикахъ талантливыхъ, стоящихъ попеченій клуба. Предполагалось устроить въ помѣщеніи клуба-же свою художественную школу, на совсѣмъ новыхъ, рациональныхъ основаніяхъ. Художники-члены должны были поддерживать учениковъ матеріально и морально, доставлять имъ средства доизучивать свое художественное развитіе, направлять его рационально, смотря по личнымъ способностямъ субъекта, и посылать

ихъ на заграничныя выставки и путешествія, на опредѣленные сроки (долгое пребываніе за границей признавалось вреднымъ), доставлять молодымъ художникамъ помѣщенія и снабжать ихъ необходимыми матеріалами для окончанія своихъ картинъ и т. д. Все это должны были вѣдать и наблюдать избранные старшины клуба, подъ строгимъ контролемъ дѣйствительныхъ членовъ.

Проектъ этотъ по своей широтѣ и новизнѣ не могъ не увлечь всѣхъ, кому Крамской сообщалъ его. Это было время всевозможныхъ проектовъ: ихъ изобрѣтали, въ нихъ вѣрили и рвались практиковать ихъ въ жизни. Нашлись люди горячо преданные, сочувствовавшіе русскому дѣлу. Крамской былъ почти счастливъ и съ жаромъ продолжалъ разрабатывать частности устава. Между кружками пока еще негласныхъ учредителей и ихъ знакомыми объ этомъ заговорили. На собраніяхъ учредителей стали появляться новыя лица; нашлись между ними талантливые ораторы. Это время было, по преимуществу, время нашихъ ораторовъ. Каждому талантливому оратору хотѣлось блеснуть краснорѣчіемъ, прибавить что-нибудь новое, свое, къ этой грандіозной идеѣ клуба Крамскаго. „Зачѣмъ же такая замкнутость, узкость, — ораторствовали нѣкоторые пылкіе, талантливые ораторы: только однѣ пластическія искусства! Надобно дѣлать, такъ дѣлать. Разъ, вѣдь, навсегда пишется уставъ и дается разрѣшеніе правительствомъ, — надо воспользоваться случаемъ, обдумать всесторонне и удовлетворить бѣльшимъ требованіямъ. Слѣдуетъ соединить здѣсь весь русскій интеллектъ. Не ограничиваясь даже всѣми искусствами, какъ, напр., музыкой, архитектурой, сценическимъ и воевальнымъ искусствами, необходимо привлечь и науку: философію, исторію, астрономію, медицину. Чтобы учрежденіе это не было какимъ-то специальнымъ, замкнутымъ кружкомъ, надобно, чтобы вся русская интеллектуальная жизнь, какъ въ одномъ фокусѣ, сосредоточивалась бы въ клубѣ и имѣла на всѣхъ дѣятелей всевозможныхъ отраслей, знаній и искусствъ развивающее и освѣжающее значеніе и такимъ разностороннимъ образомъ двигало бы русскую жизнь, по всѣмъ направленіямъ, къ общему совершенству и единству. А то, вѣдь, мы совсѣмъ другъ друга не знаемъ, другъ друга не понимаемъ!..“

Новые ораторы пришли къ болѣе по вкусу большинству учредителей и возымѣли такой успѣхъ, что Крамской вскорѣ очу-

тился въ оппозиціи, и почти одинъ отстаивалъ свою идею спеціально художническаго клуба. Сдѣлавшись, наконецъ, гласомъ вопіющаго въ пустынь, онъ долженъ былъ устраниваться.

— „Нѣтъ, дѣло клуба погибло теперь навсегда“, говорилъ онъ, разбитый, съ сильной горечью; „я знаю теперь, чѣмъ кончится эта широкая идея ихъ. Они кончатъ самымъ обыкновеннымъ, безцѣльнымъ, пошлымъ клубомъ. Будутъ пробавляться куплетцами, сценками, картами и скоро расползутся, растаятъ, не связанные никакимъ существеннымъ интересомъ. А жаль! Ахъ, какъ жаль!.. Таковой чудесный случай испорченъ“... Клубъ художниковъ образовался и безъ него и считался нѣкоторое время лучшимъ клубомъ Петербурга; говорятъ, бывало тамъ иногда весело; для русскаго художества онъ прошелъ безслѣдно. Крамской тамъ не бывалъ совсѣмъ.

VI.

А р т е л ь .

Утѣшеніемъ Крамскому была теперь артель, дружный кружокъ товарищей. Дѣла ихъ шли все лучше и лучше. Появились нѣкоторыя средства и довольство. Квартира въ 17-й линіи Васильевскаго острова оказывалась уже мала и не центральна; они перешли на уголъ Вознесенскаго и Адмиралтейской площади. Эта квартира была еще просторнѣй. Тутъ было двѣ рядомъ большія залы; окна огромныя и кабинеты, мастерскія очень просторныя и удобныя. Заказовъ валило къ нимъ теперь такъ много, что Крамской сильно побаивался, чтобы исполнители не стали „валать“ ихъ. Понадобились помощники; кромѣ того, заказы раздавались знакомымъ художникамъ и выдающимся ученикамъ академіи, которые всѣ хорошо знали ходъ въ артель. Теперь уже многіе члены лѣтомъ уѣзжали на свои далекія родины и привозили къ осени прекрасныя, свѣжіе этюды, а иногда и цѣлыя картины изъ народнаго быта. Что это бывалъ за всеобщій праздникъ! Въ артель, какъ на выставку, шли безконечныя посѣтители, все больше молодые художники и любители, смотрѣть новинки. Точно что-то живое, милое, дорогое привезли и поста-

или передъ глазами! Послѣ душнаго вощенія лѣтомъ, въ Петербургѣ, не хотѣлось оторваться отъ этого освѣжающаго, чистаго воздуха живой природы. Какъ свѣжа и зелена трава! Какія симпатичныя, тонкія березки... А эта свѣтлоглазая сѣверная цѣвочка, въ синемъ крашениновомъ сарафанѣ съ бѣлыми крапинками! Она стоитъ у свѣжей могилки своихъ родственниковъ и смотритъ въ даль. Кругомъ простыя группы крестьянъ на могилахъ своихъ предковъ... Это А. И. Корзухинъ привезъ. А вотъ картина А. И. Морозова. Солнечное теплое утро въ уѣздномъ городѣ; на церковной паперти ничего не слышно за гуломъ колоколовъ; всѣ голуби разлеглись съ колокольни. Изъ церкви выходитъ праздничная, благообразная толпа, въ хорошемъ настроеніи; они съ любовью охраняютъ дѣтей отъ давки, одѣляютъ нищихъ и возвращаются къ своимъ житейскимъ интересамъ. Сколько солнца, свѣта во всей картинѣ! Какъ все это ново, оригинально по пропорціямъ! Высокая паперть, зеленое, молодое, пахучее дерево; все это живо, весело какъ въ натурѣ... Я бы никогда не кончилъ описывая картины русской школы этого періода, такъ онѣ симпатичны и натуральны!... Въ то-же время, зимой у многихъ артельщиковъ были затѣяны большія историческія картины. Шустовъ началъ митрополита Филиппа, когда къ нему въ монастырскую тюрьму Басмановъ привезъ голову его племянника. Шустовъ считался у товарищей большимъ талантомъ, отъ него ждали много. Это былъ необыкновенно красивый брюнетъ, съ очень выразительными черными глазами и гениально-высокимъ и широкимъ лбомъ. Нельзя было придумать болѣе идеальной наружности художника. Къ несчастію, бурной, артистической молодостью онъ разстроилъ свое здоровье, заболѣлъ психически и вскорѣ умеръ, оставивъ молодую жену.

Иногда артельщики селились на лѣто, цѣлой компаніей, въ деревнѣ, устраивали себѣ мастерскую изъ большаго овина или амбара, и работали здѣсь все лѣто. Въ такой мастерской была сдѣлана лучшая вещь Дмитріева-Оренбургскаго „Утопленникъ въ деревнѣ“: становой записываетъ протоколъ на спицѣ крестьянина. Кругомъ совѣмъ живые люди, крестьяне, необыкновенно хорошо написанные и нарисованные. Фонъ картины — берегъ рѣки и самая простая, русская, плоская даль.

Товарищи не стѣснялись замѣчаніями, относились другъ къ

другу очень строго и серьезно, безъ всякихъ галантерейностей, умалчивацій, льстивостей или ехидства. Громео, весело каждый высказывалъ свою мысль и хохоталъ отъ чистаго сердца надъ недостатками картины, чья-бы она ни была. Это было хорошее, веселое время, живое! На міру и смерть красна, говоритъ старая русская пословица; и жизнь эта была вся на міру; правда, на своемъ, на маленькомъ, но она была открыта и лилась свободно, дѣлательно. Не было у нихъ мелкой замнутости. Каждый чувствовалъ себя въ кругу самыхъ близкихъ, доброжелательныхъ, честныхъ людей. Каждый артельщикъ работалъ откровенно, отдавая себя на судъ всѣмъ товарищамъ и знакомымъ. Въ этомъ почерпалъ онъ силу, узнавалъ свои недостатки и росъ нравственно. Въ этомъ обществѣ выигрывалась масса времени, такъ бесполезно растрачиваемаго жизнью въ одиночку. Что могъ имѣть каждый изъ этихъ бѣдняковъ художниковъ, одинъ самъ по себѣ?!... Какую нибудь затхлую, плохо меблированную комнату, съ озлобленной на весь міръ хозяйкой; сверный обѣдъ въ кухмистерской, разводитель катаровъ желудка, желчнаго настроенія и ненависти ко всему. Что могъ произвести въ такой обстановкѣ бѣдный художникъ? А здѣсь, въ артели, соединившись въ одну семью, эти самые люди жили въ наилучшихъ условіяхъ свѣта, тепла и образовательныхъ пособій. Они почти ни въ чемъ не нуждались для искусства, развѣ только въ свободномъ времени. Не было у нихъ, правда, богатой обстановки, изящныхъ драпировокъ, рѣзной мебели, богатыхъ вазъ. Мебель была буковая, гнутая, сторы коленкоровыя, картины свои висѣли безъ рамъ. Трудно было питаться этой внѣшностью вкуса художника; да вкусъ считался послѣднимъ дѣломъ въ эту эпоху. Подъемъ духа русскаго былъ такъ силенъ въ это время, что на весь этотъ изящный хламъ смотрѣли съ презрѣніемъ; жили другими, высшими духовными сторонами жизни и стремились служить имъ. Русская интеллигенція находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя и клеймила безпощадно всѣ уродства нашей гадкой дѣйствительности. Картины этой эпохи заставляли зрителя краснѣть, содрагаться и постороже вглядываться въ себя. Неудобно ли любоваться картиной Корзухина: пьяный отецъ вваливается въ свою семью въ безчувственномъ состояніи. Дѣти и жена въ паническомъ ужасѣ. Этотъ сумасшедшій станетъ ихъ бить по чемъ попало и чѣмъ попало.

Ему ненавистенъ его собственный родъ! До чего одичалъ этотъ варваръ, это бессмысленное животное... Неравный бракъ Пукирева, тоже говорятъ, много крови испортилъ не одному старому генералу, а Н. И. Костомаровъ, увидавъ картину, взялъ назадъ свое намѣреніе жениться на молодой особѣ.... Памятно также всѣмъ картина Якоби: „Партія арестантовъ на привалѣ“.

Много появлялось картинъ въ ту возбужденную пору; онѣ волновали общество и направляли его къ человѣчности. Много было искреннаго, горячаго увлеченія въ образованномъ обществѣ; оно принесло-бы болѣе плодотворные плоды, если-бы не испортили дѣла необузданные страстные порывы безразсудныхъ юношей, да выскочки мелкихъ самолюбій, бывшихъ на эффектъ... Но въ общемъ, въ обществѣ, дѣйствительно, было много жизни, энергіи и вѣры въ добро. Въ каждой почти гостинной шель дымъ коромысломъ отъ самыхъ громкихъ споровъ, по вопіющимъ вопросамъ жизни.

И здѣсь въ общей залѣ мастерской художниковъ кипѣли такіе же оживленные толпы и споры по поводу всевозможныхъ общественныхъ явленій. Прочитывались заповсемъ новыя трескучія статьи: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ — Чернышевскаго, Разрушеніе эстетики — Антоновича, „Искусство“ — Прудона, „Пушкинъ-Бѣлинскій“ — Писарева, „Кисейная барышня“ — Шелгунова, „Образованіе человѣческаго характера“ — Овена, Бовль, Дреперъ и многое другое.

— А вотъ что дока свазеть? говорили товарищи, остановившись въ разгарѣ горячаго спора, при видѣ входящаго Крамскаго.

Дока только что вернулся съ какаго нибудь урока, сеанса или другаго дѣла; видно по лицу, что въ головѣ его большой запасъ свѣжихъ, животрепещущихъ идей и новостей; глаза возбужденно блестятъ и вскорѣ голосъ его уже звучитъ симпатично и страстно, по поводу совсѣмъ новаго, еще неслыханнаго ни вѣмъ изъ нихъ вопроса, таковаго интереснаго, что о предыдущемъ спорѣ и думать забыли. И такъ на цѣлме полчаса завладѣваетъ онъ общимъ вниманіемъ. Наконецъ, усталый, онъ беретъ газету и бросается на вѣнскій стулъ, забросивъ ноги на другой; онъ бывалъ очень изнѣженъ въ это время, въ естественной граціи усталаго человѣка. Въ то время онъ былъ очень худъ тѣломъ. Товарищъ мой по академіи, видѣвшій его случайно въ общей

банѣ, былъ пораженъ его тѣлесной худобой,—кожа да кости. А какая была энергія!

И красоту артель цѣнила и ею увлекалась не мало. Однажды утромъ въ воскресенье я пришелъ въ Крамскому; только что онъ сталъ было объяснять мнѣ что-то по поводу моей работы, какъ раздался сильный звонокъ: изъ подъѣхавшихъ троекъ—саней ввалила ватага артельщиковъ-художниковъ; съ холодомъ мороза на шубахъ они ввели въ залъ красавицу. Я просто остолбенѣлъ отъ этого дивнаго лица, роста и всѣхъ пропорцій тѣла этой черноглазой брюнетки.... Въ общей суматохѣ, быстро загремѣли стулья, задвигались мольберта и живо общій залъ превратился въ этюдный классъ. Красавицу посадили на возвышеніе, въ кресло незатѣйливой архитектуры. Кругомъ вездѣ мольберта и художники съ палитрами. Я не помню сколько сидѣло художниковъ,—гдѣ тутъ помнить чтонибудь, при видѣ такой очаровательной красоты! Я забылъ даже, что и я могъ бы тутъ же гдѣнибудь присѣсть съ бумагой и карандашомъ.... Голосъ Крамскаго заставилъ меня очнуться: „Однако же, и на васъ какъ сильно дѣйствуетъ красота!“ свазалъ онъ, назвавъ меня по имени. Я такъ сконфузился, что хотѣлъ было уйти, но что-то удерживало меня здѣсь. Оправившись, я сталъ глазѣть за спинами художниковъ: Ж. увеличилъ ей глаза, сѣззилъ носъ, лицо ея смуглое подбѣлилъ, но вышло не то и хуже, не смотря на явное желаніе приукрасить. Ну можно ли ее приукрашать!.. У М. выходило этюдно, безъ жизни и цвѣтисто; въ натурѣ такая матовость... У Шустова красиво и очень похоже, только эскизно, не нарисованно. Наконецъ, я добрался и до Крамскаго. Вотъ это такъ. Это она. Онъ не побоялся вѣрной пропорціи глазъ съ лицомъ; у нея небольшіе глаза, татарскіе; но сколько блеску? И конецъ носа съ ноздрами шире междуглазья, также какъ у нея, и какая прелесть! Вся эта теплота, очарованіе вышло только у него. Очень похожа... Но оригиналъ неисчерпаемъ!.. Вотъ она повернула голову; какъ блеснули глаза!.. Засмѣялась, что-то сказавъ Шустову. Какіе ослѣпительные зубы! Какъ красиво растягиваются крупныя пурпуровыя губы и пригибается кончикъ носа!.. Писали весело: шутили, остряли и много курили. Всѣ были возбуждены....

Наконецъ, по четвергамъ, въ артели открыли вечера и для гостей, по рекомендаціи членовъ-артельщиковъ. Собиралось отъ

40—50 челов. и очень весело проводили время. Черезъ всю залу ставился огромный столъ, уставленный бумагой, красками, карандашами и всякими художественными принадлежностями. Желающій выбиралъ себѣ по вкусу матеріалъ и работалъ что въ голову приходило. Въ сосѣдней залѣ, на рояли, кто нибудь игралъ, пѣлъ. Иногда тутъ же, вслухъ, прочитывали серьезныя статьи о выставкахъ или объ искусствѣ. Такъ, напр., лекціи Тэна объ искусствѣ читались здѣсь переводчикомъ Чуйко, до появленія ихъ въ печати. Здѣсь же, однажды, Антокольскій читалъ свой критическій взглядъ на современное искусство. Послѣ серьезныхъ чтеній и самыхъ разнообразныхъ рисованій, слѣдовалъ очень скромный, но за то очень веселый ужинъ. Послѣ ужина иногда даже танцевали, если бывали дамы. На этихъ вечерахъ 1869—1870—1871 гг. особенно выдавался своею талантливостью и необыкновенною живостью Ѡ. А. Васильевъ, ученикъ И. И. Шишкина. Это былъ здоровый юноша 19 лѣтъ и Крамской сравнивалъ его по таланту со сказочнымъ богачемъ, не знающимъ счета своимъ сокровищамъ, и щедро, и безразсудно бросавшимъ ихъ гдѣ попало. На вечерахъ, за его спиной всегда стояла толпа, привлеченная его богатой фантазіей. Изъ-подъ рубъ его выливались все новыя перлы прелестныхъ мотивовъ и передѣлывались тутъ же на сто ладовъ въ ужасу слѣдившихъ за нимъ. Все это дѣлалось имъ шутя, виртуозно, въ перемѣшку съ заразительнымъ, здоровымъ хохотомъ, которымъ онъ вербовалъ всю залу. Онъ живо хватался за всякое новое слово, жести, сейчасъ же воспроизводилъ, дополнял, характеризовалъ или комически декламировалъ.... Нельзя никакъ было подумать, что у этого живаго, коренастаго весельчака были уже сочтены дни и ему придется скоро кончатъ безнадежнымъ страдальцемъ въ Ялтѣ, отъ чахотки.

Онъ страстно привязался къ Крамскому, дружилъ и переписывался съ нимъ до самой смерти, въ 1873 году.

Его письма къ Крамскому—это сущіе перлы, въ сожалѣнію, до сихъ поръ они не напечатаны.

На этихъ оживленныхъ недорогихъ ужинахъ много говорилось тостовъ, экспромтовъ, про которые Иванъ Степан. Пановъ говорилъ, что въ этимъ экспромтамъ авторы готовились недѣлями. Самъ Пановъ часто импровизировалъ, показывалъ фокусы и читалъ иногда свои стихотворенія; они были очень остроумны и

интересны—изображали большею частію злобу дня и закулисную жизнь академіи. Сатира его беспощадно вытаскивала на свѣтъ и заставляла проходить передъ нашими глазами цѣлмя процессіи разнообразныхъ типовъ русской жизни: отъ упитанныхъ, выхоленныхъ добродушныхъ „содремниковъ совѣта“ до косматыхъ, исхудалыхъ, злыхъ нигилистовъ, потрясающихъ въ воздухъ кулаками. Процессія заканчивалась избитой фигурой свободы, съ веревкой на шеѣ. Отсутствовало въ процессіи только искусство русское. Его совѣтъ въ Россіи нѣтъ. Римская классика, говорилось далѣе, въ стихахъ, въ видѣ жирнаго стараго кота, уже много лѣтъ охотится за нимъ и проглатываетъ его. Особенно много хохотали пейзажисты надъ тѣмъ, какъ, въ оныя времена, въ академіи даже пейзажистамъ задавали темы для картинъ на медали. Напр., тема: Долина, на первомъ планѣ стадо овецъ подъ деревомъ, вдали мельница, а за ней голубыя горы. И многія темы приводили на память и божились, что это было дѣйствительно, потому что никто вѣрить не хотѣлъ этой нелѣпости.

Когда случались за ужиномъ Трутовскій и Якоби, они садились визави и весь ужинъ превращался тогда въ турниръ остроумія между ними; прочая публика превращалась невольно въ громкій хоръ хохота: стѣны узкой столовой дрожали отъ всеобщаго смѣха публики, надрывавшей себѣ животы, при каждой удачной остротѣ. Громче всѣхъ раздавался голосъ богатыря И. И. Шишкина; какъ зеленый, могучій лѣсъ, онъ заражалъ всѣхъ своимъ здоровымъ весельемъ, хорошимъ аппетитомъ и правдивой русской рѣчью. Не мало нарисовалъ онъ перомъ, на этихъ вечерахъ, своихъ превосходныхъ рисунковъ. Публика, бывало, ахала за его спиной, когда онъ своими могучими лапами ломоваго и корявыми, мозолистыми отъ работы пальцами начнетъ корѣжить и затирать свой блестящій рисунокъ, а рисунокъ точно чудомъ или волшебствомъ какимъ отъ такого грубаго обращенія автора выходитъ все изящнѣй, да блестящей...

Исключенія изъ беззаботнаго веселья составлялъ иногда Крамской. Часто сидѣвшихъ около него гостей онъ увлекалъ въ какойнибудь политическій или моральный споръ и тогда, мало-по-малу, публика настораживала уши, слѣдила и принимала дѣятельное участіе въ общественныхъ интересахъ. Случалось, ктонибудь изъ гостей, по новости и незнаюю среды, сбивался на скабрзные

анекдоты; послѣ первыхъ же словъ, подѣ одними взглядами, онъ путался и умолкалъ навсегда съ этимъ товарищомъ...

Однако, симпатіи публики были, большею частію, на сторонѣ веселой беззаботности. Это выразилось однажды въ цѣломъ стихотвореніи И. С. Панова, когда Крамской уѣзжалъ за границу. Стихи эти приглашали товарищей пить, пѣть и веселиться, „покудова нѣту Крамскова“. Съ пріѣздомъ его, говорилось далѣе, начнется другой порядокъ—„польются“

„Все ушныя, длинныя рѣчи,
 . . . . . Калошей на шляпы не будетъ мѣнять
 Якобій Валерій Ивановичъ“.

Вспоминалась здѣсь шутка В. И. Якоби, устроившаго однажды калоши на мѣсто шляпы, а шляпы рядомъ на полу, на мѣстѣ калошъ.

Въ это же время на вечерахъ читались письма Крамскаго изъ-за границы, очень интересовавшія всѣхъ.

Но ничто не вѣчно подѣ луною!.. А хорошее особенно скоро проходитъ... И въ артели начались какія-то недоразумѣнія. Сначала семейныя между женами артельщиковъ, но тѣ кончились давно уже, выходомъ двухъ членовъ. Теперь одинъ изъ членовъ попалъ подѣ особое покровительство академіи и имѣлъ въ перспективѣ поѣздку за границу, на казенный счетъ. Крамской нашелъ въ этомъ поступкѣ товарища нарушеніе ихъ главнаго принципа, не пользоваться благодѣяніемъ академіи одному, такъ какъ рѣшено было, при выходѣ изъ академіи, держаться товарищества и не идти на академическія приманки въ розницу. Онъ сдѣлалъ товарищамъ письменное заявленіе по поводу этого поступка товарища и требовалъ, чтобы они высказались, какъ они смотрятъ на такой его поступокъ. Товарищи отвѣтили уклончиво, молчаніемъ. Вслѣдствіе этого Крамской вышелъ изъ артели художниковъ.

Послѣ его выхода артель какъ-то скоро потеряла свое значеніе и незамѣтно растаяла.

Незадолго до этого печальнаго конца, на одинъ изъ артельныхъ вечеровъ пріѣхалъ Г. Г. Мясоѣдовъ изъ Москвы, гдѣ, по его инициативѣ, образовывалось Товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Онъ пріѣхалъ съ предложеніемъ петербургскимъ художникамъ применить къ ихъ Товариществу.

VII.

Товарищество.

Лѣтъ за десять раньше возникновеніа въ Москвѣ мысли о передвижныхъ выставкахъ по Россіи, Крамской уже сдѣлалъ однажды выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ собралъ здѣсь, что могъ, взялъ изъ академіи нѣсколько вещей авторитетныхъ, и отъ разныхъ собственниковъ тоже картины русскихъ художниковъ. Онъ намѣренъ былъ объѣхать съ ними самые большіе центры Россіи. Въ Нижнемъ эта выставка не имѣла никакого успѣха. Туда съѣзжаются люди торговые; днемъ они заняты на ярмаркѣ, а вечеромъ выставка закрыта; да и вечеромъ макарьевскіе дѣльцы развлекаются ипаче. Это надо было предвидѣть; Крамской ошибся, потерпѣлъ неудачу, но въ передвижныя выставки продолжалъ вѣрить и когда Мясоѣдовъ явился съ предложеніемъ отъ москвичей: Перова, Прянишникова, Маковского, Саврасова и другихъ, Крамской сразу сдѣлался самымъ горячимъ приверженцемъ этого дѣла. Лѣтъ десять онъ велъ здѣсь въ Петербургѣ всѣ дѣла Товарищества; въ Москвѣ ихъ первое время велъ В. Г. Перовъ. Въ Петербургѣ применили къ Товариществу многіе выдающіеся русскіе художники, какъ, напр.: Ге, Шишкинъ, Максимовъ, Боголюбовъ и др.

Крамской снова ожилъ. Особенно, какъ художникъ; въ это время онъ создалъ, одну за другой, всѣ свои лучшія картины и портреты. Съ этимъ временемъ дѣятельности его въ Товариществѣ соединяется лучшая пора его дѣятельности, какъ художника, полный разцвѣтъ его силъ.

Въ 1872 г. первой картиной его на выставкѣ появились „Русалки“ изъ „Майской ночи“ Гоголя. Вотъ когда вынырнула на свѣтъ Божій идея художника, надъ которой онъ работалъ уже въ 1863 году. Картину эту всѣ помнятъ.

Я попрошу читателя припомнить первый вечеръ моего знакомства съ Крамскимъ и разговоръ его о Христвѣ. Все время онъ не переставалъ, оказывается, думать объ искушеніи Христа въ пустынѣ, и года за три до 1-й выставки эта картина уже серьезно обрабатывалась имъ.

Быль вымѣпленъ, по обыкновенію, изъ глины Христось и на холстѣ фигура, въ натуральную величину, писалась и переписывалась, въ свободныя минуты отъ заказной, еще артельной, работы. Весною 1873 г. онъ побывалъ въ Крыму, вмѣсто Палестины, чтобы сдѣлать этюды для своей пустыни; а на лѣто онъ, Шишкинъ и Савицкій поселились на дачѣ близъ Тулы. Здѣсь въ промежуткахъ онъ написалъ два портрета съ гр. Л. Н. Толстаго, такъ какъ его имѣніе было по близости. Одинъ портретъ публика хорошо знаетъ и достаточно оцѣнила, другой— у графа. Но главной работой Крамскаго, въ это лѣто, былъ опять все тотъ-же „Христось въ пустынь“. Здѣсь онъ началъ его совѣмъ на новомъ, большаго размѣра, холстѣ и работалъ надъ нимъ постоянно и упорно. Онъ штудировалъ всѣ мало-мальски подходящія лица, которыя встрѣчалъ въ натурѣ, особенно одного молодого охотника, помѣщика, котораго онъ написалъ потомъ съ ружьемъ и въ охотничьемъ востюмѣ. К. А. Савицкій рассказывалъ мнѣ, что онъ, страдая въ то время удущьемъ, часто не могъ спать по почамъ, иногда до разсвѣта— былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ Крамской, едва забрезжитъ утро, въ одномъ бѣльѣ, пробирается тихонько, въ туфляхъ, къ своему Христу и работаетъ, бывало, забывшись, до самаго вечера, просто до упаду иногда.

Объ этой превосходной картинѣ много говорено и писано въ свое время; но и много лѣтъ спустя, когда мнѣ случалось бывать въ нашихъ отдаленныхъ университетскихъ городахъ, гдѣ бывали наши передвижныя выставки—вездѣ, отъ образованныхъ людей, я слышалъ о Христѣ Крамскаго самыя восторженные отзывы. У всѣхъ свѣжа въ памяти эта сосредоточенная фигура Христа, освѣщенная дрожащимъ свѣтомъ зари, кругомъ холодные, сухіе камни. Далѣе цѣлыя громады такихъ же нѣмыхъ, бесплодныхъ твердынь. О лицѣ его также очень много говорили и говорятъ...

Картины его очень памяты всѣмъ. Онъ написалъ ихъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, немного. На скамейкѣ стараго парва дама, освѣщенная луной, гдѣ-то на югѣ. „Неизвѣстная“ въ коляскѣ, такъ заинтриговавшая всѣхъ; всѣмъ хотѣлось узнать—кто такая эта неизвѣстная. И наконецъ, послѣдняя его картина „Неутѣнное горе“, такое глубокое, потрясающее впе-

чатлѣніе произвела на всѣхъ эта картина. Странно, даже казалось, что это не картина, а точно живая дѣйствительность. Эту даму совсѣмъ жалко было, какъ настоящаго живаго человѣка.

Всѣ его картины такъ оригинальны, такъ серьезно выдержаны и самобытны, что нѣтъ возможности приурочить ихъ къ какому нибудь жанру, онѣ остаются сами по себѣ, это свой вкладъ въ искусство.

Но главный и самый большой трудъ его—это портреты, портреты, портреты. Много онъ ихъ написалъ и какъ серьезно, и съ какою выдержкой! Это ужасный, убійственный трудъ! Могу сказать это по нѣкоторому собственному опыту. Нѣтъ тяжелѣе труда, какъ заказные портреты! И сколько бы художникъ ни положилъ труда, какого бы сходства онъ ни добился, портретомъ никогда не будутъ довольны совсѣмъ. Непремѣнно найдутся смѣлые, откровенные и умные люди, которые громче всѣхъ скажутъ, при всей честной компаніи, что портретъ нигуда не годится. И этотъ послѣдній громовой приговоръ такъ и останется у всѣхъ въ памяти и будетъ казаться самымъ вѣрнымъ приговоромъ. Всѣ прочіе красивые разговоры, комплименты художнику велись, конечно, для приличія, для хорошаго тона, а одинъ Иванъ Петровичъ сказалъ сущую правду... Въ бытность мою въ Парижѣ я видѣлъ четыре посмертныя выставки: Прюдома, Пильса, Шантрѣля и Коро, все знаменитыхъ, прославленныхъ художниковъ; выставки ихъ посмертныя произвели тамъ сенсация, имъ пѣлись дионирамбы на всѣ лады; но справедливость требуетъ сказать, что ни одна изъ нихъ, даже самая большая—Коро, не составила бы и трети выставки Крамсаго. Нельзя же не принять во вниманіе, что картины Коро далеко не такъ строго писаны и рисованы, какъ портреты Крамсаго. Да, это былъ непримѣрный труженикъ! Трудился, буквально, до послѣдняго момента жизни.

Теперь можно только безконечно сожалѣть, что ему не удалось выполнить самой задушевнѣйшей своей идеи: „Радуйся, Царь Іудейскій“. Изъ его писемъ, изъ статей В. В. Стасова интересующіеся могутъ узнать, какъ глубоко и сколько времени сидѣла въ немъ эта идея, какъ много онъ затратилъ на нее труда и средствъ.

Еще въ 1874 году онъ задумалъ развернуть въ широкихъ размѣрахъ и показать обществу картину, какъ бессмысленная,

грубая, развратная толпа издѣвается надъ самыми высшими проявленіями человѣческаго духа: задѣтый за живое проповѣдью самоотреченія, животный міръ наслаждается местию надъ беззащитнымъ проповѣдникомъ общаго блага и забавляетъ этимъ свою отупѣлую совѣсть... Идея эта такъ овладѣла художникомъ въ началѣ, что онъ бросилъ все дѣла, заказы, даже семью, дѣтей, жену и весь отдался своей картинѣ. Въ порывѣ своей первой творческой горячки онъ вообразилъ, что, уединившись куда-нибудь на одинъ годъ съ картиной, онъ окончитъ ее совершенно въ этотъ срокъ,—такъ, казалось ему, она сидѣла у него въ головѣ, что только бери холстъ и перенеси ее туда совсѣмъ готовую.

Обезпечивъ семью и ливидировавъ свои текуція дѣла, уроки, заказы, Крамской уединился въ Парижѣ, побывавъ предварительно въ Италіи, вмѣсто Палестины. Взялъ мастерскую и началъ работать, свободный, счастливый, какъ художникъ, въ первый разъ въ своей многотрудной, ваторажной жизни... Воображеніе сильно работало, дѣло закипѣло... Но зоркимъ, завистливымъ окомъ глядѣла на него ревнивая судьба; она устроила ему дома семейное несчастіе, прервала его въ самомъ разгарѣ перваго вдохновенія и потащила домой въ Питеръ, гдѣ въ то время не было еще ни одной мастерской. Оправившись кое-какъ отъ семейныхъ невзгодъ, онъ рѣшилъ устроить хоть какой-нибудь сарай, гдѣ можно было бы продолжать свою картину уже здѣсь. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ Павловскомъ училищѣ дали ему мѣсто въ саду; онъ выстроилъ тамъ кое-какъ бревенчатый баракъ и сталъ вновь работать. Но начались непогоды, вѣтеръ свистѣлъ сквозь бревна, наступали холода. Наступала и нужда и подсовывала опять свое—портреты. Въ баракѣ онъ сильно простудился и проболѣлъ нѣкоторое время. До весны, до тепла онъ долженъ былъ совсѣмъ прекратить работу надъ картиной.

Но онъ думалъ о ней; еще усерднѣе работалъ надъ заказами, чтобы скопить на хорошую мастерскую для своей картины. Наконецъ, и эта мечта осуществилась: въ домѣ же Елисеѣва, гдѣ онъ жилъ уже давно, ему выстроили мастерскую, прекрасную, удобную, съ верхнимъ свѣтомъ; она, главнымъ образомъ, была приспособлена для его все той же картины. Онъ думалъ серьезно только о ней и съ нетерпѣніемъ рвался работать ее. Не смотря

на цѣлыя ручки сырости по свѣжей штукатуркѣ каменныхъ стѣнъ, онъ уже переселился въ нее душой и тѣломъ, пренебрегая всѣми предосторожностями отъ сырости—топилъ и работалъ.

Но кажется эта сырость, въ связи съ предъидущей простудой въ баракѣ, и послужила основаніемъ его роковой болѣзни и стала подтачивать неутомимую энергію этого крѣпыша. Онъ сталъ недомогать; но боролся, искалъ выхода. Доктора запретили ему оставаться лѣтомъ въ столицѣ; опять надо покидать картину... Устроить что нибудь за городомъ, на чистомъ воздухѣ, и работать тамъ. Какъ было-бы хорошо и зиму, и лѣто работать гдѣ нибудь въ тиши въ уединеніи, подальше отъ города, отъ заказныхъ портретовъ. И эта мысль приводится въ исполненіе этимъ энергичнымъ человѣкомъ. Средства его теперь, благодаря успѣшной работѣ надъ портретами, улучшились; онъ былъ уже человѣкъ весьма извѣстный, онъ могъ и занять безъ боязни... Онъ покупаетъ мѣсто, въ живописной мѣстности, на Сиверской станціи, и устраиваетъ тамъ превосходную, во всѣхъ отношеніяхъ, мастерскую, особо отъ большаго двухъ-этажнаго дома для семьи—чтобы не мѣшали работать. Не обошлось тутъ безъ долговъ, безъ крупныхъ промаховъ при постройкѣ, безъ непроизводительныхъ затратъ непрактичнаго человѣка, обмановъ подрядчиковъ, строителей; но все, наконецъ, было побѣждено. Огромное окно укрѣпили желѣзными рельсами, полъ былъ на одной плоскости съ землею, чтобы можно было ставить натуру на воздухѣ, передъ окномъ—стеклянную стѣнкой—и переносить ее прямо въ картину. Домъ просторный, веселый; кругомъ, на красивомъ холмѣ, посажены разныхъ породъ деревья, ален убиты фундаментомъ и булыжникомъ. Масса цвѣтовъ разсыпается богатымъ ковромъ по куртинамъ, бесѣдки, зонтики. Внизу до живописной рѣчки Орыдежа клумбы клубники и другихъ ягодъ, до самой собственной купальни. Всѣ три десятины парка обнесены новой прочной оградой, оранжерея для сохраненія цвѣтовъ на зиму, службы, сарай, словомъ полный помѣщичій домъ, съ прекраснымъ шоссе къ главному подъѣзду... И со штатомъ слугъ.

Картина давно уже стоитъ въ наилучшихъ условіяхъ верхняго свѣта; матеріалы всѣ давно собраны; необходимые востюмы, оружіе для воиновъ давно готовы; самъ онъ говорилъ не разъ, что ему надъ картиной три хорошихъ мѣсяца работы; она у

него окончательно рѣшена — только написать, а писать онъ быстро... Но тутъ-то и начинается опять кронія злой старухи судьбы—она ехидно улыбалась...

Картины онъ не показывалъ никому, даже жена и дѣти не видѣли ее и не знали что тамъ, за линялой, коленкоровой занавѣской, за погнувшимся отъ времени желѣзнымъ прутомъ... Проходили годы, въ картинѣ онъ не прикасался... Лѣто онъ возился за ненужными даже пристройками на дачѣ, зимой работалъ надъ завазными портретами, картина откладывалась къ лѣту. Но и лѣтомъ опять, имѣя досугъ, онъ и не думалъ, какъ прежде, стремиться къ картинѣ. Писалъ этюды со своихъ дѣтей, на воздухѣ, на солнцѣ, или какойнибудь уголокъ дачи съ балкона, или бузеты цвѣтовъ и такъ до самой зимы, если не случалось лѣтомъ уѣзжать куданибудь, на завазные портреты. Зимой опять портреты. Картину, нѣсколько зимъ, онъ уже не перевозилъ въ городъ. Мастерская на Сиверской отапливалась на случай его пріѣзда... Иногда онъ вдругъ собирался туда работать; жилъ тамъ по нѣсколькимъ днямъ со всѣмъ одинъ. Но и въ это время къ картинѣ онъ не притрагивался... Встрѣтить какойнибудь типъ мужика, увлечется, напишетъ съ него прекрасный этюдъ и опять въ городъ — къ генеральскимъ портретамъ.

Отчего-же онъ такъ охладѣлъ къ своей картинѣ, къ своей лучшей идеѣ, для которой десять лѣтъ онъ несъ такія крупныя затраты и терпѣлъ столько безпокойства? Неужели, сдѣлавшись богатымъ человѣкомъ, собственникомъ, онъ не могъ уже съ прежнею искренностью предаваться дерскимъ порывамъ вдохновеннаго художника? Неужели съ перемѣной состоянія происходитъ и перемѣна мышленія? И умъ, урегулированный разсудкомъ и опытомъ жизни всесторонней, не можетъ болѣе увлекаться донъ-вихотствомъ юности. Не пересталъ ли онъ вѣрить въ дѣйствіе искусства на общество? Вѣроятно, умъ, отягченный рефлексами и опутанный благоразуміемъ, все болѣе и болѣе прикрѣпляется къ землѣ; онъ уже не вѣритъ въ молодые порывы, не вѣритъ вдохновенію, да и оно не посѣщаетъ его болѣе.

VIII.

Перемѣна.

Не смотря на громадныя затраты на постройку мастерской и роскошной дачи, что стоило болѣе 30,000 рублей, средства Крамскаго были теперь въ цвѣтущемъ состояніи. Казалось, семья изъ поднявшихся уже дѣтей, кончавшихъ образованіе, благоденствовала; онъ даже взялъ къ себѣ въ домъ осиротѣвшихъ племянницу и племянника и далъ имъ хорошее образованіе, устроивъ ихъ потомъ въ закрытыхъ заведеніяхъ. Домъ его, какъ и прежде гостепріимный, разрослся на широкую ногу; особенно на дачѣ, гдѣ у нихъ жили гостями товарищи дѣтей, племянники, знакомые; за столомъ обѣдало по 15 человѣкъ и болѣе. Квартира его въ городѣ украшена была лучшей мебелью, дорогими портъерами, персидскими коврами, античной бронзой и великолѣпными трюмо и ширмами. Кабинетъ его внизу, по внѣшности, напоминалъ кабинетъ государственнаго человѣка, мецената или банкира. Мастерская на верху могла конкурировать изяществомъ мебели, восточныхъ портьеръ, бронзы — съ самой кокетливой, аристократической гостиной. Домъ его былъ полная чаша... Но самого его теперь вы бы не узнали. Онъ сильно измѣнился за послѣднія восемь лѣтъ. На видъ ему можно было дать уже 70 лѣтъ, а ему не было еще и 50-ти. Это былъ теперь почти совсѣмъ сѣдой, приземистый отъ плотности, болѣзненный старикъ. О страстномъ радикалѣ и помину не было.

Находясь постоянно въ обществѣ высокопоставленныхъ лицъ, съ которыхъ онъ писалъ портреты, онъ понемногу усвоилъ себѣ ихъ взгляды вмѣстѣ съ внѣшними маперами. Онъ давно уже стыдился своихъ молодыхъ порывовъ либеральныхъ увлеченій и все болѣе и болѣе склонялся къ консерватизму. Подъ вліяніемъ успѣха въ высшемъ обществѣ, въ немъ сильно пробудилось честолюбіе. Онъ болѣе всего боялся теперь быть не *comme il faut*. По обращенію онъ ходилъ теперь на тѣхъ оригиналовъ, которые платили ему по 5,000 рублей. Въ рабочее время онъ носилъ необыкновенно изящный, длинный, сѣрый рединготъ, съ атласными отворотами; послѣдняго фасона туфли и чулки самаго

моднаго алаго цвѣта старыхъ кафтановъ XVIII вѣка. Въ манерѣ говорить появилась у него сдержанность, апломбъ и медленное растягиваніе фразы. О себѣ самомъ онъ часто говорилъ, что онъ сталъ теперь, въ нѣкоторомъ родѣ, особой. На общихъ собраніяхъ товарищества онъ открыто ратовалъ за значеніе имени въ искусствѣ, за авторитетъ мастера, доказывалъ, что все это дается художнику не даромъ и должно-же быть когда нибудь оцѣнено. Собранія товарищества онъ предлагалъ сдѣлать публичными и приглашать на нихъ репортеровъ. Онъ сознавалъ, что каждое слово его будетъ теперь записано и каждое письмо его будетъ въ послѣдствіи обнародовано.

И онъ былъ правъ, мысли его подхватывались на лету нашими самыми выдающимися литераторами и цитировались съ почтеніемъ. Печатно, много разъ уже, называли его самымъ умнымъ и самымъ интереснымъ художникомъ. И они были правы: все, что говорилъ онъ, было обдуманно и умно. Нѣкоторые художественные критики писали уже цѣлыя статьи по его инструкціи или развивая его мысли и цитируя его письма. Справедливость требуетъ сказать, что пристрастія въ его оцѣнѣ чужаго труда никогда не было. Онъ былъ неподеушно честенъ и справедливъ въ приговорахъ дѣлъ даже враговъ своихъ всегда, до конца. Ни одна газета не дерзала уже критически относиться къ его трудамъ. Составляли, конечно, исключеніе разныя литературныя паріи; они, науськиваемые темными завистниками, шавкали только въ пустую, и патроны ихъ этимъ только подливали масла на очагъ славы Крамскаго, ярко горѣвшій. Всѣ солидные органы печати считали образцомъ его позднѣйшія работы — портреты и рекомендовали юношеству изучать масти таго художника. Но юношество, это дерзкое, заносчивое юношество, совсѣмъ охладѣло къ нему; портреты его называло уже сухими, казенными, живопись устарѣлой, не колоритной и безвкусной. Да кто-же нынче слушаетъ молокососовъ! Въ кругу товарищей Крамской давно уже потерялъ обаяніе; отъ дѣлъ онъ давно устранился, и по нездоровью, и по недосугу. Онъ становился нѣсколько тяжелъ желаніемъ импонировать. На собранія являлся всегда самымъ послѣднимъ; вещей своихъ на товарищескую выставку заставлялъ ждать по цѣлымъ недѣлямъ и болѣе, затрудняя сильно устроителей и въ

удовольствію носильщиковъ, возвращавшихся отъ него много разъ съ пустыми руками. Онъ ничего уже не говорилъ просто. На общихъ собраніяхъ, его литературныя, хорошаго слога, рѣчи всѣхъ утомляли, наводили скуку и вызывали уже рѣзкую оппозицію, производя на больнаго вредное раздраженіе. Да, онъ былъ уже сильно боленъ аневризмомъ, иногда голосъ его обрывался и онъ схватывался за грудь; лицо темнѣло и онъ обезсиленный сваливался осторожно и неуклюже, боясь разбиться — на богатую, персидскую оттоманку. Его было жаль и каждый, увлекшійся въ споръ съ нимъ, рассказывалъ въ эти минуты. Въ это печальное время онъ поддерживался только подкожнымъ впрыскиваніемъ морфія. И иногда „заведенный“, какъ онъ шутилъ о себѣ, онъ чувствовалъ себя такъ бодро, живо; такъ энергично увлекался въ споръ; возраженія его были такъ неотразимы, вѣски, что оппоненты усомнѣвались даже, точно ли онъ боленъ — согбенный бокъ выпрямлялся и движенія его становились быстры и сильны. Какой-то примирившейся усталости въ лицѣ уже не было; оно загоралось здоровымъ цвѣтомъ сангвиника и глаза опять молодо блестяли — онъ побѣждалъ.

При его умѣ и зоркой провицательности, онъ не могъ не замѣтить перемены въ нему товарищей. Посѣщали его теперь и оставались близкими изъ товарищей только люди не „беззаботные на счетъ литературы“, они находили въ его умной бесѣдѣ всегда много новаго и интереснаго, особенно по части политики. Онъ былъ почти единственный изъ членовъ товарищества, который попадалъ иногда въ общество высшихъ нашихъ политическихъ дѣятелей и съ пониманіемъ дѣла наматывалъ себѣ на услышанное. Товарищи-же „беззаботные“ просто отвернулись отъ него и не безъ язвительности „промывали ему косточки“ въ душевной, пріятельской бесѣдѣ.

Больно ино-раздраженный, Крамской не разъ жаловался, что его забываютъ, что онъ чувствуетъ кругомъ себя пустоту и упрекалъ товарищество въ буржуазности, въ застоѣ и въ охлажденіи къ первоначальнымъ идеямъ русскаго искусства. Онъ говорилъ уже въ унисонъ съ преданными академіи журналистами, что выставки товарищества теперь не только не отличаются отъ академическихъ по идеѣ, но даже академія перетянула, какъ было нарисовано въ одномъ юмористическомъ журналѣ. Все дѣло даже

передвижной выставки онъ считалъ теперь уже конченнымъ, такъ какъ академія взяла на себя уже обязанность посылать и свои выставки по провинціальнымъ городамъ, и предлагалъ товариществу передать свое дѣло академіи, а иначе товарищество рискуетъ прослыть, въ глазахъ просвѣщеннаго общества, торгашами, собирающими въ свою пользу двугривенные. Ясно, что это были мысли уже не нормальнаго, больнаго человѣка. Онъ лично уже не нуждался въ этихъ двугривенныхъ и не хотѣлъ понять, что эти двугривенные составляютъ самую законную собственность бѣдныхъ экспонентовъ, у которыхъ вещи остаются чаще не проданными и загромаждаютъ небольшія квартиры труженниковъ, отдающихся своимъ идеямъ и отезывающихся отъ заказовъ, въ надеждѣ кое какъ перебиваться и существовать на выставочный дивидентъ, который, дай Богъ въ добрый часъ сказать,—все увеличивается.

И странна логика раздраженнаго человѣка! Въ Петербургѣ мы дѣлаемъ особо выставку, собираемъ деньги въ свою пользу, не смотря на академическую выставку, которая въ одно время съ нами собираетъ деньги въ пользу своей казны, и мы не торгаши. А въ провинціи будто бы уже будетъ предосудительно выставиться двумъ выставкамъ, совершенно разнымъ по авторамъ и направленію. Академія посылаетъ въ провинцію только непроданныя вещи, оборыши. Товарищество посылаетъ все лучшее, за исключеніемъ вещей большого размѣра, которыя возить было бы очень затруднительно и еще труднѣе установить въ тамошнихъ недостаточныхъ помѣщеніяхъ. И наконецъ, художественныя произведенія суть продуктъ личный, имѣющій всякій своихъ цѣнителей. Орловскій не замѣнитъ Шишкина, Венигъ не замѣнитъ Невтова и т. д.

Мало по малу, подъ влияніемъ болѣзненной раздражительности, Крамской задумалъ было даже—лѣтомъ 1886 года—выходить изъ Товарищества. Но осенью съѣхавшіеся товарищи, услыжавъ сію печальную новость, спохватились, умилились его, совершенно примирились съ нимъ и остатокъ дней своихъ онъ провелъ въ очень теплыхъ и дружескихъ отношеніяхъ со всѣми. Собранія всѣ дѣлались въ его мастерской. Трогательно было видѣть умиротворившуюся эту несокрушимую энергію. Голосъ его былъ слабъ, глаза свѣтились краткимъ, любовнымъ свѣтомъ. Теперь

онъ любилъ всѣхъ и прощался въ душѣ со всѣми; онъ хорошо зналъ, что дни его уже сочтены... Но попрежнему онъ любилъ общество. По субботамъ у нихъ собиралось много молодежи, сверстниковъ дѣтей его. Кабинетъ его былъ полонъ юношами и товарищами. Спорили, играли въ винтъ и даже много вурлили. Все это было ему пріятно и на все это онъ смотрѣлъ душевно улыбаясь. Теперь видно было, что имъ овладѣла всецѣло безконечная любовь къ людямъ, особенно къ своимъ близкимъ, ровнымъ, къ дѣтямъ. Онъ всего себя отдавалъ уже на жертву имъ. Ему было не до искусства! Работать для нихъ, оставить хоть что-нибудь для ихъ обезпеченія. Вотъ о чемъ была его главная мысль и забота. Онъ заводилъ себя морфіемъ и работалъ, работалъ... Его портретные сеансы продолжались по пяти часовъ въ ряду. Это и вполнѣ здоровый субъектъ не всякій вынесеть. Стонеть, вскрикиваетъ отъ боли и продолжаетъ съ увлеченіемъ. Такъ писалъ онъ П. М. Ковалевскаго. Но бодро и весело чувствовалъ онъ себя въ послѣднее утро. Безъ умолку велъ оживленный разговоръ съ докторомъ Раухфусомъ, съ котораго писалъ портретъ. И за этой интересной бесѣдой незамѣтно и виртуозно вылѣпливалась характерная голова доктора. Но вотъ замѣчаетъ докторъ, что художникъ остановилъ свой взглядъ на немъ дольше обыкновеннаго, покачнулся и упалъ прямо на лежащую на полу передъ нимъ палитру... Едва Раухфусъ успѣлъ подхватить его, уже тѣло...

И не помню сердечнѣе и трогательнѣе похоронъ!.. Когда гробъ его былъ опущенъ въ могилу и когда слезы задрывали надъ его гробомъ, цѣлый часъ, многочисленная толпа провожавшихъ хранила все время мертвое молчаніе, стоя, не шевелясь. Солнце ярко заливало всю эту трогательную сцену на Смоленскомъ кладбищѣ.

Миръ праху твоему, могучій русскій человѣкъ, выбившійся изъ ничтожества и грязи захолустья... Сначала мальчикъ у живописца на побѣгушкахъ, потомъ волостной писарь, далѣе ретушеръ у фотографа; въ 19 лѣтъ ты попалъ, наконецъ, на свѣтъ Божій, въ столицу. Безъ гроша и безъ посторонней помощи, съ одними идеальными стремленіями, ты быстро становишься предводителемъ самой даровитой, самой образованной молодежи въ академіи художествъ. Мѣщанинъ, ты входишь въ совѣтъ

академіи, какъ равноправный гражданинъ, и требуешь настойчиво законныхъ, національныхъ правъ художника.

Тебя высокомерно выгоняють вонъ, но ты съ гигантской энергіей создаешь одну за другой двѣ художественныя ассоціаціи, опровергаешь навсегда отжившіе классическіе авторитеты и заставляешь уважать и признавать національное русское творчество!... Достоинъ ты національнаго монумента, русскій гражданинъ-художникъ!

И. Рѣпинъ.

28-го января 1888 года.

С.-Петербургъ.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Пятигорскъ, какъ мѣсто его жизни и дуэли.

Изъ путевыхъ замѣтовъ.

Дорога въ Пятигорскъ отъ станціи «Минеральныя воды» тянулась все той-же скучною, голою, песчаной степью, какъ и отъ Москвы до Ростова, и только впереди виднѣлись какія-то темныя возвышенія, похожія на шапки.

«Неужели это и есть Кавказскія горы?!»

Омнибусъ быстро катилъ по ровной, пыльной дорогѣ съ легкостью пустопорожняго экипажа: я была единственный пассажиръ во всемъ длинномъ своеобразнаго устройства возкѣ, передняя часть котораго — первый классъ — представляла карету, а задняя — второй — линейку. На возлахъ, рядомъ съ кучеромъ, помѣщалась широко-плечая спина кондуктора-кабардинца. Кондуктора при здѣшнихъ общественныхъ экипажахъ, почти всѣ, безъ исключенія, туземцы-музыканты. Дорогою они то и дѣло наигрываютъ въ мѣдную трубу свои оригинальные сигналы, наигрываютъ каждый разъ — попадается ли на встрѣчу какая скрипучая, своеобразнаго устройства, арба, запряженная медленно-двигающимися волами, или какой прохожій, птица, собака, вообще какая-нибудь помѣха. Сигналы кондуктора имѣютъ всегда однѣ и тѣ-же опредѣленныя ноты, напоминающія своими рѣзкими переходами то крикъ птицы, то пѣсни горныхъ пастуховъ, и какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ дикою пустынной безлюдностью окружающаго.

— «Неужели это и есть Кавказскія горы?!» невольно вырвалось у меня вслухъ.

— А что? — Да! перегнувшись назадъ къ переднему открытому окну кареты, удивленно посмотрѣлъ на меня кондукторъ. Вотъ это, —

указаль онъ по направленію небольшой пирамидальной возвышенности, —это Верблюдъ-гора, а та, что будетъ полѣвѣе—Змѣева-гора прозывается... Да вы, должно быть, въ первый разъ? сказалъ онъ уже съ отгнѣкомъ снисхожденія; такъ вонъ—смотрите прямо!

Вдали, совсѣмъ на краю горизонта, виднѣлась бѣлая, словно изъ облаковъ, прозрачная пирамида, раздвоенная на верхней площадкѣ.

— Видите? Это... это Эльборусъ!! произнесъ онъ съ какой-то особой торжественностью, рассчитывая, конечно, поразить словомъ Эльборусъ.

— «А эта полоска изъ бѣлыхъ, прозрачныхъ облаковъ съ остріями и выступами, что виднѣется вдали на горизонтѣ, правѣ Эльборуса? спросила я по прежнему спокойно-равнодушно,—это тоже горы?»

— Это?! Да это сама цѣпь Кавказскихъ горъ! съ горделивою радостью возвѣстилъ кондукторъ. Онъ тотчасъ поднесъ къ губамъ свой мѣдный инструментъ и заигралъ, словно бы отъ избытка счастья, что снова увидалъ свои Кавказскія горы, любимую здѣсь малороссійскую пѣсню:

О, язь болить мое сердце,
А слезы не льются!
Віють витры, віють буйни,
Ажъ деревья гнутса.

Странно! ни съ такимъ чувствомъ — «съ охоты» — исполняемая пѣсня, ни на рѣдкость прозрачный воздухъ, ни даже видъ Эльборуса, который празднично освѣщался яркимъ утреннимъ солнцемъ, ни ясно виднѣвшаяся цѣпь Кавказскихъ горъ, ничто не вливало ни особой радости, ни особаго довольства среди окружающей пустынной безлюдности. Вся картина казалась только остатками той чудной декорации, на которую я рассчитывала и которая связывалась въ представленіи съ магическимъ словомъ «Кавказъ». Мнѣ казалось, словно я зашла на сцену не съ той стороны, попала не въ удачный моментъ, пришла тогда, когда кончилось представленіе, все опустѣло, дѣйствующія лица развѣхались, и декорации прибрали. Но я забыла, что, вѣдь, я еще не на Кавказѣ, а только въ его преддверіи...

Такое чувство испытывала я, смотря по сторонамъ, гдѣ справа, дальше за Змѣевою горой—выступала Желѣзная, съ голой плѣшью на вершинѣ, прикрывая собою котловину съ бѣлыми, въ видѣ точекъ виднѣющимися строениями—маленькій городокъ Желѣзноводскъ; а дальше за нимъ выступала широкая въ своемъ основаніи съ нѣсколькими вершинами, но далеко не высокая гора Бѣштау. Не такой маленькой, низенькой рисовало ее мое воображеніе, когда я читала

Лермонтова... «На западъ пятиглавый Бѣшту синѣеть, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури...»—Пятиглавый Бѣшту!

И я принялась отъ скуки считать главы. Пробовала начинать и справа, и слѣва—счетъ не сходился: я насчитывала то шесть, то семь,—то, пропуская маленькіе выступы, у меня не хватало до пяти.

Долго не могла понять этой странной загадки, и только потомъ уже черезъ нѣсколько дней, когда привелось ѣхать изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ, когда пришлось огибать эту пятиглавую гору, я повяла, что невѣрность счета зависѣла отъ того, съ какой стороны и даже съ какой точки начать считать. Часто Желѣзная гора, выступая своей плоской вершиной изъ-за Бѣштау, казалась ея частью и ее легко было принять за одну изъ главъ Бѣштау, превращающуюся вслѣдствіе этого изъ пятиглавой въ шестиглавую.

Вслѣдъ за Бѣштау кондукторъ указалъ на другую Лермонтовскую гору—Машукъ. Эта мохнатая шапка, съ подножія до вершины покрытая лѣсомъ, стояла налѣво отъ дороги, гдѣ лежалъ нашъ путь. У подножія горы виднѣлась бѣлая точка, похожая издали на птицу. Какъ объяснилъ кондукторъ, это была сторожка, а надъ ней Перкальская скала, отъ которой вся эта часть подножія Машука носить названіе Перкалки...

И на Перкальской той скалѣ
Лежалъ нашъ Лермонтовъ убитый...

вспомнилось мнѣ чье-то двустипіе, кѣмъ-то завезенное съ Кавказа.

«Значить, вотъ гдѣ! вотъ то мѣсто, гдѣ 45 лѣтъ тому назадъ нашъ второй пѣвецъ Кавказа нашелъ въ своемъ невольномъ изгнаніи раннюю смерть!.. Вотъ гдѣ не дрогнула рука товарища, направлявшая пулю, товарища, который на горе и стыдъ себѣ пережилъ поэта...»

Ушедши въ эти невеселыя думы, я совсѣмъ не замѣтила, какъ мы проѣхали черезъ нѣмецкую колонію Каррасъ. Мнѣ не разъ потомъ приходилось проѣзжать здѣсь, потому я достаточно наглядѣлась на ея нѣмецкую прилизанность, чистоту и порядокъ. Чистенькая, стройная, съ геометрически правильной планировкой, съ красивой киркой, она походила на всѣ нѣмецкія, въ довольствѣ и просторѣ расположенныя на русской землѣ, селенія, видъ которыхъ, приводя на память наши захудалыя деревеньки, всегда возбуждаетъ во мнѣ зависть. А тутъ еще, словно нарочно, попадаются нѣмки съ самодвольнымъ видомъ, въ своихъ самодѣльныхъ съ широкими полями соломенныхъ круглыхъ шляпахъ, съ черной ленточкой вокругъ тульи, и мнѣ опять вспоминается дырявая войлочная шляпа на всемоленной головѣ нашего мужика. Не люблю я картинъ этого довольства

чужаго человѣка на русской землѣ, когда свой крестьянинъ живетъ въ такой бѣдности и тѣснотѣ.

Но, слава Богу, я въ этотъ разъ не замѣтила селенія Каррасъ; отвлеклась отъ своихъ думъ только въ ту минуту, когда наша карета обогнула Машукъ, и передъ нами, какъ самъ сюрпризъ, выросъ Пятигорскъ съ своими бѣлыми ординарной архитектуры домами, расположившійся въ котловинѣ между Машукомъ и невысокой, но широкой въ основаніи Горячей-горой.

— А это Казенный садъ, продолжалъ просвѣщать меня кондукторъ, указывая на рядъ деревьевъ какъ разъ у вѣзда въ Пятигорскъ.

Мы повернули влѣво. Кондукторъ заигралъ сигналъ.

И соборъ, бульваръ, и группа палатокъ съ фруктами... разомъ выплыли и занестрѣли въ глазахъ. Нашъ омнибусъ съ шумомъ подкатилъ къ помѣщенію «Агентства общественныхъ экипажей», гдѣ рядомъ съ нимъ помѣщается и лучшая гостиница города, «Европейская».

Итакъ, мы въ Пятигорскѣ!

Пятигорскъ, Машукъ, Бѣштау... всѣ эти названія полны для насъ особаго поэтическаго обаянія! Близки, дороги душѣ нашей, какъ близко и дорого все, что напоминаетъ Лермонтова, его чарующіе стихи! И я невольно смотрѣла по сторонамъ, искала—нѣтъ ли какого-нибудь остатка, обелиска, памятника, который бы каждому пріѣзжему громко возвѣщаль:

Здѣсь жилъ М. Ю. Лермонтовъ! Здѣсь пѣлъ свои пѣсни!
Здѣсь же замолела навсегда и его муза!

Очутившись въ Пятигорскѣ, я чувствовала себя словно въ храмѣ, хотя нигдѣ не находила никакихъ видимыхъ слѣдовъ пребыванія божества. Нигдѣ никакихъ признаковъ, которые бы говорили каждому, что это храмъ... Неужели ни памятника, ни колонны, ни даже креста?

II.

Въ первый же день прїѣзда я взяла возницу и поѣхала осматривать городъ. Побывала на знаменитомъ «Провалѣ», фотографію съ котораго во всѣхъ видахъ можно найти на всѣхъ водныхъ бульварахъ и паркахъ и которыя, надо замѣтить, не передаютъ ни малѣйшаго представленія объ этой грандіозной горной картинѣ, осмотрѣла и гротъ Діаны, и Эолову арфу... Но обо всемъ этомъ тысячу разъ говорилось во всѣхъ путевыхъ замѣткахъ съ минеральныхъ водъ, и потому скорѣй мимо всѣхъ этихъ достопримѣчательностей.

— Видите—на площади, близъ собора, навалены камни? Это строятъ памятникъ Лермонтову, сказалъ мой возница.

Я попросила его остановиться и пошла взглянуть на постройку. На большой соборной площади, нѣсколько полѣвѣе отъ собора, гдѣ стояло прежде маленькое, красивое, съ колоннами, зданіе гауптвахты, теперь сдѣлана высокая насыпь. Ее подпираетъ бѣлая каменная стѣна. Вотъ и все, что сдѣлано пока на мѣстѣ будущаго памятника. Но отъ десяткаго я узнала дальнѣйшій планъ постройки. Надъ каменной стѣной будетъ воздвигнута массивная чугунная рѣшетка, изъ-за нея будетъ высится и смотрѣть въ сторону Подкумека—монументъ поэта. Вокругъ памятника со всѣхъ сторонъ раскинется красивый четырехугольный скверъ. И скверъ, и памятникъ будутъ видны издалека. Со временемъ это будетъ одно изъ эффектныхъ украшеній города, если припомнить, что съ западной стороны декораціей къ нему служить далекій небесный просторъ, со всѣми чудными переливами красокъ южнаго заката.

Я надѣялась найти здѣсь снимки съ самаго памятника. Но оказывается, ихъ въ Пятигорскѣ еще никто не видалъ, хотя запросовъ со стороны прїѣзжей публики была масса во время разгара лѣтнаго сезона; выручить могли бы много.

— Вѣдь его товарищи убили, началъ занимать меня возница, какъ только я сѣла въ экипажъ.

— «Кого?»

— Да Лермонтова-то! Извѣстно, люди молодые, кутить ѣздили. Тутъ недалеко нѣмецкая колонія есть—Карась прозывается. Небось проѣзжали мимо? Ну такъ вотъ! Тамъ есть винный погребокъ,—они туда и катали кутить. Ну, извѣстно, напились; всю ночь прокутили, а на дорогѣ-то, когда возвращались, и поссорились. Тутъ Лермонтова и убили.

— «А гдѣ то мѣсто, гдѣ его убили?»

— Мѣсто-то? Я знаю,—могу свозить,—обрадовался возница. Надо завернуть за Машукъ, — туда въ Перкалкѣ, верстъ семь отсюда будетъ,—тамъ на Перкалкѣ и убили.

— «Мѣсто чѣмъ нибудь отмѣчено? Есть памятникъ?»

— Памятникъ? Нѣтъ, памятника нѣту,—а такъ два дерева стоятъ. Прошлый годъ его товарищъ сюда прїѣзжалъ и розыскивалъ это самое мѣсто. Я и возилъ товарища-то. Онъ еще праздникъ тутъ въ честь Лермонтова устроилъ..

— «А ты не помнишь фамиліи товарища?»

— Какъ не помнить? знаю. Германомъ звать. Онъ такой тутъ важнѣйшій праздникъ задалъ! Музыка была, танцы.

Много, долго рассказывалъ возница о Германѣ и о данномъ имъ праздникѣ. Этому же Герману онъ приписывалъ и мысль постройки памятника Лермонтову, закладка котораго сдѣлана еще лѣтомъ 1886 г.

Впослѣдствіи я узнала отъ офицеровъ мѣстнаго полка, что Германъ лицо миѣнческое, что рассказъ о немъ, какъ о товарищѣ Лермонтова, одна изъ многочисленныхъ легендъ, которыми угощаютъ путешественниковъ мѣстные извозчики и жители слободы, видя въ этихъ созданіяхъ фантазіи новый способъ заработка. Никакой товарищъ, никакой Германъ не повиненъ ни въ устройствѣ празднества, ни въ постановкѣ памятника въ честь Лермонтова. И то, и другое принадлежитъ инициативѣ города. Городъ съ 1886 года постановилъ ежегодно день смерти Лермонтова, 15-е іюля, отмѣчать общественными празднествами. Въ 1886 году былъ данъ первый такой праздникъ. Празднованіе началось молебствіемъ въ соборѣ, затѣмъ въ Михайловскомъ вокзалѣ было устроено аллегри, музыка, пѣніе, танцы. На праздникъ собралось все водяное пятигорское общество.

— «А ты не знаешь, спросила я все того-же словоохотливаго возницу,—гдѣ жилъ Лермонтовъ?»

— Вотъ этого уже не знаю. Да кто-жь его знаетъ? Мало ли ихъ тутъ жило такихъ удальцовъ, что стрѣлялись?! Много! Всѣхъ не припомнить, гдѣ жили.

Ясно, что для возницы Лермонтовъ былъ только однимъ изъ удальцовъ, который заслужилъ и всеобщую извѣстность, и долгую память только удальствомъ и преждевременной смертью; возница былъ далекъ отъ мысли о какихъ нибудь иныхъ заслугахъ Лермонтова. Такого-же представленія о Лермонтовѣ были и другіе простолюдины города, въ чемъ мнѣ не разъ пришлось убѣдиться.

III.

Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, даже и изъ интеллигентныхъ туземцевъ мало кто знаетъ. На розыскъ этого домика я потратила чуть не цѣлый день. Къ кому ни обращалась, кого ни спрашивала—никто не могъ дать никакихъ свѣдѣній; каждый спокойно отвѣчалъ: «не знаю», какъ будто въ этомъ «не знаю» не заключалось ничего постыднаго. Я уже начала терять надежду, какъ вдругъ вспомнила, что на бульварѣ промежду другихъ фотографическихъ изображеній я видѣла фотографію съ надписью: «Домъ, гдѣ жилъ М. Ю. Лермонтовъ»,—я направилась къ продавщицамъ. Но и тамъ, оказалось, знаютъ не больше моего возницы. И только розыскавши самого фотографа, я могла добиться слѣдующаго лаконическаго указанія: «Тамъ, около Дворянской улицы».

Дворянская улица идетъ отъ Средняго бульвара, подъ прямымъ угломъ вверхъ къ Машуку. Я отыскала ее и, взбираясь на верхъ, не пропускала буквально ни одного прохожаго безъ вопроса: «Гдѣ-же домикъ Лермонтова?» Но и тутъ опять никто не могъ дать никакихъ указаній. Что дѣлать? Неужели такъ и уѣхать отсюда, не сумѣвши отыскать въ этомъ крошечномъ, чуть не наперсточномъ городишкѣ домикъ Лермонтова? Я остановилась въ раздумьи.

Мимо шелъ жандармъ.

Заранѣе предугадывая равнодушное «не знаю», я все-же остановила его неизмѣннымъ вопросомъ. Но къ моему величайшему удивленію и радости, жандармъ зналъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ.

— Дойдете до конца улицы, сказалъ онъ, — поверните налѣво — будетъ улица Нагорная. По лѣвой сторонѣ второй домъ и будетъ домъ Лермонтова. Теперь тамъ квартируетъ Ловейко. На подъѣздѣ съ улицы увидите его дощечку. — Жаль, сказалъ онъ, видя мою неподдѣльную радость и поощряемый моею искренней благодарностію, — что не случилось дома нашего стараго жандарма! Онъ еще при Лермонтовѣ здѣсь жилъ. Онъ бы сумѣлъ кое-что и поразсказать о немъ, а мнѣ гдѣ-жъ? Я его ужъ не засталъ...

Еще разъ поблагодаривъ за указаніе и за доброе желаніе, я пошла на конецъ Дворянской улицы въ гору. Глазамъ открылась большая площадь; вдали, какъ бы на краю площади, красивая маленькая лютеранская церковь, обнесенная красивой оградой, а за ней гора Машукъ.

Какъ разъ противъ кирпичи, въ томъ мѣстѣ, на которое указалъ

мой жандармъ, я увидала маленькій одноэтажный деревянный домикъ въ два окна, съ подъездомъ на улицу. На подъездѣ прибита мѣдная дощечка съ фамиліей: «Ловейко».

Такъ вотъ онъ—тотъ опустѣлый храмъ! «И храмъ покинутый все храмъ!»—неволью пришло мнѣ на память. Съ благоговѣніемъ и любовью, какъ на что-то близкое, дорогое, смотрѣла я на этотъ домикъ, теперь затерявшійся и забытый. Мысль перелетѣла въ дни далекаго прошлаго, когда здѣсь, «на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука», проводилъ въ неволѣ свои молодые, бурливые дни самый капризный по натурѣ, самый неподдающійся опредѣленіямъ и правильнымъ очертаніямъ характеръ. Нѣсколько молодыхъ деревьевъ бѣлой акаціи, почтительно отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ плитной скатерти тротуара, которая разостлалась только передъ этимъ крошечнымъ домикомъ, словно для того, чтобы отмѣтить, выдѣлнить его изъ остальныхъ,—стоятъ какъ часовые, храня и осѣняя всѣмъ намъ дорогое жилище.

«Видъ съ трехъ сторонъ чудесный: на западъ пятиглавый Башту синѣеть, какъ «последняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ—поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона, на востокъ смотрѣтъ веселѣе: вверху пестрѣеть чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ дальше амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине, чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?»

Видъ изъ квартиры Печорина въ «Княжнѣ Мери» прямо какъ бы сфотографированъ съ этой мѣстности, которая теперь, конечно, значительно застроилась.

На воротахъ прибита надпись: «Домъ коллежскаго секретаря К. Вейштордта. № 40». Значить, домикъ до сихъ поръ находится въ рукахъ частнаго владѣльца?.. Но я уже не поразилась этимъ открытіемъ послѣ того, какъ пришлось убѣдиться, какъ мало вообще интересуются въ Пятигорскѣ Лермонтовымъ, какъ мало знаютъ о немъ.

IV.

Я заглянула въ ворота. Нѣсколько простыхъ русскихихъ бабъ стояло у раствореннаго сарая.

— «Скажите, пожалуйста, здѣсь жилъ Лермонтовъ?» обратилась я.

— Кто-о?!

— «Лермонтовъ».

— А кто его знаетъ? Не знаемъ.

Бабы продолжали заниматься своимъ дѣломъ, не обращая на меня никакого вниманія.

Я вошла на дворъ.—На крыльцо вышла молоденькая бѣлокурая дама. Узнавъ, чтѣ мнѣ надо, она легко сбѣжала съ лѣсенки и указала на другой домикъ во дворѣ. «Вотъ гдѣ жилъ Михаилъ Юрьевичъ, сказала она.—Видите и надпись».

Справа наверху, дѣйствительно, была прибита доска съ надписью: «Домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ, 1837—1841 гг.».

«Прежде эта доска висѣла на томъ домикѣ что на улицу, — продолжала дама; но Шанъ-Гирей настаиваетъ, что Лермонтовъ жилъ въ этомъ,—что тотъ домъ построенъ позднѣе. Это же мнѣ еще говорилъ и одинъ старикъ—онъ дѣтямъ моимъ песочъ привозилъ.

— «Какъ этого старика звать?» обратилась она къ бабамъ, которыя стояли все на томъ же мѣстѣ и возились съ какой-то кадкой.

— Старива-то? Да Чухнинъ.

— «Этотъ самый Чухнинъ, продолжала барыня,—видите-ли, везъ убитаго Лермонтова съ дуэли на квартиру. Говорить, прямо сюда въ этотъ домикъ и привезъ,—и барыня указала на домикъ во дворѣ. А за нимъ, видите? садикъ — тамъ стоятъ два старыхъ дерева: грецкій орѣхъ и груша—они считаются современниками Лермонтова. Взгляните—они, въ самомъ дѣлѣ, старички».

Грецкій орѣхъ, дѣйствительно, должно быть, современникъ поэту, —большой, высокій, пышный; широко во всѣ стороны раскинулъ свои пышныя вѣтви, съ солидной серіозностію глядитъ на широкій просторъ Нагорной площади, высоко поднимаясь и надъ заборомъ, и надъ самымъ домикомъ.

— А домикъ съ тѣхъ поръ передѣлывался?

— «О, несомнѣнно, онъ вытерпѣлъ большія передѣлки! Говорятъ, тогда у него крыша была камышевая, а теперь—видите? она желѣзная, домъ былъ весь деревянный, а теперь — видите? онъ снаружи обложенъ камнемъ. Жаль, сказала дама, — что хозяина нѣтъ дома,

что парадное крыльцо заперто! Вамъ ничего, вы согласитесь пройти черезъ черное? Я бы вамъ тогда два Лермонтовскихъ кресла показала».

Встрѣтивъ съ моей стороны полную готовность, барыня повела меня въ Лермонтовскій домикъ, въ квартиру хозяина.

Три ступеньки черной лѣстницы привели насъ въ сѣни, которыя такъ-же узки и малы, какъ крылечко. Мы вошли въ переднюю. Свѣтлая низенькая комната, съ небольшимъ окномъ изъ мелкихъ стеколъ, напоминала московскія старинныя антресоли старыхъ барскихъ домовъ. Всѣ комнаты оказались такія же низенькія, съ такими же маленькими плохо освѣщающими, словно бы рѣшетчатыми, окнами. Въ передней никакой мебели, кромѣ единственнаго дыряваго деревяннаго кресла, безъ пружинъ, съ жесткимъ сидѣньемъ, обитымъ желтой, по всему вѣроятію, уже новой формациі клеенкой. Форма кресла самая ординарная; ее можно встрѣтить въ любомъ московскомъ низшаго сорта трактирѣ; такія же кресла обыкновенно украшаютъ гостинныя сельскихъ священниковъ: деревянныя спинки, деревянныя ручки и мочалой набитое, жесткое, какъ доска, сидѣнье.

— Вотъ это и есть Лермонтовское кресло, а тамъ въ кабинетѣ другое.

Мы прошли въ кабинетъ. Передъ столомъ письменнымъ стоитъ тоненькій, легонькій, чернѣйшій деревянный стулъ, съ нѣкогда мягкимъ сидѣньемъ, тоже безъ пружинъ. Темнозеленая клеенка на подушкѣ такъ изорвалась, что изъ подъ нея весьма безцеремонно торчитъ мочала. Но форма этого стула много оригинальнѣе. Задокъ состоитъ изъ кругленькихъ, тоненькихъ, черныхъ, вертикально воткнутыхъ палочекъ, сверху на нихъ лежатъ такія же двѣ круглыя перекладки. Стулъ могъ бы быть недуренъ, если-бы о немъ было больше заботы, вполне имъ заслуженной. Можетъ быть, онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ поэтическихъ думъ поэта? Какъ бы хотѣлось увезти съ собой на сѣверъ эти двѣ сохранившіяся реликвіи!

— И какъ это наши собиратели и устроители музеевъ, сказала я вслухъ,—хотя бы того-же Лермонтовскаго музея въ Петербургѣ,—не приобрѣли до сихъ поръ этихъ драгоценныхъ остатковъ, которые со смертью владѣльца, разумѣется, полетятъ въ печь, какъ вниманія не стоящій хламъ! Вѣдь, вотъ исчезъ-же куда-то прострѣленный сюртукъ Пушкина со смертью М. П. Погодина, у котораго онъ хранился въ шкафу вмѣстѣ съ другими драгоценностями. Куда дѣвался этотъ сюртукъ? Такъ растериваемъ мы въ силу своей халатности то, что должно бы было наполнять наши національные музеи.

— «Говорятъ,—я слышала,—начала дама, что возлѣ воздвигаемаго памятника, на площади, хотятъ построить Лермонтовскій музей и

собрать тамъ все, что уцѣлѣло въ Пятигорскѣ и вообще на Кавказѣ отъ Лермонтова».

— Да развѣ въ Пятигорскѣ сохранилось еще что-нибудь, кромѣ этихъ двухъ кресель?

— «А какъ-же? У Шанъ-Гиреевъ (они живутъ отсюда близехонько) хранятся еще кресло и столъ Лермонтовскіе».

Мнѣ потомъ удалось розыскать квартиру Шанъ-Гирей; я была у Эмилиі Александровны Шанъ-Гирей, урожденной Клингенбергъ, которую неправильно называютъ урожденной Верзилиной: не отецъ, а отчимъ ея носилъ фамилію Верзилина. Тамъ видѣла я въ холѣ сберегаемое массивное длинное, словно книжшная качалка, краснаго дерева мягкое кресло. Это кресло, вмѣстѣ съ такимъ же краснаго дерева массивнымъ, красивымъ, стариннымъ письменнымъ столомъ, Михаилъ Юрьевичъ подарилъ еще въ Петербургѣ покойному мужу Эмилиі Александровны, который доводился Лермонтову двоюроднымъ братомъ. Шанъ-Гирей перевезъ и столъ, и кресло въ Пятигорскъ, еще при жизни Лермонтова.

Показывая мнѣ любезно эти семейныя драгоценности, Эмилиі Александровна прибавила:

— У меня сохранилась еще одна изъ вещицъ Лермонтова—его записной карандашикъ съ самодѣльной ручкой. Можеть, хотите по-смотреть?

И она вынула изъ столика бережно завернутый въ бумажку карандашикъ.

— Я взяла его себѣ на память въ день смерти Михаила Юрьевича,—пояснила она...

Но я отвлеклась отъ нити разсказа. Постараюсь вернуться опять на то мѣсто, когда я стояла на дворѣ Лермонтовскаго дома и выслушивала наставленія и указанія моей обязательной незнакомки. Поблагодаривъ ее за необычайную любезность и распростившись, я обратилась къ бабамъ съ вопросомъ—гдѣ живетъ старикъ Чухнинъ.

— Да гдѣ?.. На Сѣнной балкѣ.

— «Я не знаю, гдѣ Сѣнная балка».

— Не знаешь, гдѣ и Сѣнная балка,—какъ бы съ снисходительнымъ сожалѣніемъ сказала баба. Подкумокъ знаешь? Ну такъ вотъ ступай въ ту сторону. Тамъ покажутъ.

— «А на Сѣнной балкѣ въ чьемъ домѣ искать старика?»

— Дома не надо, его тамъ всѣ знаютъ. Спроси только: гдѣ Чухнинъ?—всякій укажетъ.

У.

Сѣнная балка помѣщается на противоположной сторонѣ города— на спускѣ къ Подкумку, этой громкой по названію, но узенькой, болѣе похожей на ручей— рѣчку. Я думала, что при такомъ не точномъ адресѣ, какимъ снабдили бабы, отыскать старика Чухнина будетъ очень затруднительно. Но я жестоко ошиблась. Старикъ Чухнинъ пользуется въ Пятигорскѣ несравненно большею популярностью, чѣмъ нашъ поэтъ Лермонтовъ. Насколько трудно было разыскать домикъ поэта, настолько же легко найти какого-то ломоваго извозчика Чухнина. Старика Чухнина зналъ всякій прохожій.

Я скоро и легко очутилась передъ низенькой бѣлой мазанкой, обнесенной такимъ-же набѣло вымазаннымъ известкой заборомъ— здѣсь жилъ Чухнинъ. Вся слобода или, какъ называютъ это мѣсто, Сѣнная балка была усѣяна такими же маленькими бѣлыми домиками, крытыми гдѣ черепицей, гдѣ соломой, словно у насъ въ Великороссіи.

На крыльцѣ стояла толстая старая женщина.

— «Можно здѣсь напиться квасу, молока или чего-нибудь?» обратилась я къ ней.

Она пригласила меня войти на крыльцо, а сама побѣжала на погребъ.

Когда вернулась, я стала спрашивать о старикѣ-мужѣ: правда ли, что онъ знавалъ Лермонтова и что онъ везъ его на квартиру съ мѣста дуэли...

— Какъ не знать! знавалъ. Онъ и домой его привезъ. Они съ братомъ тогда господскіе были. Ну, а у господъ лошадей было много. Они моего-то старика въ извозъ посылали. А какъ товарищи-то убили Лермонтова— ну сейчасъ туда, сюда, гдѣ лошадей взять? Мой-то и подвернулся. Ну сейчасъ на его лошадяхъ и побѣжали. Какъ же! онъ, онъ и привезъ...

— «Мнѣ хотѣлось бы спросить Чухнина— не помнить ли, въ какомъ мѣстѣ они нашли тогда Лермонтова убитымъ?»

— Какъ не помнить! помнить. Только теперь его дома нѣтъ, за навозомъ уѣхалъ. Гляди, сейчасъ вернется. Мы, вѣдь, милая, живемъ здѣсь, землицы-то не имѣемъ, а поземельныя за домъ взноси! Жить-то и нечѣмъ. Вотъ все тутъ, что видите. Ну и кормимся, что только отъ трудовъ, что сработаемъ. Старикъ-то мой на лошадей зарабатываетъ; иной разъ песокъ возить, иной кладъ, а я прачешнымъ дѣломъ

занимаюсь. Самой-то ужъ не подь силу, работницъ ванимаю, онѣ и работаютъ. Сама-то, вѣдь, я не здѣшная. Моя родина въ Россей. Я родомъ изъ Рязанской губерніи. Да и старикъ мой оттуда же. Мнѣ въ ту пору шестнадцатый годокъ шелъ, когда родину покидала, да такъ вотъ съ тѣхъ поръ... никого изъ родненькихъ и не видала, и не знаю, что они живы ли...» Старуха заплакала.

Я хотѣла было снова вернуть ее къ рассказамъ о Лермонтовѣ, но ея свѣдѣнія, оказалось, уже всѣ истощились: прибавить къ тому, что сказала, ничего не могла. Она, какъ и тотъ возница, о которомъ я упоминала раньше, думала, что Лермонтовъ сталъ извѣстенъ только черезъ смерть на дуэли.

На дворъ между тѣмъ вѣзжала телѣга съ навозомъ. За ней въ рваной шапкѣ шелъ тотъ самый старикъ Чухнинъ, котораго зналъ весь Пятигорскъ,—ископій, уже совсѣмъ драхлый, въ голубой посконной рубахѣ, съ слезящимися красными глазами, опухшими вѣками и длинной влиномъ бородой, напоминающей бороду раскольниковъ.

Старикъ проѣхалъ съ навозомъ подь навѣсъ. Долго кряхтѣлъ и возился, выпрагая лошадей.

— «Говорятъ, дѣдушка, ты привезъ Лермонтова съ дуэли?» обратилась я къ старику, когда онъ вошелъ на крыльцо и остановился въ недоумѣніи.

— Не я... не я... отрывисто, скороговоркой, сурово выговорилъ старикъ. Не я... это мой братъ.

— «А мнѣ сказали, что ты»...

— Не правда; братъ мой привезъ. Въ тѣ поры онъ еще живъ былъ, Лермонтовъ-то... Прожилъ до утра.

Несомнѣнно, старикъ Чухнинъ, какъ и его жена, какъ и мой возница, черпали свѣдѣнія изъ собственной небогатой фантазіи; никто изъ нихъ ничего настоящаго, вѣрнаго не зналъ о Лермонтовѣ; всѣ пробавлялись мѣстными легендами или прибѣгали за помощью къ собственной фантазіи. Не смотря на это, я попробовала спросить, не знаетъ ли онъ мѣсто, гдѣ былъ похороненъ Лермонтовъ.

— Гдѣ? на кладбищѣ, извѣстно.

— «Какъ на кладбищѣ? вѣдь, онъ не своею смертью умеръ»...

— Такъ что-жь! Небось его причащали...—Чухнинъ, уже совсѣмъ не стѣсняясь, молоть вздоръ.—Мы на другой день ѣздили туда, гдѣ дуэль была. Товарищи тамъ шаплыкъ жарили. Я и мѣсто знаю, могу свозить.

— «Вѣдь, его убили на Перкалкѣ», — продолжала я уже ради курьоза.

— Никогда! Его убили, не дожжая Перкалки. Тамъ два дерева стоять—отмѣтка, значить.

Нѣтъ сомнѣнiя, старикъ фантазировалъ и относительно мѣста. Впрочемъ, на эту тему, гдѣ была дуэль Лермонтова, фантазируютъ всѣ поселяне-туземцы. Обратитесь къ любому, и вамъ съ увѣренностью покажутъ, гдѣ искать, наговорятъ массу признаковъ. Одни указываютъ на небольшую плѣшь у подножiя Машука; на плѣши стоять одинокое дерево, а подъ нимъ плита. Говорятъ, что плита есть отмѣтка, гдѣ происходила дуэль. Другiе опровергаютъ и указываютъ на Перкалку, а третьи, какъ старикъ Чухнинъ, утверждаютъ, что это мѣсто совсѣмъ не тамъ, что рассказать признаки не умѣютъ, а указать могутъ.

Такъ ничего вѣрнаго я и не могла добиться.

VI.

Но до сихъ поръ я оставляла въ сторонѣ единственный пока я самый видный памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ — это «Гротъ Лермонтова». Онъ помѣщается на крутой скалѣ, много ниже бѣлой бесѣдки, прозываемой «Эолова арфа», близъ Елизаветинской галлерей, этого длиннаго бѣлаго зданiя съ высокими бѣлыми колоннами, которое, словно фантастическiй мостъ, бѣжитъ съ Машука на Горячую гору. Галлерей занимаетъ высокую точку города, замыкая собой «верхнiй» бульваръ и красуясь, какъ роскошная фантастическая декорация, которой вмѣстѣ съ Эоловой арфой и Гротомъ можетъ гордиться городъ.

Гротъ высѣченъ въ скалѣ, красиво выложенъ темнымъ камнемъ и выступаетъ на сѣромъ фонѣ скалы таинственной бесѣдкой, освѣщенной зеленью. Отъ Елизаветинской галлерей къ нему поднимается тропинка, изгибаясь полукругомъ.

«Прiютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ»...

Но въ немъ много поэтической прелести, въ этихъ темносѣрыхъ плитахъ, куда входъ безъ провожатаго (сторожа) загражденъ чугунной рѣшеткой и большимъ висячимъ замкомъ.

Есть преданiе, оно живетъ въ Пятигорскѣ, какъ и всѣ вышеприведенныя легенды, что этотъ «гротъ» былъ любимымъ мѣстомъ поэта: здѣсь будто бы предавался онъ поэтическому творчеству. Но замыкающiя его чугунные двери и желѣзный замокъ превращаютъ этотъ «прiютъ пѣвца» во что-то мрачное, недоступное, словно бы въ темницу.

Молча сижу подь окошкомъ темницы.
 Синее небо отсюда мнѣ видно:
 Въ небѣ играютъ все вольныя птицы;
 Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно...

(Плѣнный рыцарь—Лермонтова).

Тамъ, въ этой темницѣ, на мраморной доскѣ выбиты длинныя стихи, посвященные Лермонтову. Въ нихъ есть указанія, какъ бы отвѣты на тѣ вопросы, которые интересовали меня во все пребываніе въ Пятигорскѣ и на которые я ни отъ кого изъ слободскихъ жителей не могла добиться надлежащаго отвѣта. Въ стихахъ упоминается о мѣстѣ дуэли Лермонтова и о томъ, гдѣ лежало его тѣло, пока его не перевезли въ имѣніе бабушки Арсеньевой.

Вотъ эти стихи:

Подъ сѣнію твоей онъ часто находилъ
 Пріютъ для сладкаго мечтанья,
 И ты одинъ свидѣтель былъ
 Его сердечнаго страданья.
 Угрюмый видъ твоей скалы
 Служилъ душѣ его отрадой,
 Вдали отъ суетной молвы
 Ты окружилъ его прохладой.
 Ты гениемъ его сіялъ
 Въ тотъ мигъ душевнаго сознанья,
 Когда съ пера его слеталъ
 „Печальный демонъ—духъ изгнанья“,
 И видѣлъ ты, съ звѣзды восточной
 Какъ сорванъ былъ вѣнецъ златой,
 Какъ онъ „сіялъ росой полночной“
 Съ чела Тамары молодой.
 „Лучомъ румянаго заката“
 Ты былъ такъ ярко озаренъ,
 „Дыханьемъ нѣжнымъ аромата“
 Твой горный воздухъ напоенъ.
 И этотъ лучъ, кругомъ играя,
 Обвилъ Тамары дивный станъ,
 И духъ подземный, обожалъ,
 Стоялъ предъ ней, какъ истуканъ.
 Въ тебѣ тотъ демонъ, „духъ изгнанья“,
 Коваръ тва, лести, адскихъ силъ
 Надъ милой дѣвой - обожанья
 Обманъ преступный совершилъ;
 Клялся духовъ своихъ служебныхъ
 Привести красавицъ съ собой,
 Невольницъ легкихъ и волшебныхъ
 Съ ихъ красотою неземной,

Склоняя предъ этимъ увѣреньемъ,
 Крыленымъ лестью до конца.
 Какимъ-то чуднымъ упоеньемъ
 Повѣяло съ ея лица.
 И, выслушавъ любви признанье,
 Что тайный духъ ей обѣщалъ,
 Тамаринъ образъ, какъ въ сѣнни,
 Зарей румяной заблесталъ.
 Ты былъ всему тому свидѣтель
 И все въ себѣ ты совершилъ,
 Что твой и духъ, и благодѣтель,
 А нашъ поэтъ,—осуществилъ.
 Гордись же участью свсей!
 Ты былъ избранникомъ поэта,
 И знай, что въ памяти людей
 Не исчезаетъ память эта.
 Несчастнѣй року его сгубилъ,
 Разстался съ жизнью незабвенной,
 Противникъ выстрѣлъ совершилъ—
 И палъ поэтъ окровавленный.
 Такъ передай потомству ты
 Дуэль, годами незабытый,
 Что у Перкальской той скалы
 Лежалъ нашъ Лермонтовъ убитый;
 Что погребенъ былъ прахъ его
 Вблизи скороненныхъ здѣсь злодѣевъ,
 Вдали отъ храма своего,
 Въ углу—у кладбища евреевъ.
 Но гробъ родная не забыла
 Поэта брата (?) своего
 И у монарха испросила
 Увезти отсюда прахъ его.
 И онъ теперь лежитъ въ кладбищѣ,
 Въ селѣ Столыпенкѣ (?) родинѣ,
 На вѣковомъ своемъ жилищѣ,
 Почивъ въ Божѣ мирнымъ сномъ.
 А ты, мой гротъ! какъ мраченъ ты,
 Лишившись друга и поэта,
 Кругомъ тебя все суеты,
 А ты такъ чуждъ людскаго свѣта!
 Повѣдай намъ, кого ты ждешь?
 Поэта-ль памятью живешь,
 Или пѣснь его благословляешь?
 Уже насталъ тридцатый годъ,
 Какъ мы разсталися съ поэтомъ,
 А ты остался тотъ же все,
 Какъ памятникъ его предъ свѣтомъ,
 И неизмѣннымъ хочешь быть,
 Поэта—другъ, товарищъ милый,

Въ тебѣ онъ вѣчно будетъ жить:
 Ты—храмъ его и за мгновѣн.
 Вотъ почему благоговѣю,
 Когда вхожу подъ свѣтъ твою,
 И память прошлаго легѣю,
 И дань таланту отдаю.

Тутъ же на доскѣ сдѣлана надпись:

«Сія доска сооружена Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, помѣщикомъ Ильей Васильевичемъ Алексѣевымъ, 1870 года, іюля 20 дня, во время его пользованія Пятигорскими минеральными водами. А вынѣ по случаю отдѣлки «Грота» вновь возобновлена имъ 17 іюля 1878 года».

VII.

Надо думать, что этотъ самый помѣщикъ Алексѣевъ есть и авторъ приведенныхъ стиховъ. И если это такъ, то Алексѣевъ одаренъ несомнѣнно болѣе пылкой фантазіей, чѣмъ старикъ Чухнинъ; они одинаково безапелляционно ставятъ рѣшенія разнымъ вопросамъ относительно Лермонтова. Алексѣевъ не задумывается, напримѣръ, село Тарханы, гдѣ похороненъ въ настоящее время прахъ Лермонтова, назвать Столпценовкой, а бабушку Арсеньеву, по желанію которой тѣло Михаила Юрьевича было перевезено въ Тарханы, — превратить въ сестру поэта, которая будто бы испросила у монарха «увесть отсюда прахъ его».

Не менѣе рѣшительно указываетъ авторъ и на «Гротъ», какъ на любимый уголокъ, куда уединился Лермонтовъ въ минуты вдохновенія, въ минуты созданія Демона, Тамары.

А между тѣмъ многіе, даже изъ современниковъ Лермонтова, полагаютъ, что «Гротъ» сдѣланъ недавно, что при Лермонтовѣ его не существовало.

За разрѣшеніемъ этого вопроса я обратилась прежде всего къ самому вѣрному источнику—сочиненіямъ Лермонтова,—и тамъ въ «Герои нашего времени» нашла прямое указаніе на этотъ гротъ, къ которому вела въ тѣ времена «виноградная аллея». Здѣсь въ этомъ гротѣ, близъ Елизаветинской галлерей, Печоринъ встрѣтился съ Вѣрой. «Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ сидитъ женщина въ соломенной шляпкѣ, окутанная черною шалью, опустивъ голову на грудь...» («Княжна Мери»).

За подтвержденіемъ того-же самаго я обратилась къ Эмилиіи Александровнѣ Шанъ-Гирей.

По ея словамъ, «Гротъ» несомнѣнно современникъ Михаила Юрьевича, только въ тѣ времена онъ не имѣлъ такого прибраннаго, холеннаго вида. Его отдѣлалъ, замкнулъ чугунными рѣшетками и заперъ на желѣзный замокъ Байковъ, управлявшій минеральными водами въ Пятигорскѣ. Во времена-же поэта гротъ имѣлъ простой, естественный видъ, какъ и другіе маленькіе гроты, которыхъ тогда было много на Горячей горѣ. Въ тѣ времена очень любили давать названія мѣстамъ по именамъ греческихъ боговъ и богинь. Такъ гротъ Діаны, помѣщающійся на бульварѣ, еще въ то время назывался именемъ этой богини, а «Лермонтовскій» носилъ тогда названіе грота «Калипсо».

Не мѣстомъ уединенія и поэтическихъ думъ, по словамъ Эмилиі Александровны, служили эти уединенные уголки: чаще они бывали свидѣтелями шумныхъ удовольствій, веселья. «Собственно въ Пятигорскѣ, какъ говоритъ Э. А. Шанъ-Гирей, Лермонтовъ жилъ очень мало, онъ постоянно бывалъ въ разъѣздахъ—на экспедиціяхъ. Если же прїѣзжалъ въ городъ, то на недѣлю—на двѣ, не больше. Прїѣдетъ, бывало,—и сейчасъ у насъ начинается веселье. Танцуемъ, веселимся чуть не до зари. Съ Михаиломъ Юрьевичемъ всегда бывало очень весело.—Я никогда не смотрѣла на него, какъ на особеннаго человѣка; въ моихъ глазахъ онъ былъ веселый, остроумный—вотъ и все. Мѣстомъ веселья онъ обыкновенно выбиралъ одинъ изъ гротовъ. Помню, какъ за нѣсколько дней до смерти Михаилъ Юрьевичъ съ товарищами задалъ въ гротѣ Діаны такой пиръ, что пирующие разошлись только на другой день, на разсвѣтѣ».

Во время бесѣды Эмилиі Александровна не разъ высказывала, какъ несправедливы и невѣрны догадки изслѣдователей, желающихъ непремѣнно для каждаго героя и героини Лермонтова отыскать первообразъ среди окружавшихъ поэта живыхъ лицъ. Извѣстно, что многіе видятъ въ Э. А. Шанъ-Гирей ту женщину, съ которой будто бы списана Княжна Мери. Объ этомъ даже не разъ заявлялось печатно.

— «Конечно, говоритъ Эмилиі Александровна, внѣшнюю сторону онъ, пожалуй, бралъ. Такъ, среди нашихъ общихъ знакомыхъ была одна барышня, наружность которой описана въ лицѣ Мери—но только наружность! Остальное все—все создано самимъ Лермонтовымъ. По моему, страшная ошибка искать непремѣнно лица.. и при этомъ еще безцеремонно указывать пальцемъ. Къ такимъ безцеремоннымъ хроникамъ принадлежитъ разсказъ, помѣщенный прошлый или за-прошлый годъ въ «Нивѣ» со словъ будто бы ген. Раевского. Тамъ

все, съ начала до конца, голая выдумка. Я охотно бы печатно подписала свою фамилію подъ такимъ заявленіемъ».

На мое замѣчаніе, отчего-же она этого до сихъ поръ не сдѣлала въ видахъ уничтоженія лжи и невѣрныхъ сообщеній, она сказала, что не разъ дѣлала попытку: писала въ «Ниву», писала въ «Живописное Обзорніе», нигдѣ не помѣщали, а если когда и помѣщали, то одни клочки. «Можетъ быть, потому, что я не литературно пишу», скромно объясняла Эмилія Александровна непростительное невниманіе къ истинѣ со стороны редакцій. Когда при прощаніи мы разговаривались о сохранившихся портретахъ Михаила Юрьевича, то Эмилія Александровна указала на портретъ въ растегнутомъ мундирѣ, приложенный къ сочиненіямъ поэта, какъ на самый вѣрный, болѣе всѣхъ другихъ передающій того Лермонтова, котораго она знала.

VIII.

Не меньшею легендарностью отличаются и всѣ другія указанія въ стихахъ помѣщика Алексѣева.

Относительно слѣдующаго мѣста:

Такъ передай потомству ты
 Дуэль, годами незабтый.
 Что у Перкальской той скалы
 Лежалъ нашъ Лермонтовъ убитый,—

вотъ что пишетъ другой современникъ Лермонтова, протоіерей пятигорскаго собора, отецъ Василій Эрастовъ, въ отвѣтъ на мои запросы:

— «Помѣщикъ Илья Алексѣевъ написалъ, что Лермонтовская дуэль происходила «при Перкальской скалѣ...», все это вздоръ! Дуэль происходила недалеко отъ кладбища, а гдѣ именно—опредѣлить нельзя¹⁾. Перкальской скалы нѣтъ и не было никогда, а была и есть Перкальская лѣсная караулка и названа (такъ) потому, что въ этой караулкѣ, чуть не съ самаго основанія ея, жилъ солдатъ-лѣсникъ полякъ Перкальскій, годовъ тридцать, такъ что начальство, во вниманіе къ его хорошей и долговременной службѣ, считало его лѣсникомъ до самой смерти и, когда онъ былъ уже уже слѣпымъ, наня и

¹⁾ Это же самое подтверждала и Э. А. Шанъ-Гирей. „Мѣсто дуэли никому неизвѣстно, говорила она,—напрасно ищуть—не найдуть“. Е. Н.

мало для него прислугу, предоставляя ему жить въ этой караулкѣ до смерти».

Такъ падаетъ сама собой распространенная легенда о Перекальской скалѣ! Также рѣшительно опровергаетъ отецъ Василій и другое указаніе помѣщика Алексѣева относительно мѣста временнаго погребенія Лермонтова:

... Что погребенъ былъ прахъ его
 Близъ скороненныхъ здѣсь злодѣевъ —
 Вдали отъ храма своего —
 Въ углу у кладбища евреевъ.

«Все это вздоръ, пишетъ отецъ Василій. — Погребенъ онъ былъ вовсе не «въ углу» и «не близъ», а почти въ центрѣ кладбища, гдѣ нынѣ существуетъ церковь. Объ этомъ я знаю хорошо потому, что когда послѣдовало высочайшее соизволеніе перевезти его прахъ въ Пензенскую губернію, по ходатайству его бабушки, то по приглашенію коменданта, полковника Ильяшенко, я присутствовалъ при вынутіи изъ могилы гроба его».

Такъ вотъ какія свѣдѣнія можно черпать изъ стиховъ помѣщика Алексѣева, стиховъ къ «Гроту Лермонтова», этому пока только единственному памятнику поэта въ Пятигорскѣ, памятнику, который пока только одинъ, въ своемъ суровомъ величіи, напоминаетъ, что Пятигорскъ замѣчателенъ не одними цѣлебными источниками; что этотъ городъ навсегда будетъ отмѣченъ въ нашей литературѣ, какъ мѣсто, гдѣ протекли послѣдніе годы жизни одного изъ трехъ славныхъ нашихъ поэтовъ первой половины XIX столѣтія и гдѣ онъ нашелъ свою раннюю смерть. Этотъ поэтический уголокъ, фантастически пріютившійся на склонѣ Машука, влечетъ къ себѣ какой-то особой таинственностью, заманчивой прелестью всякаго пріѣзжаго туриста, а заманивши подъ свою сѣнь, напоминаетъ о томъ, вѣкъ для насъ долженъ быть полонъ весь воздухъ Пятигорска со всѣми его цѣлебными источниками и горными красотами.

Этотъ же памятникъ, съ своей мраморной доской, является единственнымъ источникомъ, гдѣ черпаютъ свѣдѣнія о мѣстѣ смерти, погребенія и о жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ не только заѣзжіе туристы, но и мѣстные жители. Мнѣ не разъ случалось, обращаясь къ офицерамъ туземнаго полка за разъясненіями, получать такіе отвѣты: «А вы отправьтесь въ «Гротъ Лермонтова» — тамъ есть стихи,—въ нихъ все сказано—и гдѣ умеръ, и гдѣ похороненъ поэтъ, и какое отношеніе онъ имѣлъ къ этому гроту».

И этотъ единственный источникъ оказывается, съ начала до

конца, переполненъ вздоромъ! Чѣмъ же руководствовался городъ, когда рѣшался принять отъ Алексѣева его подарокъ? Неужели всякій написанный вздоръ могъ быть принятъ, какъ даръ, безъ всякаго контроля и поставленъ въ единственномъ общественномъ хранилищѣ памяти Лермонтова въ Пятигорскѣ?! Такая небрежность отношенія къ памяти нашей славы можетъ объясняться только развѣ крайне малой литературной образованностью самихъ пятигорскихъ горожанъ и главнымъ образомъ того, кому поручено было устройство и завѣдываніе Лермонтовскимъ гротомъ. Единственный памятникъ—и тотъ говоритъ вздоръ! Это самая печальная сторона Пятигорска! Онъ обаятеленъ для насъ, главнымъ образомъ, по имени поэта—и какъ разъ въ Пятигорскѣ—то именно меньше всего знаютъ и помнятъ о немъ, а «улица» не можетъ ничего ни напомнить, ни сообщить!

IX.

Съ будущаго года «Гротъ» перестанетъ быть единственнымъ памятникомъ Лермонтова. Новый памятникъ, строящійся на соборной площади, говорятъ, будетъ открытъ 15-го іюля 1888 года. Это торжество, конечно, соберетъ много поклонниковъ великаго поэта въ Пятигорскѣ, гдѣ и безъ того, въ іюль, въ разгаръ воднаго сезона, набѣзжаетъ масса чающихъ и жаждущихъ исцѣленія отъ здѣшнихъ источниковъ. Желательно, чтобы тѣ изъ современниковъ поэта, которые его знали лично и которымъ довелось дожить до этого торжества,—подѣлились тѣми драгоценными свѣдѣніями личнаго знанія, которыхъ никогда не замѣнить никакимъ ученымъ изслѣдованіемъ.

Къ числу такихъ драгоценныхъ хранителей воспоминаній о М. Ю. Лермонтовѣ принадлежитъ между немногими упоминаемый мною 74-лѣтній протоіерей Василій Эрастовъ въ Пятигорскѣ. Въ 1887-мъ году мнѣ удалось лично съ нимъ познакомиться. Бывши проѣздомъ въ Пятигорскѣ, я зашла навѣстить его.

— ... Да! какъ времена-то мѣняются! сказалъ въ раздумьи отецъ Василій, когда, сидя на каменномъ крылечкѣ дома, мы бесѣдовали съ нимъ о новомъ строящемся памятникѣ Лермонтову.—Да! сильно мѣняются! Вѣдь, это теперь только такъ стали цѣнить и интересоваться Михайломъ Юрьевичемъ. А прежде—тогда! повѣрите-ли? гдѣ онъ жилъ, такъ послѣ него квартиру святили,—право! Какъ только его скоронили, хозяинъ дома сейчасъ присылаетъ за мной: «Пожалуйста, говоритъ, батюшка, освятите поскорѣе! А то онъ, говоритъ, тутъ что творилъ?!

Гляди, оргін устроиваль». Хозяинъ былъ человекъ преклонныхъ лѣтъ, богобоязненный.. Дѣлать нечего, пошелъ освятилъ квартиру. А теперь, вотъ, подите! памятникъ воздвигаютъ! Какъ времена-то мѣняются!! Да,—такъ мѣняются, что себѣ не вѣришь иной разъ. Вѣдь, вотъ и я отказался отъ похоронъ Лермонтова, когда меня звалъ г. Столыпинъ, отказался по разнымъ—много объяснять—причинамъ; впрочемъ, его хоронилъ тоже съ проводами другой священникъ, мой товарищъ. Народу на похоронахъ было много, особенно дамъ. Я самъ хоть и не ходилъ, а видѣлъ издали—все зонтики, зонтики... Говорятъ, барышни-сосѣдки (онѣ неравнодушны были къ Михаилу Юрьевичу) вырѣзали на камнѣ надпись: «Михаилъ». Камешекъ этотъ — такъ небольшая плита—лежалъ все время на могилѣ, пока не пришелъ приказъ отъ государя вырыть тѣло и перевезти въ Тарканы. Куда дѣлся потомъ этотъ камень, такъ и неизвѣстно, должно быть, попалъ подъ церковь ¹⁾).

Въ заключеніе приведу еще одно достовѣрное и крайне любопытное свидѣтельство одного изъ современниковъ Лермонтова на счетъ его похоронъ, приведу какъ бы въ подтвержденіе того, что пора подѣлиться людямъ, знавшимъ покойнаго поэта, тѣми свѣдѣніями, которыя до сихъ поръ держались въ тайнѣ. Этимъ свидѣтельствомъ и закончу свои замѣтки.

«По поводу похоронъ Лермонтова въ духовномъ вѣдомствѣ производилось слѣдствіе, и судъ покойнаго Лермонтова присудилъ: «къ лишенію христіанскаго погребенія и мѣста покоя на кладбищѣ, а чтобы черезъ палача въ кулъ зарыть внѣ кладбища на основаніи церковныхъ и гражданскихъ законовъ (?!)».

Ш. С. Некрасова.

---

¹⁾ По словамъ же Э. А. Шанъ-Гирей, она помнитъ, „какъ отбросили камень, когда стали разрывать могилу—онъ скатился внизъ по склону и, разумѣется, затерялся“.

Ш. Н.

САНЪ-СТЕФАНО И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ВЪ ФЕВРАЛЬ 1878 г.

Очерки и замѣтки князя В. Д. Дабижа.

VIII ¹⁾.

Ожидали ли насъ въ Константинополѣ? — Возвращеніе въ С.-Стефано по желѣзной дорогѣ.—Остатки стѣнъ Византии.—Князь В. А. Черкасскій, какъ устроитель Болгаріи.

Въ С.-Стефано я рѣшилъ отправиться на другой день по желѣзной дорогѣ. Но едва я успѣлъ позавтракать, какъ зашелъ ко мнѣ мой великій грекъ, иначе Федоръ Николаевичъ.

— Извѣстно ли вамъ, спросилъ я его, —ожидали-ли турки, что русскіе займутъ Константинополь?

— «О, какъ еще ожидали. Когда прибылъ сюда адрианопольскій губернаторъ, сопровождаемый нѣсколькими тысячами бѣглецовъ, и объявилъ, что русскіе въ Адрианополѣ, то уже никто не сомнѣвался, что такая же участь готовится и Истамбулу, и что здѣсь будутъ подписаны условія мира. Дамать-паша, по полученіи извѣстія о наступленіи русскихъ, совершенно потерялъ голову; да и кто только не терялъ ее тогда! Султанъ настоятельно требовалъ отъ него совѣта: что дѣлать? а онъ только и отвѣчалъ: «Аллахъ великъ!» и возводилъ глаза къ небу. Первая мысль султана была бѣжать въ Брюссу; уже было заготовлено для этого нѣсколько пароходовъ. Но его напугали, что русскіе воспользуются отсутствіемъ падишаха и навсегда останутся въ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1888 г. томъ LVII, февраль, стр. 355—383.

Константинополь. Тогда султанъ хотѣлъ было поручить себя покровительству принца Рейса, какъ представителя дружественной Росси державы, и дать ему обязательство, что онъ заранѣе согласится на всѣ условія, которыя предложитъ побѣдитель. Но этого не допустилъ Лайярдъ. Онъ постоянно твердилъ, что русскіе никогда не войдутъ въ Константинополь; что движеніе русской арміи по направленію къ столицѣ не болѣе, какъ демонстрація, и что, во всякомъ случаѣ, это движеніе будетъ во-время остановлено распоряженіемъ изъ Петербурга. Тогда же были введены англійскія суда въ Дарданеллы. Что же? и вышло такъ, какъ говорилъ Лайярдъ.

— А что, русскіе встрѣтили бы сильное сопротивленіе въ Константинополѣ?

— «Я думаю, что серьезнаго сопротивленія ни въ какомъ случаѣ не было бы. Въ городѣ существовала паника. Войска были утомлены и деморализованы. А народъ не имѣлъ никакого желанія защищать правительство и скорѣе отъ побѣдителя, чѣмъ отъ кого другого, ожидалъ улучшенія своего положенія и избавленія отъ тягостей войны. Дѣло бы окончилось нѣсколькими выстрѣлами. Вамъ слѣдовало бы занять Галлиполи, запереть Дарданеллы, — и Константинополь былъ бы у нашихъ ногъ. Тогда бы заплѣли другую пѣсню. Но англичане предупредили васъ».

Поѣздъ отходить въ 1 часъ. Сказавъ до свиданія обязательному Фодору Николаевичу, я поспѣшилъ къ вокзалу желѣзной дороги и сѣлъ въ вагонъ почти съ третьимъ звонкомъ.

Обогнувъ мысъ Серала, поѣздъ идетъ сначала морскимъ берегомъ вдоль стѣни древней Византіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще можно видѣть ихъ. Впереди, по всей вѣроятности, существовали глубокіе рвы, наполняемые водою. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ мелькаютъ массивные остатки башенъ, въ которыхъ сосредоточивались грозныя для непріятеля силы. Теперь въ нихъ пріютилось нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Вѣчно юная и никогда не истощающаяся природа одѣваетъ богатымъ покровомъ деревьевъ, плюща и цвѣтовъ эти развалины и невольно примиряетъ съ разрушительною рукою времени. Пролетѣвъ мимо знаменитаго семибашевнаго замка (прежняго Киклобюнь или Пентапиргионъ), миновавъ «Золотыя ворота», украшенныя когда-то статуями и барельефами, мы вошли въ глубину страны. Черезъ «Золотыя ворота» имѣли торжественный въѣздъ триумфаторы. Но послѣ триумфа надъ болгарами императора Василія, они были заложены, по случаю распространившагося пророчества, что черезъ нихъ должны войти въ Константинополь латиняне. Въ такомъ же положеніи оставили ихъ и турки, ожидая, что черезъ нихъ должны

войти христіане... При первомъ взглядѣ на представившуюся намъ мѣстность мы были поражены ея заброшенностію. Огромныя пространства превосходной земли, обладающія наилучшими атмосферическими и почвенными условіями для всякаго рода культуры, въ въ столь близкомъ разстояніи отъ столицы, при самыхъ удобныхъ средствахъ сообщенія моремъ и желѣзнымъ путемъ, остаются невоздѣланными!... Эти земли принадлежать турецкому правительству, которому, конечно, не представляется даже мысль извлекать изъ нихъ какую нибудь пользу... А между тѣмъ тутъ могли бы быть разведены плантаціи риса, для которыхъ имѣется вполне достаточное естественное орошеніе... Могли бы быть насажены фруктовые сады, виноградники, прекрасные огороды. Турокъ—другъ природы; онъ инстинктивно любитъ садоводство. Но некому взяться за дѣло, некому дать ему надлежащій толчекъ. Это не какая нибудь заграничная поставка, немедленно дающая милліоны барыша предпринимателю... Вправо остаются древнія Адрианопольскія ворота. Они еще довольно хорошо сохранились. Стоящіе позади ихъ два минарета смѣло уносятся въ голубое небо и составляютъ пріятную противоположность съ стратегическою массивностію древняго укрѣпленія. Пролетѣвъ черезъ с. Маврикой, лежащее на половинѣ пути, мы стали подъѣзжать къ С. Стефано. Раздался свистокъ локомотива, и дребезжащій голосъ оборваннаго кондуктора, въ которомъ акцентъ изобличалъ сына Вѣны, извѣстилъ насъ о концѣ нашего путешествія. Съ С.-Стефанской станціи желѣзная дорога состоитъ въ распоряженіи русскихъ военныхъ властей и употребляется преимущественно для нуждъ арміи. На станціи нашъ офицеръ исправляетъ обязанности коменданта. У вокзала ни ковозки, ни лошади, и потому пришлось снова познакомиться съ с.-степанской грязью, которая въ этой части города еще болѣе глубокая, еще болѣе клейкая и втягивающая. Надо было выбрать чуть замѣтную тропинку впереди палатокъ нашего лагеря, причемъ пришлось удивляться энергіи нашего солдата, который, не смотря на вынесенныя и выносимыя невзгоды, не теряетъ своей молодецкой удали. Вездѣ веселіе, смѣхъ и пѣсни, точно ничего и не было.

Въ С.-Стефано русскіе и не русскіе много говорятъ о князѣ В. А. Черкасскомъ. Смерть сразила его въ самомъ разгарѣ дѣятельности, когда еще не успѣли обозначиться ея результаты. При такомъ условіи мнѣнія о ней не могли сложиться сколько нибудь опредѣленно. Удивительнѣе всего то, что кн. Черкасскій не оставилъ послѣ себя большихъ симпатій. Даже люди, завѣдомо къ нему расположенные, ограничивались въ своихъ воспоминаніяхъ однѣми холодными похвалами его уму и его организаторскимъ способностямъ. Большинство же и среди

его лица, принимавшія участіе въ административныхъ работахъ на Балканскомъ полуостровѣ, представляютъ покойнаго какъ тяжелаго деспота и какъ узкаго честолюбца, болѣе заинтересованнаго своею личною ролью, чѣмъ судьбою Болгаріи.. Такіе отзывы черезчуръ неожиданны и имъ какъ-то трудно вѣрится; но отголоски ихъ проникали довольно часто и въ нашу періодическую печать. Привожу наиболѣе выдающееся изъ того, что мнѣ довелось слышать.

Въ Кишиневѣ одинъ изъ членовъ одесскаго болгарскаго настоятельства предлагалъ князю Черкасскому распространить между болгарами, отъ имени настоятельства, что-то въ родѣ окружнаго посланія, въ которомъ населеніе приготовлялось къ братской встрѣчѣ нашихъ войскъ. Во главѣ настоятельства стоялъ мѣстный преосвященный, теплое слово котораго, безъ сомнѣнія, проникло бы въ сердца народа. Кромѣ того, имя болгарскаго настоятельства, изъ котораго вышло не мало борцовъ за свободу Болгаріи и которое дало лучшихъ учителей народныхъ школъ, достаточно извѣстно каждому болгарину. Можно было надѣяться, что предлагаемое воззваніе еще было бы гласомъ вопиющаго въ пустынь и, во всякомъ случаѣ, оно не испортило бы дѣла. Что же отвѣтилъ князь? Отступивъ нѣсколько шаговъ и принявъ угрожающій видъ, онъ спросилъ: «неужели вы думаете, что ваше посланіе будетъ имѣть больше значенія, чѣмъ 250 тыс. русскихъ штыковъ?»... Этотъ отвѣтъ, не деликатный по отношенію къ лицу, явившемуся съ самыми благими намѣреніями, и съ самаго начала неправильно опредѣлявшій наши отношенія къ болгарамъ, можетъ быть поставленъ девизомъ дѣятельности русскаго управленія. Говорятъ, что князь признавалъ для Болгаріи больше пользы отъ обнаруженія нашей силы, чѣмъ отъ спокойнаго примѣненія соответствующихъ административныхъ мѣръ. Этимъ объясняютъ оказанное предпочтеніе военнымъ, вызваннымъ для устройства страны. Большинство изъ нихъ, безспорно, имѣло свои достоинства, но не знало ни исторіи народа, ни условій его жизни въ настоящее время. А безъ этого какой идеалъ могъ составиться у нихъ для предстоявшей дѣятельности? Но князь желалъ одного точнаго, чисто формальнаго, выполненія своихъ распоряженій и требовалъ одного слѣплаго подчиненія себѣ. Извѣстный болгарскій ученый, если не ошибаюсь, Беронъ, предложилъ значительныя денежныя средства на устройство школъ въ родной землѣ и встрѣтилъ со стороны кн. Черкасскаго такой пріемъ, что ему, ветхому старцу, оставалось только заплакать!... Чѣмъ объяснить подобное безсердечіе?... Ни въ чемъ болгаре не должны были выказывать своего національнаго чувства, и все то, что имѣло видъ содѣйствія съ ихъ стороны дѣлу освобожденія родины, принималось чуть не какъ

преступленіе. «Дѣло будетъ сдѣлано помимо васъ»,—круто отвѣтилъ князь болгарскимъ депутатамъ, пришедшимъ просить оружія...

Относясь съ крайнею суровостію къ людямъ хорошимъ и нерѣдко оскорбляя ихъ, князь Черкасскій охотно сближался съ чорбаджіями, этими пьявками болгарскаго народа, которые служили и туркамъ, и грекамъ, лишь бы при ихъ содѣйствіи обдѣлывать свои дѣла на счетъ простаго народа. Эти люди все употребляли, чтобы возбудить въ русской администраціи недовѣріе къ живымъ силамъ народа, и имъ болгаре обязаны, что долгое время изъ нихъ не формировали дружинъ, которыя могли бы быть весьма полезнымъ резервомъ для нашей арміи. Болгаре не несли ни малѣйшихъ тягостей войны: ни провіантомъ, ни людьми, ни обозомъ. Даже бѣглецы, едва ускользнувшіе отъ турецкаго ножа, не находили большаго сочувствія къ своей злосчастной судьбѣ. Обыкновенная политическая мудрость кн. В. А. Черкасскаго, въ этомъ случаѣ, была обойдена происками своекорыстныхъ людей.

Но иногда вдругъ отдавалось приказаніе строго блюсти за интересами населенія и за охраненіемъ его имущества. Тогда болгаре, вообще чуждые славянскому радушію, наотрѣзъ отказывались исполнять самыя существенныя надобности войскъ. Отсюда непріятныя сцены, отсюда дѣйствія нагайки и столкновенія военныхъ властей съ органами гражданскаго управленія. Кн. Черкасскій обнаружилъ замѣчательныя организаторскія способности, управляя гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ. Разъ задуманный планъ неукосянительно и съ желѣзною волею проводился имъ во всѣ мельчайшія развѣтвленія жизни. Все заранѣе было предусмотрено и для всего указано было свое мѣсто. Къ удивленію, ничего подобнаго не было положено въ основаніе устройства Болгаріи. Напротивъ, все тамъ имѣло характеръ случайности и многія мѣры принимались, точно, по вдохновенію. Весьма часто то, что признавалось хорошимъ сегодня, взмѣнялось завтра... Иногда достаточно было получаса, чтобы самымъ кореннымъ образомъ перемѣнить взглядъ на дѣло!... Ближайшіе сотрудники князя были утомлены до крайности не только непомерною дневкою, но даже и ночною работою, безпрестанно перевершаемою... Уже послѣ кончины князя Черкасскаго, какъ бы въ подтвержденіе того, что въ дѣлѣ устройства въ Болгаріи не было ни плана, ни строгой системы, мнѣ самому пришлось слышать слѣдующій отзывъ одного лица, занимавашаго важный административный постъ: «никакого плана у насъ нѣтъ, никогда не существовало, да въ немъ нѣтъ и надобности. Только издали дѣло представляется труднымъ, а вблизи оно каждому по плечу: вѣдь не святые же лѣпятъ горшки»...

Князь Черкасскій имѣлъ вокругъ себя множество лишнихъ людей, пользовавшихся на счетъ страны большимъ содержаніемъ. По всей вѣроятности, эти люди составляли контингентъ будущихъ администраторовъ и подготавливались къ ожидающимъ ихъ обязанностямъ, что видно изъ того, что они носили названія губернаторовъ Варны, Шумлы и т. п., занятіе которыхъ даже не входило въ стратегические планы. Подобныя назначенія, въ полномъ смѣслѣ *in partibus infidelium*, были настоящими синектурами, въ особенности, если принять во вниманіе совершенную непригодность большинства этихъ лицъ.

Приведенные отзывы не могутъ служить основаніемъ для сужденія о личности князя Черкаскаго. Въ нихъ можно найти лишь объясненіе тѣхъ трудныхъ и часто неотвратимыхъ обстоятельствъ, посредѣ которыхъ ему приходилось дѣйствовать и благодаря которымъ онъ иногда платилъ дань своей человѣческой природѣ. Нельзя однако же упустить изъ виду, что въ тѣхъ же отзѣвахъ, рядомъ съ влагаемыми событіями, видна примѣсь чувствъ личнаго свойства и взгляды людей, еще волнуемыхъ слишкомъ близкимъ временемъ. Освѣщенные иначе и переданные съ большимъ спокойствіемъ, эти отзывы дали бы другое, болѣе безпристрастное объясненіе. Какъ бы то ни было, окончательное заключеніе о князѣ В. А. Черкасскомъ, какъ о дѣятелѣ болгарскаго освобожденія, въ настоящее время невозможно. Со всею справедливостію можно сказать, только одно, что въ этомъ дѣлѣ онъ представлялъ собою величину перваго порядка. Его умъ, сильный, ясный, просвѣщенный и богатый опытомъ предшествовавшей организаторской дѣятельности на поприщѣ гражданскомъ и государственномъ, какъ бы заранѣе предназначалъ его исполнителемъ выпавшей ему задачи. Онъ самоотверженно любилъ Россію и твердо вѣрилъ въ ея историческое призваніе посредѣ другихъ славянскихъ народностей. И только руководимый одними этими побужденіями, но ничѣмъ другимъ, онъ принялъ на себя великій подвигъ воззванія къ гражданской жизни народа, несшаго на себѣ гнетъ пятисотлѣтняго рабства.

Походная, исполненная всевозможныхъ тревогъ и лишеній, жизнь, громъ оружія и стоны раненыхъ не представляли той благопріятной обстановки, при которой мысль работаетъ спокойно и правильно, безпрестанно провѣряя себя. Быстрые переходы нашей арміи во вторую половину кампаніи, создававшіе не по днямъ, а по часамъ новыя условія жизни для освобожденной страны, заставляли спѣшить. Въ свою очередь, страна представляла много новаго. Узнать, какъ слѣдуетъ, это новое не было возможности въ такое спѣшное время. Въ нашей же литературѣ (да и въ иностранной), вообще бѣдной по

описанію южныхъ славянъ, не было подходящаго матеріала. Трудно сказать, было-ли его болѣе въ сообщеніяхъ нашихъ агентовъ. Вотъ тѣ смягчающія обстоятельства, которыя могли имѣть болѣе или менѣе неблагоприятное вліяніе на дѣятельность кн. В. А. Черкаскаго, Историку освобожденія Болгаріи предстоитъ рѣшить, что имъ сдѣлано для страны, и указать его ошибки. Во всякомъ случаѣ возрожденная Болгарія навсегда свяжетъ съ своимъ именемъ имя князя Черкаскаго, перваго своего устроителя. И кто бы ни былъ послѣ него, ему будетъ отведено второстепенное мѣсто, какъ человѣку, для дѣятельности котораго уже существовалъ намѣченный другою рукою слѣдъ. Идти по этому слѣду, въ виду предстоящаго замрениа страны, будетъ безъ сравненія легче, чѣмъ проводить его вновь, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій.

Князь Черкасскій заболѣлъ въ Тырновѣ. У него сдѣлалась злокачественная лихорадка, называемая въ южныхъ странахъ *malaria*. Переходъ черезъ Балканскія горы онъ сдѣлалъ болшею частью пѣшкомъ, при самой ненастной погодѣ. По прибытіи въ Адрианополь, болѣзнь его приняла острый характеръ: сдѣлалось разлитіе желчи. Но отдохнувъ нѣсколько дней и почувствовавъ себя немного лучше, князь, вопреки совѣтамъ медиковъ, рѣшился ѣхать въ С.-Стефано. Новыя тревоги, новыя усиленныя занятія и волненія не могли не дѣйствовать разрушительно: они сломили его. Вечеромъ 18-го февраля съ княземъ В. А. Черкасскимъ сдѣлался ударъ, лишившій его языка, а въ 5 ч. утра 19-го февраля 1878 г. ударъ повторился и князя не стало...

Въ этотъ же день подписанъ С.-Стефанскій трактатъ. Кн. Черкасскій не дожидъ до фактическаго утвержденія освобожденной Болгаріи, для которой, что бы ни говорили, онъ сдѣлалъ много, въ особенности, если принять во вниманіе тѣ условія, которыя окружали его въ это время и устранить которыя не было въ его власти.

IX.

Предполагающееся свиданіе великаго князя главнокомандующаго съ султаномъ.—Контрактъ съ Р. Общ. Пароходства и Торговли о перевозкѣ войскъ.—Поѣздка въ Константинополь.—Болгарскій патриотъ и мечты о будущности славянства.

Какъ слышно, идутъ переговоры между главной квартирой и отоманскимъ правительствомъ о свиданіи вел. кн. главнокомандующаго съ султаномъ. Великому князю предлагаютъ посѣтить Константинополь при соблюденіи строгаго инкогнито и съ небольшой свитой. У насъ, напротивъ, желаютъ придать этому свиданію какъ можно болѣе торжественности... Русскіе офицеры не смѣютъ показываться въ Константинополь въ своей формѣ; они могутъ бывать тамъ только въ гражданскомъ платьѣ; каждый разъ имъ выдается дозволеніе отъ начальства. Пока этимъ пользуются очень немногіе.

Вчера главнокомандующій подписалъ контрактъ съ Русск. Общ. Пар. и Торговли о перевозкѣ войскъ. Мысль о возвращеніи на родину представляется для всѣхъ желанною. Перевозка должна начаться съ половины марта. Мѣсто посадки на суда назначено въ Буюкъ-Дере, о чемъ предупреждено турецкое правительство. Пароходъ Владиміръ посланъ туда, для ознакомленія съ мѣстностію залива, съ его глубиною и грунтомъ. Съ этою цѣлью дѣлаются необходимыя промѣры.

Константинопольскія газеты передаютъ двѣ интересныя новости: во первыхъ, оправданіе Рефеть-бея, бывшаго секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ и лишеннаго должности и орденовъ по обвиненію Лайярдомъ въ шпионствѣ въ пользу русскихъ. Теперь Рефеть-бею не только возвращены его прежнія достоинства, но даже султанъ счелъ нужнымъ публично извиниться передъ нимъ. Въ указѣ о новомъ его назначеніи сказано: «его вел. султанъ, убѣдившись, что обвиненія Рефеть-бея созданы клеветою, соизволилъ возстановить его во всѣхъ прежнихъ достоинствахъ» и проч. Это очень не понравится англичанамъ; но они найдутъ случай вознаграждать себя. Другая новость относится къ скорому возвращенію Османъ-паши. Извѣстіе это возбуждаетъ неудовольствіе въ средѣ военныхъ. При отсутствіи увѣренности въ мирныхъ результатахъ С.-Стефанскаго договора и при все болѣе и болѣе увеличивающейся заносчивости турокъ, такая мѣра признается слишкомъ поспѣшною. Впрочемъ, пословица говоритъ: одинъ въ полѣ не воинъ, и Османъ-паша, не смотря на его способности, не замѣнитъ собою арміи, а создать новую армію Турція едва-ли будетъ въ состояніи, въ теперешнемъ своемъ положеніи.

Довелось слышать нѣкоторыя замѣтки на С.-Стефанскій договоръ.... Повидимому, основанія для образованія выдѣляемыхъ изъ Турціи княжествъ были приняты этнографическія. Что же заставило отдѣлнить отъ Сербіи слѣдующія мѣста, составляющія для каждаго серба историческую святыню: Прилѣпъ, въ которомъ еще доселѣ видны развалины замка Марка-Кралевича; Призрѣвъ, столицу Немавичей, Царьградъ ихъ; Печь, обитель св. Арсенія и древнее мѣстопробываніе сербскихъ патріарховъ; Дечаны, мѣсто подвиговъ Милицы, въ монашествѣ Евгениі, вдовы злосчастнаго короля Лазаря, и, наконецъ, Косово, гдѣ этотъ король палъ въ борьбѣ съ Амуратомъ? По С.-Стефанскому договору Вранья и Пиротъ должны быть отданы болгарамъ.... Говорятъ о предположеніи отдать румынамъ Добруджу!

Снова заволокло небо свинцовымъ пологомъ. Дождь идетъ, не переставая, мелкій, холодный дождь, точно у насъ на сѣверѣ въ ноябрѣ. Сидѣть въ такую погоду одному, да притомъ въ нетопленной комнатѣ, нестерпимо. И вотъ я снова задумалъ отправиться въ Константинополь. По крайней мѣрѣ, тамъ, даже если и продолжится ненастье, можно забыть лагерныя неудобства, согрѣться въ уютной комнатѣ Византійской гостиницы, хорошо пообѣдать и узнать изъ газетъ, что дѣлается въ Европѣ и какія ея намѣренія въ отношеніи насъ. Добравшись кое-какъ до турецкаго парохода, я тотчасъ спустился въ каюту компанію, довольно обширную залу, также грязную, какъ и другія части этого судна. Пароходный кафежки подаль миѣ чашку вкуснаго кипящаго кофе, и я, прилебывая понемногу, сталъ всматриваться въ окружающую меня публику. Русская рѣчь смѣло и бойко раздавалась въ разныхъ мѣстахъ, обнаруживая, вмѣстѣ съ высокими сапогами, некогнито нашихъ офицеровъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были турецкія фески. Остальное населеніе парохода, состоявшее изъ турокъ и мѣстныхъ грековъ, имѣло видъ приниженный и какъ-то боязливо озиралось по сторонамъ. Пройдя мимо маяка и зданія пороховаго завода, нашъ пароходъ вошелъ въ Золотой Рогъ и бросилъ сходни у моста, ведущаго въ Галату. На мое счастье нашлась карета и я черезъ какихъ нибудь четверть часа былъ у себя въ номерѣ, а спустя 10 мин. уже сидѣлъ въ обширной столовой отеля. Обѣдало человѣкъ сорокъ, люди разныхъ націй, повидимому комиссіонеры торговыхъ конторъ, журналисты и просто туристы; въ числѣ ихъ находилось нѣсколько дамъ, англичанокъ или американокъ. Все было сдержанно, впору, разговоры, тонъ рѣчи и самый темный цвѣтъ костюмовъ, ни чѣмъ не обращающихъ на себя вниманія; какъ вдругъ является новое лицо, новый гость, и точно по какому волшебному знаку умолкли разговоры и взоры всѣхъ обратились на пришельца

или, вѣрнѣе, на его блестящіе интендантскіе погоны... Тутъ я впервые понялъ неудобство форменнаго платья, среди однообразія одежды гражданскаго покроя; человѣкъ точно на выставкѣ и, конечно, не можетъ оставаться въ пріятномъ настроеніи духа. Но еще большія неудобства оказались впереди. Едва г. Михн. сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ къ нему подошелъ турецкій офицеръ и въ самыхъ отборныхъ французскихъ выраженіяхъ спросилъ: «по какому праву онъ въ военной формѣ?» Далѣе каждые десять, двадцать шаговъ его окружали толпы женщинъ и дѣтей, просившихъ милостыню и въ то-же время не обращавшихъ ни малѣйшаго вниманія на другихъ, одѣтыхъ въ обыкновенное платье.... Кстати здѣсь замѣтить, что нищихъ въ Истамболѣ встрѣчается немало. Это результаты народной бѣдности, увеличиваемой событіями войны. Бездомные бѣглецы-мусульмане ежедневно прибываютъ во множествѣ. На улицахъ то и дѣло встрѣчаются женщины, дѣти, старики, протягивающіе руку. Женщины снимаютъ съ лица покрывало и плачутъ, указывая на страшно исхудавшихъ дѣтей. Обѣдненіе народонаселенія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ обогащеніе рынка невольницъ, который, не смотря на международные трактаты, существуетъ въ Константинополѣ. Въ послѣднее время дѣвочки продавались по 200—250 фр., а негрятянку можно было купить и вполонину дешевле.

Я уже собирался войти въ свою комнату, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ и назвалъ себя. Мы пошли вмѣстѣ. Я тотчасъ же узналъ въ пришедшемъ моего давнишняго знакомаго, съ которымъ приходилось встрѣчаться не разъ, — это старый болгарскій журналистъ и старый агитаторъ въ пользу идеи освобожденія болгарскаго народа. Помнится, что я его видѣлъ въ началѣ 1850 годовъ, и тогда уже пожилымъ человѣкомъ, въ Кіевѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ настоятелемъ Рыльскаго монастыря и гдѣ, если не ошибаюсь, собиралъ книги русской печати для болгарскихъ школъ. Послѣ того въ 1869 году онъ былъ у меня въ Одессѣ, по пути въ Петербургъ. Наконецъ, пришлось свидѣться еще въ третій разъ здѣсь. Много слѣдовъ оставило на немъ время; но по всей вѣроятности гораздо болѣе разныя неудачи, неисполнившіяся желанія, обманутыя надежды. Лицо какого-то страннаго кофейнаго цвѣта, заставившаго бы придумать антрополога надъ вопросомъ о расѣ, все изборожденное морщинами, всклокоченная сѣдая борода и два свѣтящихся яркимъ огнемъ угля подъ бѣлыми нависшими бровями. Трудно сказать сколько онъ истратилъ на народное дѣло денегъ и энергій! Онъ когда-то былъ богатымъ человѣкомъ; теперь у него нѣтъ ничего. Онъ объѣздилъ всѣ европейскія столицы, нѣсколько разъ былъ въ Петербургѣ, бесѣдовалъ съ Нессельроде, съ Гизо, съ Тьеромъ

и съ Меттернихомъ и все объ одномъ и томъ же: когда окончатся страданія его народа?—все надѣющійся, все чающій утѣшенія Израилева. Теперь онъ, какъ ветхозавѣтный Симеонъ, можетъ благословить Бога и сказать: «нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ; ибо видѣста очи моя спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ».

Старый боецъ предсталъ въ томъ же изношенномъ черномъ фракѣ, въ которомъ я видѣлъ его прежде и въ которомъ онъ сидѣлъ на великолѣпной мебели пріемныхъ сильныхъ міра сего. Оно такъ и должно быть: боевая одежда не снимается во время боя. А бой продолжался, не переставая, въ теченіи всей его жизни!.... По прежнему онъ входилъ робко, садился, сначала молчалъ, какъ бы собирая мысли, боязливо осматривался по сторонамъ и начиналъ говорить, сначала тихо-несвязно, едва слышно, потомъ все болѣе одушевлялся и изъ его дряблага тщедушнаго тѣла рѣчь лилась огненнымъ потокомъ. Говорилъ онъ, что въ болгарскомъ народѣ таятся невѣдомыя силы; что волею Провидѣнія иноплеменное иго сохранило ихъ въ дѣвственной неприкосновенности; что Россія испытывала то же самое, пока не окрѣпла, и теперь, достигнувъ возмужалости, подаетъ руку своимъ братьямъ; что союзъ Россіи съ славянскими племенами обѣщаетъ міру великія явленія, еще невѣдомыя въ исторіи. Союзъ этотъ непремѣнно будетъ; онъ могъ бы уже настать для блага всего человѣчества, если бы не политика... Тутъ рѣчь его мгновенно обрывалась. Слово это онъ выговаривалъ пулитика и произносилъ его съ какимъ-то болѣзненнымъ ужасомъ, боязливо озираясь по сторонамъ. По всему замѣтно, что отъ политики и политиковъ и ему пришлось испытать много горькаго.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ добровольно лишается состоянія, спокойствія, ведетъ скитальческую жизнь, исполненную всякихъ лишеній и тревогъ, для одной идеи, безъ малѣйшей увѣренности въ близкомъ торжествѣ ея! И даже въ случаѣ торжества, съ полнымъ сознаніемъ, что отъ этого для него лично не послѣдуетъ никакого матеріальнаго улучшенія!... Должно сознаться, что въ природѣ человѣка есть потребности выше матеріальнаго удовлетворенія. Божественный Сердцевѣдецъ зналъ это свойство нашей души, когда сказалъ: «не о хлѣбѣ единомъ живѣ человѣкъ будетъ».

Настало прекрасное утро. Южное солнце посылало въ окна цѣлый снопъ огненныхъ лучей. На улицахъ мостовая начала просыхать. Сидѣть въ комнатѣ не приходилось, и я отправился на знаменитую Grande rue de Péga. Наскучивъ безтолковымъ движеніемъ толпы, оглушающими криками продавцевъ и носильщиковъ, я свернулъ въ сто-

рону и попалъ на одно изъ прежнихъ турецкихъ кладбищъ, расположенное среди густой кипарисовой рощи, на самой вершинѣ горы. Что за восхитительное мѣсто! По сторонамъ, среди темной зелени стройныхъ, какъ колонны, кипарисовъ, бѣлѣютъ мраморные памятники: подъ ними покоится счастливое поколѣніе, твердо вѣрившее въ могущество падишаха и даже не подозрѣвавшее самой возможности наступленія какого-то восточнаго вопроса,—этого современнаго пугала. Но... *tempora mutantur!*... Надъ нами шатеръ чистаго, какъ хрусталь, лазурнаго неба... А тамъ, впереди, голубое, прекрасное море, по которому, точно чайки, скользятъ бѣлые паруса! Еще далѣ туманная синева водъ и горъ—все такъ божественно хорошо, такъ мирно, что душа готова забыть свои обычныя тревоги и отдаться надолго созерцанію этихъ чудныхъ красотъ!....

— «А я уже былъ у васъ, и теперь счастливый случай доставилъ мнѣ возможность увидѣть васъ»,—раздался позади меня знакомый голосъ народнаго бойца.

— Садитесь здѣсь, возлѣ меня, и будемъ говорить. На воздухѣ, да еще передъ такой картиной, бесѣда наша пойдетъ живѣе. Да что вы такой печальный сегодня? Что такое случилось? Говорите.

— «Я именно по этому поводу и заходилъ къ вамъ. Мнѣ говорили, что австріяки надѣются получить Босну и землю Херцэга Штепана (Герцеговину), правда ли это?

— Весьма возможно.

— «Какъ? Чтобы поганый швабъ сосалъ славянскую кровь! Чтобы онъ вѣшалъ славныхъ герцеговинскихъ юнаковъ, которые первые подняли знамя свободы! Да, что же это такое? И неужели Россія допустить такое злодѣяніе?»

— Во-первыхъ, будемъ говорить тише, а то вонъ турки начинаютъ смотрѣть на насъ подозрительно; во вторыхъ, успокойтесь немного; страсть всегда плохой совѣтникъ. Видите ли, если это дѣйствительно случится, то каждый славянинъ отъ души пожалѣетъ, что на долю этихъ храбрыхъ и самоотверженныхъ герцеговинцевъ не выпала лучшая участь. Теперь о предполагаемомъ ихъ подчиненіи Австріи. Почему вы думаете, что боснякамъ и герцеговинцамъ будетъ хуже, чѣмъ у турокъ?

— «Я думаю, что будетъ хуже: австріакъ будетъ ворошить и вѣру народа, и его языкъ; турокъ этого никогда не дѣлалъ».

— Да, но онъ дѣлалъ больше: онъ вырѣзывалъ поголовно все населеніе... Вспомните башнихъ несчастныхъ соотечественниковъ въ Батакѣ и въ Эскизагрѣ! Вѣру, а тѣмъ болѣе языкъ, уничтожить нельзя; духъ народа, заключающійся въ его религіи и въ его языкѣ, никогда не

поддастся никакому матерьяльному насилію, пока народъ этотъ существуетъ. Турки инстинктивно понимали это, и устроили батакскую рѣзню. Вспомните, чего только не дѣлали австрійцы, чтобы изъ чеховъ сдѣлать нѣмцевъ! Вспомните всѣ ужасы тридцатилѣтней войны, подвиги инквизиціи и ухищренія іезуитовъ!... И что-же? Теперь чехи несравненно болѣе сознаютъ свою національность, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ едва ли не они одни обладаютъ самымъ чистымъ языкомъ, свободнымъ отъ всякой посторонней примѣси!... Нѣмецкая наука, нѣмецкая систематичность, однимъ словомъ, нѣмецкая культура оказала большую пользу чехамъ, какъ въ ихъ наукѣ, такъ и въ самомъ строѣ ихъ жизни: отъ чего же нѣмцамъ не имѣть того же благотѣльнаго вліянія и на южныхъ славянъ? Быть можетъ у нихъ уменьшится число юнаковъ; на за то будетъ безспорно больше мирныхъ гражданъ, спокойно занимающихся своимъ дѣломъ. Среди герцеговинскихъ скалъ, на которыхъ теперь вьеть гнѣздо одинъ орелъ, откроются невѣдомыя богатства, и о Босніи станутъ снова говорить, какъ когда-то, въ лучшія ея времена: Босна поносна, т. е. какъ о такой странѣ, которая достойна всякой похвалы, которая изобилуетъ всякими благами земными. Но будьте терпѣливы: ростъ историческихъ событій измѣряется не человѣческой жизнью. Не дожить намъ до этихъ дней. Когда они наступятъ, то, по всему вѣроятію, не будетъ и этихъ прекрасныхъ кипарисовъ, подъ которыми мы сидимъ. Въ жизни народовъ тоже, что передъ лицомъ Господа: вѣкъ — день единъ. Австрія не въ силахъ повредить идеѣ политическаго единства славянъ. Время для полнаго осуществленія этой идеи еще не настало; но нельзя не видѣть, что славянскія племена направляются къ ней какою-то таинственною силою. Эта сила заключается въ законѣ естественнаго сродства, естественнаго подбора, на основаніи котораго въ царствахъ животномъ и растительномъ однородныя особи инстинктивно стремятся другъ къ другу и въ взаимномъ союзѣ продолжаютъ свое дальнѣйшее развитіе. Тотъ же законъ естественнаго сродства существуетъ и въ области исторіи и также точно служитъ основой развитія народовъ. Наступитъ время, когда всѣ славянскія племена, почувствовавъ, что они братья между собою, подадутъ другъ другу руку, и поставивъ во главѣ своей старшаго брата, Россію, пойдутъ для свершенія своихъ судебъ чрезъ всѣ преграды также неудержимо, какъ неудержимо текутъ чрезъ разныя нѣмецкія преграды воды славянскаго Дуная въ родное ему Черное море!...

— «Такъ, такъ, милый Боже, да будетъ такъ!»

Съ восторгомъ въ лицѣ и почти шепотомъ заключилъ мой монологъ защитникъ народнаго дѣла, и пожалъ сильно мою руку.

— «Но пусть Россія хотя изрѣдка напоминаетъ намъ, что она не забыла насъ, и тогда мы готовы терпѣть и ждать столѣтій».

— Россія много сдѣлала для славянскаго дѣла: она посѣяла на поляхъ вашихъ сѣмена свободы костями сотенъ тысячъ своихъ сыновъ и кровью ихъ полила эти всходы. Исторія славянства, тѣсно связанная съ исторіей Россіи, будетъ говорить каждому славянину объ этихъ подвигахъ. Указывая на блестящее прошедшее, она поддержитъ его духъ въ настоящемъ и укрѣпитъ его вѣру въ будущее.

На этихъ словахъ мы разстались.

Х.

Святая Софія.—Византійскій гипподромъ и теперешній Атмейданъ.—Мечеть Баязидъ.—Кровавая расправа съ болгарамъ.

Мнѣ интересно было видѣть въ Константинополѣ Софійскую мечеть, гипподромъ, стамбульскій базаръ и посѣтить еще патриаршую церковь въ Фанарѣ. Мои обыкновенные путеводители были готовы и я началъ по порядку обзорѣніе.

Говорятъ, что императоръ Константинъ Великій началъ постройку храма Софіи еще будучи язычникомъ, когда онъ былъ послѣдователемъ философскаго ученія александрійской школы. Колеблясь, какому божеству посвятить создаваемый храмъ, онъ посвятилъ его имени премудрости Божіей (τὸ ἅγία σοφία), и это примиряющее имя осталось за нимъ навсегда. Въ 548 году св. Софія, сдѣлавшаяся жертвою пожара, была отстроена заново. Императоръ Юстиніанъ I-й поручилъ извѣстнымъ тогда зодчимъ Антемію изъ Траллеса, Исидору Милетскому и Игнатію создать такое зданіе, которое не имѣло бы себѣ подобнаго. Надо думать, что строители сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло. Они значительно увеличили размѣры прежняго храма и для украшенія его воспользовались наиболѣе сохранившимися остатками древняго языческаго зодчества. Но особенное вниманіе было обращено ими на внутреннюю отдѣлку св. Софіи. Нижнія части стѣнъ они обложили цвѣтными мраморами, а выше этой обкладки, стѣны, арки, своды и самый куполь украсили по золотому полю цвѣтными мозаическими изображеніями событій изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Кромѣ того въ храмѣ были поставлены нѣсколько рядовъ колоннъ изъ драгоцѣннѣйшихъ мраморовъ, вывезенныхъ изъ Эфеса, Бальбека, Рима, Аенія, Делоса и Египта. Но особенно замѣчательною, по свидѣтельству историковъ, была утварь св. Софіи. Тамъ было множество драгоцѣнныхъ

вазь изъ оникса и яшмы, оправленныхъ въ золото; шесть тысячъ массивныхъ канделябровъ и крестовъ, вылитыхъ изъ серебра и золота, стояли передъ иконами; 24 Евангелія въ золотыхъ окладахъ съ жемчугомъ и драгоценными камнями, украшали собою престолы; изъ нихъ главный престолъ (*ávia trákesa*) большого алтаря, вылитый изъ особой смѣси золота, серебра, желѣза и драгоценныхъ камней, составлялъ величайшую драгоценность и былъ предметомъ постоянного удивленія. Жертвенникъ стоялъ подъ куполомъ изъ чистаго золота, который поддерживали четыре серебряныхъ массивныхъ колонны! Меньшими великолѣпными сіяли сѣдалища патріарха, митрополитовъ и тронъ императора. Все наполняло храмъ необыкновеннымъ блескомъ и величіемъ, и все въ немъ говорило о могуществѣ и торжествѣ. Византійскій историкъ Францесъ называетъ св. Софію:

— «Достойнѣйшимъ святилищемъ божественной мудрости, престоломъ ея славы и земнымъ чудомъ, воздвигнутымъ въ честь Господа».

Храму св. Софіи суждено было быть свидѣтелемъ, а нерѣдко и ареною многихъ событій, имѣвшихъ роковое значеніе для византійской имперіи. Политическія и религіозныя распри и порождаемыя ими народныя волненія происходили вблизи и часто внутри его. Св. Софія видѣла въ своихъ стѣнахъ латинскихъ императоровъ, слышала проклятія, произнесенныя римскому первосвященнику, и внимала, когда кардиналъ Изидоръ, бывший митрополитъ московскій, поминалъ его, какъ главу вселенской церкви; она видѣла также послѣдняго византійскаго императора Константина-Палеолога-Драгозесса, приносившаго всенародное покаяніе, и перваго турецкаго султана Магомета II-го, призывавшаго въ ней имя своего пророка! Все она вмѣстила въ себя и все пережила: и народныя страсти, и судьбы завоеваній, и разореніе мусульманское. И нѣтъ сомнѣнія, что волею Провидѣнія ей придется еще слышать благодарственное пѣніе православнаго кляра, которое торжественно и широко раздастся подъ ея обширными сводами. Тогда-то, согласно съ стародавнимъ преданіемъ, долженъ явиться таинственный іерей съ св. Дарами въ рукахъ, прервавшій литургію при вторженіи мусульманской рати въ храмъ и чудесно скрывшійся въ раступившихся передъ нимъ стѣнахъ.... Въ этомъ убѣждены какъ христіане, такъ равно и мусульмане.

«Сохраните всё мозаичныя изображенія въ цѣлости,—говорилъ султанъ Абдуль Меджидъ,—реставратору Софіи Фоссати; одинъ Богъ знаетъ кому еще суждено молиться тамъ»...

Первое, что представляется входящему на небольшую площадь, на которой помѣщается Софійская мечеть, это ея плоскій, преждевызолоченный куполъ; величественно покоится онъ на единственной башнѣ зданія,

сложенной изъ бѣлаго и розоваго камня, расположеннаго горизонтальными полосами. По сторонамъ купола высоко поднимаются четыре минарета; но эти минареты черезъ-чуръ массивны и грубы, и ничѣмъ не напоминаютъ обыкновенной легкости построекъ такого рода. По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь впередъ, среднія части зданія начинаютъ выступать все болѣе и болѣе. Передъ вами вырастаетъ цѣлая гора камня, сѣуживающаяся кверху какими-то странными неправильными уступами; кругомъ нея идутъ безобразные контрфорсы и столбы, между которыми гнѣятся жалкія пристройки. Нигдѣ никакихъ признаковъ архитектурнаго стиля. Я два раза обошелъ вокругъ, въ надеждѣ распознать фасадъ, найти какой-нибудь портикъ, или же напасть хотя на слѣдъ тѣхъ прошедшево, передъ которыми Магометъ II, пораженный величіемъ, невольно сошелъ съ коня, и—все напрасно! Гдѣ мѣста, на которыхъ стояли колонны, составлявшія гордость языческихъ храмовъ? Гдѣ стояли крылатые кони, которыми гордится Венеція? Увы! разрушающая рука времени и еще болѣе разрушающая рука страстей человѣческихъ не оставили никакихъ слѣдовъ того, что составляло виѣшнюю красоту зданія. Изъ древнихъ входовъ въ храмъ открыты только западный и южный. Со стороны алтаря видна небольшая дверь между 6-ю порфировыми колоннами, но она болѣе чѣмъ на половину находится въ землѣ, подъ уровнемъ смежной улицы. Сѣверный входъ заваленъ мусоромъ и заставленъ мусульманскими гробницами. На западной сторонѣ, гдѣ долженъ находиться главный входъ, пять бронзовыхъ двустворчатыхъ дверей, расположенныхъ въ одинъ рядъ, и двѣ двери боковыхъ ведутъ въ обширный притворъ, имѣющій форму длиннаго паралелограмма. Между этими дверями двое заслуживаютъ особеннаго вниманія: средняя, на которой, на обѣихъ ея половинахъ, еще видны выпуклыя изображенія креста, и боковая, съ южной стороны притвора, съ каймою изъ виноградныхъ листьевъ. Судя по изяществу рисунка и отчетливости исполненія, эту дверь, кажется, можно безошибочно отнести къ эпохѣ древне-греческаго искусства. Наконецъ, изъ притвора пропускаютъ въ мечеть девять входовъ, изъ которыхъ открытъ одинъ средній. Надъ нимъ просвѣчиваетъ сквозь бѣлую краску изображеніе какой-то святой. Особенно явственно замѣтенъ ея золотой нимбъ.

Еще недавно посѣщеніе Софійской мечети сопровождалось многими затрудненіями. Надо было имѣть особый фирманъ и кромѣ того уплатить духовенству довольно значительную сумму денегъ. Но, благодаря войнѣ, которая привела тысячи бѣглецовъ въ константинопольскія мечети и въ томъ числѣ и въ Софію, доступъ въ нее почти свободенъ. Тѣмъ не менѣе я просилъ моихъ провожатыхъ поговорить

съ кѣмъ слѣдуетъ и получить надлежащее дозволеніе. Не прошло и пяти минутъ какъ дѣло было улажено: надо было заплатить 4 фр. Явилась какая-то высокая фигура въ халатѣ и въ зеленой чалмѣ, что-то въ родѣ муллы, и приложивъ одну руку ко лбу, другою отбросила коверъ, которымъ былъ завѣшенъ входъ. Мы очутились внутри Софіи.

Впечатлѣніе, производимое этимъ вполне достойнымъ памятникомъ христіанскаго водчества, поразительно. Чувство, овладѣвающее при созерцаніи его простора, соотвѣтствія частей, повсюду озаряемыхъ свѣтомъ, я могу только сравнить съ ощущеніемъ, испытываемымъ въ весенній день, подъ открытымъ небомъ, на которомъ ни одно облачко не мѣшаетъ отчетливо видѣть всю доступную зрѣнію мѣстность!... Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе громадный куполь, опоясанный 44 полукруглыми окнами, съ полукуполами по обѣ его стороны; затѣмъ идетъ еще рядъ полукуполовъ, поддерживаемыхъ колоннами. Это наращеніе куполовъ, все болѣе раздвигающееся къ основанію храма, производитъ необыкновенно величественный эффектъ: всѣ куполы какъ будто сливаются въ одинъ главный. Точно сводъ небесный, онъ простирается надъ цѣлымъ зданіемъ, и съ него, также какъ съ свода небснаго, идутъ лучи свѣта. Не останавливаемые никакими препятствіями, они равномерно освѣщаютъ весь храмъ, мраморы его стѣнъ, мозаику помоста и ряды колоннъ краснаго, желтаго, розоваго, зеленаго и голубаго мраморовъ.... Храмъ представляется сразу, какъ онъ есть, и ничего въ немъ нѣтъ скрытаго, таинственнаго. Это мѣсто молитвы свѣтлой, уносящее человѣческіе помыслы въ міръ свѣтлыхъ видѣній и общающее свѣтлыми радости въ сѣняхъ небесныхъ... Мечеть небогата украшеніями. Самое драгоцѣнное въ ней — остатки ея прежняго величія, ея чудныя колонны. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить и двѣ колоссальныя мраморныя вазы, которыя были найдены въ развалинахъ Пергама и подарены султаномъ Мурадомъ III; изъ нихъ правовѣрные черпаютъ воду для религиозныхъ омовеній. Древнія мозаики закрыты особою штукатуркою, за исключеніемъ однихъ крыльевъ серафимовъ, расположенныхъ вѣнцемъ въ куполѣ. Стѣны, выше мраморной отдѣлки, во многихъ мѣстахъ позолочены. Къ предметамъ магометанскаго культа принадлежатъ: красная мраморная плита Миграбъ, на юго-востокъ отъ входа, которой обозначено направленіе, гдѣ находится священный городъ Мекка. Согласно съ этимъ направленіемъ располагаются молящіяся. Вторая мусульманская святыня — висящій возлѣ Миграба кусокъ стараго ковра, на которомъ пророкъ молился. Тутъ же стоитъ рѣзное возвышеніе, откуда духовныя лица провозносятъ молитвы. Съ правой

стороны отъ входа находится небольшое углубленіе, закрытое вызолоченной рѣшеткой: это мѣсто султана. Наконецъ, слѣдуетъ еще указать на огромные, повѣшенные по стѣнамъ, зеленые щиты съ начертанными на нихъ золотою вязью стихами изъ Корана, а также и на множество висящихъ съ купола на шнурахъ лампадокъ, курильницъ изъ золота и серебра, хрустальныхъ шаровъ и даже страусовыхъ яицъ. Все это приношенія усердствующихъ мусульманъ.

Позади колоннъ, на мѣстахъ бывшихъ церковныхъ придѣловъ, находятся библиотека мечети, казна и разные склады; поодаль отъ нихъ идутъ крытыя галлерей, гдѣ помѣщались византійскія женщины, во время служенія. Осмотрѣть все подробно, какъ бы слѣдовало и какъ бы хотѣлось, было довольно трудно. И времени было мало, да къ тому же мечеть Софіи, также точно какъ и другія большія мечети Константинополя, была наполнена бѣглецами изъ занятыхъ нашими войсками мѣстъ. Здѣсь, точно въ таборѣ, расположены мужчины, женщины и дѣти со всѣмъ ихъ имуществомъ, и здѣсь же на мозаичномъ полу, едва прикрытомъ рогожками, они готовятъ въ жаровняхъ пищу и отправляютъ всякія другія потребности. Воздухъ былъ до крайности спертый. Между этимъ случайнымъ населеніемъ мечети было уже нѣсколько смертныхъ случаевъ отъ тифа.

Выходя изъ мечети, мы почти столкнулись съ довольно пожилымъ турецкимъ офицеромъ, который, весьма любезно раскланявшись, остановилъ одного изъ моихъ провожатыхъ. По его взглядамъ въ нашу сторону можно было угадать, что онъ разспрашивалъ о насъ. Въ свою очередь и мы обратились къ возвратившемуся нашему спутнику съ вопросомъ: кто этотъ офицеръ. «Это миридай (полковникъ) Гамди-эфенди, начальствовавшій во время моего служенія на желѣзной дорогѣ». Но что же вашъ знакомый много перевелъ болгаръ, виѣшался Ѳеодор. Ник.? «Нѣтъ, это добрый человекъ; съ этимъ болгаре могли жить... Другіе были настояще звѣри»...

Мы приближались къ Атмейдану, прежнему византійскому гипподрому.... Чудное это было мѣсто при императорахъ, по красотѣ тѣхъ зданій, которыя его окружали, и по тѣмъ памятникамъ древняго искусства, коими его украсило могущество византійскихъ владыкъ. Средину гипподрома занималъ египетскій обелискъ, утвержденный на высокомъ мраморномъ постаментѣ; по бокамъ его, на наибольшей оси площади, стояли на одной сторонѣ змѣевидныя колонны съ расходящимися главами трехъ змѣй, поддерживавшихъ вылитый изъ золота знаменитый пиеійскій треножникъ, а на другой—обложенный бронзою обелискъ Константина-Порфирогенета. Въ концѣ площади возвышался амфитеатръ съ двумя одинъ надъ другимъ

рядами колонъ; на ступеняхъ его помѣщались зрители, а середина, надъ которой простирался пурпурный пологъ (velarium), увлажяемый струями воды, предназначена была для двора. Отсюда взору кесарей представлялись направо храмъ св. Софїи и налѣво Августеонъ, — императорскій съ вызолоченною кровлею дворецъ. Между ними помѣщались роскошные термы Ксейзиппа и Гонорїа, портики, колоссальная конная статуя Юстинїана, статуи боговъ и героевъ, Юнона, Парисъ, Юпитеръ, Геркулесъ, — чудныя творенїя Лизиппа, прекрасная съ своею вѣчною улыбкою Елена, Волчица, питающая близнецовъ Рен, и извѣстные крылатые кони. Рѣдкія деревья, привезенныя съ большимъ старанїемъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Европы и Азїи, высоко подымали свои тѣнистыя главы, и еще выше ихъ дрожали въ воздухѣ струи фонтановъ, распространявшихъ освѣжительную прохладу. Прямо противъ императорскаго мѣста, на морскомъ берегу, гдѣ теперь мысъ Серала, возвышался Акрополисъ, на одномъ углу котораго виднѣлась башня замка св. Димитрія, а на другомъ стоялъ амфитеатръ Кинегїонъ. Еще ближе къ морю спускался террасами Влахернскій дворецъ, столь любимый послѣдними императорами. Съ той же площади, позади Августеона, былъ виденъ звѣздный куполь монастыря Пантократора, откуда, во время осады Византїи турками, патриархъ Геннадїй металъ громы въ завладѣвшаго св. Софїею кардинала Исидора, предавая проклятїю геноतिकонъ, — декретъ о соединенїи церквей... Гордо обзрѣвъ эти чудеса, представлявшїя исторїю развитїя древняго міра, одѣтый въ золото и пурпуръ кесарь подходилъ къ терассѣ, внималъ громогласному прїѣтствїю народа и подавалъ знакъ къ началу бѣга колесницъ... И зеленые, и голубые стремились на своихъ квадрагахъ, опережая другъ друга по гладкой аренѣ, узорно усыпанной лазоревымъ и краснымъ пескомъ...

Теперь отъ этого античнаго величїа остались на гипподромѣ обелискъ изъ розоваго гранита, довольно хорошо сохранившїйся, средняя часть бронзовой змѣевидной колонны, стоявшей когда-то въ Дельфїйскомъ храмѣ, въ воспомнанїе побѣды при Платеѣ, и жалкіе остатки пирамиды Константина-Порфирогенета, представляющїе только одну кирпичную кладку...

Здѣсь же на гипподромѣ разыгралась драма, обозначившая переходъ Турціи отъ древнихъ преданїй Османа къ новымъ реформамъ, созданнымъ европейскою цивилизаціею. Въ 1826 г. 16 іюня произошло поголовное избїенїе янычаръ, въ теченїи пяти вѣковъ содѣйствовавшихъ славѣ турецкаго оружія, а потомъ признанныхъ опасными для нововведенїй молодаго султана Махмуда, — «поддерживавшихъ, по выраженїю турецкаго историка Эсаада-эфенди, постоянный огонь подъ котломъ

неповиновенія и не перестававшихъ подтачивать ошейникъ покорности». Въ теченіи двухъ сутокъ продолжалась беспощадная бойня: кровь буквально лилась рѣкою. И то, что случайно уцѣлѣло отъ пожара, огнестрѣльнаго оружія и меча, dokonчено было петлею висѣлицы. Въ сторонѣ отъ гипподрома, по пути въ серальскій дворець, стоитъ плантанъ, по всей вѣроятности, современный эпохѣ Константина Великаго; на немъ янычары висѣли цѣлыми сотнями! Теперь внутри этого колосса растительности помѣщается кофейня, въ которой правовѣрные вкушаютъ ароматическій напитокъ, ничуть не подозрѣвая какіе ужасы творились на этомъ мѣстѣ. Спокойно они смотрятъ на эти ужасныя вѣтви, растилающіяся надъ ними широкимъ шатромъ яркой густой листвы, также спокойно обновляемой вѣчно юной и вѣчно беззаботной природой!...

Осмотрѣть серальскій дворець не было никакой возможности. Официальныя сношенія съ турецкимъ правительствомъ у насъ еще не были начаты и потому было бы совершенно лишнимъ хлопотать о полученіи дозволенія на посѣщеніе этой древней колыбели турецкихъ владыкъ. По дорогѣ намъ указали на знаменитыя ворота, изъ бѣлаго мрамора, состоящія изъ арки въ мавританскомъ стилѣ, поддерживаемой четырьмя колоннами. Въ верху, на серединѣ арки, видна впадина, въ которую ставились головы враговъ султана. Черезъ эти ворота по пятницамъ совершалось обычное шествіе въ софійскую мечеть. Неподвижно, точно статуя, ѣхалъ на конѣ, весь сіяющій драгоценными камнями, падишахъ между двухъ рядовъ повергшихся на землю поданныхъ, и при взглядѣ, брошенномъ вверхъ, лицо его на мгновеніе освѣщалось выраженіемъ полноты торжества.

Желая сократить нашъ обратный путь, мы прошли черезъ обширный дворъ Баязида или иначе мечети голубей, носящей такое названіе по причинѣ нѣсколькихъ тысячъ этихъ пернатыхъ, избравшихъ его для постоянного своего жилья. Преданіе говоритъ, что султанъ Баязидъ купилъ пару голубей у одного бѣдняка, стоявшаго при входѣ, и подарилъ ихъ мечети. Съ того времени явилось у нихъ многочисленное потомство. Толстый турокъ стоитъ подъ навѣсомъ портика: воалѣ него два мѣшка съ зерномъ; за двѣ пары дозволяется бросить горсть овса или проса на каменный помостъ, и тысячи голубей, самыхъ разнообразныхъ мастей, мгновенно слетаются на эту приманку, звонко оглашая воздухъ ударами своихъ крыльевъ...

Какое громадное пространство существуетъ на лѣстницѣ человѣческихъ ощущеній между наслажденіемъ, доставляемымъ созерцаніемъ окровавленной человѣческой головы, и тѣмъ спокойнымъ настроеніемъ души, съ которымъ приносится въ даръ мѣсту молитвы пара голубей,—

этотъ символъ незлобія и кротости! И не смотря на это, столь противоположныя ощущенія, повидимому, не имѣющія ничего общаго между собою, живутъ дружно не только въ одномъ и томъ же народѣ, но въ одномъ и томъ же человѣкѣ... Кровавыя расправы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи, произведенныя турками, народомъ, по своей природѣ не лишеннымъ доброты, могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ этого.

Отзывы русскихъ, имѣвшихъ дѣла въ Турціи, даже отзывы нашихъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, приписываютъ туркамъ много хорошаго: гостепріимство, безкорыстіе, великодушіе, честность. Самый честный продавецъ — турокъ. Все, что продастъ турокъ, и лучше, и дешевле, чѣмъ у другихъ. На слово, данное туркомъ, можно вполне положиться, хотя оно и не засвидѣтельствовано никакими юридическими актами. Должно еще сказать, что всѣ безпорядки, грабежи и убійства совершаются въ Константинополѣ греками, итальянцами, черкесами, но рѣдко турками...

Солнце стало спускаться къ закату и мы прибавили шаги, чтобы быть дома засвѣтло. Къ тому же наступило и время обѣда. Возобновивъ нѣсколько наши силы издѣліями кухни Византійскаго отеля, мимоходомъ сказать, очень недурно приготовленными, мои спутники поднялись со мною въ мой номеръ. Тамъ уже ярко горѣлъ огонь въ каминѣ, и мы расположились вокругъ него, покойно уложивъ наши утомленные члены на прекрасной мягкой мебели, и такъ и замерли въ облакахъ душистаго латакійскаго табаку. Выждавъ нѣсколько времени, пока мои сосѣди не насладились достаточно кейфомъ, я обратился къ г. Манейѣ съ вопросомъ:

— Не можете ли вы разказать намъ, справедливы-ли всѣ слухи о тѣхъ казняхъ, которыми подвергали турки болгаръ?

— Разкажите, что вы сами видѣли, — добавилъ обстоятельный Федоръ Николаевичъ.

Вотъ что мы услышали:

— «Случилось это въ Имитли. Увидѣлъ я, что съ поѣздомъ привезли нѣсколько болгаръ съ связанными назадъ руками. Ихъ сейчасъ же узнали: это были Мустакиевы—отецъ и его четверо сыновей; всѣ люди здоровые, зажиточные и пользовавшіеся влияніемъ. Они доставляли шерсть въ Адрианополь; тамъ ихъ взяли по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ русскими, отняли у нихъ нѣсколько сотъ червонцевъ и присудили къ повѣшенію въ родномъ городѣ. У турокъ смертная казнь совершается скоро, безъ особыхъ приготовленій. Поэтому и съ этими несчастными не медлили. Едва отвели ихъ отъ вокзала шаговъ на пятьдесятъ, какъ тотчасъ же накинули веревку на младшаго сына. Молодой

человѣкъ что-то сказалъ окружавшимъ его заплѣтамъ и повалился въ ноги къ отцу, затѣмъ подѣловался съ нимъ трижды. Также точно онъ простился съ братьями, самъ подошелъ къ ближайшему дереву, и тотчасъ же былъ вздернутъ на выдававшуюся вѣтвь... Отецъ и остальные его сыновья молча смотрѣли какъ умиралъ этотъ юноша, и когда тѣло повисло совершенно неподвижно, всѣ они поклонились въ землю мученику. И никто изъ нихъ не проронилъ ни одного слова, ни одного вздоха... Отошли еще шаговъ двадцать и повѣсили предпоследняго сына, и также точно этотъ сынъ простился съ отцомъ и братьями, и также точно отецъ и братья поклонились его мученической кончинѣ. Потомъ былъ повѣшенъ второй и старшій сыновья. Когда настала очередь старика, то онъ просилъ только объ одномъ, чтобы ему позволили выбрать для себя дубъ, стоявшій на ближайшемъ холмѣ; умирая, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ увидѣть всѣхъ своихъ сыновей - мучениковъ. Предсмертное желаніе героя - отца было уважено»...

— Что же въ это время дѣлали ихъ соотечественники? Вѣдь они знали этихъ страдальцевъ, вели съ ними дѣла, быть можетъ, даже любили ихъ? Неужели ни въ комъ изъ нихъ не высказалось желаніе освободить эти жертвы произвола? Тѣмъ болѣе, что изъ вашего разсказа видно, что возлѣ нихъ были одни только заплѣтн, т. е. полицейскіе служители? — спросили мы почти въ одинъ голосъ.

— «Дѣйствительно, были одни только заплѣтн, но они были морально поддерживаемы цѣлымъ магометанскимъ населеніемъ мѣстности. Сдѣлай болгаре малѣйшее движеніе, и они были бы всѣ до одного мгновенно уничтожены. Всѣмъ еще была памятна рѣзня въ Батакѣ и въ Эски-Загрѣ... Притомъ болгаре были доведены до такой степени нравственнаго безсилія, что приказы имъ турки вѣшать другъ друга, едва-ли бы кто изъ нихъ рѣшился ослушаться. Не могу я вспомнить равнодушно еще одного эпизода этого несчастнаго времени. Получаю я депешу отъ адрианопольскаго вали, въ которой мнѣ приказано пригласить къ нему нашего болгарскаго священника и прибыть вмѣстѣ съ нимъ на ближайшемъ поѣздѣ. Какъ ни ломалъ голову почтенный о. Христо, но все таки не могъ придумать зачѣмъ его требуютъ, и на всякій случай взялъ съ собою десятка три червонцевъ. Я ободрялъ его, сколько могъ, и, зная турецкіе обычаи, находилъ хорошею придуманною священникомъ мѣру предосторожности. Прибыли мы поздно; но насъ ждали, что я заключаю изъ того, что едва я объявилъ на станціи о причинѣ моего приѣзда, какъ явилось нѣсколько солдатъ и отвели меня и священника въ конакъ вали, гдѣ заперли насъ вдвоемъ и поставили у дверей стражу. Я не чувствовалъ за собой ни малѣй-

шей вины и, какъ служащій, не могъ питать никакой тревоги за себя; не смотря на это, ночь я провелъ очень дурно. Думаю, что и о. Христо чувствовалъ себя не лучше моего. Онъ также не спалъ. Но слишкомъ долго не пришлось намъ ожидать. Едва только занялась заря и сквозь рѣшетки нашихъ оконъ повѣяло утреннимъ холодомъ, какъ раздались шаги и мы увидѣли нѣсколько чловѣкъ съ фонаремъ. Насъ требовалъ къ себѣ вали. Пошли мы сначала темнымъ подземельемъ, которое едва освѣщало тусклый свѣтъ фонаря, бывшаго у одного изъ нашихъ провожатыхъ; потомъ поднялись по ступенямъ... Передъ нами открылась дверь и мы неожиданно очутились въ обширной ярко-освѣщенной комнатѣ передъ его превосходительствомъ Сабрипашею. О. Христо только увидѣлъ его, тутъ же повалился ему въ ноги и, положивъ передъ нимъ свертокъ съ золотомъ, сталъ просить принять это приношеніе отъ него на нужды доблестнаго султанскаго войска. Такое начало, видимо, было пріятно пашѣ. Онъ положилъ червонцы къ себѣ въ карманъ и, приказавъ священнику встать, сказалъ ему:

— Видно, что ты добрый калугеръ. Но ты еще долженъ доказать, что ты желаешь добра нашему падишаху, и потому ты скажи мнѣ кто у васъ можетъ быть полезнымъ намъ въ нашихъ теперешнихъ большихъ нуждахъ? Кто скотомъ своимъ, кто лошадьми, кто деньгами, подобно тебѣ, а кто и оружіемъ? Только ты говори правду, ибо всякая сказанная тобою неправда обрушится на твою же голову; да вотъ и онъ здѣсь, онъ сейчасъ же скажетъ кого ты скрылъ.

«Тутъ только я понялъ, пояснилъ нашъ собесѣдникъ, зачѣмъ паша требовалъ, чтобы я пріѣхалъ съ священникомъ. Задумался отецъ Христо, но не надолго, и началъ онъ называть всѣхъ нашихъ именитыхъ и зажиточныхъ людей, которыхъ записывалъ тутъ же сидѣвшій писарь. Когда окончился этотъ перечень, паша обратился ко мнѣ и спросилъ всѣхъ ли онъ назвалъ? Я отвѣчалъ, что я недавно живу въ . . . . . ѣ, но думаю, что священникъ назвалъ всѣхъ, такъ какъ эти именно люди постоянно имѣли дѣло съ желѣзной дорогой, отправляли овецъ, зерно, кожи и т. п. Что-же мнѣ было дѣлать? Послѣ того, что говорилъ о. Христо, мнѣ оставалось только подтвердить его слова.

— Ну, хорошо, сказалъ паша. А вотъ теперь укажи намъ на тѣхъ, — снова онъ обратился къ священнику, — у кого изъ названныхъ тобою есть оружіе? Оно вамъ не нужно, такъ какъ вы мирныя дѣти султана; но вы можете отдать ваши кинжалы, ятаганы, ружья, какъ бы они стары ни были, правительству, которое употребитъ ихъ противъ враговъ своихъ.

«Поблѣднѣлъ я послѣ этихъ словъ, ибо зналъ, что каждое имя,

сказанное священникомъ въ отвѣтъ пашѣ, будетъ равносильно смертному приговору... Я не могу сказать навѣрное, потерялся ли о. Христо, или же добродушно попался въ поставленную передъ нимъ западню, но онъ началъ перечислять поименно всѣхъ своихъ прихожанъ, у которыхъ видѣлъ оружіе: у Марка Стѣви—кинжалъ, у Андрея Ганева—ружье, у Филипа Станкова—ножь, у Марина Минчева—порохъ, и т. п.

«Эти имена, произносимыя священникомъ спокойно и не торопясь, тщательно записываемыя писаремъ паши, производили въ моей душѣ такое же невыносимое ощущеніе боли и страха, какое производили бы капли растопленного металла, падающія на живое ни чѣмъ не защищенное тѣло. Участь указанныхъ о. Христо лицъ легко угадать: всѣ они погибли мученическою смертью.

«Но вотъ вещи еще болѣе ужасныя и болѣе возмущающія душу... Мнѣ передавали, что англійскіе офицеры, начальствовавшіе надъ отрядами башибузукъ и зейбековъ, появленіе которыхъ постоянно сопровождалось самыми страшными истязаніями беззащитныхъ жителей, приказывали сгонять болгаръ въ обширные дворы и тамъ или вырѣзывали ихъ, или же сжигали въ кострахъ... Въ одномъ сараѣ найдено около тридцати обгорѣвшихъ дѣтскихъ труповъ! И это было дѣло рукъ людей, которые съ гордостью объявляютъ, что стоятъ во главѣ цивилизаціи и считаютъ себя христіанами»...

Не хочется этому вѣрить; но если въ разсказѣ заключается хоть доля правды, то вѣчный позоръ на нихъ, позоръ, который никогда не смоятъ никакіе успѣхи ихъ матеріальной цивилизаціи!... Англичане были бы виновнѣе турокъ. Послѣдніе проявляли свою кровожадность въ борьбѣ за существованіе, истребляя сторонниковъ своего врага; турки притомъ дѣйствовали подъ влияніемъ религіознаго фанатизма. Но ничто подобное не могло бы оправдать холодныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ англичанами.

Разошлись мы около полуночи, условившись продолжать съ утра наше обзорѣніе Стамбула.

Кн. В. Д. Дабжиня.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РОССІЯ И АНГЛІЯ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКЪ.

Историческая справка

но дню открытія Каспійско-Самаркандской желѣзной дороги

15-го мая 1888 года.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1888 года, среди глубокаго мира, въ англійской палатѣ общинъ вновь былъ поднятъ тревожный вопросъ о политическомъ положеніи Индійской имперіи. Еще недавно русское правительство своими благоразумными уступками по афганскому разграниченію представило новое доказательство тому, что ея политика въ Азіи покоится на мирныхъ началахъ. Казалось, общественное мнѣніе Великобританіи могло бы успокоиться и могло бы безъ опасенія взирать на установленіе русскаго могущества по сосѣдству съ Афганистаномъ и Персією. Но боязнь за прочность обладанія богатою азіатскою имперією и подозрительность, питаемая англичанами къ русской политикѣ, таковы, что установленіе мирнаго положенія въ этой части Азіи находится внѣ доброй воли Россіи.

Недовѣріе англичанъ къ русскимъ, подогрѣваемое государственными дѣятелями средне-европейскихъ державъ, склоняло ихъ къ неоднократному проявленію вражды къ Россіи, что вызывало у послѣдней усиленную дѣятельность, направленную къ сторонѣ Средней Азіи. Положеніе англичанъ въ Азіи затруднялось, отношенія Англій къ Россіи постепенно ухудшались и чуть было не привели въ 1885 году къ открытому разрыву. Если бы война произошла, то ни Англія, ни Россія не добились бы

никакихъ существенныхъ выгодъ, но вышли бы изъ борьбы истощенными, чего собственно и добивались главные руководители европейской политики.

Постороннія вмѣшательства во взаимныя отношенія двухъ европейскихъ народовъ, соперничающихъ на азіатскомъ материкѣ, по самому существу своему не могутъ привести къ установленію спокойнаго положенія на средне-азіатскихъ границахъ; напротивъ того, они имѣютъ наклонность еще болѣе усложнить отношенія Англій къ Россіи. Въ виду этого намъ кажется, что наши соперники обрѣтутъ спокойствіе за свою Индію лишь тогда, когда сознаютъ государственную необходимость вступить въ непосредственное соглашеніе съ Россіею, т. е. съ тою державою, которая имѣетъ и силу, и возможность грозить ихъ власти на полуостровѣ.

Мысль эта, отъ которой такъ долго отворачивались гордые британцы, начинаетъ, повидимому, господствовать надъ передовыми умами этого удивительнаго народа. Въ упомянутомъ засѣданіи палаты общинъ лордъ Черчилъ развилъ нѣсколько соображеній, къ которымъ не могутъ не прислушаться его соотечественники.

Соглашаясь съ высказаннымъ въ палатѣ мнѣніемъ о томъ, что финансовое положеніе Индіи весьма затруднительно и требуетъ большой бережливости въ расходахъ, благородный лордъ замѣтилъ, что между этими расходами и европейскою политикою Англій существуетъ самая тѣсная связь. По его вѣрному замѣчанію, индійская политика является результатомъ англійской политики въ Европѣ во время Крымской кампаніи, и онъ полагаетъ, что Англій слѣдовало бы разсудить о томъ, стоитъ ли держаться въ Европѣ такой политики, которая можетъ принудить ее къ сосредоточенію на индійской границѣ, за счетъ Индіи, значительныхъ военныхъ силъ.

Надо, конечно, радоваться, что англичане начинаютъ сознавать вредъ, который они сами себѣ наносятъ, противоудѣйствуя Россіи въ достиженіи ея законныхъ требованій. Во всякомъ случаѣ, это крупный шагъ впередъ и отъ него, если только онъ повлечетъ за собою соотвѣтственную перемѣну въ направленіи британской политики, Англія можетъ выиграть болѣе, чѣмъ Россія.

Соперничество Англии съ Россією началось по почину первой и выразилось опредѣленно въ эпоху Крымской кампаніи. Охраняя цѣлость своихъ индійскихъ владѣній, которымъ русские и не думали угрожать, англичане всѣми силами стремились къ тому, чтобы запутать Россію въ европейской политикѣ и отвлечь ея вниманіе отъ отдаленнаго Востока. Имъ казалось, что господство нашего флота на Черномъ морѣ грозило Константинополю, расположенному по дорогѣ изъ Европы въ Индію. Присылки ихъ были направлены къ уничтоженію этого славнаго флота. Они достигли своей цѣли лишь благодаря тому, что Наполеонъ III, забывъ преданія своего геніальнаго дяди, вступилъ съ легкимъ сердцемъ въ союзъ съ ними. Россія, борясь съ могущественною коалиціею, потерпѣла неудачу, но небывалою геройскою защитою Севастополя еще разъ показала, что бороться съ нею не легкое дѣло. Россія проиграла, но выиграли ли союзники?

Исторія даетъ намъ на это отвѣтъ: они проиграли болѣе, чѣмъ Россія. Наполеонъ III палъ, увлекая за собою Францію, и причину этого паденія надо искать въ Крымской войнѣ. *Entente cordiale*—оказалось пустымъ звукомъ, и Великобританія не пошевельнула пальцемъ, дабы чѣмъ нибудь помочь своему вѣрному крымскому союзнику. Съ другой стороны, англичане не только не оградили безопасности своихъ азіатскихъ владѣній, но вскорѣ должны были придти къ сознанию, что положеніе ихъ среди многомилліонныхъ индійцевъ, въ виду быстрого и грознаго приближенія русскихъ къ границамъ Афганистана и Индіи, становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Въ дѣйствительности они глубоко ошиблись въ своихъ политическихъ расчетахъ. Они полагали, что Россія, истощенная борьбою, вынуждена будетъ бездѣйствовать въ Средней Азіи. Вышло совершенно наоборотъ. Англичане своею крайнею подозрительностью и враждою сами натолкнули наше правительство на мысль занять прочныя стратегическія позиціи въ долинахъ Сыра и Аму и проложить новый путь, болѣе прямой, къ сторонѣ Индіи. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ, мы заняли эти позиціи. Мы появились также на восточномъ берегу Каспійскаго моря, грозя Мерву и Герату.

Казалось, что руководители британской политики могли бы понять, что для огражденія спокойствія ихъ богатой индійской

имперіи самое соотвѣтственное было бы непосредственное вступленіе въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ. Россія, въ видахъ охраненія своего юга, добивалась уступки на Черномъ морѣ; но наши соперники, въ тайнѣ поддерживаемые нѣкоторыми европейскими кабинетами, упорствовали и еще разъ попытались запутать насъ въ общей политикѣ, надѣясь приобрести себѣ новыхъ союзниковъ.

Будущее раскроетъ намъ истинныхъ руководителей герцеговинскаго возстанія и тѣ пружины, которыя были пущены въ ходъ для того, чтобы вовлечь Россію въ большую европейскую войну и истощить ее тѣмъ. Будущее покажетъ также, кто внушалъ турецкой администраціи кровавую расправу съ болгарами. Все это пока покрыто завѣсою тайны, но что не подлежитъ сомнѣнію—это то, что англичане и наши непосредственные сосѣди, проливая крокодильевыя слезы, подогрѣвали тѣмъ наше естественное чувство помощи, которую мы всегда съ такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ оказывали единоплеменнымъ намъ славянамъ. Руководители тогдашней европейской политики были несказанно обрадованы начавшеюся войною, а англичане надѣялись среди новаго замѣшательства отыскать себѣ союзниковъ и повторить исторію Крымской войны. Но на этотъ разъ обстоятельства имъ не благопріятствовали. Наши неудачи въ первый періодъ кампаніи, подъ Плевною, усыпили вниманіе государственныхъ дѣятелей Европы, а когда во второй періодъ войны мы въ нѣсколько дней разгромили три турецкія арміи, перебросились чрезъ Балканы и появились у стѣнъ Константинополя, было уже поздно.

Россія была истощена войною, но она вышла побѣдительною. Турція была страшно ослаблена и слабостью этою съ рѣдкою находчивостью воспользовались ея тайные союзники: Австрія взяла себѣ Боснію и Герцеговину, а Англія, захвативъ Кипръ, овладѣла вслѣдъ за симъ Египтомъ.

Русское правительство зрѣло и окончательно обсудило отношенія къ намъ Англіи и быстро приняло рядъ рѣшительныхъ мѣръ къ сторонѣ Средней Азіи. Тотчасъ же послѣ войны войска были направлены въ Туркменскую степь. Туркменамъ нанесенъ былъ жестокій ударъ. Послѣдняя ихъ твердыня Мервъ, о неприкосновенности котораго такъ заботились англичане, сдался добро-

вольно русскому императору въ 1884 году. Отголосокъ русскихъ побѣдъ отозвался въ Индіи и населеніе полуострова передавало изъ устъ въ уста о могуществѣ Бѣлаго Царя. Обаянію англійской власти былъ нанесенъ сильный ударъ. Англичане всполошились не на шутку.

На этотъ разъ казалось, что они поймутъ истинныя свои выгоды и стануть на правильный путь политики. Но они еще разъ откинули мысль о прямомъ соглашеніи съ Россією, надѣясь вновь ослабить своего соперника. Европейскихъ союзниковъ они не имѣли. Единственный союзникъ, который былъ въ ихъ распоряженіи, былъ эмиръ Афганистана. Они попытались подговорить сильный отрядъ афганцевъ, ими же устроенный, напасть на малочисленный отрядъ русскихъ войскъ подъ Кушвою. Попытка эта оказалась крайне печальною. Афганцы, разбитые, бѣжали за свою границу, увлекая за собой англо-индійскій отрядъ, стоявшій по сосѣдству съ ними; англичане въ страхѣ бросили свой лагерь и имущество и чуть было не погибли въ своемъ беспорядочномъ бѣгствѣ. Спасла ихъ умѣренность русскихъ. Отразивъ дерзкаго врага, русскіе не увлеклись преслѣдованіемъ и, въ сознаніи своего права и своей силы, спокойно остались на занятой позиціи.

Англичане почувствовали себя оскорбленными. Имъ было обидно и стыдно, что ихъ отрядъ, не выдавъ даже русскихъ войскъ, бѣжалъ отъ нихъ въ паническомъ страхѣ. Это было плохимъ предзнаменованіемъ для будущихъ событій. Отношенія Англій къ Россіи обострились. Англо-индійская армія получила повелѣніе мобилизоваться, и все повидимому предвѣщало войну. Но наша соперница, въ виду ея слабости въ Индіи и неимѣнія достаточной для правильнаго веденія войны арміи, не рѣшилась перейти отъ угрозы къ дѣлу. Ея видимо огорчало то обстоятельство, что никто въ Европѣ не становился открыто на ея сторону, а въ тайныхъ пожеланіяхъ успѣха она не видѣла для себя практической пользы. За то она вновь задумала приковать вниманіе Россіи къ европейскому театру и отвлечь тѣмъ ея вниманіе отъ Средней Азіи. Новое англійское министерство сочинило въ 1885 году румелійскій переворотъ. Англія затронула наше больное мѣсто и, зная настроеніе европейскихъ кабинетовъ, полагала, что Россія вновь поддастся увлеченію и надолго поглотится

балканскими дѣлами. Она все еще надѣялась отыскать услужливыхъ себѣ союзниковъ.

Политика Великобританіи и на этотъ разъ ошиблась. Союзниковъ у ней не оказалось. Русское же правительство, какъ ни горько было ему видѣть все то, что дѣлалось въ Болгаріи, спокойно перенесло переворотъ, направленный противъ вліянія его на полуостровѣ, и рѣшилось выжидать окончанія болгарскаго кризиса; но за то оно, сверхъ всякаго ожиданія своего соперника, приняло радъ мѣръ къ усиленію своего положенія на афганской границѣ. Въ ряду этихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ было поставлено проведеніе рельсоваго пути отъ Каспійскаго моря въ Мервъ, Бухару и Самаркандъ.

Это есть начало конца, а конецъ, повидимому, заключается въ будущемъ походѣ русскихъ войскъ въ Индію.

Это-то и начинаютъ понимать англичане, и вотъ лордъ Черчилль, еще недавно стоявшій въ ряду враговъ Россіи, обращается къ представителямъ англійскаго народа съ вопросомъ о томъ, не пора ли Англійи разсудить о томъ, стоитъ ли держаться въ Европѣ такой политики, которая можетъ принудить ее къ сосредоточенію на индійской границѣ значительныхъ военныхъ силъ.

Позволительно, повидимому, думать, что практическіе англичане, хорошо знающіе цѣну обладанія богатою Индіею и наученные горькимъ опытомъ, поймутъ, наконецъ, что если они не оставятъ своей ошибочной политики и будутъ продолжать свои упорные, враждебные Россіи, происки на Балканскомъ полуостровѣ и на Черномъ морѣ, то ничто не будетъ побуждать насъ относиться бережно къ ихъ жизненнымъ интересамъ въ Индіи. Напротивъ, надо думать, что они поймутъ, что все будетъ указывать намъ на полезность и даже необходимость нажать тѣ пружины азіатской политики, которыя могутъ повести къ ослабленію англійскаго владычества въ Индіи. Въ этомъ отношеніи мы очень опасны, такъ какъ наши дѣйствія въ Средней Азіи вотъ уже двадцать пять лѣтъ обнаруживаютъ и крайнюю, повидимому безопасную, скромность и вмѣстѣ съ симъ страшную стихійную силу, направленную прямо въ сердце англійскаго владычества.

Давно ли политики и военные люди Англійи и Россіи считали

походъ русскихъ въ Индію химерою, бредомъ больного воображенія? Давно ли между Россією и британскою Индією лежали необозримыя пустыни и высокія горы, находившіяся во власти воинственныхъ мусульманъ? Воображеніе англичанъ, даже мрачно настроенное, не могло представить себѣ, что всѣ эти страшныя препятствія окажутся ничто передъ слабымъ давленіемъ Россіи. Прошло съ небольшимъ четверть столѣтія, то есть одно мгновеніе въ смыслѣ исторіи, и все разомъ перемѣнилось. Мы стоимъ близъ Герата, близъ этихъ прославленныхъ воротъ Индіи, и главное препятствіе, туркменская пустыня, еще недавній театръ кровопролитныхъ войнъ, оглашается нынѣ свистомъ локомотива, а сыпучіе безводные пески скрѣплены стальными рельсами. Воинственные афганцы, одержавшіе нѣсколько крупныхъ побѣдъ въ войнахъ съ англичанами, при первомъ столкновеніи съ русскими штыками бѣжали въ паническомъ страхѣ.

Цѣлый рядъ послѣдовательныхъ ошибокъ политическихъ дѣятелей Великобританіи поставилъ послѣднюю въ опасное положеніе. Предпріятіе, еще недавно казавшееся химерою, нынѣ называется возможнымъ. Если спокойно разсчитать всѣ разстоянія, отдѣляющія долину Инда отъ центровъ расположенія русской арміи, и время, необходимое на прохожденіе русскихъ войскъ черезъ Афганистанъ, то любой стратегъ и политикъ признаетъ, что походъ въ Индію не только возможенъ, но и не представить особыхъ затрудненій. Въ этомъ отношеніи крайне поучительны походы, совершенные въ Индію въ историческія времена, и особенно походъ Надиръ-шаха.

Исторія поучаетъ насъ, что бдльшая часть предпріятій, направленныхъ въ покоренію Индіи, вѣнчалась успѣхомъ. Исторія раскрываетъ намъ тѣ причины, которыя приводили эти походы къ таковымъ послѣдствіямъ. Что повторялось періодически, почти изъ столѣтія въ столѣтіе, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, то не можетъ не повториться при новомъ предпріятіи могущественной военной державы. Изъ исторіи также видно, что тотъ народъ, который прочно владѣлъ Среднею Азією, имѣлъ хорошо устроенныя войска и во главѣ котораго стоялъ монархъ, обладающій волею и рѣшительностью, не могъ удержаться отъ соблазна побывать въ Индіи. Его манили туда роскошь тамошней природы и баснословныя, почти сказочныя, богатства

тамошняго населенія. Предпріятія вѣнчались успѣхомъ и чело-вѣчество выигрывало, ибо лишь благодаря этимъ походамъ Индія была открыта и введена въ общую чело-вѣческую жизнь.

Киръ, Дарій, Александръ Македонскій, Угузъ-ханъ, Аршакъ, Нуширванъ, Махмудъ Газнійскій, Магомедъ Гури, Чингизъ-ханъ, Тимуръ-Бекъ, Баберь, Надиръ-шахъ — вотъ имена тѣхъ полководцевъ, которые съ успѣхомъ воспользовались стратегическимъ положеніемъ въ Средней Азійи и не остановились передъ мыслью переброситься чрезъ Афганистанъ и горные хребты, ограждающіе Индію съ сѣверо-запада и запада. Исторія походовъ этихъ завоевателей, а также походы скифовъ и монголовъ, показываютъ намъ, что Гинду-Кушъ и Сулеймановъ хребетъ имѣютъ значительное число проходо-въ, по которымъ возможно слѣдованіе большихъ массъ пѣхоты и кавалеріи и даже артиллеріи.

Эти же походы удостовѣряютъ, что арміи вторженія не встрѣчали по дорогамъ особыхъ затрудненій въ отысканіи продовольствія и фуража. Точно также не было затрудненій въ топливѣ. Вода въ горныхъ долинахъ Афганистана прохладна и обильна. Препятствія встрѣчались лишь со стороны мѣстнаго воинственнаго населенія. Но соблазнъ побывать въ богатой Индіи всегда былъ у него такъ великъ, такъ господствовалъ надъ нимъ, что оно весьма быстро изъ врага дѣлалось союзникомъ и, вступая въ ряды иноземнаго войска, съ увлеченіемъ шло въ долины Инда. Эта черта проходитъ непрерывною нитью чрезъ всю исторію послѣднихъ вторженій на полуостровъ, и вотъ почему при этихъ вторженіяхъ обнаружилось любопытное явленіе, для насъ европейцевъ мало понятное: арміи вторженія, по мѣрѣ движенія впередъ, не только не ослаблялись, но усиливались. Въ самой же Индіи эти арміи находили могущественныхъ союзниковъ изъ числа туземныхъ государей полуострова.

Такъ было въ прежнихъ, намъ извѣстныхъ, походахъ, такъ, вѣроятно, будетъ и въ слѣдующемъ походѣ.

Походы эти были исполнены при такихъ условіяхъ, которымъ нѣтъ мѣста въ настоящее время, ибо нынѣ не могутъ даже существовать тѣ затрудненія, которыя существовали прежде. Пути изслѣдованы; театръ военныхъ дѣйствій изученъ; настроеніе индійскаго населенія извѣстно; истинное положеніе англійскаго владычества выяснено; наступающая армія будетъ имѣть въ своемъ

распоряженіи желѣзную дорогу, пароходы, телеграфъ и все то, что намъ доставило въ послѣднее время высокое развитіе техники.

Нынѣ, когда Россія расположилась на границахъ Афганистана и имѣетъ непрерывное паровое сообщеніе этихъ границъ съ центрами государства, никто не рѣшится утверждать, что походъ русскихъ войскъ въ Индію принадлежитъ къ числу неисполнимыхъ предпріятій.

Мы не добиваемся новыхъ завоеваній въ Средней Азійи и намъ, безъ сомнѣнія, было бы осторожнѣе не увлекаться излишними военными предпріятіями; но что же дѣлать, когда сами англичане толкаютъ насъ впередъ? И мы, изучивъ политику англичанъ въ Азійи и отношенія этой политики къ дѣйствіямъ ихъ въ Европѣ, должны сознать, что чѣмъ сильнѣе будетъ Россія въ Средней Азійи, тѣмъ слабѣе будетъ владычество англичанъ въ Индіи и тѣмъ сговорчивѣе они будутъ въ Европѣ.

Въ виду сего намъ надлежитъ занять на границахъ Афганистана прочное стратегическое положеніе. Пусть соперникъ нашъ знаетъ и чувствуетъ, что мы сумѣемъ воспользоваться своею близостью къ Индіи въ томъ случаѣ, если онъ вздумаетъ вновь проявить намъ вражду, подобную той, которую проявилъ во время Крымской войны и въ эпоху берлинскаго конгресса. Въ этомъ заключается прямая выгода Россіи и отъ нее, конечно, мы не будемъ уклоняться ради успокоенія англичанъ въ Индіи, для насъ вовсе ненужнаго. Мы тоже желали и желаемъ успокоить нашъ югъ—и Англія не только не отнеслась къ этому исполнѣ законному требованію Россіи съ подобающимъ вниманіемъ, но разорила Севастополь и погубила нашъ черноморскій флотъ.

Будемъ же и мы слѣдовать этому примѣру.

Мы вынуждены, впрочемъ, сдѣлать весьма важную оговорку. Русское правительство всегда искренно добивалось установить мирное положеніе дѣлъ въ Средней Азійи и дѣлало въ видахъ достиженія этой высокой цѣли много весьма существенныхъ уступокъ, и если до сего времени еще не установилось такого положенія дѣлъ, которое могло бы удовлетворить англичанъ, то виною тому эти послѣдніе, слишкомъ часто и съ большимъ

усердіемъ проявляющіе болѣзненную вражду въ Россіи. Усиленіе или ослабленіе этой вражды во многомъ зависитъ отъ взаимной борьбы политическихъ партій англійскаго народа. Вожаки партій, выбравъ вопросъ о прочности существованія индійской имперіи предметомъ парламентской борьбы, какъ будто не желаютъ понять, что вопросъ этотъ настолько опасенъ самъ по себѣ, что играть имъ по меньшей мѣрѣ неосторожно; вожаки эти точно не хотятъ знать, что индійцы чутко прислушиваются къ голосамъ, раздающимся въ Англіи о ихъ родинѣ, что они отъ англичанъ узнали объ истинной мощи Россіи, о слабости британскаго владычества въ Индіи и о готовящемся походѣ русскихъ на полуостровъ.

Можно полагать, что для англичанъ нынѣ наступило время зрѣло обсудить свое положеніе и признать, что съ Россіею выгоднѣе жить въ добромъ согласіи, нежели во враждѣ. Мнѣніе, недавно высказанное лордомъ Черчилемъ передъ англійскою палатою общинъ, подкрѣпляетъ это соображеніе. Хотя благородный лордъ служить представителемъ довольно сильной партіи народа, но онъ пока еще находится въ меньшинствѣ, и ничто не указываетъ на то, что страна выскажется въ пользу его соображеній. Напротивъ, налицо имѣется много доказательствъ тому, что предразсудки англичанъ относительно Россіи настолько закоренѣлы, что наши соперники испытаютъ еще нѣсколько средствъ, дабы избѣжать прѣмога съ нами соглашенія.

Если эта наша догадка оправдается, то дальнѣйшія событія въ Средней Азіи примутъ оборотъ совершенно противоположный тому, котораго добивается Великобританія.

Никто не станетъ утверждать, что Россія готовится въ вторженію въ Индію во что-бы то ни стало. Но неотразимая логика событій, направляемыхъ недовѣрчивою рукою Англіи, указываетъ, что весьма скоро наступитъ время, когда границею русскихъ средне-азиатскихъ владѣній станетъ хребетъ Гинду-Кушъ, этотъ естественный рубежъ Индіи, и въ предѣлы Россіи, по всей вѣроятности, будетъ включена Гератская область. Въ виду такого оборота дѣлъ англичане будутъ вынуждены занять Кабуль и Кандагаръ, и такимъ образомъ произойдетъ непосредственное соединеніе русскихъ и англійскихъ азиатскихъ границъ. Избѣжать этого событія невозможно и никакія усилія государственныхъ людей Россіи и Великобританіи не могутъ его предотвра-

тять, такъ какъ крупныя историческія событія слагаются помимо воли людей, и все, что можетъ сдѣлать людская воля—это или нѣсколько ускорить ихъ, или нѣсколько задержать.

Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, русскіе аванпосты въ Азіи скоро сойдутся съ англійскими. Тогда явится вопросъ: друзьями ли встрѣтятся два великіе народа или врагами?

Судя по тѣмъ отношеніямъ, которыя вполнѣ выяснились во время Крымской кампаніи и послѣдней турецкой и отвѣтственность за которыя всецѣло падаетъ на государственныхъ дѣятелей Великобританіи, встрѣча эта будетъ враждебная. Послѣдствіемъ этой вражды, если только она не будетъ съ корнемъ вырвана тѣми, кто ее подогрѣваетъ происками противъ Россіи на Балканахъ, явится страшная борьба за преобладаніе въ южной Азіи и тогда представится во всемъ своемъ грозномъ величій вопросъ о томъ—быть или не быть походу русскихъ въ Индію?

Владѣніе Индіею для англичанъ цѣнно, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, что для охраненія въ ней порядка имъ достаточно 200,000 арміи, въ рядахъ которой собственно европейскихъ войскъ менѣе семидесяти тысячъ. Финансы Индіи истощены—это гласно признаютъ сами англичане. „Индія высосана до суха“, какъ они выражаются. Усиленіе англо-индійскихъ войскъ на счетъ Индіи немислимо; такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ государственные дѣятели индійской имперіи. Всякое увеличеніе вооруженныхъ силъ потребуетъ большихъ жертвъ со стороны англійскаго народа, а эти жертвы исключаютъ выгоду владѣнія полуостровомъ. Лордъ Черчилъ, мужественно поднявъ свой голосъ противъ предрасудковъ своихъ соотечественниковъ, прямо указываетъ именно на это важное обстоятельство.

Если теперь, когда еще Россія отдѣлена отъ Индіи полунезависимымъ Афганистаномъ, англичане тяготятся расходами, вызываемыми мирнымъ владычествомъ на полуостровѣ и лишь нѣкоторыми намеками на возможность борьбы съ Россіею, то что произойдетъ, когда на границѣ англійскихъ владѣній расположатся непосредственныя владѣнія Россіи, могущей безъ всякаго почти истощенія своихъ неистощимыхъ военныхъ средствъ выставить къ сторонѣ Индіи армію въ 300,000 челов., въ рядахъ которой будетъ 200,000 европейскаго войска и 100,000 азіатской конницы?

Походъ русскихъ въ Индію, находясь въ прямой зависимости отъ образа дѣйствій Англіи въ Европѣ, а также отъ сдержанности русской азіатской политики, вѣроятно, не произойдетъ ранѣе окончанія текущаго столѣтія, а къ тому времени населеніе Россіи возрастетъ до ста тридцати милліоновъ душъ; соотвѣтственно этому возрастетъ и ея армія, а также средства сосредоточенія и передвиженія послѣдней. Для отпора нашествія русской арміи, имѣя въ виду, что многіе изъ полунезависимыхъ государей Индіи могутъ перейти на сторону непріятеля, англо-индійская армія должна быть переформирована и усилена до 500,000 состава, что вызоветъ ежегодный дефицитъ въ финансахъ индійской имперіи въ 300.000,000 рублей. Армія эта должна быть всегда въ Индіи, ибо въ виду быстрого похода русскихъ изъ Герата къ Кандагару и изъ Балха къ Кабулу англичанамъ будетъ опасно ожидать подкрѣпленій изъ Англіи. Первые успѣхи русскихъ на границахъ Индіи могутъ, при извѣстной политикѣ Россіи, поднять на ноги индійское населеніе и тѣмъ парализовать дѣйствія англо-индійской арміи. Тогда русскіе безпрепятственно войдутъ въ долину Инда. Вотъ къ чему можетъ привести недовѣріе англичанъ къ русской политикѣ и противодѣйствіе ихъ къ справедливымъ вполнѣ законнымъ требованіямъ Россіи!

Вопросъ о возможности вторженія русскихъ въ Индію, какъ было сказано выше, не подлежитъ, повидимому, обсужденію. Что дѣлали разные азіатскіе народы, то подъ силу организованной Россіи и ея прекрасной арміи. Но вотъ вопросъ, который долженъ получить нынѣ же необходимое разрѣшеніе: идти ли намъ на встрѣчу будущаго великаго событія и пытаться облегчить разрѣшеніе его или поставить ему извѣстныя преграды? Намъ кажется, что для этого предстоитъ предварительно взвѣсить слѣдующее: какая польза можетъ произойти для русскаго народа отъ вторженія въ Индію?

Походъ въ Индію можетъ повлечь за собою четыре событія¹⁾:

1) уничтоженіе власти англичанъ на полуостровѣ и образованіе въ большей части Индіи ряда независимыхъ государствъ;

---

¹⁾ См. трудъ Л. Н. Соболева: Страница изъ исторіи восточнаго вопроса. Англо-афганская распра. 4 тома. С.-Петербургъ, 1880—1885 гг. Ред.

2) покореніе Индіи и основаніе въ ней русско-индійской имперіи;

3) уничтоженіе власти англичанъ и основаніе на полуостровѣ союза государствъ, который былъ бы поставленъ подъ покровительство Россіи, и

4) сохраненіе власти англичанъ при условіи тѣснаго, обоюднo-выгоднаго, союза Россіи съ Великобританіею.

Уничтоженіе власти англичанъ и образованіе въ Индіи самостоятельныхъ мусульманскихъ и индусскихъ государствъ, по всей вѣроятности, мало принесетъ пользы Россіи, ибо можно заранѣе предвидѣть, что тѣ торговыя сношенія, которыя несомнѣнно завяжутся между индійцами и нами, будутъ постоянно находиться подъ ударами междоусобій разныхъ государствъ полуострова; при этомъ государства Индіи, предоставленныя самимъ себѣ, будутъ подвержены захвату англичанъ или какаго либо другаго европейскаго народа.

Покореніе Индіи русскими и основаніе русско-индійской имперіи—это такое грандіозное предпріятіе, которое нельзя даже заранѣе обдумать. Если подобное событіе случится, то слава Россіи подымется высоко и русскій монархъ будетъ имѣть болѣе четырехсотъ милліоновъ подданныхъ; Россія, связавъ индійскую желѣзно-дорожную сѣть съ своею, дастъ гигантскій толчекъ своей промышленности и торговлѣ; русскій народъ разбогатѣетъ и станетъ по силѣ и богатству первымъ народомъ міра. Все это, вѣроятно, и произойдетъ, если въ Индію будетъ двинута достаточно сильная армія; но это такой великій, по своему существу, вопросъ, который мы сами не можемъ рѣшить: его рѣшить, если только онъ долженъ быть рѣшенъ, сила историческихъ судебъ. Позвоительно полагать, что въ предвидѣніи такого возможнаго великаго будущаго, которымъ не слѣдуетъ заранѣе смущаться, мы обязаны придать болѣшую устойчивость нашему внутреннему устройству и болѣшую крѣпость нашимъ внѣшнимъ связямъ. Отъ хорошаго отворачиваться не слѣдуетъ, и если русскому народу суждено стать на высоту, то этотъ великій свѣжій народъ, имѣя во главѣ своей могущественнаго монарха и преданныхъ ему и родинѣ народныхъ вождей, счумѣетъ съ честью и достоинствомъ сохранить свое высокое положеніе. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что замѣна британскаго

владычества русскимъ принесетъ собою большое облегченіе населенію полуострова, такъ какъ русскіе, по своимъ естественнымъ наклонностямъ, относятся гораздо человѣчнѣе къ азіатцамъ, чѣмъ наши соперники.

Уничтоженіе власти англичанъ въ Индіи и основаніе въ ней союза государствъ, поставленнаго подъ покровительство Россіи, не принесетъ намъ особой пользы какъ потому, что съ подобнымъ союзомъ довольно сильныхъ государствъ придется считаться, такъ и потому, что онъ не представитъ вполнѣ вѣрнаго обезпеченія противъ возможнаго новаго вторженія на полуостровъ англичанъ и другихъ европейскихъ народовъ.

Сохраненіе власти англичанъ, при условіи тѣснаго обоюднo-выгоднаго соглашенія Великобританіи съ Россіей—это было бы самымъ выгоднымъ послѣдствіемъ русскаго похода въ Индію. Не подлежитъ сомнѣнію, что намъ гораздо пріятнѣе имѣть своимъ непосредственнымъ сосѣдомъ въ южной Азійи англичанъ, чѣмъ пропитанныхъ фанатизмомъ мусульманъ и разслабленныхъ индійцевъ. Несомнѣнно также и то, что намъ выгоднѣе быть въ тѣсномъ союзѣ съ Великобританіею, самою могущественною морскою державою, чѣмъ находиться въ постоянной борьбѣ съ нею изъ-за соперничества въ Азійи. Для Англіи же въ соглашеніи съ Россіею заключается главное условіе ея существованія, какъ одной изъ великихъ азіатскихъ державъ.

Мы полагаемъ, что если гордые британцы не вырвутъ съ корнемъ вражду свою къ Россіи и будутъ противоdѣйствовать намъ на Черномъ морѣ и на Балканахъ, дѣло не обойдется безъ нашего похода въ Индію. Дѣйствительныя послѣдствія этого ожидаемаго событія, конечно, трудно предвидѣть заранѣе, но можно думать, что когда русская армія продвинется къ сторонѣ Инда настолько, что англичане сознаютъ опасность положенія, то они немедленно предложатъ условія мира. Но тогда вопросъ будетъ заключаться въ томъ, будетъ ли выгодно русскимъ оставаться на половинѣ дороги? Англичане будутъ поставлены въ критическое положеніе, такъ какъ въ тылу ея дѣйствующей арміи останутся разные полунезависимые государи, имѣющіе въ своемъ распоряженіи въ мирное время 350,000 армію при 4,300 артиллер. орудіяхъ. На безусловную вѣрность этихъ государей, во всемъ стѣсненныхъ и весьма недовольныхъ

британскимъ владычествомъ, англичане ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ разсчитывать.

Все это такіе крупныя вопросы, надъ которыми должны очень призадуматься наши соперники; и въ такомъ государственномъ вопросѣ, какъ вопросъ о существованіи цѣлой имперіи, все должно быть заранѣе обдуманно и ничего не должно быть оставлено на произволь слѣпаго случая.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что Россія вскорѣ станетъ на границѣ непосредственныхъ азіатскихъ владѣній Англіи, ибо не можемъ допустить, чтобы англичане нынѣ же спокойно могли сознать необходимость измѣнить, какъ это предлагаетъ имъ лордъ Черчилъ, свою европейскую, направленную противъ насъ, политику. Наше наступательное движеніе къ сторонѣ Индіи совершается медленно, не такимъ бурнымъ потокомъ, какимъ шли азіатскіе народы, но за то оно болѣе обдуманно и болѣе прочно. Движеніе это ускоряется самими англичанами: они насъ какъ бы подталкиваютъ и торопятъ. Приближеніе русскаго могущества къ Индіи, какъ это уже было сказано, можетъ легко повлечь за собою открытую борьбу между нами и Англіею, борьбу, крайне опасную для послѣдней. Въ случаѣ, если благоразуміемъ правительствъ эта борьба будетъ приостановлена, для англичанъ можетъ представиться другая опасность—возстаніе въ странѣ и даже разстройство ея индійской арміи. Населеніе Индіи, недовольное британскимъ владычествомъ, взираетъ, какъ это удостовѣрено самими англичанами, на приближеніе русскихъ войскъ съ надеждою: оно желаетъ этого приближенія, видя въ немъ одно изъ средствъ избавиться отъ тяжелой опеки иноземцевъ. Не намъ, конечно, разубѣждать его въ этомъ. Напротивъ, намъ выгодно укрѣплять его въ такомъ опасномъ для нашихъ соперниковъ настроеніи. Англичане слишкомъ усердно высказываютъ свою вражду въ Россіи и населеніе Индіи почти поголовно знаетъ, что Россія и Англія готовятся къ большой борьбѣ. Намъ кажется, что это одна изъ самыхъ опасныхъ сторонъ англійскаго владычества въ южной Азіи.

Совсѣмъ другая картина представится, если исконныя наши соперники обратятся въ нашихъ искреннихъ друзей: тогда положеніе ихъ въ Индіи сразу окрѣпнетъ.

Мы понимаемъ вопросъ, поставленный лордомъ Черчилемъ, и полагаемъ, что возобновленіе вполне дружескихъ отношеній между Великобританіею и Россіею, нарушенныхъ крымскою войною, возможно лишь при помощи искренняго соглашенія, основаннаго на взаимныхъ выгодахъ. За обезпеченіе владѣнія англичанъ въ Индіи, во многихъ отношеніяхъ, зависящаго отъ Россіи, послѣдняя въ правѣ требовать обезпеченія владѣнія Чернымъ моремъ. Въ этомъ лишь смыслъ возможно прочное соглашеніе; внѣ этого соглашенія Англіи всегда будетъ грозить опасность отторженія отъ нея Индіи.

Соглашеніе будетъ гораздо выгоднѣе англичанамъ, чѣмъ русскимъ. Оно избавитъ ихъ отъ постоянныхъ тревогъ за Индію, успокоитъ населеніе полуострова, которое броситъ свои несбыточныя надежды, а что всего важнѣе—отыметъ отъ европейскихъ державъ средство эксплуатировать англо-русскія отношенія въ ихъ пользу и въ прямой ущербъ Англіи, какъ великой морской державы.

Л. Н. Соболевъ.

19-го марта 1888 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе отъ Ред. Съ особымъ удовольствіемъ дали мы мѣсто на страницахъ «Русской Старины» статьѣ Леонида Николаевича Соболева. Статья эта не случайная; она принадлежитъ къ цѣлому циклу очерковъ и изслѣдованій одного и того же автора, который издавна посвятилъ свои немногіе отъ службы досуги на труды выясненія—настоящаго и будущаго Россіи на самомъ дальнемъ Востокѣ. Многіе изъ этихъ трудовъ пользовались и до сихъ поръ пользуются заслуженнымъ успѣхомъ—въ средѣ всѣхъ лицъ, интересующихся важными вопросами, съ этою темою связанными; но что особенно замѣчательно, иностранцы, въ особенности англичане, эти «благопріятели» Россіи, зорко слѣдили и слѣдятъ за литературно-научною дѣятельностью генерала Соболева. Многія статьи его были переведены на языки французскій, нѣмецкій и особенно многія на языкъ англійскій. Любопытно, что были случаи, когда статьи Л. Н. Соболева передавались англійскими корреспондентами изъ Россіи въ лондонскія газеты по телеграфу, почти цѣликомъ, и обходились редакціямъ помянутыхъ газетъ очень дорого.

Приводимъ, какъ весьма полезную библіографическую справку, — перечень

главнѣйшихъ трудовъ уважаемаго и даровитаго писателя генералъ-маіора генеральнаго штаба Л. Н. Соболева, явившихся въ печати съ 1873 по 1888 г.:

А) Отдѣльные законченные труды:

1) Географическія и статистическія свѣдѣнія о Зеравшанскомъ округѣ, съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ округа. С.-Петербургъ, 1874 г., I томъ, 544 стр. (За этотъ трудъ дана малая золотая медаль отъ Импер. Русск. Геогр. Общества).

2) Страница изъ исторіи Восточнаго вопроса. Англо-Афганская распря (Очеркъ войны 1879 — 1880 г.), С.-Петербургъ, 1880 — 1885 гг. 4 тома, стр. 1,534.

3) Походы въ Индію. Историческое изслѣдованіе, напечатанное въ «Военномъ Сборникѣ» за 1886, 1887 и 1888 гг.—15 главъ, 272 стр.

В) Статьи по Средней Азійи и по вопросу объ отношеніяхъ Англійи и Россіи на Востокѣ:

1) Обзоръ доступовъ къ Хивинскому ханству и краткія свѣдѣнія о ханствѣ. Май 1873 г., 38 стр. «Военнаго Сборника».

2) Записка о р. Зеравшанѣ и ея ирригаціонной системѣ. 1873 г., 50 стр.

3) О соединеніи желѣзными путями Европейской Россіи съ нашими азіатскими окраинами. 1873 г.

4) О постепенномъ движеніи песковъ къ Бухарѣ. 1873 г.

5) Забѣтки о Гиссарскихъ владѣніяхъ и о среднемъ теченіи Сурхъ-абъ-Дарья. 1873 г.

6) Письма объ Аму-Дарьинской экспедиціи. 1873 г. Числою 7.

7) Отношенія къ Бухарѣ въ концѣ 1867 г.

8) Каршинская экспедиція 1868 г. (написано въ 1875).

9) Искандеркульская экспедиція 1870 г. (1875).

10) Шахрисябская экспедиція. 1870 г. (1875).

11) Переговоры, сопровождавшіе экспедиціи Каршинскую, Искандеркульскую и Шахрисябскую. (1875).

12) Краткій обзоръ положенія дѣлъ въ Бухарѣ до Хивинской экспедиціи. (1875).

13) Краткій обзоръ положенія дѣлъ въ Коканѣ передъ Хивинской экспедиціей. Личность Худояра. (1875).

14) Отношенія Хивинскаго ханства къ Россіи. Личность Сеидъ-Магомодъ-Рахима, хана Хивы. (1875).

15) Положеніе дѣлъ въ Кашгарѣ. Политическая карьера Якубъ-Бека. (1875).

16) По поводу событій въ Коканѣ. (1875).

17) Особое движеніе въ мусульманскомъ мірѣ (напечатано 1876).

18) Борьба Киччаковъ за господство мусульманъ въ Средней Азійи. (1876).

- 19) Очерки новѣйшей исторіи Бухарскаго и Коканскаго ханствъ. (1876).
- 20) По поводу особаго движенія въ мусульманскомъ мірѣ. (1876).
- 21) Что намъ дѣлать на границѣ Средней Азіи (напечатано 1878).
- 22) Притязательность Англіи къ Россіи по Средне-азиатскому вопросу. (1878).
- 23) По поводу экспедиціи англичанъ въ Афганистанъ. (1878).
- 24) Россія и Англія на Востокѣ. (1878).
- 25—48) Запѣтки объ англо-афганской войнѣ 1878—1879 гг. Всего двадцать три отдѣльн. статьи.
- 49) Матеріалы для изученія Средней Азіи. По поводу соч. Куропаткина «Кашгарія». (1879).
- 50—79) Запѣтки къ войнѣ англо-афганской 1879—1880 гг. (напечатано въ 1879—1880).
- 80) Афганистанъ какъ сосѣдъ Остъ-Индіи. (1880).
- 81) Англія и наши Средне-азиатскія завоеванія. («Русь» 1884 г., № 24).

В) Статьи по поводу Болгарскаго вопроса:

- 82) Запѣтка объ отношеніи болгарской народной церкви къ греческой. (1878).
- 83) Выручка Шипкинскаго перевала. 32 стран. (1878).
- 84) По поводу покупки англичанами земель въ Бургасѣ. (1878).
85. Примѣчанія къ письму трехъ болгарскихъ министровъ. См. статью въ журналѣ «Русская Старина» изд. 1886 г., сентябрь.
- 86) Матеріалы по изученію Болгаріи. 4 выпуска, напечатанныя въ Бухарестѣ на русскомъ языкѣ (болгарскій шрифтъ) въ маѣ и іюнѣ 1877 г. Соболеву принадлежитъ изложеніе финансоваго отдѣла, общая и частная редакція всего труда (Библиограф. рѣдкость).

Смѣсь.

- 87) Железныя дороги въ Россіи и участіе земства въ нихъ постройки. Брошюра 23 стр. Изд. въ 1868 г.
- 88—108) 21 статья, напечатанныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

9-го апрѣля 1888 г.
С.-Петербургъ.

Къ вопросу о женскихъ гимназіяхъ ¹⁾.

II.

Послѣ того, какъ я отправилъ мою замѣтку въ редакцію «Русской Старины», случилось мнѣ увидѣть статью «Церковнаго Вѣстника», въ которой сообщаются не совсѣмъ точныя свѣдѣнія о первыхъ нашихъ педагогическихъ журналахъ. Какъ бывшій редакторъ одного изъ нихъ, считаю своей обязанностію возстановить въ настоящемъ видѣ факты, принадлежащіе исторіи отечественной педагогики.

Профессоръ Н. И. Барсовъ, авторъ статьи «Н. А. Вышнеградскій и И. Т. Осипинъ», задавшійся очевиднымъ желаніемъ въ своей біографической замѣткѣ возвеличить перваго изъ названныхъ лицъ на всѣхъ поприщахъ его многосторонней дѣятельности на счетъ его журнальнаго соперника, придаетъ покойному Н. А. Вышнеградскому и его «Педагогическому Вѣстнику» такое значеніе въ педагогической литературѣ, на которое онъ самъ наврядъ когда-либо претендовалъ. Такъ, наприм., въ панегирикѣ г. Барсова встрѣчаемъ мы неосновательное мнѣніе, что будто-бы Вышнеградскій «покинулъ самое дорогое для него дѣло изданія журнала «Педагогическій Вѣстникъ», начинавшаго быстро пріобрѣтать себѣ успѣхъ и въ обществѣ, и въ средѣ педагоговъ, лишь потому, что задумалъ новый (?) типъ женской школы».

Что изданіе «Педагогическаго Вѣстника» было дѣломъ дорогимъ для г. Вышнеградскаго — въ этомъ я не сомнѣваюсь, но дорогимъ лишь въ томъ смыслѣ, что оно не окупало ни труда, ни издержекъ издателя. Современный «Педагогическому Вѣстнику» «Журналъ Воспитаніе», расходившійся въ числѣ 1000—1200 экз., давалъ его издателю лишь возможность сводить концы съ концами, не вознаграждая личнаго

---

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1888 г. томъ LVIII, апрѣль, стр. 277.

его труда; «Педагогическій Вѣстникъ» же, какъ мнѣ извѣстно, и въ самую цвѣтущую пору, имѣлъ не болѣе половины этого числа подписчиковъ и потому, при недостаткѣ сочувствія, перебивавъ послѣдовательно въ рукахъ трехъ редакторовъ гг. Вышнеградскаго, Гурьева и Григоровича, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Мнѣ всегда даже казалось, что покойному Вышнеградскому при его разнообразныхъ занятіяхъ—онъ состоялъ инспекторомъ института, профессоромъ педагогики и членомъ нѣсколькихъ комитетовъ—никогда не пришло бы на мысль заняться журнальнымъ дѣломъ, требующимъ много свободного времени и значительныхъ денежныхъ средствъ¹⁾, если-бъ его не подстрекнулъ примѣръ пишущаго эти строки. Дѣло происходило такъ.

Задумавъ издавать педагогическій журналъ, я въ концѣ 1856 г. пригласилъ Н. А. Вышнеградскаго, какъ профессора педагогики, участвовать своими трудами въ моему изданію. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ сомнѣвается въ настоятельности и успѣхѣ у насъ спеціальнаго педагогическаго изданія,—что, впрочемъ, онъ поразмыслить и въ скоромъ времени сообщить мнѣ о своемъ рѣшеніи. Въ тщетномъ ожиданіи обѣщаннаго отвѣта, я, между тѣмъ, узналъ, что въ Главное Правленіе Цензуры поступило прошеніе Н. А. Вышнеградскаго о дозволеніи ему издавать «Педагогическій Вѣстникъ». Не смотря на это послѣднее ходатайство Вышнеградскаго, первый № его журнала 1857 г. опоздалъ на цѣлый мѣсяць передъ январьской книжкой «Воспитанія». Итакъ очевидно, что не «Вопросы жизни» Пирогова, какъ увѣряетъ г. Барсовъ, подали Вышнеградскому мысль объ изданіи педагогическаго изданія, ибо, по появленіи въ «Морскомъ Сборникѣ» статьи Пирогова, прошелъ цѣлый годъ.... Не окончился еще первый годъ изданія «Педагогическаго Вѣстника», какъ въ одинъ прекрасный день является ко мнѣ его редакторъ съ предложеніемъ: соединить наши изданія въ одинъ журналъ. «Это никому не покажется необычнымъ и такъ легко сдѣлать, убѣждалъ меня Н. А. Вышнеградскій, вапъ журналъ называется «Воспитаніе, руководство для родителей и наставниковъ», назовемъ же соединенное изданіе «Педагогическимъ Вѣстникомъ, журналомъ для родителей и наставниковъ». Я, конечно, отклонилъ лестное предложеніе сдѣлаться соредакторомъ хотя и педагогической знаменитости... Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видать въ подобной комбинаціи матеріальный ущербъ для моего изданія, ибо большая часть подписчиковъ того и другаго изданія исходила изъ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеній вѣдомства М. Н. П., хотя Н. И. Барсовъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, замѣчаетъ, что журналъ «Воспитаніе»

¹⁾ Издатели журнала „Учитель“, при 3655 подписчиковъ, въ отчетѣ своемъ жаловались на „ограниченность денежныхъ средствъ“. А. Ч.

распространенъ былъ больше въ семействахъ, чѣмъ между педагогами». Что это было наоборотъ, можно убѣдиться изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мною въ послѣдней книжкѣ моего журнала въ статьѣ «На прощаніи». Въ первомъ году при 711 казенныхъ подписчикахъ журналъ «Воспитаніе» имѣлъ 389 частныхъ, число которыхъ, постепенно уменьшаясь, въ послѣдній годъ изданія (1863 г.) упало до 94.

Столь же мало основательны дальнѣйшія разсужденія г. Барсова о нашихъ періодическихъ педагогическихъ изданіяхъ. Такъ, онъ увѣряетъ, что «Учитель» возникъ «почти одновременно съ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», тогда какъ журналъ уважаемаго О. И. Паульсона, постоянного сотрудника журнала «Воспитаніе», сталъ издаваться лишь по перенесеніи изданія послѣдняго въ Москву съ 1861 г., т. е. четыре года спустя послѣ появленія на свѣтъ «Педагогическаго Вѣстника». Точно также наугадъ обозначено время изданія «Педагогическаго Сборника» при военно-учебныхъ заведеніяхъ. Только человекъ, никогда не заглядывавшій въ наши первые ¹⁾ педагогическіе журналы, можетъ утверждать что «Педагогическій Вѣстникъ» «представлялъ на прострaнствѣ 10—15 лѣтъ единственный въ русской литературѣ спеціальнѣйшій органъ педагогической науки». Въ заключеніе позволимъ себѣ спросить г. Барсова для кого, какъ не учебныхъ заведеній и наставниковъ, назначалась бѣлая часть статей, заглавія которыхъ приведены въ «Указателѣ журнала Воспитаніе», приложенномъ въ 1863-мъ году къ послѣдней книжкѣ этого изданія?

III.

Выдержки изъ указателя статей журнала «Воспитаніе» за семь лѣтъ его существованія, — съ 1857 по 1863 годъ.

Теорія и практика педагогикки. Физическое и нравственное воспитаніе. Томъ I. О пользѣ педагогической литературы. К. Ушинскаго. — Семейное и общественное воспитаніе. — Томъ II. Три педагогическія системы настоящаго времени. — Томъ IV. Общія педагогическія собранія германскихъ учителей. I. Паульсона. — Въ чемъ заключается задача педагогикки? — Томъ V. Цѣли, которыя педагоги должны стараться осуществить. — Мысли о нравственномъ воспитаніи въ классѣ, преимущественно объ идеалахъ. Р. Крылова. Т. VI. О наградахъ и наказаніяхъ. — Практическіе совѣты педагога. — Характеристика

¹⁾ Выраженіе „первые“ вѣрно лишь по отношенію ко 2-й половинѣ текущаго столѣтія, въ первой же половинѣ его, именно въ 1830 годахъ, издавались у насъ „Педагогическій журналъ“ Ободовскаго, и „Радуга“, журналъ философіи, педагогикки и изящной литературы, А. Бюргера. А. Ч.

новѣйшихъ школъ (системъ педагогики). Томъ VII. О мѣрахъ къ исправленію нравственности воспитанниковъ казенныхъ учебныхъ заведеній. В. Шевича. Томъ VIII. О слишкомъ раннемъ напряженіи силъ. Томъ IX. О необходимости педагогическихъ совѣтовъ въ домашнемъ воспитаніи. Л. Модзалевскаго. Томъ X. Врачебная педагогика. Т. XII. Приказаніе и запрещеніе въ педагогикѣ. Т. XIV. Черты сѣверо-американскаго воспитанія.

Исторія педагогики и матеріалы для исторіи отечественнаго просвѣщенія. Томъ II. Исторія воспитанія у римлянъ. Мысли Квинтиліана о воспитаніи Н. Отто.—Матеріалы для исторіи училищъ въ Россіи И. Купріянова. Томъ III. Идеаль древнерусскаго воспитанія.—Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ XVIII ст. Федоръ Ивановичъ Яковичъ де-Мириэво. С. Воронова. Томъ V. Замѣтки объ учебныхъ заведеніяхъ въ Алтайскомъ округѣ. Томъ VII. Ж. Ж. Руссо и его Эмиль. Томъ X. Песталлоци. П. Шестакова. Томъ XI. Іоаниъ Амосъ Коменій. П. Шестакова.—Нѣсколько словъ о народныхъ школахъ во Франціи. Томъ XII. Хамилтонъ и его метода.—Фрѣбель и его система воспитанія.—Устройство и метода Франковой или пиетистической школы.—Очерки исторіи школы хуманистовъ и филатронистовъ.—Историческое обзорѣніе еврейскихъ училищъ въ Россіи. Д. Пилецкаго-Урбановича. Томъ XIII. Объ управленіи учебными заведеніями Западной Сибири до и послѣ изданія положенія 1859 г. Томъ XIV. Базедовъ.—Братская исторія педагогикъ.

Литература педагогикъ. Теорія и практика обученія. Общая методологія и дидактика. Т. V. О добровольномъ чтеніи книгъ учениками гимназій. Н. Благовѣщенскаго. Т. VI. О вопросахъ, дѣлаемыхъ учениками. Томъ VII. О бесполезной тратѣ времени въ классѣ.—О средствахъ воспитанія въ школѣ. І. Паульсона. Т. IX. О томъ, какъ учитель долженъ поступать съ слабѣйшими по способностямъ учениками.—Мысли о семинарскомъ образованіи. Т. X. О равномѣрномъ развитіи успѣховъ въ элементарной школѣ. Томъ XI. Объ ученіи наизусть въ школахъ.—Катехизація и экзаменованіе.—Нѣчто о преподаваніи гимназическомъ. С. Протопопова. Томъ XII. Современный недосмотръ нашей дидактики. С. Галкина.—Какимъ образомъ можно затруднять и облегчать изученіе наукъ въ училищахъ. Томъ XIII. Матеріалы для первоначальнаго обученія на Лондонской выставкѣ. Томъ XIV. Отчего вообще такъ плохи наши учебники. В. Книзе.

Частная дидактика. а) Географія. Томъ II. Опытъ методологіи географіи. Р. Орбинскаго. Томъ VI. Клеветатныя карты д-ра Фогеля. Томъ VIII. Способъ преподаванія географіи и русской исторіи въ уѣздныхъ училищахъ. С. Казанскаго. Томъ IX. Географическая долгота и широта.—Нѣчто объ облегченіи изученія географіи. И. Некрасова. б) Естествовѣдѣніе. Томъ X. О преподаваніи естественной исторіи въ низшихъ классахъ гимназій. И. Барилко. Томъ XIV. О преподаваніи естественныхъ наукъ. в) Исторія. Томъ VIII. Способъ преподаванія географіи и русской исторіи въ уѣздныхъ училищахъ. С. Казанскаго. Томъ IX. Съ чего начать изученіе исторіи въ 3-мъ классѣ гимназій? И. Овсянникова. Томъ X. Обзоръ мнѣній о преподаваніи исторіи. Томъ XI. Знакомство съ современной исторіею въ гимназіяхъ. П. Шестакова. Томъ XII. Примѣненіе общихъ педагогическихъ началъ къ преподаванію исторіи. Томъ XIII. Особенности въ преподаваніи исторіи. д) Математика. Томъ I. Письменное счисленіе для начинающихъ. Томъ II. Письменное счисленіе.—О первоначальномъ преподаваніи

даванія ариѳметики. Томъ IV. Повѣрка 4-хъ ариѳметическихъ дѣйствій посредствомъ наименьшей суммы цифръ. Томъ V. Преподаваніе ариѳметики по методу А. Грубе. I. Паульсона. Томъ XIV. О преподаваніи первоначальной геометріи въ уѣздныхъ училищахъ. Н. Ярошевскаго. е) Отечественный языкъ. Томъ II. Разборъ темъ для сочиненій. Томъ III. Объ учебныхъ книгахъ для чтенія. Томъ V. Наглядное обученіе по картинамъ. Томъ VI. Причины безграмотности въ письмѣ. Томъ IX. Замѣчанія о преподаваніи исторіи поэзіи.—Преподаваніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ. Томъ X. Пособіе для нагляднаго обученія и преподаванія отечественнаго языка. Томъ XI. Нужно ли въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учить логикѣ и риторикѣ. Томъ XII. Нѣсколько словъ о семинарскихъ сочиненіяхъ. Томъ XIII. Нѣсколько словъ о преподаваніи отечественнаго языка въ духовн. учебныхъ заведеніяхъ. f) Иностранные языки. Томъ II. Мнѣніе Франклина объ изученіи латинскаго языка. Томъ IV. О методѣ Робертсона. Д. Гудлета. Томъ V. Наши латинскіе ученики К. Люгеблия. Томъ VII. О преподаваніи иностранныхъ языковъ въ низшихъ классахъ. Н. Горнберга. Томъ X. Нѣсколько словъ о преподаваніи французскаго и нѣмецкаго языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Томъ XI. О новыхъ языкахъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ф. Кейзера. Томъ XIV. О причинахъ неуспѣшнаго преподаванія новыхъ языковъ и пр. Инси. Саковича. g) Рисованіе и черченіе. Т. VI. Нѣсколько мыслей о преподаваніи рисованія и черченія въ уѣздныхъ училищахъ. Н. Полунина. h) Гимнастика. Томъ I. Тѣлесныя упражненія какъ элементъ воспитанія. Фр. Бѣмера. i) Музыка. Томъ VIII. Отчего наши воспитатели не заботятся о пѣніи и народныхъ пѣсняхъ?

Общественное воспитаніе и образованіе. (Устройство учебныхъ заведеній, ихъ недостатки и проч.). Томъ I. Народныя училища въ Соединенныхъ Штатахъ.—Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ въ губернскихъ городахъ. А. Чумикова.—Три элемента школы. Ушинскаго. Томъ II. О народности въ общественномъ воспитаніи. К. Ушинскаго.—Итнское училище.—О духѣ въ учебныхъ заведеніяхъ.—Указаніе на значеніе и цѣль женскихъ учебныхъ заведеній.—О преподаваніи законовѣдѣнія.—Должно ли залавать уроки дѣтямъ на кавикулы?—Занятія дѣтей въ началѣ ихъ школьной жизни. Т. III. Школьная реформа въ Сѣв. Америкѣ. К. Ушинскаго.—Объ училищахъ для приготовленія народныхъ учителей. А. Чумикова.—О деревенскихъ училищахъ въ Даніи. С. Барановскаго.—Институтъ Стоя въ Іенѣ. Томъ IV. Объ учрежденіи женскихъ училищъ въ Костромской губерніи. А. Григоровича.—Записки объ открытіи перваго училища взаимнаго обученія въ Россіи. Я. Герда.—Внутреннее устройство сѣв.-американскихъ школъ. Томъ V. Нѣсколько словъ о гимназическомъ образованіи.—О народномъ образованіи въ начальныхъ школахъ Вадтскаго кантона. Н. Тыртова.—Нѣсколько словъ о торжественныхъ актахъ и публичныхъ испытаніяхъ. Ф. Островскаго.—Замѣтки объ учебныхъ заведеніяхъ въ Алтайскомъ округѣ.—Учительскія семинаріи въ Остзейскомъ краѣ.—Билеты, экзамены и экзаменаторы.—О педагогическихъ совѣтахъ.—Мнѣнія архіепископа Иннокентія объ общественномъ образованіи. Песталоціевъ Институтъ въ Панковѣ. Фр. Вемера.—О педагогическимъ совѣтахъ уѣздныхъ училищъ. Е. Фесенко. Томъ VI. Замѣтки о народныхъ училищахъ войска Донскаго. Н. Архипова.—Замѣтка объ атестатахъ и экзаменахъ.—О необходимости введенія

народной системы образованія и о предварительныхъ для этого занятіяхъ. Н. Весселя.—О женскихъ училищахъ для низшихъ сословій и сельскихъ учителей. М. Серебрякова.—Учительскія семинаріи въ Германіи и Швейцаріи. А. Чумикова. Томъ VII. О школьной дисциплинѣ.—Нужны ли въ учебныхъ заведеніяхъ особые переводные экзамены. А. Воронова. О знакахъ педагогической оцѣнки. В. Димоніуса.—О преобразованіи низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. А. Андрияшева.—О необходимости сплннокъ у школьныхъ скамеекъ.—Школьная статистика.—Соображенія объ устройствѣ морскаго воспитанія въ Россіи на новыхъ началахъ. Томъ VIII. Мысли о нашихъ гимназіяхъ. В. Стоюнина.—Общественное образованіе въ Саксоніи.—О старшихъ въ гимназіяхъ.—Замѣчанія на проектъ новаго устава училищъ и статьи по поводу проекта (13 статей по поводу проекта устава).—Воспитательныя наказанія школы.—О правѣ учителей наказывать учениковъ внѣ школы.—Тишина въ школахъ. Томъ IX. Общественное воспитаніе. П. Шестакова.—Объ обязанностяхъ директора.—О гимназическихъ пансіонахъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Объ отношеніи начальствующихъ въ учащимъ.—Проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, съ учрежденіемъ новой гимназіи. Состав. гр. Путятинымъ. И. Глѣбова.—Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій. (Н. И. Прогова).—Нѣчто о приходскихъ училищахъ въ западномъ краѣ. Барона Бекмана.—Объ управленіи учебныхъ заведеній. А. Андрияшева.—Еще нѣсколько словъ о бесполезности должности штатнаго смотрителя при уѣздномъ училищѣ. С. Галкина.—О поноженіи пробѣла въ нашемъ гимназическомъ воспитаніи. С. Протопопова.—О программахъ для приготовленія сельскихъ учителей въ школахъ г. Золотова.—Упреки училищамъ.—О введеніи учительницъ. Томъ X. Устройство англійскихъ школъ.—Обращеніе устройства народнаго просвѣщенія въ Швейцаріи.—О необходимости содѣйствія училищу со стороны семьи.—Замѣтка о бібліотекахъ и о положеніи бібліотечарей въ гимназіи. М. Лаконта.—Германскія городскія школы для усовершенствованія образованія молодыхъ людей изъ торговаго и промышленнаго сословій. Томъ XI. Уставъ для реальныхъ училищъ въ Саксоніи.—Объ учительницахъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Сущность и цѣль распределенія учебныхъ часовъ.—О числѣ учебныхъ часовъ.—Домашнее приготовленіе уроковъ.—Нѣсколько словъ о благородныхъ пансіонахъ при гимназіяхъ. В. Благовѣщенскаго.—Педагогическіе совѣты въ учебныхъ заведеніяхъ.—О воспитаніи въ пансіонахъ. Т. XII. Сравнительный взглядъ на англійскія и вѣмецкія школы.—О воспитаніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Р. Яковлева.—О непосѣщеніи учениками классовъ. П. Мартынова. Томъ XIII. Суровый домъ близъ Хамбурга. П. Шестакова.—Несталоцѣевское заведеніе близъ Хамбурга. П. Шестакова.—Реальная школа д-ра Ланге въ Хамбургѣ. П. Шестакова.—Объ учителяхъ, инспекторахъ, директорахъ и канцулахъ. В. Н. Дала.—Нѣсколько словъ о дисциплинѣ вообще и въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ въ особенности. Томъ XIV. Объ условіяхъ, способствующихъ поддержанію вниманія учениковъ въ классѣ.—Какъ можно образовать характеръ ученика въ школахъ.—Школа какъ воспитательное заведеніе.—Въ защиту интерната въ учительскихъ институтахъ.

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

Ревель. 14-е марта 1868 г.

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ

пятидесятилѣтіе

литературно-поэтической его дѣятельности

1838 ^{апрѣля}/_{30-го} 1888.

30-го апрѣля 1888 г. петербургская интеллигенція чествовала полувѣковой юбилей славной поэтической-литературной дѣятельности А. Н. Майкова.

Предвѣдѣніе, высказанное нами на страницахъ «Русской Старины» (изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 281—291) о томъ, что этотъ праздникъ вызоветъ общее удовольствіе въ образованномъ русскомъ обществѣ, вполне оправдалось.

Устроенный по почину «Литературно-драматическаго общества», которое все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ прочное и весьма видное мѣсто въ жизни с.-петербурга, праздникъ въ честь нашего маститаго и высокоталантливаго поэта привлекъ въ помѣщеніе общества множество депутацій съ представителями во главѣ Императорскихъ Академіи Наукъ, Публичной Библиотеки, многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ, с.-петербургскаго городского общественнаго управленія и различныхъ ученыхъ учреждений. Прочитано было множество адресовъ, привѣтствій и телеграммъ.

Въ газетахъ читатели найдутъ всѣ мельчайшія подробности этого дорогаго, прежде всего для обширной семьи отечественныхъ писателей, праздника. Здѣсь, на страницахъ «Русской Старины»—мы пока сообщаемъ лишь адресъ отъ русскаго общества, отъ читателей и почитателей нашего поэта, во главѣ котораго въ этотъ день стоялъ комитетъ, избранный въ общемъ собраніи литературно-драматическаго общества и представителей печати въ С.-Петербургѣ.

Вотъ этотъ привѣтъ поэту и писателю Майкову отъ русскаго общества:

«Глубокоуважаемый Аполлонъ Николаевичъ! Поль-вѣка тому назадъ въ стѣнахъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ, съ кафедръ Россійской словесности—были прочитаны ваши стихотворенія и было привѣтствовано Ваше поэтическое дарованіе.

То были первые опыты Ваши—студента С.-Петербургскаго университета—на литературномъ поприщѣ.

Четыре года спустя вышло уже собраніе Вашихъ стихотвореній и Бѣлинскій, посвятивъ ему обширную статью, горячо высказалъ

тѣ надежды, которыя разомъ возбудилъ въ русскомъ обществѣ Вашъ талантъ.

Надежды эти блистательно оправдались.

Ведомый еще съ университетской скамьи вдохновеніемъ и наукой, Вы внесли въ сокровищницу родной поэзіи цѣлый рядъ произведеній высокохудожественныхъ по формѣ, исполненныхъ правды и богатыхъ содержаніемъ. Заимствуя предметы изъ исторіи многихъ вѣковъ и народовъ, воспроизводя въ поразительно-живыхъ и осмысленныхъ образахъ столкновеніе древняго языческаго міра съ міромъ христіанскимъ, Вы, въ то же время, съ особенною любовью останавливались на лицахъ и событіяхъ изъ прошлыхъ судьбъ дорогаго нашего Отечества!

Мощно владѣя сокровищами роднаго языка, Вы разгадали «гармоніи стиха божественныя тайны»... Изящный стихъ Вашъ честно, ободряющими звуками и образами служилъ «милой родинѣ»... Вы горячо любили и любите

.... Свѣрь нашъ блѣдный, но милый,
Милый затѣмъ, что родной....

Разражалась ли надъ Русью гроза, восходила ли, по манію Царя, заря освобожденія, возникалъ ли временный раздоръ единокровныхъ народовъ-братьевъ, ополчалась ли Русь, вѣрная своему призванію, на спасеніе своихъ единоплеменниковъ, чествовались ли память и заслуги лучшихъ ея сыновъ, Вы отзывались на всѣ эти явленія современной жизни произведеніями Вашего таланта, полными мысли, красоты, чувства и силы!

Прошло полъ-столѣтія. Всюду, гдѣ есть школа на Руси, гдѣ обитаетъ сколько нибудь образованный читатель,—всюду стало извѣстно имя Ваше и плоды Вашего поэтическаго творчества. Они составляютъ, въ ряду произведеній лучшихъ нашихъ писателей, гордость и украшеніе отечественной словесности.

Поэтическія строфы Ваши далеко разнеслись по лицу земли русской, и ряды грядущихъ поколѣній будутъ хранить ихъ въ памяти своей, доколѣ будетъ слышаться русская рѣчь.

Примите же, Аполлонъ Николаевичъ, заслуженную дань глубокаго уваженія и признательности всѣхъ русскихъ людей въ день полулѣтней годовщины Вашего служенія родному слову въ области наивысшаго проявленія духовныхъ силъ народа русскаго.

[Слѣдуетъ множество подписей].

30-го апрѣля 1888 г.
С.-Петербургъ.

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ

въ 1836 — 1839 гг.

Рукописный альманахъ 1839 года.

Въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., т. LVII, мы имѣли удовольствіе привѣтствовать нашего высокодаровитаго поэта Аполлона Николаевича Майкова по случаю исполненія, въ текущемъ году, пятидесятилѣтія отъ начала его литературной дѣятельности. При этомъ мы старались, на немногихъ страницахъ, очертить главные моменты жизни поэта и столь тѣсно связаннаго съ нею его художественнаго творчества. Теперь мы имѣемъ возможность дополнить этотъ очеркъ одною подробностью изъ начального періода дѣятельности высокоуважаемаго Аполлона Николаевича.

Аполлонъ Николаевичъ выросъ въ семьѣ, въ которой литературные и художественные интересы всегда стояли высоко. Отецъ поэта, извѣстный живописецъ, руководилъ его опытами въ области того искусства, которымъ самъ занимался, а близкій другъ Николая Аполлоновича Майкова, Владиміръ Андреевичъ Солоницынъ, умный и просвѣщенный человѣкъ, занимавшійся литературой и припимавшій участіе въ «Библиотекѣ для Чтенія» конца 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ, руководилъ образованіемъ старшихъ сыновей Николая Аполлоновича—Аполлона и Валеріана.

Однимъ изъ средствъ, которыя Владиміръ Андреевичъ Солоницынъ избралъ для развитія любви къ литературнымъ занятіямъ въ молодыхъ Майковыхъ, было изданіе рукописнаго журнала. Такой журналъ появлялся отдѣльными, красиво переписанными, тетрадями, въ 1836—1838 годахъ, подъ заглавіемъ «Подснѣжникъ», и въ немъ помѣщались статьи, написанныя молодыми Майковыми, а также нѣкоторыми лицами ихъ домашняго круга, самого Владиміра Андреевича Солоницына, В. Г. Бенедиктова, И. П. Бороздны, П. П. Свильяна

и И. А. Гончарова, въ то время молодого кандидата московскаго университета, только что прѣхавшаго на службу въ Петербургъ. Въ 1839 году въ замѣнъ «Подсѣжника» появился въ томъ же тѣсномъ семейномъ кругу изящный рукописный альманахъ, подъ заглавіемъ «Лунныя ночи. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ 1839». Книга эта составляетъ большой томъ въ форматѣ восьмушки печатнаго листа, въ 352 страницы. Она переписана красивымъ почеркомъ, при чемъ каждая страница обведена рамкою, и украшена множественнымъ изящно исполненнымъ рисункомъ. Рисунки и заглавныя буквы исполнены Н. А. Майковымъ (отцомъ поэта) и В. А. Солоницынымъ.

Приводимъ оглавленіе этого въ высшей степени любопытнаго сборника:

Проза:

Гончарова, Ивана Александровича:	
Счастливая ошибка.	243 стр.
Майковой, Евгеніи Петровны:	
Разсказъ изъ частной жизни	63
Майкова, Аполлона Николаевича:	
Покореніе страны Семи Пагодъ европейцами	143 »
Майкова, Валеріана Николаевича:	
Жизнь и наука (безсмертное произведеніе).	115
Майкова, Владиміра Николаевича:	
Скупой; сцена изъ китайской комедіи (перев. съ французскаго).	334
Saltbox:	
Такъ они наняли дачу!	13
Сказаніе о великомъ поэтѣ, который началъ писать стихи и пересталъ писать стихи .	202

Стихи:

Бонедиктова, В. Г.:	
Аполлону Майкову .	11 стр.
Незнакомкѣ	113 »
Два отрывка изъ стихотвореній: «Къ женщинѣ» .	188 »
Недовѣрчивость .	201 »
Совѣтъ	238 »
Къ *	324
Майковой, Евгеніи Петровны:	
Вечеръ на дачѣ .	4 »
Пѣсня	106 »

Поэтъ.	139 стр.
Бенедиктову отъ женщины.	192 »
Майкова, Аполлона Николаевича:	
Лунная ночь . .	1
В. Г. Бенедиктову	6
Венера Медицейская .	51
Солику	55
Сонъ .	104
Сомнѣніе	108 »
Кладбище	196 »
Пѣвцу	239 »
Воспоминаніе.	241 »
Вечеръ на морѣ .	325
Молитва.	327
Призывъ.	332
Воробьины горы	343
Соляка:	
Аполлону Майкову.	57
Въ альбомѣ Н. А. Ш.	200
Два сонета: 1) Давидъ и Саломонъ. 2) Весеннее чувство	328
Щеткина:	
Развалины	60
Къ древнему мечу .	110
Душа.	141
Орель .	194
Гранитные братья	330
Эпилוגъ	347

Итакъ, главными вкладчиками альманаха были молодые Майковы, сыновья Николая Аполлоновича. Многія изъ стихотвореній Аполлона Николаевича, помѣщенныхъ въ «Лунныхъ ночахъ», были потомъ напечатаны въ первомъ сборникѣ его стихотвореній, вышедшемъ въ 1842 году, но большая ихъ часть уже не была повторена въ позднѣйшихъ изданіяхъ, такъ какъ съ теченіемъ времени поэтъ призналъ ихъ слишкомъ несовершенными. Нѣсколько стихотвореній принадлежатъ матери поэта; нѣкоторыя пѣсы ея, въ стихахъ и прозѣ, появлялись въ 1840-хъ годахъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Изъ стихотвореній В. Г. Бенедиктова, помѣщенныхъ въ «Лунныхъ почкахъ», большая часть также была впоследствии напечатана. Saltbox есть псевдонимъ Владиміра Андреевича Солоницыпа; Соликъ—псевдонимъ его племянника, Владиміра Аполлоновича Солоницына, воспитывавшагося вмѣстѣ съ молодыми Майковыми; впоследствии онъ также печаталъ свои стихи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и другихъ журналахъ, и сверхъ того, занимался переводами; Яковъ Александровичъ

Щеткинъ былъ университетскій товарищъ Аполлона Николаевича, въ то время также выступившій на литературномъ поприщѣ въ «Библиотекѣ для Чтенія». Повѣсть Ив. А. Гончарова — одинъ изъ первыхъ его литературныхъ опытовъ, уже обнаруживающій замѣчательный талантъ, — осталась не напечатанною. Наконецъ, «Эпиграмъ», помѣченный ***, есть стихотвореніе Владиміра Андреевича Соловцова, въ которомъ онъ выражаетъ свое чувство глубокой привязанности къ семейству Майковыхъ. Рисунки представляютъ рядъ прелестныхъ иллюстрацій, исполненныхъ рукой талантливаго художника.

Въ цѣломъ «Лунныя ночи» составляютъ книгу вполне изящную по своему внѣшнему виду и исполненію и вмѣстѣ съ тѣмъ богатую внутреннимъ содержаніемъ. Съ этимъ памятникомъ дорогихъ семейныхъ преданій мы имѣли случай познакомиться у Леонида Николаевича Майкова.

Ред.

Catalogue d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,
en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,
A FRANCFORT S. MEIN.

Prière d'adresser les commandes directement à Francfort ou par l'entremise
d'une librairie.

200. Latham, R. G., Russian and Turk from a geogr., ethnological and historical point of view. Lond. 1878. gr. 8°. (18 sh). Sars. M. 15. —
201. (Laugier), Gli Italiani in Russia. Memorie di un ufficiale Italiano per servire alla storia della Russia, della Polonia, e dell' Italia nel 1812. 4 voll. Italia 1826. gr. 8°. Ex. auf grossem Papier. Hfrz., unbeschn. M. 12.
202. Lebrecht, M., Geschichte der aboriginen dazischen Völker. 1 (einz.) Thl. Hermannst. 1791. gr. 8°. Sars., selten. M. 12. —
203. Le Comte de Laveau, Description de Moscou. 2 éd. augm. 2 vols. av. 2 vues et un plan. Moscou 1835. gr. 8°. Hfrz. M. 8. —
204. Ledebour, C. F. von, Reise durch das Altai-Gebirge und die soon-gorische Kirgisen-Steppe. 2 Bde. gr. 8°. Nebst Atlas von 14 Kupfern u. Karten in Folio. Berlin 1829—1830. (M. 27). Hfrz. M. 10.—
204. Leems, K., Nachrichten von den Lappen in Finmarken. Mit Anmerk. von Gunner. Aus dem Dän. Leipz. 1771. 8°. Hfrz. M. 3.—
206. Legationes Alexandrina et Ruthenica ad Clementem VIII. Pont. Max. pro unione et communiione cum Sede Apostolica A. D. 1595 die 15 Jan. et 23 Dec., nunc separatim excusae stud. A. ex Princip. Galitzinorum. Paris 1860. 8°. br. M. 3. —
207. Leagenfeldt, Th. v., Skizzen aus Russland. Berlin 1877. 8°. (M. 6). M. 3. —
- Russland im 19. Jahrhundert. Berlin 1875. 8°. (M. 8.) br. M. 4. —
208. L'Epy, Heliogenes de, Voyage into Tartary, cont. a curious description of that country with part of Greece and Turkey. London. 1689. 12°. Hfrz. Selten. M. 12. —
209. Lesseps, Reise von Kamtschatka nach Frankreich. A. d. Frz. v. Villamae. 2 Bde. m. 1 Karte. Riga 1791. 8°. Pbd. M. 2. —
210. (Lesur). Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX. siècle. Paris 1812. gr. 8°. Hfrz. M. 6. —

*) См. „Русск. Стар.“, 1887 г., т. LV, сентябрь, т. LVI, октябрь, ноябрь и декабрь; изд. 1888 г., т. LVII, январь, февраль, мартъ; т. LVIII, апрѣль, объявленія въ концѣ книгъ.

211. Levesque, Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques etc. 5 vols. avec une carte. Paris 1782 8°. br., unbeschnitten. M. 6. —
212. Lexicon, Vollständiges Deutsch-Russisches, her. von einer Gesellschaft von Gelehrten. 2 Bde. St. Petersb. 1798. gr. 8°. Frz. M. 8.
213. (Löwenstern, W. v.), Denkwürdigkeiten e. Livländers a. d. J. 1790—1815, herausgeg. von F. von Smitt. 2 Bds. mit Portrait. Leipzig 1858 8°. (M. 9. 60) Hfrz. M. 3. —
214. Ludwig, K., Zur Paläontologie des Urals: Actinozoen u. Bryozoen a. d. Carbonkalkstein im Gouv. Perm. M. 18 Tfn.;—Pflanzen a. d. Rothlieg. im G. Perm. M. 1 Tfn.—Meerconchylien a. d. product. Steinkohlen. an d. Ruhr. M. 3 Tfn.—Corallen aus paläolith. Formationen. M. 42 Tfn.—4 Abh. aus den Palaeontographica. Cassel 1865. gr. 4°. Hfrz. M. 54. —
215. — Zur Palaeontologie des Urals: Actinozoen und Bryozoen aus dem Carbon-Kalkstein im Gouvernement Perm. Mit 18 Tafeln Abbild. Cassel 1862. gr. 4°. (M. 24.) br. M. 12. —
216. — Geogenische u. geognost. Studien auf e. Reise durch Russland und den Ural. M. 3 Holzschn. u. 15 chromolith. Tfn. Darmst. 1862. 8°. (M. 8.) br. M. 5. —
217. Lyall, R., The Character of the Russians and a detailed history of Moscow. With a dissertation on the Russian language. With 23 plates, mostly coloured, and a plan of Moscow. London 1823. 4°. (£ 4. 4 sh.) Hfrz., unbeschn. M. 48.—
218. Mac Coll, M., The Eastern Question, its facts and fallacies. With a coloured map. London 1877. gr. 8°. (490 p.) (14 sh.) Sars. M. 8.—
219. Malavilliers, Chevalier de, La Pétréade ou Pierre le Créateur. Amsterd., Schneider 1763 gr. 8°. Mit Frontisp. von Folkema u. dem Portr. Peters des Grossen. Hfrz. Schöne Abdr. M. 20. —
220. Maistre, Jos. de, Quatre Chapitres inédits sur la Russie. Publ. par R. de Maistre. Paris 1859. gr. 8°. br. M. 3. —
221. Malmesbury. Diaries and correspondence of James Harris, first earl of Malmesbury, contain. an account of his missions at the Court of Madrid, to Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague, and of his special missions to Berlin, Brunswick, and the French Republic. Ed. by his grandson. 4 vols with portraits and facsim. London 1844. gr. 8° (L 3). Sars. M. 36. —
222. Manœuvres der russischen Cavallerie bei Vosnesensk, 20 August bis 3 Septbr. 1837. 7 Blatt der russ. Generalstabskarte mit den sehr schön in Farben eingemalten Stellungen der Truppen etc. u. 3 col. Blatt Abzeichen und Uniformirungen. Folio. Auf Leinwand gezogen. M. 25. —
223. Mausteln, Général de, Mémoires histor., polit. et militaires s. la Russie et s. la guerre de Turquie, depuis 1727 jusqu'a 1744. Avec la vie de l'auteur par Huber et une carte. Leipz. 1771. gr. 8°. Pbd. br. n. r. M. 4.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Возѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II, императоръ всероссійскій.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, — предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“ изд. 1888 года.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются съ 1-го марта 1888 г. по обыкновеннымъ, не пониженнымъ цѣнамъ, оставшіеся экземпляры нижеслѣдующихъ изданій ред. «Русской Старины»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержания „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами, издана въ 1885 г.

Цѣна **ТРИ** рубля съ пересылкою.

II. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., 1884-го года, изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна **ДВА** рубля съ пересылкою.

III. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., 1884 г., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна **ДВА** рубля **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

по пониженнымъ цѣнамъ:

IV. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи въ 1877 году. Изданіе второе, значительно дополненное весьма интересными показаніями лицъ близкихъ къ покойному Государю. Издалъ Л. М. Чичаговъ. Спб. 1887 г., 517 стр.

Цѣна **ДВА** руб. **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за **ДВА** рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны **4 руб. 50 коп.**, обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ, неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д.

(Имеется всего лишь около 188 экземпляровъ).

VI. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна **одинъ** руб. съ пересылкою.

ныхъ, притомъ относящихся къ бытовой исторіи Крымскаго ханства, побудили его ограничить пока свой трудъ политическою исторіею и довести его лишь до начала XVIII столѣтія. Замѣтить еще, что самая книга печаталась въ Клязани подъ наблюдениемъ І. Ф. Готвальда и П. П. Ильинскаго. Въ концѣ приложенъ указатель именъ личныхъ и географическихъ, а также другихъ примѣчательныхъ словъ.

Отвѣтить для интересующихся событіями русской исторіи весьма любопытными сопоставленіями объ отношеніяхъ Богдана Хмельницкаго къ Крыму и Турціи, сообщавшихъ русскимъ источникамъ и турецкимъ историками (стр. 538—561).

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. IV. 1739—41 гг. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Слб. 1887 г. Стр. 824. Ц. 3 р.

Недавно предпринятое Академіею Наукъ изданіе матеріаловъ по ея исторіи въ короткое время достигло уже IV-го тома. Вышедшій томъ посвященъ періоду съ 1739 по 1741 годъ; матеріалы его извлечены изъ академическихъ архивовъ и Московск. арх. инв. юстиціи. Представляетъ, какъ и въ предыдущихъ томахъ, множество интересныхъ свѣдѣній о состояніи академіи и ея учрежденій, данныхъ о составѣ академіи (списки академиковъ и слушающихъ лицъ съ обозначеніемъ ихъ происхожденія; списки студентовъ и учениковъ гимназій) и т. п., состоящій томъ заключаетъ въ себя много и другихъ свѣдѣній, важныхъ для исторіи XVIII столѣтія, какъ, напр., о сношеніи Татищева съ Академіею Наукъ (1—2, 3, 10, 26, 40, 63, 87, 90, 105, 125—126, 147, 97—104, 719—720); списокъ принадлежавшихъ ему картъ и плановъ (459—461); подробныя свѣдѣнія о преподаваніи Арсенія Мицкевича въ академической гимназій (217—219, 235—236, 271, 310, 358, 481—482, 554); извѣстіе о разсмотрѣніи въ академіи книгъ, присланныхъ послѣ опалы ии. Д. М. Голицына (верховника) съ реестромъ его библиотеки (120, 135, 309, 357, 401—406, 439). Въ реестрѣ обозначено 335 книгъ на разныхъ діалектахъ, въ числѣ которыхъ было много рукописныхъ (стр. 178—190). Оны были доставлены въ Академію

въ двадцати оудукахъ (135). Не меншіи интересъ представляютъ и свѣдѣнія о книгахъ, забранныхъ изъ академической лавки Артеміемъ Волынскимъ и близкими къ нему людьми (436—437), а также описъ монетъ и медалей, принадлежавшихъ Артемію Петрову Волынскому и Платову Мусину-Пушкину (508—509, 523, 661—684, 690—697).

Конечно, разсмотрѣніе книгъ и медалей, притомъ предназначавшихся для поступления въ Академію, должно было входить въ обязанности академиковъ; но имъ также поручалось свѣдѣтельствовать и писанною машиною, отданною для герцога Курляндскаго «новымъ шрифтомъ», въ чемъ приходилось участвовать и знаменитому Эйлеру (269); въ Академіи приходилось замѣчать «церемоніальныя посохи» (144). При участіи же въ церемоніяхъ и академиковъ выказывалось настроеніе наблюдать, когда цария или свои волосы должны быть въ пудрѣ или безъ пудры, безъ кошачьихъ и безъ кося, а завязаны бы были черными лентами (514). Въ концѣ настоящаго тома помѣщено описаніе похороннаго катафалка императрицы Анны Ивановны (782—789). Портреты, приложенныя къ изданію матеріаловъ, изображаютъ Карла Фридриха Вреверна, презид. Академіи Наукъ, и Георга Шильг. Рихмана, ставшаго жертвою своихъ наблюденій надъ электричествомъ.

В. И.

Евренъ земледѣльцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней. 1807—1887. В. Н. Никитина, Слб. 1887 г. въ 8 д., стр. XIV+694. Цѣна 4 р.

Обширный весьма обстоятельный трудъ исключительно основанный на архивныхъ оцінальных матеріалахъ, до сихъ поръ нигдѣ еще не печатавшихся. Надо отдать полную справедливость замѣчательному трудолюбію автора, исчерпавшаго въ архивахъ различныхъ министерствъ массу матеріаловъ, вполне обрисовывающихъ дѣятельное положеніе колоній евреевъ земледѣльцевъ—со времени ихъ открытія, 81 годъ тому назадъ, и до нашихъ дней.

М. С.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлѣхъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (22 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портрет., 9 руб.

Выписывающіе одновременно за пять лѣтъ платятъ по 4 р. 50 к. за годъ.

Издатель-редакторъ **Мик. Ив. Семеновскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

І Ю Н Ъ.

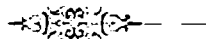
1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. X. Сообщ. А. М. Чичаговъ	535	X. Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Забѣтки кн. В. Д. Дабича. (Оконч.)	631
II. Принцъ Вильгельмъ, впоследствии императоръ германскій, въ Россіи въ 1817 г. Сообщ. П. К. Шаллеръ	563	XI. Аполлонъ Николаевичъ Майновъ, 1838 (апрѣль 30-го) 1888	703
III. Русско-венгерская война 1849 г.	583	XII. Историческіе матеріалы, документы и стихотворенія: Симеонъ Бекбулатовичъ (587). — Секретарь Пархомовъ (591). — Кн. Антиохъ Кантемиръ (596). — Истор. зам. В. С. Иконникова (603). — 06-полциеймейстеры при Павлѣ I (601). — В. А. Поляновъ (710). — Я. П. Кузьмевъ (607). — А. С. Фигуръ (611). — А. П. Степановъ (609). — К. П. Брэмловъ (585). — Выборъ въ палачи (627). — Забѣтки М. А. Веневитинова (701). — Гр. Н. П. Ендокимовъ (624). — Семейство Вильгорскихъ (691). — Отъѣздъ гл. исп. наказаній въ 1863 г. (709). — А. П. Берже (710). — А. В. Голыгинъ (709). — П. П. Крамской (711). — Н. И. Подозаревъ (697). — Стих. К. Р. и П. А. Буслова (562 и 606).	
IV. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма къ Гоголю Смирновой, 1844—1851 гг. Сообщ. В. П. Шенрокъ	597	XIII. Библиографическій листокъ (стр. 715 и на оборотѣ).	
V. Николай Васильевичъ Гоголь въ неизданныхъ отрывкахъ его писемъ къ П. А. Плетневу, 1846—1848. Сообщ. В. П. Шенрокъ	611		
VI. Николай Васильевичъ Гоголь, 1841 г. Сообщ. Е. С. Некрасова	581		
VII. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства 1800 г.	593		
VIII. Персія и Турція подъ обороною гр. Несельроде и цензуры въ 1827—1828 гг.	615		
IX. Изъ времени крѣпостнаго права. Бытьи крестьянъ въ деревнѣ Смолиной, Рязанской губерніи въ 1850—1851 гг.	619		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Николаевича Крамского, † 24 марта 1887 г. Гравировала на мѣди художницъ Ѳ. А. Мѣркина.

Продолжается подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.
Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Географія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

VI-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го юня 1888 г.

Волинь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издаю при мнѣ. вв. дѣлѣ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-ми хромолитографиями и 69-ю гравюрами. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 450. Цѣна 1 р.

Эта вторая уже книга въ ряду задуманной серіи историческихъ описаній судебъ западныхъ окраинъ нашихъ, бывшихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій подъ иноземнымъ и иноплеменинымъ владычествомъ. По всеподданнѣйшему докладу ходатайства П. Н. Батюшкова, гр. Д. А. Толстымъ испрошено Высочайшее соизволеніе на составленіе и казеніе таковыхъ описаній, и вотъ, вслѣдъ за „Холмскою Русью“, нынѣ появилась „Волинь“, а за нею не замедлитъ затѣмъ явиться и „Бѣлоруссія съ Литвой“.

Въ такого рода предпріятіяхъ, если весьма важно содѣйствіе правительства и денежная помощь, то того болѣе важно—увѣренность и любовь къ дѣлу, а то и другое вполнѣ проявляется—почтенный главный редакторъ этихъ описаній. Планъ всего изданія задуманъ превосходно. Въ сжатомъ, полнымъ знаніи и таланта, историческомъ текстѣ книги, который въ книгѣ Волинь—принадлежитъ двумъ профессорамъ Кіевской академіи—Н. Ц. Петрову и И. И. Малышевскому, и въ добросовѣстныхъ монографіяхъ, составленныхъ М. П. Городецкимъ въ видѣ объяснительнаго текста къ историческимъ портретамъ, видамъ мѣстностей, зданій, иконъ и т. п., передается описаніе страны,—передается живо, интересно, отнюдь не растянута,—и именно общоинтересно, а слѣдовательно все это прочтется, будетъ и впродолженіи читаться. Прочтется тѣмъ съ болѣе широкимъ удовольствіемъ, что текстъ украшенъ массою превосходныхъ портретовъ, видовъ памятниковъ старинныя, снимковъ грамотъ, монетъ и проч., проч. Словожъ вся страна Волинь,—этотъ перлъ въ коронѣ нашего Монарха,—поднимается предъ устнами и взоромъ читателя всюду всей ея исторіи и кресторяднымъ, многочисленнымъ памятникамъ минувшихъ ея судебъ. Книга напечатана въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и продается по 1 р. 30 к. Очевидное дѣло, что она разоѣдется чрезвычайно быстро, какъ то и слу-

чалось съ „Холмскою Русью“; правительственная субвенція съ лихою, какъ и въ первомъ случаѣ, окупится и на полученные средства дѣло уже продолжится, такъ сказать, самимъ обществомъ. Вотъ какъ должно дѣлаться дѣло, значеніи истинно государственнаго, и надо лишь пожалѣть, что въ нему не было приступлено гораздо раньше. Вотъ оружіе, которымъ не только должно сражаться съ ксендзовско-шляхетскимъ завращеніемъ исторіи и старинныя изреченія свато-русскаго края, но и несомнѣнно побѣдить неправду! Исползать за дѣло прекрасно установленно и исполнено П. Н. Батюшковымъ и его почтенными сотрудниками, изъ которыхъ каждому отъ, въ своемъ предисловіи, воздаетъ искреннюю и живую признательность. Ред.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. VII, т. I. Кіевъ. 1886. 85+647 стр. Ц. 3 р.

Настоящій томъ составляетъ первую половину цѣлой серіи актовъ, относящихся къ исторіи заселенія юго-западной Россіи. Это собственно земельные акты разнаго характера (жалованными грамоты на мѣшны, разграничительные акты, дарственными записи, раздѣльные акты, завѣщанія, вводные ясты, купчія ярлыки, привилегіи на владѣнія, инвентари и т. п.), дающіе возможность судить о населенности и племенномъ составѣ населенія указанной территоріи. Матеріалы эти навлечены изъ актовъ центр. архива, рѣш. Кіев. Археогр. ком., частнымъ лицъ. Кроме указанныхъ актовъ заслуживаютъ вниманія описанія: Черкаскаго замка 1552 г., Каиовскаго замка 1552 г., Кіевскаго замка 1552 г., Житомирскаго замка 1546 и 1552 гг., Луцкаго замка 1552 г. (стр. 76—183), Черныбыльскаго, Остерскаго, Вишнѣвскаго и Мозырскаго замковъ 1552 г. (587—617); описаніе города Каиенца 1700 г. Матеріалы эти навлечены частію изъ тѣхъ же коллекцій, но преимущественно изъ Литовской метрики. Любопытны также инвентарь мѣшнѣй дворянина Ельца съ показаніемъ количествъ убыли изъ населенія съ 1648 г., вѣдомость о лицахъ, показавшихъ подъ присягою объ убыли населенія въ различныхъ мѣстностяхъ Кіевскаго

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
лицъ.—Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.—

Подписи.

Сиб., въ 8 д., ххх + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою.

1867 — 1888.

Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ».

Приводимъ перечень лицъ, собственноручныя автобіографическія и иныя замѣтки которыхъ вошли въ Альбомъ М. И. Семевского, ред.-изд. журнала „Русская Старина“.

Агреньевъ-Славянской, Д. А.—Агранинъ, А. И.—Адлербергъ, графъ А. В.—Айвазовскій, И. К.—Алабинъ, П. В.—Алексѣевъ, В. М.—Алексѣевъ, Г. П.—Альбертини, Н. В.—Андреевскій, И. Е.—Андреевъ, Е. Н.—Андреевъ, П. П.—Анисимова, Е. Ю.—Анисимовъ, П. Т.—Аничковъ, Н. М.—Аноповъ, И. А.—Апраксинъ, графъ, С. А.—Арапетовъ, И. П.—Аргамаковъ, К. Ф.—Аристовъ, В. И.—Ардимовичъ, А. А.—Ардимовичъ, В. А.—Астафьевъ, Н. А.—Ахматова, Е. Н.—Аванасьевъ-Чужбинскій, А. С.—Багговутъ, К. Ф.—Баженовъ, Н. А.—Базилевскій, М. Н.—Базуновъ, А. Ф.—Балашевъ, В. С.—Балакиревъ М. А.—Банты, К.—Барановскій, Е. И.—Барсовъ, Е. В.—Барсовъ, А. Ф.—Барсуковъ, А. П.—Барсуковъ, Н. П.—Бартенева, П. И.—Барчъ, И. М.—Барятинскій, князь В. И.—Батюшковъ, П. Н.—Бекетовъ, А. Н.—Беккеръ, В. И.—Венуа, Л. Н.—Венуа, Н. Л.—Бергъ, Н. В.—Бергъ, Ф. Н.—Березинъ-Шираевъ, Я. Ф.—Берже, А. П.—Берманъ, М. А.—Бернгардъ, Р. Б.—Берте, А. А.—Бертенсонъ, I. В.—Бертухъ, Ф.—Вессель, В. В.—Бестужевъ, М. А.—Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—Бильбасовъ, В. А.—Бильдерлингъ, А. А.—Благовѣщенскій, Н. М.—Боборыкинъ, П. Д.—Бобринской, гр. А. А.—

Бобринской, графъ А. А.—Бобровскій, П. О.—Бобровъ, В. А.—Богдановичъ, М. И.—Богдановскій, Е. И.—Богдановъ.—Боголюбовъ, А. Н.—Богушевскій, Н. К.—Боденштедтъ, Ф. И.—Божемяновъ, И. Н.—Болдыревъ, И. В.—Болотова, С.—Болотовъ, В. А.—Болтовская, В. И.—Бородинъ, Д. Н.—Боткинъ, М. П.—Брадъе, М. Е.—Бравденбургъ, Н. Е.—Брикнеръ, А. Г.—Брожъ, К. О.—Брянскій М. В.—Будаговъ, Л. З.—Бунге, Н. X.—Буринскій, Е. О.—Буткевичъ, С. И.—Бутовскій, Л. И.—Бухъ, К. А.—Бычковъ, А. О.—Бычковъ, И. А.—Бѣлозерская, Н. А.—Бюлеръ, баронъ Ф. А.—Бюргеръ, А. И.—Вагановъ, Н. А.—Вагнеръ, П. П.—Вадбольскій, князь С. П.—Валуевъ, графъ, П. А.—Вальронтъ, П. П.—Вараксинъ, М. И.—Варгунниъ, К. А.—Варгунниъ, Н. А.—Васильчиковъ, А. А.—Васютинскій, В. П.—Ватсонъ, Э. К.—Веберъ, Георгъ.—Вейнбергъ, П. И.—Венгеровъ, С. А.—Венюковъ, М. П.—Верещагинъ, А. В.—Веригинъ, А. И.—Верманъ, баронесса А. В.—Вернеръ, Р.—Веселаго, О. Ф.—Веселовскій, А. Н.—Вессель, Н. X.—Вешняковъ, В. И.—Викторовъ, А. Е.—Виноградовъ, А. Н.—Висковатовъ, П. А.—Вишняковъ, В. И.—Власова, А. Г.—Власова, Н. А.—Власова, Н. Г.—Власовъ, Г. П.—Водениковъ, А. Д.—Водозова, Е. Н.—Водозововъ, В. И.—Воеводскій, П. В.—Воейковъ, А. Н.—Волконскій, Н. А.—Волоцкой, А. А.—Волоцкой, Н. В.—Воробьевъ, П.—Вороновъ, П. А.—Вороновъ, П. Н.—Воропоновъ, О.—Вревская, баронесса Е. Б.—Вунчъ, И. В.—Вульфертъ, Н. С.—Вульфъ, А. Н.—Вышнеградскій, П. А.—Вазмитиновъ. Л.—Гагарина, княгиня Е. К.—Гасвскій, В. П.—Гайдебуровъ, П. А.—Галаганъ, Г. П.—Галаховъ, А. Д.—Галаховъ, С. Г.—Гартманъ, В. А.—Гартъе, Э. К.—Гатцукъ, А. А.—Гейнсъ, А. К.—Гейнсъ, В. К.—Гейфельдъеръ, О. Ф.—Геннади, Г. П.—Георгиевскій, А. И.—Георгиевскій, Д. И.—Гербель, Н. В.—Герценъ, А. А.—Гецъ, баронъ П. П.—Гиллинъ, А.—Д.—Гильдебрандтъ, П. А.—Гильфердингъ, А. Ф.—Гиппиусъ, В. И.—Гиппиусъ, Д. И.—Гирсъ, А. К.—Глазуновъ, И. И.—Глинка, В. С.—Глинка, Д. Б.—Глинка, М. И.—Глинка, Ю. Г.—Гогенфельдъеръ, Г.—Голенищевъ-Кутузовъ, графъ.—Гойнингенъ-Гюне, баронъ, А. Ф.—Голицынъ, князь К. К.—Голицынъ, князь Н. С.—Голицынъ, князь С. П.—Головачевъ, А. А.—Головинъ, В. И.—Головиниъ, А. В.—Голохвостовъ, А. Д.—Гольмдорфъ, М. Г.—Гончаровъ, П. А.—Горбуновъ, Н. Ф.—Горелинъ, Я. П.—Городецкій, М. П.—Градоскій, А. Д.—Градоскій, Г. К.—Гребенщиковъ, Я. А.—Гревеницъ, баронъ А. А.—Греть, Е. И.—Григоровичъ, Н. И.—Гриммъ, И. В.—Гриневичъ, М. И.—Гришинъ, Р. П.—Гродековъ, Н. П.—Громовъ, Н. Ф.—Гротъ, К. К.—Гротъ Я. К.—Гудимъ-Левковичъ, С. Н.—Гулаевъ, С. И.—Гуревичъ, Я. Г.—Гурчинъ В. В.—Дабижа, князь В. Д.—Давыдовъ, В. Н.—Давыдовъ, В. Д.—Даниловичъ, Г. Г.—Даугель, А. Н.—Дашковъ, П. Я.—Дворжницка, О. Г.—Деминъ, А.—Демчинскій, Н. А.—Дестунисъ, Г. С.—Джемаль-Эдиль-Гусейнъ, шейхъ.—Дмитріевъ, Н. Д.—Дмитріевъ, Ф. М.—Доброленскій, Ф. Л.—Докучаевъ, Т. В.—Долгоруковъ, князь В. А.—Домонтовичъ, И. И.—Домонтовичъ, К. И.—Домонтовичъ, М. А.—Досъ, Н. Ф.—Драговичъ, Ж. П.—Драговичъ, М. П.—Дрожинъ, С. Д.—Дроздовъ, И. И.—Друцкой-Соколинской, князь Д. В.—Дубельтъ, А.—Дубровицъ, Н. Ф.—Дурново, П. П.—Дуровъ, Н. П.—Духовецкой, А. А.—Духовской, С. М.—Елисеевъ, А. В.—Ельцина, З. Я.—Ермаковъ, Н. А.—Ермолова, М. Г.—Ермоловъ, В. А.—Есиповичъ, Я. Г.—Ефремовъ, П. А.—Жакларъ-Корвинъ, А. В.—Желиховская, В. П.—Жемчужниковъ, Ал-дръ М.—Жемчужниковъ, Ал-свй М.—Жигмонтъ, С. О.—Жижигленко, А. И.—Жмакинъ, В. И.—Жуковскій, М. М.—Жуковскій, Н. Н.—Жуковскій, Павелъ Вас.—Жуковский, Петръ Влад.—Жуковский, С. М.—Забѣлло, П. П.—Загоскинъ, С. М.—Загряжскій, А. М.—Загъсовъ, Н. Г.—Замысловскій, Е. Е.—Заматнина, Е.—Заринъ, Е. Ф.—Зарубинъ, П. А.—Зарудинъ, С. И.—Звандовъ, К. И.—Здекауеръ, Н. Ф.—Зейдлицъ, фонъ, О. А.—Зеленой, И. А.—

Земцовъ, А. Е.—Зичи, М. А.—Златковскій, М. Л.—Змѣнь, Л. Ф.—Зноско-Боровскій, Н. А.—Золотовъ, В. А.—Зосимовичъ, Я. Л.—Зубова, баронесса Е. Б.—Зубовъ, А. П.—Зубовъ, П. А.—Иванова, О. И.—Ивановъ, Н. П.—Ивановъ, Н. Ф.—Иверсенъ, Ю. Б.—Игнатій, архимандритъ.—Игнатъевъ, графъ А. П.—Игнатъевъ, графъ Н. П.—Измайлова, Т. П.—Измайловъ, П. А.—Иконниковъ, В. С.—Илинскій, П. А.—Иловайскій, Д. И.—Ильинъ, Н. П.—Индутный, Н. Т.—Ивсарскій, В. А.—Юанъ, А. С.—Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, — К. Р. — Кавелинъ, К. Д. — Казина, А. Н.—Казначеевъ, А. Г.—Кайгородовъ, Д. Н.—Кайгородовъ, М. Н.—Калачовъ, Н. В.—Калининъ, Н. М.—Калиновскій, В. Ф.—Каразинъ, Ф. В.—Каратыгинъ, П. А.—Каратыгинъ, П. П.—Карашевичъ, П. И.—Карновичъ, А.—Карновичъ, Е. П.—Карповъ, Г. Ф.—Карцовъ, П. П.—Кахановъ, М. С.—Кашкинъ, П. С.—Кедринъ, Н. Д.—Келеръ, И. П.—Кельсиевъ, В. П.—Кемпе, А. А.—Кенпепъ, П. Е.—Кёне, баронъ В. В.—Кирпичевъ, Л. Л.—Киръевскій, С. И.—Киселевскій, И. П.—Китицынъ, П. А.—Кишенскій, О. Н.—Климантовичъ, Д. Д.—Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ М. П.—Клюшниковъ, И. П.—Клязевъ, А. С.—Кобецъ, А. Ф.—Кобеко, Д. Ф.—Кожанчиковъ, Д. Е.—Козловъ, Н. И.—Кокшаровъ, Н. И.—Кокшаровъ, Н. Н.—Колзавовъ, К. П.—Колокольцовъ, Д. Г.—Колошинъ, П. Н.—Колчинъ, М. А.—Комаровъ, А. В.—Комаровъ, В. В.—Компанъ, В.—Кони, А. Ф.—Корибутъ-Кубитовичъ, М. П.—Корниловъ, И. П.—Корниловъ, Ф. П.—Корсаковъ, Д. А.—Корфъ, баронъ К. П.—Корфъ, графъ М. М.—Корфъ, баронъ Н. А.—Корфъ, баронъ П. Л.—Корчакъ-Гречина, Е. Я.—Коршъ, В. О.—Косинская, Н.—Косинскій, баронъ М. О.—Костомаровъ, Н. И.—Колловичъ, М. О.—Краевскій, А. А.—Красинцкій, И. Я.—Крейтанъ, В. П.—Кренке, В. Д.—Крестовскій, В. В.—Кривоносовъ, А. А.—Кроссъ, Г. Г.—Кругликовъ, С. Н.—Крузе, Н. Ф.—Кублицкій-Шоттхуъ, Л. Ф.—Кузьминъ-Короваевъ, Г. П.—Куно-Фишеръ.—Купреанова, П. Д.—Курисъ, И. С.—Курсаковъ, В. А.—Кусковъ, П. А.—Кустодиевъ, К. Л.—Кюне, Г. А.—Кюнеръ, В.—Лаврентъевъ, Л. И.—Лагорю, Л. Ф.—Ламанскій, В. И.—Ламанскій, Е. И.—Лашкенау, Г. К.—Латкинъ, Н. В.—Лаубе, Н. И.—Лауренти, Ю. К.—Лацинскій, А. С.—Лебедевъ, В. А.—Лебединскій, В. Ф.—Левисъ, Ф. О.—Левидицкій, К. В.—Левидицкій, С. Л.—Ле-Давитъ, Е. Е.—Лейцидъ, Н. А.—Ленскій, Д.—Леонидовъ, Л. Л.—Леонтьевъ, В. Н.—Лермантовъ, И. Н.—Линдлей, В.—Липиченко, И. А.—Ливовскій, Н. О.—Литвиновъ, Н. Н.—Лифшицъ, Г. Г.—Лихачевъ, В. И.—Лобановъ-Ростовскій, кн. А. Б.—Лобановъ, кн.—Лонгиновъ, М. Н.—Лонгиновъ, П. К.—Ловухинъ-Демидовъ, кн. Н. П.—Лоранскій, А. М.—Лорисъ-Меликовъ, гр. М. Т.—Лушевъ, А. М.—Львовъ, Ф. Ф.—Любимовъ, Г. М.—Любовицкій, Ю. В.—Любощинскій, М. Н.—Ляпуновъ, А. Я.—Лялинъ, В. С.—Маакъ, Р. К.—Мазуровъ, Л. Е.—Майбахъ, К. А.—Майковъ, А. Н.—Майковъ, Л. Н.—Майновъ, В. И.—Макаровъ, Н. П.—Маковскій, К. Е.—Максимовъ, С. В.—Макшеевъ, А. И.—Малевицъ, Г. И.—Малисъ, Ю. Г.—Манассеинъ, В. А.—Маньянъ, И. П.—Маркграфскій, А. Н.—Маркевичъ, А. И.—Марковъ, Е. Л.—Марковъ, М. А.—Марковъ, П. А.—Маркусъ, В. М.—Мартыновъ, А. А.—Мартыновъ, П. Б.—Маслянниковъ, К.—Матвѣевскій, Н. П.—Матисевъ, Е. А.—Матъ, В. В.—Матюшинъ, И. И.—Мевесъ, Л. Т.—Межовъ, В. И.—Мейеръ, Ф. Е.—Мейчикъ, Д. М.—Мельниковъ, Н. А.—Мельниковъ, П. И.—Мердеръ, И. К.—Меренбергъ, графиня А.—Меренбергъ, графиня С.—Меренбергъ, графиня Н. А.—Мещерскій, А. И.—Мещерскій, князь В. П.—Мизъшинъ, М. О.—Миллеръ, О. Ф.—Милорадовичъ, графъ Г. А.—Милуковъ, А. П.—Милутичъ, графъ Д. А.—Милутичъ, Ю. Н.—Мирковичъ, М. Ф.—Митковъ, М. П.—Михайловскій, В. Я.—Михайловъ, В. В.—Михайловъ, В. М.—Михайловъ, Д. С.—Михаловскій, Д. Л.—Михневичъ, В. О.—Модестовъ, В. И.—Мозеръ, Генрихъ.—Моллеръ, Н. С.—Молочниковъ, Н. К.—Монтевердо, П. А.—Мордвинковъ, С. А.—

Мордовцевъ, Д. Л.—Морозовъ, П. О.—Морошкинъ, М. Я.—Мосоловъ,
 А. Н.—Мохначевъ, А. Д.—Муловъ, П. А.—Мулявъ.—Муратовъ, Ф. Н.—
 Мурзакевичъ, Н. Н.—Мухановъ, А. С.—Мѣдниковъ, Ф. Н.—Мѣркинъ,
 Ф. А.—Мюсардъ, Н. И.—Мясоедовъ, П. А.—Направникъ, Ф. Ф.—Невѣровъ,
 Я. М.—Нейманъ, Ю. Ф.—Неклюдовъ, С. М.—Некрасовъ, Н. А.—Непороженевъ,
 Н. И.—Несвѣтевичъ, А. А.—Неустроевъ, А. Н.—Никитинъ, А. Н.—Никитинъ,
 В. Н.—Никитскій, А. И.—Николай, принцъ Нассау.—Никольскій В. В.—
 Новиковъ, И.—Новодворскій, А. О.—Нордманъ, Ф. Д.—Носовичъ, П. И.—
 Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна.—Оболенскій,
 князь Д. А.—Огородниковъ, П. И.—Огородниковъ, С. Ф.—Олекушинъ, А. М.—
 Опочининъ, В. Н.—Опочининъ, П. Н.—Опочининъ, Ф. К.—Ореусъ, П. И.—
 Орловъ, А. П.—Орловъ, Г. А.—Орловъ, И. Н.—Орловъ, князь Н. А.—Орловъ,
 Н. М.—Осининъ, И. Т.—Островскій, А. Н.—Павловскій, И. Д.—Павловъ,
 А. С.—Палицинъ, С. М.—Панаевъ, В. А.—Пановъ, И.—Парвовъ, А. И.—
 Парландъ, А. А.—Пассекъ, В. В.—Пассекъ, Т. П.—Паульсонъ, І. И.—Пе-
 лисскій, К. Д.—Пель, А. В.—Пензаецъ, А. С.—Перетцъ, Е. А.—Пестичъ,
 Ф. В.—Петри, Э. Ю.—Петрова, В. А.—Петровъ, А. Н.—Петровъ, Н. П.—
 Петровъ, П. Н.—Пизани, А. П.—Пироговъ, В. Н.—Платонова, Ю. Ф.—Пле-
 щевъ, А. Н.—Погодинъ, М. П.—Погодинъ, А. Д.—Подолнскій, А. И.—
 Пожалостинъ, И. П.—Покровский, Н. В.—Поливановъ, Д. Т.—Полонскій,
 Л. А.—Полонскій, Я. П.—Полторацкій, С. Д.—Полѣновъ, Д. В.—Помя-
 ловскій, И. В.—Попова, А. Н.—Поповъ, А. Е.—Поповъ, А. А.—Поповъ, В. А.—
 Поповъ, В. П.—Поповъ, М. В.—Пороховщикова, А. А.—Порто, А. П.—
 Потаповъ, Н. Г.—Потѣхинъ, А. А.—Потѣхинъ, П. А.—Прагъ, Г. В.—Пре-
 ображенскій, П. А.—Пржевальскій, Н. М.—Пржецлавскій, О. А.—Прозор-
 кевичъ, С. А.—Прокофьевъ, А. Е.—Протопоповъ, В. Г.—Прохоровъ, В. А.—
 Пузыревскій, А. К.—Пузыревскій, И. А.—Путятинъ, князь П. А.—Пыцинъ,
 А. Н.—Пѣтуховъ, М. О.—Его Императорское Высочество князь Евгений
 Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.—Раевскій, Н.
 И.—Разнаъ, А. Е.—Рапцъ, Е. К.—Ратнскій, Н. А.—Ратьковъ-Рожновъ,
 В. А.—Ратьковъ-Рожновъ, М. А.—Ратьковъ-Рожновъ, Н. А.—Рафальская,
 Е. Ф.—Рахау, И. К.—Рашевскій, И. Ф.—Рейманъ, И. И.—Рейнботъ, Ф. А.—
 Ремезовъ, И. С.—Ренненкампфъ, К. К.—Рикордъ, Л. И.—Риттихъ, А. Ф.—
 Рихтеръ, Е. Х.—Робаровскій, В. И.—Ровинскій, Д. А.—Рождественскій,
 С. Е.—Розановъ, А. И.—Розенгоймъ, М. П.—Розень, баронъ А. Е.—Розень,
 баронъ В. Р.—Розингъ, Л. Н.—Романовскій, Д. И.—Романовъ, В. В.—Рости-
 славовъ, Н. И.—Ростовцевъ, Я. А.—Рубинштейнъ, А. Г.—Руммель, баронъ
 В. В.—Рыжовъ, А. И.—Рыкачевъ, М. А.—Рѣпинскій, Г. К.—Рѣпинъ, И. Е.—
 Рюльманъ, А. А.—Саввантовъ, П. И.—Савельевъ, А. И.—Савельевъ, А. Г.—
 Савитскій, В. С.—Савурской, А. А.—Садовниковъ, Д. Н.—Садовская, Е. М.—
 Садовскій, Б. Т.—Садовскія, Л. и В. Т.—Салиасъ, графиня Е. В.—Салтыковъ,
 М. Е.—Самаринъ, П. Ф.—Самойлова, Н. В.—Самойлова, О. А.—Самойловъ,
 В. В.—Санъ-Галии, Ф. К.—Саранчевъ, Д. А.—Сатинъ, А. Д.—Свѣзевъ, И. И.—
 Сгибневъ, А. С.—Селивановъ, И. В.—Семевская, А. Е.—Семевская, В. А.—
 Семевская, Е. М.—Семевскій, А. В.—Семевскій, А. И.—Семевскій, А. В.—
 Семевскій, В. А.—Семевскій, В. И.—Семевскій, М. И.—Семевскій, Н. И.—
 Семевскій, П. И.—Семеновъ, Д. Д.—Семеновъ, Н. П.—Семеновъ, П. П.—
 Сербиновичъ, К. С.—Сергѣевичъ, В. И.—Серебряковъ, А. А.—Сиверсъ,
 графъ Е. Е.—Сиверсъ, графъ Н. Е.—Сидоровъ, М. К.—Симоновъ, Л. Н.—
 Сивельниковъ, Н. П.—Сиповскій, В. Д.—Скальковскій, А. А.—Скачковъ,
 П. П.—Скачковъ—Сребнскій, А. И.—Славянскій, Д. А., (см. Агреневъ).—
 Слатвинскій, М. Я.—Случевскій, К. К.—Смирновъ, Е. К.—Смирновъ, И.
 К.—Собко, Н. П.—Соболевскій, С. А.—Соболевъ, Л. Н.—Соймоповъ, М.
 В.—Соковнинъ, Н. А.—Соколовъ, А. П.—Соколовъ, Д. П.—Соколовъ, И. И.—

Соколовъ, К. Я.—Соколовъ, П. П.—Соколовъ, П. П.—Солмогубъ, графъ В. А.—
 Солницевъ, Ф. Г.—Соловьевъ, М. В.—Спасовичъ, В. Д.—Спасская, А. Д.—
 Сперанскій, А. И.—Срезневскій, П. И.—Стариковъ, М. В.—Старицкій, Е. П.—
 Старковъ, Е. М.—Старчевскій, А. В.—Стасова, Н. В.—Стасовъ, В. В.—
 Стасюлевичъ, М. М.—Степановъ, В. П.—Степановъ, П. И.—Столянский,
 Н. П.—Столятовъ, Н. Г.—Стоянинъ, В. Я.—Стояновскій, Н. И.—Страховъ,
 Н. Н.—Стромилъ, Н. С.—Струве, В. В.—Струве, О. В.—Струговщиковъ,
 А. Н.—Струковъ, Д. М.—Студенкинъ, Г. И.—Суздальцевъ, И. И.—Сухомлиновъ,
 М. И.—Сушинскій, П. П.—Свяжковъ, Л. А.—Свяченъ, И. М.—Таганцевъ, Н. С.—
 Тарасовъ, И. Т.—Татаринъ, П. Е.—Татищевъ, графъ Н. И.—Таубе, баронъ
 Ф. Ф.—Тачаловъ, А. В.—Тенишевъ, князь В. Н.—Тимофеевъ, А. А.—Тимо-
 щукъ, В. В.—Тихомировъ, Н. И.—Тихонравовъ, Н. С.—Толстай, графиня
 А. И.—Толстой, графъ И. И.—Толстой, графъ Д. А.—Толстой, графъ Л. Н.—
 Толстой, Ю. В.—Толстой, Ф. М.—Трачевскій, А. С.—Трескина, Е. П.—
 Триоговъ, В. Г.—Трофимовъ, В. Д.—Трубецкая, княгиня Е. Э.—Труворовъ
 А. Н.—Трусовъ, А. Н.—Трутовскій, К.—Тульничеевъ, Е. И.—Тумановъ, А. Д.—
 Турбинъ, С. И.—Тургеневъ, Н. С.—Туркестановъ, князь Н. Н.—Тышечкій.—
 Тютчевъ, И. А.—Урусовъ, князь П. А.—Успенскій, П. И.—Утинъ, Е. И.—
 Ушинскій, К. Д.—Фигнеръ, Н. Н.—Филиповъ, М. А.—Философова, А. П.—
 Философовъ, В. Д.—Философовъ, Н. Н.—Фоненбергъ, Ф.—Фонъ-деръ-Бри-
 кенъ, баронъ Л. Ф.—Фонъ-деръ-Ховенъ, Р. И.—Фредериксъ, П. А.—Фрей,
 В. (см. Гейнсъ, В. К.).—Фрейгангъ, А. В.—Фридебургъ, Г. К.—Фуксъ, Э. Я.—
 Харламовъ, Ф. С.—Хвостова, А. А.—Хвостовъ.—Хмыровъ, М. Д.—Хоружен-
 ковъ, И. Г.—Хрущовъ, И. П.—Царевскій, А. А.—Цвель, Е. И.—Цебрикова, М.
 К.—Цертелевъ, князь Д. Н.—Цимсень, А. В.—Цяргъ, А. П.—Цукки, В.—Чагинъ,
 Н. И.—Чандевъ, И. А.—Чапскій, графъ Э. К.—Челеховскій, Н. И.—Черепановъ,
 С. И.—Черкасовъ, П. А.—Чернавскій, П. А.—Черняевъ, М. Г.—Черняевъ, С. И.—
 Черухинъ, Н. И.—Чеховъ, В. Н.—Чичаговъ, Л. М.—Чичеринъ, А. К.—Чисто-
 вичъ, Я. А.—Чумиковъ, А. А.—Шакъева, Е. М.—Шакъевъ, Е. А.—Шалфеевъ,
 И.—Шарлеманъ, А. I.—Шарловскій, О. Ф.—Шатилъ, I. Н.—Шауманъ, Г. Н.—
 Шаховъ, В. В.—Шейнъ, П. В.—Шестакова, Л. И.—Шестаковъ, П. Д.—
 Шильдеръ, Н. К.—Шиповъ, Н. Н.—Шипкинъ, I. И.—Шипкинъ, Т. И.—
 Шмидтъ, О. И.—Шрейберъ, Н. Н.—Штендманъ, Г. Ф.—Шторхъ, Н. А.—
 Шtrandтманъ, Н. К.—Штукенбергъ, А. И.—Шубинскій, С. Н.—Шульцъ,
 В. К.—Шульцъ, П. А.—Шумахеръ, А. Д.—Шумахеръ, П. В.—Шумигорскій,
 Е. С.—Щепкинъ, Н. П.—Щербакъ, А. В.—Щербина, Н. Ф.—Щербининъ,
 М. П.—Щиглевъ, В. Р.—Щужинъ, Н. С.—Щуруповъ, М. А.—Эбеншютцъ, И.—
 Эвальдъ, А. В.—Эвальдъ, В. Ф.—Эвальдъ, Э. Ф.—Эвальдъ, Ф. Ф.—Эзовъ,
 Г. А.—Энгельманъ, И. Е.—Юзефовичъ, В. М.—Юргенсонъ, А. Я.—Языковъ,
 А. И.—Ямковъ, М. А.—Якоби, Н. В.—Якобій, В. И.—Якобій, В. Н.—Яко-
 бій, П. И.—Яковлевъ, Л. Я.—Яновскій, К. П.—Янсонъ, Ю. Э.—Ярослав-
 цевъ, А. К.—Яхонтовъ, А. Н.—Федоровъ, Б. М.—Федоровъ, П. Ф.

1867 ^{марта} 25. 1888.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ
СОДЕРЖАНІЯ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1870—1884 гг.

Записки и воспоминанія.—Исслѣдованія и очерки.—Акты и матеріалы.—Церковь.—Словесность.—Искусства и художества.

Съ приложеніемъ портретовъ русскихъ дѣятелей.

Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой.

Эта книга составлена Вѣрой Васильевной Тимошукъ и издана ред. «Русской Старины» въ 1885-мъ году, Спб., 8 д., стр. X + 282.

Осталось этой книги къ 25 марту 1888 г. всего—399 экз., а такъ какъ—въ виду значительности издержекъ на ея изданіе—новое тисненіе ея не предвидится и будутъ выходить каждые три года лишь прибавленія къ Росписи, то мы и позволяемъ себѣ напомнить всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ или дѣликомъ все изданіе «Русской Старины» съ 1870 года или большую часть годовъ этого изданія—своевременно озаботиться приобрѣтеніемъ помянутой «Росписи», безъ которой весьма затруднительны справки въ этомъ громаднѣйшемъ собраніи матеріаловъ къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ,—2610 + 697 исслѣдованій, записокъ, мемуаровъ, воспоминаній и прочихъ статей, словомъ всего того, что составляетъ содержаніе «Русской Старины» за девятнадцать лѣтъ ея изданія (1870—1888).

☞ Все изданіе „Росписи содержанія „Русской Старины“ изд. 1870—1884 гг., Спб., 8 д., принадлежитъ магазину г. Цинзерлинга (Спб., Невскій проспектъ, д. № 46).

Первое прибавленіе
къ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравированныхъ на мѣди и на деревѣ, выбранные изъ тѣхъ портретовъ, которые были приложены въ разныхъ годахъ «Русской Старины» и исполнены лучшими художниками.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» **ОДИНЪ** рубль съ пересылкою.

Эта Роспись (т.-е. прибавленіе 1885—1887 гг.) напечатана въ 500 экз.

М. Криштофович

приложение к «РУССКОЙ СТАРИНЕ».

ея насмѣшки надъ нимъ, считаль своимъ долгомъ воспользоваться войною Россіи съ Турціей.

Но скажемъ сперва нѣсколько словъ о войнѣ съ Турціей. Чтобы отвѣтить на дерзкій этотъ вызовъ, императрица Екатерина II съ свойственною ей энергіей назначила фельдмаршаловъ Румянцева и Потемкина командующими двумя арміями, предназначенными для одновременныхъ дѣйствій на сѣверной границѣ Турціи; но повелѣвъ въ то-же время напасть на турокъ съ суши на сѣверѣ, она желала нанести имъ съ моря на югѣ такіе же удары, какъ въ 1770 году, когда она въ Чесмѣ раззорила ихъ флотъ. Поэтому турки не могли бы рѣшиться одни предпринять войну, которая столько разъ оказывалась для нихъ губельною, и дѣйствительно, императрица дозналась, что Турцію подстрекали Англія и Швеція. Англія собиралась помогать Швеціи, чтобы дать возможность послѣдней отвлечь русскихъ и этимъ способомъ помѣшать имъ перенести свои силы въ Средиземное море. Дабы быть готовой ко всякимъ событіямъ, императрица Екатерина II приказала вооружить въ Балтійскихъ портахъ всѣ могущіе держаться въ морѣ корабли, фрегаты и суда—количество, достаточное для достиженія двойной цѣли: нападенія на Турцію съ моря и противодѣйствія шведскому королю, который, побуждаемый тщеславіемъ, рыцарскими идеями и легкомысліемъ, думаль, что нашель случай къ приобрѣтенію нѣкоторой славы для своего царствованія, и питаль сумасшедшую надежду отобрать провинціи, завоеванныя Россією у его предковъ. Эти проекты должны были привести въ исполненіе вскорѣ послѣ вызова, который Турція такъ неожиданно послала Россіи. Вооруженія, производимыя Швеціей въ ея портахъ, служили достаточнымъ предостереженіемъ, чтобы императрица Екатерина II была насторожѣ. Не довольствуясь союзомъ съ императоромъ Іосифомъ и королемъ польскимъ, она снеслась съ датскимъ дворомъ, который обѣщаль въ случаѣ объявленія Швеціей войны дѣйствовать съ Россіей за одно. Впослѣдствіи Данія начала даже враждебныя дѣйствія; державы, не исполнявшія собственныхъ обязательствъ, принудили и ее порвать свои ¹⁾.

¹⁾ Въ то время императрица писала Потемкину („Русская Старина“ 1876 г., т. XVI, стр. 454) 24 марта 1788 года:

„Слухъ носится въ Швеціи, будто бы король шведскій въ намѣреніи

Съ самаго начала своего царствованія Екатерина II почувствовала тѣ затрудненія, которыя она должна была встрѣтить, желая создать флотъ и поддерживать его, при неимѣннн торговаго флота, для его снабженія, и при столь неблагоприятномъ климатѣ, а также вслѣдствіе присущаго русскимъ нерасположенія къ этого рода дѣятельности. Чтобы нѣсколько уменьшить эти затрудненія, она прибѣгла къ крайнимъ средствамъ. Тотчасъ по восшествіи на престолъ императрица вызвала въ Россію англійскихъ строителей, которые ввели нѣкоторыя улучшенія, благодаря своимъ дарованіямъ и надлежащему присмотру надъ посредственнымъ исполненіемъ работъ. Одновременно она послала нѣсколько молодыхъ людей въ Англію; одни предназначались для занятій на корабельныхъ верфяхъ, другіе — для службы въ англійскомъ флотѣ; такимъ образомъ, она надѣялась приобрести искусныхъ строителей и знающихъ офицеровъ ¹⁾. Она поручила также своему посланнику въ Лондонѣ предложить англійскимъ офицерамъ поступить на русскую службу. Однимъ изъ первыхъ явился адмиралъ Нольсъ, пользовавшійся въ своемъ отечествѣ репутаціей опытнаго моряка, но въ Россіи, куда онъ прибылъ гораздо ранѣе шведской войны, познанія его могли быть примѣнены лишь въ администраціи. Онъ ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ портовыхъ работахъ, на верфяхъ и въ арсеналахъ, выстроилъ нѣсколько гребныхъ фрегатовъ, которые, впрочемъ, не оправдали ожиданій. Англійскіе моряки, хотя и прекрасные практики, не обладаютъ вообще теоретическими познаніями и, лишь благодаря опыту, вырабатываютъ основныя правила для формъ (судовъ) и оснащиванія, которыя выгоднѣе дать судамъ, смотря по ихъ назначенію. Адмиралу Нольсъ не удалось его постройки и онъ сдѣлалъ ихъ непропорціональными, которыми управлять было

нмѣть насъ задирать; графъ Розумовскій (посолъ), о семъ слухъ говоря съ старымъ графомъ Ферзенемъ, сей ему сказалъ, что безъ сумасшествія сему вѣрить нельзя, но отъ помѣшаннаго всего можно ожидать". Л. Ч.

¹⁾ Объ этихъ молодыхъ людяхъ писалъ графъ С. Р. Воронцовъ своему брату (Арх. кн. Вор., кн. 9, стр. 116):

„Я долженъ сказать, что тѣ 8 или 9 молодыхъ челоѣка, которыхъ я засталъ здѣсь, посланныхъ для изученія теоріи и практики кораблестроенія, всѣ болѣе или менѣе удались, въ особенности двое, Сарычевъ и Степановъ, которыхъ признали здѣсь весьма способными". Л. Ч.

неудобно, что, какъ извѣстно, случалось въ послѣдствіи неоднократно въ Англіи, когда постройки тамъ производились по планамъ ея моряковъ и механиковъ. Не найдя въ Россіи случая примѣнить къ дѣлу свои способности и дѣятельный умъ, онъ возвратился на родину служить на томъ широкѣмъ поприщѣ, которое открыто англійскимъ морякамъ.

Впрочемъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ успѣлъ завербовать нѣсколько субалтернъ-офицеровъ англійскаго флота. Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ, посланныхъ для пріобрѣтенія познаній въ Англію, вернулись и дѣйствовали во флотѣ. Въ большомъ числѣ являлись тоже англичане, не пользовавшіеся никакою извѣстностью; многіе изъ нихъ принадлежали къ торговому флоту и не всегда выборъ ихъ былъ удаченъ ¹⁾. Между избранными и рекомендованными посланникомъ были: Грейгъ ²⁾, Ельфинстонъ, Травененъ, Татъ, Краунъ и др. Достойными офицерами снабдили насъ также флоты датскій и французскій; многіе французскіе эмигранты были приняты на службу и призваны къ дѣлу.

Адмиралъ Грейгъ (Самуилъ Карловичъ), явившійся въ Россію однимъ изъ первыхъ, стоялъ во главѣ иностранныхъ офицеровъ, о которыхъ мы говорили; онъ отличился уже въ Чесменскомъ сраженіи противъ турокъ. Совершенно справедливо была императрица высокаго мнѣнія о его способностяхъ и вполне вѣрила въ его преданность къ ней. По возвращеніи своемъ изъ Архипелага, онъ и на административномъ поприщѣ счумѣлъ быть полезнымъ. Назначенный командиромъ Кронштадтскаго порта, Грейгъ произвелъ полезнѣйшія работы и въ особенности Россія обязана ему неопѣнимымъ усовершенствованіемъ морскихъ

---

¹⁾ Незадолго до объявленія Турціей войны императрица писала графу С. Р. Воронцову (Архивъ князя Воронцова, кн. 28, стр. 74): „По умноженіи флота русскаго на Балтійскомъ, Вѣдомъ и Черномъ моряхъ, искусные иностранные морскіе офицеры не могутъ быть излишни. Я для того дозволяю вамъ желающимъ изъ англійской морской службы такимъ, кои по ихъ искусству извѣстны и одобрены будутъ отъ адмирала, въ депешѣ вашей къ графу Безбородко упоминаемыхъ, дать обнадеженіе, что мичманами приняты будутъ лейтенантами, а лейтенанты ихъ капитанъ-лейтенантами; искуснѣйшіе же и старѣйшіе — и капитанами втораго ранга во флотъ нашъ... Число таковыхъ офицеровъ до будущаго моего повелѣнія ограничиваю отъ 20—30“.

²⁾ Грейгъ, Самуилъ Карловичъ, р. 1736, † 1788 г.

Л. Ч.

случаѣ морскія силы, оставшіяся у нея въ Балтійскомъ морѣ, окажутся совершенно достаточными, чтобы противустать всякому нападенію со стороны этого монарха. Вслѣдствіе такого убѣжденія императрица настояла на отплытіи одной части флота въ Архипелагъ, придерживаясь сдѣланнаго ею раньше раздѣленія ¹⁾.

Полуумный Густавъ III вообразилъ себѣ, что наступилъ моментъ заявить Россіи свое неудовольствіе, между тѣмъ какъ болѣе сообразительный король понялъ бы, конечно, что теперь надо дать эскадрѣ свободно пройти, а затѣмъ напасть на Петербургъ, оставшійся почти беззащитнымъ. Но у него въ головѣ скрывалась другая цѣль: успѣть исполнить требованіе Англій и не дать возможности русской эскадрѣ провинуть въ Архипелагъ. Густавъ III, благодаря своей мечтательности, вполнѣ поддался хитрой англійской политикѣ. Со времени воцаренія Екаторины II и первой турецкой войны европейскія державы стали со страхомъ посматривать на дѣятельную жизнь Россіи. Раздѣлъ Польши, а затѣмъ вооруженный нейтралитетъ заставилъ Англію и Францію прибѣгнуть къ политикѣ, противодѣйствующей столь быстрому увеличенію предѣловъ Россіи. Постоянныя войны съ Турціей могли, разумѣется, расшатать ея финансы, и враждебныя державы, чтобы достигнуть этого, всѣми силами старались возбудить противъ императрицы Порту, увѣряя послѣднюю въ возможности обратно отнять Крымъ; послѣдствіемъ этого было объявленіе султаномъ въ 1787 г. войны Россіи. Но такъ какъ подобная комбинація не представляла въ то время особенныхъ опасностей для Россіи, то заклятые враги ея, страшившіеся созданнаго императрицею на Черномъ морѣ флота и обыкновенія ея посылать изъ Петербурга эскадру въ Средиземное море, не могли бы успокоиться, если бы не усложнили вос-

---

¹⁾ Недовольный подобнымъ неосторожнымъ дѣйствіемъ, графъ С. Р. Воронцовъ писалъ брату (Архивъ князя Воронцова, кн. 9, стр. 125): „Я только что узналъ, что Швеція вооружила 12 кораблей и 5 фрегатовъ. Сообщите мнѣ, пожалуйста, правда ли это, и какія мѣры принимаютъ у насъ противъ этого. У насъ остаются еще корабли въ Кронштадтѣ, но гнилые и безъ матросовъ. Не лучше ли было бы, если бы эскадра адмирала Грейга осталась для противодѣйствія шведскому королю; вмѣсто того, чтобы подвергать свои берега раззоренію и посылать столь далеко и съ такими подержками—дѣлать то-же самое съ турецкими берегами“.

точного вопроса. Они, было, попытались поднять Польшу, но здѣсь потерпѣли полную неудачу; Екатерина сумѣла во-время предупредить эти происки враговъ и такимъ образомъ отклонить столкновение съ Польшей, хотя сознавала, что впоследствии поляки ей измѣнятъ. Измѣна спустя нѣкоторое время не могла быть опасной и служила бы лишь доказательствомъ, что всѣ старанія враговъ нанести вредъ способствуютъ только успѣху Россіи, ростъ которой увеличивался все болѣе и болѣе. Заботы Густава III объ умноженіи своихъ военныхъ силъ, внутреннія реформы, клонившіяся къ обузданію власти сената, извѣстны были всей Европѣ. Моментъ объявленія Турціей войны былъ для него какъ бы сигналомъ. Онъ самъ напросился на поддержку со стороны Англіи и Франціи, и державы эти съ восторгомъ приняли его въ свои объятія. Для нихъ Густавъ III былъ случайнымъ союзникомъ и весьма удобнымъ орудіемъ. Онъ до такой степени самъ рвался въ драку, что не требовалъ другихъ средствъ къ поддержкѣ, кромѣ безконечныхъ обѣщаній на словахъ и выдачи извѣстной суммы. Что касается словъ, то недостатка въ нихъ не могло быть: говорила Пруссія, кричала Франція, шипѣла Англія и просила Турція. Итакъ, король Густавъ III, узнавъ о снаряженіи эскадры адмирала Грейга, рѣшилъ, что это удобный предлогъ обвинить императрицу въ намѣреніи напасть на Швецію, и выслалъ эскадру для наблюденія за нашими дѣйствіями подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата, герцога Зюдерманландскаго ¹⁾).

---

¹⁾ Немаловажны указанія графа С. Р. Воронцова въ письмѣ къ брату отъ 1-го августа 1788 г. (Архивъ князя Воронцова, кн. 9, стр. 129): „Швеція, которую мы, начиная съ 1721 года, оставляли въ покоѣ, которой мы въ 1743 году такъ великодушно отдали завоеванную нами Финляндію и которая послѣ всего этого столь несправедливо объявила намъ войну, должна быть непременно наказана за свое возмутительное нападеніе и поставлена въ невозможность когда либо нарушать нашъ покой. Недостаточное значеніе придають тому, что границы ея находятся, такъ сказать, у самыхъ воротъ Петербурга. Мы не вѣрится, чтобы турецкій дворъ желалъ помочь Швеціи, такъ какъ это значило бы играть въ руку Франціи, которая заинтересована въ поддержкѣ и даже увеличеніи могущества Швеціи. Это она возбудила шведское правительство; на французскіе деньги Швеція построила 12 линейныхъ кораблей, при томъ же интересы Франціи совпадаютъ съ тѣми, чтобы Швеція не пришла въ упадокъ... Откуда взяли, что формируютъ вторую эскадру подъ начальствомъ адмирала Чичагова, который будетъ, такимъ образомъ,

Но вернемся къ собственнымъ дѣламъ. Императрица, какъ мы уже знаемъ, не вѣрила въ возможность войны со Швеціей, гдѣ народъ былъ противъ этого, а король, по конституціи 1772 г., не имѣлъ права объявить войну безъ согласія сената, и рѣшила отправить Грейга ¹⁾ въ Архипелагъ, а адмирала Чичагова оставить въ Балтійскомъ морѣ.

30-го мая 1788 года императрица подписала слѣдующій рескриптъ на имя моего отца.

„Въ одно время, когда рѣшился мы, для диверсій непріятелю нашему, послать часть флота нашего въ Средиземное море, назначили мы, особливо для охраненія Балтійскаго моря и для приученія рекрутъ, въ матросы вступившихъ, десять кораблей и четыре фрегата, сверхъ того, для крейсированія въ близости береговъ нашихъ до пятнадцати легкихъ судовъ. Въ число сего части полагаются и тѣ пять кораблей съ двумя фрегатами, кои отъ города Архангельска въ теченіи нынѣшняго лѣта прійти должны.“

„Между тѣмъ дошедшія къ намъ извѣстія о вооруженіяхъ королемъ шведскимъ въ портахъ его, Карискронѣ и Свеаборгѣ производимыхъ, и въ первомъ до двѣнадцати, а по другимъ увѣдомленіямъ и до шестнадцати линейныхъ кораблей простиравшихся, побудили насъ принять осторожность противу всякихъ вредныхъ умысловъ; вслѣдствіи чего указали мы умножить прежнія вооруженія еще двумя фрегатами, да изготовить двѣнадцать галеръ, а къ сему и еще два корабля въ портъ Кронштадтскій прибавлены быти должны, какъ скоро вооруженія поспѣть могутъ.“

„Къ предводительству сей части флота нашего избрали мы васъ, по извѣстному намъ вашему усердіи къ службѣ и долговременному ко благоугодности нашей оной исправленію; и для того за благо признали дать вамъ слѣдующія предписанія: 1) изъ числа назначенной въ команду вашу части флота нашего, пять кораблей и два фрегата, въ портъ Кронштадтскомъ вооружаемые, вывести сколько можно скорѣе на рейдъ и снабдить всѣмъ потребнымъ. Съ оными имѣете вы тотчасъ отправить къ сторонѣ Ревала, учредя

независимъ отъ адмирала Грейга? До тѣхъ поръ, пока шведы не раздѣлятъ свой флотъ, мы должны держаться въ сборѣ, чтобы быть въ состояніи ихъ уничтожить“.

Л. Ч.

¹⁾ Въ это время императрица писала Гриму (Сб. И. О., XXIII, стр. 449): „Мой многоуважаемый братецъ и сосѣдъ, тупая голова, вооружается противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ прокизель въ сенатѣ рѣчь, въ которой говорилъ, что я его вызываю на войну, что всѣ донесенія его посланника о томъ свидѣтельствуютъ. Но выходя, сенаторы всѣ говорили, что его величество насильно извлекъ этотъ смыслъ изъ реляціи своего посла, который говорилъ совершенно противное тому.. Если онъ нападетъ на меня, надѣюсь, что буду защищаться, а защищаясь, я все таки буду говорить, что его надо бы засадить въ домъ сумасшедшихъ. Если же нападеніе не послѣдуетъ, я скажу, что онъ еще болѣе спятилъ съума, всачески стараюсь оскорблять меня“.

Л. Ч.

до будущаго повелѣнія нашего крейсированіе сей эскадры между нашими и шведскими берегами въ нашихъ водахъ, такъ чтобы можно было имѣть ближайшее примѣчаніе за всѣми движеніями шведскаго флота и намѣреніями высадить войска на нашихъ берегахъ; а для удобнѣйшаго сего исполненія взять какъ теперъ же два или три легкія суда, изъ назначенныхъ подъ начальство ваше, кои могли бы вы вездѣ употреблять въ посылки, гдѣ скорѣе развѣданіе или сообщеніе нужно. 2) Не подавъ ни малѣйшей причины коронѣ шведской къ разрыву съ нами, не могли бы мы ожидать, чтобы флотъ ея обратился на какія либо непріязненныя дѣйствія, почему и повелѣваемъ вамъ, по встрѣчѣ съ онымъ или частію его, удержаться отъ повода къ каковымъ либо непріязненностямъ, напротивъ того, обойтись съ ними дружественно; но если бы паче чаянія усмотрѣли вы съ ихъ стороны враждебныя противу васъ покушенія, то мы увѣрены, что вы не оставите оборонять честь флота и оружія нашего, и потому воспріять такія мѣры, кои вы, по искусству въ дѣлѣ нашемъ, за выгоднѣйшія, съ силами вашими соразмѣрныя и сходныя съ достоинствомъ нашимъ, найдете. 3) Буде бы шведы покусились сдѣлать поискъ на Ревель или же учинить десантъ въ другомъ мѣстѣ на берегахъ нашихъ, вы должны стараться всемѣрно ихъ къ тому не допускать, и всякое подобное предпріятіе обращать во вредъ и пагубу шведамъ, предостерегая заваремьяно какъ скоро повѣдать можете военное и земское начальство, дабы и съ ихъ стороны надлежащія осторожности употреблены были. 4) Хотя бы и можно было полагать, что при встрѣчѣ взаимныхъ эскадръ или судовъ не окажется спора въ разсужденіи салютаціи, ибо были примѣры какъ встрѣчи подобной, такъ и дѣйствій соединенныхъ нашего флота съ шведскимъ, по которымъ вы и тутъ поступать имѣете, избѣгая всякаго повода къ ссорѣ изъ сего пункта, но если бы со стороны шведской на оную рѣшено съ какими либо непристойными поступками, въ такомъ случаѣ мы вамъ подтверждаемъ охранять честь флота нашего и отнюдь не допускать, чтобы оному малѣйшее оскорбленіе причинено было, упреждая, впрочемъ, со стороны вашей и подчиненныхъ вашихъ благоразумными распоряженіями подобныя непріятныя происшествія. 5) Сверхъ означенныхъ въ первомъ пунктѣ сего указа нашего легкихъ судовъ, еще не оставьте изъ опредѣленныхъ въ команду вашу таковыхъ же судовъ, употребить сколько потребно по финскому берегу нашему для развѣдочъ и развѣданій о всѣхъ движеніяхъ шведскихъ, тако-жь гдѣ прилично и нужно для осторожности учредить брантвахты и другія стражи, дабы отъ оплошности не могло произойти какое либо предосудительное слѣдствіе. 6) Въ случаѣ зятнаго превосходства силъ шведскихъ ограничивать всѣ наши старанія въ охраненіи, какъ выше сказано, побережныхъ мѣстъ, а при томъ посиловать донесеніемъ намъ, дабы мы могли васъ или подкрѣпить или иныя дать повелѣнія, пользѣ службы нашей сообразныя, да и вообще какъ возможно чаще доносить намъ о всемъ, что вами развѣдано или примѣчено будетъ. 7) Въ морѣ вы должны будете держаться, покуда время дозволитъ, между тѣмъ два корабля, въ прибавку здѣсь вооружаемые, а потомъ и эскадра, отъ города Архангельска ожидаемая, съ вами соединятся и мы васъ дальнѣйшими наставленіями сообразно обстоятельствамъ снабдить не преминемъ. 8) На нужныя для васъ приготовленія всемилоостивѣйше жалуемъ вамъ три тысячи рублей, да повуда вы въ портъ Кронштадтскій возвратитесь—на столъ по пятисотъ рублей въ мѣсяцъ".

Эта инструкция была столь же требовательна, сколь силы недостаточны.

Какъ ни казалось императрицѣ невѣроятнымъ, что шведскій король собирается напасть на нее, но донесенія нашего посла въ Стокгольмѣ, Розумовскаго ¹⁾, и другія, приходившія ежедневно изъ разныхъ пунктовъ Балтійскаго побережья, свѣдѣнія тревожили ее. Графъ Безбородко ²⁾ въ концѣ мая настоялъ на томъ, чтобы были посланы въ море для развѣдки легкія суда, и рескриптомъ 27-го мая императрица предписала адмиралу Грейгу скорѣе отправить для наблюденія 3 судна. По ея назначенію, одно должно было идти въ Свеаборгу, другое—въ Карлскронъ, а третье—крейсировать въ Ботническомъ заливѣ ³⁾.

Разсказывали, что при чтеніи одного донесенія о вооруженіи шведскихъ войскъ императрица воскликнула:

— „Кажется, король хочетъ избавиться отъ Финляндіи!“ (se defaire de la Finlande) ⁴⁾.

Но одновременно съ секретнымъ указомъ адмиралу Грейгу было послано повелѣніе о скорѣйшей отправкѣ за Зундъ трехъ 100 пушечныхъ кораблей архипелагской эскадры (которые должны были идти впередъ), что доказываетъ насколько императрица настоятельно желала добиться вторичнаго появленія русскаго флота въ Средиземномъ морѣ ⁵⁾. 2-го іюня получилось

¹⁾ Разумовскій, графъ Андрей Кирилловичъ, былъ съ 1784—1786 годъ полномочнымъ министромъ въ Копенгагенѣ, съ 1788—1788 годъ—въ Стокгольмѣ; въ 1790 году опредѣленъ въ Вѣну въ помощь послу князю Д. М. Голицыну, а съ 1793 года былъ самъ посломъ; въ 1815 году за вѣнской конгрессъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣлости; умеръ въ Вѣнѣ въ 1836 году.

²⁾ Безбородко, Александръ Андреевичъ, (р. 8-го марта 1747 г., † 6-го апрѣля 1799 г.), сынъ Андрея Яковлевича, генеральнаго судьи малороссійскаго войска, и Евдокіи Михайловны Забѣло, впоследствии статсъ-дамы (ум. 1802 г.).

³⁾ См. Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 86.

⁴⁾ Храповицкаій говоритъ въ дневникѣ (28-го мая, стр. 86), что на слова Екатерины: „Я шведа не атакую, онъ же выйдетъ смѣшонъ“, Спренгпортень отвѣтилъ: „Полагаю, что онъ хочетъ избавиться отъ Финляндіи“.

Л. Ч.

⁵⁾ Три эти корабля носили слѣдующія названія: „Саратовъ“, „Трехъ-Герарховъ“ и „Чесма“; послѣдній именовался еще „Іоаннъ-Креститель“. На нихъ посажено было 500 человекъ сухопутнаго войска (Морск. Архивъ).

С. Р. Воронцовъ писалъ брату (Архивъ князя Воронцова, кн. 9, стр. 180):

донесеніе, что шведскій флотъ вышелъ изъ Карлскроны 25-го мая. Это испугало императрицу, и она приказала моему отцу спѣшить съ балтійскою эскадрою въ Ревель. Но такъ какъ всѣ усилія были направлены къ снаряженію судовъ, лишь предназначенныхъ къ отплытію въ Архипелагъ, то о балтійской эскадрѣ никто и не думалъ. Въ Кронштадтѣ началась невообразимая суматоха. 2-го же іюня графъ Безбородко писалъ по этому поводу адмиралу Чичагову:

„Здѣсь получено извѣстіе, что 26-го минувшаго мая виденъ былъ противъ Суронскаго маяка въ дальности у самыхъ шведскихъ береговъ флотъ въ двадцати осьми судахъ, и 21-го того же мѣсяца противъ Кокшхерскаго маяка показалось восемь судовъ военныхъ, производившихъ пальбу. Ея императорскому величеству угодно, чтобы ваше превосходительство поспѣшили, сколько возможно, приуготовленіемъ эскадры вашей и самымъ

„Востану сердце обливается кровью, когда я думаю объ упрямствѣ, съ которыми наставляютъ на отправку эскадры въ Архипелагъ, тогда какъ видимо новый врагъ на глазахъ всего свѣта подымается на насъ у самыхъ дверей Петербурга. Этотъ непріятель, соединяя наглость съ неосторожностью, не скрывалъ своихъ видовъ... Какъ только узнали, что Швеція получила отъ Порты отъ 3—4 милліоновъ піастровъ, надо было сейчасъ же стать на сторожъ; такъ какъ ей только не доставало денегъ; какъ она ихъ заполучила, то могла раньше и лучше насъ вооружиться, имѣя множество прекрасныхъ матросовъ“.

Гарновскій говоритъ въ своихъ запискахъ („Русская Старина“, 1876 г., т. XVI, стр. 15): „Нѣкоторые совѣтуютъ флотъ, назначенный въ Средиземное море, здѣсь оставить, но государыня и слышать о семъ не хочетъ. По мнѣнію ея величества, шведы войнѣ вести не будутъ и только для того къ оной приуготовляются, чтобы поквитаться съ турками въ пяти милліонахъ, первымъ отъ послѣднихъ присланныхъ“.

Императрица писала Потемкину („Русская Старина“, 1876 г., т. XVI, стр. 467): „Пока сила турецкая на васъ обращена, король шведскій, получа отъ турокъ деньги, вооружилъ военныхъ кораблей до 12-ти и перевозитъ войска въ Финляндію; всѣ сіи демонстраціи идутъ, я думаю, на тотъ конецъ, чтобы флотъ, снаряжаемый въ Средиземное море, тѣмъ остановить, но сей, не смотря на то, пойдетъ въ свой путь и буде ему сдѣлаютъ на дорогѣ препятствіе, то будетъ искать истребленія превратствія. У насъ же мысли раздѣлены: вице-канцлеръ говоритъ: „не выходя отсюда, бить шведскій флотъ, хотя и задереть“; другіе говорятъ: „какъ нашъ флотъ уйдетъ, тогда шведы задерутъ“. Если бы слѣдовать моему склонности, я бы флоту Грейга да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію... Смотри на сіе, руки чешутся“.

Л. Ч.

выступленіемъ въ море по высочайшему данному вамъ повелѣнію и чтобы съ вручителемъ сего увѣдомили, когда точно вы сіе исполнить надѣетесь“.

Вслѣдъ затѣмъ моимъ отцомъ былъ полученъ „ордеръ“ отъ генералъ-адмирала цесаревича Павла Петровича. Въ немъ говорилось:

„Въ разсужденіе того, что вы отправляетесь въ море по имянному ея императорскаго величества повелѣнію съ назначенною въ вашу команду частію флота, то потому вы можете безъ всякаго сумнѣнія поднять свой флагъ по числу вашему, не взирая на число военныхъ судовъ, нынѣ съ вами въ море идущихъ, поелику и отъ города Архангельска идущая эскадра числится подъ вашимъ же предводительствомъ. Царское-Село, 4-го іюня 1788 года“.

Вице-президентъ коллегіи графъ Чернышевъ потерялъ голову, главный командиръ Кронштадтскаго порта П. И. Пущинъ приходилъ въ совершенное отчаяніе и послѣ гигантскихъ усилій и трудовъ удалось снабдить эскадру адмирала необходимымъ имуществомъ и малымъ числомъ настоящихъ матросовъ. Между послѣдними были мастеровые, писаря, но больше всего рекрутовъ и арестантовъ, взятыхъ изъ петербургскихъ и кронштадтской тюремъ. Когда же балтійская эскадра будетъ въ состояніи выйти въ море, этого никто не зналъ и тѣмъ менѣе мой отецъ. Въ сущности, при такомъ составѣ она изъ Кронштадта и двинуться вовсе не могла. Весьма естественно, что три передовые фрегата архипелагской эскадры были ранѣе всего готовы и 5-го іюня они вышли въ море, подъ командою вице-адмирала фонъ-Дезина ¹⁾).

Изъ инструкціи, данной моему отцу, мы видимъ, насколько императрица была осторожна въ своихъ дѣйствіяхъ и старалась не дѣлать перваго шага въ окончательному разрыву со шведскимъ королемъ. Поступи она иначе и Густавъ III имѣлъ бы

---

¹⁾ Фонъ-Дезинъ, Виліимъ Петровичъ, вице-адмиралъ, вполнѣдствіи адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, скончался въ 1826 г. Произведенъ въ мичмана 24-го апрѣля 1758 года. Участвовалъ въ Морейской экспедиціи, а потомъ на кораблѣ „Трехъ-Іерарховъ“ въ Чесменскомъ сраженіи. Въ 1799 году былъ назначенъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота.
Л. Ч.

основаніе заявить сенату, что честь націи оскорблена, а, согласно конституціи, народъ не могъ бы идти противъ войны и воспрепятствовать свободнымъ дѣйствіямъ короля ¹⁾). Имѣя уже положительныя свѣдѣнія о вооруженіяхъ шведовъ, императрица заявила чрезъ посла Разумовскаго, что протестъ ея будетъ лишь въ томъ случаѣ сдѣланъ, если флотъ выступитъ изъ портовъ въ морѣ. Но король болѣе не скрывалъ своихъ намѣреній и открыто заявилъ, что онъ имѣетъ въ виду парализовать дѣйствія русскаго флота ²⁾). Тогда же Разумовскій подалъ управлявшему политикою стокгольмскаго двора графу Оксенштиерну ³⁾ записку, въ которой говорилось, что императрица крайне удивлена тѣмъ, что король, вслѣдствіе непонятной какой-то причины, ищетъ ссоры, тогда какъ она въ теченіи 20 лѣтъ доказываетъ ему свою пріязнь. Объяснивъ, что флотъ вооружается для отправленія въ Архипелагъ, и задавъ вопросъ, почему король никогда прежде не принималъ за угрозу ежегодныя вооруженія балтійской эскадры для маневровъ, посолъ оканчиваетъ завѣреніемъ, что всѣ приписываемыя императрицѣ намѣренія лишены всякаго вѣроятія. Въ отвѣтъ Густавъ III приказалъ графу Розумовскому выѣхать въ теченіи семи дней изъ предѣловъ Швеціи ⁴⁾).

¹⁾ См. Дневникъ Храповицкаго, стр. 88, 4-го іюня: „По разборѣ внутренней почты сказано, что къ шведскому министру Нолькену пріѣзжалъ курьеръ отъ короля; онъ сидѣлъ три часа запершись и обратно курьера отправилъ. Сіе вышло послѣ донесенія Рылѣва, которому велѣно пріимать за шведами. Стоуез vous que se fou m'attaquera? (Думаете-ли вы, что этотъ сумасшедшій на меня нападетъ?) Отвѣчалъ: qu'il ne faut pas être l'agresseur pour n'être pas abandonné de ses alliés (не надо быть начинающимъ, чтобы не оставили союзники). Мы, конечно, не начнемъ. По почтѣ выходитъ продолженіе непріязни къ намъ отъ Англіи и замѣчается ея согласіе съ Пруссіей“.

²⁾ Храповицкій говоритъ (стр. 90), что 12-го іюня императрица замѣтила: „1) король всѣмъ сообщилъ о своемъ вооруженіи, кромѣ насъ, 2) когда и въ лагерь выходилъ (прежде), то посылалъ сказать“. 15-го іюня (стр. 91): „по депешамъ изъ Париза и изъ Стокгольма открываются виды короля шведскаго, чтобы имѣть съ нами войну. Примѣтна досада. Приказано подать вѣдомость о числѣ войскъ, внутри имперіи находящихся“. 18-го іюня (стр. 92): „Во всю ночь не выходило изъ головы (императрицы), что шведскій король можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ“.

³⁾ Оксенштиерна, Аксель, шведскій министръ, былъ государственнымъ канцлеромъ и при Густавѣ-Адольфѣ. Л. Ч.

⁴⁾ Не зная какъ придаться къ этой запискѣ, шведскій король заявилъ,

Эскадра фонъ-Дезина состояла изъ трехъ палубныхъ судовъ и такъ какъ они слишкомъ глубоко сидѣли въ водѣ, а вслѣдствіе этого не могли пройти Зунда, то пришлось, снявъ часть артиллеріи и провизіи, рѣшиться пустить ихъ впередъ. Артиллерія и провіантъ должны были слѣдовать за ними. Не успѣла эскадра эта удалиться отъ русскихъ портовъ, какъ встрѣтилась со шведскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ двадцати кораблей и другихъ судовъ, подъ командою герцога Зюдерманландскаго, брата короля. Герцогъ приказалъ, вопреки всѣмъ трактатамъ, передать русскому начальнику, что онъ требуетъ салюта. Надо замѣтить, что, по прежнимъ условіямъ, салюты между русскими и шведскими судами были уничтожены. Главная причина этого заключалась въ томъ, что въ русскомъ флотѣ салютъ производится всегда нечетнымъ числомъ выстрѣловъ, тогда какъ въ шведскомъ употребляютъ четные, почему никогда нельзя было отдать другъ другу равный салютъ и на той или другой сторонѣ оставалось всегда однимъ выстрѣломъ больше или меньше. Чтобы предупредить всякія недоразумѣнія и покончить съ щекотливымъ вопросомъ, условились по Абовскому трактату уничтожить салютъ между двумя націями. Справедливость нашихъ словъ подтвердится прилагаемой инструкціей, данной адмиралу Чичагову 13-го іюня.

Императрица писала: „При наступленіи времени къ отправленію, назначеннаго отъ насъ, въ Средиземное море флота, подъ предводительствомъ нашего адмирала Грейга, признали мы за нужное доставить для свѣдѣнія вашего выписанный изъ наставленія, отъ насъ сему адмиралу даннаго, пунктъ, касающійся до Швеціи, съ тѣмъ, дабы вы предписанное въ ономъ и къ вамъ относящееся въ точности исполняли: въ чемъ мы на усердіе ваше полагаемся“.

что она полна оскорбленій, онъ видитъ въ ней угрозу и желаніе ниспровергнуть въ Швеціи существующій образъ правленія; будто бы въ запискѣ упоминается отдѣльно о королѣ и отдѣльно о шведской націи, тогда какъ они составляютъ нераздѣльное цѣлое, и что онъ крайне удивленъ, что графъ Разумовскій умышленно старается отдѣлить короля отъ націи. Л. Ч.

Выписка изъ рескрипта адмиралу Грейгу, даннаго въ 1788-мъ году.

„Первая держава, берега которой въ близости отъ васъ будутъ, есть — Швеція, съ которою мы имѣемъ Абовскій мирный договоръ. Казалось-бы, что благоразуміе, собственный интересъ, да и цѣлость сей державы убѣждаютъ ее сохранять съ нами покой и доброе согласіе; но трудно или, лучше сказать, невозможно въ томъ навѣрное полагаться, когда извѣстны легкомисліе и безпокойства, сродныя королю, нынѣ царствующему. Онъ началъ недавно необыкновенныя вооруженія, кои въ портѣ его Карлскронѣ до двѣнадцати; а по увѣдомленіямъ другимъ и до шестнадцати линейныхъ кораблей простираются, снарядилъ галеры и нѣны суда и перевозитъ войска въ Финляндію; флотъ его уже по сіе время, конечно, въ морѣ. Въ сенатѣ шведскомъ предъ-являлъ онъ, что къ мѣрамъ столь сильнымъ прибѣгаетъ онъ изъ опасенія будто бы вредныхъ противу него нашихъ замысловъ, употреби къ уловленію шведовъ всякія съ истинною несходные способы, хотя о нашемъ намѣреніи послать флотъ въ Средиземное море былъ онъ извѣщенъ заранѣе и хотя никакихъ точныхъ объясненій между нашими и его министрами отнюдь не было. Не подавъ ни малѣйшей причины сему государю къ началію непріятельныхъ противу насъ дѣйствій, не можемъ мы приписать всѣхъ помянутыхъ вооруженій чему либо иному, какъ только, что непріятелями или завистниками нашими подвигнутъ онъ и вѣроятно посредствомъ денежныхъ пособій, безъ коиъ онъ не былъ-бы въ состояніи столько усилить свои вооруженія, нанести всякое препятствіе отправленію флота нашего въ Средиземное море: а потому усугубивъ осторожность нашу противу нечаянныхъ его покушеній, даемъ вамъ знать о всемъ семъ завременно, дабы вы въ пути вашемъ по морю Балтійскому, будучи въ готовности къ отпору, хотя и не подавали повода шведамъ къ ссорѣ и началію драки, но въ случаѣ покушенія со стороны ихъ воспрепятствовать походу вашему или же оскорбить честь флота нашего, относительно салютаціи, въ которой держаться примѣровъ какъ всегда поступаемо было при встрѣчѣ съ ними и при соединеніи взаимныхъ нашихъ флотовъ, дагѣ того отнюдь не требуя, повелѣваемъ вамъ силу силою отражать и всемѣрно стараться прежде выхода вашего изъ Балтійскаго моря разбить и истребить флотъ ихъ, преслѣдуя до Карлскроны: а по удобности произвести поискъ и на сей портъ, дабы въ немъ строенія, работы и мореходство шведское съ запасами раззорить и тѣмъ сего безпокойнаго сосѣда привести надолго въ несостояніе предпріять что-либо важное; въ чемъ мы на ваше усердіе, мужество и искусство надежду возлагаемъ. Въ семъ случаѣ вы предувѣдомите адмирала Чичагова съ эскадрою, Ревель и другія наши побережныя мѣста охраняющаго, какое по мнѣнію вашему для него способнѣе будетъ взять положеніе, дабы при наблюденіи перваго пункта его обязанности ограждать безопасность береговъ нашихъ, могъ онъ споспѣшествовать вашимъ дѣйствіямъ и, смотря по удобности, сдѣлать поискъ на суда шведскія, по финскому берегу плавающія или при ономъ стоящія, и потомъ проводить флотъ, вами предводимый, о чемъ и данъ ему будетъ нашъ указъ. Отворя себѣ путь такимъ образомъ, съ Божьей помощью отправиться къ Зунду и дагѣе, донося намъ о всемъ, что произойдетъ и вами исполнено будетъ“.

Между тѣмъ вице-адмиралъ фонъ-Дезинъ, тѣснымъ со стороны герцога Зюдерманландскаго рѣшительнымъ требованіемъ отдать салютъ, видѣлъ въ этомъ исключительно только предлогъ къ ссорѣ. Три русскіе корабли, хотя и трехпалубные, но только частью вооруженные, были, откровенно говоря, вѣроятно, плохо приспособлены и не въ состояніи выдержать боя; они могли себя скомпрометировать. Смущенный всѣмъ этимъ, фонъ-Дезинъ не нашелъ лучшаго выхода, какъ отвѣтить герцогу Зюдерманландскому, что, уважая его высокое положеніе какъ принца крови, брата короля и родственника императрицы, онъ поспѣшить воздать ему должное почтеніе. Салютъ былъ данъ и возвращенъ, по желанію герцога, который, не найдя въ данную минуту другаго коварнаго предлога и думая пріобрѣсть выгоду въ уменьшеніи русскаго флота, вслѣдствіе разъединенія съ этими тремя кораблями, не захотѣлъ напасть безъ благовиднаго повода и пропустилъ эскадру безъ притѣсненій. Вскорѣ она достигла своей цѣли—Копенгагенской гавани, гдѣ уже находилась подъ покровительствомъ своего союзника, тогда какъ шведскій флотъ продолжалъ крейсировать въ Балтійскомъ морѣ.

Перечитывая впослѣдствіи письма Густава III-го къ Армфельду ¹⁾, я нашелъ въ нихъ главную причину, повліявшую на свободный пропускъ эскадры.

„Датчане, говоритъ онъ, останутся покойными, если будутъ имѣть возможность сказать, что русскіе начали атаку“.

Не позволяя имъ дѣйствовать по правиламъ договора, онъ, вѣроятно, въ этомъ смыслѣ составлялъ инструкціи, посылаемыя своему брату, и это-то и спасло эскадру вице-адмирала фонъ-Дезина.

20-го іюня императрица получила донесеніе отъ фонъ-Дезина, относительно встрѣчи его съ герцогомъ Зюдерманландскимъ, а на слѣдующій день и депеши изъ Стокгольма отъ графа Разу-

---

¹⁾ Армфельдъ, баронъ, Густавъ-Маврикій (родился 1757, † 1814), другъ Густава III. Въ 1790 г. заключилъ миръ съ Россіей въ Верелѣ и получалъ Андреевскую ленту. Во время регентства Карла Зюдерманландскаго бѣжалъ въ Италію и, съ воцареніемъ его, переселился въ Россію, гдѣ въ 1811 году принялъ русское подданство. Определѣлся на службу генераломъ-отъ-инфантеріи, былъ въ 1812 году возведенъ въ графское достоинство Александромъ I-мъ.

мовскаго, уѣхавшаго уже въ Финляндію; она тотчасъ же приказала объявить шведскому посланнику барону Нолькену, что пребываніе его здѣсь излишне и для выѣзда его изъ предѣловъ Россіи тоже назначила семидневный срокъ ¹⁾.

Въ день полтавской битвы, 27-го іюня, императрица подписала указы о началіи враждебныхъ дѣйствій противъ шведовъ.

Пока шли эти приготовленія со стороны моря, пришло извѣстіе, что шведская армія собралась на сѣверной границѣ русской Финляндіи и приняла угрожающее положеніе. Въ то-же время король послалъ императрицѣ ноту, въ которой излагалъ всѣ мнимыя обиды, принудившія его къ этому неожиданному вооруженію, и оканчивалъ заявленіемъ, что онъ согласится разружиться лишь въ томъ случаѣ, если ему возвратятъ провинціи, завоеванныя нѣкогда русскими у шведовъ; въ случаѣ отказа онъ грозилъ идти на ея столицу, причемъ требовалъ категорическаго отвѣта: да или нѣтъ. Кромѣ того, король желалъ, чтобы наказали примѣрнымъ образомъ Розумовскаго за поданную имъ записку, чтобы его, короля шведскаго, избрали посредникомъ при заключеніи мира между Россіей и Портой, причемъ бы Крымъ былъ возвращенъ туркамъ, и, наконецъ, чтобы Россія немедленно разоружила свой флотъ, дозволивъ Швеціи остаться въ полномъ вооруженіи до заключенія мира съ Турціей.

Не смотря на всѣ предостереженія, императрица не была еще готова къ отраженію этого несвоевременнаго нападенія. Но тѣмъ не менѣе она велѣла отвѣтить Нолькену на надменную до невѣроятности и требующую категорическаго отвѣта ноту: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ“. Густавъ III одно время вообразилъ себѣ, что, подготовивъ неожиданное нападеніе, онъ однимъ ударомъ овладѣетъ Петербургомъ ²⁾. Дѣйствительно, между приближенными импе-

¹⁾ 21-го іюня императрица писала Гриму (Сб. И. О., стр. 451, 452):

„Его (короля) несправедливость ко мнѣ нѣчто неслыханное; я передъ нимъ ни въ чемъ не провинилась, я осыпала его любезностями; я кормила его финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ голодъ... Его величество доказываетъ, что, незаконно присвоивъ себѣ неограниченную власть, онъ пользуется ею на горе своимъ поданнымъ для того, чтобы навязать имъ ссору съ сосѣдями. Всякій король, всякій государь—первое лицо среди своего народа; но одинъ государь не составляетъ еще всего народа. Развѣ упомянуть о шведскомъ народѣ значить обидѣть короля?“

Л. Ч.

²⁾ По словамъ Храповицкаго (стр. 98, 28-го іюня): графъ Сталельбергъ

ратрицы нашлись такія лица, которыя, испугавшись положенія дѣлъ, совѣтовали ей оставить столицу. Она отвергла это предложеніе, выказала большую твердость и осталась на своемъ посту ¹⁾. Однако, въ этотъ моментъ нельзя было не почувствовать всего неудобства имѣть столицу на одной изъ окраинъ имперіи, чѣмъ мы обязаны Петру I-му. Послѣ категорическаго отвѣта, даннаго шведскому королю, императрица приказала спѣшить сборомъ находящихся подъ рукою войскъ, не исключая и своей гвардіи, и двинула ихъ для отраженія непріятельскаго нашествія. Этихъ малыхъ силъ хватило, чтобы остановить и вытѣснить смѣлаго зачинщика, а вскорѣ была сформирована армія, подъ начальствомъ графа Мусинъ-Пушкина ²⁾, болѣе нежели достаточная, чтобы успокоиться съ этой стороны.

Наслѣдникъ престола великій князь Павелъ (Петровичъ), впоследствии императоръ, проводившій до сихъ поръ все свое время въ парадахъ и маневрахъ нѣсколькихъ баталіоновъ собственнаго, оригинальнаго созданія, думалъ, что представляется хорошиій случай выказать свои военныя способности и просилъ дозволенія императрицы отправиться въ армію. Императрица согласилась ³⁾. Но, прибывъ туда, великій князь надѣлалъ столько безразсудныхъ выходокъ, что главнокомандующій былъ вынужденъ просить его отозванія. Между прочимъ рассказывали, что во время стычекъ

доставилъ копію съ письма короля шведскаго, въ коемъ, открывая свои намеренія на Россію, старается представить насъ, яко подавшихъ къ тому причину, и что онъ долженъ защищать государство свое и славу націй, думая съ храбростью, союзниками и хорошимъ количествомъ денегъ многое пополнить. Противъ сихъ словъ отиѣчено (императрицею): „Можно биться объ закладъ, что онъ ничего того не имѣетъ“.

Л. Ч.

¹⁾ Храповицкій пишетъ (стр. 97, 26 іюня): „Поѣдутъ въ городъ для ободренія жителей и, при надобности, выйдутъ съ гвардіей въ лагерь при Основой роцѣ“. Гарновскій говоритъ („Русская Старина“, 1876 г., томъ XVI, стр. 20): „Государыня... извольтъ расположиться лагеремъ въ Основой роцѣ съ резервнымъ корпусомъ“. И далѣе (стр. 22): „Нѣкоторые твердятъ государыни, что столица ея въ опасности“. Однажды въ слезахъ сказано было (Екатериною): „Если разобьютъ стояція въ Финляндіи войска, то, составивъ резервнаго корпуса варе, сама пойду!“

²⁾ Мусинъ-Пушкинъ, графъ, Валентинъ Платоновичъ (р. 1735 † 1804), генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ, правилъ должность вице-президента военной коллегіи. Искусный царедворецъ и кертъшительнаго права.

³⁾ См. переписку императрицы („Русская Старина“, 1874 г., т. IX). Храповицкій говоритъ въ дневникѣ (стр. 99, 30 іюня): „Обѣдали, прощались съ цесаревичемъ, плакали“.

Л. Ч.

и сраженій онъ прыгалъ, намѣреваясь поймать пули, летавшія надъ его головой.

Забываясь объ обезпеченіи своихъ сѣверныхъ границъ съ суши, императрица сознавала опасность, угрожавшую ей съ моря. Времени терять было нельзя. Непріятельскій флотъ покрывалъ Балтійское море и готовился войти въ заливъ. Поневолѣ пришлось отвязаться отъ послыши эскадры въ Архипелагъ, такъ какъ было бы неосторожно уменьшать флотъ, тѣмъ болѣе, что шведы оказались сильнѣе, чѣмъ доносилось сперва. Непріятельскій флотъ состоялъ изъ 30 кораблей, не считая другихъ судовъ, и, находясь въ морѣ, направлялся къ Финскому заливу. Моментъ былъ критическій и слѣдовало во что-бы то ни стало остановить непріятеля. Довѣріе, которое имѣла императрица въ Грейгу, побудило ее ввѣрить ему весь флотъ, назначивъ адмирала Чичагова командиромъ Кронштадта.

Мой отецъ, будучи на счету однимъ изъ лучшихъ офицеровъ русскаго флота, отличаемый императрицею во всѣхъ случаяхъ, какъ это мы видѣли раньше, былъ глубоко оскорбленъ предпочтеніемъ, оказаннымъ иностранцу, молже его чиномъ, и въ такую минуту, когда столица имперіи находилась, такъ сказать, въ опасности. Онъ тѣмъ сильнѣй почувствовалъ эту несправедливость, что императрица достигла уже того, что возбудила и развила въ сильнѣйшей степени, особенно между военными, чувства чести и щекотливости, дѣлающія службу столь лестною и уважаемою, хотя весьма важныя причины должны были бы уничтожить эту чрезвычайную чувствительность его самолюбія.

Онъ лучше другихъ зналъ положеніе, въ которомъ находился тогда русскій флотъ. Болѣе 15-ти лѣтъ не было войны. Не смотря на всѣ усилія, направленные императрицею въ теченіи всего этого времени на приобрѣтеніе иностранныхъ офицеровъ въ русскую службу, на посылку въ Англію молодыхъ людей для изученія морской науки, на упражненія эскадры въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ, — всѣ эти средства не были достаточны ни для того, чтобы внести во флотъ общія улучшенія и необходимую для войны опытность, ни чтобы поставить его на одинъ уровень съ флотами другихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что матерьяльная часть его далеко еще не достигла того состоянія, въ которомъ находился не только англійскій, но и сосѣдній

шведскій. Невѣдѣніе войны со стороны капитановъ и офицеровъ доходило до такой степени, что когда пришлось приготовить въ первый разъ корабли къ бою, то многіе офицеры и даже капитаны не имѣли объ этомъ никакого понятія.

Прежнее распредѣленіе судовъ по эскадрамъ заключалось въ слѣдующемъ: 15 кораблей, 6 фрегатовъ и 2 бомбардирскихъ судна предназначались для дѣйствій въ Архипелагѣ, подъ начальствомъ адмирала Грейга. Съ виду они, пожалуй, были снабжены всѣмъ необходимымъ, даже слишкомъ нагружены военными припасами и казались вполне годными. Эскадра моего отца должна была состоять изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ (74-хъ пушечные); кромѣ того, столько же судовъ ожидалось изъ Архангельска, гдѣ они были построены и вооружены. Сверхъ того, въ Балтійскихъ портахъ стояло такое же количество кораблей и фрегатовъ, но всѣ они, вслѣдствіе своей ветхости, никуда не годились. При вооруженіи флота, оказался страшный недостатокъ въ матросахъ. Ихъ требовалось на всѣ суда болѣе 20-ти тысячъ, а имѣлось въ то время менѣе 10-ти, изъ которыхъ большая часть состояла изъ рекрутъ, писарей, добровольцевъ и всякаго сброда. Относительно остальнаго снаряженія можно сказать, что всего имѣлось въ большомъ количествѣ, но предметы, собранные или заготовленные наскоро, отличались недоброкачествомъ. Суда вооружались, а также и строились весьма поспѣшно, неумѣло и безъ толку, всегда почти изъ сыраго лѣса, часто сколачивались гвоздями; новыхъ же, приспособленныхъ заблаговременно, было ничтожное число. Орудія въ большинствѣ остались старыя; ихъ имѣлось слишкомъ много на судахъ и, какъ отлитыя изъ свернаго металла, они то и дѣло разрывались и лопались. Калибры ихъ были весьма разнообразны, такъ что на каждомъ суднѣ находилось отъ 6 до 10 родовъ пушекъ, отличавшихся другъ отъ друга и формами, и величиною. Это очень затрудняло солдатъ разобратся съ ихъ ядрами и картечью, которая часто перемѣшивалась, и потому стрѣльба была неправильна, медленна, а пушки быстро портились ¹⁾.

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ брату (Арх. вв. Вор. вв., 9, стр. 131). „Вы мнѣ все говорите о превосходствѣ нашего флота, что доказываетъ насколько плохо у васъ свѣдуци о вооруженіяхъ шведовъ; мы же здѣсь знаемъ, что эскадра герцога Зюдерманландскаго, которая состояла изъ 12 линейныхъ

Все вышесказанное доказываетъ, что выборъ начальника былъ очень важенъ. Если-бы онъ не имѣлъ обширныхъ познаній, не зналъ хорошенько нашихъ порядковъ и своеобразныхъ пріемовъ во всемъ, что касалось военнаго хозяйства, и не имѣлъ бы истинныхъ свѣдѣній о состояніи флота, не привыкъ къ характеру русскихъ моряковъ и къ обращенію съ ними, не обладалъ опытностью въ плаваніи по Балтійскому морю и въ шхерахъ, а, наоборотъ, отличался бы легкомысліемъ, безразсудною смѣлостью и отвагою, въ пылу увлеченія забывалъ бы, что управление такимъ несовершеннымъ флотомъ требуетъ большой осторожности и сдержанности, то честь русскаго оружія могла быть быстро доведена до полнѣйшаго униженія. Кромѣ того, русскій народъ отличается одною особенностью, дѣлающею ему большую честь: онъ въ состояніи показать всему свѣту чудеса храбрости, выносливости и геройства, но все это возможно лишь тогда, когда начальникъ пользуется полнымъ его довѣріемъ. Русская исторія доказывала это постоянно и въ особенности подтвердила въ царствованіе Екатерины II. Народъ проклиналъ шведскаго короля, хищнически напавшаго на его родину, занятую войною съ Турціей; онъ готовъ былъ жертвовать и собою, и своимъ достояніемъ, чтобы только постоять за честь свою, но совершенно естественно требовалъ, чтобы во главѣ стоялъ свой человѣкъ, а не иностранецъ, говорящій на непонятномъ для него языкѣ и не соблюдающій обрядовъ православной вѣры.

Балтійскій флотъ совершенно не зналъ адмирала Грейга, который никогда не командовалъ здѣсь эскадрой и приводилъ лишь въ порядокъ хозяйственную часть и Кронштадтскій портъ.

Кромѣ того, масса иностранцевъ, наводнившихъ нашу флотъ, вооружила русскихъ офицеровъ противъ себя. Въ критическій моментъ наемный человѣкъ не можетъ вселять довѣрія народу, столь сильному духомъ и разумомъ, какъ русскій. Во времена затишья русскіе принимаютъ иностранцевъ радушно, даже любятъ ихъ, потому что гостепримны по характеру и охотно проводятъ время въ обществѣ остроумныхъ и образованныхъ европейцевъ;

кораблей, 6 фрегатовъ и 4 кутеровъ, была увеличена другой эскадрой контръ-адмирала Иегебранда изъ 4 линейныхъ кораблей и 4 фрегатовъ“.

Д. Ч.

но въ серьезныя минуты, когда имъ не до шутокъ и веселья, они слишкомъ сознаютъ свое превосходство въ отношеніи нравственной силы, чтобы подчиниться волѣ и уму какого нибудь проходимца или космополита. Само собою разумѣется, что все сказанное нами имѣетъ смыслъ общій и не касается личностей, а въ особенности адмирала Грейга, съ которымъ мой отецъ былъ такъ друженъ. Адмиралъ Чичаговъ изъ принципа не хотѣлъ никому уступить своего мѣста и старшинства, но вовсе не шелъ противъ адмирала Грейга, искренно имъ любимаго, и самъ съ удовольствіемъ отдалъ ему первенство. Отецъ мой боролся не противъ личности, а противъ партіи.

Критическій моментъ насталъ для Россіи, при неожиданномъ вторженіи въ ея предѣлы шведскаго флота и войска. Никто не былъ старше, опытнѣе, заслуженнѣе моего отца. Семья русскихъ моряковъ любила его, уважала и цѣнила. Ему были извѣстны характеръ и достоинства каждаго офицера, которые сжились съ нимъ, такъ какъ не было года, чтобы адмиралъ Чичаговъ не командовалъ практической эскадрой на Балтійскомъ морѣ. Чтобы управлять флотомъ, при плаваніи въ столь узкомъ, трудно поддающемся изученію, морѣ, переполненномъ подводными камнями, островами и шхерами, нужна была большая опытность. Этимъ качествомъ обладалъ въ то время лишь одинъ флагманъ-адмиралъ Чичаговъ. Уже и безъ того наши моряки считали себя оскорбленными принятіемъ на русскую службу большаго числа иностранныхъ офицеровъ, которымъ давали первыя должности и лучшія содержанія. Мысль, что иностранецъ можетъ быть назначенъ главнокомандующимъ и станетъ отличать своихъ соотечественниковъ, а они должны дѣйствовать, при непониманіи его языка, командъ и пріемовъ, приводила ихъ въ отчаяніе. Отецъ мой, какъ истинно русскій человѣкъ, не могъ отнестись хладнокровно къ рѣшенію императрицы обойти его; въ немъ было то-же чувство, которое одушевляло окружавшихъ его, а именно: желаніе стать на защиту родины, жертвовать собою, чтобы явиться достойнымъ ея сыномъ и вѣрнымъ подданнымъ императрицы. Адмиралъ опасался, что иностранцы, мечтая объ отличіяхъ и вообразивъ себя на совершеннѣйшемъ флотѣ, своими смѣлыми дѣйствіями погубятъ послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ опозорятъ достоинство Россіи. Ихъ цѣлью было добыть вѣсты и

деньги, задача-же русскихъ состояла въ томъ, чтобы и съ малыми силами спасти свое отечество, а если-бы оказалось возможнымъ, то, дѣйствуя благоразумно и осторожно, заставить шведовъ самихъ погибнуть отъ заносчивыхъ и смѣлыхъ дѣйствій ихъ короля и предводителей.

Представителемъ русской партіи былъ мой отецъ, но въ то-же время существовала другая партія, гораздо болѣе сильная—иностранная, во главѣ которой находились люди весьма уважаемые, но увлекшіеся черезчуръ своими симпатіями къ англичанамъ: графы Воронцовы ¹⁾, графъ Безбородко и многіе другіе. Адмиралъ Чичаговъ, будучи бѣднымъ офицеромъ, долженъ былъ самъ себѣ пробивать дорогу и, какъ человѣкъ, выдающійся по нравственнымъ качествамъ, выбралъ болѣе трудное средство: онъ никого за себя не просилъ и никому не кланялся; свято исполняя свой долгъ по службѣ, онъ не заботился о связяхъ и протекціяхъ. Держа себя съ достоинствомъ, онъ жилъ въ тѣсномъ кругу друзей и подчиненныхъ и, имѣя большую семью, существуя лишь своимъ жалованьемъ, не могъ дѣлать пріемовъ и самъ нигде не ѣздилъ. При дворѣ онъ появлялся только тогда, когда получалъ особое приглашеніе, дабы не возбуждать ни въ комъ зависти и не быть предметомъ интригъ. Онъ вовсе не интересовался мелочами придворной жизни и, не смотря на свое высокое положеніе, умѣлъ себя поставить внѣ этой опасной сферы. Замѣчательный этотъ тактъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины; но нѣкоторые изъ придворныхъ объясняли отсутствіе адмирала на свой ладъ. Непреклонный его характеръ они сочли за необразованность, а презрительное отношеніе его ко всему придворному—за грубость. Такимъ образомъ, императрица могла подчасъ усомниться въ его способностяхъ, но всякій разъ, какъ ей случалось призывать его въ дѣлу, она оставалась чрезвычайно довольна и возвращала ему свое полное довѣріе. Представители иностранной партіи совсѣмъ почти не знали моего отца; одинъ только графъ Безбородко, соприкасаясь съ нимъ въ дѣлахъ, могъ замѣтить его достоинства, и мы не ошибемся, если скажемъ, что

---

¹⁾ Два брата, Александръ Романовичъ (р. 1741 г., † 1805 г.), государственный канцлеръ въ царствованіе Александра I, и Семенъ Романовичъ (род. 1744 г., † 1832 г.), посолъ при великобританскомъ дворѣ. Л. Ч.

онъ всегда выказывалъ ему полнѣйшую дружбу и глубочайшее уваженіе. Это подтвердится въ приведенныхъ ниже письмахъ. Но графъ Безбородко, очень тонкій дипломатъ, человѣкъ не особенно твердаго характера, часто поддавался наговорамъ другихъ, которые его сбивали; въ особенности это удавалось нашему послу въ Лондонѣ, графу С. Р. Воронцову. Послѣдній безусловно любилъ свою родину, способствовалъ видамъ императрицы, вербуя въ русскую службу иногда хорошихъ англійскихъ моряковъ, но, досадуя на малую образованность своихъ соотечественниковъ, доводилъ это чувство иногда до презрѣнія. Всѣхъ безъ исключенія русскихъ моряковъ онъ считалъ невѣждами. Говорили даже, будто онъ предлагалъ одно время графу Безбородко весь флотъ составить только изъ иностранныхъ офицеровъ и тѣхъ русскихъ, которые посылались для обученія въ Англію. Переманивая англичанъ въ нашу службу, графъ становился защитникомъ, покровителемъ и ходатаемъ за нихъ предъ императрицею. Бѣда, если кто нибудь не ладилъ съ его англичанами, графъ Воронцовъ обижался и принималъ это за личное оскорбленіе. Стоило имъ отличиться, хотя бы и наравнѣ съ русскими—и графъ требовалъ для нихъ значительныхъ наградъ, повышенія въ чинахъ, грозилъ, что иначе они уйдутъ, покинуть русскій флотъ. Много исполнялось, и графъ Безбородко изъ кожи лѣзъ, чтобы удовлетворить желаніямъ Воронцова. Такъ Травенена, лейтенанта англійской службы, хотя и прекраснаго моряка, повышали столь быстро въ чинахъ и наградахъ, какъ это дѣлалось только въ царствованіе Павла I, и если бы онъ не былъ вскорѣ убитъ, то графъ, пожалуй, достигъ бы своей цѣли и возвелъ Травенена вмѣсто моего отца въ званіе главнаго командира. Впослѣдствіи я много говорилъ объ этомъ съ графомъ Воронцовымъ; онъ мнѣ показывалъ свою переписку съ графомъ Безбородко, и когда мнѣ удалось выказать весь вредъ, причиненный такими его дѣйствіями, онъ самъ созналъ свою горчичность.

Когда приходилось дѣйствовать моему отцу, то его честность и самолюбіе истинно русскаго человѣка запрещали ему молчать. Онъ противился незаслуженному награжденію иностранцевъ и, не стѣсняясь, удалялъ непригодныхъ; послѣдніе жаловались графу Воронцову, и такимъ образомъ, ежедневно возрастало число вра-

говъ, громко осуждавшихъ моего отца. Въ видѣ главнаго обвиненія, они говорили, что адмиралъ „выкуриваетъ иностранцевъ“ Боясь неблагопріятнаго исхода кампаніи, столь чувствительной для самой столицы, весь дворъ горѣлъ нетерпѣніемъ окончить войну, а потому, не имѣя ни малѣйшаго понятія о морскомъ дѣлѣ, считалъ дѣйствія адмирала Чичагова медленными и неудачными. Отцу моему еще тѣмъ труднѣе было бороться, что онъ, такъ сказать, находился между двухъ огней, но тѣмъ больше еще увеличилась его слава со дня великихъ побѣдъ подъ Ревелемъ и Выборгомъ ¹⁾.

Мы знаемъ уже, что императрица довѣрала и адмиралу Грейгу, и моему отцу, но въ данномъ случаѣ рѣшилась избрать главнокомандующимъ—перваго. Надо замѣтить, что въ то время адмирала Грейга вообще недостаточно знали и цѣнили въ Россіи. Можетъ быть императрица лучше другихъ поняла этого необыкновеннаго человѣка, что было такъ свойственно ея генію. Вся слава Чесменскаго боя приписывалась кн. Алексѣю Орлову, котораго Екатерина щедро наградила, но вмѣстѣ съ тѣмъ только она и могла знать подноготную и кому именно Россія обязана была уничтоженіемъ турецкаго флота. Безусловно честь Чесменской побѣды принадлежала адмиралу С. К. Грейгу. На основаніи этого, не трудно понять, что послѣ столь великой удачи, рассчитывая на способности Грейга, императрица надѣялась, что онъ доставитъ ей возможность вторично восторжествовать надъ врагомъ, который на этотъ разъ нанесъ ей личное оскорбленіе. Она жаждала мести и съ нетерпѣніемъ, которое походило на малодушіе, ей неизвѣстно было все несовершенство ея флота ²⁾, а потому она требовала скорого исполненія такихъ плановъ, которые соответствовали мечтамъ, но не дѣйствительности. Когда же адмиралъ

¹⁾ Переписка графа Воронцова съ графомъ Безбородко, напечатанная въ 9 и 16 томахъ „Архива князя Воронцова“, вполне подтверждаетъ слова П. В. Чичагова.

²⁾ Это вполне подтверждается словами Екатерины въ дневникѣ Храповицкаго (23-го іюня, стр. 95): „Привыкла къ дѣламъ, имѣла дѣла большія, умѣю крѣпиться, но нельзя до сентября быть спокойною. По любви къ отечеству и по природной чувствительности, нельзя теперь не беспокоиться. Надобно употребить въ пользу превосходство нашего флота противъ непріятельскаго и, разбивъ его на морѣ, идти къ Стокгольму“. Гарниовскій говорить въ запискахъ („Русская Старина“, 1876 г., т. XVI, стр. 20): „Флотъ нашъ въ такомъ состояніи, какого лучше желать нельзя“. Д. Ч.

Грейгъ самостоятельно выказалъ въ 1788 году свои способности, свидѣтелями которыхъ были его подчиненные, и опасенія моего отца, какъ мы увидимъ ниже, оправдались лишь отчасти, то первый, кто отдалъ ему полную справедливость, былъ адмиралъ Чичаговъ.

Дѣйствительно, адмиралъ Грейгъ составлялъ исключеніе среди лицъ, поступившихъ на русскую службу. Это былъ прежде всего человекъ чести, любившій Россію, какъ свое отечество. Онъ выучился говорить и писать по русски; примѣнилъ на практикѣ свои обширныя познанія и внесъ громадную долю пользы какъ въ технику морскаго искусства, такъ и въ артиллерійское дѣло. Но, не смотря на всѣ его выдающіяся качества и познанія, онъ не могъ поладить съ русскими моряками и оправдалъ выше приведенное наше убѣжденіе, что не слѣдуетъ имѣть главнокомандующимъ иностранца. Объ этомъ скажемъ своевременно и перейдемъ теперь къ описанію его дѣйствій на морѣ.

Получивъ предписаніе идти со всевозможною поспѣшностью на встрѣчу непріятелю, онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы обучить экипажи и офицеровъ и довести ихъ до состоянія, способнаго къ борьбѣ. Полагаю, что безъ учрежденія артиллеристовъ и канонировъ, приспособленныхъ исключительно къ морской службѣ, русскій флотъ не могъ бы сопротивляться съ такою силою, какъ это онъ дѣлалъ; но, благодаря такому установленію, каждая пушка имѣла своего канонира, который вскорѣ выучивалъ прислуживать матросовъ, и такимъ образомъ можно было поддерживать непрерывный огонь. Надо замѣтить, что въ англійскомъ флотѣ, къ великому сожалѣнію всѣхъ его моряковъ, до сихъ поръ нѣтъ этого установленія.

Преимущество Швеціи надъ Россіей заключалось въ обладаніи матросами, образовавшимися въ торговомъ флотѣ и въ плаваніяхъ обитателей колоній, а также большаго числа ученыхъ офицеровъ и искуснѣйшаго строителя въ Европѣ, знаменитаго Чапмана. Но флотъ шведскій состоялъ большей частью изъ старыхъ судовъ древней конструкціи и безъ громадныхъ усилій не могъ быть улучшенъ настолько, чтобы приобрести способность держаться въ морѣ. Въ доказательство ветхости ихъ можно привести тотъ фактъ, что взятое при открытіи кампаніи въ плѣнь судно шведскаго вице-адмирала, считавшееся однимъ изъ луч-

шихъ, будучи послано на слѣдующій годъ въ Сѣверное море, погибло, благодаря сѣверному своему состоянію. Едва успѣли спасти экипажъ на другомъ суднѣ, которое, къ счастью, находилось по близости, и, замѣтивъ сигналы, быстро явилось на помощь. Кромѣ того, шведскій король не далъ себѣ времени укомплектовать экипажи столь большаго количества судовъ, вооруженныхъ наскоро: онъ приказалъ набирать насильно крестьянъ и всякаго рода людей, которыхъ непривычка къ морю подвергла разнымъ болѣзнямъ, а недостатковъ въ практикѣ ослаблялъ общее дѣйствіе флота.

Знаменитый строитель Чапманъ, независимо отъ сдѣланныхъ имъ весьма важныхъ преобразованій въ шведскомъ флотѣ, создалъ новый гребной флотъ, состоявшій изъ корветовъ, пловучихъ батарей, шебекъ, канонирскихъ шлюпокъ и яликовъ, словомъ разныхъ судовъ, прекрасно приспособленныхъ для береговой службы. Но правительство лишь слабо поддерживало его старанія; онъ не могъ снабдить парусный флотъ болѣе, нежели пятью или шестью кораблями и нѣсколькими фрегатами, построенными по его планамъ и на основаніи новѣйшихъ правилъ, и которые, по мнѣнію знатоковъ, были наиболѣе совершенными изъ всѣхъ, видѣнныхъ до того времени.

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кавказъ.

Мои дары.

Облака, твердыней снѣжной,
 Очертанья скрыли горъ
 Вширь и вдаль, и смотрять гнѣвно:
 Чей проникнетъ блудный взоръ

Бъ тѣмъ скаламъ, съ челомъ, покрытымъ
 Бѣлоснѣжною чадрой,
 На груди которыхъ имъ лишь
 Обретать дано покой? —

Изъ страны пришедшій дальной
 На поклонъ къ нимъ, пилгримъ,
 Я смотрю съ мольбой печальной
 И твержу тихонько имъ, —

Что мой взоръ, своимъ привѣтомъ,
 Ихъ святымъ не оскорбитъ,
 Потому что слезъ священныхъ
 Ясной влагой онъ омытъ:

Этихъ слезъ имѣлъ я много,
 Ихъ я въ жизни проливалъ,
 Положъ сладостной тревогой,
 Слыша сердцемъ близость Бога
 Въ шумѣ волнъ, въ молчаньи скалъ.

Это слезы, для которыхъ
 Существуетъ миръ! — Тѣхъ слезъ,
 Въ даръ вамъ, трепетныя капли
 Я въ глазахъ своихъ принесъ.

И мой даръ былъ принятъ: тучи
 Поползли по ребрамъ горъ,
 И всю цѣпь вершинъ далекихъ
 Мой счастливый обнялъ взоръ;

И потомъ другія тучи,
 Къ небесамъ направивъ путь,
 Предо мной вершинъ Казбека
 Обнажили тихо грудь.

Но едва успѣлъ послать я
 Имъ привѣтъ моей любви,
 И взглянуть успѣли горы
 Въ очи влажныя мои,

Какъ туманъ спустился съ неба,
 Поднялся изъ всѣхъ долинъ,
 И ревниво легъ на горы —
 Ихъ единый властелинъ.

1880 г.

Пл. Кусковъ.

Принцъ Вильгельмъ, впоследствии императоръ германскій, въ Россіи въ 1817 году ¹⁾,

Лѣтомъ 1817 года должно было совершиться бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ дочерью короля прусскаго Фридриха Вильгельма, принцессой Шарлотой.

Они познакомились другъ съ другомъ еще въ 1814 г., когда оба великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи направлялись черезъ Берлинъ въ Парижъ для присутствованія при взятіи этого города. Тогда-то великій князь узналъ и полюбилъ принцессу Шарлоту. Онъ признался въ этомъ королю и королевѣ, а молодая принцесса, съ своей стороны, высказала своему брату Вильгельму (покойному императору германскому), что чувствуетъ влеченіе къ великому князю. Тогда же было испрошено согласіе вдовствующей императрицы Маріи Федоровны.

Обрученіе было объявлено въ Берлинѣ, по заключеніи втораго парижскаго мира, въ присутствіи императора Александра и обоихъ великихъ князей, на одномъ обѣдѣ, данномъ 4-го ноября по случаю вступленія въ городъ гренадерскаго полка имени короля прусскаго. Августѣйшіе женихъ и невѣста были еще очень молоды — великому князю было лишь 19, а принцессѣ 16 лѣтъ.

Два года спустя, отъѣздъ принцессы Шарлоты въ Россію былъ назначенъ на 12-е іюня (31 мая) 1817 г. По желанію короля онъ долженъ былъ совершиться съ большою торжественностью, но и съ большою бережливостью, необходимою по условіямъ того времени. Принцъ Вильгельмъ долженъ былъ представить русскому импера-

---

¹⁾ Извлечено изъ сочиненія: „Aus dem Leben des Generals Oldwig v. Natzmer. Berlin, 1876.

торскому двору свою сестру, принцессу Шарлоту, невѣсту великаго князя Николая, и этимъ какъ бы исполнялось пророческое слово ея матери: «наши дѣти—наши сокровища. Дочь моя, Шарлота, замкнута въ себѣ, сосредоточена, но, какъ и у ея отца, подъ холодной, видимому, вѣщностью бьется горячее сочувствующее сердце; вотъ причина того, что въ ея наружности есть что-то величественное. Если Господь Богъ дастъ ей жизни, я предчувствую для нея блестящее будущее».

Въ составѣ свиты принцессы находился, между прочимъ, и русскій православный священникъ Муссовскій, наставлявшій ее въ правилахъ православной церкви.

Между лицами, сопровождавшими принца Вильгельма, находились генералъ Натцмеръ и оберъ-гофмейстеръ Шильденъ. О назначеніи Натцмера принцъ выразился въ письмѣ къ нему слѣдующимъ образомъ: «очень благодаренъ вамъ за ваше увѣдомленіе, что король избралъ васъ въ мои спутники въ Петербургъ; я тѣмъ болѣе не могъ желать себѣ лучшаго выбора, что мы уже находились съ вами въ очень близкихъ отношеніяхъ».

Вотъ инструкція, данная королемъ Натцмеру 29 (17) мая на французскомъ языкѣ:

«Наши политики совершенно сходятся въ томъ, что слѣдуетъ употребить всѣ возможныя для насъ средства, чтобы не допустить войны между Россіей и Портой и тѣмъ отклонить европейскую войну.

«Относительно революціоннаго движенія въ Пруссіи слѣдуетъ сказать, что нужно предоставить людямъ говорить все, что имъ вздумается, лишь бы они повиновались и платили. Серьезнаго ничего нѣтъ. Есть основаніе предполагать, что императоръ дѣлаетъ столько шуму изъ этого революціоннаго духа лишь для того, чтобы было чѣмъ оправдать громадный составъ своей арміи. Въ такомъ родѣ онъ высказался Пруссіи и Австріи.

«Относительно образованія ландвера—сказать правду. Убѣдить императора, что вся наша военная система основана на оборонительныхъ цѣляхъ. Для другихъ цѣлей наши силы недостаточны—у насъ подъ ружьемъ не болѣе 110,000 человекъ, но въ случаѣ нападенія мы можемъ располагать 400 тысячной арміей и даже больше.

«Артиллерія находится точно также въ соответствующемъ количествѣ. На каждый корпусъ приходится по бригадѣ въ составѣ 12-ти батарейныхъ ротъ; сверхъ того, и всѣ крѣпости должны быть снабжены этою артиллерією.

«Истинная цѣль императора заключается, очевидно, въ желаніи

быть посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль; а чтобъ имѣть возможность угрожать, — ему хочется сохранить свои многочисленныя арміи».

Принцъ, съ своей стороны, получилъ приказаніе принаравливаться ко всѣмъ русскимъ обычаямъ, т. е. ко всему, имѣющему соотношеніе съ этикетомъ.

Изъ Берлина въ Петербургъ.

12-го іюня (31 мая) принцесса Шарлота, въ сопровожденіи своего августѣйшаго родителя и многихъ членовъ своей семьи, выѣхала изъ Берлина. На другой день въ 9 часовъ утра она распростилась съ ними въ Фрейенвальдѣ.

Путешествіе ея до самой русской границы было непрерывнымъ рядомъ овацій и проявленія сочувствія къ ней народа. Домъ въ городахъ, черезъ которые ей приходилось проѣзжать, украшались цѣпями, всюду встрѣчали и провожали ее войска. Вотъ какъ говорить объ этомъ Натцмеръ въ письмѣ къ брату короля, принцу Вильгельму: «Принцесса Шарлота перенесла все лучше, чѣмъ я ожидалъ. Прощаніе въ Фрейенвальдѣ потрясло ее очень сильно; почти цѣлый день она провела въ слезахъ и взяла къ себѣ въ карету своего брата, чтобъ имѣть хоть какое-либо утѣшеніе; благодаря этому, къ вечеру въ Штадгартѣ была уже нѣсколько спокойнѣй. Теперь съ каждымъ днемъ идетъ лучше и, не смотря на усталость, далеко не незначительную, здоровье ея продолжаетъ оставаться хорошимъ. Вся страна принимала ее съ энтузіазмомъ и сердечною радостью, какую рѣдко приходилось видѣть. Путешествіе въ 250 миль, гдѣ только и видишь подобное проявленіе восторга, можетъ радовать, но въ концѣ концовъ способно убить человѣка. Я страшно боюсь этого путешествія въ Россію».

20-го (8-го) іюня принцъ Вильгельмъ съ своей сестрой уже въѣзжали въ Мемель. Для встрѣчи ихъ здѣсь были устроены триумфальныя ворота, суда разцвѣтились флагами, и появленіе высочайшихъ гостей было пріѣтствовано безконечнымъ ура.

Почти одновременно съ ними въ Мемель пріѣхалъ Вл. Ѳедор. Адлербергъ, адъютантъ великаго князя, съ извѣстіемъ о прибытіи Николая Павловича въ Полангенъ.

Вел. кн. Николай Павловичъ самъ находился въ Берлинѣ передъ выѣздомъ изъ него своей августѣйшей невѣсты, но выѣхалъ заранѣе на русскую границу, чтобы приготовить все необходимое для ея встрѣчи.

Отсюда было отправлено принцемъ Вильгельмомъ письмо къ импе-

ратору Александру съ просьбой о разрѣшеніи ему поѣздки въ Петербургъ.

На другой день по прибытіи въ Мемель, по совѣту Натцмера, принцъ Вильгельмъ рѣшилъ сдѣлать визитъ великому князю въ Полагенѣ; но по дорогѣ туда встрѣтился съ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ прибытіемъ въ Мемель инкогнито доставить приятный сюрпризъ принцу и принцессѣ. При встрѣчѣ они выскочили оба изъ каретъ, сердечно поцѣловались и въ каретѣ принца Вильгельма отирались вмѣстѣ въ Мемель.

Продолженіе пути отъ русской границы было тяжелымъ. Стояла страшная жара съ пылью, да кромѣ того, приходилось часто жаловаться на безсовѣстную неисправность людей. Великій князь на каждой станціи показывалъ принцессѣ войска: пѣхоту и кавалерію, которымъ онъ предварительно передъ этимъ производилъ ученье. По этому поводу Натцмеръ прибавляетъ, что «нельзя повѣрить чѣмъ этотъ человекъ способенъ заниматься по цѣлымъ днямъ».

Особенно блестящъ былъ вѣздъ въ Ригу, хотя проявленный при этомъ случаѣ восторгъ показался Натцмеру нѣсколько неестественнымъ.

О своихъ рижскихъ впечатлѣніяхъ онъ писалъ у себя въ дневникѣ подъ 25 (13) числомъ, слѣдующее: «Большой парадъ. Кавалерія ѣздитъ превосходно; ремонтъ съ Дона, много молодыхъ и людей, и лошадей; но отдѣльная выѣздка кавалеріи плоха.

«Осматривали громадный лазаретъ, очень чисто и хорошо содержимый. Въ церкви, по совѣту великаго князя, принцъ поцѣловалъ протянутый ему священникомъ крестъ. Шильденъ говоритъ, что король въ бытность свою въ Ригѣ сдѣлалъ то же самое.

«Шильденъ отъ имени принцессы поднесъ губернатору (Паулуччи) прекрасную табакерку, но тотъ отказался отъ нея въ крайне неприличныхъ выраженіяхъ. Послѣ уже онъ написалъ въ высшей степени покорное письмо, прося возвратить ему этотъ подарокъ обратно, такъ какъ великій князь разрѣшилъ его принять его.

«Съ каждымъ днемъ мое положеніе становится болѣе тягостнымъ. Великій князь не пригласилъ сегодня къ обѣду прусскихъ офицеровъ».

Еще въ Берлинѣ Натцмеръ получилъ слѣдующее предписаніе:

«Прилагается при семъ нѣсколько вопросовъ о русской арміи, разъяснить которые поточнѣе было-бъ крайне интересно. Кромѣ того, быть можетъ, вамъ удастся узнать кой-что о слѣдующемъ:

- 1) Поддерживается ли еще у Риги предмостное укрѣпленіе?
- 2) Будутъ ли вновь отстроены рижскіе форштаты, окружающіе крѣпость, и въ какомъ отдаленіи отъ укрѣпленій?

3) Дѣйствительно ли приступлено къ укрѣпленію города Пскова и что именно сдѣлано?

4) Въ какомъ состояніи находятся прежнія укрѣпленія Новгорода?

5) Въ какомъ состояніи Нарва и Ивангородъ?»

Натцмеръ отвѣчалъ на эти вопросы:

«Рижская крѣпость поддерживается крайне дурно. Предмостное укрѣпленіе новое и потому содержится лучше прочаго, но заложено оно неудовлетворительно.

На русской сторонѣ города предмѣстія вновь отстроены, но въ разстояніи 800 шаговъ отъ укрѣпленій; на другой же сторонѣ отстраивать ихъ запрещено.

У Сакгольма, недалеко отъ Риги, Двину можно переходить въ бродъ. Съ нѣмецкой стороны обстрѣливать городъ крайне не легко. Всѣ бруствера такъ низки, что на нихъ можно взобраться безъ помощи лѣстницъ.

Цитадель укрѣплена не лучше. Широкій водяной ровъ съ одной стороны и Двина съ другой — вотъ единственная вѣрная защита города.

Одинъ французскій инженеръ, недавно посланный государемъ въ Ригу для осмотра ея и изысканія способовъ усилить ея оборонительныя средства, по разсказамъ, отвѣтилъ ему: государь, природа создала тамъ все нужное, искусство же лишь испортило его».

На четвертый вопросъ о Новгородѣ Натцмеръ доносилъ въ Берлинъ, уже впоследствии, что тамъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій.

28-го (16-го) іюня принцъ и принцесса были въ Дерптѣ. Незадолго передъ этимъ тамъ произошли студенческіе безпорядки, и въ городѣ находился еще эскадронъ казаковъ, прибывшихъ, по выраженію Натцмера, «намылить головы виновнымъ».

На другой день праздновалось рожденіе принца Карла. Принцессѣ какъ-то нездоровилось, на глазахъ у нея часто навертывались слезы, и она выглядѣла грустиѣ обыкновеннаго.

Черезъ Нарву принцъ и принцесса прибыли 30-го (18-го) іюня въ Башково. Здѣсь уже находились безъ всякой свиты императоръ, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ. Александръ Павловичъ встрѣтилъ принцессу на улицѣ, а Марія Ѳеодоровна вышла до самой кареты. Принцесса бросилась въ объятія сначала къ ней, а потомъ къ императору. Пріемъ былъ очень трогательный.

Императоръ принялъ Натцмера съ большою сердечностью, нѣ-

сколько разъ объялъ его и сказалъ, что король не могъ бы прислать ему кого-либо болѣе пріятнаго. При этомъ вспомнилъ о его первой миссіи въ 1812 году и назвалъ своимъ товарищемъ по оружію. Императрицѣ онъ представилъ Натцмера, словами: «Voilà un officier très distingué, mon ancien compagnon d'armes».

«Всѣ говорятъ по французски, а потому я въ большомъ затрудненіи» — жаловался Натцмеръ.

На дальнѣйшемъ пути въ Петербургъ осматривали дворецъ въ Гатчинѣ, гдѣ воспитывались оба великіе князья Николай и Михаилъ. Онъ произвелъ крайне тяжелое впечатлѣніе на иностранцевъ.

Изъ Гатчины отправились въ Павловскъ, любимое мѣстопробываніе вдовствующей императрицы.

Она обращалась съ принцемъ Вильгельмомъ какъ съ сыномъ, и называла его на ты; по этому праву онъ бывалъ у нея по утрамъ.

Гриммъ рассказывалъ Натцмеру что, при первой встрѣчѣ, императоръ представилъ принца Вильгельма своей матери слѣдующими словами: «я представляю вамъ моего новаго брата», на что она сказала, объявши принца, «значить у меня будетъ однимъ сыномъ больше».

Императоръ прислалъ принцу Андреевскую ленту и запретилъ ему благодарить себя въ Царскомъ.

Въ Петербургѣ.

2-го іюля (20-го іюня) 1817 г. совершился въѣздъ августѣйшей невѣсты въ Петербургъ черезъ Московскую заставу. По правую руку императора ѣхалъ верхомъ великій князь Николай Павловичъ, а по лѣвую—принцъ Вильгельмъ. Принцесса Шарлота ѣхала въ парадной каретѣ съ обѣими императрицами.

Въ тотъ же день Шильденъ и Натцмеръ передали Александру Павловичу — первый письмо короля, а второй — рапортъ о состояніи полка его имени. Натцмеръ въ такомъ видѣ описываетъ это свиданіе: «Императоръ много говорилъ со мною о военныхъ, о нашемъ корпусѣ офицеровъ, стоящемъ выше русскаго. На мои слова: «Sire, nous amenons ce que nous avons de plus cher et de plus précieux», онъ отвѣтилъ, что знаетъ и чувствуетъ, какую жертву принесли ему король и народъ, но что черезъ это узы дружбы и единства между двумя націями сдѣлаются еще прочнѣе, если только онѣ могутъ быть еще болѣе прочными, чѣмъ были въ послѣднее время. Онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы принцесса была здѣсь счастлива».

Путешествіе отъ Кенигсберга до Петербурга Натцмеръ описываетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ изъ Петербурга къ брату короля принцу Вильгельму:

«Путешествіе принцессы Шарлоты изъ Берлина сюда совершилось безъ всякихъ неприятныхъ приключеній и такъ счастливо, какъ этого только можно было желать. Горестными днями для нея были послѣдній день въ Мемелѣ и слѣдующій, при переѣздѣ черезъ прусскую границу. Присутствіе великаго князя Николая, казалось, принесло ей облегченіе, и до самаго Петербурга она оставалась довольно веселой.

«Но здѣсь ей, повидимому, скоро пришлось убѣдиться, что Петербургъ не замѣнитъ ей въ началѣ того, что она покинула въ Берлинѣ. Говорятъ, что въ первые вечера ей было очень грустно. Императоръ, обѣ императрицы и, вообще, вся царская фамилія встрѣтили ее въ высшей степени сердечно и постоянно обходятся съ ней съ величайшею заботливостью и любовью. Нѣжность вдовствующей императрицы, пожалуй, ужъ слишкомъ велика; она говоритъ, что идеалъ всѣхъ ея желаній осуществился, потому что небо послало ей подобную дочь.

«Но за то этому идеалу нѣтъ теперь покоя, и съ утра до вечера имъ только и заняты — и не отходить отъ него. Императоръ крайне внимателенъ къ ней и, только благодаря ему, положеніе принцессы можетъ быть сносно въ будущемъ.

«Сюда ожидается великій князь Константинъ Павловичъ. Великій князь Михаилъ, повидимому, любимецъ матери и даже самого императора. Въ немъ больше жизни, чѣмъ въ его старшемъ братѣ. О характерѣ обоихъ я не могу судить еще. Основываясь на всеобщихъ похвалахъ великому князю Михаилу, которыя приходится выслушивать со всѣхъ сторонъ, мнѣ кажется, можно заключить не безъ основанія, что имѣютъ въ виду еще новую связь съ Пруссіей. По моему мнѣнію, этого также желала бы принцесса Шарлота, что вполне и естественно, потому что ей не пришлось бы чувствовать себя совершенно одинокой. Повидимому, думаютъ о принцессѣ Фредерикѣ.

«Въѣздъ въ Петербургъ долженъ былъ быть чѣмъ-то совершенно необычайнымъ, и ничего не пощадили, чтобы превратить его въ народное торжество. Городъ очень красивъ, чѣмъ, впрочемъ, я не былъ пораженъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ знаю русскихъ, мнѣ только и приходилось выслушивать восхищеніе ихъ собственной столицей. Не будь прекрасной Невы, городъ былъ бы лишь неодушевленной, каменной массой, потому что нельзя и сравнивать оживленія берлинскихъ улицъ съ петербургскими. На громадномъ плацу передъ Зимнимъ дворцомъ въ обыкновенные дни, когда нѣтъ парадовъ, не насчитаете и десяти человѣкъ.

«Сегодня утромъ совершилось присоединеніе принцессы къ православнои вѣрѣ.

«Большинство восхищалось граціей, съ которой она выполняла обрядъ колѣнопреклоненія и, Богъ вѣсть, что еще; какъ будто бы все это было какимъ-то представленіемъ.

«Этого дня принцесса болѣе всего боялась, между тѣмъ перенесла его съ невѣроятною твердостью, и говорятъ, слѣдующіе дни была очень весела, чему, конечно, много способствовали письма короля и ея семейства, которыя она, наконецъ, получила.

«Завтра обрученіе также въ придворной церкви, послѣ чего обѣдъ, а вечеромъ балъ. Затѣмъ, день спустя, приемъ поздравленій, когда принцессѣ придется дать поцѣловать свою руку нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ.

«Принцъ Вильгельмъ хотѣлъ самъ написать тебѣ. Онъ держитъ себя здѣсь съ большимъ достоинствомъ и очень нравится. Императоръ и вдовствующая императрица такъ отличаютъ его, что иностраннымъ посламъ даже завидно».

По приѣздѣ принца въ Петербургъ, ему часто приходилось присутствовать на различныхъ парадахъ, кромѣ того, въ самомъ началѣ своего пребыванія въ немъ, онъ осматривалъ Казанскій соборъ, крѣпость, Петропавловскій соборъ; былъ на монетномъ дворѣ; осматривалъ Таврическій дворецъ, главный штабъ.

10-го іюля (28-го іюня) принцесса Шарлота, теперь уже великая княгиня Александра Федоровна, подписала актъ отреченія отъ наследственныхъ правъ въ Пруссіи, а на другой день долженъ былъ совершиться обрядъ бракосочетанія.

Утромъ того же дня былъ парадъ, въ продолженіе котораго императоръ очень часто подзывалъ Натцмера и давалъ ему объясненія. Тотъ, между прочимъ, высказалъ Александру Павловичу, что какое счастье для Европы, что всѣ эти войска принадлежать Его Величеству. Complimentъ, повидимому, понравился и Государь возразилъ, что онъ никогда не употребитъ ихъ съ дурною цѣлью, но постоянно будетъ стремиться поддерживать ими спокойствіе въ Европѣ.

Послѣ 11-ти часовъ утра, 11-го іюля (29-го іюня), совершился обрядъ вѣнчанія. Шаферомъ у принцессы былъ принцъ Вильгельмъ, а у Николая Павловича великій князь Михаилъ. Принцесса была прелестна, какъ ангель, и цѣлый день выглядѣла крайне веселой. Въ церкви ей чуть не сдѣлалось дурно отъ всѣхъ тревоженій дня и тяжести ея костюма.

Послѣ бала въ Зимнемъ дворцѣ отправились процессіей въ Аничкины дворцы.

Императоръ и императрица Елизавета Алексѣевна отправились туда равнѣ и встрѣтили новобрачныхъ, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ и иконой.

Вечеромъ, въ Аничковомъ дворцѣ, государь подошелъ къ Натцмеру, обнялъ его и сказалъ, что это счастливѣйшій день, который ему приходилось пережить; ему хотѣлось бы, чтобы и король былъ свидѣтелемъ происшедшаго, причемъ выразилъ надежду, что король скоро будетъ имѣть возможность убѣдиться въ счастіи своей дочери и, можетъ быть, найдетъ семейство умноженнымъ, что, безъ сомнѣнія, и случится.

По совершеніи бракосочетанія, Николай Павловичъ получилъ поздравительное письмо отъ кронпринца, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Помните и ради самого неба никогда не забывайте, что только изъ любви къ вамъ Шарлотта оставила свое семейство, свое отечество и свою вѣру! Оставайтесь мнѣ другомъ изъ любви къ Шарлотѣ и другомъ моего народа, потому что онъ заслуживаетъ этого».

Здѣсь Натцмеръ приводитъ письмо Александры Ѳеодоровны къ его женѣ, писанное уже въ 1855 году, послѣ смерти Николая Павловича.

„Петербургъ, 13-го мая 1855 г.

«Какъ далека я отъ мысли найти ваше письмо нескромнымъ; даже наоборотъ, могу сказать, что ожидала его. Всѣ старыя, вѣрные друзья вспомнили обо мнѣ въ моемъ горѣ, и вашъ мужъ не могъ не быть въ ихъ числѣ. А, дорогая Луиза Натцмеръ, какъ я несчастна! Нельзя найти подходящаго слова, способнаго выразить, что сдѣлалось съ моимъ я, съ моимъ бѣднымъ надломленнымъ существованіемъ съ тѣхъ поръ, какъ все содержаніе моей жизни исчезло, а я должна еще жить!.. Цѣль жизни утрачена, потому что онъ былъ моей сердечной заботой въ теченіи цѣлыхъ 38 лѣтъ. И 38 лѣтъ я была счастливѣйшей изъ женъ! Теперь мнѣ тѣмъ болѣе не можетъ быть утѣшенія, что я чувствую себя на землѣ бесполезной, и какъ бы хотѣлось скорѣй умереть!

«Но да будетъ не моя, а Твоя воля, должна я повторять ежедневно.

«Я живу въ старомъ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ протекли такъ счастливо наши первые годы, когда онъ былъ еще великимъ княземъ.

Какъ онъ былъ всегда великъ и благороденъ, какъ былъ далекъ и въ маломъ, и въ важномъ отъ всего низкаго и лживаго—онъ, который, какъ въ частной жизни, такъ и въ политикѣ, понималъ лишь правду и честность, и сообразно съ этикой и дѣйствовалъ. Этому не цѣнили, потому что на землѣ такъ мало честныхъ людей.

«Я плачу такъ часто, что еле могу писать».

На слѣдующій день послѣ бракосочетанія сестры и въ послѣдующіе дни принцъ Вильгельмъ посѣтилъ Кадетскій корпусъ, при чемъ ему особенно понравились прекрасныя модели для изученія фортификаціи; осматривалъ Горный корпусъ, гдѣ ему показывали особый составъ огня, горѣвшаго очень ярко и крайне пригоднаго для сигнализациі. Кроме того, великій князь Михаилъ Павловичъ лично показывалъ ему арсеналъ и Литейный дворъ, а Николай Павловичъ ознакомилъ его съ Инженернымъ корпусомъ, начальникомъ котораго онъ состоялъ.

Вечеромъ были въ балетѣ, въ театрѣ Эрмитажа. Великую княгиню особенно восхитилъ прилегающій къ нему Зимній садъ. Иностранцевъ поразило только то, что всѣ аплодировали послѣ того, какъ императоръ подзвалъ примѣръ этому.

Натцмеру рассказывали, что мѣстные ювелиры крайне удивлены, что никто изъ пруссаковъ не продавалъ имъ полученныхъ цѣнныхъ подарковъ, какъ здѣсь это вообще принято.

19-го (7-го) іюля переѣхали на десять дней въ Павловскъ. Принцъ Вильгельмъ отправился съ Натцмеромъ кататься и заѣхалъ къ великому князю Михаилу осмотрѣть его лошадей. Передъ конюшнями принца укусила въ ногу какая-то собака. Онъ тотчасъ же вернулся домой, и ему была сдѣлана перевязка докторомъ Эльшлегеромъ.

Послѣ перевязки Эльшлегеръ хотѣлъ изслѣдовать собаку, но нашелъ ее уже мертвою: великій князь въ наказаніе приказалъ убить ее. Поэтому врачи оказались въ неизвѣстности и опасеніяхъ за будущее. Эльшлегеръ послалъ за Виле для консультаціи, но того не скоро нашли, что также причинило много безпокойствъ.

По полученіи извѣстія объ этомъ, императоръ немедленно пріѣхалъ изъ Царскаго освѣдомиться о происшедшемъ. Посѣтила принца также и вдовствующая императрица.

Натцмеръ, съ присущею ему осторожностью, извѣстилъ объ этомъ случаѣ брата короля слѣдующимъ письмомъ изъ Павловска:

«Вчера, къ нашей общей радости, мы покинули Петербургъ на десять дней, чтобы остаться въ Павловскѣ подольше и отдохнуть отъ всѣхъ празднествъ. Мѣстность здѣсь очень красива и всякія стѣсненія, насколько возможно, изгнаны.

«Великая княгиня Александра здорова и очень весела. Первые дни въ Петербургѣ не позволяли надѣяться на это, но съ тѣхъ поръ, какъ совершился переходъ въ православіе, все идетъ хорошо, и теперь она вполне счастлива.

«Вчера принцу Вильгельму выпало несчастье быть укушеннымъ въ ногу собакой; она принадлежала великому князю Михаилу Павловичу, и тотъ приказалъ немедленно убить ее. Этотъ неосмотрительный поступокъ затруднилъ точное изслѣдованіе и понудилъ врачей употребить самыя вѣрныя средства для предупрежденія возможныхъ послѣдствій; рану пришлось вырѣзать и прижечь. Принцъ перенесъ операцію съ величайшимъ спокойствіемъ; ни одной жалобы не сорвалось у него съ языка. Онъ доказалъ, что въ немъ течетъ Гогенцоллернская кровь. Вилье, производившій операцію, былъ крайне пораженъ этою силою воли. Въ настоящее время, слава Богу, нѣтъ ужъ болѣе никакой опасности; Вилье общается, что черезъ четыре дня принцъ будетъ въ состояніи ходить безъ страха какихъ-либо послѣдствій въ будущемъ».

Чтобы предупредить ложные слухи, Натцмеръ немедленно послалъ курьера къ королю. Вдовствующая императрица, великій князь и самъ принцъ также послали ему письма.

Императрица Марія Федоровна желала присутствовать при операціи, но Натцмеръ упросилъ ее не дѣлать этого. Она пришла тотчасъ по окончаніи ея и сказала ему, что сегодня въ первый разъ вышла изъ своей комнаты не помолившись, потому что здоровье принца также близко ея сердцу, какъ здоровье роднаго сына; она надѣется, что Господь Богъ проститъ ей это. Пришелъ и императоръ. Онъ сильно побранилъ Вилье и сказалъ, что принцу такъ глубоко вырѣзали рану, что онъ долженъ будетъ пролежать недѣль шесть, и ему не удастся присутствовать при всѣхъ торжествахъ и маневрахъ.

На другой день, 21-го (9-го) іюля, принцу стало лучше. Натцмеръ былъ посланъ въ Царское, чтобъ извѣстить государя о состояніи его здоровья и просить не присылать болѣе Вилье.

Принца навѣщали ежедневно государь, обѣ императрицы и прочіе члены царской семьи, при чемъ Марія Федоровна бывала два раза въ день.

Въ тотъ же день у принца была великая княгиня Александра Федоровна, впервые осматривавшая Царское село, и стала громко восхищаться имъ въ присутствіи Маріи Федоровны, чѣмъ возбудила въ ней явное неудовольствіе, объясняемое Натцмеромъ постояннымъ соревнованіемъ, существовавшимъ между Царскимъ и Павловскомъ.

Подъ 24 (12) числомъ Натцмеръ записываетъ, что принца посѣтила вдовствующая императрица, вмѣстѣ съ обоими великими князьями, и въ присутствіи принца и Натцмера стала сильно выговаривать имъ, что они слишкомъ натянуты и мало любезны (*aimables*) въ обществѣ дамъ. Она совсѣмъ разсердилась и, въ концѣ концовъ, сказала, что они должны бы брать примѣръ съ принца Вильгельма.

Вечеромъ у Маріи Федоровны играли въ *petits jeux*, при чемъ всѣ восхищались красотой и граціей великой княгини Александры Федоровны.

26-го (14-го) числа Натцмеръ былъ приглашенъ къ императорскому столу въ Царское село; государь былъ крайне любезенъ, много говорилъ съ нимъ, показывалъ ему паркъ и послѣ обѣда послалъ въ Павловскъ пригласить принца Вильгельма прѣхать въ Царское въ томъ же костюмѣ, въ какомъ онъ застанетъ его, что произошло въ сюртукѣ и фуражкѣ.

29-го (17-го) числа принцъ вновь былъ въ Царскомъ, обѣдалъ у императора, ѣздилъ съ нимъ кататься, при чемъ государь лично все показывалъ и объяснялъ ему.

Въ этотъ же день великая княгиня завела разговоръ съ Натцмеромъ о предстоявшей поѣздкѣ въ Москву.

— «Радуется ли вы поѣздкѣ въ Москву? Вѣдь Вильгельмъ приглашенъ туда императоромъ», обратилась къ нему Александра Федоровна.

«Я не думаю, чтобы принцъ принялъ это приглашеніе, такъ какъ оно противно желанію короля».

— «Ну, только бы вы не начали создавать затрудненій», возразила она.

«Далеко вѣтъ, возразилъ Натцмеръ,—принцъ можетъ дѣлать все, что ему угодно».

Императоръ Александръ передалъ приглашеніе принцу, сказавши, что онъ самъ пошлетъ курьера къ королю и что Москва должна интересоваться его, послѣ того, какъ онъ уже видѣлъ Лондонъ, Парижъ и Петербургъ.

8-го (20-го) августа 1817 г. начались въ окрестностяхъ Петергофа большіе маневры, на которыхъ присутствовалъ и принцъ Вильгельмъ со своей свитой. Натцмеръ внимательно слѣдилъ за ними и посылалъ въ Берлинъ подробные отчеты, не только съ описаніемъ самаго хода дѣйствій, но и съ полными характеристиками главныхъ отрядныхъ начальниковъ — Дибича, Толя, Орлова и др. Нельзя сказать, чтобы онъ далъ хорошіе отзывы о русскихъ генералахъ и о проявленномъ ими умѣнїи, хотя

и оговаривалъ при этомъ, что они являлись лишь исполнителями заранѣ начертанныхъ диспозицій.

Вотъ что, между прочимъ, занесъ Натцмеръ въ свой дневникъ: «Всѣ адъютанты, почти безъ исключенія, или не умѣютъ, или не хотятъ ѣздить, вслѣдствіе чего приказанія запаздываютъ, а подчиненные генералы настолько необразованы, что не могутъ принять самолично никакихъ мѣръ. Если кавалерія окажется такою и въ дѣйствительности, то въ ближайшую кампанію намъ нечего и опасаться ея».

Здѣсь мы приведемъ донесеніе, посланное Натцмеромъ въ Берлинъ военному министру Бойенъ, какъ о происходившихъ подъ Петергофомъ маневрахъ, такъ и вообще о состояніи русской арміи.

«Честь имѣю донести вашему превосходительству, что его королевскому высочеству принцу Вильгельму передано позволеніе его величества короля отправиться въ Москву, въ началѣ октября, вмѣстѣ съ императорскою фамиліей. Насколько продолжится тамъ пребываніе принца и не помѣшаетъ ли оно ранѣ проектированной командировкѣ его черезъ Пруссію и Померанію—относительно этихъ вопросовъ принцъ ожидаетъ ближайшихъ повелѣній его величества короля. Слишкомъ продолжительное отсутствіе принца нежелательно въ очень многихъ отношеніяхъ.

«Для принца было бы крайне интересно, если бы императоръ пожелалъ взять его съ собою во время путешествія, которое онъ предполагаетъ предпринять 25-го числа августа стараго стиля, для осмотра южныхъ провинцій и различныхъ армій. Но объ этомъ здѣсь вѣтъ и рѣчи; повидимому, не желаютъ раскрывать иностранцу своихъ внутреннихъ дѣлъ.

«По всему, что видишь и слышишь здѣсь, армія значительно сильнѣе, чѣмъ прежде, и на это сильно плачутся. Потребности этой чудовищной арміи должны быть неисчислимы. Князь Волконскій, повидимому, самъ недовольный всѣмъ этимъ, говорилъ мнѣ и подтверждалъ свои слова цифрами, что содержится болѣе милліона человекъ. По его расчетамъ, гвардейскій и резервный корпуса стоятъ, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ прочіе всѣ шесть армейскихъ корпусовъ.

«Гвардія будетъ вновь увеличена; къ Литовскому корпусу, состоящему изъ 27 и 28 пѣхотныхъ дивизій и находящемуся подъ начальствомъ великаго князя Константина, будутъ прибавлены еще по два гвардейскихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полка. Ядромъ пѣхотныхъ

полковъ послужать оба баталіона гвардейскаго Литовскаго полка и и гвардейскій финляндскій полкъ, уже находящіяся въ Варшавѣ; равнымъ образомъ новый уланскій полкъ сформируется изъ оставшагося въ Варшавѣ эскадрона гвардейскихъ уланъ. Для образованія новаго гвардейскаго кирасирскаго полка будутъ даны изъ всѣхъ полковъ гвардейской кирасирской дивизіи всѣ рядовые и унтеръ-офицеры, родомъ поляки или литовцы. Тоже самое произойдетъ со всѣми гвардейскими полками, а затѣмъ уже все недостающее новымъ полкамъ будетъ взято изъ арміи, равно какъ замѣщеніе людей, выслужившихъ сроки въ старыхъ гвардейскихъ полкахъ.

«Матеріалъ этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходитъ и не заставляетъ желать ничего лучшаго. Но, къ нашему счастью, всѣ безъ исключенія субалтернъ-офицеры никуда негодны, да и большая часть оберъ-офицеровъ не лучше. Лишь немногіе изъ генераловъ помышляютъ объ ихъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удалось удовлетворительно провести свой полкъ предъ государемъ en parade. О высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ и не думаютъ. Императоръ, не смотря на свое пристрастіе къ мелочамъ, сознаетъ этотъ недостатокъ своей арміи, но утѣшается мыслью, что теперь этого не измѣнишь, потому что нѣтъ для того подготовленныхъ офицеровъ. Но насколько мнѣ извѣстно, ничего не дѣлается, чтобы помочь этой бѣдѣ. Я не знаю ни одного образовательнаго заведенія для молодыхъ офицеровъ.

«Мое мнѣніе о большихъ маневрахъ, происходившихъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ окрестностяхъ Петергофа, я уже довелъ до свѣдѣнія его величества. Высказанное тамъ мною находить лишь новыя подтвержденія. Просто непонятны тѣ ошибки, которыя дѣлались генералами противно всякому здравому смыслу. Мѣстность совершенно не принимается въ соображеніе, равно какъ и родъ войска, соответствующій ей.

«Въ артиллеріи замѣтно болѣе военной снаровки, какъ, впрочемъ, и во всемъ остальномъ, это лучший родъ оружія въ русской арміи.

«О талантахъ обоихъ командовавшихъ генераловъ, Дибича и Толя, трудно судить по этимъ маневрамъ, потому что на нихъ они могли лишь проявить точное выполненіе данной имъ задачи. Самымъ имъ мало оставалось что придумывать и выполнять. Но по всему ясно видно, что у Толя при выполненіи имъ своихъ обязанностей проявляется болѣе спокойствія, чѣмъ у другаго. Его приказанія коротки и опредѣленны, а между тѣмъ у Дибича они большею частью противорѣчивы и обнаруживаютъ отсутствіе у него спокойнаго общаго взгляда. Впрочемъ,

главному положенію — въ началѣ дѣйствія безъ всякой нужды отдавать непріятелю деревни и укрѣпленныя позиціи, а потомъ отнимать ихъ обратно съ громадными усилиями—они оба оставались вѣрны; такъ они обыкновенно дѣйствовали въ прошлую войну и, повидимому, подобнымъ же образомъ намѣреваются поступать и въ будущемъ. Императоръ самъ дѣлалъ нѣкоторыя, большею частью, очень вѣрныя замѣчанія о ходѣ маневровъ, но такъ какъ вѣдь планы ихъ были выработаны величайшими геніями русской арміи, то онъ и не рѣшался открыто высказывать генераламъ свое неудовольствіе. Императоръ намѣревается и впредь устраивать подобные маневры ежегодно, но генералы, повидимому, не склонны къ этому; даже Дибичъ не видитъ въ нихъ никакой пользы ни для офицеровъ, ни для солдатъ — и въ такомъ случаѣ они и дѣйствительно мало принесутъ хорошаго.

«Относительно военныхъ поселеній крайне трудно узнать что либо вѣрное. Очень немногіе знаютъ о нихъ, да и тѣ молчатъ. Но можно положительно сказать, что почти всѣ—противъ нихъ, въ особенности же кн. П. М. Волконскій, быть можетъ, потому, что проектъ исходить отъ Аракчеева. Русскіе говорятъ, что въ то время, какъ мы стараемся превратить нашихъ крестьянъ въ солдатъ, у нихъ, наоборотъ, изъ солдатъ хотятъ сдѣлать крестьянъ. Первоначальное учрежденіе ихъ, какъ говорятъ, сопряжено было съ огромными расходами, а этого одного достаточно, чтобы создать массу противниковъ новому учрежденію.

«Я имѣлъ случай разговаривать о крѣпостяхъ съ генераломъ Опперманомъ, начальникомъ инженернаго корпуса. Изъ всего видно, что съ 1812 года не возводилось ни новыхъ крѣпостей, равно какъ не поддерживались и старыя. До сихъ поръ не могутъ остановиться ни на какой опредѣленной системѣ, по которой строить ихъ. Генераль предполагаетъ заложить нѣсколько крѣпостей по Березинѣ и Нѣману, при чемъ особенно желаетъ укрѣпить Смоленскъ и Динабургъ, которому придаетъ большое значеніе, чѣмъ Ригѣ. Но къ выполненію перваго плана встрѣчается очень много препятствій. По всей вѣроятности, ничего и не будетъ сдѣлано въ этомъ отношеніи. Русскіе почиваютъ на пожатыхъ лаврахъ, и всѣ въ большей или меньшей степени, но твердо убѣждены, что Россіи больше нечего опасаться за будущее. Громадныя арміи содержатся не для защиты ихъ страны, но должны обеспечивать спокойствіе остальнаго міра, а пожалуй завоевывать и другія страны—но все это, впрочемъ, на благо чело-вѣчества.

«Надо сознаться, что въ основѣ всѣхъ новыхъ учрежденій и пла-

новъ лежать великія идеи, но имъ впоследствии не достаетъ духа, который оживилъ бы эти творенія. Въ первомъ легко узнаешь Петра Великаго, а въ послѣднемъ также легко замѣтно его отсутствіе. Пржеііе проекты этого великаго человѣка, по признанію разсудительныхъ русскихъ, единственныя, находящія себѣ осуществленіе. Если уклонятся отъ его системы, — можно съ увѣренностью сказать, что это будетъ имѣть печальныя послѣдствія.

«Съ величайшею радостью узналъ я отъ полковника Видлебена, что король, сверхъ всякаго ожиданія, нашелъ войска въ прекрасномъ состояніи, причемъ съ особенно выгодной стороны показалъ себя рейнскій ландверъ. Надѣюсь, что ваше превосходительство получили столь же благопріятныя отзывы и о ландверѣ другихъ провинцій. Устройство нашего государства совсѣмъ непонятно для русскихъ, и въ тайнѣ они утѣшаютъ себя, что оно встрѣтитъ непреодолимыя препятствія въ своемъ дальнѣйшемъ выполненіи. Съ какою радостью старался я доказать имъ противное».

Около этого же времени Натцмеръ былъ съ визитомъ у австрійскаго посла Лебцельтерна, и они разговорились о русскомъ могуществѣ, причемъ выразили мнѣніе, что для Европы лучше, если Россія будетъ занята Турціей, даже если-бъ она и взяла Константинополь. Но Лебцельтернъ полагалъ все-таки, что державы не допустятъ до этого, особенно Пруссія.

Со словъ того же посла Натцмеръ передаетъ, что императоръ желалъ бы ближайшимъ лѣтомъ свиданія трехъ монарховъ; и такъ какъ въ Вѣнѣ не желаютъ, чтобы оно произошло въ Австріи, то предложить какой либо изъ прусскихъ городовъ.

Изъ дневника Натцмера видно, что были какія-то непріятности относительно приданого принцессы Шарлоты, и что по этому поводу имъ приходилось жаловаться на поведеніе гофмаршала двора великаго князя, Нарышкина. Дѣло приняло такой оборотъ, что Натцмеръ хотѣлъ даже говорить объ этомъ съ самимъ вел. кн. Николаемъ Павловичемъ ¹⁾.

18-го (6-го) августа Преображенскій полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ, но принцъ пріѣхалъ только къ обѣду, потому что у него разболѣлась нога. Къ обѣду же пріѣхала и великая кня-

¹⁾ Въ декабрь мѣсяцѣ Нарышкинъ былъ смѣненъ.

Примѣч. Натцмера.

гиня Александра Федоровна, потому что наканунѣ, какъ почти в всегда во время службъ въ церкви, съ ней сдѣлалось дурно.

Съ 3-го августа (22-го сентября) принцъ дѣлалъ безпрестанныя поѣздки для осмотра всего достопримѣчательнаго въ окрестностяхъ Петербурга: ѣздилъ въ Шлиссельбургъ, въ Колпино, гдѣ видѣлъ громадный желѣзнодорожный заводъ, приготовлявшій все необходимое для флота, а также машины для Александровской прядильной мануфактуры, состоявшей подъ покровительствомъ императрицы Марии Федоровны. Ѣздили въ Сестрорѣцкъ и осматривали мѣстную ружейную фабрику съ 1,400 рабочими, приготовляющую тогда до 100 ружей, пистолетовъ, сабель и др. въ день. Фабрика эта заслужила похвалы со стороны принца.

Въ Москвѣ.

30-го (18) сентября великій князь Николай Павловичъ съ супругою и принцъ Вильгельмъ съ ихъ свитами выѣхали изъ Петербурга въ Москву.

Въ началѣ этого путешествія иностранцевъ страшно поражала окружающая природа. Натцмеръ пишетъ, между прочимъ, подъ 1-е окт.: «проѣхали ужасную мѣстность—одни лишь болота и низкій кустарникъ; дороги нѣтъ вовсе и вообще никакихъ слѣдовъ обитаемости и культуры».

Въ Новгородѣ останавливались на одинъ день, чтобъ дать отдохнуть Александрѣ Федоровнѣ. Натцмеръ имѣеть, повидимому, склонность приписывать ея усталость частью постояннымъ церковнымъ службамъ и привычкѣ вел. кн. Николая Павловича входить во всѣ встрѣчавшіяся церкви для принятія благословенія, чего, впрочемъ, не дѣлалъ принцъ Вильгельмъ.

На пути отъ Новгорода около одной деревни собралось нѣсколько сотъ крестьянъ для принесенія великому князю жалобъ на введеніе военныхъ поселеній и на расквартированный у нихъ Гренадерскій полкъ имени графа Аракчеева. Они собрались деревень изъ двадцати и говорили, что у нихъ все отобрано, что сами они были выброшены изъ своихъ домовъ и ужъ нѣсколько недѣль какъ не видѣли ихъ. «Вообще», замѣчаетъ Натцмеръ, «недовольство новымъ учрежденіемъ повсемѣстно».

Постепенно окружающая страна становилась застроеннѣй и гори-

стой; къ Твери и дорога стала несравненно лучше, песчанѣе, и путешествіе совершалось при болѣе удобныхъ условіяхъ.

29-го августа (10 сентября) были уже въ Черной Грязи, на послѣдней стациіи передъ Москвою, и туда же на другой день прибыли и государь съ обѣими императрицами.

Натцмеръ былъ очень радъ видѣть вновь государя, потому что, по его признанію, замѣтилъ въ немъ истинное расположеніе къ нимъ, т. е. пруссакамъ.

Въ день же прибытія государя въ Черную Грязь, въ 6 часовъ вечера, совершился торжественный въѣздъ въ Москву.

Москва при этомъ случаѣ произвела на иностранцевъ очень хорошее впечатлѣніе, какъ чисто европейскій городъ, и хотя послѣ пожара она была отстроена преимущественно въ западно-европейскомъ вкусѣ, но на ряду съ дворцами итальянскаго стиля встрѣчались и чисто національныя деревянныя постройки. И дальнѣйшее впечатлѣніе было благопріятно. Городъ показался имъ красивымъ и величественнымъ, — со многими роскошными зданіями и совершенно своеобразными церквами, хотя въ общемъ онъ все-таки продолжалъ производить на нихъ то-же впечатлѣніе, какъ и прочіе красивые европейскіе города.

Принцъ со свитой остановился въ одномъ изъ кремлевскихъ монастырскихъ зданій. Квартиру они нашли крайне скверной, и хотя ее потомъ осматривалъ самъ Александръ Павловичъ и возмущался ея неудобствами, тѣмъ не менѣе почти никакихъ улучшеній не было сдѣлано.

Въ первые же дни своего пребыванія въ Москвѣ, принцъ осматривалъ церкви, былъ на Иванѣ Великомъ, на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ Наполеонъ ждалъ напрасно ключей отъ города, видѣвъ ремонтъ лошадей для кавалерійскихъ полковъ. Осматривали и тюрьмы, содержимыя добродетельными приношеніями. Имъ показывали тамъ наказаніе кнутомъ по деревяннымъ брусьямъ; по мнѣнію Натцмера, на третьемъ ударѣ наказуемый долженъ умереть. Вообще, они нашли устройство острога «слишкомъ хорошимъ, такъ что преступникамъ должно житься лучше, чѣмъ солдатамъ въ казармахъ».

Въ это же время происходилъ цѣлый рядъ парадовъ; одинъ изъ нихъ былъ отмѣненъ по случаю сильнаго мороза (6°), а на праздникъ Семеновскаго полка все-таки многіе офицеры оказались съ отмороженными ушами и щеками. Натцмеръ замѣчаетъ, что русскіе мерзнутъ легче, чѣмъ иностранцы.

24-го октября (5-го ноября) происходило торжественное освященіе

закладки храма Спасителя, на которомъ, конечно, присутствовалъ и принцъ Вильгельмъ.

31-го октября (12-го ноября) въ лютеранской церкви была обѣдня по случаю 300-лѣтія реформаціи.

2-го (14) ноября былъ обѣдъ у императора, на которомъ всѣ генералы были при прусскихъ лентахъ, за исключеніемъ великаго князя Николая, одѣвшаго ее только вечеромъ, и то, какъ рассказывали, послѣ сдѣланнаго ему государемъ замѣчанія.

Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ принцъ Вильгельмъ ѣздилъ въ Троицкую лавру, посѣтилъ Воспитательный домъ; показывали ему и московскую пожарную команду, очень ему понравившюся.

4-го (16) ноября пріѣхалъ давно желанный для Натцмера Лукаду съ официальнымъ приказаніемъ принцу Вильгельму вернуться обратно въ Берлинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было поручено передать устно Натцмеру, что въ случаѣ здоровье принца позволяетъ и этого пожелалъ бы государь, то принцъ можетъ остаться и дольше. Вильгельмъ рѣшилъ выждать дня рожденія государя. По случаю этого дня Натцмеръ получилъ Анну съ брилліантами.

Близкій отъѣздъ принца сильно волновалъ великую княгиню Александру Федоровну, богато одарившую всѣхъ сопровождавшихъ его лицъ.

На прощальной аудіенціи, 26-го ноября, Александръ Павловичъ многократно завѣрялъ принца въ своей дружбѣ и сказалъ, что не только онъ, но и вся армія, и вся страна равно готовы къ услугамъ короля. Къ Натцмеру онъ обратился съ просьбой вновь пріѣхать въ Россію, въ случаѣ если король съ принцемъ Вильгельмомъ посѣтитъ его.

27-го ноября (9 декабря) принцъ Вильгельмъ со свитой выѣхалъ изъ Москвы. По дорогѣ останавливались на четыре дня въ Варшавѣ. Говоря о ихъ пребываніи тамъ, Натцмеръ рассказываетъ о великомъ князѣ Константиинѣ, о его страсти къ парадамъ и маневрамъ и приводитъ, между прочимъ, извѣстный отзывъ Константина Павловича о войнѣ, «*qu'elle gâte les soldats, salit les habits et détruit la discipline*». «Впрочемъ», прибавляетъ Натцмеръ, «ему принадлежитъ заслуга, что, какъ генералиссимусъ, онъ создалъ полякамъ превосходную армію».

Объ отношеніяхъ поляковъ къ пруссакамъ и русскимъ онъ говоритъ: «въ общемъ, повидимому, поляки расположены къ намъ и свободнѣе въ проявленіи своихъ чувствъ, нежели я ожидалъ. Надъ Константиномъ Павловичемъ смѣются, а многіе вздыхаютъ».

Въ Варшавѣ Натцмеръ, между прочимъ, сдѣлалъ визитъ г-жѣ Александровой, пользовавшейся благорасположеніемъ великаго князя Константина Павловича, но не былъ принятъ ею.

Въ Познани принцъ имѣлъ еще разъ возможность видѣть польское аристократическое общество; на данномъ въ честь его балѣ онъ много ухаживалъ и танцевалъ съ молоденькими польками, проявившими большое расположеніе къ нему.

Наконецъ, 16-го (28) декабря 1817 г., послѣ слишкомъ полугодоваго пребыванія въ Россіи, принцъ Вильгельмъ вернулся въ Берлинъ.

По возвращеніи туда Натцмеръ, кромѣ прочихъ наградъ, получилъ лично отъ принца Вильгельма его портретъ при прекрасномъ письмѣ, полномъ благодарности за его совѣты и указанія во время его пребыванія въ Россіи, въ которомъ скромно замѣчаетъ, что, только благодаря его дружбѣ, ему удалось въ это навсегда памятное для него время держать себя несомнѣнно ужъ недостойнымъ образомъ.

Извлеч. и перев. К. П

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

РУССКО-ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА

1849 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилось въ печати превосходно составленное генераломъ И. И. Ореусомъ, по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ, подробное съ приложеніемъ плановъ и картъ — «Описаніе венгерской войны 1849 г.». Отзывъ объ этомъ замѣчательномъ историческомъ трудѣ былъ, въ свое время, помѣщенъ въ «Русской Старинѣ».

Изъ имѣющихся въ нашей военной литературѣ описаній выше-названной войны (въ которой мы, можетъ быть, на наше же горе, спасли Австрію отъ гибели), трудъ И. И. Ореуса представляется наиболѣе полнымъ; тѣмъ не менѣе, авторъ, по независѣвшимъ отъ него причинамъ, не могъ воспользоваться нѣкоторыми документами, къ числу коихъ принадлежатъ и нижепомѣщаемыя письма и другія бумаги, которыя хотя и не прибавляютъ ничего къ существенной сторонѣ труда И. И. Ореуса, но могутъ служить ему любопытною иллюстраціею.

Такъ какъ со времени венгерской войны протекло уже около 40 лѣтъ, то считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти читателей свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, перу коихъ принадлежатъ помѣщаемыя здѣсь письма.

О фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, игравшемъ выдающуюся роль въ столькихъ войнахъ, нечего говорить — имя его извѣстно всей Россіи. Замѣтимъ только, что, въ названную эпоху, его авторитетъ и вліяніе достигли своего апогея. Неожиданно-блестящее окончаніе войны доказало, что счастье по прежнему продолжаетъ благоприятствовать престарѣлому полководцу.

Генералъ Федоръ Федоровичъ Бергъ (впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ) отправленъ былъ въ главную квартиру австрійской арміи, въ качествѣ посредника между военнымъ начальствомъ союзныхъ

сторонѣ. Положеніе его, при нескрываеомъ нерасположеніи нашего фельдмаршала къ австрійцамъ, было довольно шекотливымъ, такъ что Бергъ, при всей изворотливости своей, иногда попадалъ въ просакъ. Къ тому же онъ, повидимому, вообще не пользовался расположеніемъ князя Паскевича, который, между прочимъ, не переваривалъ его манеры—писать дѣловыя бумаги и письма по французски.

Генераль-адъютантъ графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ, бывъ товарищемъ дѣтства императора Николая Павловича, оставался, въ продолженіе всей своей жизни, самымъ приближеннымъ къ государю лицомъ и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Карьеру свою онъ завершилъ въ званіи министра императорскаго двора.

Генераль-адъютантъ Граббе и генераль-лейтенантъ Панютинъ, о которыхъ упоминается въ письмахъ Берга, играли выдающуюся роль въ Венгерской войнѣ. Первый командовалъ особымъ отрядомъ, двинутымъ въ сѣверо-западную, горную часть Венгріи. Второй начальствовалъ сводною дивизіею, отправленною въ Австрію по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, еще до выступленія нашей главной арміи за границу. Дивизія эта оставалась при австрійскихъ войскахъ до окончанія войны и не разъ оказывала имъ самая существенныя услуги.

Приводимъ упоминаемыя письма и донесенія частью въ подлинникахъ, частью въ переводахъ съ французскаго. Ред.

I.

Донесеніе генераль-адъютанта Берга императору Николаю Павловичу, 15 июля 1849 г.

[Переводъ съ французскаго]. Ваше императорское величество! Предлагаемымъ здѣсь рапортомъ за № 58, на имя фельдмаршала князя Варшавскаго, я имѣю честь увѣдомить о прибытіи императора Франца Иосифа къ главной квартирѣ арміи, въ г. Альтенбургъ.

Мнѣ было поручено просить фельдмаршала, чтобы онъ не продолжалъ оставлять австрійскую армію въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о томъ, что намѣревается предпринять. Вѣнскій кабинетъ и главнокомандующій австрійскою арміею спѣшили увѣдомлять,—до малѣйшихъ подробностей,—о всемъ, что они предпринимаютъ, и, глубокопроникнутые тѣми дружественными и великодушными чувствами, которыя вызвали могущественную помощь в. и. вел—ства, они надѣются тоже, что фельдмаршалъ соизволитъ согласиться на ту взаимную искренность и довѣріе, которыя одни только могутъ гарантиро-

вать и ускорить успѣхъ нынѣшней войны. Если фельдмаршалъ, отягивая свои отвѣты, даетъ этимъ понять, что не считаетъ нужнымъ сообщать о своихъ намѣреніяхъ правительству, которому, между тѣмъ, готовится оказать помощь побѣдоносною рукою своею и предводительствуя большою арміею,—то было бы, однако, желательнымъ, чтобы князь Варшавскій увѣдомилъ какъ можно скорѣе о тѣхъ пунктахъ, которые имъ заняты. Не могу скрыть отъ в. и. вел—ства, что здѣсь весьма огорчены этими умолчаніями. Не знаютъ, какъ объяснить ихъ со стороны вспомогательной арміи, которой движенія и дѣйствія имѣютъ цѣлью спасти австрійскую имперію отъ мятежа, угрожающаго ея существованію.

Ежедневно и крайне встревоженно спрашиваютъ меня, не имѣю ли я извѣстій отъ генераль-адъютанта Граббе или отъ его свѣтлости фельдмаршала князя Варшавскаго, и я каждый разъ долженъ сознаться, что ничего не знаю ни о томъ, ни о другомъ.

Полковникъ графъ Бенкендорфъ видѣлъ, какъ проходила черезъ Пресбургъ сводная пѣхотная дивизія генераль-лейтенанта Панютинна. Онъ говорилъ мнѣ, что она произвела большое впечатлѣніе и на друзей, и на враговъ, которые ее видѣли. Число враждебныхъ лицъ въ Пресбургѣ столь же велико, какъ и число людей, приверженныхъ законному правительству.

II.

Генераль-адъютантъ графъ В. Ф. Адлербергъ—генераль-адъютанту Бергу,
20 іюня 1849 г.

[Переводъ съ французскаго]. Государь императоръ прочелъ вашъ рапортъ изъ Альтенбурга, отъ 15-го сего іюня, равно какъ и письмо, которое ваше пр—ство сдѣлало честь послать мнѣ въ тотъ же день.

Согласно высочайшему повелѣнію, я долженъ сообщить вашему пр—ству о томъ, какое впечатлѣніе произвели оба эти документа на всемилостивѣйшаго государя нашего; исполняя эту обязанность, не могу не выразить сожалѣнія моего, что долженъ сдѣлать вамъ такіа сообщенія, которыя могутъ быть для васъ крайне присорбны.

Посылая фельдмаршалу князю Варшавскому рапортъ за № 58 (копія котораго вами представлена на воззрѣніе государя императора), вы не ограничились тѣмъ, что явились органомъ невозможныхъ (inadmissibles) притязаній,—но вы сочли возможнымъ принять на себя роль ихъ защитника, и вы сдѣлали это въ такомъ тонѣ, который,

по справедливости, долженъ былъ вызвать неудовольствіе въ князѣ Варшавскомъ.

Государь императоръ выражаетъ вамъ полное свое неодобреніе. Такъ какъ мнѣ повелѣно сообщить о семъ вашему пр—ству и передать, какъ е. и. в., въ высокой мудрости своей, судить о содержаніи и внѣшней формѣ вышеупомянутаго рапорта вашего,—то я не могу точнѣ исполнить высочайшую волю, какъ списавъ, дословно, ту резолюцію, которую государь императоръ собственноручно начерталъ на рапортѣ вашего пр—ства:

— «Сказать генералу Бергу, что я нахожу тонъ его бумаги столь же неприличнымъ, сколько страннымъ. Фельдмаршалъ сообщалъ австрійскому императору точно также, какъ и мнѣ самому, обо всемъ, что фельдмаршалу было извѣстно. Послѣдующія дѣйствія еще не рѣшены, по той весьма простой причинѣ, что они, въ значительной долѣ, зависятъ отъ того, что дѣлаетъ и гдѣ находится непріятель. Фельдмаршалъ руководитъ дѣйствіями согласно общему плану,—условленному и утвержденному; поэтому невозможно, — по крайней мѣрѣ, не будучи невѣждою (ignorant),—требовать, чтобы фельдмаршалъ съ точностію опредѣлялъ, въ какой день какія сдѣлаетъ движенія, такъ какъ послѣднія, при данной обстановкѣ, могутъ измѣняться сообразно обстоятельствамъ. Строжайшее приказываю генералу Бергу быть осмотрительнѣе, иначе я озабочусь замѣною его другимъ лицомъ, которое лучше сѣмѣетъ исполнять свои обязанности и мои намѣренія».

Таковъ, в. пр—ство, былъ высочайшій приговоръ государя императора. Онъ слишкомъ ясенъ для того, чтобы я позволилъ себѣ что нибудь къ нему прибавить,—развѣ только то, что еще разъ выражу вашему пр—ству, въ какой мѣрѣ для меня прискорбно неудовольствіе августѣйшаго государя нашего, которое вы имѣли несчастіе на себя навлечь.

Е. и. в. изволили также остаться недовольнымъ и содержаніемъ письма, которое в. пр—ство адресовали лично ко мнѣ, и которое относится до требованія австрійскимъ правительствомъ присылки русскихъ пекарей къ дивизіи генерала Папютина.

Государь императоръ съ удивленіемъ усмотрѣлъ, что вы не сообщили князю Шварценбергу, что въ нашей арміи не существуетъ особой корпораціи пекарей; между тѣмъ вашему пр—ству должно быть хорошо извѣстнымъ, что у насъ всякій солдатъ — сапожникъ, портной, булочникъ и т. п.; что войска сами дѣлаютъ для себя все, что имъ нужно, и что хлѣбъ готовится, — когда въ томъ

встрѣтится надобность,—солдатами же, особо командируемыми подъ названіемъ хлѣбопекоевъ.

Что касается до увеличенія числительности нашихъ артиллеристовъ въ Ольмиуцѣ, то имѣю честь увѣдомить в. пр—ство, что желаніе австрійскаго правительства уже исполнено въ этомъ отношеніи: артиллерійскіе солдаты, при офицерѣ, посланы въ Ольмиуцъ немедленно по полученіи первой бумаги вашей по сему предмету.

III.

Генераль-адъютантъ Бергъ—государю императору.

[Переводъ съ французскаго]. Глубоко пораженный высочайше высказаннымъ неодобреніемъ в. и. вел—ства относительно содержанія донесенія моего в. вел—ству и его свѣтлости, фельдмаршалу князю Варшавскому,—я желалъ бы кровью своею омытъ великій проступокъ, мною совершенный. По милостивой снисходительности, в. и. вел—ство соизволили высказать свое порицаніе лишь посредствомъ письма ко мнѣ отъ генераль-адъютанта графа Адлерберга, между тѣмъ какъ могли бы наказать меня всею тяжестью вашего праведнаго гнѣва.

Повергая себя къ стопамъ вашего и. вел—ства, осмѣливаюсь увѣрить, что не нахожу словъ для выраженія глубины моего раскаянія и моей скорби.

IV.

Отъ генераль-адъютанта Берга къ генераль-адъютанту графу Адлербергу, 25 іюня.
Игмандъ.

[Перев. съ франц.]. Не нахожу словъ, чтобы высказать в. с—ству ту скорбь и то отчаяніе, въ которое я звергнутъ высочайшимъ неодобреніемъ, высказаннымъ нашимъ августѣйшимъ государемъ. Я пишу е. и. в—ству, повергаю себя къ стопамъ его, съ глубочайшею горестію, и приношу—какъ къ тому и обязанъ—благодарность мою е. и. вел—ству за то, что онъ не подавилъ меня всею тяжестью своего праведнаго гнѣва. Не понимаю, гдѣ былъ мой разсудокъ; потому что, конечно, я никогда не хотѣлъ и не могъ хотѣть забыться передъ княземъ Варшавскимъ, котораго не только чрезвычайно уважаю, но которому глубоко удивляюсь.

Я не зналъ ни покоя, ни сна до тѣхъ поръ, пока вы, графъ, не были столь добры написать мнѣ слово облегченія. Я имѣю несчастье

быть чрезъ мѣру усерднымъ и, изъ-за этого усердія, заходить слишкомъ далеко. Почти невѣроятно, сколько я въ моей жизни надѣлалъ глупостей, вслѣдствіе пламеннаго желанія подвинуть дѣла впередъ! Послѣдняя глупость принадлежитъ къ числу величайшихъ. За то и испыталъ я скорбь и печаль ужасныя, и не утѣшусь въ этомъ во всю мою жизнь.

Вы не можете себѣ представить, какъ австрійцы, по многимъ вопросамъ, пилятъ меня, возвращаясь безпрестанно къ одному и тому же предмету. Князь Варшавскій почтилъ меня бумагою, отъ 18 іюня за № 31, которою предписываетъ сдѣлать главнокомандующему сообщеніе о тѣхъ запасахъ продовольствія, которые ему (кн. Варшавскому) потребуются по прибытіи въ Пешть. Я прошу барона Гайнау дать отвѣтъ черезъ генерала Паррота, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что никогда ни въ чемъ не будетъ обращаться къ Парроту, и посылаетъ мнѣ обширную записку, въ которой говорится мало объ упомянутомъ дѣлѣ, но за то очень много о вещахъ совершенно этому дѣлу постороннихъ и отчасти уже рѣшенныхъ или законченныхъ, — такъ что я долго не рѣшался сообщать о сей запискѣ фельдмаршалу, и рѣшительно не имѣю смѣлости повергать ее на воззрѣніе е. и. в.—ства. Благоволите прочесть ее, графъ, и посудите сами, возможно ли до такой степени испытывать терпѣніе государя.

Письмомъ отъ 18 (30) іюня за № 31, фельдмаршалъ сдѣлалъ мнѣ честь положительно увѣдомить меня, что онъ идетъ на Пешть. Очень радуюсь этому. Для меня это будетъ избавленіемъ; потому что вы не можете себѣ представить, какимъ нападкамаъ я подвергаюсь, когда его свѣтлость, официальными сообщеніями своими, даетъ понять, что онъ самъ, т. е. съ главными силами, двинется, можетъ быть, на Дебречинъ. Каждый день читали и перечитывали планъ кампаніи, чтобы почерпнуть въ немъ надежду, что фельдмаршалъ не сдѣлаетъ этого крюка, такъ какъ здѣсь было извѣстно, что не существуетъ непріятельскихъ силъ, противопоставленныхъ его арміи. Между тѣмъ, князь Варшавскій дѣйствуетъ всегда отлично хорошо, и посылка боковой колонны — весьма удачна. Для меня лично было несчастіемъ лишь та неизвѣстность и та неопредѣленность, которыя господствовали въ теченіи 10 — 15 дней. Ударъ, меня поразившій, стоитъ и вѣситъ болѣе, нежели пушечное ядро: онъ будетъ смертельнымъ, если гнѣвъ его и. в.—ства продлится. За то вы, графъ, и не можете составить себѣ понятія о моей горести.

Иду со двора, чтобы отправиться въ лагерь. Сегодня утромъ будетъ у насъ церковный парадъ и молебствіе по случаю дня великаго праздника для всякаго добраго русскаго. Къ молитвамъ нашихъ

молодцовъ я присоединю и свою усердную молитву о счастьи и благополучиі того, кого мы обожаемъ, какъ отца и августѣйшаго государя. Господь, по милосердію Своему, да хранитъ императора и всю его августѣйшую семью!

V.

Фельдмаршалъ ин. Варшавскій—ген.-адъют. Бергу.

7 іюля № 460. Вайценъ.

Думалъ ли я, что г. австрійскій главнокомандующій захочетъ, чтобы въ одно время я преслѣдовалъ непріятеля, заперъ его въ Коморнѣ, если онъ туда пойдетъ, и дѣйствовалъ бы вмѣстѣ не только на лѣвомъ, но и на правомъ берегу Дуная. Если же непріятель пойдетъ направо, т. е. въ горы, то чтобы 6 пѣхотная дивизія блокировала Коморнѣ, а я послалъ бы одинъ корпусъ въ Чолнокъ.

Г. главнокомандующій баронъ Гайнау, располагая такимъ образомъ русскою арміею, забылъ, что онъ не командиръ русской арміи. Между тѣмъ, что же онъ самъ дѣлаетъ?—Идетъ съ тремя своими корпусами и дивизіею русскихъ вызволить Елачича, которому не предстоитъ никакой опасности, ибо главная армія инсургентовъ противъ меня, Бемъ—противъ Гротенгельма, а Высоцкій и Перцель—въ Чолнокѣ.

Какая же опасность угрожаетъ бану Елачичу?

Изъ всего этого я вижу, что австрійскій главнокомандующій намѣренъ заставить русскія войска блокировать крѣпости и убійственные берега Дуная и Тейссы; самъ же хочетъ соединиться съ Елачичемъ, собрать 60 т. армію, въ которой будетъ 10 т. русскихъ,—и тѣмъ окончить войну.

Не для того я присланъ государемъ императоромъ съ 150 т. арміею, чтобы держать въ блокадѣ крѣпости и испытывать потери отъ гибельнаго климата на берегахъ Тейсы и посреди болотъ, образующихъ Дунаемъ. Г. Гайнау не проситъ даже моего совѣта: онъ говоритъ—я снялъ блокаду Коморна, а вы—его блокируете; я иду на югъ помочь Елачичу,—а вы занимайте Тейссу. Нигдѣ не видно желанія знать мое намѣреніе; нигдѣ не сказано—вотъ мой планъ, сообщите мнѣ о вашемъ. Пора бы понять и почувствовать, что у насъ 150 т. войска, а у нихъ только 60 т.

Передавайте изъ этого, что нужно, почище на французскомъ языкѣ,

всѣмъ тѣмъ, съ которыми вы будете говорить въ главной австрійской арміи относительно нынѣшней войны.

Я, наконецъ, нашелъ нужнымъ отправить генераль-квартирмейстера, чтобы объясниться на счетъ нашихъ дѣйствій, ибо иначе мы никогда не поняли бы другъ друга.

Р. S. Я подписалъ эту бумагу, когда вспомнилъ, что австрійская армія, послѣ выхода Георги¹⁾ изъ Коморна, должна бы преслѣдовать Георги двумя или тремя корпусами, и тогда бы непріятель, атакованный мною съ фронта и имѣя два корпуса австрійскихъ въ тылу, не могъ бы спастись. Доказательствомъ, что Георги ожидалъ этого, можетъ служить то, что онъ прислалъ въ Вайценъ сначала 26 т. чел., а на другой только день и остальные 18 т. Это такъ ясно, что я удивляюсь, какъ вы не представили о томъ австрійцамъ.

Что больше всего меня удивляетъ, то это посылка моего корпуса, по видамъ г. Гайнау, на Чолнокъ, а оттуда на Гросъ-Вардейнъ. Положимъ, что русскій корпусъ, разбившій Высоцкаго и Перцеля, у которыхъ, однако-жъ, вмѣстѣ до 20 т. чел. дурныхъ войскъ, занялъ бы Чолнокъ и прошелъ всѣ находящіяся тамъ плотинъ; потомъ, гнавшись за ними, занялъ бы Гросъ-Вардейнъ, гдѣ очутился бы въ срединѣ всѣхъ непріятельскихъ корпусовъ, какъ-то: Высоцкаго и Перцеля, которыхъ онъ гналъ; Бема и Георги—отступавшаго отъ меня; слѣдовательно наши 20 т. очутились бы въ срединѣ 80 т. непріятелей. Скажите, ваше высокопревосходительство, не подвергнулся ли бы этотъ корпусъ, по крайней мѣрѣ, опасности быть разбитымъ?

VI.

Фельдмаршалъ кн. Варшавскій—ген.-адъют. Бергу

(во второй половинѣ іюля).

Я не умѣю по французски и по нѣмецки писать; а генералу русскому надобно знать по русски; итакъ, пишу къ вамъ самъ на русскомъ языкѣ.

Разсматривая карту, я не вижу чего генералу Гайнау бояться? Моимъ движеніемъ за Георги, т. е. сильнѣйшимъ изъ всѣхъ инсургентовъ, онъ могъ достигнуть безопасно до Чегедина, такъ что не было даже пистолетнаго выстрѣла противъ него. Кажется довольно бы

¹⁾ Паскевичъ писалъ „Георги“ вмѣсто „Гергей“, „Чолнокъ“ вмѣсто „Солнокъ“. Это объясняется тѣмъ, что многія венгерскія слова и названія выговариваются совсѣмъ иначе, нежели пишутся. Ред.

этого! Чего онъ хочетъ больше? Движеніемъ моимъ, не допуская Георги соединиться съ южными инсургентами черезъ Пестъ, я сдѣлалъ то, что все пространство отъ Дуная до Тейссы генераль Гайнау прошелъ безпрепятственно. Сему моему движенію онъ обязанъ соединеніемъ съ Элачичемъ, не встрѣтя непріятеля ни съ лѣва, ни съ права, ни передъ собою, тогда какъ въ это же время я былъ окруженъ непріателемъ, слѣдуя съ 4 т. повозокъ, которыя обезпечили меня продовольствіемъ.

Итакъ, онъ между Тейссою и Дунаемъ можетъ дѣлать что хочетъ, т. е. идти на непріятеля, который, полагаятъ, концентрируется у Арада; отъ него также зависитъ, если не находитъ себя достаточно сильнымъ, остановиться. Но странно, чтобы 60 т. австрійская армія была недостаточна для разбитія инсургентовъ.

Благодаря государя императора Николая, русская армія преслѣдуетъ непріятеля самаго сильнаго и главнаго поддержателя возмущенія—Георги. Это видѣлъ и ген. Гайнау и вы, какъ подъ Пресбургомъ, такъ и подъ Коморномъ, и безъ дивизіи, которую я на себя взялъ послать на помощь Вѣнѣ, столица Австріи пала бы, а потомъ, не только въ первомъ дѣлѣ, но и въ третьемъ дѣлѣ подъ Коморномъ, австрійская армія была бы разбита. Послѣ сего Георги вышелъ.

Онъ хотѣлъ прорваться на Пестъ; я ему воспренятствовалъ это. Если бы онъ прорвался, то, соединившись со всѣми отрядами, собралъ бы почти 100 т. и тогда австрійская армія едва ли бы могла противъ него держаться.

Изъ всѣхъ отношеній вашихъ вижу, что ни вы, ни ген. Гайнау не поняли всѣхъ этихъ услугъ русской арміи, которая взяла на себя всѣ трудности дѣла сего, и въ доказательство этого австрійская армія прошла отъ Песта до Чегедина не имѣя нигдѣ непріятеля.

VII.

Фельдмаршалъ Паскевичъ—ген.-адъют. Бергу.

11 августа. Гросъ-Вардейнъ.

Рапортомъ № 133 в. высокопр. доноситъ мнѣ, что въ сраженіи 28 іюля при Темешварѣ мятежническая армія состояла изъ 70 т. и что маневръ австрійцевъ, отбросившихъ въ семь сраженіи мятежниковъ къ Лугошу, нанесъ рѣшительный ударъ мятежу, точно такъ, какъ сдача Георги ускорила конецъ войны.

Я понимаю, что изъ австрійцевъ, видя, что главное войско мятежниковъ, составляющее существенную силу онаго, положило оружіе передъ русскою арміею, а не передъ австрійскою, стараются уменьшить значеніе сего событія, рѣшившаго участь войны; это не первый примѣръ, что оскорбленное честолюбіе старается уменьшить цѣну помощи великодушнаго союзника; но чтобы мнѣ было повторяемо то, что распускаетъ зависть въ русской арміи, это для меня совершенно непонятно.

Подъ Темешваромъ было мятежническаго войска не 70 т., а только до 40 т., въ числѣ котораго большая часть весьма дурнаго. Главную силу сего скопища составляли бывшія войска Высоцкаго и Перцеля, которыя, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, не смѣли ни одного часа держаться противъ моихъ авангардовъ, даже въ самыхъ трудныхъ мѣстностяхъ. Бѣмъ пришелъ къ Темешвару не съ 20 т., а одинъ. Это утверждаетъ Георги, доносить ген.-адъют. Лидерсъ, говоря, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ разбитые при Германштадтѣ остатки войска Бема поворотили отъ Карлсбургскаго шоссе вправо — къ Клаузенбургу, и, наконецъ, и в. высокопр. сами писали ко мнѣ 1 августа за № 119.

Сраженіе при Темешварѣ послѣдовало 28 іюля (7 августа), а Георги имѣлъ намѣреніе сдаться несравненно ранѣе. Ко мнѣ прибылъ отъ него первый парламентаръ еще 26 іюля, а 27 іюля—явился второй, командовавшій у него корпусомъ, бар. Пенътенбергъ. Слѣдовательно, не сраженіе при Темешварѣ, бывшее 28 іюля, его побудило сдаться, а убѣжденіе, что онъ не можетъ уже бороться съ нами.

Ему никто не могъ помѣшать пойти изъ Арада на соединеніе съ отступавшими изъ Трансильваніи войсками, или же двинуться на флангъ ген. Гайнау, какъ сей послѣдній дѣйствительно того и опасался, о чемъ онъ писалъ и говорили вы, въ томъ же рапортѣ отъ 1 августа, т. е. четыре дня послѣ сраженія при Темешварѣ.

Изъясненнаго выше достаточно, чтобы убѣдить каждаго безпристрастнаго человѣка, что участь войны рѣшена дѣйствительно тѣмъ, что Георги, видя невозможность бороться болѣе съ русскими, положили передъ нами оружіе. Я сожалѣю, что долженъ это объяснять!

VIII.

Гѣргей — Рндигеру.

Вилагошъ. 1 (13) августа 1849.

Складывая добровольно оружіе съ состоящими подъ моимъ начальствомъ венгерскими войсками, передъ войсками Е. В. императора російскаго, и покоряясь безусловно съ храбрыми моими товарищами, я долгомъ считаю поручить вамъ, г. генераль, скромныя ихъ желанія и почтительно просить васъ не отказать намъ въ вашемъ къ удовлетворенію ихъ ходатайствѣ у его свѣтлости высокаго вашего начальника, и даже у Е. В. російскаго императора.

Просьбы моихъ товарищей заключаются въ слѣдующемъ:

1) Чтобы они не были переданы Австріи, какъ преступники, ибо тѣ именно, которые первоначально состояли въ австрійской службѣ, опасаются, чтобы съ ними не было поступлено такимъ образомъ, который бы имѣлъ слѣдствіемъ лишеніе ихъ жизни, а быть можетъ и чести.

2) Чтобы всѣ офицеры получили позволеніе носить шпаги или сабли и во время нахождения ихъ въ плѣну; каждый изъ нихъ готовъ дать честное слово, что таковой милости во зло не употребить.

3) Чтобы тѣмъ изъ нихъ, которые изъявили бы желаніе вступить въ русскую военную службу, въ таковой милости не было отказано.

4) Чтобы движимое имущество каждаго изъ тѣхъ, которые добровольно покоряются, какъ-то: обозъ, лошади и прочее—милостиво было оставлено при владѣльцахъ.

5) Чтобы, еслибы самопроизвольнымъ рѣшеніемъ австрійскаго правительства венгерскія бумажныя деньги потеряли свое достоинство, доставлена была намъ возможность размѣнять ихъ на деньги, находящіяся въ общемъ обращеніи, ибо иначе, не имѣя никакого другаго, рода денегъ, мы были бы мгновенно подвергнуты самымъ горькимъ заботамъ въ отношеніи къ нашему пропитанію.

6) Какъ предстоящая будущность Венгріи намъ еще не объявлена и какъ быть можетъ, что всѣхъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ ожидаетъ эшафотъ или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, изгнаніе

если Е. В. императоръ російскій, движимый извѣстнымъ его великодушiемъ и справедливостiю, откажетъ Венгрии въ могущественномъ своемъ посредничествѣ, то мы, всѣ вмѣстѣ, осмѣливаемся, не столько для насъ самихъ, сколько для всѣхъ нашихъ согражданъ, просить о великодушномъ посредничествѣ Е. В. російскаго императора, дабы бѣдный край, столько уже пострадавшій, не былъ еще подвергнутъ новымъ испытанiямъ. Вмѣстѣ съ нами многія другія лица гражданскаго вѣдомствѣ готовы, для умирениа своего отечества, добровольно подвергнуться рѣшенiю ихъ участи по благоусмотрѣнiю Е. В. російскаго императора. Эти лица гражданскаго вѣдомства остаются въ Виллагошѣ и ожидаютъ императорско-россійской комиссiи, которая могла бы принять въ свое вѣдѣнiе какъ особъ, такъ и находящiяся тамъ государственныя имущества.

IX.

Записка фельдмаршала по содержанию предыдущаго письма.

2-го августа 1849.

По всѣмъ пунктамъ, въ этомъ письмѣ изложеннымъ, кромѣ оставленiя при офицерахъ и генералахъ собственнаго ихъ имущества, я велѣлъ объявить Георги отказъ. Но между тѣмъ беру смѣлость доложить:

По 1-му пункту. Для пользы самого императора австрiйскаго, въ моемъ мнѣнiи, надобно офицеровъ и генераловъ простить. Ваше И. В. въ подобномъ случаѣ простили поляковъ и даже поддерживали ихъ существованiе. Отъ этого произошло спокойствiе всего края, такъ что въ послѣдующихъ заговорахъ польскихъ, которыхъ было весьма много, не было замѣшано даже и пяти офицеровъ. Вотъ слѣдствiя Вашего великодушiя! Когда послѣднiе поляки уходили въ Пруссию, дабы тамъ положить оружiе, дѣдъ настоящаго императора австрiйскаго, Францъ I, прислалъ полковника Кабогу сказать мнѣ, что совѣтуетъ всѣхъ простить. Онъ былъ въ подобномъ положенiи нѣсколько разъ въ Итали и всегда прощалъ, отчего спокойствiе въ его царствованiе не было нарушено.

Разсуждая о пользѣ амнистiи, надобно имѣть въ виду послѣдствiе. Теперешнее европейское положенiе таково, что никто въ Европѣ не осмѣлится казнить всѣхъ участниковъ въ возмущенiи. По всѣмъ теперешнимъ прокламацiямъ австрiйцы, всѣ виновные, подлежатъ казни. Этого не исполнять, и если не будетъ амнистiи, то всѣ останутся

недовольными и сдѣлаются впослѣдствіи явными врагами правительства и бунтовщиками.

Венгрія не только не любитъ австрійцевъ, но имѣетъ пренебреженіе къ нимъ, и это не въ высшемъ только сословіи, но во всемъ народѣ. Народъ этотъ надобно успокоить; а пересматривая поведеніе каждаго офицера, придется наказывать многихъ очень поздно, иногда черезъ годъ или черезъ два, а все это время умы будутъ въ волненіи.

Венгерцы желаютъ прежней конституціи, а не той, которая исторгнута была у императора Фердинанда.

Держать Венгрію въ военномъ положеніи, какъ докладывалъ Вамъ князь Шварценбергъ, полезно и даже необходимо; но, по моему мнѣнію, нужно бы вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что прежняя конституція будетъ возобновлена; но не та, которая была исторгнута, разумѣется, исключая Трансильванію и Кроацію.

Таково мнѣніе и всѣхъ благомыслящихъ и преданныхъ австрійскому правленію венгровъ. Гр. Зичи, который при мнѣ полномочнымъ комиссаромъ, на правахъ главнокомандующаго, съ властію жизни и смерти надъ каждымъ венгромъ, самый приверженный изъ всѣхъ венгерцевъ къ австрійскому дому, говоритъ, что безъ добраго совѣта и настоянія вашего императора мы не выпутаемся.

По 2 и 3 пунктамъ—ничего не можетъ быть, кромѣ отказа.

По 5-му пункту—подлежитъ отказъ, ибо дѣло относится совершенно до распоряженій австрійскаго правительства.

По 6-му пункту. Мое мнѣніе относительно сего пункта изложено, говоря о первомъ, такъ какъ предметъ тотъ-же.

Что касается до лицъ гражданскихъ, въ Вилагошѣ находящихся, то я приказалъ взять ихъ, какъ военно-плѣнныхъ, и описать казенное имущество, для передачи австрійскому правительству.

Оканчивая эту записку, осмѣливаюсь доложить еще В. И. В., что корпусъ Георги положилъ оружіе передъ Вашимъ войскомъ въ упованіи на Вашу благость и великодушіе, подвергаясь за то злобѣ австрійцевъ. Благоразумная политика требуетъ, чтобы имъ была дана амнистія, но можетъ быть безъ Вашего Величества австрійцы ее не дадутъ.

(Кн. Варшавскій гр. Паскевичъ-Эриванскій).

Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ

въ 1724 г.

Челобитная императору Петру Великому.

„25 маія“.

Всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій императоръ и самодержецъ все-россійскій Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилости-вѣйшій!

1.

Крайнее желаніе имѣю учиться, а склонность въ себѣ усмотрю чрезъ латинской языкъ снискати науки, а именно: знаніе исторіи древ-нія и новыя, географію, юриспруденцію, и что къ статусу политиче-скому надлежитъ. Имѣю паки и математическимъ наукамъ не ма-лую охоту, также, между дѣлы, и къ минятурѣ (sic).

2.

Но понеже вышепомянутыя науки какъ рачительнѣе сниски-ваются, такъ и удобнѣе приобрѣтаются въ знаменитыхъ окрестныхъ государствъ академіяхъ, требуется къ нѣколиколѣтнему тамъ пребы-ванію и денежное иждивеніе, а сиротство мое и крайній въ деньгахъ недостатокъ, безъ всякаго моего изъясненія, сами собою вашему императорскому величеству довольно вѣдомы суть.

3.

Того ради всеподданнѣйше прошу: да повелитъ высокодержавство ваше мене нижайшаго, для приобрѣтенія вышепомянутыхъ наукъ, отпустить въ окрестныя государства, и для моего сиротства по монаршему своему великодушію хотя малое что на тамошнее иждивеніе милостивѣйше пожаловать.

Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ кн. Антіохъ Кантемиръ.

Маія   дня
1724 года.

Примѣчаніе. Подлинное прошеніе находится въ государственномъ архивѣ, во II-мъ отдѣленіи кабинетныхъ дѣлъ, въ книгѣ 69-й, и составляетъ 453-ю страницу, имѣя помѣту о полученіи „25 маія“; но воспослѣдовало ли по оному какое-либо распоряженіе императора, — изъ кабинетныхъ дѣлъ не видно.

Сообщ. Аскалонъ Труворовъ.

А. О. СМИРНОВА и Н. В. ГОГОЛЬ.

Письма къ Гоголю Смирновой

1844—1851 гг. ¹⁾.

Письма Смирновой къ Гоголю начинаются съ того времени, какъ Гоголь выѣхалъ изъ Ниццы въ Штутгартъ (19 марта 1844 г. Въ письмѣ къ А. А. Иванову отъ 18 числа Гоголь говоритъ: „Завтра ѣду изъ Ниццы“, а 20 числа онъ писалъ уже Смирновой изъ Аіх). Смирнова одновременно съ нимъ выѣхала изъ Ниццы въ Парижъ. На другой же день послѣ разлуки Гоголь писалъ ей: „Вашу милую записочку изъ Фрежюса ²⁾ получилъ и благодарю васъ за то, что напомнили о днѣ вашего рожденія. Вы, вѣрно, въ этотъ день хорошо помолитесь, потому что и мы всѣ провели довольно весело, хотя это и было накануне моего отъѣзда“. (Подъ словами мы всѣ, какъ видно изъ послѣдующаго, разумѣются Луиза Карловна и Анна и Софья Михайловны Виейльгорскія (послѣдняя въ то время уже Сологубъ). „Обѣ дочери дали слово быть веселы и тверды, и перечитывать почаще то, что я имъ оставилъ“. Итакъ, Гоголь имѣлъ для нихъ значеніе какъ бы нравственнаго руководителя. „Въ Ниццѣ передъ моимъ выѣздомъ все было по прежнему. Рѣшительнаго еще ничего, кромѣ того, что Сологубъ ѣдетъ въ Римъ. Матужка (Архарова) даетъ ему денегъ на проѣздъ“ и пр. (Соч. Гог., изд. Кулиша, VI, 56). Съ отвѣта на это письмо и начинаются печатаемые нами письма Смирновой.

В. И. Шенрокъ.

Парижъ. 25 марта 1844 г.

Любезный Гоголь! Вчера послѣ обѣдни я вамъ не писала, не смотря на обѣщаніе. Я получила письмо, которое меня встревожило, огорчило и между тѣмъ и обрадовало. Молиться я не могла и тронута была до глубины души. Плакала цѣлый день и плачу еще теперь. Чувство темное, неопредѣленное и вмѣстѣ сладостное. Отъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 31—72.

²⁾ Въ изданіи сочиненій Гоголя г. Кулиша (VI т., стр. 56) въ данномъ мѣстѣ встрѣчаемъ опечатку: Фретсоса; слѣдуетъ читать: Фрежюса. Ф., ежюсъ, въ древности Forum Julii, городъ въ Провансѣ, въ сѣверовосточной части Ліонскаго залива.

кого письмо ¹⁾, не нужно вамъ знать; но вообразите, что у слѣща вдругъ открылись глаза,—въ духовномъ смыслѣ, разумѣтся. Все это чудесно! Слово Богъ вчера какъ-то цѣлый день звучало въ ухахъ моихъ,—прокимень: „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ нами Богъ“... Слезы такъ и льются... У меня заронила въ душѣ мысль,—запомните мое слово,—когда сбудется, тогда я вамъ скажу ее.

Александра Петровна Толстаго здѣсь нѣтъ; онъ въ Вѣнѣ; письмо ваше въ огнѣ сгорѣло. Сова-сова ²⁾ и всё здоровы слава Богу.

Бду на проповѣдь Ravignan; сегодня здѣсь Благовѣщеніе. Нашъ попъ служить хорошо, съ благоговѣніемъ, поютъ изрядно, протяжно, потому что дьякона нѣтъ,—надобно дать время священнику. Русскихъ было довольно, стоятъ хорошо; были и молодые люди. Какъ великолѣпна обѣдня! Всякое слово даръ! Видѣла кое-кого, Киселева ³⁾ тоже; смѣялись, шутили по старому; онъ уменъ и добръ, и изъ него что-нибудь выйдетъ съ помощію Божіею... Какія странныя вещи случаются съ человѣкомъ! «Славная же и ужасная, неизслѣдованная и чудесная», говорить, кажется, Макарій, «ихъ нѣсть числа» ⁴⁾.

---

¹⁾ Какъ видно изъ слѣдующихъ писемъ, рѣчь идетъ о письмѣ В. А. Перовскаго. В. III.

²⁾ Сова-сова—Надежда Николаевна Соренъ, меньшая дочь А. О. Смирновой, она плохо говорила и еще: даже вмѣсто comment cela va говорила: сова-сова, картава и коверкала слова не выговаривая буквы л. Она и другія дочери А. О. Смирновой всегда называли Гоголя Накавайка, до дня его смерти. Гоголь нарисовалъ каррикатуру: „Надежда Николаевна въ молодости“ или „сова-сова“; она хранилась у Ольги Николаевны Смирновой. Надежда Николаевна была очень смѣшная дѣвочка; любила Гоголя, онъ ее звалъ всегда Надежда Николаевна и она ему говорила: „Это мнѣ приятно, Накавайка; я люблю почтение!“ и прибавляла по французски: „des égards et du respect“. Ея остроуміе его забавляло. Ольга Смирнова.

³⁾ Ник. Дм. Киселевъ—русскій уполномоченный.

⁴⁾ Отвѣчая на это письмо, Гоголь говоритъ между прочимъ: „Въ письмѣ вашемъ, не смотря на успокоеніе ваше, дышитъ что-то тревожное. Вы способны увлекаться; это вы должны помнить непрерывно“ (VI т., 63). Замѣтимъ кстати, что у г. Кулиша на отвѣтномъ письмѣ невѣрно выставлено (по предположенію) число: вмѣсто 17 апрѣля слѣдуетъ поставить: 7 апрѣля, такъ какъ Гоголь говоритъ, что писалъ это письмо въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, которое въ 1844 г. было 26-го марта (7-го апрѣля); къ тому же письмо Гоголя къ матери, написанное наканунѣ Пасхи, помѣчено 6 апрѣля.

Пятница. 29.

Я получила сегодня ваше письмо изъ Страсбурга, благодарю за напоминаніе, хотя я еще ничего не забыла ¹⁾. Голова идетъ кругомъ отъ визитовъ, покупокъ, а на душѣ лежитъ камень. Съ помощью Божіею будетъ легче; въ ту субботу Благовѣщеніе. Въ среду и сегодня была у обѣдни, и много плакала; это слезы не тѣ, которыхъ намъ надо желать, а еще земныя, слезы разставанья съ земнымъ и свѣтскимъ; все это должно перемѣниться. Я уже искала Боссюэта у Charpentier; изданіе все вышло, а другое явится вскорѣ. Читать мнѣ вовсе нѣтъ времени, молитвы, однако-жъ, утреннія не отлагаются. На страстную недѣлю я взяла Андрея Критскаго покаянный канонъ.

Равиньяна я слушала однажды по случаю oeuvrе de charité. Онъ говорить неровно; видно, что безъ приготовленія, мѣстами чудесно, и всегда изъ глубины души. Отъ Местра ²⁾ письмо я сама ему вручила, безъ дальнихъ словъ. Лицо его прекрасно, въ глазахъ дѣтская невинность, въ обхожденіи простота, вовсе не иезуитская. Онъ дол-

¹⁾ Въ письмѣ изъ Страсбурга отъ 26-го марта 1844 г. Гоголь говорить: „думалъ писать уже тогда, когда приѣду на мѣсто“ (т. е. въ Дармштадтъ, куда онъ поѣхалъ вмѣсто Штутгардта, см. „Записки о жизни Гоголя“, II, 6). Но пароходъ хлопнулся объ арку моста, изломалъ свое колесо, и всѣ пассажиры выгрузились вновь. Пронсшествіе это, равно какъ и неожиданно данное мнѣ лишнее время, почелъ я знакомъ, что мнѣ вужно чтонибудь сдѣлать, и я рѣшился написать по небольшой записочкѣ въ Ниццу Вильгорскія и въ Парижъ вамъ. Въ записочкѣ моей къ вамъ будетъ одно напоминаніе“. Далѣе Гоголь совѣтуетъ, „чтобы влить отвагу въ душу“, припомнить его слова и разговоры, припомнить также „милость Божію, повелѣвшую намъ встрѣтиться, и, наконецъ, братское влеченіе душъ нашихъ помочь взаимно другъ другу“ и пр. и напоминаетъ о покупкѣ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, которыя онъ совѣтовалъ Смирновой приобрести. (Ср. письма Гоголя, VI т., 57 стр. У г. Кулиша опечатка: Равиньякъ вмѣсто Равиньянъ).

В. III.

²⁾ Comte Rodolphe de Maistre, сынъ знаменитаго автора „Soirées de St. Petersbourg de Pape“ и пр. (Joseph de Maistre). Rodolphe былъ gouverneur de Nice въ 1844 г. А. О. Смирнова очень сблизилась со всѣмъ его семействомъ въ Ниццѣ въ 1844 г. Она имѣла къ нему письмо отъ его дяди, Comte Xavier de Maistre, автора „Voyage autour de ma chambre“. Графъ Xavier былъ женатъ на родной теткѣ Нат. Ник. Пушкиной. Rodolphe de Maistre старался переманить А. О. Смирнову въ католичество.

Первые религиозные разговоры и переписка между А. О. Смирновой и Гоголемъ начались собственно съ 1843 г. въ Римѣ, по поводу стараній княгини Зинаиды Волконской и другихъ личностей и ихъ пропаганды; но А. О. не поддавалась на это, хотя уважала все, что есть хорошаго въ католикахъ, а въ особенности ихъ ordres prêcheurs et ordres hospitaliers, soeurs de St. Vincent и проч. полезная учрежденія. Въ 1844 г. князь Иванъ Гагаринъ былъ въ Парижѣ и отправился въ St. Acheul (novitiat de Jésuites). Братъ А. О. (Кли-

женъ быть чистосердеченъ. Его красота неземная меня поразила: какъ уста говорятъ отъ полноты сердца, такъ и все выраженіе отъ чистоты духовной. Съ воскресенья начинаю ѣздить два раза въ недѣлю въ церковь, а въ часъ къ Равиньяну, какъ разъ отъ нашей обѣдни въ Notre Dame. Такимъ образомъ, «замолчить всяка плоть человѣка». Тысячу разъ благодарю васъ за напоминаніе, и прошу чаще напоминать; на васъ налагается эта обязанность до моего выѣзда изъ Парижа.

Книгелева вижу мало; онъ, впрочемъ, лучше и серьезнѣе понимаетъ и допускаетъ многія вещи.

Парижъ еще шумнѣе, многонароднѣе, и въ вавилонствѣ преуспѣль. Роскошь римская въ публичныхъ мѣстахъ, на площадяхъ, кафе, театрахъ и прочихъ вавилонскихъ выдумкахъ.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ ¹⁾ очень боленъ, и звалъ меня къ себѣ: сдѣлался ревнитель нашей церкви, а въ ней не бываетъ; я впрочемъ еще не была у него. По вечерамъ бываю у Мещерскаго ²⁾

ментій Ос. Россетъ) былъ очень друженъ съ Гагаринимъ; А. О. Смирнова также была съ нимъ очень дружна, видала его часто въ Парижѣ. А. О. Смирнова скончалась утромъ 19 (7) іюня 1882 г. въ Парижѣ, отецъ И. Гагаринъ въ вечеръ того же дня, въ Парижѣ; до конца онъ ее навѣщалъ, но ни тогда не старался ее перевести въ католичество, потому что хорошо зналъ, что она не способна переимѣнить вѣру. Каждый разъ, какъ она пріобщиалась больная на дому (ея духовникъ, отецъ Прилежаевъ, недавно умеръ въ Парижѣ), онъ приходилъ ее поздравить съ принятіемъ св. Таинъ. Умильнѣйшій добрѣйшій человѣкъ!... Гагаринъ съ ней говорилъ всегда о Россіи и сохранилъ до старости горячія чувства любви къ родинѣ. А. О. Смирнова и отецъ Гагаринъ были почти ровесники. Ольга Смирнова.

¹⁾ А. И. Тургеневъ упоминается нѣсколько разъ въ письмахъ Гоголя къ А. О. Смирновой, одинъ разъ подъ литерой R (VI, 101). В. III.

Александръ Ив. Тургеневъ умеръ въ 1845 году, братъ Ник. Ив. (декабриста); дядя А. О. Смирновой, Ник. Ив. Лореръ, былъ одинъ изъ декабристовъ, его записки печатались (не полныя) въ „Русскомъ Архивѣ“; тамъ же печатались также очень краткія воспоминанія А. О. Смирновой, Ник. Мих. Смирнова и Аркадія Ос. Россета (брата А. О. Смирновой). „Воспоминанія знатной дамы“ П. И. Вартеневъ написалъ съ рассказовъ А. О. Смирновой.

²⁾ Князь Николай Мещерскій, женатый на княжнѣ Алекс. Трубецкой, былъ католикъ; онъ былъ разбитъ параличемъ; сынъ его, Эмануэль, былъ флигель-адъютантъ покойнаго государя и убитъ на Шинкѣ въ 1877 г.; дочь была за Oubrie (посолъ нашъ въ Берлинѣ); она утонула въ 1875 г. Братъ кн. Мещерскій, князь Ник. Трубецкой, былъ женатъ на графинѣ Гудовичъ (скончалась за недѣлю до А. О. Смирновой), единственная дочь ихъ была за посломъ кн. Н. Орловымъ и умерла въ 1875 г. Другая сестра Мещерской— г-жа Мансурова. Всѣ эти личности и ихъ дѣти были самые близкіе друзья Смирновыхъ. Ольга Смирнова.

Николая, безногаго ¹⁾); онъ страдаетъ съ терпѣніемъ, надѣюсь христіанскимъ. На всякаго страдальца этой жизни хорошо посмотрѣть, и это напоминаніе. Вчера изъ блестящаго круга княгини Ливенъ ²⁾, гдѣ познакомилась съ Guizot и другими счастливыми сего міра, кажется единственно занятыми настоящимъ, я была опять у Мещерскаго, гдѣ и мысли и вся душа перевернулись. Найдите мнѣ способъ не выходить изъ однообразнаго расположенія души. На меня недовольно поверхностно дѣйствуетъ общество и свѣтскія удовольствія. У насъ на жизнь тишина Ниццкая, окошки на садикъ и выходъ въ Champs Elusées. Какъ жалокъ сѣверъ послѣ Италіи! Въ Россіи большая тоска послѣ карнавала. Перемерло множество и старыхъ и молодыхъ. Говорятъ, что Мицкевичъ почти сума сошелъ и не окончилъ курса ³⁾; я это узнала отъ поляковъ. Товянскаго отсюда выслали.

Жуковскихъ обвиняю обонхъ и люблю душевно. Молитесь о насъ, —потому что и дѣти будутъ пріобщаться,—обо мнѣ въ особенности: состояніе моей души еще не ясное, по минутамъ такая усталость, что, кажется, будто мысль не долетитъ до Бога. Выразить это трудно словами, а грустно чувствуется. Простите, буду писать послѣ Благовѣщенія; до радостнаго и скорого свиданія у Жуковскаго во Франкфуртѣ на Майнѣ ⁴⁾.

А. Смирнова.

Парижъ. 14 апрѣля 1844 г.

Послѣднее письмо ваше я получила, благодарю слезно за него; теперь же пишу вамъ, налагая на васъ обязанность, за которую вы должны благодарить Бога. Я получила отъ Николая Михайловича ⁵⁾ письмо; онъ пишетъ, что Василій Алексѣевичъ Перовскій ⁶⁾ уже съ мѣсяца запирается, никого не принимаетъ, въ сильной тоскѣ и

¹⁾ Кн. Н. Мещерскій упоминается въ письмахъ Гоголя въ С. Т. Аксакову (VI т., 21, 23, 88 и 261); также въ письмѣ къ Жуковскому (VI т., 259 стр.): „Видѣлъ, пока, только безногаго Мещерскаго, женатаго на кн. Трубецкой“.

В. III.

²⁾ Княгиня Ливенъ, вдова русскаго посла въ Лондонѣ въ 1830 годахъ; самъ Ливенъ былъ сынъ той княгини Ливенъ, которая воспитывала дѣтей Павла Петровича и Маріи Θεодоровны.

Ольга Смирнова.

³⁾ Т. е. курса публичныхъ лекцій о славянскихъ литературахъ, читанныхъ Мицкевичемъ въ Парижѣ въ 1840-хъ годахъ.

⁴⁾ Письмо Гоголя отъ 17 апрѣля 1844 г. (VI т., 62 стр.) служитъ отвѣтомъ на письмо Смирновой отъ 29 марта. Въ этомъ письмѣ интересны совѣты Гоголя успокоиться, бросить свои трудныя обстоятельства и приняться за чужія.

⁵⁾ Смирнова, мужа Александры Осиповны.

⁶⁾ Ср. эти строки въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, Кулиша, С.-Петербур., 1856 г., т. 2, стр. 18.

В. III.

примѣтнымъ образомъ худѣть. Письмо же, о которомъ я вамъ говорила ¹⁾, которое меня такъ огорчило и встревожило, было отъ него. Вы должны вспомнить, что въ Ниццѣ я съ вами говорила, что онъ четыре раза сряду прочелъ Евангеліе и мнѣ дѣлалъ разные запросы. Въ письмѣ своемъ онъ мнѣ говоритъ: «Вся жизнь моя предстала теперь предъ моею совѣстью, какъ предъ судьей строгимъ и ужаснымъ, и душа моя содрогается при мысли, что, можетъ быть, уже поздно. Я бы далъ до послѣдней капли крови, чтобы искупить мое прошедшее». Далѣе столько грустнаго, тяжкаго, вмѣстѣ раздраженнаго, и ни слова о Богѣ, такъ что я три дня плакала, и писала ему,—но чувствую, что слабо и дурно. На такой подвигъ надобна душа выше моей. Вы знаете, въ какомъ состояніи ума былъ Василій Алексѣевичъ въ Оренбургѣ: онъ даже покушался на жизнь!.. Вообразите, при смущенномъ состояніи души безъ помощи, (ибо всѣ друзья его свѣтскіе и люди, думающіе только о будущности этой жизни), онъ долженъ приходилъ въ отчаяніе, и что, можетъ быть, и самоубійство ему приходило въ голову. Спасите его. Вамъ надо сейчасъ, не медля, помолясь Богу, ему писать. Вы не должны и намекнуть на меня. Начинайте съ того, что вы узнали, что Алешѣ ²⁾ лучше, и что его гувернеръ имъ хвалится въ письмѣ къ Овербекъ, и присокупите, что въ воспитаніи его не надобно упускать религію, именно нашу, изъ виду; отсюда ползется тѣмъ выводомъ, которые могутъ на него дѣйствовать. Укажите ему на Павскаго ³⁾; въ такомъ состояніи души слова много значить. Теперь вспомните и мое слово: когда сбудется, я вамъ свою мысль открою. Поспѣшите письмомъ нашимъ; онъ худѣетъ очень, это меня очень пугаетъ. Какъ люди слѣпы, когда говорятъ, что чудесь нѣтъ! Жуковскому ни слова объ этомъ, и нѣжный поклонъ имъ обоимъ.

Равеньянь кончилъ свои «Conférences» и отправляется на покой въ Римъ. Послѣдняя была на эти слова: «Deo soli est gloria;» говорить прекрасно.

¹⁾ Письмо отъ 14 апрѣля должно быть сопоставлено съ первымъ письмомъ Смирновой, гдѣ, какъ видно изъ словъ: „Письмо, о которомъ я говорила“ и проч., рѣчь идетъ также о Перовскомъ; во 2) съ письмами Гоголя на стр. 67, 75, 95 и 153; въ 3) съ замѣчаніями въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ Кулиша, 2 т., стр. 18 и 19, гдѣ приведены выдержки изъ письма Смирновой. Здѣсь заслуживаютъ вниманія слова о „братскомъ, доступномъ душѣ голосѣ“.

²⁾ Алеша—побочный сынъ Василя Алексѣевича Перовскаго („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 19).

³⁾ Герасимъ Петровичъ, извѣстный ученый.

Боссюэта «*Élévation à Dieu*» и «*Traité*» прочиталась большимъ удовольствіемъ, вѣроятно, прочту еще нѣсколько разъ ¹⁾).

Я, слава Богу, въ Парижѣ, какъ вѣ Парижа, смущающихъ лицъ не вижу! Собой, недовольна была на дняхъ; вчера и сегодня лучше, Богъ поможетъ. Я здѣсь до 15 мая; у меня больна Надежда Степановна; ее параличъ разбилъ. Въ Баденъ я не могу быть; мы свидимся въ Голландіи; объ этомъ еще вамъ напишу. Николай Михайловичъ ѣдетъ въ губернію по комиссіямъ, а я туда, т. е. въ Петербургъ, дотащусь въ августѣ. Дѣти здоровы и веселы. Овербекъ вамъ дружески кланяется.

Прощайте и отвѣчайте мнѣ сейчасъ, а Перовскому сейчасъ пишите въ Петербургъ,—Большая Морская, домъ д'Андро, бывшій Оленина. Нельзя ли мнѣ вкратцѣ прислать то, что вы ему напишете. Я думаю, что мы точно не даромъ встрѣтились въ жизни,—вотъ вамъ и мнѣ теперь открылась обязанность, Богъ васъ да внушитъ!

Парижъ. 6-го мая 1844 г.

Вчера я была у обѣдни, потомъ въ Версалѣ, обѣдала въ 7 часовъ у Frères groveuseaux; такъ угождала мамону, что вечеромъ, лежа въ постели, мнѣ стало очень гадко, и родилось большое желаніе почитать апостола Павла, а потомъ съ вами поговорить: За обѣдомъ былъ самый гадкій разговоръ ²⁾, мнѣ было скучно; но я, однако-жъ, не смѣла его прекратить. Не менѣе того совѣстно и грустно послѣ такихъ дней. Почти вся жизнь моя въ Парижѣ проливается такимъ образомъ, между усталостью и самымъ пустымъ бездѣйствіемъ. Читать вовсе нѣтъ времени. Свѣтлыя минуты въ церкви, на лекціи Мицкевича во вторникъ и на концертахъ Листа. Я здѣсь, однако-жъ, остаюсь до 1-го іюня,—отчасти отъ того, что некуда ѣхать, отчасти отъ того, что Надежда Степановна ³⁾ больна, и что я ее отсылаю

¹⁾ Обѣ эти книги А. О. Смирнова читала по совѣту Гоголя (см. VI, 58).

²⁾ Отвѣтъ Гоголя: „Избѣгайте обѣдовъ и гадкихъ разговоровъ, или лучше—старайтесь в какой гадкій разговоръ обратить, сколько возможно, въ хорошую сторону. Люди, съ которыми вы обращаетесь, не все же дурные; они закружились только на свѣтской поверхности, но не могутъ быть чужды душевнаго слова, и направленіе разговора очень часто бываетъ въ нашихъ рукахъ“ и проч. (VI т., стр. 75).

В. Ш.

³⁾ Надежда Степановна—русская нянька Над. Нлк. Смирновой; у ней былъ ударъ въ Парижѣ. Во Франкфуртѣ взяли къ Н. Н. англичанку, Sarah Martindale, которую рекомендовалъ В. А. Жуковскій; она жила у Смирновыхъ долго, и уже когда всѣ дѣти подросли, она ихъ оставила.

Изъ Парижа А. О. Смирнова съ дѣтьми поѣхала въ Dusseldorf; живописецъ Sohn рисовалъ портреты дѣтей, оттуда они ѣздили во Франкфуртъ, гдѣ Жуковскіе и Гоголь въ то время проживали въ Sachsen Hausen у Рейтерна.

Ольга Смирнова.

15-го черезъ Гавръ въ Петербургъ, а беру для Надежды Николаевны ¹⁾ англичанку. Она такъ избаловалась во время болѣзни няньки, что съ нею трудно справляться. Дѣвушки отъ меня отходятъ, и я беру одну французенку на всѣхъ. Луи служить пока вѣрно и съ усердіемъ. Куда я направлю лыжи 1-го іюня, вамъ скажу тогда, потому что намъ надобно непремѣнно свиданье и надобно о многомъ переговорить.

Благодарю за письмо къ Перовскому ²⁾. Напрасно вы напомнили

¹⁾ Надежда Николаевна, младшая дочь Александры Осиповны, въ замужествѣ Соренъ; упоминается въ письмахъ Гоголя (VI т. по изданію Кулиша, стр. 89. Она тамъ обозначена литерой WF. „Указатель къ письмамъ, Гоголя“, стр. 20). В. Ш.

²⁾ Перовскій (Вас. Алек.)—оренбургскій губернаторъ. Письмо моего отца о немъ къ матери у меня; онъ боялся, что В. А. „pourrait se suicider“ и пишетъ матери; „prévenez Gogol; je crois qu'il a de l'influence sur lui. Son spleen (хандра) est moral et physique. Je le trouve très changé. Vous savez quel cas je fais de cet homme et combien il est utile à la Russie et dévoué au souverain et au bien. La religion seule le soutiendrait“.

Отецъ мой былъ очень религіозный человекъ, но никогда не говорилъ о религіи въ гостиную; онъ былъ вполнѣ православный и русскій человекъ, но не отвергалъ ни запада, ни всего, что есть хорошаго въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ. Онъ былъ друженъ съ А. С. Пушкинымъ, который его называлъ: мой европейскій бояринъ. Познакомился мой отецъ съ Пушкинымъ у Екат. Андр. Карамзиной; она его знала въ Москвѣ еще ребенкомъ была съ его матерью въ дружескихъ сношеніяхъ.

Бабушка моя—Феодосія Петровна Смирнова была послѣдняя изъ рода Бухвостова. Имѣнія Псковскія, Бухвостовщина, достались моему отцу; онъ былъ единственнымъ сынъ и осиротѣлъ 15-ти лѣтъ. 18 лѣтъ уже служилъ въ мин. иностр. дѣлъ. Приѣхавши изъ Италіи, онъ познакомился съ моею матерью у Карамзинныхъ. Катерина Андр. очень его любила, и также мою мать. Ея сыновья были очень дружны съ братьями моею матери: Климентіемъ, Іосифомъ, Аркадіемъ и Александромъ, котораго называли Charles. Андрей и Александръ Карамзины были (какъ и они) пажи и камеръ-пажи; меньшой, Владиміръ, былъ еще школьникъ тогда, онъ не готовился въ военную службу.

Отецъ мой былъ друженъ съ Софьей Ник. Карамзиной и съ Мещерскими (Катерина Никол. Мещерская-Карамзина). У матери моею въ семьѣ Карамзинныхъ были два фаворита: меньшая дочь Елизавета и Владиміръ. Но она была очень дружна и съ Софьей Ник. и Андр. и Алекс. Ник. Когда довольно строгая Екат. Андр. бранила меньшихъ (моя мать уже была фрейлиной), она за нихъ просила прощенія.

Докторъ Arendt прописалъ моею матери 6-ти-недѣльное морское купанье въ 1828 году; въ запискахъ моею матери написано: L'Imp. mère (т. е. Марія Феодор.) m'envoie à Reval avec m-me Karamsine; pour un mois ou 6 semaines. Je suis enchantée; depuis Odessa je n'ai pas vu la mer, mais la Baltique n'est pas bleue, ce n'est pas ma mer Noire, je ne l'ai jamais oubliée, quoique j'avais 5 ans quand je suis partie d'Odessa“. Въ другой запискѣ изъ Ревеля написано: „Aujourd'hui Wladimir (Карамзинъ) a été insupportable, il a joué

обо мнѣ; впредь прошу именно никогда ни слова обо мнѣ не говорить съ нимъ; мое имя уже все испортить ¹⁾, при свиданьи я скажу вамъ—

des tours à son dядька, a été, désagréable avec Лука (старый камердинеръ Н. М. Карамзина). J'ai ri d'abord de ses farces, mais j'ai vu que sa mère était peignée, elle l'adore: c'est celui qui lui rappelle le plus Н. М. (Карамзина) par sa figure; elle m'a priée de ne pas rire de ses violences; il a fini par me fâcher, car il s'est accroché à Lise (Елизавет. Ник. Карамзина), la douceur en personne, l'a fait pleurer, a été insupportable avec miss Skougel (шотландка, гувернантка Ел. Н. Карамзиной) et je lui ai déclaré qu'il ne serait plus mon favori, la bonne petite Lise m'a demandé pardon pour lui, mais j'ai tenu bon, il est trop impertinent, mais drôle, pas moyen de ne pas rire. Au fond, sa mère le gâte! elle est si bonne, quoique sévère pour les autres et nous l'adorons tous; j'ai peur des mendiants, elle me place toujours à l'église près du mur et se met entre moi et les mendiants. «Journal de Reval».

Пушкинъ представилъ моего отца моей матери у Карамзинныхъ на вечерникѣ, это было ихъ первое знакомство. Второе было въ 1831 г., когда отецъ прѣѣхалъ курьеромъ отъ гр. Pozzo di Borgo изъ Лондона. Въ первый разъ предложеніе отца моего было черезъ А. С. Пушкина (Пушкинъ уже былъ женатъ), а потомъ черезъ Екат. Андр. Карамзину. Мать отвѣчала, что не ей рѣшать дѣло, а импер. Алекс. Теодор., которая своею благосклонностью и постояннымъ попеченіемъ (какъ и импер. Марія Теодоровна) замѣняла ей родныхъ (мать потеряла отца на 5-мъ, а мать на 14 году). Ее опредѣлили на 8-мъ году въ Екатер. институтъ.

Посажена мать отца моего была Екат. Андр. Карамзина, посаженные отецъ и мать моей матери — государь и императрица; посаженный отецъ — Пушкинъ. Образъ несъ в. кн. Констнт. Николаев. Шафера были мои три дяди: Климентій, Юсифъ, Аркадій и Андрей Карамзинъ. 4-й братъ Александръ (Шарль) былъ тогда камеръ-наземъ. Были на свадьбѣ: вся царская фамилія, весь дворъ, всѣ друзья (Арзамасцы), Жуковский, Пушкины, Вяземскіе, Вязьгорскіе (дѣти на хорахъ, Вязьгорскіе и меньшіе Карамзины, а большіе вивзу въ первомъ). Вотъ что я слышала по преданію и записала уже 30 лѣтъ назадъ.

Слово Арзамасцы обозначало друзей матери; она называетъ гостиную Екатерины Андр. ковчегъ Арзамаса.

Василій Алек. претерпѣлъ много горя отъ побочнаго сына своего Алеши; онъ его страстно любилъ и баловалъ. Въ послѣдніе годы Алеша былъ разжалованъ въ солдаты и умеръ очень рано. Ольга Смирнова.

¹⁾ На стр. 155 VI тома, въ письмѣ къ Перовскому: „Я послалъ о васъ запросъ къ Смирновой въ Парижъ“, и на стр. 75, въ слѣдующемъ письмѣ къ Смирновой: „Мнѣ жаль, что въ письмѣ къ Перовскому я упомянулъ о васъ. Въ такомъ случаѣ вы напишите ему, что не отвѣчали ничего на мой вопросъ“.

Оба письма (на стр. 67 и 75 VI т.) написаны въ весьма суровомъ, обличительномъ тонѣ. Къ словамъ: „Случалось ли вамъ хотя разъ задумать надъ слѣдующимъ вопросомъ: „Всѣ эти разнообразныя качества, которыя даются женщинамъ и которыя даютъ ей такую власть надъ мужчинами, неужели всѣ это дается даромъ?“ Въ письмѣ Гоголя (на стр. 77) слѣдуетъ

зачѣмъ. Теперь держитесь одного моего запрещенія, и пишете такъ, какъ бы я не существовала. Алеша хорошій предлогъ. Ему ¹⁾ лучше. Это я узнала чрезъ третье лицо. Онъ говѣлъ съ большимъ раскаянiемъ и успокоился, совершивъ этотъ подвигъ послѣ весьма долгаго забвѣтiя. Вы справедливо говорите, что «нечего бояться тамъ, куда взошелъ Богъ» ²⁾. У Перовскаго все чисто духовное, а не умственное. Совѣсть заговорила: это его собственныя слова ³⁾. У меня больше работаетъ умъ и страхъ; иногда меня пугаетъ то, что совѣсть моя не довольно мучить. Отчего это?

Упреки ваши я принимаю съ удовольствiемъ; надобно, чтобы они были справедливы. Съ какими болтунами ⁴⁾ я говорила, не знаю и не думаю. Никто больше своей души не закрываетъ, какъ я; болтуны часто бываютъ и глупы ⁵⁾. Умъ мой всѣмъ доступенъ, а душа моя едва-ли кому нибудь такъ открыта, какъ вамъ, вы ее видѣли во всей ея чернотѣ и наготѣ. Боже сохрани, показать ее такую другимъ. Я искала для васъ опроверженiе Евангелiя и не нашла; оно разошлось въ весьма маломъ количествѣ и было даже здѣсь запрещено. Мицкевича есть «Dziady» и «Валленродъ» во франц. переводѣ. Лекцiи за три года были литографированы на фр. и нельзя достать ни одного экземпляра. На нѣмецкомъ есть за два года и я его купила. Здѣсь это очень дорого, а, говорить, во

сдѣлать сопоставленiе съ отрывкомъ „Женщина въ свѣтѣ“ (Соч. Гоголя, 3 изд. наследiя, IV, 572), гдѣ Гоголь высказываетъ сходныя мысли, хотя и нельзя предполагать, что „Женщина въ свѣтѣ“ написано къ А. О. Смирновой.

¹⁾ Т. е. Василю Алексѣевичу Перовскому.

²⁾ См. VI т., 69.

³⁾ Ср. „Записки о жизни Гоголя“, т. II, стр. 19. Письмо Гоголя къ Перовскому, о которомъ идегъ рѣчь, напечатано въ VI т. сочиненiй Гоголя, изд. Булиша, стр. 153—156.

⁴⁾ См. VI т., 70: „Вы мнѣ часто подъ большимъ секретомъ и тайной объявляли такiя вещи, которыя сообщали потомъ первому болтуну, или просто свѣтскому человѣку, если только онъ умѣлъ заставить васъ проговориться, или даже прiятно занять васъ (письмо отъ 20 апр. 1844 г.).“

В. III.

⁵⁾ Эти слова вызваны слѣдующими строками предшествовавшаго письма Гоголя: „Вы мнѣ часто подъ большимъ секретомъ и тайной объявляли такiя вещи, которыя сообщали потомъ первому болтуну или просто свѣтскому человѣку, если только онъ умѣлъ заставить васъ проговориться или даже прiятно занять васъ“ (изд. Кул., VI т., 70). Этотъ намекъ разъясняется на стр. 104: «Я позабылъ сдѣлать вамъ не упрекъ, но въ родѣ его. Мнѣ кажется, что вы напрасно показываете мои письма. Въ Парижѣ вы показали Тургеневу» (Александрѣ Ивановичу). На стр. 78: „Позвольте спро-

Франкфуртъ дешево. (Vorlesungen über «Slawische Litteratur, gehalten im Collège de France in 1840—1842»). «Dziady» я вамъ везу. Припомните, что бы мнѣ вамъ еще привезти. Исандра, «Vie de A. Berngard» и еще что-нибудь такое? Вамъ кланяется Балабинъ ¹⁾; онъ добрый мальчикъ, но немного избалованъ въ Парижѣ, важничаетъ и матеріальничаетъ; впрочемъ, молодость возьметъ свое, а потомъ съ Богомъ все перемѣнится.

Читайте перепалку іезуитовъ съ университетомъ, тутъ много хорошаго и любопытнаго есть. Прочтитевъ «Débats», 1-го или втораго мая, рѣчь Jaucourt'a въ собраніи реформатскихъ школъ. Она очень замѣчательна, чисто христіанская и, по-моему, очень рациональная въ политическомъ смыслѣ.

А іезуиты мнѣ смерть какъ надоѣли; они идутъ по тропинкѣ, возлѣ настоящей дороги, и тропинка еще не прямая, а съ извилинами. Я часто не вижу никого, чаще другихъ Листа и Константинова, артил. офицера, который выдумалъ машину для измѣренія выстрѣловъ и очень здѣсь прославился. Онъ уменъ и свѣдущъ; впрочемъ, матеріальный и очень толстый человекъ.

Сегодня, слава Богу, мнѣ некуда ни ѣхать, ни идти; погода сѣренькая и на душѣ грустненько и тяжеленько. Пойду къ большой сосѣдкѣ, институтской знакомкѣ, которая меня просила ее навѣстить. Затѣмъ прощайте, пишите все къ Турнейзену. Жучку ²⁾ подѣлуйте. А. Смирнова.

Овербекъ ³⁾ васъ благодарить за воспоминаніе. Надекъ скачетъ на веревкѣ въ саду. Пичуру за дурное поведеніе съ собаками отослали за двѣ мѣли, однажды утромъ; она явилась ночью, въ изнеможеніи, полумертвая. За такой поступокъ она наслаждается общимъ уваженіемъ и дружбою всего дома и ѣдетъ въ Петербургъ. Дайте имя дома Жучкина или номеръ. Графинѣ Вильгорской я писала въ Женеву, *poste restante*; скажите это ей.

силь также, что значить это гордое выраженіе въ вашемъ письмѣ: „Никто такъ не закрываетъ души своей, какъ я?“ Да вѣдь какъ же закроешь душу? для этого нужно не говорить ничего, не дѣлать никакихъ дѣлъ, спрятаться отъ всѣхъ и даже не показывать никому своего лица“ и пр. В. III.

¹⁾ Викторъ Петровичъ, братъ ученицы Гоголя, Марьи Петровны Балабиной, впоследствии Вагнеръ

²⁾ Жуковского.

³⁾ M-me Овербекъ—гувернантка (въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, стр. 11. Ея имя скрыто подъ литерами NN на страницахъ 64, 189 и 411 VI тома въ изд. Кулиша). В. III.

Берлинъ, 12 августа 1844 г.

По сю сторону Россіи хочу вамъ еще написать нѣсколько строкъ, любезный Николай Васильевичъ. Изъ Дюссельдорфа некогда было писать; я осталась тамъ два дня въ atelier Зона почти безвыходно, потомъ восемь дней была въ Голландіи, опять вернулась въ Дюссельдорфъ. Портреты почти были готовы и весьма удачно. Три дня я отдыхала отъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и прочихъ пріятныхъ переѣздовъ въ этомъ родѣ... Боже, зачѣмъ вездѣ нѣмцы!... Голландія, впрочемъ, мнѣ понравилась: менѣе похоже на все прочее, пошлое и избѣженное. Въ Саардамѣ списала для васъ слѣдующія слова Теофана.—(Странно они тамъ звучали; въ нихъ что-то есть пророческое:)—«Каковою онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ, впрочемъ, страшною, страшною и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славною и быти не престанетъ». Жуковского стихи слабы послѣ этого. Ихъ и не выписываю.

Изъ Дюссельдорфа я прямо сюда безъ оглядки, а 17-го, если Богъ дастъ, на пароходъ въ Штетинѣ и въ Россію. Здѣсь я получила письмо отъ Аркадія, извѣстія самыя грустныя на счетъ Александры Николаевны ¹⁾; ему сообщилъ ихъ Перовскій. О немъ онъ говорить, что переѣзна ужасная въ лицѣ, а особенно въ юморѣ. Онъ почти живеть у Шуваловыхъ, а Аркадій ²⁾ приписываетъ: «Боже, какая разница межъ Римомъ и Петербургомъ!» а я прибавляю—для русскаго генерала, который въ Россіи не можетъ забыть свое значеніе и тяжесть эполець.

У меня на душѣ и не тяжко, и не легко. Я какъ стоялая вода: ее можно выпить, но какая разница съ ключевой, снѣжной! Такъ и моя душа немного застоилась отъ Парижа... Впрочемъ, и кочевая жизнь тому причиною; въ Петербургѣ откроется новое поле, начнутся заботы уже съ того, что, вѣроятно, домъ продадимъ и послѣ такого подвига рѣшимъ, какъ и гдѣ жить, чтобы не заводить этой дряни снова. Меня очень тянетъ купить имѣніе возлѣ Ревеля; тамъ будетъ всегда спокойно; климатъ и воздухъ лучше, растутъ каштановыя деревья, близко и далеко отъ Петербурга; если даже придется

Миссъ Овербекъ любила моихъ родителей, они съ ней обходились, какъ съ родной сестрой. Русская гувернантка была моложе, хохлатка изъ Патріот. институт., Настасія Мих. Кублицкая-Пѣтухъ. Ольга Смирнова.

¹⁾ Великой княгини, дочери императора Николая Павловича.

²⁾ Аркадій Осиповичъ Россетъ. Онъ вездѣ обозначенъ въ письмахъ Гоголя инициаломъ Р. или литерой F („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 4).

и въ губернію, то на дѣто этотъ уголь пригодится. Плановъ, впрочемъ, не хочу составлять, а что будетъ, то будетъ, и тому скажу аминь.

Я получила письмо отъ Владимира Николаевича ¹⁾ въ отвѣтъ на мое поздравленіе, такое безцвѣтное, что о душѣ его ничего не говорить, хотя онъ говоритъ о дружбѣ и о благодарности. Съ пріятностію вырывается слово наша деревня, нашъ домъ, наши помѣстья и село Ивня; въ почеркѣ показывается удовлетворенную страсть къ тому, что такъ хорошо по французски выражаетъ слово *regretté*.

Пожелайте мнѣ, пожалуйста, любви и любви. Я очень люблю эти слова: «избави ны отъ всякія скорби, гнѣва и нужды», а межъ тѣмъ душа моя гнѣвалась и скорбѣла.

Віельгорскихъ вы не можете расцѣловать,—приложите къ ручкѣ у графини, Софьи и Анны Михайловны; я ихъ люблю нѣжно съ благодарностію. Графъ мнѣ написалъ прелестное письмецо изъ Бадена; это меня очень тронуло. Михаилъ Михайловичъ ²⁾ у меня былъ вчера утромъ; скажите, что ему паричекъ очень присталъ. Онъ цвѣтущій и прекрасный юноша. Гдѣ въ глазахъ умъ и душа, тамъ и красота. Васъ онъ очень, очень любитъ. Мансуровъ ³⁾ насъ нынче угощаетъ обѣдомъ; насъ будетъ только трое (Мансуровъ прекрасный человѣкъ).. А я рада, что вы съ ней познакомились. У ней душа не какъ моя, доискиваться ея не надо: сердце ангельское, при томъ и умъ; скажите ей тысячу нѣжностей отъ меня. Итакъ, прощайте, любезный другъ, я васъ не забуду и вашъ часъ буду хранить.

Обѣдня для меня очень много значить; завтра надѣюсь здѣсь отслужить; мы писали попу въ Потсдамъ. Письмо это вручится Мих. Дѣти здоровы, слава Богу. Надекъ ⁴⁾ злился и его высѣкли

¹⁾ Карамзина, сына Н. М., къ нему есть стихи Вяземскаго, озаглавленные: „Володенькѣ Карамзину“ (IV т., 139 стр.).

²⁾ Віельгорскій-Матюшкинъ („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 53). Онъ обозначенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ письмахъ Гоголя литерой Z.

В. III.

³⁾ Мансуровъ, женатый на кн. Трубецкой, былъ тогда нашъ военный агентъ въ Берлинѣ; добрый человѣкъ (его жена была сестра кн. Мещерской). Мой отецъ былъ секретаремъ при берлинскомъ посольствѣ и уже тогда подружился мой родители съ Мансуровыми, а отецъ зналъ Мещерскаго еще въ Италіи. Въ 1836 г. посолъ былъ гр. А. И. Рибоньеръ; онъ и его семья очень дружны были съ нами; другой секретарь, А. Озеровъ, былъ другъ дѣтства моего отца и сосѣди по московскому имѣнію.

Ольга Смирнова.

⁴⁾ Надежда Николаевна Смирнова, впоследствии Соренъ. В. III.

въ Дюссельдорфѣ, съ тѣхъ поръ сталъ тише. Характеръ, къ несчастью, мой, въ преувеличенномъ видѣ. Сонѣ завтра семь лѣтъ. Прощайте, молитесь о путешествующихъ и плавающихъ и пишете въ Петербургъ, у Синяго моста, и пр., и пр. Ваша отъ души А. Смирнова.

Софьѣ Михайловнѣ я еще сама буду писать ¹⁾. А. Смирнова.

Сообщ. В. И. Шенроуъ.

Примѣчанія Ольги Николаевны Смирновой.

Къ страницѣ 560, выноска 2: Князь Николай Трубецкой также былъ католикъ, умеръ въ началѣ 1870-хъ годовъ; былъ благороднѣйшій и добрѣйшій человекъ. Княгиня Трубецкая, рожд. Гудовичъ, была очень умна, начитана, но большая женщина и крайне оригинальнаго нрава; она пролежала 25 л., никогда не выѣзжала, но принимала у себя. Она была очень дружна съ Mr Thiers и Henri Martin и съ другими выдающимися писателями; умерла въ Belle-fontaine (Fontaine-bleau, въ 1882 г.).

Четвертый братъ, Александръ (Шарль), былъ тогда камеръ-пажемъ императрицы Александры Феодоровны и дежурилъ при ней на свадьбѣ. Были также и воччимъ моей матери, ген. Ив. К. Арнольди, и ея demi-frère Ал. Ив. Арнольди (также въ пажахъ тогда).

Къ стр. 605, выноска. Въ 1830-хъ годахъ еще держались старымъ и барышни не рѣшались о своей судьбѣ безъ старшихъ и совѣтовались съ ними.

Отецъ мой также велъ переписку съ остроумной Софьей Ник. Карамзиной; она его очень любила. Она была отъ перваго брака Карамзина и гораздо старше другихъ. Андрей и Александръ были ровесники моихъ дядей. Андрей даже служилъ въ артиллеріи, гдѣ служилъ Аркадій Ос. Р., но онъ былъ болѣе друженъ съ Александромъ Николаевичемъ.

---

¹⁾ На это письмо Гоголь отвѣчалъ 26 августа: „Благодарю васъ за письмо изъ Берлина“ и пр. (VI т., стр. 92). Неясность, происходящая въ данномъ мѣстѣ отъ неточнаго употребленія мѣстоименія, представляетъ для читателя нѣкоторое затрудненіе: говорить ли здѣсь А. О. о женѣ Мансурова или объ одной изъ Віельгорскихъ, упомянутыхъ нѣсколькими строками выше? Последнее предположить трудно, потому что Гоголь уже въ Ниццѣ коротко зналъ Віельгорскихъ. Рѣчь идетъ, повидимому, о Мансуровой.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

въ неизданныхъ отрывкахъ его писемъ къ П. А. Плетневу

1846—1848.

30-го іюля 1846 года Н. В. Гоголь обратился къ профессору П. А. Плетневу съ просьбой бросить всё свои дѣла въ сторону и заняться печатаніемъ его книги, подъ названіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Объ этой книгѣ онъ говорилъ: «Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что, по крайней мѣрѣ, могу сказать; все прочее объяснить самая книга». Просьбу Гоголя Плетневъ долженъ былъ выполнить, какъ «навѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга».

Давно уже всецѣло поглощала Гоголя мысль объ этомъ его литературномъ дѣтницѣ, которое, при всемъ сознаваемомъ несовершенствѣ формы, — казалось автору, — имѣло вполне исключительное, недостижимо-высокое значеніе, являя собою разрѣшеніе трудной задачи, налагаемой на него заботами «о душѣ и дѣлѣ душевномъ». По собственному призванію Гоголя, мысль эта созрѣла во время перенесенной имъ тяжелой болѣзни, когда страданія были «до такой степени невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось похожимъ на какое-то лекарство или облегченіе» (См. Сочиненія и письма Гоголя, изданіе Кулиша, VI, 236). Въ это время самое существованіе Гоголя было «въ сомнительномъ состояніи» и онъ «едва не отклонялся». Но недуги, непріятности и испытанія были приняты имъ какъ особое выраженіе «воли Пославшаго» итъ, чтобы «разрѣшилась скорѣе та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки». — «Много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей!» писалъ Гоголь тому-же Плетневу.

На изданіе переписки Гоголь смотрѣлъ, какъ на какую-то миссію, какъ на исполненіе указанія свыше. Въ этихъ мысляхъ поддерживалъ его, вѣроятно, и В. А. Жуковский, съ которымъ онъ жилъ тогда въ Остенде... Выгодъ книги долженъ былъ составить событіе; печатаніе ея было обставлено строжайшей тайной, такъ какъ нарушеніе неожиданности и торжественности

было бы въ глазахъ автора непростительной профанаціей его душевной святыни. Плетневъ былъ избранъ на этотъ разъ довѣреннымъ лицомъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ друзей, жившихъ въ Петербургѣ, и какъ человѣкъ, уже прежде исполнявшій не разъ порученія, такъ сказать, литературнаго характера. Съ этихъ поръ устанавливается непрерывная и усиленная переписка между Гоголемъ и Плетневымъ, тогда какъ до того они переписывались довольно рѣдко (въ изданіи писемъ Гоголя у г. Кулнша мы находимъ всего десять писемъ Гоголя къ Плетневу въ V томѣ и въ VI до ноября 1845 г.—голько одно). По содержанію же писемъ 1846 года мы видимъ, что съ самаго возобновленія переписки Гоголь уже имѣлъ въ виду постепенное подготовленіе Плетнева къ возлагаемому на него порученію. Разумѣется, слово «подготовленіе» не слѣдуетъ здѣсь принимать въ пошломъ, чисто практическомъ или житейскомъ его значеніи, но въ болѣе высокомъ, отвлеченномъ. Извѣстно, что неудачу «Выбранныхъ мѣстъ» Гоголь объяснялъ впоследствии (въ «Авторской Исповѣди») «темнотой и неумѣніемъ выражаться». Гоголь ошибался, конечно, когда писалъ Н. Н. Шереметевой, что «главной виной множества упрековъ, которымъ подвергнулась книга, была незрѣлость ¹⁾ ея и что если бы «тѣ самыя вещи можно было сказать гораздо обдуманнѣе, точнѣе, опредѣлительнѣе, проще, скромнѣе и искреннѣе, то книга имѣла бы больше защитниковъ». Но онъ былъ, безъ сомнѣнія, правъ въ томъ, что неподготовленность общества и самихъ корреспондентовъ къ выразившемуся въ ней настроенію была одной изъ главнѣйшихъ причинъ поднявшейся противъ него бури и ожесточенія. Сочувственная стывчивость на затрогиваемыя струны представляетъ необходимое условіе нравственнаго воздѣйствія на людей: иначе слишкомъ высоко взятая нота, слишкомъ восторженный тонъ, теряя свой прозвучавшій, иногда глубоко трагическій характеръ, окажется пошлымъ, защищеннымъ или низведеннымъ на степень комизма. Гоголь себя и сравнивалъ потомъ съ несозрѣвшимъ юношей, который всегда хватитъ нотой ниже или выше того, чѣмъ нужно; но онъ все-таки, кажется, до самаго конца не подовѣрвалъ ложной постановки вопроса въ публичной исповѣди по самому чувству (по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой она у него вылилась). Притомъ Гоголь слишкомъ широкія надежды возлагалъ на издаваемую имъ переписку, и не только въ смыслѣ ожиданія отъ нея огромной пользы для общества, но и въ смыслѣ успѣха ея вообще. Придавая своей книгѣ значеніе какъ бы откровенія, онъ говорилъ о ней Плетневу сначала намеками, довольно неясными, значительно прибавляя въ заключеніе: «вотъ все, что могу тебѣ сказать вперед; остальное договорить тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ Святой Волѣ устроить его», или: «приходить уже то время, въ которое все объяснится». И, наконецъ, въ указанномъ выше письмѣ тайна была открыта...

¹⁾ Курсивъ въ подлинномъ письмѣ.

Съ этихъ поръ содержаніе переписки между Гоголемъ и Плетневымъ становится прозаически однообразнымъ, въ строгомъ смыслѣ дѣловымъ: всѣ письма наполняются указаніями, какъ слѣдуетъ печатать книгу, въ какой срокъ, въ какомъ форматѣ и даже какимъ шрифтомъ. Въ каждомъ письмѣ повторяются подробныя инструкціи, какія слова и выраженія надо переимѣнить, прибавить, исключить. При этомъ онъ упрощивалъ Плетнева не терять энергіи: «Молю тебя не уставать и не пренебрегать найдобросовѣстѣйшимъ исполненіемъ этого дѣла» (Кулишъ, VI, 260). Видно, что дѣло интересовало Гоголя въ высокой степени: если «Евгеній Онѣгинъ», по выраженію Бѣлинскаго, былъ «любимое дитя фантазій» Пушкина, то Гоголь навѣрное ни объ одномъ изъ своихъ произведеній, даже о «Мертвыхъ Душахъ», не заботился и не хлопоталъ столько, какъ о «Развязкѣ Ревизора» и «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки».

Обращаясь къ печатаемымъ нынѣ отрывкамъ изъ писемъ Гоголя къ Плетневу, появившихся въ изданіи Кулиша по необходимости съ большими сокращеніями и урѣзками, считаю нужнымъ указать особенно на то, что изъ нихъ мы знакомимся съ длиннымъ рядомъ неудачъ и разочарованій Гоголя вслѣдствіе безчисленныхъ цензурныхъ затрудненій, неудачъ, предшествовавшихъ другимъ болѣе тяжкимъ испытаніямъ. Можно сказать, что цензура причинила двойной вредъ Гоголю: лично ему и еще болѣе его памяти. Показалось бы невѣроятнымъ, если-бъ не было несомнѣннымъ фактомъ, что цензура не мирилась съ самыми благонаѣренными мыслями и взглядами Гоголя. Напрасно молилъ Гоголь о томъ, чтобы книга его была представлена на разсмотрѣніе самому государю, рѣшенію котораго онъ считалъ безусловнымъ долгомъ подчиниться безропотно. Но несравненно важнѣе, на нашъ взглядъ, вредъ, причиненный памяти Гоголя неполнымъ обпародованіемъ его переписки. Пропущенныя мѣста въ изданіи Кулиша нерѣдко объяснялись панегирическими соображеніями, подозрѣваемыми въ издателѣ, тогда какъ сличеніе съ подлинниками убѣждаетъ въ томъ, что пропуски дѣлались или по понятному и естественному требованію приличія относительно живыхъ еще лицъ, или же вслѣдствіе того, что рѣчь въ нихъ шла о цензурныхъ стѣсненіяхъ. Даже такой безспорно почтенный и добросовѣстный изслѣдователь, какъ проф. О. Ѳ. Миллеръ, высказывалъ крайне невыгодныя предположенія для Гоголя относительно содержанія пропусковъ въ его собственныхъ письмахъ или относительно отвѣтныхъ писемъ, каковыя догадки, однако, часто совсѣмъ не подтверждаются подлинниками. Затѣмъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ несправедливо-враждебнаго отношенія къ Гоголю было извѣстное письмо къ нему В. Г. Бѣлинскаго. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что оно ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть для насъ того авторитета, какого безусловно заслуживаетъ его критическая дѣятельность. Нельзя забывать, что оно было писано въ минуту крайне болѣзненнаго раздраженія, подъ влияніемъ взглядовъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, какіе

нѣлъ Гоголь,—человѣкомъ, надломленнымъ жизнью, страстнымъ и увлекающимся по природѣ; нельзя забывать и того, что столкновение Гоголя съ Бѣлинскимъ заключаетъ въ себѣ глубокой трагизмъ; особенно тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ распрей двухъ гениальныхъ, но больныхъ и разбитыхъ людей, изъ которыхъ каждому она обошлась недешево...

Вспомнимъ, что по пословицѣ: «На кого Богъ, на того и люди», послѣ рѣшительнаго и полнѣйшаго фіаско «Выбранныхъ мѣстъ», на Гоголя отовсюду посыпались градомъ вождедѣнные имъ прежде упреки; «надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ». Гоголь былъ подавленъ, потрясенъ, ошоренъ. За всякое теплое слово, исполненное участія, онъ былъ тогда благодаренъ. Даже Жуковскому онъ писалъ съ признательностью: «ты кротко, безъ негодованія подаешь мнѣ братскую руку свою» (Кулишъ, VI, 351). Со страхомъ распечатывалъ и читалъ онъ письмо самой Шереметевой, его «духовной матери», пока не убѣдился, что «въ немъ та-же любовь и тѣ-же молитвы». Вотъ въ это-то тяжелое время и получилъ Гоголь роковое письмо отъ Бѣлинскаго, отвѣтъ на которое имъ не было послано, вслѣдствіе крайней подавленности духа.

Отъ этого прискорбнаго столкновенія двухъ наиболѣ дорогихъ намъ литературныхъ дѣятелей недавняго прошлаго мы желали бы перенести вниманіе читателей на одно изъ прежнихъ писемъ къ Гоголю Бѣлинскаго, характеризующее до нѣкоторой степени отношенія обоихъ писателей въ сравнительно болѣе свѣтлый періодъ ихъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая полезнымъ въ интересахъ истины устранить несправедливыя нареканія на творца «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», происшедшія единственно вслѣдствіе неполнаго знакомства съ его перепиской, пользуемся обязательнымъ дозволеніемъ А. В. Гоголь и Н. В. Быкова напечатать предлагаемые документы частью въ полномъ видѣ, частью въ извлеченіяхъ. Последнія допущены во избѣжаніе перепечатыванія давно извѣстныхъ и притомъ иногда чрезвычайно большихъ по объему писемъ. Ограничиться приведеніемъ лишь пропущенныхъ стробъ изъ писемъ, напечатанныхъ уже въ изданіи г. Кулиша, намъ казалось болѣе удобнымъ также ради нагляднаго и убѣдительнаго подтвержденія высказанныхъ нами мыслей.

В. И. Шенроуъ.

Пропущенныя мѣста изъ писемъ Гоголя къ Плетневу въ изданіи г. Кулиша.

Въ письмѣ Гоголя къ П. А. Плетневу отъ 16-го октября 1846 г. (см. изд. Кулиша, VI т., 279) послѣ словъ:

«Скорбно мнѣ слышать происшедшее неустройство отъ медленности Никитенко. Но чѣмъ же виновать я, добрый другъ мой?»

слѣдуетъ дополнить:

«Я выбралъ его потому, что зналъ его все-таки за лучшаго изъ другихъ, и притомъ, видя его имя, выставленное у тебя на «Современникѣ», я думалъ, что ты съ нимъ въ сношеніяхъ тѣснѣйшихъ, чѣмъ съ другими цензорами».

Спусти нѣсколько строкъ послѣ словъ:

«Мнѣ нужно, сверхъ этого, еще помочь и тѣмъ людямъ, которымъ кромя меня никто не поможетъ»

слѣдуетъ большой пропускъ:

«Если же Никитенко будетъ затрудняться или одолѣется робостью, то мое мнѣніе печатать книгу и въ корректурныхъ листахъ поднести всю на прочтеніе государю. Дѣло мое правда и польза, и я вѣрую, что моя книга будетъ вся имъ пропущена. Въ послѣднемъ случаѣ поговори объ этомъ хорошенько съ Александрой Осиповной, если она только уже въ Петербургѣ: онъ съумѣетъ, какъ это устроить. Если же дойдетъ до духовнаго цензора, то этого не бойся. Не дѣлай только этого официальнымъ образомъ, а призови къ себѣ духовнаго цензора и потолкуй съ нимъ лично: онъ пропуститъ и скорѣй, можетъ быть, чѣмъ думаешь. Въ словахъ моихъ о церкви говорится то самое, что церковь наша сама о себѣ говоритъ и въ чемъ всякій изъ нашихъ духовныхъ согласенъ до единого».

Въ концѣ письма опущено нѣсколько заключительныхъ строкъ послѣ словъ:

«Такое опредѣленіе не приходило еще европейскимъ правовѣдцамъ».

Въ подлинномъ письмѣ читаемъ далѣе:

«О полученіи этого письма увѣдоми меня непременно письмомъ въ Неаполь на имя посольства или въ Poste restante и все, что ни случится только, адресуй въ Неаполь. Прощай до слѣдующаго письма; тороплюсь отдать на почту. Весъ твой Г.

Страницъ въ 5-й тетради включительно съ прежними 147, а статей двѣ и третья вставка».

Примѣчаніе. Въ послѣднихъ строкахъ Гоголь говоритъ своему другу объ отправленной имъ одновременно съ письмомъ «пятой, заключительной тетради» рукописи «Выбранныхъ мѣстъ изъ перенесенъ съ друзьями».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 20-го октября 1846 г. (изд. Кулиша, т. VI, стр. 271) находимъ снова пропуски:

Послѣ словъ:

«Вы человекъ умный и можете видѣть сами, что въ книгѣ содержится и (что) предпринята она именно затѣмъ, чтобы возбудить благоговѣніе ко всему тому, что поставляется въ законъ нашею церковью и нашимъ правительствомъ»;

слѣдуетъ читать:

«Вы можете сами смекнуть, что самъ государь и дворъ станетъ въ защиту ея. Перегляните и цензурный уставъ вашъ и всѣ предписанія прибавочныя и покажите, противъ какого параграфа есть въ книгѣ противорѣчіе; стыдно вамъ и колебаться этимъ, подписывайте твердо и теперь же листки, потому что типографія ждетъ, а времени и безъ того уже упущено довольно».

Нѣсколько строкъ дальше, послѣ словъ:

«По выходѣ книги приготовь экземпляръ и поднеси всему Царскому Дому до одинаго»;

пропущено:

«не выключая и малолѣтнихъ; всѣмъ великимъ князьямъ: дѣтямъ Наслѣдника, дѣтямъ Маріи Николаевны, всему семейству Михаила Павловича».

Въ письмѣ отъ 8-го декабря 1846 года послѣ словъ:

«Отъ Шевырева я, между прочимъ, узналъ новость, о которой ты меня совсѣмъ не извѣстилъ, а именно, что «Современникъ» уже не въ твоихъ рукахъ», пропущена слѣдующая строка:

«а перешелъ въ руки къ Никитенку, Вѣлинскому и Тургеневу».

Въ письмѣ изъ Неаполя, отъ 5-го января (нов. стilia) 1847 г. (см. въ изд. Кулиша, VI т., стр. 316, 317), восстанавлиемъ преимущественно начало и конецъ его:

«Письмо твое отъ 21-го ноября (3-го декабря) получилъ; вексель получилъ за четыре дня прежде. Долгое молчаніе твое я приписывалъ именно ничему другому, какъ затажкѣ дѣла и препятствіямъ по части пропуска статьи. Нужно, чтобы попался слишкомъ умный цензоръ, который бы слишкомъ хорошо зналъ все въ Россіи и всѣхъ въ Россіи и сверхъ того, чтобы онъ весь преисполненъ былъ желаніемъ добра и здраво увидѣлъ бы законный источникъ его, чтобы отважиться все пропустить до послѣдняго слова въ моихъ письмахъ. Ты свое дѣло сдѣлалъ, хлопоталъ и старался изъ всѣхъ силъ; но я своего дѣла не сдѣлалъ. Мое дѣло настоять, чтобы все было пропущено».

Далѣе, черезъ страницу, находимъ слѣдующій пропускъ послѣ словъ: «Я долженъ также сдѣлать отъ себя, что мнѣ кажется очевидно возможнымъ»:

«Государь долженъ видѣть всѣ письма, не пропущенныя цензурою. Кроме того, что такъ слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ образъ мыслей моихъ и помысленный—это законный ходъ дѣла. Когда всѣ затруднились высшія инстанція въ разрѣшеніи и недоумѣваютъ, верховная власть рѣшаетъ всѣ сомнѣнія. Если книга уже вышла въ свѣтъ безъ этихъ писемъ—это ничего не значитъ, это даже еще лучше. Теперь будетъ предлогъ всякому заговорить съ государемъ о письмахъ, не пропущенныхъ цензурою. Сердце же мое говоритъ мнѣ, что онъ книгу мою прочтетъ и будетъ даже интересоваться о томъ, что къ ней относится. А потому нужно, чтобы эти письма, весьма чисто и четко переписанныя, были наготовѣ; представить ихъ можетъ тогда и гр. Мих. Юр. Вьельгорскій. Впрочемъ, ты самъ тогда увидишь, какъ это сдѣлать приличнѣй. Какъ только же они будутъ разрѣшены къ печатанію, ты ихъ тотчасъ же отправь въ Москву къ Шевыреву, чтобы онъ ихъ вмѣстѣ съ вторымъ изданіемъ, долженствующимъ печататься въ Москвѣ, прибавивъ къ слову изданіе: пополненное и умноженное. Если же самъ государь скажетъ, что лучше ихъ не печатать, тогда другое дѣло: я тогда не скажу ни слова и не имѣю права ни на какое прекословіе, потому что рѣшилъ дѣло тотъ, кто лучше моего и всѣхъ насъ знаетъ выгоды своего государства. По крайней мѣрѣ совѣсть моя тогда будетъ спокойна, и на душѣ моей не останется тогда упрека, что я былъ лѣнивъ и недѣятеленъ въ дѣлѣ, требовавшемъ дѣятельности и благородной устойчивости характера, а безъ того я не могу успокоиться.

Относительно «Ревизора» ты уже, вѣрно, знаешь мое рѣшеніе—отложить до слѣдующаго 1848 года. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Гедеоновъ распорядился весьма кстати запрещать представлять на театрѣ «Развязку»¹⁾.

На стр. 319 въ изданіи Булиша находимъ опять пропускъ послѣ словъ:

«Я думалъ, что многое объяснить тебѣ моя книга; но кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надѣлъ для публки: иначе ты не сдѣлалъ бы напоминанія во второй разъ, въ концѣ письма твоего»—«о томъ, что нужно быть осторожнымъ въ обращеніи съ знатными русскими людьми, что они способны угощать словами и дружелюбными обхожденіями за границею, а пріѣхавши къ себѣ, не хотятъ и видѣть тѣхъ людей, и проч., и проч.»²⁾.

Черезъ нѣсколько страницъ далѣе послѣ словъ:

«Кн. Вяземскому ты можешь дать, если онъ того пожелаетъ, просмотрѣть мои письма»,

¹⁾ «Развязку ревизора».

²⁾ Считаемо необходимымъ здѣсь замѣтить, что предположеніе, сдѣланное уважаемымъ проф. О. Э. Миллеромъ о томъ, что самое письмо это написано въ отвѣтъ на слова Плетнева, заключающія въ себѣ, повидимому,

въ подлинникѣ стоятъ:

«пропущенныя цензурою».

Наконецъ, опущены заключительныя строки письма.

Послѣ словъ: «Вообще я бы совѣтовалъ тебѣ сойтись съ ними теперь поближе; мнѣ кажется, вы теперь другъ друга болѣе одѣните и поймете, а мое дѣло или, лучше, дѣло моей книги будетъ хорошимъ для того предлогомъ»;

надо восстановить слѣдующія строки:

«можетъ быть, и онъ какъ-нибудь придумаетъ съ своей стороны способствовать къ тому, чтобы были прочитаны и пропущены цензурою высшею остальныя письма».

Но да благословить тебя Богъ, какъ въ семъ дѣлѣ, такъ во всѣхъ другихъ, и да вразумить, какъ разумнѣй и лучше дѣйствовать во всемъ. На это письмо не позабудь отвѣчать и не позабудь также выставлять всякій разъ, на какое именно письмо отвѣчаешь, то-есть отъ котораго мѣсяца и числа писанное. Затѣмъ обнимаю тебя. Прощай. Твой Г.

Поздравляю тебя съ наступающимъ новымъ годомъ и отъ всей души желаю, чтобы онъ весь исполненъ былъ небесной благодати для твоей души».

Продолжая перечень пропущенныхъ мѣстъ въ письмахъ Гоголя къ Плетневу, мы должны, между прочимъ, указать ихъ въ одномъ письмѣ, не вошедшемъ въ собраніе сочиненій Гоголя г. Кулиша, но напечатанномъ въ его «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. II, стр. 85—87).

Начало письма въ подлинникѣ читается такъ:

«Я получилъ твое письмо съ извѣстіемъ о выходѣ моей книги. Затѣмъ ты называешь великимъ дѣломъ появленіе моей книги? Это и неумѣренно, и несправедливо. Появленіе моей книги было бы дѣломъ не великимъ, но точно полезнымъ, если бы все уладилось и устроилось, какъ слѣдуетъ. Теперь же, сколько могу судить по числу страницъ, тобою объявленныхъ въ письмѣ, не пропущено болѣе половины, и притомъ той существенной половины, для которой была предпринята вся книга, да въ тому (какъ ты замѣчаешь глухо) вымарано даже и въ пропущенныхъ множество мѣстъ».

Далѣе слѣдуетъ, какъ и у г. Кулиша:

«Въ такомъ случаѣ ужъ лучше было бы придержать книгу» и проч.

Пропуски начинаются снова вслѣдъ за предложеніемъ:

«Странны тебѣ покажутся и самыя слова эти».

Въ подлинномъ письмѣ за этими словами слѣдуетъ:

неодобреніе порываній Гоголя въ «высшія сферы», совершенно не подтверждается подлиннымъ письмомъ.

«Съ меня сдирають не только рубашку, но самую кожу, но это покуда слышу только одинъ я, а тебѣ кажется, что съ меня просто снимають одну шинель, безъ которой, конечно, холодно, но все же не такъ, чтобы нельзя было безъ нея обойтись. Въ безтолковщиѣ этого дѣла по части цензуры, конечно, я виноватъ, а не кто другой. Мнѣ бы слѣдовало ввести съ самаго начала въ подробное свѣдѣніе всего этого графа Мих. Юрьевича Вьельгорскаго. Онъ бы давно довелъ до свѣдѣнія государя о непрощенныхъ статьяхъ. Это добрая и великодушная душа, не говоря уже о томъ, что онъ мнѣ родственно близокъ по душевнымъ отношеніямъ ко мнѣ всего семейства своего. Онъ назадъ тому еще мѣсяцъ изъяснилъ государю такую мою просьбу, которой, вѣрно, никто бы другой не отважился представить; просьба эта была гораздо самонадѣяннѣе нынѣшней и ее бы въ правѣ былъ сдѣлать уже одинъ слишкомъ заслуженный государственный человѣкъ, а не я. И добрый государь принялъ ее милостиво, разспрашивалъ съ трогательнымъ участіемъ обо мнѣ и далъ повелѣніе канцлеру написать во всѣ мѣста, начальства и посольства за границей, чтобы оказывали мнѣ чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, гдѣ буду ѣздить или проходить въ моемъ путешествіи. И чтобы этотъ самый государь отказался бросить милостиво благосклонный взглядъ на статьи мои, не хочу я и вѣрить этому!... Перепиши все набѣло, что не пропущено цензурою, вставь въ тѣ мѣста, которыя замаралъ красными чернилами Никитенко, и подай все, не пропуская ничего, Михаилу Юрьевичу. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока это дѣло не будетъ сдѣлано такъ, какъ слѣдуетъ. Иначе оно у меня не сдѣлано».

Въ концѣ письма, послѣ словъ:

«Порядокъ статей нужно, чтобы былъ именно такой, какой у меня», слѣдуетъ дополнить:

«Я послалъ Мих. Юрьев. оглавленіе по порядку всѣхъ статей. Если потребуется для проформы какой-нибудь цензоръ, то не лучше-ли выбрать кого-нибудь другаго, а не Никитенко?»

Въ письмѣ изъ Неаполя отъ 11-го февраля того же года (изд. Кулиша, т. VI, стр. 336) только послѣ предложенія: «Книга до меня не дошла, чему я отчасти даже радъ, потому что, признаюсь, мнѣ бы тяжело было на нее глядѣть», пропущены слова: «въ обезображенномъ видѣ».

Наконецъ, въ письмѣ отъ 26-го февраля (6-го марта) 1847 года послѣ словъ:

«Ододѣлъ меня также и страхъ за мою книгу, которая могла быть не понята отъ выпуска многихъ статей потому, что въ ней было все въ связи и послѣдовательности»,

слѣдуютъ строки:

«въ которой, только опираясь на предыдущее, позволялъ себѣ сказать послѣдующее и въ которой при выпускѣ однѣхъ статей слѣдовало непременно выбросить и многія другія или, по крайней мѣрѣ, передѣлать вовсе: ты, разумѣется, этого не могъ примѣтить, потому что въ головѣ содержалъ эту связь и потому что истины, заключенныя въ книгѣ, были тебѣ уже знакомы и безъ книги моей, но каково же вообще читателю, которому всякую истину нужно подносить уже въ доказанномъ и хорошо объясненномъ видѣ. А у меня въ другихъ статьяхъ заключались практическія объясненія, болѣе доступныя, того же, что впереди сказано вообще. Вотъ почему сверхъ пользы, которую я думалъ принести этими непропущенными статьями, я такъ хлопоталъ о нихъ».

Остальная часть письма была напечатана безъ пропусковъ въ изданіи П. А. Кулиша (VI т., стр. 340—341).

Замѣтка объ анстахъ.

На 34 страницѣ уважаемой „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., апрѣль, на 23 строкѣ написано: „ли журавлей на крышахъ“. Бога бойтесь! Найдите мнѣ хоть одного человѣка, который бы видѣлъ журавля на крышѣ! Анста, по нашему, по малороссійски, лелеку, увидите почти на каждой соломенной крышѣ юга Россіи, но журавли — обитатели степей, ихъ часто приручаютъ и ходятъ они по дворамъ виѣсть съ домашнею птицею — и у меня ихъ 2, живутъ около 3-хъ гѣтъ во дворѣ, на крышу никогда не влетаютъ, а ансты всегда въ гнѣздѣ на причелкѣ крышъ дѣтей выводятъ. Народъ его не трогаетъ, вѣруа, что если онъ сброситъ гнѣздо анста, домъ сгоритъ, и что домъ, на которомъ устроить гнѣздо анста, застрахованъ отъ огня.

Николай Альбрандъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

1841 г.

Между бумагами покойнаго художника А. А. Иванова, хранящимися въ московскомъ публичномъ Румянцевскомъ музеѣ (№ рукописи 2,204), давно найдены были пять новыхъ собственноручныхъ писемъ Николая Васильевича Гоголя. Изъ нихъ четыре (три, адресованныя къ А. А. Иванову, и одно—къ неувѣстному) были напечатаны мной въ декабрѣ 1883 года въ „Вѣстникѣ Европы“. Пятое же черновое, — безъ даты и безъ обозначенія лица, — писанное на почтовой бумагѣ клочками, какъ обыкновенно писалъ начерно Гоголь, оставалось до сихъ поръ не напечатаннымъ.

Въ виду предполагающагося въ скоромъ времени выхода въ свѣтъ новаго полнаго изданія сочиненій Гоголя, необходимо опубликовать и это письмо, подтверждающее необычайную заботливость Николая Васильевича о сестрахъ, а также и его взглядъ на воспитаніе, въ которомъ главными элементами, — по его мнѣнію, должны быть трудъ и порядокъ...

Письмо писано, несомнѣнно, къ Прасковѣ Ивановнѣ Раевской, у которой нѣкоторое время по выходѣ изъ института жила одна изъ сестеръ Гоголя — Елизавета Васильевна, о которой собственно и идетъ рѣчь въ письмѣ. Отъ П. И. Раевской она потомъ перѣѣхала къ роднымъ въ Васильевку, гдѣ вышла замужъ за В. И. Выкова, что было уже незадолго до смерти Гоголя.

Письмо, по всему вѣроятію, надо отнести къ 1841 году, когда Гоголь вывезъ сестеръ изъ института, устроивши ихъ: Анну Васильевну — у матери въ Васильевкѣ, а Елизавету Васильевну — у Раевской, снова уѣхавъ за границу — въ Италію.

Е. С. Некрасова.

Н. В. Гоголь къ Прасковьѣ Ивановѣ Развской.

1841 года. Италия.

Почти дрожала рука моя отъ радости, когда я, распечатавши письмо, увидѣлъ подписанное ваше имя. Я не ожидалъ отъ васъ письма! Благодарю васъ за него отъ всей души. Благодарить же за все прочее, вы сами знаете, что у меня не станеть силъ. Вы упоминаете въ вашемъ письмѣ, какъ будто бы даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что Лиза живетъ ¹⁾ въ уединеніи,—и что Лизѣ это, можетъ быть, не такъ весело. Я, напротивъ, вижу изъ ея письма, что ей слишкомъ весело и, признаюсь, это даже страшить меня. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы сначала нѣсколько горечей примѣшалось въ ея жизни и чтобы потомъ не слишкомъ уже тяжелою и трудною показалась жизнь ея, и не представлялась бы ей потомъ это время какъ что-то имѣющее видъ ²⁾ утраченнаго блаженства.

Въ будущности есть много грозящаго для нея, — но Богъ милостивъ. По крайней мѣрѣ тѣ качества, то воспитаніе, — а разумно воспитаніе души,—передъ которымъ все прочее вздоръ, такъ это воспитаніе, которое приобретаетъ она незамѣтно и успѣхъ котораго уже я вижу изъ ея письма ³⁾,—въ вашемъ прекрасномъ обществѣ и семействѣ, будутъ твердымъ сопутникомъ впередъ.

Она добра; въ характерѣ есть сила; она даже не такъ глуна, хотя имѣеть съ перваго раза въ себѣ что-то недоступное,—не говорящее объ этомъ. Одно изъ писемъ ея меня сильно тронуло. Оно было наполнено жалобами и упреками самой себѣ на свое безсиліе и неумѣніе ничѣмъ выказать—что она васъ любитъ и что ваши ласки падаютъ не на безчувственный камень.

Въ самомъ дѣлѣ, ея положеніе точно нѣсколько затруднительное и, признаюсь, я самъ.... мнѣ бы тоже было доступно подобное чувство. Это много ее связываетъ и заставляетъ слишкомъ глядѣть робко, и мѣшаетъ ей даже, какъ слѣдуетъ, развернуться.

Я буду васъ просить—потому⁴⁾ увѣренъ твердо⁵⁾, что вы не откажете и что вамъ пріятно дѣлать добро⁶⁾. Вы дайте ей замѣтить,

¹⁾ Раньше было: „что Лизѣ не такъ живется“.

²⁾ Далѣе вписано потомъ: „вѣчно“.

³⁾ Начиная съ слова: „незамѣтно“—вся фраза вписана потомъ.

⁴⁾ Дальше нѣсколько словъ зачеркнуто.

⁵⁾ Вписано потомъ.

⁶⁾ Далѣе начата фраза: „Сдѣлайте что...“ и не окончена.

что она вамъ нужна, что вы не можете иногда обойтись безъ нея. Если заболѣетъ ваша дѣвушка, которая васъ убираетъ или ¹⁾ исполняетъ ваши приказанія, позовите Лизу ²⁾, поручите ей помочь себѣ одѣться. Эти услуги такого рода, которыя мы можемъ только поручать или слугѣ, или развѣ тому...³⁾ короче котораго у насъ не можетъ быть. Словомъ, выдумайте такое (дѣло), которое вамъ точно нужно, необходимо. Тогда вы увидите, что Лиза будетъ другою. Она будетъ глядѣть вамъ смѣлѣе въ глаза, будетъ развязнѣе, и ⁴⁾ вы даже увидите, что она вовсе не глупа.

Я вновь буду васъ просить, чтобы ей давали какъ можно болѣе занятій въ домѣ и около, поручать ей убрать комнаты или по крайней мѣрѣ смотрѣть за уборкой—встать для этого пораньше... Словомъ, чтобы она приучалась хлопотать около всего вашего дома. Это ей сдѣлаетъ много, много добра въ будущемъ. Порядокъ и исправность сдѣлается ея потребностью.

Знаете, какъ пріятно выполнить всѣ незначущія мелочи для того, котораго любишь, какъ невольно находишь уже въ себѣ какое- (то) неизъяснимое удовольствіе.

Чтобы ей давать какъ можно больше хлопотъ и занятій, — пусть Софья Николаевна, Надежда Карловна (?) отъ себя дадутъ ей небольшія приказанія. Это нечувствительно сообщить ⁵⁾ въ характеръ ея осмотрительность, которая разольется и на всѣ прочія занятія въ жизни ⁶⁾.

Ваше порученіе мнѣ будетъ вовсе не затруднительно; но я еще ничего не знаю,—будетъ ли Богъ такъ милостивъ ко мнѣ, что обстоятельства мои позволятъ ⁷⁾ мнѣ возвратиться на родину весною.

⁸⁾ Прежнія мои предположенія сильно разрушились ⁹⁾, и причиною была моя сильно опасная болѣзнь, въ излѣченіи которой отказались доктора. Только чудная воля Бога воскресила меня. Я до сихъ поръ не могу очнуться и не могу представить ¹⁰⁾, какъ я избѣжалъ

¹⁾ Это и слѣдующія два слова зачеркнуты, а сверху вписано: „если вы имѣете приказать что-нибудь“...

²⁾ Далѣе зачеркнуто: „велите“.

³⁾ Далѣе выкидываю нѣсколько черновыхъ словъ: „котораго мы—другой мы сами“.

⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: „можетъ быть“.

⁵⁾ Прежде было: „утвердить“.

⁶⁾ Далѣе начата фраза, но не окончена: „отъ скуки...“

⁷⁾ Далѣе было: „прійхать“, потомъ зачеркнуто.

⁸⁾ Раньше было: „предположенія многія“—потомъ зачеркнуто.

⁹⁾ Далѣе было: „По при...“ и зачеркнуто...

¹⁰⁾ Вписано потомъ.

этой опасности! Это чудное мое излѣченіе наполняетъ душу мою утѣшеніемъ несказаннымъ: стало быть жизнь моя еще нужна и не будетъ бесполезна.

Я теперь здоровъ. Но времени у меня потеряно много, я не сдѣлалъ изъ того, что долженъ былъ сдѣлать и что натурально имѣеть значительное вліяніе на мое возвращеніе.

Итакъ ¹⁾, я не могу ²⁾ опредѣлить времени моего возвращенія. Можетъ быть, только мѣсяца черезъ два или три мнѣ будетъ извѣстно, скоро ли я буду имѣть возможность вновь увидѣть Москву. Во всякомъ случаѣ я васъ ³⁾ увѣдомлю объ этомъ письмомъ.

Гоголь.

Сообщ. Е. С. Некрасова.

---

¹⁾ Далѣе было: „если милость Божія будетъ такъ велика“,—и зачеркнуто.

²⁾ Далѣе было: „сказать навѣрно“—и зачеркнуто.

³⁾ Далѣе было: „напишу“—и зачеркнуто.

Карлъ Павловичъ Брюловъ

1824 г.

Любезный братъ Федоръ! Признавая себя виноватымъ въ моемъ долгомъ молчаніи, не нахожу за нужное извиняться да и виноватымъ считать себя почти не могу; ибо зная очень, что всякой пунктъ описанія вояжа сколько принесъ бы тебѣ удовольствія, столько и неудовольствія, потому что ты вояжа самъ онаго достоинъ, но судьба, случай и влопъ Меценатъ умѣли помѣшать тебѣ. Всё прошло, прошло время въ которомъ семена чтеславія даютъ прекрасные плоды. Но ни одна дорога ведетъ людей къ счастью, ты умѣлъ доказать сѣ. Связавъ себя—такъ называется бракъ мѣжду людьми подобными прежнимъ твоимъ товарищамъ какъ то А. Фор. и проч.—ты умѣлъ доказать что на время можно и своротить съ прямой дороги для осмотра пріятныхъ пейзажейъ отъ куда мы видимъ часто то, чтобъ никогдабъ не видали, ида всё прямо! Кончимъ философствовать — дадимъ мысленно другъ другу руку. Я поздравляю тебя съ неоцененнымъ счастіемъ или доброю прекрасною жонкой и съ милою моею племянницею, а ты меня поздравь съ двумя протекшими годами, то есть и спокойствіемъ душевнымъ!

При полученіи или при прочтеніи сихъ строкъ обѣщай мнѣ подѣловать Луизинку и скажи ей что истинное почтеніе въкорененное въ сердце чувствительнаго художника ни изгребиться никогда! поздравь Астафія Лаврентіевича съ царскою милостію.—Если ему оное приносить удовольствіе, то безъ сомнѣнія не мѣнее и изкрѣнно его почитающимъ!—Ты пишешь и требуешь чтобъ я описалъ тебѣ Ватиканъ, ахъ! Федоръ это надо видить а не описывать. То чѣмъ мы восхищаемся въ гипсѣ то въ мраморѣ поражаетъ! Сквознота мрамора дѣлаетъ всё нѣжнымъ и Лаоконъ въ гипсѣ кажется почти безъ кожи въ сравненіи съ аргиналомъ. Аполлонъ не кажется уже каменнымъ и слишкомъ оттопедшимъ отъ природы, нѣтъ онъ кажется лучшимъ изъ

человѣковъ! Чувства раждаемыя сими произведеніями столь тонки, какъ чувства осязанія доходящія въ разсудку. Слѣдовательно не бесполезно ли было бы описывать то, чего описать никто не въ состояніи; если кто и имѣетъ даръ изъяснять свои мысли, можетъ ли поручиться что всѣ съ нимъ одинаковыхъ мнѣній и всѣ могутъ его понимать такъ, какъ онъ себя?

Любезной Ѳедоръ я не хочу тебя лишить по крайней мѣрѣ того что могу передать изъ Рима! Первое что я приобрѣлъ въ воаяжѣ, есть то, что увѣрился въ ненужности манера. Манерь есть кокетка, или почти то же; дѣлая соображенія изъ всего виденнаго во всѣхъ голереяхъ на дорогѣ встрѣчавшихся—вижу, что метода употребляемая дрѣвними мастерами не безъ причинъ (Осмѣливаюсь доказывать слѣдующимъ). Если скажутъ что они писали черно—я скажу—картина имѣетъ свой главный предмѣтъ, какого бы она содержанія не была—слѣдовательно не должно ли пожертвовать ненужнымъ нужному; для сего Рембрантъ, Вандикъ, Рубенсъ, Жорданъ и всѣ лучшія художники, какъ портретныя такъ и историческія жертвовали послѣднимъ первому, и чрезъ что обращаютъ по неволѣ взоръ зрителя на главной предметъ. Скажутъ что можно составить гораздо чистейшія тоны и ярчайшія для лица или главнаго предмета—но будутъ ли они такъ натуральны, какъ видалъ у Вандика, Рембранта и проч. сихъ мастеровъ... Ѳедоръ давай спорить, пиши отвѣтъ на счетъ сего пункта—въ слѣдствіе чего я собѣру новыя соображенія. Прощай — Напиши такжѣ не кажется ли тебѣ и послѣдняя моя картина черною, и приложи при семъ мнѣніе зрителей вообще.

Остаюсь тебя истинно любящій братъ Карль Брюловъ.

г: Ѳедору Брюлову.

[Получено Августа 18. 1824].

Примѣчаніе. Напечатано съ сохраненіемъ ореографіи подлинника, находящагося у г. В. Корша.

Сообщилъ проф. П. А. Висковатовъ.

Симеонъ Бекбулатовичъ, царь Касимовскій,

въ Соловецкомъ монастырѣ.

I.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г., т. LVI, была напечатана весьма интересная статья «Ссылъные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ съ XV по XVIII ст.», составленная М. А. Колчинымъ, на 351 страницѣ которой вкралась слѣдующая историческая невѣрность: въ числѣ лицъ, сосланныхъ въ Соловецкій монастырь, нѣкоторое время находился, сосланный Лжедмитріемъ 1-мъ въ 1605 году, Симеонъ Бекбулатовичъ, котораго авторъ статьи, г. Колчинъ, называетъ бывшимъ царемъ казанскимъ Ядигаромъ; но это невѣрно: находившійся въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ Симеонъ Бекбулатовичъ былъ царь не казанскій, а касимовскій царь Саинъ-Булатъ, который въ 1573 году принялъ христіанство и дѣйствительно назывался Симеономъ. Казанскій царь Симеонъ (Мухамедъ-Ядигаръ) скончался въ 1562 году; сошлюсь на Каравина, который въ «Истор. Госуд. Росс.», въ прим. 137 къ т. IX, говоритъ: «августа въ 26-й день въ недѣлю преставился казанскій царь Едигеръ, а во св. крещеніи царь Семенъ Касаевичъ, и положенъ бысть у Архистратига Михаила Чюда въ монастырѣ у церкви Благовѣщенія Пречистыя на полуденной странѣ», сказано въ «Алекс. Нев. Лѣт.». Выводъ изъ этого тотъ, что въ 1605 году казанскаго царя Симеона уже въ живыхъ не было, а былъ только одинъ Симеонъ Бекбулатовичъ, царь касимовскій, и бывший великій князь тверскій. Симеонъ Бекбулатовичъ царемъ казанскимъ никогда не былъ. Итакъ, находившійся нѣкоторое время въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ Симеонъ Бекбулатовичъ былъ бывшій царь касимовскій, а не казанскій.

Н. И. Шиншвинъ.

30-го ноября 1887 г.

Г. Касимовъ.

II.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г. (т. LVI) помѣщено продолженіе весьма интереснаго очерка М. А. Колчина, о «ссылъныхъ и заточенныхъ въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX». Въ числѣ этихъ ссылъныхъ и заточенныхъ соловецкихъ узниковъ находился и Симеонъ Бекбулатовичъ, человекъ замѣчательный рѣзкими переменами въ своей судьбѣ. Но объ этомъ соловецкомъ узникѣ г. Колчинъ сообщаетъ, конечно, по недостатку матеріаловъ, свѣдѣнія не вполне точныя; не излишнимъ считаемъ ихъ исправить и дополнить въ интересахъ исторической правды.

«Въ 1605 году, говоритъ г. Колчинъ, былъ присланъ изъ Москвы (въ Соловецкій монастырь) бывший царь казанскій Симеонъ Бекбулатовичъ» («Русск. Ст.», 351 стр.). Но Симеонъ Бекбулатовичъ никогда не былъ царемъ казанскимъ, онъ управлялъ Касимовымъ и первый изъ владѣтелей этого города лично получилъ титулъ хана (царя), тогда такъ какъ его предшественники назывались лишь царевичами (султанами), кромѣ тѣхъ лицъ, которыя ранѣе гдѣ нибудь до Касимова были дѣйствительными ханами (Нуръ-дулатъ крымскій и Шахъ-Али казанскій (Вельям. Зерн., II, 25—26 стр.). Невѣрность въ сообщеніи г. Колчина произошла, вѣроятно, отъ смѣшенія двухъ лицъ, двухъ татарскихъ хановъ, носившихъ послѣ св. крещенія одно имя Симеона. Одинъ изъ этихъ хановъ дѣйствительно былъ казанскимъ, въ магометанствѣ назывался Едигеръ-Махметъ (откуда г. Колчинъ взялъ имя Гедеригъ, если только тутъ не опечатка?), «а во св. крещеніи Симеонъ Касаевичъ», какъ его называетъ лѣтопись, а не Бекбулатовичъ. Умеръ онъ 26-го августа 1565 г. и похороненъ «у Архистратига Михаилова Чюда въ монастырѣ у церкви Благовѣщенія Пречистыя» (Карамз., 137 пр. къ IX т.). Въ 1570 г. въ рѣчи Новосильцова, царскаго посланника въ Константинополь, Симеонъ казанскій дѣйствительно упоминается умершимъ (Кар. IX, 105 стр.). Къ этому именно Симеону Касаевичу и относится то, что г. Колчинъ говоритъ о Симеонѣ Бекбулатовичѣ, а именно, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ Грознымъ при завоеваніи Казани и въ плѣну, въ Москвѣ, изъявилъ желаніе принять христіанство и дѣйствительно принялъ со всѣми своимъ семействомъ.

Замѣчательно, что смѣшеніе двухъ бывшихъ татарскихъ хановъ Симеонъ допустилъ еще Маржеретъ, лично знавшій бывшего владѣтеля Касимова и разговаривавшій съ нимъ. (Сказ. совр. о Д. сам. I, 249, 287 стр.). Симеонъ, бывший ханъ касимовскій, въ магометанствѣ назывался Саниъ-Булатъ Бекбулатовичъ, какъ онъ значится въ разрядныхъ книгахъ. Когда онъ получалъ въ управленіе Касимовъ—точно неизвѣстно.

Въ 1567 г. умеръ его предшественникъ Шахъ-Али, а въ 1570 г. въ упомянутой же рѣчи Новосильцова говорится, что Саниъ-Булатъ господствуетъ въ Касимовѣ. Непродолжительно было его правленіе. Въ 1573 г. Саниъ принялъ св. крещеніе съ именемъ Симеона и какъ христіанинъ не могъ оставаться владѣтелемъ Касимова, который еще долго и послѣ него продолжалъ считаться исключительно мусульманскимъ городомъ. Время крещенія Симеона Бекбулатовича точно неизвѣстно. У Карамзина находится извѣстіе, что Саниъ-Булатъ называется Симеономъ 15-го іюля 1573 г. (460 пр. къ IX т.), а въ описаніи походовъ 1572 г. и начала 1573 г. Бекбулатовичъ еще не носитъ христіанскаго имени, это именно и можетъ давать поводъ относить крещеніе касимовскаго хана къ половинѣ 1573 г. Въ виду этой даты никакъ уже нельзя согласиться съ г. Колчиннымъ, что воспріимникомъ Саниъ-Булата былъ митроп. Макарій, скончавшійся въ 1564 г.)¹⁾

¹⁾ Симеонъ Бекбулатовичъ былъ женатъ на Анастасіи Милославской,

Г. Колчинъ полагаетъ (см. 351 стр., ноябр. кн. «Русск. Ст.» 1887 г.), что принятіе Симеономъ Бекбулатовичемъ христіанства было причиною расположенія къ нему Грознаго. Очень можетъ быть. Но Симеонъ и раньше, до крещенія, почему-то пользовался милостями Іоанна Васильевича, который, какъ мы говорили, ему первому изъ владѣтелей Касимова далъ титулъ хана, не смотря даже на то, что новый владѣтель Касимова былъ еще очень молодъ.

Не можемъ сказать, на чемъ основывалось благоволеніе Грознаго къ Бекбулатовичу въ началѣ, но впоследствіи касимовскій ханъ могъ заслужить расположеніе русскаго царя своею непрерывною и усердною службою Россіи...

Расположеніе Грознаго къ Симеону Бекбулатовичу выразилось, однако, въ поступкѣ необычайномъ и нѣсколько страннымъ: этотъ Грозный царь сдѣлалъ крещенаго татарскаго хана царемъ всея Россіи. Титулъ необычный, особенно при жизни дѣйствительнаго владѣтеля Россіи. Г. Колчинъ говоритъ, что Симеонъ Бекбулатовичъ носилъ титулъ великаго князя Тверскаго, но этого мало: нѣкоторое время онъ былъ великимъ княземъ всея Россіи. Маржеретъ передаетъ, что Грозный короновалъ Симеона и предоставилъ ему весь царскій титулъ, назвавъ себя только великимъ княземъ московскимъ (Сказ. совр. о Д. сам. I, 255 стр.).

Свидѣтельство Маржерета подтверждаютъ Флетчеръ и наши лѣтописи; въ одной изъ нихъ (Морозовской) говорится, что Іоаннъ раздѣлилъ царство свое на двѣ части—«одну себѣ отдѣли, а другую царю Симеону поручи», и самъ Грозный удалился въ Старяцу. Сохранился любопытный документъ, несомнѣнно подтверждающій, что Симеонъ Бекбулатовичъ дѣйствительно былъ царемъ всея Россіи. Это — грамота отъ 9-го февраля 1576 г. въ Мценскій уѣздъ. Начинается она такъ: «отъ великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Русіи...»; на оборотѣ подпись: «князь великій всея Русіи. Первой день». (Грам. нанеч. въ № 8 «Моск. Телегр.» за 1830 г.). Если это первый день княженія царя Симеона, то, значить, начало страннаго двоевластія въ Россіи падаетъ на 9-е февр. 1576 г. Впрочемъ, въ одной разрядной книгѣ говорится (не знаю, справедливо-ли), что еще осенью 1575 г. Іоаннъ «посадилъ на великое княженіе въ Москвѣ Симеона Бекбулатовича» (Вельям. Зер., II, 24). Но и это княженіе было непродолжительно. По словамъ сейчасъ указаннаго источника, бывший касимовскій ханъ «сидѣлъ годъ одинъ» и потомъ «государь далъ ему Тверь»; но Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что «Симеонъ царствовалъ цѣлые два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола» (Сказ. совр. I, 255 стр.).

Разжалованный изъ великихъ князей всея Россіи, Симеонъ Бекбулатовичъ получилъ титулъ великаго князя тверскаго, попрежнему служилъ нашему отечеству на полѣ брани и сохранилъ свое новое званіе, кажется, до самаго

умершей схимницею Александрю 7-го іюня 1607 г., т. е. уже послѣ постриженія царя Симеона въ монашество.

постриженія въ монашество, какъ будетъ видно и изъ приводимой ниже записи о его постриженіи.

Говоря объ этомъ послѣднемъ событіи—о принятіи иноческаго чина царемъ Симеономъ, г. Колчинъ передаетъ, во 1-хъ, что постриженіе было совершено въ Соловецкомъ монастырѣ, во 2-хъ, что оно было въ 1605 г. Подтверженіе перваго можно находить въ той грамотѣ князя Пожарскаго, которою позволялось бывшему тверскому князю перейти изъ Соловокъ въ Кирилловъ монастырь и которая приведена у г. Колчина. Въ этой грамотѣ со словъ самого Симеона Бекбулатовича передается, что «велѣлъ его постричь въ Соловецкомъ монастырѣ воръ, что былъ на Москвѣ, растрига Гришка Отрепьевъ...» («Русск. Ст.», 351 стр.). Время постриженія здѣсь не обозначено. Однако, указанное сейчасъ извѣстіе и годъ, обозначенный г. Колчинымъ, едва-ли вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. Вотъ какія свѣдѣнія о постриженіи Симеона Бекбулатовича находятся въ лѣтописцѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря: «114 году (1606 г.), мѣсяца апрѣля 3 дни, на 5 недѣлѣ великаго поста въ четвергъ, по повелѣнію разстриги царя Гришки, привезъ въ Кирилловъ монастырь Евнѣмъ Бутурлинъ царя Симеона тверскаго, въ той же день и постригли, и дано ему имя во иноцехъ Стефанъ и жилъ въ Кирилловѣ монастыри два мѣсяца и прѣѣхалъ съ Москвы дворянинъ государевъ царя и великаго князя Василя Ивановича Федоръ Ивановъ сынъ Супоневъ и велѣно ему по грамотѣ инока Стефана свести на Соловки» (Опис. рук. Им. П. В. I, 38 стр.).

Этотъ лѣтописецъ несомнѣнно XVII вѣка и даже начала этого вѣка: послѣднее событіе, указанное въ немъ, относится къ 1613 г.; а послѣднимъ именуемъ обителю указанъ Флавіанъ, поставленный 24-го іюля 1615 г. Такимъ образомъ ведшія лѣтописную монастырскую запись оказывается современникомъ постриженія въ монахи Симеона Бекбулатовича и не повѣрять ему нѣтъ основаній. При томъ же точность, съ какою лѣтописецъ указываетъ числа и имена дѣйствующихъ лицъ, исключаетъ всякое сомнѣніе. Да и какой поводъ былъ сочинять событіе постриженія Симеона, если его никогда не бывало? Самъ же инокъ Стефанъ или могъ выразиться не точно о мѣстѣ принятія имъ монашества, или же запомнилъ его, такъ какъ въ монастырѣ св. Кирилла прожилъ мало, или же князь Пожарскій не вполнѣ вѣрно передалъ слова просителя. И самая просьба инока Стефана въ Кирилловъ именно монастырь не можетъ ли указывать на нѣчто связующее его съ этимъ обителемъ?

По нашему мнѣнію, нужно признать, что Симеонъ Бекбулатовичъ былъ постриженъ именно въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ 3-го апрѣля 1606 г., слѣд. въ самомъ концѣ царствованія Лжедмитрія, а въ Соловецкій монастырь переведенъ уже по грамотѣ Шуйскаго въ іюнѣ того же 1606 г.

Инокъ Стефанъ умеръ въ 1616 г.

Никандръ Левитскій.

Г. Касимовъ.

26-го ноября 1887 г.

Секретарь Бѣлоградской провинціи Пархомовъ

въ 1722—1726 г.

Въ весьма интересномъ историческомъ очеркѣ «Смыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря», составленномъ г. Колчинымъ, въ X-й онаго статьѣ, подъ заглавіемъ «Губернскій секретарь Пархомовъ»¹⁾, вкрались хотя и неважныя и притомъ не измѣняющія существа дѣла неточности, но, все таки, требующія исправленія.

Неточности эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Ни въ 1722, ни въ 1742 годахъ, въ которые производилось дѣло о «немаловажной духовной винѣ Пархомова» и воспослѣдовало исполненіе по суду, «Бѣлоградской губерніи» не было, а была «Бѣлоградская провинція», а черезъ это титулъ, приданной г-мъ Колчинымъ этой статьѣ, «Губернскій секретарь Пархомовъ», неправиленъ, такъ какъ дѣло происходило и называлось «О секретарѣ Бѣлоградской провинціи Пархомовѣ».

2) Насильственное постриженіе Пархомовымъ жены своей происходило не 8-го ноября 1722 г., а въ октябрѣ этого года, и не «въ расположенномъ въ окрестностяхъ Бѣлгорода» женскомъ монастырѣ, а въ Рыльскѣ, въ дѣвичьемъ монастырѣ,—и постриженіе совершалъ не «священникъ», а Рыльского Николаевского монастыря Волинской пустыни игуменъ Филагій.

3) Та же женщина, на которой Пархомовъ немедленно, послѣ насильнаго постриженія жены своей, обвинялся, была женою не «обывателя г. Бѣлгорода, Григорія Козмовскаго», а «вдовою бывшаго сѣвскаго воеводы Григорія Алексѣевича Колтовскаго», и звалась Дарьєю «Ивановою дочерью».

4) Къ духовной винѣ Пархомова присоединилось еще, во 1-хъ, то, что Григорій Алексѣевичъ Колтовской состоялъ съ Пархомовымъ и съ женою его Ириною въ духовномъ родствѣ, крестивши у нихъ сына Николая, а во 2-хъ, что Пархомовъ сошелся съ Дарьєю Колтовскою при жизни ея мужа и прижилъ тогда же съ нею дочь.

5) Сказанное г-мъ Колчинымъ, что при невольномъ постриженіи Ирины Пархомовой «всѣ присутствующіе, пораженные этиимъ печальнымъ случаемъ, плакали», едва ли точно, потому что при постриженіи, за исключеніемъ дѣйствующихъ лицъ, едва ли кто либо изъ постороннихъ присутствовалъ, такъ какъ самое дѣйствіе происходило ночью, на что указываетъ показаніе самой постриженной, заключающееся въ слѣдующихъ словахъ: «прошлаго 1722 года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ея, Ирину, онъ, Пархомовъ, билъ и мучилъ смертно; и взявъ

¹⁾ „Русская Старина“, декабрь, 1887 года, стр. 590—597.

больную, въ ночь, привезъ въ Рыльскъ въ дѣвичъ монастырь и, обрѣзавъ косы, велѣлъ постричь въ иноческій чинъ насильно, ночью порою, при которомъ постриженіи и самъ онъ былъ.

6) По дѣлу, возбужденному по сему Ириною Паркомовою, а не «кѣмъ-то, оскорбленнымъ на пиру, данномъ Паркомовымъ, по случаю рожденія у него отъ Дарьи сына Богдана», какъ сказано г-мъ Колчиннымъ, свидѣтелями, подтвердившими показаніе Ирины Паркомовой, были: «сѣвской подъячій Михайло Калугинъ, да полковникъ Иванъ, капитанъ Петръ, Васильевы дѣти, да Александръ, Семеновъ сынъ, Колтовскіе, да дворовая дѣвка Марья Сухоручка».

7) Не точно сказанное г-мъ Колчиннымъ о томъ, что Св. Синодъ имѣлъ 16-го декабря 1726 года особое засѣданіе «по жалобѣ, принесенной кѣмъ-то, оскорбленнымъ, какъ сказано выше, на пиру, данномъ Паркомовымъ, по случаю рожденія его второю женою сына Богдана», такъ какъ Св. Синодъ слушалъ въ этотъ день «учиненный изъ духовнаго дѣла экстрактъ Вѣлоградской провинціи секретаря Максима Паркомова о насильномъ жену его Ирины, въ Рыльскѣ, въ дѣвичѣ монастырѣ, въ монахини, въ 722 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, постриженіи безъ указа».

Въ заключеніе должно присовокупить, что дѣло это осложнялось еще и тѣмъ, что первая жена Паркомова, Ирина, во время производства начатаго по сему дѣлу, вновь пожелала перейти въ монашество, для чего и подала въ дьянастерію челобитную; но Св. Синодъ принялъ это за «видный, со стороны Паркомова, проскъ: понеже та его жена, видя себя во всемъ оставленную и никакой помощи не имѣя, за полученнымъ ею отъ него награжденіемъ, то и учинила».

Состоявшееся же по сему опредѣленіе Св. Синода вошло въ «Полное Собраніе Постановленій и Распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія Россійской Имперіи», гдѣ и озаглавлено: «Объ оставленіи перваго брака въ силѣ, не взирая на то, что изъ сочетавшихся онымъ жена состояла въ монашествѣ, а мужъ повѣчанъ на второй женѣ; о снятіи, на основаніи этого рѣшенія, монашества съ первой жены, какъ постриженной насильно и неправильно по просьбѣ мужа и безъ указа отъ епархіальнаго епископа; о предоставленіи ей права вступить въ супружескія отношенія съ ея мужемъ, ежели она того добровольно пожелаетъ; о расторженіи состоявавшегося втораго брака съ воспрещеніемъ мужу жениться вновь навсегда и жить со второю женою, такъ какъ эта послѣдняя никогда его женою не была и быть не можетъ, и о взятіи по мужѣ и по второй женѣ, признанныхъ предлободѣйцами, поручныхъ записей, что они совмѣстной жизни имѣть не будутъ¹⁾».

Сообщ. Асколонъ Труворовъ.

¹⁾ См. Томъ V-й, № 1872-й, страницы: 452—454. Полн. Собр. Пост. и Расп. по вѣдомству Православнаго Исповѣданія Россійской Имперіи, 1881 г., составленнаго и изданнаго подъ редакціей А. Н. Труворова.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявления и распоряжения правительства

1800 г. ¹⁾.

5-го іюня. Продаются: Приключеніе Клеандра храбраго царевича Лакедемонскаго и Ніотильды королевы Фракійскаго, рос. соч. въ 2-хъ частяхъ, въ пер. 1 р. 80 к. Переходъ въ Швейцаріи чрезъ Альпійскія горы рос.—хъ им.—хъ войскъ подъ предводительствомъ генералиссимуса 1799 года, соч. г. Державина, съ двумя вишетами, изъ конхъ послѣдній представляетъ Чортовъ мостъ, продается на Вас. О—въ, на Большомъ проспектѣ, въ 14 ливні, въ д. Вивтера, что преже былъ Поливанова. Цѣна по 1 р. экземпляръ (№ 45).

12-го іюня. Генераль отъ кавалеріи графъ де-Віоменимъ отставленъ отъ службы. Генераль отъ инфантеріи графъ Гудовичъ 2 отставленъ отъ службы (№ 47).

— Дѣйств. ст. сов. Лопатину, подносившему не основательный проектъ свой подъ названіемъ: „мысль о воинскихъ дѣйствіяхъ“, и вторично просившему объ испытаніи онаго практически, прошеніе возвращено съ надраніемъ и со взмсканіемъ всовыхъ денегъ.

15-го іюня. Генераль-маіоръ князь Багратионъ опредѣленъ шефомъ лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона (№ 48).

— Балтійскаго флота дивизіи сняго флага адмираль Мусинъ-Пушкинъ за непорядки, относящіяся по службѣ къ начальству, отставленъ отъ службы.

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190, 589—590, 784—788; т. XII, стр. 231—236, 451—452, 663—664, 830—832; т. XIII, стр. 457—458; изд. 1882 г., т. XXV, стр. 425—432, 653—664; изд. 1883 г., т. XL, стр. 449—456, 645—648; т. XLI, стр. 363—370, 619—626; т. XLII, стр. 279—280, т. XLIV, стр. 625—634; изд. 1885 г., т. XLVII, стр. 336—345; изд. 1886 г., т. L, стр. 451—458; изд. 1887 г., LVI, стр. 197—210.

19-го іюня. Кирасирскаго Брингена полку полковникъ принцъ Дехіо отставленъ отъ службы (№ 49).

22-го іюня Бригадъ-маіоръ полк. гр. Сантіи всемілостивѣйше пожалованъ двора е. и. в. въ дѣйствительные камергеры съ ношеіемъ нынѣшняго мундира (№ 50).

— Импер—ая академія художествъ, въ силу устава своего, будетъ отворена на 8 дней съ 29-го числа сего мѣсяца для зрѣвія разныхъ художественныхъ произведеній, вслѣдствіе чего приглашаетъ и тѣхъ господъ художниковъ, кои ей не принадлежатъ, воспользоваться симъ случаемъ для представленія публикѣ своихъ произведеній, которыя и могутъ они доставить заблаговременно въ академію.

— Контора театральнѣй дирекціи чрезъ сіе почтенную публику извѣщаетъ: какъ за абонировкою на Каменномъ театрѣ ложъ и кресель на годовое время нѣкоторые остаются свободными, и для того желающіе абонировать ложи и кресла на русскіе, французскіе и итальянскіе спектакли порознь и не на годовое время, а насколько заблагоразсудятъ, благоволятъ являться въ контору каждадневно отъ 9 часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни.

26-го іюня. Оберъ-форстмейстеру Бертолду позволено носить мундиръ лейбъ-гвардіи е. и. в.—ва полку (№ 51).

— Е. и. в. высочайше повелѣтъ сонзволить: коллежскому ассесору Миклашевичу быть прокуроромъ войсковой донской канцеляріи.

— Е. и. в. всемілостивѣйше пожаловать сонзволить воспитанника академіи художествъ литейнаго мастера Екимова въ титулярные совѣтники.

— По предъявленнымъ отъ санктпетербургскаго мѣщанина Чиркина доказательствамъ, что дѣдъ его и отецъ служилъ дворянскія службы, бывъ въ голштинской службѣ, одинъ статскимъ, а другой коллежск. совѣтникомъ, всемілостивѣйше возвращаемъ принадлежащее ему дворянское достоинство, повелѣвая изъ олада исключить и дать чинъ тит. совѣтника (указъ сенату 15-го іюня).

— Продается изображеніе катафалка государей им—ра Петра III и им—цы Екаторины II, на 2-хъ листахъ перг. бум. 5 руб.

— Продается книга: „Три первоначальныя челоѣческія свойства, или изображеніе хладнаго, горячаго и теплаго“, въ бум. 70 коп.

— С.-Петербургскаго городского правленія отъ камеральнаго д—та объявляется, не пожелаетъ-ли кто будущю осенью посадить по Невскому проспекту вмѣсто березовъ липы, и если кто пожелаетъ: то-бъ таковыя съ лсными о себѣ доказательствами и залогамъ являлись къ торгамъ каждадневно будущаго іюля по 20 число, кромѣ торжественныхъ и праздничныхъ дней.

— Имѣющіяся при Смоленскомъ кладбищѣ къ похоронамъ принадлежащія траурныя принадлежности, какъ-то билеты, разныя покровы, дроги, плащи, шляпы, попоны на лошадей и прочее отпускаются благосклонно.

26-го іюня Механикъ Кулибинъ издалъ гравированный въ большомъ форматѣ эстампъ изобрѣеннаго имъ моста, коего модель находится въ саду бывшаго Таврическаго замка. Она модель была свидѣтельствована им—жою санкт-петербургскою академіею наукъ и найдена совершенно и доказательно вѣрною къ построению моста въ настоящемъ размѣрѣ, о чемъ въ Спб. Вѣдомостяхъ, февраля 10-го дня 1777 г., подъ № 12, отъ упомянутой академіи было опубликовано ¹⁾).

29-го іюня. Продаются книги: Вѣрнѣйшій способъ лечить застарѣлыя огня и другія различнаго рода мучительныя болѣзни, о врачебномъ употребленіи травы, называемой вѣтриниде или черныя колокольчики, 1 р. 30 к. въ пер. Цвѣтъ пчеламъ, медъ женамъ, а соръ дуракамъ, дѣвица жениха, товаръ найдетъ купца, а книга въ обществѣ найдетъ себѣ чтеца, 90 коп. Историческое сокращеніе державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, печатанное съ высочайшаго повелѣнія съ хронологіею всѣхъ великихъ магистровъ и присовокупленнымъ тому магистерствомъ государя им—ра, на люб. бум. безъ пер. 1., а въ пер. 1 р. 25 коп. (№ 52).

— Продается сѣропѣгой аглицкой верховой меринъ, горничная дѣвка, умѣющая шить, мыть бѣлье и способная къ домашнимъ услугамъ, и четверомѣстная карета; о цѣнѣ спросить Е. И. В. полку противъ полковаго цейхгауза, въ д. подъ № 535, у хозяина.

3-го іюля. Гоффурыера Родсонова всемилостивѣйше пожаловали мы въ гофшгабквартирмейстеры при дворѣ нашемъ 6 кл., повелѣваемъ производить ему жалованья и содержанья то-жъ, что и предметникъ его Волкодавевъ получалъ изъ суммъ, на содержаніе двора нашего положенныхъ (№ 53).

— Отставному генералу-лейтенанту князю Еристову, просившему о причисленіи его къ сабирскому казачьему войску, отказывается по неимѣнію въ немъ надобности.

— Дѣвицѣ Каираловой, дочери умершаго подпоручика, просящей о пожалованіи ей на приданое, предоставляется просить о семъ тогда, когда смѣется ей женихъ.

— Малороссійскому купцу Топальцову, просящему высочайшаго дозволенія учредить ему въ Новгородской губерніи на рѣкѣ Сомкѣ пристань, съ содержаніемъ на 10 лѣтъ (отказывается, такъ какъ) по полученной отъ г. арміраза гр. фа Кушелева справкѣ оказывается яко монополь, притѣсняющая судоплаваніе и коммерцію.

— Механикъ Спигель показываетъ искусственный кабинетъ, въ коемъ представляется гавань, лежащая на Средиземномъ морѣ, равно флотъ, состоящій изъ 30 разнаго рода кораблей, изъ коихъ два военныхъ корабля, одинъ о 80, а другой о 16 пушкахъ, которыя — послѣднія приводятся въ движеніе. Всѣ строенія и корабли, равно какъ и мачты, парусы, канаты и

¹⁾ Затѣмъ слѣдуетъ выписки изъ вѣдомостей 1777 года.

управляющие кораблями люди, какъ-то: капитаны, кормщики и матросы выточены изъ слоновой кости съ такимъ искусствомъ, какого только отъ человеческихъ рукъ ожидать можно, такъ что художникъ употребилъ на то цѣлыя пять лѣтъ. Также показываетъ онъ механическіе часы съ разными движущимися фигурами. Онъ механикъ общается всѣмъ любителямъ художествъ и искусственныхъ произведеній принести удовольствіе. Видѣть же можно тотъ искусственный кабинетъ каждой день отъ 2-хъ часовъ пополудни до 8 вечера, на Екатерининскомъ каналѣ, въ д. купца Меншикова, подъ № 129; за входъ платится по 1 р. Желающіе-же имѣть оптическую иллюминацію могутъ получать оную отъ него за сходную цѣну.

6-го іюля. Продается книга: Евгений или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, повѣсть, въ бум. 1 р. 50 коп. (№ 54).

— Дней за 12 пропала маленькая собачка моська, примѣтами которая: лѣвымъ глазомъ крива, на лбу зарубка, рыло съ просѣдиною.

10-го іюля. Генералъ-маіоръ князь Гуріель за старостію и слабостію здоровья отставленъ отъ службы съ пошеніемъ мундира. (№ 55).

— Продается книга: Опытъ о переправахъ чрезъ рѣки, соч. графомъ Лорини, бывшимъ въ службѣ его в—ва короля испанскаго, переведенный по высочайшему е. и. вел—ва повелѣнію, съ фиг. въ 8, 1800 г., 80 коп.

— Продается книга: Переписка двухъ адскихъ вельможъ Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ, содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя происшествія, повѣсти, анекдоты и другія удивительныя сцены нравственной жизни обоого пола, въ 8-хъ частяхъ, въ пер. 4 р.

— Потеряны вдовою Криволаповою 3 ломбард. билета. Нашедшіи благоволятъ оныя доставить ломбард. швейцару.

— Въ Малой Коломвѣ, во 2 кварталѣ, въ д. подъ № 63, продается крестьянская 16 лѣтъ дѣвка, способная ко всякой домашней работѣ, да новая тафтяная занавѣска и штофное платье; о цѣнѣ сего спросить у самаго хозяина.

11-го іюля. Е. и. вел—во въ знакъ монаршаго своего благоволенія къ адмиралу гр. Куселеву за хорошее распоряженіе и устройство бывшихъ въ кампаніи иныѣшнее лѣто эскадръ, какъ гребной державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на петергофскомъ рейдѣ, такъ и корабельной у Красной горы, которая при высоч—мъ его присутствіи дѣлала маневры, первая іюня въ 28 день, а послѣдняя іюля 2 числа, всеилюстривѣше пожаловать соизволилъ ему, гр. Куселеву, золотой съ синюю эмалью сувениръ съ портретомъ е. и. в., богато украшенный брилліантами. (№ 56).

— Въ Малой Коломвѣ въ д. Леймана, подъ № 27, продается 38 лѣтъ вдова, способная къ черной работѣ.

17-го іюля. Флота капитанъ-лейтен. Муравьевъ, за собраніе разныхъ при-мѣчаній касательныхъ до корабельной архитектуры и лѣсовъ, равно и разныхъ рисунковъ и чертежей, произведенъ въ капитанъ 2 ранга. (№ 57).

— Желающіе имѣть хорошаго повара лютеранскаго закона могутъ тако-ваго сискать у Чернышева моста, по Фонтанкѣ, въ д. купца Ильина, подъ № 132.

— Продается 30 лѣтъ баба сходною цѣною, о коей узнать можно въ училищѣ корабельн. архитектуры отъ учителя Козлова.

20-го іюля. Гарнизоннаго Львова 1-го полку полковникъ Курчениновъ и подполк. Ситниковъ по долговременной службѣ и не молодымъ лѣтамъ, опредѣлены въ инвалиды, первый въ Царыцынѣ, а послѣдній въ Астрахань. (№ 58).

24-го іюля. Кирасирскаго Бринкена полку унтеръ-офицеръ Петровичъ за неспособность къ службѣ отставленъ отъ оной корнетомъ (№ 59).

— Изъ Парижа, отъ 2 іюля. Уже по всѣмъ улицамъ провозглашаютъ о его (Бонапарте) прибытіи, и что будто бы онъ привезъ съ собою подписа-ныя уже предварительныя мирныя статьи. Весьма забавно было слышать, какъ разнощики, держа въ рукахъ маленькія печатныя сочиненія, кри-чали: „вотъ торжественное вшествіе перваго консула Бонапарте и его гене-ральнаго штаба, кои привезли съ собою предварительныя мирныя статьи, за 2 копѣйки“.

27-го іюля. Егерскаго Миллера 3 полку прапор. по фамиліи Приказному повелѣнъ имъ именоваться ему и роду его Петровскимъ-Муравьевымъ. (№ 60, указъ сенату 15 іюля).

— Прошеніе персидскаго муртазы Булукхана-Кагъжаръ, находящагося въ російскомъ подданствѣ, о дачѣ ему для безопасности нѣсколько рядовыхъ, оставлено безъ уваженія.

— Кол. ас. Акутину, просившему монаршей милости на приданое дочери его, служившей при высочайшемъ дворѣ бѣловшеею, отказывается потому, что при выпускѣ ея отъ двора сдѣлано уже ей награжденіе выдачею на приданое 400 руб. и 3-хъ паръ платья.

31-го іюля. Исключенный изъ службы артилеріи полковникъ графъ Сиверсъ, во уваженіе настоятельной просьбы его вел-ва короля Прусскаго, принятъ по прежнему въ службу и опредѣленъ въ артилерійскій Рязанскаго полкъ. (№ 61).

— Рязанскаго именитаго купца Петра Мальшина, за усердіе его къ пользамъ казеннымъ, всемилостивѣйше жалуетъ въ седьмой классъ съ оставленіемъ его въ прежнихъ по купечеству правахъ и съ дозволеніемъ покупки на его имя деревень съ крестьянами.

3-го августа. Всемилостивѣйше пожалованъ чиномъ кол. ас-ра отправляющійся академикъ Алексѣевъ съ двумя учениками изъ императорской академіи художествъ для снятія разныхъ видовъ въ Москву и другія мѣста Россійскаго государства (№ 62).

7-го августа. Е. и. в. объявилъ свою благодарность санктпетербургской городской думѣ за способствованіе купцовъ и мѣщанъ при спускѣ корабля Благодать (№ 63).

— По высочайшему повелѣнію, статсъ-секретарь, дѣйствительный камергеръ графъ Кутайсовъ объявляетъ генераль-маіору князю Арбеляну, исключенному изъ службы за неприбытіе изъ отпуска къ назначенному времени, просившему монаршаго возвращенія въ разсужденіи жестокой болѣзни, препятствовавшей ему тогда явиться въ полкъ, что просьба его оставлена безъ уваженія.

10-го августа. Во 2-й день сего августа е. и. в. высочайше удостоить соизволилъ смотрѣть артиллерійское практическое ученіе. Всѣхъ орудій полевой артиллеріи было 59, да 6 пяти и двухъ пудовыхъ мортиръ. Пальба производима была ядрами, картечами, бранкугелями, бомбами и каркасами; для выстрѣловъ съ ядрами и картечами поставлены были щиты на надлежащей дистанціи, а для прочихъ построено полевое укрѣпленіе съ приуготовленными въ немъ фугасами и миною. Черезъ вѣрную и мѣткую въ назначенные предметы стрѣльбу артиллерія имѣла счастье заслужить такое высочайшее е. и. в. благоволеніе и милость, каковыхъ она съ начала ея существованія еще не имѣла. На инспектора всей артиллеріи ¹⁾ возложенъ большой крестъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, командующимъ батареямъ артиллерійскимъ генераламъ и батарейнымъ командирамъ пожалованы того же ордена кресты командорственныя, а офицеры, особенно въ стрѣльбѣ отличившіеся, высочайше удостоены того же ордена кавалерами меньшаго креста. Артиллерія за особенную честь и славу себя выищетъ сказать, что она имѣвшимъ ея совершенствомъ имѣетъ счастье быть одолжена единственному высокому попеченію всемилостивѣйшаго своего государя императора, который собственною своею высочайшею особою изобрѣти совсѣмъ въ новомъ расположеніи орудія и установилъ несовершеннѣйшій образъ артиллерійской службы, открылъ тѣмъ такой ей путь, который вездѣ и во всѣхъ случаяхъ съ именемъ великаго и премилосерднаго монарха будетъ страшенъ неприятелямъ (№ 64).

— Е. и. в. объявляетъ свою благодарность какъ начальствующимъ, такъ и рядовымъ за порядокъ и устройство, имъ усмотрѣныя въ финляндской инспекціи, объявляя и то, что е. вел-во чувствуетъ всю цѣну ревности и усердія ихъ къ службѣ; нижнимъ же чинамъ жагуетъ по чарѣ вина.

— Въ книжной лавкѣ Федора Свѣшниковъ продаются вновь вышедшія книги: „Митрофанушка въ отставкѣ“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Сія піеса есть продолженіе извѣстной комедіи „Недоросль“; она писана такъ-же

Генераль отъ артиллеріи Корсаковъ.

стилемъ, какъ и „Недоросль“; въ ней выведены такіе-же характеры, разсказы шутки и важность, каковыми украшается „Недоросль“; въ альбюмѣ переплетѣ 1 р. 25 к. „Путешествіе е. и. выс-ва цесаревича Константина Павловича“, соч. В. Петрова, въ бум. 70 коп. „Ода на случай освобожденія Италіи генералисимусомъ княземъ Италійскимъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ“, соч. М. Поспѣловой, въ бум. 30 к. „Родственникъ Магомета или цѣлительное дурачество“, соч. нравственное, съ картинками, въ лучшемъ пер. 2 руб.

14-го августа. Е. и. вел-во, замѣтя изъ бывшаго сего дня маневра неисполненіе войскъ финляндской инспекціи по данной имъ диспозиціи, и что дѣлая колонна пришедъ гораздо прежде правой на назначенное мѣсто, дожидалась оной стоя повзводно подъ огнемъ непріятели, не прикрывъ себя кавалерією и егерями, какъ то предписано было, и что въ ретирадѣ эскадроновъ мимо фрунта одинъ баталіонъ выстрѣлилъ по своей кавалеріи, за что дѣлая выговоръ генераль-лейтенанту князю Горчакову 1-му объявляеть, что конечно точно такое-же неисполненіе и оплошность генераловъ были причиною потерянныхъ сраженій въ Швейцаріи и Голландіи; войскамъ-же, бывшимъ на соединенныхъ маневрахъ подъ командою генераль-маіора барона Дибича, е. и. вел-во объявляеть свою благодарность и жалуетъ нижнимъ чинамъ по фрунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка (№ 65).

— Прикомандированной артиллеріи къ финляндской инспекціи дѣляется замѣчаніе, чтобы впредъ таковыхъ безпорядковъ не было, кои происходили сего дня (9-го августа) на батарее у маіора Никитина, которому и дѣляется за оное выговоръ. Также дѣляется выговоръ генераль-маіору Михельсону 2-му за то, что его полкъ продолжалъ стрѣлять, обойдя уже линію позади гренадерскаго эшелона.

— Лейбъ-красирскаго е. и. в. полку маіоръ Карновичъ за неспособностію къ службѣ отставленъ отъ оной.

— Е. и. в. объявляеть совершенную свою благодарность е. и. выс-ву Александру Павловичу и генераль-маіору барону Дибичу, а равно и войскамъ, подъ командою ихъ бывшимъ.

— Е. и. в. даетъ на замѣчаніе генераламъ инспекціи финляндской, что видѣли они сами, сколь далеки они и отъ того даже, чтобы быть имъ генералами посредственными, и что пока будутъ они таковы, вездѣ конечно и всѣмъ будутъ быты.

— Продается мужъ съ женою, коему отъ роду 25-й годъ, изъ коихъ первый умѣеть волосы чесать и обученъ портному мастерству и грамотѣ, а жена кушанье готовить, женскія волосы чесать, шить въ тамбурѣ, мыть и гладить бѣлье; о цѣнѣ спросить на Невскомъ проспектѣ, за Знаменскимъ мостомъ, въ домѣ подъ № 3-мъ, который также продается, у самого хозяина.

17-го августа. Е. и. выс-ву цесаревичу и великому князю Константину Павловичу быть инспекторомъ Санктпетербургской кавалеріи (см. № 66).

— Произведенъ генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ 1-й въ генералы отъ инфантеріи и бытъ ему Санктпетербургскимъ военнымъ губернаторомъ на мѣсто генерала отъ кавалеріи графа фонъ-дербъ-Палена.

— Составляются двѣ арміи, одна подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа фонъ-дербъ-Палена на Литвѣ, а другая подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова на Волынн.

— Надв. сов. Анерту, жаловавшемуся на барона Николая въ разныхъ притѣсненіяхъ, отказывается, поехжку по справкѣ оказалось, что проситель беспокойнымъ своимъ нравомъ самъ причиною нынѣшняго его положенія.

— Продается книга: „Земля въ пустынѣ“, плачевное и трагическое происшествіе въ 2 част., въ пер. 3 р. 60 к.

21-го августа. Высочайшій приказъ, отданный при корогѣ минувшаго іюля 5 числа мушкетерскаго Велецкаго полку объ унтеръ-офицерѣ Дякинѣ, уничтожается ¹⁾ (№ 67).

— Изъ Палермы. Въ день празднованія св. Фердинанда его вел-во король Неаполитанскій, для усовершенствованія процессіи, просилъ находящагося въ Палернѣ генералъ-лейтенанта Бороздина 1-го быть съ російскими войсками, который построеною полуротою гренадеръ въ двѣ шеренги окружалъ и конвоировалъ маршемъ рядами какъ его вел-во, такъ и всю процессію, а остальные два взвода прикрывали ихъ маршъ; за ними же слѣдовалъ баталіонъ гренадерскаго полка Валдемазаро.

— Литейной части, въ 5 кварталѣ, по Сергіевской улицѣ, въ домѣ подъ № 514, продается дворовый человѣкъ 18 лѣтъ, обученный портному мастерству, хорошаго поведенія, способный быть камердянеромъ, цѣною за 700 р.

Сообщ. въ 1874 г. Г. И. Студенинъ.

---

¹⁾ Въ приказѣ 5-го іюля было сказано: «Мушкетерскаго Велецкаго полку унтеръ-офицеръ Дякинъ, за полученными въ сраженіи ранами отставленъ отъ службы подпоручикомъ съ ношеніемъ мундира и съ опредѣленіемъ на инвалидное содержаніе.

Петербургскіе оберъ-полиціймейстеры при императорѣ Павлѣ

1796—1801.

Напечатанное въ мартовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г. приглашеніе жителей Петербурга на маскарадъ въ Гатчинѣ (стр. 733) не могъ подписать оберъ-полиціймейстеръ Аксаневичъ, потому что оберъ-полиціймейстера съ такой фамиліей не было. Слѣдуетъ читать: Лисаневичъ.

Въ царствованіе императора Павла I не велось адресъ-календарей или росписи чиновъ, а потому не будетъ ли здѣсь встать привести перечень оберъ-полиціймейстеровъ столицы за время съ 1796 по 1801 г.

Глазовъ, Павелъ Михайловичъ, бригадиръ; оберъ-полиціймейстеръ со 2 сентября 1713—1796, отставленъ вовсе отъ службы въ чинѣ генераль-маіора, по неспособности, 19 іюля 1797 г.

Чулковъ, Ефимъ Мартемьяновичъ. Въ службѣ съ 1766 г., на-дворный совѣтникъ съ 13 марта 1786 г., перемѣщенъ изъ вѣдомства кабинета на должность полиціймейстера—31 октября 1793 г., коллежскій совѣтникъ—28 іюля 1796 г., пожалованъ въ статскіе совѣтники—13 ноября 1796 г., назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ—11 декабря 1796 г., показывается въ этомъ же году бригадиромъ, переименованъ въ статскіе совѣтники—19 января 1797 г., пожалованъ 300 душъ крестьянъ мужскаго пола—5 апрѣля (день коронаціи), отставленъ отъ службы—9 іюня 1797 г.

Муравьевъ, Николай Ѳедоровичъ. Въ службѣ съ 1766 г., артиллеріи маіоръ съ 16 сентября 1791 г., совѣтникъ тверской уголовной палаты въ 1794—1797 г., коллежскій совѣтникъ 16 января 1797 г., опредѣленъ полиціймейстеромъ С.-Петербурга—3 февраля, поручено исправленіе должности оберъ-полиціймейстера—9 іюня, утвержденъ въ должности съ производствомъ въ статскіе совѣтники—11 августа 1797—1798 г., 1-ый членъ межевой канцеляріи—16 апрѣля 1800 г., дѣйствительный статскій совѣтникъ съ 27 августа 1800 г.

Чулковъ и Муравьевъ привлекались къ отвѣтственности по дѣлу о сѣнныхъ перекупщикахъ и скупщикахъ въ столицѣ. По словамъ указа сената «Чулковъ не имѣлъ попеченія объ обязанности служенія на него возложеннаго и, даже, не вѣдалъ о перекупщикахъ и скупщикахъ».

Лисаневичъ, Василій Ивановичъ. Ротмистръ лейбъ-гвардіи коннаго полка 1794—1797 г., произведенъ въ полковники 21 сентября 1797 г., назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ—17 августа 1797 г., пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники 12 (21) сентября 1798 г.,

назначенъ Вологодскимъ губернаторомъ — 9 іюня 1800 г., уволенъ отъ службы съ пенсіономъ получаемаго жалованья—21 іюня 1800 г.

Рачинскій, Антонъ Михайловичъ. Подполковникъ гатчинскихъ войскъ, переведенный въ гвардейскій егерскій баталіонъ—9 ноября 1796 г., произведенъ въ полковника—31 декабря 1796 г., пожалованъ 500 душъ крестьянъ—10 апрѣля 1797 г., произведенъ въ генераль-маіора—14 февраля 1798 г., командиръ егерскаго баталіона въ 1799 г., произведенъ въ генераль-лейтенанты—25 января 1800 г., объявлена высочайшая благодарность за исправность ввѣреннаго ему баталіона—15 мая, назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники и съ разрѣшеніемъ носить военный мундиръ—9 и 10 іюня 1800 г., пожалованъ 3000 десятинъ земли—14 іюля, отставленъ отъ службы 25 октября 1800 г.

Зильбергарнишъ, Густавъ Карловичъ. Титулярный совѣтникъ, пожалованный въ надворные совѣтники съ назначеніемъ полицій-мейстеромъ—12 сентября 1798 г., коллежскій совѣтникъ въ 1799 г., произведенъ въ статскіе совѣтники—11 апрѣля, получилъ 60 гаковъ земли въ Эстляндіи—9 сентября, назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ—25 октября, слободскоукраинскимъ губернаторъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники—30 ноября, высочайше разрѣшено носить общій кавалерійскій мундиръ—8 декабря 1800 г. (С.-Петербургскія Вѣдомости № 100).

Въ его оберъ-полиціймейстерство состоялся 6 ноября 1800 г. слѣдующій высочайшій приказъ:

«Его императорское величество объявляетъ свою совершенную благодарность всѣмъ служащимъ за усердіе и вѣрность, оказанную ими въ послѣдствіе четырехъ лѣтъ царствованія государя императора». (С.-Петербургскія Вѣдомости № 91).

Аплечеевъ, Александръ Алексѣевичъ. Въ службѣ съ 1777 г., генераль провіантмейстеръ лейтенантъ, произведенный въ военные совѣтники—6 сентября 1798 г., назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ съ пожалованіемъ въ 5-й классъ—30 ноября 1800 г., произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ ношеніемъ полицейскаго мундира—22 февраля 1801 г., переименованъ въ генераль-маіоры съ оставленіемъ при должности—21 марта, за несоблюденіе должности и допущеніе въ городъ азартной карточной игры отставленъ отъ службы—12 іюля, назначенъ казанскимъ губернаторомъ—13 октября 1801 г. съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, † 1802.

Сообщ. Г. И. Студенкинъ.

Историческія замѣтки профес. В. С. Иконникова.

I.

Ссылные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ.

Въ весьма интересной статьѣ «Ссылные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ» г. Колчина («Русская Старина» 1887 г., т. LVI, стр. 358) упоминаются два графа Толстыхъ и существующее о нихъ дѣло въ архивѣ Соловецкаго монастыря. Болѣе подробно объ этомъ дѣлѣ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія сообщены въ статьѣ преосвящ. Макарія, бывш. еписк. Архангельскаго, на основаніи архивныхъ дѣлъ Соловецкаго же монастыря, подъ заглавіемъ: «Послѣдніе дни графовъ Петра и Ивана Толстыхъ» (Чтенія Моск. Общ. Исторія, 1880 г., кн. III, стр. 33—38). О нихъ см. также статьи Н. А. Попова (Русск. Вѣст. 1860 г., № 11-й, и Древн. и Нов. Рос. 1875 г., т. I).

Списокъ ссылныхъ въ Соловецкій монастырь слѣдуетъ пополнить еще княземъ Вас. Лук. Долгоруковымъ; см. статью о немъ преосв. Макарія: «Послѣдніе дни кн. В. Л. Долгорукова въ Солов. мон., изъ архивныхъ бумагъ Солов. мон.» (Чт. Моск. Общ. Ист. 1880, кн. III, стр. 19—32), а о ссылкѣ кн. В. Л. Долгорукова въ село Знаменское (до заключ. въ Сол. мон.) по дѣламъ государ. архива, см. статью Д. А. Корсакова (Чтен. Моск. Общ. Ист. 1881, кн. I, стр. 32—47), съ прилож. матеріаловъ. Кромѣ того см. о немъ въ статьѣ того же автора: Кн. И. А. Долгоруковъ (Древн. и Нов. Рос. 1879, т. I)¹⁾.

---

¹⁾ О ссылныхъ на сѣверѣ, въ томъ числѣ и о нѣкоторыхъ лицахъ, заточенныхъ въ Соловецкомъ мон., говорится въ статьѣ И. Ревм: «Ссылка на сѣверъ въ прошломъ вѣкѣ, по даннымъ архангельскаго архива» («Юридическій Вѣстникъ» 1884 г., № 8, стр. 586—609).
В. И.

II.

По поводу замѣтки о придворномъ банкирѣ Сутерландѣ, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1888 г., № 3, стр. 791, можно указать нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія и упоминанія; въ Дневникѣ Храповицкаго: Запискахъ Державина (Собр. соч. т. VI, причѣмъ приложены нѣкоторыя о немъ дѣла) и его перепискѣ (т. V); бумагахъ Екатерины II (Сборн. Русск. Историч. Общ. т. XII); Архивѣ государств. Совѣта, т. I, ч. I и II (весьма много); биографіи канцлера Безбородко, Григоровича и въ Воронцовскомъ Архивѣ (во многихъ томахъ).

III.

Моисей Гумилевскій («Русск. Старина» 1888 г., № 3, стр. 799—800). Къ означеннымъ замѣткамъ о немъ необходимо прибавить, что въ 1883 г. сообщилъ объ этомъ лицѣ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія Н. Н. Мурзакевичъ, въ «Записк. Одеск. общ. исторіи (т. XIII, 260—262). Моисей Гумилевскій посвященъ былъ въ санъ епископа въ Яссахъ¹⁾, 5-го іюня 1791 г., съ назначеніемъ викаріемъ екатеринославскаго архіепископа и титуломъ еодосійскаго и маріупольскаго, гдѣ населеніе исключительно состояло изъ грековъ, вышедшихъ въ 1779 г. изъ Крыма; а епископъ Моисей былъ знатокомъ греческаго языка; въ московской академіи онъ преподавалъ одно время греческій языкъ, затѣмъ составлялъ греческую грамматику и, кромѣ перевода съ греческаго языка духовно-нравственныхъ сочиненій, перевелъ прозою Одиссею Гомера (М. 1788 г., 2-е изд. П. 1815 г.). Вмѣстѣ съ Потемкинымъ онъ участвовалъ въ переводѣ съ французскаго языка церковной исторіи Флери и вообще пользовался его вниманіемъ. Свою благодарность Потемкину Моисей выразилъ въ двухъ надгробныхъ словахъ, произнесенныхъ по немъ въ Николаевѣ и Херсонѣ. Но уже въ октябрѣ 1792 г. еп. Моисея не стало. Живя въ Эски-Крыму (здѣсь было назначено ему мѣсто жительства), городѣ, нѣкогда знаменитомъ торговлею съ далекимъ востокомъ, но въ это время населенномъ исключительно мусульманами, и будучи устраненъ отъ образованнаго общества, онъ, по словамъ Мурзакевича, дошелъ до унынія и затѣмъ самоубиенія, совершившагося съ 5-го на 6-е октября 1792 г. Распространенные слухи, что епископъ Моисей убитъ татарами, а по другимъ

¹⁾ По показанію митрополита Евгенія — въ Петербургѣ.

своими домашними (такъ показано въ словарѣ м. Евгенія, с. 80; срвн. Геннади, 337), опровергаются теперь официальнымъ документомъ, а именно подлиннымъ письмомъ таврич. губернатора генералъ-майора Жегулина къ тайн. сов. В. С. Попову, состоявшему докладчикомъ при Екатеринѣ II. Впрочемъ, изъ этого письма можно усмотрѣть еще другую причину означенной кончины — болѣзнь. Вотъ это письмо:

«М. г. Василій Степановичъ! Здѣсь послѣдовало не токмо неожиданное, но и неслыханное, невѣроятное приключеніе: Преосв. Моисей епископъ еоодоссійскій и маріупольскій кончилъ жизнь свою съ 5-го на 6-е октября, несчастнымъ образомъ отъ своихъ собственныхъ рукъ. Не руки его, ниже воля суть виновники сего нещастія, но закоснѣлыя геморoidalныя припадки, а отъ нихъ уже апоплексическихъ и меланхолическихъ сихъ послѣднихъ въ самомъ величайшемъ степени. Тѣло его погребено въ Θεодосіа ¹⁾. Что всего удивительнѣе, что онъ (по разуму его) въ случаѣ пріѣзжающихъ къ нему, усиленно скрывалъ болѣзненные его припадки, а къ совершенію нещастія не было при немъ ни единого умнаго человѣка, который бы благовременно о семъ увѣдомилъ. Я въ три поѣздки мои на островъ Фанагорію въ іюль, августъ и въ началѣ сентября былъ у него на посѣщеніи, но ничего примѣтить не могъ, равно и онъ ничего мнѣ не объявилъ, но свидѣтельство лекарское и доказательства, собранныя въ домѣ покойнаго, суть несомнѣнные къ тому доводы. Всего наиболѣе оскорбляетъ меня единае воображеніе, что ея величество милосердая мать наша и самодержица по человѣколюбивому ея сердцу приметъ съ чувствительностію. Для того и всеподданнѣйшій мой рапортъ о семъ подношу вашему прев—ву, можетъ быть нужно, чтобы вы, м. г., отличнымъ разумомъ вашимъ ея величество къ тому пріуготовили, и проч. С. Жегулинъ. Окт. 14-го 1792 г. Симферополь». (Зап. Од. Общ., 262).

Ко времени учительства Моисея Гумилевскаго въ академія относится стихотворное произведеніе, подъ заглавіемъ: (Humilevski Mich. ²⁾ Illustrissimo Comiti Gregorio Alexandridi de Potemkin, hoc grati animi sui documentum offert Academia Mosquensis. Mosquae 1775, fol. (см. Catalogue de la section des Russica. I, S.-Pet. 1873, № 1,203). Цензурная вѣдомость просмотрѣнныхъ имъ книгъ въ 1786—1788 гг. напеч. въ XVIII вѣкѣ, изд. П. И. Бартевымъ (т. I, стр. 425—452).

В. С. Ивонниковъ.

¹⁾ Не здѣсь, а въ Эски-Крыму (примѣч. Н. Н. Мурзакевича).

²⁾ Мирское имя Моисея Гумилевскаго — Михайль.

В. И.

Жениху и невѣстѣ.

О какъ бы я желалъ все счастье вселенной
 Излить на ваши юныя сердца!
 Чтобъ никакая скорбь земли большой и тѣсной
 Невѣдома была вамъ до конца.

И чтобы, отложивъ заботы, попеченья,
 Какъ голуби, воркуя, жили вы;
 И ваши чтобъ сердца, слѣясь въ одно бѣнье
 Пылали пламенемъ одной любви.

Чтобъ всякая печаль при васъ двоихъ нѣмѣла,
 Чтобъ ничего не плакало кругомъ,
 И чтобъ, затрепетавъ, природа вся зашла,
 Увидя, какъ вы счастливы вдвоемъ!

1883 г.

* * *

Ужъ гасли въ комнатахъ огни...
 Благоухали розы...
 Мы сѣли на скамью въ тѣни
 Развѣсистой березы.

Мы были молоды съ тобой!
 Такъ счастливы мы были
 Насъ окружавшею весной;
 Такъ горячо любили!

Двурогій мѣсяцъ наводилъ
 На насъ свое сіянье:
 Я ничего не говорилъ,
 Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синнихъ глазъ твоихъ
 Ты опускала взоры:—
 Краснорѣчивѣй словъ иныхъ
 Нѣмые разговоры.

Чего не смѣлъ повѣрить я,
 Что въ сердцѣ ты таила,—
 Все это пѣсня соловья
 За насъ договорила.

1883 г.

[Изъ книги: „Стихотворенія К. Р.“, Спб. 1886 г.]

Яковъ Петровичъ Кульневъ

20 и 21 іюля 1812 г.

Герой Кульневъ воскрешенъ въ памяти нынѣшняго поколѣнія рядомъ статей, помѣщенныхъ «Русской Стариной» во II и III кн. за 1887 годъ. Кроме того, въ VII кн., напечатано въ высшей степени интересное «Сказаніе купца Шарина» о побѣдкѣ его 5—8-го сентября 1812 года, въ качествѣ депутата отъ города Пскова, въ армию Витгенштейна, стоявшую на рѣкѣ Дриссѣ, частью въ мызѣ Соколищи и частью въ Сивошинѣ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ 20-го іюля 1812 г. былъ разстроены нашъ авангардъ и убитъ Кульневъ.

Нѣсколько разъ перечитавъ біографическій очеркъ Кульнева, составленный г. Калиновскимъ (II кн.), подлинныя письма Я. П. Кульнева и родословную рода Кульневыхъ, сообщенныя барономъ Руммель, и, наконецъ, Сказаніе очевидца первой могилы Кульнева, купца Шарина,—и сравнивая все это съ моимъ очеркомъ «На могилахъ Кульнева» и топографіей мѣстности, мнѣ близко знакомой,—я долженъ исправить слѣдующія усмотрѣнныя мною противорѣчія и ошибки:

1) Основываясь на положительномъ заявленіи историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, что тѣло Кульнева было предано землѣ 21-го іюля, близъ мызы Соколищи, при сляніи рѣкъ Дриссы и Нищи, подъ тѣнью елей, — я безусловно повѣрилъ этимъ словамъ офиціальнаго біографа и призналъ фактъ перваго погребенія Кульнева въ Соколищахъ безспорнымъ, хотя и оговорилъ, что самые старые жители Соколища никогда о такомъ погребеніи не слышали и утверждаютъ, «что Кульневъ лежитъ въ Сивошинѣ», въ четырехъ верстахъ отъ Соколищъ, «считая воздвигнутый ему тамъ памятникъ надгробнымъ».

Сказаніе купца Шарина («Русская Старина» 1887 г., кн. VII, стр. 69), служившаго 8-го сентября 1812 г. панихиду на могилѣ Кульнева, вполне убѣдило меня, что народная память вѣрна, а официальный биографъ сообщалъ фактъ невѣрный, вымышленный. Купецъ Шаринъ настолько подробно описываетъ мѣстность первой могилы Кульнева, въ Сивошинѣ, что и теперь, чрезъ 76 лѣтъ, можно положительно сказать, что Кульневъ былъ погребенъ не въ Соколицахъ, а въ Сивошинѣ, а именно въ 100—200 шагахъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоятъ воздвигнутый въ честь его памятникъ, рисунокъ котораго приложенъ къ III книгѣ «Русской Старинѣ» изд. 1887 г. Слѣды уніатской церкви, стоявшей тутъ въ 1812 г., о которой говоритъ Шаринъ, ясно видны и теперь. По разсказу Шарина, надо думать, что Кульневъ былъ убитъ на лѣвомъ берегу Дриссы, недалеко отъ мѣста перваго погребенія, значить не «ядромъ, посланнымъ чрезъ рѣку» (III кн. «Русской Старинны», 1887 г., стр. 638).

2) Рѣшаюсь также положительно высказать, что обелиска (или камня), о которомъ разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій, съ надписью: «на семь мѣстѣ палъ, увѣнчанъ побѣдою» и т. д., на могилѣ Кульнева не только теперь не существуетъ (о чемъ я уже писалъ), но никогда и не существовало. Официальный историкъ ввелъ въ забужденіе не только меня, но и биографа Кульнева, г. Калиновскаго, а за нимъ и читателей «Русской Старинны». Вотъ что значить основывать у насъ свои сообщенія на официальныхъ изданіяхъ, «составленныхъ по достовѣрнымъ документамъ», безъ провѣрки на мѣстѣ.

3) Марья Петровна Кульнева, сестра героя, по словамъ г. Калиновскаго, была замужемъ за барономъ Николаемъ Павловичемъ Мантейфель-Сей («Русская Старина» изд. 1887 г., II кн., стр. 388). А по родословной, сообщенной барономъ Руммель, Марья Петровна показана женою Саксенъ-Веймарскаго камергера Николая фонъ-Розеншильдъ-Паулинъ. Думаю, что первое свѣдѣніе вѣрно, а второе ошибочно. Братъ героя, Михаилъ Петровичъ, былъ несомнѣнно женатъ на дочери Николая фонъ-Розеншильдъ-Паулинъ, дѣвицѣ Надеждѣ Элеонорѣ, и если-бъ родословная была вѣрна, то выходитъ что Михаилъ Петровичъ былъ женатъ на родной племянницѣ, дочери родной сестры, что совсѣмъ невѣроятно.

4) Нынѣшнюю гробницу Я. П. Кульнева я видѣлъ въ Ильзенбергѣ (Кульневъ—тожь) и подробно описалъ ее («Русская Старина» изд. 1887 г., кн. III, стр. 646—647); г. Калиновскій описываетъ ее совсѣмъ иначе и совершенно несогласно съ тѣмъ, что въ дѣйствительности существуетъ. Ни гравитной плиты, ни желѣзной рѣшетки,

ни надписи, о которой говорить г. Калиновскій, въ Ильзенбергѣ нѣтъ,—а есть то, что сообщено мною.

Сводя все касающееся могилъ и памятниковъ Кульнева, можно нынѣ положительно сказать:

1) Кульневъ былъ убитъ близъ Сивошина 20-го іюля 1812 года. Тѣло его отвезено къ Головчинѣ, къ главнымъ силамъ корпуса Витгенштейна, но въ тотъ же день, къ вечеру, вмѣстѣ съ наступавшими войсками, вновь было привезено въ Сивошинъ, гдѣ, а не въ Соколищѣ, на другой день, 21-го іюля, и предано землѣ, противъ бывшей унѣатской церкви, близъ почтовой дороги и близъ того мѣста, гдѣ онъ былъ убитъ.

2) Затѣмъ въ 1816 года прахъ Кульнева перевезенъ въ имѣніе барона Мантейфель-Сей.

3) Въ 1830 г. въ Сивошинѣ воздвигнутъ гранитный памятникъ въ честь героя, близъ мѣста первой могилы.

4) Въ 1832 г. прахъ вновь перевезенъ изъ имѣнія барона Мантейфель-Сей въ имѣніе брата Я. П. Кульнева—Михаила Петровича, Ильзенбергъ, гдѣ нынѣ и поконится, въ тамошней церкви, выстроенной надъ этой, съчетомъ третьей, могилой въ 1833 и 1834 годахъ.

Еще два слова.

Кульневъ былъ не общій типъ, не заурядный человекъ, случайно выдвинувшійся, а напротивъ, рѣдкое исключеніе, если не по военнымъ дарованіямъ, то, несомнѣнно, по своимъ нравственнымъ качествомъ. Какъ ярко обрисовываютъ собственные письма Якова Петровича, изданныя ред. «Русской Старины», безкорыстѣйшую, благородную, мужественную душу этого народнаго героя и «самаго славнаго генерала». Такихъ генераловъ, смѣю думать, у насъ было мало. Кульневъ—это мужественный и безупречный рыцарь, память котораго должна чтиться какъ святыня, и заслуживающій обстоятельной и вѣрной біографіи¹⁾.

Купецъ Шаринъ рассказываетъ, что 5-го сентября 1812 г. на обѣдѣ у Витгенштейна, въ Соколищахъ, онъ видѣлъ даму, имени которой не упомянулъ, пожилыхъ лѣтъ, про которую Витгенштейнъ выразился такъ: «вотъ старая героиня! Вообразите себѣ, бывъ въ своемъ домѣ, видѣла въ окно въ подзорную трубу, какъ мы съ французами сражались; слышала, какъ пули мимо нея свистали, но

¹⁾ Намъ кажется, что было бы весьма умѣстно—Николаевской академіи генеральнаго штаба—ввести составленіе біографіи Якова Кульнева въ число темъ, задаваемыхъ слушателямъ академіи для разработки и для представленія сочиненій предъ выпускомъ.

какъ попало ядро въ покой и прошибло въ домѣ стѣны и сквозь
прошло, тутъ оробѣла и ушла въ погребъ, и въ ономъ сидѣла до
конца сраженія. Счастье твое, напоследокъ сказалъ ей графъ, что
дома не сожгли, вы бы могли задохнуться». На что она отвѣтила:
«погребъ со сводомъ и я этого не боялась».

Въ статьѣ «На могилахъ Кульнева» я сказалъ:

«Сохранилось мѣстное преданіе, что владѣлица Клястиць, г. Убри,
не оставившая своего дома въ Якубовѣ и во время самага
сраженія, первая извѣстила Витгенштейна о появленіи здѣсь фран-
цузовъ».

Достоверно можно сказать, что Шаринъ видѣлъ 5-го сентября
1812 г. въ Соколицахъ именно г-жу Убри. Эта дама оставила, по
дошедшимъ до меня слухамъ, записки о достопамятныхъ дняхъ
1812 года, которыя хранятся у внука ея, Павла Петровича Убри.
Надо надѣяться, что онъ предоставитъ ихъ въ распоряженіе «Рус-
ской Старины».

Е. К. Дегловъ.

Одесса, 23-го февраля 1888 г.

ПАРТИЗАНЪ АЛЕКСАНДРЪ САМОЙЛОВИЧЪ ФИГНЕРЪ

последняя боевая его схватка съ французами

въ 1813 году.

Письмо къ матери участника-очевидца ротмистра Дюпрейса ¹⁾.

Зорау, мѣстечко въ Саксоніи. 7-го генваря 1814 года.

Наконецъ, милая матушка, имѣю случай поздравить васъ съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступившимъ годомъ 1814, дай Богъ, чтобъ оной вы провели благополучно. Теперь позволте мнѣ рассказать вамъ всѣ приключенія, со мной случившіяся, съ тѣхъ поръ, какъ я къ вамъ не имѣлъ случая писать.

Послѣ послѣднихъ писемъ, которыя писалъ я съ курьерами, посланными въ Кіевъ Павломъ Андреевичемъ Ивановымъ, поѣхалъ я изъ главной квартиры съ гвардіи полковникомъ Фигнеромъ, прежнимъ моимъ знакомымъ, а потомъ начальникомъ, съ тѣмъ самымъ, который въ російскую кампанію дѣлалъ чудеса, и изъ штабсъ-капитановъ артиллеріи въ три мѣсяца, безъ всякой протекціи, заслужилъ чинъ полковника и приобрѣлъ храбростію и искусствомъ своимъ почтеніе всякаго истинно - россиянина, о которомъ вы, я думаю, слышали и читали въ реляціяхъ. Нашъ отрядъ былъ въ польскомъ мѣстечкѣ Равичъ: послѣ трехъ дней возобновившейся войны пошли мы черезъ часть Шлезіи; перешедши рѣку Одеръ подъ Карлатомъ, мы первые вступили въ Саксонію и дѣйствовали въ тылу непріятельской арміи; беспокоили ее и днемъ, и ночью, давали знать о движеніяхъ непріятеля

¹⁾ См. очеркъ жизни и боевой дѣятельности А. С. Фигнера въ „Русской Старинѣ“, изд. 1887 года, томъ LV, августъ, стр. 321—338; тамъ же приложенъ и портретъ этого славнаго партизана.

то принцу шведскому, то генералу Блюхеру и генералу Сакену, которые съ разныхъ сторонъ дѣйствовали; брали обозы, курьеровъ французскихъ, чрезъ что французскія корпуса, дѣйствовавшіе отдѣльно, не могли знать ни повелѣній, ни мыслей Наполеона, а наши генералы, зная планы ихъ, щипали ихъ ежедневно, вслѣдствіе чего вся 400 тысячная армія превращена была въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ ничто. Короче сказать, непріятельскіе генералы позади своей арміи не смѣли ѣздить безъ значительнаго конвоя и часто случалось, что мы съ отрядомъ стоя въ густомъ лѣсу, видимъ, какъ непріятельскія силы идутъ по большой дорогѣ, но часть арьергарда и обозовъ по большей части попадалась въ наши руки, а по ночамъ мало развѣдныхъ конвоевъ и патрулей минуло насъ и вездѣ мы отдѣльвались со славою и счастливо по 30-е число сентября.

На 29-е число сентября мы переправились въ третій разъ черезъ Эльбу на паромѣхъ и остановились въ мѣстечкѣ Ворлицъ и когда генералъ Блюхеръ и Сакенъ ретировались отъ Лейпцига чрезъ Дессау вдоль по Эльбѣ для соединенія съ кронпринцемъ шведскимъ, и маршалъ Ней и самъ императоръ Наполеонъ преслѣдовали ихъ, прусскій генералъ Тауенцинъ отретировался за Эльбу и сналъ всѣ мосты, мы остались на той сторонѣ рѣки; у насъ тогда было 56 человекъ гусаръ 180 человекъ Украинскихъ казаковъ, 90 человекъ Донскихъ казаковъ и 270 человекъ пѣхоты, изъ итальянцевъ и испанцевъ составленной; тутъ мы были атакованы съ лѣвой стороны генераломъ Фурнье; пѣхота наша разсыпалась въ стрѣлки и, причинивши довольно имъ вреда, пошли мы вправо на Дессаускую дорогу ¹⁾ подъ прикрытіемъ нашихъ гусаръ; но непріятель думалъ, что у насъ много войскъ, не смѣлъ насъ преслѣдовать; но не успѣли мы двухъ верстъ пройти, какъ видимъ уже нѣсколько эскадроновъ гусаръ и драгунъ непріятельскихъ, гдѣ по небольшой перестрѣлкѣ бросились наши гусары въ атаку подъ командою самого полковника Фигнера, и въ три минуты опрокинули мы два эскадрона гусаръ и два эскадрона драгуновъ. Наконецъ, видимъ мы, что мы были уже отрѣзаны отъ Эльбы драгунами подъ командою бригаднаго генерала Де-франса и польскими уланами подъ командою генерала Оксамятовскаго; полковникъ, видя уже неминуемую опасность, говоритъ:

— «Братцы! пробьемтесь насквозь!»

¹⁾ Тутъ, переходяши черезъ мостикъ, полковникъ Фигнеръ остановилъ меня и спасъ тѣмъ отъ неминуемой смерти: въ ту самую минуту, какъ онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „постой, Дефрейсъ“, ядро прямо ударило въ дерево на томъ самомъ мѣстѣ и убило лошадь и гусара. Д.

И скомандовалъ въ атаку, вся кавалерія бросилась и съ очень малою потерею мы прорубились и думали спастись черезъ мостъ въ Роселавъ, единый мостъ, который остался, но и тамъ уже прусаки были выгнаны и французы уже были въ ихъ шанцахъ, то рѣшились мы броситься вплавь, но страшный вѣтеръ помѣшалъ намъ въ томъ успѣть. Человѣкъ 120 спаслось, много очень утонуло, а многіе были спасены самими французами отъ потопленія, въ которомъ числѣ и я былъ съ моими товарищами; но я не понимаю, какъ Богъ меня спасъ! я плавать не умѣю, и я уже былъ саженой восемь отъ берегу державшись за гриву лошади, но вѣтеръ сбиль всѣхъ въ одну кучу и всѣ топили другъ друга, наконецъ, меня отбили отъ моей лошади, я зачалъ тонуть, и уже выпилъ много воды, какъ вдругъ, употребивши послѣднія силы свои, попалась мнѣ чья-то лошадь, я такъ крѣпко схватился за хвостъ, что она выплыла со мною почти на берегъ, но я потерявши силы упалъ на мѣсто, гдѣ уже не было глубоко, и французы вытащили меня на берегъ и привели въ чувство, гдѣ уже я увидѣлъ нѣсколькихъ нашихъ товарищей; меня посадили на лошадь и довели такъ до генерала, гдѣ онъ намъ всѣмъ пенялъ, что мы, видя себя окруженными, не отдались, а рѣшились лучше утонуть, и что онъ никакъ бы не могъ сомнѣваться въ нашей храбрости, и что французы не татары—обходятся человѣколюбиво съ плѣнными, и польскій генералъ увидалъ меня безъ шапки, тотчасъ вынулъ свой колпакъ и далъ мнѣ оный, чтобъ я не простудился, и онъ же выкупилъ мою шинель у драгуна, который поймалъ мою лошадь, гдѣ она была привьючена, и отдалъ мнѣ, вотъ все, что я могъ спасти, что на мнѣ было изъ платья, но часы и деньги долженъ былъ я отдать, — тѣмъ только французы отъ меня и попользовались; въюки мои и все, что я имѣлъ, потонуло и бѣдный Матвѣй, который ни на шагъ отъ меня не отставалъ, я думаю, потонулъ; только я его видѣлъ тогда, какъ бросился въ воду; многіе оттого потонули, что были въ водѣ ранены и многіе убиты. Но нашъ любезный Фигнеръ если и въ плѣну, то вѣрно подъ чужимъ именемъ ¹⁾, потому, что многихъ на другой день взяли въ плѣнъ, многіе выплыли въ другомъ мѣстѣ и, хотѣвши пробраться сквозь лѣса, тамъ были захвачены. 30-го (сентября) ночевали мы подъ Дессау, 1-го октября пришли мы въ Дессау, гдѣ намъ всѣмъ русскимъ офицерамъ дали хорошія квартиры, и на другой день хотѣли везти насъ во Францію, но ночью получили они курьера, что въ тылу ихъ нашъ императоръ соединился съ тѣми войсками, которыя отъ нихъ ретировались вдоль по Эльбѣ, и эта ретирада довела

---

¹⁾ Ибо онъ столько вреда французамъ надѣлалъ во всю войну, что Бонапартъ положилъ большую цѣну, если кто Фигнера поймаетъ. Д.

французовъ до того, что они были отрѣзаны совсѣмъ отъ Франціи,— и тогда насъ отправили въ крѣпость Виттембергъ, куды мы прибыли 2-го октября. Теперь стану описывать плѣнъ нашъ и потомъ освобожденіе.

Два мѣсяца съ половиной были мы безъ всякой надежды къ освобожденію; между тѣмъ французы содержали насъ довольно хорошо, какъ только можно содержать въ блокированной крѣпости, кромѣ пищи, однако, мы столько-же получали, сколько и французскіе офицеры, по три четверти довольно большаго хлѣба, но мяса по девяти золотниковъ въ сутки; комендантъ ¹⁾ тихонько отъ губернатора и старшій адъютантъ губернатора ²⁾ присылали намъ всегда кофію и сахару и всего, чѣмъ они запаслись, даже когда свѣчей не стало, то они намъ бѣлыхъ восковыхъ для нашей комнаты присылали; жители виттембергскіе давали намъ въ займы денегъ, на которыя мы у жителей покупали себѣ кушанье. Жители, узнавши, что я казанскій, приходили со мной знакомиться, спрашивая о докторѣ Эрджманѣ, котораго они почитаютъ и къ которому я прилагаю письмоцо отъ его стараго товарища изъ Зорау. 18-го декабря зачали пруссаки осаждать крѣпость и до перваго числа бросили въ городъ болѣе 12 тысячъ бомбъ и гранатъ, и большая часть падали на замокъ, гдѣ мы содержались; но губернаторъ велѣлъ тотчасъ очистить для насъ подземелье со сводами для безопасности. Въ самую ночь на первое января только легли мы спать, просидѣвши по русскому обыкновенію до 1-го часа, и за неимѣніемъ шампанскаго выпили по маленькой рюмочкѣ краснаго вина, пожелали другъ другу свободы и счастья въ 1814 году, какъ вдругъ въ два часа ночи слышимъ въ городѣ «Ура», офицеры французскіе, любившіе насъ, прибѣгаютъ и поздравляютъ съ нашимъ новымъ годомъ и свободою, говорятъ, что пруссаки въ городѣ, и въ 4 часа по утру мы были уже свободны; итакъ, первый день новаго года былъ днемъ нашей свободы. Итакъ, милая, желаю какъ вамъ, такъ и всѣмъ роднымъ нашимъ, провести этотъ годъ также счастливо, какъ я считалъ себя первую минуту моего освобожденія! Теперь, милая, я ѣду въ Дрезденъ и оттуда поѣду въ армію, въ главную квартиру нашего государя. Прощайте, милая матушка, желаю вамъ быть всѣмъ здоровымъ и счастливыми, мысленно цѣлую ваши ручки и остаюсь навсегда вашимъ покорнымъ сыномъ Ник олай Дебрейсъ.

Сообщ. Екатерина Дебрейсъ.

¹⁾ Лохаузенъ.

²⁾ Шарпенъ.

Д.

Персія и Турція подъ обороною гр. Несельроде и цензуры

въ 1827—1828 гг.

I.

Министръ иностр. дѣлъ гр. Несельроде—министру народн. просв. А. С. Шишкову.

Милостивый Государь мой Александръ Семеновичъ!

«Отношеніемъ отъ 2-го прошлаго декабря подъ № 445 ваше высокопревосходительство изволили, спрашивать моего мѣнѣя о сочиненной жительствовавшимъ въ Перновѣ частнымъ учителемъ Кризе рукописи на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Ist Griechenlands Kampf eingerechter», которую авторъ желаетъ напечатать.

Въ отвѣтъ на сіе поспѣшаю сообщить вамъ, м. г., слѣдующія замѣчанія: цѣль сочиненія сего, какъ и по заглавію онаго видно, состоитъ въ доказательствѣ, что возстаніе грековъ само собою справедливо. На сей конецъ сочинитель утверждаетъ, что турецкое правительство никогда не имѣло надъ симъ народомъ законной власти; что господство его основано на завоеваніи, которое, само по себѣ, не можетъ давать существеннаго права; что правъ народа греческаго нельзя считать погибшими отъ долговременности его рабства; что происшедшее въ Грузіи возмущеніе законно по такимъ точно правамъ, по какимъ воспослѣдовало сверженіе россиянами ига татарскаго, освобожденіе Швейцаріи, возстаніе нидерландовъ противъ Испаніи, исходъ израильтянъ изъ Египта, геройство Маккавеевъ, когда они свергли съ себя иго персидскихъ царей, Германская война въ 1813 году и многія другія событія, обрѣтаемыя нами въ священномъ писаніи и въ исторіи міра; наконецъ, что Россія, Франція и Англія сами признали сіи истины и ополчились для поддержанія праваго дѣла грековъ и для возвращенія имъ свободы. Въ семъ краткомъ начертаніи заключается сущность помянутаго сочиненія. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе разности, существующей между возстаніемъ грековъ и каждымъ изъ приведенныхъ авторомъ случаевъ, не

говоря о послѣдствіяхъ, до коихъ мы бы дошли, если бы вздумали допустить правило, по которому всякій политическій переворотъ безъ различія надлежало бы признавать первоначально законнымъ, потому что происшедшій отъ онаго порядокъ вещей приобрѣлъ бы въ послѣдствіи времени нѣкоторую законность; мы ограничимся только замѣчаніемъ, что турецкое правительство и состояніе владѣній его въ Европѣ признаваемы были въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ всѣми европейскими державами; что ни одно государство въ различныхъ войнахъ, бывшихъ съ Портою Оттоманскою, не оспаривало господства ея надъ Греціей и что если Россія, Франція и Англія Лондонскимъ трактатомъ вступили въ союзъ для принятія посредничества въ дѣлахъ сей страны, то сіе отнюдь не потому, чтобы онѣ греческое возмущеніе почитали законнымъ, а еще менѣе въ намѣреніи оное поддержать, но чтобы прекратить борьбу, которая семь лѣтъ опустошаетъ сей край и которой слѣдствіемъ неминуемо должны были индѣ отразиться; чтобы христіанскій народъ спасти отъ конечнаго истребленія, какія бы ни были причины настоящихъ его бѣдствій; наконецъ, чтобы привести дѣла въ такое состояніе, которое оградило бы его впредь отъ подобныхъ напастей, и котораго по причинѣ крайняго съ обѣихъ сторонъ озлобленія нельзя ожидать отъ непосредственнаго сближенія между греками и Оттоманскимъ правительствомъ. Изъ сего ваше высокопревосходительство изволите удостовѣриться, что сочиненіе г-на Кризе основано на такомъ политическомъ началѣ, котораго правительство наше не можетъ признать справедливымъ и что посему прилично было бы напечатаніе онаго воспретить. Вы безъ сомнѣнія изволите также найти полезнымъ милостивый государь, чтобы цензурному комитету извѣстно было, въ какомъ смыслѣ по вышеизложеннымъ мною замѣчаніямъ должно принимать посредничество трехъ союзныхъ державъ въ дѣлахъ Греціи,—дабы вслѣдствіе того могъ онъ и на предбудущіе случаи распорядиться при разсматриваніи сочиненій, которыя будутъ выходить въ Россіи по сему предмету.

Возвращая при семъ вашему высокопревосходительству помянутую рукопись, имѣю честь быть и проч. Графъ Нессельроде.

Февраля 2-го дня 1828 года.

II.

Журналь цензурнаго комитета 23-го ноября 1827 года.

«Слушали отношеніе г. генераль - адъютанта А. Х. Бенкендорфа на имя г. министра народнаго просвѣщенія отъ 21 сего ноября за № 2730, въ коемъ изъясняется, что Государю Императору благоугодно было ему, г. Бенкендорфу, высочайше повелѣть перечитывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами къ г. Булгарину для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ. На семъ основаніи онъ просматривалъ стихи г. Анненкова подъ заглавіемъ: Война въ Персіи, и не найдя въ нихъ ничего противнаго правиламъ Цензурнаго устава, возвратилъ оныя г. Булгарину для напечатанія. Нынѣ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомленъ, что цензура, не смотря на то, что г. Булгаринъ объявилъ его одобреніе, не только не пропустила сихъ стиховъ, но позволила себѣ даже не уважать его имени и отнести разрѣшеніе сего вопроса на уваженіе Азіатскаго Департамента. Вслѣдствіе сего генераль - адъютантъ Бенкендорфъ проситъ г. министра увѣдомить его, какими правилами руководствовалась цензура въ семъ дѣйствіи, которое по его мнѣнію совершенно противно предписаніямъ самого Цензурнаго устава. Къ сему генераль-адъютантъ Бенкендорфъ присовокупляетъ, что г. цензоръ, увидя имя его превосходительства въ случаѣ сомнѣнія, кажется, долженъ бы былъ съ нимъ объясниться и узналъ бы тогда, что онъ безъ воли Его Величества не осмѣливается дѣлать ни одного шага. Увѣдомленіе, о которомъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ проситъ Министра, нужно ему на тотъ конецъ, дабы предотвратить на будущее время подобныя неприличныя и неделикатныя поступки».

Опредѣлено: въ объясненіе обстоятельствъ дѣла о стихотвореніи Война въ Персіи представить господину министру слѣдующее объясненіе: «г. Булгаринъ прислалъ означенныя стихи къ цензору надворному совѣтнику Вѣтринскому съ сдѣланною на нихъ своею рукою надписью, что они были показываемы г. генераль-адъютанту Бенкендорфу и что онъ изъяснилъ согласіе на напечатаніе ихъ; но Главному Цензурному Комитету до послѣдняго отношенія г. Бенкендорфа совершенно неизвѣстна была Высочайшая Государя Императора воля, которою предоставлено ему перечитывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами къ г. Булгарину для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ, то цензоръ, не имѣя въ виду сего обстоятельства и не почитая себя въ правѣ основаться на показаніи частнаго человѣка, ибо въ семъ случаѣ г. Булгаринъ дѣйствовалъ въ лицѣ издателя журнала, долженъ былъ приступить къ разсмотрѣнію стиховъ г. Анненкова на основаніи общихъ цензурныхъ правилъ и подъ собственною своею отвѣтственностію; полагая сверхъ того, что надпись,

сдѣланная г. Булгаринимъ отъ имени генераль-адъютанта Бенкендорфа, могла обращаться къ содержанию стиховъ въ военномъ отношеніи, и не встрѣчая въ семъ отношеніи никакого затрудненія къ пропуску ихъ, цензоръ не осмѣлился утруждать генераль-адъютанта Бенкендорфа неумѣстными словесными представленіями мимо своего начальства. Усумнившись же въ разсужденіи трехъ только стиховъ по отношенію къ политикѣ, въ которыхъ, не взирая, что они писаны въ іюль сего года въ лагерѣ при крѣпости Аббасъ-Аббалъ, сочинитель объявляетъ о происшествіяхъ, послѣдовавшихъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а частію еще и нынѣ не совсѣмъ совершившихся, цензоръ, на основаніи § 66 Высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, почелъ обязанностью внести стихотвореніе Анненкова съ замѣченными въ немъ мѣстами на общее сужденіе Главнаго Цензурнаго Комитета съ изясненіемъ, что ему неизвѣстно, угодно-ли правительству, чтобы преждевременныя сего рода объявленія о важнѣйшихъ въ политическомъ мѣрѣ событіяхъ печатались въ частныхъ журналахъ.

Замѣченныя цензоромъ мѣста въ стихахъ г. Анненкова были слѣдующія:

„И побѣжденный шахъ намъ царство уступилъ,
Позналъ велику власть монарха россиянъ,
Смирилъ надменный духъ и молитъ Николая,
Да миръ ему подастъ, взявъ крѣпкій Ериванъ“.

Далѣе, говори о генералѣ Паскевичѣ:

„Въ мгновенье сокрушилъ высокія твердыни,
И царство новое монарху покорилъ“.

Главный Цензурный Комитетъ, имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе, объявленное г. министру генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ отъ 11 прошлаго сентября за № 2108, чтобы цензура смотрѣла съ большою осмотрительностью на статьи, которыхъ смыслъ въ политическомъ отношеніи можетъ подавать поводъ къ различнымъ ложнымъ разсужденіямъ и толкамъ, и принявъ въ руководство §§ 141 и 158 устава, почелъ нужнымъ о сомнительныхъ мѣстахъ въ стихотвореніи г. Анненкова спросить предварительно мнѣнія Азіатскаго Департамента. Получивъ заключеніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что лучше стихотвореніе сіе не печатать, Главный Цензурный Комитетъ долженъ былъ по необходимости принять сіе за основаніе рѣшенія своего тѣмъ болѣе, что съ одной стороны не имѣлъ онъ никакого противнаго означенному заключенію приказанія отъ начальства своего, а съ другой ему не сообщено было официальнымъ образомъ, что генераль-адъютантъ Бенкендорфъ просматривалъ стихи г. Анненкова».

Изъ времянь крѣпостнаго права.

Бунтъ крестьямъ въ деревнѣ Снохой Рязанской губернии

въ 1850—1851 гт.

Съ вѣчно-памятнаго года освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости миновало въ двадцать-восьмой разъ 19-е февраля.

Народъ въ простотѣ своей не отмѣтилъ этого дня въ своей памяти, обычныя будничныя дѣла и заботы наполняютъ этотъ день въ крестьянской семьѣ и дѣдъ не рассказываетъ внуку, съ какими умиленными слезами онъ слушалъ, въ воскресный день, въ мартѣ 1861 года, царскую грамоту о волѣ—манифестъ 19-го февраля.

Забыты дни и сроки, но не забыто время крѣпостнаго права съ его свѣтлыми и темными сторонами. И теперь еще возносятся въ полѣ при мірскихъ молебствіяхъ и въ храмахъ молитвы о вѣчномъ покойѣ «боляръ» Василіевъ, Николаевъ и другихъ, которые видѣли въ рабѣ брата; и теперь еще изъ рода въ родъ передаются снокойные и беззлыебные рассказы о господахъ, мучившихъ и раззорявшихъ вѣрныхъ имъ рабовъ.

Одинъ изъ такихъ рассказовъ, слышанный авторомъ еще въ дѣтствѣ, провѣренный въ текущемъ году чрезъ разпросъ еще живущихъ очевидцевъ событія и чрезъ письменные документы, предлагается здѣсь вниманію читателя.

«Русская Старина» сохранить его на своихъ страницахъ, подобно уже многимъ таковымъ же рассказамъ, ею сохраненнымъ, именно для того, чтобы ярче выставить все величіе подвига освобожденія крѣпостной Россіи, свершеннаго Царемъ Освободителемъ 19-го февраля 1861-го года.

Въ 1848 году скончался семидесяти-девяти-лѣтній старецъ «гвардіи прапорщикъ» Петръ Василіевъ сынъ Ивановъ, владѣтель деревни

Снохиной, Тумской волости, Касимовскаго уѣзда, имѣвшій въ то время 28 дворовъ и около 300 крѣпостныхъ душъ обоего пола. Деревня по смерти Петра Василева перешла во владѣніе сына его «штабъ-ротмистра кавалера» Алексѣя Петровича сына Иванова, заявившаго себя еще при жизни отца съ самой дурной стороны. Въ годъ смерти отца Алексѣй Петровичъ имѣлъ уже 43 года. Семья его состояла изъ жены Софіи Марковны, имѣвшей 36 лѣтъ, и девяти-лѣтней дочери Аделаиды. Гостилъ у него еще слабоумный братъ его Павелъ Петровичъ.

Неизвѣстно, получалъ-ли штабъ-ротмистръ и кавалеръ Ивановъ приличное званію образованіе, или же его умственный запасъ былъ не богаче, чѣмъ у Митрофанушки Простакова, но только Алексѣй Петровичъ не находилъ удовольствія ни въ книгахъ, ни въ семейной жизни, ни въ хозяйствѣ. Любимыми его занятіями были попойки, покупка и смѣна лошадей, царская охота, ссоры съ сосѣдами и систематическое угнетеніе крѣпостныхъ рабовъ. Къ охотѣ онъ имѣлъ такую страсть, что стрѣлялъ и затравливалъ близко къ его хоромамъ подошедшую крестьянскую скотину. Однажды этотъ любитель охоты совсѣмъ было затравилъ свирѣпыми псами нелюбимаго имъ священника села Николаевской Тумы Алексія Ивановича Вихирева. Тотъ избавился отъ смерти только благодаря быстротѣ своей лошади и впоследствии дѣлалъ нѣсколько верстъ крюку, чтобы только не проѣзжать черезъ владѣнія Иванова. Злоба не оставляла этого барина даже и въ храмѣ. Въ одинъ праздникъ онъ насосалъ изъ своихъ большихъ зубовъ много крови и, приложившись къ кресту, выплюнулъ кровь на руку и сказалъ: «будьте свидѣтелями, православные, что этотъ попъ (тотъ же о. Алексѣй Вихиревъ) крестомъ разбилъ мнѣ ротъ до крови».

Понятно, какъ обращался помѣщикъ Ивановъ съ своими крѣпостными. Живя не по средствамъ, онъ восполнялъ свои дефициты изъ крестьянскаго горба. Наложилъ онъ на крестьянъ оброкъ до 70-ти рублей съ тягла, да барщинную работу заставлялъ исполнять всю сполна. Мужики для добыванія оброка уходили на отхожіи (плотничій) промыселъ, а бабы, исполняя барскую работу, не имѣли времени работать на себя, особенно лѣтомъ въ страдную пору. Непокорныхъ и неисправныхъ усмиралъ кнутъ.

Молодые женщины деревни Снохиной почти всѣ безъ исключенія несли особенную позорную повинность: Алексѣй Петровичъ, не смотря на свои немолодые годы, пользовался извѣстнымъ болѣе на Западѣ, чѣмъ въ Россіи, «правомъ» первой ночи. Но и женщины среднихъ лѣтъ не ускользали отъ вниманія женолюбиваго барина. Съ эротическими цѣлями онъ не стѣснялся слоняться во всякое время по

домамъ своихъ рабовъ. Это сдѣлало Алексѣя Петровича ненавистнымъ не только для крѣпостныхъ его, но и для всѣхъ жителей окрестныхъ сель и деревень. Даже священники села Тумы наперерывъ отказывались предъ своимъ начальствомъ имѣть въ приходѣ деревню Снохино, чтобы не быть въ рабскомъ страхѣ и повиновеніи у сладострастнаго тирана. Только земскій судъ, стряпчіе, да становые любили проводить время въ имѣніи Иванова, гдѣ были къ ихъ услугамъ всѣ блага міра: вино, женщины, лошади и псы...

Долго, быть можетъ, терпѣли бы снохинскіе крестьяне раззореніе и оскорбленія отъ своего барина, но въ воздухѣ уже носились слухи о «волѣ», которую царь будто бы подписалъ, да господа задержали. Крестьяне чутко внимали этимъ слухамъ, разносимымъ отставными солдатами, богомольцами и богомолками. Работавшіе въ 1850 году въ Кремлѣ снохинскіе плотники слышали отъ «царскихъ слугъ», т. е. отъ дворцовой прислуги, что въ ихъ дѣлѣ съ баринномъ царь поможетъ, и что онъ нерѣдко наказывалъ господъ, притѣснявшихъ своихъ рабовъ. Узнавъ объ этомъ, снохинскіе крестьяне подумали и порѣшили у царя правду искать. Составили просительную грамоту на высочайшее имя отъ всей деревни, избрали двухъ или, по другимъ извѣстіямъ, трехъ ходатаевъ и отправили ихъ съ грамотой въ Петербургъ. Неизвѣстно, дошла-ли до царя или до Государя-Наслѣдника эта грамота и кто принялъ ее отъ крестьянъ, но только ходатаи извѣстили односельчанъ, что дѣлу данъ ходъ, а сами въ деревню не возвратились, опасаясь мести барина.

Теперь снохинскіе крестьяне, въ ожиданіи царскаго помилованія, перестали повиноваться Алексѣю Петровичу, перестали платить оброки и ходить на барщину. Баринъ пытался ихъ усмирить домашними мѣрами строгости, но никто не измѣнялъ общему согласію. Тогда Алексѣй Петровичъ донесъ о «бунтѣ» крестьянъ рязанскому губернатору Кожину. Начались судейскія справки о поведеніи крестьянъ, застрачиванія убѣжденія, но крестьяне стояли на своемъ, твердо зная, что хуже не будетъ. Рѣшено было усмирить бунтовщиковъ примѣрнымъ наказаніемъ. Лѣтомъ 1851 года изъ города привезенъ былъ палачъ, эшафотъ и пригнана рота солдатъ. Наказанію, какъ всѣхъ снохинскихъ крестьянъ, такъ и cadaго въ отдѣльности, предшествовалъ новый опросъ, при чемъ присутствовалъ для увѣщанія непокорныхъ въ епитрахели и съ крестомъ священникъ села Н. Тумы, нынѣ здравствующій о. Е. Д. Допрашивали крестьянъ по одиночкѣ. Одному изъ нихъ Архипу Иванову, одѣтому въ суконовый кафтанъ, губернаторъ замѣтилъ: «Вотъ ты не повинешься, а самъ одѣтъ, какъ баринъ. Трудно-ли тебѣ уплатить оброкъ?» Архипъ Ивановъ на это отвѣчалъ:

«я прежде былъ состоятельный мужикъ, а теперь у меня только одинъ кафтанъ этотъ и остался. Не хотите-ли и его взять?» И всё другіе крестьяне твердо отвѣчали, что этому барину они повиноваться не согласны. вмѣстѣ съ снохинскими «бунтовщиками» потерпѣть наказаніе пришлось созваннымъ изъ сосѣднихъ деревень для присутствованія при Execuціи понятымъ за то, что они не захотѣли быть свидѣтелями наказанія снохинцевъ и своевольно разошлись.

День для сѣченія былъ назначенъ субботній въ видахъ назиданія, ибо въ этотъ день изъ ближнихъ и дальнихъ селеній проѣзжалъ черезъ Снохино народъ въ село Туму на базаръ. Губернаторъ Кожинъ не любилъ дѣлать дѣло кое-какъ. Сѣкли понятыхъ и бунтовщиковъ пучкомъ лозъ безъ счету до безпамятства, когда умолкали крики и стоны наказуемыхъ. Полумертвыхъ относили на рогожѣ въ сарай и складывали въ кучу. Устрашенный этимъ звѣрскимъ наказаніемъ, одинъ понятой крестьянинъ деревни Симоновой Гуринъ, назначенный къ сѣченію, еще до своей очереди притворился уже наказаннымъ, съ охами и стопами, ползкомъ и на четверенькахъ подвалился въ сарай къ грудѣ полумертвыхъ тѣлъ. Обманъ удался. Подвыпившіе начальники не замѣтили продѣлки Гурина, а изъ простыхъ людей и солдатъ кто замѣтилъ — смолчалъ. Строгость наказанія вызвала состраданіе не только въ людяхъ, но даже и въ безсловесной скотинѣ. Такъ, когда положили на эшафотъ крестьянина деревни Снохиной Василя Макарова, то собака его жалобно и протяжно завывала, вызывая слезы у всѣхъ тѣхъ, у которыхъ сердце не закружилось отъ вины и разврата.

Всѣхъ жителей деревни Снохиной наказать не было возможности, потому что многіе разбѣжались еще во время предварительныхъ разспросовъ и устрашеній: одни по нѣскольку мѣсяцевъ скрывались въ лѣсахъ, другіе въ сосѣднихъ селеніяхъ въ погребахъ и на сушилахъ. Такъ въ селѣ Тумѣ, въ подпольѣ у священника Вихирева, долго таился крестьянскій сынъ Иванъ Василювъ. Помѣщикъ Ивановъ дѣятельно розыскивалъ бѣжавшихъ, и изловленныхъ наказывали сугубо. За тѣхъ же, которые не были изловлены, призывались къ отвѣту и тѣлесному наказанію ихъ жены, какъ кривательницы.

Много было работы палачу. Онъ то и дѣло повертывалъ окровавленные лозы въ придорожномъ пескѣ, чтобъ онѣ садче били. Одинъ изъ наказанныхъ крестьянъ не вынесъ наказанія и сошелъ съ ума. Зажила у него спина, но не зажила душа. Сталъ онъ задумываться, да заговариваться. Останавливался во время хожденія и работы; забоялся и говорилъ все о «хлѣбушкѣ» для своей семьи. Такимъ онъ и померъ.

Экзекуціей не ограничилось наказаніе «бунтовщиковъ»: 12 домо-хозяевъ были сосланы на поселеніе въ Тобольскую губернію и 6 въ арестантскія роты. Кто въ бѣгахъ, кто въ ссылкѣ,—и деревня Снохина опустѣла, какъ послѣ вражескаго нашествія. Оставленные на нѣсколько мѣсяцевъ солдаты пріѣли въ Снохинѣ весь хлѣбный запасъ и всю живность. Они были бичемъ и для сосѣднихъ деревень, изъ которыхъ уводили среди бѣлаго дня скоть и домашнюю птицу.

Не посчастливилось и Алексѣю Петровичу.

Вынужденный продать разоренную деревню, онъ переселился въ другое имѣніе Нижне-ломовскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Тамъ онъ скоро скончался, выпивъ послѣ бани стаканъ квасу. Молва приписываетъ смерть его отравленію. Многострадальная жена его, Софія Марковна, по смерти мужа поступила въ монастырь, гдѣ и скончалась. Дочь ихъ Аделаида Алексѣевна вышла замужъ за бывшего своего крѣпостнаго.

А крестьяне деревни Снохиной съ великимъ днемъ освобожденія многомиліоннаго населенія Россіи 19-го февраля 1861 года обрѣли помилованіе.

О — въ.

19-го февраля 1888 года.
Ст. Тума, Рязанской губ.

Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ.

Замѣтка къ началу его біографіи ¹⁾.

1847 г.

Приступивъ къ дальнѣйшему разбору матеріаловъ архива гр. Евдокимова, содержащихъ свѣдѣнія за время командованія его правымъ флангомъ кавказской линіи, мы нашли документъ, имѣющій прямую связь съ предшествовавшей дѣятельностію покойнаго графа и случайно попавшій въ несоотвѣтствующее ему по описи мѣсто. Документъ этотъ—черновое письмо Евдокимова къ его бывшему начальнику и покровителю, генералу Клюки-фонъ-Клугенау. Письмо написано, очевидно, въ концѣ 1847 или въ самомъ началѣ 1848 года.

Изъ письма этого явствуется, что Евдокимову, за отличія, оказанныя имъ при осадѣ аула Салты, предложенъ былъ генеральскій чинъ и что онъ отъ него отказался. Недоброжелатели его, конечно, не замедлили объяснить это тѣмъ, что ему не хочется такъ скоро разстаться съ полкомъ, какъ съ хорошею дойною коровушкою, потому что въ то время командованіе полкомъ, особенно кавказскимъ (гдѣ хозяйство отличалось разными своеобразными чертами), представляло богатые ресурсы для людей, привыкшихъ смотрѣть на казенное добро, какъ на свое собственное. Иные же, повидимому, объяснили отказъ отъ генеральскаго чина тѣмъ, что Дагестанскій полкъ находится въ большомъ безпорядкѣ и что, при сдачѣ его, полковому командиру пришлось бы потерпѣть крупныя непріятности.

Слухи и сплетни эти, дошедшія до Евдокимова черезъ письмо генерала Клюки-фонъ-Клугенау, сильно задѣли его за живое. Въ ниже-прилагаемомъ отвѣтѣ на помянутое письмо Евдокимовъ излагаетъ причины, побудившія его отказаться отъ генеральскаго чина.

И. О.

---

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1888 г., апрѣль, стр. 143—162.

Письмо в. п—ва, отъ 7-го ноября, въ первый разъ только не порадовало меня, какъ это бывало прежде. Упрекъ, сдѣланный вами за отказъ мой отъ генеральскаго чина, глубоко тронулъ мое честолюбіе, и на этотъ разъ я увидѣлъ себя подъ вліяніемъ людскихъ мнѣній, которыя такъ гордо презиралъ во всю свою службу. Не потеря генеральскаго чина такъ сильно меня тронула, а обидное заключеніе объ этомъ людей, для котораго не стало прежняго моего хладнокровія.

Не считая пріобрѣтеніе генеральскаго званія подъ Салтами дѣломъ для меня случайнымъ, я нимало не тужу о немъ. Я увѣренъ, что если не прежде, то весною князь Михайло Семеновичъ ¹⁾, взглянувъ лично на устройство штаба Дагестанскаго полка, найдетъ меня достойнымъ высшаго званія не за одни только военные дѣла и тогда я почту себя вознагражденнымъ за тѣ неуспѣшныя труды, которыми воздвигнуть онъ съ пустыми средствами. Если Круковский получилъ двѣ награды за усердную свою службу; если Годлевскій получилъ того же Владиміра за то же самое число безповойныхъ дѣлъ въ Шурѣ, за сколько я въ Салтахъ, то отчего же мнѣ не надѣяться, что труды мои по устройству штаба будутъ оцѣнены начальствомъ и доставить мнѣ генеральскій чинъ? Вотъ это бы меня порадовало! Павелъ Евстафьевичъ ²⁾ нашелъ, что Ишкарты ³⁾ могутъ служить образцомъ для всѣхъ штабъ-квартиръ,—почему же я не могу думать, что образцовые труды не останутся безъ поощренія? Расчетъ сдать полкъ годомъ или нѣсколькими мѣсяцами позже—дѣло также весьма важное. Никто изъ начальниковъ вполне не понимаетъ, что значитъ составить новый полкъ и довести его хозяйство до степени, равной старымъ; а случись сдавать этотъ полкъ, то при той избалованной системѣ, какая вообще существуетъ на Кавказѣ въ пріемѣ полковъ, и самыя дѣльныя оправданія покажутся обременительными и даже ложными! Сдающаго немедленно осудятъ въ безопасности, въ користи или неспособности, и тогда надолго—прощай репутація, которую составили десятки лѣтъ тяжелой для инаго службы. Вѣдь обыкновенно бываетъ легче основать убѣжденіе на какихънибудь поверхностныхъ причинахъ, чѣмъ глубоко входить въ изслѣдованіе истины.

---

¹⁾ Воронцовъ.

²⁾ Коцебу, начальникъ штаба при кн. Воронцовѣ.

³⁾ Ауль въ сѣв. Дагестанѣ, тогдашняя штабъ-квартира сформированнаго Евдокимовымъ Дагестанскаго пѣхотн. полка.

Итакъ, если и дѣйствительно руководимый интересами я отказался отъ чина подъ Салтами, то этотъ интересъ я считалъ необходимымъ для обезпеченія себя отъ неизбежной крайности, въ которую могъ быть поставленъ преждевременною сдачею полка,—отъ крайности, которая могла бы повредить мнѣ хуже, чѣмъ добровольный отказъ отъ чести быть генераломъ нѣсколько прежде, чѣмъ я буду, ибо не можетъ же быть, чтобы, находя меня достойнымъ этого званія, начальство, безъ основательныхъ причинъ, обидѣло меня противу моихъ товарищей. Не можетъ быть, чтобы начальство не видѣло того, что средства, которыя и въ старыхъ полкахъ обогащаютъ доходы полковыхъ командировъ, у меня заняты были дѣломъ по устройству штаба; поэтому и не должно раздѣлять такого мнѣнія, какое в. п—во сообщили мнѣ въ вашемъ письмѣ и которое могли создать только мои недоброжелатели.

Васъ же, достойный мой начальникъ, прошу вѣрить мнѣ, что кромѣ извѣстныхъ вамъ недостатковъ моихъ въ искательствѣ и свѣтской образованности, которыхъ не могъ изучить я въ солдатскомъ станѣ, гдѣ выросъ, другихъ низкихъ пороковъ вы не увидите въ бывшемъ вашемъ адъютантѣ. Н. Евдокимовъ.

Сообщ. И. О.

Выборъ въ палачи

1836 г.

Покойный принцъ Петръ Георгіевичъ Голштейнъ-Ольденбургскій, родившійся въ 1812 г., въ Ярославлѣ, (гдѣ его отецъ состоялъ генераль-губернаторомъ), началъ путешествовать по Россіи довольно рано. Принцу было года 23—24, когда онъ пожелалъ осмотрѣть достопримѣчательности въ разныхъ городахъ Россіи, а между прочимъ и русскіе остроги. Если и теперь заключеннымъ въ нихъ живется, какъ нравственно, такъ и физически, не особенно сладко, то, конечно, назадъ тому слишкомъ 50 лѣтъ, именно въ 1836 году, доброму принцу представлялись неприглядныя картины. Страдали узники. Терпѣли злую долю и тогдашніе исполнители казней, т. е. палачи. Поступали на эту презрѣнную, кровавую должность не охотно, такъ-что правительство нуждалось въ палачахъ. Это можно обстоятельно видѣть изъ слѣдующаго документа — официальнаго предложенія министра внутреннихъ дѣлъ, Д. Н. Блудова, обращеннаго къ ярославскому губернатору:

— «По поводу сдѣланныхъ его свѣтлостью принцемъ Петромъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ, во время путешествія по Россіи, замѣчаній о положеніи палачей, входилъ я, съ общимъ съ министромъ юстиціи представленіемъ, въ Государственный Совѣтъ, полагая назначать и нынѣ въ палачи, согласно высочайше утвержденному 27 декабря 1833 года положенію, по-прежнему, преступниковъ, приговоренныхъ въ ссылкѣ на поселеніе и наказанію плетью, освобождая ихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, отъ тѣлеснаго наказанія; но если-бы никто изъ нихъ не изъявилъ желанія быть заплечнымъ мастеромъ, то предоставлять губернскимъ правленіямъ опредѣлять на эту должность или изъ людей, присуждаемыхъ въ отдачѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ; а въ случаѣ неимѣнія и сихъ послѣднихъ, помѣщать въ палачи преступниковъ, въ положеніи 27 декабря 1833 года упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ несогласіе. Соответственно тому мы (т. е. два министра: юстиціи и внутреннихъ дѣлъ) признавали нужнымъ,

въ пополненіе высочайше утвержденнаго 27 декабря 1833 года положенія о палачахъ, постановить:

«1) Палачей, поступающихъ изъ преступниковъ по добровольному ихъ на то согласію, назначать въ сію должность безсрочно; но если кто изъ нихъ окажется неспособнымъ къ дальнѣйшему отправленію своей должности отъ старости или болѣзни, то распредѣлять таковыхъ, принимаясь къ указу 15 марта 1798 года, на жительство въ 60-ти верстномъ разстояніи отъ губернскаго города, для пропитанія посильными трудами; тѣмъ-же, у которыхъ есть родственники, отдавать на попеченіе сихъ послѣднихъ, буде они пожелаютъ; но, во всякомъ случаѣ, палачи должны оставаться въ мѣстахъ ихъ жительства подъ надзоромъ мѣстнаго начальства.

«2) Вольнонаемныхъ палачей назначать тогда только, когда-бы никого не было желающихъ изъ преступниковъ, осужденныхъ къ наказанію плетью и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или къ отдачѣ въ арестантскія роты.

«3) Опредѣлять въ эту должность людей свободнаго состоянія изъ низшихъ сословій, по добровольнымъ съ ними условіямъ.

«4) Ежегодная плата вольнонаемнымъ палачамъ можетъ простираться въ столицахъ отъ 300 до 400 руб., а въ губернскихъ городахъ отъ 200 до 300 руб., сверхъ одежды и удвоеннаго количества жорновыхъ денегъ, для арестантовъ по табели положенныхъ, или казеннаго провіанта натурою.

«5) Потребную на содержаніе вольнонаемныхъ палачей сумму отпускать изъ земскаго сбора.

«6) Вольнонаемные палачи, изъ податнаго состоянія поступающіе, получая условленную плату, не должны быть изъяты отъ исполненія денежныхъ повинностей того сословія, къ которому принадлежать, освобождаясь только отъ всѣхъ личныхъ повинностей, пока исправляютъ сію должность; но семейства ихъ продолжаютъ нести повинности, какъ личные, такъ и денежные, на общемъ основаніи.

«7) Во все время отправленія должности, вольнонаемные заплечные мастера, сообразно 3-му пункту положенія 27 декабря 1833 года, должны наводиться въ тюремныхъ замкахъ отдѣльно отъ арестантовъ, подъ надзоромъ смотрителей; по истеченіи-же условленнаго срока, или въ случаѣ неспособности, по увольненіи ихъ отъ должностей, оставлять въ прежнемъ сословіи.

«8) При наймѣ палачей объявлять желающимъ поступить въ это званіе условіе, обязывающее ихъ находиться въ тюремномъ замкѣ на все время исправленія должности.

«9) Въ случаѣ-же, если-бы не было въ виду желающихъ къ отправленію должности палача изъ вольнонаемныхъ, назначать, по сей необходимости, въ заплечные мастера изъ преступниковъ, въ положеніи 27 декабря 1833 года упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ несогласіе, съ освобожденіемъ отъ телеснаго наказанія и съ обязанностію пребыть въ этомъ званіи по крайней

и́ръ три года; а по истеченіи сего срока, буде оставаться долѣе не пожелають, отправлять къ мѣсту назначенія, согласно состоявшимся о нихъ приговорамъ судебныхъ мѣстъ.

«Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ такое представленіе, высочайше утвержденнымъ, 18 ноября 1836 года, мнѣніемъ положилъ: заключеніе, въ семь представленіи изложенное, утвердить.

«Такое высочайшее повелѣніе сообщаю вашему превосходительству, для руководства въ потребныхъ случаяхъ».

Любопытно-бы навести и получить «историческую справку»: не на мѣстѣ ли своей родины (т. е. въ Ярославлѣ) принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій узналъ, хотя и шелькомъ, острожный бытъ со всѣми его ужасами?

— «13 ноября 1831 года (нишетъ туземный историкъ) ¹⁾ его императорское высочество нарочно пріѣхалъ изъ Москвы посмотрѣть на своей родной Ярославль и изволилъ остановиться въ томъ-же самомъ домѣ, гдѣ онъ родился. Ярославль принялъ своего гостя съ восторгомъ... На другой день его высочество посѣтилъ (между прочими заведеніями) тюремный замокъ... и изволилъ отправиться обратно въ Москву, оставивъ по себѣ радостныя воспоминанія».

Много лѣтъ спустя, именно въ началѣ 1870-хъ годовъ, тотъ-же принцъ посѣтилъ городъ Ярославль, гдѣ тогда губернаторствовалъ почтенный морякъ, вице-адмиралъ Иванъ Семеновичъ Унковскій. Онъ встрѣтилъ принца, съ подобающимъ почетомъ, на пароходной пристани. Его высочество ѣхалъ изъ Рыбинска внизъ по Волгѣ, кажется въ Кострому, а можетъ быть и далѣе, ради филантропическихъ цѣлей, но уже не для обозрѣнія остроговъ и быта палачей; къ тому времени они исчезли, если и не всѣ, то ихъ осталось слишкомъ мало, и они сидѣли безъ кровавой работы. Некого было наказывать плетью, развѣ бѣжавшихъ изъ Сибири каторжниковъ... Но возвратимся къ принцу.

На пароходѣ его высочество разговорился съ старшимъ совѣтникомъ ярославскаго губернскаго правленія П. И. Х—ровъ о домѣ, гдѣ онъ родился, и спросилъ Х—рова со свойственной ему любезностью:

— Существуетъ-ли этотъ домъ?

— Существуетъ, ваше высочество! отвѣчалъ г. Х—ровъ.

— Жаль, что не могу остановиться въ Ярославлѣ и заглянуть туда...

Вѣроятно, все разрушено, передѣлано?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ г. Х—ровъ,—все сохранилось постарому изъ уваженія къ историческимъ воспоминаніямъ объ этомъ домѣ, гдѣ жили августѣйшіе ваши родители.

---

¹⁾ Протоіерей Иванъ Троицкій.

— Радъ, очень радъ! воскликнулъ добродушный принцъ,—развѣ ужъ рѣснуть мнѣ остановиться у васъ въ Ярославлѣ на нѣсколько часовъ? Надѣюсь, что адмиралъ Унковскій будетъ моимъ чичероне.

Г. Х—ровъ смутился: онъ сказалъ такъ-себѣ, ради краснаго словца, въ дѣйствительности самъ не зная о положеніи означеннаго дома, который вовсе тогда не поддерживался, а, напротивъ, верхній этажъ его представлялъ собою весьма пріятное убѣжище для голубей и воронъ. Когда принцъ попросилъ губернатора, на пристани, быть его спутникомъ и чичероне при желанномъ обзорѣнн бывшаго генераль-губернаторскаго дворца,—вице-адмиралъ Унковскій сильно сконфузился, ибо кое-что звалъ о несовѣтн опрятномъ поведеніи пернатыхъ жильцовъ. Тщетно онъ умолялъ принца отложить свое посѣщеніе до другаго времени: принцъ настоялъ на своемъ и убѣдился, что пародный спутникъ его, г. Х—ровъ, немножко... увлекся, но безъ нагѣншаго злобнаго намѣренія. Принцъ только рукой махнулъ.

— «Да что-жь это такое? Хуже вашего стараго острога... Тутъ и палачамъ жить нельзя! воскликнулъ съ грустью добрыйшій принцъ;— скажите, адмиралъ, вашему чиновнику г. Х—рову, что грѣхъ сѣяться надо мною, надъ старикомъ, въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ семейныя воспоминанія»...

Унковскій отчески пожурилъ г. Х—рова. Тѣмъ дѣло и кончилось.— Теперь этотъ домъ произвелъ-бы на принца иное, вовсе ужъ не «острожное», впечатлѣніе: онъ остроенъ прекрасно, и голуби въ немъ не живутъ.

Сообщ. Л. Н. Трефолевъ.

САНТЪ-СТЕФАНО И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1878 г.

Очерки и замѣтки князя В. Д. Дебижа.

XI ¹⁾.

Константинопольскія вѣсти.—Рыбный рынокъ.—Истомбольскій базаръ и его обитатели.—Денежные знаки.

Только что я успѣлъ одѣться, какъ услышалъ голосъ Федора Николаевича. По его стуку въ дверь, необычайно торопливому, по выраженію его лица и торжественности всей его осанки, я догадался, что онъ намѣренъ сообщить мнѣ что-то важное.

— Знаете-ли, началъ онъ, едва успѣвъ поздороваться, — что напрасно главная квартира заключила контрактъ о перевозкѣ войскъ изъ Буюкъ-Дере?

— А вы какъ знаете о такомъ контрактѣ? невольно вырвалось у меня.

— Мы все знаемъ. Да объ этомъ знаетъ каждый гамаль (носильщикъ), также какъ и о томъ, что султанъ согласенъ на перевозку изъ этого мѣста.

— Ну, такъ что-же? Если согласенъ, такъ и хорошо.

— То-то и есть, что прежде былъ согласенъ, а теперь не соглашается.

— Какъ такъ?

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LVII, февраль, стр. 355—383; т. LVIII, май, стр. 481—504.

— Просто не дозволяютъ, — англичане не приказываютъ.

— Ну, это пустяки: съ русскими шутить нельзя.

— А вы, видно, вѣрите тому, что пишутъ константинопольскія газеты, что Турція въ окрестностяхъ столицы приготовила войска, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими противъ англичанъ?

При этомъ Федоръ Николаевичъ пояснилъ недосказанное своимъ тонкимъ смѣхомъ, показавъ два ряда бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ...

Послѣ я узналъ, что въ этотъ день въ главной квартирѣ еще ничего не было извѣстно о такомъ рѣшеніи турокъ. Признаюсь, я сильно усумнился во всевѣдѣніи Федора Николаевича. Но, увы! Сдѣланное имъ сообщеніе вполнѣ подтвердилось. Отправленіе войскъ приостановлено, и главная квартира (носился этотъ слухъ) должна уплатить Русск. Общ. Пароходства значительную неустойку. Почти одновременно съ этимъ пришло и другое неприятное извѣстіе: турецкое правительство не иначе соглашается на посѣщеніе султана Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, какъ только подъ строгимъ инкогнито и притомъ въ сопровожденіи одного или двухъ лицъ... Въ главной квартирѣ всѣ смущены. Еще недавно радовавшая всѣхъ мысль о мирѣ неволью уступаетъ мѣсто чувству негодованія. Всѣ, отъ генерала до солдата, стали сознать, что дѣло еще далеко неоконченное, и у всѣхъ явилась полная готовность довести его до желаннаго конца. Нерѣдко, послѣ какого нибудь засѣданія у Главнокомандующаго, вдругъ проносилась вѣсть о походѣ на Константинополь!... И надо было видѣть съ какимъ восторгомъ принималась эта вѣсть. И какая увѣренность въ успѣхѣхъ горѣла въ глазахъ у каждаго! А между тѣмъ ни для кого не было тайной, что въ Константинополѣ находятся 80 тысячъ прекраснаго войска, которое обучается по цѣлымъ днямъ.

Явился г. Манейя. Погода продолжала благоприятствовать; мы рѣшили отправиться осматривать знаменитый по описаніямъ базаръ.

— «Не хотите-ли осмотрѣть рыбный рынокъ? обратился ко мнѣ Федоръ Николаевичъ, онъ у насъ на пути. Въ это время рыбаки приносятъ свой уловъ: это интересно».

Своротивъ въ боковую улицу, мы прошли шаговъ пятьдесятъ и какъ разъ очутились между рядами лавочекъ, въ буквальномъ смыслѣ наполненныхъ самыми разнообразными произведеніями водяного царства. На досчатыхъ столахъ, среди морскихъ травъ лежали громадныя камбалы, по временамъ тяжело двигавшія своими жабрами; возлѣ нихъ ползали крабы, точно покрытые мѣдною броней. Чудовищной величины омары то и дѣло подымали свои страшные клещи. Немного далѣе вертѣлись исполживскіе угри;

потомъ какія-то небольшія рыбы, красныя, какъ пурпуръ, и другія блестящія всѣми цвѣтами радуги подпрыгивали ежеминутно; говорятъ, что прикосновеніе ихъ жалитъ, какъ крапива; большія, жирныя устрицы, креветы; морской паукъ съ перламутровымъ отливомъ, точно мѣшокъ, у котораго распушены его завязки: это длинныя усѣянныя присосками ноги, между которыми виднѣется птичій клювъ чудовища... Огромныя кефали, оранжево-золотистыя султанки, покрытыя серебромъ лаураки, морской пѣтухъ съ огромными плавниками, замѣняющими ему крылья во время его небольшихъ перелетовъ,—все это составляетъ гордость самаго изысканнаго стола... Лакрида, пирамида, пудовой тонъ, которыми питается простой народъ, мидіи и другія безъименныя раковины, извѣстныя подъ общимъ названіемъ плодовъ моря, изумляютъ разнообразіемъ формъ и цвѣтовъ и въ то-же время служатъ доказательствомъ необыкновеннаго богатства и силы производительности Мраморнаго моря... Позавтракавъ тутъ же устрицами, приправленными ароматнымъ, точно сію минуту снятымъ съ дерева, лимономъ, мы продолжали свой путь, сначала черезъ тоннель по желѣзной дорогѣ, а потомъ пѣшкомъ черезъ мостъ. Въ Истамболѣ мы остановились, чтобы посмотреть на турецкую артиллерію, которая, судя по ея внѣшности, должна была придти издалека и притомъ вынести не мало разныхъ невгодъ. Все въ грязи: люди, лошади!... Прекрасныя стальные орудія покрыты густой ржавчиной. У всѣхъ на лицахъ какое-то тупое ожесточеніе, и видѣ ни одной улыбки, ни малѣйшаго свѣтлаго взгляда, которые такъ естественны въ минуту возвращенія на родину... Войска проходили сквозь довольно густую толпу, хранявшую самое упорное молчаніе!...

Наконецъ, мы у дѣли нашей прогулки. Истамбольскій базаръ—это огромная часть города съ улицами и переулками, покрытая прочными высокими сводами, прорѣзанными окнами. Улицы базара, смотря по мѣстности, то поднимаются, то спускаются внизъ. Всѣ онѣ вымощены мелкимъ булыжникомъ. На перекресткахъ устроены водоемы. По одну и другую сторону улицъ идутъ прилавки, позади которыхъ находятся небольшія помѣщенія для склада товаровъ. Обыкновенно торговля происходитъ на прилавкахъ, за которыми помѣщается торговецъ и на которыхъ показывается товаръ; но избранные покупатели приглашаются въ заднее помѣщеніе. Базаръ представляетъ два предмета, имѣющіе интересъ для наблюдателя: это находящіеся въ немъ товары и ихъ хозяева-торговцы. Едва-ли что носить на себѣ въ такой степени самобытный характеръ, какъ произведенія востока. Ихъ назначеніе, тѣсно связанное съ особыми условіями жизни, и ихъ внѣшность, совершенно своеобразныя, представляющія отдѣльный типъ красоты, заслуживаютъ

полнаго вниманія. Издѣлія изъ шерсти: турецкія, персидскія и индійскія шали, персидскіе и брусскіе ковры, выдѣлываемые туарегами въ пустыняхъ Африки бурнусы, въ которые закутывается чуть-ли не вмѣстѣ съ лошадей свободный сынъ Сахары, все это чрезвычайно доброкачественно, красиво какъ ткань, какъ подборъ цвѣтовъ и какъ рисунокъ. Русскіе покупали, въ особенности, ковры различныхъ размѣровъ, ковровыя ткани и бурнусы, для обивки мебели, портьеръ и разныхъ настилокъ въ комнатахъ. Засимъ идутъ ручныя работы по сукну, шитыя цвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ, арабски, смѣшанныя съ турецкими и арабскими письменами, составляющіе верхъ вкуса и изящества: это издѣлія Истамбола, Багдада и Шираса,—издѣлія гаремовъ, гдѣ женщина, отчужденная отъ остальнаго міра, всю пылкость своей фантазіи выражаетъ въ этомъ изумительномъ богатствѣ и разнообразіи рисунка. Хороши также брусскіе ситцы, полотна, полотенца и шелковыя ткани, въ которыхъ яркость цвѣтовъ соперничаетъ съ блескомъ золота. Въ этомъ ряду встрѣчаются цѣлыя толпы турецкихъ женщинъ, точно также какъ и въ другихъ странахъ испытывающихъ терпѣніе продавцевъ... Налюбовавшись мануфактурными произведеніями, мы прошли въ отдѣленіе, гдѣ находятся остатки старинныя глубокой, разныя части вооруженія, домашня утварь, предметы женскаго убора, монеты и проч. Это настоящій музей! Стальные шлемы различной формы, щиты, наручники и наколѣнники, съ серебряной и золотой насѣчкой, иные украшены драгоценными каменьями, чудныя дамасскіе и хорасанскіе клинки, между которыми я видѣлъ одинъ съ изображеніемъ Божіей Матери и съ арабскою золотою надписью, по всей вѣроятности, современный крестовымъ походамъ!... Серебряныя съ золотой инкрустаціей вазы и блюда, издѣлія изъ горнаго хрустала и агата, шитыя шелками и золотомъ женскія покрывала, все это представлялось краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ избытка богатствъ прежняго времени и вмѣстѣ служило доказательствомъ убожества средствъ настоящаго!... По сосѣдству съ этимъ отдѣленіемъ находится знаменитый Безистанъ — мѣсто продажи драгоценныхъ каменьевъ. Тутъ на небольшомъ пространствѣ собраны сокровища Голконды. Изумруды, опалы, рубины, сафиры, брилліанты и бирюза блестятъ, сіяютъ и мечутъ искры огней всевозможныхъ цвѣтовъ... Сафиры, рубины и изумруды отполированы преимущественно въ восточномъ вкусѣ, гладко, безъ малѣйшей грани, что при высотѣ камня, хорошемъ его цвѣтѣ и живости огня имѣетъ также свою прелесть. Но издѣлія изъ золота: серьги, ожерелья, вѣнскаго и парижскаго фабричнаго производства, уже чисто европейскіхъ фасоновъ. Эти вещи, говорятъ, имѣютъ большой сбытъ въ гаремахъ, обитательницы которыхъ весьма

охотно усваиваютъ себѣ костюмы парижскихъ модныхъ журналовъ. Остается еще сказать нѣсколько словъ о Египетскомъ базарѣ, наполненномъ различными пряностями и душистыми веществами. Тамъ складъ всевозможныхъ восточныхъ духовъ, маслъ, эссенцій, предохранительныхъ талисмановъ и всякихъ секретныхъ средствъ; тамъ же продаются сандалное и розовое дерево, амбра, слоновая кость, опиумъ и гашишъ. Атмосфера этого ряда насыщена очень ѣдкими ароматами, распространяющимися вездѣ по сосѣднимъ улицамъ.

Торговцы Истамбольскаго базара, въ свою очередь, могутъ быть предметомъ любознательнаго наблюденія. Они представляютъ самые чистые типы почти всѣхъ мусульманскихъ народностей, входящихъ въ составъ турецкой имперіи. Вы найдете тамъ жителей Египта, до сего времени сохранившихъ свое библейское названіе Миссири-Мисраимъ, вмѣстѣ съ характеристическими признаками своей расы: мало развитой верхней частью туловища, свѣтло-кирпичнымъ цвѣтомъ лица, прямымъ книзу загнутымъ носомъ, продолговатыми глазами и какимъ-то грустнымъ выраженіемъ улыбки; имъ не достаетъ только священной повязки вокругъ чела, чтобы признать въ нихъ прямыхъ потомковъ которой нибудь изъ тридцати династій царства фараоновъ. Житель Дамаска, также точно какъ и обитатель Аравіи, эти настоящіе семиты, отличаются высокимъ ростомъ и сильнымъ развитіемъ мускуловъ; у нихъ худощавая съ очень тонкими чертами и высокимъ лбомъ фізіономія; выраженіе глазъ исполнено ума, страсти и энтузіазма. Старики въ своихъ высокихъ чалмахъ съ длинными бородами напоминаютъ своихъ праотцевъ—библейскихъ патриарховъ. Тунисскіе и мароканскіе купцы окладомъ фізіономіи напоминаютъ иберійскую расу: то-же большое разстояніе между глазъ, дѣлающее овалъ лица болѣе круглымъ, и тѣ-же открытые миндалевидные черные глаза. Вся ихъ фигура представляетъ типъ изящества и величавой элегантности мавританскихъ калифовъ. У мароканцевъ губы оказываются болѣе полными и нижняя челюсть болѣе развитою, что при ихъ темномъ цвѣтѣ кожи уже обнаруживаетъ вліяніе черной расы. Но это вліяніе еще замѣтнѣе на купцахъ, прибывшихъ изъ оазисовъ Сахары. Почти черный цвѣтъ лица, выдавшіяся челюсти, рѣдкій волосъ на бородѣ, дикость и необыкновенная подвижность взгляда, въ связи съ быстротою движеній, обнаруживаютъ въ нихъ близкое родство съ племенемъ кушитовъ. Они одѣты очень просто: въ темныхъ кафтанахъ изъ верблюжьей шерсти съ высокимъ фесомъ на головѣ. И кто бы могъ узнать въ этихъ продавцахъ ковровъ и бурнусовъ неукротимыхъ сыновъ пустыни, носящихся по песчанымъ пространствамъ на своихъ маленькихъ, но быстрыхъ одногорбыхъ верблюдахъ,—

мегари, закутанвыхъ въ полосатые бурнусы и съ завязаннымъ чернымъ платкомъ лицомъ, одинъ видъ котораго повергаетъ въ страхъ караваны! Албанцы, гѣгги и тоски выдаются своимъ величественнымъ видомъ, правильностью очертавій лица, рѣзко очерченными бровями и густыми рѣсницами, покрывающими голубые глаза; прекрасное ихъ сложеніе особенно выигрываетъ, благодаря богатству національнаго костюма, состоящаго изъ шитой золотомъ куртки, большою частью яркихъ цвѣтовъ, бѣлой широкой фустанеллы, падающей на ноги, покрытыя чѣмъ-то въ родѣ гѣтровъ, широкаго пояса, за которымъ цѣлый арсеналъ кинжаловъ, ятагановъ и пистолетовъ самой прихотливой формы и богатой отдѣлки; голову они покрываютъ темно-краснымъ фесомъ съ висячей длинной кистью. Движенія албанца въ высшей степени, картинны и благородны; въ немъ виденъ европеецъ, потомокъ индо-германскаго племени. Но вотъ неожиданный гость — персіянинъ, пришедшій изъ далекихъ странъ; онъ не имѣетъ ничего общаго съ своими собратами по торговлѣ. Его гибкая, худощавая фигура, его впалая грудь, тонкія правильныя черты лица, черные увѣнчанные дугообразными бровями глаза, самый головной уборъ его, изъ-подъ котораго выглядываютъ тщательно приглаженные булки волосъ, его выкрашенные красной краской концы пальцевъ, въ выраженіи лица что-то доброе, уступчивое, все это обнаруживаетъ въ немъ особый типъ, выработанный самобытною цивилизаціей. Представителемъ турецкой расы является купецъ изъ Бруссы, отличающійся медленностію движеній, вялостію выраженія въ лицѣ, широкими выдающимися скулами и оттопырившимися ушами, — всѣми признаками, обнаруживающими въ немъ монгольское происхождение. Жители Багдада, долины Эфрата и армяне имѣютъ много общаго между собою. Это остатки когда-то весьма просвѣщеннаго халдейскаго народа, среди котораго возникло знаніе и искусство и отъ котораго они принесены въ другія страны. Армяне и теперь остаются вѣрными просвѣтительнымъ стремленіямъ своихъ праотцевъ. Они друзья науки и искусства. Лучшіе фотографы и лучшіе архитекторы въ Константинополѣ армяне; они же пользуются большимъ значеніемъ и въ торговомъ мірѣ. Армяне небольшого роста, имѣютъ правильныя черты лица, прекрасные черные глаза и замѣчательно свѣжій цвѣтъ лица. Съ обновленіемъ Востока на долю армянъ должна выпасть весьма замѣтная роль.

Существовавшія издавна враждебныя отношенія между вошедшими въ составъ Турціи народностями, поддерживаемыя различіемъ расъ и религіозныхъ вѣрованій, способствовали сохраненію индивидуальных отличій cadaго племени. Отличія эти дошли въ своей неприкосновенности и до нашего времени. Такъ — расовыя силы оказались могущественнѣе религіознаго и политическаго объединенія.

Любитель Востока имѣетъ полную возможность собрать на Истамбольскомъ базарѣ самый интересный музей предметовъ искусства не только настоящаго, но и прошедшаго времени. И все это, сравнительно съ цѣнами, существующими въ антикварныхъ и другихъ магазинахъ въ столицахъ Европы, очень не дорого, если только примѣниться къ настоящей стоимости разныхъ монетныхъ единицъ, обращающихся въ Турціи. Но для прїѣзжаго это очень затруднительно. Если вы платите золотомъ, то покупаемая вещь вамъ обходится значительно дешевле. При расплатѣ серебромъ цѣна ея нѣсколько увеличивается. Русскія серебряныя монеты стоятъ выше однозначущихъ монетъ другихъ государствъ. И какое обиліе русской монеты! И рублевники, и уже нигдѣ не показывающіеся 75-копѣечники, и полтинники, и четвертаки! За серебромъ европейскаго чекана, къ которымъ слѣдуетъ отнести и 5 франковые турецкіе махмудіи, идетъ, понижаясь въ цѣнѣ, мелкая размѣнная турецкая монета: это различныя бешлыки, пари и т. п.; засимъ слѣдуетъ мѣдная турецкая монета и, наконецъ, турецкія бумажныя деньги—кайме, стоящія въ настоящее время менѣе 50%! Вотъ на этой-то разницѣ столь разнообразныхъ цѣнностей обыкновенно и ловится неопытный иностранецъ, и вещь въ самомъ дѣлѣ не дорогая, при расплатѣ за нее, обходится весьма дорого. У мѣняль, которыхъ въ Перѣ очень много, вы не добьетесь также точно никакого толку: что ни мѣняльная лавка, то новый курсъ. Есть магазины, которые вывѣшиваютъ объявленія, напечатанныя огромными буквами, что они не принимаютъ другихъ денегъ, кромѣ золота и серебра; другіе предупреждаютъ, что при расплатѣ за товаръ они цѣнятъ кайме только въ 35%!.. При столь произвольныхъ условіяхъ цѣнности денегъ, какъ добратся до истины? Въ европейскихъ магазинахъ, гостиницахъ и вообще въ Перѣ и Галатѣ основная монетная единица есть франкъ; за то въ Истамбольскомъ базарѣ безраздѣльно господствуютъ различныя бехеюслики, эминлики, ирбехлики, ирмеликъ-меджидіе и піастры.... Купецъ запроситъ за какую нибудь вещь 350 піастровъ, сумму, которая для незнакомаго съ турецкими деньгами покажется страшною; на дѣлѣ же выходитъ, что эти 350 піастровъ представляютъ скромную цифру въ 15 франковъ!..

ХІІ.

Мѣстная политика.—Желѣзные дома англичанъ.—Фанарь.—Греческая аристократія.—Физиономія улицъ.—Патріаршая церковь.

Сегодня опять зашелъ ко мнѣ Ѳеодоръ Николаевичъ. Противъ обыкновенія онъ былъ какой-то грустный и противъ обыкновенія въ чертахъ его лица какъ будто проглядывала искренность. Точно весеннее солнце заставило развернуться и въ немъ добрые инстинкты, дотолѣ бывшіе подъ гнетомъ всякой злобы дня. Въ самомъ костюмѣ его было что-то необычайное и болѣе независимое. На бѣлой, какъ свѣтъ, рубашкѣ навязанъ былъ свѣтло-зеленый галстухъ, яркость котораго умѣрялась черною бородою. Могучіе, классическіе плечи прикрывалъ сѣрый пиджакъ съ розою въ петличкѣ, въ рукахъ небрежно болтались желтая соломенная шляпа и едва примѣтная тросточка. Эмблемы на востокѣ имѣютъ еще большое значеніе и я невольно приготовился услышать что-нибудь особенно интересное. Ѳеодоръ Николаевичъ, вопреки обыкновенію, тихо вошелъ, тихо поздоровался, взялъ стулъ, подвинулся на немъ ко мнѣ и повелъ такую рѣчь:

— «Я много думалъ вчера и сегодня о положеніи нашей несчастной Турціи. Страна, не смотря на свои огромныя естественныя богатства, разорена и едва ли когда поправится. Нѣтъ гарантіи ни для какого предпріятія, никто не можетъ быть увѣренъ въ неприкосновенности своего имущества, и нерѣдко и самой жизни. Вездѣ отсутствіе закона, мѣсто котораго заступилъ самый наглый произволъ. Правительства у насъ нѣтъ, а есть масса плотоядныхъ коршуновъ, которые рвутъ по частямъ наше государственное тѣло. Султана Абдуль-Азиса обвиняли въ расточительности, въ своеволіи; это такъ, но онъ все-же былъ султаномъ; народъ его уважалъ и видѣлъ въ немъ намѣстника пророка: въ немъ онъ признавалъ свое политическое могущество. Но англичанамъ и австрійцамъ не понравились слишкомъ частыя и совершенно интимныя посѣщенія Н. П. Игнатьевымъ Чераганскаго дворца и бѣднаго султана не стало. Вотъ вы и тогда опоздали. *Ah! Vous arrivez toujours trop tard, toujours trop tard*, пропѣлъ онъ эту риторическую, пародируя извѣстные французскіе куплеты. Азиса смѣнилъ Мурадъ, мѣсто Мурада занялъ Абдуль-Гамидъ, не сегодня завтра Гамидъ замѣнитъ Рашидомъ, Иззединомъ, можетъ быть, даже Митхадъ-пашей; но все-таки странѣ отъ этого легче не будетъ. Народъ это инстинктивно понимаетъ. Онъ утомленъ до нельзя. Онъ охотно отдастся тому, кто въ состояніи ему обезпечить спокойное существованіе въ

теченіи одного, другого десятка лѣтъ. Россія могла бы даже и теперь занять Галлиполи и Константинополь. Поводы къ этому представились бы сами собой!.. Упустите время, другіе воспользуются!..

— Что-же, побывайте въ Главной Квартирѣ. Тамъ вы можете сообщить ваши предположенія; тамъ имѣютъ возможность все обсудить и взвѣсить, какъ должно...

— «Нѣтъ, этого-то взвѣшиванья я и боюсь. Тутъ нужна рѣшительность, смѣлость. Н. П. Игнатьевъ бы не задумался, если бы только ему не связывали руки».

— Ну, а скажите, кого, по вашему мнѣнію, турки охотнѣе желали бы видѣть у себя: Россію или Англію?

— «Безъ всякаго сомнѣнія, Англію. Но не подумайте, что это предпочтеніе отдается Англіи потому, что Турція еще вчера стояла лицомъ къ лицу съ Россіей, съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣтъ, турки умѣютъ уважать побѣдителя и въ своемъ пораженіи видятъ волю Аллаха. Но они сознаютъ, что Англія обладаетъ большимъ могуществомъ и большими средствами распространенія благосостоянія. Поѣзжайте въ Истамбуль и вы увидите цѣлыя кварталы желѣзныхъ построекъ: это дома для бѣглецовъ, уходившихъ отъ русскихъ и искавшихъ спасенія въ Константинополѣ. Такихъ бѣглецовъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ, старухъ и дѣтей всякаго возраста десятки тысячъ!.. Облеченные въ рубища и удрученные болѣзнями они навѣрное погибли бы до одного, если бы не великодушіе или, если хотите, расчетъ англійской націи. Поистинѣ, съ изумительною быстротою устроены эти прекрасныя помѣщенія со всеміи гигиеническими условіями, мало того, устроены больницы, при которыхъ вы найдете отличный санитарный персоналъ. Нашедшихъ пристанище въ этихъ убѣжищахъ кормятъ, одѣваютъ и лечатъ бесплатно. А какія огромныя средства собираются для той же цѣли при помощи концертовъ, лоттерей, базаровъ, кружекъ, и все тѣми же англичанами! Народъ не можетъ не знать, кому онъ обязанъ спасеніемъ десятковъ тысячъ своихъ. Тѣмъ не менѣе теперь онъ примирился бы и съ русской властью, лишь бы ему скорѣе избавиться отъ собственной безурядицы».

— Ну, что же тогда будетъ съ вашей великой идеей, если русскіе займутъ Константинополь?

Мой собесѣдникъ не ждалъ этого вопроса и задумался на минуту; но вслѣдъ за этимъ отвѣтилъ:

— «Русскіе возстановятъ въ Константинополѣ тронъ Палеологовъ и посадятъ на него одного изъ членовъ своей царствующей династіи; такимъ образомъ осуществится планъ вашего Потемкина

и вашей великой императрицы... а съ этимъ осуществится и наша великая идея».

— Знаете что, сказалъ я ему на это,—пока наступитъ осуществленіе вашей великой идеи, посѣтимъ еще Фанаръ, гдѣ живутъ ваши соотечественники, да зайдемъ осмотрѣть патриаршую церковь.

Сказано—сдѣлано, и мы снова въ кайкѣ, который плавно скользитъ по зеркальной поверхности Золотого Рога. Мы держимся середины залива. Съ правой стороны возвышается древняя Генуэзская башня въ Галатѣ, съ куполомъ, покрытымъ окислившееся зеленою мѣдью: съ лѣвой, почти напротивъ, башня Сераскриата, съ которой открывается видъ на всѣ части Константинополя и на которой поднимаются пожарные сигналы. Въ Фанарѣ поселилась греческая финансовая аристократія; тамъ же, по словамъ Ѳедора Николаевича, основалась и аристократія имени,—потомки Палеологовъ, Дуки, Кантакузеновъ и др. Какого-то Комнена я встрѣтилъ въ С.-Стефано, смиренно продававшего фотографическія карточки. Вообще къ этимъ историческимъ именамъ, встрѣчаемымъ между современными греками, слѣдуетъ относиться осторожно. Ихъ не много оставалось уже при послѣднихъ императорахъ Палеологахъ. Подобно тому, какъ въ послѣднія времена Рима, разные наемники и вольноотпущенники, возвеличиваемые прихотью кесарей, постоянно отодвигали на задній планъ старинные римскіе роды, въ Византіи имѣли то-же значеніе люди новые. Императоры довѣряли начальство надъ войсками и охраненіе границъ имперіи чужеземцамъ. Уже съ IV столѣтія тѣлохранителями являются готы; за ними идутъ норманны. Владычество латинянъ еще болѣе отодвинуло греческія родовитыя фамиліи, разсѣявъ ихъ по разнымъ странамъ Малой Азіи, въ Трапезундѣ, Никеѣ, Кипрѣ и по другимъ мѣстамъ. Послѣ взятія Константинополя турками, султанъ Магометъ разными льстивыми обѣщаніями заставилъ византійскаго великаго адмирала Натару составить списокъ всѣмъ знатнымъ лицамъ имперіи и приказалъ всѣхъ ихъ предать смерти; за голову cadaго знатнаго лица онъ платилъ по тысячѣ аспровъ. Преемники Магомета держались той-же политики. Устрашенные этими жестокостями всѣ, кому только было возможно, не задумывались бѣжать изъ Константинополя и искали новаго для себя отечества въ Италіи и во Франціи, куда приносили съ собою любовь къ произведеніямъ древней греческой цивилизаціи. Въ XVII столѣтіи среди греческаго (фанаріотскаго) населенія Истамбола начинаютъ возвышаться нѣкоторыя фамиліи, именно тѣ, которыя своимъ угожденіемъ приобрѣтали расположеніе турецкаго правительства и получали отъ него въ управленіе, въ качествѣ господарей и князей, Молдавію, Валахію и нѣкоторые острова Архипелага. Что-же ка-

сается до исторических именъ, носимыхъ этими лицами, то въ этомъ должно видѣть стремленіе выдѣлять себя изъ одноцвѣтной среды соплеменниковъ и связать случайно приобрѣтенное могущество съ судьбами Византіи. И это тѣмъ болѣе представлялось осуществимымъ, что греки уже перестали возбуждать подозрѣніе турецкаго правительства и имена, напоминавшія время восточныхъ кесарей, болѣе не преслѣдовались.

Въ этихъ размысленіяхъ мы причалили къ берегу и стали подыматься по узкой улицѣ, окаймленной по обѣ стороны деревянными домами съ нависшими этажами. Здѣсь сейчасъ замѣтно отсутствіе мусульманскаго населенія: открытыя и ничѣмъ незавѣшенныя окна, вокругъ которыхъ обвивается виноградная лоза, и въ нихъ, точно какъ въ рамѣ картины, прекрасное лицо женщины, безъ робости, но и безъ нахальства останавливающее свои черные глаза на проходящихъ. Повернувъ налѣво и идя въ гору, мы вошли въ улицу, которую, по красотѣ построекъ, можно назвать почти лучшею въ Константинополѣ. Всѣ дома сложены изъ камня, съ прекрасными рѣзными выдающимися балконами, или же просто каменными лѣстницами; другіе по своей массивности и по рѣшеткамъ на окнахъ напоминаютъ замки средневѣковыхъ феодаловъ.

Послѣ занятія Константинополя турками, всѣ его жители были въ глазахъ завоевателей не болѣе какъ стадомъ, райями. Тѣмъ не менѣе грекамъ было оставлено нѣсколько церквей и утверждено за духовенствомъ право духовнаго управленія паствою. Впослѣдствіи греки сумѣли расположить къ себѣ турокъ до такой степени, что правительство избирало преимущественно изъ нихъ господарей Молдавіи и Валахіи; а греческихъ митрополитовъ и епископовъ назначало, наравнѣ съ пашами, членами областныхъ совѣтовъ (меджлисовъ). Это продолжалось до 1820-хъ годовъ, пока въ средѣ фанаріотовъ не бродили еще идеи о независимости Эллинскаго народа. Послѣдовавшее затѣмъ возстаніе и борьба грековъ за независимость, явное покровительство имъ со стороны Россіи и Наваринская битва, заставили турокъ быть осмотрительнѣе. Тѣмъ не менѣе греки въ Константинополѣ, какъ и во всей Турціи, пользуются полною свободою вѣроисповѣданія и правительство охотно ихъ поддерживаетъ, видя въ нихъ естественныхъ антагонистовъ пробуждающихся славянскихъ народовъ.

Въ Фанарѣ имѣетъ пребываніе архіепископъ Константинопольскій, патріархъ вселенскій. Онъ живетъ въ деревянномъ трехъ-этажномъ выкрашенномъ въ темный цвѣтъ домѣ. Со времени занятія русскими войсками окрестностей Константинополя, патріархъ нигдѣ не показы-

вается. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, его святѣйшество серьезно боленъ, но есть лица, которыя объясняютъ это упорное заключеніе нежеланіемъ видѣться съ главнокомандующимъ русской арміей, которая, защищая и возстановляя болгаръ, дѣйствуетъ, по мнѣнію грековъ, вопреки ихъ (грековъ) національнымъ интересамъ. Нерасположеніе къ русскимъ еще сильнѣе должно чувствовать греческое духовенство, со времени образованія, при содѣйствіи Россіи, автокефальной болгарской церкви.

Тутъ же вондѣ дома патріарха находится кафедральная патріаршая церковь. Она не велика. Ея внѣшность не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера и болѣе всего напоминаетъ наши деревенскія церковныя постройки. Внутри вокругъ стѣнъ идутъ, почти въ ростъ человѣка, разныя деревянныя накладки съ витыми вызолоченными колоннами. Многочисленныя хрустальныя лампы свѣшиваются съ самаго купола. Церковь распредѣлена по направленію отъ иконостаса и до западныхъ вратъ на три части, отдѣленныя одна отъ другой довольно высокими деревянными рѣшетками. Средняя часть исключительно назначена для духовенства: по правую сторону недалеко отъ амвона находится тронъ патріарха, обѣянный византійскимъ двуглавымъ орломъ; этотъ тронъ, какъ говорятъ, одинъ изъ тѣхъ, которые находились въ храмѣ св. Софіи. Онъ изъ темнаго орѣха съ перламутровыми инкрустаціями. Вверху на спинкѣ его находится изображеніе Верховнаго Патріарха, самого Господа Иисуса Христа, въ патріаршемъ облаченіи, очень тонкой древней живописи. Рядомъ съ мѣстомъ вселенскаго патріарха стоятъ одно вондѣ другаго два сѣдалища нѣсколько меньше другихъ восточныхъ патріарховъ, за которыми идутъ мѣста митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. По другую сторону, напротивъ патріаршаго трона, стоитъ вызолоченное кресло русскаго посла, какъ представителя Россіи, защитницы православія; рядомъ съ нимъ—опять мѣста восточныхъ патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ. Эти параллельно поставленныя сидѣнія высшаго духовенства кончаются почти у самыхъ западныхъ вратъ. Свободная середина между рядами сидѣній занимается низшимъ духовенствомъ. Воображаю себѣ то грандіозное зрѣлище, которое представляетъ служеніе всѣхъ представителей православія вмѣстѣ! Воображаю потрясающее величіе большаго выхода!.. Въ другихъ отдѣленіяхъ по правую сторону помѣщаются мужчины, по лѣвую женщины. Иконостасъ вызолоченъ: онъ не особенно высокъ. Одна изъ намѣстныхъ иконъ, съ изображеніемъ пресвятой Дѣвы, сдѣлана изъ цвѣтной мозаики по золотому фону; такая же икона св. первомученика Стефана находится въ правомъ предѣлѣ. Ихъ считаютъ вынесенными изъ Софійскаго храма. Въ церкви покоятся мощи блаженной Анны. Поклонившись святынь, я пожелалъ сопро-

вождавшему насъ протодіакону, чтобы скорѣе возсіялъ надъ Софією крестъ, а подъ сводами храма раздалось торжественное «Тебѣ Бога хвалимъ», и чтобы всѣ православные русскіе, греки и славяне едиными устами и помышлениемъ славили въ немъ пресвятое имя Божіе...

Солнце было на закатѣ, когда отчалилъ нашъ канкъ. Косыми лучами оно пронизывало воду, освѣщая въ ней то изумрудно-зеленыя, то сине-лазоревыя волны. Отъѣхавъ саженъ пятьдесятъ, мы встрѣтили канкъ, управляемый двумя сѣдобородыми монахами. На почетномъ мѣстѣ, убранномъ краснымъ ковромъ, полулежалъ монахъ съ темными волосами и небольшой раздвоенной бородою; онъ напоминалъ ликъ Спасителя; у руля сидѣлъ юшоша, съ чертами ангела и съ распущенными по плечамъ золотистыми кудрями. То были протосингелъ патріарха и его ипподіаконъ. Тихо, спокойно пронеслись они мимо насъ, точно видѣніе первыхъ временъ христіанства, и исчезли въ голубоватомъ облакѣ вечернихъ испареній.

ХІІІ.

Образованность турокъ.— Учебныя заведенія.— Книгохранилища и книжныя магазины.— Газеты.

По ознакомленіи съ внѣшнею стороною Константинополя, насколько позволило время, насъ увлекала еще мысль собрать свѣдѣнія объ умственной сторонѣ столицы султановъ, и о тѣхъ учрежденіяхъ и средствахъ, которыя составляютъ принадлежность мѣстнаго интеллигентнаго общества.

Судить объ умственномъ развитіи турокъ съ точки зрѣнія европейской науки едва-ли было бы справедливо. Ихъ образованіе не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ европейца; оно шло и развивалось своимъ отдѣльнымъ путемъ, на которомъ указанія черпались изъ Корана. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Турціи образованіе поощряется и что дѣти проводятъ за книгою гораздо болѣе времени, чѣмъ это положено у насъ для дѣтскаго возраста. Нѣтъ почти мусульманина, которому не были бы извѣстны главнѣйшіе догматы его вѣры, жизнь Магомета и существеннѣйшія толкованія учителей закона. И не смотря на трудность изученія турецкаго языка, въ связи съ которымъ находится знакомство съ языкомъ арабскимъ, а также весьма сложное усвоеніе шести способовъ ¹⁾ турецкаго письма,

¹⁾ а) Нессикъ, употребляемый для переписки Корана и другихъ св. книгъ.

б) Сулузъ, для декоративныхъ украшеній.

рѣдко можно встрѣтить между турками неграмотнаго. Долго школьное образование сосредоточивалось въ рукахъ магометанскаго духовенства и имѣло характеръ исключительно религіозный и отчасти литературный. Но въ 1845 г. послѣдовалъ султанскій фирманъ, которымъ повелѣвалось, чтобы обученіе было приготовленіемъ къ общественной и служебной дѣятельности, и чтобы къ предметамъ, относящимся къ изученію религіи, были присоединены и науки, способствующія къ полученію свѣтскаго практическаго образованія. По послѣднимъ отчетамъ, въ Константинополѣ находится болѣе 400 первоначальныхъ школъ, которыя посѣщаютъ около 30 тысячъ дѣтей обою пола. Предметы обученія суть: чтеніе, письмо, счетъ, практическое ученіе о нравственности и религія. Обученіе въ первоначальныхъ школахъ признано обязательнымъ и притомъ бесплатнымъ. Послѣ изученія предметовъ первоначальнаго курса, продолжающагося обыкновенно пять лѣтъ, желающіе продолжать ученіе могутъ поступить въ среднія учебныя заведенія Мехтеби-рахдіе, гдѣ преподаются: грамматика и арабскій синтаксисъ, орфографія, стилистика и ученіе о сочиненіи; священная исторія, исторія оттомановъ и всеобщая исторія, географія, ариметика и элементарная геометрія. Обученіе также безплатно. Учители избираются какъ изъ сословія улемовъ, такъ и изъ другихъ сословіи. Содержаніе школъ, а также покупка книгъ и учебныхъ пособій для учащихся относятся на счетъ суммъ правительства. Для высшаго образованія въ Константинополѣ есть нѣсколько специальныхъ школъ. Гражданское техническое училище, состоящее изъ двухъ отдѣленій: училища при мечети Ахмета, и училища при мечети Сулеймана. Программа этого учебнаго заведенія та же, что и программа среднихъ школъ, только нѣсколько расширенная. Императорская медицинская академія, при которой издается Константинопольская медицинская газета. Наконецъ, къ этому разряду учебныхъ заведеній слѣдуетъ причислить военную, артиллерійскую, инженерную и морскую школы, коммерческое и ветеринарное училища. Кромѣ этихъ заведеній въ Константинополѣ существуютъ еще частныя учебныя учрежденія для дѣтей обою пола; это: лицей и коллегіи, состоящія въ вѣдѣніи французскаго посольства и имѣющія конфессіональное направленіе; протестантскій американскій коллегіумъ Roberts College и друг.

-
- в) Дивани, служащій для официальныхъ актовъ.
  - г) Талякъ, употребляемый въ судахъ.
  - д) Зіакухъ, въ употребленіи по финансовой части и
  - е) Рокга, служащій для торговой и частной переписки.

Къ сожалѣнню, нѣтъ ни одного заведенія, поддерживающаго русское вліяніе...

Изъ этого перечня учебныхъ заведеній видно, что если не вездѣ въ Турціи, то по крайней мѣрѣ въ столицѣ ея существуетъ полная система народнаго образованія, и что подданные султана, начавъ свое обученіе въ школахъ грамотности, могутъ его закончить высшими науками и притомъ по различнымъ специальностямъ. Но на дѣлѣ выходитъ, что не только высшимъ, но даже и среднимъ обученіемъ турки пользуются очень мало, а ограничиваются преимущественно обученіемъ въ первоначальныхъ школахъ подлѣ руководствомъ своего духовенства, относящагося не совсѣмъ доброжелательно къ свѣтскимъ наукамъ. Исключеніе изъ этого дѣлаютъ одни военноучебныя заведенія, имѣющія нѣкоторый интересъ для мусульманъ, приготовляющихъ себя къ военной службѣ. Во всѣхъ другихъ училищахъ, большинство учащихся составляютъ греки-пероты и армяне. Къ этому должно прибавить, что богатые турки стали довольно часто отправлять своихъ дѣтей для обученія въ Парижъ, Лондонъ и Вѣну. Говорятъ, что вообще турецкія школы страдаютъ недостаткомъ хорошихъ преподавателей и отсутствіемъ правильнаго наблюденія за преподаваніемъ.

Въ Константинополѣ находится не мало книгохранилищъ, значительное число которыхъ принадлежитъ мечетямъ. Изъ нихъ около сорока открыты ежедневно для публики. Въ этихъ книгохранилищахъ размѣщены преимущественно рукописи по части магометанскаго вѣровученія, обычнаго права и философіи, а также произведенія восточной поэзіи и сочиненія историческія. Меня увѣрили, что въ бібліотекѣ Сарай-Бурну есть рукописи на греческомъ и латинскомъ языкахъ, между которыми, по всей вѣроятности, европейскіе ученые нашли бы не мало драгоценнаго по части литературы древняго міра. Въ мечети Магомета II находится 4,000 рукописей и около 2,000 печатныхъ книгъ. Засимъ болѣе значительныя книгохранилища находятся при мечетяхъ Св. Софіи, Сулейманіе, Османіе и Абдуль-Гамида. Между бібліотеками частныхъ лицъ особенно замѣчательны собранія книгъ и рукописей Кипризли-Ахметъ-паша и Рахибъ-паша, преимущественно по классическимъ литературамъ. Книжная торговля находится въ Церѣ, въ двухъ небольшихъ лавочкахъ: Вейса, кажется, вѣнца, и двухъ грековъ Моранто и Василиконуло. Любителя серьезнаго чтенія они не могли бы удовлетворить; за то самыя новыя французскіе романы выставляются въ нихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ. По отзыву книгопродавцевъ въ Константинополѣ, французскіе романы имѣютъ огромный сбытъ преимущественно между прекрасной половиной его жителей. Въ гаремахъ султановъ и пашей они разби-

раются на расхватъ. Книги въ Константинополѣ очень дороги, чему причиною, какъ говорятъ, довольно высокая пошлина на нихъ, наравнѣ съ предметами роскоши! На Востокѣ еще и теперь книга есть роскошь! Газетная пресса имѣетъ значительное число представителей въ столицѣ падишаха, — газетъ, издающихся на многихъ языкахъ. Каждая изъ газетъ защищаетъ интересы какой-либо европейской державы, имѣющей сношенія съ Турціей. Такъ Levant Herald и Constantinople Messenger поддерживаютъ англійское влияние и пресловутые англійскіе интересы; le Phare du Bosphore сочувствуетъ Франціи, Courrier d'Orient склоняется въ пользу славянъ, Turquie, офиціозная газета турецкаго правительства, поддерживаетъ интересы Турціи; газеты Бассиретъ и Вакитъ, издающіяся на турецкомъ языкѣ, имѣютъ въ виду мусульманскую публику и обсуждаютъ событія съ ея точки зрѣнія. Газета «Вакитъ» издается Мурадъ-Беемъ, русскимъ черкесомъ, воспитанникомъ ставропольской гимназіи; она придерживается либеральнаго направленія. До войны издавались три болгарскія газеты; въ настоящее время нѣтъ ни одной, какъ нѣтъ ни одного изъ нихъ редакторовъ и сотрудниковъ: они все эмигрировали или сосланы. Засимъ существуютъ еще три газеты на итальянскомъ языкѣ, одна на греческомъ и одна на армянскомъ. Большинство константинопольскихъ газетъ получаютъ субсидію отъ турецкаго правительства и отъ посольствъ, интересамъ которыхъ онѣ служатъ. Неизвѣстно, поддерживало ли какую изъ этихъ газетъ наше посольство; но своего особеннаго органа оно не имѣло. Во время составленія и подписанія С.-Стефанскаго договора, турецкая офиціозная газета Turquie, а вслѣдъ за нею и другія, до такой степени были проникнуты пріязнію ко всему русскому, что можно было предположить, что онѣ издаются въ одномъ изъ нашихъ городовъ и притомъ подъ благодѣтельнымъ руководствомъ предварительной цензуры: и наши войска, и все наши вѣншіе и внутренніе порядки представлялись такими, какихъ лучше и на свѣтѣ нѣтъ, а дружба Турціи къ Россіи уподоблялась по своей прочности камню адаманту... Что это означало? Неужели же одво желаніе отвести намъ глаза? Или же и въ самомъ дѣлѣ мы имѣли тогда между турками искреннихъ приверженцевъ? Я готовъ допустить скорѣе послѣднее.

XIV.

Отъѣздъ изъ Константинополя.—Немного политики на прощанье.—Пароходъ „Юнона“.—Прибытіе въ Одессу.

Но настала пора проститься съ Константинополемъ и подвести итогъ ощущеніямъ, которыя были возбуждены событіями, приведшими къ стѣнамъ его русскую армію.

... Восточный вопросъ не разрѣшенъ и въ этотъ разъ, и потому ему предстоитъ, въ очень недалекомъ будущемъ, возникнуть снова. Тогда, быть можетъ, христіанскія народности Турціи сгруппируются по своимъ національностямъ въ самостоятельныя политическія единицы и получатъ право и возможность жить и развиваться, согласно съ своимъ природными стремленіями. Центръ тяжести турецкой имперіи долженъ будетъ перемѣститься въ Малую Азію, если только владѣніе этой богатой страной и ея близость къ Индіи не возбуждаютъ вождѣвій Англіи; а можетъ быть и какая нибудь другая западная держава пожелаетъ втянуть эту страну въ сферу своихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ турецкому султану придется довольствоваться однимъ Истамбуломъ и его округомъ, подобно тому, какъ это было съ византійскими императорами, въ послѣднее время имперіи. Не нужно быть пророкомъ, а стоять только вдуматься въ совершающіяся событія, чтобы увидѣть этотъ неумолимый ходъ историческаго предопредѣленія.

Трудно теперь сказать, какое положеніе среди этихъ обстоятельствъ пріобрѣтетъ для себя Россія? Все будетъ зависѣть отъ степени сознанія нашихъ историческихъ и національныхъ задачъ и отъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми мы будемъ обладать въ нужное время. Зная это, каждый русскій долженъ желать, надѣяться и работать, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, для осуществленія великой исторической роли нашего отечества.

Въ Константинополѣ насъ ожидаетъ постоянная дѣятельная борьба и прежде всего борьба съ англичанами. Наше и англійское вліяніе, эти два противоположныя теченія, будутъ безпрестанно увлекать турокъ въ томъ или другомъ направленіи. Ловкости нашихъ дипломатовъ будетъ предстоять доказать турецкому правительству, что его существованіе вѣрнѣе обеспечивается въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей. Австро-Венгрія, увлекаемая рокомъ, будетъ, въ свою очередь, мѣшать планамъ Россіи, относительно организаціи балканскихъ славянъ. Съ самаго начала турецкой войны, газеты упорно говорятъ о намѣреніи ея занять Боснію и Герцеговину, съ цѣлю не допустить на своихъ

границахъ образованія значительнаго славянскаго государства. И, по всей вѣроятности, она исполнить это. Но эта боязнь, испытываемая австрійскими государственными людьми, противорѣчитъ не только исторіи, но даже и самой природѣ Балканскаго полуострова. Вся мѣстность средняго теченія Дуная до Марицы разрѣзана высокими горными кряжами на небольшіе отдѣленные другъ отъ друга участки; на нихъ съ давнихъ поръ осѣли разныя народности и, повинувшись физическимъ условіямъ своихъ странъ, никогда не могли достигнуть обобщенія своихъ интересовъ, и даже большею частью находились въ враждебныхъ отношеніяхъ между собою. Такъ болгаре никогда не могли сойтись съ сербами; короли боснійскіе постоянно враждовали съ королями сербскими; какъ Боснія, такъ и Сербія недружелюбно смотрѣли на область Св. Саввы, а князья Захолмскіе воевали съ князьями Неретванскими; Дубровникъ не ладилъ съ Далмаціей... Ихъ не могло соединить даже сознаніе общей опасности, во время нашествія турокъ. Въ свою очередь, албанцы воевали съ сербами и болгарами съ одной, и съ греками съ другой стороны. Присоединеніемъ Босніи и Герцеговины Австро-Венгрія сдѣлаетъ большую политическую ошибку. Она усилитъ въ своемъ составѣ славянскую народность, и притомъ усилитъ ее элементомъ враждебнымъ: ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ не забудутъ, что у нихъ прежде другихъ вспыхнула искра свободы и что между балканскими славянами они одни не получили ея. Это раздраженіе народныхъ страстей можетъ сдѣлаться источникомъ большихъ затрудненій для соединенной монархіи.

Также точно мы должны встрѣтить на пути нашихъ общеславянскихъ интересовъ и Германію. Германія только начала строиться и будетъ строиться еще долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не успѣетъ соединить всѣ свои разбросанныя части. Но такъ какъ это придется сдѣлать на счетъ Австріи, то въ интересѣ Германіи поощрять ея движеніе на Балканскій полуостровъ, съ выходомъ въ Салоникскій заливъ или даже въ Мраморное море, какъ вознагражденіе за утраченныя собственно нѣмецкія провинціи. При томъ существованіи Австріи Германія будетъ признавать необходимымъ, какъ сдерживающую силу по отношенію къ панславизму въ борьбѣ съ пангерманизмомъ...

Угрожающія намъ опасности велики и онѣ, какъ тучи, надвигаются со всѣхъ сторонъ. Но намъ нечего страшиться, если въ нашемъ сознаніи, повторяемъ это, ясно опредѣлены наши историческія и національныя задачи и если наша частная и государственная дѣятельность будетъ точно согласована съ ними....

8-го марта 1878 г. пришлось оставить Константинополь.

Кезень, замыкавшихъ при первыхъ султанахъ входъ въ Истамболъ, и полюбовавшись въ Буюкъ-Дере лѣтнимъ помѣщеніемъ нашего посольства, окруженнымъ густымъ паркомъ, мы стали приближаться къ выходу въ Черное море. Въ Босфорѣ было тихо, не смотря на сильный противный намъ вѣтеръ. Но на скалахъ симплегадскихъ были уже замѣтны сильные розмахи волнъ, что не обѣщало спокойнаго плаванія. Впрочемъ, если блаженной памяти Язону, стремившемуся въ Колхиду, удалось благополучно пройти эти мѣста и достигнуть своей цѣли, то почему же къ намъ судьба окажется менѣе благоприятною? Деркосъ, небольшое селеніе на выдающемся мысу, у котораго кончается Босфоръ. Въ этомъ же мѣстѣ оканчивается стѣна, сооруженная императоромъ Анастасіемъ для защиты Византіи отъ варваровъ.

Покачиваясь со стороны на сторону, нашъ пароходъ вошелъ въ наше Черное море. Водяное пространство представлялось въ этотъ разъ до крайности тоскливымъ. Волны, точно повинуюсь скрытому механизму, движутся, поднимаются и разбиваются въ какой-то безплодной тревогѣ. Однообразіе начинаетъ утомлять зрѣніе, на которое скоро перестаетъ дѣйствовать игра свѣтовыхъ лучей. Съ невыразимой отрадою утомленное воображеніе встрѣчаетъ малѣйшій предметъ, гдѣ бы мысль могла остановиться. Такъ перелетныя птицы садятся на мачту корабля, чтобы перевести духъ и зацѣпиться новыми силами. Цѣлыя сутки носились мы, повинуюсь прихотливой игрѣ стихій. Быстрые толчки, при которыхъ трудно было устоять, паденіе съ высоты въ неизвѣданную глубину, заставлявшее замирать сердце, почти человѣческій стонъ парохода, все это было испытано нами въ достаточной мѣрѣ. Каютъ-компанія опустѣла; вмѣсто еще недавно оживленнаго говора, слышались звуки бьющейся посуды. Но какъ въ этомъ мірѣ всему есть конецъ, то насталъ конецъ и нашимъ мученіямъ. Раннимъ утромъ, на третій день, стала обрисовываться Одесса, покрытая, къ нашему удивленію, бѣлымъ саваномъ недавно выпавшаго снѣга. Капитанъ приказалъ уменьшить ходъ и мы начали медленно втягиваться на Одесскій рейдъ. А на встрѣчу намъ шелъ огромный пароходъ «Цесаревна», въ сопровожденіи одной изъ поповокъ. На пароходѣ развѣвался красный турецкій флагъ. То выѣзжали изъ Россіи Савфеть-паша съ ратификованнымъ С.-Стефанскимъ договоромъ и Османъ-паша, получившій свободу. Невольно вспомнилось все пережитое въ послѣднее время и тревожный вопросъ: «что-то выйдеть изъ этого?» самъ собою приходилъ на уста...

Кн. В. Д. Дабжа.

Семейство Виельгорскихъ.

(Къ статьѣ В. И. Шенрокъ въ „Русск. Старинѣ“, изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль).

Весьма любопытная статья В. И. Шенрокъ о Н. В. Гоголѣ и А. О. Смирновой служитъ предисловіемъ къ обѣщанному ряду писемъ этой замѣчательной женщины. Вниманіе, обращенное г. Шенрокъ на нетерпѣливо ожидаемые читателями документы этой переписки, отразилось въ подробномъ изложеніи предварительныхъ біографическихъ и историко-литературныхъ разъясненій по поводу упоминаемыхъ въ ней лицъ. Разъясненія эти, по всей вѣроятности, должны представлять основу для дальнѣйшихъ комментарій къ письмамъ А. О. Смирновой. Въ числѣ главнѣйшихъ источниковъ разбираемой статьи ярко замѣтны свѣдѣнія, переданныя ему изъ личныхъ воспоминаній Ольгою Николаевною Смирновою, дочерью Александры Осиповны. Въ этихъ свѣдѣніяхъ по памяти заключаются, между прочимъ, и данныя о близкомъ мнѣ по родству семействѣ Виельгорскихъ. Я позволяю себѣ думать, что нѣкоторыя поправки къ свѣдѣніямъ о моихъ родныхъ могутъ послужить только къ болѣе полному уясненію тѣхъ именъ, которыя, вѣроятно, будутъ нерѣдко упоминаться въ подлинныхъ письмахъ А. О. Смирновой, какъ имена ея хорошихъ и близкихъ знакомыхъ, въ такихъ же отношеніяхъ находившихся и къ Н. В. Гоголю. Желая такимъ образомъ посильно облегчить трудъ г. Шенрокъ, я считаю необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующія подробности въ его статьѣ.

О Виельгорскихъ говорится преимущественно на страницахъ 69—71. Французское происхожденіе этой фамилии объяснялось и объясняется (м. пр. и Карновичемъ) переводомъ польскаго имени *Wielegórsky* съ французскаго *Grammont*, а равно и тремя бѣлыми лиліями въ синемъ полѣ герба, который, принадлежа Виельгорскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ геральдическія особенности Бурбоновъ. Но

такое предположеніе не подтверждается никакими положительными данными. Можетъ быть, что Генрихъ III, временный король Польши, внесъ французскія лиліи въ гербъ Кердѣя, къ которому Віельгорскіе были приписаны, что и подало поводъ производить эту фамилію отъ имени Grammont. Въ XVI—XVII вѣкахъ вообще господствовалъ какъ извѣстно, обычай связывать родословія съ именами римскихъ императоровъ, героевъ Троянской войны и даже мифологическихъ божествъ классической древности. Къ подобнымъ генеалогическимъ баснямъ слѣдуетъ, какъ кажется, причислить и легенду о Grammont и вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться съ мнѣніемъ князя П. Долгорукаго, что Віельгорскіе были исконные русскіе (вѣроятно, червопоруссы) и въ древности исповѣдывали православіе ¹⁾. Опоячаніе этого рода не составило бы исключенія изъ цѣлой массы Радзивилловъ, Четвертинскихъ, Друцкихъ и прочихъ древне-русскихъ фамилій.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій былъ старшимъ сыномъ Юрія Михайловича и жены его графини Софіи Дмитріевны, рожденной Матюшкиной. Отъ нея перешло имя Софіи къ ея внучкѣ, второй дочери Михаила Юрьевича ²⁾, и родовая фамилія во второму сыну послѣдняго, графу Михаилу Михайловичу Віельгорскому-Матюшкину. Графъ Юрій Михайловичъ, польскій посланникъ въ Россіи, перешелъ въ подданство Екатерины II, которая поспѣшила привязать его къ новому отечеству бракомъ на своей приближенной, притомъ представительницѣ знатнаго рода, находившагося въ родственныхъ связяхъ съ Румянцовыми, Гагаринными, Матвѣевыми, а чрезъ Стрѣшневыхъ и съ Романовыми ³⁾. Павелъ I продолжалъ покровительствовать Віельгорскимъ и пожаловалъ малолѣтнихъ дѣтей Юрія Михайловича въ званіе рыцарей Мальтійскаго ордена ⁴⁾. Выросши, дѣти эти, по семейнымъ преданіямъ, стали близки ко двору и въ царствованіе трехъ императоровъ, начиная съ десятыхъ годовъ столѣтія до 1866

---

¹⁾ „Изъ метрики воеводства Волинскаго видно, что тамъ въ 1528 году были помѣщиками Андрей и Ѳедоръ Віельгорскіе“. Имя Ѳедора, а не Теодора, служитъ несомнѣннымъ признакомъ православія, справедливо замѣчаетъ по этому поводу князь Долгорукій (Россійская родословная книга. ч. III, стр. 95).

²⁾ Графиня Софія Михайловна Соллогубъ.

³⁾ См. рѣдку теперь брошюру К. Бороздина „Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ“ (СПб., 1841) и некрологъ А. М. Веневитиновой въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 г. (кн. III, стр. 239).

⁴⁾ Надѣюсь со временемъ передать любопытный рассказъ объ этомъ пожалованіи, который въ дѣтствѣ я неоднократно выслушивалъ отъ Михаила Юрьевича.

года ¹⁾, кромѣ придворной сферы, постоянно пользовались значеніемъ въ свѣтѣ и въ средѣ науки, литературы и искусства.

Конечно, только высокимъ положеніемъ графа Михаила Юрьевича можетъ объясниться его бракъ на принцессѣ Луизѣ Карловнѣ Биронъ, происходившей отъ владѣтельныхъ герцоговъ Курляндіи. Отцомъ ея былъ генералъ-маіоръ русской службы, принцъ Карлъ-Эрнестъ, а матерью принцесса Аполлонія Матвѣевна, рожденная княжна Понинская ²⁾. Отъ Аполлоніи Матвѣевны Луиза Карловна унаслѣдовала католичество, а старшая дочь ея, въ честь бабки, была названа Аполлиinarieй (а не Аполлиніей, какъ пишетъ г. Шенрокъ). Такимъ образомъ, лишь дѣти Матюшкиной изъ числа всѣхъ Віельгорскихъ сдѣлались опять русскими и православными. Три народности (польская, русская и нѣмецкая) и три религіи (католичество, православіе и протестантство, которое исповѣдывали первые Бироны) разрѣшились въ окончательномъ обрусѣніи тѣхъ поколѣній семейства Віельгорскихъ, къ которымъ принадлежали Михаилъ Юрьевичъ и его дѣти. Хотя Луиза Карловна и была строгою и набожною католичкою, но нисколько не чувствовала желанія вернуть своихъ дѣтей въ лоно своей собственной церкви. Одному патеру въ Италіи она объявила, что предпочитаетъ быть со всѣмъ своимъ семействомъ вмѣстѣ въ аду, чѣмъ достигнуть раю безъ близкихъ родныхъ. Эти слова были отвѣтомъ на совѣтъ или приказаніе обратить своихъ дѣтей въ католичество. Въ этомъ отвѣтѣ вовсе не выражается «ревностная католичка», какъ пишетъ г. Шенрокъ. Впрочемъ, надо сознаться, что разнообразіе вѣроисповѣданій, къ которымъ принадлежали родоначальники Віельгорскихъ, отразилось въ особой любви къ религіознымъ и теологическимъ вопросамъ, занимавшимъ умы представителей послѣднихъ двухъ поколѣній этой фамиліи. Любовь къ такимъ вопросамъ соединялась вообще съ искренней и глубокой вѣротерпимостью и каждый крѣпко и твердо стоялъ въ той вѣрѣ, въ какой былъ рожденъ.

Объясняя масонство графа Михаила Юрьевича, О. Н. Смирнова указываетъ на единовременное иллюминатство и хлыстовщину Татариновой, кн. Голицына, Попова и (?!) Сперанскаго (стр. 70, прим. 1). Это указаніе даетъ невѣрное понятіе о характерѣ мистицизма у Михаила Юрьевича и вводитъ его въ совершенно несвойственную ему струю типичныхъ увлеченій того времени. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ хронологическое совпаденіе ничего не можетъ дока-

---

¹⁾ Годъ смерти Матвѣи Юрьевича Віельгорскаго.

²⁾ См. родословіе Бироновъ, составленное барономъ Ф. А. Бюлеромъ и напечатанное въ „Русской Старинѣ“ 1873 г. (т. VII, стр. 61—65). М. В.

зывать. Послѣднія семь лѣтъ царствованія Александра I, къ которымъ относится яркій документъ о неистовствахъ секты Татариновой, именно записки Боровиковскаго ¹⁾, Михайль Юрьевичъ провель не въ Петербургѣ, куда по одному обстоятельству ²⁾ ему запрещенъ былъ въѣздъ, а частью въ Москвѣ и преимущественно въ деревнѣ. Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ Курской губерніи находилось село Фатеевка, центръ обширнаго имѣнія, полученнаго Биронами въ вознагражденіе за медиатизацію Курляндіи. Въ эту то Фатеевку, переименованную въ Луизино, переселился М. Ю. Віельгорскій съ женою въ 1816 г. вслѣдъ за своей женитьбой. Здѣсь, за неимѣніемъ другихъ развлеченій, онъ предался своей страсти къ музыкѣ, найдя у сосѣдей (Барятинскихъ, Чернышевыхъ, Тепловыхъ) домашніе оркестры, составленные изъ крѣпостныхъ. Кромѣ того, въ это же время онъ сталъ усердно отыскивать тайный смыслъ герметическихъ и кабалистическихъ законовъ природы, о чемъ онъ собралъ значительную бібліотеку, до громаднхъ размѣровъ впоследствии дополненную въ Петербургѣ ³⁾. Эти занятія сблизили его съ масонами, жившими въ Петербургѣ, въ Москвѣ, даже по сосѣдству съ Луизинимъ, напримѣръ, въ Тагинѣ, гдѣ масонами были—владѣлецъ имѣнія графъ Чернышевъ и гувернеръ его сына (декабриста) французъ Жоаиѣ (Joazeux). У меня находится около 300 писемъ, адресованныхъ къ М. Ю. Віельгорскому Поздѣвымъ, С. С. Ланскимъ, П. В. Римскимъ-Корсаковымъ, Р. Щулепниковымъ и другими, менѣе извѣстными, масонами. Въ 1822 г. масонскія ложи были закрыты, а семейство Віельгорскихъ лишь въ царствованіе Николая вернулось въ Петербургъ. Слѣдовательно, графъ Михайль Юрьевичъ не имѣлъ ничего общаго съ сектою Е. Ф. Татариновой, а по отгѣнку своего масонства вовсе не былъ иллюминатомъ ⁴⁾.

Вторая дочь его была замужемъ за графомъ Вл. А. Соллогубъ-

---

¹⁾ Орывки изъ этихъ записокъ напечатаны въ изданіи П. И. Бартевева „Девятнадцатый Вѣкъ“ (Москва, 1872, кн. I, стр. 213—219). См. также слѣдующую за этими записками статью Ю. Толстаго (о духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой), изъ которой оказывается, что ея собранія съ 1825 г. не могли происходить въ Михайловскомъ дворцѣ.

²⁾ Подробное изложеніе этого обстоятельства не было бы у мѣста въ настоящихъ замѣчаніяхъ.

³⁾ Она находится теперь въ Императорской Публичной бібліотекѣ.

⁴⁾ Одна изъ самыхъ удачныхъ, по полнотѣ, краткости и чувству, характеристикъ личности Михаила Юрьевича находится въ прелестномъ стихотвореніи князя Вяземскаго, озаглавленномъ „Поминки“ и впервые напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г. (кн. I, стр. 542—545). М. В.

извѣстнымъ писателемъ. Какъ смотрѣла она на А. О. Смирнову и дѣйствительно ли чувствовала себя несчастною съ мужемъ, я не могу судить. О первой мнѣ не случилось съ нею говорить, а на второе она никогда никому не жаловалась.

Младшая изъ Віельгорскихъ, Анна Михайловна, была замужемъ за княземъ Александромъ Ивановичемъ (а не Леонтьевичемъ) Шаховскимъ, сыномъ князя Ивана Леонтьевича, героя еще Суворовскихъ временъ.

О графѣ Іосифѣ Михайловичѣ я могъ бы сказать очень много на основаніи имѣющихся у меня его бумагъ. Это былъ человекъ замѣчательный по своей любви къ русской исторіи. Вмѣстѣ съ княземъ А. И. Барятинскимъ и отчасти съ графомъ Вл. А. Соллогубомъ онъ принималъ значительное участіе въ составленіи той прекрасной бібліотеки, которая въ недавнее время наследниками фельдмаршала передана на храненіе въ московскій историческій музей. Не желая выходить за предѣлы и безъ того длинной моей замѣтки, я ограничусь указаніемъ на изданную въ 1880 году книгу «Годы ученія императора Александра Николаевича» и на помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» Записки генерала Мердера. Іосифъ Михайловичъ воспитывался вмѣстѣ съ покойнымъ государемъ и имя его часто встрѣчается въ названныхъ изданіяхъ. Я не имѣю достаточно времени, чтобы навести точную справку въ хранящейся у меня перепискѣ семейства Віельгорскихъ, съ цѣлю документально подтвердить указаніе г. Шенрока о томъ, что послѣ смерти Іосифа Михайловича Гоголь отправился въ Марсель на встрѣчу его матери.

Что же касается до разсказа о сообщеніи А. О. Смирновой графинѣ Луизѣ Карловнѣ извѣстія о смерти втораго ея сына, то полная невозможность этого разсказа подтверждается слѣдующими данными. Днемъ смерти Л. К. было 6-го февраля 1853 г., а сынъ ея, Михайлъ Михайловичъ, умеръ черезъ два года послѣ нея, именно 22-го февраля 1855 г. ¹⁾

Чтобы покончить съ свѣдѣніями о Віельгорскихъ, остановлюсь еще на слѣдующихъ словахъ г. Шенрокъ. Въ примѣчаніи 2 къ стр. 41 онъ упоминаетъ о музыкальныхъ занятіяхъ фрейлинъ и говорить, что «онѣ интересовались музыкой и прекрасно ее знали». Я

---

¹⁾ Эта дата указана въ „Петербургскомъ некрологѣ“ В. Сантова, приложенномъ къ „Русскому Архиву“ 1883 года (стр. 27); а день и годъ смерти графини Л. К. Віельгорской можно, между прочими источниками, найти въ родословной Бироновъ, составленной барономъ Ф. А. Бюлеръ, на которую я уже ссылался.
В. М.

позволяю себѣ видѣть въ этомъ слѣды нѣкотораго вліянія графа М. Ю. Вѣльгорскаго.

Я рѣшился изложить эти бѣглыя замѣтки въ виду желанія обезпечить г. Шенрокъ точными и вѣрными данными о близкомъ мнѣ семействѣ и пользуюсь случаемъ, чтобы предложить мой семейный архивъ для всѣхъ необходимыхъ справокъ какъ комментатору писемъ А. О. Смирновой, такъ и редакціи «Русской Старины».

М. А. Веневитиновъ.

Москва.

10-го апрѣля 1888 года.

Александръ II Освободитель

въ статуѣ, изваянной скульпторомъ И. И. Подозеровымъ

1888 г.

На годичной выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ 1888 г. выставлена была профессоромъ г. Подозеровымъ статуя императора Александра II. Это высоко художественное произведеніе отличается, между прочими его достоинствами, не виданной въ скульптурѣ простотой. Императоръ стоитъ запахнувшись въ теплой ватной шинели съ бобровымъ воротникомъ. Ровныя, тугія складки этой шинели однообразно обхватываютъ всю его фигуру и скрываютъ отъ глазъ всю классическую пластику торса и многосложныя детали позы, но смѣтрите вы на эту статую и вась охватываетъ невольнo и неудержимо чувство обожанія и любви. Милый, добрый, умный, самоотверженный Царь какъ живой передъ вами! Статуя эта, по своей выразительности, напрашивается на сравненіе съ статуею Петра Великаго Фальконета. Какъ послѣдняя бросается въ глаза простотою классическою и огневою живостію, и хотя самовластною, но безконечно симпатичною стремительностію Петра, такъ первая выступаетъ передъ вами въ своей простотѣ реальной. Величественная простота, красота и симпатичность во всей фигурѣ Царя-Освободителя! Такъ легко чувствуется, что именно этотъ человекъ, котораго вы видите передъ собой въ этой фуражкѣ и въ этой шинели, задумалъ и дѣло 19-го февраля 1861 г., и судебныя уставы, и земскія учрежденія, и затѣмъ обдумывалъ ихъ не стремительно, не самовластно, а съ надеждою на общее сочувствіе и общую помощь горячо любимаго, всегда дорогаго ему русскаго народа!

Ап. А. Кусковъ.

Примѣчаніе. Съ полнымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ привели мы замѣтку А. А. Кускова. Она совершенно вѣрна истинѣ и мы очень рады, что имѣемъ случай внести на стр. „Русской Старины“ давно всѣмъ известное и всѣми любителями и знатоками художествъ почитаемое имя талантливаго нашего художника И. И. Подозерова.

Вотъ кстати автобіографическая его замѣтка изъ нашего Альбома „Знакомые“ (рукопись, томъ IV). Передаемъ ее какъ весьма полезную въ такомъ, между прочимъ, справочномъ изданіи, какова „Русская Старина“.

Ред.

„Профессоръ скульптуры Иванъ Ивановичъ Подозеровъ родился въ 1835 г., въ г. Галичѣ, Костромской губ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ тамошнемъ училищѣ, по пріѣздѣ же въ Петербургъ, имѣя любовь и призваніе къ скульптурѣ, поступилъ въ качествѣ ученика къ профессору Д. И. Генсену, у котораго подготовившись, поступилъ въ Академію. Проходя классы по сей специальности, подъ руководствомъ профессора свсего Н. С. Пименова, и одновременно занимаясь въ его мастерской, за смертію его реставрировалъ, по порученію морскаго министерства, колоссальную статую, въ 3 саж. выш., покойнаго адмирала М. П. Лазарева, окончивъ которую, поставилъ на мѣсто назначенія въ г. Севастополь въ 1866 г. За успѣхи былъ награжденъ 5-ю медалями, 4-мя серебряными и одной золотой, и по окончаніи курса вышелъ съ званіемъ художника 1-й степени. По заказу академіи исполнилъ бюстъ покойнаго профессора скульптуры Н. С. Пименова, за который получилъ званіе академика въ 1868 г. Въ слѣдующемъ году совершилъ поѣздку за границу, для ознакомленія и изученія тамошнихъ музеевъ, по возвращеніи же въ С.-Петербургъ получилъ должность въ Академіи въ званіи адъюнктъ-профессора по скульптурѣ. Занимаясь въ классахъ, исполнилъ, между прочимъ, слѣдующія работы: надгробный памятникъ профессору скульптуры Н. С. Пименову, за который получилъ одобреніе отъ Совѣта. Въ 1877 г. исполнилъ памятникъ—колоссальную статую въ 4½ арш. выш., князю Аргутинскому-Долгорукову на Кавказъ, въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру. По заказу его высочества вел. кн. Владимира Александровича, президента Академіи, исполнилъ статую „Амуръ“ изъ мрамора. Въ 1878 г. исполнилъ программу на званіе профессора, заданную совѣтомъ Академіи статую „Ева“, за которую и былъ удостоенъ симъ званіемъ. Исполнилъ бюсты многихъ профессоровъ Академіи и другихъ частныхъ лицъ. Къ годичной академической выставкѣ 1888 г. исполнилъ статую въ натуральную величину въ Бозѣ почившаго Императора Александра II и попечителя женскихъ учебныхъ заведеній тайнаго совѣтника И. Т. Осинина“.

[Альбомъ ред. „Русской Старинѣ“ „Знакомые“, томъ IV].

Александръ Степановъ.

I.

Пѣсня, сочиненная первымъ енисейскимъ губернаторомъ А. П. Степановымъ.

Зимѣ люди пусть смѣются,
Клевета готовитъ лѣдъ.
Пусть заслуги остаются
Безъ вниманья, безъ наградъ.

* * *

Я лечу, подъ парусами,
Между горъ и средь лѣсовъ,
Велѣдъ за бурями и льдами:
Богъ мой щитъ и мой покровъ.

* * *

Съ Ангары до устья моря
Вижу дикія страны;
Нѣтъ тамъ радости, нѣтъ горя —
Образъ вѣчной тишины.

* * *

Въ тундрахъ нѣтъ зеленой сѣни,
Нѣтъ тамъ ночи, нѣтъ зари,
Лишь являются, какъ тѣни,
По угесамъ дикари.

* * *

Дикари! скорѣй, толпою
Съ горныхъ скалъ—на Енисей,
Подружитесь со мною:
Я вашъ братъ—боюсь людей.

* * *

Но когда поможетъ Втора
Мяѣ поконтъ васъ, беречь,
Не боюсь лукавыхъ взоровъ:
Противъ злобы правда есть.

Эта пѣсня одна изъ любимѣйшихъ сибирскихъ пѣсенъ. Она сочинена первымъ, по времени, енисейскимъ губернаторомъ А. П. Степановымъ. (Енисейская губернія открыта въ 1822 г.)

Сообщ. изъ г. Красноярска М. А. Александровъ.

II.

Стихи, которые помѣщены выше, дѣйствительно, написаны моимъ отцомъ; они давно мнѣ извѣстны, даже въ переводѣ на французскій языкъ, сдѣланный однимъ французомъ путешественникомъ и напечатанный въ «Revue des Deux Mondes», въ началѣ 1860 годовъ. Вотъ нѣсколько къ этой пѣснѣ замѣтокъ.

«Втора»—духъ, религіозно чтимый дикарями манчелами. Выраженія: «клеветы, лукавство, боязнь людей», показываютъ настроеніе моего отца, вслѣдствіе бывшихъ на него доносовъ, отчасти по устройству въ Красноярскѣ масонской ложи, и потомъ относительно обращенія съ декабристами. Одинъ изъ возвратившихся въ Россію, симпатичный, въ высшей степени умный и образованный человекъ, баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгейль, скоро послѣ прибытія въ Петербургъ, навѣстилъ меня, чтобъ во мнѣ благодарить моего отца. П. Е. Анненковъ, которой въ высшей степени интересныя записки напечатаны въ «Русской Старинѣ», отзывается о моемъ отцѣ, какъ о человекѣ внимательномъ и благодушномъ.

Не смотря, однако, на непріятности, которыя терпѣлъ мой отецъ, онъ правилъ губернію девять лѣтъ. Его трудъ: «Статистическое описаніе Енисейской губерніи», книга весьма интересная не только въ научно-статистическомъ описаніи губерніи, но и какъ занимательный разговоръ о странѣ, въ то время почти неизвѣстной. Ссылки на нее находятся во всеобщей географіи Мальте-Брюна. Я нашелъ въ старыхъ бумагахъ печатный листокъ: «Прощаніе съ Енисеемъ А. П. Степанова 1832 года», вполне гармонирующій со стихами, которые выше напечатаны въ «Русской Старинѣ».

П. А. Степановъ.

Мая 1888 года.
г. Царское Село.

Замѣтки М. А. Веневитинова.

I.

Ө. В. Булгаринъ и «Полцейскія Вѣдомости».

Ө. В. Булгаринъ, въ своей Журнальной всякой всячинѣ (фельетонъ „Сѣверной пчелы“), нерѣдко писалъ громкія рекламы разнымъ ресторанамъ, магазинамъ, чуть не мелочнымъ лавочкамъ. Какія у него при этомъ были побудительныя причины—предоставляемъ каждому догадаться. Но вслѣдствіе одной подобной рекламы Булгаринъ получилъ очень остроумный и основательный урокъ отъ „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи“. Куріозъ этотъ относится къ 1846 году.

Въ номерѣ 110-мъ „Сѣверной Пчелы“ 1846 года, въ фельетонѣ подъ названіемъ Журнальная всякая всячина и подписанномъ извѣстными буквами Ө. В., читается слѣдующее:

„Издавались у насъ и теперь издаются Сонники и Оракулы, между которыми Зеркало великаго Альберта то же, что Иліада между поэмами. Теперь пріѣхалъ въ Петербургъ самъ великій Альбертъ, и притомъ русскій человекъ, Николай Спиридоновичъ Черняевъ, и открылъ контору на Лиговкѣ, между Знаменскимъ и Глазовскимъ мостами, въ домѣ купца Андреева. Въ этой конторѣ продаются печатныя листы, объясняющіе судьбу каждаго человека, или технически: гороскопы (ноговсорес), которыми вѣрили и великіе мудрецы, и герои въ то время, когда люди вѣрили въ астрологію. Вамъ стоитъ только сказать имя и день рожденія того лица (мужчины, женщины или ребенка), чей гороскопъ вы желаете имѣть, и г. Черняевъ дастъ вамъ листикъ, изъ котораго вы узнаете все для васъ пріятное, характеръ, счастливыя мѣсяцы, прибыльня для васъ занятія, и т. п. вмѣсто того, чтобы купить гадательную книгу и гадать по ней, вы можете гадать съ помощью великаго Альберта, г. Черняева, который, впрочемъ, не опечалитъ и не огорчитъ васъ ничѣмъ страшнымъ и прискорбнымъ“.

Въ 112 номерѣ „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи“ напечатано слѣдующее сообщеніе:

Отъ Полиціи.

„Въ 110 номерѣ „Сѣверной Пчелы“, въ Журнальной всякой всячинѣ, извѣщено объ открытіи купцомъ Черняевымъ въ Петербургѣ, на Лиговкѣ, между Знаменскимъ и Глазовскимъ мостами, въ домѣ Андреева, конторы для продажи гороскоповъ (предсказателей будущаго). Контора сія не была дозволена правительствомъ, а потому на основаніи Св. закон. XIV тома устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, 43 статьи, нынѣ закрыта

Полицей. Купецъ же Черняевъ подвергнуть законному взысканію, о чемъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе съ той цѣлью, чтобы люди легковѣрные, соблазненные заманчивымъ объявленіемъ, могли изъ опыта убѣдиться, какъ плохо эти гороскопы предсказываютъ будущее: если-бъ русскій „великій Альбертъ“ могъ впередъ знать, что съ нимъ случится, то, навѣрно, не открылъ бы своей конторы и не просилъ бы печатать похвальной статейки о гороскопѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“.

II.

По поводу объявленія А. И. Герцена.

Въ „Русской Старинѣ“ (1874 годъ, томъ IX, стр. 401) Т. П. Пассекъ сообщила юмористическое объявленіе А. И. Герцена объ „Истинной и послѣдней эмансипаціи рода человѣческаго отъ злѣйшихъ враговъ его“. Мнѣ довелось найти его напечатаннымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844 года (томъ 37, книга XI, смѣсь), съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, интересными только въ томъ случаѣ, если они были вызваны тогдашними цензурными условіями. Такъ, напримѣръ, упоминала объ обладахъ, наносимыхъ насѣкомыми, уничтожающими „ваше человѣческое достоинство“, текстъ 1844 года выпускаетъ фразу „не смотря на дворянскую грамоту, которую вы, вѣроятно, имѣете“. О смерти насѣкомыхъ отъ порошка текстъ госпожи Пассекъ говоритъ: «ils crèveront comme des hérétiques», текстъ же 1844 года «comme des critiques» (?). Въ этомъ же текстѣ опущенъ «благочестивый видъ», приписанный насѣкомому, сравненному съ квакеромъ. Въ концѣ журналъ «Москвитяинъ» не названъ по имени; сказано „только что вышедшій изъ типографіи номеръ журнала“. Впрочемъ, въ началѣ, это объявленіе названо московскимъ пухомъ, и сомнѣнія относительно журнала, кажется, быть не могло.

В—въ.

III.

Въ нѣкоторыхъ журналахъ сороковыхъ годовъ, между прочимъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844, 1845, 1846 годовъ, попадаются статьи, критическаго или полемическаго содержанія, въ заголовкѣ которыхъ, немедленно послѣ заглавія, такнственно значится въ скобкахъ и курсивомъ слово „Сообщено“. Одна изъ такихъ статей, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1846 года, томъ 46, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о чрезвычайномъ событіи въ литературномъ мірѣ“ заключаетъ въ себѣ очень вѣдкую рецензію на „Московскія Элегіи“ М. А. Дмитриева. Кто былъ авторъ этихъ статей, и имѣло ли тогдашнее „Сообщено“ нѣтъшнее значеніе?

Сообщ. 8 февраля 1877 г. М. А. Веневитиновъ.

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ

1838 ^{апрѣля}_{30-го} 1888.

Въ дополненіе къ сообщенію, помѣщенному нами въ пятой книгѣ „Русской Старины“ нвд. 1888 г. (томъ LVIII, стр. 529—530) о чествованіи славнаго поэта Майкова, приводимъ ниже текстъ адреса, къ нему обращеннаго въ тотъ знаменательный день отъ редакціи нашего журнала „Русская Старина“. При этомъ долгомъ считаемъ оговорить ошибку, допущенную въ помннутой замѣткѣ: въ ней сказано—будто, между прочими многочисленными адресами, былъ адресъ отъ „Императорской публичной библіотеки“—читай: отъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. — Достойно вниманія, что три университета С.-Петербургскій, Казанскій и Кіевскій — возвели А. Н. Майкова—ко дню его юбилея—въ свои почетные члены,—награда столь же высокая, сколько и вполне заслуженная нашимъ высокоталантливымъ поэтомъ.

Ред.

„Аполлонъ Николаевичъ! Привѣтствуя Васъ въ день полулѣтней годовщины поэтическо-литературной дѣятельности Вашей, „Русская Старина“ съ отраднымъ чувствомъ отмѣчаетъ то знаменательное явленіе, что въ Вашемъ творествѣ Вы съ особенною любовью останавливались на событіяхъ Отечественнорой Исторіи; съ силою истинной поэзіи воспроизвели Вы образы тѣхъ вождей Россіи, которые сковали ея славу и величіе; широко кистью талантливаго художника начертали Вы рядъ полныхъ жизни и правды картинъ минувшей жизни Русскаго народа.

Славный памятникъ XII вѣка „Слово о полку Игоревѣ“ вызвалъ съ Вашей стороны изслѣдованіе, въ которомъ Вы представили нѣсколько важныхъ разъясненій его значенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Вы, владѣя всею силою и прелестью русскаго стиха, переложили на современный языкъ — это сказаніе пѣвца, отдаленнаго отъ насъ на шесть столѣтій, при чемъ воспроизвели

всѣ неувомимые для другихъ отгѣнки творчества поэта XII-го вѣка....

Рано возлюбили Вы и міръ Славянскій! Вы одинъ изъ первыхъ, по времени и таланту, поэтовъ русскихъ, который, вслѣдъ за великимъ Пушкинымъ, избралъ этотъ міръ однимъ изъ предметовъ изученія и создалъ—на его родной намъ почвѣ—прекрасныя Былины....

Въ превосходныхъ стихотвореніяхъ, названныхъ Вами—Отзвѣвы Исторіи—гений Вашей поэзіи живописалъ Русь отъ XII-го до XVII-го вѣковъ въ ея наиболѣе видныхъ представителяхъ. Какъ живые встаютъ въ Вашихъ поэтическихъ, полныхъ правды, твореніяхъ—Владиміръ Мономахъ, — Александръ Невскій, — Дмитрій Донской, — Іоаннъ Грозный, — Ермакъ, — царица Софія и подымается во весь ростъ державный труженикъ, преобразователь Россіи—Петръ Великій.

Одухотворяя мощью своего таланта гѣни прошлаго, Вы, Аполлонъ Николаевичъ, дѣлили въ то же время радость и горе современниковъ и были достойнымъ выразителемъ нашихъ общихъ чувствъ къ великимъ дѣяніямъ Державнаго Труженика нашей эпохи, Освободителя Россіи!

Съ общеизвѣстными по всему нашему Отечеству — дивными произведеніями высокаго таланта, которыми Вы привѣтствовали 19-е февраля,—день освобожденія миллионъ русскаго народа, перейдетъ, всеконечно, къ отдаленнѣйшимъ его поколѣніямъ образъ Александра II въ стихахъ, Вами къ Нему не разъ обращенныхъ.... Да, вотъ—

.... Онъ, еще сжимая руку
Похолодѣвшую отца,—
Взглянулъ кругомъ—какую муку
Тутъ испыталъ Онъ.. безъ конца
Казались бѣды и напасти,
Но въ Бога и народъ Свой Онъ
Великой вѣрой укрѣпленъ,
Покорно принялъ бремя власти....
И двадцать пять минуло лѣтъ,
Надъ Русью новый свѣтитъ свѣтъ...

. . . . .
Мы сильны—лишь борясь съ ложью,
Въ дѣяньѣ чужа правду Божью,

Христа миротворящій духъ.
 И полозъ имъ Царь молвить слово:
 «Да разрѣшатся узы!»—вдругъ
 Спадаютъ узы. Молвить снова:
 «Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христвъ»....
 И Русь идетъ, и какъ вожатый
 Ей всей предносится Распятый,
 Нашъ искупившій на крествъ....

Съ жизненною правдою воспроизведя величавые образы дѣятелей исторіи Россіи отъ Владиміра Мономаха до Александра-Освободителя, Вы глубоко оцѣнили заслуги предъ Отечествомъ славнаго историка Государства Россійскаго. Въ стихотвореніи, къ памяти Карамзина обращенномъ, Вы говорите:

Во всемъ величій судьбъ своихъ, Россія
 Ему являлася изъ сумрака времянь....
 Тамъ изцѣленіе! тамъ правда! вѣрилъ онъ—
 И этой вѣры полнѣ, сошелъ во иракъ архивовъ—
 И тамъ, какъ въ сказочной странѣ чудесъ и дивовъ,
 Увидѣлъ образы князей бойцовъ лнхнхъ,
 Князей ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ—
 Тамъ умирающихъ въ пути среди бурановъ....
 Явились образы подвижниковъ святыхъ,
 Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитя,
 И образъ земснаго великаго царя,
 Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псаря,
 И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитя;
 И образъ цѣлаго народа, что пронесъ
 Сквозъ всяческихъ невзгодъ имъ созданное царство,
 И всѣмъ, всѣмъ жертвовалъ во имя государства,
 Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ....
 И эти образы, вмѣстивъ въ душѣ всецѣло,
 Онъ словно отлилъ ихъ изъ мѣди въ рѣчи смѣлой,
 И вдругъ свою скрижаль воздвигъ какъ Моисей—
 На поученіе народовъ и царей....

Поэтъ, который въ теченіе полувѣка посвящалъ Богомъ данный ему сильный талантъ, наукой и трудомъ непрестаннымъ развитый,—на служеніе тому народу, плоть отъ плоти, кость отъ кости котораго онъ составляетъ; поэтъ, который, дѣля радости и печали своихъ согражданъ, увѣковѣчилъ въ стихахъ, исполненныхъ художественной правды и красоты, образы подвижниковъ русской славы,—не могъ не стяжать всеобщаго уваженія и признательности своихъ согражданъ!

Къ многочисленнымъ выраженіямъ этихъ чувствъ присоеди-
няютъ свои, прямо отъ сердца, голоса —

— Составитель историческаго ежемѣсячнаго изданія „Рус-
ская Старина“ Михаилъ Семевскій,

— Старѣйшій сотрудникъ „Русской Старины“ профессоръ
Феодоръ Солдцевъ.

Аполлону Николаевичу

МАЙКОВУ.

1838 ^{апрѣля}_{30-го} 1888.

С.-Петербургъ.

Отъ редакціи историческаго журнала «Русская Старина».

Подлинникъ нашего адреса написанъ уставнымъ почеркомъ XV-го вѣка (уставцемъ) на столбцѣ въ два съ половиною аршина длины, на бумагѣ, цвѣтомъ и качествомъ напоминающими пергаментъ XIV или XV вѣковъ. Во всю длину столбецъ украшенъ превосходнымъ акварельнымъ съ золотомъ исполненнымъ орнаментомъ, воспроизведе-
ніе таковыхъ же художественныхъ украшеній XV или XVI вѣковъ; это—трудъ маститаго профессора археологической живописи д. ст. сов. Федора Григорьевича Солдцева. Достойно вниманія, что этотъ старѣйшій представитель Императорской Академіи Художествъ, — восьмидесяти восьми лѣтній старецъ, — выполнилъ эту весьма мелкую, дивной кисти, работу—въ семь дней; при этомъ отмѣтимъ, что Федоръ Григорьевичъ работаетъ еще безъ очков!

Ред.

Аполлону Николаевичу Майкову.

30-го апрѣля 1888 г.

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

* *
*

Ты—черпи вѣтренной въ улогу—
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ;
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

* *
*

Ты пѣлъ въ теченіи полѣвка,
Безсмертья лаврами увить,
Ту пѣснь, что душу человѣка
И возвышаетъ, и живить.

* *
*

О! еслибъ струны эти пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ дѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ.

Константинь.

Примѣчаніе. Этотъ привѣтъ знаменитому поэту въ день юбилея его полувѣковой поэтической-литературной дѣятельности—отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича былъ прочтанъ на торжествѣ юбилея графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ и съ именемъ Августѣйшаго автора помѣщенъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ въ описаніи сего праздника.

Ред.

Двадцать пятая годовщина отмены телесных наказаний

1863—1888.

Появлению этого великого акта Государя-Освободителя, как известно, весьма способствовало князь Н. А. Орловъ; но наибольшее сочувствие и поддержку этой, как и всемъ главнѣйшимъ реформамъ незабвеннаго преобразователя всего внутреннего строя Россіи — явилъ его ближайшій сподвижникъ генераль-адмиралъ Его И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ одной изъ записокъ, переданныхъ намъ покойнымъ А. В. Головинскимъ, видно, что въ органѣ генераль-адмирала „Морской Сборникъ“ горячо поддерживалась мысль объ отменѣ телесныхъ наказаній и, между прочимъ, было писано такъ:

„Жестокость въ телесныхъ истязаніяхъ не имѣетъ никакого вліянія на уменьшеніе преступности, а слѣдовательно и замѣна первыхъ менѣ жестокими не можетъ быть признана опасною для общественной нравственности и общаго спокойствія.

„Такъ, до 1866 г. наказаніе шпирутенами опредѣлялось прогнаніемъ съвозь строй чрезъ 200 челоз.; наименьшее число ударовъ назначалось 200 и возрастало постепенно до 3000. Въ 1866 году всемилостивѣйше повелѣно опредѣлять прогнаніе съвозь строй чрезъ 100 челозѣкъ, а наибольшая мѣра ограничена 1000 ударами.

„Такимъ образомъ, степень физической боли при наказаніи шпирутенами смягчена въ той мѣрѣ, что въ настоящее время опредѣляется за тяжкія только преступленія такое число ударовъ, которому подвергались прежде за маловажные проступки, а между тѣмъ, слѣдующія свидѣнія показываютъ, что отъ сего не увеличилась преступность въ морскомъ вѣдомствѣ.

	Пропорція къ общей числительности командъ.
Въ 1867 г. было подсудимыхъ	607 — 1: 106
„ 1868 „ „ „	577 — 1: 99
„ 1869 „ „ „	519 — 1: 106
„ 1860 „ „ „	487 — 1: 117

„То же явленіе замѣчается и повсемѣстно при изслѣдованіяхъ по уголовной статистикѣ. Укажу на разительный въ этомъ отношеніи примѣръ; въ британской арміи въ теченіе второй четверти нынѣшняго столѣтія телесное наказаніе съ 1000 ударовъ низведено, какъ максимумъ, до 50 ударовъ, и преступность въ войскѣ отъ этого не увеличилась, равнымъ образомъ не ослабла отъ сего и дисциплина“.

Ред.

Александръ Васильевичъ Головиннѣ.

Къ очерку его жизни въ „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., мартъ.

27-го мая 1888 года истекаетъ четверть вѣка со времени основанія покойнымъ А. В. Головиннымъ народнаго училища въ имѣніи его—селѣ Гулянки, Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда. Къ этому дню мы озаботились оттиснуть двѣсти экземпляровъ нашего очерка, заключающаго въ себѣ обзоръ дѣятельности и характеристику знаменитаго государственнаго дѣятеля и высоко нравственнаго человѣка, каковымъ былъ русскій патріотъ А. В. Головиннѣ.

П. И. Саломонъ, по нашей просьбѣ, сдѣлалъ въ очеркѣ нашемъ нѣсколько поправокъ, каковыя мы считаемъ полезнымъ помѣстить и на стр. „Русской Старины“.

Ред.

Головиннѣ воспитывался не въ Александровскомъ, а въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицей. Онъ перемѣщенъ въ лицей, конечно, съ согласія матери, но собственно по удостоенію гимназическаго начальства, на одну изъ тѣхъ штатныхъ вакансій, которыя предоставлялись воспитанникамъ I и II С.-Петербургскихъ гимназій, отличавшимся благопріеміемъ и прилежаніемъ (къ стр. 3 и 5).

Описаніе городовъ Финляндіи составлено Головиннымъ по порученію князя Меншикова, а не графа Перовскаго (къ стр. 6).

До поступленія (въ 1848 г.) на службу въ морское министерство, Головиннѣ путешествовалъ годъ по Россіи, для изученія ея тогдашняго положенія во всѣхъ отношеніяхъ (къ стр. 7).

Головиннѣ не отказывалъ въ подаяніи бѣднымъ, но въ особенности считалъ своею обязанностію помогать бывшимъ его крестьянамъ. (Истинные бѣдные, говаривалъ онъ, не въ столицѣ, а въ деревнѣ). Въ случаѣ пожара, падежа скота и т. п., немедленно высылался гулянскому бурмистру деньги для раздачи пострадавшимъ. Земли свои Головиннѣ отдавалъ въ наемъ крестьянамъ не столько для своей выгоды, сколько для удержанія ихъ отъ продолжительныхъ отлучекъ въ города, гдѣ ихъ заработки не вознаграждали ущерба въ здоровьѣ, нравственности, а часто и въ домашнемъ хозяйствѣ (къ стр. 19).

Петръ Саломонъ.

7-го мая 1888 г.

Памятникъ Адольфу Петровичу Берже

† 1886 г.

Милостивый государь, Михаилъ Ивановичъ. Задача почтить достойнымъ образомъ память Адольфа Петровича Берже исполнена. Въ цвѣтникѣ Кавказскаго музея поставленъ бронзовый бюстъ покойнаго на пьедесталѣ. Независимо того, и на могилѣ почившаго поставленъ второй памятникъ съ металлическою рѣшеткою. Освященіе памятника въ музеѣ, послѣ панихиды, совершено 9-го апрѣля 1888 года. Описаніе этого было напечатано въ газетѣ «Кавказъ» и другихъ мѣстныхъ органахъ 10-го апрѣля. Отчетъ о сооруженіи двухъ памятниковъ представленъ мною въ музей и хранится тамъ.

Дмитрій Кобяковъ.

Тифлисъ.

3-го мая 1888 г.

Василій Алексѣевичъ Полѣновъ

1796 г.

Трудъ А. Н. Неустроева: „Историческое розысканіе о русскихъ поврежденныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, вышедшее въ свѣтъ въ Спб. 1875 г. (въ 8. д., стр. 870), представляетъ превосходнѣйшую, единственную въ своемъ родѣ справочную книгу, вполне заслуженно увѣнчанную преміей отъ Имп. Академіи Наукъ. Помѣщаемъ здѣсь поправку одной ошибки, замѣченной въ этой книгѣ еще въ 1876 г. Ред.

Въ книгѣ А. Н. Неустроева: „Историческое розысканіе о русскихъ поврежденныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, Спб., 1875 г., я замѣтилъ довольно крупную ошибку, на которую и обращаю вниманіе уважаемаго библиографа, согласно его просьбѣ, выраженной въ предисловіи. Не смотря на замѣтку барона М. А. Корфа (Жизнь гр. Сперанскаго, т. I, стр. 34) и на поправку, помѣщенную въ Библиогр. Зап. 1861 г., № 20, А. Н. Неустроевъ, вмѣстѣ съ Д. О. Кобеко („Нѣсколько псевдонимовъ въ русской литературѣ“, XVIII в.—, Библиогр. Зап. 1861 г., № 4) возводитъ въ рядъ положительныхъ фактовъ неосновательныя предположенія Е. Колбасина и М. Н. Лонгинова о литературномъ участіи графа М. М. Сперанскаго въ журналѣ Мартынова: „Муза“ 1796 г.

Изъ словъ покойнаго барона М. А. Корфа, которому нѣтъ основанія не довѣрять, видно, что пьесы, помѣщенныя въ „Музѣ“ съ подписью Ъ, принадлежатъ не графу Сперанскому, а Василю Алексѣевичу Полѣнову.

В. Сантовъ.

Спб. 1876 г., января 14-го дня.

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КРАМСКОЙ.

Замѣтка къ очерку о немъ И. Е. Рѣпина.

(„Русская Старина“, изд. 1888 г., т. LVIII, май).

Цѣль этой замѣтки, не касаясь общихъ безспорныхъ достоинствъ весьма интереснаго очерка И. Е. Рѣпина, указать лишь на послѣднихъ страницахъ (451—457), въ порядкѣ ихъ изложенія, на нѣкоторыя невѣрно передаваемые данныя, касающіяся обстановки жизни и личности Крамскаго. Отъ возстановленія этихъ данныхъ въ надлежащемъ видѣ «Воспоминанія» только могутъ выиграть въ большемъ согласіи описываемаго съ дѣйствительностью.

Такъ, напримѣръ, г. Рѣпинъ, между прочимъ, описываетъ дачу Крамскаго на Сиверской (стр. 451) въ такихъ роскошныхъ краскахъ, что, вмѣсто просторной, прочно выстроенной и удобно расположенной маленькой собственности, которою покойный думалъ обезпечить свою дочь,—является какъ бы праздная затѣя черезъ-чуръ сытаго чело-вѣка. Между тѣмъ злополучная дача эта имѣла почти роковое значеніе въ жизни бѣднаго Крамскаго: въ нее онъ не только вложилъ послѣднія сколоченныя продолжительнымъ и тяжкимъ трудомъ сбереженія, но израсходовалъ на ея устройство и часть своего здоровья; съ нея начинается его неволя отъ долговъ, въ которые вогнала его неосновательно разсчитанная издержка и которые не дали ему возможности осуществить мечту и стремленіе цѣлой его жизни, окончить большую картину: «Радуйся, царь Иудейскій».

Не расточительность, а одна непрактичность сказалась тутъ.

Лишняго, ненужнаго, чего-либо на показъ не было въ этой дачѣ, какъ и во всей обстановкѣ, въ привычкахъ, дѣйствіяхъ, даже въ живописи, строгаго и всегда цѣльнаго до конца Крамскаго. Но все исполнено хорошо и вѣковѣчно, а это-то и стоитъ дорого.

Вотъ почему изъ этой прекрасной дачи, съ просторною мастерскою, онъ стремился въ городъ къ «генеральскимъ» портретамъ (стр. 452), а не потому, что онъ «охлаждѣлъ будто бы къ картинѣ, сдѣлавшись богатымъ чело-вѣкомъ». Богатымъ онъ никогда не былъ, да по своей натурѣ и быть не могъ. Богатство его заключалось въ нѣсколькихъ тысячахъ долга, да въ этой прекрасной дачѣ, одно содер-

жаніе которой, съ дворнякомъ, страхованіемъ и повинностями, вызывало расходъ слишкомъ въ 500 рублей въ годъ. «Генеральскіе-же» портреты, кстати сказать, далеко не прибыльные, едва давали возможность прилично жить съ семьею и воспитывать дѣтей (ихъ было тогда четверо, какъ и теперь). Портреты для галлерей г. Третьякова тоже шли всегда по дешевой цѣнѣ: за 500, за 300 рублей, даже большіе; такое превосходное произведеніе кисти Крамскаго, какъ портретъ Шишкина,—пришлось уступить за 800 рублей! Картины въ галерею отдавались всегда съ большою уступкою. Съ Крамскимъ торговаться не приходилось,—онъ уступалъ съ первыхъ же словъ. И этимъ пользовались. Упомянутое о пяти тысячныхъ портретахъ (стр. 453) не оправдывается дѣйствительностью. Извѣстенъ всего одинъ портретъ, г-жи Ж***, оплаченный четырьмя тысячами рублей. Портретъ-картина Рубинштейнъ во весь ростъ за роляемъ въ освѣщенной залѣ дворянскаго собранія, наполненной публикой, между которою множество портретовъ разныхъ музыкальныхъ извѣстностей, и тотъ взять г. Гинцбургомъ всего за три тысячи рублей. Только два портрета членовъ императорской фамиліи (въ ростъ) пошли по шести тысячъ рублей. На стр. 453 очерка говорится, будто «средства Крамскаго были въ двѣтущемъ видѣ», и въ доказательство тому авторъ приводитъ, что «Крамской взялъ къ себѣ осиротѣвшихъ племянника и племянницу и далъ имъ хорошее образованіе». Это доказываетъ гораздо больше высокую доброту покойнаго, чѣмъ большія денежныя средства. Первымъ кускомъ хлѣба онъ дѣлится съ нуждающимися сиротами и доставляетъ имъ возможность самимъ его зарабатывать.

Далѣе описывается убранство квартиры («лучшая мебель, дорогие портьеры, персидскіе ковры, античная бронза, великолѣпныя трюмо и ширмы») въ такихъ краскахъ, которыя совсѣмъ не соответствуютъ дѣйствительности. Убранство было приличное и мебель только порядочная; трюмо, ширмы, бронза—въ такомъ умѣренномъ размѣрѣ и обыкновенномъ видѣ, что ихъ замѣтить было трудно. «Кабинетъ напоминалъ г. Рѣнину кабинетъ государственнаго чело-вѣка, мецената или банкира». Мнѣ же, да и не мнѣ одному, конечно, онъ напоминалъ просто кабинетъ порядочнаго чело-вѣка, гдѣ можно было присѣсть покойно и не видѣть отсутствіе необходимой обстановки. Но, можетъ быть, г. Рѣнинъ и правъ: есть, пожалуй, государственные люди, банкиры и проч., довольствующиеся такими-же скромными кабинетами. Вотъ увѣреніе, будто «мастерская могла конкурировать не только съ самою кокетливою, аристократическою гостинною», но и просто съ гостинною, уже положительно должно быть отвергнуто. Кокетливаго-то въ ней ничего и не было; все было строго,

удобно и незатѣйливо изящно: обыкновенные мягкіе, низкіе диваны (отоманки), покрытые кавказскими шерстяными матеріями, занавѣски изъ кавказскихъ же бумажныхъ съ шерстью тканей, большой, но потертый отъ употребленія коверъ, нѣсколько хорошаго рисунка старинныхъ кресель и стульевъ и темнаго дуба шкафъ (купленные по случаю)... Но все это было въ согласіи съ размѣрами мастерской и обиліемъ работъ, ее наполнявшихъ. Мѣриломъ стоимости дивановъ, занавѣсокъ, ковровъ и проч., «конкурировавшихъ съ самою аристократическою гостиной», можетъ служить цѣна въ 960 р., за которую они приобрѣтены послѣ смерти Крамскаго художникомъ Литовченко.

Крамской самъ, по словамъ г. Рѣпина, «до того измѣнился, что теперь его бы вы не узнали. На видъ ему можно было дать 70 лѣтъ, а ему не было еще и 50».

Мой портретъ онъ писалъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти въ самую пору наибольшихъ страданій физическихъ, и то я ни разу не видѣлъ его похожимъ на семидесятилѣтняго старика. Обыкновенно молодой духомъ и, въ рѣдкіе промежутки, свободные отъ страданій тѣломъ, онъ, не взирая на густую сѣдину, никогда не казался старѣе своихъ лѣтъ, даже въ минуты сильнѣйшихъ приступовъ невообразимаго кашля. «Приземистымъ отъ плотности» (?) онъ тоже не былъ, а скорѣе худымъ и только коренастымъ, по самому сложению, отъ природы чрезвычайно крѣпкому, которымъ С. П. Вотикинъ и могъ только объяснить себѣ, почему человекъ, давно приговоренный наукою къ смерти, продолжалъ жить и работать еще цѣлые годы.

«Усвоилъ ли себѣ Крамской взгляды высокопоставленныхъ лицъ съ ихъ внѣшними манерами» и «боялся ли онъ быть не *comme il faut*», какъ это извѣстно г. Рѣпину,—я не знаю; знаю одно, что съ Крамскимъ было бы лестно сравняться и во взглядахъ, и во внѣшности любому изъ высокопоставленныхъ лицъ. Онъ былъ гораздо болѣе, чѣмъ *comme il faut*, онъ былъ человекъ вполне порядочный и по внѣшности, и по внутреннему содержанию. Порядочность и благородство, не смотря на его происхожденіе, были у него въ самой натурѣ, благородной и изящно-порядочной до послѣдней мелочи.

«Насколько охладѣла въ это время художественная молодежь къ Крамскому», какъ свидѣтельствуетъ авторъ очерка, можно позволить разсудить по тому обстоятельству, что она пронесла гробъ великаго мастера на своихъ рукахъ, по собственному побужденію, черезъ весь Васильевскій островъ до кладбища.

Точно-ли смертельно-больной Крамской падалъ въ собраніяхъ товарищества передвижниковъ «осторожно, боясь разбиться (?),

на богатую отоманку», мнѣ неизвѣстно,—я въ этихъ собраніяхъ не присутствовалъ. Могу поручиться за одно, что послѣ этихъ собраній онъ лежалъ сутки и болѣе, совершенно разбитый физически и нравственно; что крупная неприятность послѣдняго лѣта его жизни съ товариществомъ усугубила его болѣзнь и ускорила смерть, отнявши возможность работать надъ картиной въ теченіи этихъ самыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ... Онъ даже «задумалъ было выходить изъ товарищества» (стр. 456). Однако-же, онъ не вышелъ. А составителю очерка близко извѣстно, что едва Крамской закрылъ глаза, какъ одинъ изъ талаятливейшихъ членовъ задумалъ выйти и вышелъ изъ товарищества—и не «подъ влияніемъ болѣзненной раздражительности», которою авторъ «Воспоминаній» объясняетъ намѣреніе Крамскаго, но пользующійся полнымъ здоровьемъ и спокойствіемъ духа. Распаденія товарищества онъ опасался и спѣшилъ воспользоваться оставшеюся еще силою послѣдняго, чтобы на почетныхъ условіяхъ закрѣпить его влияніе на направленіе искусства въ академіи. Это было вовсе не потому, что онъ «не нуждался въ деньгахъ» отъ сборовъ съ передвижныхъ выставокъ,—въ деньгахъ онъ до такой степени нуждался, что буквально продавалъ себя (письмо къ г. Третьякову отъ 12-го января 1883 года): «Я себя продаю—кто купить?» Позже онъ обращался съ тѣмъ-же предложеніемъ къ другому богатому человѣку. Онъ цѣною самого себя покупалъ хоть годъ времени полной свободы отъ портретовъ для окончанія завѣтной картины! Такъ-то онъ «охладѣлъ къ ней» (выраженіе автора очерка). Но не въ привычкахъ покупателей по сходнымъ цѣнамъ готоваго товара выдавать деньги на поддержку производителей: сперва представь товаръ, тогда и деньги получишь!

Художественная работа, до того близкая къ окончанію, съ такою полнотою выражающая и мысль, и всѣ намѣренія художника, производящая такое неотразимое впечатлѣніе, что тотъ-же г. Рѣпинъ, обобравъ ее еще въ Сиверской мастерской, выразился о видѣнномъ: «это гениально!»—такая работа, отложенная въ сторону изъ благородной рѣшимости честнаго человѣка прежде всего уплатить долги, и прерванная смертью, какъ только онъ ихъ, наконецъ, уплатилъ: какая страшная трагедія въ исторіи искусства! Не сытость разбогатѣвшаго человѣка, а честность гражданина и отца семейства вопіеть въ этой скорбной страницѣ высокой жизни, такъ рано пресѣченной для высокихъ дѣлъ и примѣровъ...

П. М. Козадевоиій.

Май 1888 г.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣка. В. И. Семевского, Спб., въ 8 д. Томъ I-й. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Стр. LIII + 520. Цѣна 3 руб. Томъ II-й. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Николая. Стр. 627. Цѣна 3 руб.

Читатели журналовъ «Отечественныя Записки», «Русская Мысль» и «Русская Старина», въ теченіи послѣдняго десятилѣтія (съ 1879 года), встрѣчали нерѣдко на страницахъ этихъ изданій монографіи В. И. Семевского, посвященныя разработкѣ исторіи крестьянскаго вопроса въ нашемъ отечествѣ.

То были отдѣльные очерки изъ нынѣ явившагося въ свѣтъ труда нашего ученаго, труда многолѣтняго, усидчиваго, составляющаго плодъ тщательныхъ изысканій въ архивахъ и книгохранилищахъ и являющагося результатомъ полного знакомства со всею литературою имъ изученнаго вопроса. Упомянутыя монографіи введены въ различныя главы исторіи «Крестьянскаго вопроса», при чемъ тщательно пересмотрѣны, заново отдѣланы и во многомъ дополнены авторомъ.

Основанія и выводы этого труда изложены въ обширномъ и весьма обстоятельномъ къ нему «Введеніи», съ которымъ читатели «Русской Старины» ознакомились уже въ перепечаткѣ онаго въ майской книгѣ нашего изданія. Затѣмъ первый томъ исторіи крестьянскаго вопроса состоитъ изъ двадцати семи главъ; за сжатымъ обзоромъ мыслей мечтаній и мнѣній по вопросу объ освобожденіи крестьянъ передовыхъ русскихъ людей конца XVII и первой половины XVIII вѣковъ, каковы были: кн. В. В. Голицынъ, Посошковъ, Татищевъ, Кантемиръ, равно послѣ обзора мѣръ Петра Великаго, до крестьянъ относящихся, историкъ переходитъ къ Екатеринѣ II. «Либеральнымъ мечтамъ», равно взглядамъ на крестьянскій вопросъ въ Россіи и проектамъ людей ея времени, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, а также трудамъ Вольнаго Экономическаго Общества, различныхъ комиссій и пр., и пр. авторъ посвящаетъ тринадцать главъ. Мы нашли особенно интересными главы: «Вопросъ о прикрѣпленіи къ землѣ малороссійскихъ посполитыхъ крестьянъ» (гл. X). «Значеніе Пугачевщины въ исторіи крестьянскаго вопроса» (гл. XII). «Крестьянскій вопросъ въ литературѣ (Екатерининской эпохи). Мнѣнія о немъ Болтина и академика Миллера.—Радищевъ» (Гл. XIII)... Но мы положительно затрудняемся отмѣтить, что именно болѣе интересно въ этомъ

трудѣ, такъ какъ оба тома прочитаны нами съ живѣйшимъ любопытствомъ... Должно при этомъ сказать, что если по отношенію къ первому тому были матеріалы въ печати, многое же розыскано и извлечено нашимъ историкомъ изъ архивовъ, то второй томъ, весь посвященный разработкѣ «Крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Николая», потребовалъ особенно обширныхъ изысканій во многихъ архивахъ правительственныхъ и въ собраніяхъ рукописей частныхъ лицъ.

Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи разработана, такимъ образомъ, многолѣтнимъ трудомъ и энергіею одного ученаго, трудившагося по собственному почину и самому живому интересу, каковой непрестанно возбуждала въ немъ избранная имъ задача, и историкъ былъ столь счастливъ, что довелъ свой трудъ до незабвенныхъ дней Александра II, до эпохи великаго труда, поднятаго Верховнымъ Вождемъ Россіи и его сподвижниками, Я. И. Ростовцевымъ, вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, Н. А. Милутинымъ и другими труженниками по освобожденію крестьянъ, имена которыхъ сохранятся въ благодарной памяти русскаго народа.

Ученый критикъ разсмотритъ и вполне оцѣнитъ обширное изслѣдованіе В. И. Семевскаго и отведетъ ему, какъ можно надѣяться, почетное мѣсто въ ряду историческихъ трудовъ, посвященныхъ наиболѣе важнымъ, наиболѣе жизненнымъ явленіямъ и дѣятелямъ въ исторіи минувшихъ судебъ русскаго народа. Въ настоящее время мы отмѣчаемъ лишь весьма отрадный фактъ появленія, наконецъ, этого труда, потребовавшаго на его созданіе до десяти лѣтъ непрерывныхъ занятій. Авторъ задумалъ этотъ трудъ еще юношей... Мы были свидѣтелями, какъ живо интересовался онъ еще въ 1871—1872 гг. сказаніями путешественниковъ по Россіи въ вѣкъ Екатерины II, литературою ея времени во всемъ, что относилось до быта русскаго народа вообще и сельскаго населенія нашего отечества въ особенности. Молодымъ человѣкомъ приступилъ къ тщательно обдуманному своему труду историкъ «Крестьянскаго вопроса въ Россіи», и вотъ уже въ званіи магистра старѣйшаго русскаго университета онъ вноситъ свой обширный трудъ въ литературу отечественной исторіи.

Пожелаемъ-же, дабы «Крестьянскій вопросъ», въ послѣднемъ его и самомъ главномъ періодѣ, именно въ эпоху Царя-Освободителя, нашелъ себѣ историка, стоящаго на высотѣ той серьезной, той чрезвычайной важной задачи, каковая должна быть сопряжена съ продолженіемъ отличнаго труда историка «Крестьянскаго вопроса въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка».

Для ознакомленія читателей «Русской Старины» съ содержаніемъ изслѣдованія В. И. Семевскаго, считаемъ полезнымъ привести вслѣдъ за симъ полностью оглавленіе обонхъ его томовъ.

Ред.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка

В. И. Семевского.

Оглавленіе перваго тома.

(Стр. LIII + 517). Спб. 1888 г.

Введеніе.—Глава I. Мечты кн. В. В. Голицына объ освобожденіи крестьянъ.—Мѣры Петра В. для ограниченія вѣрностнаго права.—Мнѣнія Посожкова.—Взглядъ Татищева на вѣрностное право.—Кантемиръ.—Мѣры правительства по смерти Петра В.—Либеральныя мечты Екатерины II.

Глава II. Екатерина II обращаетъ вниманіе на крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи.—Статья пастора Эйзена.—Постановленія лифляндскаго ландтага относительно крестьянъ.

Глава III. Записка П. И. Панина по крестьянскому вопросу.—Переписка кн. Голицыныхъ.—Проектъ И. П. Елагина.—Пасторъ Эйзенъ въ мнѣніи Григ. Орлова.

Глава IV. Отношеніе къ крестьянскому вопросу «Наказа» имп. Екатерины.—Мѣста «Наказа», не пропущенныя придворной цензурой.—Возраженія Сумарокова.

Глава V. Основаніе вольнаго экономическаго общества.—Объявленная имъ задача по крестьянскому вопросу.—Отвѣты на нее и присужденіе преміи.—Рѣшеніе вопроса о томъ, печатать ли переводъ сочиненія Беарде-Лабея.

Глава VI. Труды Беарде-де-Лабея, Вольтера, Мармонтеля, Граслена и другія, одобренныя вольнымъ экономическимъ обществомъ, французскія сочиненія.—Сочиненія Вельнера, Мека и прочіе нѣмецкіе отвѣты.—Трудъ Полянова въ двухъ его редакціяхъ.—Другіе русскіе отвѣты.—Статьи въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества».

Глава VII. Крестьянскій вопросъ въ комиссіи для сочиненія новаго уложенія.—Депутаты всѣхъ сословій, кромѣ черносошныхъ крестьянъ, требуютъ разрѣшенія владѣть вѣрностными.—Предложенія объ ограниченіи помѣщичьей власти.—Мнѣнія Коробьяна и вызванныя имъ пренія: доводы за и противъ измѣненія быта крестьянъ.—Какіи мѣры въ пользу вѣрностныхъ считали необходимыми депутаты либеральной партіи.—Пренія по поводу проекта правъ благородныхъ.

Глава VIII. Дѣятельность по крестьянскому вопросу частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей.—Проектъ барона Вольфа; мысли о крестьянахъ Гадебуса; проекты барона Унгерна Штернберга и Радванскаго.—Проектъ правъ третьяго рода людей, составленный частною комиссіею.—Постановленіе относительно вѣрностныхъ въ проектѣ правъ средняго рода людей и въ проектѣ по гражданскому праву.—Проектъ опредѣленія повинностей вѣрностныхъ крестьянъ, составленный депутатомъ Титовымъ.

Глава IX. Вопросъ о прикрѣпленіи къ землѣ малороссійскихъ поселянскихъ крестьянъ.

Глава X. Окончательное выяснение взглядов кн. Д. А. Голицына на крестьянский вопрос.—Онъ жаждетъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.—Условія, которыя онъ ставитъ для произведенія реформы въ своемъ мнѣнн.—Предложеніе кн. Гагарина о разрѣшенн крѣпостнымъ выкупаться на свободу.—Сочувствіе этой мѣрѣ со стороны кн. Д. А. Голицына.—Мнѣнія кн. Е. Р. Дашковой и друг.—Значеніе вліянія Запада въ исторіи крестьянскаго вопроса

Глава XI. Значеніе Пугачевщины въ исторіи крестьянскаго вопроса.—Предложенія Сиверса.—Проектъ неизвѣстнаго автора (1778—80 гг.).—Соглашеніе ораніенбаумскихъ и ябургскихъ дворянъ объ опредѣленн крестьянскихъ повинностей.—„Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ“ (1785 г.).

Глава XII. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ.—Мнѣнія о немъ Болтина и академика Миллера.—Радищевъ.

Глава XIII. Сдѣлала ли что-нибудь императрица Екатерина для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Глава XIV. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Павла.

Глава XV. Императоръ Александръ I.—Вліяніе Лагарпа.—Вопросъ о запрещенн продажи крестьянъ безъ земли въ государственномъ совѣтѣ въ 1801 и 1802 гг.—Крестьянскій вопросъ въ неофициальномъ комитетѣ.

Глава XVI. Учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Глава XVII. Пиннъ и его книга „Опытъ о просвѣщенн“. — Брошюра Фрейтага.—Диссертация Кайсарова.—Книга Унгерна-Штернберга.—Мѣры правительства въ Лифляндіи.—Сочиненіе Стройновскаго и вызванныя имъ рукописныя возраженія.—Посмертное сочиненіе Радищева.

Глава XVIII. Крестьянскій вопросъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ въ 1803—1814 гг.—Статья Джунковскаго.—Задача на 1804 г. о причинахъ дороговизны на хлѣбъ.—Вопросъ объ оброчной и барщинной системѣ.—Профессоръ Якобъ и его указанія на необходимость смагченія крѣпостнаго права.—Задача 1812 г. о сравнительной выгодности крѣпостнаго и свободнаго труда.—Сочиненія Меркеля, Якоба и Комарова.—Неизданныя мнѣнія за и противъ крѣпостнаго труда.—Неизданныя мнѣнія на тему объ отдѣленн фабричныхъ работниковъ отъ земледѣльцевъ.

Глава IX. Взгляды Сперанскаго на крестьянскій вопросъ.

Глава XX. Взгляды на крестьянскій вопросъ Карамзина, Шамшова, масоновъ Лопузина и Повдѣва, Каразина и неизвѣстнаго украинскаго помѣщика.

Глава XXI. Крестьянскій вопросъ въ научныхъ сочиненіяхъ: курсъ политической экономіи Шторха; взгляды проф. Шада, Грибовскаго, проф. Арсеньева; книга Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ“.

Глава XXII. Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ въ царствованіе императора Александра I.

Глава XXIII. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ: Батюшковъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Грибоѣдовъ, Нарѣжный и Державинъ.

Глава XXIV. Проекты В. Малиновскаго, гр. Стенбока, Берга, Киселева.—Попытка дворянъ Петербургской губерніи.—Проекты Аракчеева, А. Малиновскаго, Мордвинова, Кавкрина, Н. Тургенева.—Попытка устроить общество съ цѣлью освобожденія крестьянъ; отношеніе къ этому дѣлу Каразина.—Проекты Якушкина и динабургскаго дворянства.

Глава XXV. Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ государственномъ совѣтѣ въ 1820 г.

Глава XXVI. Что сдѣлано было въ царствованіе императора Александра I для ограниченія крѣпостнаго права.

Глава XXVII. Отношеніе декабристовъ къ крестьянскому вопросу.

Приложеніе.

Оглавленіе втораго тома.

(Стр. 625).

Глава I. Комитетъ 6 декабря 1826 г. и его проекты ограниченія крѣпостнаго права.—Подготовленіе гр. Киселева къ дѣятельности по крестьянскому вопросу.—Комитетъ 1835 года.

Глава II. Дѣятельность комитета 1839—1842 гг.—Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

Глава III. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ.—Толки и волненія среди крѣпостныхъ крестьянъ.—Мнѣнія, вызванныя новымъ закономъ въ обществѣ.—Отношеніе къ нему журналистики.—Невзданныя записки по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ (неизвѣстнаго помѣщика, Левшина, Фонъ - Визина).—Обращеніе крестьянъ Муринской волости гр. Воронцова въ обязанные.—Проектъ кн. Трубецкаго.—Договоръ съ крестьянами кн. Гагарина.—Обращеніе въ обязанные крестьянъ кн. Витгенштейна и гр. Потоцкихъ.—Замѣчанія современниковъ относительно указа 2 апрѣля 1842 года.

Глава IV. Комитеты 1840 и 1844 гг. о дворовыхъ людяхъ.

Глава V. Записки Перовскаго и кн. Васильякова 1845 г.; секретный комитетъ 1846 г.—Дѣло крестьянъ гр. Самойловой; законъ 1848 г. о приобрѣтеніи крѣпостными недвижимою собственности.—Комитетъ 1847 г. и дозволеніе крестьянамъ выкупаться при продажѣ имѣній съ публичнаго торга.

Глава VI. Императоръ Николай взываетъ къ содѣйствію смоленскихъ дворянъ въ дѣлѣ обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные.—Проекты смоленскихъ дворянъ.—Записки губернскаго предводителя дворянства кн. Друцкаго-Соколинскаго и представленія его государю.—Предложеніе А. И. Кошелева объ учрежденіи комитета по крестьянскому дѣлу въ рязанской губерніи.

Глава VII. Отношеніе общества къ закону о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга.—Секретный комитетъ 1848 г.—Рѣчь государя депутатамъ петербургскаго дворянства.—Записка Норова и новый секретный комитетъ.—Записка неизвѣстнаго автора.—Волненіе крестьянъ.—Отзывы управляющихъ казенными палатами о послѣдствіяхъ закона 8 ноября 1847 г.—Обсужденіе этого дѣла въ секретномъ комитетѣ и отиѣна закона 1847 г.

Глава VIII. Увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы.—Условія увольненія.—Договоры съ крестьянами гр. Орловой-Чесменской, гр. П. Д. Бутурлина и Ник. Ш. Огарева.—Переименованіе свободныхъ

хлѣбопашцевъ.—Взглядъ А. П. Кошелева на значеніе закона 1803 г.—Проекты тульскихъ дворянъ 1844 и 1847 гг.

Глава IX. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ: Пушкинъ, кн. Вяземскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Даль, гр. Соллогубъ, Григоровичъ и Тургеневъ.

Глава X. Отношеніе къ крестьянскому вопросу Бѣлинскаго, Станкевича, Огарева, Герцена и Некрасова.

Глава XI. А. П. Заблоцкій-Десятовскій, его записка 1841 г. и статья „Причины колебанія цѣны на хлѣбъ въ Россіи“.—Другія журнальныя статьи по крестьянскому вопросу.—Цензурныя препятствія.—Отношеніе къ крѣпостному праву профессоровъ Мейера и Кавелина.—Книга Н. П. Тургенева.—Замѣчанія на нее декабриста Н. А. Бестужева.—Неизданныя записки по крестьянскому вопросу М. А. Фонъ-Визина.

Глава XII. Крестьянскій вопросъ въ кружкѣ М. В. Буташевича-Петрашевскаго.

Глава XIII. Отношеніе славянофиловъ къ крестьянскому вопросу: Хомякова, И. В. и П. В. Кирѣевскихъ, Кошелева, Ю. Ф. Самарина, К. С. и П. С. Аксаковыхъ.—Кн. В. А. Черкасскій.

Глава XIV. Путешествіе барона Гакстгаузена и его сочиненіе о Россіи.

Глава XV. Проекты уничтоженія крѣпостнаго права и отношеніе общества къ крестьянскому вопросу.

Глава XVI. Крестьянское дѣло въ западной Россіи.—Дѣятельность Д. Г. Бибикова въ юго-западномъ краѣ и инвентарныя правила 1847 и 1848 гг.—Вопросъ объ обязательныхъ инвентаряхъ въ сѣверо-западной Россіи.

Глава XVII. Крестьянскій вопросъ въ малороссійской литературѣ.

Глава XVIII. Что сдѣлано было въ царствованіе Императора Николая для ограниченія крѣпостнаго права.

Глава XIX. Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе Императора Николая.—Жалобы на помѣщиковъ и вызываемыя ими разслѣдованія.—Побѣги крѣпостныхъ.—Поджоги.—Насилія надъ помѣщиками.—Покушенія на жизнь и убійства помѣщиковъ и управляющихъ.—Волненія крѣпостныхъ крестьянъ.

Глава XX. Сьободное русское слово о крестьянскомъ вопросѣ.—Другія вліянія, подготовившія паденіе крѣпостнаго права.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1888 г.

девятнадцатый годъ изданія.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стр.
I. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, пер- ваго по времени морскаго министра. Сообщ. Л. М. Чичаговъ.	535—561
II. Разказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожден- ной Гельдъ. (Окончаніе) .	1—30; 367—382
III. Леонидъ Львовичъ Леонидовъ: воспоминанія его за полсотню лѣтъ назадъ, 1835—1843	217—242
IV. Императоръ Александръ Николаевичъ на звѣринныхъ охотахъ (съ 1849 по 1876 г.). Очерки охотнива-оче- видца. Сообщ. А. И. Михайловъ	103—124
V. Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Очерки и замѣтки князя В. Д. Дабижа. (Окончаніе).	481—504; 631—690
VI. Въ странахъ средней Азій. Путевыя впечатлѣнія Ген- риха Мозера, 1882—1883 гг. (Окончаніе). Извл. и перев. В. В. Тимошукъ	383—404
VII. Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина. Иванъ Ни- колаевичъ Крамской. Памяти учителя.	405—458
Замѣтка по поводу Воспом. объ И. Н. Крамскомъ. Сообщ. П. М. Ковалевскій.	711

Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка, рассказы, матеріалы,
замѣтки.

СТР.

- I. Симеонъ Бекбулатовичъ, царь Касимовскій, въ Соловецкомъ монастырѣ. (См. «Русск. Стар.», изд. 1887 г., т. LVI, ноябрь, статью М. А. Колчина: «Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря»).
Сообщ. Н. И. Шишкинъ и Н. Левитскій 587—590
- II. Секретарь Бѣлоградской провинці Пархомовъ, въ 1722—1726 гг. (См. «Русск. Стар.», изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, статью М. А. Колчина: «Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря»).
Сообщ. А. Труворовъ 591—592
- III. Князь Автюхъ Дмитриевичъ Кантемиръ въ 1724 г. Челобитная императору Петру Великому. Сообщ. А. Труворовъ 596
- IV. Историческія замѣтки В. С. Иконникова: 1) Ссылные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ (См. «Русск. Стар.», изд. 1887 г., т. LVI, ноябрь).—2) Банкиръ Сутерландъ (См. «Русск. Стар.», изд. 1888 г., т. LVII, мартъ, стр. 791).—3) Монсей Гумилевскій (См. «Русск. Стар.», т. LVII, мартъ, стр. 799—800). 603—605
- V. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства 1800 г. 593—600
- VI. Петербургскіе оберъ-полціеймейстеры при императорѣ Павлѣ I, 1796—1801 гг. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 601—602
- VII. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Очеркъ магистра русской исторіи В. И. Семеваго. 293—340
- VIII. Яковъ Петровичъ Кульневъ 20-го и 21-го іюля 1812 г. Сообщ. К. К. Детловъ 607—610
- IX. Партизанъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ, послѣдняя боевая его схватка съ французами въ 1813 году. Сообщ. Екатерина Депрейсъ. 611—614

- X. Принцъ Вильгельмъ, впоследствии императоръ германскій, въ Россіи, въ 1817 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 563—582
- XI. Вильгельмъ I, императоръ германскій, въ бытность его принцемъ прусскимъ въ 1821—1833 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ 187—201
- XII. Выборъ въ палачи 1836 г. Сообщ. Л. Н. Трефолевъ. 627—630
- XIII. Русско-венгерская война 1849 г. Сообщ. И. И. Ореусъ. 583—595
- XIV. Изъ времянь крѣпостнаго права. Бунтъ крестьянъ въ деревнѣ Снохиной, Рязанской губерніи, въ 1850—1851 гг. Сообщ. О—въ. 619—623
- XV. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. Біографическій очеркъ. Состав. И. И. Ореусъ. 143—162
- XVI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ. Замѣтка къ началу его біографіи, 1847 г. Сообщ. И. И. Ореусъ. 624—626
- XVII. Замѣтки М. А. Веневитинова: 1) Ѳ. В. Булгаринъ и «Полицейскія Вѣдомости».—2) По поводу объявленія А. И. Герцена.—3) Рецензія на «Московскія Элегіи» М. А. Дмитриева. 701—702
- XVIII. Семейство Вельгорскихъ (См. «Русск. Стар.», изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, статью В. И. Шенрока: А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь). Сообщ. М. А. Веневитиновъ. 691—696
- XIX. Двадцать пятая годовщина отиѣны тѣлесныхъ наказаній, 1863—1888 гг. Замѣтка Ред. 708
- XX. Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Род. 1835 г., † 1887 г. (Окончаніе). 73—102
- XXI. Къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи, 1856—1858 гг. Замѣтки по поводу біографіи И. Т. Осинина. Сообщ. А. Чумиковъ 277—280; 523—528
- XXII. Александръ Васильевичъ Головинъ, къ очерку его жизни въ «Русск. Стар.» 1887 г., мартъ. Сообщилъ П. Саломонъ 709

- XXIII. Памятникъ Адольфу Петровичу Берже, † 1887 г. Сообщ.
Д. Кобяковъ. 710
- XXIV. День 81 годовщины основанія Дворянскаго полка 14-го
марта 1807—1888 гг. Сообщ. М. Б. 273—276
- XXV. Россія и Англія на дальнемъ востокѣ. Историческая
справка ко дню открытія Каспійско-Самаркандской
жел. дор. 15-го мая 1888 г. Сообщ. Л. Н. Соболевъ. 505—522
- XXVI. По поводу девятисотлѣтія крещенія Руси. Письмо къ
редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому
Д. И. Иловайскаго 203—204
- XXVII. Императрица Марія Ѳеодоровна, † въ 1828 г. О достав-
леніи матеріаловъ къ исторіи ея жизни и дѣятельности.
Письмо къ М. И. Семевскому Н. А. Баженова. 205—206
-
- XXVIII. Опечатки, поправки и замѣтки 292 и 620
-

Исторія русской литературы.

1. Василій Трофимовичъ Нарѣжнѣй, род. въ 1780 г.,
† въ июнѣ 1825 г. Историко-біографич. изслѣдованіе.
Состав. Н. А. Бѣлозерская 341—366
- II. Василій Алексѣевичъ Полѣновъ, 1796 г. Сообщ.
В. Сантовъ 710
- III. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
Пятигорскъ какъ мѣсто его жизни и дуэли. Изъ пу-
тевыхъ замѣтокъ. Сообщ. Е. С. Некрасова. 459—480
- IV. Дмитрій Максимовичъ Княжевничъ, основатель и
первый президентъ одесскаго общества исторіи и древ-
ностей, род. 25-го апрѣля 1788 г., † 1-го октября
1844 г. 125—142
- V. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Біографическій
очеркъ и письма къ Гоголю Смирновой, 1844—1851 гг.
Сообщ. В. И. Шенрокъ 31—72; 597—610

- VI. Николай Васильевич Гоголь, 1841 г. Сообщ.
Е. С. Некрасова. 581—584
- VII. Николай Васильевич Гоголь въ неизданныхъ
отрывкахъ его писемъ къ П. А. Плетневу, 1846—1848 гг.
Сообщ. В. И. Шенрокъ 611—620
- VIII. Софья Марковна Макарова, род. 6-го января
1834 г., † 10-го августа 1887 г. Очеркъ ея жизни и
литературно-педагогической дѣятельности. Состав. Д. Д.
Семеновъ. 169—186
- IX. Николай Ивановичъ Костомаровъ. Къ третьей го-
довщинѣ дня его кончины, 1885 (6-го апрѣля) 1888 гг.
Сообщ. А. Ѳ. Селивановъ. 163—168
- X. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, род. 23-го мая
1821 года.
- 1) Къ полувѣковому юбилею его литературно-поэти-
ческой дѣятельности, 1838—1888 гг. Зам. Ред.
281—291; 529—530; 703—707
  - 2) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ въ 1836—1839 гг.
Рукописный альманахъ 1839 г. Зам. Ред. . 531—534
- XI. К. К. Ром...въ. Стихотворенія его 1883 г. 606
- XII. П. А. Кусковъ. Стихотворенія его: 1) Лѣсъ. 2) Кавказъ.
Мои дары 202, 562
- XIII. Александръ Степановъ: 1) Пѣсня, сочиненная пер-
вымъ енисейскимъ губернаторомъ А. П. Степановымъ.
Сообщ. М. А. Александровъ.—2) Биографическая за-
мѣтка объ А. Степановѣ. Сообщ. П. А. Степановъ. 699—700
-
- XIV Персія и Турція подъ обороною гр. Нессельроде и цен-
зуры въ 1827—1828 гг. 615—618
-

Исторія искусствъ.

- I. Карлъ Павловичъ Брюловъ 1824 г. Сообщ. проф.
П. А. Висковатовъ. 585—586
- II. Академикъ и профессоръ Ѳедоръ Григорьевичъ Соли-
цевъ 24-го февраля 1888 г. Забѣтки Ред. 207—216
- III. Леонидъ Львовичъ Леонидовъ: 1) Воспоминанія его
за полсотню лѣтъ назадъ, 1835—1843 гг. (См. выше
отдѣлъ Записки и Воспоминанія).—2) Къ юбилею его
полувѣковой артистической дѣятельности, 1838—1888 гг.
Очерки П. П. Каратыгина и Ред. 243—272
- IV. Александръ II Освободитель въ статуѣ, изваянной
скульпторомъ И. И. Подозеровымъ 1888 г. Сообщилъ
А. А. Кусковъ. 697—698

Портреты и рисунки.

- I. Портретъ Прасковьи Егоровны Анненковой, гравир.
художникъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 293).
- II. Портретъ Ивана Николаевича Крамскаго, † 24-го
марта 1887 г. Гравиров. на мѣди художн. Ѳ. А.
Мѣрвинъ.
(См. стр. 535).
- III. Портретъ Софьи Марковны Макаровой—писатель-
ницы-педагога. Гравиров. художн. И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 169).
- IV. Портретъ Леонида Львовича Леонидова. Гравировалъ
художникъ В. В. Матъ.
(См. стр. 1).
- V. Рисунки къ соч. Генриха Мозера: 1. Курдская вѣр-
пость.—2. Возвращеніе съ набѣга.—3. Ауль Сависъ-
Атлукъ.—4. Бой барановъ. Всѣ четыре гравюры испол-
нены въ Парижѣ.
(См. стр. 390, 394, 400 и 403).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Василій Ивановичъ Водовозовъ. — Биографическій очеркъ В. И. Семеваго, съ портретомъ В. И. Водовозова. Спб., въ 8 д., стр. 169+X. (На оберткѣ IV-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.)
2. Переводы въ стихахъ и оригинальнѣя стихотворенія В. И. Водовозова. Спб., 1888 г., 512 стр. (Тамъ-же).
3. Среднее образованіе дѣвницъ во Франціи. Историческій очеркъ Окт. Греара, члена института и вице-ректора Парижской академіи. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 120+12. (Тамъ-же).
4. Въ Европѣ. — (Москва — Мюнхенъ — Кельнъ — Альпы — Біаррицъ). Впечатленія и мысли туриста. Гр. Джавшіева. М., 1888 г., въ м. 8 д., стр. XIV+419+IV. (Тамъ-же).
5. Учебникъ педагогикѣ. — Основанія психологій и логики въ связи съ педагогическими примѣненіями. — Для средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Т. В. Докучаевъ. Москва, 1887 г., въ 8 д., стр. X+378. (Тамъ-же).
6. Названія московскихъ улицъ и переулковъ съ историческими объясненіями, составленными А. А. Мартыновымъ. Изд. третье, значительно дополненное. М., 1888 г., въ м. 8 д. (Тамъ-же).
7. Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому, 1762—1779 гг., съ портретомъ и факсимиле. Издакъ гр. Д. А. Толстой. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. XVI+260. (На оберткѣ V-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.)
8. В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до нач. XVIII вѣка. Спб., 1887. XXXV+772. (Тамъ-же).
9. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. IV. 1739—41 гг. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Спб., 1887 г. Стр. 824. (Тамъ-же).
10. Евреи земледѣльцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней, 1807—1887. В. Н. Никитина. Спб., 1887 г., въ 8 д., стр. XIV+694. (Тамъ-же).
11. Волянь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при мин. внутр. дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-мя хромолитографіями и 69-ю гравюрами. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 460. (На оберткѣ VI-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.)

12. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. VII, т. I. Кіевъ, 1886. 85+647 стр. (На оберткѣ VI книги „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.).
13. Статистическій Сборникъ, т. 3-й; Вологодскій Сборникъ, томы IV и V, изд. при Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, подъ редакціей секретаря комитета Н. А. Полуэктова. Вологда, 1883—1885. (Тамъ-же).
14. Святини и древности Холмскаго края. Составилъ М. И. Г. Съ 21-мъ рисункомъ. Изданіе Холмскаго Св.-Богородицкаго братства. Сиб. 1888. 63 стр. (Тамъ-же).
15. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣка. В. И. Семеновскаго. Сиб., въ 8 д. Томъ I. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Стр. LIII+520. Цѣна 3 руб. Томъ II-й. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Николая. Стр. 627. Цѣна 3 р. (См. юнскую книгу „Русск. Старинѣ“ изд. 1888 г., стр. 715—720).

П о п р а в к а.

По недосмотру типографіи 41—44 листы юнской книги „Русск. Стар.“ изд. 1888 г. имѣютъ невѣрную пагинацію: въ нихъ повторяются страницы 575 по 614, уже вошедшія въ листы 38—40. Вслѣдствіе такого повторенія нѣкоторыхъ стран. въ юнской книгѣ, указанная при статьяхъ на оберткѣ ея и въ систем. оглавленіи LVIII т. „Русск. Стар.“, страницы изъ числа повторяющихся (575 по 614) слѣдуетъ искать въ двухъ мѣстахъ юнской книги: или въ листахъ 38—40, или же въ листахъ 41—43.

Catalogue d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,

en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,
A FRANCFORT S. MEIN.

Prière d'adresser les commandes directement à Francfort ou par l'entremise
 d'une librairie.

- 224 ¹⁾ Manstein. Beytrag zur Geschichte Russlands v. J. 1727 bis 1744. A. e. français. Handschrift. Hamb. 1771. 8°. Mit 12 Karten und Plänen. Hfrz. M. 6. —
225. Marscard, H. M., Zimmermann's Verhältnisse mit Catharina II und dem Herrn Weikard. Bremen 1803. gr. 8°. Pbd. M. 3. —
226. Marmontel, Mémoire présenté à l'académie d'agriculture de St. Pétersbourg en 1767. Francf. 1775. 8°. Pbd. Seiten. M. 4. —
227. Marschall a Bleberstein, Fr., Flora Transcaucasica, exh. stirpes phaenogamas in Chersoneso Taurica et regionibus Caucasicis sponte crescentes. 3 voll. Charcov. 1808—1819. gr. 8°. br. M. 10. —
228. Martini, M., Histori von dem Tartarischen Kriege wieder die Sineeser. Mit 1 Karte. Amsterd. 1654. kl. 8°. cart unbeschn. M. 4. —
229. Massa, J. (de Haarlem), Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610), publ. pour la prem. fois d'après le Ms. hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie etc. par le Prince M. Obolensky et le Dr. A. van der Lindo. 2 vols. Brux. 1866. gr. 8°. (20 Fres.). br. M. 8. —
230. Mayerberg, A. de, Iter in Moschoviam Aug. de Mayerberg et H. G. Caluuccii, ab august. rom. imperatore Leopoldo ad Tzarem et magnum ducem Alexium Michalowicz a. 1661 ablegatorum (et Statuta Moschovitica) S. 1. et a. In-fol., veau, dos orné. M. 100. —
- * Tres bel ex. grand de marge, auxarmes de P. D. Huet, eveque d'Avranches.
231. — Voyage en Moscovie d'un ambassadeur, conseiller de la Chambre Impériale, envoyé par l'Empereur Léopold au Czar Alexis Mihalowics, Grand Duc de Moscovie. Leide 1688. kl. 8°. Prgt. Schönes Ex. Frz. M. 16. —
232. (Merkel, G. v.), Geschichte des russischen Reichs. 3 Thle. in 1 Bd. Leipz. 1795. kl. 8°. Hfrz. M. 4. —
233. Memoirs, Secret, of Petersburg, particularly towards the close of the Court of the reign of Catherine II. and the commencement of that of Paul I. Transl. fr. the French. Lond. 1802. gr 8°. Hfrz. M. 6. —

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1887 г., т. LV, сентябрь, т. LVI, октябрь, ноябрь, декабрь; изд. 1888 г., т. LVII, январь, февраль, мартъ; т. LVIII, апрѣль и май объявленія въ концѣ книгъ.

ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНИЯ ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА.

(Спб. Екатерининскій каналъ, соб. домъ № 78).

I. Строительная памятная книжка. Составилъ В. Карловичъ. Изящное изданіе въ переплетѣ. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

II. Малорусскій театръ М. П. Старицкаго. В. А. Кендзерскаго. Спб. Цѣна 50 к.

III. Вѣнчаніе Русскихъ Самодержцевъ. Церковный обрядъ коронованія и подробное описаніе трехъ коронацій нынѣшняго столѣтія. Н. Л. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

IV. И. А. Чанцевъ. Скобелевъ какъ полководецъ. 1880—1881. Историческій очеркъ. Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

V. Очеркъ Николаевскаго уѣзда (Самарской губерніи), въ статистическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Состав. Иванъ Лишинъ. Цѣна 1 р.

VI. Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра—Освободителя. Составилъ А. П. Сафоновъ. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

VII. Сочиненія Николая Ивановича Павлицева:

Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. Исслѣдованіе. Въ 3 частяхъ. Цѣна за 3 тома 6 р. съ пересылкою.
Томы. I, II, III.

Седмицы польскаго мятежа 1861—1864. Историческая монографія. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. съ пересылкою.
Томы. IV и V.

VIII. П. А. Матвѣевъ. Болгарія послѣ Берлинскаго Конгресса. Историческій очеркъ. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

IX. С. Каратаевъ. Библиографія финансовъ, промышленности и торговли со времени Петра Великаго по настоящее время. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

X. Русскіе въ Берлинѣ. П. Я. Бугайскаго. Цѣна 20 к. съ пересылкою.

Для подписчиковъ на историческій журналъ „Русская Старина“ дѣлается на каждое изъ десяти поименованныхъ изданій типографія В. С. Балашева скидка 50% (пятьдесятъ процент.).

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Русская Старина“ — С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, д. 7, каковая контора поименованныя требованія имѣетъ обра- щать въ типографію В. С. Балашева.

Е. С. Шумигорскій: «Очерки изъ Русской Исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1887 г., въ 8 д.

Цѣна для подписчиковъ „Русской Старины“ пятьдесятъ копѣекъ съ пересылкой.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЦИНЗЕРЛИНГА

(С.-Петербургъ, Невскій пр., № 46).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА

В. И. СЕМЕВСКАГО:

**Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой
половинѣ XIX вѣка.**

Томъ I. Крестыанскій вопросъ въ XVIII и первой четверти XIX
вѣка. LIII и 517 стр. Цѣна 3 руб. Томъ II. Крестыанскій вопросъ
въ царствованіе императора Николая. 625 стр. Цѣна 3 руб.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія

того же автора:

1) **Крестыане въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ I.**
Введеніе. Крепостные въ Велікороссіи. Поссессионные крестыане.
Спб., 1881 г. LII и 504 стр. Цѣна 3 руб. (Складъ въ книжномъ
магазинѣ Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 2-я
линія, д. № 13, кв. № 16).

2) **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Біографическій очеркъ, съ пор-
третомъ. Спб. 1888 г. 169 и VIII стр. Цѣна 50 коп. (Складъ у
автора, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 2-я линия, д. № 13,
кв. № 16).

воеводства 1686 года и т. п. По времени акты вышедшаго тома относятся къ XIV—XVII стол. и сопровождаются вступительною статьею о населеніи юго-западной Россіи съ половинъ XIII до половинъ XV вѣка, составленною профес. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (1—85 стр.), по разнымъ матеріаламъ. Собраніе же актовъ для настоящаго тома сдѣлано В. Б. Антоновичемъ. В. И.

Статистическій Сборникъ, т. 3-й; Вологодскій Сборникъ, томы IV и V, изд. при Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, подъ редакціей секретаря комитета Н. А. Полуэктова. Вологда, 1883—1885.

Сборникъ вмѣщаетъ въ себя нѣсколько обстоятельно выполненныхъ статистическихъ работъ, а также извѣстныя изслѣдованія, весьма цѣнныя для истинной исторіи и этнографіи. Эти статьи «Сборника» не только заключаютъ любопытныя свѣдѣнія, но представляютъ тщательную обработку и точную передачу извѣстнаго этнографическаго и историческаго матеріала.

Для составленія нѣкоторыхъ статей, какъ, напр., «Статистическія свѣдѣнія о составѣ волостей Вологодской губерніи» В. Шлягина и «Фабрично-заводская промышленность Вологодской губерніи» А. Юрьева (въ 3-мъ томѣ), послужили статистическіе матеріалы, оофициально доставляемые комитетомъ въ различные центральныя правительственныя учрежденія. Кромѣ вышеупомянутой статьи, истинной промышленности посвященъ трудъ Ф. Арсеньева «Кустарный промыселъ льсотекильскихъ продутовъ» (въ V томѣ). Изъ этнографическихъ матеріаловъ заслуживаетъ вниманіе богатое собраніе пословицъ, загадокъ, бытовыхъ и народныхъ пѣсенъ, заговоровъ, обычаевъ, преданій и пр., записанныхъ въ Вологодскомъ и другихъ уѣздахъ. Въ пятомъ томѣ «Сборника» помѣщенъ «Очеркъ города Вологды по писцовой книгѣ 1627 г.» неутраченного труженника въ области истинной исторіи и этнографіи А. Е. Мерцалова, который рисуетъ топографію тогдашняго города и наглядно знакомитъ съ условіями его бытовой и общественной жизни. Въ другой

статьѣ тотъ же почтенный авторъ дѣлаетъ попытку провѣдѣть постепенныя измѣненія въ землевладѣніи одной крестьянской общины отъ 1628 г. по настоящее время.

Изъ остальныхъ статей «Сборника» наиболѣе тщательно составлены двѣ работы врача Козловскаго: «Селенія Вологодскаго уѣзда въ санитарно-статистическомъ отношеніи» и «Сельскія училища Вологодскаго уѣзда 1882—1883 гг.». Н. В.

Святныя и древности Холмскаго края. Составилъ М. И. Г. Съ 21-мъ рисункомъ. Изд. Холмскаго Св.-Богородицкаго братства. Слб. 1898. 68 стр.

Въ 1887 г. издано П. П. Батюшковымъ сочиненіе «Холмская Русь», представляющее собою историческое изложеніе судьбы русскаго Забужья и сопредѣльныхъ ему русскихъ областей. Это изданіе малоотрицаемо многочисленными, прогрессно исполненными рисунками, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ памятники православія Холмщины и Подляшья, въ концѣ же книги приложено описаніе вѣждаго изъ помѣщаныхъ въ ней рисунковъ, въ видѣ отдѣльныхъ статей, составленныхъ Митр. Из. Городецкимъ, однимъ изъ сотрудинокъ поминутаго изданія, которая представила затѣмъ свой трудъ въ распоряженіе Холмскаго св.-Богородицкаго братства.

Нынѣ, въ видахъ распространенія свѣдѣній о святыхъ и древностяхъ Холмскаго края, Св.-Богородицкое братство и предприняло изданіе означенныхъ статей въ отдѣльной брошюрѣ, съ некоторыми дополненіями, въ видѣ рисунковъ, замѣствованными изъ книги «Холмская Русь». Всѣхъ статей 19, 17 изъ нихъ, касающихся описанія, главнымъ образомъ, церквей Садлецкой и Люблинской губерній, извлечено изъ соч. «Холмская Русь» и лишь двѣ—Лѣвильская женская православная община и Рождество-Вогородицкая церковь въ п. Мазовецкѣ (Домж. губ.)—изъ «Историч. Вѣстн.», гдѣ онѣ были напечатаны разѣе. Написаны статьи языкомъ живымъ и понятнымъ и, разумеется, прочтутся съ интересомъ не только истинныя жители, но и всѣмъ, кому дорога судьба православія и русскоя народности въ юго-западномъ краѣ. Г. А. В.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изягородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье над., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе над., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе над., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (22 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портрет., 9 руб.

Выписывающіе одновременно за пять лѣтъ платятъ по 4 р. 50 к. за кнѣ.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновскій**.

